

Россия в мемуарах

Воспоминания

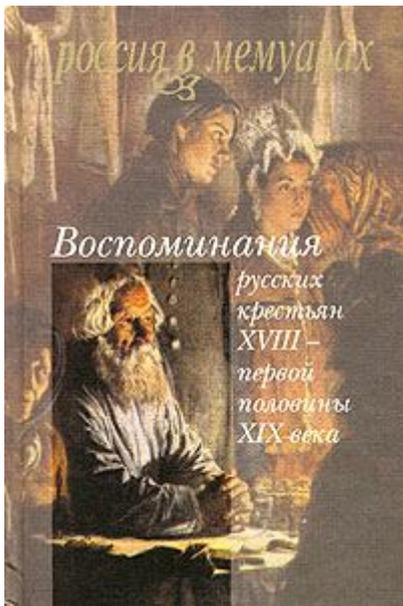

*русских
крестьян
XVIII –
первой
половины
XIX века*

Воспоминания русских крестьян XVIII - первой половины XIX века

Воспоминания русских крестьян XVIII - первой половины XIX века.
М.: Новое литературное обозрение, 2006

Сборник содержит воспоминания крестьян-мемуаристов конца XVIII - первой половины XIX века, позволяющие увидеть русскую жизнь того времени под необычным углом зрения и понять, о чем думали и к чему стремились представители наиболее многочисленного и наименее известного сословия русского общества. Это первая попытка собрать под одной обложкой воспоминания крестьян, причем часть мемуаров вообще печатается впервые, а остальные (за исключением двух) никогда не переиздавались.

Предисловие. Повесть о том, как один мужик..

В конце царствования Петра Великого, ко времени рождения первого из представленных в этой книге «мемуаристов», жило в России около 16 миллионов человек. Более 13 миллионов — почти 90% населения — составляло крестьянство.

Через семьдесят лет, в начале XIX столетия, в канун Наполеоновских войн, в России проживало около 42 миллионов человек. Более 36 миллионов (те же 90%) были крестьяне.

В канун крестьянской реформы 1861 г. население России — 68 миллионов; 49 миллионов (84%) — крестьяне.

К концу XIX в. в России проживало 116 миллионов человек; крестьяне составляли 80% (93 миллиона).

В эти почти два столетия русской жизни крестьянское сословие было самым обширным из всего населения страны. И — самым «молчаливым». Среди той горы мемуаров и дневников, которые сохранились от этих двух столетий, — мемуары выдающихся писателей и прочих «благородных» людей — дворян, почетных граждан. И воспоминания купцов, духовенства, военных. Воспоминания простых чиновников, мелких служащих.

Крестьянские воспоминания, а тем более дневники, единичны, почти уникальны.

Причина этого явления отыскивается как будто сразу же: крестьянское сословие в массе своей в России XVIII—XIX вв. было неграмотным. Впрочем, это обстоятельство не дает удовлетворительного объяснения: мемуары, как любое литературное явление, — это продукт не

массовый, а единичный. В крестьянской же среде, как можно видеть хотя бы из собранных ниже воспоминаний, были достаточно грамотные и образованные люди. Были и люди выдающиеся. Одна из первых публикаций крестьянских воспоминаний в журнале «Русская старина» (1879) сопровождалась указанием редакции на то, что подобные воспоминания — «живое доказательство той несомненной и отрадной истины, что в народной массе отечества не оскудевают источники тех нравственных сил, представителями которых были Посошковы, Ломоносовы, Кулибины, Слепушкины, Кольцовы, Никитины и многие другие»¹.

Так что причина здесь несколько иная и более глубокая. Ее попробовал объяснить Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834): «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют *un badaud*²; никогда не заметите в нём ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день...»

---

¹ Рус. старина. 1879. № 4. С. 373. См. также: Курмачёва М.Д. Крепостная интеллигенция России. Вторая половина XVIII — начало XIX века. М., 1983.

² ротозей (фр.)

Для прикосновения к литературе этого, однако, оказывается недостаточно — как недостаточно и грамоты. И Пушкин ставит характерное но: «Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богом всему человечеству, как язык или зрение.<...> И между грамотеями не все равно обладают возможностью и самую способностью писать книги или журнальные статьи.<...> Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный из всего народонаселения. Очевидно, что аристократия самая мощная, самая опасная — есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда»³.

Человек, начавший писать — даже и собственные воспоминания о прожитой жизни, — уже самым этим фактом ставит себя в особенное сословие людей: людей мыслящих («Он у нас оригинален, ибо мыслит» — так афористически определил это человеческое качество Пушкин). Обретая дар письменного слова, пишущий человек берет на себя смелость выразить собственные мысли в самой отточенной, в самой ответственной форме. Человек, собирающийся писать воспоминания о собственной жизни, непременно должен осмыслить ее важность и историческую ценность⁴. А готов ли к этому русский крестьянин? Может ли он ощутить себя хоть на минуту принадлежащим к какой бы то ни было «аристократии»?

---

³ Пушкин А.С. Поли. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. XI. С. 258, 264.

⁴ См. об этом: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.

Да и о чем он может «вспоминать», проживши большую часть жизни в русской деревне? Что особенно интересного может зафиксировать? Ну, допустим, сведения о погоде или о природных явлениях, происшедших в его округе, о том, когда прошел ледоход на реке в таком-то году, засушливое ли было лето, были ли грибы в лесу. Связанный с природой самым непосредственным образом (от погоды напрямую зависит его полевая работа), крестьянин, кажется, как никто, способен выразить множество ее состояний, описать ее выразительные оттенки. Но кому это интересно? Во всяком случае, крестьянин не представляет себе, что эти сведения могут пригодиться кому бы то ни было... Он уверен, что в большой стране «ученые люди» сумеют разобраться в той же погоде лучше, чем простой труженик. Носитель традиционной культуры, крестьянин может представить гору сведений о местной топонимике, этнографии, быте, нравах. Но опять же: кому интересен быт одной из бесчисленных деревень Руси? Кого могут взволновать ее труженики и бесребреники, пьяницы и негодяи? Крестьянин не надеется на отклик — и помалкивает.

И даже тогда, когда он станет свидетелем, а то и участником события общероссийского и мирового масштаба, он не будет способен вполне оценить и понять это событие. Ну, допустим, война, ну — воевал... Так ведь столько людей воевало, столько погибло! И был он в этой войне не каким-нибудь командующим, а «простым ратником». Что он мог видеть? И то ли увидел, что на самом деле было важным и значительным? И верно ли запомнил? И имеет ли право делать собственные ощущения общим достоянием? Он опять-таки должен осознать важность и особенную

ценность собственной жизни и собственной личности. А сознание это дается далеко не каждому⁵.

Многие сомнения обуревают пишущего человека, часто он попросту не справляется с ними. И молчит — даже будучи грамотным, памятьным и расположенным к писанию. Те мелочи «вседневной жизни», о которых он мог бы поведать миру лучше иных людей, так и остаются незафиксированными, так и уходят и очень редко могут быть восстановлены, что называется, задним числом. Или восстанавливаются в искаженном виде.

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной.
Вот качусь я в санках
По горе крутой...

Это поэтическое «воспоминание» ярославского крестьянина Ивана Сурикова сделалось общеизвестным не только потому, что в свое время попало во все буквари и книги для начального чтения, но и потому, что было в определенном смысле «самодостаточным». Его могли «применить» к собственному детству девять из десяти жителей Руси, считавшие к тому же, что какая-либо дополнительная конкретизация этой «картинке» попросту не нужна: всё в ней и так ясно. И если бы им сказали, что уже через два-три поколения внукам надо будет объяснять, что такое «салазки», «светец», как «плетут лапти», — не поверили бы. Человеку вообще свойственно воспринимать окружающую его обыденность как «извечную» и попросту не

---

⁵ См. об этом: Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века. М., 1991. С. 58-69, 76-85.

обращать на нее внимания. Показательно, что и в стихотворении Сурикова «бытовая» картинка из детства быстро сменяется фантастической картинкой из сказки, которую рассказывает бабка:

И во сне мне снятся

Чудные края.

И Иван-царевич

Это будто я...

Ведь не только ребенок уходил от обыденности — сами «взрослые» крестьяне, как с горечью отметил Некрасов, с большей охотой приобретали книжки об «английском милорде», чем сочинения Белинского и Гоголя... Поэтому крестьянские воспоминания — это не правило, а исключение в крестьянской обыденности. Из многих тысяч опубликованных русских воспоминаний о XVIII — начале XX в. крестьянских лишь несколько десятков.

Когда их просматриваешь, в глаза бросаются две существенные особенности.

Во-первых, подавляющее большинство крестьян-мемуаристов — это выходцы из тех «великорусских» земель, которые некогда составляли северо-восток исторической Руси: Ярославская, Владимирская, Костромская, Вологодская, Архангельская, Нижегородская губернии. Почти не осталось воспоминаний «южных» и «западных» крестьян — даже и из тех мест, что были некогда средоточием Киевской Руси.

Во-вторых, крестьяне, которые писали воспоминания, чаще всего неохотно вспоминали о своем пребывании в «земледельческом сословии». У них мы немного найдем «деревенских» картинок, подобных стихотворным

картинкам детства у Сурикова. Ярославские и нижегородские мужики предпочитают вспоминать о «необыденном». О путешествии в Соловецкий монастырь или в Иерусалим, ко Гробу Господню. О том, как скрывались по разным углам Руси от гонителя-старосты. Об удачной торговле на ярмарках. О «добровольном» плену у чеченцев... Как будто эти крестьяне не пахали землю, не косили сено, не ковали лошадей, не убирали урожай. Нет, они указывают, что эти крестьянские обязанности исполняли, и даже справно, но почему-то пишут обо всем этом неохотно и мимоходом, как о чем-то «не главном» в жизни. Отчего это?

К.И. Чуковский в одной из ранних работ о Некрасове обронил фразу: «Некрасов инстинктивно любил в русском человеке — ярославца. Новгородского мужика он не любил и чуждался»⁶.

Позднее он как будто посчитал эту фразу «скоропалительной» и при переизданиях этой ранней статьи снял. Между тем наблюдение оказывается очень точным.

У петербуржца Некрасова были два «деревенских» убежища: в Чудовской Луке Новгородской губернии и под Ярославлем — в Карабихе. Но вот некрасовское впечатление от поездки на Новгородчину — стихотворение «Пожарище»:

Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.

---

⁶ Чуковский К. Некрасов как художник. Пг., 1922. С. 59.

Ой! надоела ты, глушь новгородская!

Ой! истомила ты, бедность крестьянская!..

«Глушь новгородская» и «бедность крестьянская» выступают как два неразрывных понятия. Отчего это? От болотистых новгородских равнин? Из-за «аракчеевских» военных поселений, разорением и бедою прошедшихся как раз по Новгородчине? Единственное «развлечение» в этой бездорожной глуши — созерцание сгоревшего жилья, рождающее страшноватые образы:

Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ёжатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копошатся...

Совсем другие образы вызывает ярославский пейзаж — как будто поэт переместился в другую страну. А ведь, в сущности, недалеко и уехал: из «глуши новгородской» в глушь ярославскую (поэма «Тишина»):

Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов Стоят озера...

«Очутившись в этой ярославской стихии, — продолжает К. Чуковский о Некрасове, — он чувствовал себя хоть на несколько часов среди своих, в нем просыпалась его ярославская кровь, тогда его стихи

становились благодушно-задорны и веселы, как подобает тому, кто дома, у себя, у своих, и чувствует свою крепкую спаянность со всем окружающим»⁷. Но разве дело только в ярославских корнях Некрасова?

Славянофил Иван Аксаков, который в молодости по служебным делам исколесил всю Россию и повидал разных людей всяких званий и сословий, не будучи ярославцем по рождению, заметил в одном письме из Ярославля, что «ярославский крестьянин — *венец создания в Великороссии по своим дарованиям*»⁸. Значит, дело в самом «ярославском крестьянине». Но что же отличает его от «новгородского»?

Для ответа на этот вопрос придется начать издалека: с «Великороссии» как таковой.

Первыми «великороссами», как известно, стали те славяне, которые начали заселять Волго-Окское междуречье Восточно-Европейской равнины. Позднее историки назовут эту землю «колыбелью государства Московского». Отдельные славянские поселения появляются там еще в IX в. В X—XI вв. возникают первые города: Ростов, Суздаль, Ярославль, Муром и др. В XII в. проходит то явление, которое В.О. Ключевский назвал «колонизацией Суздальского края киевскими славянами». В XIII в. славянское население там уже преобладает, в XIV достигает Заволжья⁹. Новые города, возникающие на Волго-Окском междуречье, уже в именах своих несут следы своего «южного» происхождения: Владимир, Переяславль, Галич, Стародуб, Вышгород — как будто люди, покинувшие прежние места из-за тесноты и бесчисленных внешних набегов — печенеги,

---

⁷ Чуковский К. Некрасов как художник. Пг., 1922. С. 59—60.

⁸ Аксаков И.С. Письма к родным. 1849-1856. М., 1994. С. 112. Курсив наш.

⁹ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории: Лекции XVI и XVII // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. I. С. 275-317.

затем половцы, — унесли с собою их старые, привычные названия. К востоку, в то же Волго-Окское междуречье переместился и старый Новгород: появился Нижний Новгород, ставший со временем «окном» на Урал.

Переселившись на северо-восток, люди сталкиваются с необходимостью коренным образом изменить тип хозяйствования. «Соседи» их — из финноугорских племен (меря, водь, весь и т.п.) — совсем не похожи ни на печенегов, ни на половцев и не очень мешают переселенцам: они живут еще первобытными селениями, занимаются прежде всего охотой и рыболовством. Славяне заполняют пустующую нишу и привносят земледелие.

На юге, где они жили прежде, было тепло: юг славянского мира (на широте Киева и южнее) — это почти субтропики. Земля там плодородна; для того чтобы прокормиться, ее нужно сравнительно немного. Поэтому люди селились тесно, вплотную друг к другу: тем более что вместе было безопаснее. Они не стремились на возвышенности — напротив, выбирали места, где пониже (чтобы спастись от ветров) и поближе к воде. Эти селения сразу же обрастали садами: плодовые деревья приносили обильную и вкусную пищу...

Славянский север был занят вековыми лесами; почвы были скверные. Для ведения хозяйства требовалось много земли, которую надобно «отвоевать» у леса — путем «подсечно-огневого земледелия», удобного, но расточительного способа хозяйствования на земле. Большое значение приобретало скотоводство: для ведения того же земледелия требовалось постоянно удобрять почвы навозом. Вместо более выгодного на юге вола привилась рабочая лошадь. А селения, напротив, стали небольшими и отдаленными одно от другого. И садов — немного: зачем их разводить,

тратя невероятные силы, если можно собирать в лесу малину, землянику, чернику, орехи-лещину?

На юге живут в хатах: стены делают из плетеного лозняка, обмазанного сверху глиной. Строить такую хату легко, особенно если и пол в ней — земляной. Использовать в строительстве камень — не очень выгодно: затрат много, а долго ли проживешь в дорогом доме: опасность внешних набегов на юге постоянна. На севере надобно теплое жилье. Материалом для него служил тот же лес, отборный и мастерски срубленный. В избе обязательна большая печь и солидный запас дров на зиму — иначе не проживешь...

На севере, да еще и при скверных почвах, земледельцу прожить вообще труднее. Нужно приучиться вести сложное и многовариантное хозяйство. Сеять разные породы семян и постоянно помнить, на каком из неурожайных, бедных полей какие именно семена сеять (а какие поля и вовсе не засеивать, оставляя под паром). Пастить разные породы домашнего скота (а пастить их надобно в разных местах!) и заготавливать сено на зиму. Собирать ягоды, грибы, выращивать огородные овощи, ловить рыбу, охотиться. И к тому же успеть всё это сделать за короткое северное лето.

То есть нужно быть предельно инициативным: постоянно думать, рассчитывать, брать на себя ответственность. Необходимо быть самостоятельным, уметь помогать самому себе в случае природного бедствия: нападения диких зверей, наводнения, болезни. А когда нужно — уметь объединиться с соседями: тем более что селения расположены далеко друг от друга...

Эта изначальная самостоятельность русского мужика, осваивавшего северные леса, формировала очень симпатичные черты характера: предприимчивость, собранность, волю. И — особенный нрав.

Северный мужик-хозяин может много получить от своего многосложного, умело налаженного хозяйства. Но, сколько бы он ни получал, от этого хозяйства он совсем немного может «отдать». Ему нужен крепкий, теплый дом. Теплая одежда — те самые меха, которые на юге и в Европе считаются роскошью. Калорийная еда: если на Юге масло и мясо оказывались признаками роскоши, то здесь — повседневной пищей: без нее просто нельзя работать. Но на севере нужно подкармливать даже домашний скот — даже лошадь надо кормить овсом вместо того, чтобы съесть этот овес самому. Приходится расчищать лес под пашню — нужен железный топор (а железо в средние века дорого!). И железный сошник, чтобы распахать эту пашню. Слишком многое необходимо северному крестьянину для ведения хозяйства — и очень немного можно у него отнять без риска погубить само это хозяйство и самого земледельца. Поэтому волей-неволей северянин, борющийся с природой, оказывался самостоятельнее и свободолюбивее южанина. На юге, где работнику не требовалось ни большого дома, ни теплой мог взять с земли гораздо больше, чем ему необходимо потребить, — всегда оказывалось много тех, кто сидит у мужика на шее. На юге, как заметили еще норманны, «легче гнутся спины».

А на северо-востоке Руси — в сердце будущей «Московии» — формировался тип предприимчивого, свободолюбивого и активного человека, привыкшего самостоятельно определяться в жизни. И «согнуть» их было непросто. А сделав рабами — трудно было разбогатеть их трудом.

Так возникал природный тип русского «ярославца» — человека из северо-восточной окраины начальной Великороссии. Потом, позднее в формирование этого типа вступили общественные отношения средневековой Руси.

«Новгородец» формировался — в примерно сходных климатических условиях — на четыре-пять столетий раньше и оказался в гораздо большей степени связан с укладом Киевской Руси, чем «ярославец». Новгород, стоявшей на северо-западных рубежах славянского расселения, рано определился как «западный», «ганзейский» город, как «окно в Европу», прорубленное задолго до Петра Великого. Именно эти «европейские» ориентиры и погубили вольный Новгород ещё в XV столетии, когда он вынужден был «уступить» Москве и вошел в состав Московского государства. Через столетие по Новгороду жестоко ударил известный опричный разгром Ивана Грозного (1569—1570) — и ни город, ни новгородский мужик уже не смогли ни «подняться», ни хоть как-то приспособиться к московским самодержавным порядкам. Великий город постепенно превратился в «глушь». Природа новгородского края была давно и жестоко разорена тем же «подсечно-огневым» земледелием, почвы, и без того скудные, заболотились и стали непригодны для успешного хозяйствования.

Ярославский же край в своем дальнейшем развитии оказался средоточием сил Московской Руси. Уже при Дмитрии Донском он перестал осознаваться как «окраина» — государство всё дальше продвигалось на Восток. Во время русской Смуты начала XVII в. именно эти земли стали местом концентрации народного ополчения, освободившего Москву (а новгородские земли, как мы помним, вообще отошли к Швеции). Словом, он сделался «надеждой и опорой» земли Русской — и одновременно ярким «крепостным» краем: ярославские земли всё чаще отдавались «в вотчину» служилым дворянам, новым помещикам... Но Ярославская земля всё же не стала ни обиталищем нищеты, с

крепостничеством сопряженной, ни колыбелью «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». Ярославский мужик выбрал иную дорогу. В заволжском крае, — например, оказалось много раскольников-старообрядцев — в то самое время, когда на раскольников обрушились правительственные гонения. Иван Аксаков, государственный чиновник, командированный в Ярославский край как раз по «раскольническим» делам, свидетельствовал в одном из писем из «раскольничьего» села:

«Здесь нет ни одного православного, хотя всё село по спискам полиции значится православным, и все жители на допросах показывают себя принадлежащими к великороссийской церкви. Но по исследованию оказывается, что ни одна душа никогда не была у Святого причастия <...> Но когда приезжает какой-либо чиновник, то десятский обходит жителей и говорит, чтоб шли в церковь. При нас церковь всегда полна, и вы не поверите, какое грустное впечатление производит вид этой толпы, лицемерно присутствующей и не умеющей молиться...»¹⁰

«Лицемерие» ярославского мужика, показное «смирение» перед государственной «нечистью» — это очень действенный способ достижения независимости. Мужик исполнил «внешнее» требование: в церковь пришел, «сказался» православным. А что у него там, внутри, — не проведаешь. Времена протопопа Аввакума прошли, и та форма противостояния официальному насилию, которую избрали ярославские мужики, оказывалась единственно серьезной и действительно непримиримой.

Другой способ борьбы за искомую независимость — достижение «богачества»; как писал Пушкин:

---

¹⁰ Аксаков И.С. Указ. соч. С. 171-172.

Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.

К ярославскому мужику богатство приходило как оборотная сторона бедности. Некогда поселившийся «на краю» Русской земли, он скоро оказался чуть ли не в ее центре. «Не знаю, что в Пошехони, в Данилове, в Любиме, — пишет тот же Иван Аксаков, — но все прочие города Ярославской губернии — на большой дороге. Глуши нет. Да и в старину, до открытия сношений с Петербургом, здесь пролегал торговый путь из Архангельска в Москву, и были иностранные конторы в самом Ярославле»¹¹.

Вся окрестная земля изрезана дорогами и дороженьками. Народу народилось много, а пахотные угодья уже к XVIII столетию истощились настолько, что не могли прокормить живших землею тружеников. Один из «вспоминающих» крестьян (С.Д. Пурлевский) свидетельствует, что в ярославской округе пахотной земли к тому времени приходилось «меньше, чем десятина на душу — только и есть, что скот попасти, а посевы хлебные и не затевай». Чтобы выжить, мужику поневоле приходилось «крутиться». Тот же мемуарист приводит рассуждения своего деда, старосты вотчины: «Если мы Всевышним Промыслом обречены быть крепостными, то не совсем лишены средств устроить свой быт: хотя земли нашей пахотной и недостаточно к прокормлению, мы свободны в выборе заниматься как кому сподручнее, а место нашего жительства (центр России. — В.К.) сугубо заменяет недостаток земли, потому что *дает средства торговать и иначе*

---

¹¹ Там же. С. 20.

*промышлять, как кому вздумается*¹². Не один дед рассуждал подобным образом: в Ярославской губернии, как свидетельствует статистика, было наибольшее по России число крестьян, занявшихся «отхожими» промыслами.

Подчеркнем: стремление «заниматься как кому сподручнее», отправляясь «с домашнего корма в извоз» (Некрасов), возникало из той же тяги к независимости. Мужик, не обремененный пахотной землей и соответственно летней работой, выправлял у помещика «пашпорт» и уходил из дома, становясь возчиком, плотником, каменщиком, копачом, разносчиком, коробейником — мало ли занятий на свете!¹³ Везло в этих занятиях далеко не всем: многие умерли, «не доживши веку» (как некрасовский Прокл из поэмы «Мороз, Красный нос»). Но иные, самые предприимчивые, вышли «в люди»: именно от ярославских крестьян (часто старообрядцев) пошли славные купеческие фамилии Рябушинских, Морозовых, Бурлыных, Кокоревых, Елисеевых, Титовых, Щукиных. Не все, конечно, стали Рябушинскими (гораздо чаще встречались «пронзительные мужики», самодуры вроде типов Островского), — но все-таки...

Купеческое ремесло также требовало решительности и целеустремленности. «Нельзя не удивиться постоянству и настойчивости купца, — свидетельствует тот же Ив. Аксаков. — Для того, чтобы провезти хлеб от Саратова в Петербург вверх по Волге, хлопот — страшно сказать сколько. Возня с казною, с лоцманами, с бурлаками, с коноводами, с перегрузкой, с крючниками... <...> Пословица говорит: купец торгует и век

---

¹² Рус. вестник. 1877. № 7. С. 325, 332.

¹³ См.: Смирнов Я. Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. Ярославль, 2002.

горюет; крестьянин пашет да песенки поет. — Зато купцы до такой степени свыкаются с своим занятием, что торговля ему делается необходима иногда даже вовсе не ради барыша. Эта постоянная лотерея, это состояние между страхом и надеждою, этот "рыск", как они говорят, становится для него второю природой».

Эти самые ярославские купцы — те же крестьяне; многие из них — даже и крепостные. «Например, Ростов: почти все богачи в нем — приписные из крестьян; зато, проживая в Ростове, они ведут торговлю с Хивой, Персией, Китаем, Сибирью и торгуют постоянно вне Ростова, где нет торговли и где без ярмарки пребывающие на одном месте жители были бы совершенно бедны. Кто завел огороды в ростовском уезде, когда ни почва, ни климат не благоприятствуют ему более, чем в Угличе или в других местах? — Крестьянин»¹⁴.

Крестьянин, становясь купцом (и вообще «отходником») поневоле должен был по-иному осознать окружающий мир. Процент грамотных крестьян в Ярославской губернии в середине XIX в. был самым большим по России. Образование это, правда было вполне «доморощенное» и не предполагало особой устремленности к высотам мировой культуры, но даже и оно позволило ярославскому мужику хоть как-то выразить себя в *слове*.

Большинство крестьянских воспоминаний XVIII—XIX вв. — это повествования о том, как их автор, начавший жизнь крестьянином, в конце перестал быть таковым, как он «из бедности и ничтожества возвысился до богатства и почетного общественного положения». Таковые встречались — чаще между теми же «ярославцами». Так, Александр Петрович Березин

---

¹⁴ Аксаков И.С. Указ. соч. С. 39, 154.

(1723—1799), сын бедного крестьянина из села Еремейцева Рыбинского уезда Ярославской губернии, стал купцом 1-й гильдии, поставщиком двора ее императорского величества, затем, к шестидесяти годам, был выбран петербургским городским головою. Сохранились не воспоминания его, а биография, писанная (частью — от лица самого купца) безграмотным и наивным литературным подмастерьем, претендующим на красноречие и «красивости» в духе модного сентиментализма¹⁵.

Биография начинается перечислением тех невзгод, которые «герой» пережил в детстве. Восьми лет «отдан был в пастухи», работал «за пятьдесят копеек целое лето»; трудясь к тому же во время сенокоса («до пробуждения товарищей косил траву с столь великим усердием, что чрез то приобрел уважение»). И тут, как водится, явилось ему знамение: «Осень в прохладных и мокрых днях от проливных дождей и бурь часто загоняла меня искать убежища в густоте кустарников. В один день, испытав всю жестокость непогоды, едва имея силы укрыться под куст, отчаяся, лишася надежды на образ жизни моя, воскликнул: "На что меня мать родила!" Сии слова были последние в унылых и тягостных моих рыданиях. Как вдруг нечто сверхъестественное проникло меня и поразило слух мой; внимание мое отверзлось, и все чувства мои были осенены благодатию; глас свыше разлился в душе моей; я оный слышал в сих влогах: "Господь тебя на труды поставил, не тужи, молись Господу, и ты будешь богат!" Неведомая радость и утешение озарили сердечное мое движение...»

---

¹⁵ См.: Сокращенная жизнь покойного Санкт-Петербургского купца первой гильдии Александра Петровича Березина, писанная по его воле незадолго до кончины сего Богом благословенного мужа и наконец согласно образу его жизни и деяний вновь сочиненная Н.Н., в память потомства его, по соизволению любезнейшей его дочери и зятя с.-Петербургского второй гильдии купца Петра Яковлевича и супруги его Пелагеи Александровны Туфановых, урожденной Березиной, в 1807 году, января _ дня // Рус. архив. 1879. № 2. С. 226-235. Далее цитируется по этому тексту.

Знамение — дело серьезное. Будущий купец 1-й гильдии внял голосу свыше и «пустился в неизвестный путь» в далекий Питер. Ведя «жизнь трудовую и неусыпную», занимаясь «благоденствиями» и почитая Господа, он вдруг разбогател. Каким именно образом разбогател — биография сообщает туманно и иносказательно, но «твердое упование на всемогущество Божие» сделало свое дело: герой стал тем, кем он стал. «Житийная» схема, положенная в основу этой биографии, показательна и для ранних воспоминаний крестьян, волею судеб ставших купцами либо даже дворянами и владельцами собственных поместий, как псковский грамотный мужик Леонтий Травин, чьи «Записки» открывают настоящий сборник.

В ряде воспоминаний на эту схему накладываются романтическая экзотика и почти приключенческая «авантюренность». Вот, к примеру, маленькая «автобиография» крестьянина деревни Юшково Емецкой волости Холмогорского уезда Архангельской губернии Ивана Петровича Спехина: о событиях необычайных и необыденных крестьянин повествует просто, скупо и буднично.

«Родился я марта 30 дня 1785 года. На четвертом году моей жизни мать моя умерла. На седьмом году я уже умел читать и писать так хорошо, что мог читать на клиросе в церкви часы. От отца я остался на девятом году, по своему желанию поступил в мальчики к купцу в Верховажском посаде Алексею Лукьяновичу Лазареву. Через два года, переселившись в Архангельск, я поступил в услужение к советнику губернского правления Ивану Петровичу Владимирову, у которого жил три года. Затем некоторое время жил дома, в деревне. А в 1804 году нанялся в матросы к Власу Ермолину с тем, чтобы отправиться в Лондон на корабле, нагруженном пшеницей, куда пришли благополучно и товар сдали».

Обратим внимание на стиль этих подлинных крестьянских записей. Стиль почти пушкинский: архангельский мужик нутром чувствует, что «первые достоинства слога» суть «точность и краткость». Вдумаемся, что стоит за скупыми сообщениями: на четвертом году жизни остался без матери, а на девятом — без отца и вынужден был «поступить в мальчишки» в чужую деревню. И неизвестно как, на седьмом году обучился грамоте. Если просто сопоставить факты детства этого мужика с приведенными выше деталями детских лет «купца первой гильдии», то должны будем согласиться, что этому потруднее пришлось... Но — никаких жалоб: сухой деловой стиль.

То, что произошло с Иваном Спехиным дальше, — вообще происшествие чрезвычайное, на тринадцать следующих лет оторвавшее молодого человека от родины. Но повествуется об этом событии так же просто и буднично:

«Перезимовав там (в Лондоне. — В.К.), весной собрались с одним балластом в обратный путь в Россию. Но только перед самым отходом я выехал со штурманом в город для разных покупок; штурман пошел в город, а я остался караулить шлюпку. С двух до пяти часов он где-то ходил, наконец пришел пьяный до зела и отпустил меня ненадолго походить. Возвратившись через полтора часа, я не нашел ни его, ни шлюпки: он уплыл без меня.

Таким образом, на закате солнца, за восемь верст от корабля, я остался один в незнакомом городе, не умея говорить; денег от разных покупок нисколько не остаюсь. Пришел к жида и у него приютился на ночь. На другой день в 10 часов он повел меня в Ост-Индскую контору и там отдал в матросы, получив за меня пять фунтов (то есть 100 р. по тогдашнему курсу). Отсюда же меня отослали на корабль, отправлявшийся в Индию, не

спросив ни паспорта, ни моего согласия на отправку. Жид из полученных денег ничего не дал мне, только привез после койку и одеяло.

На корабле дали мне имя Джон Петерсон. Вскоре наш корабль вместе с другими кораблями, в количестве 64 (в том числе были два брига и один военный корабль), отплыл. Таким образом шли мы до Мыса Доброй Надежды 8 месяцев, нигде не сходя с корабля на землю, только видели два острова: Мадеру и Тенериф. Мыс Доброй Надежды — гора высокая, как ровный стол, в половине ее проходят облака. Город тогда принадлежал Голландии. Пришел англичанин, высадил 3000 солдат и взял город приступом. Через три или меньше недели с фрегата был подан пушечный сигнал в отвал всем кораблям в Ост-Индию. Я же и несколько других матросов, которым также наскучила морская хода, остались в городе, не жалея 800 рублей жалованья за 8 месяцев, которое оставляли на корабле.

Потом я поступил к англичанам же в солдаты и два года жил денщиком у одного майора. Затем наш батальон был отправлен в Вест-Индию, на остров Барбадос, потом в Антигу и Сан-Люис. Тут я прожил шесть лет. Из 1000 человек нашего батальона осталось только 200. Почему из Англии были присланы свежие солдаты, и батальон был снова сформирован и отправлен в колонию Суринам. Здесь я был сделан капралом, вскоре унтер-офицером и определен был над госпиталем штуром. В это время я знал уже арифметику и умел читать и писать по-английски. Здесь я дослужил срок службы, 14 лет (собственно, я служил восемь лет, но каждые два года считались за три). Это было в 1815 году, и я вышел в отставку. Так как я служил хорошо и исправно и жил воздержанно, то англичане просили меня снова поступить к ним в службу, но я пожелал возвратиться в свое отечество. Поэтому меня вместе с другими солдатами, тоже выслужившими срок службы, привезли в Англию, а оттуда отправили

через канал в город Остенде; тут мне дали 500 франков. Из этого города я поехал в Брюссель, где явился к русскому посланнику. Он дал мне паспорт на проезд через французские города в крепость и город Мобеж. Здесь в канцелярии мне приказано было жить до отправки в Россию раненых и больных. Таким образом, в 1817 году, вместе с инвалидами, я прибыл на корабле в Петербург, потом в Архангельск. Здесь я был судим за самовольную отлучку, потому что корабельщик и штурман, по возвращении в Россию, показали, что я самовольно ушел с корабля, за что, по решению суда, я был наказан 10-ю ударами плетьюми и за молодостью оставлен на родине»¹⁶.

Последняя деталь этого внешне будничного повествования особенно показательна для России. Человек на тринадцать лет по вине пьяницы-штурмана оказался обречен на судьбу «ост-индского» матроса; попал в долгую солдатскую службу и на юге, и на севере Африки, и на островах Атлантического океана; приспособился к чужим нравам, освоился, сделался значим и уважаем — и захотел на родину. Добрался наконец до родины и без особенной злобы воспринял то, что родина для него уготовила: наказание плетьюми и последующую ссылку в деревню по ложному показанию самих виновников его тринадцатилетних страданий... Очень все это по- русски, если угодно.

«Странное это чувство — любовь к родине! — замечает по сходному поводу автор других крестьянских воспоминаний. — Я уверен, что трудно найти место более угрюмое, дикое и негостеприимное, как деревня, где я родился. Представьте себе несколько гор, безобразно расположенных. Между этими горами овраги, болота, трясины, и всё это окружено лесом.

---

¹⁶ Спехин И.П. Автобиография одного из неведомых распространителей грамотности в народе // Современная летопись. 1867. № 32. С. 4-5.

Речка Удава, текущая с юга на север, похожая более на ручей, имела топи, в которые если попадали лошадь или другое животное, тут и погибали бесследно. <...> Но несмотря на всё это, когда мне объявили, что завтра меня отправят в город С., меня это известие поразило как громом»¹⁷.

Действительно, странное чувство. Архангельский мужик Иван Спехин, не пожелавший оставаться британским гражданином Джоном Петерсоном, доживал жизнь в родной деревне в качестве крестьянского интеллигента:

«С 1825 года я принялся обучать за небольшую плату крестьянских мальчиков и девочек чтению и письму: чтению по часослову и псалтири, а письму по собственному начертанию и прописям. Мальчики приходили в восемь часов утра, в полдень два часа отдыхали, потом до пяти часов снова учились; тем же из них, которые жили далеко от моего дома, за ненастьем и морозами, я давал ночлег и похлёбку бесплатно. Обходился с учениками всегда кротко. Таким образом с 1825 года и до сего времени (1857 г. — В.К.) я обучил 250 мальчиков и девочек. Многие из них поступили в приказчики. Живу в своем доме. Женат был на двух женах, с ними я прижил семерых детей, из которых остались живых трое, все грамотны»¹⁸.

Многократно воспетый «архангельский мужик» Михайло Ломоносов, пришедший к высотам науки из тех самых мест, что и Иван Спехин, право же, не более «разумен и велик», чем «неизвестный распространитель грамотности». Ломоносов просто дальше пробился — ему повезло. Спехину повезло меньше. Но нравственный потенциал оттого не уменьшился, и этот жизненный сюжет запросто разворачивается в увлекательный роман, особенно если вчитываться в каждое слово.

---

¹⁷ А. Щ. Незатейливые воспоминания//Атеней. 1858. № 10. С. 500.

¹⁸ Современная летопись. 1867. № 32. С. 5.

Столь же сухо и сдержанно (хотя и не так лапидарно) рассказывает историю своей бурной жизни нижегородский крепостной крестьянин Николай Шипов в приведенных в этой книге воспоминаниях. И его тоже где только не носила судьбина! Из киргиз-кайсацких степей — в Румынию, и на Кавказ, и в Курск. И как просто повествуется о том, например, как, вынужденный бежать от преследований, он преодолевает — пешком, вместе с беременной женой! — тысячеверстное пространство. Для мужика это дело привычное: надобно прийти пешком из Кишинева в Одессу сына навестить — и пришел, о чем говорить?..

Перед нами две основные разновидности крестьянских воспоминаний. Это или повествование о том, как бедный и бесправный труженик своим трудом и талантами достиг немалых высот; или авантурный рассказ о пережитых житейских приключениях, которые хотя и не привели к коренной перемене жизни и судьбы, но оказались интересны сами по себе. Персонажи и авторы этих мемуаров — люди, «выбившиеся» из уготованной им «сословной» колеи. Это те, кто занялись торговлей и вышли в купцы, или стали конторщиками, или крестьянские интеллигенты — учителя. В любом случае они оказались затронуты влиянием городской культуры.

Есть еще и третья разновидность. Крестьянин попросту стеснялся писать сам о себе, но начинал с особенным вниманием относиться к окружающему его локусу — тому малому уголку большой родины, в коем ему назначено жить. В его действиях и писаниях обнаруживается и особенная заботливость об этом месте, желание его улучшить и совершенствовать, и особенный интерес к истории этого места. Как показатель последнего интереса возникает нечто, очень похожее на старые летописи, — только это не летописи всей Руси, а зафиксированные известия

о бытии своего уголка. Мужу-«летописцу» неважно, вырастет ли этот уголок в большой промышленный город или останется на карте затерянным поморским селом на берегах Двины. Важно, что это его уголок. Здесь проявляется то же странное чувство любви к родине, которое подчас движет многими порывами русского человека. Знакомство с летописью как жанром древнерусской литературы выказывает чаще старообрядца.

В конце XIX в. в журнале «Русский архив» была опубликована семейная «памятная книга» крепостных крестьян владимирского села Иванова Полушиных, ставших позднее купцами и владельцами ситцевых мануфактур¹⁹. На этих ситцевых мануфактурах и вырос со временем большой промышленный город Иваново, ставший центром обширного края.

Начальная дата в «памятной книге» Полушиных — год основания первой большой ткацкой фабрики в селе Иванове: «1751 год. Первая фабрика в селе Иванове завелась у Григория Бугримова, и ткали станов на сто». И далее — серия сведений, обычных для деревенской Руси: «1766 год. Была рожь ценою 2 рубля 60 коп. четверть»; «1768 год. По указу их сиятельств брали с девок оброк пряжей»; «1774 год. Ноябрь 21. Нашли убитых у кабака: Ивана Лоскутова и Михаила Нефедова, а кем убиты, неизвестно»; «1775 год. Августа 21. Выгорело село Иваново от Якова Сорычева. Сгорело домов с 400...»; «1812 год. Апрель и май. Было солдатство с 250 (один рекрут от 250 жителей. — В.К.), в которое, в первый раз в моей жизни, отданы очередные: Федосей Шаров и прочие». И так далее. Сведения не бог весть какой важности: цены на пшеницу, пожары, новые постройки... А за ними встает история того, как крепостные графа Шереметева зачинали важную отрасль российской промышленности.

---

¹⁹ Из истории русской промышленности // Рус. архив. 1898. № 6. С. 177—205. Цитируется по этому тексту.

Вроде бы не о себе сообщают крестьяне, а потом купцы и потомственные почетные граждане Полушины, а получается, что о себе. Форма летописи нисколько не противоречит мемуарной установке.

Еще одна «летопись» дошла до нас с Русского Севера. Это тетрадь Николая Ивановича Заборского (1887—1953). Вся его жизнь прошла в селе Зачачье, относившемся к Холмогорскому уезду Архангельской губернии, а потом — к Емецкому району. Река Чача здесь впадает в Емцу, левый приток Северной Двины, перед селом простор заливных лугов, в селе — деревянная Никольская церковь XVII в., видная издалека и организующая всё пространство. Жизнь нескольких поколений «летописцев» этого села выдалась не из легких и совсем, казалось бы, не располагала к упражнениям в словесности или краеведческим разысканиям. И тем не менее... Вот отрывок из книги Г. Гунна «Две реки — два рассказа» (относящийся к его путешествию 1951 г.): «Мы и сами заметили, едва войдя, что дом этот не из благополучных, что живут здесь больные люди, которым не до случайных гостей. Наверное, мы бы ушли, если бы не хозяин, Николай Иванович, сухонький старичок с иконописной бородкой и ясными глазами. Старик неожиданно предложил нам показать свою библиотеку. Здесь на стеллажах, заставленных в два ряда, в стопках и ящиках находилось огромное скопление книг... И по тому, как любовно были расставлены и уложены книги, как каждой из них независимо от ценности было найдено место, ясно было, что деревенский собиратель относится к любой книге, творению ума и рук человеческих, благоговейно, как к святыне»²⁰. Потом хозяин прочел свои стихи: в деревенском книжнике были несомненные творческие задатки.

---

²⁰ Гунн Г. Две реки — два рассказа. М., 1976. С. 71.

Наконец, перешел к истории, и здесь он оказался удивительным знатоком-краеведом.

Несколько поколений крестьян Заборских составляли книгу, которая носит название: «Тетрадь для внесения заметок об настоящих и прошлых событиях». Это рукописная тетрадь, значительную часть которой составляет «летопись» родного села: лаконичная погодная хроника больших и малых происшествий, начатая 1801 годом и продолженная до 1946-го. В составлении ее приняли участие разные поколения деревенских грамотеев. Не исключено, что «летопись» начиналась с более ранних времен — только записи о них не сохранились. Кратко сообщается о погоде в таком-то году, о времени, когда Емца вскрылась ото льда, об урожае хлеба и льна и проч. И тут же говорится о знаменательных событиях в жизни России: война с Наполеоном, освобождение крестьян, революции... Повествователь сопричастен всему происходившему, он — неотделимая частица миробытной и в то же время отечественной истории.

Записывая, что запомнилось, крестьяне ставили перед собой ту же цель, что и пушкинский Пимен:

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.

В большинстве своем воспоминания крестьян были при первой публикации так или иначе обработаны профессиональными редакторами. Некоторые из этих редакторов (Н.В. Щербань или В.Н. Волоцкой) — квалифицированные литераторы и создатели интересных произведений. Но

редакторы не могли гарантировать, что в мужицких воспоминаниях изложена правда.

Абсолютной «правды», впрочем, трудно ожидать от любых мемуаров: человеку свойственно несколько приукрашивать свою жизнь и свою личность. Не явился исключением и крестьянин. Тем более что наиболее «лукавые» из них весьма простодушно использовали заведомую неправду.

Жил в XIX столетии крестьянин деревни Угодичи Ярославской губернии Александр Яковлевич Артынов (1813—1896). В 1882 г. ростовский краевед и меценат А.А. Титов опубликовал его воспоминания. Издатель в предисловии отмечал особенные заслуги угодичского крестьянина в изучении «маленького уголка Русской земли» — родного села, расположенного в пяти верстах от Ростова Великого. «Вручая нам свою рукопись, А.Я. Артынов не имел и помышления, что она будет когда-либо напечатана <...> "Боюсь, — говорил он, — что скажут про это? Вот, дескать, мужик захотел писать свои воспоминания!.. И то мне в жизни не мало досталось за бумагомаранье. Надо мной издевались, считали мои писания большим грехом или пустяками..."».

Как показало дальнейшее, «издевались» совсем не напрасно. Еще с юности Артынов отличался неумеренной, буйной фантазией. «Отыскал», к примеру, своего прямого «фамильного» предка аж в XI в. Был это, по его разумению, не кто иной, как Торопка Голован, слуга князя Бориса, сына Владимира Крестителя, убиенного близ Переславля Южного, на речке Альта (и ставшего первым русским святым!). Этот самый Торопка, сочиняет далее Артынов, уцелев в побоище, поехал сообщать о скорбном событии за две тысячи верст в Ростов и принял в честь оной реки прозвище Альтин. А лет через 500, когда Иван Васильевич Грозный посещал село Угодичи, потомок

этого самого Альтина, по имени Сидорка, подносил царю стопу мальвазии; и так царю эта мальвазия понравилась, что повелел он именовать тот конец деревни, где Сидорка жил, «Сидоркин конец». А еще через 50 лет потомок этого Сидорки поймал на реке Яике атамана-изменника И.М. Заруцкого, и от отчества атамана образовал свою новую фамилию: Мартынов. Потом начальное м куда-то ушло: остались Артыновы...

Не нужно быть специалистом по ономастике, чтобы увидеть в этих рассуждениях массу наивностей и несоответствий. Такого рода «исторических сказаний» в народе существует великое множество — особенно на темы топонимики. Ехала Екатерина Вторая, увидела: на земле валяется череп овцы; повелела: это место будет называться Череповец. Увидела какую-то деревню и воскликнула: «То тьма!» — так появилось название Тотьма... «Старожилам», которые охотно рассказывают эти байки, и невдомек, например, что город Тотьма (а соответственно и его название) возник за 600 лет до царствования Екатерины Второй. Но любой вздор кажется весомее, если «освящен» высоким, всем известным именем.

Артынов даже пробовал по-своему «конструировать» историю. Например, наслушавшись деревенских рассказов, он решил, что неудачливый «усмиритель» пугачевского восстания генерал В.А. Кар был убит своими крестьянами и похоронен в селе Угодичи. Вступив в марте 1851 г. на пост церковного старосты угодичского храма Богоявления, Артынов возглавил работы по его реконструкции и «заодно» восстановил могилу генерала, поставив в церкви каменную плиту с соответствующей надписью (хотя, как выяснилось, генерал Кар умер в другое время и в другом месте). А в воспоминаниях изобразил вымышленное им «событие» в духе излюбленного в фольклоре крепостной деревни сюжета — расправы взбунтовавшихся крестьян с помещиком-тираном. Историк Р.В. Овчинников

подробно рассказывает, с какими трудностями он столкнулся, «распутывая» этот сюжет²¹.

Но даже явные наивности и несообразности в составе этих крестьянских «писаний» остаются по-своему привлекательными.

Почти одновременно с Артыновым в другом углу срединной северной России — в деревне Петров Починок на реке Обноре возле города Грязовца Вологодской губернии — родился и жил другой крестьянский интеллигент: Григорий Парменович Историков (1826—1894). В своих записках он сообщает: «Родился я 17 января 1826 г., через год умер у меня отец, и я остался со вдовою матерью и сестрой, не имея земли; на пятом году я начал помогать матери в домашних делах, и прежде всего я научился прясть лен; на десятом году стал учиться грамоте самоучкой и в то же время начал плести лапти и научился переплетать книги. Это переплетное рукоделие много помогло мне в дальнейшей жизни. Книжек для чтения у меня не было и купить их было не на что. С десяти лет я помогал матери во всех крестьянских работах, в это время мать имела уже землю. Пятнадцати лет меня отправили в Питер»²².

Деревня, в которой жил Историков, принадлежала графине В.Н. Замыцкой. Графиня жила в Петербурге на пенсию от покойного мужа и на оброк со своих крестьян. Вся ее многочисленная дворня состояла из крепостных людей, которых она вызывала в Петербург. Мальчику Григорию нужно было проехать от своей деревни до Петербурга 700 верст. Описанию этого путешествия и дальнейшей жизни в Питере на положении «мальчика-ученика», подобного чеховскому Ваньке Жукову, Историков посвятил еще в

---

²¹ Овчинников Р.В. Из разысканий о генерале Василии Каре // Овчинников Р.В. По страницам исторической прозы Пушкина. М., 2002. С. 154—173.

²² Вологодский областной краеведческий музей (ВОКМ). № 27391. Л. 19.

детстве несколько рассказов, в которых пытался соблюдать, сколько возможно, все условности «большой» литературы, ибо, по прихоти графини, обучался ремеслу переплетчика.

В переплетной мастерской Гриша Историков учился переплетать книги и соответственно пристрастился прочитывать книги, поступавшие в переплет. Кроме того, он без чьей-либо помощи в той же мастерской обучился рисовать, чертить планы местностей, читать по-латыни и по-гречески. Для того чтобы другие не могли прочитать его заметки в записных книжках, он изобрел свои письменные знаки, вел свои немудреные записки, которые назвал «рассказами». В отличие от других «писателей-самоучек», которые, родившись в крестьянской семье, уезжали в столицы (в Москву или реже в Петербург) для решительного единоборства с судьбой, он после «учения» и нескольких лет столичной службы вернулся в вологодскую деревню, где в перерывах между крестьянскими трудами продолжал записывать свои сочинения.

В отличие от Артынова, от Историкова сохранились лишь единичные образчики автобиографических детских «рассказов», привлекательные той нерядовой искренностью, с которой неграмотный мужик выплескивает на бумагу свои обыденные горести, и теми философскими выводами, к которым он приходит. Так, среди разнообразных событий во время своей учебы у переплетчика Историков эмоционально описывает первое в его жизни наказание розгами. И с гордостью отмечает, что под розгами «не плакал и не ахнул, потому что <„> не признавал личной вины, а завсегда легко тому терпеть, кого напрасно наказуют»²³. Естественно, что от «рассказов» он перешел к «стихам»:

---

²³ Там же. Л. 21.

Лишь только солнце в вечеру померкнет
И люди все идут домой,
Луна взойдет — в селеньях всех осветит,
Крестьянин кроется под кровлею родной...
Крестьянин, отдохнув, труд вчерашний забывает,
В труде своем он отдыха не знает.
На уме его печаль, тоска и горе,
И дом его соха и крестьянская доля.
Себе кончины времени не знает,
А смерть нечаянно серпом всех пожинает...

М. Горький в статье «О писателях-самоучках» привел рассуждение американского философа и психолога Уильяма Джемса: «Правда ли, что в России есть поэты, вышедшие непосредственно из народа, сложившиеся вне влияния школы? Это явление непонятно мне. Как может возникнуть стремление писать стихи у человека столь низкой культурной среды, живущего под давлением таких невыносимых социальных и политических условий? Я понимаю в России анархиста, даже разбойника, но лирический поэт-крестьянин — это для меня загадка»²⁴. Тот творческий стимул, который заставлял крестьянина писать стихи, остался «загадкой» и для самого Горького, и для Льва Толстого. Окружающие смеялись над Историковым. Даже образованная графиня Замыцкая, которой он приносил свои стихи, посмеивалась над ними и показывала гостям в качестве курьёза. «Все смеялись надо мной и моими

---

²⁴ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 136.

стихами, — вспоминает Историков, — а один из гостей сказал: "Тебе от стихов никакой пользы не будет, а лучше учись переплетному мастерству; будешь мастером, можешь хлеб достать, а стихами хлеба не достанешь..."»²⁵.

Но вот, к примеру, одно из стихотворений Историкова — неумелое, непрофессиональное и всё сотканное из сентиментальных мотивов:

Сидел я на крыше,
В деревне своей;
Глядел к небу выше,
Любуясь красой.

Я видел: свет яркий
От солнца сиял
И круг над ним белый
Лучи испускал.

И слышал: листочки
Шумят на кустах
И в поле цветочки
Цветут между трав.

Пастушок со свирелью
Сидел близ песку,
Веселил нежной песнью,

---

²⁵ ВОКМ. N. 27391. Л. 74.

Разгонял грусть-тоску

Сбирает скотину
С трудом пастушок,
Ну! в поле — в долину,
Играет во рожок.

Вверху всех выше
Жаворонок пел;
А я все на крыше
На природу глядел²⁶.

При всей предельной наивности и неумелости этих виршей в них сохранилось то главное, что всегда отличало русскую поэзию: стремление взглянуть на мир сверху, воспринять красоту Божьего творчества в ее первозданном виде. Не об этом ли гениальные стихотворения Пушкина («Кавказ», «Монастырь на Казбеке») или Фета («На стоге сена ночью южной...»)? У Историкова не хватает ни мастерства, ни поэтической дерзости, но есть то главное, что отличает «поэта» от «не-поэта»: дар естественного и незамутненного восприятия мира. То же можно сказать и о других «пишущих» крестьянах, «персонажах» и авторах этой книги. Но неведомый гость графини, попрекавший Историкова, был прав в одном: «стихами хлеба не достанешь». Вернувшись в 1868 г. к себе в деревню, поэт выполнял повседневные крестьянские обязанности, подрабатывая от случая к случаю переплетным ремеслом. Живя в деревне, он, между прочим, вел

---

²⁶ Там же. Л. 7

записи по сельскому хозяйству, огородничеству и садоводству, выписывал на свои скудные средства дорогие издания. В последние годы жизни он ослеп; питался с семьей, покупая милостыни у нищих, а скончался в шестьдесят восемь лет, в 1894 г., в полной нищете.

Встретились «на столбовой дороженьке» семь великорусских мужиков и заспорили: Кому живется весело, Вольготно на Руси?

Вопрос кажется простым, предельно ясным и относящимся к любому месту и любому времени. Исследователь-некрасовед А.И. Груздев писал: «Взволновавшая мужиков проблема крестьянского и человеческого счастья — это не только проблема пореформенной России, *она выходила далеко за пределы одной страны и одного народа*»²⁷. Кажется так — да не так... Трудно представить себе каких-нибудь семь шведских «мужиков», которые до хрипоты и до драки в течение суток спорили бы, кто в Швеции лучше живет: пастор, помещик, купец, король и т.д. Все дело в том, что сама «заглавная» постановка вопроса — типично российская, связанная и с социальным строем послепетровской России, и с психологией русского мужика.

Русь искони была — и, по существу, осталась — сословным государством, в котором интересы и возможности бытия «тягловых», «податных» сословий (крестьянства, казачества, мещанства, «цеховых» ремесленников) коренным образом отличались от бытия «привилегированных» сословий (дворянства, почетного гражданства, духовенства, купечества). Сословные права разных общественных групп на Руси, приобретаемые по рождению, могли

---

²⁷ Груздев А. Поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М.;Л., 1966. С. 21.

изменяться и зависели от полученного образования, прохождения службы, результата торгово-промышленной деятельности и т.п., — но всё же они изначально были настолько различны, что составляли непроходимую стену между отдельными слоями российского населения. И в некрасовской поэме семь мужиков, представителей «непривилегированного», «тяглового» сословия, спорят о том, представителю какого из «привилегированных» сословий (сегодняшних или традиционных для державы) лучше живется:

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Чисто «русская» ситуация спора по сути парадоксальна: люди спорят о чужом счастье и достатке, о том счастье, которое им самим, что называется, «не светит»... Еще грибоедовская старуха Хлёстова гордилась своим интересом к чужому добру («Уж чужих имений мне не знать!») — здесь подобное «словесное» проникновение в чужую жизнь оказывается не просто чертой личности одной вздорной старухи, а чертой национального бытия.

Неожиданно и незаметно, «за спором», семь мужиков, отойдя «верст тридцать» от своих «домишек», буквально ни с того ни с сего становятся «бродягами», которым предназначено обойти «всё царство» Руси. Они становятся романтическими персонажами, в важный жизненный момент отошедшими от обыденных дел и попятившими себя делу «общему» и «спорному», по видимости непрактичному, но жизненно важному с духовной точки зрения. Сами мужики оценивают его как своего рода духовный обет, как наложенное свыше послушание, как зарок и «заботу», вовсе не доставляющую житейской радости. Уже в начале путешествия они характеризуют ее как тяжкую «заботушку», «что из домов повыжила, с работой раздружила нас, отбила от еды».

Спорившие о чужом счастье и сами не рады, что отряжены свыше на «верное решение» этой извечной российской проблемы... Как романтические персонажи они могли бы похвастаться исключением из массы — но ведь мужиков-то не один, а семь. И все они разные: рассудительный «старик Пахом», «угрюмый Пров», «Лука — мужик присадистый с широкой бородицею, упрям, речист и глуп», молодечески-дурашливые «два братана Губины» и т.п. Они различны и по характеру, и по достатку: тот, который пешком идет за священником, явно безлошадный, а «братья Губины», как мы знаем, идут «в свое же стадо» и вряд ли в материальном отношении живут хуже, чем деревенский поп... Но все они — представители одного сословия и не чувствуют, что этому сословию в целом живется «вольготно, весело». И поэтому предпочитают искать идеал «хорошей» жизни в других социальных слоях: к чему интересоваться «людьми малыми» и спрашивать о счастье крестьянина или солдата? При этом жители «смежных деревень» ощущают себя обитателями всего «русского царства», имеющими неотъемлемое право на «генеральный смотр» этому царству.

Но как только этот «генеральный смотр» начинается, так и сама проблема усложняется: уже после встречи с попом мужики осознают, что среди названных «кандидатов» счастливица отыскать тоже не просто: настоящее счастье не может строиться на несчастье ближних. И их дальнейшие поступки лишены всякой логики. Попав на «сельскую ярмонку» и получив прекрасную возможность расспросить «купчину толстопузого» и «чиновника», они вовсе не собираются этого делать. С точки зрения «исходной» задачи это нелогично: ведь купцы-откупщики и акцизные чиновники в 1860-е годы были наиболее «завидной», самой быстро богатеющей частью своих сословий: первые богатели на дороговизне водки, вторые — на взятках... Но именно задача семи мужиков изменилась: они понимают, что купцы и чиновники, богатеющие на спаивании народа, оказываются вне нравственной «правды» и соответственно вне представлений о «счастье». Затем мужики, в противоречии с первоначальным замыслом, обращаются к тем, кого раньше игнорировали, — к «людям малым». Ибо их, как водится, больше — и «счастливица» отыскать проще:

«Эй! нет ли где счастливого?

Явись! Коли окажется,

Что счастливо живешь,

У нас ведро готовое:

Пей даром сколько вздумаешь...»

«Счастливые» являются тут же, и «ведерочку» быстро приходит «конец». И те, которым мужики подносят чарочку, искренне считают себя счастливыми (по принципу: «Бедняк гол, как сокол, — поет-веселится...»).

Более того, в одном случае сами странники признают «бесспорное» счастье солдата, оставшегося в живых: «На! выпивай, служивенькой! С тобой и спорить нечего: ты счастлив — слова нет!» Однако это признание отнюдь не означает, что решение проблемы отыскано. «Счастье мужицкое, дырявое с заплатами, горбатое с мозолями» никак не соотносится с житейским представлением о «вольготной, веселой» жизни. А житейское начало в данном случае оказывается не менее важным, чем этическое: нравственная жизнь в идеале должна быть хорошей жизнью. Поэтому, когда на зов откликаются «оборванные нищие», странники наконец осознают, «что даром водку тратили», что без собственно житейского представления об уровне «покоя, богатства, чести» тоже не обойтись. Поставленная ими проблема оказывается «порочным кругом» — и семи мужикам придется странствовать по Руси бесконечно...

Некрасовская притча имеет самое прямое отношение к идеологии этой книги. В ней, по существу, зафиксирована сложнейшая психология русского мужика, составлявшего основную часть населения державы. Психологию человека консервативного и традиционного, но сознающего себя особенной, не похожей на других личностью...²⁸

В.А. Кошелев

---

²⁸ Выражаю благодарность О. В. Красильниковой за предоставление архивных материалов о Г.И. Историкове, А.Ю. Самарину за подготовку к публикации текста воспоминаний И.В. Васильева и С.В. Смирнову за фотографии, сделанные в селе Угодичи.

Леонтий Автономов.

Божим милосердием благодетельствованного Леонтия Автономова сына Травина, уроженца из бедного состояния родителей, происшедшего в достоинство благородства, бывшие с 1741 г. в жизни его обстоятельства и приключения, для сведения и пользы собственно потомкам его описанные самим им

От редакции:

Печатается по: Труды Псковского археологического общества. 1913—1914. Вып. 10. С. 25—429. Вступ. статья и публ. Л.И. Софийского. Воспоминания были переизданы (с некоторыми сокращениями и изменениями): Травин Леонтий. Записки / Худ. А. Стройло. Вступ. статья В.В. Кожина. Послесловие В.Я. Курбатова. Псков: Сельцо Михайловское, 1998.

Леонтий Автономович Травин (1732—1818) — автор самых ранних по времени написания крестьянских записок. Родившись крепостным, он сумел из «самого подлого сословия» выслужиться и к 54 годам получить права личного дворянина. Как явствует из содержания его записок, они были составлены в 1806—1808 гг.

Рождение мое на свете в 1732 году февраля 9-го дня²⁹, во области Псковской, в бывшем пригороде Белье³⁰, от родителей скудно живших. Отец мой Автоном Степанов, ведущий род свой от дворцовых писарей; сказывают же, что предки его были церковники в Козмодемьянском погосте; это на Исы реки; а мать моя Агафья Иванова, от действительно служащих церковно причетников³¹, дочь пономаря Ивана Автономова, бывшего в том же Белье при церкви Архангела Михаила на городище; его же отец Автоном Давыдов в Печанском погосте был священником, а сын его Макарий — протопопом во Пскове, в соборе Архангельском, брат родной моей матери, и по вдовстве его пострижен и был иеромонахом, переименован Мартирием в Спаса Мирожском монастыре. Из такого поколения отец мой находился крепостным графа Павла Ивановича Якушинского³² и его жены³³.

Отправляя должность писарскую в Велейской вотчине и провозая житие неотрадное, умре в [1]740 году, по замечанию моему, от волшебной порчи, от мужика Артемья, прозванием Аршина, быв от роду около сорока лет, а от женитьбы своей прожил только десять год, оставив мать нашу в преждевременном вдовственном бедствии, и нас, четырех сыновей, в сущем сиротстве и малолетстве, из коих я был старший осьми лет, второй сын Алексей шести, по нем Иван четырех, меньшей Никита двух лет. Трудно изобразить страдание матери нашей, которая окружена стала нестерпимую

---

²⁹ «Далее вписано другою рукою: "а помре Леонтий Травин 1818 года февраля 16 дня"» (примеч. первого публикатора).

³⁰ Велье — село Опочецкого уезда Псковской губернии, расположенное на границе Московской Руси и Великого княжества Литовского, в XIV—XVI вв. было местом сражений с литовцами и ливонцами; в начале XVIII в. считалось «пригородом» Пскова.

³¹ Причетник — младший член церковного причта (псаломщик, дьячок).

³² Ягужинский Павел Иванович (1683—1736), граф — с 1722 г. генерал-прокурор Сената. В 1731 г., при воцарении Анны Иоанновны, был отправлен послом в Берлин.

³³ Ягужинская Анна Гавриловна (урожд. Головина;? — 1760) — жена П.И. Ягу-Жинского с 1723 г.

горестью, без всякой помощи и защиты, кроме Единого Бога, Отца сирых и Судии вдовиц. Воспитывая нас, претерпела крайнюю нужду, не имея оставшегося от отца нашего ни денег, ни хлеба, но еще остался в долгу, за который заимодавцы, усугубляя горесть, многократно ее тревожили и несколько и с хоромного строения развезли по себе, особливо как в [1]741 году последовал от недороду хлеба немалый голод, претерпела она наичувствительный недостаток; но Бог Милосердый, не забывая убогих своих до конца, первое яви на нас милостивое призрение: бывший тогда в вотчине управитель, майор Иван Васильевич Елагин, сжалился на горестное состояние матери нашей и на наше сиротство, приказал производить нам двум на пропитание муки по три четверика³⁴ в месяц, да в год по шубе, по кафтану и по три пары рубашек; однако получали только хлеб, а прочее оставалось; и так, с нуждою питались; промышляя к тому, мать наша о нас всячески, работая на людей, пряла, ткала, платье мыла, трудилась несказанно: от бедности же и нападения, не только сторонних, но и нежалостных сродников, которые и малого пропитания старались лишать, принуждена была помышлять о замужестве за другого мужа, за писаря же Алексея Горнишного, о чем уже и условия положены были, но, рассмотрев из поведения его, что он больше наведет беспокойства, нежели помощи, отеклась, изволя страждить во вдовстве, нежели обязать себя ненадежным супружеством.

Последующие [1]742 и [1]743 годы прошли в таком же горестном вдовстве, а в [1]744 году крестьяне Велейской вотчины взбунтовались,

---

³⁴ Четверик — мера сыпучих тел, приблизительно равная пуду (ржи), то есть К.38 кг.

назвав себя дворцовыми, отреклись подвластными быть господину³⁵, которое смятение продолжалось от декабря по август наступившего 1745 года: по сей причине, для усмирения их прислан был подполковник Алексей Гордеевич Головин с командою военного триста сорок человек, но и против такой власти крестьяне имели сопротивление, почему в Граенской волости, при деревне Серебренникове, будучи во многочисленном собрании, отважились по солдатскому фронту стрелять и застрелили одного солдата, да двух ранили, их же застрелено двенадцать да ранено пять человек; напоследок, по покорении их, наказаны кнутом сто тридцать три, да плетьюми более четырехсот человек; я ж в то время был не более тринадцати лет, употреблялся писчиком, и хотя в детском возрасте, однако видя над многими несчастные приключения, понимал и внушал себе страх, а потому понуждал себя к трудам и попечительности к тогдашней моей должности, чем со дня на день заслуживал от управителя Ивана Тимофеева, сына Залевского, милость, который в награждение выдал сперва полтину, после полтора рубли, а потом определял выдавать по три рубли по двадцати копеек в год, к [1]746 году по шести рублей по сороку копеек, в [1]750 по осьми рублей, в [1]753 десять рублей, в [1]754 по двенадцати рублей в год; а как прежде меня никто из старших писарей не получали больше как по шести рублей по сороку копеек, то из того началась на меня ненависть.

Еще в [1]747 году, по усмотрению вышеупомянутого управителя, определен я ко окончанию второй ревизии³⁶ во Пскове, где начал претерпевать на чужой стороне от пятнадцатилетнего своего возраста всякие

---

³⁵ Дворцовые крестьяне — крестьяне, принадлежавшие членам императорской фамилии и числившиеся по «дворцовому ведомству», преобразованному в 1797 г. в Департамент уделов (с этого времени стали называться удельными крестьянами).

³⁶ Ревизия — перепись податного населения в России; вторая ревизия была осуществлена в 1744—1745 гг.

нужды и оскорбления; притом же по скудости своей носил одежду нужную³⁷ — сермяжный кафтан и суконный камзол, бахилки, иногда и сапоги, между же тем сносил одни крестьянские суконки³⁸, обуваясь в лапти. Сия отлучка моя прискорбна матери моей до бесконечности была, что едва дождалась от меня начатков промышления ей и моим братьям пропитания, тут и отлучен стал во Пскове, и до того сокрушалась она в доме в нуждах, а я странствовал в малолетстве, на чужой стороне; некому было наставлять на доброе поведение, а что хотел, то и делал беспрепятственно; несовершеннолетних мысли обыкновенно наклоняли на слабости и страсти, но слава премилосердному Богу, призирающему на сироты, с высоты святых Своих!

И Бог вдохнул мне охоту разных художеств, коими занимался и тем убегал праздности и прочих худых дел; обучался: 1-е, рисованию, желая живописного мастерства, у двоюродного по матери дяди своего Василья Арловского, бывшего при Иоакиманском девичьем монастыре дьячком, и приучась, написал на холсте две картины: коронование Пресвятой Богородицы и Иосифа обручника, держащего на руках Превечного младенца Господа Иисуса Христа, кои свидетельствуют и ныне, поставленные в доме моем в большой горнице; 2-е, петь по нотам, ходя в архиерейскую певческую палату; 3-е, столярного и резного мастерства у бывших резчиков при церкви святых бессребреников Козмы и Дамиана на Запсковье; из них был старик Максим, который по благосклонности своей дозволял мне употреблять всякой свой инструмент и работать, что мне вздумается; между тем, ходя в певческую палату, случилось мне видеть и читать книгу Минеи

---

³⁷ То есть бедную, убогую.

³⁸ Бахилы — мягкие кожаные сапоги с длинными голенищами. Суконки — суконные портянки, онучи

Четьи³⁹, первую сентябрьскую часть киевской печати, по которой я, читая жития святых, возымел желание от того времени, и всегда помышлял иметь собственные свои, но по недостатку⁴⁰ моему не было способу. При всем том, хотя я в вышесказанных художествах и упражнялся, но и прелести мира сего имели во мне участь свою, ибо страстно любил игру на скрипке и для того много в столярной трудился вотще, делая оную своими руками; наконец, обладаем будучи сею страстью, купил из лавки за полтора рубли и прилежно учился долгое время, только, к счастью, не понял и играл худо.

Напоследок умножившимся суетам, уже чрез несколько лет оставил, что, ныне рассмотри бесстрашие молодых лет и страсти, влекущие во грехи, сердечно раскаиваюсь и жалею, что попустил себя быть скоморохом, в сущее бесчестие и порок благочестивого христианина: во время ж то жительства моего во Пскове, до 1752 года, чрез четыре года, благодатию Божию храним, не употреблял пьянственной забавы и обращения, а что от того сохранило, единственно, что я забавлял себя в вышеописанных науках, а ни с кем дружеством и братством не обязывался, приметя, что весьма мало из них истинных доброжелателей, а более таких, которые влекут к развратной жизни; между тем, входя по случаю в дома купцов и других достаточных людей и видя стены, убранные картинами и обоями, посуду оловянную, хрустальную и прочее, возымел желание таковые вещи по силе своей стяживать; итак, когда случится денег помалу, и скупал, но и то таясь матери своей, опасаясь, что она по претерпению скудости и недостатков никак не дозволит. В одно время купил я впервые шесть тарелок оловянных и, привезши домой, не смел ей показать чрез долгое время, хранил в избе

---

³⁹ Минеи Четьи — сборник житий святых, расположенных в соответствии с днем их прославления.

⁴⁰ То есть по бедности.

под лавкою в коробочке; напоследок, по случаю передвигая оную, от звуку узнала и за то довольно было ее негодования и брани.

Но как уже от 1752 года, особливо в 1753 году пришел и возрастом и имуществом в лучшее состояние, и по услужности моей прилежанием и смыслом к письменным делам стал быть любим вышеупомянутому управителю Залевскому, то уже мать моя, видя мое поведение, оставляла более на произволении моем, даже и в женитьбе предоставляла мне на волю.

Итак, в том же 1753 году, октября 31-го числа, с позволения ее и управителя, женился на дочери именитого крестьянина Петра Гурьянова, сына Косолапова, именем Дарья, причем приданое ее состояло только в собственной одежде и белье, а мне в корысть ничего, да я о том и попечения не имел, а желал иметь согласную моему нраву, в чем и благодарю всещедрого Бога, что я не обеспокоен гораздо первою, а весьма доволен участью второй жены, о которой сказано будет ниже, почему советую я всякому христианину искать доброго человека, а не приданого — это чрез прошение в молитвах своих у Бога.

Не успел я, так сказать, расцвести своим благополучием, а не только чтоб вкусить плодов своих, то вскоре зависть, ранив глаза свои, не оставила наводить препятствий, ибо в 1754 году господин мой, граф Сергей Павлович⁴¹, из чужих краев прибыл в Москву. Государыня императрица Елизавета Петровна⁴², желая его женить на сестре господина Ивана Ивановича Шувалова⁴³, возвратила ему из описи дом и вотчины в полное владение. Те же, которые ненавидели управителя Залевского,

---

⁴¹ Ягужинский Сергей Павлович (1731 — 1806), граф — сын П.И. Ягужинского. На военной службе с 1740 г.; генерал-поручик с 1764 г.

⁴² Елизавета Петровна (1709—1761) — российская императрица с 1741 г.

⁴³ Генерал-адъютант граф И.И. Шувалов (1727—1797) был фаворитом императрицы Елизаветы Петровны.

недоброжелательны были и ко мне, по причине моей к нему услужности и что он меня отменно против прочих почитал и награждал, усмотря удобный для них случай при начале вступления графского во владение, выдумали оклеветать его управителя, якобы в неправосудии, во взятках, в обогащении и в прочем, что только могли выдумать.

В сей партии не последний был дядя мой родной Афанасий Степанович Травин, который был в рассуждении его старшинства, а моего в выгодах преимущества, неприятен, а потому и проискивал средства, чем бы меня озлобить; выдумал он оклеветать графу, будто я к нему недоброжелателен, и, не желая быть за ним, желая за другого господина (чего по совести в мысли моей не было), но он, согласясь с прочими на то склонными, поехал в Москву для жалоб, по принесении которых прислали из Москвы повеление, чтобы меня туда выслать, почему я в августе того же 1754 года туда из Пскова отправился на ямских, с прапорщиком Иваном Львовым Большим, и чрез пять суток приехал, где прожил три недели, но, по оклеветанию их, Божьим защищением, скорбного ничего не видел, хотя и старались, пристав к дяде моему и другие коварные люди, оскорбление нанести; однако ж, слава Богу, благополучно отпущен 22 сентября того же 1754 года в дом свой; только вышеупомянутый управитель от должности его отрешен, а на место его никто не определен. Итак, открылась воля, по которой дядя мой и староста Ермолай десятский⁴⁴ самовластно предприняли управлять вотчиною, причем важный их предмет был мстить всем своим соперникам, в числе коих я с братьями моими были первые. Случился тогда рекрутский набор, то дядя мой, ожесточась, вознамерился из нас которого-либо из братьев отдать в рекруты, позабыв ближнее родство и не

---

⁴⁴ Десятский — выборное должностное лицо у крестьян, исполняющее полицейские обязанности в деревне.

сжалившись на наше сиротство. Видя мы с братом Алексеем намерение его непреложное, принуждены тайно уехать в Петербург для жалобы графу и просьбы о защищении, и только доехали до Пскова, там уведомились, что дворецкий Петр Добрин проехал в вотчину для разбирательства и прекращения неустройства, почему возвратились и мы.

Добрин прожил в вотчине не торопясь, и дела происходили неуспешно; но как бы то ни было, а я по услужности своей отменно у него был в милости. Дядя мой, приметив то, более терзался и от злобы настоял навести мне притеснение в том, что поелику за беспокойство его велено Добрину, взяв с собою, привезти в Петербург, то чтоб и меня туда ж взять, хотя обо мне ни от кого никакого повеления не было. Однако ж ему хотелось меня потревожить, а ежели я взят не буду, то и он не поедет, на что Добрин, не хотя сурово с ним поступить, употребил притворство: лаская его, обнадежил меня взять, меня ж уверил, что он, конечно, из Пскова меня отпустит; итак, ехал я обще со всеми ими до Пскова, в том числе и Залевской по оклеветанию их был в огорчении взят и везен под караулом, а пожитки его опечатаны; выехали изо Пскова поутру на рассвете, и я провожал их в поле не более двух верст, отпущен обратно, чего дядя мой не знал, а отъехав верст с 28, на станции осмотрелся, посерчав, выговорил перед дворецким грубо, для чего я отпущен.

В наступившем 1755 году прислан для управления вотчин из лакеев Иван Федоров, прозванием Сучкин, а 20 марта родилась у меня дочь Матрена, которой при крещении восприемником был он, Сучкин. По прибытии ж Добрин дядя мой приведен к усмирению, поставлен на житье в Петербург, при доме графском, а я того ж году, в июне месяце, определен к должности за приказчика в Оклюдицкую вотчину, составляющую с

Вышегородскими деревнями 610 душ, отстоящую от Пскова в 27 верстах, где пробыл до 1757 года благополучно.

В 1757 году, августа 5-го дня, прислан на место Сучкина в управители Михайла Тимофеев, сын Прокудин, из лакеев же; в то время я по-прежнему возвратился в Велье и причислен в число писарей. В том же году прислан от графа для закупки льна поручик Василий Агеевич Лялин, прапорщик Петр Григорьевич Попов и к ним присовокуплен бывший управитель Залевской, то ж и вышеозначенный Прокудин, а по прошествии короткого времени препоручено и управление судопроизводства им же вообще. В то время трудно мне было угождать на четырех командиров, быв первоначальным писарем, тем более что они между собою не согласны были и почасту один про другого из меня любопытствовали, но я, за помощью Божией, утвердился отнюдь не пересказывать речей, кои случалось мне слышать у одного на другого, а еще старался сколько можно восстанавливать между ними согласие, что и самым делом уменьшал между ими вражду, а сам наипаче избавился от их каждого негодования, за прилежность же к делам заслуживал от них похвалу и доверие, почему и довольствие имел в своем содержании без нужды; таковое мое благополучие продолжалось 1758 года сентября по 3-е число.

Как на свете все превратно, особливо грех ради наших, то и меня искушение постигло. На оное число виделось мне во сне, будто я держу в руках скрипку и хочу играть, однако ж струны ослабевают и весьма не согласны, кои сколько ни стараюсь поправить, но они издают глас весьма неприятный, и я проснулся скучен, будто бы ожидая несчастья. По наступлении того дня приехал в Велье вышеописанный служитель, а мой кум Иван Федоров, с таким от графа повелением, чтоб взять ему из писарей двух человек, кого он изберет, и с женами и с детьми отправить в Москву,

для чего ж оное — не открыто; притом примечено, что отправление будет в Оренбург. Сия весть произвела во мне крайнее смущение и отчаяние, поелику он объявил, что он не иного кого возьмет, как только меня и Максима Ворсулева, и представлялось, что когда завезены будем в такую отдаленность, то к возвращению в отечество никакой надежды иметь не можно, ко избавлению ж от того упросить его я отчаялся, хотя он мне и кум был, но нрав его непреклонен; к тому ж Максим Ворсулев, с обещанием подарить ему пятьдесят рублей, к нему ходил, но также никакой милости от него не получил. Я, ведая его неблагосклонность, просить его оставил, а положась на волю Божию, приготовлялся к отъезду, и хотя я о разлуке с матерью (да и жену вознамерился сам собою оставить) и со всеми домашними сродниками и знаемыми сердечно скорбел, но им виду печального не подавал и в горьких их слезах уговаривал, и с тем точно, чтоб они чрез угадывание о возврате от негодных баб их хитростями узнавать не дерзали, а молились бы Богу, то и надеялись бы без сомнения моего возвращения.

Сам же я, прибегая под покровительство всемогущей руки Божией и защиту Пренепорочных Его Матери, Владычицы Нашей Богородицы, просил священника Григорья Иванова, моего отца духовного, отправить Божественную службу, которую служил в церкви Воздвижения Честного Креста, празднику Входа во Храм Пресвятыя Богородицы, и когда на утрени читано Евангелие, покончено такими словами: «ребысть же Мариам с нею яко три месяцы и возвратися в дом свой»⁴⁵, я с восторгом заметил сии слова и, сложивши в сердце своем, ожидал, что будет напоследок. Исходя же из церкви последним, взял я образ медной маленькой Святителя и Чудотворца

---

⁴⁵ Лк. 1:56.

Николая, веруя, что, конечно, меня Господь Бог, молитвами Пресвятыя Матери Своея и Угодника своего Чудотворца Николая, возвратит во отечество, в такой надежде и не погрешил, как о том ниже изъяснится. Выезд наш был того же сентября 5 дня. Жены обоих нас проводили до Пскова, а Иван Федоров уехал на почтовых вперед в Петербург, отправя особо мать свою и сестру прямо в Москву, с коими и мы ехали.

Во Псков приехали мы 6 сентября в понедельник. Переночевав, пришло мне на мысль, что нужно и нам быть у графа; то хотя позволения не было, но я пустился на отвагу, не сказав никому, ниже своему товарищу Максиму Ворсулеву; пошел к воеводе⁴⁶ Павлу Яковлевичу Побединскому и просил о подорожной для почтовых подвод, и хотя случился в тот день праздник Рождества Пресвятыя Богородицы, в который присутствия не бывает, к тому ж обыкновенно бывает крестное хождение в Святогорский монастырь, однако ж Господь, управляя путь наш, паче надежды явил неизреченную Свою милость, ибо воевода, быв в доме своем, приказал написать и запечатать подорожную и, подписав, мне вручил, кою я со удивлением о благоуспешном промысле Творца Нашего, с неизреченною радостью получил, и тогда пришед на квартиру, открылся вышесказанным матери приказчиковой и товарищу своему, и с коим мать отправил ехать в Москву, а товарища взяв с собою, поехал к Петербургу благополучно.

Приехали мы в Петербург в пятницу 11-го числа сентября, а к графу спрошены 13-го в воскресенье, и тут открылось нам, что отправляли нас в Сибирь на железные заводы для письменных дел; обещал же нам граф жалованья в год по шестидесяти рублей (там же положенный оклад

---

⁴⁶ Воевода — высший военачальник в допетровской армии; Петр I уничтожил звание военных воевод, но это название распространилось на городских наместников с войсками в малых городах России.

получают из казны писари только по двадцати рублей); в то число, по приказу его, по двадцати рублей и выдали, да на подводу до Новагорода шесть рублей; итак, мы в понедельник, в день Воздвижения Честного Креста, отправились; повозки же свои, отпущенные из Пскова с вышесказанными женщинами, догнали на почтовых под Тверью, за кабаком, в селе Медном. Тут, оставя почтовых, ехали до Москвы на своих; по приезде в Москву, в ожидании Ивана Федорова, который остался в Петербурге жениться, прожили мы три недели.

По прибытии его, отправились мы из Москвы до Казани на наемных подводах, коих было семь пар. Октября 18-го, в осеннюю беспокойную погоду, претерпевая стужу и мокроту, к тому ж проезжая чрез города Козмодемьянск и Чебоксары, лежащие на берегу Волги, скучно было ехать уездами, в коих жительствоуют чувашаи и черемиса, народ же грубой, и ничего у них к пище достать не можно, также наречия мы их, а они нашего не знали. В Казань, переехав Волгу, расстоянием семь верст от берегу, приехали 15-го числа ноября, и за бездорожьем и за неимением снегов, пробыли десять суток. В продолжение того времени сподобил нас Господь видеть и со усердием поклонение принесть Пресвятой Владычице нашей Богородице, пред чудотворным Ее образом в Казани, в Девичьем монастыре⁴⁷, куда мы с товарищем ходили в церковь до отъезда своего в путь далее.

Из Казани поехали мы на наемных же до пермского провинциального города Кунгура чрез пригород Арск, который селением не лучше российской хорошей деревни, а далее около 130 верст были все русские селения, потом уже татарские, кои живут и строение имеют нехудое, только

---

⁴⁷ Имеется в виду икона, обретенная в 1579 г. в Казани. На месте, где была явлена икона, повелением Ивана Грозного были построены церковь и женский монастырь.

едят с охотою молодых жеребят мясо; далее ж чуваши и отчасти черемисы, живущие подло: хлеба имеют много, а пищу питаются суровою; напоследок вотяки, кои хотя и подло живут, однако ж нравом благосклоннее и в домоводстве рачительнее и к проезжающим благосклонны и просты; приближаясь же к городу Кунгуру, обитают также русские пермские народы; имеют в каждой деревне, содержащей до десяти и более дворов, часовню, при некоторых же малые колоколы, и то в рассуждении отдаленности от приходских церквей, так что от тридцати до пятидесяти верст в некоторых местах имеют расстояния лесными местами; случается, что в год едва трижды или дважды приходский священник для духовных треб приезжает; каково в таком случае исправление оных происходит, можно уразуметь.

Город Кунгур обнесен деревянного оградю, с построением ворот и на них башен, для опасности от набегов неподвластных России башкир и степных татар; в нем хлеб и харчи довольные и недороги, рыба свежая, мороженая, окуни продавались три копейки безмен, составляющие два фунта с половиною⁴⁸, хлеб печеный по копейке, в коем до осьми фунтов быть может. До одного города от Казани, по счислению моему, имеет быть девятьсот верст, а оттоле до сибирской границы сто восемьдесят; далее проехав до первого графского Сылвинского завода, семьдесят, от Сылвинского до другого Уткинского семьдесят же, от Уткинского до Екатеринбурга, заводского города, семьдесят же, а всего от отечества моего до Екатеринбурга, считаю я по точному моему замечанию, имеет быть около двух тысяч девятьсот верст.

---

⁴⁸ Безмен — сибирская мера веса (2,5 фунта, то есть немногим более килограмма); фунт — 409,5 г.

В продолжение оного пути искушения меня не оставляли и приводили в огорчение, ибо Иван Федоров, будучи чрезвычайно корыстолюбив и скуп, выдумал данные ему от графа на проезд деньги удержать на свое употребление и потому начал принуждать нас, чтоб мы на наем подвод и на свое содержание употребляли свои деньги, объявляя, якобы у него тех выданных на проезд денег и с Казани уже не осталось, напротив чего я упорствовал, с тем, что я своим коштом отнюдь не поеду; товарищ же мой был такого нрава, что не хотел со мною равномерно спорить, а более молчанием, так сказать, из лукавства предоставлял таковое происшествие на мой счет, самым же делом и он пользовался, оставаясь без издержки своих денег, ибо Иван Федоров по супротивлению моему принужден нас везти на готовом содержании своем.

Приехали мы на Сибирской Сылвинской завод декабря 16-го числа в среду и жили по 2 января наступившего 1759 года. В то время перевели нас на другой, Уткинский завод. Должность наша состояла в записках заводских материалов, т.е. мы выставляли прописными казенными крестьянами, вместо подушных и накладных денег, за каждую мужеска полу душу по рублю по десяти копеек, за которые они должны выставить или руду или уголь, также песок, известь, лес, дрова и прочее, а содержатель завода должен за них вышеописанное число денег в казну заплатить. Упражняясь в том, прожил я с товарищем своим марта по 22-е число во всяком благополучии, выключая скуку и печаль по своем отечестве, паче же о оставшем семействе. Во время то там для пищи было великое множество, так что мука ржаная покупалась пуд по пяти копеек с половиною и пшеничная ручная лучшая по тринадцати копеек, свинины окорок по сороку копеек пуд; словом — все дешево и довольно, и ежели бы судьба завела меня туда с семейством, не уповаю, чтоб я оттуда возвратился, а со

временем в рассуждении такого довольства мог привыкнуть; но и со всем тем, видя к возвращению весьма трудные обстоятельства, что собою никаким образом о возврате подумать и ниже проехать собственно собою и за опасностью разбойников нет способу, иногда приходили в отчаяние и с сожалением помышляли видно положить там кости наши на чужой стороне. Но невозможное от человек возможно есть от Бога, Ему же все легко и удобно сотворить, елико хочет, к Нему же и мы со упованием прибегали, с молением, прося щедрость Его о возвращении. И виждь, колико Его есть к нам грешным милосердие! Мы только временем приносили убогую нашу мольбу, ездя к церкви Божией, находящейся в Уткинской слободе, расстоянием от завода в трех верстах с половиною, и призывая в помощь Пресвятую Владычицу Нашу Богородицу, прочитывая иногда акафистову песнь и положенную в киевских святцах в конце молитву, в коей между прочим молительно упоминается: «странствующим возвращение»; оживотворялись во уповании, приемля несомненно якобы залог нашей надежды, с каковою продолжая жительство, ожидали вожделенного часу, когда излиется милосердие Божие.

Засим ускорил Он Щедрый и потщился яко милостив устроить промыслом своим возвращение, ибо прожил я только марта по 22-е число, что составит малым чем более трех месяцев. Нужда требовала приказчику нашему Ивану Федорову доставить через верные руки рапорт графу о последовавших от нерадения главного нашего над двумя заводами управителем немца Шлота в заводских припасах недостатках и оттого предвидимой крайне остановки и великих убытков, для чего избрал он за способного к тому меня, и как только об оном мне сказал, то я от радости не чувствовал себя, но, зная недоброжелательный его нрав, не смел того открыть, а употребил притворные отговорки тем, что я не смею один в столь

далекий путь поехать, что и поспешествовало, ибо он более настоять начал, дабы я неотменно ехал.

Вследствие того, по приказанию его, съездил я в заводской город Екатеринбург и исходатайствовал от главного заводского правления подорожную на одну только почтовую подводу, и вышесказанного 22 марта, в понедельник, он меня из Уткинского заводу отправил. Я поехал с несказанною радостью к своему отечеству, от которой нескоро мог опаматоваться, что я из Сибири выезжаю, но при том еще думал: не миновать, чтоб обратно не быть в Сибири хотя на время, и потому не старался забрать свое иждивение, даже я дичь небольшое количество там же оставил, отправившись в путь. В восемь суток до Казани, более тысячи верст, зимнею дорогою, на санях, переехал благополучно, имея при себе только одни сумки переметные, с рубашками и прочим; от Казани ж, поелику сделалось тепло и везде малые речки разлились, да и Волга уже от берегов отставала, то езда моя стала весьма затруднительна, ибо около восьмисот верст до Москвы ехал я две недели, так что в некоторых местах и пешком шел, данные ж от приказчика на прогоны деньги одиннадцать рублей еще до Москвы все издержал; приехал в Москву в самый день Святой Пасхи, апреля 11-го дня 1759 года, поутру, во время ранней обедни, и был в Кремле, в соборе Благовещения Пресвятой Богородицы; квартиру имел в доме графском, на Знаменке, в коем управлял господин ассессор Александр Федорович Шашкин, и как к нему явился, то, выпрашивая о проезде моем, узнал, что уже деньги у меня на прогоны все издержаны без остатку, без просьбы моей об оных сам выговорился: «Если б-де здесь меня не было, то кто бы тебя оными снабдил, и как бы ты до Петербурга доехал?» Наконец сказал, что он даст мне прогоны и завтра отправит. Я, услышав сие и видя нечаянно воспоследовавшую ко мне милость Божию, благодарил за

таковой промысел Вышнего и на другой день, во вторник, из Москвы отправился; к счастью же на первой почте, в деревне Черной, от Москвы в 28 верстах, нашел я медлящего за разгоном почтарей трубчевского купца Василья Львова сына Козлова, у которого в подорожной написано едущих два человека, а прогоны одинакие, а у меня двойные, то и согласились мы, для уменьшения платы прогонов, ехать обще по его подорожной, поелику у него товарища не было, а прогоны платить пополам; в таком случае последовала мне та выгода, что я из выданных от Шашкина двойных прогонов издержал только на одинакие, и то половину; следовательно, не больше вышло шести рублей, а четырнадцать осталось мне на мои нужды; видя о мне таковой промысел Божий, особливо во время нужды, в странствовании, паки благодарил Творца моего и Заступницу Пречистую Богородицу.

По приезде в Петербург подал я графу свои рапорты с надеждою действия их скорости, поелику в них требовано о восстановлении к заводам того, что немцем Шлотом упущено; но в продолжение времени усмотрел я, что граф мало о том стал думать, и со дня на день оставалось так как бы в забвении, частью от природного графского нерадения, частью же от разврату и пронырства находящегося при нем управителя, немца же Ивана Григорьева, прозванием Какса, который, как я известился, был племянник вышешзначащему Шлоту, и его рекомендацией принят и определен на заводы директором; следовательно, ему нужно всеми силами защищать его и затмевать приказчика нашего представления. Что же я помимо его прямо графу подал рапорт, за то подпал я гневу его и мщению, по которому желаемый ко отечеству путь мой пресекался. Из сего научало меня, что на свете все превратно, жизнь наша маловременная непостоянна и надежда обманчива, и сего ради нужно человеку быть в рассуждениях осторожну и

мыслями не утверждать себя во время благополучия, якобы оно у него неподвижно, не унывать напротив того в случае прискорбности, потому что, прося помощи Божией, получишь избавление, и течением времени минуется.

Я сначала, не зная тайных одного управителя ухищрений, ожидал вожделенного часа, когда меня отпустят домой, но вместо того, прожив шесть недель, услышал, что определен я на кирпичной завод, под видом якобы для смотрения, в самом же деле в наказание, потому что оной был совсем пустой, кроме одной избышки, при нем ничего даже и работников не было, где бы в безлюдстве в пустом месте скука довольно бы меня наказать могла. Нечаянное сие оскорбление понудило меня промышлять, как бы избавиться. Наконец, вздумал я сам собою написать графу прошение, в котором изъяснял на управителя свою жалобу о его мщении. Подав, услышал от него, что он отпустил меня в дом, чему несказанно радовался. Но управитель, узнав о сем, еще наиболее раздражен стал и едва не навел мне побоев, от чего единственно Бог невидимо защитил и мстительную его злобу удержал и против воли его устроил мне путь к возвращению в отечество.

Так, за помощью Божьею, в Троицкую субботу, мая 29-го дня, из Петербурга отпущен, продолжая путь свой, несказанно удивлялся непостижимому промыслу Божию, елико по многим препятствиям избавил от странствования, почему, в знак моей чувствительной благодарности, не ехал в дом, а прежде во Святогорской монастырь, где отправил по силе моей недостойное мое поклонение Богу и Пречистой его Матери, Пренепорочной Деве Богородице, пред чудотворными Ея образы.

Потом, прибыв в дом свой, радостно обозрел свою родительницу, также жену и дочь в живых и в благополучном состоянии; тогда вспоминал я оное Евангельское слово: яко же веровал еси, будет тебе⁴⁹; ибо я, отъезжая в путь, с верою взял с собою из церкви Воздвижения Честного Креста образ Святителя Николая Чудотворца, с тем, что оный по возвращении поставлен будет на том же месте, из которого взят, что самое и исполнено.

Думал я по приезде, что окончил уже все печальные свои приключения, но злоба управителя Какса стремилась достигать меня далее, который, надеясь в доме своем и у братьев моих Алексея и Ивана сыскать какие-либо письменные дела, обличающие наши фальшивые и несправедливые по вотчинным делам произведения, прислал повеление к находящимся тогда двум управителям: Ивану Залевскому и Михаиле Прокудину, с тем, чтобы, обыскав наиприлежным образом какие у нас найдутся письма, оные отослать в Петербург к рассмотрению. Однако ж, в сем случае покорывствовался он только одними бумагами, кои не составляли к его употреблению мщения ничего важного, и по получении оные брошены, так что и память об них, да и сам он погиб с шумом, а я благодатью Божиею остался под покровительством Божиим благополучен.

Пожив во отечестве моем в Белье при прежней писарской должности, самопроизвольно пожелал я ехать в Москву для списывания на вотчину с писцовых книг⁵⁰ копий, к будущему межеванию, а притом помышлял исправить церковные и свои надобности. Едучи дорогою, в селе Яжелобичах, на ночлеге, из саней украли из кисы⁵¹ денег восемнадцать рублей, которое число в тогдашнее время было мне чувствительно, но, слава

---

⁴⁹ Мф. 8:13.

⁵⁰ Писцовые книги (столбцы) — перепись людей, земель, имущества, владений

⁵¹ Киса — большой дорожный мешок, обычно кожаный, стягивающийся шнуром.

Богу, что в тех же саях оставили лежащих малым чем подалее более ста рублей, которые ежели бы украли, то бы остался я, не имея ни одной копейки, и принужден бы от оплошности своей претерпеть крайнюю нужду. Сие напоминаю я для детей своих, чтоб от таковой оплошности остерегались и не ленились иждивения своего вносить в квартиру, а на удачу в повозках на дворе не оставляли, каковая осторожность избавит от напрасной тщеты и скудости.

Приехал я в Москву в четверток на масленой неделе, а прожил по июнь месяц. Продолжительная моя проживка уже не по моему желанию, а по волевышесказанного асессора Шапкина была, и едва я дождался отпуска в начале июня месяца, в то ж время приехал в Москву и оставшийся в Сибири товарищ мой Максим Ворсулин, который из пожитков моих привез, почитай, половину, а другую Иван Федоров удержал у себя.

В сию бытность мою в Москве исполнил и желание свое в том, что купил давно желанные мне книги Минеи Четьи, за которые заплатил я тридцать рублей пятьдесят копеек, желая пользоваться чтением, из чего и подлинно получил немалую пользу. 1-е: занимаясь чтением, избегал праздности, клонящей к нерадивому житию; 2-е: читая жития святых, отчасти приходил во умиление и страх Божий, чаянием воздаяния праведным, а грешным вечного и нестерпимого мучения; 3-е: из чтения поучений и преданий премудрых и святых вселенских учителей вкоренялось во уме моем понятие и смысл к делам, которые я обязан был исполнить по должности моей, что служило мне к сочинению письменных дел совершенным руководством, чего ради долг имею детям моим не только советовать, но и приказывать всевозможно прилежать к чтению таковых богоугодных книг, уклоняться же и тщательно отвращать себя от светских, которые по наружности кажутся приятными, но кто внимает прилежно о

своей душе и ищет ей вечного блаженства, тот ясно увидит кроющийся змиин яд, погубляющий оную, ибо в начале отнимает время к богоугождению, чтоб помолиться или прочитав Евангельские заповеди и апостольские учения, вкореняющие попечение о спасении души, коя есть бессмертна, и требует к своей вечности избежать муки, а приобрести место упокоения; второе — затмевает разум, так что человек, уклонившийся к чтению не полезных, а только забавных сочинений, находит свое удовольствие и отнюдь не распознает различия между Священным Писанием и вымышленным на вред души ложным и любострастным сочинением; третье, что наигорше, примечено от таковых мнение эпикурокское⁵² еретическое, будто и человек по смерти другой жизни иметь не будет, так как скот. Боже мой! Что сего бедственнее! Праотцы наши держались святого Евангелия и верили учению Христа Спасителя, который утвердил, что будет воскресение мертвых, потом же суд, и восприимет каждый по делом своим, а теперь сему не верят! Какими слезами сию погибель оплакать можно, погубившего дражайшее христианское название! Ибо не верить Христову слову есть совершенно отвергнуться его, и затем следует вечная погибель. Так-то светские книжки уловляют на свою уду души, не остерегающиеся от них! Господь Бог Спаситель душ наших да избавит, сохранит и помилует нас Своею благодатию и дарует духа разума, духа премудрости, духа страха Божия молитвами Всепречистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

---

⁵² То есть эпикурейское.

Во окончании мая месяца едва дождались мы вожделенного часа, в который из Москвы отпущены выехали и в Новгороде расстались: Максим Ворсулев в Петербург, а я приехал благополучно в дом свой.

В течение 1761 года, июля 12-го дня, прибыл в Велье от графа подпоручик Андреян Ефимов сын Машин, для следствия об управителе Залевском, по поданным от недобросовестных крестьян затейных на него прошений⁵³. В то время присланным ко мне от него повелением поручено вотчинное правление, каковой случай от малорассудочных почитается быть в столь знатной вотчине управителем за великое счастье, не считая того, что оно сопряжено с великою трудностью и попечением; мне же чудно воистину, что худородному и маломощному поупущено сие почитательное звание. Тогда в Санкт-Петербурге при доме был управителем секретарь Иван Абрамович Навроцкой, достойной сего звания человек. При нем-то жил я красные дни, ибо управление мое под его распоряжением было беструдно и жизнь весела, что и почитал я за особливое себе удовольствие, даже по прибытии в Велье в [1]764 году француза Девальса, который помрачил тот свет, коим мы наслаждались, и мраком напастей покрыл всю вотчину, чего ко описанию не достанет времени, однако ж хотя кратко упомянуто будет впредь.

Во время благоуспешного моего вотчиною управления, единственно благостию Творца моего, сподобил меня Господь быть попечителем при строении в Велье Воздвиженской церкви Честного и Животворящего Креста, к чему издавна желание мое было, чтоб построить каменную, но не находил способу, поелику к тому требовалось немалое количество материалов, денег и работников. Но невозможное от человек возможно

---

⁵³ Затейные прошения — то есть сделанные с умыслом, с недобросовестным намерением.

бывает от Бога, только бы несомненное упование возложил на Его промысл; мнится же мне, что промысл Всевышнего возвел меня на степень властительства столь великой вотчины не по достоинству моему, а для удобнейшего исполнения желания моего к церковному строению.

От давнего уже времени усмотрено мною древнего строения каменные развалины бывшего городка при самом Велье на горе между двух озер, из коих надеялся я, раскапывая из земли, достать к тому строению плиты потребное количество, но препятствовало, что оное считалось государевым казенным, поспешествуя же Всемилостивый Господь в том намерении управил без остановки, ибо состоялся сенатской указ [1]759 года, августа 20-го дня, с тем, чтоб имеющиеся внутри России ветхие крепости разбирать и употреблять в строение церквей и богаделен, по которому я от Опочецкой воеводской канцелярии получил дозволение и, наняв работников осьми человек, самым делом достал плиты довольное число, а зимою из наряду на форпостную работу отделил часть — Куневскую волость, из которой против того наряду работниками свозил все и покпал около того места, где должно быть строение, и оная ломка коштвала⁵⁴ мне до семидесять рублей, хлеба восемнадцать четвертей⁵⁵.

В [1]762 году нанял изо Пскова каменщиков шести человек, а к ним поставил работников с вотчины без платы, по очереди каждый день по двадцати, иногда и по тридцати человек. Начали сперва ров копать апреля 1-го дня и бутить диким камнем фундамент. Мая 9-го дня с крестохождением священники пришед, отправили молитвы основанию храма и водрузили с положением камня на месте престола крест, равно и на месте придельные во имя Успения Пресвятой Богородицы; в тот день начали стену класть; итак,

---

⁵⁴ То есть стоила.

⁵⁵ Четверть — мера сыпучих тел, приравнивавшаяся к 8 пудам (четверикам).

одним летом придельную церковь и притвор совсем своды свели и накрыли дранью, а большую церковь вывели стены под самый свод. На связи железа в подаяние подал граф Сергей Павлович Ягужинский пятьдесят пудов; да еще из промышленности моего, мирского кошту мелочных с вершков нечувствительным собранием, досталось до четырехсот пудов. Решетки в окна ковал, связей концы сваривал и прочие поделки исправлял кузнец, бывший на мирском жалованье, Алексей Петров; к нему в помощь из деревень взяты были Тимофей Вейтехов, Павел Галичинской, коим за труды вместо платы сделан из мирских подвод зачет и отчасти деньгами малое число дано, что помощью Божьею без остановки и малым коштом исправлено.

Тесу на крышку до пятисот, бревен пятьдесят коштвало покупкою до пятидесять рублей. Брусья шестисаженного двадцать штук безденежно вывезены миром из лесу, состоящего неподалеку от пригорода Красного, и во всех вывозках подводы были мирские, а плотники наняты были крестьяне Михайловской волости деревни Бахлицы Тимофей Иванов, Федор Исаков, Петр Федоров с товарищи восемь человек, коим за крышку вышло платежа до ста рублей, хлеба десять четвертей.

А как в своды каменные оказался плиты недостаток, то обыскал я на Синеи реке, пониже Борисоглебского погоста, в даче помещицы Вохиной, от коей уступлено без явки и наломано до двенадцати сажен или больше наемным работником Антропом Сидоровым с крестьянином Воздвиженским; к нему даваны были мирские по очереди, без платы, равно и свезены мирскими подводами без платы же. Здесь всяк, остановясь, подумай, сколько я отважно поступил к начатию такого многотрудного дела, к построению каменной церкви, не имев наличных денег более девяноста рублей, а наиболее без доклада и дозволения господина своего,

употребил не одну тысячу работников и подвод, в продолжение же той работы, невидимо откуда, счислено по расходе и денег не одна тысяча рублей, да и всякая работа производилась благоуспешно. Воистину непостижима благодать Божия, помогающая уповающим на Него! Кто Бог велий яко Бог наш! Ты еси Бог, творяй чудеса. Слава Всемогущему Богу, начало подавшему и конец венчавшему!

При разбирании старой деревянной церкви, которая строена в 7143 (1635)⁵⁶ году священником Романом Федоровым, как видно на погоревшем месте (ибо, копая ров, найдены погорелые железные вещи, как то заличина, петли дверные и подсвечники и гвозди), думать можно, что от того построения по 1762 год составляло 127 лет, а освящение оной значит на доске, прибитой вверху между иконостасных поясов, подписано красками, что освящена в 7176⁵⁷ году; усмотрен лес в стенах весьма крепкой, и пожелал я перенести и построить церковь же на месте, где издревле бывал Преображения Спасова мужеской монастырь, на горе близ озера Чада, коя начата строением в том же [1]762 году, а окончена и освящена в [1]763 году, июня 9-го дня. За оное строение, за тес и за крышу изошло денег 150 рублей.

В [1]763 году, в марте месяце, случилась оказия послать от вотчины челобитчиков и крестьян Иева Поряткова да Григория Отряхова, с коим послал я денег сто семьдесят рублей и с ними же старой Воздвиженской колокол в двенадцать пудов (а другой старинный, вылитой еще в 7112 году⁵⁸ при царе Борисе Феодоровиче Годунове, оставил при церкви для любопытного древности знания), и то приказал я променить, а выменять новый побольше, около двадцати пяти пудов, да еще купить вновь в три

---

⁵⁶ Применительно к вешам и строениям XVII столетия мемуарист использует датировку «от сотворения мира».

⁵⁷ То есть 1668 г.

⁵⁸ То есть 1604 г.

пуда с половиною и в один пуд, почему выменян большой в 25 пудов 14 фунтов, к променному прибавлено денег сто шестьдесят восемь рублей, за покупной вновь дано двадцать восемь, за меньшей восемь рублей, из коих малой отдан к Преображенской церкви, а те два к Воздвиженской, привезены весною наемным из Москвы извозчиком. Звоном большой удался весьма хорош.

Новопостроенные церкви святили все в один в 1763 год: Преображенскую июня 9-го, в понедельник, соборным Троицким из Пскова священником Яковом Яковлевым, Воздвиженскую октября 14-го во вторник, придельную Успения Божией Матери 15-го числа в среду ключарем того же собора Иваном Парфеновым; при нем был протодиакон Роман да певчих соборных восемь человек: на расход вышло до ста рублей, а певчим дано десять рублей.

В [1]764 году на Воздвиженской церкви и на придельной опаяны главы жостью, которой изошло две бочки, ценою семьдесят шесть рублей; мастерам заплачено денег двадцать три рубли, хлеба десять четвертей.

Тогда, видя все оное пришедшее к окончанию, коль радовался духом и благодарил Творца моего, сподобившего потрудиться во всем нужном для прославления святого имени Его деле, тем более, что я отважился приняться за такое дело, единственно положи надежду на Его святую помощь, не имея ни денег, ни сил, соответствующих состоянию моему; а наипаче опасался я препятствий, слыша об определении в ту вотчину ко управлению директором француза Девальса, который в состоянии был суровостью своею и алчным к обогащению несытством все разрушить и помешать, но на то время все милостивым Божиим Промыслом удержан был в других местах. За таковую Его благодать да будет слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Понеже на свете все превратно, то и мое состояние переменялось. Был я самовластен в столь великой вотчине; управлял, как хотел, и не было никакого препятствия; в то время я все вышеобъявленное успел исправить. Затем угодно было Богу попустить в управление с полномочною властью вышеупомянутого француза Девальса, в наказание за грехи наши. Намерение его было: от зажиточных крестьян, налагая на них пени, обогатиться; к тому же завести фабрики, для того ж обогащения; по-русски говорить не умел, а держал переводчиков, нраву был жестокого, словом: был тиран, а не управитель. Сначала он приехал в Велье 1764 года, февраля 1-го дня, и пробыл недель шесть. Однако удержан Господнею десницею, ничего не начинал и поехал в Петербург. После отъезда его оставшийся покупной тес перетесан и покрыта на городище Архангельская церковь; за оную дано работникам сто рублей, хлеба до десяти четвертей, тес ценою стоял сорок рублей; к тому ж покривившаяся к Черному озеру вся церковная стена теми же плотниками поднята и подобрана плитою; колокольня, уже совсем обветшавшая, переставлена прежде еще в [1]762 году, подобрана плитою, покрыта тесом сборным с прихожан Михайловской и Никольской малой волостей, а того ж [1]764 году в конце лета построены из теса две часовни: одна на месте, называемом большая Скудельня, по Опочецкой дороге, а другая за Черным озером, для приема посещающих, от пригорода Красного идущих, чудотворныя Святогорския Пресвятыя Богородицы образов⁵⁹, в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня сентября в 14-е число. Слава Всещедрому Богу, что и оное промыслом

---

⁵⁹ Святогорская икона Пресвятой Богородицы (явленная в 1569 г.) находилась в Святогорском Успенском монастыре Опоченского уезда Псковской епархии. См.: Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899.

своим помог в век мой исполнить, удержав на время наступающего врага Богу и человеком, француза Девальса.

Иконостасы в каменную церковь работы наемным столяром служителя Святогорского монастыря Григорьем Никулиным с товарищи; заплачено им за первой в придельную церковь денег десять рублей, хлеба десять четвертей и несколько харчевых припасов; за большую денег сорок рублей, хлеба восемь четвертей и всего харчу небольшое количество, ибо начинались уже мне помешательства, наступали дни прискорбные по причине Девальсова вступления.

Девальс вторично приехал 1764 года, декабря 25-го дня, в день Рождества Христова, и суровым своим нравом и поступком помрачил нам тот свет, коим мы благодатию Божиею наслаждались. Вначале он того столяра выгнал из вотчины, которого пустил для докончания работы посадской Андрей Васильев сын Лапков, где он живучи достроил.

Потом злохитрым своим вымыслом проискивая способов своего обогащения, приметил, что все крестьяне имели привязанность ко мне, поелику они угодным для их моим управлением были довольны и держались, почитая меня за надежного своего предводителя. Думал он, что я в состоянии подвергнуть их его абсолютной власти, с тем, что они будут ему безмолвно повиноваться, и для хитрости вымышлял прежде меня в свою сеть уловить, употребляя хитрость. Сначала задал мне страх — приказал сковать в железа, причитая затаенные на меня вины, но вскоре из оных освободил, притворяясь, что он меня прощает, лишь бы только услужил бы ему в приведении к безмолвному повиновению крестьян; к тому ему вся нужда зависела. И сверх того, наивяще привлекая меня к тому, в

наступивший новый 1765 год подарил шелковою штучкою тканю на камзол, обещая впредь еще и кафтаном подарить.

Хотя я и видел себя в порабощении у него, по данной ему от графа власти, но склонность моя отнюдь к его желанию не преклонялась, ибо я был для крестьян сожалителен и почтителен, почему они совершенно меня и держались; я ж, видя намерения его злые, сердечно сожалел их, тем более что довольно известно было, что он в Москве, в Павловской вотчине, тиранствовал и многих до конца разорил, а иных мучил, держа в заключении в погребе, то сие предвещало нам всеобщее бедствие. И так, в горести души проводил я перед ним молчанием, ожидая, что наконец откроется. При всем том обязан был в сходность графских повелений исполнять его приказания, кои состояли не в чем другом, как только внушать крестьянам, дабы они были ему беспрекословно во всем послушны, а затем располагался он начать с них уже не волну стричь, а кожу сдирать и тем исполнить свою алчную утробу обогащением. Поступок свой оказывал при том величаво, гордась так, как бы сам граф, или еще выше.

Вскоре по приезде его приехали из Москвы фабричные мастера с материалами и ткаческими станками, которые наиболее страху придали, как наговорками, равно и привезенными фабричными материалами, коих крестьяне ужаснувшись, пришли в отчаяние и оттого сильно возмутились; я же, исполняя свою должность, увещание мое полагал им, чтоб они ему повиновались, которое продолжилось только до 10 числа декабря [1]765 году, в которое я отлучившись был по его приказанию для написания купчей крепости в город Опочку; крестьяне же того числа, собравшись в великом множестве, до двух тысяч человек, предлагали ему, чтоб он все свои новозаводимые ремесла отменил, и отважась надеждою на графа, что-де он

отяготить их (так, как Девальс располагал) не согласится, произвели народное смятение, крича, чтоб он немедленно выезжал из вотчин; иные же азартные между теми ж кричали обволочь дом соломою и со всеми ими сожечь, но другие сему не соглашались; и так продолжали до вечера; а Девальс с бывшими при нем французом же Антоном Боеином, переводчиком Стахеем Трофимовым и служителями Иваном Васильевым и Александром Ивановым, запершись в доме, приготовив ружье, сидели в страхе и при случае старались крестьян уговаривать, обнадеживая вскорости от них выехать; при всем том крестьяне грозили и мне побоями, причитая, что я их оставил и будто держу сторону Девальсову, а сие заключили они из того, что я их часто увещевал повиноваться Девальсу, да и не можно было миновать, поелику о сем от графа было строгое ко мне предписание; однако ж, десница Вышнего защитила отлучкою моею в Опочку; но, с другой стороны, Девальс возымел сильное на меня подозрение, будто я, науча крестьян его убить, сам нарочно изыскал средство отлучиться в Опочку. Боже мой! Как возможно избежать бедствия? Беды отовсюду: беды от чужих, беды от своих, беды окружают со всех сторон; я ж под совестью утверждаю, что то выдуманно ложно, и в мысли моей того не бывало, и хотя за то претерпел жестокое искушение, но Видяй втайне сердца наша оправдил и от всех скорбей избавил мя Господь, еще же и возвеличил на мне милость Свою.

Девальс помощью рассыльщика Андрея Федорова сына Возвизая, который ему тайно нанял подводы, в великом страхе выехал из Белья, не настоящею дорогою, а в сторону, мимо Рождественского погоста, Воронежским уездом, и остановился во Пскове. Я, узнав о сем, рассудил к нему ехать, куда 20-го числа января и отправился, забрав с собою оставшиеся от него вещи, и явился к нему 22-го числа. В то время, в

рассуждении принятого на меня подозрения, предлагаемы были мне многие вопросы, испытывая, не откроется ли чего в подтверждение из моих ответов; однако ж невинность, также свидетельство бывших при нем служителей, оправдали меня тем, что они достоверно от крестьян во время смятения слышали о намерении их меня бить. Итак, 23-го дня я отпущен от него по-прежнему в Велье, а он собирался ехать в Петербург.

Слух носился, что граф недоволен был таковым его поведением, что в коротком времени употребил много затеев и тем привел крестьян в возмущение; однако ж, хотя не скоро, домогся склонить графа и взял от него доверенность усмирить крестьян и виновных, кого он признает, наказать, как он, Девальс, рассудит. Получа такую доверенность, Девальс приехал февраля в первых числах во Псков.

Я между тем жил в Велье в тревожных мыслях и великом смущении, ибо не знал, кому будет удача: крестьянам ли в их начинании или Девальсу; крестьяне же самым делом сочли меня за сообщника Девальсу и за то соглашались бить, а особливо в среду на первой неделе Великого поста за отсылку к Девальсу старосты их мужского Прокофья Калинина, под присмотром брата моего Ивана, что и более подавало им к подозрению на меня сомнение; но и от того десница Вышнего защитила, ибо на то время отъехал я в Святогорский монастырь, а оттуда ездил к ассессору Ивану Большому Львову, для испрошения совета, каким образом мне от такого злоклучения избавляться (после ж усмотрел, что сия надежда на человека тщетна); еще ж и на дороге собирались, переняв, меня бить; однако ж защищения Всесильного удостоился: пред самым же оттуда моим приездом прибыла в Велье присланная по просьбе Девальсовой от Псковской канцелярии воинская команда пятьдесят человек, при двух обер-офицерах,

кою собрано из крестьян под караул шесть человек, а мне ордером предписано к нему явиться.

Я уже по обстоятельствам предвидел предстоящую мне от Девальса напасть и, пришед в отчаяние, полагал намерение спастись бегством в Польшу, что и объявил я матери своей и жене; но они, будучи женского слабого Духа, безмерно возмутились, приемля себе на ум, что, лишившись меня, лишаются последнего защищения и надежды, о чем и я также соболезновал.

Наконец отважился, отменив то свое намерение, возложив печаль свою на Бога, явиться к Девальсу, что ни последует.

Итак, отправляясь во Псков в субботу 19 февраля, явился к нему в понедельник числа 21-го. При самом входе моем взирал он на меня зверски и подавал тем ужасный страх, при том спрося, что я, по отбытии из Белья, делал; и не вытерпя ждать надлежащего ответа, приказал подать ножные оковы и положить на мои ноги. Наконец объявил мне, что я первый бунтовщик, велел отвести в холодную палатку, не имеющую ни печи, ни окончины, в которой я заключен.

По наступлении вечера взят я был под провождением солдат четырех человек к нему в покой, в коем солдаты поставлены были вокруг меня, а капрал стал по правую сторону и, держа под пазухою связку батожья, спрашивал меня, в чем состоит должность приказчика и для чего крестьяне взбунтовались, а я не удержал? Наконец спрашивал, какой сундук отвез я ночью в Опочку, у кого поставил и сколько в нем денег, чтоб я неотменно признался, ибоде он знает, сколь тот сундук тяжел. А как в самом деле ничего того не было, то мне признаваться было не о чем, оклеветан же я был ненавистниками, будто после смерти прежнего управителя Залевского получал многие тысячи денег, да и собою будучи управителем будто нажил

немалую сумму. Итак, оставляя раздумать до утра, приказал отвести в то ж холодную палату, с таким подтверждением, буде не признаюсь, то будет спрашивать под батожем. Однако ж, Бог тому свидетель, что я Залевского деньгами отнюдь не корыстовался, ниже сам имел попечение скопить, да и не старался, Богу меня от того соблюдающе, Ему же слава, честь и поклонение вовеки. Напоследок же Его благостыня обогатила меня неисчетно, непостижимым Своим человеколюбивым промыслом, так что я наслаждаюсь и поныне с семейством своим великих Его дарований.

Сие приключение в невинности и страх побоев, коих я до того никогда не видал, поразили меня и ввергли в отчаяние самой жизни, воображая себе, что он меня замучит. Итак, лишась всякого рассудку, волнуясь бурей мыслей, сидел я в той палатке, в которую посажены были, в оковах же, крестьяне Малофей Марамохин, Данила Чернавин и Перфилий Быков, кои, тужа о напасти, нашедшей на нас, и видя меня в крайнем отчаянии, между прочим говорили, что-де пред сим недавно писарь Максим Ворсулев осмелился (получа к тому средство чрез порцию вина) перед французами упорно выговаривать, для чего они его сковали в железа, ибо ежели признают его в каком преступлении, то б отдали к суждению в гражданский суд, а не морили бы у себя в холодном погребе, почему и приказали-де они его перевести в теплый покой. То выслушав, я заметил и, держа в памяти, помышлял, как бы и мне подобным образом произвести способы своему облегчению, и, дождав утра, ожидал, когда меня спросят к Девальсу, для вышеупомянутого о сундуке допросу, о чем меня страх мучил беспрестанно, и чаяние побоев приводило в отчаяние. В то время вышесказанный рассыльщик Андрей Федоров, бывший прежде мне надежный, а потом, как выше сказано, сделался им верный услужник (и его

проворством они из Белья от крестьянского возмущения вывезены), из сожаления ли своего ко мне, или в другом каком смысле, принес ко мне пирог; а француз Бодейн, пришед с ним с ключом, отпирал заключения моего двери, то я, будучи в помешанных мыслях, помня вышеописанный о Ворсулеве разговор, а притом возымев досаду и на сказанного рассыльщика о его предательстве, что он, отступя от меня, перекинулся к ним, а более из отчаяния, наведенного вечерним страхом побоев, несмотря на то, что мне пирог принесен, употребил к Бодейну подобные Ворсулева представления и говорил без наблюдения учтивости, за что они морят меня в холодном погребе; ибо ежели они сочли меня бунтовщиком, то б отдали к суждению в гражданский суд. Выслушав он мои слова, тотчас заключа мою палатку, пошел и объявил Девальсу; вскоре потом пришел сержант Шевляков, имея при себе солдат четырех человек с ружьями и примкнутыми штыками и, взяв меня в оковах, проводили вверх к Девальсу, который, увеличивая угрожения, кричал через переводчика, для чего я против его упорствую; а я продолжал то же свое требование, дабы они, не муча меня у себя, отдали к суждению по законам; но видя, что они того сделать не хотят, а к большему угрожению Девальс приказал мне связать руки назад, почему я, вышед из границ здравого рассудку, предал себя опасности, выговоря, что ежели они меня не отдадут в гражданский суд, то я имею доносить о интересном деле государеве⁶⁰. Сие употребил я, помышляя надвое: 1-е) что я тем их, как иностранцев, не разумеющих российских законов, приведу в страх, послабление их ко мне жестокости (что и самым делом было бы); 2-е) ежели не так, то уже буду судим по законам, но избегну их мучения, которого я

---

⁶⁰ То есть произнесет «Слово и дело». В XVIII в. выражение «Слово и дело государево» означало донесение о государственном преступлении; рядом указов Петра I был определен порядок ведения допросов и пыток после произнесения этой фразы.

чрезмерно боялся; а по суду надеялся я от них избавиться и определенному быть в военную службу, о чем ниже обстоятельнее выяснится. К несчастью же или судьбою прилучился при том прапорщик Якимов, который, похлебствуя им за удовольствие угощением, вступился их ободрять и помогать и начал грозить мне побоями, дабы я открыл, какое я имею доносить дело интересное, почему я, видя неизбежность, боясь побоев, принужден был объявить, что о корчемстве⁶¹. Замышленный же мною донос единственно ко избавлению себя от мучения, на такой конец, как выше упомянуто, чтоб, избежав их рук, вступить в военную службу, имел основание на справедливости, ибо подходящий к сему суждению крестьянин Михайло Иванов сын Баранов действительно в том преступлении был повинен. Услышав от меня прапорщик Якимов о существе дела, приказал сыскать того крестьянина Баранова и коль скоро спросил у него о кормчестве, то он без всякого заперательства признался, что у него было к свадьбе куплено заграничного вина ведер с десять, что услышав, прапорщик Якимов заткнул у себя уши и из умыслу говорил, что он худо ушами слышит, а между тем подавал наущение о покупке с питейного дому вина. Опасаясь же далее входить в дело, видя, что оно и для него опасно, в рассуждении признательности повинного, советовал Девальсу отвести меня поскорее в то ж заключение, не развязав рук моих, куда я тем же сержантом с вооруженною командою и отведен; по приводе же туда, Бодейн приказал мне руки развязать, и остался я с вышепомянутыми крестьянами Марамохиним с товарищи в том же заключении, наполнен наиболее тревожными волнующими мыслями.

---

⁶¹ Корчемство — незаконный провоз или продажа спиртных напитков (право на торговлю ими принадлежало государству).

В то время содержания моего столь строго наблюдаемо было, что никого ко мне не допускали и уже не оставалось надежды спасения; дух мой в смущении, и отчаяние преодолевало; нет способу изъяснить столь жестокого прискорбия, когда ни откуда мог надеяться помощи, видел себя от всех оставлена, в заключении неисходном, даже для телесной нужды выпуску не было, а принесена была деревянная шайка; словом — объят был совершенным отчаянием: лишен семейства, дому и родства, даже и сообщения с людьми, заключен жесточе сущего убийцы, ибо и те имеют сообщение с другими, а я не имел сотоварищей. В таковом обстоятельстве призрел Господь с высоты святя Своя, вдохнул вступитья родственнику моему, архиерейскому певчему Михаилу Антонову, который сжалился, видно, по наставлению доброжелательных людей, подал преосвященному Иннокентию, епископу Псковскому⁶², прописывая чинимое мне от французов изнурение, от которого-де находился болен, просил о защищении, по которому преосвященный, будучи сведом о прежде бывшем старании моем о строении церквей Божиих, подвигнулся жалостью и дал консистории своей резолюцию, которой содержание явствует в сообщенной во Псковскую провинциальную канцелярию промемории⁶³, с коей при сем следует копия.

Копия

Получена февраля 25 дня 1765 года.

Промемория.

---

⁶² Иннокентий (Нечаев, 1722—1799) — профессор философии и префект московской Славяно-греко-латинской академии, архимандрит и наместник Троице-Сергиевой лавры; в 1763—1770 гг. был епископом сначала Карельским, потом Тверским и, наконец, Псковским; затем возведен в архиепископы и члены Синода. Член Российской академии; духовный писатель.

⁶³ Промемория — записка, представляемая по начальству.

Из духовной его преосвященства Иннокентия, епископа Псковского и Рижского, консистории во Псковскую провинциальную канцелярию. Сего февраля 24 дня 1765 года, поданным его преосвященству, Псковского архиереопрестольного Троицкого собора певчий Михайла Антонов прошением объявил: одного де февраля от 20 числа жены его Анны Макаревой дочери брат двоюродный, господина генерал-поручика, действительного камергера и кавалера графа Сергея Павловича Ягушинского, Велейской вотчины приказчик Леонтий Артамонович сын Травин, у директора француза Девальса, признавая якобы во учинении ему, Девальсу, от крестьян его высокографского сиятельства обиде, с прочими сообщниками содержится во Пскове, в квартире его, в цепи и в железах, связанный назад руки, в холодном погребе один, причем-де в том погребу за хладностию и караульных солдат нет, а стоят оные с переменою не в самом том месте, где он находится, при дверях с лица, и содержится без всякого пропитания, и пить, и есть нечего, чрез четверосуточное время не дают, отчего претерпевает глад, и имеется по слабому своему и малосильному здравью при смерти, и просил, дабы его из того погреба приказано было освободя исповедовать и Святых Тайн сообщить, чтоб он безвременно от гладу и вышеявствующего мучения здравью своему не учинил бы какого наивящего себе изнурения, а паче того и подлинно б без покаяния и Святых Тайн сообщения не умер, просил, дабы означенного приказчика Травина, яко находящегося в нестерпимом мучении, и чтоб за вышеявствующими резонами не причинилось ему наигоршего изнурения, при жизни его взять к защищению, во Псковскую провинциальную канцелярию и тамо приказать священнику исповедать и сообщить Святых Тайн; а что до него касается, то де и в оной провинциальной канцелярии надлежащее следствие произвести с

ним возможно, по которому прошению его преосвященство, рассуждая, что требует долг архипастырский защитить немощного от рук сильных, тогда ж наипаче, когда следует опасность к душевной гибели, того ради, по архипастырской власти, соизволил консистории приказать о свободе оното Травина из реченного погреба из-под караула, ежели то так как из вышеявствующего прошения явствует, подлинно он в таких строгостях содержится, и о взятии по делу его, что до него, Травина, касается, во Псковскую провинциальную канцелярию, по учинении с ним в винности его по законам во оную провинциальную канцелярию сообщить промеморию, и по взятии его в той канцелярии исповедать, и буде к сокращению жизни его окажется опасен, то и Святых Тайн сообщить, дабы от того яко показуемого нестерпимого содержания не мог придти в совершенное жизни своея отчаяние, и по долгу христианскому не умер бы без покаяния, о чем сею и сообщается. Псковская провинциальная канцелярия да благоволит о том учинить по Ее Императорского Величества указом, а по взятии его для исповеди и сообщения Святых Тайн, духовную консисторию уведомить письменно не в продолжительном времени, чтоб не упустить души человеческой без покаяния. Февраль 24 день 1765 г. Подлинную подписали: Иосиф, архимандрит монастыря Псково-Печерского, Иринарх, архимандрит Спасомирожский, Иоанн, протопоп Троицкий, секретарь Николай Карпов, справил подканцелярист Логин Антонов.

Я, не зная такой происходимости, в пользу мою следующей, настоял упорно, чтоб отдали меня в канцелярию, повторяя, что имею доносить о интересном государеве деле, во уповании, что тем избавлюсь от их угрожаемого тиранства и нужного в холодной палатке содержания; не находя иного средства, желал пользоваться хотя под арестом, но в теплом

покое, но сильная их рука все вышеописанные способы уничтожала, и ничего на то не воспоследовало, почему безнадежность отчаяние мое умножало до крайности.

Всемилосердный Творец наш обыкновенно ниспосылает Свою непреоборимую силу и помощь тогда наипаче, когда человеческие силы изнемогут. Видя невинность мою, из рук его мучительских подал чудным образом средство высвободиться. Был при Девальсе переводчик, знающий твердо французский язык, природою из причетников, уроженец подмосковный, бывший прежде при походной церкви одного посланника российского во Франции, Стахей Трофимов. Видя мое невинное оскорбление, сожалел и из того сожаления употреблял обо мне при случае в разговорах как о строгом меня содержании, так равно, что я, неоднократно нудясь от рук их высвободиться, объявляю интересное дело государево, но они-де, на то не смотря, усугубляют над ним свою строгость, каковой разговор о неосторожности свой, не зная в деле важности, употребил, будучи в провинциальной канцелярии, секретарю Ивану Гавриловичу Зарину, а, неподалеку сидя, прокурор Ларион Федорович Бибииков все то слышал, который, сочтя за важность, не приказал его из канцелярии выпускать, доколе он о том, что выговорил, не представит письменно доношением; итак он и не рад, да принужден, видя себя задержана, и потому-то я взят в провинциальную канцелярию присланным за мною сержантом Иваном Кузьминым.

По приводе меня в судейскую, спрошен я воеводою при вышесказанном прокуроре, о чем я имею доносить, на что я отвечивал: о корчемстве. То велено мне написать доношение, причем воевода, генерал-майор Петр Лазаревич Позняков, зная прежнее мое состояние и замечая мою невинность по виду, казался обо мне сожалителен, а далее от часу

становился переменен, угождая Девальсу; производил дело, наклоня к моей повинности, будто я, сделавшись доносителем, и не доказал, подводя меня по тогдашнему узаконению во отдачу в солдаты, что мне в рассуждении избежания из рук Девальсовых и желательно было; с положенным же в указе [1]751 году декабря 25-го дня по 6-му пункту совсем не согласно, ибо от управителей и приказчиков на представления о корчемниках никаких доказов и свидетелей требовать не поведено; однако ж, несмотря на то, дело ведено так, как просто о доносителе, чтоб ввергнуть в несчастье, и я был под следствием две недели, пользовался теплом и лучшею свободностию, даже и в баню отпущен был и железы с ног в ночное время всегда скидывал.

Девальс терзался, что я из его рук взят, и всячески проискивал к себе возвратить; наконец убедил воеводу, который меня с тем же сержантом Кузьминым на своей запряженной в сани лошади отослал в квартиру к Девальсу скованным же; тогда-то я воображал себе конечную погибель и представлял быть себе замучену, за мое к нему сделанное сопротивление, что ему весьма удобно было сделать, имев начальных судей к себе во всем склонных, данную команду военную послушных и, так сказать, внимающих помаваниям его отверстыми очами. Но, о благостыня Твоя, Господи, что творит всесильная Твоя десница! Но и Ты, о Пресвятая Дево Богородице, Заступница всех скорбящих, не надеющихся на деяние, и сущих в бедах покров и защищение! Во всю сию продолжающуюся бедственную мою нужду не видел себе оскорбления побоями ниже малейшего, что единственно почитаю чудесное от такого зверонравного тирана избавление, поелику прежде меня других тирански мучил побоями и заключением в погребе по году и более, наипаче же и те, кои ему в видении моем угождали, в том числе писарь Илья Быков, не избегнули от него побоев; воистину возвеличил есть Господь сотворити со мною милость.

Приняв он меня от сержанта, несказанно обрадовался и, не чиня мне ни выговоров, ниже угроз, приказал отвести в то ж заключение, куда уже и брат мой Алексей сыскан и посажен; принужден же он содержание наше положить выгоднее, а именно давать с кухни пищу, хотя простую, но довольную; сверх того, деньгами на каждого по две копейки на день. Сие же мне на постыждение наше, чтоб могли понимать сравнение свое с настоящими колодниками, быв прежде приказчиками. К тому же для тепла сделана печь и вставлена окончина, но для телесной нужды отнюдь не выпускали, как думать надобно, опасаясь, чтоб мы утечки не сделали; для исправления же принесена была шайка, которую караульные ежесуточно выносили. Сколь печаль и скука нас одержала, а наипаче лишаясь воздуху от тяжелого запаха, претерпевали мы в здоровье своем великую тягость через шесть недель с половиною, то есть апреля по 27-е число, по день Преполовения праздника Святой Пасхи.

В течение того времени, увеличивая свое суровство, выдумал над нами наругательство, как видно наибольшее устрашение прочил. Дабы скорее ему предались в повиновение, приказал фершалу остричь на голове волосы, сперва Трофиму Баслакову, потом Максиму и Назару Ворсулеву, затем дошла очередь и до меня; в среду за неделю Преполовения острижен. Такое наругательство в рассуждении невинности было несносно, но полагал себе во утешение, что стражду безвинно; по прошествии ж недели, в вышеназначенный день Преполовения призван был к нему, и предлагаемы были мне от него обвинения, чем он признавал меня виновным; но все поистине затейно, и иное по клевете моих ненавистников, а иное выдуманное им самим; но при том примечательно было, что он не рад, столько мне огорчивши; я, напротив того, сколько Бог на разум наставил,

приносил оправдания; наконец выговорил я ему, что я поистине старался соблюсти ему верность и никакой неправды сделать в намерении не был, кольми паче против его ни малейшего умыслу не имел, ниже с крестьянами соглашался (что и есть самая истина, Бог тому свидетель!). А потому не надеялся от него такового удручения; ежели ж бы я был согласен с бунтующими против него крестьянами и дал бы им знак хотя малым каким помаванием, то б, конечно, он был убит, каковое мое объяснение наиболее произвело в нем чувствительность, и, сидя на стуле, сложив руки к коленам, покачивал головою в задумчивости, так как бы с сожалением; но уже поправить было поздно; и так, сказав мне чрез переводчика, что я графской человек, к графу он и отправляет меня, и что граф изволит, то-де с тобою и учинит; потом спросил, пью ли я водку (коей я до того, кроме наливок, не пивал); я отвечал, что теперь с горя выпью, почему поднесли мне водки французской неполную рюмку, и я выпил; итак, препоручив меня скованного в железах отставному сержанту Степану Воинову, да конюху Якову Анфиногенову, отправил в Петербург на почтовых, куда приехали 30 апреля в субботу; будучи же в дороге в проезде чрез Новгород в полуночное время, имев свободный случай, в отлучку обоих провожатых моих и почтальона от повозки, весьма колебался я мыслями и намерялся бежать за границу, да и во время содержания в палатке с братом Алексеем то ж намерение имели, для чего проломали было в потолке печную трубу; но Господь, судьбами своими соблюдая к лучшему, не допустил и по днех печальных и скорбных наградил своею благодатию старицею и паче всякого чаяния, коею и ныне, благодаря Творца моего, наслаждаюсь.

По приезде в Петербург в дом графской, в небытность графа в доме, от управляющего домом француза Шевалье употреблена надо мною великая строгость: приставлены караульные, с подтверждением, чтоб отнюдь никого

ко мне не допускать, так точно как бы по секрету держимому в какой-либо важности; по прибытии же в дом графа строгость уменьшена, и далее уже и караульные отменены, только в оковах просидел девятнадцать дней без всякого спросу и резолюции, из чего доказательно, что графу не нужно было входить обо мне во испытание, а, видно, уважал представление Девальсого, коим он настоял, чтоб меня отослал в Сибирь на заводы; но промысл Божий, строяй на пользу нам, грешным, превратил все их умышления, приуготовляя сотворить со мною по неизреченной своей милости.

Все вышесказанное горчайшее искушение и претерпение чрезвычайной нужды, имел разлуку с родительницею, женою, дочерью, лишаюсь дому, иждивения и отечества, даже едва имел нужную пищу и одежду, свободы же и выгод вовсе отчаивался; одержала же всегдашняя печаль и ежеминутная скорбь сердца. О, коль премудрая учительница скорбь тем научила меня призывать на помощь Небесного Бога Вседержителя и Пречистую Его Матерь в заступление, так что в заключении, не имея книг, молились, читая молитвы, которые могли наизусть знать, и, сидя в заключении, вспомнить и затвердить; а в Петербурге случай был входить в домовую церковь, коей священник Иван Васильевич разговорами своими подавал мне великое утешение, сказывая прежде бывшие ему подобные от Нижегородского архиерея, потом бывшего Новгородского митрополита Димитрия Сеченова⁶⁴, гонения и оковы чрез шестнадцать лет. Даруй ему, Господи, вечную память, ибо он утверждал полагать упование свое на Бога. Итак, продолжение мне скорбных дней советом его было сносно, нрав мой полировался к смирению, о тщеславии

---

⁶⁴ Димитрий (в миру — Даниил Андреевич Сеченов; 1709—1767) — митрополит Великоновгородский и Великолуцкий с 1762 г.

не приходило на мысль; словом, нужда научила любомудрию, так что после паки власть мне попущена была над многочисленною вотчиною, но употреблял оную благорассуднее и умеренно и тем заслужил себе доброе имя и от подчиненных своих похвалу, которую даже доньше, по отсутствию оных в 1774 году, чрез пятнадцать лет, превознося, свидетельствуя заочно, тако: не было-де такого командира и впредь не буде; но сие мое велехваление отнюдь не составляет мне превозношения, ибо не сам я доволен был управлять сим народом, ниже разум мой и проворство достигнуто таковой чести, понеже я родом был незнатен, возрастом скуден, смыслом невежда и ничем не отличен был от прочих простолюдинов; но единственно смотрением Божиим пал жребий, и чрез попущенное искушение напастьми умудрен и научен был к тому способным; в таком случае слава и похвала Единому Премудрому Богу, творящему дивные чудеса. Но к продолжению возвращаюсь.

По прошествии содержания моего в оковах девятнадцати дней, оные с меня сняты, и я двоекратно к графу призван был в странном виде: голова острижена, одежда худа, единой только овчинной тулуп, и тот залощеной, будучи в заключении, от грязи. Граф, взирая на меня, что помышлял, о том знать было не можно, а только спрашивал о земледельстве, каким образом разумножить посев льна, удобрить землю и прочая; а обо мне будто ему и дела не было, только, по-видимому, укоряла его совесть, что я, первоначальный в вотчине управитель, не сделав чрез четыре года управления пороку, доведен в такой поругательный вид и состояние, якобы сущий осужденный. Особливо постыдно ему было, когда я призван был к

нему, на то время приехал граф Александр Сергеевич Строганов⁶⁵ и, увидев меня в таком виде, спросил у него: что это у вас за чудо? На что он, усмехнувшись, отвечивал, что Девальс ему то наделал.

Итак, мало-помалу избавился я невольного содержания и вскоре потом, июня 12-го числа, управил Господь не по хотению графскому, а особливим случаем. Жил у него в доме для пропитания подполковник Авраам Иванович Ушаков. Тот, по своему проворству и хитрости, входил к графу в доверенность и обнадежил ехать в вотчину и рассмотреть все обстоятельства, учредить порядки, в пользу графскую следующие; причем уже на Девальса полагаемы были хулы; к тому ж подпал он к следствию по опасным фальшивопроезженным заповедным товарам, к коему его требовали, почему он вскоре, после моего из Пскова отправления, получил о том предосторогу, сам искал себе убежища, и вся партия его рассыпалась. Граф, таким образом, лишившись Девальса, охотно согласился Ушакова в вотчину отправить, который, для узнания тамошних обстоятельств, настоял, чтоб меня с ним отпустить; но граф того сделать не хотел. Однако ж, Ушаков превозмог своим требованием и взял меня с собою. Приехали в Велье 22 июня, прожили до 2 августа. В то время чрез довольные обо мне любопытства Ушаков нашел, что я пострадал безвинно и достаивал паки к правлению вотчиною, но поелику дело мое во Псковской провинциальной канцелярии не решено было и настояла опасность отдачи меня в солдаты, то, во избежание сего, оный Ушаков, возвращаясь в Петербург, взял меня с собою.

---

⁶⁵ Строганов А.С. (1733—1811), граф — президент Академии художеств, меценат и благотворитель.

В тот мой приезд в Велье впервые свиделся с родительницею, женою и дочерью, которые во все время гонения Девальсова странствовали в бегах, покинув дом и все свое иждивение. В доме моем жили определяемые Девальсом на место мое управители: поручик Арсеньев, прапорщик Баравинов и прочие. Пожитки мои неоднократно описывали и печатали, но больше для растащания, ибо мы собрались в дом свой, имеющий только стены и негодный дрязг, но в последовании времени наиболее обогатил нас Господь Своим милосердием.

Когда с Ушаковым приехали мы в Петербург, рекомендовал он графу обо мне и о достоинстве моем, почему положено дать мне место приказчика к таковому ж управлению крестьянами. Итак, с 1 октября 1765 года определен я в мызу Колтыши приказчиком, в коем было по ревизии мужеска полу пятьсот тридцать семь душ. Зимую перебрался я туда с женою и дочерью, а мать свою оставил жить в Велье, в доме своем. В той мызе находился я только 1766 года июня по 24-е число в вожделенном спокойствии. Потом, по требованию вышепомянутого псковского воеводы Познякова, к решению недоконченного обо мне дела сыскан и отведен под караулом в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию, для пересылки во Псков. Паки оскорбление меня постигло, паки подпал я заключенному содержанию, в коем чрез две недели счислялся колодником. Почтение мое из приказчиков, в числе невольников, уничтожилось, и я паки смирился до крайности, даже получал от подаваемой колодникам милостыни участие. Вот как на свете все превратно!

По прошествии двух недель содержания моего отправлен я в пересылку во Псков, под строгим провозждением двух солдат. При том домогся я отпросить у графа с собою жену и дочь, кои отпущены со мною. По приезде во Псков, чрез просьбу графскую, а паче промыслом Творца

Нашего, июля 14-го числа 1776 года, дело обо мне решено с тем, что я удостоен в военную службу, а вместо меня граф дал перемену, в зачет других, испрося меня обратно к себе. Из сего решения коловратное приказных дел производство и неправда судейская явно представляются, ибо что я не доноситель, а терпящий гонение, в оковах будучи, принужденно в то дело вступил, то они, судьи, очевидно видели, но в угодность Девальсу наклонили к моему погублению. Когда же Девальсова память погубе с шумом, то, угрожая графу, обратили дело ко избавлению; и сего ради советую всевозможно убегать всякому от тяжбных дел, кои действительно в состоянии навести мучительную жизнь и конечное разорение. Еще ж в определении написали, чтоб меня, так как ложного доносителя, наказать плетьюми, которое, однако ж, за просьбу графскую оставлено, но я, как выше сказано, в век мой доносителем не бывал и никогда намерения не имел, следовательно, и наказания не заслуживал. Сие определение в последующее время ненавистникам моим служило острым орудием к погублению моему, ибо оное толковали, будто то наказание публичное, и якобы я тем чести и сообщения с честными людьми лишен. Вот ненависть и злоба что творить стараются: не облегчить отягощение, а усугубить язву. В возражение того истина имеет свое право течение продолжать посреди напастей безбедственно. Что я тем определением не подвержен публичному наказанию, то явно из того, что я удостоен в военную службу, а наказанным публично законы, особенно генерального регламента 53-я глава, ни в какую службу определять не дозволяет; да и в указе 1751 года, декабря 25-го дня, по которому я судим был, отнюдь не значится, чтоб самым повинным чинить публичное наказание. Если ж бы я лишен был чести, то б не допущен был после того править вотчиною и почасту бывать по делам, в той же провинциальной канцелярии с 1764 года,

отдавая рекрут и представляя собранные с крестьян оброчные деньги, производя полубовные с соседственными владельцами в землях разводы, всегда имел обращение с честными людьми; однако, в случае прекословия, не был бы терпим соперниками; по прошествии ж правления моего девяти лет, в 1777 году удостоен я от господ штаб- и обер-офицеров двадцати трех персон похвальным о поведении моем аттестатом, который представлен от меня 1778 года, января 9-го дня, в наместническое правление, и допущен по увольнении от господина в государственную статскую службу, каковое происхождение весьма кололо глаза ненавистникам моим, которые сохнут о том, егда видя счастье в ком. Господь да будет им милостив, а я, храним Божиим милосердием, донныне неврежден ядом злобы их, впредь же да защитит десница Вседержительная, молю Господа.

Возвращаясь на продолжение, изъявляю, что по получении из Псковской провинциальной канцелярии свободы, в знак моего благодарения за чудесное избавление от столь многих и тяжких напастей, ходил я из Пскова пешком во Псково-Печерскую обитель и отправил в церкви Пречистой Владычицы Богородицы достодолжное мое поклонение, в чем ощущал в печалях чувствительное утешение, так как и прежде, возвращаясь из Сибири, был для такой же благодарности во Святогорском монастыре; в прочие же случаи прибегал с молением, прося помощи и заступления, в Крыпецкой, Елизаровской монастыри или в которую-либо градскую церковь; тем и не оставлен в погибели и от всех скорбей избавлен паче надежды.

Изо Пскова приехал я во отечество мое в Велье августа 7-го числа, и не в долгом времени граф определил меня в должности поверенным к генеральному межеванию, с производением жалованья на месяц по семи рублей; управителем же определен вскоре потом придворной конюшни

ясельничий капитанского ранга Михаил Антонович Евреинов, человек добрый; при нем жить мне было спокойно, и в 1764 году построил я себе дом на каменном фундаменте.

В 1768 году, генваря 14-го дня, прислан указ из комиссии, учрежденной по именному указу о имениях графа Сергей Павловича Якушинского, чтоб управителя Евреинова отрешить, а вотчину поручить выборному, смотрение ж иметь над ним и над вотчиною мне. С того времени паки меня окружали труды и попечения. Хотя оброчные деньги, собираемые с крестьян, велено отправлять во Псковскую провинциальную канцелярию, но и граф домогался получать себе в рассуждении недостаточества своего, то лаской, иногда угрозами, причем я просил у него увольнения вечного, которое он дать обещал, а я, за указанным уже запрещением пересылать к нему деньги, однако ж имел всегдашнее грызение сердца и опасность, чтоб не погибнуть; да и действительно защищен в том промыслом Божиим, о чем сказано будет ниже в своем месте.

В течение управления моего крестьянин Яков Прокофьев, прозванием Синильник, взбунтовался противиться — из пяти сынов своих не дать в рекруты, — из чего вышло поползновение и другим отбивать. Я, будучи нетерпелив его беспорядка, весьма много труда принял ко отвращению оною: то домашними поисками ловить и преодолевать (против чего оборонялся он оружием), то представлением графу и комиссии, а потому были от судебных мест следствия и великие беспокойства, от него ж, Синильника, затейные, избывая наказания, жалобы. Против того с немалым трудом очищал себя ответами. Напоследок обратилась болезнь на его главу, так что двое из детей его заворовали в Бедринском усадище, и за то дом его,

Синильников, до основания разорен, распродан и растащен. Тогда он более ожесточился.

Потом не скоро и с большими хлопотами, однако ж дошло, что граф его отослал в каторжную работу в Кронштадт, а из детей его один помер в тюрьме, другой наказан кнутом и отослан на поселение, а трое отданы в солдаты, из коих один бежал, женился в Белоруссии и жил в деревне крестьянином. Через несколько времени Синильник из Кронштадта бежал и, являсь в Полоцке, записался в мещанство, а через шесть лет, служа в полку, меньшей сын его Григорий бежал и также записался в мещанство; исходатайствовав же паспорт, шатались в России, более по Велейской вотчине, ища моей головы в погубление, свирепея неукротимую злобою, о чем я имел достоверные известия: первое — через крестьян деревни Блесна Ермолая Феоктистова с товарищи, которые видели Синильника в Белоруссии в корчме, вооруженного, с двумя товарищами, и изустно от него слышали, что-де Травин от наших рук не отойдет; второе — наивернейшее: попало в руки мои письмо, писанное вышесказанным сыном его Григорьем, кой, будучи в полку, несколько обучился грамоте и писать. Во оном под скрытом писано между прочим к отцу его: надлежит-де взять терпение, покуда мы с полком пойдем мимо Белья; в то время не удастся ли намерения нашего исполнить. Напоследок, третье — писарь Поликарп Стайков был в Опочке и, опоздав вечером, шел большою дорогою к Белью, и как пришел ночью к озеру Каменцу и присел в крутых оврагах отдохнуть, то нашли на него два человека с ружьями. Он по обыкновению спросил: кто идет? На что они, несколько оробев, остановясь, спросили ж: а ты кто? Потом, ближе сойдясь, друг друга узнали, из коих один был Синильников сын Сидор, кой в Белоруссии женился, а другой незнакомый. Притом вдруг спросил он у Поликарпа: «Леон где находится?» Он отвечал: «Проехал-де

вчера из Опочки в Велье». На то сказал он: «Счастлив-де он, что в наши руки не попал; у нас-де в трех местах по два человека с ружьями, сидя, караулили его, а как-де ты не утерпишь, чтоб ему о сем не сказать, то лучше и тебя живого не отпускать». То он, безмерно испугавшись, прилежно просил его о пощаде, заклинаясь мне не сказывать: притом отдал им из кармана яблоки и вина в бутылочке было на шесть копеек. Сверх того они между собою были хотя в дальнем родстве. Итак, оставя его жива, сказал: «Тебе-де небезопасно впереди пройти, потому что-де там еще два человека стерегут», для чего приказал товарищу своему, не назвав именем, но просто: «Товарищ, проводи его». А сам пошел с дороги в сторону от озера в правую руку, провожатой же шел с ним, не говоря ни слова, чтоб не узнали, даже до росстаней⁶⁶, где ездят от Велья на Карновское усадище, и потом уверил, чтоб не опасался, а сам пошел также в сторону от дороги. Из сих опасностей столь я беспокоился и тревожился, боясь мучительной от злодеев смерти, всякому рассудить можно, и ежели бы вседержительная рука Господня не покрывала, возможно ли убежать от них, столь прилежно ищущих! Но слава Премилосердному Богу и Заступнице моей Пречистой Богородице за милостивое защищение! При том благодарю и святого Ангела Хранителя души и тела моего, покрывающего крылом благодати своей даже доныне.

Да и сверх того еще беспокоивали жизнь мою шатающиеся по свету волочаги⁶⁷, не хотящие трудом себе хлеба стяжать, затея многие клеветы единственно из хвасты и тщеславия, чтоб в несчастье ввести своего начальника, и был бы сменен, что им не малая утеха. Поистине же не имели они ни малого резону, ниже обиды, жаловаться. По их клеветам несколько

---

⁶⁶ Росстани — перекресток двух или нескольких дорог, распустье.

⁶⁷ Волочаги — бродяги.

крат принужден был ездить в Петербург для ответов, и хотя никогда виновности моей не нашлось, но рассуди всяк, сколько понес я изнурения в здоровье, излишние убытки и труды, а жалованья получал я только по семи рублей на месяц, что составляет восемьдесят четыре рубли в год, без произведения хлеба и провизии; то с нуждою себя содержал и оттого не имел я себе хорошей пары одежды, а в полусуконном даже к графу представлялся и не стыдился сего подлого убору. И так продолжалось время управления моего [1]768, [1]769, [1]770 и [1]771 годы в чрезвычайных трудах и попечениях, особливо при выборе от семей и отдаче рекрут, от которых не терпя, просил лично и чрез описки графа о смене от той должности; однако ж он, сочтя, якобы я притворно о том прошу, не верил и говорил: многие-де ищут сей должности, а ты просишь смены.

Истекая 1771 год, октября 10-го дня, пред полночью, в начале 11 часа, в понедельник, жена моя Дарья Петрова умре чахоткою болезнью, с которою жил я осьмнадцать лет без трех недель и имел одну дочь Матрену по семнадцатому году. Я, овдовев, то с печали, то от трудов весьма был также нездоров и почитаю, ежели б не пустил крови (что еще впервые мне нужда привлекла на 41-м году от рождения моего), то едва ли остался бы жив. Потом через месяц пускание крови повторил, и так мало-помалу выздоровел.

В наступившем 1772 году, августа 26-го числа, женился я на другой жене, поместного солдата Фомы Иванова сына Торочкова на дочери девице Афимье, коей было от роду лет тридцать. Сею женитьбою я весьма доволен, ибо она нрава благосклонного, будучи простосердечна, всегда доставляла мне советами своими утешение, и хотя состояние дому отца ее было скудное, и я в приданое ничего не требовал, да и жадности к тому не имел, ибо я молил Бога Премилосердного, дабы сочетал человека благонравного,

чем он и благословил, что я дни счастливые и покойные с нею провожжаю. Однако ж, при выдаче за меня замуж, дал в услужение девку Катерину, а после две пустоши: одну в Дубовском уезде, называемое Крючково, которую, по притеснению Разумовских крестьян, принужден продать в вотчину за сто пятьдесят рублей, а другую в Изборском уезде, именуемую Казавкино, кою и теперь владеем, получая в год по двенадцати рублей, да сверх того вдову Матрену Кондратьевну с малолетними детьми: Федором, Иваном, дочерью Акимьей, которые тогда были независтны⁶⁸, потому что нужно было их воспитывать и платить подати в казну с двух душ, а теперь ежели ценить, то составит до тысячи рублей, ибо оба годные в рекруты. Сие ясно доказало, что согласные нравы не лишились нажить имение, и чего не искали, то со временем само по себе в руки пришло, и для того я неразумным того поставляю, кто по женитьбе кидается на приданое и домогается корысть получить, ибо нередко случается таким всю жизнь проводить в горести и досадах, чего советую оберегаться и молить Бога о человеке, а не о приданом заботиться, что есть в мале полезно.

Прожив с показанною женою моею от 26 августа по 29 июня, всего десять месяцев и шесть дней, родился у нас первородный сын Андрей, который день был суббота, празднество святых апостолов Петра и Павла, во время отпуску крестохождения из Белья в Опочку, поутру, а год был 1773-й.

Время продолжалось правления моего вотчиною с обыкновенными хлопотами и трудами, особливо при наборе и отдаче рекрут, и прожив 1774 год, в 1775 году марта 18-го дня родился второй сын Гаврила. В том 1774 году по счастью получил в содержание от Полоцкого губернатора Михайла Никитича Кречетникова почту Ворсулевскую, которая мне через пять лет

---

⁶⁸ То есть были дешевыми, не могли возбудить зависти.

доставила корысти тысячу пятьсот рублей, да оную же отдал помещику Александру Петровичу Сумороцкому. За уступку и за лошадей, повозки и прочее взял с него тысячу двести пятьдесят рублей. Вот главный мой нажиток при вотчине, а в прочем я не имел способу обогатиться от взятков с крестьян; наипаче же от рекрутского набора я весьма удалялся. За то, я почитаю, наградил меня Господь несравненно, а именно вольностью, получением ранга и правом владения недвижимым, что есть вседрагоценно.

В 1775 году граф наиболее домогался получить от меня оброчных денег, по причине, что он вознамерился жениться на второй жене. Я отважно поступил, невзирая, что предстояла от комиссии крайняя опасность подпасть под суд и несчастье, ослеплен будучи желанием получить отпускную, и того ж году в июне месяце отправился в Москву, взяв с собою из оброчных денег серебряных одиннадцать тысяч да ассигнациями шесть, а всего слишком семнадцать тысяч рублей, которые не без труда и опасности в пути, однако ж доставил графу благополучно, и он принял с удовольствием. Тогда ж и женитьба его совершилась, при которой делана была на людей его богатая ливрея с золотым галуном, в том числе и мне приказал сделать, особенно против почетных его, то есть камердинера и дворецкого с широким галуном, стоящая до семидесяти рублей, к тому ж две пары шелковых чулок, на шляпу два рубли, но все то мало меня утешало, ибо отпускную мою дачею отложил вперед, чего ожидать было весьма скучно.

В ту мою бытность в Москве случилось мне видеть удивительные и чудные вещи, кои для любопытного сведения сколько возможно описать рассудилось. По повелению Государыни Императрицы, было торжество по

заклучении турецкого мира⁶⁹, июля 10-го числа. В начале отправлена божественная служба в присутствии Ее Величества в соборной великой церкви. От оной даже до Пречистенского дворца по улицам по обе стороны поставлены были военные полковые служители, палили трижды беглым огнем, потом шествие было Ее Величества теми улицами в важной церемонии окружающих придворных кавалеров, в штатном богатом одеянии, тихим шагом, чего зрители нанимали при господских домах места, откуда бы посмотреть, по полтине и по рублю, а 21 июля шествие было из города в поле.

На оное торжество приготовлено было в поле, по Можайской дороге, в урочище Ходынки, из тесу и помалеваны города Азов, Таганрог и прочие, также светлицы. Для Государыни и знатных персон там приготовлен был обеденный стол, а на площади поставлены были на амбонах четыре жареные вола, с набором при них живности, хлебов и прочего, покрыты разных цветов камкою, наподобие шатров, на середине же подведен был фонтан с напитками вокруг, сделаны были круговые и раскрашенные тридцать качелей, по сторонам два театра для фабричных, третий для ученых комедиантов, четвертый для цыганей, пятое зрелище удивительнее всех: хождение бухарцев по канату саженой чрез двадцать или более, утвержденному на столбах, вышиною: первый сажени 4, второй 6, третий 8, последний 10, держа в руках жердь с навязанными на концах кирпичами. Тут я насмотрелся чудных вещей, о коих, не видевши сам, кто б ни уверял, отнюдь не поверил бы. В полдня в двенадцатом часу трижды выпалено из пушек, то народ бросился к волам, рвали, друг друга подавляючи; смешно было со стороны смотреть. Из фонтана, бьющего в вышину, жаждущие

---

⁶⁹ Имеется в виду Кучук-Кайнарджийский мирный договор, закончивший первую турецкую войну Екатерины II (1774).

старались достать в шляпы, друг друга толкали, даже падали в ящик, содержащий в себе напитки, бродили почти по пояс, и иной, почерпнув в шляпу, покушался вынести, но другие из рук вышибали. Между тем один снял с ноги сапог и, почерпнув, нес к своим товарищам, что видящие весьма смеялись. Полицейские принуждали народ, чтоб садились на качели и качались безденежно, пели бы песни и веселились. На театрах фабричные делали разные удивительные штуки: ходили на руках, поднимая ноги вверх, оборачивались через голову назад себя, возвышались, становясь один на другого толпою наподобие пирамиды в четыре ряда вверх, а иной с самого верха бросался на подостланную нарочно большую перину. Ученые комедианты также представляли штуки, по канату ходя и скача с навязанными к ногам мальчиками и прочая. Цыгане по своему искусству играли в гудки и волыни и с женщинами и девками плясали; между ими были старики с седыми бородами — то ж действовали. Что ж касается до бухарцев, ходящих по канату, то так мне странно и страшно показалось, что я не мог на них прямо смотреть, ибо вся внутренняя возмутилась от страха, поелику поднявшись на воздух, не имея кроме канату никакой поддержки, медлить часа три — возможно ли вытерпеть! Я того и смотрел, что должно оттуда опровергнуться, но того не сбылось, а совершенно непонятным образом действовали иной бегом по канату, как бы просто по земли, другой, скача, переменяя ноги, то правою ногою вперед, то левою, и иной опускался с оною на канат и семь раз непрерывно вскакивал опять на тот же канат ногами; наконец, сидя с оною на канате, наклонялся назад себя и чрез голову перекувырнулся; на самом вышнем столбе делал перевалкою на лестнице, брюхом лежа и через голову вертясь (страшное зрелище!) и потом спустился вниз по канату, лежа брюхом и плеская ладонями. Нет способу всего описать обстоятельно тогдашних действий. Народу было премногое

множество и, взволновавшись, кабаки разграбили, харчевые запасы у харчевщиков растащили, что продолжалось до самой ночи. Потом чрез день, 23 июля, вторично также было собрание после обеда ввечеру. Тогда представлены были огненные потехи, прекрасные щиты, фонтаны, ракетки и прочая, а площадками⁷⁰ даже оттуда внутрь города, по дороге, по улицам, все было украшено, и видно было народу ходить как днем, до первого часа по полуночи, покуда все убрались по домам. Не можно всего описать обстоятельно. Немалым коштом было устроено, ибо за одни доски и обломки после взято продажею с компанейщиком сорок две тысячи рублей.

Того ж году весною ездил я в Петербург, и хотя хотелось мне нетерпеливо получить отпускную от графа, но уже по прежде учиненным от него мне отзывам и медленности не смел докучать и почти отчаивался надежды, но как воля Творца моего воспоследовала по неизреченной его благодати, то граф сам начал о том говорить и беспрепятственно мне подписанную уже и печатью утвержденную вручил, причем графиня, увидев, как видно, не соглашалась и говорила с ним по-французски. Однако ж граф положения своего не переменял.

В том же [1]776 году, декабря 28-го, поутру в 3-м часу, родился сын Василий, который, по переходе нашем жить в Опочку, июня на 1-е число 1778 году помре, причем уговорил я жену свою, чтоб при погребении его обыкновенным простонародным голосом не плакала, в чем она сделала мне повиновение, и за то ей свидетельствую благодарность, поелику она, презрев людское оглашение и судейство, оказала к мужу беспрекословное

---

⁷⁰ Плошки — глиняные блюда с тюленьим жиром, применяемые для иллюминации. Ср. в «Евгении Онегине»: «Усеян плошками кругом / Блестит великолепный дом...»

послушание, хотя и самым делом опочецкие граждане нас осуждали, но мне нет о сем радения.

Премилосердый Господь, промышляяй о нас, непотребных рабах Своих, и вся нам на пользу строяй, положил мне на сердце купить пустоши, во уповании с них пользоваться доходами для своего пропитания. Вследствие того испросил я у приятеля моего, поручика Степана Павловича Пастуховского, вверяющее письмо, что на имя его те вещи покупать, и во-первых, случай возымел в 1777 году купить у капитанши Федоры Коровниковой четыре пустоши: Лабаево, Тетерино, Селиваново и Уласиху, за триста рублей, да расходов при совершении купчей крепости двадцать пять рублей, с коих она получала доходу по семнадцати рублей с полтиною в год; а я, сделав во владельцах другое распоряжение с лучшим присмотром, то получаю с Лабаева 14, с Селиванова 18, с Улазихи 45, итого 77 рублей в год, а Тетерино отдал на промен Степану Павловичу; вместо оной получил при сельце Павлихине три пожни⁷¹ на Великой реке, которые по малой мере стоят 300 рублей, а я не соглашусь продать за пятьсот рублей. Итак, сия покупка моя составляет мне хороший доход и не меньше почитаю ценою стоящее тысячи пятисот рублей.

Потом у сержантши жены Прокофьевой дочери Колпаковой купил две пустоши: Савино и Убожьево-Губино за 180 рублей, да расход тридцать пять Рублев, из коих Савино была для пастьбы почтовых моих лошадей, тем доставила мне чрез пять лет весьма нужную выгоду, а ныне отдается в оброк по шести рублей в год, а сверх того из посеvu хлеба и льна пятинной доход, коего каждый год по десяти и по пятнадцати рублей получить можно. А пустошь Убожьево-Губино, при обмежевании Велейской вотчины

---

⁷¹ Пожня — покос, луг.

землемером Иваном Крупениковым, за взятки большая часть примежована в округу той вотчины, каковую обиду наградил мне бывший в той вотчине от господина Донского управитель майор Алексей Иванович Петин, из доброжелательства взяв от меня именем Пастуховского купчую; заплатил мне деньги двести пятьдесят рублей, в чем я также остался не без авантажу.

В том же [1]777 году, в исходе ноября месяца, прибыл в вотчину присланный от его светлости князя Григорья Александровича Потемкина надворный советник Иван Григорьевич Говорков, для принятия и отказа оной за его светлость, и хотя я имел от графа отпускную вечно на волю, но ежели б господин Говорков не склонился ко мне своим доброжелательством, то, в рассуждении сильной княжеской руки, трудно было высвободиться из неволи. Сверх того, опасался я крайне, чтоб при смене моей с управительства не припало бы никаких притеснений, что обыкновенно при таких случаях бывает. Но, слава Всещедрому Богу, все то мое сомнение произошло во благое, ибо преклонил Господь сердце Говоркова с таким ко мне доброжелательством, чего я никогда не надеялся и не помышлял. Он не только не препятствовал переселению моему в Опочку, но и способствовал, показывая к тому способы и советуя, чтоб я тем не замедливал. Пожитки свои, даже и хоромное строение, перевозил я свободно доброжелательными ко мне крестьянами, и ни в чем мне не сделал ни малейшего притеснения, ниже домогался с меня презентов, как многие об нем заключали, что он к тому склонен; но я с моей стороны в том не видел себе обиды, а остаюсь навсегда им доволен и благодарен. Поелику я поступил в покупку пустошей, которые требуют, чтоб владелец право к тому имел по рангу, а на чужое имя покупка смешана с опасностью их вовсе потерять; следовательно, нужда требовала искать такого звания, чтоб соответствовало сему предмету.

Итак, при наступлении 1778 года открылось Псковское наместничество, и бывший за губернатора бригадир фон Нолькен приезжал в Опочку для введения новоизбранных судей в присутственные места. Тогда свободно было вступать имеющим вечные отпускные в приказные чины. Сей случай я не пропустил и, будучи в Опочке, подал ему доношение об определении меня к должности к делам при Опочецком городничем, на которое из наместнического правления получен указ, что я произведен канцеляристом, а быть на копейской вакансии с получением жалованья в год сорок рублей. Оной указ получен городничим марта 7-го числа 1778 года, я перешел из Велья на житье в Опочку с семейством своим того ж года февраля 20-го дня, во вторник первой недели Великого Поста, в купленный дом у батальонного капитана Бориса Дмитриева, сына Банакова, за сто тридцать пять рублей. Приступя к должности, исправлял с успехом, так что начальник мой, городничий Карл Карлович Бриммер, был мною доволен, почему и дал мне похвальной аттестат по прошествии службы моей чрез один год, и переведен я уже не по желанию моему в Опочецкий уездный суд на канцелярскую вакансию и получал в год жалованья по семидесяти пяти рублей. В сем случае крылось в сердцах моих неприятелей, чтоб, получа надо мною власть, притеснить и вовсе уничтожить, дабы пресечь способы достигнуть мне ранг и право ко владению недвижимым. Однако ж Седяй на херувимех и Видяй бездны, Запиная мудрым коварство их, не допустил совершиться замышленной злобе ненавидящих, о чем упомянуто будет ниже.

В [1]778 году я, будучи при должности у городничего, начал тяжбу за помещицу вдову Степаниду Павлову, дочь Суботкину с ее дочерьми Акулиной и Катериной, из коих первая была в замужестве за шурином моим Самуилом Фоминым, сыном Торочковым, с солдатскою дочерью Агафьей

Алексеевой, дочь Шелимовой, за которую был заступщик секретарь Иван Сергеев, сын Третьяков. Тут я много себе хлопот и убытков претерпел, и для того не советую я никому никогда, без крайней и необходимой нужды, в тяжбу вступать, особливо если противная сторона сильна, ибо нынешних веков производство дел бесконечное и основания не имеющее. Судящие всегда обнадеживают обе тяжущиеся стороны и, продолжив тяжбу, следовательно наведя волокиты и убытки, наконец бедный со всею своею справедливостью остается виноватым. Но я в сем случае, сверх чаяния, единственно промыслом Божиим, остался с авантажем. Дело мое [1]779 года, июня 9-го числа, во Псковском верхнем земском суде, хотя с великим трудом, решено в пользу мою. Потом, в сентябре месяце, домогался я у той вдовы выстраданное тяжбою имение, деревню Павлихино, мужеска полу по третьей ревизии одиннадцать душ, с пашнею и санными покосами, купить за девятьсот пятьдесят рублей, и, отправившись в Полоцк, совершили там купчую на имя племянницы моей Матрены Алексеевой дочери жены Яхонтовой, что не без сомнения было, поелику на чужое имя, а напоследок еще сомнительнее вышло, что муж ее Иван Захаров, сын Яхонтов, отрекся ее, назвав незаконною женою, в чем довольно меня и тревожили, доколе переждал все сии волнующие колдоваты, о чем сказано будет ниже.

В том же 1779 году уездного суда судья Акинфий Андреев, сын Пантелеев, согласясь с секретарем Третьяковым, вознамерили мстить мне свою злобу: Пантелеев — за происходимые по землям его, внутри Велейской вотчины состоящим, споры, где я, будучи управителем, был против его соперником, а Третьяков — за девку Шелимову, от которой я тяжбою отлучил деревню Павлихино, вкупе же завиствуя моему счастью, что я из подлости стремлюсь быть владельцем недвижимого. Ко опровержению того умыслили меня достать к себе в команду, с тем чтобы

навести притеснение и пресечь способы к произвождению вышнего степени, лишить права пользоваться недвижимым. Самым делом удобным им представлялось сие произвести в действо. В таком положении потаенно просили они генерал-губернатора Якова Ефимовича Сиверса⁷² доношением и партикулярным письмом о переводе от городничего к ним в суд, на что вскоре и резолюция последовала, по которой я к ним переведен; но о замыслах их я отнюдь не знал. В течение же времени у них в команде прошло без всякого мне оскорбления, что почитаю я за защиту Всемогущего Бога и Пресвятой Девы Богородицы. И како бы легко можно им меня обидеть! После смены их остался я в команду другим присутствующим, но искушения тяжкого не избегнул, о чем изъяснено будет ниже.

1780 года, мая 4-го дня, будучи при должности в уездном суде, нанял я крестьян Леона Корнилова с товарищи 9 человек строить в сельце Павлихине дом, длиною на четырех саженьях с половиною, поперек три сажени трехаршинных, с перерубами, четыре покойца. Поднесли в них дверей семь, окон девять, да им же выкопать под теми покоями погреб вдоль три сажени, поперек две, глубиною два аршина с половиною. За оную работу заплатил я денег сорок рублей и пять четвертей, который помышлял я иметь для приезду временно, а напоследок благоволил Бог и всегдашнее жительство, где живу и поныне, слава Творца моего со удовольствием.

Между тем последовало мне таковое тяжкое искушение. В том [1]780 году, по суду отдано мне в повытье⁷³ дело о штык-юнкере Василье Корнилове сыне Бороздине в мучительных его к находящимся у него, по контрактам, мастеровым немцам, также и своим крепостным людям, о

---

⁷² Сиверс Я.Е. (1731—1808) — граф — с 1776 г. генерал-губернатор и наместник Новгородской, Тверской и Псковской губерний.

⁷³ Повытье — отделение для письменных или приказных «дел в судах» (В.И. Даль).

тиранствах и смертоубийственных происшествиях, который, будучи жестоконравен и дерзок, причинил ужасные изнурения, а при следствии хитрыми вымыслами старался тем свои пороки скрыть и для того употреблял происки, дабы меня склонить производить в пользу его, но я, от жалости к изнуренным и опасаясь своих командиров, отнюдь к тому не соглашался и даже удалялся с ним иметь свидание, что видя, он начал промышлять, чтобы и мне навести напасть и удалить от своего делопроизводства, к чему имел он способы чрез ходатайства к генерал-губернатору Сиверсу генеральши Настасьи Андреевны Бороздиной и прочих знатных особ, по которым и вышло, что присланным из Псковского наместнического правления ноября 12-го дня 1780 года указом велено городничему выслать меня в Лугу бессрочно, через двадцать четыре часа, к должности в тамошнюю нижнюю расправу⁷⁴. Сей удар мне был тяжек и несносен, ибо я расположился жить в Опочке, завел строение, два дома, деревня еще внове не имела распоряжения, и только лишь перешел на 29 октября на четверток в новый и тот недоконченный дом. Жена с детьми, видя нечаянное мое отлучение, оставались со слезами. Огорчение последовало чрезвычайное. Однако ж, как говорится, никакое зло без примесу добра не бывает, то и в сем случае охотнее желал я на время отлучиться в Лугу, нежели быть при производстве столь важного и опасного дела, где от погрешения спастись весьма трудно. Наипаче же впредь предвиделось и угрожало более несчастьем, даже и к сокращению жизни, ибо он, как раздраженный зверь, не упустил бы всячески мне мстить, хотя бы и застрелить случилось. После же печальной моей с домашними разлуки не в долгом времени воспоследовала мне приятная перемена тем, что я жил

---

⁷⁴ Нижняя расправа — судебное учреждение первой (низшей) ступени.

в Луге шестнадцать дней, потом уволен был в дом и, прожив до 2-го числа февраля, убедил просьбою Сиверса, что он паки перевел меня в Опочку, а дело между тем решено и отослано в верхний земский суд, с коим и Бороздин отправлен во Псков. Итак, избавился я мучащего меня страху и боязни.

По переводе в Опочку находился я при должности шесть месяцев, которая мне в рассуждении лет моих и трудности приказных дел весьма прискучилась. Вознамерился я просить в отставку; но присутствующие, особливо судья Михайло Семенович Мамонов, будучи неблагоприятный человек, весьма препятствовал и не соглашался. Наконец, когда угодно было Богу явить ко мне Свое милосердие, то он без дальней моей просьбы, августа 7-го дня 1781 года, отпустил во Псков с представлением об моей отставке, а во Пскове нашелся мне благодетель, наместнического правления советник Осип Петрович Ушаков, который благодетельством своим доставил мне отставку с произведением губернским регистратором. Получа сие желанное Удовольствие, благодаря Творца моего, возвратился в дом мой с радостью и препровождал время покойно 1784 года по август месяц.

По отставке хотя наслаждался я совершенным покоем и свободою, но приобретенное мною недвижимое, будучи укрепленное на посторонние имена, наводило мне всегдашнее сомнение и скуку; да и подлинно оно худую надежду имеет, как уже таковые образцы открывались, что доставались в чужую корысть, что самое озабочивало и меня и понуждало искать случая получить чин, имеющий право ко владению недвижимым, для чего ездил в Петербург искать средство к тому чрез советы моих благодетелей, из коих первый — вышеупомянутый Говорков, бывший в военной коллегии обер-секретарем, предлагал совет жить в Петербурге не менее полугода и взыскивать чрез подарки желаемого чина. Но мне оно

показалось трудно. Итак, я возвратился домой без всякой пользы. Между тем удивительный видел я сон: будто бы трудился я взойти на беспримерно крутую гору и, достигнув к самому верху, обессилел и возвратился обратно вниз; который я разумел приличествующий моему покушению. По прошествии ж [1]782 и [1]783-го, в [1]784 году Милосердый Господь благоволил споспешествовать моему желанию. К неисповедимой мне и всему моему потомству радости вдохнул в сердце моему благодетелю, уездному судье Евграфу Савичу Неелову приступить с прилежным старанием о производстве меня в секретари, который неусыпно трудился, прося тестя своего, губернского предводителя Матвея Даниловича Чихачева, и с ним обще губернатора Ивана Алферьевича Пиля⁷⁵; сверх того еще прилежнее старался находившийся при том губернаторе секретарь Герасим Иванович Черноусов, который подлинно усердствовал и прилагал старание, то у губернатора, то у секретарей по той экспедиции Федорова и Бравкина, что я описать не могу, и самый ближний родственник вряд ли найдется показать такую усердность. Итак, управляя мне к тому дорогу, представили с прошением к губернатору, рекомендуя меня достойным этого звания, почему хотя не скоро, однако последовало от наместнического правления в сенат представление. А пред тем еще ненавистники мои всеми силами старались в том воспрепятствовать и вовсе опровергнуть, о чем обстоятельно описать много бы потребовалось труда и времени; однако ж, хотя кратко упомянуть нужно во изъявление защиты Божией.

Предместник мой, секретарь Иван Ипатов, сын Ермилов, быв в Опочецком нижнем земском суде, и за болезнью глазами, и за слабостью подал просьбу об отставке его от дел; потом одумался и, жалея лишиться

---

⁷⁵ Губернатором в 1785—1788 гг. был генерал-поручик Иван Андреевич Польш.

прибыточного места, на которое я определялся, употреблял происки меня не допустить и самому остаться, но уже за подачею своей просьбы не было способа того ему удержать, то, однако ж, не терпел уступить, дабы мне оное досталось, и для того поощрил уездного казначейства бухгалтера Демьяна Васильева сына Пушкарева, внушая ему, что он удобнее может то звание получить; особливо наставил его представить губернатору, будто я был под следствием, и наказание учинено публичное, как уже о том выше упомянуто, что Девальсово нападение и мучительное держание в темнице, напоследок произведенное о корчемстве следствие толковали они ненавистным образом мне в порок, хотя, по здравому рассуждению, действительно почтено может быть в невинное страдание, поелику я прежде и после аттестован штаб— и обер-офицерами окольными⁷⁶ дворянами в честном поведении. Однако ж зависть не терпит благополучия ближнего. Приговорили они подать губернатору с пространном о том на меня объяснением, и сказанный Пушкарев успел в то самое время подать, когда должно быть в наместническом правлении обо мне трактацию и заключение определения. Сей пункт был наитончайший моего счастья, и перевес зависел единственно от всесильной Десницы Вышнего. Не оставалось на помощь моих благодетелей никакой надежды, а оставляло только из уст губернатора и его советников, двух персон, заключить: или я достойный, или нет. Унывала душа моя от страху, боялась вечного опровержения моей чести и всех выгод; словом, трепет одержал мою душу, но — о Боже, Создателю мой, с вышних призирая, убогие приемля, восставил на одобрение мое вице-губернатора Михаила Никитича Брылкина, хотя он и весьма мало меня знал. Поспешествовала просьба обо мне губернского

---

⁷⁶ Окольные — то есть живущие рядом, окрест.

предводителя Матфея Даниловича Чихачева, который также мало меня знал, а убежден был зятем своим Евграфом Савичем Нееловым, да и самые советники: Алексей Степанович Валуев, Александр Дмитриевич Яхонтов клонили к утверждению меня, хотя и они нисколько не прошены, при всем том за основание поставляли представленные от меня, от дворянства два да от присутственных мест, где я при должности находился канцеляристом, четыре аттестата, считая, что оные довольно доказывают мое честное поведение. Итак, заключили, утвердили, подписали определение, а Пушкареву губернатор, чрез секретаря Ивана Федоровича, приказал сказать, чтобы он тот же день из Пскова убирался к своей должности и впредь бы с такими ябедами входить не отваживался. Сие не есть ли явное милосердие Божие?

Представление обо мне послано в сенат 28 августа 1784 года, по которому быть бы мне только секретарем городovým, который чин не имеет права пользоваться недвижимым, и я с недоразумия оставался ожидать указа, без всякого по сенату старания. Господь же, устрояя полезная, по неизглаголанному Своему милосердию, сверх моего чаяния, употребил обо мне ходатаев: Василий Михайлович Любимов, господин надворный советник, со своим домовым стряпчим Иваном Тимофеевым, кои имели по сенату себе благодетелей; 2) управляющий Велейскою вотчиною от господина Донского, майор Алексей Иванович Петин, имеющий в доме генерал-прокурора Александра Алексеевича Вяземского⁷⁷ управителем брата своего родного Дмитрия Ивановича, майора ж, коему весьма угодно было помогать, и нетрудно по сенату приятелей убедить; 3) опочецкой дворянин Гаврила Ермолаевич Бухвостов просил письмом своим шурина

---

⁷⁷ Вяземский А.А. (1727—1723) — генерал-прокурор в 1764—1793 гг.

своего, полковника Льва Васильевича Елагина, который также по сенату имел силу упрашивать приятелей. Неизвестно же мне, кто из них сильнее помощь учинил, а только вероятно, что чрез просьбу, паче же промыслом Всемогущего Бога, ибо Той повеле — и быша. Сенат в скором времени, 4 октября, в пяток 1784 года, произвел с повышением чина: не быв городовым, вдруг провинциальным, в ранг сухопутного подпоручика, на который чин и патентом снабдил. О, величия Божия! С той минуты оживотворен стал в своем состоянии. Сердце мое и плоть моя возрадовашася о Бозе живе. Кто возглаголит силы Господни? Слышаны сотворит вся хвалы Его.

На сию должность из Сената в наместническое правление указ получен декабря 19-го, о чем узнав, я поехал во Псков, и наступившего 1785 года, генваря 12-го числа, в соборной Троицкой церкви приведен к присяге, и того ж месяца 23-го числа вступил в Опочецком нижнем земском суде к должности благополучно; ненавистники ж мои все умолкли. В продолжение должности моей секретарем имел я счастье от моих присутствующих благосклонностью, так что я волен был полагать резолюции, кои они беспрекословно подписывали и были довольны, за что при отставке снабдили меня хорошим аттестатом. Приказные мои подчиненные также повиновались доброхотно и обходились чистосердечно, открываясь, что они прежде не были столько довольны прежде бывшими секретарями и впредь не надеются, что все меня увеселяло. Но поелику сей свет не имеет совершенного для человека утешения и покою, то я не с той, так с другой стороны претерпевал опасность. Случился в то время на зимовых квартирах Санкт-Петербургской драгунской полк, в коем полковник и бригадир Петр Алексеевич Исленьев, усмотря слабость здешних обывателей, попустил

полковых, чиновных и нижних служителей на всякие своевольства, напротив чего нижний земской суд нудился вступаться за обидимых к защищению, что ему была несносная досада; а как я письмоводительством первый был в сих обстоятельствах переписки с полком, особливо же произошла жалоба от велейских крестьян губернатору; в том случае счел он, якобы я им ту жалобу писал и давал наставление (однако ж, по совести я скажу, что я не участник, и действительно не знал их начинания). Из оногo весьма возымел гнев и употреблял многие угрозы: то утеснить постоем в доме моем лазарета, то занятием сельца моего Павлихина для печения хлебов, а наипаче извещал я, что поощрял он офицеров из Нарова, где в компании изувечить побоями или и умертвить, что продолжалось более года, и я весьма имел опасность. Однако аще Бог по нас, то кто на нас? Все прошло безбедно, и все волны и бури утихли; но только при выходе полку повар его подговорил мою служанку, девку Устинью, которая, ушед, не возвратилась, и слышно, что в походе при доме его находится во услугах; и оная обида хотя мне несколько и чувствительна, однако ж сносна.

При всем том я еще ему, Исленьеву, и благодарю за доставление мне от должности отставки, безо всякого моего труда и попечения. Он почитал тем мне мстить, так как будто изгонением, но я в рассуждении немолодых лет моих, и что корыстолюбие меня не привлекало, к тому ж наипаче желание мое получения права владельца недвижимым исполнилось, то я рад был, чтоб получить покой, но без его происков трудно было бы того достигнуть, разве через деньги, и то не скоро; он же, хотя сделать мне зло, сделал приятное мне добро. Произвел же он то следующим образом: обольстил он губернатора Пиля обещаниями подарков, защищая от просьб обывательских, и привлекал его к себе доброхотство; однако жив том его обманул. В том числе как он почел меня старателем за его просителей,

велейских крестьян, то и наклеветал, будто я причиною их жалоб, и к тому будто я их возмущаю, просил его, губернатора, чтоб меня лишить места, думая, что тем меня оскорбит. На просьбу его губернатор приказал секретарю Федорову ко мне отписать, дабы я от непростойных поступков (каковы им были наклеветаны) удержался. Я на то отвечивал, что я в себе ничего такого не признаю, а терплю напрасно обнесение, во избавление чего не благоугодно ли будет подать мне просьбу в отставку. Посему вскоре и получил я дозволение и сентября 9-го подал я в нижний земский суд о увольнении меня за болезнью отдел челобитную, коя при рапорте представлена в наместническое правление, где без всяких препятствий, не деляя лекарем или доктором болезни моей свидетельства, благоуспешно 7 октября представлено в Сенат, а оггуда, [1]786 года, февраля 18-го дня, указом предписано, чтоб меня от дел уволить. Итак, усердно благодарю промысл Всевышнего, устрояющего вся нам на пользу, ибо я с того времени наслаждаюсь спокойною жизнью и пользуюсь правом личного дворянина.

В продолжение покойной моей жизни попечение возымел я о детях моих, в какой бы род службы их доставить. Штатская служба в приказных показала опытом моим мерзительна, душевредна и подла, и чины той службы от Дворян презрительны и поносительны, оглашая чернительною душою: для чего ездил я в 1786 году в Петербург, и по доброжелательству моего благодетеля Василья Михайловича Любимова с его стряпчим Иваном Тимофеевым положил записать в гвардию, на что в прилежном старании и обещались. Вследствие того их обещания оставил я аттестат свой и три челобитные, подлежащие в Преображенский, Измайловский и Конный полки, куда их лучше способ допустить, а сам, не хотя в Петербурге проживаться, поехал домой. Какого ж содержания те челобитные, все равномерные, о том для сведения приобщаю копию.

Копия

Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивейшая.

Просит провинциальный секретарь Леонтий Артамонов сын Травин, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

Имею я законных у себя детей, сыновей Андрея и Гаврилу, из коих первому пятнадцать, второму четырнадцать лет, грамоте по-русски читать и писать обучены, а ныне обучаются арифметике и по-немецки читать и писать, в службу же Вашего Императорского Величества никуда не определены, то и желаю оных записать лейб-гвардии в Преображенский полк, а что я имею Псковского наместничества в Опочечкой округе деревню с крестьяны и земли, о том в доказательство при сем представляю от дворянского предводителя и дворян с аттестата копию, почему и прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом поведено было сие мое прошение и с аттестата копию лейб-гвардии Преображенского полку в полковую канцелярию принять и вышепоказанных детей моих Андрея и Гаврилу Травиных в службу Вашего Императорского Величества в реченный полк записать, а для dokonчания начатых наук дать им паспорта впредь на год.

Всемилостивейшая Государыня! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. Февраля 5 дня 1788 года. К поданию надлежит лейб-гвардии Преображенского полку в полковую канцелярию. Писал Астраханской области канцелярист Иван Федоров сын Меншиков.

До определения ж еще их в службу имел об них, детях моих, попечение: сначала обучал их российской грамоте сам я, потом немец Яков Шульц обещал обучить их немецкой писать и говорить; наконец, народных училищ учитель Алексей Иевлев сын Казимиров прилежал обучать их арифметике и грамматике. Видно, что дети мои имели ко всему понятие, даже рисовать собою могли живо и исправно, что свидетельствуют нарисованные их картинки двух казаков конных и одного пешего, спрашивающего у конного: куда ты едешь? Также марширующих унтер-офицеров, видно воображая свое звание, которые в горнице на стене поставя, взираю на них с вожделением. Но жизнь деревенская и воля их тому непринужденная не допустили до совершенства. Было ж мое намерение старшего сына Андрея определить к должности в Опочецкую почтовую контору писарем на жалованье в год по ста рублей, и хотя усильная моя просьба, а старания почтмейстера Ивана Ивановича Зубатова употреблена, но губернский почтмейстер Шушерин принять не согласился, что, может быть, произошло судьбою в пользу нашу к лучшему, ибо после рассмотрел я, чтоб и та должность наскучила, поелику она отнимающая свободу даже и в день Пасхи, так что к церкви Божией на службу отлучиться не можно.

По вышеописанной просьбе в Преображенский полк они записаны наравне с дворянами вдруг фургерами, и того ж 1788 года, декабря 15-го дня, дан обоим паспорт с такою выгодою, что на время срока порожнее место оставлено, следовательно, на произволение мое, сколько бы их у себя держать пожелал. Итак, прожили они в доме три года с лишком. Потом, генваря 20-го дня 1792 года, при себе представил я в полк, обмундировал и снабдил всем потребным к должности и житию, каковой кошт составил мне

издержки не менее пятисот рублей. При всем том благодарю Творца моего, что все оное промыслом Его святым исполнилось благоуспешно; вперед же молю Его человеколюбие, да устроит о них по Своей святой воле и милосердию.

Хотя я провождал свою спокойную жизнь от посторонних дел, но, живучи в городе Опочке, весьма прискучилось, то от городской тягость, то от частых гостей, навещающих для угощения, ибо, сочтя, нашел, что в год рублей по ста выходило на то понапрасну. По таким обстоятельствам пришло желание перейти жить из города Опочки в сельцо мое Павлихино, поелику от города только в четырех верстах; следовательно, удобно часто в нем бывать. К пристройке приготовил я несколько лесу, купил в Красногорском Уезде амбар за семь рублей, который перевезши своими крестьянами, построил горницу поземною, для тепла и жительства зимнего, также скотный двор со всеми службами, две хлебных клетки; наконец, в самую осень — поварню, кузницу; при сем строении столько я труда понес, что вообразить невозможно, ибо почти каждый день из Опочки в Павлихино пешком и обратно, а нередко случалось, что четырежды расстояние то в день переходил, то есть, поутру до обеда побыв, к обеду домой приходил, после обеда пошел к вечеру, возвращался в город, и хотя все то составит в день хождения моего шестнадцать верст, однако ж, в рассуждении чувствования моего старости и понесенных во всех случаях многотрудной жизни моей трудов и слабости в ногах, доходило, что иной день едва ноги свои приволочил домой. Притом хотя лошадей и имел, но терпеть не мог на них ездить чрез столь малое расстояние. Мне скучны казались поступки моих слуг, которые несколько часов собирались седлать или запрягать в дрожки. Для означенной постройки нанял я плотника работать всякую плотническую работу на Павлихине и на Русанове; к нему

придавал своих по два и по три человека, платил ему за каждый месяц по четыре рубли на моем содержании питомством; он же никакого мяса не употреблял, пробыл пять месяцев и семь дней, окончил 30 сентября, то есть на Покров Пресвятой Богородицы; заплачено ему двадцать один рубль, прибавлено двадцать копеек.

Намерение мое было перейти на Павлихино на день праздника Входа во храм Пресвятой Богородицы, яко приличествующей такому обстоятельству входа моего в новое селение. Однако ж как внутри дому не все успел исправить, то и осталось до времени, но положения своего отменить не хотел. И так я в тот праздник до обедни, взяв два образа — один в створцах Казанской, а другой Успения Пресвятой Богородицы, мерный против Псково-Печерского, — съездил и поставил оные в павлихинском доме, с таким моим упованием, что я сей день переход туда жить учинил, и впредь, колико Господь веков пробавит, обещаюсь в тот день в доме моем или в церкви отправлять молебен, о чем и детям моим завещаю исполнять сие неотменно, благодаря Владыку Христа Спасителя, исполняющего во благих желание наше, и Заступницу нашу Пресвятую Владычицу Богородицу во всех наших скорбях и обстояниях. Потом всю зиму я жил в городе в том же своем доме, а действительно перешел в дом апреля 23-го дня 1790 года, в день святого великомученика, чудотворца и победоносца Георгия, а по Андреевой записке на 21-е число в ночи на воскресенье⁷⁸, что есть справедливее.

Понеже в сельце Павлихине житие мне показалось лучше и спокойнее и утешаясь сельским удовольствием, благодарю Творца Моего

---

⁷⁸ То есть 21 ноября — в праздник Введения во храм.

Милосердного Бога и Пречистую Владычицу Богородицу, снабдивших меня, по неизреченной своей благодати и человеколюбию, богатодаровитыми благодеяниями. Состоящие ж в Опочке дома стали мне не нужны, кои старался я продать, только в таком малолюдном городе не было желающих, то запродам было и большой из оных господину полковнику Александру Максимовичу Вындомскому⁷⁹ за пятьсот рублей в генваре 1789 года; деньги же обещевал в апреле, а дом спешил от меня получить. Слава Богу, что он ошибся, не озадачил нисколько, а между тем добрые люди предостерегли, что он на отдачу весьма медлен, и я бы с великими волокитами и хлопотами не скоро мог получить, что и я размыслил. К счастью ж, в то ж время сторговал у меня другой меньшей дом майор Ануфрий Васильевич Берников за триста рублей. Сие подало причину и резон господину Вындомскому отказать, чему я был рад и послал о сем к нему письмо, на котором он возвратно написал, что он тем недоволен. Однако ж, не обязав задатком, принужден отстать. Потом, изгода время более полугода, не надеясь, кому бы оный продать, а иметь его за собою крайне не хотелось, охотно намеревался отдать купцу Даниле Порозову, хотя бы за четыреста пятьдесят рублей; но он на сей раз, будучи безрассуден, не согласился. По наступлении 1790 года, артиллерии капитан Исак Абрамович Ганнибал⁸⁰ вступил в содержание в Опочке и в уезде питейных домов, то для приезду его, а паче ко учреждению конторы, он у меня сторговал также за пятьсот рублей, да я ж из числа строения, бывшего в продаже прежде господину Вындомскому, перевозил белый для поклажи платья амбар и мшаник,

---

⁷⁹ Вындомский А.М. (1750—1813) — полковник лейб-гвардии Семеновского полка, владелиц усадьбы Тригорское, отец Прасковьи Александровны Осиповой, знакомой А.С. Пушкина.

⁸⁰ Ганнибал Исаак Абрамович (1743—1806) — четвертый сын «арапа Петра Великого», дяди А.С. Пушкина.

стоящие двадцать пять рублей; от него ж, господина Ганнибала, получил я в уплату двести пятьдесят рублей, а после от поверенного его, торопчанина Ивана Поросенкова, в разные числа отобрал сто пятьдесят, всего четыреста рублей; крепости ж на оный дом за их нерачением было не совершено; между тем содержание их уничтожилось, и дом Ганнибалу стал не надобен, то он со своей стороны уступил чрез письмо купцу Алексею или Семену Горожанским; но я, не дав крепости и видя необходимость их к покупке моего дому, увеличил цену и наконец договорился получить денег триста пятьдесят, да из полученных от Ганнибала двести пятьдесят, итого шестьсот рублей, сахару пуд, вина простого пять ведер, чаю фунт, водки Французской штоф, что все коштует не меньше сорока рублев; полученные от поверенного сто пятьдесят рублев почтены мною за житье их в моем доме. Итак, нечаянно и ненадежно дом мой проданся довольною ценою и выгодною перевозкою строения из онога на Павлихино, а Данила Порозов не умел взять почти за половинную цену, о чем и раскаялся, но уже поздно.

С начала владения моего крестьянами положил себе правило, чтоб с ними обращаться простосердечно и откровенно, веселым видом, больше ласковостью и приветом; нередко подносил им вино или пиво и тем, вижу, привлек их к себе усердие и верность. Не нахожу я из них, чтоб который что от меня утаил в молотье, как у иных, карауля. У меня нет никакой пристороги: в амбарах поверены ключи оному из них, Терентью Иванову, и я за ним весьма мало надзираю, равно и во всем прочем, как полевых, так и домашних, и спокойность; не тревожится дух мой, и опасности никакой не имею, в чем благодарю Творца Моего, устрояющего вся на пользу. Не попускаю, однако ж, дабы они были в своевольствах, и удерживаю их не побоями, а увещательным словом, смешивая грозу с рассудительным

облегчением и укорением. И так, слава Богу, все благоуспешно. То правило и донныне соблюдаю. Таковой мой поступок привлек совершенно вольных девок из города в замужество за крестьян моих: первая — сержантская дочь Ксения Семенова дочь Кулакова, за Василья Филипова; вторая — мещанская Марфа Степанова за Дмитрия Терентьева. И благодарю Бога, что они живут уже по третьему году, а все добрым и честным поведением, чем я весьма доволен и почитаю их отменно против прочих наградою: то платками, то другим каким приветствием. Да и должно по справедливости, поелику они, оставя свою сущую вольность, пришли ко мне во крестьянство, видно надеясь на мою к ним благосклонность, против чего нечувствителен бы я был и погрешил бы Богу, ежели б того не рассуждал и не отличал приветствием и наградою. Желая, чтоб и любезные дети мои последовали написанному в сем пункте и в точности мною соблюдаемому правилу, то могут ожидать от Бога милости, а от человек совершенной похвалы.

В исходе 1791 года ездил я в Петербург и в продолжение тамошнего прожития наступившего [1]792 года, генваря 20-го дня, представил в полк детей моих, о чем уже объявлено выше сего.

Ныне доказала мне добродетель, коль она награждает наблюдающего ее от усердия творить. Тем, кто требует поможения во время нужды, она платит утехою и удовольствием духа, что должно ценить дорого. Чувствуют сей интерес искусившиеся в сем деле. В [1]786 году, по отъезде неких немцев, мужа с женою, из Опочки в свою страну, оставлена от них девица лютерского исповедания, именем Софья, лет семнадцати, не только без всякого от них призрения, но и такому человеку, где бы она потеряла свою честь. По счастью, теща сего человека, госпожа благородная, из человеколюбия сжалившись, сказала, чтоб она как можно от него убиралась и искала себе лучшего места. Она сие себе внушила и домогалась, чтоб тот

господин отпустил ее в Опочку, где она пристала к немцу, бывшему опочецкого соляного магазина приставу, прапорщику Карлу Осипову Пухнеру. Чрез короткое время Пухнер по начету взят под арест, а жена его, с коей та девица пребывала, осталась и сама в нужде; следовательно, ей содержать было нечем. Итак она, девица, с горести искала, где бы сыскать место хотя в работницы. Мы с женою, сжалившись, согласились взять ее к себе и приобщили к малолетним моим дочерям Татьяне и Пелагее, для того только, чтоб она шила на них детское платье и мыла, чему она отчасти разумела. Стол ей общий был с нами. И как те немцы отлучась, не писали к ней ничего, и где проживали, ни малейшего сведения не было более пяти лет, то мы сомневаемся, точно ли они ей были родители. Слух носился, будто отчим ее уже помер, а мать жила неподалеку в Риге или в Валках. Напоследок вышло не то. Итак, она, отчаявшись их попечения, имела только надежду на Бога и почитала нас за родителей. Приобвыкнув же к нашему православной веры поведению, пожелала оставить свое лютерское исповедание и присоединиться к нашей церкви. Я сначала не скоро к сему приступил, ожидая известия от ее родителей; может статься, возьмут ее к себе, то присоединение ее будет подвержено раскаянию; к тому ж, помышляя, не отменит ли и она со временем такое свое намерение, дабы не навести себе порушением обратно к своей вере большого греха. Однако ж она неотступно о том меня просила. В таком случае оное, с дозволения духовной консистории, успенским священником Иваном Димитриевым по чиноположению исполнено.

И как она по справедливости жизнь свою вела порядочно и от нас снабдеваема одеждою и почестью наравне с нашими дочерьми, то граждане наши имели об ней хорошее мнение. Наконец, Божиим человеколюбивым промыслом, сего [1]792 года, в мае месяце, получила она себе твердое и

основательное место к пребыванию в жизни сей, ибо опочечкой помещик прапорщик Яков Яковлевич Патенов, имеющий в Опочечкой округе деревню со крестьяны и землю, согласился законно с нею сочетаться брачным союзом, по исполнении чего живут они ныне, слава Богу, благополучно, и я слышу от граждан за попечение наше об ней похвалу и благодарность, что меня весьма веселит и утешает. Напоследок, от 25 июля, получено ею на почте письмо от отчима ее и матери, известующее, что они живы и находятся в городе Софии, близ Петербурга⁸¹, на казенной замшевой фабрике, поелику отчим ее сего рукоделия искусен, а брат ее родной Иван Гирш помощником при английском архитекторе, слышно, имеет хороший чин и жалованье. То удивительно, для чего они, в столь близком расстоянии живучи, столь долгое время оставили ее странствовать, и ниже через письма о себе давали знать. Мне мнится, сие произошло Божиим промыслом, доколе она утвердилась в православии нашей веры и привязалась законом к мужу, от которого она уже возвратиться ни к родителям, ни к своей вере средства не имеет. И я радуюсь о сем, благодаря усердно Творца Моего, устрояющего нам вся на пользу.

1792 года, июня 3-го дня, в четверток, скончалась замужняя дочь моя Матрена, имевшая от роду тридцать семь лет, из коих семь лет жила у меня, оставленная от мужа.

Я остановился поветствием, сказав выше сего об отъезде моем в исходе 1791 года в Петербург и о представлении детей наступившего 1792 года, генваря 20-го числа, лейб-гвардии в Преображенский полк. Теперь следует описать продолжение их службы, со всеми приключившимися до отставки их происшествиями.

---

⁸¹ София — уездный город в 22 верстах от Петербурга, заложенный в 17[^] (ныне — часть г. Пушкина).

В тот же 20-й день генваря, по представлении их к господину генерал-поручику и одного полку подполковнику и кавалеру Николаю Алексеевичу Татищеву, в полковом приказе отдано, что они помещены теми же фургерскими чинами в 11-ю роту и отосланы на съезжую той роты; квартиру же, из доброжелательства ко мне, без платежа, пожаловал в доме своем господин надворный советник, мой милостивый благодетель, упоминаемый выше сего Василий Михайлович Любимов. По устройении всего того, я, оставя детям своим слугу Федора Степанова, да к научению чесать волосы мальчика Федора Егорова, на расходы им при своем запасе на первый случай денег двадцать пять рублей, того же [1]792 года, февраля 3-го дня, из Петербурга отправился домой, а они с того времени жили сентября по 28-е число [1]792 года при полку. Но как они поступали по-дворянски, начали деньги занимая издерживать без расчета не по доходам, так что в девять месяцев употребили, при готовом хлебе и харчевом запасе, 345 рублей, то, видя я сию утрату, многократно писал к ним, дабы они просились на год в домовый отпуск, почему они, получа за подписанием предреченного полкового командира Татищева, того 28-го числа сентября, ордер, из Петербурга выехали и прибыли в дом октября 16-го дня, в субботу ввечеру. Проживая в доме, достигли срочного числа, который был за два дни до Покрова. Сие время обыкновенно бывает осеннее, грязное, а иногда морозы; следовательно, отправка их приходила мне в тягость. Удержался и до 12-го числа ноября. Между тем мысли тревожили меня, чтоб их за просрочку не исключили. Итак, вознамерился увертками в сем случае избавляться; вследствие того, означенного 12-го числа ноября [1]793 года подал я в Опочецкий нижний земский суд доношение, изъясняющее, что в минувшем августе месяце одержимы они были тяжчайшими болезнями и хотя чрез пользование здешнего городского

и уездного господина штаб-лекаря Якова Алопеуса и имеют несколько облегчение, но еще и ныне совершенно не выздоровели и находятся в слабом здоровье своего состоянии, в рассуждении чего, опасаясь в пути могущего случиться вредного приключения, отправить их в Петербург я не осмеливаюсь. В таком случае просил, дабы о сем полку было известно, означенных детей моих чрез кого благовольно будет освидетельствовать, и в каком они состоянии по свидетельству найдутся, об оном в вышепоказанный полк, в полковую канцелярию, за известие дать знать. Вследствие того, по учиненной в оном суде резолюции, отправившимися в мое селение дворянскими заседателями, поручиком Иваном Наперстковым, артиллерии штык-юнкером Егором Затеplinским, с вышеупомянутым городовым и уездным штаб-лекарем Алопеусом, ноября 15 дня, детям моим Андрею и Гавриле свидетельство учинено, в коем изъяснено, что первый, Андрей, от лихорадки последовало укрепление печенки, в чем им пользован и ныне пользуется; второй, Гаврила, от простудной горячки сделалось во внутренних частях груди нарыв, который и ныне имеет, и оттуда последовала в ногах ломота с опухолью, и покуда от пользования получает облегчение, то за таковыми болезнями явиться к полку им невозможно, в чем по искусству моего знания и утверждаю; равно и мы из виду их усматривая слабое в их здоровье состояние, свидетельствуем, и своеручно все трое подписали, и то свидетельство оригиналом, при письменном отношении, отсюда того ж ноября 15-го дня, под №1901, в полк отправлено. Затем жили они в доме декабря по 19-е число, в которое я с Андреем отправился в Петербург, а Гаврилу, под видом больного, оставил дома.

По приезде нашем того ж декабря 27-го числа в Петербург наняли квартиру в доме вышеписанного моего благодетеля Василия Михайловича Любимова (когого уже в живых не застали, ибо он, будучи параличом болен,

через два года скончался), каменном, три покоя и конюшня, считая по осьми рублей в месяц, и начал сын мой Андрей искать случая явиться в полк, что зависело представление от ротного командира, лейб-гвардии капитана Татищева. Но по встретившемуся препятствию, что ордер, данный им при отпуске, утрачен, а именно; генерал-поручик Михайло Савич Бороздин⁸² обещал было постараться о произведении их сержантами, и для того тот ордер, взяв у них, сказал отослать при письме своем к полковнику Татищеву с просьбою, но по оному ничего не воспоследовало, а ордер по сему случаю утратился; в таком случае капитан Татищев без ордера представить отказался, будучи при том человек несмелый и нерасторопный. Потом той же 11-й роты капитан-поручик Николай Иванович Яворский обещал было, и, несколько дней промедлив, наконец и тот отказался; напоследок полковой адъютант намерен было взять на себя представление; однако ж без ордера не осмелился. Итак, жили мы в волновании шестнадцать дней, по 9-е генваря 1794 года. Некто из нижних чинов подал совет сыну моему, дабы он осмелился явиться сам собою, что он, пришед на квартиру, сказал мне. Я, воображая, что столь низкому человеку, каков есть сын мой, представ к высокопочтенной особе, трудно на словах объяснитья, вздумал написать записку, коя была следующего содержания:

11-й роты фургеры Андрей и Гаврила Травины отпущены были на год, по 28 сентября 1793 года, на который срок не явились за болезнию. Данный им от полку ордер отец их по случаю отдал его превосходительству Михаилу Савичу Бороздину, который обещал доставить его

---

⁸² Бороздин М.С. (1740—1796) — генерал-поручик, впоследствии сенатор

высокопревосходительству Николаю Алексеевичу и просить им отсрочки еще на год.

Ныне из оных Андрей, по выздоровлении, является при сем в полк, а Гаврила одержим ломотою в ногах, с опухолью, пользуется города Опочки от штаб-лекаря Алопеуса и потому просит отсрочки еще на год.

Генваря 9 дня, 1794 г.

Сию записку сын мой Андрей подал господину подполковнику Татищеву, которая весьма нам в пользу подействовала, ибо тогда ж отдано в приказе в полк, что Андрея числить налицо, а Гаврилу в отпуску впредь на год.

Я, обрадовавшись сему последствию, нанял сыну своему квартиру на Невской перспективе, в доме купца Наркова, в покоях у переплетчика, немца Ивана Иванова, с заплатою на месяц по четыре рубли, а сам, ни мало мешкав, оставя ему на расход пять рублей, того же генваря 12-го дня отправился из Петербурга домой.

По записной расходной сына моего Андрея книжке значит, что он, пожив в Петербурге до 9 марта 1794 года, издержал денег семьдесят девять рублей три копейки, выехал по отпуску из полку в дом, до Пскова извозчику заплатил десять рублей пятьдесят копеек, а изо Пскова приехал по почте при почтовой суме, не платя прогонов, а как он в сие время подал челобитную об отставке, то и дан ему впредь до отставки от полку паспорт, отставка же последовала с чином подпоручика 1795 года, генваря 1-го дня.

Следует засим дополнить, что сын мой Андрей, получа отставку с чином армии подпоручика, в дом возвратиться не пожелал, а старался определиться в штат управы благочиния; не скоро же мог он сего

достигнуть, имел многих ходатаев; наконец, по усильному старанию блаженной памяти преосвященного Иннокентия, архиепископа Псковского и Рижского, который вместо себя ходатаем употребил преосвященного Иринея, епископа Тверского, что ныне Псковской⁸³, к господину обер-полицеймейстеру Павлу Михайловичу Глазову⁸⁴, почему августа 4 числа [1]795 года определен Санкт-Петербургской части в 4-й квартал.

Во время сего происшествия вознамерился он, сын мой Андрей, жениться и по собственному своему изобретению избрал себе невесту, прачечного императорского дому девицу Прасковью Никитину, дочь бывшего при дворе в давних годах пудреного мастера в обер-офицерском чине Никиты Мартинова. Чрез письма просил от нас на то позволения. Мы с женою, посоветовав, что ежели воспрепятствовать ему в том, то более угрожает опасность в невоздержности холостой, и потому также чрез письмо беспрекословно позволили, вследствие чего он сентября 9-го дня, в воскресенье, обвенчан в церкви на Петербургской стороне, что у Троицкой пристани, о чем уведомлял нас от 10 сентября письмом, что венчальным отцом зван был генерал и Преображенского полку подполковник Николай Алексеевич Татищев, но за невыздоровлением отказался, а пожаловал для невесты карету, запряженную в шесть лошадей, с кучером, форейторами и лакеем, да госпожа Елена Ивановна Любимова карету же в четыре лошади. Венчальным отцом был частный пристав майор Михайла Козьмич Кублицкой, а у невесты венчальная мать подполковница Костылянша, певчие были псковские весь хор. Сие я вместил в постыждение сыну моему, что он, будучи не ремень сапогу, стал утруждать знатных персон, а между

---

⁸³ Иринея (в мире Климентьевский, 1751—1818) — духовный писатель и проповедник; с 1792 г. — епископ Тверской; с 1796 г. — архиепископ Псковский.

⁸⁴ Глазов П.М. (ок. 1747—1814) — в 1790—1793 гг. — московский обер-полицеймейстер; с 1793 г. — петербургский обер-полицеймейстер.

тем издержал лишнее, вступя в долг, пользы же никакой. Сентября 29-го 1796 года уведомил нас сын Андрей, что родился ему сын Александр с 26-го на 27-е число, в 10-м часу пополудни, а от 15 октября повторил, что крещение младенца было 5 октября в воскресенье, пополудни в 6-м часу. Восприемником был частный пристав Иван Ильич Дмитриев, восприемницею майорша Катерина Андреевна Окольцова. Потом, от 16 ноября, при различных уведомлениях уведомил, что государыня императрица Екатерина Алексеевна скончалась 1796 года от паралича в четверток вечером, ноября 6-го числа, в 10-м часу. Напредь же того, сентября 28-го, в воскресенье после вечерен, зашла туча с сильным громом и с весьма страшною, почти беспрестанно сверкающею молниею, особливо при двух жестоких ударах, которая проходила не более три четверти часа. Вреда никакого не причинила, кроме что по улицам наполнила лужи водою. Такого происшествия в позднее осеннее время никто не запомнит. Хотя пропущено в своем месте упомянуть о предприятиях сына Гаврилы, который нетерпеливо домогался определиться к должности; слышав, что в Польше открываются присутственные места⁸⁵, почитал себе выгодною туда ехать; к тому ж самому согласен был вревский попович, достигнувший в Петербурге при отставке чина армейского поручика, Мина Антонов сын Рышковский. Они обое, согласясь, поехали в мае месяце 1796 года и в 23-й день были приехав в город Полоцк. Получа от благодетеля моего помощь Дорофея Тимофеевича Харина, советника губернского правления, то есть подорожную ехать в Минск, оттуда 24-го выехали и прибыли туда 27-го числа мая, в котором хотя городничим Григорьем Сергеевичем Пастуховским приняты благоприятно, но к определению мест не обрели, то

---

⁸⁵ Присутственные места в Польше открылись после третьего раздела Польш в 1794 г.

не мешкав и оттуда выехали в Гродню, где пребывал для открытия новых губерний князь Николай Васильевич Репнин⁸⁶.

От 13 июля 1796 года сын Гаврила и Мина Рышковский уведомили письмом из Гродни, что по Божьему промыслу определены в казенном отделении Литовского верховного правления приватно и получают до открытия губерний Виленской и Слонимской денег вроде положенного жалованья серебряною монетою по 225 рублей, и дана обывательская квартира, в число коих по 40 рублей уже и получили; находятся же в покровительстве у назначенного в Вильне быть вице-губернатором господина полковника Ивана Григорьевича Фризеля и надеются от него определения к лучшим местам.

Недолго сын мой Гаврила с Миною Рышковским были в согласии. Не могу я точно заключить, кто из них на то причиною, только от 1 сентября 1796 года письмом жалуется Рышковский, что Гаврила не послушал его советов в Гродне в невоздержности, вовсе заблудился, спознался с мотами, а за отговаривание его от того пьяный ухватился за саблю и хотел его рубить. Напоследок, когда промотался и нечем содержать данного ему от меня слуги, порукмакара Федора Егорова, то он, Рышковский, взял его к себе на содержание. Еще ж познакомился Гаврила с полевыми офицерами, кои, обманывая его, покупают того слугу за 450 рублей, а он-де просит 600 рублей, каковое уведомление огорчило меня до крайности, напротив чего я того ж сентября 21-го числа, в воскресенье, писал к нему, Рышковскому, прося христиански употреблять способы к его спасению от погибели, а слугу просил его, в случае нужды, отправить его при своем пропуске ко мне; а чтоб не мог Гаврила продать, то о взятии того человека в полное свое

---

⁸⁶ Репнин Н.В. (1734—1801), князь — военачальник, фельдмаршал (с 1796 г)

ведение, к нему, Рышковскому, особо верующее письмо послал, к сыну же 24-го того ж сентября в среду писал я, всячески объясняя слабой его поступок, угрожал, чтоб он себя исправил; он, осердясь на то, перестал к нам писать, и не было об нем известия по 20 марта 1797 года.

Между тем сын Андрей от 8-го числа февраля 1797 года уведомлял, что по силе именного Его Величества генваря 11-го дня указа переименованы из военных в штатские классы штата управы благочиния 61 человек, в том числе и он в коллежские протоколисты, находится ж при той же должности; а от 9 марта писал, что за болезнью его от оной должности исключен, и советуют ему определиться в другую службу; но я в 17-й день марта, во вторник, писал к нему, укоряя, что он уклоняется и избирает самовольно на чужой стороне толкаться, изнурять при том свое здоровье, пренебрегает же домоводственное хозяйство; настоял, чтоб он старался приехать домой; вследствие того, на случившихся господина Вындомского подводах, к самой Пасхе, которая была в [1]797 году апреля в 5-й день, в Русаново с женою и сыном Александром приехал.

Сын же Гаврила от 20 марта 1797 года из Слонима писал, извиняясь, что он с 18 декабря был болен и потому будто к нам не писал, и что он в город Слоним был назначен уездным стряпчим; но, по уничтожению в Литве сих мест, объявил желание в дом и ожидает повеления об отпуске, надеясь, что по крайней мере на Святой неделе⁸⁷ непременно приедет. Оным же письмом признавался в погрешностях, свойственных по несовершенству и по ветрености, но не важных, не так как-де Рышковский доносил, будто я хотел продать и человека; клялся, не только-де сие сделать не желал, но и мыслить никогда не думал; хвалился, что он тамошним поветовым

---

⁸⁷ То есть на Пасху.

начальником, подполковником и кавалером князем Щербатовым во время болезни был доволен; обещал с нами вскоре увидаться. По письму Мины Рышковского, Гаврила выехал из Вильны домой 8 апреля 1797 года, но, опасаясь по приезде от меня прискорбля, просил, чтоб, по обещанию моему в письме (коим я его вызывал домой посланным от 21 февраля, а он получил 10 марта), до оного не доводить. Самым делом он с человеком около Святой недели приехал, и я принял его с восторгом при родительских объятиях.

Выше сказано, что сын мой Андрей, по приезде в дом с женою и сыном в начале апреля 1797 года, жил до осени, а тогда от герольдии требовалось доказательство о дворянстве, и были толкования, что должно лично оные в герольдию представлять. Потому рассудилось отправить его в Петербург, куда он в сентябре и отправился. При том желательно ему было приискать место определиться к должности, и для того испросил он у Святогорского игумена Моисея, яко носящего отличность князя Куракина⁸⁸, бывшего генерал-прокурором, просительное письмо. Однако ж в сей поездке ничего в пользу не получено; о дворянстве доказательство велено представить в губернское правление, а князь Куракин, получа письмо, замолчал, почему сын мой возвратился домой единственно с убытком из Петербурга, на попутных лошадях секретаря Николая Алексеевича Соколова, ноября 17-го дня 1797 года.

До сего места все было хорошо по 1799 год, и я радовался во всех моих успехах, как о записке в службу сыновей моих наряду с дворянами, по аттестатам, полученным старанием моим от господ дворян, а потом к отставке и от предводителя; напоследок лестно мне было, что дети мои

---

⁸⁸ Куракин Алексей Борисович (1759—1829), князь — генерал-прокурор (с 1796 г.), член Государственного совета; управлял Министерством внутренних дел (1808-1810).

получили офицерские чины. Все утешало меня и льстило надеждою, что дети мои возвратятся в дом, будут мне на старости подпора и помощь в домоводстве, к спокойствию остатних дней моих. Но ах! Как обманулся в надежде моей!

Дети мои, взяв в голову, что они уже офицеры, обратили внимание свое не то чтоб входить в домоводство и заботу, но уже мало стали помнить, что они имеют отца. Их попечение было получше одеться, втесниться между дворянами, показать себя, будто они нечто значат, а что наигорше — сводили не только с благородными, но и с мещанами пьянственные компании, от которых хотя старался я отводить, но они старались от родителей утаивать и так привыкли к пьянству, что уже теперь и отстать не могут, и тем уничтожили себя перед прочими в благородном обществе, а родителям навели при старости лет пребезмерную печаль. По той-то причине молчал я от 1799-й по сей 1806 год, июня по 19-е число, не отписывая чрез семь лет ничего, ожидая, не обратятся ли к поправлению жизни своей, но еще и поныне не дождусь. Молю Всещедрого Бога, да ими же весть судьбами исправить судьбы их! Сколько ж потерпел от них грубых и укорительных досад, единому Богу сведущу, а я теперь исчислить не могу. Наслышался неисповедимого злословия!

В то течение времени, в 1802 году, ноября в последних числах, выдал в замужество дочь свою Татьяну за поручика Андрея Егорова сына Затеplinского, а в 1804 году, ноября 2-го дня, последнюю дочь Пелагею, да прежде того, в июле месяце, внуку свою Пелагею за красногородца, записавшегося в рижское купечество, Ермолая Михайлова сына Крикунова. Дочь же Пелагея выдана за приказного протоколиста Ивана Михайлова, сына Макеева.

Праведен еси, Господи, и правы суды Твои. Наказание Твое я чувствую и признаюсь в безумном своем желании прославить детей своих. Не знал я, чего искал. Узнал, да уже поздно, когда не возмог удержать от развратных поступков. Раскаялся, но исправить не мог. Итак, старший сын мой Андрей жалостным образом окончил жизнь.

Он в 18-й день августа, в субботу 1806 года, вышел в сад косить траву и вскоре найден женою его мертвым, в яме, из которой выкопана глина и в которой, от дождей накопившись, была вода небольшое количество. А как он туда и отчего упал, никто не видал, единому Богу сведущу. Ох, как жалостно! Таковым безвременным и страшным скончанием оставил родителям, жене и младенцам своим неоплаканную скорбь и печаль! Молим Всемилостивого Бога Спаса Нашего Иисуса Христа о помиловании и о прощении грехов по неисчетному милосердию Своему! Прежде таковой его ужасной кончины, недели за две или три, было ему явственное упование от Бога предвещание, о котором он изустно нам, в бытность нашу с женою в Русанове за одну только неделю смерти его, рассказывал. Несколько крат и в нескольких местах, то наверху покоев, то на дворе, то в саду, слышал он поющие гласы: Господи, помилуй раба твоего Автонома, раба твоего Леона, раба твоего Андрея и прочих, все семейство, даже и зятей... Не мог он понять, что оно есть предвещание, а искуситель, враг рода человеческого, вложил ему мысль, якобы таковое смущение от духа нечистого; то призвал священника Федора Воронежского, святил воду, кропили оною везде по дому. Сие свято и угодно Богу. Но, как и потом такие ж гласы слышны были, к великому сожалению, обратился он искать поможения от волшебников и призывал порознь двух мужиков, кои уверили его, якобы от неприятелей его насланы нечистые духи. И они действовали свои богомерзкие шепты, даже один из них выдумал закопать

живую кошку в землю. Потом уже таких гласов слышно не стало; я уповаю — прогневанный ангел Господень умолчал. В течение времени от 1799 по 1807 год, чрез семь лет, сколь много было в жизни моей разных перемен и приключений, но в суетах и скучном провозждении печальных дней остались неописанными и погрузились в вечное забвение, а я еще жив, слава Богу о всем.

И так теперь-то продолжается жизнь моя прискорбная от ветхости дней и припадающих попечений. Я надеялся, что дети мои похоронят нас с женою, а сами будут управлять своими семействами и домами; но судьбы Божии определили, что уже первого сына похоронил, а другой жив, да безнадежен к помощи моей. Оскорблены мы в жизни нашей от детей, весьма много претерпели досад и убытков, а теперь излишне озабочен попечением об оставших сиротах, в коих числе умершего жена, три сына и две дочери; большому сыну уже девять лет, но к ученью весьма ленив, прибавляет мне сует и попечения сверх всего. Год от году увеличивается неурожай хлеба, на покупку коего употребил в 1804 году на девяносто пять рублей, в 1805 году на сто семьдесят восемь рублей, в 1806 году на триста девятнадцать рублей, всего на пятьсот девяносто два рубли. Крестьяна оскудели, подати увеличились. До сего времени вышло платежа за крестьян собственными моими деньгами двести девяносто один рубль шестьдесят пять копеек. Вот какова отрадна моя жизнь!

Кончил описание генваря 18-го дня 1807 года в понедельник, но не окончилась суетная моя жизнь. Я еще пребываю 1808 года августа по 1-е число. Между тем имел попечение пропитать свое семейство и крестьян, купил у генерала Неведомского ржи десять четвертей по 10 рублей, итого 100 рублей, у Андреяна Сумороцкого 8 четвертей по 12 рублей — 96

рублей; за крестьян рекрутских заплатил 155 рублей подушных с почтовыми на [1]807 год, также при отдаче человека в милицию⁸⁹ употреблено 83 рубля 98 коп. В 1808 году куплено ржи у Арбузовых крестьян восемь четвертей, по четырнадцати рублей, на 112 рублей, подушных и почтовых 40 рублей. Итак, в полтора года, кроме других многих домашних издержек, употреблено 588 рублей 58 копеек, а с прежде описанными в четыре года шесть месяцев 1474 рубля и 3 копейки. Вот как весело проводил время! А далее еще горестнее: марта 30-го числа, в понедельник Страстной недели, жена моя Афимья Фомишна почувствовала небольшой озноб и с того времени от часу ослабевала в своих силах, лишилась пищи, жаловалась, что у ней болит сердце. Апреля 2-го числа, в великий четверг, исповедана и приобщена Святых Тайн протоиереем Петром Васильевичем и в тот же вечер им же с двумя священниками, соборным Михаилом да Успенским Григорьем, соборована елеосвящением, и по тяжести болезни весьма отчаянна была до дня Святой Пасхи. Потом хотя несколько было малейшее облегчение, но к выздоровлению не видно было надежды, и продолжалась тяжкая ее болезнь апреля по 23-е число, до дня святого великомученика чудотворца и победоносца Георгия, бывшего в четверг. В той день, по приходе моем из Опочки, после литургии, в половине одиннадцатого часа, застал я ее оканчивающую жизнь, и не более как чрез десять минут зрел с умилением расстающуюся душу ее с телом. Ох, жалостно! При всем том считаю за удовольствие святейший промысел Божий, что определил мне любезную мою супругу, бывшую утешением во всей моей с нею жизни, предать христианскому погребению, которое хотя с трудом по разлитою вод в 26-й день в воскресенье, препровождено было своими, с помощью

---

⁸⁹ То есть в ополчение.

сторонних, при присутствии двух священников, в Спасителеву соборную церковь, а по отпелии обычного правила, возвратно препроводили во облачении оной же протоиерей со священниками Михайлом, Петром и Григорьем в сельцо Павлихино, к часовне, где и предано тело земле, и я довольствуюсь по часту посещать ее могилу и поминать душу усопшей рабы Божией Ефимии. Слава Вседержителю Всевышнему, устроившему все во благое по Своей святой воле, аминь.

Засим я, прожив на свете семьдесят пять лет, пять месяцев и девятнадцать дней, по долгу естества ожидаю кончины дней моих.

А.Г. Хруцова.

Воспоминания.

Печатается по: Рус. архив. 1901. Кн. 1. Вып. 4. (Под заглавием «Воспоминания крепостной старушки А.Г. Хруцовой».)

Воспоминания Авдотьи Григорьевны Хрущовой (1786—1872) записаны с ее слов ее воспитанницей и госпожой Варварой Николаевной Волоцкой, урожденной Нефимоновой (1831 — ?).

К публикации воспоминаний А.Г. Хрущовой в "Русском архиве" приложена заметка В.Н. Волоцкой под заглавием «Характеристика Авдотьи Григорьевны и конец её жизни:

"На этом обрываются воспоминания Авдотьи Григорьевны, записанные мною кратко, продолжением их когда-нибудь явятся мои собственные записки. Теперь же добавлю несколько строк о положении в нашем доме, характере и остальной жизни Авдотьи Григорьевны. Сам глава дома, отец мой, относился к ней с полным почтением. Мать моя искренно ее любила и уважала. Мы же, дети помещичьи, ей, крепостной, иногда целовали руки и смотрели на нее почти так, как если б она была нам родной бабушкой. Против последнего названия старушка постоянно протес-говоря: "Что это? Ведь я девушка; как же у меня могут быть внучата?" Когда одна из моих сестер вышла замуж и, живя с мужем в столице, в 1844 году со страхом ожидала первых родов, то наша Дунинька, как мы ее называли, сказала моим родителям: "Она еще такой птенчик, и на чужой стороне, при мне было бы менее страшно. Отпустите-ка меня в Петербург!" Ее отпустили. Железных дорог тогда еще было. Чтобы не причинить господам большого расхода, она поехала на долгих, тащилась пятнадцать дней и вытерпела прямо мучительную езду. Возвратясь домой, она говорила: "Ну, слава Богу, хотя я много натерпелась дорогой, но зато насмотрелась на мою голубушку и ее ребеночка, обрадовала ее и сама успокоилась, что ей живется недурно, а на прощанье все-таки поклонилась в ноги ее мужу, чтобы он ее любил и берег!"

После освобождения крестьян Дунины́ка осталась в нашем доме, но, к сожалению, уже в качестве инвалида, так как к этому времени она успела постепенно ослепнуть. Поневоле оставив свои обязанности домоправительницы, она заплакала. "Вот уже я стала никуда не годна!" Однако и слепая, она не оставалась праздною: попросит завязать чулок или шнурочек на рогульке и работает. Несмотря на слепоту и престарелый возраст, она осталась чистоплотною, деликатною и тактичною. Нравственная чистота ярко отпечатлевалась на ее лице, оставшемся до конца девственным, благородным и миловидным. Окружавшая ее тьма изредка освещалась яркими и приятными видениями, то светского, то религиозного содержания. Так, однажды представился ей Спаситель, благословением поощрявший ее к терпению; она протянула к нему руки и радостно говорит мне: "Как будто я не слепая: вот-вот Он стоит передо мной!" Во время болезни ее барыни (моей матери) Дунины́ка пыталась ощупью приблизиться к ней, чтобы оказать посильную помощь; но, случалось, иногда при этом сама натыкалась на мебель и стены. Когда же барыня скончалась, слепая няня сперва всю ее обшарила, чтобы убедиться, что умершую одели как следует, а потом трижды перекрестила ее и сказала. "Ну, слава Богу, теперь и я умру спокойно. Прощай, моя матушка, скоро увидимся!" Действительно, верная няня ненадолго пережила свою бывшую воспитанницу. Она кончалась с молитвою на устах через пять месяцев, в возрасте свыше 80 лет, в 1872 году, в Ярославле. По начитанности и развитию она стояла выше большинства своих современников даже из помещичьего класса. К ее добрым качествам бедует добавить и бескорыстие: около 40 лет распоряжаясь хозяйством в зажиточном доме, она ничего не нажила. Было ею сбережено только 86 рублей, полученных от членов нашей семьи в виде подарков на именины и праздники. Но и эти

последние ее деньги она отдала одной девушке, которой нужна была шуба по случаю наступающей зимы, и, отдавая, говорила: «Зачем мне деньги? Я, слава Богу, сыта и одета».

Детство Авдотьи Григорьевой

Я, Авдотья Григорьева, уроженка Калужской губернии, родилась в 1786 году. До десяти лет жила я в своей родной крестьянской семье, счастливая, беззаботная, бегала по улице босая, в одной рубашонке. Однажды вся наша большая семья собралась в избу обедать. Отец, почтенный старичок, и дети, окружая его, усердно помолились Богу и сели за стол. Мать хлопотала у печи. Вдруг отворяется дверь, и входит староста. Помолясь на иконы, он кланяется хозяевам и, почесывая затылок, говорит: «Ну, дядя Григорий, недобрую весть я принес тебе. Сейчас получен мною от барина приказ: немедленно привезти к нему твою Дуняшку. Там, слышь, бают, что он проиграл ее в карты другому барину». Одно мгновение все смотрят на него, разинув рты. Потом подымается горький плач, сбегается вся деревня, и начинают причитать надо мной как над покойницей. Судьба сразу дала мне понять, что я не батюшкина и не матушкина, но барская и что наш барин, живя от нас за сотни верст, помнит всех своих крепостных, не исключая и ребятишек. Но барской воле противиться нельзя, от господ некуда убежать и спрятаться, и потому, снарядив меня бедную, отдали старосте. Оторвали меня малую от родителей и насильно повезли в неволю. Дорогою я плакала, а встречные с нами сильно негодовали на господ.

Приехав в Ярославль, мы узнали, что я проиграна господину Шестакову, Гавриилу Даниловичу, жившему на Духовской улице в

собственном доме. Вот я стою пред страшным барином; староста толкает меня в бок, говоря: «Кланяйся господам в ножки и целуй у них ручки». Барин же, указывая на молодую женщину, говорит: «Вот, Дуняшка, твоя барыня; слушайся ее». Барыню мою звали Феофания Федоровна. Она приказала мне идти за собой к ней в комнату и посадила на скамеечку у своих ног. Я со страхом поглядываю на нее исподлобья. Она же то погладит меня по голове, то вдруг вскочит со стула и быстро заходит по комнате, браня своего мужа. Кушать приносили ей в ее комнату, и остатки обеда она отдавала мне. Я же была у нее на посовушках⁹⁰. Барин почти не бывал у нас, только изредка к ночи приказывал принести из кабинета свои подушки, и тогда я уходила из комнаты.

Барыня моя была добрая; однако я ее боялась и постоянно тревожилась, чтобы разом уловить и исполнить приказание, если она его сделает. Даже и сны мои были полны такой же заботы. Я осмыслила, что нет у меня никаких прав, а все мое положение зависит от воли госпожи, и чтобы заслужить ее милость, я старалась быть внимательной, расторопной и безропотной, но вместе с тем навсегда утратила охоту к забавам и стала как бы взрослая. О родителях я не имела никаких известий, по их неграмотности и неимению денег на пересылку писем: в те времена даже господа писали и получали письма раза два в год или реже.

Однажды вызывают меня во двор, говоря, что там меня спрашивает незнакомая женщина. И какова же была моя радость, когда я увидела пред собой мою матушку! Мы так и замерли в объятиях, обливая одна другую слезами. Материнское сердце не выдержало неизвестности о моем житье: она отпросилась у мужа и старосты и пошла пешком меня проведать. С

---

⁹⁰ То есть на побегушках.

дозволения моих господ, она временно поселилась в нашей людской, но видалась со мной только урывками, так как обе мы были заняты. Она добровольно помогала в работах нашей прислуге, чтобы избежать упрека в дармоедстве и выказать себя отличною работницей, в надежде этим соблазнить моих господ на покупку ее с семьею. Когда о трудовых ее подвигах и кротком нраве доложили барыне, та высказала именно такое желание; но, к несчастью, наш барин запросил такую огромную цену, что поневоле пришлось отказаться от надежды вновь соединить нашу семью под одною властью. Когда не сбылась эта ненадолго нам блеснувшая надежда, мать моя простилась со мной навсегда, успокоенная уверенностью, что я живу у хороших людей.

Прощаясь, она благословила меня и сказала: «Не плачь, мое дитячко, молись Господу Богу и Царице Небесной. Люби своих господ и служи им верой и правдой. Строго соблюдай целомудрие; не выходи замуж, если будет возможно, ради того, чтобы и тебе не пришлось разлучаться с детьми».

Божьею помощью я свято исполнила ее завет. С тех пор я не получала никаких известий о моих родных; но почти утешилась в разлуке с ними, покорясь неизбежности и отдав все сердце моей старшей барышне, которую не любить было невозможно.

Шестаков и Панов

Гаврила Данилович Шестаков происходил из дворянской семьи⁹¹, но очень бедной, и родители его сами работали в поле. Детей у них было много; мать младшего ребенка посадит к себе одного «на закукры»⁹², как говорят в деревне, двоих ведет за руки, и со всех сторон окружена была детьми постарше, которые шли и бежали с нею. Гавриле Даниловичу необходимо было самому о себе постараться; он поступил на государственную службу и дослужился до чина бригадира⁹³. Это был важный чин, почти генеральский; людям этого чина дозволялось употреблять при выездах генеральскую упряжку: шестерку лошадей с форейтором впереди⁹⁴. Слыхала я, будто он некоторое время служил и в Сибири, откуда вернулся в собственной карете, с гербами на дверцах и с моржового сбруей, а с собою привез немало драгоценных камней, более всего аметистов. Последнее время службы он провел в Москве в тамошнем сенате⁹⁵. Приехав на родину в село Дворянкино, Любимского уезда Ярославской губернии, повидать родителей, он был ими сосватан.

---

⁹¹ Существовало несколько старинных дворянских родов Шестаковых, записанных в шестую часть дворянской родословной книги Владимирской, Новгородской и Ярославской губерний. В родословном древе столбовых ярославских дворян Шестаковых Гаврила Данилович не значится. Он принадлежал, очевидно, к одному из нескольких поздних дворянских родов Шестаковых и был последним в этом роду.

⁹² То есть на закорки.

⁹³ Бригадир — в 1722—1799 гг. офицерский чин, промежуточный между полковником и генералом.

⁹⁴ То есть цугом (шесть лошадей в одной упряжке с двойным выносом). Так в конце XVIII — начале XIX в. осуществлялся в соответствии со специальным регламентом официальный выезд крупного чиновника. Ср. в «Горе от ума» А.С. Грибоедова: «покойник дядя <...> Весь в орденах, ездая-то вечно цугом» (д. II, явл. 2)

⁹⁵ Имеются в виду московские департаменты Сената. Сведений о службе Г.Д. Шестакова разыскать не удалось.

В соседстве с бедными Шестаковыми жил богатый помещик Панов, Федор Федорович, которого земли тянулись верст на тридцать в длину⁹⁶. Панов был женат на знатной особе, бывшей фрейлине при царском дворе, и была у них одна только дочь Феофания, красавица собой. Рано она вышла замуж тоже за красивого помещика Андрея Андреевича Мыльников⁹⁷. Жили они душа в душу, любовались на своего первенца Федю⁹⁸, утешались его детским лепетом. Но счастье земное так непрочно: спустя немного лет неожиданно для всех умирает Мыльников, и молодая вдова с сыном возвращается в дом родительский. Мать у нее, болезненная женщина, помешалась в рассудке. Дочь начинает замечать, что она становится обузой для отца и что он начинает соблазнять ее молоденькую няню. В это время ей сватают бригадира Шестакова, и она решается за него идти по совету отца и всех родных, хотя немолодой, суровый и гордый Шестаков не мог внушить ей любви.

Панов же, выдав дочь замуж, стал решительно преследовать ее скромную няню, свою крепостную девушку, которая долго ему сопротивлялась, но в конце концов подчинилась его власти и силе. У них родился сын Петр. Она была прекрасная, добрая, кроткая, сердечная женщина. Всю ее родню Панов отпустил на волю и устроил им в Ярославле гостиницу. Когда же умерла его поврежденная в уме жена, он объявил, что

---

⁹⁶ дворяне Пановы внесены во вторую часть дворянской книги Ярославской губернии. Федор Федорович служил в наследниковом Кирасирском полку, вышел в отставку в 1763 г. поручиком (Гос. архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 213. ЮП. 1.ЕД.ХР. 2468. Л. 2).

⁹⁷ Род Мыльниковых занесен в первую часть дворянской родословной книги. 0 [1794 г. Андрей Андреевич — коллежский советник (ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. ед.хр. 2111).

⁹⁸ Федор Андреевич Мыльников (1792 — ?), в 1826 г. титулярный советник в отставке, помещик Ярославской и Владимирской губерний, был женат на дочери гвардии прапорщика Андрея Каблукова Марье Андреевне.

сын его Петр законный⁹⁹. (К сожалению, этот сын впоследствии оказался мучителем крепостных девушек и был сослан в Сибирь, оставив после себя красавицу жену и троих детей¹⁰⁰.) Но зять Шестаков не мог примириться с последними действиями тестя. Заговорила в нем дворянская гордость. Каково! Женился на своей крепостной девке и усыновил ее сына, лишил наследства законную дочь. Через несколько времени Панов приехал в Ярославль и остановился в гостинице у родных своей второй жены. Узнав об этом, Шестаков явился к тестю и имел с ним горячее объяснение, вероятно, по поводу его недворянского поведения. Оттуда сильно взволнованный вышел он в общую залу гостиницы и потребовал чашку кофе. Быстро ее выпив, он вдруг почувствовал себя дурно и начал так громко икать, что перетревожил всех находившихся в доме. Панов распорядился немедленно отвезти заболевшего зятя домой. Домашняя прислуга сочла Шестакова умирающим и без его распоряжения позвала к нему священника, но больной отказался от услуг последнего и крикнул прислуге: «Зачем пустили сюда жеребцов? Гоните их!» Все думали, что ему почудились жеребцы в комнате, но, может быть, он так назвал членов церковного причта (нередко слышишь, как семинаристов называют жеребьячьей породой)¹⁰¹. Вслед за тем несчастный Шестаков умер без

---

⁹⁹ В 1802 г. Петру Федоровичу Панову было 15 лет, в 1820 г. он прапорщик в отставке (ГАЯО. Ф. 13. Оп. I. Ед. хр. 2468. Л. 2). В родословном древе Пановых Петр Федорович не значится.

¹⁰⁰ В Гос. архиве Ярославской области хранится секретное дело «О жестоком обращении любимского помещика Петра Панова с крестьянами, принадлежащими ему и жене его», начатое 21 марта 1831 г. в дворянском депутатском собрании по распоряжению ярославского губернатора и оконченное 25 октября 1832 г. Жалоба дворовых людей Пановых была признана справедливой (ГАЯО. Ф. 213. Оп. I. Ед. хр. 2580).

¹⁰¹ Ср. упрек священнослужителя крестьянам в главе «Поп» из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Скажите, православные,
Кого вы называете

покаяния, в страшных мучениях и ни с кем не простившись. Поговаривали, будто он был отравлен родными второй жены Панова, за свою угрозу возбудить дело о подлоге в метрических книгах; но возможно, что тут от гнева сделался сильный истерический припадок с громкою икотой.

После Шестакова осталась вдова, моя барыня Феофания Федоровна в тихом помешательстве, и две дочери (опекуном был у них Алябьев). Мать и меньшую дочь Александру Гавриловну взял к себе в усадьбу Мыльников, но держал их в подвальном этаже и в черном теле. Этот молодой человек, обладатель 500 душ и прекрасной усадьбы, по примеру прежних помещиков, завел псовую охоту, окружил себя приятелями, с которыми кутил и безобразничал. Бывало, запрется в спальню со своей любовницей, а бедная малютка Саша бегаёт без всякого призора в беспятых башмаках и худом платье. Голодная, стучит она потихоньку в дверь его спальни и кричит: «Акулина Ивановна, мне есть хочется». Не скоро отворится дверь, и та с бранью сунет ей кусок черного хлеба; ребенок же ловит руку и с жаром ее целует. Малютка Саша заглядывает в переднюю: там так весело, собралось много дворовых мальчиков; играют в три листика и, заливаясь смехом, колотят друг друга по носу. Как ей хочется поиграть с ними, но боится братца; если он увидит, то наденет на нее овчинный тулуп, посадит на стул и привяжет ниточкой. О, как страшно ей такое наказание! Сидит, бывало, боясь пошевелиться.

Мария Шестакова

Породой жеребьячьёю? Чур!
Отвечать на спрос!

Старшую дочь Шестакова, Марию Гавриловну, а с нею и меня, как ее няню, взял в Москву ее родственник и опекун Алябьев, важный генерал, чуть ли не сенатор, прежде бывший, кажется, вологодский губернатор¹⁰². У него даже и лакеи были такие важные, расфранченные, в шелковых чулках, что я сначала почтительно вставала перед ними, принимая их за господ; ну, а потом, как узнала, кто чего стоит, стала посмелее. Однажды у Алябьевых было много гостей; а мне, по приказу барышни, нужно было пройти через переднюю, где сидели свои и чужие лакеи; один из них, подскочив ко мне, дотронулся до моей груди со словами: «Ах, какая грудь-то лебединая!» Я вспыхнула и дала ему звонкую пощечину, сказав: «А ты не забывайся и рукам воли не давай». — «Ну, как вы меня озадачили, — сказал он, — легче было бы мне провалиться сквозь землю». Зато после он сам да и другие всегда относились ко мне с почтением и уважением.

Алябьев отдал мою барышню в пансион к мадам Дельсаль. Когда же в 1812 году французы двинулись на Москву, то и Марья Гавриловна уехала со мною в свою усадьбу, в Любимской уезд. Она перевезла к себе мать и сестру и водворила в доме порядок и приличие. Первый ее выезд был сделан в приходскую церковь. Она всегда выезжала парадно: в коляске, на шестерке лошадей, с форейтором. На запятках стоял старый лакей. Узнав о ее приезде, стали наш дом посещать хорошие господа. По болезни матери, вынуждена была принимать гостей сама барышня. Она не затруднялась занимать их, но так скромно, что как говорит с мужчиною, то глазки все вниз опускает и только немножечко улыбается губками. Я люблюсь на нее в

---

¹⁰² Старинный род Алябьевых внесен в 1791 г. в шестую часть дворянской родословной книги (ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 188). Александр Васильевич Алябьев (1741 — ?) в 1788 г. правитель тобольского наместничества, владел имениями в Московском (сельцо Дрозжино) и Мещовском (сельцо Жепирово) уездах (Ельчанинов И. Н. Материалы к генеалогии дворянства Ярославской губернии. Вып. 3. Ярославль, 1900. С. 29). В 1804 г. тайный советник А. В. Алябьев — чиновник Межевого департамента в Сенате.

дверную щелку, а сердце-то мое так и прыгает от радости. Что за прелесть барышня! Недаром мужчины в нее влюбляются. А женихов-то сколько было! Один даже на коленях со слезами умолял выйти за него замуж. Она всем отвечала одно: «Не могу; Господь меня накажет, если я брошу больную мать и маленькую сестру». Бывали у нас и пленные французские офицеры; она играла им на фортепьяно и разговаривала по-французски. Она была милостива к подвластным, со мной же беседовала, как с подругой, и читала мне книжки. К несчастью, недолго пришлось ей пожить. На семнадцатом году она захворала и в постель слегла. Я от нее не отходила и спала возле нее на полу. Раз я уснула и сквозь сон слышу, что-то стукнуло. Глядь, а она, моя голубушка, стоит на постельке, с иконою в руках, да пошатнулась и упала бы, если бы я не успела ее поддержать. Она мне говорит:

«Сейчас приходила какая-то женщина и сказала мне: снимите икону Божьей Матери и прикажите маменьке благословить себя, как невест к венцу благословляют, повторила она и скрылась». Я тотчас позвала барыню, которая, несмотря на свою болезнь, как следует дала дочери просимое благословение. Барышня плакала. А на мой вопрос: «Об чем же вы, матушка, плачете?», она отвечала: «Как же не плакать, когда благословляют?» Видимо, прощалась с жизнью, но не хотела меня заранее опечалить прямым ответом. Сама пожелала приобщиться и пособороваться. Вскоре после этого говорит мне: «Авдотьюшка, что же отец Исайя стоит у дверей? Проси его в гостиную!» Я потихоньку ей отвечаю: «Матушка, перекреститесь: никакого отца Исаии здесь нет!» — «Что ты, разве я не вижу? Вот он где стоит!» Вскоре тихо скончалась моя добрая, безупречная и незабвенная барышня. Горько тогда я плакала, да и теперь не могу о ней вспомнить без слез. (При этом Авдотья Григорьевна, вынимая из-под подушки косу и целуя ее, говорила: «А вот ее коса, которую я берегу на

память об ней. Когда же я сама умру, то прикажите эту косу положить со мной в гроб».)

Александра Шестакова и её суженый

По смерти незаменимой барышни я сделалась нянею ее младшей сестры, Александры Гавриловны, а когда эта стала круглой сиротой, то я старалась заменить ей и мать. Младшая барышня уступала старшей в разуме и красоте, но все-таки немного напоминала мне умершую. Она более ее нуждалась в моих заботах и была ко мне ласкова. Когда ее отдали в Ярославский благородный пансион¹⁰³, там же, по тогдашнему обычаю, поселилась и я. Там всего больше учили французскому языку, музыке и танцам. В свободное от занятий время воспитанницы читали книги, чаще всего французские романы. Моя барышня также была страстною любительницею чтения. Читала же она внимательно, а из чужих книг даже делала выписки, и при хорошей памяти научилась хорошо излагать свои мысли. Однако чтение романов приучило ее мечтать о герое, представляющем совершенство по красоте и благородству души. Судьба же готовила ей в мужья человека, не вполне подходившего. Верстах в двадцати от Ярославля есть село Волково, родовая усадьба ее суженого, Нефимонова. Они причисляли себя к старинному дворянству и подтверждали то милостивою грамотою от царей Иоанна и Петра Алексею Евтифеевичу Нефимонову¹⁰⁴.

---

¹⁰³ В 1816 г. учитель ярославской гимназии Луи Дювернуа открыл институт благородных девиц (см.: Мельгунов Б.В. Всею начало здесь: Некрасов и Ярославль. Ярославль, 1997. С. 75).

¹⁰⁴ В деле «О дворянском роде господ Нефимоновых, занесенных в шестую часть Дворянской родословной книги» хранится копия этой грамоты, датированной 3 марта 1695

Я сама видела эту грамоту, она длиною около двух аршин, и в ней сказано, что Нефимонову пожалованы земли в Юрьев-Польском и Ярославском уездах, за службы его и предков в прибыльных войнах, в течение которых из Польши и Литвы вывезены в российские пределы, кроме костельных и военных вещей, многие тысячи пленных всякого состояния, в том числе и шляхетского, кои обращены в крестьян, задворных людей и холопов¹⁰⁵.

Один из потомков Алексея Евтифеевича Нефимонова жил в сельце Волкове. Этот, Петр Герасимович, имел только 30 душ крестьян, но был обременен большой семьей. Когда его дети-погодки, мал мала меньше, вели себя беспокойно за обедом, то он умирал их, стучая о стол ложкой, и от такого употребления эта ложка, большая и полукруглая, наконец совсем измялась. Жена Петра Герасимовича, Надежда Васильевна, была из гордого рода Палицыных. Должно быть, по ним он считал себя сродни князьям Голицыным и пользовался их расположением. Один из Голицыных, живший в Москве, взял к себе его старшего сына Николая и воспитывал в своем доме. Когда же умерла мать Николая, еще молодая женщина, а вскоре после нее и отец, то Голицыны пристроили его на полицейскую должность частного пристава в Ярославле¹⁰⁶ и на прощанье подарили ему две золотых табакерки с портретами князя и княгини, рисованными на слоновой кости.

г. и начинающейся словами: «Мы, пресвятлейшие и державнейшие Государи, Цари и Великие князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы» (ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 2235. Л. 23).

¹⁰⁵ В XVI-XVII вв. подобное переселение поляков на территорию Русского государства происходило не только в Ярославской, но и в других губерниях центральной части страны, например на Валдай (Новгородская губерния).

¹⁰⁶ Служба Николая Петровича Нефимонова окончилась отставкой в 1819 г в чине титулярного советника в должности частного пристава в Ярославле.

Николай Петрович Нефимонов, по общим отзывам, был человек степенный, трезвый, дельный и честный. В его пользу надо сказать и то, что его двадцатилетняя сестра и он, восемнадцатилетний юноша, вполне заменяли умерших родителей своим младшим братьям и сестрам. По наружности он был очень недурен. Одна почтенная барыня, знакомая начальницы нашего пансиона, говорившая «ты» всем младшим ее летами, однажды сказала ему: «Имея бедных родных, нуждающихся в помощи, ты не можешь жениться на бедной девушке. Я присмотрела для тебя невесту Шестакову, у которой более 200 душ крестьян и дом в Ярославле. Она еще дитя 12 лет, но ты можешь подождать. Приходи в пансион на танцевальный класс и следи за мной: которую барышню я посажу к себе на колени, та и есть твоя невеста».

Так Николай Петрович увидел мою барышню, был ей представлен и похвалил ее за ловкость в танцах. Когда дама-покровительница указала ему на меня, смотревшую на танцы из соседней комнаты, то он и мне, как няне, сказал несколько слов о ней и ее доме, находившемся в подчиненной ему части города. После того он не являлся в пансион, но когда мы ездили на лето в усадьбу, он каждый раз подстерегал нас на дороге. В платье не то охотника, не то разбойника, с ружьем в руках, выскакивал он из леса на дорогу и останавливал нашу коляску, будто желая нас ограбить, но затем с поклоном подносил моей барышне коробку конфет и исчезал в чаще. Такими выходками он явно применялся к мечтательным вкусам барышни. То же проделал он и тогда, когда, окончив курс ученья на четырнадцатом году, она поехала в свою усадьбу Мартьяново, Любимского уезда, на постоянное жительство. Но на этот раз он добавил обещание, что появится в наших местах при первой возможности.

Поселясь в усадьбе, мы нередко развлекались чтением романов. Барышня читала их вслух, а я слушала, и обе мы над ними плакали. Да и книжки-то прежде были такие чувствительные, каких нынче не найдешь. Почитайте-ка «Мортимера и Аминту» или «Дельфину»¹⁰⁷, так и сами расплачетесь! Она ставила себя в роль главной героини и хотела верить, что благосклонная судьба, в надлежащее время, уже недалекое, сама приведет к ней ангелоподобного героя. Я же не увлекалась романом, как чужою жизнью, не мечтала ни о чем для себя, а для нее желала только доброго и хорошего мужа. Тогда в нашем соседстве даже вовсе не было порядочных холостых кавалеров. Только раз в приходской нашей церкви появился приезжий офицерик, Каратыгин, молоденький и хорошенький. Он бросил на нашу барышню несколько умильных взглядов, но тем и ограничился, вопреки разглашенному его и нашею прислугою слуху о его намерении заслать к нам сваху и к обидному разочарованию барышни, сразу неосторожно поверившей этому слуху.

Я не могла говорить ей о безбрачии. Муж ей был нужен и для того, чтобы прекратить дурное опекуновское управление ее имением, допустившее расхищение родственниками половины драгоценностей ее матери, на сумму 6000 рублей. Поэтому я искренно внушала ей, что она должна выйти замуж за такого человека, заведомо хорошего и опытного, как Нефимонов, и притом поспешить это сделать. Опекуном ее был двоюродный дядя, Николай Яковлевич Скульский, у которого был сын Василий Николаевич¹⁰⁸. Они-то с Мыльниковым и решили выдать ее за Скульского. После

---

¹⁰⁷ «Дельфина» (1802) — роман Анны Луизы Жермены де Сталь (перевод на русский в 5 ч. - М., 1803—1804); второй роман идентифицировать не удалось.

¹⁰⁸ В 1794 г. Николай Яковлевич Скульский — отставной секунд-майор, владеющий имением в Даниловском уезде Ярославской губернии. В 1817 г. его сын Василий (1800 — ?) — прапорщик, служит в артиллерии (ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 2717. Л. 67, 74).

разочарования относительно офицера барышня моя стала поддаваться моим советам. Пока мы занимались чтением, Нефимонов действовал. Он съездил к Мыльникову и просил руки его сестрицы, Александры Гавриловны. Тот наотрез ему отказал, а сам, приехавши к нам, строго-настрого наказал дворовым нашим, что если, Боже сохрани, кто из них услышит, что Нефимонов близ Мартьянова, то сейчас же присылали к нему верхового. Но Николай Петрович действовал осторожно. Он сам избрал старушку-помощницу быть между нами посредницей. Она приносит письмо от Николая Петровича. Он объясняется в любви к Александре Гавриловне, просит ее руки и пишет: «Хотя ваш братец и отказал мне, но я не думаю, что это он сделал с вашего согласия. Если же, паче чаяния, вы откажете, то знайте, что мне остается только пуля в лоб».

Прочитав такое письмо, мы обе расплакались. «А что, если он застрелится, свою душу погубит, братья же и сестры, которым он заменяет отца, станут проклинать вас?» — сказала я ей. Этот довод на нее подействовал, и она дала свое согласие. Через эту же посредницу она написала Нефимонову, чтобы в ближайшее воскресенье он приехал в нашу приходскую церковь к обедне. Нужно было действовать как можно осторожнее. По ночам я шила ей подвенечное платье, 24 октября 1820 года, по окончании обедни, неожиданно для всех выходит из алтаря жених и одновременно с невестой подходит к аналою, и начинается венчание. Лакей наш, старик, бежит к кучеру и говорит: «Ничего-то ты не знаешь, что у нас деется». — «А что?» — «Да ведь нашу-то барышню венчают!» — «Врешь?» — «Какое вру: поди, посмотри сам!» — «Как же теперь быть-то? Ведь надо скакать к барину!» — «Вот еще что выдумал, за двадцать-то верст скакать! Да пока ты думаешь, то их уже обвенчают!» И вот тридцатилетний жених и

четырнадцатилетняя невеста стали муж и жена¹⁰⁹. Это не один такой случай: прежде рано можно было венчать и без всяких оглашений, тем более у помещиков.

Было бы не худо, если бы Нефимонов после своей свадьбы, хотя недели две, невинно забавлялся со своей молодою женой и продолжал ухаживать за нею, как бы за невестою. Вместо того, привезя ее в свою усадьбу Волково, он сразу сбросил маску кавалера и расхалатился по-деревенски, что ей не понравилось. Кроме того, молодой барыне было неприятно, что он не постарался обеспечить для нее вполне почтительное отношение со стороны домашних, чего добиться личными усилиями мешала ей детская наружность. А в доме жило много его родных, и случалось, что кто-нибудь из них посмеется над нею или даже скажет ей что-нибудь обидное; барин же если и заметит это, то пропустит мимо ушей, как пустяки, не стоящие внимания. Придет ночь, и барыня начнет со слезами жаловаться мужу на все претерпленные днем обиды, а тот ей в ответ: «Полно, матушка, плакать о пустяках; видно, тебе делать-то нечего. Женские слезы — вода!» А сам с этими словами отвернется от нее, да и захрапит. Она же не спит и плачет еще более, огорчаясь таким невниманием мужа к ее жалобам. На другое утро соберутся к завтраку (прежде чай-то пили мало, и то только по праздникам, в обыкновенные же дни, вместо нынешнего чая, подавался завтрак). Все веселы и едят, а она сидит с опухшими от ночных слез глазами и ничего не кушает. Старая тетка барина, жившая тогда у него в доме, взглянет на барыню, да и скажет: «Это еще что за капризы? Да, впрочем,

---

¹⁰⁹ Это подтверждается показаниями самого Н.П. Нефимонова: в одном из обращений в дворянское депутатское собрание 1827 г. он упоминает о жене Александре Петровне, "имеющей от роду двадцать один год и троих детей: сына Дмитрия и дочерей Надежду и Любовь, имеющих ныне от роду лет первый пять, вторая четыре и третья три года" (ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 2235. Л. 31).

губа толще, так брюхо тоньше!» От этих слов старухи барыня опять в слезы, а барин опять молчит и ее не защищает. Бывало, соседи позовут их в гости в праздник или на именины. Барыня с радостью собирается, и барин соглашается, но с тем, чтобы ему дали соснуть часок. Вот она уже одета, и лошади стоят у крыльца; а он, услыша нетерпение в ее зове, говорит, зевая и потягиваясь: «Велите лошадей отложить, мне что-то нездоровится». Ну, понятно, барыня плачет и сердится. Барин же как будто не замечает ни того ни другого.

Конечно, она была почти дитя, и потому ее слезы иногда бывали детские. Но не всегда так бывало. Раз приходит к ней какая-то женщина и, показывая на свою девочку, говорит: «Вот, матушка, не оставьте мою Любу: она дочь вашего мужа». Барыня опять в слезы. Всякий господин согрешает до свадьбы, но ей хотелось бы, чтобы ее муж был получше других, и ей он сделался противен. Случалось, что он начнет ее целовать, а она плюется. Может быть, вследствие какой-нибудь гневной вспышки с его стороны, она начала его бояться; пойдут, например, они в лес гулять, а она думает: «Как бы он меня не убил». Родив первого мертвого ребенка, она просит мужа: «Отпусти меня в монастырь, возьми себе все мое имение, а я не хочу жить с тобой. Не отпустишь, то сама уйду!» А он отвечает не столько гневно, сколько добродушно-насмешливо и наставительно: «Ну, куда же ты уйдешь от меня? Ведь я тебя везде достану!» Только в разговоре со мной она отводила душеньку и успокаивалась немного. Однако наконец их семейная жизнь стала улучшаться, к моей великой радости. Бариновы сестры повыходили замуж, а братья встали на свои ноги, устроившись вне усадьбы, отчего барыня сделалась единственною госпожою в доме, и в нем ей стало покойнее. Мы переехали жить в ее собственную, любимую ею усадьбу, Мартьяново. Здесь некая барыня втерлась к нам в дружбу, да и стала

смущать всех. Барину говорит: «Что ты смотришь, да ничего не видишь? Жена твоя еще ребенок и будет к тебе ласковее, если прогонишь няньку, подучивающую ее против тебя». Нам же она говорит: «Не поддавайтесь барину; не то он няню прогонит, а имение себе заберет». На самом же деле ни я не возбуждала жены против мужа, ни муж не пытался овладеть имением жены, хотя управлял им почти неограниченно. Наговоры посторонней дамы тревожили нас и оказали влияние на барина, который однажды сказал жене: «Дай Авдотье вольную. Мы ее наградим, и пускай она живет, где захочет!» Узнав об этом, я с горькими слезами бросилась им в ноги и говорю: «Ничего мне не надо, только не гоните меня от Детей ваших: очень уж я их люблю!» У барыни каждый год рождались дети¹¹⁰. В последовавших за этим объяснениях выяснилось, как та старушонка нас мучила. Барин рассердился на нее, топнул ногой и приказал ей убираться, куда хочет, с тем, чтобы нога ее никогда более не переступала нашего порога. После этого пошла у нас мирная жизнь. В этом столе лежит черновое письмо, в котором сама барыня глаже меня говорит о перемене ее чувств к мужу.

Крепостные и господа

Я охотно нянчила бы детей барыни, если бы твердая господская воля не возложила на меня почетной, но тяжелой и хлопотливой должности ключницы и домоправительницы. Моя обязанность была разливать чай, готовить варенье и соленье, выдавать повару провизию, назначать

---

¹¹⁰ В обращении в дворянское депутатское собрание от 5 июня 1832 г. Н.П. Нефимонов указывает имена еще троих детей: сыновья Николай, Александр и дочь Варвара, "имеющие ныне от роду первый — 4, второй — 2 и последняя 1-го года" (Там же. Л. 32).

горничным работы и смотреть за их поведением, иногда ночь придет, а я долго не ложусь: то белье крою, то пересматриваю, все ли оно в порядке. Кроме того, много гостей к нам ездило, а особенно в приходские праздники или господские именины, не только из соседних усадеб, но даже из Любима, знакомые и родственники наезжали к нам на тройках, с лакеями и горничными; мне же приходилось распорядиться размещением и угощением их всех. Несмотря на все эти обязанности, я успевала наблюдать и за барскими детьми. У каждого из них были мамушки и нянюшки, которые также все состояли под моей командой. Кормилиц для барских детей брали из крестьянок; но существовало у нас такое обыкновение, что, отпуская кормилицу домой, по окончании срока кормления, господа в то же время, в награду за благополучное и добросовестное окончание этого дела, давали вольную ее дочери [*если же новорожденный был мальчик, то освобождался от рекрутчины*]. Это была великая награда, так как в других случаях девица, желавшая выкупиться на волю, должна была внести помещику 500 рублей ассигнациями (тогда серебряный нынешний рубль считался за 3 рубля 50 копеек), а в тогдашние времена такую сумму почти невозможно было приобрести обыкновенным крестьянским земледельческим трудом. Нянюшки же были из дворовых и за окончание своего дела награждались только сравнительным почетом и покоем, по усмотрению господ. Нячанье, однако, не всегда проходило благополучно. Так и у нас был несчастный случай, когда няня, идя по лестнице с барышнею Сонечкою на руках, упала сама и уронила девочку, у которой от того впоследствии сделался горбик. Конечно, такая нянька была навсегда удалена от должности. Остальные господские детки росли благополучно и становились красавчиками. Я мало их ласкала и целовала, но много любила, и пока они были малютками, всех

их собственноручно мыла, так как признавала, что здоровье детей сильно зависит от полной чистоты их тела.

Дмитрий и Надежда, как первенцы, кушали чай с сахаром и белым хлебом; в 20-х и начале 30-х годов чай еще не успел сделаться ежедневным и общим для всей семьи напитком. Остальные дети в то время довольствовались молоком и черным хлебом. Впрочем, черный хлеб так нравился мальчикам, что они часто добровольно крошили его с луком и квасом и славно уплетали эту «тюрю». Наконец, стали для вас нанимать учителей и гувернанток. За этими людьми присмотреть приходилось мне же. Бывали из них такие, что били детей; ну, я это уж живо сама прекращала. Некоторые любили гулять парочкой и целоваться в потемках. Это дурной пример детям, и о таких случаях я поневоле докладывала барыне на ушко, а ей самой где же все усмотреть! У меня глаза были зоркие, да и из прислуги некоторые добровольно помогали мне в наблюдениях. А наблюдать было за чем, так как одних дворовых людей при нас жило около 40 душ. Отчасти благодаря надзору все в нашем доме шло чинно и благородно.

К чести барина скажу, что он старался избегать ухаживания за своими крепостными женщинами, между которыми были и красавицы, и воспрещал это сыновьям, когда те подросли. Не позволял он детям своим и наказывать прислугу, говоря: «Сам наживи собственных людей и тогда распоряжайся ими, а родительских не смей пальцем тронуть!» Сам же наказывал прислугу нередко, а строже всего преследовал неуважение к помещицьею власти. Иногда он казался до того грозен, что некоторые из подвластных, слышав его приближающиеся шаги, начинали ощущать страх и старались, если возможно, найти другой путь, чтобы избегнуть встречи с ним. Крестьян своих барин не разорял и по-своему заботился о них, соблюдая и свои интересы. У вашей замужней сестры сохранилось его

письмо, в котором он сам описывает свои отношения к жениным крестьянам. В этом письме, написанном к зятю в 1859 году, сказано: «Любезный друг! Любушка пишет мне, чтобы владимирским крестьянам, Судогодского уезда, дать лесу на постройку. Верно, они на меня жаловались, не сказав о том, что у них прежде было 250 десятин строевого леса, который они, без всякой надобности, вздумали разделить по участкам, не берегли нимало, торговали им, употребляли его кому куда вздумалось, а некоторые пропивали вырученные за него деньги. Когда провели мимо наших деревень Шоссе, крестьяне стали просить позволения выстроить постоянные дворы, но о лесе ничего не говорили. Я, не ездивши к ним, не осмотрев местности и леса, позволил им выстроить. Они сами по себе распорядились лесом: выстроили 8 постоянных дворов, употребив на каждый около 2000 дерев. Узнав о том, я поехал к ним, и когда увидел, сколько уничтожили прекрасного леса, ахнул от удивления! Скоро ли дождешься такого леса? Это веками достается. Им было на руку, что я к ним не ездил более 20 лет, не ожидая от них такой смелости; не считал необходимым бывать у них, получая оброк своевременно и не имея нужды в деньгах. Делать было нечего, возратить потерю леса невозможно; побранил и, чтобы сберечь остаток леса строевого, в количестве не более 50 десятин, запретил, чтобы никто не смел его рубить более. Хотя в другой стороне и есть много леса, но он еще молод, на постройку не годится. Я и этот запретил рубить. Через несколько лет после того вся деревня Плохово выгорела. Мужики стали просить лесу. Как отказать? Я дал им из того участка, в котором осталось 50 десятин. Когда деревню выстроили, то лесу осталось не более 15 десятин. Как же после этого не запретить порубку? Иначе, избави Боже, село выгорит, и они должны будут покупать для необходимой постройки лес на стороне. Теперь они уже поправились. Имея средства, могут покупать на

постройку бревна, потому что оставшийся лес необходимо беречь на крайний случай. Оброк получается с них небольшой; у меня платят по 15 рублей с тягла, у вас еще менее. Вы их очень балуете. Мои, смотря на ваших, не будут платить, и с них ничего не получишь без принуждения. У них славный способ добывать деньги возкою камня на шоссе. По 60 копеек ассигнациями сажень, только вози; а камней так много, что в 20 лет не вывозят. Имение лесом дорого, а когда выведут лес — будет беда. Народ продувной, на всяком шагу стараются обмануть помещика. Я слышал от ваших крестьян, они вам жаловались, что я их изнурил во время постройки этапа¹¹¹, что они помогали моим крестьянам возкою леса. Я об этом не знал, возят ли они, а когда узнал, то приказал моему старосте сказать им, чтоб их никуда не наряжали. Все это отдаю на ваше распоряжение. Если хотите давать им леса, то прошу меня уведомить. Я прикажу им выделить на четвертую часть, а свой буду беречь. Лучше бы поберечь его вообще, целее будет. Впрочем, как вам будет угодно».

Были у нас две семьи крестьян, находившиеся на оброке в Петербурге и нажившиеся торговлею¹¹². Они откупились на волю за 5000 рублей ассигнациями, и на эти деньги барин, в 30-х годах, отстроил два больших дома в Ярославле. Казалось бы, что люди, так дорого заплатившие за свою свободу, не могли любить своих бывших помещиков. Однако когда барыня,

---

¹¹¹ Имеется в виду Владимирский тракт, по которому вели из Центральной России в Сибирь ссыльных.

¹¹² Отходничество — распространенный род деятельности крестьянского населения Ярославской губернии. «Почти из каждого дома в селениях здешнего уезда, — свидетельствовал в середине XIX в. ростовский краевед, — один или два из семьи находятся в отсутствии. Отъезжая <...> большею частью в Петербург, некоторые из крестьян идут в приказчики, преимущественно в зеленные и мучные лавки, другие на работы в обширных огородах, содержатели которых тоже ростовцы, третьи производят продажу в разноску разных овощей» (Ярославские губернские ведомости. 1854. 20 ноября. С. 386).

в начале 40-х годов, привезла своих сыновей в Петербург для определения в корпуса, то эти самые вольноотпущенники поместили ее в своем доме и оказали ей великий почет и большое расположение. Барин, к счастью своему, не дожил до великого дня освобождения всех крестьян. Я же лично, как вы знаете, почти за 40 лет до этого дня добровольно отказалась от свободы, из любви к моей барыне и ее детям, а день освобождения застал меня дряхлую, негодную для свободной жизни.

С.Д. Пурлевский. Воспоминания крепостного. 1800-1868

Печатается по: Рус. вестник. 1877. № 7. С. 320—347; № 9. С. 34—67

Незавершенные воспоминания крепостного ярославского крестьянина Саввы Дмитриевича Пурлевского (1800—1868) литературно обработаны и опубликованы Николаем Васильевичем Щербанем (1844—1893). Им же написано и послесловие, рассказывавшее о дальнейшей жизни автора воспоминаний. Публикация «Русского вестника» снабжена и его предисловием:

«Предлагаемая статья не есть литературное произведение в собственном смысле этого слова, то есть это не вымысел и не записанный рассказ. Это — подлинная автобиография крепостного из зажиточной, потом обедневшей семьи, автобиография крестьянина, мыкавшего горе бедным парнем, бегавшего за Дунай, возвратившегося по Всемиловейшему манифесту, окончившего свою жизнь в Москве купцом 2-й гильдии, агентом одного большого завода, человеком, известным всему биржевому и торговому кругу и всеми уважаемым; подлинная хроника, писанная им самим на склоне дней. Если из крепостного крестьянского быта у нас выходило немало заметных в том или другом отношении людей, то, кажется, ещё не было примера, чтобы вышедший из крепостного состояния, но оставшийся в крестьянской или примыкающей к нему мещанской, промышленной, торговой среде оставил по себе собственноручные записки. Уже в этом отношении помещаемые ниже строки заслуживают внимания. Всякий оценит в них, конечно, кроме исторического и бытового значения и

довольно любопытных подробностей, еще две черты: независимость отзывов как о "барине", так и о своей крестьянской братье и вместе с тем полнейшую незлобивость и дельность суждений. К сожалению, рукопись не могла быть напечатана в своем сыром виде. Во-первых, она состоит из очевидно необработанных черновых набросков, во-вторых, она изобилует повторениями и, подчас, вдается в не оправданное потребностями изложения многословие, естественное со стороны человека умного, бывалого, читавшего на своем веку, но едва грамотного. Нужно было очистить эту кору, чтобы получить простой и складный рассказ, какой, вероятно, сам автор нанес бы на бумагу, если б имел большую привычку к письменности. Но, сокращая и устраняя лишнее, я ни одного почти слова не прибавил от себя и старался сохранить своеобразность речи везде, где она проявлялась.

Подлинная рукопись (112 страниц большого формата и очень мелкого письма; подарена мне моим добрым московским знакомым И.Д. Гвоздевым], большим приятелем покойного автора, который перед смертью передал свою автобиографию в его распоряжение».

Никаких иных документальных данных о жизни и личности С.Д. Пурлевского не обнаружено. В свое время он включен в число «писателей-ярославцев»; см. графический очерк в виде краткого пересказа публикуемых здесь «Воспоминаний крепостного»: Астафьев А.В., Астафьева Н.А. Писатели Ярославского края: До 1917 г. Ярославль, 1974. С. 87—91. Думается, однако, что зачислять Пурлевского в "писатели" нет достаточных оснований хотя бы потому, что даже и этот, единственный образец его литературного творчества, в сущности, является результатом литературной обработки «многословного» и «неграмотного» текста.

В начале 1960-х гг. было высказано предположение, что Пурлевский мог бы быть автором анонимной «повести в стихах» «Вести о России» (см.: Вести о России: Повесть в стихах крепостного крестьянина / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. У Г. Снытко. Ярославль, 1961). Но это предположение остается достаточно произвольным — хотя бы потому, что в публикуемых ниже мемуарах ни разу не указано, что их автор хотя бы интересовался поэтическим творчеством. Да и хронология появления «Вестей...» противоречит известным фактам биографии Пурлевского (см.: Астафьев А.В., Астафьева Н.А. Указ. соч. С. 90—91).

I

Великое село (Ярославской губернии, в 35 верстах от Ярославля, на востоке от большой дороги оттуда в Ростов)¹¹³, место нашей родины, с незапамятных времен подлежало с окружными деревнями ведению дворцового государева приказа. Церковь, два базарные дня в неделю,

---

¹¹³ Великое — большое торговое село на юго-восток от Ярославля. По мнению ряда исследователей, недалеко от этого села начиналось действие поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: именно в него направлялся один из семи странников, «старик Пахом» («Пахом соты медовые / Нёс на базар в Великое...»). См.: Попов А.В. Топография поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Литература в школе. 1946. № 2. С. 40—42. Ср. впечатления от этого села И.С. Аксакова: «В прошедшую субботу ездил я с графом Стенбоком и Оболенским в Великое Село, на выставку сельских произведений и ярмарку, верстах в 25 от Ярославля. Это село принадлежит помещикам Яковлевым и подлинно Великое Село. В нем 600 домов, из которых 200 каменных. Оно знаменито производством полотен и холстов. Действительно, великосельские полотна считаются лучшими, и государь приказал покупать для себя только эти полотнах.> Это село, с одной стороны, производит приятное впечатление своим богатством и бодрю, умною деятельностью, с другой стороны, поражает вас неприятно отсутствием всякого сельского характера и фабричным нарядом крестьян. После недавно бывшего пожара село стало строиться по плану, и каменные дома построены точно так, как в Петербурге, т.е. дом к дому. В селе несколько улиц и площадей и 3 церкви. Оно замечательно также красотью своих обитателей. Великосельские женщины считаются типом ярославской женской красоты» (Письмо И.С. Аксакова к родителям от 11 сентября 1850 г. //Аксаков И.С. Письма к родным. 1849-1856. М., 1994. С. 168-169).

производство крестьянской обуви, рукавиц, варежек, шерстяных чулок — остались памятниками той давней поры. Этими рукодельями и держалась искони базарная торговля. Летом она оживлялась добавочною продажей холстов и тонких носовых платков (многим, вероятно, и теперь более известных, чем самое село Великое), зимой льна, под названием «глинца», которого в окрестности издревле была порядочная запашка и который испокон века славился своим качеством. В XVIII столетии вся вотчина с двадцатью тремя деревнями и селом Плещеевом каким-то манером (не умею объяснить, кажется, подарила Екатерина) перешла во владение князя Петра Ивановича Репнина¹¹⁴. Вельможа любил село, поставил там деревянные хоромы, часто сам в них живал, дружил с тогдашним воеводой, содержал псарню, держал особой породы гончих, бегал с гостями за зайцем, ходил на медведя. Строиться, пристраиваться и перестраиваться он был большой охотник, и в прихотных его переменах крестьянам доставалось довольно работы. За то он не стеснял их много денежным сбором, а во всем прочем была им волягота. Старики даже хвастались: «Вот была жизнь при князе! Мужики мелкой сошки сворачивали с дороги. Земские крючки и носу не показывали. Грешным делом подошьем и повольничаем, напроказим что — все с рук сойдет: приди наутро с повинною к князю, принеси гостинчик дворецкому, и концы в воду. А сунется какой смельчак на нас жалобы взводить, да будет резоны выставлять, — ну и попробует на конюшне арапника».

---

¹¹⁴ Русский княжеский род Репниных (ведущих род от князя Михаила Черниговского) прекратился в 1801 г.; последний его представитель, военачальник и дипломат Н.В. Репнин, действительно получал за отличия в первой Русско-турецкой войне земли и крестьян в Ярославской губернии. Однако князь Петр Иванович Репнин (1673—1739) жил до указанных событий.

Точно, князь защищал своих крестьян и не тяготил оброком, но плохо то, что вовсе не занимался он хозяйственной экономией и не служил крестьянам хорошим примером, а из одной доброты вышла потачка злу. Люди стали негодьями, пьяницами, ленивцами, и полно разбирать, как досталась копейка! С того же времени завелось в селе два крестьянских каменных дома, очень примечательных: один тем, что хозяин его, мужик, сам для себя кирпичи выжег, другой — по иной причине. Этого хозяин был сыромятник. Случился раз скотский падеж; он драл с чумного скота кожи, выделывал их под защитой князя, продавал с большим барышом, тем из падали и палаты поставил. Толкуют, будто лишь одному еще человеку, кроме кирпичника, и доставался хлеб честным трудом: старику одному, который выводил голубей и несколько лет сряду возил их в Москву по приказу тогдашнего там большого вельможи (порода и теперь слывет знаменитою).

А запущенное хозяйство и дало себя знать. Зажиточных крестьян не было, напоследок же князю вдруг понадобились деньги. Он прежде всего обратился к своим, назначил выкуп их свободы со всею землей и угодьями за две тысячи пятьсот душ — шестьдесят тысяч, значит, по двадцать четыре рубля за душу; крестьяне и того не могли собрать! У них и подати: коли не поможет князь, частенько приходилось стоять на правеже.

Чем кончилась денежная надобность князя? Разумеется, продажей вотчины. В ту пору людей сбывали без дальних затей, как рабочий скот. Нужны помещику деньги — несколько человек крестьян на базар. Покупать мог всякий свободный, формальных крепостных записей не было, требовалось только письменное свидетельство помещика. И целую вотчину тоже можно было поворотить на базар. На это водились люди вроде маклеров (они же занимались ябедами в судах, водя знакомство с богатыми).

Чрез одного такого дельца продана была и вся наша вотчина, не помещику, а богачу из купцов, бывшему тогда в Петербурге откупщиком¹¹⁵ питейных сборов, Савве Яковлевичу Собакину (впоследствии с переменной фамилии Яковлеву)¹¹⁶. Слышно было от стариков, что этот Савва Яковлевич вышел из осташковских мещан, служил в Петербурге работником у придворного поставщика зелени, мужчина был красивый, кровь с молоком, здоровый, видный. Умел выйти в люди и пользовался благосклонностью тогдашнего века такого лица, которое имело способ из бобыля сделать богача. Не знаю, счастье ли или способности и природная сметливость, но Савва Яковлевич имел расположение многих знатных господ. Только раз, по одному важному случаю, допущена была в Петербурге на один день безденежная расписка вина по всем питейным заведениям, вроде как бы угощение народу. Откупщик, в надежде на покровителей, и поставь в расчет с казной непомерно уж много будто бы израсходованных им питей, что-то вдвое, чем был у него весь годичный запас: хватил через край, а главное — не поладил с кем следует. Вышел донос, и у Саввы Яковлевича откуп отобрали, а самого выслали из Петербурга.

Неприятно, конечно, но с деньгами везде жить хорошо: вот он и купил нашу княжескую вотчину, да еще приобрел себе в Сибири у Демидова¹¹⁷ железные заводы, а потом еще в Ярославле полотняную мануфактуру с мастеровыми людьми до тысячи душ. В Петербурге же и

---

¹¹⁵ Откупом называлось предоставление государством частным лицам (с уплатой в казну определенной суммы) права взимания в свою пользу государственных доводов — в данном случае от питейных заведений.

¹¹⁶ Собакин С.Я. (Яковлев; 1712—1784) — заводчик и откупщик. В 1762 г. получил потомственное дворянство.

¹¹⁷ Демидовы — русский дворянский род, происшедший из тульских кузнецов. В начале XVIII в. основали на Урале железоделательное производство. Вероятно, речь идет об одном из представителей третьего поколения этого рода — сыновей Акинфия Никитича Демидова (1678-1745).

Москве было у него много домов. До этого времени или после, не знаю, родилось у него пять сыновей и одна дочь: Петр, Иван, Гаврило, Михаил, Сергей. По тогдашнему обычаю богатых людей, сыновей записали на службу, они получали чины, впоследствии вышло им и дворянство. После смерти родоначальника пять сынов (все неженатые) разделили имение на пять частей. Сергею, по службе уже подполковнику, досталось наше село, без окружных деревень (1130 десятин¹¹⁸ пахотной земли, 180 лесу и 600 лугов), кроме того, в Сибири железные заводы с душами.

С той поры, как богатый откупщик купил вотчину, жизнь крестьянская пошла иначе. Буйная свобода заменилась рабскою покорностью, за прежнее ото всех посыпались укоры, земские крючки стали беспрестанно наезжать в село по делу и без дела, жить там и кормиться; нет уж былой барской защиты: за все откупайся деньгами! Новый владелец устроил при реке близ села бумажную фабрику, и на работу туда поставил всех, кто неисправно вносит положенный оброк, то есть чуть не всю вотчину. Тогда только старики догадались, что для избавления от тяжелой барщины нужно изыскивать средства приобрести копейку, но пересолили и в другую сторону против прежнего: всякий стал думать только о себе, а предприимчивость новых способов добычи денег ограничил мелочным расчетом, прибегая к тому же ко всяким средствам. С этого, кажется, времени и начали постепенно изменяться нравы наших предков. Старики, сознавая прежнюю ошибку, говорили: «Господь прогневался, и жизнь наша безотрадная за грехи наши». А другие и то прибавляли: «Не за то Бог на нас гнев положил, что при князе вольничали, а за то, что отступились от веры по

---

¹¹⁸ Десятина — русская поземельная мера площади; в 1753 г. была установлен «казенная десятина»: 80 x 30 или 60 x 40 сажен — 2400 кв. сажен, или 1,09 га.

старым книгам, погубила нас Никоновщина¹¹⁹ и сожительство с табачниками». Домашние грамотеи затолковали даже о последних временах, о печати антихристовой и о близком появлении зверя с титлом 666¹²⁰. А как тогдашнее духовенство не только не обратило на это состояние голов никакого внимания, но еще приводило крестьян в соблазн своею жизнью, то невежественные толки укрепили раскол во всех почитавших важность христианских обрядов. Суждениями о двуперстном сложении креста и о чтении церковной службы по старым книгам увлеклись все слабые рассудки, особенно женщины, и стали жертвой Пахомыча, который был одним из главных тогдашних наставников раскола (хотя втихомолку придерживался чарочки) и завел в селе моленную¹²¹.

Все это происходило, хотя неизвестно мне, в каких именно годах, но знаю, что в бедственном барщинном положении предки наши находились около пятнадцати лет, до самого раздела наследников богатого откупщика. Следовательно, это было до тысяча восьмисотого, потому что в 1790-м молодой владелец-подполковник письменным приказом всем нашим сельчанам объявил волю своего повеления, что отныне впредь крестьяне нашей родины (1250 душ) освобождаются от фабричной работы, и владеть им всею пахотного земель, сенокосными лугами и дровяным лесом, а за все

---

¹¹⁹ Имеется в виду реформа русской православной церкви, проведенная в середине XVII в. патриархом Никоном (1605—1681) и приведшая к расколу. Ярославские деревни были одним из центров раскола.

¹²⁰ Имеется в виду рассуждение о «видении зверя» в «Откровении Святого апостола Иоанна»: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:18).

¹²¹ И.С. Аксаков, специально исследовавший формы раскола в Ярославской губернии (в 1849—1851 гг.), свидетельствовал об их относительной «безобидности»: «...это старообрядчество состоит в употреблении двуперстного креста, старых икон и т.п. и только...» (Аксаков И.С. Указ. соч. С. 14).

то вносить годичный оброк 15 000 рублей ассигнациями. Казенного сбора платили полтора рубля с души. Господский налог по тогдашнему времени показался довольно тягостным; притом и пахотной земли пришлось меньше, чем десятина на душу, только и есть, что скот попаси, а посевы-то хлебные и не затевай¹²². Наши старики и всплакнули было, что когда князь хотел со всей вотчины взять шестьдесят тысяч, и быть ей вечно вольною, так не могли собрать по своей той разгульной жизни.

Однако что делать, прошлого не воротишь! Пошли речи: «Слава Богу, что хоть избавились от барщины. Дела-то, авось, торжишки справлять. Оброчному крестьянину хоть и тяжело, все-таки лучше зашибеть копейку, тут и бабы помогут: они у нас мастерицы ткать тонкие новинки; нарочно в село приезжают купцы, платят дорого и хвалят, лучше-де нет таких новин. Да еще спасибо молодому барину и за то, что в управление вотчиной назначил выбирать нам самим бурмистра¹²³. Свой человек, какой ни есть, лучше чужого. Вот хоть заводский управляющий, толстый немец: сколь ни будь исправен на работе, а как не принесешь к празднику яичек, маслица, или жена полотенец да холста, так и гляди, что придерется ни к чему, проклятый, да и отдерет тебя, — куда пойдешь жаловаться? А коли не к чему прицепиться, позовет тебя к себе в покой; идешь себе попросту, ну чуточку и замараешь пол; вытер бы хоть кафтанишком, так нет: велит слизать языком, а то бородой вытереть, и не отстанет, супостат, пока не вытрешь начисто...».

---

¹²² В связи с бедностью крестьяне занимались дополнительными промыслами -извозом, изготовлением полотен, плотничеством и т.д.

¹²³ Бурмистр — управляющий помещичьим имением или староста, назначенный помещиком из крестьян.

В молодости моей эти пересказы стариков слабое имели впечатление. Потом уже вспомнилось, и укрепилась во мне мысль, что да, горькая была крестьянская наша зависимость!

II

Новый владелец наш, подполковник, не злой человек, но с детства распущенный, не так-то охотно держался солидного круга знакомых своего семейства, даже тяготился приличием визитов и жил по-своему, так что прежние связи расстроились и даже родные не хотели с ним знаться. Вместо их нашлись ему угодники, люди неказистые, но с отличным достоинством: попить, покутить готовы один за троих, да восхвалить добродетель хозяина и ум его Соломонов, да посплетничать, или и познакомить с красивеньким личиком. Жизнь шла как по маслу. Сытный стол ежедневно готовился на тридцать и более особ разного звания и пола. В шесть часов кончался обед, потом окна на Невский (жил подполковник в самом Петербурге) закрывались ставнями, и начиналась потеха. Музыканты, песенники, буфет. Перед попойкой обыкновенно хором кант: «Братья, рюмки наливайте, осушайте в рюмках дно!»¹²⁴ Потом песни и пляски. Наскучит — врассыпную, в зале настелют мягких ковров, сядут на них чинно рядышком

---

¹²⁴ Пурлевский неточно приводит начало «Песни веселых» (1791) Н.М. Карамзина, получившей популярность в демократической среде:

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край, вино!
Всё до капли выпивайте!
Осушайте в рюмках дно!

и затаянут любимую «Вниз по матушке по Волге»¹²⁵. Когда и это надоело, готова другая забава: в теплой комнате можно щеголять в адамовом костюме...

Втерлись в расположение нашего барина также и люди, имевшие цель не только покутить, но в доме богатого хозяина открыть карточную игру. Коноводы этой «золотообрезной компании», как их называли, народ тонкий, хитрый, повели свое дело с умением: они залучили несколько человек, пристрастных к банку из знатной молодежи. Хозяин сам не имел большой охоты к картам, но, увлекаясь фамильярностью знатных посетителей, случалось, тоже «примазывался» и поплачивался: что ему значило потерять несколько тысяч! Только раз получил он от одной иностранной конторы значительный куш за проданное железо. Пронюхали об этом приятели. Одни явились к обеду, привезли мешок червонцев и дали хозяину на сохранение, не считая. Другие приехали, когда подполковник, уже сытый и пьяный, взяв рюмку, провозглашал обычный стих: «Ну, друзья, Бог вино нам дал на радость. Старость в нем находит младость и всем горестям конец»¹²⁶. Подтянули, выпили хорошенько, затем открыли игру. Привезенные деньги разложили по столам. Сперва пробавлялись все мелкими ставками, так что хозяину, хотя и не игроку, досадно сделалось, зачем никто не рискует покрупнее. В поощрение он сам ставит карты на всех столах: три выигрывают, одна убита, еще несколько даны, всего получил около десяти тысяч. Богачу это не находка, он лишь рад, что расшевелил гостей. Оставил их, в другой комнате еще подкуражился, а тут ему кричат:

---

¹²⁵ Русская народная песня, включенная в народную драму «Лодка»; по современной классификации включается в раздел «разбойничьих песен» (см.: Пропп В.Я. О русской народной лирической песне// Народные лирические песни. Л., 1961. С. 35).

¹²⁶ Неточно цитируется 3-я строчка «Песни веселых» Карамзина; см. примеч. 12.

- Сергей Савич! без вас игра опять затихла.

- Ну, — говорит, — так я же им дам!

Входит, ищет стол, где куча денег побольше, берет шестерку, «ва-банк!».

Убита...

Нечего делать, надобно расплатиться. «Сколько», спрашивает, сосчитали, и в груде золота оказалось банковыми билетами двести тысяч... Приказал управляющему заплатить сполна, только в этот вечер сильно нарезался.

Кроме бахвальства и замашки кутнуть, барин наш имел еще охоту к лошадям, не зная в них толку, а хотел всех перещеголять. Такие охотники — большой клад для барышников, они его и оплели. Поладили с лакеями, чтобы вовремя доложили, повели дружбу с кучерами, сперва продавали хорошо, честно, а потом и повалила всякая кляча. Такими покупками битком набили барские конюшни в городе и на даче. Когда же увидели прошлецы, что лошадей девать больше некуда, тогда пошла иная манера. Приходят, бывало, и который поречистей докладывает:

- Эх, батюшка, Сергей Савич, лошадки-то ваши хороши, только позастоялись, да и давненько изволили в стойла поставить; нужно бы свеженькими обзавестись. Вот нам с Битюга ведут коньков Масоловского завода¹²⁷, и свидетельство имеем: вот бы вам уж как к руке!

А он:

- Что, ребята, купить бы купил, девать некуда. Разве меняться?

- Изволь, отец, лишь бы угодить твоей милости...

---

¹²⁷ Имеется в виду русская тяжелая лошадь, выведенная от скрещивания крестьянских кобыл с голландскими и датскими производителями на конных заводах братьев Масоловых в селе Шукавки Воронежской губернии на реке Битюг (отсюда название породы — битюг).

И велит трех за одну отдать, да еще с прибавкой наличными (без чистогану барышник не отойдет).

Так и все шли дела домашние. Исключительно доверенностью нашего барина пользовался управляющий, Иван Савич Сквозник, человек из тех, что знают, где раки зимуют. Он в десятилетнюю службу при подполковнике хорошо проник барина, приноровился ко всем его прихотям, да всем и ворочал. Аккуратности он по счетам был невероятной. Днем ли, ночью захочет барин проверить деньги, все налицо до копейки. А того и невдомек, что с каждой продажи железа, меди, с каждой покупки вещей для дома Ивану Савичу большой процент от купцов и поставщиков, чтобы продал подешевле, купил подороже. Сильно наживался. Бывало, вышли все деньги, железо еще не сбыто, оброк не получен, нужно перехватить на текущие большущие расходы. «Похлопочи, любезный Савич, — приказывает барин, — где хочешь достань, что нужно заплати». Он будто и достает за жидовский рост вперед: деньги из своей шкатулки в барскую на время перекладывает. А прикидывался бедняком, и в доказательство своей худости, в угоду барину, женился на нашей же крепостной девушке, говорят, не чужой барину, который дал ей вольную и двести рублей. Сквозника, конечно, деньги не интересовали, но женщина была сподручна. Она смотрела в доме за всем вроде ключницы: вместе удобно было работать.

Еще был молодец, главный повар, какой-то «мусье». Ему была поручена покупка провизии и вин, одним словом, буфет, господский стол и продовольствие дворни, и он почти ничего не делал, как только каждое утро в белой куртке и колпаке придет к барину поклониться, потом зайдет на кухню сказать ребятам, что готовить, после пойдет к земляку в погреб выпить и закусить, ходит по поставщикам за своим барышом, к обеду явится посмотреть в столовой, за особым столиком покушает и отправится в

буфет сидеть до полуночи, курить кнастер, потягивать мадеру и грог. Это ничего: он вел порядок. Плохо то, что многонько выгадывал на провизии дворни. Было ее всякого возраста и пола больше сотни человек, и многие из них просто нуждались куском хлеба. Лакеям и поварам еще доставалось кое-что с барского стола, бедные же музыканты и песенники частенько орали и трубили с голодным брюхом.

И нам на селе было нелегко. Оброк-то подавай сполна, а кроме того, для дворни посылай лучших молодцов. В один год сорок человек взято было в музыканты, в лакеи, в гайдуки за каретой стоять, да после потребовалось двадцать девушек.

Наскучила наконец барину безалаберная жизнь; вдруг он бросил кутить и открылась в нем охота к театру: нанял ложу, почти каждый вечер там бывал. Сотрапезником его сытного обеда остался только тот, кто тоже любил театр. Дом затих, пирушки прекратились, компания игроков лишилась теплого приюта. Барин стал даже чистоплотен, каждое утро переменял белье, одевался щегольски, ездил куда-то с визитами...

Вдруг приказано переделать дом на даче, купить туда новую мебель. И на дачу переехали раньше обыкновенного. Стали толковать, будто барин женится на какой-то актрисе. Так оно и случилось. В доме явилась хозяйка, Настасья Борисовна, которая на другой же день первым делом призвала всю прислугу, расспросила, кто чем занимается, не имеет ли в чем нужды, все ласково, приветливо. Не знали, как благодарить. И завелся порядок. Сквознику велено искать другое место, повара тоже рассчитали, для всей отчетности открыли домашнюю контору, главную кассу поставили в кабинет барина, вместо управляющего взяли дворецкого из своих крепостных, доброго и хорошего человека. С этого времени все люди в доме

были сыты и довольны. Добрая молва пошла и по городу, дошла до братьев, родственная холодность их начала понемножку исчезать, начинали, сперва изредка, будто мимоходом, посещать барина и прежние знакомые. И барин с молодою супругой тоже стал ездить по господским домам. Так все и пошло ладно.

Девять лет продолжалось семейное счастье. Тогда всем было хорошо. Дворни убавилось наполовину, некоторые получили свободу; о рождении каждой дочери (сыновей Бог не давал) извещалось в вотчинное правление, а священникам высылалось по ста рублей на молебен. Случился в нашем селе большой пожар, — с крестьян не взяли оброка за год и сверх того дали им вспоможение на постройку. На десятом же году замужества Настасья Борисовна, родив барину седьмую дочь, чрез две недели скончалась... Похоронили ее в Лавре, под мрачным памятником, где наверху гнездышко с птенцами.

С ее кончиной дочери поступили под надзор гувернанток, в доме хоть и не был водворен прежний содом, однако исчез и заведенный порядок, знакомства стали редеть, разве кто заглянет навестить сирот. Барин тоже свой дом почти покинул и частенько заглядывал в чужой, где, говорят, у хозяйки немецкой фамилии стали рождаться малютки, на него похожие, и куда постоянно поступало полное продовольствие, прислуга, экипаж. Слышно было, что это семейство впоследствии обеспечено полумиллионом рублей в билетах Сохранной казны¹²⁸.

Так шло до 1808 года, когда по случаю разрыва с Англией прекратился отпуск туда железа. Цены на него чрезвычайно упали, и заводские наши доходы до того уменьшились, что барин едва был в

---

¹²⁸ Сохранная казна (позднее: Государственный заемный банк) была учреждена в 1772 г. для приема вкладов и выдачи ссуд под залог недвижимости; упразднен конце XIX в.

состоянии содержать крепостных заводских людей. Тут вдруг умер его старший неженатый брат, известный скряга, о котором можно судить из того, что он своих металлов никогда не продавал, а все копил, так что после его смерти найдена груда железа, вросшая на три аршина в землю. Деньги он тоже собирал. С железом тогда некуда было деваться, но как четвертая часть всего огромного наследства скупца перешла к нашему барину, то дела и поправились, так что в двенадцатом году он мог сделать крупное пожертвование, за которое получил чин статского советника. Впоследствии за другое дали ему и действительного¹²⁹. С генеральским титулом он охотнее стал вести знакомства и сам принимать гостей. Вскоре две взрослые дочери были выданы, тоже за генералов.

Барин скончался в 1817 году. Наследницами его остались две замужние дамы и пять взрослых девиц, тоже вскоре сочетавшихся браком. По общему совету, не деля имения, учредили над ним контору общего управления под фирмой «наследниц такого-то».

III

Предки наши, быв крепостными одного лица, платя определенный оброк, лишь временно выполняя какие-либо особые приказания помещика, не изнурялись (как одно время было) фабричною работою и, живя без притеснений посторонних управляющих, имели полную свободу в развитии своих промыслов. Им способствовали центральное расположение села, двухдневные каждую неделю базары, двухнедельная ярмарка в сентябре

---

¹²⁹ Действительный статский советник — гражданский чин, приравнивавшийся воинскому чину генерал-майора.

месяце, собственная сметка. Только недоставало при ней честности и добросовестности, оттого немногие из наших крестьян разживались, и быт тогдашний вообще был некрасив. Самая наружность жилищ явно показывала бедность, так что из шестисот с лишком домов села только десять было каменных, и не более десяти деревянных отличались своим видом от лачуг.

Из числа этих немногих каменных домов один принадлежал нашей семье, которая издавна пользовалась уважением и доверенностью даже посторонних окружных и городских жителей. О родоначальниках своих я ничего не знаю, кроме того, что в незапамятные времена они жили в одной из двадцати трех одновотчинных нам деревень, называвшейся Пурлево, почему когда переселились при князе Репнине в село, то и были названы Пурлевскими. Много же я был наслышан о дедушке своем Петре Петровиче. Покойный родитель мой Дмитрий Петрович имел великую почтительность к делам его и часто рассказывал, чему из них сам был очевидец. Всего живее осталось в моей памяти обстоятельство, что когда дедушку избрал мир в бурмистры, то, помолившись Богу, он собрал в правление все общество и сказал:

«Православные, созвал я вас не для того, чтобы сделать раскладку оброка: дело это должно идти своим порядком и каждый сам должен о нем заботиться. Моя же теперь обязанность присмотреть, чтобы вообще все было лучше. Должно без утайки показать вам бедственное ваше положение, которому вы сами причиной. Дела хоть и малые, честно исполняемые, сами за себя говорят и открывают путь. Чистосердечно себя поставляю вам в пример. Довольство моего состояния основано на добросовестном труде. Меня никто не упрекнет в лени или в обмане. Если мы Всевышним

Промыслом обречены быть крепостными, то не совсем лишены средств устроить свой быт: хотя земли нашей пахотной и недостаточно к прокормлению, мы свободны в выборе заниматься каждый чем кому сподручнее, а место нашего жительства сугубо заменяет недостаток земли, потому что дает средства торговать и иначе промышлять как кому вздумается. Мы и расторопны к домашнему торгу, но многие ли из нас умеют хорошенько им пользоваться? На базар-то все выедут, да целый день и хлопочут — из алтына! И ремеслом тоже мы не вышли: работаем, как при царе Горохе. Притом ни порядочного калача нет в селе, ни пряника приезжему полакомиться, ни кузницы лошадь подковать. Окружные жители, продав свой привоз, что могут у нас купить, кроме вязи и обуви? Все берут у посторонних! У нас в доме чужие пользуются!»

Деду на это отвечали:

— Да мы не можем ничем обзавестись, мы люди бедные...

Он повел другую речь.

«Слушайте, — говорит, — я вам скажу. Не бедность причиной плохой нашей жизни, а нет между нами согласия. Раскол у нас в вере, и между собой, и несправедливости, и обман, — оттого недоверие одного к другому. Будь мы бедны, да честны и правдивы, нашлось бы и пособие. Ведь и дурная слава о нас пошла, никто на нас не полагается, потому что мы промеж себя пререкаемся. Давайте постановим приговор, что с этого дня все ручаемся один за другого в таких-то деньгах, по способности и поведению каждого. А кто какой поруки заслуживает, пусть разберут выборные люди и выдадут открытые на год листы. А на кого жалоба, долг заплатить, самого же из поруки вон, и взыскивать своим манером. Буде же кто злостный расточитель чужого добра, того считать вредным миру и сдавать в царскую службу».

Для начала дела дед первый предложил две тысячи рублей из собственного капитала на десять лет, без процентов, в общий склад для раздачи бедным на торговлю, а платить им по шести копеек в год с рубля в возврат собранных денег. Приговор состоялся единодушно и хранится в правлении. Всего сейчас было собрано шесть тысяч пятьсот рублей, которые впоследствии процентами и другими сборами увеличились до тридцати тысяч.

С того времени (это было в 1794 году) наши крестьяне точно переродились и один пред другим стали хлопотать. Не далее как через три года на пустой прежде площади выросли лавочки, не только с мелочным, даже с красным товаром¹³⁰ и всем нужным для крестьянского обихода. О кузницах и говорить нечего. Вместо прежней обуви стали работать немецкие сапоги с острыми носками и со скрипом (их охотно покупали и соседние помещики). Понемногу завелись маслобойни, устроилось несколько небольших кирпичных заводов, торговля льном и холстами увеличилась. С продажей своих изделий стали выезжать и на посторонние базары.

Оставался дедушка бурмистром с 1794 по 1802 год и старался во всем завести порядок. Так он ввел письменную отчетность по книгам, для чего два молодых парня были обучены счетному делу. Умер же дед Петр Петрович в октябре 1802 года, шестидесяти лет. Как он такой у нас вышел? А вот как. Старший брат его много лет жил в Москве приказчиком у одного купца, взял туда и брата, который провел в Москве двадцать два года мальчиком, потом тоже приказчиком очень умного человека и почерпнул от него московский навык к торговле и прочему. Возвратившись в село, сам

---

¹³⁰ Красный товар — тканый материал, покупаемый на меру длины.

торговал. Когда же приобрел себе во взрослом сыне, моем родителе, надежного помощника, мог на досуге вникнуть в положение односельчан, понять их нужды и обдумать средства.

Торговля дедушки состояла — зимой в покупке льна сланца и ручной крестьянской пряжи. Первый продавался отчасти на месте приезжающим из разных мест покупателям, большею же частью вологодским купцам для архангельского порта, а впоследствии и прямо архангельскому дому Поповых. А крестьянская пряжа доставлялась на полотняные фабрики в Ярославль, Кострому, для полотен фламских, равендука и тиков¹³¹. Летними базарами покупались тоже пряжи, более узкие крестьянские холсты, крученые и гладкие: те и другие продавались московским купцам, — крученые для украинской торговли, гладкие для Москвы и для казенных поставщиков. Оборот был довольно порядочный: собственный капитал дедушки считался в двадцать тысяч, — большая сумма по тогдашнему времени!

В семейной жизни дедушка славился хлебосольством. Запасу было довольно: пироги разные не переводились, домашняя брага, липовый мед. Чаю тогда почти не употребляли, но дед имел уже медный чайник и весь к нему прибор, который всегда красовался в голубом за стеклами шкафе и вынимался только после бани, или с дороги в холодную пору, или когда в праздники после обедни приходил священник с матушкой и близкая родня. Когда бывали по делам городские гости, медный чайник выходил на первый план. В этой компании выпивалась чарка наливочки, но во всю жизнь никто не видал дедушку пьяным. Себя и домашних держал он в строгой дисциплине. Едва ли не всех более доставалось моему покойному родителю,

---

¹³¹ Равендук — толстая парусина; тонкий посконный равендук назывался фламским полотном; тик — полотняная ткань для тюфяков и перин.

который, быв уже женатым, в присутствии отца все-таки держал руки по швам. «Идеже страх, там и благочестие», — говаривал дедушка. И никто не роптал, только после матушка при случае поминала, что «кормилец свекрушко был строгонек, и чуть заметит что, так что задрожешь, хоть и не дерзок был на руку». Наружности дед был красивой, речист: «Под веселый час как станет говорить, так бы все и слушал», — рассказывал мой родитель.

Незадолго до своей кончины был дедушка в Москве, молился в Кремлевских соборах и у Троицы-Сергия и привез с собою маленький самовар, из которого ему, кажется, не довелось и чайку попить: вскоре он захворал. Пред смертью дед велел подать икону Божией Матери Казанской, благословил отца моего и сказал торжественно:

— Ну, любезный сын, от сего времени ты полный хозяин своей жизни. Будь христианин и сын православной церкви. Почитай мать и поминай меня, люби жену с сыном, защищай правду. Все имение предоставляю тебе, но платье мое праздничное сохрани для внука, пусть помнит дедушку. На церковь сто рублей, и попам сто рублей на поминки, а отцу Семену мою камышовую трость и пуховую шляпу. Таков мой последний сказ в присутствии Невидимого Бога. Слова эти буквально были записаны моим родителем, и бумажка передана мне матушкой после его смерти. Скончался же дедушка, приняв Святых Тайн, простившись с домашними, в полном сознании: так рассказывали об его смерти.

Родителю моему было тогда уж около тридцати лет, и имел он давнишний навык к торговле. При собственном капитале и посторонней доверенности ему нетрудно было вести дом. Кроме его и матушки моей Дарьи Егоровны, нас было: бабушка Прасковья Ивановна да я, от роду двух лет (родился я 5 января 1800). Твердо себя я помню с четырехлетнего возраста. С тех пор память моя все сохранила. Знал и хорошо помню наружность своих, помню свои тогдашние удовольствия, неприятности и наклонности, помню строгое преследование шалостей покойным родителем, иногда лишь делавшим мне снисхождение в уважение бабушке, которая одна могла доставить отпущение грехам моим. Матушка, бывало, говорит: «Ну что это у тебя за манера такая стращать дитя, он и так уж напуган, что боится всех». Ответ короткий: «Молчать!» С бабушкой иное дело. Говорит, бывало, отцу: «Ну уж, Митя, я натерпелась и тогда страху, как тебя школил наш покойник, так теперь не дам тебе воли. Ведь только и есть одно детище. Ну захворает и умрет...».

Отец не возражал, а только улыбался и отходил в сторону. Одну мою тогдашнюю шалость никогда не забуду. В день сошествия Св. Духа отец с матерью поехали на храмовый праздник в другое село. Я остался с бабушкой домовничать. То-то было раздолье! Все утро земли под собою не слышал, будто по воздуху летал, и пришел мне на мысль давнишний замысел. Товарищи часто хвалились: один то нашел, другой иное, показывают, бывало, старый грош или ржавый пятак, откопанный в земле, а мне никогда не доставалось откопать и полушки: нечем похвастать. Как набегался я в тот день, пришло мне в голову: под кроватью отца лежат мешки с медными деньгами, по двадцати пяти рублей в каждом... Вытащил я один, развязал, вижу: пятаки и гроши екатерининские, все ржавые. Ладно, думаю, и беру сколько захватить могу, стараясь набрать их штук побольше.

Рядом с нашим домом был пустырь, где в старину стоял дом одного зажиточного бездетного старика. Я туда, зарываю в разных местах пятаки и гроши, на каждой клаже кладу метки и иду к товарищам. Те в бабки играли. Прихожу и говорю за секрет: нашел, мол, на пустыре нашем два пятака и грош, которые налицо и показал. Те сейчас бабки бросили, все марш на пустырь, и я тоже с ними. Один там копается, другой в ином месте, все без успеха; я что ни копну, то грош или пятак: всех привел в изумление и сам пришел в какой-то безотчетный восторг. Бабушка в это время сидела на лавочке у нашего дома с другими крестьянками. Я несколько раз приносил ей свои «находки», и поднялись в этой компании толки о бывшем хозяине пустыря, который-де в самом деле мог зарыть в землю деньги. Между тем день пошел к вечеру; приехал отец. Бабушка давай хвалиться моим счастьем. Отец выслушал как-то холодно, посмотрел на меня и, должно быть, сейчас смекнул, в чем дело. Он приказал работнику убрать лошадь, а сам пошел в горницу и прямо под кровать. Потянул один мешок, другой, видит: сомнительно в завязке; сосчитал. Недочету до двух рублей. Я стою в соседней комнате ни жив ни мертв. Вдруг слышу зов. Вхожу. Отец грозно спрашивает, говорит:

— Так-то находишь деньги! Молод еще мошенничать! Сказывай, кто научил?

Слезы у меня брызнули, пал я на колени: «Тятенька, голубчик! виноват! сам сделал, никто меня не учил». И рассказал, как давно уже мне досадно было, что товарищи все что-нибудь находят, а я ничего. Но родитель мой, выслушав признание, только к бабушке обратился: «Вот, матушка, что значит без надзора дети».

Так розги и не были пущены в дело, а велено лишь положить пред образом несколько земных поклонов.

V

Бабушку тогда больше всех я любил, но недолго пользовался ее опорой. В 1805 году она крепко захворала и чрез несколько недель скончалась. Горько я плакал, не о том, кажется, что она померла, а о том, что без нее некому будет меня оборонить: мать хоть втихомолку меня и жалела, но отцу не смела сказать ни слова. Однако не знаю, я ли сделался осторожней или отец снисходительней, только редко случалось мне быть битым, разве иногда оплошаешь, заиграешься в бабки и упустишь время обеда. Да и тут выглянет, бывало, в окошко или выйдет за ворота: «Саушка!» Бросишь все и бежишь, станешь как вкопанный: «Чего изволите?» Посмотрит, если все исправно и не замаран, только скажет полусердито: «Полудничать время». А если испачкан, задаст трепку волосам.

Раз только мне жестоко досталось. Сижу я на завалинке, покачиваюсь и в лад приговариваю одно нехорошее слово, которое, где-то слышав, заучил не понимая. Отец и услышал. Подкрался, да как вытянет меня ремнем по спине: «Не смей, говорит, болтать таких слов». Матушка едва водой отпоила, а за что побит, не сказано, и я уже много после разобрал.

Так рос я до седьмого года. Любил слушать сказки, особенно когда рассказывала тетка Данильевна, да чтобы самому вычитывать их из книги, где, сказывала она, их много, втихомолку стал учиться грамоте, выучил азы и несколько даже мог складывать, но не смел говорить об этом отцу. Он сам

заметил, что я все роюсь в его книгах, которых у него было немало. Как-то в веселый час он вдруг и спрашивает: «Ты, может, хочешь учиться?»

Я молчу.

- Что же ты язык прикусил?

- Да, — говорю, — тятенька, я бы желал.

- Молод еще.

Однако из первой своей поездки в Ярославль привез Часовник¹³² и Псалтирь. «Ну, — говорит, — Саунька, теперь молись Богу, книги готовы, скоро поступишь к мастеру». И точно, дождавшись декабря, в день Святого пророка Наума¹³³, отслужив молебен, прямо из церкви отец сам повел меня к приходскому дьячку Ивану Петровичу. Дали мне азбуку церковной печати и костяную указку. «Мастер» мой (так называли у нас учителя), в присутствии отца, взяв мою руку с указкой, провел первую линию букв с произношением каждой, я повторял за ним, потом несколько раз сам громко выговорил «аз, буки» и так далее до «живете». Тем и кончился начальный урок.

Выучить все буквы и даже двойные и тройные склады большого труда мне не было, потому что я уже видел их дома (азбучка, хоть и новенькая, была мне старою знакомой). То и другое скоро было окончено. Но когда дошло до слов под титлами¹³⁴, это как-то не клеилось. Я вовсе не понял, для чего оно и к чему, и с помощью только привычки звуки остались-

---

¹³² Часовник (часослов) — книга с церковными «часовыми» молитвами: утренней, вечерней и полунощницей; часто использовалась в обучении грамоте.

¹³³ В день пророка Наума (1 декабря по старому стилю) детей, по обыкновению, начинали учить грамоте. Более удобного времени, чем зима, крестьянину не найти к тому же сам покровитель этого дня по имени напрямую связывался с учением: «Пророк Наум наставит на ум».

¹³⁴ Титло — надстрочный знак, означающий пропуск букв, сокращение в церковнославянском языке.

таки в моей памяти, и я одолел эту премудрость. Предстоял еще подвиг: выучить грамматические знаки, звательства¹³⁵, кавыки, двоеточия, точки; тут хотя решительно ничего не понял, однако же памятью усвоил. Потом взялись за Часослов и Псалтирь. Я хорошо вытвердил все показанные учителем места и читал исправно выученные зады¹³⁶, а «мастер» наш, Иван Петрович, лежа на печи, поправляя, никогда не смотря, по книге читают или на память. К году курс моей словесности был окончен; начался курс скорописанья: черточки, кривульки, потом буквы и самые слова, например: «Кто имеет Бога, тот все имеет». С полгода чертил я и портил бумагу...

В продолжение всего моего учения отцу как-то не доводилось проэкзаменовывать меня. Вдруг, помню, в осенний вечер, приказывает он написать что-нибудь. А у меня нет под рукой прописи... Взял я перо, не знаю, что писать и как.

- Что ж ты не пишешь?.. — И видит, что я мнусь. — Ну, пиши: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

- Я, — говорю, — таких слов не учил.

- Как не учил? Склады учил, ну и складывай.

А я без книги складывать не могу, уставился на перо, не шелохнусь. Как теперь гляжу, родитель мой встал, выпрямился, воззрел на меня.

- Э, любезный, так-то вас обучают. После этого знаешь ли ты и читать? Тащи сюда Псалтирь.

---

¹³⁵ Звательство — звательный падеж в церковнославянском языке, применяемый при обращении к другому лицу; для обозначения «звательности» использовалось особое титло. То обстоятельство, что ребенка учили «знаку звательства», свидетельствует о том, что учил его старообрядец: в никоновских книгах этот знак был отменен.

¹³⁶ То есть выученное прежде.

Раскрывает как раз начало шестой кафизмы: «Господи, да не яростью Твоею обличиши»¹³⁷, — подходящий текст, и мне знакомый, но на этот раз память изменила от страха, в глазах зарябило, так что давно выученные буквы никак я не мог привести в порядок слогов... Вот тогда-то мне досталось, с приговоркой: «А еще сам зазывался учиться» — и с наказом в три дня быть исправным чтецом, иначе ожидать еще большего наказания.

После этого дело пошло моими собственными стараниями, Иван же Петрович, несмотря на жалобы отца, продолжал слушать зады с печи. Так родитель, положив шесть рублей медными в аккуратненький мешочек, приказал вручить их «мастеру» с поклоном. Учение же мое продолжалось дома. Родитель мой, хотя тоже ограниченного учения, был любитель чтения, не ограничиваясь одними духовными книгами. Увлекала его и гражданская словесность того времени, так что после него осталось несколько периодических изданий: «Вестник Европы», «Почта духов», «Живописец»¹³⁸, а из книг, помню, были: «Сочинения» Карамзина, «Кадм и Гармония», «Золотой осел»¹³⁹, много разных романов и театральных пьес, между прочим Фонвизина. На получаемые в подарок деньги я тоже составлял свою библиотеку, которую прятал на полатах: «Еруслан Лазаревич», «Бова Королевич», «Илья Муромец», «Емеля Дурачок», «Семь

---

¹³⁷ Кафисма (кафизма) — раздел псалтыри; в данном случае имеется в виду начало псалма 37.

¹³⁸ Имеются в виду журнал «Вестник Европы» (1801—1830), основанный Н.М. Карамзиным, ежемесячное издание «Почта духов» (1789), издававшееся И.А. Крыловым, и «Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение», сатирический журнал Н.И. Новикова.

¹³⁹ Имеются в виду следующие книги: «Сочинения» Карамзина (Т. 1—11. М., 1803—1815), «Кадм и Гармония. Древнее повествование» — историко-нравоучительный роман М.М. Хераскова (М., 1789), «Луция Апулея платонической секты философа превращение, или Золотой осел», перевод с латинского Е.И. Кострова (М., 1780—1781).

Симеонов»¹⁴⁰, а блаженством моим было бойко читать все это по вечерам домашним, только без отца. Ему это мое упражнение было неприятно, завел он другое: не позволил читать без его назначения гражданские книги и заставил ежедневно упражняться в Священной Истории, Четьи-Минеи и кафизмах, требуя в прочтенном изъяснения и награждая за то чашкой чая. И как он в разговорах жалел, что не в состоянии выучить меня правилам начальных предметов грамматики, арифметики и правописания, потому что сам был не обучен, на селе способных к тому людей не было, а в городе в училище крепостных тогда не принимали! Он мог лишь приучать меня под своим наблюдением к торговле и к счетоводству по счетам.

VI

Чтение под надзором родителя и разговоры с ним, кажется, способствовали к развитию детского моего понятия, и я уважал его не только как отца, но и как знающего человека. Одно только крепко меня огорчало. Родитель мой, к несчастью своему, имел гибельную слабость, или, можно сказать, непонятную болезнь. Обыкновенно он никогда не употреблял хмельных напитков, даже по целому году и больше, но иногда, случалось, был своей болезни подвержен две и три недели сряду, до того, что все просит вина, а кушать хлеба не может. Если, бывало, ему откажут или не усмотрят, то выбежит из дому в одной рубашке, и всякому встречному готов в ноги поклониться, дай только ему на вино. Такой солидный человек за рюмку водки готов был тогда отдать последнее! А

---

¹⁴⁰ Пурлевский приводит названия лубочных сказок, имевших широкое распространение в крестьянской среде.

после двухнедельного запоя слабел, тощал, делался совершенно больным вроде горячки; чуть встанет с постели, с ним припадок такой, что с трудом приводили в чувство, и все были в страхе и трепетали за его жизнь. Кожа с тела и даже с языка лентами сдиралась! Как только выносило здоровье!

Правда, по сложению и по всему отец был чисто русский богатырь. Ростом два аршина восемь вершков¹⁴¹, не толстый, но плотный, темно-русые волосы, недлинная окладистая борода, серо-темные большие открытые глаза, вся наружность под стать его всегдашней поговорке: «Будь важен без гордости, а низок без подлости». Одевался он всегда прилично своему крестьянскому званию и соответственно кругу знакомства: рубашка красная навывпуск, плисовые штаны, суконный камзол, сапоги козловые (натягивались крючками) и халат были его домашним костюмом. В праздничные дни, в летнее время он носил тонкого светло-синего сукна кафтан и пуховую шляпу, зимой — тулуп суконный на калмыцком меху, опушенный бобром, опоясанный золотистым шелковым персидским кушаком, и высокую круглую бобровую шапку. В доме он любил порядок, чистоту и опрятность. Их соблюдала мать моя, Дарья Егоровна, красивая и добрая женщина, которая сама трудилась готовить кушанье и вести в доме обиход, но при всем том занималась и работой, зимой тонкою пряжей, летом ткачеством полотен и платков, поэтому имела свои деньги на праздничное платье. Тогда носили в праздники, летом, ферязи шелковые с позументом¹⁴² или кружевом, шелковый полушубок, на голове остроконечный жемчужный кокошник, покрытый наметкой или платком; на шею надевали жемчужные нитки и на цепочке серебряной крест; зимой надевали шубейку заячью из

---

¹⁴¹ То есть около 180 см.

¹⁴² Ферязь — старорусская верхняя одежда, длинная, без воротника; позумент — крученая пряжа определенной формы, обмотанная золотой и серебряной нитью.

парчи или штофа¹⁴³, покрывались платком, а если слишком холодно, то сверху натягивали шубку бархатную с куньею опушкой. Обыкновенное же платье было: белая рубашка, красный кумачный и китайский¹⁴⁴ сарафан с пуговицами, голова же покрывалась сначала повойником¹⁴⁵, потом бумажным или шелковым платком. Дом наш был в селе из первых: каменный, полуторазэтажный, пять больших окошек по лицу, с двумя чистыми комнатами, а чрез сени на двор кухня с чуланом, внизу две кладовые со сводами для складки товара. В одной чистой комнате принимали гостей, другая служила нам спальней. При доме всегда были работник и работница; первый жил у нас около тридцати лет, работницы иногда переменялись, но одна провела у нас тоже лет пятнадцать. Кроме знакомства по торговле, отец пользовался большим расположением окрестных помещиков. Особенно семейство Карновичей¹⁴⁶ и сам старик Степан Степанович часто посещали наш дом, угощаясь чаем и мягкими пирогами, которые матушка мастерица была печь. Вообще мы ели хорошо: в скоромный день холодное заливное (студень), вареный окорок, потом русские щи или лапша, жаркое баранина или курица, часто готовился гусь, утка. Осенью молодые барашки почитались лучшим кушаньем. Гуси, утки, куры были всегда домашние; что покупали, обходилось очень дешево, начиная с хлеба, который хотя был не местного урожая, а привозный водой из Тамбовской губернии, но весной по приходе судов продавался: мука

---

¹⁴³ Штоф — плотная шелковая ткань.

¹⁴⁴ То есть из китайки — плотной хлопчатобумажной ткани желтого (реже: синего) цвета.

¹⁴⁵ Повойник — женский головной убор, повязка под платок.

¹⁴⁶ Карновичи — дворянский род выходцев из Украины; потомки Степана Ефимовича Карновича, генерал-майора при Петре III, жили в с. Лупандине близ Ярославля. Его внук, Ефим Степанович, стал передовым сельским хозяином, одним из основателей Ярославского общества сельского хозяйства (1843); его правнук, Евгений Петрович (1823—1885) — известным историком и беллетристом.

ржаная за куль¹⁴⁷ в 9 пудов от 6 до 7 рублей, рожь такого же веса от 5 до 6 рублей; горох кульковый лучший 80 копеек четверик, пшено кульковое отборное тоже; крупа гречишная четверть в 8 пудов 4 рубля; говядина 3 копейки; баранина 2 копейки за фунт; гусь кормленный 30 копеек; утка 15 копеек, курица еще дешевле; яйца 4 копейки десяток; масло коровье 15 копеек фунт, постное 5 копеек; привозная красная рыба, осетры и белуга 7 и 10 копеек фунт; икра паюсная 15 копеек; мед лучший казанский от 6 до 10 рублей пуд. Все это не на серебро, а на медные деньги или ассигнации¹⁴⁸. При виде этих цен продовольствия за шестьдесят лет и сравнивая их с ценами настоящего времени¹⁴⁹, можно думать, что тогда люди были в лучшем довольстве.

Утвердительно скажу: нет. В народе было тогда больше нужды. Простонародье северных губерний кормилось почти одним черным ржаным хлебом и серыми щами, калач почитался редким лакомством, пряник — богатым подарком. В крестьянском быту от своего скотоводства все молочные скопы¹⁵⁰, лишняя скотинка, барашки, ягнята, яйца, все продавалось по необходимости, а питались горохом, толокном да репой пареной. Наше село не в счет. Промыслы доставляли нам средства не в пример лучше других мест.

VII

---

¹⁴⁷ Куль — мера сыпучих тел, приравнивавшаяся к 8 или 9 пудам.

¹⁴⁸ С начала XIX в. в России дефицит бюджета покрывался выпуском ассигнаций — и перед Отечественной войной 1812 г. возникли два внутренних курса рубля: «на ассигнации» и «на серебро». 1 рубль серебром стоил примерно 4 рубля ассигнациями.

¹⁴⁹ Воспоминания писались в 1860-х гг.

¹⁵⁰ То есть молоко в разных видах: сметана, сливки, творог, масло, сыр и т. д.

Дела по торговле нашей хотя шли заведенным порядком, но не так удачно, как при дедушке. Потонул груз пшеницы, кое-какие должники не заплатили, и капитал наш значительно уменьшился. При всем том, отец не был поставлен в затруднение по своим оборотам. Крепостным состоянием своим он не тяготился, но частенько скучал, когда приходилось исполнять прихоти помещика, который раз, например, вызвал его в Петербург и держал там почти год только для того, чтобы показать гостям: «вот какие у меня крестьяне»! Отношения, впрочем, между помещиком и моим родителем были самые лучшие. Отцу даже поручено было управлять вотчиной и ходатайствовать по делам в судебных местах, где подполковник затеял какую-то тяжбу с племянниками, что стоило нам больших хлопот и упущений по торговле, а главное, приказные пиявки часто вводили отца в искушение выпить.

В августе 1811 года родитель мой после запоя крепко заболел. Случилось это так. Поехал он по своим делам в Москву. Там, привыкнув уже гулять с приказными, в веселой компании загулял, да и продолжал потом с неделю пить один. Дошли до села слухи, послали родственника выручать. Человек он был, видно, не так-то опытный в этом деле, схватил отца и помчал домой на перекладных-почтовых, не давая дорогой ни отдыха, ни водки. Привез в село такого, что с повозки не мог сойти. Кровь, говорят, запеклась, и на этот раз натура не выдержала. Сентября 4-го родитель мой скончался на 42-м году. Духовным завещанием он предоставил все в распоряжение матушки, поручая меня попечению всех приятелей и родственников, а служащему у нас работнику писал: «Михайло, не оставляй сына и будь его руководителем в торговле».

С этого времени началась трудовая полоса моей жизни. Матушка моя, хотя добрая и хорошая хозяйка, в торговле ничего не понимала, оттого что покойник не допускал ее до дела. На беду, в этот год почти весь капитал наш был по счетам за вологодскими купцами, которые понесли значительные убытки при архангельском порте. Матушка заботилась, хлопотала, несколько раз сама ездила в Вологду, но плохой имела успех и выручила всего, помнится, тысячи две ассигнациями. Мне было тогда одиннадцать лет, и я тоже не имел настоящей опытности. Руководитель мой Михайло был только верный человек, сам по себе ни на что не способный. Матушка не доверяла нашему уму и держала деньги у себя: только пятьсот рублей дала нам, чтоб я привыкал к делу. С таким капиталом обороты сделались мелкими; кончили зиму, прибыли не оказалось. А тут наступил двенадцатый год... Повсеместно упала торговля; что же могло быть с нашей! В селе Великом тогда не о торговле думали, а о спасении, молились Богу, зарывали и прятали имущество, готовились выезжать. Мужеский пол от десятилетнего возраста до шестидесяти годов весь был вооружен пиками и по ночам ходил патрулем настороже. Все жизненные припасы подорожали, заработков у нас не было, прежний денежный запас ежедневно тратился на необходимые потребности, так что едва осталось у нас и пятьсот рублей, платить же нужно было казенные подати и господский оброк неукоснительно, всего до ста рублей. Матушка плакала, что деньги выходят. Насилу кое-как держались, грустя и скорбя о себе и при виде идущих и едущих из Москвы, спасших только свою жизнь. Вдохнули лишь, когда Наполеон вышел из столицы по прежней дорожке и Светлейший стал поколачивать его сорванцов.

Впрочем, всего тогдашнего я не могу передать, потому что местность наша имеет расстояния от Москвы около двухсот верст, следовательно, на

долю моей любознательности мало пришлось видеть замечательного. Помню только, что тела мертвых неприятелей, считаемых служителями ада, не предавались земле, а кострами положенные сжигались.

VIII

К исходу осени все затихло, и в Москву начали постепенно возвращаться жители. Они встретили на своих пепелищах большой недостаток в продовольствии и нужных вещах к обзаведению начального хозяйства, и эта общая потребность повсюду стала известна. Я решился просить у родительницы позволения ехать мне с Михайлом в Москву с товарцем. Долго не соглашалась, наконец отпустила. На двести рублей своих купили, да на триста одолжились сапогами, чулками, рубашечным холстом, мелочью для обихода чернорабочих людей. В шесть дней наш обоз благополучно доехал и остановился на постоянных дворах у Креста. Наутро же явились покупатели, и разом все начисто разобрали. Получив деньги с хорошою пользой, пошли смотреть Москву. Крайняя часть, где мы пристали, не имела почти признаков разорения, но когда пошли дальше за Сухареву внутрь, повсюду опустошение. В самом Городе Китае ужасно было глядеть: обгорелые дома, развалины, без стекол окна, везде по лавкам пустота. А как увидели разрушенный Кремль, дрогнуло сердце и слезы полились ручьями. За полтора-два года с покойным родителем я видел Кремль во всей его красе!

В тот же вечер мы отправились домой. Матушка чрезвычайно обрадовалась нашему возвращению и удаче, когда, сосчитав деньги, увидела

пользы за всеми расходами более двухсот рублей наличными, я же был в настоящем самоуслаждении. Но когда рассказал ей виденное, все мы навзрыд заплакали и забыли полученные барыши...

Однако корысть всегда останется для людей приманкой. Через месяц мы пустились по той же дорожке, с тем же запасцем, только на этот раз не согрешили выгодною продажей, а едва кое-как выручили свои деньжонки, даже с небольшим убыточком, потому что нашего товару было навезено из разных мест видимо-невидимо. В Москве же уже начиналась жизнь и заметное движение. А как помещения, по недостатку еще жителей, были очень дешевы, то можно было с небольшим капиталцем приискать местечко для торговли. Стоило только завести где-нибудь возле рынка сбитенную лавочку. Такая пришла мне мысль в голову, и денег на это своих хватило бы, Михайло же наш был в старину сбитеньщиком и готовил его на славу.

С этою мыслью я и уехал в село. Подумал, подумал. Михайло одобряет, говорит: «С тобою пойду на это дело»; решился сказать матушке. Она ужасно осердилась, закричала, что я с ума сошел, и запретила поминать о такой глупости, приказав: «Дед твой и отец здесь вели торговлю, веди и ты».

Был у меня тогда один любимый товарищ, Никита, немножко постарше меня; вместе мы учились у Ивана Петровича, и по праздникам он всегда приходил к нам поиграть, сказку почитать. После отказа матери я рассказал ему свой московский план. Он сметил это дело, возьми да скажи своему отцу. Тот понял. И отправился Никита с отцом в Москву, дорогой наняли они в одном селе сбитеньщика, а недели чрез две открыли на Моховой лавочку. Чрез месяц отец Никиты возвратился: привез мне спасибо за совет. Чрез год навернул на село Никита: привез сайку, пряников и

говорит по секрету, что у него теперь три тысячи рублей. Взял с собою брата (их было трое сынов у отца), того поставил в сбитенную, сам открыл бакалейную, и эти два брата (Лебедевы по фамилии) лет в десять нажили сто тысяч, выкупились на волю, женились, к тридцатому году имели большой капитал и два каменных дома. В первую московскую холеру¹⁵¹ вся семья их вымерла.

Когда доходили до нас слухи, что Никитушка богатеет, я не досадовал, напротив, в душе гордился, что план мой и совет пошли ему впрок, и доволен был тем, что получал от него письма, иногда кое-какие подарки. Сам же я все проживал в селе Великом, торгуя льном и пряжей на копейки, больше по окрестным селам. Лошадки не на что было купить, поэтому я пешочком ходил себе по базарам и ярмаркам в окружности. Что где успеешь купить, там и продашь, что возьмешь барыша, с тем и возвратишься в село. Труды мои были тяжкие, а едва хватало на наше пропитание с матерью.

Время идет, впереди нет ничего. Этак в году восемьсот семнадцатом родительница стала намекать на женитьбу. «Ты, — говорит, — на возрасте, я нездорова, домик у нас порядочный, дадут невесту богатую».

Не хотелось мне огорчать мать отказом, попросил я только, чтобы позволила мне пред тем сходить пешочком в Москву, помолиться угодникам, может и найти что полезное. Родительница на этот раз как-то скоро согласилась меня отпустить. Думка же моя была та, что теперь Никита разжился: неужели не одолжит мне на мою торговлю рублей триста или двести хоть на один годок? Я бы с этими деньгами нашел дело.

---

¹⁵¹ Имеется в виду эпидемия холеры в 1830 г.

В такой надежде прихожу в Москву, отыскиваю приятеля, смотрю: Никита уж не тот. Поздоровался, однако, позвал в трактир, напоил с дороги чайком, расспросил о житье моем, как и что. Я откровенно говорю: «Живем по-прежнему, трудов много, денег мало, почти что ничего. Будь у меня в руках сотня-другая, можно бы и в селе нажить копейку, а то и всего в обороте рублей с полсотни. На них чего купишь? Возьмешь барыша рубля три, да и бежишь с этим за тридцать верст домой».

Хотел было по старой памяти прибавить, «не одолжишь ли, брат, на торговлю», но язык не поворотился: ожидал, что старый товарищ сам скажет, «а много тебе надо на нужду?».

Но мой Никитушка сметил, зачем я пришел, и давай жаловаться, что он хоть имеет капитал, а в деньгах тоже нуждается, товару-де много, наличных почти нет, а вот подходит время, что надо оправдать свой кредит. Не ожидал я такой отговорки, скрепил сердце, замолчал. Никита и спрашивает:

- Долго ты в Москве проживешь?

- Сегодня же домой.

- Да, — говорит, — в Москве харчи дорогие; не шутка и денек продневать.

В то же время вынимает из бокового кармана бумажник полнехонек ассигнаций. Полез, вынул синенькую пятирублевую и говорит:

- Возьми-ка себе на дорогу, да захвати с собою московскую саечку, нашему учителю Ивану Петровичу: он, поди, еще здоровствует?

Я отвечал, что «слава Богу, жив-здоров», сайку взял, от бумажки отказался. «Благодарю за приязнь и угощение, прощайте, будьте здоровы», — и стремглав выскочил из трактира.

Не помню, как я прошел Москвой, как очутился за восемнадцать верст в Мытищах. Там из громового колодца¹⁵² выпил ковшик воды, посидел немножко, у Троицы-Сергия заночевал, спал крепко, утром помолился Угоднику, на третий день явился домой. Матушка не ожидала меня так скоро, удивилась даже и спрашивает:

- Да был ли ты полно в Москве?

- Был, матушка, только она на этот раз мне не понравилась.

Мать не стала много расспрашивать: рада была, что воротился.

IX

Вскоре после возвращения моего из Москвы наш помещик вдруг пишет приказ в вотчину, чтобы немедленно собрать оброк за два года вперед и деньги внести полностью в Московский опекунский совет¹⁵³, пожертвованием на какое-то, уж не помню, благотворительное дело; а кто не уплатит сполна, того сдать в солдаты, с тем, чтобы за такого уплатил другой, кто побогаче, и тем освободил себя и семью от будущей рекрутчины.

На сходке прочитали приказ, потолковали, померекали и сделали раскладку, сколько с кого взять: как ни плохо житье крестьянское, никому не хотелось тогда быть солдатом, всякий тянулся, тащил свою долю. На меня наложили сто рублей. Наличных было у меня рублей семьдесят; матушка дала тридцать из своих, а чтобы было чем продолжать торговлю, продала свою жемчужную нитку за сто двадцать и отдала выручку мне. Эти

---

¹⁵² Имеется в виду ключ из-под камня, по народному поверью возникающий от удара грозы.

¹⁵³ Опекунский совет был учрежден в 1786 г. с целью принятия в заклад от помещиков крепостных крестьян и выдачи владельцам их соответствующей ссуды под проценты.

деньги меня как будто оживили. Повел я дело бойче, так что приобрел даже посторонний кредит и купил себе лошаденку. Зимой по обычаю возился я со льном и пряжей, на лето же снял сад с яблоками. И так удачно это вышло, что в два месяца заработал с товарищем, с которым был пополам, восемьсот рублей чистыми.

Тут помещик опять пишет бурмистру: выбрать четырех человек самого высокого роста, не старше двадцати лет, способных ездить на запятках за каретой, да четырех красивых девушек не старше восемнадцати, и всех сих людей лично привезти к барину в Петербург...

Приказ, как водится, прочитали сходке; перечить никто не посмел, хотя все были огорчены, особенно у кого молодые сыновья и красавицы-дочери. Родительница моя, тоже испугавшись за меня, заворчала: «Старый греховодник! по летам ли ему так баловаться! А что, если и тебя, Саушка, по сиротству возьмут в эти проклятые гайдуки?.. Я не вытерплю, брошу дом, поплетусь с тобою в Питер, буду кланяться, просить, чтоб отпустили тебя ради отца твоего, которым барин хвалился пред своими лизоблюдами. Коли же не сжалятся, кошкой кинусь ему в глаза. Суди меня Бог и Царь! Я мать!»

В таком азарте никогда не видал я матушки. Не мог выдержать, заплакал и стал потихоньку утешать ее, говоря: «Бурмистр, старый приятель покойному тятеньке, не обидит нас, не выдаст; а притом на селе много молодцов выше меня ростом».

— Эх, Саушка, — возговорила матушка, — помнят люди приязнь! Разве вот что тебя спасет: у бурмистра племянница; слышно, прочит ее за тебя...

Бурмистр между тем сетовал в доме вотчинного правления со старшинами, из каких семей взять молодцов и девушек. Сказывали потом, что и я был назначен, но он своеручно вычеркнул меня из списка. Других же

молодцов и девушек отцы сколько его ни угощали, некоторым пришлось поплакать при расставанье, особенно матерям за участь девичьей красы.

В обычных хлопотах время шло своим чередом до 1818 года. Подходила весна. Тут матушка опять стала говорить о женитьбе, требуя уже настоятельно, и хотя предоставляя выбор мне, однако намекая, что связь родственная для нашего сиротства необходима. В мои лета я не имел еще склонности к женитьбе; все же обещал, а о невесте просил дать мне подумать.

Чрез малое время приехал в село Великое один тоже наш крестьянин, Петр Иванович, но который около тридцати лет уже был главным караванным приказчиком при сплаве на барках из сибирских заводов к Петербургу до полумиллиона пудов господского железа ежегодно, и проживал в своей семье не более месяца в году. Петр Иванович слыл добрым человеком и честным; подчиненные служители любили его как отца, сам помещик уважал его и величал всегда лично и в письмах не иначе как «Петром Ивановичем», а в селе все кланялись ему в пояс. Покойный мой родитель дружил с ним, и как была у него дочь, всего одна, то часто говаривали: «быть нам сватами, если Бог благословит». На девушку эту, годом помоложе меня, я сам частенько засматривался, вместе мы гуляли летом, зимой катались на горах: но в теперешнем моем состоянии не смел надеяться на согласие ее стариков...

А все-таки думалось...

В бытность тогда на селе Петра Ивановича иду я раз мимо их каменного дома, вдруг отворяется окно и меня зовут. Вхожу, глядь — там матушка, и Петр Иваныч говорит, что все уже ими замечено и решено, что по моей робости, а ее вдовству сам он предлагает упрочить старое знакомство

родством.

Так мы веселым пирком да за свадебку... Тесть мой, добрый человек, кроме приданого, тогда же дал мне тысячу рублей ассигнациями на торговлю.

Х

Женитьба в восемнадцать лет по местному тогда нашему обычаю была ничуть не диво, но странно кажется мне теперь то, что, с малолетства быв скромным и покорным мальчиком, вдруг я почувствовал в себе противоположную перемену, точно получил какое-то особое право. То ли было причиной, что я имел в своих руках тысячу рублей, а под боком богатого тестя, или так уж это в порядке вещей, что когда человек женился, значит, сам стал на ноги, — только я очутился совсем в другой колее, и началась в моей голове работа. Одна думка сменялась другою, каждый день рождались новые планы, в воображении моем рисовалась будущность такая отрадная и гладкая, как будто все от одной моей воли зависело. Одно слово: во что бы то ни стало я решил непременно добиться той степени, на которой стояли мой дед и родитель. Пример их до той поры хранился в моей памяти неподвижно, тут же вдруг послужил начальным поводом к развитию природного честолюбия, которое тогда, как погонялка, вынуждало меня без оглядки бежать вперед.

Правда, не было и большого труда расширить круг своей торговли; все выгодные условия были на моей стороне, практика минувшего времени дала достаточные познания в качестве товаров; я знал хорошо, когда и где что лучше купить, а при продаже взял за правило пользоваться самым

малым барышом, лишь бы расположить к себе покупателя и тем достигнуть частого оборота.

Увеличив свою деятельность, при скромном поведении, я добыл себе кредит, так что если бывало иногда при покупке товара нет наличных, — разве половину требуют, остальную охотно доверяют на срок без накладки. И до того возросло ко мне доверие, что наконец о деньгах и речи не было при уговоре. Я же всегда хранил слово, вес и меру держал справедливо и при расчете не прижимал.

Так успешно продолжалось до 1820 года, однако наличный мой капитал увеличился лишь немногими сотнями, оттого что понадобились кое-какие перестройки в доме и прибавка домашних вещей. Матушка сначала крепко на меня взъелась: все ей казалось, что я расширю торговлю не по силам, и притом гневалась на излишний против прежнего домашний расход, особенно когда случалось угощать нужных посторонних людей. Упреки ее само собой были не так-то приятны, но я удерживался от противоречия и продолжал вести дело по-своему, как наладил. В ту пору наехал к нам на село муж одной из наследниц покойного помещика, военный генерал А. с супругой. Приняли их как следует, а они собрали сходку, и барин держал речь:

- Надо нам, ребята, впредь быть исправнее. Пора переговорить с вами. Например, со всего села получается нами оброку в год только двадцать тысяч. Покойный батюшка, отец жены, много лет давал вам льготу, да и мы после него продолжали поблажать вам два года: ожидали, что вы будете признательны и сами увеличите платеж по теперешним ценам. Бог с вами за прошлое, но вы должны чувствовать нашу ласку, и за нее вперед нам постараться.

Бурмистр и старшины все с поклоном отвечают, что-де очень вам благодарны за все, молим Бога о вашем здравии и чтим память вашего папеньки.

На это барин, улыбнувшись, сказал:

- И это, старики, не худо. Спасибо за память. Но не забывайте, что нам нужны теперь деньги. Мы не хотим увеличивать оброк, а вот что сделаем. Соберите нам единовременно двести тысяч рублей, мы же в течение десяти лет не будем ничего с вас требовать. Как вы люди все зажиточные, исполнить наше желание вам нетрудно. А? Что скажете?

И с таким неожиданным вопросом обернулся к сходке. Все до того были озадачены, что ни слова не выговорили. Барин, принимая молчание за знак согласия, говорит:

- Так вы исполните как сказано? да?

И тут никто не отзывается.

Барин снова повторяет:

- Смотрите же, мужички, чтобы внесено было исправно!

- Нет, батюшка, мы не можем!

Этакое слово вдруг само сорвалось с моего языка, и в ту ж минуту из разных мест посыпалось, как из мешка. Один говорит: «Нет, кормилец, шутка ли собрать двести тысяч! Где мы их возьмем!» Другой кричит: «Мы какие зажиточные, часто нуждаемся в рубле».

- А дома-то, смотри, какие настроили, — усмехнулся барин.

Тут ему загалдели:

- Дома, что дома. Это наш корм. Мы не хлебопашцы. Земли у нас на тысячу триста душ тысяча сто тридцать десятин. Питаемся промыслом, платим оброк бездоимочно. Чего еще!

И поднялся шум.

Услышав такой решительный отказ, барин, должно быть подумав, «что мне с этими дураками толковать», посмотрел на нас, опять улыбнулся, повернулся, взял барыню под ручку, приказал бурмистру, изготовив карету, подавать лошадей и сейчас уехал в Ярославль.

У нас было отлегло, но недолго порадовались. Наследники получили из гражданской палаты свидетельство, что такое-то их имение не состоит под запрещением, и вся вотчина была заложена в Опекунский совет, а получено денег за тысячу триста ревизских душ по двести пятьдесят рублей за душу, всего триста двадцать пять тысяч ассигнациями, на двадцать пять лет. Чрез два месяца вновь собрали сходку, и тогда уж без околичности прочитан господский приказ, в котором начистоту сказано:

«По случаю займа в Опекунском совете трехсот двадцати пяти тысяч на двадцать пять лет, процентов и погашения долга требуется около тридцати тысяч в год, которые поставляется в неперемную обязанность вотчинного правления ежегодно собирать с крестьян, кроме прежнего оброка в двадцать тысяч; и весь годичный сбор пятьдесят тысяч разложить по усмотрению нарочно выбранных людей, с тем, чтобы недоимок ни за кем не числилось, в противном случае под ответственностью бурмистра неплательщики будут, молодые — без очереди сданы в солдаты, а негодные на службу — отосланы на работу в сибирские железные заводы».

XI

В безмолвной тишине, прерываемой вздохами, окончилось чтение грозного приказа...

На этот момент в первый раз в жизни почувствовал я прискорбность своего крепостного состояния! Тогда-то в неопытном моем понятии в первый раз представился ужасный вопрос: «Что же такое мы?!» Крепко рвалось мое сердце, понуждая меня высказаться, но, посмотрев вокруг на грустные лица и слыша один только робкий шепот, я успел удержать и затаить в себе свой порыв. Нечаянность эта и не одного меня ошеломила; такой огромный налог всех устрасил до крайности. Казался он нам и незаконным. Но что же было делать? В то время подавать жалобы на господ крестьянам строго воспрещалось; самовольно отказываться от платежа значило только опозорить себя званием бунтовщиков; заупрямившись — подвергнуться тяжкому наказанию и военной экзекуции, которая разорит вконец. Сходка окончилась тем, что в платеже требуемого мы составили на самих себя по форме приговор, согласно полученному приказу, возлагая надежду на помощь Божию. Никому ведь не хотелось лишиться родины: лучше отказаться от праздничного куска, лишь бы избавиться опалы. Утешением послужило то, что не стесняется хоть свобода наша в промыслах.

При всей общей тяжести наша семейная жизнь, благодаря Всевышнего, не впала в крайность; торговля моя шла своим порядком, не было нужды в продовольствии, и наложенный на меня оброк, около двухсот рублей ассигнациями, всегда я платил своевременно. Только все раздумывал: как же это барин с нами поступил? И стал приглядываться, чего доселе не приходило в голову, к окрестному крестьянскому быту.

Вышло, что нам еще ничего.

Был у нас не очень дальний сосед, Иван Иванович **, кутила первой руки, охотник до красоток из города. Жил он постоянно в деревне, деньги с крестьян брал без счета и без определенной меры: как потребует — неси, не то порка.

Так этот пожилой уже барин своих крепостных обирал да порол за дело и без дела, пока те наконец взбеленились и полезли на стену... Иван Иванович видит, что дело плохо, и поладил с мужиками: выкатил им два бочонка водки, побожился, что впредь не обидит. Народ тому и рад. Только как был Иван Иванович большой волокита, то в шутку и приударь он поблизости за одну барышней небогатого семейства. Там смекнули, что гуся этого хорошо бы, заманув, изловить, до поры до времени смотрели на его шалости сквозь пальцы, да потом застучали молодца и принудили жениться. А как в молодости своей Иван Иванович успел наделать столько долгов, что никогда не мог их уплатить, дела его экономии были плохи, с крестьян же взять Уже нечего, то по совету тестя занял он в Опекунском совете под залог тысячи двухсот душ не знаю сколько-то, что-то много.

Дым пошел коромыслом: гости да в гости, нужно и в городе пожить, экипажи, вечера, экипировка, — на все подавай деньги; только на хозяйство их не хватает: хозяйство и осталось по-прежнему. За пять лет проценты и погашение выплатили, потом весь долг и сел, как у нас, на шею крестьян, не имевших наших промыслов.

Это еще человек не злой, а только баловень, беспечный ветрогон и дрянной хозяин. Другой сосед иного цвету, Лев Петрович ***, древнего

боярского рода, владелец трехсот душ и многих отхожих лесных дач¹⁵⁴. В молодости он где-то служил, дослужился до провинциального секретаря, терся около знати, искусно передергивал карты, такими проделочками нажил себе порядочное количество билетов Сохранной казны, женился и поселился в своем сельце *. Несчастливая жена его, измученная жестоким обращением, на третий год померла, оставив сына Леонида Львовича, который в подростках еще не поладил с отцом, уехал в город к тетке и там впоследствии нашел себе невесту.

После смерти жены Лев Петрович мало того что все полевал и выгонял мужиков своих на облаву, но вынуждал всех молоденьких крестьянок чередоваться у него ночным дежурством, за послушание же наказывал розгами или на целый месяц надевал на шею железную рогатку.

Крестьяне вышли наконец из терпения и чрез близких барину псарей объявили, что им невмоготу и что если грех будет продолжаться, то найдут на него свою расправу.

Сначала Лев Петрович было погорячился, хотел всех передрать, но раздумал, что нет под рукой надежных людей и, чего доброго, самому достанется, как был пример в Переяславльском уезде, где мужики, втихомолку добравшись до барина с барыней, оставили их еле живых. Ночные дежурства прекратились, а женился он во второй раз не на дворянке: никто не выдал бы за него свою дочь, невзирая на капитал его, и ни одна благородная девица не позарилась бы на него, черномазого, у которого всего разговору было только, что любимая его поговорка: «Ох, дела деланские, земля землянская, народ все христианский».

---

¹⁵⁴ Имеется в виду поземельная собственность лесных участков, некогда пожалованных предкам помещика.

За деньги через услужливых негодяев обвенчался он на городской мещаночке. Эту жалкую жертву привез в свою усадьбу, засадил в тесный флигелек, и несчастная томилась там около пятнадцати лет, подарив мучителю двух сынов.

Лев Петрович между тем, оборвавшись на дежурствах, допекал своих крестьян по хозяйству. Экономическая запашка¹⁵⁵ его была не так-то велика и мужикам не лиха беда ее обработать, но он изнурял их другими тягостями: рубкой в лесных дачах дров и отправкой с лишком за двадцать верст в город; побором деньгами и льном; каждой бабе определил зимой — спрясть столько-то талек¹⁵⁶, летом — выткать и выбелить столько-то аршин полотна, набрать столько-то фунтов грибов и вишен; каждой семье — принести столько-то яиц и масла. Сверх того, ни одна свадьба не могла состояться без разрешения Льва Петровича, за которое — особая подать деньгами, льном и домашним холстом. И такой он был мастер своего дела, что увидит у крестьян удачный всход льна, заметит себе, а когда продадут — у всех поодиночке отберет полученную выручку, под предлогом, что «на сохранение», приговаривая: «Ты, дурак, пропьешь, у меня целы будут». Иной ломается, выставляет нужду — лошаденку купить или что-нибудь для домашнего обихода: «Потеряешь деньги, каналья, — говорит Лев Петрович, — а понадобится лошадь — я дам». Или просто скажет: «Болван! видно, захотелось березовой каши».

Ну, словом, крестьяне дошли до того, что уж не радели о своем домашнем хозяйстве, «потому что все равно — Лев Петрович узнает и себе

---

¹⁵⁵ Экономическая запашка — запашка, проведенная по распоряжению экономии — специальной сельскохозяйственной конторы, управления.

¹⁵⁶ Талька — здесь: моток ниток из фунта льна, надеваемый на ручное мотовило для крестьянской пряжи.

возьмет». Ябедник тоже был он исправный, так что его опасались и посторонние люди. Из многих штук приведу одну.

Был у него немолодых лет крестьянин-бобыль. Этот человек держался раскола, часто ходил «странником»¹⁵⁷ и проживал иногда поблизости в одном селе у своих одноверцев. Взять с него было нечего, так вот какую придумал Лев Петрович канитель. Подал он в земский суд явочное прошение¹⁵⁸, что «такой-то его крестьянин Иван Кондратьев такого-то числа и месяца скрылся неизвестно куда», тогда как ему очень ведомо было, что он то дома по избам таскается, то гостит у своих одноверцев, которые, принимая его, не могли считать беглым, так как знали его родину в шести всего верстах от себя и ведали, что он ее не покинул, а бродит себе промеж ней и ими. Прошло после явочного прошения немало времени. Иван Кондратьев все ходит взад и вперед, из села к одноверцам; вдруг подает Лев Петрович в тот же земский суд прошение, что «беглый его крестьянин такой-то укрывается там-то», и просит «произвести обыскное следствие». Командировали чиновника, схватили Ивана Кондратьева в самом молитвенном доме. Улика налицо; забрали несколько человек «укрывателей», да вместе с Иваном в город, к суду. Лев Петрович потребовал с крестьян две тысячи рублей, однако как членам суда была тут своя большая пожива от раскольников, то они крутили-вертели и свели на мировую в шестьсот...

Вот тебе и Иван Кондратьев! Долго его помнили; а Лев Петрович только посмеивался, приговаривая: «Мужика надо учить, чтоб умнее был».

---

¹⁵⁷ «Странники», или «бегуны» — одна из раскольничьих сект, центром которой было село Сопелки Ярославской губернии.

¹⁵⁸ Явочное прошение — объявление о пропаже, покраже, побеге.

Зато, бывало, приедет он к нам на базар: соседи-помещики, встречаясь, ленятся поклон ему отдать...

Однако и он за год до смерти подобрел, дворовым людям выдал вольные, с мужиков перестал делать прежние поборы, даже некоторым беднякам выдал со скотного своего двора кому лошадь, кому корову, а кому дал лесу на постройку и немножко деньжонок.

Хорош Лев Петрович, но были образчики и почище. Один старый вельможа с ватагой дармоедов переселился на жительство в свою усадьбу и завел псовую охоту. Раз крестьянский мальчик (у него там было три тысячи душ) зашиб по глупости камешком ногу борзой собаки из барской своры. Барин как увидел, что его Налет хромает, разгневался: спрос, «кто изувечил собаку?»

Псари должны были указать. Привели мальчика, тот сознался. Велено наутро быть готовым к охоте в полном составе. Выехали в поле, около лесу остановились, гончих пустили, борзых держат на сворах. Тут привезли мальчика. Приказано раздеть и бежать ему нагому по полю, а вслед за ним со всех свор пустили вдогонку собак: значит, травить его.

Только борзые добегут до мальчика, понюхают и не трогают... Подоспела мать, леском обежала и ухватила свое детище в охапку. Ее оттащили в деревню и опять пустили собак. Мать помешалась, на третий день умерла.

Говорили, что об этом всем узнал император Александр Павлович и повелел судить барина: но тот, сведав, что дело дошло до государя, сам наложил на себя руки¹⁵⁹.

---

¹⁵⁹ Эта история упоминалась в литературе еще до появления воспоминаний Пурлевского: Н.А. Некрасовым в «Отрывках из путевых записок графа Гаранского» (1853), А.И. Герценом в заметке «По части помещичьего псолюбия» (1860). Однако именно рассказ

Или вот еще вспомнил двух братьев А. и И. Б[аташевых], правда, не нашей местности, но слухом земля полнится, о них дошло и до нас. Эти два брата, т[уль]ские помещики, были основателями, в 1755 году, знаменитых впоследствии Ш[епелев]ских заводов, имевших громадные владения и доставлявших чрезвычайный доход. Особенно способный из них был И[ван], человек предприимчивый, зато же и в высшей степени корыстный и великий мастер присваивать себе чужую собственность, не разбирая средств. Людей своих он всех вооружил и сам был как бы их атаманом, всегда разъезжая с шайкой в двенадцать отборных молодцов и распоряжаясь как разбойник. При начальном устройстве заводов много смежной земли и лесов принадлежало касимовским татарам, которые не соглашались продать их: так он самовольно рубил и жег леса и многих при этом перебил. Доставалось и соседним помещикам, чья земля понадобилась или приглянулась. Сторгуется, не жалея цены, совершит запись, зазовет к себе для получения денег, вручит все сполна и угостит на славу: а вечером, как сытый и пьяный гость с казной отправится домой, нарочно поставленные молодцы дорогой его ухлопают, деньги же назад барину, который награждал за это щедро. Противиться ему или вывести наружу самоуправство никто не смел: в городских судах на него не было управы, доходило до сената, и там тоже куплена была сильная протекция. В

Пурлевского стал источником аналогичного эпизода в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880). Там его рассказывает Иван Карамазов в беседе с Алешей (кн. V, гл. «Бунт»), ссылаясь на то, что прочитал его «в одном из сборников наших древностей, в "Архиве", в "Старине", что ли». Финал трагического происшествия у Достоевского иной: «Мрачный, холодный, туманный» осенний день, знатный для охоты. Мальчика генерал велел раздевать, ребеночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть... "Гони его!" — командует генерал. "Беги, беги!" — кричат ему псы, мальчик бежит... Ату его!" — вопит генерал и бросает на него стаю борзых собак. Затравил в глаза матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 221).

заводской конторе должно храниться до сих пор письмо сенатора Л*, который, предостерегая И. Б[аташева], писал: «Ванька, твои дела поганы, перестань проказничать, а то тебе худо будет, да и нам несдобровать, попадем в опалу».

А тот все-таки не унялся, и свидетелями его зверства — те скелеты, которые потом найдены были однажды в стенах при ломке старого заводского строения.

Однако и то скажу, это злоупотребления: но из помещиков много было умных, полезных и заслуживающих уважения господ, а в других званиях тоже творилось лихое.

Вот тому пример из тех же Ш[епелев]ских заводов. В 1783 году все имение было разделено между братьями Б[аташевыми]. Ивану досталось четыре завода, полтора ста тысяч десятин земли, в том числе около ста десяти тысяч лесу, восемнадцать тысяч душ крестьян, из которых девять тысяч мастеровых, производство в миллион двести тысяч оборотного капитала и двести тысяч рублей чистого дохода. После его смерти все это перешло к единственной его дочери, выданной замуж за генерала Д.Д. Шепелева], который сначала хорошо принялся за дело, но скоро наскучил хлопотливым занятием, так что при нем уже денежная часть расстроилась и потребовался заем восьмисот тысяч рублей из Опекунского совета¹⁶⁰. Почти вся эта сумма пошла на постройку в заводе громадного театра и на содержание труппы заграничных актеров. Дела же заводские очутились исключительно в руках крепостных людей, причем над ними не было правильного наблюдения и надзора, а одна бестолковая строгость.

---

¹⁶⁰ Упомянуты следующие лица: братья Баташевы — Андрей Родионович (1728 - 1799) и Иван Родионович (1741-1821) и генерал-лейтенант Дмитрий Дмитриевич Шепелев (1771—1841).

Порядок заводского производства соблюдался только по наружности, скрытно допускались всякие недобросовестные проделки и расхищение. После смерти генерала наследство приняли в свое личное заведование два его сына, Иван и Николай, господа образованные и в чинах, которые тоже не обратили надлежащего внимания на хозяйственную часть. Меньшой, Николай, не захотел даже лично участвовать в управлении и доверил его брату и зятю. Деятельность их по заводу ограничилась подписью конторских бумаг безо всякого рассмотрения.

Вот тут-то и показал себя один мужичок. В главном заводе много лет был в питейном доме целовальником один елабужский мещанин С*. Он приохотил к себе заводских рабочих приемом краденых вещей, тем составил себе хорошее состояние и стакнулся с управляющим, из заводских крепостных, обмануть хозяев. Тогда был неурожай на хлеб, цены ржаной муки доходили до рубля серебром за пуд, железо, напротив, подешевело. С* с управляющим и состряпали контракт, который подсунули к подписи и который давал С* поставку муки в завод на три года, по пятидесяти тысяч пудов в год, с тем, что за муку уплачивать С* железом пуд за пуд, таких сортов, какие ему понадобятся. В первый год завод потерял немного, но в следующие два, когда хорошие урожаи понизили муку до двадцати пяти копеек за пуд, а железо поднялось, пришлось терять на нем почти по девяноста копеек на каждом пуде.

Заметив ошибку, хозяева пошли было на попятный двор, но С* по суду заставил заводское управление исполнять контракты: уголовное следствие открыло грехи за управляющим, и его, наказав плетью, сослали в Сибирь на поселение, но гражданская сделка осталась в своей силе. Другие дела С* тоже были кляузные, что не помешало ему выйти в люди и при

могучем посредстве тогдашнего воротилы З* получить сначала медали, потом и Анну на шею¹⁶¹.

Однако Бог его ждал и покарал: как он собрался ехать к своему покровителю с поклоном за орден, вдруг из гортани хлынула кровь, и он в тот же час скончался. Имение, нажитое, как сказано, после смерти грешного приобретателя растаскали, кто как властен, а семья осталась в Москве почти что в бедности.

О заводах этих, кстати, прибавлю: чем дальше, тем было хуже. Таким манером масса долгов увеличилась до того, что пресекался всякий кредит и с трудом уплачивались проценты по займу Опекунского совета. Кончилось тем, что это богатейшее имение, где леса и рудники для заводской потребности были под рукой, с заводами в центре России и близком расстоянии от Москвы и Нижегородской ярмарки, при доставке туда и сюда водой, оказалось несостоятельным, и в 1846 году все поступило в опекунское управление.

ХIII

В этих примерах выведены помещики и крестьяне; а из купцов, что дворян хают и на мужиков кричат, разве нет тоже уродов?

Передам сведение об одной бывшей московской знаменитости, суконном фабриканте П.М. А*. Качеством его производство было безукоризненное и пользы ему доставляло весьма хорошие, но жадность корысти не удовлетворялась честным трудом. Захотел А* разбогатеть вдруг:

---

¹⁶¹ Анна на шее — орден Святой Анны 2-й степени, которым награждались за успехи в гражданской службе.

ни с того ни с сего — объявляет себя несостоятельным. Сошло с рук, тем легче, что сделка не была слишком убыточна для кредиторов и всякому известная деятельность должника подавала надежду иметь от него выгоду в будущем. У А* же иное на уме. Увидев удачу первого опыта, при пособии двоих помощников, он повел свои конторские книги в двух видах: в одном писал настоящее, в другом — с выводом мнимых убытков, и с таким коварством вел свои дела около десяти лет, в течение которых успел везде добыть себе свободный кредит. Когда он хорошо им попользовался, он и приглашает циркулярными записками всех своих кредиторов пожаловать к нему на вечер. Те, ничего не понимая, однако чуя недоброе, все налицо, кто жил в Москве, явились. Видят, готовится какое-то неприятное угощение, потому что принимают гостей два приказчика (те самые сообщники), а сам хозяин показался, лишь когда все съехались. Прикидываясь полубольным и с личиной душевного прискорбия, начал он сцену поклоном, потом с притворною робостью смиренно объяснил, что по затруднительности своего положения не может очистить вдруг своих долгов, простиравшихся до двух миллионов, в доказательство чего представил книги: дефициту выведено миллион...

Кредиторы пошумели, посмотрели, поворочали листы, походили по комнатам, померекали так и сяк и кончили тем, что согласились рассрочить уплату на четыре года.

Ладно. Дело опять пошло, а в первый же срок — ни шиша. Думали, толковали, решили: А* точно не в состоянии отвечать полным рублем, так через год получить с него по полтине. Один небогатый кредитор так был поражен бессовестным грабежом, что, возвращаясь домой, бросился с Каменного моста и утопился.

С нашего молодца это как с гуся вода. Он не выполнил и новых обязательств, хитростью вымучил у кредиторов учреждение над его делами администрации, сам втерся в главное распоряжение по фабрике, долги уплачивал доходами с нее и в конце концов почти ничего не заплатил: миллион остался в кармане.

Да, нечего сказать, ловко провел людей: но обманул ли Бога? Правосудие Его вдруг поразило А* мучительной болезнью; семь лет был он живым мертвецом, никакие врачебные пособия не помогли, три года сряду не мог он ничего есть, кроме ложки бульона, искал спасения по монастырям, один Даже обогатил своими щедрыми приношениями — и умер в адских страданиях. А после его кончины миллион достался частью сообщникам его воровства, частью отдаленным родственникам, потому что А* был не женат и своей семьи не имел.

Другой еще случай припоминаю из купеческого быта. Два брата были богачи и радушные хлебосолы, что делало им честь: только хлебосольство их не ограничивалось радушным гостеприимством, а состояло в увлечении барскими прихотями, — не для себя по вкусу: для того только, чтобы после роскошного обеда щеголять пред гостями антиками¹⁶², в которых ни тот ни другой ничего не понимали. Кроме того, одному из братьев вздумалось блеснуть оранжереей, которая обошлась в пятьдесят тысяч, другой выстроил при фабрике стотысячный дом, не для постоянного житья, а на время своего туда приезда, да маменька их, из суетного тщеславия, поусердствовала: в монастыре возвела на свой счет огромную пятиглавую церковь — тысяч тоже более чем во сто серебром.

---

¹⁶² Антики — предметы старины.

Так мотали, мотали, когда дела были уже сильно расстроены, кредиторов и оставили на бобах.

Или еще был в Москве один первой гильдии купец П.И. Кж., который вел большую торговлю чаем. Он через приказчиков разменивал в Кяхте¹⁶³, а здесь лично производил оптовую продажу, не доверяя никому отпуск ни одного цибика. Такой был подозрительный и скупой, что сам каждодневно ходил на рынок за провизией для семейного продовольствия, которое в будни ограничивалось расходом меньше рубля ассигнациями. Стряпня и все в доме исполнялось одною кухаркою, в праздники пироги готовила сама хозяйка, беспрекословно исполнявшая указы своего благоверного, который тогда только был доволен, когда урывал где из самого нужного копейку экономии. Скарעד был неимоверный! Кяхтинские его доверенные возвращались в Москву всегда в апреле месяце с личною отчетностью. В этой отчетности нельзя было писать расход в настоящем виде: съест! Нужно было лукавить и сокращать все цифры на показ строжайшей во всем бережливости, иначе самый честный и действительно бережливый человек полетит с места.

Поневоле усваивалась привычка обманывать, наверстывая передержку против показанного стороной. Один из приказчиков сам мне говорил, что когда они возвращались из Кяхты в Москву и проживали в Москве за покупкой для Кяхты товаров, то секретно получали с продавцов верховые проценты, которыми и покрывали не выставленные по счету хозяйские расходы; то же и в Кяхте делали при размене, так что и на их долю оставались частицы, равные всему их жалованью. А в три месяца, что

---

¹⁶³ Кяхта, город в Забайкалье, на русско-китайской границе; до середины XIX был единственным перевалочным пунктом при торговле с Китаем. Через Кяхту шли основные поставки чая.

жили они в Москве в хозяйском доме, должны были дров наколоть на целый год, двор и конюшни вычистить, пред домом мостовую починить, все черные работы лично исправить и тем доказать свою рачительность о соблюдении хозяйских интересов. Не то — расчет, с ласковым присловьем: «Ну, любезный, я рассчитываю вас за то, что вы при моих глазах не хотели потрудиться: посудите сами, как же я могу надеяться на вашу заочную службу?»

Так скарденничал Кж. не для обеспечения семейства и будущего потомства, а только для того, чтобы, раскрыв сундук, полюбоваться на мешки с золотом и посчитать билеты Сохранной казны. От него не перепало ни церкви, ни страждущим, ни благотворительным заведениям. Даже в общих пожертвованиях никогда он не участвовал. А семейство! Он не допускал домашним пользоваться самыми скромными удовольствиями, ворота всегда на запоре, вечером ни входа, ни выхода ни своим, ни посторонним, и единственного своего сына и наследника лишил образования, ограничив его умением читать, писать, выкидывать на счетах. На семнадцатом году от роду женил он сына на дочери любимого своего приказчика В.И. Ш., для того только, чтоб избежать расходов на свадьбу, и потому, что невестка из небогатой семьи послушнее привыкнет к заведенному в доме порядку... Одно слово, семейство смотрело на него как на притеснителя и ждало его смерти, как праздника.

В 1819 году кривая и пришла. Оказалось, товаров и билетов на шестнадцать миллионов ассигнациями, да четыре миллиона в Сохранной казне на особом условии, чтобы наследник получал с них одни проценты, а самый капитал оставался (тоже из процентов) для будущего потомства. Все это досталось единственному и совершеннолетнему сыну, который при жизни отца не смел одним рублем распорядиться. И вдруг у него миллионы!

У опытного даже человека закружилась бы голова, что же у купеческого сынка, в отцовской зависимости не знавшего даже о театре?.. Тут подвернулся один тоже молодой купчик Кв., избалованный малый, которому не много стоило труда расположить к себе недалекого Кж. Он в короткое время свел его с компанией кутил и постепенно вовлек в распутство. Началось с того, что торговля была поручена тестю, верейскому¹⁶⁴ купцу В.И. Щ., который, видя лишь свой интерес, не позаботился поддержать зятя, а даже сам принимал участие в гульбе. В два года Кж. и Кв. прославились своими проказами. Раз они, напоив одного архимандрита, прокатали его по городу с тыквой на голове вместо клобука. За эту дерзкую шалость Кв., как главного зачинщика, отдали в солдаты. Кж. отделался деньгами и оттого вошел в такой форс, что даже имел потом наглость, будучи почетным членом Московской коммерческой практической академии¹⁶⁵ и узнав, что она нуждается в средствах, в 1824 году предлагать тридцать пять тысяч рублей с тем, чтоб ему исходатайствовали Владимира 4-й степени или хоть Анну 3-й. Разумеется, ему не удалось, так он ограничил свое пожертвование только двумястами рублями.

Однако глупое честолюбие его пошло на пользу. Задетый за живое отказом, богач захотел во что бы то ни стало иметь орден. Для этого он выстроил образцовую суконную фабрику, которую расчетливый хозяин ни за что бы не поставил: купил С., загородную дачку в семи верстах от Москвы, возвел там фабричные корпуса, для жилья дома в готическом вкусе, выписал тайком из Англии паровые машины и все фабричные

---

¹⁶⁴ То есть из Вереи, уездного города в Московской губернии.

¹⁶⁵ Московская коммерческая практическая академия — учебное заведение в Москве, основанное в 1772 г. П.А. Демидовым для получения коммерческого образования.

принадлежности, которые тогда весьма трудно было иметь (потому что вывоз их из Англии безусловно был запрещен, и Кж. добился их лишь за большие деньги); пустил фабрику в ход. Сукна оказались лучшего качества; тем прославился и добился-таки Владимира, а государству принес выгоду.

Сам же Кж. не вывез. Может быть, при поддержке тогдашней тарифной системы и получил бы барыш, но лично он делом не озаботился, а поручил управление фабрикой человеку беспорядочному и корыстолюбивому, так что к 1830 году десять миллионов здесь ухнуло. Фабричное движение остановилось. По просьбе Кж. завещанный неприкосновенный капитал, четыре миллиона, из Опекунского совета разрешено было правительством выдать для дальнейшего производства сполна. Но при беспечности распоряжений и кутежах ненадолго их хватило. Потом пошли займы за высокие проценты, и несостоятельность. Фабричные заведения после многолетнего секвестра обратились в развалины, едва выручили за них тридцать тысяч на уплату долгов, а ведь устройство их стоило более трех миллионов. Сам хозяин остался уж в каком незавидном положении!

Жаль, потому что с его-то почину сукна для китайского размена работают на московских фабриках и минула надобность выписывать для кяхтинской мены сукно под названием Мизирицкого из-за границы, да и другие сорта, какие требуются для внутреннего употребления, стали изготовляться в России, особенно как поразводили у нас испанских овец и заграничные машины начали получаться без затруднения, дешевле против выписки Кж. на восемьдесят процентов.

Однако я заболтался и перескочил из двадцатых годов в тридцатые и сороковые, притом затесался в хоромы именитого купечества. Возвращаюсь к своей тогдашней крепостной доле.

XIV

Я уж упоминал, что с детства имел большую охоту к чтению, но до женитьбы начитанность моя ограничивалась преимущественно книгами священного содержания и очень немногими гражданской печати. После свадьбы я начал знакомиться с настоящею литературой, и до такой степени увлеклась моя любознательность, что целые ночи, бывало, просиживал за книгами. Особенно прельщен был я поэзией того времени, так что до сих пор держатся в моей памяти многие фантазии и целиком пьесы избранных поэтов. Разумные выводы талантливых писателей всегда побеждали односторонний мой крестьянский взгляд и многие предрассудки, свойственные быту простолюдина. Ясно обличалось мое невежество почти во всем.

При всем том как-то страдало мое самолюбие, и хотя я соглашался с мыслями, несколько доступными моему понятию, и постепенно уничтожались во мне толки старины, но взамен того в голове моей поселились какие-то перепутанные и разнородные мысли, которых я не только что не мог сообразить, но из которых возникло даже ко всему читанному недоверие. Конечно, тому причиной — без разбору чтение.

Может быть, то было, однако, и к лучшему, оттого что я осторожнее соглашался с теми смелыми мыслями, которые не могли быть применяемы к порядку действительной жизни моего крепостного звания. Да и был я не один, нужно было подумать по возможности обеспечить участь своего семейства...

Так и решился я вести свою жизнь по знакомой тропинке промышленности, хотя она, доставляя средства к домашнему обиходу, не совсем удовлетворяла нравственные стремления. Книги, однако, взяли свое, и жизнь подтолкнула. Прежде, когда не тяготились мои понятия крепостным положением, желания мои ограничивались тем, чтобы стать в уровень с почетными людьми села из зажиточных или по крайней мере не уронить памяти отца и деда. Но после того события, как насильственно был увеличен наш платеж, власть помещика и унижительное рабство целого общества тяжело Дали себя почувствовать.

А как выпутаться из этой вековой сети и выгащить своих? Много пришлось передумать, много поседело волос на голове... Что может сделать семейный человек, ограниченный мелкими познаниями, без денег, без связей знакомства, без случая и протекции, и наконец — крепостной крестьянин?.. При тогдашней моей раздражительности чувств, при расстроенном воображении, признаться, угрожала мне большая опасность. Всего более мучил меня соблазн живых примеров людей, разными лживыми изворотами наживших огромные капиталы. Но Всемогущий Бог сохранил чистоту моего намерения, натура моя не могла усвоить низких путей, и рассудок мой одобрял только честный заработок.

С этим должны были согласоваться мои действия, ограниченный же круг моей деятельности не мог обещать в будущем капитальных средств для выкупа.

Тогда-то решился я расширить свою торговлю. Внимательно рассмотрев и обсудив все знакомые и сподручные дела, остановился я на местных продуктах, покупаемых значительными партиями к архангельскому порту, и возымел счастливую мысль, рассчитав сообразить излишек цены от перехода товара через несколько рук.

Результат оказался, на мой взгляд, довольно убедительный. Вследствие того я дерзнул представить обо всем в Архангельск совершенно незнакомому мне торговому дому Бранта, — предлагая ему свои личные услуги быть исполнителем его поручений. Конечно, все мною изложенное было добросовестно и сообразно с обстоятельствами действительности.

Однако можно ли было мне надеяться на успех? Я не представил ни обеспечения, ни даже простой рекомендации!

Несмотря на то вдруг получаю (помню, утром 1822 года) письмо от Вильгельма Ивановича Бранта, которое коротко и ясно поручает мне покупку льняного волокна. Вслед за тем, по следующей же почте, высылается мне тридцать тысяч рублей... Потом, смотрю, шлет своего завода рафинад на комиссию...

И пошло это дело до 1830 года. Раз только в течение восьми лет побывал я сам в Архангельске и лично познакомился с моим доверителем, обыкновенно же годовые обороты и отчетность вершилась письменно. Трудно поверить, а это истинно так! И это событие моей жизни послужило мне поощрением к новой предприимчивости, не менее удачной и замечательной. Через год после Бранта, в 1823-м, безо всякой протекции и рекомендации, возьми я и обратись к управляющему Императорскою Александровскою мануфактурой генералу Александру Яковлевичу Симпсону...

Что же! И он тоже охотно согласился сделать мне порученность относительно покупки льна, которую исправно и исполнял я в течение нескольких лет. Деревенская же моя торговля продолжалась своим порядком. Петербургское наводнение 1824 года затопило мне в убыток товару на семь тысяч. За всем тем, в 1826 [году] в обороте у меня было собственного капитала пятнадцать тысяч. С такими средствами можно бы

уж мне выйти из крепостного состояния, нравственно всегда принижавшего меня в кругу свободных людей.

Но как-то эта заветная мысль от времени слабела... Оттого ли, что свободу моей торговли и самый кредит не стесняло крепостное положение, оттого ли, что по ходу оборотов неудобно было взять из капитала нужную для выкупа часть, уж не знаю. Только я все откладывал да откладывал, пока в двадцать шестом году произошедшее на моих глазах сильно дало мне почувствовать горькую мою крепостную долю.

XV

Я уже говорил, что окружные деревни были с нами одной вотчины и что в старину при первом после князя Репнина владельце-откупщике все мы гонялись на фабричную работу. По второму разделу двадцать три деревни с бумажною фабрикой, всего около тысячи шестисот ревизских душ, достались племяннику нашего барина, который в 1818 году продал все имение одному князю по фамилии *. Впоследствии времени, находясь даже в крепостном еще звании, крестьяне тамошние имели довольноное благосостояние.

Не то было тридцать—сорок лет назад. Тогда они управлялись наемным фабричным немецким начальством, которое притесняло их всячески, кроме поборов, прибегая и к нравственному насилию, так что понемногу начинал искореняться порядок добровольных брачных союзов, а почти все они заключались по наряду заводской конторы. Назначали для этого одно время в году и по особому списку вызывали в контору женихов и

невест. Там по личному указанию немца-управляющего составлялись пары и под надзором конторских служителей прямо отправлялись в церковь, где и венчались по нескольку вдруг. Склонности и желания не спрашивалось.

По долгом времени такой горести, из общего продолжительного ропота возникли письменные жалобы крестьян к самому помещику, который на беду не обратил на них внимания, а вверился управляющему и, не разобрав, Дозволил ему «проучить» всех просителей домашним образом.

И пошла потеха: каждодневная жестокая порка. Терпение наконец истощилось. В 1829 году почти все деревни без зову собрались к заводской конторе спросить этого басурмана, за что такое тиранство? Хитрый немец, увидев большую толпу, сметил, в чем дело. Объяснился бы он да показал господский приказ самого барина, тем и прекратил бы негодование.

Нет, он велел прислуге сказать, что потолкует с мужиками вечером, ввечеру под предлогом болезни отложил разговор до другого утра и тут же отпустил всем по стакану вина и по краюхе хлеба на ужин, а сам между тем ночью махнул втихомолку в губернский город за тридцать верст, да и явись сейчас к губернатору с жалобой, что крестьяне князя вышли из повиновения, с неистовством кричат и бунтуют, и будто он сам едва спас жизнь бегством. Мужики в ту пору, совсем не думавшие о бунте, в простоте душевной не подозревая такого коварства, — ласковый ответ, чарку водки, кусок хлеба приняли за знак особой милости и за лучшую надежду на будущее, преспокойно разошлись кому куда ближе, а наутро, как приказано было, опять собрались к заводской конторе в твердой уверенности, что вот услышат милостивое решение.

Не тут-то было! Вдруг на нескольких тройках подкатили чиновники с военного командой и управляющим, который видом собравшихся по его же

распоряжению мужиков мог подтвердить свою клевету, да, вероятно, и подмазал кого следует. Начальство громко крикнуло:

— Чего притащились, бунтовщики! По домам, не то десятого отдерут!

Сходка, пораженная такою неожиданностью, хотела было рассказать дело, но не посмела, и молча все стали один по другому уходить. А из тех, кто позамешкался, приказано солдатам нескольких человек схватить и скованными отправить в город как зачинщиков. Составили и протокол об усмирении неповиновения, формально подписанный всеми чиновниками. Только стряпчий¹⁶⁶ не только не подписал, но подал протест, где изложил, что крестьян не спросили о причине их сбора и что при всем том они по первому слову покорно стали расходиться. Хотя этот протест скрыли от губернатора и схваченных, как зачинщиков, предали суду, однако уездный суд немедленно освободил арестованных, как невиноватых. Казалось, к лучшему дело, а вышло еще хуже: потому что хотя нареkanie в бунте с крестьян сняли, однако жалоб их не обследовали и все осталось по-прежнему, а управляющий со злости на свою неудачу стал мстить и хуже теснить, притом представил князю, что мужики бунтуют, а суд им повадку дает. Вельможа, опять не разобрал и усомнившись в последствиях мнимой потачки, вопреки судебному решению, своею законною помещичьего властью приказал: всех оправданных крестьян без зачету отдать в солдаты или сослать в Сибирь на поселение. Мужики между тем, как-то не доверяя благополучному окончанию и предчувствуя с иной стороны грозный исход, приготовили прошение на Высочайшее имя, с прописанием всего, и со всех деревень приложили к нему подписи грамотных людей. Как только дошло

---

¹⁶⁶ Стряпчий — помощник прокурора и защитник интересов казны на казенных судебных процессах.

до заводской конторы строгое распоряжение барина и прошел о нем слух, тот же час четыре выборных человека отправились в Петербург к самой государевой защите. Эта депутация подала прошение самому императору Николаю Павловичу лично и получила от министра внутренних дел открытый лист для свободного следования на родину.

Но пока она странствовала, в деревнях стали брать крестьян по господскому приказу, как велено. Ожидая возвращения своих выборных, мужики решительно отказывались выдать обреченных на погибель односельцев, говоря, что если угодно барину, так они все готовы идти в солдаты или в Сибирь, не иначе... Тут управляющий, именем князя — к губернатору; и поставлена по всем деревням военная экзекуция, а министру отправлено донесение о возмущении.

Пошла страшная кутерьма. Целый батальон поселился у крестьян, властно распоряжаясь их хозяйством. Потом, помню, в июне месяце, в ближайшую к нашему селу деревню согнали всех окрестных жителей и оцепили. Я сам был свидетелем. Сделали круг посторонних зрителей, посредине начальство, поодаль — два палача. И более ста человек, кто помоложе, наказаны плетьюми. Все, осенив себя крестным знаменем, безропотно терпели истязание. Крепкого сложения люди, охраняя слабых, сами выступали вперед. Бабы жалобно кричали, дети плакали. Не имею способности передать виденное... Само начальство (кроме одного только исправника) отворачивалось и смотрело вниз.

Но, должно быть, безвинное страдание не пропадает втуне: этот день был для крестьян последним испытанием, из которого возникло начало нового порядка. В скором времени немец-управляющий был сменен другим, русским, более снисходительным и добрым человеком, который нашел средство заменить барщину фабричных работ машинами и вольнонаемным

трудом своих крестьян: одни стали платить оброк, другие добровольно работали на Фабрике за плату в зачет своих повинностей. И в несколько лет все поправились, даже многие оказались зажиточными людьми.

Примечания достойно, что по некотором времени князь в своем доме посреди своего семейства был убит из пистолета в Петербурге каким-то докучливым просителем, финляндцем. Не совершилось ли это правосудие Всевышнего за истязание крестьян, которые, в свою очередь, не послужили ли очистительного жертвой за грехи своих предков?

XVI

До этого несчастного случая я, говорю, все еще полуравнодушно смотрел на крепостное свое состояние, но впечатление виденного возобновило прежнее мое желание освободить от неволи себя и семью, хотя бы ценой всего своего наличного капитала. С этой целью два года хлопотал я, употреблял разные средства, заходил с подарками куда надобно было, к домашней приближенной челяди барина, и все-таки получал лишь кое-какие надежды, а под конец и те уничтожились усердным, но неосторожным ходатайством добрых моих приятелей, которые слишком уж меня захвалили, полагая тем послужить моей выручке. Особенно старались за меня мои знакомые по торговле.

Вдруг один из них уведомляет, что господа не хотят слышать о моем увольнении, добавляя: «Имея вас на примете, кажется, они намерены употребить вас по своим делам».

Действительно, вслед за тем предписано вотчинному правлению: «объявить такому-то нашему крестьянину и обязать его подпиской под строгою ответственностью правления, чтобы впредь не дерзал беспокоить домогательствами о выкупе, тем более что за него хлопочут известные люди, которые, вероятно, имеют его в виду по своим коммерческим делам: почему берем его теперь на особое замечание впредь до нашего распоряжения».

Скрепя сердце выслушал я господский приказ и дал подписку, что впредь не стану тревожить помещиков...

XVII

До 1828 года, платя исправно определенную повинность, мало участвовал я в общественных делах села, которые не касались меня лично. Все мое время занимала своя торговля. Однако жалобы односельцев на злоупотребления бурмистра частенько до меня доходили. Как я был ему сродни и жил с ним в ладу, то приятельски много раз говаривал ему, исправился бы он в своих обязанностях. Читал я мораль эту так, по дружбе; а он на дыбы, обиделся и давай придирается. То выдачу мне паспорта на мои разъезды приостановит под тем предлогом, что я самим господам нужен, то тем, другим доезжает. Насчет паспорта обходилось хорошо. Не уважая его прихотей, я прямо обращался к барину, который, не стесняя моей промышленности, всегда приказывал выдавать мне вид, а подчас даже давал сильный нагоняй бурмистру.

Вдруг вместо паспорта приказано объявить мне, чтоб я был готовым к продаже господских заводов железа на Нижегородской ярмарке!.. Исполнилось слово, что господа держат меня на примете.

Эта честь доверяемой порученности крепко была мне неприятна, не потому, чтобы боялся я дела, а потому, что страшился наших бестолковых правил продажи, стеснявших ее так, как будто торговля тоже принадлежит к крепостному состоянию или как будто заводский наш продукт до того обязателен для потребителей, что они должны безусловно соглашаться на произвол инструкции, выдаваемой посланцу на ярмарку. О дельности ее можно судить из следующего. В ней, например, назначалось:

1) Продавать железо, все сорта, по ценам выше других заводчиков, и отнюдь не дешевле такие-то сорта такой-то цены: за всякое же упущение в этом ты отвечаешь.

2) Продажу производить за наличные деньги, не отпуская без платы вперед ни одного фунта.

3) Непременно продать все отправленное на ярмарку количество, и затем столько-то отослать с почтой в сибирские наши заводы, столько-то перевести через банк нам в Петербург, столько-то оставить впредь до распоряжения.

4) Если паче чаяния нельзя продать по назначенным ценам, то доносить и ожидать на уступку разрешения...

Так ли ведут торговлю, и кто из людей свободного состояния согласился бы принять на себя подобную порученность, когда в оптовой торговле не существует обычая требовать от покупателя все деньги пред отпуском, а всегда приходится довольствоваться задатком, запиской и честным словом?.. Положение мое было довольно опасное; но что делать! не спорить же с барином.

На первый случай в мое распоряжение предоставлено было около полутора тысяч пудов железа — количество хотя значительное, но не представившее мне большого затруднения в продаже. Нижегородская ярмарка и тамошние приемы были мне известны с начала основания, то есть с 1817 года. Нетрудно было познакомиться с главными торговцами железом, и, не стесняясь мелочными ограничениями владельцев, я действовал свободно, сообразуясь с общим ходом дела на ярмарке. Таким образом с Божьею помощью начальную операцию я кончил весьма удачно и за успех свой получил от господ благодарность и пятьсот рублей награды.

Это так приятно подействовало на мое самолюбие, что я почти бросил мысль о выкупе.

XVIII

Между тем в нашем общественном управлении беспорядки постепенно увеличивались и жалобы крестьян на бурмистра до того наскучили господам, что внезапно последовало предписание вотчинному правлению быть бурмистром мне, принять все дела по селу в свое ведение, а по прежним потребовать от старого бурмистра подробный отчет.

Вот эта почетная порученность хотя также польстила мое самолюбие, но нимало не порадовала, а просто перепугала, потому что в сельском управлении я не имел никакой опытности. По такому чистосердечному своему сознанию я усердно просил господ уволить меня от налагаемой обязанности. Они не согласились, а подтвердили, милостиво присовокупив,

что, дабы не стеснялась моя промышленность, вольно мне взять себе в помощники благонадежного и сведущего человека.

Такое распоряжение несколько меня успокоило и ободрило обычную мою деятельность на новое поприще. Стал я вникать. При разборке дел минувшего времени сами собою оказались явные злоупотребления, таковые, что привели даже прежнего бурмистра к добровольному взносу растрченных им общественных сумм. На мою беду, под наружную покорностью судьбе таилось его недоброжелательство, замеченное мною, но оставленное без внимания. С своей стороны я старался окончить ревизию снисходительным домашним образом, не разводя дрызг. Покончив с прошлым, пришлось заняться теперешним своим уже управлением. Сделавшись общественным человеком, хоть и не добровольно, все же я должен был по совести пытаться понять общественные нужды и из первых заметил тот недостаток, что в таком значительном и торговом селе нет училища. Никто о нем не позаботился!

Я немедленно доложил обществу, которое охотно согласилось с моим мнением об этой потребности. Составил я проект; разумеется, потребовалось согласие помещиков, которые отнюдь не препятствовали, напротив, мне самому поручили дальнейшее ходатайство по учебному округу.

Утвердили! Законоучителем назначили протоиерея нашей церкви и дали штатного учителя грамматики, арифметики и правописания... Ко времени открытия нашлось желающих до семидесяти мальчиков, в течение годичного курса их умножилось до ста, и на экзамене, в присутствии директора гимназии, многие показали хорошие успехи, все вообще умели читать и писать, тогда как в мое детство мальчик, даже способный, просидев

у дьячка такое же время, едва только мямлил по складам Псалтирь, да и то больше памятью, что испытано и мною.

Потому-то успех чрезвычайно меня обрадовал и до такой степени заинтересовал, что я решился предложить в дополнение к нашему училищу ремесленную школу, которая в селе Великом была необходима по той причине, что все мы занимались не хлебопашеством, а торговыми промыслами из рода в род. К сожалению, это мне не удалось. Помещики не согласились пожертвовать единовременно на обзаведение пять тысяч рублей, а сельское общество не посочувствовало и даже явно воспротивилось моему намерению, считая его какою-то барщиной... Потом заметил я, что в месте нашего селения (ныне уже с тремя тысячами душ обоего пола) нет домашних средств врачебного пособия больным, которые пользуются лишь случаем приезда уездного врача, и то одни зажиточные, в крайности болезни, а прочие умирают без пособия или довольствуются бабьими снадобьями. Это обстоятельство крепко меня обижало. Однако я не посмел предложить его обществу, оттого что знал закоренелость его предрассудков, а прямо представил господам.

Они тотчас одобрили и вместе с тем распорядились сами прислать из Петербурга вольнопрактикующего врача Михаила Логиновича, с назначением ему от себя жалованья и предписав мне дать ему приличное помещение, прислугу и топливо. Этот добрый человек оказал нам большие услуги, можно сказать благодеяния: устроил в небольшом виде домашнюю аптеку, выучил нескольких мальчиков фармацевтике и фельдшерскому искусству, — все это благодаря помещикам, без малейшей тягости для общества, которое впоследствии убедилось в пользе сделанного и было признательно своему врачу, тоже умевшему ценить простодушную расположенность наших мужиков. Этой взаимности радовался я сердечно, и

Михайло Логинович всегда был в моем доме первым гостем. Наконец пришло мне в голову предположение об улучшении местной сельской промышленности или домашнего ремесла. Вся торговля и ремесленность должны быть основаны на чистой добросовестности. Правда, тут нужно иметь терпение до того времени, как из положения дел сделается известна честность; зато когда упрочится ею твой кредит, всякий охотно и преимущественно будет иметь с тобою дело. Ремесленность, кроме добросовестности, должна не ограничиваться стародавним исполнением, а следить за потребностью времени и выгоды свои извлекать не из дешевизны худых материалов, употребляемых фальшиво на выделку вещей, а их искусного мастерства и прочности.

Теперь надобно повторить уж отчасти сказанное, что на моей родине, в Великом селе, с незапамятных времен усвоено женским полом искусство работать тонкие полотна, которые по качеству своему везде славились. Бабий труд этот весьма достаточно вознаграждался до того времени, как за границей технические усовершенствования удешевили и улучшили это производство. Встретив конкуренцию, наши женщины не могли уже пользоваться прежними выгодами, а вместо того чтобы стараться сколь возможно поправить свою работу, они в угоду своей корысти начали в уток полотна употреблять бумажную пряжу. Сначала и выгадалась таким манером большая польза, потому что при продаже фальшивую подделку трудно было заметить и опытному покупателю.

Но, разумеется, подмесь сама собою оказывалась при употреблении. Стала теряться репутация наших полотен, до того даже, что их опасались

покупать!¹⁶⁷ Вот и составил я проект и предложил обществу, чтобы зло этой фальши воспретить. Никто того не понял, не понимая настоящих своих выгод. Я свою мысль — на рассмотрение главного правления. Там не только не обратили внимания на дело, а даже с выговором возвратили мне бумагу назад, строго воспретя на будущее время беспокоить «подобными затеями, могущими быть препятствием в сборе оброчной суммы»...

XIX

Так шло с моими «затейми» по бурмистерству. В общем — благополучно, и все были мною довольны. Железо тоже должен был я продавать на Нижегородской ярмарке: с этою частью до 1830 года все оканчивалось удачно, так что я всегда получал похвалу и денежные награды. И в тридцатом году наше железо было продано успешно, ценами даже свыше назначенных.

К несчастью моему, открывшаяся в это время эпидемия холеры погубила дорогой двух караванных приказчиков, которые, приняв товар на сибирских заводах, были обязаны сдать его по моим продажным запискам покупателям, как то всегда водилось. При сдаче и оказался недочет в тысячу двести пудов, стоивших по тогдашней цене четыре тысячи пятьсот шестьдесят рублей ассигнациями. Дело приемки на заводах и сдачи покупателям   несколько   меня   не   касалось.

---

¹⁶⁷ Ср. наблюдения И.С. Аксакова над промыслом села Великое: «...в сущности, голландское полотно и дешевле и лучше. Самос лучшее великосельское полотно на 112 голландских рубашек стоит не дешевле 100 р. серебром, но оно никогда не имеет прочности голландского» (Аксаков И.С. Указ. соч. С. 168).

Однако правление общей конторы от меня потребовало объяснения. Вслед за тем оно прислало в Великое село ревизора. Тот ни по делам вотчинным, ни расспросом товарищей умерших приказчиков — по железу не только чего-либо явного против меня, но даже сомнительного не мог отыскать. При всем том по этому делу целый год тянулась переписка... Очевидно, что со стороны господ ко мне не было претензии, иначе не стали бы со мною долго церемониться. Орудовал тут главный правитель дел, да под рукой прежний бурмистр, которого заменили мною. И нетрудно было бы мне склонить правителя в свою пользу, что и видно было из нескрываемого письменного его вымогательства.

На беду, почитая себя по совести правым, я не хотел унизиться до продажной протекции, а был даже рад, что авось теперешнее неблаговоление окончится избавлением меня от тяжелой порученности.

В 1831 году желание мое и сбылось, только не так, как думалось: на ярмарку к продаже железа назначен приказчик из сибирских заводов, а мне велено явиться в Петербург для личного объяснения...

Такая нечаянность не обещала ничего доброго. Неприятность была еще и та, что в то время по своим делам нужен был личный надзор и распоряжение. Однако должен был повиноваться, и в ноябре месяце вотчинные дела приведя в порядок и сдав своему помощнику, в первых числах декабря приехал я в Петербург. Немедленно являюсь к управляющему главной конторой. По прежнему личному знакомству принят довольно вежливо, но очень сухо, лишь с неопределенным обещанием о явке моей доложить при случае господам, которые-де раз в неделю бывают в конторе. Между прочим, по-прежнему дозволено мне занять комнату в господском доме. Проходит две недели — все нет мне вызову.

Так решился я без зову отправиться к самому барину, генералу А., тем более что до сих пор всегда пользовался личною его благосклонностью. Не трудно было это исполнить: камердинер, наш земляк, тотчас доложил генералу, и тогда же позвали меня в кабинет. Здесь решилась участь моей будущности, поэтому передам разговор подробно...¹⁶⁸

---

¹⁶⁸ Первый публикатор этих воспоминаний Н. Щербань далее писал: «К сожалению, именно на этих строках подлинная рукопись обрывается: смерть, постигшая автобиографа в 1868 году, не позволила ему дописать повесть о своей жизни. Дальнейшая судьба нашего героя известна по устным рассказам его, переданным мне близко знавшими его людьми: излагаю ее вкратце, сожалея об отсутствии подробностей, которые, вероятно, были бы в высшей степени интересны.

Попавший по чужой вине и по вражьи́м проискам в немилость крепостной бурмистр Савва Дмитриевич Пурлевский, вошел в кабинет своего барина ни жив ни мертв. Сцена произошла грозная, заключилась строгим приказом: "сейчас отправляться назад в деревню, там ждать распоряжения".

Страшное слово "ждать распоряжения" ошеломило Пурлевского. Ему почудилась та расправа, которой он не раз был свидетелем, телесное наказание, может быть красная шапка, может быть Сибирь... Он, обыкновенно рассудительный, на этот раз потерял голову и тут же решился бежать. Куда? Об этом долго раздумывать нечего: куда чаще всего бегают раскольники, которые, вероятно, не раз ухаживали и из его села, где их довольно: за Прут, за Дунай!

В тот же день из Петербурга его и след простыл. Мучила его мысль, что внезапное удаление поставит ему в строку как доказательство его виновности, так чтобы не считали его беглым, а уход его — сознанием в вине и уклонением от заслуженно наказания, с дороги он послал господам по почте письмо, в котором обстоятельно излагал и материальную невозможность согрешить в деле, ходившем своим путем, мимо его рук, и те нравственные побуждения, которые заставили его, все бросив, поскорее искать спасения из боязни возможных последствий взведенной на него клеветы.

Отправляясь в Петербург, Пурлевский взял с собою лишь незначительную сумму после петербургских издержек да траты на обратный проезд, и прибыл в Москву всего с пятьюдесятью рублями.

Двадцать из них, положенных в кошелек, у него украли... На остальные он кое-как дотащился до Киева, где и очутился без копейки. В Кишинев пришлось зажиточному крестьянину, домовладельцу и бурмистру странствовать уже пешком.

Отсюда до Прута рукой подать, только нет средств устроить удобную без риска переправу, какую обыкновенно налаживали пограничные евреи за приличную плату. Делать нечего, подобрался в темную ночь предприимчивый горемыка один-одинешенек к реке, нарезал камышу, связал пучок, лег на него, оттолкнулся ногой поплыл по течению.

Течением прибило его в Молдавию. Через несколько дней молодец очутился уже в Яссах, измученный, оборванный, голодный, решительно безо всяких средств. Здесь он нашел немало русских беглых, особенно скопцов, занимавшихся преимущественно извозом.

Пурлевский к ним. Они приютили земляка, накормили, приняли к себе в услужение. Хозяин попал в работники, да и тому был рад.

Вскоре, впрочем, он пошел в гору: по своей честности и трудолюбию был отличен, получил экипаж на разъезд, жалование, долю из выручки, начал обживаться и понемногу разживаться, так что мечтались ему в более или менее близком будущем свои собственные дрожки. Только слышит он раз ночью впросонках около себя разговор: "Парень хороший, надо бы его к нам..."

Искренний православный, Пурлевский и своих старообрядцев на селе никогда не одобрял, а то стать ему скопцом! А как слышал он, что скопцы частенько употребляют насилие, то шибко перепугался и при первой возможности скрыться бежал на Дунай, к некрасовцам, на рыбные промыслы.

Здесь жил он два года, был обласкан, всем доволен. Одно сокрушало: тоска по родине, по селу, по семье, от которой, хоть и посылал ей от себя весточки, не получалось никакого известия. И сильно подмывало возвратиться. Но как? ведь он беглый крепостной!

Некрасовцы очень интересовались тем, что делается в России, и выписывали газеты. Раз, чуть ли не в 1834 году, читают в "Одесском вестнике", что по представлению графа Воронцова всемилостивейше разрешено беглым, не учинившим уголовных преступлений, свободно явиться и приписаться в Новороссийском краю, где пожелают.

Пурлевский, собрав все накопленные гроши, тотчас в Одессу, в мещане. Определился половым в трактир, понравился хозяину и сделался приказчиком.

В трактир ходил один магистратский секретарь. Он очень полюбил Савву Дмитриевича, и это знакомство немного спустя очень пригодилось. Кто-то послал Одессы главноуправляющему донос, что находится здесь такой-то беглый крепостной Великого села. Контора и хотела было потянуть его, но благодаря секретарю, магистрат и Херсонская уголовная палата отстояли приписку в одесские мещане.

Между тем известные Яхненко и Симиренко начали свое сахарное производство. Магистратский секретарь приходился им племянником. По его рекомендации, Савву Дмитриевича пригласили в комиссионеры открывающегося дела. Первоначально не ладилось. Поехал он, например, в 1847 году в Астрахань всего с пятьюдесятью бочками, три месяца жил там и не продал ни одной. Собирался уже восвояси ни с чем, как приходит к нему местный торговец колониальных товаров И.И. Козлов и покупает все пятьдесят бочек. С легкой руки этого покупателя комиссионерство пошло удачно и положение С.Д. Пурлевского окончательно упрочилось. Он приписался в купцы, до пятидесятых годов разъезжал по России, живя главным образом в Севастополе; в 1852-м переселился в Москву, где до самой смерти (1868) оставался комиссионером сперва Яхненки и Симиренки, потом заменившего их товарищества. В 1856 году он выкупил своего единственного сына за две тысячи пятьсот рублей серебром (мать и жена, кажется, задолго пред тем умерли). Когда последовало объявление манифеста об освобождении крестьян, старик, возвратившись от обедни, молча сел и залился слезами...

Из подобных слез и слилось неисчерпаемое море признательности вокруг престола Державного Преобразователя!»

Н.Н. Шипов.

История моей жизни и моих странствий

Печатается по первой публикации: Рус. старина. 1881. № 5. С. 133—148; № 6. С. 221-240; № 7. С. 437-478; № 8. С. 665-678; № 9. С. 137-162. Автограф не обнаружен.

Публикация сопровождалась примечанием редакции, в котором раскрывались обстоятельства ее появления:

«1 декабря 1877 г. бывший крепостной крестьянин, ныне херсонский мешанин Н.Н. Шипов представил, через посредство А.Н. Труворова, в редакцию "Русской старины" автобиографию, в рукописи, под заглавием "История моей жизни и моих странствий", которая выше и напечатана. Рукопись Шилова, убористого писарского почерка состоит из 175 листов обыкновенной писчей бумаги и заключает в себе рассказ о жизни автобиографа со дня его рождения по 1862 год включительно. События своей жизни автор излагает в хронологическом порядке, год за годом, местами — день за днем, так что рассказ его представляется в виде хроники или дневника.

В конце 1863 года Шипов представил свою рукопись в Императорское русское Географическое общество, которое присудило за нее автору серебряную медаль. Член-сотрудник этого общества А.Н. Труворов в отзыве своем об автобиографии Шипова, указав на главные ее достоинства, в заключение говорит, что "рукопись Шипова заслуживает внимания и сама по себе, как произведение крестьянина-самоучки, передающего всё

виденное и испытанное им без малейших прикрас всеми достоинствами и недостатками, свойственными умному и наблюдательному простолюдину" (Отчет Императорского Русского географического общества за 1864 г. Прил. III. С. 101-103).

В громадной рукописи Шипова наряду с рассказами, не лишёнными интереса и значения для знакомства с тяжкими условиями быта русского крестьянства пережитого времени, содержится довольно много подробностей, не имеющих значения ни в историческом, ни в народно-бытовом отношении или по их общеизвестности, или по сомнительной достоверности, или же потому, что касаются фактов частной обыденной жизни автора; при этом изложение событий страдает растянутостью, излишними подробностями, повторениями и т.п. Ввиду этого редакция "Русской старины" сочла необходимым значительно сократить рукопись Шипова, каковой труд, с согласия автора, и поручен был Н.М. Востокову. В таком сокращенно-исправленном виде автобиография Шипова и напечатана.

Как видно выше, рассказ Шипова оканчивается 1862 годом. Из последующей за тем жизни его следует упомянуть о том, что он, будучи уже преклонных лет, совершил в 1866 году вторичное путешествие в Иерусалим; в 1868 году отправился в Ташкент, где прожил до 1876 года, когда возвратился к родным своим в Нижегородскую губернию. Во время печатания автобиографии, в 1881 году, Николай Николаевич Шипов находился в С.Петербурге.

Ред.»

Воспоминания были переизданы: Шипов Н. История моей жизни // Карпов В.Н. Воспоминания; Шипов Н. История моей жизни / Подгот. текста к

печати П.Л. Жаткина; предисл. Н.В. Яковлева. М.; Л.: Academia, 1933. С. 363—523.

1802-1813

Печатая на страницах «Русской старины» «Историю моей жизни», я надеюсь, что встречу искреннее сочувствие у всякого человека, кому только на пути его жизни досталось испытать какие-либо превратности и треволения. В продолжение моей многострадальной и скитальческой жизни я претерпел много несчастий, но всегда переносил их благодушно и хладнокровно, — никогда не терял присутствия духа, даже в самых тяжких и горестных обстоятельствах. События моей жизни, от самого младенчества, я передаю в том самом виде, в каком сохранила их моя память. Отдавая на суд читателям повесть о моих похождениях, я всецело вверяюсь их благосклонной снисходительности.

Николай Шипов

Родился я в 1802 году в слободе Выездной, близ города Арзамаса*, Нижегородской губернии. Отец мой был помещичий крестьянин; имел хорошее состояние; занимался торговлею скотом, для чего ежегодно ездил в Симбирскую и Оренбургскую губернии за баранами. Он был человек грамотный, начитанный; пользовался почетом и уважением.

На шестом году от рождения меня отдали в ученье грамоте местному священнику. Как могу теперь припомнить, бабушка повела меня в церковь; отслужили молебен пророку Науму. Так обыкновенно делалось в старину.

Читать я выучился скоро, и в какой-нибудь год или два «мы прошли» уже Псалтирь; но письмо мне не давалось; как ни бились, я все-таки писал старинным почерком, сходственно с родительским.

Так прошло года четыре. Наступил достопамятный 1812 год. Тут пошли разные толки о войне, а в июле месяце распространилась молва, что французы идут в Москву. Хоть и при глупом, детском разумении, но я понимал, что нам грозит какая-то беда. В последних числах августа тронулась наша матушка-белокаменная; день и ночь не умолкала большая дорога: ехали жители из Москвы. В сентябре месяце дошла до нашей слободы весть, что Москва занята французами. Народ упал духом; торговля прекратилась, а в том числе и моего отца. Наступили большие холода. Приходило много войска; солдаты размещались по избам жителей, человек по 20 и более в каждой, отчего происходила теснота ужасная. Гнали пленных французов, которые были в старинных смешных костюмах: смесь русской одежды с французской, и притом в изорванном, очень неприглядном виде. Мы, дети, немало смеялись над таким потешным одеянием несчастных галлов. За пленными французами шли обозы раненых; везли полуживых, даже мертвых, которых хоронили человек по 50 вместе.

Зима была ужасно холодная; морозы стояли жестокие. Я очень хорошо помню, что когда мы с товарищами делали снеговую гору, то трудно было поливать ее водой — тотчас замерзала; бывало, бросишь из ковша вверх воду — она падает в виде града. Поневоле приходилось сидеть в избе, а здесь были солдаты с пленными французами.

Скажу о своем доме: он был в двух жильях с пристроенною сбоку маленькою горенкою. Весь дом занимали солдаты и два офицера; семейство же наше, состоящее из четырех душ — отца, матери, меня и 15-летней сестры моей, теснилось в горенке. О каких-либо удобствах, разумеется, тут

не могло быть и речи; особенно доставалось бедной моей сестре. Дело в том, что тогда существовал в крестьянском быту старинный обычай, сходный с татарским: девушка на возрасте, особенно невеста, не могла в родительском доме видеть лицом к лицу чужого мужчину, а была обязана, как скоро завидит гостя, идущего к ним во двор, или закрыться платком и выбежать в другую избу, или к соседу, или же, в случае невозможности бежать, скрыться под кровать, или даже запрятаться под перину. Моего отца посещали разные лица, и сестра каждый раз убегала к соседу, у которого не было постоя, потому что он был в ратниках, — простудилась, получила чахотку и скоро умерла. — Впрочем, и без того в слободе за это время смертность была большая; умирали от 5 до 10 человек в день. Да, тяжелое было тогда житье для нас, а в других местах и того хуже.

Но вот прошла жестокая зима; наступил май месяц 1813 года. В слободе стало тихо, — войска не было; только вновь сформированные ратники продлили. Отец мой начал производить прежнюю торговлю. Он отправился в степи Симбирской и Оренбургской губерний для покупки скота. Взял и меня с собою. Это была моя первая поездка в степи наших северо-восточных губерний. Потом он часто возил меня в Оренбургский край, приучая мало-помалу к производимому им промыслу. Считаю, по этому случаю, не лишним рассказать здесь мною слышанное, виденное и испытанное.

---

* Арзамас - слово мордовское и означает "красная девушка"

Поездки наши в уральские степи производились в разное время года, но обыкновенно мы отправлялись из дому в марте месяце или в первых числах апреля. Это для того, чтобы заблаговременно купить скот, а потом удобнее было гнать его летом. Почти от города Симбирска, по ту сторону Волги, начинались степи и тянулись до города Уральска и далее, а отсюда — к Каспийскому морю. Степи обширные, раздольные. По ним протекают небольшие речки, изобилующие всякого рода рыбой. Разной дичи пернатой водилось здесь весьма довольно, и мы с отцом никогда не пропускали случая поохотиться. К северу, по отраслям Уральских гор было множество диких уток; но охота на них трудна и небезопасна. — В степях, на значительном друг от друга расстоянии, находились небольшие селения уральских казаков; по реке Уралу, на так называемой «линии», построены были казачьи форпосты, вроде маленьких земляных крепостей, для защиты от набегов немирных киргизов¹⁶⁹. (Эти киргизы причиняли немало вреда: угоняли скот, иногда и людей, которых обыкновенно продавали в Хиву.)

Казаки занимались преимущественно скотоводством и рыбною ловлею; сеяли дыни, арбузы и разные овощи, но в незначительном количестве. Они были грубы, однако довольно гостеприимны; русского православного крепко недолюбливали, с ними вместе из одной посуды не ели, а всегда давали особую; впрочем, вино и водку пили из одной рюмки. Казачки — добры, милостивы и богомольны. На огромном пространстве от Уральска до Юрьева Городка¹⁷⁰ все жители от мала до велика говорили по-

---

¹⁶⁹ Имеются в виду племена так называемой Киргиз-кайсацкой орды, которые занимали обширную степную территорию, начиная от озера Балхаш и предгорий Тянь-Шаня на востоке до Каспийского моря и низовий Волги.

¹⁷⁰ Имеется в виду город Гурьев, который до восстания Пугачева назывался Яицкий городок; Шипов контаминировал два названия.

киргизски; это происходило от близкого соседства и частых сношений с киргизами.

Город Уральск стоит на реке Урале и притоке его Чагане. В то время он был необширен, с тремя храмами и одной старообрядческой часовней; населяли его преимущественно казаки, и находился он под управлением войскового атамана. Урал — река быстрая, многоводная и обильная рыбою, которой здесь, близ Уральска, бывало особенно много. Объяснить это можно таким образом: весной, во время разлива Урала, рыба, большими партиями, шла с низовьев реки, от Каспийского моря, вверх по течению. К этому времени по издавна заведенному обычаю, казаки забивали близ города поперек реки большие бревна наподобие свай; эти бревна тесно приходились одно к другому и таким образом представляли род прочного забора (по местному названию «учуг»). При такой преграде рыба уж не могла идти далее вверх по реке, разве разлив реки был необыкновенно велик. Прибавлю к сему, что когда происходила постройка описанного забора, то собирались все городские казаки, присутствовал сам атаман и войсковые чиновники. По окончании постройки бывала закуска, так что день этот почитался веселым, праздничным. — Рыба в Уральске была очень дешева, например, в 1817 году осетрина стоила 15 и 12 копеек асс. за фунт; свежая икра — 25 и 30 копеек.

Теперь скажу о покупке скота и о пригоне его к месту назначения — в слободу Выездную. Скот мы покупали обыкновенно у разных лиц: у казаков, у кочующих киргизов и у русских купцов, занимающихся, подобно нам, этим промыслом. В Оренбурге или чаще в Уральске покупали лошадей, повозки и провизию; нанимали человек 18—20 работников из крестьян Нижегородской или Симбирской губернии, приходящих сюда весною на заработки, — и отправлялись в степи. Скот покупался в различных местах,

на дальнем между собою расстоянии, небольшими сравнительно партиями или гуртами, которые рабочими и сгонялись к определенному месту в степи.

Цены на скот существовали неодинаковые. Отец мне говорил, что в начале нынешнего столетия баран стоил 1 рубль 70 копеек асс., а вскоре после 1812 года платили уже по 3 рубля 50 копеек асс. за штуку, и даже по 5 рублей. Случалось и так, что в один год скот покупали дороже, а в другой дешевле. Это происходило от многих причин; бывало, как наедет в степи много русских купцов, — ну и набьются цены. Если стояла слишком суровая зима, то скот непременно дорожал, так как его много погибало от морозов. Но главное, при покупке скота обращалось внимание на то: так называемый зауральский это скот или букеевский¹⁷¹; первый был мельче, особенно бараны, а последний крупнее и жирнее. Поэтому мы покупали в разные годы неодинаковое количество скота, — обыкновенно несколько тысяч голов, приблизительно пять, восемь, десять тысяч и более.

Купленные в разных местах гурты баранов сгонялись главным образом к Общему Сырту — на речки Чуган, Деркул и Ембулатовку; это с форпоста Сорочика*¹⁷². Тут за прогон скота по степи никому ничего не платили. Зато нередко бывали случаи, когда казаки или башкиры нападали на приказчиков и рабочих при гуртах, били их нагайками и силою вымогали дань за то будто бы, что при прогоне скота испорчены луга, которых казаки никогда не косили. Если рабочие останавливали стада для пастьбы по хребтам гор, то казаки и башкиры на то не сетовали. Одному приказчику давалось обыкновенно два гурта, каждый по 900 баранов, и при них 6 человек рабочих: два передовых или гуртоправов и четверо так называемых

---

¹⁷¹ «Букеевскими» овцы именовались по названию Букеевской орды киргизов (от имени хана Бакея, под водительством которого орда в 1801 г. перекочевала в Россию).

¹⁷² Имеется в виду Сорочинская крепость (ныне г. Сорочинск).

задних; был еще кашевар. Давалось им три повозки с тремя упряжными лошадьми для клади и провизии, да сверх того 4-я лошадь — верховая. Бывало, ранним утром, когда солнце только что обогреет степи, баранов поднимут и погонят со стану. Гуртовой, идя впереди баранов, помаленьку начинает разгонять их, чтобы они шли реже, не сучиваясь; задние рабочие подгоняют отставших от гурта, но делают это осторожно, с известной сноровкой, чтобы не испугать весь гурт, который расходится иногда, особенно по хорошей траве, в ширину более полверсты. При этом гуртоправ старался приучить баранов идти рядами, стройно, в порядке. Опытные гуртоправы весьма скоро достигали того, что бараны слушали их, как солдаты своих командиров. В течение дня несколько раз давался скоту отдых. В это время гуртоправ быстро осматривал баранов, отыскивая, нет ли между ними больных; если таковой находился, его тотчас отделяли от гурта, чтобы другие не заразились, и лечили. Пастбища выбирались, понятно, с хорошей, сочной травой.

Вообще, в продолжение всего пути приказчик, гуртоправ и рабочие заботились всеми мерами о хорошем продовольствии скота, чтобы бараны были жирные, шерсть на них чистая и мягкая. Вечером, с закатом солнца, гурты останавливались на ночлег; для этого место избиралось такое, чтобы и пастбище было тучное, и водопой обильный. В этих именно видах заблаговременно нанимались некоторые степи, с платою по уговору. Так шло дело до города Бугуруслана, куда приходили гурты никак не позднее второй половины июля месяца. Здесь стригли с баранов шерсть и отправляли ее в Выездную слободу. От Бугуруслана гурты прогонялись или на Симбирск, или к Бугульме и Казани.

Здесь также случалось не без препятствий и задержек от чуваш и калмыков. Чувашаи народ зловредный. Зная, что в известное время по их

дачам и лесам прогоняются гурты баранов, они вырывают в лесу ямы и ставят в них петли; проходящий скот падает в эти ямы и таким образом делается добычею чуваш. Если же такая уловка им почему-либо не удавалась, то они прибегали к другому средству. Со мной был такой случай. Прогнали мы свои гурты близ одной чувашской деревни (Имуткиной), по проселочному пути, минуя чувашские степи верст 5. Желая попользоваться от нас за проход какой-нибудь добычей, чуваша, более ста человек, догнали нас и остановили, говоря, что скот наш потоптал их луга. Я понял, что при сопротивлении могут быть для нас худые последствия, и поэтому, приказав своим приказчикам гнать гурты далее — на дачу Обошную, сам поехал с чувашами в их деревню на отличной верховой лошади. Дорогою, как ни зорко наблюдали за мною чуваша, как ни стерегли, но я перехитрил их и прискакал на моем резвом коне к своим гуртам, которые я догнал близ Шалашниковой степи, у мельницы, на речке Сохе. Отсюда шли мы на Сергеевское, Ормянку, Хилково, Тростянку, Хорошеньку, Килянку, на Новый Буян и Узуково. Далее пролегали, верст на 50, калмыцкие степи, которые примыкали к Волге, и я почел за нужное спросить позволения у калмыцкого начальника, проживающего в Ягодном улусе, пройти по этим степям. Послал к нему с этою целью одного из приказчиков; чрез несколько времени явился ко мне сам начальник, из калмыков, с двумя драбантами¹⁷³. Я его почтительно принял, достоительно угостил и на дорогу снабдил бараниной; за это он позволил мне свободно прогонять гурты по степи и беспрепятственно пользоваться пастбищем. Придя к Волге, я договорил климовских крестьян перевезти на другой берег баранов, по 5 копеек за штуку. Переправа эта очень хлопотлива. Отсюда мы погнали гурты

---

¹⁷³ Драбанты — телохранители высших начальников.

обыкновенным путем — на Боинск, Курмыш и домой, в слободу, куда скот обыкновенно приходил около 20 сентября или к половине октября месяца, и тут же, немедленно принимались его резать в особо устроенных при доме бойнях и салотопнях.

Кроме указанных мною неудобств, встречающихся при прогоне скота, приходилось еще ведаться с разбойниками, которые властвовали в тех местах поистине беспрепятственно. Например, по эту сторону Волги, близ села Собакина (Симбирской губернии), грабил и разбойничал отставной солдат Безрукий со своими удалыми товарищами. В 1816 году отец отправил домой нашего приказчика Баранина, верного и надежного человека, с двумя гуртами и семьёю рабочими. Гурты остановились на ночлег, в четырех верстах от Собакина, близ леса. Рано утром выезжает из лесу этот Безрукий со своими молодцами и требует от Баранина денег. Рабочие оробели, приказчик на коленях перед разбойником говорил, что у него нет денег более 10 рублей. Получив десятка два ударов нагайкой, Баранин отдал все имеющиеся при нем деньги и лучшую лошадь. Разбойники удалились в лес, а верный приказчик, приказав рабочим гнать гурты далее, сам тотчас же отправился верхом в село Собакино и заявил о случившемся с ним происшествии сельским властям. И что же услышал?

«Эх, любезный, — сказали ему, — эти разбойники ограбили не тебя одного, а многих лиц, и не на столько. Мы тебе не можем оказать никакой помощи: ведь они теперь, может быть, гуляют уже по пензенской столбовой дороге. Ступай себе с Богом». Так Баранин и ушел.

На той стороне Волги, по Общему Сырту, где пролегают дороги в Оренбург и Уральск, разбойничал борской казак Иван Григорьев Мельников с товарищами. Этот разбойник был страшен для всех проезжающих; о нем и его подвигах ходили в народе разные рассказы, в которых был

перемешивалась с небылицею. Например, говорили, что он имел заговор от ружья, т.е. что его нельзя было ни убить, ни ранить пулей. В течение нескольких лет земская полиция не могла поймать его; а если это случалось и Мельникова сажали в острог, то он уходил отсюда, как бы ни была бдительна стража и крепки запоры. Мельников никого не убивал, разве только в каком-нибудь редком и исключительном случае; любил послушание и покорность; ослушников же его приказаний и требований строго наказывал нагайкой и брал больше дани.

Однажды крестьяне нашей слободы в количестве более 20 человек на десяти повозках отправились в Оренбург за баранами. Подъезжая к Общему Сырту, они условились между собою, что в случае нападения разбойникам не поддаваться. Через несколько времени крестьяне заметили шибко едущих им навстречу вооруженных людей: то был атаман Мельников с своими товарищами. Поравнявшись с обозом, атаман закричал передовому крестьянину: «Остановись!»; но этот не послушался и продолжал ехать. Тогда атаман приказал одному из своих товарищей бить непослушного по спине нагайкой. Крестьяне перепугались, забыли о своем уговоре — не поддаваться разбойникам. После того Мельников приказал подать для себя кошму¹⁷⁴; когда разостлали ее, он сел. — Крестьяне же молча стали перед ним; их окружили разбойники. Атаман обратился к перепуганным крестьянам с такою речью:

«Я знаю, вы едете в Оренбург за покупкой скота и у каждого из вас есть деньги; я мог бы вас совсем обобрать. Но так как вы оказали мне послушание, то я беру только по 5 рублей ассигнациями с повозки. Когда будете ехать обратно, я с вас не спрошу тогда ничего, разве дадите

---

¹⁷⁴ Кошма — войлок, полость, свалянная из овечьей шерсти.

баранины на кашицу». Один из крестьян тотчас же вынул свой бумажник и отдал атаману деньги. — «Как тебя зовут?» — спросил Мельников. — «Иван Григорьев Минев», — отвечал тот. — «Ты, братец, мне тезка, — сказал разбойник. — Сними с себя крест и дай мне, а мой возьми себе, — и мы будем крестовые братья». Поменялись крестами. После этого Мельников, возвращая деньги Миневу, сказал: «Возьми, брат, свои деньги назад: мы с тобой породнились. А вы, ребята раскошеливайтесь». Получив со всех деньги, атаман потребовал вина и закуски — велел пить всем. Заплатив за угощение 2 рубля, Мельников уехал. Крестьяне были очень довольны, что так дешево отделались.

Минев рассказывал, что после того, прогоняя гурты из Оренбурга, он встречался с Мельниковым, который никогда денег с него не брал; вместе угощались и бражничали, а однажды Мельников, пригласив Минева к себе в стан, подарил ему лошадь и 25 рублей медными деньгами.

Прибщю к сему, что Мельников был пойман исправником верст за 50 от города Самары, куда повезли его, заключенного по рукам и ногам в деревянные колодки. На шею также надели колодку, которая в дороге и задушила его. Так память о нем погибла с шумом!

Производя торговлю скотом, мой отец торговал также салом, мехами, кожами и вообще пушным товаром. Этот товар продавали мы в разных городах, но главным образом в Ростове на Макарьевской ярмарке¹⁷⁵ и в Москве.

Моя первая поездка по этим торговым делам была в апреле месяце 1816 года, когда отец отправил меня с одним из старых и опытных наших

---

¹⁷⁵ «Макарьевской» (от названия Макарьевского монастыря близ Нижнего Нов города, где еще с XVI в. проводились ярмарки) называлась ежегодная нижегородская ярмарка, самая богатая и самая известная в России. В 1817 г., после пожара Макарьево, она была перенесена в губернский центр.

приказчиков. Перед отъездом отец и бабушка (в это время мать моя была уже умершею) приказали списать мне из Псалтири псалом: «Живый в помощи Вышнего»¹⁷⁶, выучить его наизусть и каждый день читать. Мне внушили, что при чтении этого псалма можно миновать нападения разбойников и всякого лихого человека. Ехали мы на города Муром и Суздаль, где ходили чуть ли не по всем церквам и прикладывались к св. мощам. В Ростове, распродав весьма выгодно товар, мы пошли помолиться великому русскому чудотворцу — Димитрию Ростовскому¹⁷⁷ и попросили отслужить святителю молебен. Потом всходили на колокольню и слушали звон по нотам. Скоро мы оставили Ростов и отправились в первопрестольный славный град Москву.

Как я ни был мал и несведущ, но уже за три года перед сим довольно наслышался о матушке-белокаменной. Двенадцатый год крепко запечатлелся в моей памяти. По приезде в Москву я купил по совету приказчика новомодный картуз и красивый шелковый кушак. Пошли осматривать Москву и ее Достопримечательности. Здесь все меня поражало и удивляло: длинные, извилистые улицы, наполненные идущим и едущим народом; большие высокие дома, из которых иные были обгорелые, неотстроенные — печальный след пребывания в Москве французов; множество церквей; златоглавый кремль с его соборами, дворцами и палатами; высочайшая ивановская колокольня, при которой лежал огромный колокол. В Вознесенском девичьем Монастыре меня очень удивляли печи, в которых французы пекли для себя хлеб. Так как мы пробыли в Москве около трех недель, то я довольно хорошо познакомился с

---

¹⁷⁶ Псалом 90.

¹⁷⁷ Димитрий Ростовский (в миру Даниил Саввич Туптало; 1651—1709) — митрополит Ростовский и Ярославский с 1702 г., канонизированный в качестве святого в 1757 г.

нею. Расхаживая по городу, я был очень доволен и думал: «Вот и я побывал в Москве; все видел и о всем расскажу, как приеду домой». Действительно, рассказам не было конца.

В мае месяце этого года мой отец неожиданно женился во второй раз; взял нашу соседку, девушку лет 14, с которою до сего времени я занимался детскими играми. После свадьбы отец приказал мне, чтобы я не называл его молодой жены матерью. Так и было.

---

* На этом месте существовал некогда хивинский городок, развалины которого видны и поныне. Здесь отыскивают хивинские монеты и разные другие древние вещи. Говорят, городок тот разорён был разбойниками Нечаева.

1820-1823

Через четыре года после женитьбы отца, когда мне минуло 18 лет, отец задумал и меня женить. Из арзамасских купцов каждый охотно отдал бы за меня свою дочь с большим приданым и деньгами; но помещик позволил нам жениться только на крепостных. У нас в слободе было три невесты, дочери зажиточных крестьян. По заведенному обычаю отец мой созвал на семейный совет близких родственников; призвали меня и спросили: «Которую невесту сватать?» Отвечал, что как ни одной из них не знаю, то и сказать ничего не могу. Решили сватать дочь довольно богатого крестьянина Ланина, 2 ноября, поутру, дядя мой, купец Феоктистов, отправлен был в дом Ланина для переговоров. Выслушав предложение Феоктистова, Ланин сказал, что он теперь не может дать никакого

положительного ответа, потому что предварительно должен сходить в церковь и отслужить молебен, — потом созвать всех родственников на совет, и просил Феоктистова пожаловать через день, вечером. Дядя передал это нашему собранию; решили ждать.

На совете у Ланина, как мне потом рассказали, происходило следующее: некоторые из родственников были против того, чтобы выдать за меня дочь Ланина; порочили мое поведение и указывали на то, что у меня молодая мачеха, с которою жене моей худо будет жить. Большая же часть Ланиной родни была того мнения, что дочь Ланина выдать за меня следует, потому что дом наш богатый, один из первых в слободе. 4 ноября родственники наши снова собрались у нас в доме и того же дядю Феоктистова вновь послали к Ланину. Здесь приняли дядю с уважением и посадили на почетное место¹⁷⁸. Священник прочитал молитву. Потом, как бы в виде задатка, вынесли дяде 5 платков и полотенце с богатым кружевом, да кроме того дали хороший платок для самого дяди, и начали угощать его как почетного гостя. Мой же отец и родственники ожидали его возвращения. Дядя пришел с платками и навеселе. Призвали меня, начали поздравлять и показывать платки, в числе которых был один и для меня, т.е. я должен был носить его в своей шляпе; потом приказали мне поклониться отцу и дяде в ноги; я это исполнил. Затем началось веселье и продолжалось до глубокой ночи.

На другой день, 5 ноября, мы ожидали к себе рубашечницу, т.е. женщину из дома отца невесты за моей рубашкой, по образцу которой у невесты должны были нашиваться для меня рубашки. Этою женщиною

---

¹⁷⁸ Далее мемуарист подробно описывает свадебный обряд Нижегородской губернии, включающий в себя элементы мордовской свадьбы. Ср. северно-русский свадебный обряд, включающий гораздо больше элементов: Балашов Д.М., Марченко Ю //., Калмыкова НИ. Русская свадьба. М., 1985.

бывала обыкновенно одна из близких родственниц невесты; она почиталась гостьею почетною; ее должны встретить ближайшие родные жениха и угостить как можно лучше. В 3 часа пополудни приехала рубашечница, которая оказалась женой брата моего будущего тестя, т.е. родная тетка невесты. Тотчас мои родные вышли к ней навстречу, привели в горницу и начали усердно угощать. Она пробыла у нас до 6 часов вечера. Условились, когда должно быть смотренью, запою, девичнику и свадьбе. Положили смотренью быть сегодня. После того эта новая сваха взяла мою рубашку и поехала в дом Ланина. Дорогою она непременно должна петь песни. Невеста встречает ее на дворе и приглашает войти в комнату.

По отъезде рубашечницы мы собрались к невесте на смотренье. Со мной поехали дядя Феоктистов, называющийся с этого времени дружкой, и его жена. Мы взяли с собой фунтов 20 гостинцев, каждый фунт в особом свертке; кроме того, отец дал мне два полуимпериала¹⁷⁹, завернутые в бумажку, 5 рублей серебром в свертке и 5 рублей по одному рублю — в бумажках. Эти деньги предназначались для того, что когда невеста станет меня дарить, то я должен полагать их на поднос и целовать невесту три раза. — Приехали мы во двор к Ланину. Навстречу к нам вышли: нареченный мой тесть, его жена, сын и близкие родственники. Сначала они целовались с моим дядею и теткою, а потом со мной. Поцеловавшись, все вошли в горницу, где уже находился священник. Меня посадили за стол, впереди; рядом со мною, по правую руку, сел священник и дядя, а по левую — тетка; далее поместились за столом родственники Ланина. На столе поставлен был сладкий пирог с разными украшениями. Несколько минут посидели молча;

---

¹⁷⁹ Полуимпериал — русская золотая монета достоинством в пять рублей серебром.

потом тетка моя начала: «Время нам посмотреть и пирожницу, которая для стола пирог готовила», т.е. невесту. При этих словах я будто оробел.

Тотчас же родственница Ланина вывела из другой комнаты нареченную мою невесту. Она была в шелковом, вышитом золотом сарафане и в белой, как снег, рубашке; на шее было ниток 40 разной величины жемчуга, в ушах жемчужные серьги, на голове жемчужная повязка и в косе целый пучок алых лент. При входе женщины с невестой все встали. Они помолились Богу, приняли благословение от священника и поцеловались с моим дядею и теткой. После сего невеста взяла поднос, на котором лежал для меня подарок — жилет, подошла ко мне и в полпояса поклонилась. Я принял подарок, положил взамен его на поднос два полуимперала и также поклонился в полпояса; затем три раза поцеловались и вновь поклонились друг другу. Тогда священник спросил меня и невесту: «Желаете ли сочетаться браком?» Мы отвечали, что желаем с охотой. Священник благословил нас и прочитал молитву. После этого меня посадили с невестою рядом и началось угощение всех гостей, кроме нас; мы только сидели. Чай же подавали и нам. В особой комнате девушки — подружки невесты пели свадебные песни и с разными веселыми прибаутками выговаривали дружке, что он скуп для них на гостинцы. После чаю невеста начала дарить меня платками, а я дарил ей деньги, — и при этом каждый раз мы троекратно целовались. Так продолжалось несколько часов. Уже за полночь подали ужин, после которого гости поразъехались, а я остался с невестою и девушками; занимались разными играми, пели веселые песни. Я просидел до света.

7 ноября положено быть запою. К этому дню отец мой пригласил к себе близких сродников, несколько почетных гостей и священника с супругой. Всех съехалось человек 15. Напитки и закуски должны быть

привезены от жениха. Отец на это не поскупился, дал мне 10 рублей, завернув каждый в бумажку, и один полуимпериал. Поехали мы вечером на семи санях, из коих одни были с разной провизией. У будущего тестя моего, Ланина, кроме родственников, знакомых и девушек, собралось множество народа из любопытства. Приехавши во двор, все вышли из саней. Впереди шел священник, за ним — отец мой с мачехой и я, потом родственники и почетные гости. Нас встретил тоже священник, за ним невестин отец с матерью и т.д. Все мы приехавшие целовались с хозяевами и их гостями; после сего нас пригласили в горницу и сажали за стол по известному порядку. Стол был накрыт человек на 40. На столе стояли четыре окорока и белый большой круглый сладкий пирог с разными украшениями и фигурами. В комнате стало тихо; за столом сидели безмолвно минут 5. После этого моя мачеха, обращаясь к Ланину и его жене, сказала: «А что, сватушка и свашенька, где у вас пирожница, которая готовила такой прекрасный пирог?» Ланин отвечал, что если угодно, то можно позвать ее сюда. В это время вышла из другой комнаты моя невеста, разряженная и богато украшенная; ее сопровождала ее родная тетка-прежняя рубашечница. Помолились они Богу, всем низко поклонились, подошли под благословение к священникам и начали целоваться, сперва с моим отцом, мачехой и далее, по порядку. Когда целованье кончилось, невесте дали в руки поднос, на котором лежал красивый шейной платок; она подошла ко мне и поклонилась в пояс. Я взял платок с таким же ей поклоном, положил на поднос полуимпериал и, поддерживая одной рукой подбородок невесты, поцеловал ее 3 раза из стороны в сторону, после чего опять поклонились друг другу. Потом невеста начала дарить всех моих сродников разными подарками, а ей отвечали в благодарность деньгами. После этого невесту посадили со мной рядом. Пришло время угощения. По первой рюмке всем гостям поднес отец

невесты, а затем угощением распорядились уже наши сродники. В это время мы с невестой очень часто целовались по требованию гостей: один говорил: «Не видал, как наши молодые целуются»; другой: «Вино очень горько, надо подсластить», третий еще что-нибудь придумывал. Так прошло не менее часа. Затем начали подавать чай; девушки запели веселые песни, и — пошел пир горой. Около полуночи начался ужин и продолжался часа четыре. В половине ужина меня с невестой вывели из-за стола к девушкам поиграть, попеть и повеселиться. В 6 часов утра веселье кончилось; гости разъехались по домам. С рассветом и я пошел домой; невеста и девушки провожали меня за ворота с песнями.

Начали готовиться к свадьбе, которая должна была совершиться 10 ноября. За день до этого от невесты пришли к нам вечером девушки с брагой, которую станут поддавать в бане на каменку, когда они последний раз будут парить невесту с прощальными песнями. Потом приехали к нам из дома невесты коробейники и постельницы — четыре мужчины и две женщины с родственником моего будущего тестя. На трех парах лошадей они привезли имение и постель невесты. Сундуки поставили в особо приготовленную в сенях палатку, а постель внесли в спальную, где постельницы и принялись убирать ее. Этим лиц мы хорошо угостили. В этот же день отец мой разослал гонцов к своим родственникам, друзьям и приятелям с приглашением их пожаловать к свадебному столу, который готовился на 80 человек. Отец мой почитался настоящим русским хлебосолом, а потому распорядился, чтобы всего было в изобилии. Накануне свадьбы около полуночи поехал я на кладбище проститься с усопшими сродниками и испросить у покойной родительницы благословения. Это я исполнил с пролитием слез на могиле. 10 числа, к вечеру, собрались к нам все наши родственники и знакомые; священник с

диаконом и дьячками тоже пришел. В это время, по обычаю, двое наших холостых сродников посланы были к невесте с башмаками, чулками, мылом, духами, гребешком и проч. Посланных у невесты приняли, одарили платками и угостили. Между тем отец начал меня обувать и в правый сапог положил 3 рубля, для того что, когда моя молодая жена станет разувать меня, то возьмет эти деньги себе. Когда я был одет, отец взял образ Божией Матери, в серебряном окладе, благословил меня им и залился слезами; я тоже прослезился: недаром старики говорили, что свадьба есть последнее счастье человека. Потом благословили меня своими иконами отец крестный, мать крестная и посадили меня в переднем углу, к образам. Все, начиная с отца, со мною прощались, после чего, помолившись Богу, священник повел меня в церковь; за нами следовало несколько человек, называющиеся провожатыми. В церкви народу было множество. Между тем сваха и дружка с хлебом-солью поехали за невестой. Здесь на столе находился также хлеб и соль. Сваха взяла эту соль и высыпала себе, а свою отдала; хлебами же поменялись. Потом невесту, покрытую платком, посадили за стол. После благословения невесты от родителей иконами все с невестой прощались и дарили ее по возможности деньгами. Затем священник вывел невесту из комнаты и поехали в церковь с свахой, дружкой и светчим, который нес образа невестины и восковые свечи. За ними ехали на нескольких повозках мужчины и женщины, называющиеся поезжанами. По окончании таинства брака мы, новобрачные, по обычаю несли образ Божией Матери из церкви в дом моего отца. На улице было совершенно темно; шел большой снег. Народ прорекал, что новобрачные будут счастливы. (Увы! пророчество это не вполне исполнилось.) В доме встретил нас отец с иконою и хлебом-солью; мы приложились к образу и поцеловались с отцом. После этого начался Божией Матери молебен. По окончании молебна сваха нас,

молодых, привела в спальню, посадила рядом и дала нам просфору. Так как в настоящий день я и новобрачная постились, то после чаю нам дали немного закусить. Потом сваха убрала голову молодой так, как это бывает у замужних. После этого мы вышли к гостям, и вскоре начался стол или брачный пир. Кушанье было перемен десять; все в чисто русском вкусе, без всяких супов и соусов. К концу стола подали сладкий пирог, который должны были подносить гостям мы, молодые. Перед этим надели на мою молодую жемчужный кокошник, и я с нею и свахой разносили пирог, а каждый из гостей поздравлял нас с законным браком. Стол окончился далеко за полночь. После того сваха с дружкой увели нас в спальню, убрали постель и заставили мою молодую жену меня разувать; уложили в постель и, пожелав нам доброй ночи, удалились. На другой день встал я рано; дверь оказалась запертою снаружи. Делать нечего, приходилось ждать. Наконец сваха отперла спальню и вместе с дружкой повели нас в баню; дверь за собою опять заперли. Из бани привела нас сваха в спальню, где уже приготовлен был стол. Через несколько времени пришла к нам от моего тестя женщина, называемая блинницею, принесла горячие блины и разное пирожное. Мы покушали. После блинницы явилась к нам родственница моей жены с подарками, которыми моя жена должна была дарить моего отца и мачеху. Отец и мачеха, получив эти подарки, отблагодарили ее деньгами. В этот день отец мой пригласил родных и знакомых к себе на вечер; а я с молодою, свахой и дружкой отправился в гости к тестю. Потом попеременно бывали то Ланины у нас, то мы у них. И тем вся церемония нашей свадьбы кончилась.

Я упоминал, что мы были помещичьи крестьяне и платили барину оброк. Сам помещик по фамилии Салтыков в нашей слободе не жил; сам проживал он в Петербурге, а летом в подмосковном своем имении —

Сергеевском; к нам приезжал редко. У нас в слободе был управляющий и бурмистр, которые творили расправу с крестьянами и заботились о взыскании с них помещику оброка. Мой отец, как человек богатый и уважаемый, неоднократно бывал бурмистром. Эта должность, завидная для других, ни мне, ни отцу моему не нравилась: во-первых, потому, что наши торговые дела требовали частых отлучек отца из дому, а тут надо было постоянно находиться в слободе; во-вторых, потому, что при взыскании оброка невольно приходилось входить в неприятные столкновения с крестьянами и наживать себе врагов. К тому же отец постоянно опасался, как бы не подпасть под гнев помещика и не подвергнуться какому наказанию. При нашем помещике, человеке довольно взбалмошном, это случалось нередко.

Например, однажды в 1820 году, — не припомню, по какому случаю, — помещик прислал к моему отцу из Другой вотчины крестьянина с приказанием посадить его на цепь и кормить однажды в сутки по фунту черного хлеба, впредь до нового распоряжения; при этом было объявлено отцу, что если узник убежит или его будут лучше кормить, то с отца строго взыщется. Приковали мужичка цепью к стене в нашем старом доме и одного человека приставили его караулить; есть же из человеколюбия отец приказал давать узнику довольно. Прошло с полгода. Отец отлучился ненадолго из дому по торговым делам. В это время узник бежал. Донесли помещику, который немедленно и приказал взять с отца 7000 рублей штрафа. Через несколько времени бежавший крестьянин был пойман; но деньги остались, разумеется, у помещика.

А то, бывало, неожиданно шлет барин строгий приказ, чтобы отец явился к нему и представил оброк, примерно тысяч тридцать или сорок. С крестьян деньги еще не собраны; а не исполнить приказания помещика —

опасно. В этих случаях отец поступал так: если у него были под руками свои деньги, то он прилагал недостающее количество; если же таких денег не было, то занимал у арзамасских купцов, уплачивая проценты собственными деньгами. Таким образом дело сходило с рук, хотя и не без ущерба для отцовского кармана. Но однажды именно в самый год моей свадьбы (1820) отец не мог представить помещику всего оброка, указывая в свое оправдание на то, что все торговцы и ремесленники понесли в этот год большие убытки и потому платить оброк затруднялись. Помещик и слышать этого не хотел; грозил посадить отца в смирительный дом или сослать его в Сибирь на поселение. Однако дело кончилось тем, что помещик приказал сменить отца с должности бурмистра. Мы были весьма этому рады, тем более что количество оброка, зависевшее от произвола барина, год от году не только не уменьшалось, а напротив — увеличивалось.

Странные бывали у нашего помещика причины для того, чтобы увеличивать оброк. Однажды помещик и с супругою приехал в нашу слободу. По обыкновению, богатые крестьяне, одетые по-праздничному, явились к нему с поклоном и различными дарами; тут же были женщины и девицы, все разряженные и украшенные жемчугом. Барыня с любопытством все рассматривала и потом, обратясь к своему мужу, сказала: «У наших крестьян такие нарядные платья и украшения; должно быть, они очень богаты и им ничего не стоит платить нам оброк». Недолго думая, помещик тут же увеличил сумму оброка. Потом дошло до того, что на каждую ревизскую душу падало, вместе с мирскими расходами, свыше 100 рублей асс. оброка. Помещик назначал, сколько следовало оброчных денег со всей вотчины; нашей слободе приходилось платить 105 000 рублей асс. в год. У нас в слободе числилось до 1840 ревизских душ. Но не все одинаково были способны к платежу, например, крестьянин богатый, но ему приходилось

платить за одну или две души; а другой бедный, и у него 5 или 6 ревизских душ; были престарелые и увечные, отданные в рекруты и беглые, которых налицо не состояло, но за которых следовало платить оброк. Помещик всего этого не хотел знать и требовал, чтобы назначенный им оброк был ему представлен сполна. Тогда делали раскладку оброка на богатых и зажиточных плательщиков. Таким образом выходило, что, например, мы с отцом платили помещику оброка свыше 5000 рублей асс. в год; а один крестьянин уплачивал до 10 000 рублей.

Казалось бы, при таких распоряжках состоятельным крестьянам следовало бы откупиться от помещика на волю. Действительно, некоторые и попытались это сделать; но без всякого успеха. Один крестьянин нашей слободы, очень богатый, у которого было семь сыновей, предлагал помещику 160 000 рублей, чтобы он отпустил его с семейством на волю. Помещик не согласился. Когда через год у меня родилась дочь, то отец мой вздумал выкупить ее за 10 000 рублей. Помещик отказал. Какая же могла быть тому причина? Рассказывали так: один из крестьян нашего господина, подмосковной вотчины, некто Прохоров, имел в деревне небольшой дом и на незначительную сумму торговал в Москве красным товаром. Торговля его была незавидна. Он ходил в овчинном тулупе и вообще казался человеком небогатым. В 1815 году Прохоров предложил своему господину отпустить его на волю за небольшую сумму, с тем, что эти деньги будут вносить за него будто бы московские купцы. Барин изъявил на то согласие. После того Прохоров купил в Москве большой каменный дом; отделал его богато и тут же построил обширную фабрику. Раз как-то этот Прохоров встретился в Москве с своим бывшим господином и пригласил его к себе в гости. Барин пришел и немало дивился, смотря на прекрасный дом и фабрику Прохорова; очень сожалел, что отпустил от себя такого человека, и

дал себе слово впредь никого из своих крестьян не отпускать на свободу. Так и сделал.

В конце 1823 года отец мой вновь был назначен бурмистром; при этом помещик приказал брать с нашей слободы вместо 105 000 — 61 000 рублей асс. оброка. В то время я находился в Оренбургском крае и об этом ничего не знал. Когда я приехал и отец рассказал мне о случившемся, мы стали советоваться, каким бы образом уволиться отцу от ненавистной для нас должности бурмистра? В слободе временно находился тогда камердинер нашего господина, его любимец, который иногда устраивал крестьянские дела к обоюдному для нас и помещика удовольствию. Отец и обратился к этому камердинеру с просьбой — походатайствовать перед господином об увольнении его от бурмистерской должности, за что и дал ему 1000 рублей. Камердинер написал барину, от которого получен был следующий ответ: «Если Шипов станет даже помышлять об увольнении, то я сделаю с ним то, чего он никогда не ожидал: его самого сошлю в Сибирь на поселение, а сына его отдам в солдаты». Прискорбно было нам слышать это известие, и в порыве горести я сказал отцу, что лучше мне идти в солдаты: за Государем служба не пропадает. «Нет, — с грустью возразил мне отец, — такой разлуки с тобой я не перенесу. Будем жить вместе. Какое бы горе и страдание ни случилось с нами, будем терпеть и творить волю господскую. Хорошо бы было, — продолжал отец, — если бы новое положение господина насчет 61 000 оброку было навсегда; но я знаю хорошо нашего барина: он будет недоволен и скоро снова увеличит оброк. Боюсь, чтобы против моей совести я не сделался крестьянам ненавистен». Потом, после некоторого раздумья, отец сказал: «Да, я буду править дела крестьянские; а ты занимайся торговлею и распоряжайся, как знаешь. Ты теперь уже

можешь». Скрепя сердце, я выслушал это решение отца и ничего не возражал, зная, что уж если что решил он, то так тому и быть.

1824-1827

С 1824 года я очень часто начал отлучаться из дому по торговым делам. Торговля была по-прежнему уральским скотом и пушным товаром. После 1822 года, когда в Оренбургском крае стояла жестокая зима, баранов там много поубавилось, и цены на них были не совсем подходящие. И вот я задумал отправиться для покупки скота к бужеевским киргизам в барханы*. Хотя во время прежних моих поездок я неоднократно имел дело с киргизами и мог немного говорить по-киргизски, но счел за нужное нанять толмача. Таковой скоро нашелся, один из уральских казаков, и я подрядил его за 100 рублей асс. ехать со мной. Мы с этим толмачом и несколькими моими работниками отправились на повозках в киргизские аулы верст за 40 от линии, где киргизы кочевали в своих кошомных кибитках.

Приехали в аул, к старшине, который назывался Бек-Мухамедом-Утемисом. Он нас принял. Я подарил ему чаю и сахару; Мухамед же дал нам особую палатку, угостил меня аряном (кислым молоком) и вареной ягнятиной. Арян мне не понравился, вероятно потому, что он содержится киргизами обыкновенно в сырых кожаных мешках. Скоро мы с Мухамедом сделались хорошими знакомыми. Он пригласил меня с толмачом в гости к своему двоюродному брату, Ковдобаю, который находился в другом ауле, верст за 5 от нашего. Я, разумеется, не отказал. Хозяин нас встретил радушно; мы посидели, покуда не было все прибрано в кибитке для приема гостей. Потом нас пригласили в кибитку. В ней были развешаны ковры:

разноцветные сундуки стояли открытыми; на полу тоже разостланы ковры и положены подушки, на которые мы и сели. Хозяин спросил, что мы будем есть: старого барана или ягненка? Мы согласились на последнее. Жена хозяина была в шелковых штанах и рубаше; голова покрыта платком, на ногах надеты красные киргизские, с большими каблуками, сапоги: это для удобства при верховой езде. Она начала раскладывать из тезека** огонь посреди самой кибитки; потом поставила на четырех ножках таган, а на него большой котел с водою. Принесли кожаный мешок, из которого хозяйка вытаскивала говядину или кобылятину и клала в котел. Когда говядина сварилась, она вынимала ее из котла вилкой и накладывала в красную деревянную чашку; хозяин же мелко разрезывал ее ножом. После того хозяйка варила ягненка; хозяин и его разрезал на мелкие кусочки. С нами обедали 6 человек киргизов. Хозяин брал всеми пятью пальцами кусочки говядины и угощал ими прямо в рот; гости подползали к нему на коленях, причем старались, чтобы кусок не выпал изо рта, так как в противном случае им было бы стыдно.

Для меня хозяин положил говядины и ягнатины в чашку. Затем хозяйка изготовила еще два кушанья: жидкую молочную кашу с сорочинским просом и жаренную в масле сметану, что по-киргизски называется «ремчук». Обед продолжался довольно долго. Разговаривали о баранах, о лошадях. Хозяин предложил мне свои услуги: завтра он объедет свой род и объявит, чтобы киргизы приходили ко мне для продажи баранов; при этом будет стараться о выгодной для меня покупке, — только я должен ему что-нибудь подарить. Поблагодаривши хозяина, я в свою очередь пригласил его к себе на чай. Он не отказался. Приехали в мою палатку; пили чай. У меня были мягкие булки и пшеничные сухари; я дал их моему новому знакомцу. Он положил их в свою кожаную сумку, Такие сумки киргизы

всегда носят при себе на ремне, а русский гостинец раздают понемногу своим женам, детям и приятелям. Настал вечер, и мы отправились к старшине ужинать. На другой день я встал утром рано. Начали собираться киргизы: одни на лошадях, другие на верблюдах, а иные на быках.

Богатые киргизы были в шелковых бухарских халатах, лисьих шубах, в синем или красном чекмене¹⁸⁰, в лисьих бархатных шапках. У некоторых лошади были в серебряных уборах. Через толмача я стал торговать у киргизов баранов; но они объявили дорогую цену и, не сторговавшись, разъехались по своим аулам. Вечером приехал ко мне мой новый знакомец из киргизов, Ковдобай, и, узнав, что мы не сторговались с его единоплеменниками, обещался завтра уговорить их быть уступчивее. Мы расстались. На следующий день киргизов собралось в мой табор множество; иные приезжали просто посмотреть на русских людей. Прибыл и Ковдобай. Он просил меня некоторых почетных киргизов напоить чаем и дать им сухарей. Это я исполнил. После того, при киргизах, Ковдобай спросил меня: «Почем даешь, купец, за дюнана, кунана, буйдака?» Дюнана — это самый старый баран, кунан — средний, а буйдак — молодой. Через толмача я ответил, что за первого — 9 рублей 25 копеек, за среднего — 8 рублей и за буйдака 6 рублей 25 копеек. Тогда мой знакомец закричал: «Я согласен на эту цену и завтра же пригоню своих баранов; а другие как хотят». Это подействовало на киргизов, и они разъехались с обещанием пригнать баранов. В продолжение двух дней я купил около 3000 штук, расплатился серебряными деньгами; славно угостил старшину Бек-Мухамеда с Ковдобаем, простился с ними и отправился в Уральск. Здесь я купил еще до 7000 баранов, поручил их приказчикам и рабочим, а сам отправился домой,

---

¹⁸⁰ Чекмень — короткий полукафтан.

где мой отец встретил меня с моею новорожденною дочерью. Сердце мое забилося радостно.

Впоследствии мне каждый год приходилось иметь дело с киргизами по покупке баранов на всем пространстве их кочевья до Нового Узеня и далее. Я даже завел особую торговлю с киргизами красным товаром, который покупал в Москве и в первых месяцах каждого года отправлял его с приказчиками к Уральску, а потом в барханы. По-киргизски я научился говорить недурно. Поэтому мне представлялось возможным довольно хорошо познакомиться с жизнью киргизов.

Киргизы — народ очень любопытный; обыкновенно расспрашивают: кто едет, куда и зачем? Разъезжая по барханам, мы обыкновенно останавливались ночевать близ аулов; это — для безопасности, потому что у киргизов существует обычай оберегать своих гостей. На степи рек почти совсем нет; во многих местах вырыты колодцы, к которым пригоняется скот для водопоя; ведра везде кожаные, а корыта сделаны из досок. У некоторых киргизов были большие стада баранов, лошадей, рогатого скота и верблюдов. Я знал одного киргиза Танинского рода: у него было более 7000 лошадей. Киргизы питаются главным образом овечьим и коровьим молоком; употребляют и верблюжье.

Летом они готовят молоко для зимы: сушат его на солнце до того, что оно делается твердым, и хранят в кожаных мешках^{***}. Такое молоко называется по-киргизски «крут»; его растворяют в воде и едят.

Если в дороге киргизу путь лежит аулами, то он ничего не берет с собою съестного, потому что киргизы имеют обычай путешествующего родича накормить и напоить безмездно. — Киргизы никогда долго не остаются на одном месте; как только скот поест траву, они перекочевывают на другое место, отыскивая тучные и привольные пастбища. Зимой они

проводят обыкновенно близ Каспийского моря, к западу, с мелким скотом; лошадей же пасут на степи, под надзором старого опытного киргиза. Случается, что во время бурана скот замерзнет, но это беда небольшая: киргизец, у которого это случилось, отправляется в отдаленные аулы, где бурана не было; здесь родичи дадут ему вдоволь скота, с тем, что если и у них случится такое же несчастье, то он должен помочь им. — Киргизские свадьбы совершаются таким образом: невест засватывают в малом возрасте, лет 10; при этом отец жениха дает родителям невесты «калым», т.е. будущее приданое скотом; количество калыма зависит от богатства или состояния дающего. Когда придет время отдавать невесту жениху, то приданое возвращается, и с приплодом; кроме того, отец невесты дает близким родственникам своего зятя разные подарки. В известное время женихи на хороших резвых лошадях и невесты на иноходцах скачут по степи. Каждый из женихов старается догнать свою невесту и схватить ее за грудь. Впрочем, только та невеста позволяет жениху брать себя за грудь, которая жениха любит; в противном же случае бьет его плетью. — Когда для женщины-киргизки наступает время разрешиться от бремени, то все ее домашние принимаются отыскивать христианские волосы. На вопрос мой — для чего эти волосы? — мне отвечали, что их должно сжигать во время родов в кибитке роженицы, от чего облегчаются и ускоряются роды. Вскоре после родов муж режет баранов, созывает гостей и происходит пиршество.

---

* Барханами называются пески с небольшими неровными возвышенностями; они простираются вёрст на 100, а далее носят название "рын-пески". В наших обыкновенных повозках ездить по барханам весьма затруднительно.

** Тезек, или коровий кирпич, служит обыкновенным топливом у киргизов

*** Киргизы вырывают не очень глубокие ямы, в которых коптят сырые

лошадиные кожи; из этих кож и делают мешки как для твёрдого, так и для жидкого
молока.

1828-1831

В 1828 году, вскоре после Пасхи, я отправился, по обыкновению, в Уральский край, на реку Узень, где с моим приказчиком находились гурты баранов. Здесь я получил известие, что от жестокой зимы погибло до 1000 штук. Два табуна я отправил к Уральску, приказав купить там еще баранов; а сам вознамерился отправиться степями в Астрахань с красною юфтью¹⁸¹, которой у меня было более 100 пудов. Хотя меня и отговаривали ехать степною дорогою, где кочуют киргизы, калмыки и трухменцы, но мне непременно хотелось узнать эту дорогу. Я взял две повозки, 7 лошадей и 5 верблюдов; при мне находились два приказчика, два работника и один киргизец — опытный по этой дороге вожак. 17 мая мы выехали. Дорога была жесткая. На третий день встретили ужасные пески, называемые рынами, где кочевали киргизы. Этими местами мы ехали несколько дней, совершая не более 15 верст в день. Жара была нестерпимая; лошади уморились и не могли поспевать за верблюдами. В седьмой день нашего путешествия мы получили известие, что невдалеке от нас стоит лагерем букеевский хан и покупает верблюдов по случаю войны с турками. Из любопытства я с вожаком отправился туда. Хан сидел в палатке с киргизскими старшинами и казачьим майором; конвой его составляли 60 донских казаков. Отдав хану надлежащее почтение, я объявил ему, кто я. Он несколько времени разговаривал со мною по-русски о нашей торговле и

---

¹⁸¹ Юфть — бычья кожа особой выделки.

предложил мне купить у него баранов. Распростившись с ханом, приехали к своему каравану. На девятый день нашей езды песку стало меньше, дорога становилась легче и удобнее, но трава повсюду совершенно засохла, воды нигде не было. Ехали еще два дня, и вожак сказал нам, что скоро будет колодезь. Мы с усилием и нетерпением подвигались к этому колодезю; однако воды в нем не оказалось. С досады я начал выговаривать жожаку, что он повел нас такой скверной дорогой, где нет вовсе воды; вожак уверял, что в прошлом году здесь воды было достаточно, а ныне она от необыкновенной жары высохла. Нечего делать: двинулись далее. Мы и лошади выбивались из сил, да и верблюды изнурились. Наконец я послал жожака отыскивать воду, а сами медленно подвигались вперед. Скоро бывшие при нас собаки, должно быть, почуяли воду и побежали; мы за ними. Спустя немного времени мы действительно увидели воду. Но что это была за вода? — темно-белого цвета, густая, негодная к употреблению не только для людей, но и для животных. Я велел вскипятить эту воду к чаю; но, устоявшись в чае, она превратилась в тесто и чай нельзя было пить. Тогда я приказал залить воды в котлы и насыпать туда соли; вода приняла обыкновенный цвет и хотя стала соленою, но годною для питья. Мы утолили жажду и отправились далее по назначенной жожаком дороге. Отъехавши верст 10, мы встретили нашего жожака, который объявил, что в недалеком расстоянии находится колодезь с хорошей водой. При нашей усталости и истощении лошадей, мы едва достигли до этого колодезя. Здесь мы отдохнули с истинным удовольствием, дав волю и скоту насытиться кормом и водою. Вода нам показалась особенно вкусною и прекрасною, хотя на самом деле она, быть может, вовсе не была такою. При дальнейшем отсюда путешествии в воде мы не нуждались; но у нас истощались съестные припасы. Дорога стала твердая, жесткая, и мы ехали скорее. Через несколько

времени мы увидели калмыцкие аулы. Я послал вожака купить в этих аулах муки и крупы; сами же расположились на удобном месте отдыхать. Это был 14-й день нашего странствия. Солнце склонялось к западу; наступил и вечер, а вожак не возвращался. Я подумал, что одно из двух: или калмыки взяли его в плен, или же он изменил нам и решился предать нас в руки калмыков. Поэтому на ночь я приказал рабочим взять ружья и пистолеты и не спать. Около полуночи послышался топот лошадей и голос каких-то песен. То были калмыки, которые скоро прискакали к нашему табору. Я спросил по-киргизски: «Кто едет?» Один из них отвечал: «Калмык, толмач барма», то есть калмыки, есть ли переводчик? Я сказал, что нет, и просил их не подъезжать к нашему табору близко, так как в противном случае мы будем стрелять из ружей и пистолетов; если же что им нужно, то они могут переговорить с нами завтра днем, а не ночью, когда ездят одни разбойники. Моя ли угроза подействовала или что другое, только калмыки, поговорив о чем-то между собою, удалились, не причинив нам никакого вреда. Спустя немного времени возвратился вожак. Я ему рассказал о случившемся; он заметил, что, если бы мы пустили калмыков в табор, они непременно разграбили бы нас. В эту ночь спать мы не ложились. Вожатый уверял, что до Сентовской пристани осталось не боле 35 верст, что скоро калмыцкие аулы кончатся и начнутся кочевья трухменцев или волжских ногайцев. Это народ смирный и безопасный. Действительно, верст через 15 мы увидели ногайские аулы; они очень отличаются от киргизских. Почти при каждом из них стоят для перевозки небольших тяжестей арбы, или телеги на Двух колесах. Убранство в кибитках мне не понравилось. У молодых женщин и девушек в ноздрях повешены серьги. Оставив караван с рабочими и вожакom, сам я отправился вперед; доехал до реки Бузана. Отсюда оставалось до Астрахани 60 верст водяного пути. Плавание по реке Бузану и

Волге на лодке было непродолжительно, и я прибыл благополучно в Астрахань. Через два Дня пришли сюда с товаром и приказчики, которых я оставил в ногайских степях. Юфть я разменял на бухарские товары — бумажные и шелковые халаты и кумачи.

Из Астрахани я опять отправился в Уральск, но не степной дорогой, а Другой, гораздо лучшей и удобной. Отсюда поехал в Оренбург. Здесь, однако, не пришлось мне купить баранов по случаю дороговизны цен. Так как наступило время Макарьевской ярмарки, то я через Казань отправился в Нижний Новгород. Прожив три дня и оставив в лавке с пушным товаром приказчика, сам поехал домой.

Здесь я услышал от отца, что к нему в помощники по управлению слободой назначен помещиком дворовый человек Тархов. Это известие было для меня крайне неприятно, потому что Тархов, по какой-то злобе к отцу, а также в видах, может быть, занять его место бурмистра, старался всеми мерами навредить отцу и всему нашему семейству. В настоящее время он распустил слух, что на моем отце состоит большой начет по управлению вотчиною и что поэтому наш скот и все товары будут арестованы. Слух совершенно ложный; но он дошел до купцов, с которыми мы имели торговые дела, как правдоподобный. На Макарьевской ярмарке, куда я вскоре приехал из дому, купцы мне в долг не доверяли, во внимание именно к этому нелепому слуху. Мне стоило больших хлопот и усилий, чтобы поддержать наш кредит. Хотя мне и удалось этого достигнуть, но мы в 1828 год понесли убытку около 18 000 рублей асс.

В следующем году Тархов продолжал свои коварные происки против моего отца; некоторых из крестьян он подговаривал подавать управляющему Рагузину на отца разные жалобы. Был у нас родной племянник отца и его крестный сын Раев, которого отец очень любил, чуть

ли не больше меня. По наущению и подговорам Тархова этот Раев подал прошение Рагузину о том, будто бы мой отец не выдал ему всех денег, оставшихся после смерти его матери. Эта неприятность так подействовала на отца, что он сделался нездоров. — Торговля наша пошла плохо. Мы получили опять значительный убыток. Оброк с нас не умаляли. За право торговли платили по-прежнему 800 рублей асс. в год. Я видел, что если и впредь так пойдет дело, то мы совершенно разоримся. Надо было что-нибудь придумать к улучшению своего положения. Но что именно? Мы попробовали обратиться с просьбой к управляющему Рагузину, чтобы он исходатайствовал у помещика мне свободу за 50 000 рублей асс., с тем, что отец мой останется крепостным. (Моей мачехи в это время уже не было в живых.) Но управляющий наотрез отказался даже докладывать об этом господину. Тогда я задумал бежать из дому и более не возвращаться к отцу. Хотелось попытаться счастья на чужой стороне. Это было в конце 1830 года.

Не говоря ни отцу, ни жене о своем намерении, я собрался в дорогу. Взял с собою 13 000 рублей денег. Отцу сказал, что еду в Уральск купить сала и рыбы. Когда я расставался с отцом, сердце мое сильно тосковало; на глаза навертывались слезы, как я ни старался удержать их. Прощаясь, отец твердил мне: «Приезжай скорее». Жена проводила меня до Арзамаса. При прощании я взял у ней ее обручальное кольцо, а свое отдал ей. Мне было грустно. Я поехал в Уральск, а отсюда на Узень, чтобы устроить некоторое дело по торговле. 10 января 1831 года я прибыл в Самару. Здесь встретил одного из наших приказчиков, от которого узнал, что отец мой очень болен и его лечит доктор. Это известие меня поразило. Разные мысли кружились в моей голове. «Если я не приеду скоро домой, — думал я, — и обо мне не будет никакого слуху, отец непременно пошлет отыскивать меня в Уральск; здесь меня не найдут, отцу скажут, что я пропал без вести. Он — больной —

не перенесет такого удара и умрет; тогда я должен считаться его убийцей». При этой мысли сердце мое обливалось кровью. Жаль было моего доброго отца, не говоря об оставленной жене и шестилетней дочери. Выехал я из Самары с помянутым приказчиком. В дороге я долго боролся с своими мыслями и заливался горькими слезами. Я снова спрашивал приказчика: «В каком положении остался отец?» Он твердил одно и то же, что отец очень слаб. На третьей станции находился поворот дороги: одна была на Сызрань, а другая в Симбирск. Тут я приказал ямщику остановиться. Сердце мое сильно билось; во мне не было решимости: ехать ли направо, по дороге в дом родительский, или налево — почти неизвестно куда? — Наконец, я сказал самому себе: «Твори Господи волю свою! Я не оставлю отца в его тяжкой болезни. Бог даст, он выздоровеет, и тогда свершу задуманное мною дело». Я велел ямщику ехать направо по симбирской дороге.

Дома я застал отца лежащим в постели. У него была водянка. Он сердечно обрадовался моему приезду. В первые дни после этого болезнь стала легче; отец начал поправляться. Но тут неожиданно приехал к нам управляющий Рагузин, по поводу новых жалоб на отца, которые были поданы некоторыми крестьянами по наущению Тархова. Это сильно подействовало на отца: с ним приключилась горячка, а через 9 дней моего незабвенного родителя не стало.

Я не буду описывать горести, обуявшей мое сердце. У меня была одна только мысль, что более нет моего дорогого отца — руководителя и советника в моей жизни. Теперь живи, как знаешь; поступай, как умеешь. В то же время я предчувствовал, что враги покойного отца, во главе с Тарховым, не оставят меня в покое и будут вредить мне. Предчувствие не обмануло меня.

Отдавая последний долг покойному, я устроил пышные и богатые ПОХОРОНЫ: пригласил архимандрита арзамасского Спасского монастыря, настоятеля Высокогорской пустыни Антония^{*182} и 16 священников с принтами. Народу собралось множество. Во время литургии и панихиды пели певчие; священники говорили проповеди и надгробные речи. На обеде, после погребения, присутствовало более 100 человек родственников и друзей покойного. На могиле был поставлен гранитный памятник, под балдахин с крестом, вызолоченным червонным золотом. Некоторым бедным должникам я простил их долги; роздал нищим и убогим более 100 рублей; выкупил на волю двух бедных девушек. Потом я отправился к управляющему Рагузину и донес, что за покойным отцом не осталось никакого начета по управлению им вотчиной в должности бурмистра. Вскоре Тархов назначен был преемником моего отца.

Еще за несколько дней до смерти родителя я, в видах предосторожности, отдал арзамасскому купцу Подсосову 15 000 рублей под векселя, а движимое имущество, наиболее ценное, отправил в 14 сундуках к своим родственникам — дяде Феоктистову и Потехину. Теперь я рассудил не торговать более скотом и салом. Поэтому 13 котлов из своей салотопни я продал помянутому купцу Подсосову на завод и велел своему приказчику туда их перевезти. Это было 1 марта. В тот же день я приехал к Подсосову. Через несколько времени пришел ко мне приказчик и рассказал, что когда он с рабочими повез котлы, то на дороге несколько человек крестьян, по распоряжению Тархова, их остановили и возвратили ко мне в дом. Я немало этому подивился. Вслед за тем пришел сельский староста, приятель мне и кум, Павельев, с требованием, чтобы я сейчас же явился в контору к

---

¹⁸² Антоний (в миру Андрей Гаврилович Медведев; 1797—1877) — в 1831 г. был избран наместником Троице-Сергиевой лавры и возведен в сан архимандрита.

Тархову. Контора помещалась у меня в доме, занимая одну из угловых комнат. Я приехал домой, но в контору не пошел, хотя присылали за мной неоднократно.

К вечеру этого дня последовало такое распоряжение: приказчиков и рабочих согнали со двора моего вон; дверь у одного крыльца заперли замком, а к другому крыльцу приставили караул, так что я не мог выйти. На ночь около дома находились тоже караульщики. На другой день Тархов потребовал от меня паспорт; я отдал. Родственников и знакомых ко мне не допускали. Прошло недели две. О таком несправедливом заключении меня я писал помещику и управляющему Рагузину; но никакого ответа или распоряжения от них не последовало. Наступил 40-й день после смерти отца; я хотел помолиться на его могиле. Но мне не позволили исполнить и это. В грусти и унынии проходили для меня дни и ночи. Ровно через месяц, именно 29 марта, утром, я увидел в окно, что караула у моего дома нет. Это было для меня непонятно. Но скоро все объяснилось. В комнату вошел сельский староста Павельев, отдал мне паспорт и письмо от управляющего Рагузина на мое имя. Рагузин писал: «Слободское начальство заметило за вами какое-то сомнение, по которому сделали над вами арест. Я предписал Тархову снять оный и куда вам угодно отлучаться, распоряжайтесь своею торговлею, как и прежде». Я сейчас же пошел осмотреть двор, кладовые, амбары; везде замки были сбиты и много товару расхищено. Написал об этом объявление и послал его в земский суд, а сам отправился в Петербург для личных объяснений с Рагузиным и помещиком.

По приезде в Петербург я остановился в господском собственном доме; здесь жил и Рагузин. Он принял меня ласково; сожалел о моем отце и о случившемся со мною происшествии; обещался взыскать с виновных причиненные мне убытки и восстановить мой кредит. Я плохо верил в

обещания Рагузина; но приходилось ждать и надеяться. Притом же еще раз я решился попробовать откупиться у помещика на волю. Как-то за чаем я начал говорить об этом Рагузину, указывая на то, что если теперь господин не сделает меня свободным, то жить в Выездной мне будет невозможно. За свое освобождение я предложил 25 000 рублей асс. Рагузин с недовольным видом сказал мне, что надобно повременить докладывать об этом помещику; потом прибавил, что я по-прежнему прекрасно могу жить в нашей слободе и, может быть, буду на отцовском месте бурмистром. Я решительно возразил Рагузину, что от должности бурмистра навсегда отказываюсь: чрез то и отец мой умер, не получив от господина за свою службу никакой милости. Тем разговор наш и кончился. Идти к помещику для личного объяснения по моему делу я не посмел, так как это было совершенно против желаний Рагузина. В Петербурге я пробыл дней пять. Ходил в Казанский собор, Александро-Невской монастырь и в Петропавловский собор, где поклонился всем в Бозе почившим императорам и императрицам. Я уже собирался ехать обратно на родину, как прошел слух, что 15 мая должен быть на Царицыном лугу смотр войск, на котором будут присутствовать Государь Император, Наследник¹⁸³ и только что приехавший из Тифлиса граф Паскевич-Эриванский¹⁸⁴. Я дождался 15 мая и утром отправился к павловским казармам. Войска на плацу было множество, а народу смотреть собралось еще больше. Около полудня приехал Государь с Паскевичем верхами и начался смотр. Наследник в парадной гусарской форме командовал взводом. По окончании смотра народ побежал на плац, где находился Государь с Наследником и Паскевичем. Мне удалось попасть

---

¹⁸³ Имеется в виду Александр Николаевич, будущий император Александр II.

¹⁸⁴ Паскевич Иван Федорович (1782—1856), князь Варшавский, граф Эриванский — генерал-фельдмаршал, прославившийся в Персидской кампании 1826—1827 гг., в Турецкой кампании 1828—1829 гг., Польской кампании 1831 г.

вперед толпы и довольно насмотреться как на Государя с Паскевичем, так и на Наследника. У Государя взор был строгий, повелительный. Мне показалось, что видевший раз эти взоры не мог забыть их во всю свою жизнь. На Наследника я долго и пристально смотрел и не мог вдоволь насмотреться. Как сейчас вижу: премилый — беленький, круглолицый, румяный, как наливное красное яблочко; улыбка добрая и невыразимо приятная, на лице выражалось что-то важное, царственное. Предчувствие у меня тогда было, что этот царь будет великий и покровитель всем угнетенным. — На другой день я отправился домой.

В это время мои торговые дела шли плохо; но прекратить торговлю мне было нельзя. Поэтому, приехав из Петербурга домой, я отправил оставшийся у меня пушной товар на Коренную ярмарку (Курской губ.)¹⁸⁵ с приказчиком. Потом, чрез несколько дней и сам уехал туда же, как будто для продажи этого товара. На самом же деле цель моего отъезда была та, чтобы разыскать шурина моего Степана Ланина. Этот Ланин лет пять тому назад бежал из дому в Бессарабию; потом находился в Валахии, состоял во время похода русской армии маркитантом¹⁸⁶. Шурина мне надо было отыскать потому, что он своими указаниями и содействием мог помочь мне в осуществлении моего намерения — скрыться из дому, так как это дело ему было хорошо известно по опыту. Где находился мой шурин, я не знал; но мне был известен адрес одного купца в Одессе, через которого Ланин получал письма от родных и знакомых. Так как, по случаю холеры, торговля на Коренной ярмарке была очень плохая, то я с товаром и приказчиком поехал на Ильинскую ярмарку в Ромны (Полтавской губ.). Здесь продал

---

¹⁸⁵ В Коренной Рождественской пустыни недалеко от Курска, рядом с монастырем, проходила ежегодная (сентябрьская) ярмарка, оборот которой в описываемые времена достигал 7 миллионов рублей.

¹⁸⁶ Маркитант — мелочной торговец, сопровождающий войска.

товару тысяч на 8; оставшийся товар препроводил с приказчиком в Харьков на Успенскую ярмарку. Сам я отправился в Одессу, где чрез известного купца скоро отыскал моего шурина Ланина: он недавно прибыл сюда с вином из Константинополя и торговал в погребе на Рыбном базаре. Я объяснил шурина свои обстоятельства и просил его помочь мне бежать из дому. Он согласился с радостью. Тогда я дал ему 2000 рублей асс. на расходы; он обещался приписать меня с женою в Кишинев или где окажется более удобным, и паспорта лично мне доставить в Харьков на Крещенскую ярмарку следующего 1832 года. Разумеется, все это должно было оставаться в секрете.

Из Одессы я поехал в Харьков, а отсюда домой, куда и прибыл в первых числах сентября месяца. Свое продолжительное отсутствие я объяснял родным и знакомым тем, что по дороге из Ромен, в Полтаве, заболел холерою и долго лечился. — На другой день после моего приезда ко мне пришли за оброком на последнюю треть года и требовали 1150 рублей асс. Тогда я послал к управляющему Рагузину слезное письмо, в коем просил его сбавить с меня хотя сколько-нибудь оброка, по той именно причине, что в настоящий год я понес большие убытки и разорение. На это письмо мною получен был от Рагузина ответ, чтобы требуемый оброк я заплатил беспрекословно; а когда он сам приедет в слободу, то дело разберет и оброк сбавит. Нечего делать, отдал оброк. После этого, чего я мог ожидать от Рагузина по тем обещаниям, которые он дал мне в Петербурге относительно взыскания убытков с виновников моего ареста и разорения и относительно восстановления моего кредита? Разумеется, ничего. Мало того. Стороною до меня начали доходить слухи, будто бы все мое имение скоро будет арестовано, а меня самого если не отдадут в солдаты, то, наверное, сошлют в дальнюю вотчину. Быть может, эти слухи были

преувеличены, не верны. Но ведь кто знает? Все может случиться с крепостным рабом. Так мне в то время думалось.

В декабре месяце я начал готовиться к побегу и сделал последние распоряжения. Решено было ехать мне с женой; семилетнюю же дочь нашу оставить до поры до времени на попечении ее бабушки Ланиной. Наступил новый, 1832 год. Не радостно привелось мне встретить его...

---

* Ныне наместник Московской Сергиевой Лавры

1832-1835

1 января, ночью, выехал я с женою на почтовых в Харьков. Здесь встретился с шурином моим Ланиным, который привез мне и жене годовые паспорта под именем кишиневских жителей Григорья и Елизаветы Кисловых. Отсюда втроем отправились в Могилев, что на Днестре¹⁸⁷. Тут с шурином мы условились, что он немедленно поедет в Кишинев, выхлопочет там мне с женой заграничные паспорта и отправит их в местечко Бричани Бессарабской области, где мы должны уже быть и дожидаться. Сказано — сделано. Шурин уехал. На другой день я подрядил одного жида везти нас до местечка Бричани. Санная дорога уже рушилась, а на колесах ехать было еще нельзя; словом, стояла распутица — так что мы с трудом добрались до Бричани. В этом местечке не оказалось ни одного русского, все евреи. Нечего делать: наняли квартиру у еврея. Комната оказалась весьма неприглядною, с каким-то особенным тяжелым запахом. Жена моя не видала таких скверных покоев; ей и было противно. Прожили мы тут более

---

¹⁸⁷ Современное название города — Могилев-Подольский.

недели. Скука была непереносная. Наступила Масленица. Жена каким-то манером ухитрялась печь блины — и это составляло для нас большое удовольствие. В субботу на Масленице получен был от шурина заграничный паспорт, и на другой день мы отправились на молдавскую границу. По переезде границы, ночевали у одного молдавана. Потом наняли у него две повозки, уложили на них свое имущество и двинулись в путь по неведомой для нас стране в главный город ее — Яссы. Ехали то горами, то долинами, останавливаясь в корчмах, где ничего нельзя было найти, кроме вина и водки. Молдаванского языка я не знал, да и в деньгах не понимал счету; денег тогда находилось при мне около 14 000 рублей. Впрочем, кое-как я изворачивался и понемногу привыкал. Наконец мы прибыли в первый молдавский город — Баташаны¹⁸⁸; остановились на постоялом дворе в жидовской корчме. Из повозок мы перенесли свое имущество в большую комнату и сложили в углу. В этой комнате находилось множество жидов и молдаван полупьяных; тут же продавали водку и вино. Я оставил жену при имени, а сам пошел на базар. В некоторых лавках торговли чисто русские мужички, с бородами. Я обрадовался; вступил с ними в разговоры. Оказалось, что они закоренелые старообрядцы, давнишние молдавские подданные: отцы и деды их пришли сюда из России еще во времена Петра I¹⁸⁹. По их словам, в Молдавии много русских; живут своими селениями, занимаются хлебопашеством и садоводством, особенно же торговлею. Жить им очень привольно, податей платят мало; в рекруты их не берут. Старообрядцы, в свою очередь, расспрашивали меня про Россию. Я им рассказывал, что для свободных у нас житье хорошее; но господским

---

¹⁸⁸ Баташаны — ныне г. Ботошаны на северо-востоке Румынии.

¹⁸⁹ На этой территории общины старообрядцев появились в 1720-х гг.

крестьянам жить очень худо: бедность, барщина да оброки совсем их измучили. Старообрядцы об этом не мало жалели.

В Баташанах мы пробыли менее суток. Отсюда я нанял большой фургон на четверке лошадей до Ясс, куда приехали 1 марта. Остановились на постоялом дворе, в отдельной от других комнате. Наш хозяин умел говорить несколько по-русски. Это мне пригодилось. Я послал о своем местопребывании письма в Москву, Кишинев — к шурина и в Арзамас к родственникам. Потом объявил свой паспорт русскому консулу.

Яссы — город обширный и многолюдный, улицы кривые, узкие и грязные. Окружен фруктовыми и виноградными садами. В городе много церквей; есть митрополия, в которой живет митрополит. В церкви Иоанна Предтечи почивают мощи св. Парасковии. Старообрядцев, вышедших из России, здесь было довольно. Жили и скопцы. Молдаване употребляли больше хлеб, под названием мамалыга*. Чай, сахар, хлеб, особенно фрукты и вино были дешевы. Например, фунт обыкновенного чаю стоил 50 копеек, а цветочный — рубль серебром. Достоинством этот чай хуже кяхтинского; жида в большом количестве тайно провозили его в Россию.

Перед Пасхою я получил от одного арзамасского родственника письмо с известием, что гонитель мой — бурмистр Тархов — наконец понял, что я бежал, о чем и подано объявление; мой дом со всем находящимся в нем описали. Моему тестю и теще начали делать относительно меня строгие допросы, с разными угрозами, и при доме их поставили караул, чтобы я не увез как-нибудь своей дочери. Это известие сердечно нас опечалило. Наступила Пасха. В Светлое Воскресенье ходили к заутрене в русскую церковь, а к обедне — в митрополию, где Евангелие читали на 12 языках. Скучно и грустно проводили мы этот великий праздник. Молдаване находились более в корчмах, пили вино, плясали, а

цыгане играли на каких-то инструментах: музыка выходила странная. При корчмах были качели, где жида продавали разные фрукты. Но все это не веселило нас. К довершению горя, я получил из Арзамаса известие, что слободское начальство послало троих крестьян нас разыскивать. Тогда мы отправились в город Галац, стоящий на берегу реки Дуная, где находится пристань морских судов, приходящих из Греции и Турции. Здесь мы встретились с шурином Ланиным, который задумал ехать в Константинополь для покупки товаров. Я хотел последовать его примеру, но моя жена боялась морского плавания, а оставить ее было не с кем. Поэтому мне не пришлось ехать. Тогда мы условились с шурином таким образом: я дал ему собственных денег 6000 рублей, под расписку (которую не нашли нужным засвидетельствовать у русского консула), и он купленный в Константинополе товар пришлет в Одессу; а я отправлюсь в Ромны на ярмарку, чтобы получить, по доверенности от шурина, с некоторых купцов деньги около 4000 рублей. При этом я надеялся разведать: действительно ли посланы из Выездной слободы за мной сыщики, и буде посланы, то кто именно? После этого мы возвратились с женой в Яссы. Здесь я оставил жену у одного знакомого скопца — Дубровина; купил 6 фунтов розового масла, по 100 рублей за фунт, надеясь выгодно продать его в России, и отправился через австрийскую границу в город Черновиц¹⁹⁰. Я думал провезти масло тайно, не платя никаких пошлин; но это мне не удалось, масло мое таможенные чиновники открыли, арестовали и вместе со мною препроводили в Черновиц. Я смекнул, что дело может быть худо, и потому, через переводчика Ламиковского, показал комиссару всю правду. Масло свесили, выдали мне в принятии его расписку и отпустили меня с миром.

---

¹⁹⁰ Черновиц, (ныне Черновцы) на реке Прут, главный город Буковины. В описываемые времена входил в состав Австро-Венгрии.

Так как Ламиковский уверил меня, что масло будет мне возвращено, только не скоро, то я выдал ему доверенность хлопотать по этому делу, а сам поехал через Каменец-Подольск в Ромны. Здесь денег, по доверенности шурина, получить мне не пришлось; но я узнал достоверно, что меня разыскивают. За поимку меня Тархов обещал 1000 рублей. Я стал осторожен; переменял свой костюм, бороду сбрил, волосы остриг по-немецки, выходил только по вечерам. Но все-таки долго оставаться здесь мне не безопасно; поэтому, сделав кое-какие распоряжения, я поспешил в Яссы.

Через несколько времени я получил из Константинополя от шурина письмо, в котором извещал, что он купил бакалейного товара на 7000 рублей и отправил его в Одессу на имя одного тамошнего купца. Почти в то же время дошло до меня известие от арзамасского родственника Потехина, что на остававшиеся у него мои деньги, около 5000 рублей, он купил 100 пудов юфти и препроводил ее в Одессу к известному мне купцу. Кроме того, Потехин уведомлял меня, что Тархов послал крестьянина нашей слободы Павельева меня разыскивать, уполномочив его особой доверенностью, в которой было сказано, что я ушел с большим имуществом и деньгами; но чьи эти деньги и имущество — помещичьи или мои собственные, — того в доверенности не значилось. Получивши такие известия, я начал думать о моей поездке в Одессу, так как присутствие мое там было необходимо. Однако эту поездку пришлось мне на время отложить. — Был у меня знакомый, прежде меня бежавший из нашей слободы, крестьянин Кожевников; он также скрывался, как и я. Время от времени мы с ним виделись, вели между собою секретную переписку по моим делам; за услуги и хлопоты я платил Кожевникову хорошо. В то время он находился в Одессе. Вот от этого-то Кожевникова я и получил письмо, в котором он

извещал, что крестьянин Павельев приехал в Одессу с целью непременно разыскать меня или его самого. Я немедленно известил Кожевникова, чтобы он приехал в заграничное местечко Скуляны для личного со мною объяснения. Тут мы условились, что Кожевников будет, в свою очередь, следить за Павельевым; потом наблюдать за моим товаром, присланным из Арзамаса, а также и относительно дел моего шурина, — и обо всем уведомлять меня без замедления. Я дал Кожевникову 25 червонцев, и он уехал в Одессу.

Скоро я начал получать от Кожевникова известия, одно за другим, но не радостные, а грустные и печальные. Так, я узнал, что приказчик, с которым прислана была моя юфть из Арзамаса, тайно продал ее и с деньгами скрылся неизвестно куда. — В одесском городском правлении было получено из русского консульства в Константинополе сведение, что шурин мой Ланин помер от свирепствовавшей там чумы; а так как в бумагах покойного не найдено никакого распоряжения об оставшемся после него имуществе, то положено его продать и деньги отдать в Приказ общественного призрения¹⁹¹. Это известие меня очень опечалило, потому что главная моя надежда была на шурина. Я не знал, что делать. Думал немедленно отправиться в Константинополь сам; но многие причины тому воспрепятствовали: и дальность пути, и дороговизна, и тамошняя чума. К тому же жена моя ходила последнее время беременности. Словом, ехать в Царьград мне оказалось невозможно. Наскоро выхлопотал я на имя известного мне одесского купца доверенность, послал ее, вместе с распискою покойного шурина на 6000 рублей, в Одессу к этому купцу и

---

¹⁹¹ Приказ общественного призрения — учреждение, образованное в 1772 г. Екатериной II для заведования народными школами, сиротскими домами, богадельнями, работными и смирительными домами.

просил его хлопотать о получении денег. Затем все дело это предоставил воле Божией.

Тяжело у меня было на душе... 19 января 1833 года у меня родился сын, которого назвали Николаем. Этому я очень обрадовался, но радость моя омрачилась печальными думами. Незадолго перед этим мой арзамасский родственник прислал мне письмо, в котором извещал, что по приказанию слободского начальства нашу дочь взяли от ее бабушки и отправили в ту вотчину, где проживал управляющий Рагузин. Какая цель имелась в виду при таком распоряжении — мне было неизвестно; но я живо представлял невеселую жизнь дочери и ничего не мог сделать к облегчению ее участи. И новорожденного сына моего что ожидало в будущем? Правда, я надеялся устроить как-нибудь жизнь свою к лучшему; не век же я буду находиться в гонении и преследовании от моих недругов. Но когда настанет это дорогое времечко?..

На Масленице я получил из Одессы от Кожевникова известие, что сыщика моего Павельева там нет и, вероятно, он отправился в Кишинев. Полагая, как бы не пожаловал этот неприятный гость ко мне в Яссы, я переговорил об этом с своим хозяином Дубровиным, дал ему 2000 рублей денег и просил его, буде окажется нужным, оградить меня от поисков Павельева. Тот согласился. Прошло несколько дней. Однажды Дубровин прибежал ко мне в комнату встревоженный и сказал, что он видел Павельева с каким-то неизвестным ему мужчиною и консульским служителем; они идут, вероятно, сюда. Надо было куда-нибудь скрыться. Тотчас же снарядили жену с ребенком, посадили ее на дрожки и приказали ехать к одному нашему знакомому скопцу. Затем мы условились с Дубровиным, чтобы он говорил Павельеву, что я уехал в Константинополь, а имущество заложил у него за 4000 рублей. Я запер комнату, отдал ключ Дубровину, а

сам спрятался в сарай на сено. Спустя немного пришел на двор Павельев с несколькими лицами. Дубровин к ним вышел навстречу. (Я наблюдал чрез небольшое отверстие в стене сарая.)

- Где Кислов* и его квартира? — спросил Павельев Дубровина.

- Он уехал в Царьград, — отвечал Дубровин, — а квартира его здесь. Ключ от комнаты у меня. Имущество свое он оставил у меня в залог за 4000 рублей.

- Я сегодня сам видел Кислова, — говорил Павельев, — он должен быть здесь.

- Если ты видел его, — сказал Дубровин, — то почему же не взял его и не представил в консульство?

- А где жена Кислова?

- Я почем знаю. Спроси у мужа.

Тут кто-то сказал Павельеву, что жену мою отвезли к одному скопцу. Пошли искать жену, но ее, разумеется, не нашли. — Когда Павельев ушел, я вылез из сарая и на своей квартире не остался, а отправился к знакомому скопцу Александровскому. — Скоро многие из скопцов узнали об этой нашей истории, приняли в нас участие и всячески старались скрыть меня и жену с ребенком от Павельева. Так, у скопцов, у того или другого, мы и скрывались несколько времени. Но потом это оказалось неудобным по той причине, что у скопцов в домах детей нет; а у нас был ребенок. Тогда мы решились оставить Яссы. При помощи и содействии знакомых скопцов мы скоро собрались в дорогу: они выхлопотали у прусского консула паспорт на имя прусского подданного Петра Иогана с женою Александрою и сыном Николаем, т.е. теперь я стал уже прусским подданным; купил для нас фургон и пару лошадей; снабдили провизией и дали рекомендательное письмо к игумену Пунгарацкого монастыря Константину; в провожатые

нанят был молдаван, верхом. 2 марта мы распростились с гостеприимными скопцами и отправились в путь.

Ехали мы на город Тыргофармос¹⁹²; отсюда отъехали еще верст 50 и ночевали в молдаванской деревушке. Утром мы увидели Карпатские горы, вершины которых покрыты снегом, а ниже клубились облака. Вид был величественный и прекрасный; мы любовались довольно. Потом проехали через город Кятр, и за него верст 20; дорога пошла в гору; мы подвигались вперед медленно. Наконец увидели церковь и вокруг ее разбросанные молдаванские небольшие домики. Это — монастырь Пунгарацы.

Игумен монастыря, о. Константин, принял меня ласково. Я ему помолдавански объяснил, что со мною жена и малое дитя, что мы приехали сюда говеть и что поэтому нам нужно где-нибудь поместиться. О. Константин приказал приготовить для нас особую келью, или комнату, и мы стали жить. — Через неделю я с женою начал говеть; исповедались и приобщились св. Тайн. Странно: просфоры были из черной муки, должно быть потому, что белой муки здесь вовсе нет или трудно ее достать. Наступила Пасха. В первый день после обедни в 10 часов утра о. Константин прислал к нам монаха просить нас на обед. Мы пошли. Обед был скоромный, с мясом; приготовлен хорошо и со вкусом. В Молдавии не так, как у нас: монахи едят скоромное и мясо, разумеется, кроме постов. Праздник проводили довольно скучно. Впрочем, скуку разгоняли тем, что выходили из монастыря на прогулки по окрестностям. Тогда была там уже настоящая весна, с ясным солнышком, теплым, приятным воздухом; цветы расцвели, деревья покрылись зеленью. Вид окрестностей монастыря был прелестный; особенно мы любовались Карпатскими горами, которые на

---

¹⁹² Ныне г. Тырговиште в центре Румынии.

необъятных пространствах высились к небесам. В этих горах находится много камней, употребляемых на мельницах. Иногда прогуливались и вместе с о. Константином; он любил ходить на реку Быстрицу, которая протекает в трех верстах от монастыря; она впадает в Дунай. Вода в этой речке так быстра, что вполне оправдывает данное ей название. На берегу реки живет постоянно рыболов, который собственно для монастыря и ловит рыбу, называемую здесь ласташ. Эта рыба видом похожа на нашу лососину; но вкус имеет другой, особенный. Если ласташ попадался крупный, например, более аршина, то о. Константин посылал его в Яссы митрополиту.

На Фоминой неделе¹⁹³ встретила надобность о. Константину съездить в Яссы. Я воспользовался этим случаем и известил скопца Дубровина с товарищами, чтобы сообщили мне о Павельеве и выхлопотали другой паспорт для проезда в Россию через австрийские владения. Спустя несколько дней, Константин возвратился из Ясс; привез мне денег 330 червонцев (с небольшим 4000 рублей) и письма с паспортом на проезд Николаю Николаеву через австрийскую границу в пределы России. Деньги 4000 рублей были присланы на имя Дубровина одним моим приятелем из Москвы, для передачи мне; они получены от купца Подсосова, у которого я оставил перед бегством из дому 15 000 рублей. Дубровин писал, что Павельева в Яссах нет; ему кто-то сказал, будто я нахожусь в Бухаресте, и он уехал туда. Это известие для меня было как нельзя более кстати. Немедленно мы собрались в путь; 1 мая распростились с монастырем Пунгарацы и с его добрым игуменом о. Константином.

---

¹⁹³ Фомина неделя — вторая неделя после Пасхи.

Переехав благополучно австрийскую границу, мы остановились в городе Сычаве¹⁹⁴ и прожили здесь около месяца. Город небольшой, но красивый и приятный. В одной молдаванской церкви покоятся нетленные мощи Иоанна Сычавского. Недалеко от этого города находится известное у наших раскольников селение Белая Криница (по-молдавански Фонтын-альба); тут живет старообрядческий митрополит, с разрешения австрийского правительства. Житье здесь раскольникам было привольное, льготное. — Из Сычавы мы поехали через город Серет в Черновиц. Этот последний город мне был известен по случаю моего пребывания в нем в прошлом году. Здесь я узнал от переводчика Ламиковского, что дело о моем арестованном розовом масле будто бы поступило в высшую инстанцию и скоро решится в мою пользу. Я был рад и этому.

Из Черновиц мы поехали Бессарабию в Могилев-на-Днестре и через Балту в Одессу. Здесь я узнал, что оставшийся после шурина моего Ланина товар продан; деньги 7100 рублей асс. положены в Приказ, и получить их можно только по истечении годовичного срока публикации о вызове кредиторов и наследников. Денег у меня оставалось мало, а получение их в скором времени не предвиделось. Тут я вспомнил, что бежавший из нашей Выездной слободы лет 30 тому назад крестьянин, дедушка жены моей, Марков, живет ныне в Симферополе. Недолго думая, мы отправились туда. Ехали через Николаев в Херсон. Этот последний город, по своему красивому виду и местоположению, мне очень понравился; впоследствии, много лет спустя, он сделался как бы второю моею родиной. Из Херсона отправились в Бреславль¹⁹⁵, а отсюда в Перекоп и Симферополь, Здесь я скоро разыскал дедушку Маркова. Он был очень рад нашему приезду.

---

¹⁹⁴ Ныне г. Сучава на северо-востоке Румынии, древняя столица Молдовы.

¹⁹⁵ Имеется в виду г. Бреславль Ковенской губернии.

Оказалось, что он знал историю моего бегства из дому: трое крестьян из нашей слободы разыскивали меня в Симферополе и расспрашивали обо мне самого дедушку; разумеется, он не мог сообщить относительно меня никаких сведений. Я занял у дедушки 500 рублей асс. и выдал ему открытое письмо — получить эти деньги от моего московского приятеля. В Симферополе мы прожили недели две и поехали опять в Херсон. Здесь мы расположились перезимовать, ввиду того что этот город стоит как будто в стороне и Павельев, мой неутомимый преследователь, мог сюда не заглянуть; притом же я ожидал денег от московского приятеля и известий из Ясс от Дубровина. Наконец из Херсона мне удобно было следить за делом моего шурина, производящимся в Одессе. В Херсоне мы прожили спокойно и благополучно до весны следующего, 1834 года. Потом мы поехали в Бессарабию, к австрийской границе; но это путешествие оказалось совершенно бесполезным; только в одном селении мы чуть было не встретились с Павельевым, который проезжал из Черновца через Кишинев в Одессу. Из Бессарабии мы отправились в Дубны (Полтавской губернии) на ярмарку. Тут я решил ехать на Кавказ. Накупил некоторых товаров, особенно кожевенного, и препроводил это с приказчиком, при обозе донских казаков, в город Новочеркасск. Здесь купил я 1000 бутылок черкасского вина и со всем товаром отправились на волах далее, до Ставрополя. Ехали степями; дорога была трудная; подвигались по ней медленно. В Ставрополе я выправил у губернатора паспорт для проживания на Кавказе. Затем мы отправились через Георгиевск в Пятигорск, где я намеревался пожить подольше, заняться торговлею или вообще чем придется. Еще далеко не доезжая до Георгиевска, мы увидели гору

Биштау¹⁹⁶, а за нею — хребет Кавказских гор наподобие облаков. Гора Биштау была видна нам на расстоянии с лишком 170 верст. Название ее — татарское и означает пять гор, т.е. 1) собственно Биштау, 2) Верблюд, 3) Лысая, 4) Змиева и 4) Машук, из которой вытекают минеральные горячие воды. В конце октября месяца мы прибыли в Пятигорск. Я явился с паспортом к коменданту и полицеймейстеру, которые приняли меня вежливо и обласкали. Потом я нанял на базаре лавку с квартирою, сроком на год. Перебрались мы в это помещение и, с разрешения коменданта, начали помаленьку торговать.

---

* Это хлеб, приготовляемый из кукурузы, на вкус довольно неприятный.

* В то время я жил под фамилией Кислов

1835-1836

Прошел год. Во все это время ни слободское начальство, ни преследователь мой Павельев меня не тревожили, и я спокойно занимался торговлею: ездил в Моздок и Кизляр для покупки местного вина, под именем чихиря, и так называемой кизлярской водки*, а также свежей рыбы шаман, которую солил и коптил по способу, употребляемому армянами; приготовлял «шашлык»*; прочий же товар для лавки выписывал большею частью из Москвы. Торговля моя шла довольно успешно, так что я заявил уже желание приписаться в пятигорские купцы и представил соответствующий капитал; но дело это почему-то затянулось в Ставрополе, в областном управлении.

---

¹⁹⁶ Современное название горы — Бештау.

Благодаря моей торговле я познакомился со многими лицами и в том числе с сотником донского полка Васильем Сухоруковым. Это был человек умный, ловкий, предприимчивый и пользовался большим уважением. Он снимал на Кавказе почтовые станции, брал казенные подряды и вообще пускался в разные коммерческие предприятия. Вот этот-то Сухоруков предложил мне быть у него как бы комиссионером с жалованьем по 1000 рублей асс. в год и, кроме того, 2000 рублей для торговли по моей лавке. Это предложение было как нельзя более мне по сердцу, и я согласился. — В это время объявлены были торги на казенные нефтяные колодцы, находящиеся в горах близ крепости Грозной. Сухоруков пожелал снять эти колодцы и поручил мне сначала съездить на торги в Ставрополь, а потом на самые колодцы и заняться нефтяным делом. Это было в начале 1836 года. Для своей лавки я нанял приказчика и его, вместе с моею женою, оставил торговать, а сам отправился исполнять приказания Сухорукова.

На торгах нефтяные колодцы остались за Сухоруковым, и я поехал в Грозную крепость; здесь принял от полковника колодцы, распорядился с рабочими по переливке нефти из колодцев в бочки и приказал отправить ее в склад на станцию Наур, куда чрез несколько времени прибыл и я, для следования с нефтью на ярмарки — в Моздок, Екатериноград и Егорьевск. На этих трех ярмарках мною продано было нефти довольно много и выгодно. После того я возвратился в Пятигорск с отчетом Сухорукову, который остался мною доволен и просил меня найти мастера для выгонки из черной нефти белой. Мастер скоро отыскался, и он принялся за дело при нефтяном складе в станице Наур.

Спустя немного времени, именно в мае месяце, Сухоруков послал меня в разные южные города России и на австрийскую границу для узнания цен на белую нефть и для запродажи как ее, так и черной нефти. Ехал я на

почтовых через знакомые мне города — Ставрополь, Ростов-на-Дону, Таганрог, Херсон и Одессу; отсюда — на Скуляны и Каменец-Подольск, а потом через Староконстантинов и Дубно в Радзивилов¹⁹⁷.

Здесь я нашел одного еврея-фактора¹⁹⁸ и послал его с пробной нефтью за австрийскую границу, в местечко Броды, разведать не требуется ли там нефть? Между тем я узнал, что верст за 30 отсюда находится Почаевский монастырь, с явленною иконою Божией Матери, известной под именем Почаевской¹⁹⁹. Недолго думая, поехал я в Почаев. Монастырь стоит на горе, окружен большим лесом. Явленная икона Божией Матери поставлена в алтаре, за престолом; посреди храма находится камень, на котором, по преданию, Пресвятая Богородица стояла своими св. стопами. Из камня вытекает каплями вода, которую собирают в особый большой сосуд; при молебнах с водосвятием вливают несколько капель этой воды и раздают богомольцам, чего удостоился и я.

Из монастыря я возвратился в Радзивилов и от еврея-фактора узнал, что в Бродах нефть никому не требуется. Тогда я отправился через Кременчуг в Киев, а отсюда на Роменскую ярмарку и в Харьков; здесь продал нефти достаточное количество и прибыл в Ставрополь, где находился в это время Сухоруков. Я отдал ему отчет о моей поездке, после чего он отправил меня покупать житную муку по пятигорскому округу, для взятого им казенного подряда. Скоро я прибыл в Пятигорск и через три дня собрался ехать в Кисловодск. В это время пришел ко мне один из хороших моих знакомых, бывший полицейский письмоводитель в Пятигорске,

---

¹⁹⁷ Радзивилов — местечко в Волынской губернии на австрийской границе.

¹⁹⁸ Фактор — комиссионер, исполнитель частных поручений, посредник.

¹⁹⁹ Почаевская чудотворная икона Богородицы находилась в Почаевской Успенной лавре, в восьми верстах от австрийской границы. Почаевский монастырь, первоначально находившийся в составе униатской церкви, был в 1831 г. передан Русской православной церкви.

Кастыченко. Узнав от него, что он едет в Кисловодск, я попросил его купить там ржаной муки, четвертей 200, так как самому мне для такой малости ехать туда не хотелось: я рассчитывал купить муку в Егорьевске и в селениях по реке Куме. Кастыченко согласился. Я дал ему 200 рублей на задаток и свою верховую лошадь черноморской породы. После этого мы расстались, и я отправился на Куму. Купив значительное количество муки в селениях, я прибыл в Егорьевск, где услышал, что несколько дней тому назад (дело было в половине октября месяца) на Кисловодск напали ночью черкесы, казаков на посту порубили, Разграбили и сожгли станицу; несколько человек взяли в плен. Этот слух сильно поразил меня и встревожил: что случилось с Кастыченком? Ведь так возможно было мне самому быть на его месте! — Я немедленно поехал в Пятигорск, а отсюда в Кисловодск; здесь узнал, что слух о побеге сюда черкесов был справедлив, Кастыченку с моею лошадью черкесы увели в плен. И то сказать: набеги разных горских хищников на мирных жителей в тех местах и в те годы случались нередко.

В это время Сухоруков получил из Тифлиса, от почт-инспектора Клемента, письмо с известием — не желает ли он принять участия в торгах на снятие почтовых станций во всей Грузии. Сухоруков призвал меня и сказал, чтобы я ехал в Тифлис на торги, но не для того, чтобы действительно снять станции, а с тою целию: не удастся ли мне взять с почт-содержателей сколько-нибудь денег в его пользу? Эта задача была для меня трудная, да и дорога предстояла неизвестная для меня, а главное — опасная. Однако раздумывать мне было некогда: Сухоруков торопил меня отъездом. Я взял денег у Сухорукова, простился с женою и сыном и 17 октября отправился в

путь по эстафету. На закате солнца я приехал в Екатериноград²⁰⁰. Так как у меня было рекомендательное письмо от Сухорукова к тамошнему почтмейстеру, то он немедленно дал для меня верховую лошадь и вытребовал в провожатые мне десять казаков с урядником и столько же солдат с унтер-офицером, — это для безопасности от нападения ночных хищников. С таким конвоем я отправился. Переехали реку Малку через мост. Ночь была лунная, ясная; звезды сверкали, как бриллианты; тут и там возвышались серебристые исполинские горы, между которыми резко выделялись Казбек и величественный Эльбрус. В левой стороне шумел бурливый Терек. Мы ехали тихо, молча, прислушиваясь к каждому шороху или малейшему звуку. Я невольно предался своим думам, думам грустным. Что делается на моей дорогой родине, там, где протекает Волга многоводная, где раскинулись уральские степи привольные? И где я теперь влачу жизнь мою? В Кавказских горах, в опасности от хищников, ежеминутно ожидая смерти... О, свобода, свобода! Где те люди счастливые, под какую планету родились, которые не видели и не видят никакого гонения, никакого стеснения? Живут они по своей вольной волюшке и ничего не боятся. А я?.. Мне постоянно, во сне и наяву, представляется, что меня преследуют — в темницу сажают, деньги мои отбирают, жену с сыном и дочерью со мною разлучают, в доме моем повелевают и все по-своему распоряжают; из отчизны милой в изгнание посылают и на прах родителей пролить слезы не допускают... Незабвенный родитель! Встань и посмотри на сына своего, тобою столь много любимого. Что с ним?.. Вот-вот набег хищников — и разрубят меня горцы своими острыми шашками; тогда окровавленный труп мой не будет лежать возле твоего милого праха и никто

---

²⁰⁰ Имеется в виду станица Екатериноградская (ныне на территории Кабардино-Балкарии).

не придет оросить родными слезами мою одинокую дальнюю могилу. Разве только какой-нибудь проезжий путник, подобно мне, увидит мой бугорок могилки и скажет: «Вот здесь лежит, верно, какой-нибудь несчастный, убитый хищниками». — Тяжело и грустно мне было; слезы невольно катились из глаз... Тут унтер-офицер прервал мои размышления, начав рассказывать, что дня четыре назад на этом самом месте, хищники убили одного ротного писаря и ямщика, ехавших из Ардона в Екатериноград. Я сказал унтер-офицеру:

- Может быть, и нам будет такая же участь?

- Да, — отвечал он, — если набежит на нас большая шайка горцев.

Я струсил не на шутку. Однако чрез несколько времени мы прибыли благополучно в укрепление Ардон. Здесь мне тоже дали конвой из 12 казаков, и я поехал далее. На рассвете прибыли в укрепление Манарет. Тут я немного отдохнул, подкрепил себя в духане пищею и опять-таки с казаками отправился до следующей станицы. Так я доехал до Владикавказа. Отсюда опасности от горцев не предвиделось, и потому мне посоветовали взять с собою только одного казака. Отправились мы, переплыли шумный Терек на плавучем мосте и въехали в самые горы Кавказские. Дорога неприметно повышалась, то извиваясь узкой полосой по берегу Терека, то пролегая между страшных каменистых утесов, нависших над головою путешественника. С непривычки кажется, что эти утесы вот-вот сейчас обрушатся: страшно становится, сердце сильно бьется, и творишь молитву, желая одного — как бы поскорее миновать эту скалистую дорогу. Доехали до селения Казбек, расположенного близ горы этого названия, которая возвышалась над селением несколько верст; на вершинах горы висели огромные сугробы снегов, как бы готовых обрушиться и задавить это небольшое селение. Отсюда я поехал уже в повозке, на тройке лошадей. Тут

дорога изменилась к лучшему, только немного. Со станции Пасанаур она стала заметно скатистою с гор на обширную равнину, до самого города Тифлиса. С левой стороны стояли высокие утесы, а с правой — страшные обрывы с долинами внизу, где заметны были селения, пасущийся скот и люди. Все это казалось столь малым, как маленькие детские игрушки. По местам дорога была так узка, что мы с трудом проезжали по ней; я обыкновенно вылезал из повозки, так как упасть ей в обрыв было очень легко. Но вот мы спустились на станцию Ананур, дорога стала не так круга, и мы поехали рысью до города Душет, а отсюда прямо в Тифлис.

Нимало не медля, я отправился к почт-инспектору Клементу и подал ему письмо от Сухорукова. Он принял меня радушно, видимо был рад, что Сухоруков послал меня для снятия почтовых станций в Грузии, и между прочим разговором серьезно спросил меня: действительно ли найдутся у Сухорукова лошади, если станции останутся за ним, и может ли он содержать их? Я, помня приказ Сухорукова, отвечал на это утвердительно. Тогда Клемент обещался сделать для меня все от него зависевшее.

Между тем съехались в Тифлис почт-содержатели, повидались с Клементом и узнали от него, что я, как поверенный Сухорукова, приехал с неперменным намерением снять все станции в Грузии. Они желали переговорить со мной и для свидания назначили дом одного почт-содержателя. Клемент, сообщив мне об этом, выразил мысль, что если бы почт-содержатели предложили мне порядочную сумму денег, то можно бы торги оставить и без хлопот возвратиться к Сухорукову. Я это замотал себе на ус и в назначенный день, вечером, отправился на свидание с почт-содержателями. Меня попросили в большую залу, где были армяне, грузины, татары — человек 30. Я раскланялся, и мне предложили сесть на диван. Тут находились какие-то князья, другие — с золотыми и

серебряными медалями, словом, все лица важные, представительные. Некоторые из них знали Сухорукова лично, спрашивали об его здоровье, делах и потом повели разговор насчет предстоящих торгов. Я им решительно заявил, что приехал снять станции, так как у Сухорукова лошадей много и он ни в чем не нуждается. Подали чай, затем ром. Я сказал, что крепких напитков не пью. Все очень этому удивились и высказали: не может быть, чтобы русский ничего не пил. Потом разными намеками стали говорить мне, чтобы я не вмешивался в торги, за что предлагали денежную благодарность. На это я сказал: если вы хотите, чтобы я не мешал вам на торгах, то дайте мне 10 000 рублей серебром. Они положительного ничего не говорили и стали угощать меня разными европейскими винами, закусками и наконец шампанским. Увидев, что я упорно отказываюсь от их угощения, перепились сами и с тем все разъехались. На другой день явился я к Клементу и рассказывал, что было на свидании с почт-содержателями. Он похвалил меня и сказал:

— Теперь я буду делать все в пользу Сухорукова и на то употреблю все свои силы. Если скоро он не вышлет тебе денег, то я могу дать тебе своих тысяч до десяти; на них ты пока будешь покупать здесь ячмень, сено и саман (ячменную солому). Только вот что: скажи мне откровенно — сдержит ли Сухоруков станции? Ведь к 1 января (1837 г.) надобно выставить на все станции 360 троек лошадей и 360 русских ямщиков. Если он этого не сделает, что я тогда скажу барону Розену?*

Я, видя такие добросердечные чувствования и расположение Клемента к Сухорукову, затруднялся в своих мыслях. Знаю, что Сухоруков

---

²⁰¹ Розен Георгий Владимирович (1781 — 1841), барон — генерал-адъютант 1831 г. главноуправляющий гражданской частью на Кавказе; снаряжал экспедиции против немирных горцев.

послал меня только с обманом; но придется ли мне взять что-нибудь с почт-содержателей — неизвестно. А завтра торги; время коротко. Я сказал Клементу:

— Василий Михайлович! Я вижу ваши добрые намерения. Но если я вам скажу всю правду и Сухоруков о том узнает, ведь мне будет беда.

- Не беспокойся, — живо возразил мне Клемент, — я буду защищать тебя от нападок Сухорукова.

Тогда я признался Клементу, что у Сухорукова нет ни денег, ни лошадей и что он вовсе не намерен снимать станции. Клемент остался этим очень доволен, велел мне явиться на торги только для проформы и обещался взять что-нибудь с почт-содержателей в мою пользу.

На другой день состоялись торги, но барон Розен их не утвердил и отдал все почтовые станции в Грузии своему любимцу, грузинскому купцу Зубалову, впрочем, с большою уступкою в пользу казны.

В Тифлисе я прожил до половины ноября месяца. Денег у меня оставалось мало, а Сухоруков не присылает. Тогда Клемент дал мне денег на путевые издержки, и скоро я оставил Тифлис. В дороге пришлось пробыть довольно долго, потому что близ Екатеринограда я просидел 14 дней в карантине. По прибытии в Пятигорск явился к Сухорукову и отдал справедливый отчет о своей поездке. Сухоруков на этот раз худого мне ничего не сказал; но скоро обнаружилось его худые против меня замыслы.

---

* Чихирь, красный и белый, обыкновенный, я покупал по 1 руб. 60 к. асс. за ведро, а водку по 5 руб. Чихирь старый, например, десятилетний, был несравненно дороже.

* Это - жаренная на вертеле баранина; "шашлык из тюрятины" - значит: из мяса дикого горского барана.

1837-1841

В январе месяце стали доходить до меня слухи, что Сухоруков вел переписку с своими тифлисскими приятелями относительно того: не взял ли я сколько-нибудь денег с почт-содержателей, будучи на торгах в Тифлисе? Пока слухи эти ничем не подтверждались. Но вот в половине апреля Сухоруков призвал меня к себе на квартиру и сказал, что я получил от почт-содержателей 4000 рублей асс. При этом он подал мне письмо, полученное им от отставного полковника Городинского. Разумеется, я утверждал, что Городинский написал обо мне неправду. Тогда Сухоруков предложил мне сделать сейчас же следующее: написать жене моей письмо, что будто бы я уехал по делу Сухорукова в Егорьевск и чтобы она прислала мне деньги с подателем письма — нашим общим знакомым, прапорщиком Гловацким. Ничего не подозревая, я исполнил это требование Сухорукова, и Гловацкий отправился с письмом к жене. Через несколько времени он возвратился и в другой комнате о чем-то переговорил с Сухоруковым. После этого Сухоруков вышел ко мне и сказал:

— Ну, Николай Николаевич, верно правда, что Городинский наврал про вас, потому что у вашей жены не оказалось никаких денег.

— Я это и без того знал.

Мы с Сухоруковым расстались друзьями. — Когда я пришел домой, то жена моя немало дивилась происшедшему и рассказала, что так как у нее денег не было, то она пошла к одному знакомому занять денег, а Гловацкого просила подождать ее; но знакомого не застала дома и вернулась ни с чем. После того Гловацкий ушел. Я посмотрел в столовый ящик, где

обыкновенно хранились у меня разные бумаги и документы: многих из этих бумаг, особенно касающихся Сухорукова, не оказалось; пропал также и лежавший тут же бриллиантовый перстень. Тогда я понял проделку со мною Сухорукова и Гловацкого. На другой день мною подана была об этом жалоба коменданту Симборскому, с целью оградить себя от происков и притеснений Сухорукова. Но после я каялся, что подал эту жалобу. Дело в том, что Сухоруков, узнав о моей жалобе, сильно на меня разгневался и решился во что бы то ни стало сделать мне зло. Начальник Кисловодской линии, барон Ган²⁰², храбрый воин и человек во всех отношениях почтенный, был коротко знаком с Сухоруковым. Последний упросил Гана послать тому же коменданту Симборскому такую бумагу, что будто бы пойманы двое хищников, при коих найдено 10 фунтов пороху, и они показали, что порох этот куплен ими у меня в лавке, где его имеется достаточное количество, и что поэтому следует сделать у меня в квартире и в лавке надлежащий обыск, а затем — отдать меня под суд. В один несчастный день неожиданно явились ко мне комендант, полицеймейстер и стряпчий с понятыми для обыска. Однако пороху не нашли. Спросили хозяина моей квартиры и соседей о продаже мною пороху, но те сказали, что ничего подобного не видели и не слыхали. Тем дело и кончилось. Тогда Сухоруков воспользовался таким случаем. Мои родственники и знакомые адресовали свои письма на имя Сухорукова, с передачею мне. Сухоруков стал предварительно прочитывать присылаемые мне письма. Однажды он получил из Одессы письмо от Кожевникова, который писал мне, что преследователь его и мой — крестьянин Павельев — находится в Одессе и что ему, Кожевникову, верно, не укрыться от него и быть в остроге; поэтому

---

²⁰² Ган Павел Васильевич (1749—1823), барон — тайный советник, сенатор, а в 1837—1838 гг. — председатель комиссии для составления положения об управлении Закавказьем.

Кожевников просил меня, чтобы я выслал ему денег, за что он не скажет Павельеву о моем местопребывании. Сухоруков представил это письмо полицеймейстеру, и меня посадили под арест при полиции. Прошло недели три, и я упросил письмоводителя, чтобы мне дозволено было хоть изредка навещать свое семейство. Тут я узнал, что Сухоруков подал на меня в полицию заявление, будто я должен ему 500 рублей асс. и просил описать мое имущество. Это было исполнено, лавка запечатана; должники по лавке отказались платить мне. Наконец Сухоруков добился того, что меня с женою и сыном отправили по этапу из Пятигорска в Ставрополь. Здесь препроводили меня из полиции в острог, а жену — в женскую тюрьму. Это было 1 августа.

Меня поместили в казарме, на дверях которой висела доска с надписью: «За бродяжничество». Началась для меня невыразимо горькая жизнь, столь горькая, что и теперь, при воспоминании о ней, из моих глаз катятся невольные слезы... Но буду продолжать рассказ.

Прошел месяц. Жену мою выпустили из тюрьмы на поручительство. Изредка она с сыном навещала меня; но мне от этого было не легче. Она поступила работницей к одному купцу, да притом же ходила последние дни беременности. Я ничего не мог сделать к облегчению ее горькой участи. Впрочем, 4-летнего сына нашего взял к себе в острог.

В октябре месяце прошел слух, проникший и в нашу камеру, что проездом из Грузии скоро будет в Ставрополе Император Николай Павлович и посетит острог. Все арестанты пришли в движение, и хотя нам было объявлено, чтобы мы не смели беспокоить государя ни письменными, ни словесными просьбами, однако многие запаслись прошениями, надеясь подать их лично Государю. Я также решился сказать незабвенному монарху о злоупотреблениях на Кавказской линии, в той уверенности, что он окажет

мне какую-либо милость. В день приезда Государя, с раннего утра все начальство острога было на ногах. Везде чистили, выметали сор, полы усыпали песком. Арестантам выдали по новому полушубку; наварили говядины и каши, словом, для нас наступил настоящий праздник. В 12 часов приехал Государь. Я встал у самой двери нашей казармы. Лишь только отворилась эта дверь и я увидел Государя, как тотчас же пал на колена и произнес: «Ваше императорское величество!» Но в ту же минуту дверь затворилась; Государь не вошел в нашу казарму. Так я и остался влечить жизнь свою по-прежнему. В соседней с нашей казарме посажены были раскольники, человек 35. С некоторыми из них я познакомился, и они рассказали мне про себя следующую историю. Все они государственные крестьяне селения Михайловки, отстоящей 15 верст от Ставрополя. Они были люди зажиточные, трудолюбивые. Несколько лет тому назад им пришлось на ум разведать: какая на Руси Вера правая, истинная? С этой целью они отправили в Москву, в разные другие города и места двоих стариков. Когда старики возвратились домой, то рассказали, что лучшей веры, как старая поморская, не было и нет²⁰³; так говорили и в Москве, и на Унже, и везде. Тогда михайловцы избрали себе наставника, по имени Гаврила, начали жить по этой старой вере, и никто их не тревожил. В начале прошлого (1836) года пришел в Михайловку какой-то странник, по фамилии Липатов, и попросился у одного крестьянина пожить немного времени. Тот согласился. Скоро старообрядцы узнали о новоприбывшем страннике, стали навещать его и слушать его речи «от книжного писания». Липатов говорил: в слове Божиим сказано: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение

---

²⁰³ Имеется в виду старообрядческая «беспоповская» церковь, приверженцы которой осели по Северной Двине и Печоре.

свое, и раздай нищим, и следуй за Мною»*. Поэтому слушатели должны были оставить дома свои с имуществом и бежать в горы далее немирных черкесов, в места пустынные и безлюдные, и там поселиться. На дорогу следовало взять с собою только самое необходимое. Если бы они пошли, то он, Липатов, всех их перекрестит, но имен им не переменит и будет во всем их главным наставником и руководителем; они станут называться братьями, а жены их сестрами. Если бы на дороге или где-либо они попались и их стали бы обращать назад в дома свои, то они не ходили бы и обличали антихриста. Такое учение Липатова прельстило михайловцев, и они решились ему последовать. Исподволь, понемногу они распродали скот, хлеб и другое имение, а в ночь на светлое Христово воскресенье (1837) на нескольких повозках выехали из своего селения. Отъехав верст 40, остановились близ какой-то речки кормить лошадей. Тут Липатов всех их перекрестил, и они стали называться «братьями», а жены их «сестрами». Прибыли на Кубань, где были расставлены казачьи посты из линейных казаков. Эти казаки оказались тоже какие-то старообрядцы, и михайловцы скоро сторговались с ними, чтобы они пропустили их за Кубань, да кстати нашли им одного черкеса в провожатые. Ночью наши странники переправились через Кубань, и вожак повел их далее в горы. День провели в лесу, а ночью вожак опять повел их; но чрез несколько времени скрылся, и они остались одни в совершенно незнакомой им местности. На рассвете невдалеке от себя они увидели черкесскую деревню. Вошли в большой лес и расположились тут передневать. Из деревни (она оказалась мирных черкесов) вышел один черкес в лес осмотреть капканы, расставленные для ловли диких коз и оленей; он заметил табор михайловцев и дал знать об этом начальнику своей деревни — офицеру русской службы из черкесов. Офицер, с вооруженными черкесами, немедленно прибыл к странникам и

начал их расспрашивать: кто они, куда идут и проч.; но в ответ получал только грубости и бранные слова. Тогда офицер приказал гнать их в станицу, где находился полковой штаб. Полковник вышел к старообрядцам и спросил: «Кто у вас начальник?» — «Я», — отвечал Липатов и начал говорить разные грубости. Полковник тут же приказал дать ему 200 ударов казацкой плетью. Липатов под этими жестокими ударами не стонал, не охал, а произносил только слова: «Братцы мои! помолитесь за меня грешного». Товарищи его стояли на коленях и молились на восток. По окончании экзекуции Липатов встал, повернулся лицом к востоку, перекрестился и сказал: «Слава тебе, Господи, что снял с меня всю нечисть». Полковнику не понравились эти слова, и он приказал дать Липатову еще 70 ударов, после чего он уже не мог встать: его подняли товарищи. После Липатова наказан был еще Таврило 80-ю ударами. Потом на другой день всех их погнали в Ставрополь. Здесь им были разные допросы; ходили к ним священники, уговаривали, увещевали; но толку от всего этого выходило мало. Впрочем, человек десять из них возвратились в свои дома, а остальные были посажены в этот острог, где и я влачил с ними свою горестную жизнь. — Наставник их Липатов содержался от них особо, на гауптвахте, в тяжелых кандалах; он приходил только в острожную баню, где виделся с своими товарищами и говорил с ними. Я видел этого наставника. Он был роста среднего, широкоплечий и, казалось мне, очень неглуп. Впоследствии некоторые из этих старообрядцев скоро померли, другие возвратились в свои дома, человек 15 сослано было в Сибирь, а иные отданы в солдаты.

В конце этого (1837) года начали собирать обо мне справки из тех мест, где я получал заграничные паспорта. Вероятно, благодаря этому обстоятельству, сыщик мой Павельев в Бессарабии, в Одессе или в каком другом месте узнал, что я содержусь в ставропольском остроге и приехал в

Ставрополь. Свидание мое с ним было непродолжительно, но крайне неприятно и тяжело для меня. Павельев говорил мне, чтобы я возвратился домой в Выездную слободу и помещик меня простит. Я отвечал, что так как теперь дело пошло по суду, то пусть суд и рассудит нас; я лучше буду жить в Сибири, а к помещику не пойду. Тем разговор наш и кончился. Прошло более года. В это время губернским правлением собраны были обо мне справки из разных присутственных мест и дело мое поступило на рассмотрение уездного суда, а отсюда, как я слышал, скоро должно было перейти в уголовную палату, и, благодаря ходатайству за меня генерала Реброва, оно должно было решиться наконец в мою пользу. Так я ожидал и надеялся.

Но не дремали и мои недруги. Не припомню, в феврале или марте месяце 1839 года в Ставрополе получено было из арзамасского уездного суда отношение, коим требовалось, чтобы я выслан был в Арзамас, на мою родину, для очных ставок с крестьянином Кожевниковым, который содержался в арзамасском остроге. (Вероятно, все это сделалось по проискам и домогательствам Тархова с Рагузиным.) 19 апреля меня с женою и сыном отправили по этапу из Ставрополя на родину. Здесь посадили меня в арзамасский острог, обрили мне половину головы и бороды и заковали в кандалы, — а жена моя с сыном, по распоряжению Тархова, была отправлена на жительство в село Ларионово (100 верст от Арзамаса), где жил управляющий Рагузин и где находилась моя дочь. — Скоро родные, знакомые и слободские крестьяне узнали о моем печальном прибытии и положении; хотя всем им запрещено было навещать меня, но это не всегда соблюдалось. Поэтому жить мне в остроге было не особенно тяжело; я собрал даже с прежних моих должников порядочно денег, благодаря которым в октябре месяце и выпущен был из острога на поручительство.

Я поселился у дяди своего Феоктистова; ко мне приехала жена с сыном*. В декабре месяце родилась у меня еще дочь, и я, в память освобождения моего из острога на поруки, 10 октября, назвал ее Евлампией. Сын начал учиться грамоте. Мы стали жить не совсем худо, особенно по сравнению с только что пережитым временем.

Не прошло и полгода, как стали доходить до меня слухи, что Тархов, по приказанию Рагузина, хлопочет и домогается, чтобы вновь посадить меня в острог. Действительно, 30 июля 1840 года я призван был в уездный суд, где судья прочел мне указ из Нижегородской уголовной палаты о заключении меня вновь в арзамасский острог. Делать нечего: пришлось покориться необходимости. Между тем дело мое рассматривалось в уездном суде, который решил: по наказании, сослать меня в Сибирь. Уголовная палата это решение утвердила. Но Сенат, согласно ходатайству нижегородского губернатора Панова²⁰⁴, определил: водворить меня к помещику.

5 ноября 1841 года я был выпущен из острога.

---

* Еванг[елие] от Матф[ея], гл. XIX, стих 21; от Луки, гл. XVIII, ст[их] 22.

* Взять к себе мою дочь Рагузин мне не позволил

1842-1844

В январе месяце приехал в нашу слободу главноуправляющий Рагузин, и я упросил его выдать мне полугодовой паспорт на случай куда бы то ни было моей поездки из дому. Я постарался собрать с прежних своих должников кое-какие деньги, до 1000 рублей; получил от Тархова

---

²⁰⁴ Панов Максим Максимович — нижегородский губернатор.

полугодовой паспорт и 15 мая выехал в Москву. Здесь отыскал я жену моего покойного друга, у которого некогда мною оставлены были деньги и часть имущества. Эта женщина оказалась уже вышедшею замуж; она сказала мне, что не знает никаких денег и имущества, которые я будто бы оставил у них, и в завещании покойного об этом ничего не сказано. Я прослезился и с тем ушел от нее.

В Москве нашлись некоторые старые мои приятели, сделали мне посильное денежное пособие, и я отправился через Коренную ярмарку в Херсон. Здесь служил двоюродный брат мой военным писарем у коменданта; он переведен был сюда из Брест-Литовска. С этим братом я не видался более 11 лет. Какая радость у нас была при свидании!.. Хотя он был и солдатом, но дышал свободно; за верную и добросовестную службу его любили начальники и давали препоручения, какие выпадают на долю не всякого. А я все еще находился под бременем своих гонителей и влачил жизнь свою, как в поле былинка, засохшая от бездожия. И за что же? За то единственно, что я желал вольности до последнего моего издыхания; искал не чести, славы и богатства, а только независимости себе и моему потомству от жестокосердного помещика. Но мне предлежало еще много перенести горя и лишений, пока не пробил для меня вождеденный час...

В Херсоне у брата я пробыл недели две; потом поехал на Одессу, а отсюда через Тирасполь в Кишинев. Тут я случайно узнал, что упоминаемый мною прежде Годунов²⁰⁵ имел здесь собственный дом, неправедными делами воздвигнутый. Теперь мне нечего было страшиться, как прежде, когда он вместе с Павельевым разыскивал меня в Яссах. Поэтому я пошел к нему. Он знал меня только по портрету, бывшему в то время у Павельева.

---

²⁰⁵ Выше Годунов не упоминался.

Придя к Годунову, я сказал: — Когда-то вы с Павельевым задорого желали посмотреть на Шилова. Теперь можете даром его видеть и не стараться его разыскивать. Я — Шипов.

Годунов, по-видимому, обрадовался мне и просил меня остановиться у него в доме. Я согласился. В разговорах мы припоминали прошлые обстоятельства моей жизни, в которых Годунов принимал столь неприятное для меня участие. Между прочим, я узнал от него, что покойный шурин мой Ланин оставил часть наших денег и имущества у одного кишиневского купца Эти деньги и вещи отданы были в полицию; но мне получить их не привелось: сказывали, что все они были раскрадены.

Из Кишинева я отправился в Яссы. Здесь я получил от кума моего, скопца Чукова, часть своих денег, золотые вещи и жемчуг. Вещи эти я распродал и думал было заняться в Яссах какою-либо торговлею. Но это показалось мне неудобным потому, что мое слободское начальство опять могло приняться меня разыскивать, и тогда уж мне несдобровать. Я распростился с Чуковым и возвратился в Кишинев, где случайно узнал, что одна купчиха сдает в наем свой клейный завод с шерстяною мойкою, стоящий на реке Бычке. Мне показалось это дело выгодным, и я снял этот завод на три года с тем, чтобы вступить в него 18 февраля следующего 1843 года. Задаток, материал для выгонки клею и проч. — все это стоило мне 1200 рублей.

12 декабря я возвратился на родину. Рагузин был в это время в Петербурге. Я пришел к Тархову и объяснил, что выгодно снял в Кишиневе клейный завод, употребив на то почти все свои деньги, и просил его дать мне паспорт. Тархов снесся об этом с Рагузиным, который чрез несколько времени писал ему, что помещик не приказал выдавать мне более паспорта.

Тогда, желая, чтобы деньги мои не пропали, я в начале 1843 года нанял в Арзамасе мастера, приказчика с работником и отправил их на завод в Кишинев. Однако без меня они ничего не могли там сделать и возвратились ко мне ни с чем. Так погибло для меня это предприятие, а вместе с ним — и последняя надежда поправить свои денежные обстоятельства.

В апреле месяце 1843 года начали сватать мою дочь женихи — из хороших и богатых домов, с тем, чтобы отдать за нею в приданое мой дом, на что я был согласен; но от помещика разрешения на это не последовало. Видя, что зажиточные люди дочь мою не возьмут замуж, я решился выдать ее за одного небогатого слободского крестьянина — Пузакова, по ремеслу сапожника*. Свадьба у нас была самая бедная, и скоро молодые уехали в Нижний Новгород, на ярмарку, для занятия сапожным мастерством.

В это время я находился в бедственном положении. В услужение меня никто не принимал; меня боялись, как медведя. К тому же я должен был платить 400 рублей оброку, которых мне решительно негде было взять. В сих крайних обстоятельствах я решился обратиться к не раз упоминаемому прежде дяде моему Феоктистову, у которого все-таки оставалась часть моего имения; но он не хотел отдать мне его. Я подал об этом прошение в магистрат, который решил дело так, что имение мое принадлежит Феоктистову на основании десятилетней давности владения им. Я обратился с жалобой в гражданскую палату; но она рассудила, что по этому делу должен был хлопотать сам помещик или его управляющий. Я просил Тархова войти в мое положение; но он наотрез отказал мне. Тем дело и кончилось.

Ходя по этому моему делу, я познакомился с одним столоначальником, который давал мне читать законы. Однажды он принес мне IX том Свода Законов, и я нашел тут статью, в которой было сказано,

что крепостные люди, бывшие в плену у горских хищников, по выходе из плена освобождаются на волю со всем семейством и могут избрать род жизни, где пожелают, в течение девяти месяцев. Тогда я решился испробовать и это крайнее средство, лишь бы избавиться от власти помещика. Затаив от всех такое мое намерение, я в декабре месяце выхлопотал кое-как у Рагузина полугодовой паспорт, собрал от добродушных людей 25 рублей на дорогу и 3 января 1844 года покинул свою родину...

Я не буду (да и не могу) описывать те чувства, которые наполняли и волновали в это время мое бедное сердце. Помню, чтобы губы мои шептали только одно: Всемогущий Боже! Вразуми меня и услышь вопль души моей, хотя не для меня, но для наследника сына моего. Творец милосердый! Дай мне крепость и терпение перенести все несчастья... Впрочем, да будет воля Твоя!..

С попутчиком поехал я на Тамбов, а отсюда в Воронеж, где отыскал одного старинного приятеля; он отдал мне немного прежнего долга и свою лошадь с повозкой и упряжью. На этой подводе я отправился сначала в Харьков, а отсюда в Херсон — к брату, у которого провел Масленицу. Сделалась распутица, дорога стала ужасно трудная, грязная. Я купил себе маленькую, легкую повозку, на двух колесах, называемую по-малороссийски «беда» или «выгода». В этом-то экипаже я и поехал в разные города, как то: в Одессу, Кишинев, Яссы и Черновиц, с тою целию, не получу ли где денег. Деньгами хоть я и раздобылся, но очень немного — всего 250 рублей. Однако и этому я был рад. 3 апреля возвратился в Херсон, где с братом думали и советовались: что мне следовало предпринять? В то

время генерал Лидере²⁰⁶ выступил из Херсонской губернии с 4-м корпусом в поход на Кавказ. Я решился последовать туда же, с намерением поступить там к маркитантам в работники, или не примут ли они меня к себе товарищем. По приезде в Одессу продал я свою лошадь, взял пассажирский билет до Керчи и в конце апреля на пароходе «Наследник» отправился на Кавказ.

Погода была теплая, ясная; море тихо и спокойно. На поверхности его играло множество морских свинок, которыми я любовался. Севастополь оставался у нас в левой стороне, да к тому же мы проехали тут ночью. Но вот показалось издали имение графа Воронцова²⁰⁷ — Алупка. Когда пароход поравнялся с нею, нам салютовали с гавани из пушки, на что с нашего парохода отвечали тем же. С моря вид на Алупку был очарователен: строения причудливой архитектуры очень красивы; кругом их, по горе, прекрасные сады, которые покрыты были свежей весенней зеленью; извилистые, как змеи, дорожки, и везде цвели цветы, как лучший персидский ковер; ветром доносило к нам ароматный запах и долетали песни соловьев. — Мы поплыли в Ялту, где пароход на два часа останавливался, — в Феодосию и Керчь, куда прибыли 1 мая. Отсюда проливом верст 30 я поехал в город Тамань на лодке. Этот город хуже деревни, но из него прекрасный вид — Керчи, Еникаля²⁰⁸ и Евпаторийского госпиталя. Из Тамани я нанял извозчика до Екатеринодара, а отсюда в Ставрополь. Здесь я встретился с некоторыми из прежних своих знакомых, и

---

²⁰⁶ Лидере Александр Николаевич (1790—1874), граф — генерал-адъютант, с 1837 по 1848 г. командовал 5-м пехотным корпусом. В 1843 г. части этого корпуса были отправлены в нагорный Дагестан для усмирения Шамиля.

²⁰⁷ Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, князь с 1845 г., светлейший князь с 1852 г. — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий кавказскими войсками и наместник Кавказа с 1844 по 1853 г.

²⁰⁸ Еникаль (Еникале) — пригород Керчи.

они немало дивились моему приезду. Им было хорошо известно дело по заключению меня в Ставропольский острог, но они не знали, чем оно кончилось, и считали меня или сосланным на край света, или же умершим. Я рассказал им эту горестную историю.

Между тем срок моему паспорту через месяц истекал, и я стал придумывать — как бы мне получить новый паспорт? Думал я, думал и решился написать в Петербург главноуправляющему Рагузину следующее: «Проезжая через город Екатеринодар, я видел тут бежавших из слободы Выездной четырех крестьян, которые годны в солдаты. Я могу поймать этих крестьян и представить их в местную полицию для препровождения на родину. Но без доверенности этого сделать нельзя. Поэтому не угодно ли вам будет прислать мне эту доверенность, а вместе с нею пришлите и паспорт». Отправляя это письмо, я надеялся, что Рагузин с помещиком поверят моей выдумке. И не ошибся: через два месяца я получил и доверенность, и паспорт. Но, разумеется, для меня нужен был только последний.

Из Ставрополя я отправился в Пятигорск пешком, так как нарочно нанимать подводу было для меня не по карману, а попутчиков не находилось. Шел я этим путем-дорогою, придерживаясь старой поговорки: «Мне не привыкать куликать — где пришлось, тут и остановился». За станцией Александровской мне вновь открылись величественные Кавказские горы; я увидел знакомые места и дорогу. В одном месте я присел на камень отдохнуть, прослезился и подумал: «Господи! Еще раз Ты привел меня видеть эти исполины В виду их я претерпел самое горестное событие моей жизни... Но — где получишь несчастье, тут должно ждать и радости». Я вынул из мешочка кусок хлеба, закусил и пошел далее. К Пятигорску прибрел я поздно вечером и думал: куда мне идти ночевать? Знакомые в

Пятигорске у меня, конечно, были; но не забыли ли меня? Пошел я к одному приятелю-армянину, по фамилии Аракчееву; он имел собственный дом недалеко от базара. Аракчеев не узнал меня и сначала не хотел пускать меня ночевать; но когда узнал, принял меня как родного и немало дивился моему прибытию: в течение семи лет ему ничего не было обо мне известно. В это время у Аракчеева находился упомянутый мною выше бывший полицейский писмоводитель Кастыченко, который в 1836 году взят был в плен хищниками. Велика и непритворна была радость при нашем свидании. Мы всю ночь провели в разговорах за стаканами чихирю. На другой день я вышел на базар, и скоро все знакомые и приятели узнали о моем прибытии.

В Пятигорске я прожил до июня месяца, а потом отправился через Екатериноград в Моздок. Здесь я пробыл всего одни сутки и пешком пошел далее. Солнце стало заходить за Кавказские горы, когда я приближался к станице Науру. Но вот и самая станица. Я вошел в один духан и сел на лавку отдыхать. Между прочим, я просил сидельца: кто у него хозяин? и в ответ услышал, что ростовский купец, еврей Осип Борисович Фавишевич. Эта фамилия мне показалась знакомой; я стал припоминать, что в 1836 году, когда я служил у Сухорукова, то тогда был у нас приказчиком по продаже нефти еврей Оська, как мы его называли, по фамилии Фавишевич. Я начал подробно расспрашивать сидельца об его хозяине и убедился, что наш бывший Оська теперь стал Осипом Борисовичем. (На Кавказе, да в некоторых и других местах, лиц бедных, особенно евреев, называют полуименем; если же кто-нибудь из таких лиц сделается богатым и влиятельным, то его уже величают по имени и отчеству.) Сиделец мне сказал, что его хозяин завтра Должен быть в Науре. Тогда я подумал: «В былое время я оказывал этому Осипу Борисовичу возможное пособие и добро, при его бедности, и он хоть еврей, но, верно, не забыл того, что я для

него сделал», — и решился повидать Фавишевича. На другой день около полудня сиделец сказал мне, что хозяин его приехал с братом своим Леоном Борисовичем (прежде мы звали его Лейба). Я тотчас же пошел к Фавишевичам. На дворе их квартиры стояла коляска, запряженная тройкою отличных гнедых лошадей. «Вот тебе и Оська!» — подумал я. Придя в комнату, я сделал приветствие обоим братьям и сказал:

- Признаете ли меня, Осип Борисович и Леон Борисович?

- Нет, — отвечали братья в один голос, — мы вас совсем не знаем.

- Вы, вероятно, помните, Осип Борисович, Николая Шипова, — сказал я, — я рекомендовал вас по торговле нефтью, в 1836 году, в бытность мою у Сухорукова комиссионером.

Тогда они бросились ко мне и начали целовать меня, говоря:

- Ах, друг наш любезный! Какими судьбами ты сюда попал? Слух был, — продолжал Осип Борисович, — что негодяй Сухоруков вас обидел и довел до несчастья. Я жалел об этом, сердечно жалел; но пособить вам ничего не мог, потому что не знал, где вы тогда находились. Мы даже слышали, что будто бы вы сосланы были в Сибирь за какое-то важное преступление. Садитесь, пожалуйста, любезный Николай Николаевич.

Я сел и рассказал Фавишевичам о постигшем меня, по вине Сухорукова, бедствии. Выслушав меня, Осип Борисович сказал:

- Душевно сожалею о вашем несчастье и желаю помочь вам — потому, помню ваши для меня благодеяния.

Потом Фавишевич предложил мне быть с ним компаньоном по торговле, рассказав, что он с одним товарищем, белевским купцом Кузнецовым, заключил контракт с Кабардинским егерским полком на три года — доставлять полку жизненные припасы. Штаб этого полка находился в крепости Незапной, за Тереком, на реке Акташе, близ Андреева аула, а

батальоны расположены по разным укреплениям, неподалеку от Незапной. Так как у Осипа Борисовича были еще другие дела, то он соглашался дать мне доверенность и я мог, по усмотрению, торговать или при полковом штабе, или же идти с полком в поход, который предполагался в этом месяце (июне). Разумеется, мне ничего не оставалось, как с радостью принять это предложение Фавишевича. На другой день я поехал с ним в Незапную крепость и немедленно вступил в отправление своих обязанностей. Теперь скажу несколько слов об этой Незапной крепости и об Андреевском ауле, так как здесь совершилось одно из самых важных событий моей жизни. — Крепость стоит близ леса, на правой гористой стороне быстрой, каменистой речки Акташа. В крепости находятся казармы, церковь и дома каменные; кругом их — крепостной вал, на котором четыре бастиона с большими орудиями. Этот вал соединяется с форштатом, где живут в собственных домах женатые казаки. Здесь находится дом полкового священника, разные казармы, маркитантский двор и две обвахты, или заставы, из коих одна на реку Акташ, по дороге к укреплению Кастычам, а другая — в Андреевский аул, отстоящий от форштата не более версты. За дровами ездят из Незапной всегда с конвоем; это называется «оказией». Скот пасут за рекой Акташем тоже под конвоем, так как не редко случалось, что черкесы нападали на скот.

Андреевский аул — татарский, большой; в нем было более 5000 жителей. Улицы в ауле очень узкие, грязные и бестолково построенные, так что в них легко заблудиться. Дома или сакли деревянные, без заборов; крыши плоские, земляные; на них родится крупный красный лук, который на вкус сладковатый. Печей в саклях нет; только в одной из стен проведена труба, под которой разводят огонь и готовят кушанья. Виноградное вино татары пьют кипяченое или молодое; хлебную водку любят. Лошадей

держат хороших, в поле работают с осторожностью и недалеко от своего аула, по которому ходят всегда вооруженными прекрасными кинжалами: Андреевский аул всегда славился этим оружием. Базар в ауле бывал по пятницам; народу сходилось множество. Торговлею занимались татары, евреи, а частью моздокские и кизлярские армяне. Говорить по-кумыцки я научился довольно скоро, так как этот язык сроден киргизскому. В Андреевском ауле мне приходилось бывать часто, и я хорошо познакомился тут с некоторыми татарами; они звали меня «Мекелей».

Итак, с половины июня месяца (1844 г.) я начал в Незапной крепости заниматься по торговым делам у Фавишевича*. Это занятие было нелегкое. Надобно было наблюдать интересы хозяина и в то же время ладить с разным полковым начальством, начиная от ротного фельдфебеля. — В укреплении Таскичах, при батальоне нашего полка, торговал у нас приказчик; там же находился и Кузнецов. Приказчик что-то не поладил с батальонным лекарем. Этот подал полковому командиру рапорт, будто приказчик доставлял для батальона нехорошую говядину, отчего солдаты болеют. Полковник вспыхнул гневом, призвал к себе Кузнецова и распорядился с ним так, что он прибежал ко мне в Незапную как полоумный, весь в слезах и просил меня поправить дело. Я пошел в Таскичи; повидался с лекарем, дал ему подаянице, достоительно угостил его — и с тех пор от него не было никаких подобных рапортов.

А таких случаев — что греха таить? — могло быть немало. То вот говядина нехороша, то сено гнилое, то водка уж слишком разбавлена водой — да мало ли что? Бывало, полковой квартирмейстер знает, что такого-то предмета у нас в лавке нет, а по контракту он должен быть. Квартирмейстер прибежит в лавку и начнет требовать чего нет к завтрашнему дню непременно; зашумит, раскричится, — так что и сам Фавишевич не

показывается ему на глаза. Что тут делать? Обыкновенно вечером, незаметно для других, я отправлялся к разгневанному квартирмейстеру на квартиру и умел сделать так, что он переменял гнев на милость; и потом с улыбкой говорил:

— Давно бы так делали; а то с вами одно только беспокойство и неудовольствие.

На другой день квартирмейстер присылал в лавку своего денщика за даровой провизией. Плац-адъютанту и адъютанту полковому у нас тоже шла дача немалая; а, например, ротным командирам так сам Фавишевич приказывал отпускать из лавки безданно-беспошлинно все, что им заблагорассудится...

Из Незапной крепости выходили несколько раз летучие отряды, которые скоро опять возвращались в Незапную. С этими отрядами я или отправлял приказчика при нагруженных провизией арбах, или же присутствовал сам. Однажды в конце августа месяца из Незапной выступил отряд в 3000 пехоты и артиллерии, под командою полковника Козловского. Я снарядил две арбы с разными припасами. Отряд направился вверх по реке Акташу и, отойдя верст 6, встретился с хищниками. Завязалась перестрелка. На другой день черкесы заняли реку Акташ, заградив нам путь к воде, засели за большими камнями, в ущельях, и открыли огонь. Все усилия Козловского выбить черкесов из ущельев оставались тщетными, тогда как черкесы беспокоили нас сильно, потому что бивак наш расположен был на открытом месте. Мы даже с трудом могли доставать из Акташа воду. Кончилось тем, что на 4-ю ночь Козловский сделал беспорядочное отступление обратно в Незапную. При этой суматохе у меня у одной арбы изломалась ось, и весь бывший на ней товар достался в добычу хищникам.

До арбы ли тут, когда только думы и заботы: как бы самому остаться целым и невредимым?

— Ох, ты жизнь и торговля маркитантская!..

---

* Этот Пузаков был младший из семи братьев при отце. Некогда дом Пузаковых был самый богатый во всей нашей слободе; но помещик совсем разорил это семейство, как случилось и со многими другими.

* Иногда мне приходилось ездить из Незапной в Богоматов мост; это не что иное, как мирная черкесская деревня, расстоянием от Незапной 50 вёрст, а от Кизляра 30. При ней было небольшое укрепление и рота солдат с 50 казаками, для конвоирования оказий и рекрут, идущих в Темирхан-Шуру из Кизляра. Здесь я покупал сено, разную дичь, которой было множество по небольшим озёрам и заливам. В огромных камышах, наподобие леса, водились дикие свиньи; их беспощадно убивали татары. Свинья противна их закону. Когда татарин застрелит её, то не берёт её в руки; заденет за морду свиньи верёвку, привяжет к лошадиному хвосту и тащит волоком. Эти свиньи продавались чрезвычайно дёшево.

1845

Из Незапной крепости в Андреевский аул я ходил довольно часто, как для учета сидельцев в двух духанах Фавишевича, так для покупки скота и разных припасов. По пятницам (базарные дни) я бывал в ауле непременно. Ходить приходилось большею частью одному, иногда довольно поздно. Некоторые знакомые татары предупреждали меня, чтобы я опасался ходить ночью. На такие предостережения я мало обращал внимания: я боялся

только смерти; плена же у горцев хоть и страшился, но в душе желал его. Наступило 8 число февраля, пятница.

8 февраля

В этот день я, по обыкновению, был в ауле на базаре, купил что надобно и к вечеру возвратился домой в Незапную; отдал отчет и деньги Фавишевичу. Поблагодарив, он сказал мне:

- У нас в лавке совсем нет коровьего масла. Сегодня последнее взяли в полковую квартиру. А завтра утром опять потребуется, как полковнику, так и офицерам.

- Масло я сегодня приторговал у одного татарина, — доложил я Фавишевичу, — только не дал ему задатка.

Тогда Фавишевич стал просить меня, чтобы я шел в аул и дал татарину задаток и чтобы масло было доставлено завтра рано утром в лавку. Хоть мне и не хотелось идти, потому что весь день провел на ногах, бегая по аулу, — но я хорошо знал полкового командира и просьба Фавишевича мне показалась основательной. Я пошел в аул. Солнце закатилось за горы, с которых потянулся ужасно густой туман. Близ обхваты попался мне навстречу знакомый унтер-офицер и спросил:

- Куда так поздненько идешь?

- В аул, — отвечал я.

- Смотри, Николай Николаевич, — сказал мне унтер-офицер, — теперь ходить опасно: как бы тебя чеченцы где не схватили. Проклятые азиаты замысловаты; они знают, что при тебе всегда есть деньги. Подкараулят и отправят в горы, а то так прямо на тот свет.

- Вот вздор какой, — сказал я, — позже ходил, да с рук сходило. Авось и теперь ничего не случится.

Мы расстались. Когда я шел по улицам аула, было уже очень темно, и я с трудом отыскал саклю татарина, у которого утром сторговал масло; дал ему задаток и приказал привезти масло завтра пораньше. Отсюда я зашел в наш духан, где сиделец отдавал мне вырученные им деньги 200 рублей; но денег этих я не взял до завтра. Посидев немного в духане, я пошел домой. Темнота была ужасная, — хоть глаз выколи. При выходе за аульские ворота меня окликнул часовой: «Кто идет?» — «Маркитант», — отвечал я. От ворот дорога шла под гору; с левой стороны был утес горы, а с правой — к реке Акташу — крутой яр. Я шел близ самого утеса. Как раз на половине дороги от аула и форштата меня вдруг схватили неизвестные люди и потащили под гору к Акташу; вниз я скатился с ними по снегу. Я вздумал было кричать часового, но хищники обнажили свои кинжалы и приставили их к моей груди. Я обмер. Потом хищники надели мне на голову какой-то башлык — перевязали его так, что я не мог ничего уже видеть; руки мои тоже связали ремнем и повели. Мы прошли близ какой-то водяной мельницы, где я слышал разговор на кумыцком языке. Перешли вброд реку, вероятно Акташ; потом повели меня далее; но куда — я не понимал. Где-то вдали послышался лай собак. Тут спутники мои начали разговаривать между собой по-чеченски; этого языка я почти не понимал. Прошли по снегу так версты 4. Лай собак стал слышнее. Перешли еще раз реку по колению, и я полагал, что это опять-таки Акташ. Мы поднимались как будто на гору. Потом хищники остановились и начали кого-то окликать. Откуда-то сверху тихо отвечали, потом что-то сбросили. Хищники перевязали меня веревкой поперек живота, развязали руки и по-кумыцки сказали: «Уста аркан» (держишься за веревку). Я это сделал. Меня потащили вверх, где сажени через три я был принят за руки двумя человеками, которые вели меня потом с четверть часа. Затем они связали мне руки назад, толкнули в какой-то чулан,

хлопнули дверью и заложили ее цепью. Мое новое помещение оказалось не из теплых: в него со свистом врвался холодный ветер. На мне были тогда бешмет²⁰⁹ и легкая на вате шинель; промокшие ноги холодели, связанные руки коченели. Я стоял на ногах, боясь ходить или двигаться. Так прошло довольно времени. Потом кто-то вывел меня в другое помещение и развязал мне голову. Тут я увидел большую саклю, которую освещало горящее на табуретке сало. Передо мной стоял кумык — высокий, стройный, широкоплечий, которого я никогда не видел. Он спросил меня:

- Танимсан менеке (знаешь ли меня?).

- Бельмейма (не знаю), — отвечал я.

Тогда кумык, указав мне на табуретку, сказал:

- Ултар (Садись).

Я исполнил это приказание. Кумык вынул из кармана нож и начал его оттачивать на бруске. У меня волосы на голове становились дыбом; сердце мое так сильно забилося, что, полагаю, и кумык мог слышать это биение моего сердца. Я мысленно простался со своими родными и со всем светом, полагая, что настали последние минуты моей жизни... Кумык кончил точить нож, подошел ко мне, прижал к себе мою голову и, сказав: «Коркма» (не бойся), — принялся мылить мне голову. Я догадался, что он будет брить мои волосы. Сердце мое стало отходить. Кумык обрил мои волосы, подстриг бороду, надел на меня шапку, завязал тем же башлыком, отвел меня в прежний чулан и безмолвно затворил за мною дверь. Эту ночь я проводил очень беспокойно; от холода не мог сомкнуть глаз. Пропели в ауле петухи.

9 февраля

---

²⁰⁹ Бешмет — стеганный татарский полукафтан.

Вот я слышу: люди загалдели, буйволы заревели, арбы заскрипели, залаяли собаки. Должно быть, рассветало. Я то разминал свои коченевшие члены, то, сидя или стоя, прислонялся к стене и дремал. Какой-то человек отворил дверь и сказал: «Аман, Мекелей» (Здравствуй, Николай). Я очень обрадовался, что меня назвали по имени, и ждал с нетерпением, что пришедший будет говорить мне; но этого я не дождался: дверь захлопнулась. Вероятно, уже вечером меня опять привели в ту саклю, где вчера кумык обрил мне голову. Когда меня развязали, я увидел того же кумыка, который меня спросил:

- Ахча барма сенике (Есть ли у тебя деньги)?

- Иок ахча (Нет денег), — отвечал я.

Тогда кумык всего обыскал меня, но денег не нашел; только вынул из кармана в бешмете мою записную книжку с карандашом и сказал:

- Зжяс Осип кагас (Пиши Осипу записку).

- Не зжыздым (Что напишу)?

- Мень чебердым саган, берь ахча чус тюмень кумыш (Я отпущу тебя; дай десять десятков серебряных рублей).

Я вырвал из книжки чистенький листок и Фавишевичу (Осипу) написал: «Нахожусь в плену и не знаю где; а выкупу за меня просят 300 рублей. Ради Бога, выручи несчастного Н. Шилова». Кумык взял эту записку и снова запер меня в чулан. Эту ночь я провел как и прошлую.

10 февраля

В этот день ко мне никто не показывался. Уже поздно вечером, когда в ауле все смолкло, пришел татарин и повел меня из темницы. Через несколько времени мы остановились, и близ меня очутилось четыре человека; они развязали мне руки, которые обтерлись от ремня до крови; перевязали вокруг живота веревкой и, сказав по-русски: «Держись крепче»,

— столкнули меня с крутизны и начали спускать вниз. «Верно, в первую ночь меня здесь втаскивали», — подумал я. Внизу приняли меня два человека и о чем-то тихо поговорили с верхними. Потом, связав мне руки ремнем, повели меня вброд через речку; затем скорыми шагами пошли по снегу. Собачий лай оставался у нас позади. Дул не очень холодный ветер. Дорога шла то под гору, то в гору. Я стал догадываться, что теперь ведут меня к немирным черкесам в самые горы. Шли мы довольно долго. Ветер стал тише. Мы как будто подходили к лесу. Тут развязали мне глаза и руки. Передо мной стояли два, средних лет, татарина, которые имели при себе по ружью, шашки, пистолеты и кинжалы. Они глядели мне в глаза, а я на них смотрел; потом они спросили меня по-кумыцки — знакома ли мне местность, на что я отвечал отрицательно, — и стал осматривать окрестность. По обеим сторонам дороги тянулся небольшой лес; чем далее шли вперед, тем дорога делалась уже и уже. Ночь была пасмурная; на небе ни звездочки. Татары, насмехаясь надо мной, говорили мне:

- Согом саган керек, ахча бар (Надо тебе скотины; деньги имеешь)*.

Я им сказал только, что теперь у меня нет денег. Ветер дул мне в лицо; я освежился; мне стало легче и приятнее. Прошли лесом несколько верст. Татары свистнули, на что последовал тоже свисток; а спустя немного, подошел к нам молодой татарин, который сделал моим провожатым приветствие: «саламаликам», давали друг другу руки и говорили по-чеченски. Пришедший и мне сказал: «аманма» (здорово). Я сказал ему то же. Потом все мы пошли узенькою снеговою тропинкой. Лес становился крупнее. Тропинка стала извиистой, под гору. Впереди я заметил как будто татарское кладбище, на котором стояли разные каменные памятники. Когда мы поравнялись с этим местом, татары остановились и громогласно сказали: «саламаликам». Тогда я спросил:

- Не бу монда? (Что такое здесь?)

Один из них на каком-то странном кумыцко-русском языке отвечал: «Кардаш умрит, коп салдат убит, монда бардым аул» (Умерли братья, много убито солдат, здесь была деревня). Тогда я понял, что татары здоровствовались с своими умершими родичами.

Мы пошли далее, и скоро послышался шум быстро текущей воды. Я спросил спутников — что это за река? Они сказали: «Эрак-су». Тут мне стало ясно, где мы идем, и я стал внимательно примечать местность. Перешли реку вброд и стали подниматься на гору. Потом вышли на ровную дорогу и шли довольно долго. Далеко впереди я увидел огонь и спросил:

- Кайда от-курнеда? (Что за огонь видно?)

Мне отвечали:

- Караул чечен-бар (Чеченский караул).

Подожли близко к огню. Для меня это было интересно. Я как будто позабыл, что я пленный и что могло со мной случиться. А могло случиться, как я слышал, вот что: у горцев есть будто бы обыкновение, что когда ведут пленного и в это время навстречу попадет кто-нибудь из хищников же, то между ними происходит большой спор и распря: встречному хочется взять что-нибудь с того, кто ведет пленного; а тот ничего не дает, потому что встречный не участвовал в поимке пленного, всегда сопряженной с большим трудом и опасностью. Тогда, со злобы, встречный хищник убивает пленного: пускай, мол, никому не достается. Вот что могло со мной случиться. Но, слава Богу, нам навстречу никто из хищников не попался.

Наконец мы подошли к плетневым воротам, по обеим сторонам которых были вырыты небольшие канавы с земляным валом и наверху наложен колючий терновник. Мы отворили ворота; нас окликнул вооруженный чеченец и повел к плетневой караулке, близ которой ярко

горел огонь. У огня спали 4 черкеса. Когда мы пришли, черкесы встали и приветствовали нас. Потом они сели возле огня и стали разговаривать почеченски, после чего все легли спать. Прикорнул у огня и я. Скоро мои товарищи заснули; но мне было не до сна. У меня в голове роились разные мысли. Бог даст, думал я, как-нибудь удастся мне бежать из плена; тогда я буду вольный человек и потомство мое всегда будет благодарить меня. А что подумают гонители мои, когда узнают, что я с семейством свободен? Они будут очень недовольны собой, что выпустили меня из своих рук, и притом ни за копейку. Они никогда не простят за это ни себе, ни мне. А может быть, мне уже более никогда не придется видеть ни родины, ни милого семейства... Тут часовой разбудил моих спутников, и мы пошли далее. Дорога шла под гору, и опять начался крупный лес. В правой стороне от нас в лесу, на возвышенном месте, виднелся огонь и шумели люди. На вопрос мой провожатые ответили: «алтмиш-кши караул бар салдат зжиберьма» (60 человек караульных солдат не пускают). Почти тотчас же прибежал к нам с того караула чеченец, поговорил с моими спутниками и ушел обратно, а мы начали спускаться под гору. Светало.

11 февраля

Мы подошли к реке, о которой провожатые мне сказали, что это Яман-су. Перейдя реку вброд, мы пошли вверх по ее течению. На косогоре, по мелкому лесу, виднелись разбросанные сакли, из которых выбегали к нам злые собаки. Через несколько времени один из моих спутников простился с своими товарищами; потом он подал мне руку и также сказал: «Саубул» (прощай). Стало совершенно светло. По обеим сторонам ровной дороги возвышался большой чинаровый лес, в котором какая-то птица пела странным заунывным голосом, и я думал: не предвещает ли она мне смерть? Но вот под горою показался небольшой аул; из разбросанных саклей шел

дым, который, мешаясь с туманом, расстился по низменной равнине и чинаровому лесу. Из гор протекала в Яман-су маленькая речка. Когда мы спустились по извилистой дороге в аул, то вошли в саклю о двух трубах. Нас встретила очень хорошенькая молодая черкешенка, с грудным ребенком на руках, с прелестным видом смотрела на моих спутников, из которых один, как потом оказалось, был ее муж; время от времени и на меня обращала она свои быстрые, огневые, черные глаза. Сели мы в сакле на разостланные кошмы; я — возле камина, в котором горел небольшой огонь. Черкешенка с ребенком вышла из сакли и скоро возвратилась в шелковых шароварах и бумажном бешмете. Через несколько времени я прилег у камина и крепко заснул. Долго ли спал — не знаю. Меня разбудил хозяин, сказав мне: «Тур» (вставай). Тут я увидел полную саклю черкес и черкешенок разного возраста. Мужчины и мальчишки были вооружены кинжалами, а некоторые и пистолетами. Все смотрели на меня своими черными глазами с любопытством и неприязненно; а я, как невольник, глядел на них с унылым видом. Они между собой говорили по-кумыцки, чеченски и тавлински. Черкешенка-хозяйка вынимала из золы в камине небольшие круглые лепешки из пшеничной муки (чуреки) и, вытерев их грязной тряпкой, подавала моим спутникам; один чурек дала и мне. Я его с большим аппетитом съел, держа над горстью, как просфору: ведь трое суток я не принимал никакой пищи. Затем хозяйка, подложив в огонь дров, повесила над ним небольшой котелок с водой, всыпала в него ячменной крупы и положила немного соли. Когда это кушанье поспело, хозяйка разлила его в чашки, положила в чашки по ложке и подала моим хозяевам, а также и мне; при этом она дала мне еще один чурек. Я поел с удовольствием, отдал чашку хозяйке и стал сидеть безмолвно. Народ то приходил в саклю, то уходил, и дверь беспрестанно скрипела, как несмазанное колесо. Часа через три меня

отвели в другую саклю; здесь по стенам висели ружья, пистолеты, шашки и седла; посередине стояла наковальня. Я своего провожатого спросил:

- Кэм дархан монда бар? (Кто здесь кузнец?)

- Кардаш маган (Брат мой).

Тут я понял, что меня вели два брата, из коих один был холостой, а другой женатый. И сюда начал приходить народ. Из пришедших один кумык сел со мною рядом и начал порядочно говорить по-русски. Оказалось, что он житель Андреевского аула, где у него был дом, жена и двое детей. Имя его — Мустафа. Как-то раз он купил в ауле Таскичах у неизвестного татарина пару лошадей. Лошади оказались крадеными, и Мустафа посажен был под арест с тем, что если он не разыщет татарина, у которого купил лошадей, то будет предан военному суду. Найти этого татарина было невозможно, и Мустафа из-под ареста бежал в здешний аул, где и жил уже более месяца. Тайно он ходил в Андреевский аул к своему семейству. Я был очень рад, что встретился с этим Мустафой, и подробно рассказал ему о своем плене. Выслушав меня, он заметил, что мне едва ли удастся отсюда вырваться скоро; вероятно, меня поведут к Шамилю в Красный аул (Дарго)²¹⁰, который в 40 верстах от здешнего аула. Тут вошел в саклю черкес, пожилых лет, рослый, стройный, красивый; одет он был в желтую черкеску, убранную серебряным галуном; на груди прекрасные патроны, на левом боку кинжал с дорогой рукояткой, сзади пистолет. Он сел возле меня, бросил на меня свой орлиный узор и сказал:

- Аман, салдат (Здравствуй, солдат).

Я ответил: «Аман» — и потом спросил Мустафу — кто это?

---

²¹⁰ Шамиль (1797—1871) — вожь кавказских горцев. Объединил горцев Дагестана и Чечни и до взятия в плен при штурме Гуниба (1859) вел освободительную борьбу. Дарго — резиденция Шамиля — была взята русскими войсками осенью 1854 г.

- Чеченец, — отвечал Мустафа, — этого и окрестных аулов начальник. Тысячным прозывается. В случае какого приказа от Шамиля к тревоге, он выгоняет из аулов вооруженных людей и представляет, куда следует.

После этого Мустафа разговаривал с тысячным минут 10 почеченски. Потом тысячный через Мустафу спросил меня — сколько у русского царя войска? Я отвечал, что два миллиона. Мои собеседники очень этому удивились; тысячный полагал, что в России только и войска, которое дерется с ними в горах. Тысячный сказал еще, что у них есть свой порох; делают его тавлинцы; он не так силен, как русский. При этом тысячный высыпал из одного патрона порох и показал мне. Порох похож на наш пушечный, только помельче. Русский порох черкесы доставали от мирных черкесов по 2 абаза (40 коп.) за фунт. По словам тысячного, у Шамиля пушки лили беглые поляки.

К вечеру черкесы ушли из сакли, а в том числе и тысячный. Остались только четыре молодых черкеса и один старик да Мустафа, который сказал:

— Тебе скучно; я принесу карты, и будем играть.

Он ушел; а один из черкесов принес ножные железы и сковал мне ноги. Скоро Мустафа возвратился с новенькими картами. Мы сели у камина, в котором ярко горел огонь. К нам присоединились два черкеса, и мы стали играть в дураки. Черкесы играли плохо; но я нарочно оставался дураком; они были очень довольны и смеялись надо мной, говоря: «салдат теньтяк» (солдат дурак). Часа через два хозяин принес мне чурек; я бросил карты и начал его есть с водою, которая была в чугунном кувшине. Эта вода служит черкесам для умыванья рук и лица, когда они идут в мечеть на молитву. Поевши, я начал опять играть в карты, и играли до позднего вечера. Потом Мустафа сказал мне: хочу спать — и стал собираться уходить. Я просил его

прийти ко мне завтра, и буде услышал бы в ауле какую новость, то поделился бы ею со мной: ведь так приятно было слышать хоть что-нибудь!.. Когда Мустафа ушел, молодые черкесы легли спать, а старик предварительно осмотрел на мне железы, привалил к двери стоящую посередине сакли наковальню и потом уже расположился спать. Я лег у самого огня под своей шинелью, но долго не мог заснуть от разных невеселых дум.

12 февраля

Проснулся я рано. Товарищи мои еще спали крепким сном. Я прозяб и стал разводять огонь в камине. Когда рассветало, загалдел в ауле народ, замычали коровы, заблеяли бараны, закричали петухи, кудахтали куры, ревели буйволы, в лесу кричали филины. Товарищи мои встали и выходили из сакли. Я тоже вышел подышать свежим утренним воздухом. Небо было пасмурно; с гор расстилался по аулу густой туман; на высоких чинаровых деревьях висел серебристый иней; вдали шумела по камням реке Яман-су. Я возвратился в саклю и сел у огня. Через несколько времени пришел ко мне хозяин с каким-то одеяньем и пантомимно объяснил, чтобы я переменял свой костюм; при этом он отпер мои кандалы. Я надел рубашку, столь грязную, как у трубочистов, овчинную, дырявую шубу, на ноги — худые «чевяки»²¹¹, а на голову — рваную шапку. В этом наряде я, вероятно, похож был на пугало, что ставят в деревнях на огородах. Хозяин запер у меня кандалы, взял с собой мою одежду и вышел из сакли. Спустя немного, жена хозяина принесла мне кашицы с салом и несколько более обыкновенного чурек. Лишь только окончил я свою трапезу, как пришел Мустафа; он сказал, что был у тысячного, который ему передал, будто меня скоро

---

²¹¹ Чевяки — сафьянные башмаки.

поведут к Шамилю; только мой хозяин уговорил его повременить, обещаясь дать ему за это подарок. Тут мне пришло на мысль: не хлопчет ли Осип Фавишевич о моем выкупе. Кроме меня и Мустафы в сакле никого не было. Я его спросил: нельзя ли мне как-нибудь бежать отсюда? Мустафа отвечал, что он душевно рад бы мне помочь в этом деле; но одному ему тут ничего не поделать, а кому-нибудь сказать об этом он страшится. Впрочем, завтра ночью он отправится в Андреевский аул к своему семейству и, может быть, что-нибудь разведает там относительно моего освобождения. Тут пришли мои товарищи и некоторые другие черкесы. Мы стали опять играть в карты, и, как вчера, я умышленно оставался дураком, чем доставлял видимое удовольствие черкесам.

Вечером мы остались с Мустафой одни. Четверо моих молодых товарищей не показывались. Мустафа сказал, что они уехали на воровство.

- А куда? — полюбопытствовал я.

- Они и сами не знают, когда выезжают из своего аула, — отвечал Мустафа. — Обыкновенно ездят и бродят, как голодные волки, по разным дорогам и близ мирных аулов. Если кто встретится — ограбят; попадетсся скот — угонят. Они неустрашимы. Этим только и живут. Да вот еще — кого в плен возьмут; если не убивают — продают.

При этом Мустафа грустно взглянул на меня, а мне было грустнее его. — Он простился со мной. Хозяйка принесла мне чашку кашицы и чурек. Потом пришел старик, осмотрел на мне кандалы, не забыл привалить к скрипучей двери наковальню и расположился спать. В камине горел огонь. С тревожными мыслями заснул и я.

13 февраля

Проснулся рано. Старик встал, посмотрел мои кандалы, взял топор и Ушел из сакли. Я остался один и с горечью вспомнил этот незабвенный в

моей жизни день: в этот день скончался дражайший мой родитель. Слезы Ручьем полились из глаз моих... Явился хозяин, поздоровался со мной и ушел. Хозяйка принесла кашицы и чурек. Спустя немного, забежал ко мне Мустафа, — сказал, что ему сегодня некогда и завтра, по возвращении из Андреевского аула, у меня будет. Я вышел из сакли и тяжелыми стопами Направился в гору. Хозяин прошел мимо меня, но не сказал ни слова. Сел я на приталинке, как жаворонок, возле огромного чинарного дерева и стал рассматривать окрестность. Солнце ясно выкатывалось из-за гор и своими лучами пригревало землю. С гор журчала вода; река Яман-су шумела. С деревьев осыпался иней. В лесу черкесы рубили столетние чинары, которые с треском валялись на землю, и их возили на буйволах в аул. Жаворонки пели; филины кричали каким-то странным голосом. Черкешенки гнали на водопой скот; некоторые носили из протока на плечах воду в кувшинах. Ко мне подходили ребяташки; у них были кинжалы и небольшие пистолеты. Они садились возле меня и смотрели очень недружелюбно. Между собой говорили по-чеченски, и я не понимал. Но вот я остался один, стал смотреть в землю и тут заметил: что-то светится, вроде звездочек. Покопал щепкой немного в земле — звездочки умножались. Мне пришло на ум, что это, должно быть, какой-нибудь горный металл, я подумал: дай Бог нашему царю скорее покорить Шамиля с его хищными народами и завоевать эту мятежную землю, в которой можно найти немало богатства и изобилия; Бог даст, настанет конец этим постоянным браням и кровопролитиям, и наш царь овладеет этою прекрасною страной... В сих размышлениях я заметил — вдали с горы к аулу спускались какие-то два человека в белых чалмах, ведя оседланных лошадей. Хозяин мой, увидев этих людей, пошел к ним скорыми шагами и долго о чем-то с ними разговаривал; причем все трое

посматривали на меня. Когда те отправились далее, хозяин подошел ко мне и, вздохнув, спросил:

- Сенике катан бар? (Есть ли у тебя жена?)

- Бар катан улу нике кыз (У меня есть жена, сын и две дочери).

Хозяин опять вздохнул и пошел от меня в свою саклю. Я совершенно терялся в догадках: для чего это он спросил меня о моем семействе? Я думал, что нет ли тут какой связи с моей запиской к Осипу Фавишевичу, у которого я просил для выкупа меня 300 рублей. Мне по опыту известно, что худо делается скоро, а добро творится медленно. И Фавишевич едва ли обратит внимание на мою записку. Вот если бы он хоть догадался и написал жене моей в Выездную слободу — другое дело: жена, может быть, как-нибудь собрала бы в Арзамасе от сродников и знакомых требуемую сумму. Но это дело могло очень затянуться. Я заплакал неутешно... Уже вечером, когда воздух начал чувствительно холодеть, я припелся в саклю, поужинал известной кашницей с чуреком и расположился у огня. Пришел мой неизменный страж — старик с охапкой дров и, бросив их возле меня, сердито сказал: «Ма, салдат, от — сал» (На, солдат, клади в огонь). «Что ж, — подумал я, — от безделья и то рукоделье», и стал подкладывать дрова в огонь.

14 февраля

Рано утром пришел ко мне Мустафа и сказал, что он только что прибыл из Андреевского аула, где виделся с своей женой, которая передала ему обо мне следующее: на другой день моего плена (9 февраля), утром, Фавишевич будто бы заявил полковому командиру Козловскому, что ночью я не пришел домой из Андреевского аула, куда он, Фавишевич, послал меня по делу. Полковник полагал, что меня убили андреевские татары или передали в горы хищникам, и поэтому приказал солдатам искать меня по

подозрительным в ауле саклям; но эти поиски, разумеется, оказались тщетными. На другой день найдена была по дороге в аул та записочка, которую я писал Фавишевичу о своем выкупе, и теперь будто бы полковник, по просьбе Фавишевича, хлопочет выкупить меня или сделать промен на хищников, содержащихся на обвахте. Но когда это будет — неизвестно. Разумеется, я был очень рад этим вестям. — После этого хозяин принес мне известный обед; я стал есть, а он разговаривал с Мустафой. По уходе хозяина, Мустафа передал мне свой разговор с ним. Хозяин говорил, что вчера мимо здешнего аула проезжали два черкеса из купцов, узнали, что у него есть пленный (то есть я) и покупали меня за 100 баранов; но хозяин на это не согласился и сказал, что он еще подождет — не будет ли лазутчика из Андреевского аула насчет выкупа меня за деньги: это для него удобнее, так как деньги всегда можно иметь при себе, а скот держать опасно, даже от набегов русских. Потом мы целый день играли в карты. Уходя, Мустафа сказал мне, что, кажется, его скоро простят, и тогда он будет в состоянии отсюда меня украсть. Обрадовало меня и это. Я заснул с приятными мечтаниями. Сон мне привиделся: будто мой покойный родитель, пришедши ко мне в эту саклю, сказал: «Что ты, Николай, здесь сидишь? Я тебя давно ищу. Пойдем скорее». И, взяв меня за руку, повел из сакли. Мы вышли на ровную, чистую дорогу; по обеим сторонам зеленелись обширные луга с сочной высокой травой и цвели цветы. Я был очень рад... и проснулся.

15 февраля

Я начал разводить в камине огонь. Старик проснулся, быстро встал, посмотрел на мне кандалы и взглянул на дверь: она была не завалена наковальной. Старик покачал головой и чуть слышно сказал: «Алла, алла». Через несколько времени хозяйка принесла мне обычную порцию кашицы и

чурек. Поевши, я пошел из сакли на прежнее место к высокому чинару; сел на камень и, смотря как бы на знакомую местность, призадумался. — Ко мне подошел пожилых лет мужчина; в одной руке он держал деревянную необделанную ложку, а в другой — род топорика, которым ложку эту обдελывал. Он поздоровался со мной, сел и изломанным кумыцким языком стал говорить; я с трудом понимал его. Мужчина объяснил, что он тавлинец, живет в здешнем ауле. При этом он указал рукою на одну из саклей. Потом говорил, что у него есть много всякого хорошего оружия, овец, лошадей и рогатого скота; имеет дочь. Вслед за тем совершенно неожиданно для меня он предложил мне, чтобы я взял дочь его в замужество и остался здесь навсегда. Я ему отвечал, как умел, что у меня есть жена и дети, и закон наш не позволяет жениться при живой жене. Тавлинец покачал головой, вздохнул и задумался. Потом он стал обдελывать ложку, которую я похвалил. Он ушел от меня, не сказав более ни слова.

День был ясный, теплый. Я просидел до вечера, когда стало холодать: тут я возвратился в саклю; развел в камине огонь. Пришел Мустафа и сказал, что он был в мечети. Вслед за ним хозяин принес мне молочной кашицы с сорочинским просом и два куриных яйца, промолвив, что сегодня у них «бай-рам» (праздник). Потом он начал разговаривать с Мустафой, который разговор этот переводил мне. Хозяин говорил, что, по случаю давнишней брани с русскими, у них в горах все дорого; не будь этой брани — было бы совершенно наоборот: самый хлеб ничего бы не стоил, потому что почва здесь плодороднейшая. Житье им стало трудное и потому, что надобно бояться и Шамиля, и русских, которые всегда могут напасть на них врасплох и истребить до основания. Поэтому, если ему, хозяину, удастся продать меня в горы или получить выкуп от русских, то он оставит здешние места и примет русское подданство. Мы стали играть в дурачки. Чрез

несколько времени вошел в саклю рослый, совсем вооруженный черкес, которого хозяин и Мустафа приняли благосклонно и с почтением просили садиться. Этот черкес посмотрел на меня очень свирепо, как зверь; казалось, своими быстрыми глазами он хотел съесть меня. Такой взгляд был для меня неувидителен, потому что редкий азиат смотрел на меня с улыбкой или сожалением. Это и понятно. Все горские народы от века своего жили свободно и не зависимо ни от кого. Только с русскими они вели давнишнюю непрерывную брань. Во все это время много пролито русской крови; а из горцев, может быть, из десяти один найдется, у которого не был бы убит русскими дед, отец, сын — какой-либо родственник. Поэтому как же иначе, как не с ненавистью, должен был смотреть на меня азиат?

Пришедшего черкеса я еще не видал у себя в сакле и думал: не пришел ли он сюда покупать меня или вести к Шамилю? Сердце мое забилось. Я спросил о черкесе Мустафу, который отвечал, что это — здешнего аула житель, отважный храбрец, уважаемый всеми, даже самим Шамилем; он только сегодня приехал из гор. Я успокоился. Пришедший черкес не умел играть в карты; он только смотрел на нас. Потом вступил со мной в разговор, выражаясь по-кумыцки с изломанным русским языком.

- Сколько у вашего царя войска? — спросил меня черкес.

- Много, — ответил я. — А у вашего Шамиля сколько?

- Годных к ружью выйдет тысяч 60.

- У нашего царя в 30 раз больше.

Черкес подумал и потом сказал:

- Ваши четыре солдата не стоят нашего одного горца. У нас каждый приучен стрелять с малолетства. С малых же лет каждому внушается, что русские много убили наших и они наши враги. Потому черкес модничает убить русского и промаха не дает: дорожит пулей. Опять и то: мы хорошо

знаем местность. Русский солдат всегда идет грудью: открыт для наших выстрелов, и мы стреляем то с дерева, то из-за камня. В нас нелегко попасть.

Потом, помолчав, он спросил меня:

- Когда выгоняют скот для питья из Незапной крепости на реку Акташ и бывает ли при нем конвой?

- Поят скот, — отвечал я, — когда взойдет солнце и туман совсем рассеется; если же есть туман, то скот на Акташ не гоняют: боятся черкесов. Да вам зачем это знать?

- Мне давно хочется угнать скот из Незапной, — сказал черкес.

- Но вокруг всей крепости расположены секреты, — возразил я. — Сейчас дадут знать на обахту; забудут тревогу, и майор Кишинский в самых горах вас будет преследовать.

- Ох, уж этот Кишинский, — сказал черкес. — Много вреда он нам делает. Но когда-нибудь он попадется же нам. Тогда с живого кожу сдерем и вам пришлем чучело. Нам много еще вредит ваш толстый полковник**; и до него доберемся. Он прошлой весной много наших черкесов перебил.

- Да, правда, — заметил я. — Хоть меня в то время и не было, но я слышал, что 23 апреля приходил Шамиль к Незапной крепости и полковником Козловским был прогнан с большим уроном.

После этого разговора черкес ушел. Затем Мустафа рассказал мне новость, что Шамиль издал повеление по всей Чечне, чтобы его подвластные горские народы не курили табаку и не пили водки. Какой смысл в этом повелении — мне было неизвестно. Я спросил Мустафу:

- А что, исполняют это повеление?

- Да, — отвечал он, — в самой точности. Даже и я не могу курить здесь явно, а курю секретно; потому — как раз наживешь себе худо.

Мустафа просидел у меня до поздней ночи и потом ушел в свою саклю. Мы остались вдвоем со стариком, который скоро заснул. А я начал думать: нельзя ли бы мне убежать как-нибудь? Вот если бы можно было чем-нибудь разбить железы или отпереть их. До Незапной не более 40 верст; дорогу я помню. Но если навстречу попадутся хищники — что тогда? Положим, я могу взять со стены кой-какое оружие, но ведь все-таки я буду один в дороге... Вдруг собачий лай разнесся по всему аулу; люди начали громко кричать. Старик проснулся, выбежал из сакли и чрез несколько времени возвратился, сказав мне: «Кас кыр-кельды» (К скоту пришли волки). Шум в ауле продолжался не более полчаса, и затем все смолкло. Старик уснул, а вместе с ним и я.

16 февраля

Утром пришел ко мне хозяин и после приветствия «аман» рассказал мне, что ночью приходили волки и утащили много овец. Хозяйка принесла мне кашицы и чурек. Потом пришел ко мне Мустафа с известием, что поутру тысячного зачем-то потребовали к Шамилю. «Вот, — подумал я, — теперь, верно, скоро и меня поведут к нему». Между тем приехали четверо моих прежних товарищей, которые ездили на грабеж. Мустафа объяснил мне, что им на воровстве удачи не было никакой и что дня через три они отправятся за добычей на самый Терек. Весь день играли в дурачки. Вечером хозяйка принесла мне известное кушанье, к которому я стал привыкать. Товарищи мои, верно утрудившись в дороге, скоро легли спать, а за ними и старик.

На дворе был мороз; в сакле становилось холодно. Я прибавил в огонь дров и безмолвно грелся. Старик позабыл запереть дверь и завалить ее наковальней. Я задумал бежать. Вышел тихонько из сакли и направился к конюшне: она оказалась незапертой. Я также тихо вернулся в саклю и стал

обдумывать следующее: оружие, развешанное по стенам, надобно вынести и спрятать; если черкесы мои и проснутся — не беда: у них не будет оружия. Затем возьму с собой два ружья, пистолет и кинжал; оседлав лошадь, отведу ее из аула сажен 40, разобью кинжалом свои железы, сяду на лошадь и ускачу. Если попадется кто из хищников — у меня все-таки три выстрела. Да, — думал я, — надо бежать! Благослови меня, Господи! И начал кандалы свои обвертывать тряпкой, чтобы они не брнчали. Только что хотел достать седло и оружие, как один из черкесов заворочался, приподнял голову и, взглянув на меня, спросил:

- Не турассан? (Что ты сидишь?)

- Бек сувук (Очень холодно), — отвечал я и затрясся, как в лихорадке.

Черкес встал и вышел из сакли, а чрез несколько минут вернулся.

Хотя

он и лег спать, но все что-то ворочался. Нет, — подумал я, — видно, не настал еще час моего побега, и начал развертывать с желез моих тряпку. После этого я лег у самого огня; но от сильного волнения и мыслей о дорогих родных не мог заснуть до самого рассвета.

17 февраля

День начался обычным движением в ауле. Рано пришел ко мне Мустафа и, вынув из кармана трубку и табак, сказал:

- Хоть Шамиль и запретил курить в горах табак, но — только своим подданным; а вы не подданные — пленные: сегодня здесь, а завтра у русских.

- Твоими бы устами да мед пить, — промолвил я. Потом пришел хозяин с четырьмя моими прежними товарищами. Он спросил меня:

- Аман-ма, салдат? (Здоров ли, солдат?)

- Бек-аман (Очень здоров), — отвечал я. Хозяин улыбнулся.

Спустя немного хозяйка принесла мне обычное кушанье. Потом играли в карты. Около полудня я вышел из сакли и, сев на толстое сухое дерево, предался своим печальным думам... Тут пришел ко мне хозяин и сказал:

- Юрмень курсетеим ат-каисы урланда Андрев аул у салдат (Пойдем, я покажу тебе лошадей, которых украли в Андреевском ауле у солдат).

Действительно, я увидел великолепных четырех лошадей, принадлежавших батальону Замойского полка, расположенного в Андреевском ауле.

Вечером опять сели за карты. Правда, это — пустое занятие; но в моем положении — и за то спасибо: без этого развлечения обуяла бы меня скука смертная и дума горькая. К полуночи игра кончилась, и я, завернувшись в свою дырявую шубу, подложив под голову кулак, уснул. Мне привиделся сон, будто меня привели к Шамилю, который уже был немолод, с подкрашенной Породой, худощавый, в пестрой чалме, в белом шелковом бешмете, подпоясанный наборным серебром ремнем, с убранным драгоценными камнями кинжалом; он сидел на прекрасном персидском ковре, поджав под себя ноги. Я ему поклонился, и он также, сказав: «аман, москов». Я сказал: «аман» — и проснулся. Да, — подумал я, — может быть, сон мой осуществится сегодня же. И что со мною будет? Я слышал, что Шамиль круто обходится с нашими офицерами, попавшими к нему в плен. А уж мне и думать нечего о какой-нибудь милости или снисхождении. Впрочем, и то: ведь я не сделал никакого зла повелителю горских народов; так за что же он меня будет тиранить? Но — чему быть, того не миновать.

18 февраля

Утром, по обыкновению, пришел ко мне хозяин и после обычного приветствия сказал:

- Монда турассан сигас кун (Ты здесь сидишь восьмой день).

После этого ушел. «Верно, — подумал я, — хозяин высчитывает цену меня».

Явился Мустафа и передал мне, что если не завтра, то послезавтра тысячный поведет меня к Шамилю.

Я ничего не сказал, а только вспомнил прошедший сон. Хозяйка принесла мне больше обыкновенного чурек и кашицы; она как будто знала, что мне предлежит нелегкий путь к повелителю горских народов. Когда я пообедал, Мустафа, подавая мне трубку, сказал:

- Кури и накуривайся. У Шамиля курить не дозволят.

Мы вышли из сакли и сели на пригорке.

- Ты очень изменился в лице, — промолвил Мустафа.

Я согласился, что это может быть, — и снова начал говорить ему о своей тоске, по пословице: «у кого что болит, тот о том и говорит». Потом Мустафа

ушел.

Весь день и вечер провел я невыразимо скучно.

19 февраля

Когда я проснулся, в сакле было уже светло. Товарищи мои встали, надели на себя свои боевые доспехи, оседлали лошадей и уехали на грабительский промысел. Скоро пришел ко мне Мустафа, а за ним — хозяин, который сказал мне через Мустафу, что его тревожит тысячный относительно того, чтобы меня вести к Шамилю, и затем с огорчением оставил саклю. Думать надобно, что это огорчение происходило от того, что Фавишевич не присылал лазутчика с выкупом за меня, а при отправке меня к Шамилю хозяин мог ничего не получить; значит — труды его и какое ни

на есть содержание мое пропали для него даром. Мустафа угостил меня трубкой, обещался прийти ко мне завтра пораньше проводить меня, как поведут к Шамилю, и обо всем поговорить. Он удалился.

Скушав чурек и кашицу, я вышел из сакли и, поднявшись в гору, сел на камне. Знакомые картины!.. Я стал смотреть в ту сторону, куда меня поведут: там синели высокие горы, на вершинах которых белелся снег и клубился густой туман, а там — облака неслись по направлению полуденного ветра к северу. Выглянуло солнце, но прискорбное сердце мое не находило отрады...

Ко мне подошел как будто черкес, невысокого роста; при нем был один кинжал. Подошел ко мне и чисто по-русски сказал: «Здравствуй, брат». Это меня удивило, и я любопытствовал узнать: кто он?

- Я, — сказал он, — Кабардинского полка солдат, татарин. Из полка бежал уж года три. Живу здесь, в ауле. Вон моя сакля. (При этом он протянул правую руку к краю аула.) Я видел, когда тебя вели два брата — кумыки. Говорят, из Андреева аула. У меня знатная собака; первая в здешнем ауле.

- Видел, брат, твою собаку, как вели меня в этот аул. Собака злая. Если бы ее в Россию — для гуртовщиков, то не пожалели бы и ста рублей, потому—не подпустит к скоту хищного волка. А какой ты губернии и уезда?

- Оренбургской, — отвечал он, — Каргалинской слободы житель.

- Я, любезный, очень хорошо знаю Оренбург и слободу Каргалу. Там у меня есть знакомые купцы и татары. Я покупал у них баранов. Да и на меновном дворе, в 1828 году, приказчик мой имел там лавку и обменивал баранов на красный товар у киргизов.

Солдат спросил:

- А как звали приказчика?

- Иван Семис***, — отвечал я.

- Я служил у него четыре месяца в том году, — начал татарин. — Водил киргизов в его лавку, именно менять баранов на товар. За это получал от него хорошее жалованье. Но вас в лавке не видал. К вашему приказчику я поступил в августе месяце.

- В это время меня уж не было в Оренбурге. Уехал. Но вот что, любезный друг; какой странный случай видеть в горах, у хищников, своего работника! Как ты сюда попал?

- В солдаты я пошел за братьев; потому — у них дети. Назначили в этот самый Кабардинский полк. Пригнали на Кавказ. Но как я привык дышать свободой, то не хотел служить, ушел сюда и живу ладно: разве только при большой тревоге потребуют к Шамилю. Да и то отлыниваю. Что я за дурак такой — в своих стрелять? Это противно и грешно. Живу себе здесь, коплю копейку; завелся саклей; хочу жениться. Может быть, здесь и умру.

Тут он попросил меня рассказать ему мою историю жизни. Разумеется, я с удовольствием исполнил эту просьбу и свою печальную повесть заключил так:

- Ты видишь — я теперь пленный человек у хищников. У меня осталось милое, дорогое семейство. Мне его душевно жаль. А как ты ел мой хлеб и слышал обо мне, кто я был таков, — то, добрый работник мой, помоги мне в моем несчастье: помоги мне отсюда бежать. Я могу там дать тебе 200 рублей.

При этом я взял его за руки и сам горько заплакал.

- Я слышал, почтенный мой хозяин, — сказал татарин, — что завтра вас поведут к Шамилю. Вырваться оттуда трудно. Я бы помог вам, только... (Тут он задумался.) Знайте: из этого проклятого аула черкесы часто ездят на

воровство или к родным и знакомым в Андреевский аул. Ведь попадешься - смерти не минуешь. А дорога не близка. Положим, до Незапной добежать можно. Все-таки...

Тут татарин опять задумался и потом сказал:

- Мне жалко вас, хозяин, и хочется сделать вам добро. А денег ваших мне не надо, да и трудно получить их: опасно... Когда бы вы вышли из плена, то, по крайней мере, сказали бы, что татарин освободил вас только из одного сердоболия.

Мой собеседник снова умолк. Затем он, оглянувшись кругом, начал говорить мне следующее:

- Да, так: я хочу только помочь вам. И вот что я сделаю: железы на ваших ногах отопру; провожу два караула; дорогу расскажу, а сам вернусь поспешно в свою саклю. Бегите до Незапной, как знаете. Если же на дороге вы попадетесь хищникам и будете живыми возвращены в этот аул или в другие немирные аулы, то никак не открывайте, кто вам отпер железы и выпроводил отсюда. В дороге не медлите.

В порыве радости я произнес:

- Ты — второй отец мой, покровитель и избавитель в гонениях моих и всего рода моего вовеки.

Татарин говорил мне:

- Теперь ступайте в свою саклю: нас могут заметить. Я буду у вас перед вечером, когда ваши хозяева будут в мечети, и принесу вам — чем можно отпереть на ваших ногах железы. Дайте взгляну.

Он посмотрел на ногах моих железы и, сказав «хорошо», молвил:

- Ужо, как выйдете из сакли, идите вон по той тропинке (он указал рукой) и ждите меня. Я свистну.

У меня был точно чад в голове. Неужели это правда? Ведь правда так несбыточна!.. Я утер кулаком катившиеся по лицу моему слезы и пришел в свою саклю. Растопил камин и стал смотреть на свои железы. Будет ли мне обещанный ключ отпереть их? Жду не дождусь своего благодетеля-татарина. Но вот он торопливо вошел в саклю и сказал:

- Давай отпирать ваши железы: скоро из мечети придут хозяева.

Он вынул из кармана какие-то четыре железки, из коих одной было очень ловко отпереть замок на моих кандалах. Эту железку я взял.

- Иди тихо, — сказал татарин, — как бы собаки не услышали.

И поспешно ушел.

Хозяйка принесла мне чурек и кашицу. Я подумал: «Может быть, в последний раз угощаюсь этим кушаньем». — Покушавши, осмотрел свои чевяки: они были худые. Ни чулок, ни портянок нет. Я разодрал неприглядную хозяйскую рубашку, в торопливости, дрожащими руками обмотал свои ноги и надел худые чевяки. — Пришел мой страж-старик, сел возле огня и стал со мною греться. Потом он осмотрел на мне кандалы, завалил дверь наковальнею и лег спать. «Господи! — подумал я. — Может быть, этот старичок в последний вечер исполняет свой дозор: осматривает на мне железы и запирает дверь. Когда я уйду, он, вероятно, получит за меня жестокие побои». Мне стало его жаль (а себя — не скрою — больше). Я лег возле старика и притворился спящим. Через несколько времени, будто во сне, я толкнул старика ногой, но он лежал, как убитый. Тут я встал, перекрестился, отпер замок на кандалах железкой, которую мне дал татарин, взял небольшую палку и тихо, осторожно вышел из сакли. Собаки не почуяли меня. Выбрался я из аула и по указанной тропинке пошел на гору. Тут остановился близ толстого чинарового дерева и стал прислушиваться. Прошло минут 10. Слышу — кто-то идет ко мне по тропинке и,

остановившись на минуту, тихонько свистнул. Это был мой благодетель-татарин, вооруженный по-черкесски. Мы пошли скорыми шагами. Я не чувствовал под собою ног — как перо на воздухе поднимался. Перешли вброд Яман-су и поднялись на гору в лес. Тут добрый спутник мой сказал, что один караул надобно обойти лишнего версты на три, чтобы не попасться с этого караула возвращающимся в свои аулы хищникам.

- Ради Бога, веди, где знаешь, — сказал я. — Я теперь пройду не только что три лишние версты, а и двадцать.

Мы подошли далее в лес, без дороги, снегом, который под нашими ногами проваливался. Мои худые чевяки были полны снегом; но мои разгоряченные ноги того не чувствовали. Вышли из большого леса в маленький, на узенькую, чуть видную тропку. Потом спутник приказал мне сесть в стороне под куст; а сам пошел по тропинке к караулу разведать: спят ли часовые? Минут через 15 благодетель мой пришел ко мне с поспешностью, говоря, что все караульные спят. Мы пошли тихо, с осторожностью. Вот — и те ворота, через которые вели меня аульские хозяева в плен. Я взглянул на караулку, в которой горел небольшой огонь, и — сердце мое забилось. Пролезли в ворота очень осторожно; от них дорога пошла под гору, к речке Эраксу. Отсюда немного; добрый провожатый мой остановился и сказал:

- Я, хозяин, больше провожать тебя не могу. Вот тебе дорога. Вправо не сворачивай — попадешь в немирный аул Аухи. Если влево пойдешь, когда перейдешь Эраксу, то выйдешь в мирный Акташ-аул или на большую дорогу, которая идет с линии Акташ-аула, и тебе будет все равно бежать до Незапной ли крепости или до Акташ-аула. Если же не собьешься с прямой дороги, то прибежишь в Незапную прямо. Будь осторожен, прислушивайся. Чуть что заслышишь впереди — бросайся в сторону. В случае, поймают тебя

хищники — не сопротивляйся; становись на колени и проси прощения: они это любят. Не теряй времени; оно для тебя дорого. Прощай. — Он крепко пожал мою руку и промолвил: — Если благополучно доберешься до Незапной, вспомни, что я сделал это для тебя из сердоболия. Прощай.

Я поклонился ему в ноги и поцеловал его. Как стрела пустился я под гору. Добежал до Эраксу, перебрел ее по колена и побежал далее, опять под гору. По обеим сторонам был лес и небольшие каменные утесы. Мне мерещилось, как будто за мной бегут. Остановлюсь на минуту, прислушаюсь — и снова бегу. Дорога стала суживаться. Вот татарские кладбища; скорее — мимо их. Ноги мои начали путаться в наполненных снегом чевяках. Пот с меня лил градом; страшную жажду утолял снегом, который хватал пригоршнями. Так пробежал я примерно верст 20 и сел в изнеможении на снег. Как от лошади после долгой езды в морозную ночь шел от меня пар. Я слышал: кто-то по тропинке едет. На голове мокрые волосы встали у меня дыбом. «Ну, теперь не миновать мне своей гибели» — мелькнуло у меня в уме. Я начал всматриваться вперед, откуда явственно слышался какой-то шорох, и увидел огромную дикую свинью. Как быть? Когда свинья приблизилась ко мне сажени на две, я крикнул что было мочи. Свинья шарахнулась с тропинки в сторону и, сделав несколько прыжков, в снегу завязла. Потом полезла далее. Я тихо пошел по тропинке, не спуская глаз с дикого животного. Отойдя сажень десять, пустился бежать, что называется, во все лопатки. Долго ли бежал, не помню. Тут и черкесов забыл. Остановился, посмотрел назад: не бежит ли за мной свинья? Нет, и рысью побежал далее. Взмокшая на мне шубенка стала тяжела; впору бы ее и сбросить. А снег беспрестанно бросал себе в рот, как воду на каменку. От свиньи отбежал приблизительно верст 10. Мои портянки и чевяки размочалились. Я пошел шагом. Начала заниматься заря.

Дорога виднелась впереди шире и шире, и мне было очень способно бежать. Вот и лес стал реже. Потом — дорога санная, мне попутная: верно, в Незапную. Тут я, немного отдышавшись, тихо проговорил: «Господи! вынеси раба твоего грешного. Непусти врагам или зверям растерзать мое нечистое тело на чужбине. И приведи мне быть у Твоего св. гроба в Иерусалиме, чтобы пролить чистосердечные мои слезы за столь щедрые и богатые Твои милости». — Светало. Мне подумалось, что откуда-нибудь, издали, хищники могут меня завидеть и мне будет невозможно укрыться от них. Я бежал, сколько осталось сил моих. Слезы лились от встречного ветра; но мне было не до них... Вот вдали, по правую сторону, я увидел башню Незапной крепости, а там — и Андреевский аул. Скоро лес совершенно кончился. Я побежал на большую дорогу, которая шла с линии от Терека. Вон часовой на крепостной стене. Я прибежал к форштадтским воротам и упал замертво...

Фавишевич ужаснулся, увидев меня в таком поистине плачевном виде, и был очень рад моему возвращению. Он по-прежнему взял меня к себе на службу. Хотя и искажена была моя голова, но в ней, благодаря Бога, ум не повредился. — Прошло близ месяца, и я начал хлопотать по делу о моем плене. Пришел к полковому командиру Козловскому, рассказал ему все дело и просил выдать мне свидетельство о том, что в плену у хищников я действительно был. Командир сделал мне строгий выговор за то, что я иногда поздно ходил в Андреевский аул; однако приказал отобрать от меня в полковой канцелярии подробное объяснение, выдать мне надлежащее свидетельство и отнестись к начальнику левого фланга генералу Гасверту.

После того Фавишевич дал мне поручение ехать на линию до Ставрополя для разузнания цен на скот. Это поручение мне теперь было как нельзя более кстати. 21 марта я отправился верхом, при «оказии», до Терека,

а потом один, по большой дороге, на старое свое пепелище — Пятигорск. Здесь с старинными приятелями провел первые три дня Пасхи и двинулся в Ставрополь. По приезде сюда, на Фоминой неделе, в понедельник, я подал прокурору, с приложением свидетельства о плене, прошение, коим ходатайствовал «об освобождении меня от помещичьего владения». После того возвратился в Незапную крепость.

Помнится, в первых числах мая месяца у нас разнесся слух, что Незапную посетит главнокомандующий граф Михаил Семенович Воронцов. Он осматривал в горах все укрепления. Ехал будто бы из Тифлиса чрез Темир-Хан-Шуру и аулы: Казюрт и Кустяки, а затем и Андреевский. В назначенный день мы все вышли за крепостные ворота встречать высокого гостя. Когда граф с многочисленным конвоем и свитой показался из Андреева аула, началась стрельба из крепостных орудий. Он, украшенный сединами, ехал на белой черкесской лошади. С лица его не сходила приветливая улыбка. Подъехав к нам, граф спрашивал: нет ли кому от кого обиды или притеснения? Тогда полковник Козловский представил меня пред лицом графа. Его сиятельство очень ласково со мной говорил и расспрашивал о моем плене. В заключение он с улыбкою сказал:

— Молодец! Скоро ушел от них. Верно, тебе там не понравилось.

И с тем поехал от меня. В крепости был развод, которым граф остался доволен и благодарил Козловского. На другой день граф оставил Незапную и чрез Баташ-Юрт отправился на линию в Кастыченское укрепление. По отъезде графа войско из крепостей начало стекаться в сборный пункт — укрепление Таскичи. С своими нагруженными разного провизией арбами притащились и мы. Войска собралось тысяч до 30. Скоро прибыл граф Воронцов и выступил из Таскичей к Незапной****. В одном месте войско расположилось на отдых. Зной был нестерпимый, и потому всеми

чувствовалась сильная жажда. От меня потребовали для графа портеру. Я взял с дюжину бутылок и с ними явился к графу. Он спросил: какого я полка маркигант? Козловский отвечал, что вверенного ему полка.

- Да это горский пленник, — сказал с улыбкою граф. — Сколько стоит бутылка портеру?

- Два рубля, — отвечал я.

Граф подивился, что так дорого. Я высчитал все расходы, во что обходится каждая бутылка маркиганту. Граф покачал головой и сказал:

- На тебе за десять бутылок (20 руб.).

Я поклонился и пошел к своему обозу.

29 мая войско под начальством графа Воронцова выступило из Незапной на Метлинскую переправу через реку Сулак. С этим войском пошел сам Фавишевич, а я получил расчет и 12 июня отправился в Ставрополь.

Здесь, в областном правлении известное дело мое затянулось разными справками, переписками да проволочками. Между тем я получил от жены письмо с известием, что там, на родине, прошел слух о моем плене и новый бурмистр (Тархова уже не было на свете) писал в Незапную крепость, в полк, чтобы я выслан был по этапу на родину. Но из полка отвечали, что меня там нет и потому все находятся в недоумении относительно моего пребывания. А я спокойно торговал в лавке знакомых купцов и ждал решения своего дела.

Наступило 16 число октября. Поутру пришел ко мне знакомый чиновник, поздравил меня с освобождением от помещичьего ига и просил идти в Областное правление за получением свидетельства. Выслушал я это и ни слова не мог вымолвить счастливому вестнику. Бывали в жизни моей

радости, но такой, как в настоящую минуту, я не испытывал никогда...
Господь праведный, как много я чувствую бесконечное Твое милосердие...
Отселе начинается для меня новая жизнь...
Как на крыльях прилетел я в областное правление. Столоначальник вынес мне свидетельство, я расписался в исходящей книге в его получении и поклонился столоначальнику в ноги; больше мне нечем было благодарить его. Потом этот чиновник сказал мне, что на днях будет дано знать по сему делу Нижегородскому губернскому правлению для объявления моему помещику и жене моей с детьми. Я еще раз низко поклонился и вышел. Придя к знакомым, начал было читать свидетельство, но слезы радости застилали зрение, и я ничего не мог разобрать. Да, такие редкие, столь счастливые минуты не забываются во всю жизнь. Вот и теперь я стою уже на краю гроба, а вспоминаю их с неопишуемым удовольствием. Денег у меня в это время оставалось 3 рубля да незавидные серебряные часы, которые я разыграл в лотерею за 15 рублей, и я задумался над тем: куда Мне пуститься, где приписаться? Тут получил я от двоюродного брата из Херсона письмо, которым он приглашал меня ехать к нему. (Он был извещен мною, что я хлопочу в Ставрополе о своей вольности.) Я так и сделал. Приписался в херсонские мещане и известил жену, чтобы она приезжала с детьми ко мне. Ее старались задержать и притеснить (как она мне рассказывала); но против закона и права ничего не могли поделать местные власти, тем более что главные мои гонители — помещик и главноуправляющий Рагузин в это время отдали Богу свои грешные души. Жена с детьми приехала ко мне в Херсон, и мы начали жить по-новому.

---

* Это горький намёк на моё теперешнее положение по сравнению с прежним, когда я покупал скот в Андреевском ауле для Осипа Фавишевича и при мне всегда находились деньги. Татары, очевидно, знали это.

** Это Кабардинского полка командир Козловский

*** Фамилия киргизская; по русски значит: "жирный"

**** Перед этим выступлением граф отправил один батальон Кабардинского полка с несколькими сотнями донских казаков под командою храброго полковника Домбровского в горы, в Чечню, с тем, чтобы в назначенное время и на известном урочище соединиться с главным отрядом. Но в одной стычке с хищниками Домбровский был убит; а наш приказчик с рабочими едва спаслись.

1846-1852

Я занимался разными коммерческими оборотами. Купил себе в Херсоне небольшой домик. Главная моя забота теперь состояла в том: что делать со старшим сыном, который хоть и хорошо учился в Арзамасском уездном училище, но взят был из 2-го класса. Отдать его в ремесленную работу, но у нас в роду не бывало ремесленников. Пристроить в лавку к какому-нибудь купцу; но тут он мог натерпеться много горя не только от пьяного и безалаберного хозяина, а и от взбалмошных приказчиков, и притом горя бесполезного. Имей капитал я сам, другое дело. Да и то: он все-таки вышел бы неучем. А потому решил: отдать сына своего в Херсонскую гимназию, что с разными затруднениями и лишениями я и исполнил. Весь 1847 год я почти безвыездно прожил в Херсоне. Побывал только в Таврической губернии, где намеревался купить тарпанов (диких лошадей), и

в Кишиневе по делу о наследстве после покойного моего шурина Ланина; но эти поездки во всех отношениях оказались для меня тщетными. 1848 год тоже провел в Херсоне. Упомяну только о случае, бывшем со мною на Масленице. Из города Алешки я переправлялся через Днепр по столь рыхлому льду, что река вот-вот вскрыется... ну, и чуть было не погиб в водах этой реки.

В начале 1849 года вдумалось мне побывать в Ростове, с тем, не приищу ли себе какого места, или нельзя ли заняться торговлей, да кстати — не получу ли с одного давнишнего должника сколько-нибудь долгу. Вздумал — и отправился чрез Екатеринослав. В Ростове я нечаянно встретился с одним приятелем из Пятигорска, который сказал мне, что он едет к моздокскому армянину выгонять из черной нефти белую. Тут и во мне явилось желание побывать на столь памятном для меня Кавказе, тем более что по полученным мною здесь слухам еврей Фавишевич торговал в Грозной крепости, и он мог снова принять меня к себе на службу. Денег у меня было очень мало, и потому 1 марта я отправился на Кавказ по образу пешего хождения. Дорога хоть и дальняя, но мне знакомая. Добрался до Ставрополя, где получил долгу 15 рублей. Пошел в Моздок, куда прибыл ровно через месяц по выходе моем из Ростова. В Моздоке я узнал, что Фавишевич живет в Грозной крепости не в прежнем положении, а гораздо хуже, чуть ли не в бедности. Потому я не счел за благо идти к нему и решил возвратиться в Ростов. Зашел в Пятигорск. 8 мая прибыл в Ростов и, здесь пожив малое время, отправился пешком же в Таганрог. Этот город мне показался очень красивым. В нем обратил я свое внимание на дворец императора Александра Благословенного²¹², в котором сей незабвенный

---

²¹² Имеется в виду Александр I.

монарх кончал остаток дней своих, и на прекрасный сад, где великий монарх прогуливался и отдыхал. Верстах в двух от города — дубовая роща, посаженная, по сказаниям, при Петре I. Из Таганрога пошел я в Мариуполь, Бердянск, Мелитополь и Бреславль. В последних числах июля я увидел Херсон. К концу года ездил по некоторым делам в Одессу и на Аккерманские соляные озера.

В 1850 году ездил я в Кишинев все по тому же злосчастному делу о наследстве шурина моего Ланина. Магистрат решил: выдать мне 45 рублей 50 копеек — это из пяти-то тысяч рублей! Но в градской полиции и этих присужденных мне денег не оказалось. Я поехал в Одессу и подал прошение генерал-губернатору. Прибыв в Херсон, нашел письмо из Бухареста от одного должника, чтобы приехал к нему за получением денег.

В мае месяце 1851 года я поехал, взяв с собою на всякий случай кинжал, как это со мною случалось при моих скитаниях и странствованиях (Кавказ научил). В дороге за Кишиневом, верстах в 12, около полудня, я зашел в корчму. В ней сидели два рослые, молодые молдавана; они были пьяны. Заметив у меня за поясом кинжал, они набросились на меня, крича, что я разбойник. Один из них вырвал у меня кинжал, причем обрезал себе руку. Я взывал о помощи к корчмарю, но он ничего не мог поделать против буйных своих гостей. Молдаване посадили меня в свою повозку и повезли к Кишиневу. Проехали версты две. Я увидел каких-то людей — тоже молдаван — и стал кричать: «Караул!» Те прибежали к нашей повозке. Один из моих спутников показал им мой кинжал и окровавленную руку и стал говорить, что я обоих их хотел зарезать. Несмотря на мои оправдания, все молдаване кричали в один голос: «Талгар батэ, ляга» (вора бей, вяжи). И связали, и били Меня жестоко, и потом прежние два молодые молдавана повезли меня к Кишиневу. Отъехав несколько, они вылезли из повозки,

отошли в сторону и, что-то поговорив между собою, возвратились ко мне; взяли у меня все деньги, около 30 рублей, и бумаги. Потом один из них сказал мне (по-молдавански):

- Мы лишим тебя жизни.

Я пал на колени и просил о пощаде. Они вновь отошли и опять стали совещаться.

- Если пустим тебя, будешь жаловаться в Кишиневе, — сказали они, подойдя ко мне очень близко.

- Как я могу на вас жаловаться? — вскричал я. — Ведь я беглый солдат и все документы у меня фальшивые. Пустите меня, я уйду за границу и более вас не увижу.

Тогда у одного молдавана смягчилось сердце, и он молвил своему товарищу: «Ласса» (оставь). После этого они оставили меня в одном бурнусе и поехали к Кишиневу.

Мне бы и надо было этим остаться довольным. Нет, я вздумал искать правды и суда. При этом искании правды меня переводили из тюрьмы в острог, из одного места заключения в другое. Я сидел в арестантской при земском суде, в Кишиневе. Однажды призвали меня в этот суд и, возвращая мне мои бумаги, сказали:

- Ступай, брат, куда хочешь, потому ты ничего не доказал.

Я пошел пешком в Херсон. Но недолго здесь пробыл и отправился в Яссы. Отсюда 18 августа прибыл в Бухарест. Знакомого должника моего, который просил меня приехать за получением денег, здесь не оказалось: он выбыл в Константинополь. Благодаря помощи и содействию знакомых скопцов, я добрался кое-как до Херсона. Старший сын мой был уже в 7-м классе.

В январе следующего (1852) года со мной приключился такой случай: однажды на базаре встретился со мной кум мой, отставной унтер-офицер, с каким-то неизвестным мне человеком. Они пригласили меня в винный погреб и стали расспрашивать меня: каким манером проезжал я границу? Потом кум отвел меня в сторону и сказал, что пришедший с нами человек просит каким-то людям написать билеты для проезда. Я смекнул, что дело нечисто, и посоветовал куму:

- Смотри, это не для тех ли людей он хлопочет, что недавно бежали от какого-то полковника, обокравши его. Разузнай хорошенько и в случае чего немедленно дай знать полиции.

После этого я ушел домой. Кум же отправился с неизвестным человеком к тем людям, которым нужны были подложные паспорта на выезд за границу — будто для определения их роста и снятия примет, а когда это было исполнено, то он пошел домой, будто писать билеты; но вместо того оповестил полицию. Подозрительных лиц взяли и посадили в острог. Прошло четыре дня. Тут потребовали меня с кумом в полицию и в свою очередь засадили в тот же острог. Оказалось, что неизвестные лица утверждали на допросе, будто я с кумом хотел перевести их за границу. Кума предали суду военно-судной комиссии; он был оправдан. А я без всякого суда просидел в остроге три недели и выпущен: иди, мол, себе с Богом; не поминай лихом. А как не помянуть?!

Сын мой окончил гимназический курс и в августе намеревался ехать в лицей, в Одессу²¹³. Я же 29 июня отправился пешком в Москву, а может быть, и в Петербург, с тем намерением — не продам ли кому-нибудь свои тяжёбые дела хоть за бесценок. Денег со мною было 2 рубля. Шел на

---

²¹³ Имеется в виду Ришельевский лицей, высшее учебное заведение, основанное в 1809 г. и преобразованное в 1865 г. в Новороссийский университет.

Николаев до Кременчуга. Денег у меня осталось 20 копеек. Но Бог не без милости и солдат не без счастья. В Кременчуге нашлись попутчики — извозчики с обозом до самой Москвы. Так как мне заплатить было нечем, чтобы сесть на воз, то я шел при обозе. В дороге один из извозчиков сильно заболел лихорадкой, почему он не мог своих четырех лошадей впрягать и выпрягать, поить их, мазать колеса и проч. По просьбе больного извозчика я эту работу исполнял (мне не привыкать стать), за что он позволил мне сидеть на одном возу, поил и кормил меня. В конце июля добрались до Москвы белокаменной. Здесь старые приятели одарили меня кой-какими деньжонками, и я за 3 рубля на тяжелой машине²¹⁴ через 48 часов прибыл в Петербург. Свои тяжёбые дела продать мне тут не удалось. Через несколько дней вернулся в Москву; но и здесь я ничего не мог поделаться с своими тяжёбыми делами. Поэтому скоро отправился в Нижний Новгород для свидания со своей замужней дочерью, которую я давно не видал; да к тому же было и время ярмарки. Прибыл в Вязники, денег у меня осталось 25 копеек. Но тут неожиданно нашел на постоялом дворе серебряную монету в 3 рубля. Порадовался. В конце августа добрался до Нижнего. Свидание с дочерью было для меня трогательно: ведь я не видел ее 9 лет! Прожив здесь неделю, добрался до родины — Выездной слободы. Поклонился праху родительскому; повидался с родными и знакомыми. Скоро я узнал, что бурмистр разыскивает меня чрез полицию. Зачем так? «Но ведь за деньги все можно сделать», — подумал я и сказал себе: Удались от зла и сотворишь благо. Потому я вернулся к дочери в Нижний, а через три дня опять отправился в Москву. Здесь получил из Одессы от сына письмо с известием, что он не выдержал экзамена для поступления в лицей. Это, конечно, было

---

²¹⁴ Имеется в виду железнодорожный поезд (Николаевская железная дорога).

для меня грустно; но подумал и то: выдержит в следующем году; а между тем спознается с нуждой — это лучшая наука. В Москве я столкнулся с одним знакомым, который пригласил меня быть участником в торговле; только в руках у него денег не было; за ними следовало съездить в Петербург. Отправились. Но здесь денег мой товарищ не получил. Проживать мне в северной столице было не из-за чего да и не из чего. Я вернулся в белокаменную. Это было в октябре месяце. Наступили морозы. Пришлось издержать последние деньги на ватную шинель, которую я купил на толкучем рынке за 5 рублей 50 копеек. Собрал кое-как от знакомых доброхотных дателей 14 рублей и договорился с извозчиком до Харькова за 10 рублей. Вместе со мной должны были ехать еще трое: офицер, приезжавший из Швеции в Полтаву на службу, старуха-богомолка и девица-немка, ни слова не говорившая по-русски, до Харькова же. 12 октября в просторной, обшитой рогожами колыхаге мы двинулись в путь. Погода подула холодная, с большим снегом; а на нас, пассажиров, шубного и лоскута не видно. В Серпухове извозчик посадил еще одного пассажира — какого-то булочника, тоже не хитро одетого. Мороз стоял градусов в 20; снег на дороге был глубокий. Ехали ужасно медленно, а зябли очень быстро. В Орле отогрелись. Из Курска двинулись вечером. Отъехали верст 10 — стемнело. Поднялся снежный буран. Ветер жестоко продувал нас в колыхаге: рогожи и легкие одеяния защищали плохо. Но вот колыхага остановилась: извозчик сбился с дороги. Тут нам пришлось изведать знаменитый наполеоновский марш из Москвы 1812 года. Долго разыскивали дорогу, а когда нашли и добрались до постоялого двора в деревне, то насилу отогрелись. 25 октября приехали в Харьков. Денег у меня не осталось ни гроша. Я пошел на толкучий рынок и продал свой суконный сюртук за 5

рублей. Отправился в Полтаву, а отсюда в Херсон, куда прибыл в конце ноября месяца.

Жена с двоими детьми жила незавидно; она порядочно задолжала. Я продал свой дом, расплатился с долгами, жену поместил у двоюродного брата, а сам 15 декабря выехал в Одессу к сыну, который был учителем в частном пансионе за 50 рублей в год. Переправляясь через Буг в шаланде, чуть не утонул. У сына пробыл недолго. Здесь, в Одессе, прошел слух, что скоро должна быть у нас с Турцией война. Этот слух я на всякий случай принял к сведению и в конце декабря пошел в Кишинев.

1853-1856

В Кишиневе я встретил большое движение, — говор и суету на улицах: ждали и приготавливались к войне. 16 марта с одним рублем в кармане я отправился пешком в Черновиц для того: не получу ли от поверенного моего Ламиковского за розовое масло деньги, в которых мне предстояла теперь настоящая надобность. Через города Оргеев и Бельцы я пришел в пограничное местечко Новоселицу. Здесь отыскал одного комиссионера, по обыкновению еврея, к которому у меня было рекомендательное письмо из Кишинева. Еврей прочитал письмо, посмотрел мой паспорт и сказал, что он может препроводить меня за границу; только я должен заплатить ему за это 10 рублей.

- Хорошо, — согласился я. — Но у меня теперь нет денег. Как возвращусь из Черновца — заплачу. Вот извольте посмотреть мои бумаги, зачем я иду в Черновиц.

Еврей не хуже меня читал по-русски, но понимал, разумеется, по-жидовски. Он просмотрел бумаги и согласился исхлопотать мне пропуск за границу. В таможене меня держали недолго, и я пошел в местечко Буяны. Переправившись на легкой лодочке через реку Прут за 3 крейцера, я стал подниматься в Черновиц. День был прекрасный. Мне повстречался молодой человек, по-видимому, студент, который прогуливался по зеленому лугу. Как умел, я начал спрашивать его о моем поверенном Ламиковском — по-польски, по-немецки, наконец по-молдавански. Молодой человек на последнем наречии отвечал мне, что поверенный мой здесь, в Черновце, живет в собственном доме, и показал мне с горы его дом. Но дома я Ламиковского не застал; встретился с ним на улице. Он совсем не узнал меня. И то сказать: ведь не видались около 20 лет. Потом он сказал:

- Я бы рад просить вас к себе в дом; но у меня большое семейство. Остановитесь в трактире под названием «Золотая грушка», я скоро приду к вам.

Пошел я в указанный трактир, занял номер за 20 копеек в сутки и спросил себе чаю да порцию супу. «Мне можно теперь и пороскошествовать, — Думал я. — Скоро разбогатею».

Через несколько времени пришел Ламиковский. Побеседовали о прошедшем. Когда коснулись предмета настоящего нашего свидания, то поверенный мой рассказал, что из таможи он розовое масло мое получил; но далеко не сполна, и продал дешево, а деньги давным-давно прожил; теперь он находится в отставке с небольшой пенсией, на которую должен содержать многочисленное семейство, и в настоящее время никаких денег не имеет.

«Вот тебе и богатство!» — подумал я; но все-таки объяснил ему свои крайние недостатки в средствах к жизни и прибавил, что я пришел к нему из

Одессы пешком, чуть не Христовым именем, и теперь нет у меня ни гроша. После этого Ламиковский, вздохнув, сказал, что он у кого-нибудь займет денег хоть на дорогу мне, и, обещавшись прийти на другой день, удалился.

Я вышел на базар. Побеседовал с гостеприимными скопцами и встретился с одним знакомым австрийским помещиком. От этих лиц я узнал, что Ламиковский действительно находится ныне в бедственном положении. Как тут быть?

На следующий день пришел Ламиковский и, отдавая мне 14 рублей, примолвил, что больше дать не может. Как ни прискорбно мне это было, но - делать нечего. После этого он удалился прописать мой паспорт для выезда в Россию, а я рассчитался с хозяином гостиницы, отдав за все 1 рубль 20 копеек. Потом я пошел к Ламиковскому в его дом, куда чрез несколько времени явился и сам хозяин с моим прописанным паспортом. Когда Ламиковский рассказал домашним наше дело и что я не имею к нему никаких более претензий, то все семейство очень радовалось, и благодарили меня. После скромного угощения мы расстались. «Где мое не пропадало, — думал я. — А тут — видимо — на пользу. За это Бог не оставит меня», — и пошел к перевозу через Прут.

В Новоселице отыскал известного комиссионера-еврея и объяснил ему свои обстоятельства. Еврей взял с меня вместо 10 рублей только половину. Такому снисхождению со стороны жида я немало подивился: это в первый раз случилось в моей жизни.

В половине апреля пришел в Одессу, куда скоро прибыла и моя жена и поступила смотрительницею в пансион, где мой сын был учителем. С одного должника случайно получил небольшую сумму денег.

Проведя с родными праздник Пасху, 23 мая, я снова пошел в Кишинев. Дорогою попадалось множество войска, направлявшегося в

Бессарабию. Придя в Кишинев, я думал поступить маркитантом в какой-нибудь полк; но без денег это устроить было трудно, да жида уже и успели захватить почти все места. Я призадумался. Полки наши стягивались к молдавской границе, в местечко Лёвы, на реке Прут, в 100 верстах от Кишинева. Я сходил в это местечко, но и здесь места не нашел. Возвратился опять в Кишинев. Тут я повстречался с одним кишиневским мещанином, моим давним приятелем, который ехал в Яссы для продажи нескольких лошадей. А так как дорога в молдавскую столицу мне была хорошо знакома, то он пригласил меня сопровождать его. Я охотно согласился, и 21 июня мы с работником втроем выехали из Кишинева. Переночевав в местечке Каралаш, поднялись на отроги Карпатских гор. Надобно было верст 6 спускаться под гору, довольно круто в большой овраг, на дне которого находился колодезь, называемый по-молдавски: «фонтан толгарь» (воровской колодезь)*. Я советовал затормозить колеса; но спутник мой понадеялся на лошадей. Я убедил его по крайней мере слезть с повозки. И недаром: на половине спуска лошади с повозкой полетели в овраг к воровскому колодцу.хлопот нам было немало; управились лишь к вечеру и успели доехать до ближайшей корчмы, стоящей близ небольшой речки, вытекающей из Карпатских гор. Эта корчма носит название «Светлейший» — потому, вероятно, что невдалеке от нее, на горе, по дороге к Скулянам, проездом из Ясс, помер князь Потемкин-Таврический. На том месте и до днесь стоит памятник — высокий каменный столб, обнесенный железной решеткой. При памятнике жил солдат в небольшой будке. — Переночевав в корчме «Светлейший», направили путь в Скуляны. Здесь все было дешево: водка, вино, ром и проч. Спутники мои загуляли. Я, видя дело плохо, ушел от них в Яссы. Здесь один из знакомых мне скопцов подыскал из своих человека с деньгами, чтобы торговать при нашем войске, и просил меня

быть участником в этом деле: прибыль и убытки пополам. Я, разумеется, согласился с удовольствием, — и вот я снова маркитант!

Запасшись товаром и всеми маркитантскими принадлежностями, мы с двумя работниками 5 июля выехали из Ясс, вместе с войском, по дороге в Бухарест. Сюда прибыли 16 июля. Но тут оставались только три дня и выехали к Журже. Недалеко от Галтеницы, на реке Аржисе, собралось много разного войска — пехоты, артиллерии, казаков и Нассаусский уланский полк. Расположились лагерем. Я ходил являться к командиру этого последнего полка, полковнику Радину; он принял меня ласково и просил быть при его полку. Я согласился охотно. Стали торговать. На той стороне Дуная, при Туртукае, находился турецкий лагерь, откуда доносилась до нас музыка, бой Утренней и вечерней зари, а перед зарями — выстрелы из орудий по одному Разу. Неприязненных действий не происходило. Впрочем, в этом месте мы и оставались недолго; да к тому же был слух, что войны вовсе не будет. В августе и сентябре (1853 г.) наши войска имели постоянные передвижения.

Чуть ли не все войско собралось лагерем близ селения Питешты. Здесь князь Горчаков²¹⁵ делал смотр войскам, и затем все они разошлись по разным местам на теплые квартиры. Нассаусский полк был расквартирован в 20 верстах от Бухареста. Наступил октябрь месяц. Тут товарищ мой по торговле от меня отделился; я остался полным хозяином. В конце этого октября получен был приказ о выступлении нашему полку на сборный пункт со всем полковым обозом. На сборном пункте товар был весь распродан, и я поехал в Бухарест для покупки нового. Возвращаясь отсюда, узнал, что

---

²¹⁵ Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861), князь — генерал-адъютант, в 1854—1855 гг. командовал Дунайской армией (3-й, 4-й и 5-й пехотные корпуса, от побережья Черного моря до Буга).

Нассаусский полк направился к Галтенице, где на третий день я нашел его расположенным на бивуаках. В один день у меня все было раскуплено. И немудрено: люди голодали, так как подвоза съестных припасов по нестерпимо грязной дороге (от проливных дождей) ниоткуда не было. Скоро полк ушел на зимовку в селении Кривцах; а я опять — в Бухарест за товаром, и так ездил сюда довольно часто.

Торговать было можно, да только осторожно. Труда, хлопот, беспокойства и забот было очень много. Главное, приходилось продавать больше в долг, на книжки. Нельзя сказать, чтобы у офицеров денег было мало; нет, они получали хорошее жалованье. Но как-то так случилось, что им никак не доставало этого жалованья. Лагерная или поквартирная жизнь весьма однообразна и скучна. Надо же чем-нибудь развлечься. Вот и являются на столе карты да вино. Карточная денежная игра была очень в употреблении. Красивые волошки тоже обходились недешево. Частые поездки в Бухарест опять-таки требовали довольно русского золота. Да от скуки-то мало ли каких расходов представлялось!.. Ну и приходилось бедному горемыке-маркитанту отпускать товар в долг. Но с офицерами еще можно было ладить: при получении третнего жалованья редко кто из них не платил долгу. А вот юнкера — другое дело. За свою службу они получали очень мало, какие-то гроши, — и потому рассчитывали на деньги из дому, от родных. Придут, бывало, в мою палатку и начнут мне рассказывать о своих отцах, об их доходах и богатствах; у одного отец был какой-то генерал, у другого — богатый помещик, у третьего — купец именитый и т.д. А сами все пьют и едят без денег. Подожди. Но вот наступило время расплаты; тут уж пошли другие разговоры: то из дому не прислали, то пропали на почте, то хранятся в полковом ящике, то вчера в карты проиграл, то выиграл, да не получил, и так без конца. А не дал в долг — и не только

ничего не получишь, но ожидай себе еще какого-нибудь посрамления. — А то войдет в палатку партия солдат: один кричит — давай, другой — давай, а третий — сзади даром взял. Случалось: у солдата брюхо болит, коли где плохо лежит. Иной выпьет, закусит, скажет: «Завтра отдам» — да и пошел. Догонять его не будешь: пропадет еще больше. Вечером пожалует вахмистр; надо с ним заняться, угостить как следует (он подчас человек необходимый). А тут идет взводный, и его надобно по-честить; за ним привалит обход, человек 12, скажут: «Гаси огонь», и их необходимо чем-нибудь задобрить. Да всего и не пересчитаешь, сколько расходу для маркитанта. Какой же прибыток мог быть от такой торговли?..

Но как бы то ни было, только я торговал при Нассаусском полку до 1 марта 1854 года. Накануне этого числа получен был приказ: полку повелевалось выступить на Дунай, в Турно²¹⁶. Ночью собрались, а рано утром двинулись в поход. Сделалось тепло, снег растаял, грязь увеличилась. 3 марта пришли в Журжу, а отсюда через три дня прибыли в небольшой городок Александрию. Тут полк наш разделился: два эскадрона пошли на Дунай, к городу Зимнице²¹⁷, а четыре эскадрона следовали в Турно. С этими последними был и я. В Турно войска собралось довольно; из наших три эскадрона остались здесь же, а один эскадрон, к которому и я примкнул, пришел за реку Голту, в местечко Излазы, расстоянием от Турно верст 12. Это селение стояло на левом берегу Дуная, по которому у нас устроены были шанцы²¹⁸ с небольшим бастионом и двумя амбразурами; в укреплениях постоянно находились солдаты. Против самого селения был остров с большим лесом, по берегу коего тянулись небольшие турецкие

---

²¹⁶ Ныне город Турну-Мэгуреле на юге Румынии, при впадении реки Олт в Дунай.

²¹⁷ Городок Зимница на юге Румынии.

²¹⁸ Шанец — военный окоп, редут, небольшое укрепление.

укрепления, а за островом, по ту сторону Дуная, на горе, близ молдавских селений, находился турецкий лагерь. Через Дунай ежедневно происходила перестрелка; но от турецких пуль нам не происходило никакого вреда. Впрочем, было не без опасности. 10 марта мне вздумалось пройти по нашим шанцам. Я пригласил с собою вахмистра. Остановились на одном месте близ шанца, и перед нами открылся прелестный вид на Дунай. Мы стали любоваться. Вдруг откуда ни возьмись, унтер-офицер толкнул нас за какой-то молдаванской постройки плетеный чулан, где и сам остановился. Не прошло минуты, как мимо нас со свистом пролетела пуля, потом — другая, третья. Мы укрылись в шанце. Последовали выстрелы и с нашей стороны. Через четверть часа перестрелка прекратилась. «Вот тут и любуйся веселым Дунаем, — раздумывал я, возвращаясь в свою палатку. — А Унтер-офицер, верно, смекает свое дело. Спасибо ему». — Жители в Излазах очень боялись турок; они зарывали свое имущество в землю или вывозили его в другие деревни.

Великим постом я поехал в Турно для покупки разной провизии. Этот городок новый; заведен он, как я слышал, в 1830 году нашим генералом Киселевым²¹⁹, который находился тогда в Валахии главным представителем от русского правительства. Турно стоит на небольшой возвышенности, в полуверсте от Дуная; а на противоположном берегу была незначительная крепость Никополь. Рассказывали местные жители, будто в этом маленьком городке была древняя молдаванская церковь и в ней чудотворный образ св. Николая; отсюда и название городка — Никополь. Здесь — по рассказам, ходившим в Турно, — находилось довольно много турецкого войска; но это

---

²¹⁹ Киселев Иван Павлович (1783—1853) — генерал-майор, герой осады Варны (1828), командовал в 1829 г. частями Дунайской армии, располагавшимися в Валахии, и занимался устройением края.

было не регулярное войско, а какой-то сброд, с башибузуками²²⁰ во главе. В справедливости таких рассказов нам скоро пришлось убедиться воочию.

Запасшись товаром, я возвратился в Излазы, где, поторговав недолго, поехал в город Каракуль, расстоянием от Излаз около 45 верст. Тут торговля моя пошла хорошо, потому что нашего войска и стояло здесь довольно, и много проходило его в Калафт, что на Дунае. На возвратном пути из Каракуля я увидел Балканские горы; после виденных мною разных гор прежде, они меня мало удивляли.

11 апреля наступила Пасха. После заутрени и обедни, отслуженной молдаванским священником в местном маленьком деревянном храме, я пошел по начальству христосоваться. К полудню началось в селении гулянье, а у меня в палатке — торговля. Все в этот день радовались и веселились; повидимому, и забыли о турках, что они близко. — На другой день пришел к нам Подольский полк, бывший в Четати на Дунае и участвовавший в сражении при Калафате. Побыв в Излазах немного, полк отправился в Турно. — На 3-й день Пасхи мы увидели на турецкой стороне спускавшихся с горы к молдавской деревне несколько орудий большого калибра. Скоро раздались из этих орудий выстрелы. К счастью, ядра перелетали и наши шанцы, и селение и не делали нам никакого вреда. Но страху все натерпелись вдоволь. . Сделав выстрелов 50, орудия двинулись по дороге к Никополу. — На 4-й день убит был один артиллерист: это единственная жертва турецкой пули. — В ночь на 15 апреля вся находящаяся в Излазах пехота выступила в Турно; остался только наш уланский эскадрон, а днем, этого 15 числа, последовало распоряжение, чтобы и этот эскадрон был наготове к походу опять-таки в Турно. Уланы

---

²²⁰ Башибузуки — солдаты нерегулярных частей турецкой армии в XVIII—XIX вв.

засуетились, а вместе с тем поднялась суматоха и во всем селении. Жители догадывались, что дело, должно быть, неладно, и с плачем собирались с нами или идти куда глаза глядят.

Ночь на 16 апреля мы не спали; чего-то ждали. Мой фургон был совсем готов в дорогу. Наступило утро. Уланы начали готовить себе завтрак. У меня в палатке сидел вахмистр, мы пили чай. Было около 8 часов. Вдруг по направлению к Турно послышалась пальба из орудий. Минут через пять прискакал донской казак с приказом, чтобы эскадрон сейчас же отправлялся в Турно. Мой вахмистр опрометью бросился к ротмистру; уланы торопливо садились на коней и съезжались в одно место на улице. Ротмистр прибежал ко мне, как угорелый, прося меня посадить к себе в фургон одну прекрасную особу. Я взял эту спутницу и поспешно выехал. Мы перебрались через реку Голту; эскадрон нас не догонял. «Что бы это значило? Верно, он поскакал ближайшей дорогою», — подумал я. Между тем в Турно, на Дунае, происходила страшная пальба; лес и окрестности наполнились пороховым дымом. Моя спутница от страха не переставала плакать и просто не знала, что с собой поделаться. Я погонял лошадей: хотелось быть на месте битвы. Когда фургон мой поднимался на гору к Турно, пальба прекратилась. Оставив на квартире фургон и спутницу, сам поспешил на базарную площадь. Наш эскадрон из Излаз только что пришел. На площадь шли войска с музыкой и песнями. За ними вели пленных турок, которых было 130 человек. Потом везли наших раненых и убитых, в числе всего 58 человек. У турок же, — говорили, — убито и потоплено в Дунае более 1000 человек. После всего солдаты угощаемы были по кружке водки. В этот же день с частью войск, а в том числе и с уланским эскадроном, мы возвратились в Излазы. У всех только и рассказов и разговоров было, что про сегодняшнюю битву. Мне хотелось узнать: с чего произошла эта самая

битва? И узнал, за достоверное, следующее: по распоряжению отрядного командира, генерала Липранди, в Никополь к туркам подослан был фальшивый переметчик с известием, что русские оставили Турно; турки, как любители грабить и жечь беззащитные города и селения и резать мирных жителей, обрадовались этому известию и решили напасть на Турно именно 16 апреля, о чем переметчик известил генерала Липранди. Ночью на помянутое число пехота и артиллерия были действительно выведены из Турно и размещены в засадах, главным образом в лесу, который тянется от Турно до берега Дуная, к которому турки должны были пристать при своей переправе. Турки утром переправились и, как упомянуто, были наказаны жестоко.

В конце апреля войску, расположенному в Излазах, приказано было перейти в селение Одай, в 5 верстах от Турно. 8 мая я отправился в полковой штаб, который стоял в городе Зимнице на Дунае, против турецкого городка Систова; отправился для получения с офицеров долгов, так как в это время им выдавалось жалованье. Надобно было уследить тот именно день, в который раздавалось жалованье; а то случилось так, что на другой день у иного уже ничего не оставалось. Приехал я в Зимнину вечером и узнал, что жалованье еще роздано не было по случаю завтрашнего (Николая Чудотворца) полкового праздника, а будет раздаваться 10 числа. В праздник, поутру, был развод за городом; а вечером — бал у полкового командира. На другой день раздали жалованье, и мне в этот раз так посчастливилось, что почти со всех получил свои долги.

Полагая, что Нассаусский полк постоит еще в здешних местах, я 23 мая поехал в Бухарест за товаром. На возвратном пути, в городе Александрии, узнал, что полк мой из Одай вышел и расположился лагерем в

селении Чуланештах (верст 60 от Александрии). Я приехал сюда. Через неделю, именно 12 июня, Нассаусского полка два дивизиона, легкая батарея и несколько донских казаков, под командою полковника Рейсиха, выступили в город Гаешты, который был верстах в 40 от австрийской границы. Я потащился с этим небольшим отрядом. Расположились лагерем. При разъездах казаки достигали иногда до границы и сказывали, что там стояло в лагерях очень много австрийского войска. Наш отряд был осторожен. 17 июля мы оставили Гаешты и шли близ австрийской границы до города Бузеева. Здесь собралась тогда, кажется, вся русская армия в присутствии князя Горчакова. Из Бузеева двинулись на Рымник. Когда армия пришла сюда, то во всех фонтанах города не оказалось воды. Это было очень странно, и скоро разведали, что жители завалили все водопроводы. Разумеется, эти завалы были разысканы и уничтожены. Воды стало в изобилии. От Рымника, с незначительными остановками, двигались на Фокшаны, через реку Серет, потом на г. Текучи и верстах в 15 от Галац, в Волконештах, переправились через реку Прут 26 августа (1854 г.). Тут последовало разделение армии; часть ее, именно Нассаусский полк расположился на квартирах около Сатунова; Бугский уланский полк, под командою генерал-майора Гасферта, направлен был к югу. Я решился торговать при Бугском полку. 29 августа полк этот переправился через Дунай и двинулся к городу Исакче, а отсюда — в Бабадах. Не доходя до последнего 15 верст, расположились лагерем в большой деревне Желави. Я нанял двух работников и начал торговать. Мне приходилось быть больше в разъездах, по случаю покупки товаров, то в Бабадаге, то в Тульчи. Торговля шла у меня не обидно. Однажды — это было в половине сентября — я возвращался из Тульчи с провиантом в свой лагерь. При мне был улан, данный от полка, чтобы сопровождать меня. Приближался вечер. Хотя на

дороге нам и встретилаcь небольшая болгарская деревня, но мы не решились ночевать в ней, боясь, как бы нас не обокрали. Солнце уже закатилось. Дорога пролегла лесом. Пошел сильный холодный дождь. Темнота — ужасная. По едва проходимой грязи я шел впереди лошадей и разыскивал дорогу. Дождь не переставал; лошади едва двигались. К довершению несчастья, мы как будто сбились с дороги. Остановили лошадей и стали с уланом думать: что теперь делать? На нас могли наткнуться турки при своих ночных набегах. При всем том мы ничего не могли придумать, кроме того, что надобно в лесу ночевать. О пище нам нечего было заботиться; был и спирт, да в бочке, и достать его мы не находили способа. А надо бы, — не ради себя, но мне жаль было улана, в одной шинели жестоко промокшего и прозябшего. Мы уже хотели выпрягать лошадей, как вдруг впереди слышали конский топот, который прямо приближался к нам. Мы с уланом так и замерли, — думали, что это турки. Через несколько минут в темноте раздался окрик: «Кто здесь?» Мы обрадовались, и я отвечал, что полковой маркитант. Оказалось, что это были разъездные казаки с офицером. Последний справился: нет ли у меня водки? Я сказал, что в бочке есть спирт, да достать нечем. Офицер послал казака сыскать в лесу бурьянную дудочку. Затем я узнал от него, что мы находимся близ самой дороги, в 5 верстах от лагеря, и что нам стоило бы немного подняться в гору, как показались бы лагерные огни. Скоро казак вернулся с бурьянной дудочкой, посредством которой я довольно легко натянул из бочки спирту и угостил офицера с казаками. Не забыл и моего бедного улана. Казаки поскакали далее, а мы потащились в гору. Дождь перестал; но дул холодный ветер. Не прошло и часу, как мы были в лагере.

18 сентября получен был приказ о выступлении нашего лагеря в Бессарабию. Мы двинулись на Белград и в 15 верстах за ним остановились в

местечке Татар-Кипчак²²¹. 1 октября я ездил в Измаил для покупки товару. Здесь, по письму моему, дожидалась меня жена с 8-летним сыном. Втроем возвратились в полк. Торговля моя становилась хуже. Офицеры стали меньше, против прежнего, выпивать, потому что им выдавалось жалованье уже не заграничное; да и водка в России, сравнительно с заграничной, была дороже и притом качеством хуже. В конце этого (1854) года я отправился с сыном в Одессу, оставив торговать жену с работником. В Татар-Кипчак возвратился 5 января и узнал, что во время моего отсутствия один дивизион нашего полка вместе с другими ходил за Дунай, участвовал в битве близ Бабадага и отличился. По этому случаю я написал стихи и поднес их генералу Гасферту, за что получил благодарность.

Зима стояла необыкновенно теплая; весна наступила ранняя, так что марта уже расцвели все плодовые деревья. 30 марта полк двинулся из Татар-Кипчака к Днестру и остановился в немецких колониях — Париж и Розенкрейц. Тогда в этих колониях свирепствовала холера. Но в нашем полку умерли немногие. Торговля моя пошла уже очень неудовлетворительно. Однако все ждали похода в Молдавию или в Севастополь; этого и я ждал, почему и не оставлял торговлю при полку. Но вот прошли четыре месяца, а походу нет. Наконец в августе полк передвинулся в колонию Кульмы, 80 верст от Кишинева, а через месяц — на Днестр, в селение Аланешты, расстоянием от Одессы 70 верст. — В первых числах ноября полк выступил к Кишиневу на зимние квартиры. Дела мои совершенно стали; торговля прекратилась. Я снял в Кишиневе квартиру и ждал — не будет ли похода.

---

²²¹ Главное селение местности Татарбунары (Татарский ключ) возле Аккермана-бывшее некогда резиденцией полковничьих ханов.

Тут наш полковой командир, добрый генерал Гасферт, назначен был начальником бригады в одну из тех частей войск, которые находились в Крыму. На прощанье офицеры дали в честь любимого начальника бал. На этом бале я был и, обращаясь к Гасферту, прочел следующие моего сочинения стихи:

Настал нам час с тобой расстаться,
Добрейший Гасферт, навсегда.
Мы сошлись с тобой прощаться —
Вспомануть твои дела.
На поле битвы воин славный,
Ты с нами стужу, жар терпел.
В огне, в сражениях — отважный—
Ты нас, как деточек, жалел и т.д.

Эти стихи, по-видимому, понравились всем, даже и самому Гасферту. Проводы были шумные, задушевные, искренние. Это было 20 марта 1856 года.

Вскоре после этого разнеслась весть о мире.

---

* по рассказам местных жителей, колодезь этот вырыт разбойниками, некогда бушевавшими в этом диком месте. Впрочем, и нынче, поздней порой, здесь ездить небезопасно.

1856-1860

Во время моей торговли при Бугском полке корнет этого полка Павел Мухин задолжал мне 635 рублей серебром — сумма для меня немаловажная. Мухин был сын богатого помещика Курской губернии и имел брата, который служил в Петербурге, в Морском министерстве. Этот брат моему должнику будто бы был должен значительную сумму денег. Поэтому Мухин дал мне письмо к своему брату, чтобы я получил с него свои 635 рублей, и просил меня зайти в имение его отца, в деревню Пахомку, Тимского уезда. Из Кишинева я прибыл с семейством в Одессу. Сын мой окончил в здешнем лицее курс с званием действительного студента²²². При нем я оставил жену младшего сына и дочь, а сам, взяв с собою 15 рублей в дорогу, 7 июня пошел в Курск. Но предварительно вздумал зайти по дороге в Киев поклониться св. угодникам Божиим. Пришел сюда 18 числа, а через два дня пустился в путь к Курску. Имение отца Мухина находилось в 45 верстах от этого города. Я пришел в Пахомку 3 июля и от жителей узнал, что старший брат Мухина недавно приехал сюда из Петербурга погостить. Разумеется, я этому был рад, потому что мне не предстояло надобности пробираться в Питер. Действительно, я увиделся с братом моего должника и подал ему от последнего письмо. Он, прочитав его, сказал мне, что денег в настоящее время не имеет, а пришлет их мне в Кишинев к половине октября. Я убедительно просил его дать денег на дорогу в Одессу. Он дал мне 5 рублей. В Одессу пришел я 23 июля, а через несколько месяцев отправился пешком в Новый Буг за получением с некоторых офицеров прежних долгов. Получил с одного 110 рублей и опять возвратился в Одессу. Здесь нанял квартиру с лавкой, купил бакалейного товару и начал торговать. В половине

---

²²² Хорошо сдавшие выпускные экзамены студенты высших учебных заведений получали при выпуске звание кандидата (дающее право на чин 10-го класса); остальные — звание действительного студента (дающее право на чин 12-го класса).

октября я ездил в Кишинев; но деньги от брата моего должника, Мухина, высланы мне не были. Эту зиму я перебивался с грехом пополам, тем более что старший сын мой, будучи в это время смотрителем в лицее, уехал к одному заводчику для обучения его детей. Между тем я узнал, что должник мой, корнет Мухин, уехал из полка к своим родителям в имение Пахомку.

В последних числах марта 1857 года я отправился пешком к моему должнику. Денег у него не было; он вновь дал мне письмо к своему брату в Петербург. 18 мая я пришел в Москву, а через день приехал по железной дороге в Петербург. Брат Мухина принял меня очень недружелюбно, чуть не выгнал из дому. Вышел я от Мухина и задумался: что мне теперь делать? Денег у меня было только 6 копеек. Тут я вспомнил, что один полковник Бугского полка, по случаю отпуска, проживает здесь. Я разыскал квартиру этого полковника, где-то на Литейной улице, и пришел к нему. Он принял Меня Радушно; угостил кофеем. Я рассказал о своем деле. Полковник посоветовал мне подать прошение великому князю²²³, который был, впрочем, в это время за границей, а заведовал делами Морского министерства адмирал Метлин²²⁴. Так следовало обратиться с прошением к этому адмиралу. Затем полковник пригласил меня к себе ночевать. Это было очень приятно для меня. На другой день утром я шел по Невскому проспекту и встретился с камердинером Мухина, который мне сказал, что он меня разыскивает, чтобы я пришел к его барину. На этот раз Мухин принял меня вежливо и извинился за прошлый грубый поступок со мною. Я начал слезно просить его о деньгах, говоря, что у меня всего только 6 копеек — мне не на что и здесь жить и не с чем выехать из Петербурга. Должно быть, Мухин

---

²²³ Великий князь Константин Николаевич (1827—1892) — генерал-адмирал, с 1855 г. управлял флотом и Морским министерством на правах министра.

²²⁴ Метлин Николай Федорович (1804—1884) — адмирал, морской министр (1858-1860).

сжалился надо мною и дал мне 60 рублей с тем, чтобы я ехал из Питера, куда знаю. Этим деньгам я чрезвычайно обрадовался и решил вовсе не подавать жалобы на Мухина, потому — народная пословица гласит — с слабым не борись, с богатым не тягайся. Денег у меня было довольно, чтобы выбраться из Петербурга, где становилось для меня скучно. И вот 7 июня я оставил северную столицу.

На тяжелом поезде прикатил в Москву. Здесь у Серпуховских ворот нанял извозчика до Курска за 5 рублей, ехать с ним при обозе. Дорога с этими извозчиками мне так надоела, что я неоднократно раскаивался, что с ним- поехал; наконец в Орле вышел из терпения и пошел пешком. Шагая по направлению к Курску, я размышлял о железной дороге: сколь она благодетельна для людей. Первое: скоро и дешево; второе: харчей надо мало. Если бы было побольше этих железных дорог в России, народ стал бы гораздо развязнее и коммерческие дела пошли бы несравненно лучше. Дай Бог, чтобы сеть железных дорог покрыла всю широкую раздольную Русь-матушку. Это великое благо!

21 июня явился я к должнику своему в Пахомку; но от него не добился никакого толку и пошел в Харьков. Тут я вспомнил, что мой сын учит детей у зятя сахарозаводчика Яхненки. Я отправился к сыну, в той надежде — не найдется ли мне какого-нибудь местечка на заводе! Здесь я узнал, что сын мой, покончив занятия с детьми, еще перед Пасхой отправился в Одессу. При этом мне было предложено место приказчика на заводе. Я согласился. Должность моя состояла в том, чтобы наблюдать за казармами, в коих помещалось до 2000 человек рабочих, и при этом радеть о хозяйском интересе. Жалованья мне было назначено 300 рублей в год; квартира и стол от хозяина. Я начал служить и наблюдать хозяйские интересы. Прошло два месяца. Двое управляющих остались недовольны

мною за то, что я обнаружил следующее злоупотребление: положим, рабочих было 2000 человек, а обеденных порций отпускалось 2200, т.е. на 200 человек более. Куда эти лишние порции шли — неизвестно. Все-таки я прожил на заводе Яхненки до мая месяца 1858 года.

Тут я получил от должника моего Мухина, из Харькова, письмо с известием что он теперь разбогател. Оставив службу на заводе, я пошел к Мухину Он дал мне 100 рублей, обещавшись отдать остальные деньги не позже сентября месяца. Спасибо и на том. Из Харькова я пошел в Воронеж поклониться св. Митрофанию²²⁵, а потом в Саратовский монастырь. 14 июля я прибыл на родину в Выездную слободу. Здесь вместе с родными и знакомыми мне довелось встретиться с известным в истории моей жизни крестьянином Павельевым. Ему за поимку меня от главноуправляющего Рагузина и от помещика обещаны были великие милости и награждения. Но этих милостей он не дождался. Напротив того, несчастье за несчастьем следовало с ним и с семейством его: самого его разбил паралич, а сын — мой крестник — отдан был в солдаты. Павельев приглашал меня к себе в гости, но я от этого приглашения отказался.

Через неделю я оставил родную слободу и направил путь свой к замужней дочери в Нижний Новгород. Здесь скоро пронесся слух, что на ярмарку приедет Государь император с своею августейшею супругою. Столь редких высоких гостей нельзя было не дожидаться. 16 августа на фонарных столбах и на углах появились афиши о прибытии в город по Волге Государя с Государыней 18 числа в 12 часов дня. Накануне этого числа я вышел на ярмарку. Народу было несметное количество. Прислушиваясь к толкам и

---

²²⁵ Митрофаній (в миру Михаил, 1623—1703) — первый воронежский епископ (с 1682 г.); помощник Петра I в деле постройки флота; канонизирован православной церковью в качестве святого, считается покровителем моряков.

разговорам мужичков, я видел, что эти простые люди пламенно желали хоть одним глазком взглянуть на обожаемого монарха, от которого, по слухам, дана будет скоро свобода крестьянам от крепостного рабства. Этим обстоятельством и объяснялось, по моему мнению, столь небывалое стечение народа в Нижнем и на ярмарке. В самый день приезда высоких посетителей, то есть 18 числа, с раннего утра несметные толпы народа заняли кремль, набережную, покрыли всю гору по направлению к Волге. В 4 часа пополудни пароход прибыл с державными путешественниками; в городе раздался торжественный звон и неумолкаемое «ура!» огласило воздух. Признаюсь, на своем веку мне не однажды приводилось присутствовать при встречах наших русских помазанников Божиих, но такой встречи я не видал. Радость на всех лицах и воодушевление были поистине трогательны и умилительны. Когда Государь с своею супругою вышел с пристани на берег и сел в карету, то оказалось, что от тесноты народной не было никакой возможности ехать: народ на руках вез экипаж с Государем и Государыней до самого собора, что в кремле. Вечером была великолепная иллюминация: зрелище необыкновенное и нигде мною не виданное! — На четвертый день, то есть 22 августа, в 11 1/2 часов, державные гости оставили Нижний Новгород. Как я заметил, многие и многие проливали искренние слезы...

Из Нижнего я отправился в Херсон, где старший сын мой хлопотал занять место учителя в здешней гимназии. В январе месяце 1859 года сын мой определен был на это место, где находится и по настоящее время.

В первых числах июня я вздумал навестить должника моего Мухина проживающего в Харькове, а по дороге зайти к помещику Полтавской губернии, у которого сын мой учил детей и который остался ему должен около 200 рублей серебром. Пробирался я на Николаев, Бобринец и

Елисаветград — где пешком, где на подводах с попутчиками. Из Елисаветграда пришел к упомянутым помещикам, получил с одного деньги и отправился в Кременчуг. По дороге отсюда я догнал двух молодых людей с котомочками за плечами, которые оказались окончившими курс в Могилевской гимназии и пробирались в Харьковский университет. Не доходя версты две до Полтавы, мы расположились ночевать на обширном поле, где некогда великий преобразователь России император Петр I одержал блистательную победу над шведским королем Карлом XII. В Полтаве я расстался со своими молодыми спутниками и направился к Харькову, куда прибыл 17 июня. Явился к должнику моему Мухину. Денег у него не оказалось. Я убедил его выдать мне формальное заемное письмо на 530 рублей. В это время в Харькове показывалась и давала представления известная Юлия Пастрана²²⁶. Я пошел посмотреть на это чудо-женщину: невысокого роста, безобразная; она пела песни на двух иностранных языках и одну русскую песню. 25 июня с оставшимися у меня 5 рублями серебром я пошел обратно в Херсон. В конце 1859 года я вздумал открыть торговлю с одним знакомым; но из этого ничего не вышло.

В начале 1860 года я отправил одному богатому человеку письмо с таким предложением: я предприиму путешествие на реку Амур, отсюда в Камчатку и по краю Северного Ледовитого океана до Архангельска и Петербурга; подробно опишу это путешествие в видах какого-нибудь коммерческого предприятия, а средства на путешествие должен дать мне он, богатый человек. Последний письменно отвечал мне, что на мое предложение согласен, и обещался прибыть в Херсон для личных со мною объяснений. Я дожидался.

---

²²⁶ Пастрана Юлия (1834—1860) — мексиканская певица и танцовщица, получившая всемирную известность, поскольку ее лицо и тело заросли волосами.

В день Отдания Пасхи у нас совершался великолепный крестный ход при перенесении в Херсон чудотворной Касперовской иконы Божией Матери, учрежденный преосвященным херсонским и таврическим Иннокентием²²⁷. В 25 верстах от города Херсона, на правом берегу Днепра, находится село Касперовка, принадлежавшее помещице Касперовой. Эта помещица, по преданию, имела у себя древнюю икону Божией Матери, на которой изображение совершенно стерлось. Однажды, в 1846 году, помещица заметила, что икона совсем переменялась; изображение на ней оказалось как бы сделанным заново. Немедленно донесли об этом местной духовной власти. Надлежащим обследованием было обнаружено, что изображение на иконе действительно обновилось. Потом эту икону назвали «Корсунскою», по сходству ее с древними греческими иконами Богоматери Корсунской, отличительная черта которой, как известно, такая: свиток в руке Божественного младенца. По сказанию летописи, несколько таких икон было вывезено из Корсуни равноапостольным князем Владимиром, после принятия им здесь крещения, и одна, как говорит местное предание, была принесена в наши края каким-то корсунским выходцем. Помянутую обновившуюся икону из дома помещицы Касперовой взяли и поставили в церкви близ левого клироса. Народ очень чтит эту икону, и вот, по просьбе жителей города Херсона, преосвященным Иннокентием учрежден был ежегодный крестный ход с перенесением ее из Касперовки в Херсон. Первый такой ход состоялся в 1852 году.

В июне месяце я послал Мухину письмо, напомнив ему об его мне долге. В конце сентября он выслал мне все деньги, то есть 530 рублей, и я немедленно отправился в Кишинев купить походнее кой-какого товару, с

---

²²⁷ Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов, 1800—1857) — богослов и церковный оратор; с 1848 г. — архиепископ Херсонский и Таврический.

тем чтобы заняться в Херсоне торговлею. Ведь не сидеть же, сложа руки; да и кормиться чем-нибудь надо же было. Накупивши в Кишиневе разных фруктов, виноградных вин и проч., я 20 октября возвратился в Херсон и стал торговать. Зима в этом году была снежная и необыкновенно для того края холодная: морозы доходили до 30 градусов. По словам старожилов, такая зима была только в достопамятном 1812 году.

1861-1862

С 1 марта 1861 года я начал собираться в св. град Иерусалим для поклонения гробу Господню, горя нетерпением исполнить это давнишнее мое обещание. Сделал некоторые необходимые распоряжения по торговле, заготовил себе фунтов 15 сухарей и 12 марта, на пароходе, отправился в Одессу. Здесь в канцелярии генерал-губернатора, куда я пришел за заграничным паспортом, мне сказали, что нужно свидетельство обо мне от херсонского губернатора. Я послал депешу сыну, чтобы он выхлопотал это свидетельство и выслал мне. 19 числа в соборе прочитан был всемилостивейший манифест об освобождении крестьян из крепостного состояния. Радость народа была неописанна. Благодарность его к своему добрейшему Царю-батюшке Александру II Николаевичу была велика и беспредельна. Народ загулял, да и было от чего.

Лишь только сын прислал мне губернаторское свидетельство, я немедленно получил заграничный паспорт и за 1 рубль серебром прописал его у турецкого консула. Потом скорыми шагами пошел в контору пароходства, находившуюся на карантинной пограничной гавани; взял билет для проезда на палубе винтового парохода «Эльборус» до Константинополя;

заплатил 5 рублей серебром. Затем в городе разменял ассигнации на золото; прописал свой паспорт в карантине и таможне. Наступило 25 марта — день Благовещения, когда в 4 часа пополудни «Эльборус» должен был отправиться из Одессы. Я отстоял в соборе утреню и обедню, пообедал у одного своего приятеля, взял свой мешочек с провизией и около 3 часов пришел на пароход. Через час пароход вышел из бухты в открытое море. На палубе пассажиров было довольно — русские, армяне и татары. Одни из них ехали по своим торговым делам в Константинополь, другие — в Иерусалим, а третьи — из татар — в город Мекку для поклонения гробу Магомета. Я присоединился к компании двух спутников — мужчины и женщины из русских, едущих в Иерусалим. Ветер дул противный, и притом холодный. Мы надумали чай пить. Как старший из двух моих спутников, я пошел с двумя чайниками в кухню к повару за водой; договорился с ним за воду на чай по 10 копеек в сутки; если что вздумаем варить, то — плата особенная. Повар налил мне в чайники из кастрюли воды, и притом скоромной ложкой. Я заметил ему, что это мне не нравится, так как теперь Великий пост. Повар отвечал: «Если будешь разговаривать да брезговать, так и этой воды не получишь. Что за грех, что ложка скоромная? Бог за таким грехом не погонится».

Я увидел, что разговаривать тут нечего, и удалился с водой, налитой поваром. Наступила ночь. Я, наряду с некоторыми, спать расположился близ пароходного куба на железном помосте: хоть жестко и неудобно было спать, зато тепло.

На третий день рано утром «Эльборус» наш вошел в Константинопольский пролив, и перед нами открылись прелестные предместья Царьграда, тянувшиеся на пространстве более 30 верст, по обеим берегам пролива. Тут, за рощами, среди садов виднелись дома самой

причудливой архитектуры, раскрашенные разноцветными красками и покрытые черепицею. Некоторые сады уже покрыты были зеленью; цветы расцветали. Словом — красота местоположения приковывала к себе взоры путника. В 8 часов утра мы увидели Скутари, Галату, Перу и самый Царьград. Вид был очаровательный. Множество минаретов, мечетей с золотыми полумесяцами возвышались над зданиями и блестели от лучей солнца. А выше всех красовалась своим величием мечеть «Ая Софи» — бывшая некогда православным храмом св. Софии - Премудрости Божией. Против этого исторического достославного здания пароход наш остановился и бросил якорь. Невольная грусть овладела моим сердцем при мысли — как этот христианский храм, выстроенный мудрым царем Иустинианом, подвергся власти нечестивых агарян; больно видеть христианину полумесяц там, где красовался св. крест. — Мне вспомнилось сказание, что несколько столетий тому назад, пред самым вторжением турок в Царьград, для жителей его были разные дивные знамения, будто бы предвещавшие падение их великого города. Поэтому патриарх и знатные вельможи советовали благоверному царю Константину прекратить кровопролитие с турками и добровольно оставить свою столицу. Но благоверный не внял этому совету и в кровавой битве положил свою голову у самых ворот Царьграда. Султан с своим войском въехал в город и прямо направился к Софии, где патриарх молился с народом. Султан приказал не нарушать богослужение. В тот же день один христианин-булгарин нашел между трупами голову царя Константина и принес ее султану. Этот взял голову будто в руки, поцеловал ее, и тело Константина повелел предать земле с приличными почестями. С тех пор турки начали владеть Царьградом и назвали его по-своему, Стамбулом.

Лишь только пароход остановился на месте, как со всех сторон бросились к нам наперерыв множество баркасов, или каиков (особый род лодок) с турками, которые, как кошки, хватались крючьями за борт парохода, вскакивали на него, насильно брали мешки пассажиров, зазывали и тащили пассажиров каждый на свой каик. Когда суматоха на пароходе поутихла, русские богомольцы отдали свои паспорта явившемуся к нам русскому фактору (маклеру) для прописки их у русского консула, за что он взял на наши деньги по 10 копеек за паспорт. Потом я вместе с другими переправился на баркасе в город. В доме российского агентства, находящемся на самом берегу Босфора, я взял билет до Яфоры за 10 рублей серебром. После этого купил на дорогу чаю, сахару, рому и греческого вина. Эти продукты в Константинополе были недороги: ром — 30 копеек серебром кварта, лучший цветочный чай — 1 рубль 70 копеек за фунт, сахар — 14 копеек фунт, вино «тенедос» — 20 копеек кварта. Оставив все эти припасы у русского фактора, я с одним богомольцем пошел осматривать город*. Улицы — до безобразия узки, кривы и так были запружены народом разных наций, что не представлялось никакой возможности идти прямо, а нужно было пробираться боком. Тух встречались турки, греки, евреи, французы, немцы, итальянцы, испанцы англичане, арабы, поляки, молдаване, волохи, болгаре, персияне, черкесы караимы и др. Мне при своих многолетних странствиях приводилось видеть улицы городов неприглядные и грязные; но таких, как в столице Турции, признаюсь, я не видал: здесь на улицы без зазрения совести выбрасываются из окон всякие остатки от завтрака и обеда, выносятся из домов и льется какая бы то ни было жидкость и валяется без запрету всевозможная падаль. Словом — нечистота отвратительная. Смешанный же крик и визг торговцев просто выводили из терпения. Дома — двух-, трех- и четырехэтажные - очень

красивы; примыкают один к другому плотно. Наряду с богатым, роскошным магазином находилась или грязная лавочка торговца старыми сапогами и башмаками, или же какая-то собачья конура мясника, пропитанная промозглым запахом от недоброкачественной говядины или баранины. Я с своим спутником зашел в греческую харчевню закусить: взяли только 60 копеек за обед с двоих. И то дело. В 4-м часу пополудни мы, захватив с собою припасы от русского фактора, пришли на пароход.

Вечером, при захождении солнца, погода стала великолепною; море - тихо и спокойно; на поверхности его ныряли морские свинки, отыскивая себе пищу. Возшла луна. Вид на Константинополь и его на далекое расстояние заметные окрестности казался чрезвычайно приятным. Вот по всему городу загорелась иллюминация; это — как по расспросу оказалось — было провожание турками «байрама» — большого праздника мусульман. Раздалась пушечная пальба; на турецких пароходах заиграла военная музыка. Все кончилось далеко за полночь.

На другой день в 7 1/2 часов мы оставили Царьград, и спустя немного «Эльборус» пустился в Мраморное море. Скоро, переехав через него, остановились близ города Галлиполи. Миновав Дарданелльский пролив, пустились в Архипелаг. Мы плыли темно-синими его водами, придерживаясь левого азиатского берега. Вот вдали показались разные суда: это близ острова Тенедоса. Пароход побежал мимо этого острова. Я мог заметить только полуразрушенные древние укрепления и бойницы да на пригорке несколько ветряных мельниц. По горе виднелись зеленеющие поля. Жителей было не видно. Чрез несколько времени показался большой гористый остров Метелен с городом того же названия. Наш пароход вошел в гавань и стал на якорю. Вид города очень красивый; он расположен по холмам между двух высоких гор, и на одной из них, по свесившейся над

морем скале, расположена была старая крепость, на которой развевался турецкий флаг. На наш пароход нагружались некоторые товары, преимущественно деревянное масло, и садились новые путники. На другой день утром «Эльборус» вошел в Смирнскую гавань²²⁸. Здесь наш пароход должен был простоять более полутора суток. Воспользовавшись свободным временем, я с одним богомольцем отправился на баркасе осматривать город Смирну. Этот город стоит в котловине, окруженный с трех сторон (кроме западной — к морю) значительной высоты горами. Домов очень много каменных, разной постройки, т.е. и европейской, и азиатской; улицы хоть и тесные, но чистые. В окрестностях города и в нем самом много садов — кипарисовых, финиковых и виноградных; некоторые из этих садов уже распустили свою приятную зелень. (Мы осматривали город 31 марта.) По улицам за отсутствием многолюдства ходить было удобно. Таких уродливых экипажей, какие я встречал в Стамбуле, здесь почти не видно, да и ездят более на мулах, верблюдах и отчасти на лошадях верхами. В магазинах разных европейских товаров, а на рынках всяких припасов, особенно рыбы*, было в избытке. Торговали преимущественно греки или армяне; просили за каждый предмет втридорога и при этом всячески старались обсчитать или обмануть покупателя. По улицам нам попадались турчанки, с лицом, покрытым белой кисеей; гречанки, совершенно наоборот, с открытым лицом и очень свободным обнажением полугрудки; наконец, черные арабки, с покрытым наполовину лицом; в ноздрях у них, как у индейского петуха, висели цепочки из небольших серебряных монет. Все женщины в шароварах; вообще костюмы их — разнораспестренные. Непривычному глазу смотреть на эти костюмы как-то странно и даже

---

²²⁸ Смирна — греческое название турецкого порта Измир на Эгейском море, крупный транспортный узел, который обыкновенно служил перевалочной базой для паломников.

неприятно. Мы сходили в греческую православную Церковь св. Николая Чудотворца к преждеосвященной обедне. Храм обширный; иконостас и вся внутренность из разноцветного мрамора; иконы — старинного писания; везде чистота. Вообще храм прекрасный. Молящихся было много. Одна странность бросилась в глаза: мужчины, все без изъятия, стояли в фесках, чалмах и некоторые в шляпах.

В 4 1/2 часа пополудни «Эльборус» снялся с якоря и мы оставили берега Смирны. На другой день (1 апреля) пароход быстро шел между разными скалистыми островами. День был тихий, ясный, теплый, солнечный — первый прекрасный день со времени отправления нашего из Одессы. Морские волны тихо колебались, с брызгами ударяясь об утесы островов и о борт нашего парохода. Часа в 4 пополудни мы прибыли к острову Родосу, который называется турецкой Сибирью. Город, расположенный на мысе отлогой горы, довольно красивого вида. Садов, которые уже зеленелись, было много. С моря город обнесен каменной стеной, над которой в городе возвышались турецкие мечети. По берегу моря стояли круглые, наподобие ульев, каменные ветряные мельницы. Улицы в городе — узкие, вымощены камнем. Лавок с разными товарами довольно; кофейные — довольно сносны; в них сидели турки и греки, куря кальян и попивая кофе. Вино (красное) «тенедос» — дешево и очень приятно вкусом. На улице повстречался мне грек, который сделал мне приветствие по-русски и спросил: из какой я губернии? Оказалось, что он бывал в Херсонской губернии и даже в Таганроге. Потом он предложил мне купить у него канареек.

- Дороги ли? — спросил я.

- Старые певчие — 10 рублей, а молодые — 2 1/2 рубля за десяток.

Зная, что греки всегда запрашивают ужасно дорого, мне все-таки такая цена показалась подходящей: купить следовало бы; но что мне было бы с ними делать при еще дальнем путешествии в Иерусалим и потом обратно - в Россию? Вот если бы я ехал домой — другое дело. Так и не пришлось мне купить прекрасных певчих птичек. В 8 часов вечера пароход снялся с якоря и скоро вступил в Средиземное море. Ночь была тихая и спокойная.

Через день — 3 апреля, в 8 часов утра — мы пристали к довольно живописному острову Мерсине. Город на отлогой скале; весь окружен садами. В нескольких верстах от города высокие горы, на которых клубились облака. В городе Мерсине я встретился с татарами, которые, по расспросам, были кавказские, Пятигорского уезда, с реки Кумы; приняли турецкое подданство, и их поселили сюда. Они были очень недовольны здешним местопребыванием и желали бы снова возвратиться на родину; но не знали как, боясь турецкого правительства. Татары были очень любезны; водили меня по садам, где росли лимоны, апельсины, померанцы; угощали в луканде закуской и вином. Расстались мы по-приятельски. Когда я вернулся на пароход, то пассажиров на палубе набралось всех более 300 человек; теснота была чувствительна.

Рано утром 4 апреля из-за тучи взошло красное солнышко; небо было ясно; вдали виднелись Сирийские снеговые горы. В 9 часов утра «Эльборус» снялся с якоря и пустился в открытое море, которое скоро от разыгравшегося ветра заволновалось и запенилось. Поднялась качка. Многие пассажиры застонали: это приключилась с ними морская болезнь. Но вот после полудня качка прекратилась. Пароход быстро мчался по тихим волнам мимо каких-то островов — слева, а за ними опять показались высокие Сирийские горы. Вдали виднелся городок Александретта. Не

доезжая до него верст 14, капитан сказал всем христианам, что на этом берегу находится то место, где будто бы кит, по повелению Божию, выбросил из своего чрева пророка Иону. Городок Александретта состоит из нескольких десятков домов, в которых жили арабы-магометане. Вокруг городка зеленелись травы и лес, а далее возвышались горы, где клубились разноцветные облака. Вид был приятный. Пассажиров прибавилось. Тут мы простояли более суток.

6 апреля в 5 часов пароход наш пошел далее и около 2 часов пополудни бросил якорь в бухте у города Лотокии. Город расположен между красивыми масленичными и фиговыми садами; в нем много разрушенных древних замков. Здесь пассажиров еще прибыло, так что на палубе всех находилось до 400 человек.

На другой день, 7 апреля, в 8 часов утра пароход наш остановился у города Триполи. По случаю сильного ветра и дождя я не рассудил побывать в этом городе. С парохода вид города довольно красивый, хотя он построен чисто по-азиатски. Мечетей и минаретов в нем очень мало, почему можно полагать, что здесь живет много христиан. Тут к нам прибыло пассажиров еще человек сто. На палубе сделалась ужасная теснота и давка. Крик, шум, брань и говор на разных языках раздавались на палубе. Ровно в полдень пароход снялся с якоря и пустился по буйному морю. Ветер дул противный; пароход наш сильно качало. Пассажиры приумолкли. В 5 часов пополудни мы бросили якорь в бейрутской бухте. Вид города Бейрута с моря казался очень живописным. Строение красивое; много домов, построенных по-европейски. Мечетей с минаретами виднелось в нем довольно, а христианских Церквей было не видно. Многие пассажиры отправились в город, а я остался на пароходе. Настала ночь. Пароход качало неугомонными морскими волнами. Русские поклонники пели псалмы и

разные другие божественные песни. В ясном небе мерцали звезды и двурогий месяц светил бледным светом. На пароходе и в городе блестели разноцветные огни. Я долго любовался этою прекрасною картиною. Потом крепко заснул на своем неприглядном ложе близ куба. — Следующий день я провел частью на пароходе, частью в городе, в котором примечательного ничего не заметил, кроме того, что французы проводили отсюда шоссе к городу Дамаску; вообще, как видно, они здесь хозяйничали и распоряжались по-своему. Пассажиры на наш пароход прибывали; и без того ужасная теснота увеличилась. Нечего делать: богомольцы утешали себя только тем, что скоро конец плаванию по морским пучинам.

Утром 9 апреля пароход снялся с якоря и мы простились с Бейрутом, а на другой день, в 5 часов утра, увидели Яффу. Этот небольшой город расположен на довольно возвышенном холме, близ самого моря; издали очень красив; окружен садами с лимонными, апельсинными и другими плодовыми деревьями южных стран. Лишь только пароход наш стал на якоре, как тотчас же пристало к нему множество яликов, баркасов, с которых турки, греки и арабы с удивительной быстротой и ловкостью вскарабкались на пароход; наперерыв друг перед другом старались завзвать к себе пассажиров; насильно брали багаж, детей и самих пассажиров, причем багаж попадал к одному лодочнику, а хозяин его — к другому. Произошло такое смятение, гам, крик, особенно женщин и детей, что трудно и описать. Русские богомольцы устранились от этой суматохи и дали волю азиатам. После всех перебрались в Яффу и мы, русские, где на берегу встретил нас консульский чиновник и показал, где нам остановиться. Мы пошли в патриаршую гостиницу при греческом монастыре; тут отвели нам комнаты и мы разместились. Потом я и несколько человек из моих спутников пошли осматривать город. Улицы — чисто азиатские: кривые, узкие, неудобные;

между ними есть такие, что в них и солнца Божьего не видно. На гавани заметно было оживление и суета; нагружали и выгружали суда, навьючивали мешки с хлебом на верблюдов, лошаков и мулов. Тут бросались в глаза полунагие и совсем нагие арабы. Пройдя город, мы вышли за иерусалимские ворота, где находился базар. Продавалось здесь особенно много лимонов и апельсинов из местных садов, а также рыбы, называемой «ликерда». Потом мы зашли в луканду - к греку пообедать, где нас угощали этой самой рыбой. Возвратясь в гостиницу, напились чаю, а вечером с террасы любовались волнами шумящего моря^{***}. На другой день все мы, богомольцы, были в монастырской церкви У заутрени и обедни. Потом пошли к консулу и отдали ему свои паспорта. Консул сказал, что, по недостатку подвод, нам нельзя сегодня отправиться в Иерусалим и чтобы лишние деньги мы оставили у него на хранение, до обратного путешествия. Богомольцы это исполнили. Он выдал нам билеты для беспрепятственного следования в Иерусалим с обозначением, кто сколько оставил у него денег; а наши паспорта должны были отослаться к иерусалимскому консулу. После этого нас позвали к архимандриту монастыря, для того чтобы, по существующему здесь обыкновению, мы записали в особую книгу имена своих родственников для поминовения. По исполнении этого в келье архимандрита каждый из богомольцев по усердию и состоянию своему оставлял на столе несколько денег. За приют в гостинице с нас не требовали ничего. Остальное время этого дня я с двумя товарищами ходил по городу и по прекрасным благоуханным садам, где плоды рделись на солнце, цвели розы и другие ароматные цветы.

12 апреля, после заутрени, пришел к нам консульский секретарь и объявил, что для нашей поездки в Иерусалим лошаки готовы, с платою за каждого животного по 1 рублю 60 копеек серебром. Путешественники

немедленно собрались, вышли на улицу, выбирали лошаков, укладывали на них свой багаж и усаживались сами. Некоторые нанимали одно животное вдвоем, чтобы ехать на нем попеременно; иные же, по неимению денег или просто из желания потрудиться, решились идти пешком. При каждом лошаке находился араб или турок с пикою, которою понукалось животное. В 10 часов утра наш караван тронулся друг за дружкой. Выехав из города, мы пустились по узенькой дороге, по обеим сторонам которой цвели и благоухали роскошные сады. Эти сады не были огорожены, а взамен того окопаны рвом, в коем рос толстый столетник; по нем бегали зеленые ящерицы. Когда миновались сады, пред нами открылась обширная равнина, где созревал ячмень и пшеница, колыхавшаяся от ветра, как море. По местам, арабы возделывали землю на верблюдах и быках. Вдали виднелись Иудейские горы; раздавалось пение жаворонков. Дорога пошла между садами масличными, и мы скоро прибыли в селение Рашли****. Хотя времени было не более 3 часов пополудни, но нам следовало здесь переночевать. Мы поместились в приемном доме, находившемся в зависимости от патриарха. Вчетвером, в том числе с одним грузином-богомольцем из Тифлиса, человеком здесь бывалым, мы пошли по селению в монастырь св. Георгия. Церковь была заперта, но, благодаря услуге учителя греческих детей при монастыре — дьякона, мы получили возможность побывать в церкви: она оказалась очень бедною. Дьякон подвел нас к каменному столбу, огороженному решеткою, и объяснил, что на этом столбе был мучим св. Георгий Победоносец. Из церкви возвратились в свой приют. В два часа по полуночи ковас (проводник) разбудил нас для дальнейшего следования к св. городу. При свете полной луны караван наш тронулся в путь. Сначала мы ехали равниною; потом стали подниматься на каменистые, утесистые горы, где дорога, по мере

нашего движения вперед поднималась выше и выше, извиваясь между скалами, ущельями и пропастями. Все поклонники шли пешком, следуя близ своих лошаков, которые, прежде чем ступить, пробовали ногами место или камень. Скажу без преувеличения: мне приводилось видеть разные горные дороги, но такого поистине трудного пути я не встречал; это просто мученье для путешественников.

В 12-м часу дня на одном плоском месте коvas остановил караван для отдыха, который продолжался не более часа. Богомольцы подкрепили себя пищею, у кого что имелось из съестного, и утолили жажду родниковой водою. Впрочем, я воды не пил, боясь заболеть. Невдалеке от нас турок продавал в лачужке кофе; я выпил этого напитка три чашки, заплатив за каждую на наши деньги по 3 копейки серебром. Отсюда дорога пошла шире, удобнее. Через два часа езды коvas сказал богомольцам, что Иерусалим близко. Мужчины слезли с лошаков и пошли вперед каравана, горя нетерпением поскорее увидеть св. город. Я последовал за ними; но мне желательно было взглянуть на Иерусалим одному, без других лиц, как будто бы эти лица могли отнять что-нибудь от моей радости при виде св. города. Я быстрыми шагами удалился от своих спутников. Дорога пошла вправо на небольшой пригорок, с которого открылся предо мною Иерусалим. Я пал на колени, залился слезами радости и мысленно проговорил: «Неужели я, грешный, достаиваюсь быть у Тебя, Господи, в гостях, где Ты, многомилостивый, пролил за грехи наши неповинную кровь Свою». Когда караван наш ко мне приблизился и я встал на ноги, то вся усталость моя от утомительной дороги миновалась: мне стало легко, приятно и весело. Перед самым Иерусалимом я сел на своего лошака и мысленно сказал: «Господи,

благослови меня въехать в город Твой, по примеру Твоему на ослиати»²²⁹. Мы въехали через Вифлеемские ворота и, минуя несколько улиц, на одной из коих стоял дом царя Давида, остановились у патриаршего двора. В приемном покое монастырской гостиницы нас встретил пожилых лет монах и привел в обширную комнату, сказав нам по-русски с странным выговором: «Пожалуйте сюда»- В комнате, возле стен, находились низенькие нары, устланные потертыми коврами, с подушками к стене. Богомольцы разместились на этих нарах, повесив каждый кладь свою на гвоздь, над изголовьем. Чрез несколько времени после прихода нам предложили по рюмке фруктовой водки и по горсти изюму. Напившись чаю, приготовление которого обошлось не без хлопот, я с некоторыми из товарищей пошел посмотреть дорогой для каждого христианина город и заготовить какую-нибудь пищу. На улицах нам встретилось много русских поклонников, ранее нас прибывших сюда, с которыми я и не преминул разговориться. Прежде всего они советовали мне не заботиться о пище, так как богомольцы продовольствуются от монастыря. Затем расспрашивали о России, и в особенности любопытствовали относительно освобождения крестьян из крепостной зависимости. Узнав, что в Одессе был уже прочитан Высочайший манифест, они очень обрадовались, благодаря Господа и столь милостивого своего Государя. Так как день начинал склоняться к вечеру, то я поспешил возвратиться в монастырь. Все богомольцы сидели уже на своих местах. В 7 часов пригласили нас к ужину в столовую, находящуюся внизу от нашего помещения, пред входом в которую предлагалось выпить по рюмке водки. Столовая — обширная, чистая; посредине ее стоял мраморный стол с приборами, из коих у каждого лежали небольшие полубелые хлеба.

---

²²⁹ Согласно всем четырем Евангелиям, Иисус въехал в Иерусалим на молодом осле, «на которого никто из людей никогда не садился»

Мы сели за стол. Через несколько минут иеромонах, стоящий впереди стола, перед иконами, позвонил в колокольчик; мы встали. Он прочел краткую молитву и благословил хлеб, после чего мы сели ужинать. Кушанья были: чечевица с маслом, маслины и еще какая-то вареная зелень. С непривычки кушанья эти не нравятся. После кушаньев каждому подносили по металлической чарке кислого кипрского вина. За столом не слышно было никаких разговоров, даже шепотом. Ужин закончился краткою благодарственной молитвою. Придя в свой приют, богомольцы расположились спать, а в том числе и я. Это был первый день моего пребывания во св. граде, 13 апреля, среда на вербной неделе.

14 апреля

Утром в 3 часа нас разбудили колокольчиком к заутрени. Мы пошли в крестовую патриаршую церковь, находящуюся в том же здании, где был наш приют. Церковь небольшая, но украшенная со вкусом. На клиросе пели высшие монашествующие лица из греков. Во время службы всех богомольцев вывели из церкви в особый покой, мужчин — в одну комнату, а женщин — в Другую, и пригласили сесть на диваны, стоящие у стен. Началось чтение Св[ященного] Писания на греческом языке. Через несколько времени вошел архимандрит в сопровождении двух иноков, из коих один держал в руках медный таз, а другой умывальник с теплой водою и полотенце. Эти лица поочередно подходили к каждому богомольцу; архимандрит умывал у них ноги и вытирал полотенцем, после чего ногу целовал; у женщин умывались руки. После этого руки всех окроплялись розовою водою. Затем архимандрит встал посреди комнаты и неправильным русским языком произнес: «Исполняя обряд омовения, иерусалимские иноки стараются подражать древним и показать любовь свою к странникам, пришедшим с чистым сердцем в Иерусалим поклониться святым местам и

гробу Господню, — и вот мы умыли ноги ваши». После того поклонники возвратились в церковь. Скоро утренняя кончилась, и тотчас же началась литургия. Было еще рано, когда мы пришли из церкви в свой покой. Чрез несколько времени всем нам принесли по небольшой чашке кофею, по рюмке водки и по горсти изюму. Затем повели нас к наместнику патриарха митрополиту Петру, которого все поклонники называли: «святой Петр»****. Мы остановились в большой комнате, откуда по одному нас вызывали в другую. Когда я вошел в эту комнату, то увидел, что тут присутствовали: митрополит Петр, два архиерея, один архимандрит и за письменным столом чиновник. Я низко поклонился этому духовному собранию, внес свое имя и имена родных в книгу для поминовения и положил на стол несколько сребреников. Митрополит благословил меня и вручил мне грамоту, писанную по-славянски, с изображением по краям ее, кругом, евангельских событий. Приняв грамоту, я поцеловал руку, меня благословившую, и вышел из комнаты. Ровно в полдень нас пригласили обедать, после чего объявили, что в 4 часа мы пойдем ко гробу Господню, в храм Воскресения. По приходе в нашу комнату поклонники говорили о том, что ко гробу Спасителя обувшись не ходят, и для этого надобно купить новые чулки или носки, которые следует сохранять до смерти, с тем чтобы они были надеты на умершего. Я побежал на базар и купил себе бумажные носки. В 4 часа явился иеромонах и повел нас по святым местам. Сначала мы пришли в крестовую церковь, примыкающую к патриаршей; здесь приложились к камню от горы Голгофы, на которой отпечатлелся след божественной стопы Спасителя. Потом, сойдя по довольно длинной и крутой лестнице, мы приблизились к церкви св. жен Мироносиц; эта церковь находится на том месте, где Спаситель, по воскресении Своем, явился им и — как говорит предание — своей Божественной Матери,

бывшей вместе с ними. Тут мы помолились и пошли далее, помимо церкви св. Иакова, брата Господня, и церкви Сорока мучеников. Вышли мы на четырехугольную, мощенную камнем площадь, где арабы продавали кресты, четки, образа, ливан и смирну. Но вот огромные железные ворота, обращенные к югу; это вход во храм Воскресения. Войдя в него, мы увидели близ самых дверей на нарах сидящего турка, в чалме, с длинной трубкою. У этого турка хранились ключи от храма. При виде сего мусульманина в столь священном для нас месте мне было прискорбно и неприятно; впрочем, скоро мысли и чувства мои успокоились. Сажень в трех, против входа, лежала мраморная плита, над которой, под балдахином, горело более десятка разноцветных ламп. Эта плита есть тот камень, на котором тело Иисуса Христа, по снятии со креста Иосифом и Никодимом, было приготавливаемо к погребению натираением благовонными мастями. Этот камень назван камнем миропомазания, или камнем разгвождения Христа, так как на нем же руки и ноги Спасителя были освобождены от вбитых гвоздей. Приложившись к этому камню, мы подошли к месту, покрытому тонкою железною решеткою с висящею в середине ее горящею лампадою. Это место, с которого Божия Мать смотрела на своего Божественного Сына, когда его приготавливали к погребению. Помолившись на этом месте, мы повертели направо, и нам открылся огромный храм с великолепным куполом, который поддерживали необыкновенной величины колонны из цельного мрамора. Посредине храма, под куполом, стояла часовня, устроенная в виде маленькой церквицы: в ней-то и находится гроб Господень. Вокруг всей часовни висело множество разной величины красивых лампад; против дверей часовни стояли 4 огромные свечи в подсвечниках; они зажигаются только во время больших праздников. Я приблизился к часовне, и сердце мое затрепетало... Богомольцы начали разуваться и надевать новые чулки или носки. Я дал им

всем вперед идти в часовню, а сам опустился на колена и стал усердно молиться. Когда вышли из часовни последние богомольцы, я, скинув сапоги, надел новые носки и дрожащими руками снял с своей шеи образок, который дед мой и отец брали с собой во время путешествия. Бойдя в часовню, я увидел четырехугольную небольшую храмину, в которой лежал камень, отваленный ангелом от погребальной пещеры Господа во время Его воскресения. Я помолился и приложился к этому камню. Потом с замиранием сердца, на коленях я прополз маленькую дверку или отверстие и, при свете горящих лампад, увидел гроб Господень. Я положил на св. гроб свой образок, припал ко гробу своими устами и залился горячими слезами...

Исполнилось давнишнее сердечное мое желание. На душе стало легко и радостно. От гроба Спасителя все мы, богомольцы, пошли на север и пришли к месту, обозначенному мраморным кругом, над коим висят горящие лампы. На этом месте Иисус Христос, по воскресении Своим, явился Марии Магдалине в виде Вертоградяря. Далее мы вошли в церковь, построенную на месте бывшего вертограда Иосифа и заведываемую римскими католиками. Здесь, за крепкою решеткою, хранится часть позорного столба, к которому были привязаны руки Иисуса Христа в претории Пилата. Сопровождавший нас иеромонах сквозь решетку прикоснулся к этому столбу одним концом тут же лежащей трости и давал прикладываться к ней поклонникам. В этой же церкви близ престола за решеткою находятся каменные узы, в которые, как полагают, были забиты ноги Спасителя. Узы эти есть не что иное, как камень, в длину и ширину около аршина, с двумя круглыми дырами, в которые продевались ноги узника, из опасения, чтобы он не ушел. Недалеко от этих уз находится, по преданию, то место, где была пещера, в которую заключили Иисуса Христа, пока на Голгофе делались приготовления к Его распятию, и будто бы здесь

скорбящая Божия Матерь, поддерживаемая благочестивыми женами, проливала слезы в то самое время, когда распинали ее Божественного сына. Это место называется приделом Богоматери. Отсюда мы вошли в придел, построенный на том месте, где стоял Лонгин сотник во время смерти Богочеловека и уверовал в него. Затем, помолившись престолу, построенному, где воины делили ризы Спасителя и метали жребий, мы спустились по большой каменной лестнице в глубокое подземелье, где найден был животворящий крест Господень; и в самом углублении поклонились этому св. месту. На обратном пути отсюда зашли мы в церковь с несколькими престолами в память обретения честного креста св. Еленю и раскаявшегося разбойника. Отсюда мы вышли на одно из самых трогательных для христианина мест — на гору Голгофу. Сердце мое содрогнулось; я пал ниц и залился слезами. Помолясь кресту, в вышину подлинного креста Христова, с прекрасным распятием на нем Господа и изображениями по бокам его, во весь рост, Божией матери и Иоанна Богослова, мы приложились потом к пробоине или углублению, где водружен был крест Спасителя, и к расселине, которая образовалась от землетрясения при кончине Иисуса Христа. С Голгофы мы снова вошли в храм Воскресения, где скоро кончилась вечерня, и народ расходился, а мы, вновь прибывшие богомольцы, должны были ночевать в храме.

Когда турки заперли двери храма, нас позвали в третий этаж, в келью, где архимандрит записал наши и сродников имена для поминовения у гроба Господня, причем каждый клал на блюдо несколько денег. Затем архимандрит предложил нам ужин, который состоял из маслин, чечевицы и пилафа²³⁰. За столом подносили водку и вино. После ужина нас отвели в

---

²³⁰ То есть плова.

особую келью, в которой на полу были разостланы ковры с подушками. Некоторые из богомольцев расположились спать, а другие пошли в храм, куда и я, отдохнув немного, последовал. В храме царствовала тишина; кой-где молились на коленях поклонники; по местам лампы тускло горели. В полночь я приблизился ко гробу Господню и горячо молился, с пролитием слез, до того времени, когда в 2 часа ударили в доску к заутрени. Я вышел от гроба Господня, сходил помолиться на Голгофу и, возвратясь в храм, встал близ архиерейского места. Молящихся было довольно много разных наций и вероисповеданий. По окончании утрени тотчас же началась у гроба Господня православная литургия, за которой поминались наши имена и сродников; вслед за православной стали служить армянскую обедню, а после этой началось служение католическое, при звуках органа.

15 апреля

По окончании богослужения мы, русские богомольцы, возвратились в патриаршую в свой приют; нас угостили кофеем. После обеда с нас потребовали по 30 копеек серебром и объявили, что долее мы оставаться здесь не можем. Поклонники начали хлопотать насчет квартиры. Благодаря услужливости одного отставного солдата, я нашел себе помещение в квартире, нанятой нашим консулом собственно для русских поклонников. Помещение не особенно завидное: в числе 8 товарищей я должен был расположиться на худеньких рогожах, разостланных на земле. Конечно, лучше бы поселиться, как я узнал, в Михайловском монастыре; но там оказалось дорого: требовали 2 рубля серебром с человека. Да и не место, чтобы заботиться здесь о житейских удобствах.

16 апреля

Поутру — это была Лазарева суббота²³¹ — я и товарищи мои решили идти На Елеонскую гору, к могиле св. Лазаря и прочим св. местам. С проводником мы пошли из своего подворья по тем улицам, где Христа Спасители вели на распятие. Подошли к судебным воротам, которые немного сохранились; тут прочитан был Иисусу Христу смертельный приговор. Я прослезился. Потом увидели то место, где Спаситель остановился и сказал плачущим иерусалимским женам: «Не плачьте обо Мне; лучше о себе плачьте и о детях ваших». Здесь, по преданию, из своего дома вышла св. Вероника и отерла окровавленное лицо Иисуса Христа. Потом дошли до места, откуда Симон Киринейский понес крест Спасителя. Поворотив на другую улицу, мы подошли ко дворцу Пилата; недалеко от него указывают развалины дома Иродова. Несколько в стороне отсюда находится францисканский монастырь, построенный на том месте, где воины Пилата наносили Иисусу Христу бичевания, заушения и заплевания. Потом, пройдя Антоновскую башню, мы увидели на большой площади храм Соломонов и хотели было пойти к нему; но турок нас не допустил. После я узнал, что христиане могут ходить к этому храму только по особенному разрешению. Неподалеку от Соломонова храма находилась овчая купель. Далее мы прошли Гефсиманские ворота, при которых находилась турецкая стража, и перед нами открылась гора Елеонская. Перейдя по мостику через поток Кедрон, в котором не было и признаков воды, мы подошли к Гефсиманскому саду; он был огорожен стеною и охранялся одним французом. Здесь нам указано было то место на камне, где Иисус Христос совершил моление о чаше; приложившись к этому месту, мы сошли к тем камням, на которых уснули апостолы, пока молился Спаситель. Из

---

²³¹ То есть суббота на шестой неделе Великого поста.

Гефсиманского сада мы пошли на Елеонскую гору, к тому месту, с которого Иисус Христос вознесся на небо. Здесь, по случаю ежегодно бываемого в этот день церковного торжества, народу собралось множество, так что не было никакой возможности пробраться к месту вознесения Господня. Обещаясь прийти сюда в другой раз, я с некоторыми из богомольцев пошел в Вифанию, которая отстоит от Иерусалима не более 4 верст. Пройдя немного, перед нами открылся весь св. город, и мы долго любовались его прекрасным видом. Могила праведного Лазаря находится в конце Вифании. Мы спустились со свечами в погребальную пещеру, где покоился св. Лазарь. Помолившись и выйдя из пещеры, мы пришли туда, где сестра Лазарева встретила Иисуса Христа, шедшего с Иордана. Помолившись здесь, другим путем возвратились на Елеонскую гору, а отсюда к Гефсиманской церкви; но она оказалась запертою. Придя в Иерусалим на квартиру, я немного отдохнул; потом пошел к вечерне в Михайловский монастырь, где было очень много русских поклонников. Возвратясь отсюда на свое подворье, я увидел финиковые ветви, присланные нашим мелитопольским архиереем, в то время бывшим в Иерусалиме, всем русским богомольцам для стояния завтра в храме во время заутрени. Взяв с собою несколько из этих ветвей, я пошел в храм Воскресения, где и остался провести ночь. Разумеется, мне было не до сна. Ровно в полночь зазвонили в колокола, начали бить в металлические и деревянные доски; это к заутрени. Служение было торжественное: множество греческого духовенства, с митрополитом Петром во главе; невероятное стечение народа со свечами и ваиями; полное освещение храма. За тишиной и спокойствием наблюдала турецкая стража. Ход духовенства вокруг гроба Господня, с хоругвями, образами, зажженными свечами и ваиями, мне особенно понравился. После этого хода началась литургия, окончившаяся в 6 часов утра.

17 апреля

Придя от обедни на квартиру и подкрепив себя немного пищею, я и товарищи мои пошли за город тем же путем, что и вчера проходили. Недалеко от потока Кедрского в скале находится силоамская купель. Во время нашего прихода в ней купались турки. Мы умылись водою из нее. Поклонившись далее гробницам св. Захарии и Иосафата, оттуда виднелся памятник Авессалома, мы направились к Гефсиманской церкви. Эта церковь стоит в углублении скалы, и входить в нее надобно по большой лестнице вниз. Мы спустились на несколько ступеней: тут, с правой стороны, в стене, лежали гроба родителей Божией Матери, а с левой, напротив их, гроб обручника Ее Иосифа. Поклонившись этим приснопамятным местам, мы сошли по лестнице в церковь, в которой была служба. Посредине церкви стояла часовня наподобие той, как над гробом Господним; в ней стоял гроб Пресвятой Богородицы. Вокруг часовни горело множество лампад. Вошед в эту часовню, я исполнился радостного трепета, с умиленною душою молился перед гробом Богоматери и приложился к нему. Народу в церкви было очень мало. Мы возвратились на квартиру к вечеру и узнали, что завтра утром поклонники отправятся на Иордан.

18 апреля

С раннего утра на улице собралось множество богомольцев, и каждый нанимал себе подводу у извозчиков. Цена лошади на Иордан и обратно была 3 Рубля, мула и верблюда — 2—2 1/2 рубля, а лошака — 1 рубль 60 копеек. Я предпочел идти пешком. В 8 часов караван тронулся из Иерусалима через Гефсиманские ворота. Поклонников было более 400. При караване для его охранения находилось несколько десятков турок и бедуинов. Поехали по Вифанской дороге. Скоро потянулись крутые каменистые горы; тропинки узенькие, обрывистые. По такому пути

чрезвычайно было трудно не только ехать, но и идти: того и гляди угодишь в пропасть или сломаешь ноги об острые камни. Через 10 верст караван отдыхал около часу. Солнечный жар, особенно в скалах, становился невыносимым. Я ужасно утомился и не один раз пожалел, что не нанял себе лошака. Через несколько времени мне удалось уговорить одного турка подвезти меня за 50 копеек серебром на его верблюде. Скоро открылась глазам моим высочайшая гора, с белеющею вершиною, на которой Иисус Христос постился 40 дней и 40 ночей и был искушаем от дьявола. Потом караван спустился с горы и мимо Иерихона двинулся по равнине. Здесь много росло дикого терну, с которого бедуины срывали ягоды и ели их. Недалеко от такой-то арабской деревни, близ источника, караван остановился на отдых. Богомольцы принялись чай пить и закусывать. С закатом солнца сделалось прохладно. Богомольцы расположились спать под терновыми кустами. По причине усталости я долго не мог заснуть и, при свете двурогого месяца, смотрел на окрестности с высокими палестинскими горами.

19 апреля

В 5 часов караван тронулся в путь. Скоро в стороне от нас завиднелось Мертвое море, а через 2 часа мы были у вод Иордана. Отдохнув на берегу и выбрав место поудобнее, я разделся и трижды погрузился в воду. Потом, одевшись в чистое новое белье, набрал камешков и налил в медную посуду воды. Течение воды в Иордане необыкновенно быстрое. Вода очень холодная, на вкус приятная. Кажется она беловатою, мутною; но когда отстоится, то делается прозрачною, как кристалл. Когда все богомольцы выкупались в Иордане, караван тем же путем пошел обратно и близ Иерихона остановился, где простоял до следующего утра. Некоторые поклонники, в том числе и я, просили начальника каравана, чтобы он

позволил сходить нам на гору, где Иисус Христос искушаем был от дьявола; но на это мы разрешения не получили, потому что ходить туда, по причине недоступности, слишком опасно.

20 апреля

В 4 часа утра богомольцы поднялись на ноги. Караван двинулся. Я сел на осленка, которого нанял пополам вчера с одним товарищем в одной арабской деревушке. В Иерусалим прибыл усталый, измученный.

21 апреля

Был у заутрени в Михайловском монастыре; исповедался и за обедней приобщился св. Тайн. К вечерне ходил в храм Воскресения, где совершался обряд омовения ног; но за множеством народа не мог ничего видеть.

22 апреля

Утром и днем ходил ко святым местам Иерусалима. Вечерню стоял в храме Воскресения, где и остался провести ночь. При мне бывшую икону Касперовской Божией Матери я поставил на гроб Господень и потом отослал ее в свою родную Выездную слободу в церковь Смоленской Божией Матери Одигитрии, где она находится позади левого клироса и по сие время.

23 апреля

В 12 часов начали звонить в колокола и бить в доски к заутрене. Лампады, числом до 2000, были зажжены все. Народу собралось великое множество. Когда митрополит Петр пришел с многочисленным духовенством, началась утренняя, после которой совершен бью торжественный ход с плащаницею вокруг гроба Господня и кругом всего храма. Потом началась литургия. По окончании богослужения я пошел на квартиру и немного отдохнул. Около полудня опять пошел в храм

Воскресения. Народ наполнял храм, в котором не горела ни одна лампада. Теснота была чрезвычайная, особенно вокруг гроба Господня, где стояли греки, арабы, армяне и другие поклонники, кроме Русских. По стенам храма были устроены в 4 этажа особые места, которые занимали богатые греки, армяне и др. В час пополудни пришел митрополит с Духовенством, в числе более 200 особ. Минут через 20 раздались в храме возгласы и крики на разных языках: это народ просил о ниспослании с небес благодатного огня. Скоро в храме сделался великий шум и смятение: люди переходили с места на место, кричали, топали ногами, били в ладоши, влезали на карнизы, откуда сталкивали друг друга; словом сказать — в храме происходило нечто странное и удивительное. Я пролез кое-как к алтарю и с северной стороны остановился, потом взлез на карниз колонны. В 2 часа духовная процессия вышла из алтаря и тихо двигалась к гробу Господню. Во время обхода ее вокруг часовни крики и шум в храме увеличились. После двукратного обхождения процессия остановилась перед дверями часовни; тут с митрополита сняты были церковные облачения, и он, войдя в часовню затворился там; а процессия обошла вокруг часовни еще раз. Прошло с полчаса. Вдруг в часовне блеснул огонь, и митрополит выдал сначала в окошечко с южной стороны, а потом — с северной по 33 зажженных свечей. Арабы, как ближе всех стояли к окнам, приняли эти свечки и побежали; народ за ними. Суматоха поднялась невообразимая. Когда я, удалившись в угол храма, где почти не было народу, начал обжигать свои свечки благодатным огнем, ко мне подбежал турецкий солдат закурить сигару. Как ни тяжело для меня было, но я не мог этому воспрепятствовать. Богомольцы выходили из храма с зажженными свечами. Собравшись на квартире, богомольцы рассказывали друг другу, кто где стоял в храме и что видел. По захождении солнца я пришел в храм встретить светлый, сугубо радостный

день воскресения Христова. Народ в разнообразных праздничных, преимущественно в азиатских костюмах толпился по храму во множестве. Я уединился к тому месту, где сняли со креста Спасителя, и предался размышлениям, а более — молитве.

24 апреля

В 12 часов ночи началась высокаторжественная служба, шествием из алтаря духовной процессии, с пением на греческом языке, к часовне гроба Господня, которую обошла три раза. Потом митрополит вошел в часовню и, побыв там несколько минут, вышел, произнося на разных языках: «Христос воскрес!» При виде этого умирительного зрелища, радостные слезы катились из глаз моих. Затем процессия обошла вокруг храма и, как только возвратилась в алтарь, началась утренняя; а потом литургия. Евангелие читалось на разных языках. По окончании богослужения я пошел на квартиру и отдохнул. Затем я с товарищами пообедал в греческой харчевне; после того ходили по св. городу. За Яффскими воротами греки, армяне и др. гуляли и веселились в кофейнях; но это веселье их мне было не по душе. После вечерни с закатом солнца мы возвратились на квартиру.

25 апреля

Утром я с товарищами отправился в Вифлеем — место рождения Иисуса Христа. День был прекрасный. По дороге, верстах в двух от Иерусалима, зашли в монастырь св. великомученика Георгия. Затем, пройдя еще версты 3 завидели памятник на месте погребения Рахили и поклонились ему. Через несколько времени показался Вифлеем. Это — небольшое селение с садами; жители его занимаются выделыванием перламутровых крестиков и каменных небольших образов. Мы вошли в обширную церковь, построенную над вертепом, в который, помолясь, и спустились по мраморной лестнице. Вертеп небольшой, освещен был лампадами. Я пал со

слезами ниц в этом святом месте и долго молился; потом приложился к престолу со звездой, означающею место рождения Христова; затем приблизился к тому углублению, где стояли ясли, в которых возлежал Божественный Младенец. Я поцеловал край этого углубления. Одна часть вертепа была обложена мрамором, а другая — завешена золотою парчою. Из вертепа мы опять пошли в большой храм и записали здесь у одного монаха в книгу имена свои и родных для поминовения. После того возвратились тем же путем в Иерусалим.

Последние затем три дня и три ночи моего пребывания в Иерусалиме я всецело посвятил хождению по святым местам. Потом взял у консула подписанный им паспорт для возвращения в Россию и нанял до Яффы лошака за 1 рубль серебром. 29 апреля 1861 года, поутру, с шестью путниками, из коих было четверо русских, я выехал из Иерусалима. Тяжело и грустно мне было при отъезде из св. города. Выехав за Иерусалимские ворота, я со слезами на глазах мысленно произнес: «Благодарю Тебя, Господи, что удостоил меня быть у Твоего св. гроба и поклониться священным местам и тем исполнить давнишнее мое желание». Скоро Иерусалим скрылся из глаз моих.

В Яффе я сел на английский пароход, заплатив 5 рублей серебром до Константинополя. Это было вдвое дешевле против русских пароходов, но зато оказалось в пять раз неудобнее ехать: при невообразимой тесноте и при незнании английского языка, на котором надобно было объясняться с пароходной прислугой, нельзя было без особенного труда ничего достать, даже воды. Из Константинополя я ехал на русском пароходе за 5 же рублей серебром до Одессы, куда прибыл 11 мая, а на другой день был уже в Херсоне, где почти безвыездно до конца года занимался рыбною торговлею.

В январе следующего, 1862 года я заказал в Одессе сделать медный куб, с которым и отправился в Кишинев. Здесь купил черной нефти и из нее выгнал белую; из этой нефти мне хотелось приготовить газ для освещения г. Херсона; но для этого я не мог найти сведущего человека или мастера, и таким образом эта затея моя не удалась. Нефть я продал в аптеку и снова стал торговать рыбою в Херсоне. Потом летом ездил в Кишинев, Москву и Нижний Новгород. Здесь во время обедни в ярмарочном соборе у меня вынули из кармана 148 рублей. Это были мои последние деньги, и я нашелся вынужденным просить старшего моего сына о присылке мне 25 рублей потом, побывав на своей родине — в слободе Выездной, я отправился к двоюродному брату моему в Бузулук, где прожил до половины 1863 года и снова возвратился в Нижний Новгород, откуда вскоре начал собираться в Петербург с целию — не возьмется ли кто напечатать настоящую историю моей жизни.

---

* В так называемой европейской части Константинополя мне не довелось быть

** Наряду с прочими продавались: камбалы, лакерды, пиры, летучие рыбы и одна вроде собачьей морды; устрицы и какие-то в пол-аршина раковины, в которых находилось что-то вроде нашей жидкой лягушечной части.

*** Мне передавали, что у Яффы море всегда, даже в тихую погоду, бывает бурливо и шумно.

**** Говорили, будто в этом селении родился Иосиф Аримафейский, который совершил погребение Иисуса Христа.

***** Патриарх Кирилл редко жил в Иерусалиме, имея своё местопребывание в Константинополе; его заменял там митрополит Пётр.

А.Я. Артынов.

Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда

Печатается по:

Ч. 1: Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1882. Кн. 1. С. 1-88; Кн. 3. С. 89-164.

Ч. 2: Воспоминания А.Я. Артынова, крестьянина села Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии. М., 1884. 47 с.

Обе части (1844—1911) опубликованы ростовским краеведом и меценатом А. А.Титовым.

Публикации первой части предпослано следующее предисловие: «Издаваемые здесь записки крестьянина села Угодич Ростовского уезда Ярославской губернии А.Я. Артынова, нам кажется, должны иметь особенную цену в глазах современников. Не много имеется у нас подобных воспоминаний, писанных бесхитростною и правдивою крестьянскою рукой. В нашей исторической литературе раздаются голоса о "прошлом", печатаются воспоминания людей высокопоставленных, более или менее близко стоявших к "кормилу правления". Здесь ни о каком государственном "всеведении" и речи нет. Здесь пишет человек, которому известен только маленький уголок Русской земли, но зато известен он ему доподлинно хорошо, как в настоящем, так, особливо, в прошедшем. Автор знакомит читателя с жизнью городского и сельского общества более чем за полвека до нашего времени. В его рассказах восстают исчезнувшие обычаи,

изменившиеся нравы. Деятели, давно забытые, являются перед глазами читателя в живо очерченных рассказах. Так, например, личность монаха Мартирия с первых же страниц записок Артынова представляет нам уже живейший интерес. Сам автор — человек глубоко верующий и отчасти даже увлекающийся верой ко всему "чудесному"... Но это нисколько не мешает ему быть глубоко правдивым в его повествованиях о своей долгой жизни, которую он, кажется, вновь переживает в своем описании. Вручая нам свою рукопись, А.Я. Артынов не имел и помышления, что она будет когда-либо напечатана, тем менее он рассчитывал на появление ее на страницах такого почтенного журнала, как "Чтения в Императорском Обществе" истории и древностей российских". Автор писал свои воспоминания, как и множество других своих произведений, исключительно для самого себя, и нам с большим трудом удалось склонить его к напечатанию предлагаемых "Воспоминаний".

"Боюсь, — говорил он, — что скажут про это? Вот, дескать, мужик захотел писать свои воспоминания!.. И то мне в жизни немало досталось за бумагомаранье. Надо мной издевались, считали мои писания большим грехом или пустяками, да и теперь, пожалуй, сочтут за то же самое. Правда, во всю жизнь отнесся ко мне сочувственно в печати один только человек — это В. И. Лествицын, который написал кое-что доброе и для меня приятное про мои исследования о старине в "Ярославских губернских ведомостях"; кажется, тем дело и кончится!.."

А нам думается, кончится дело несколько иначе. Оно получит тот желательный исход, что почтенные труды А.Я. Артынова по собиранию "сказаний и преданий" о своем родном крае не будут забыты, по крайней мере у нас — на севере Руси, или, говоря определеннее, в нашей Ростовско-Ярославской области. Посвящая более полувека всё свободное от сельских

занятий время на соби́рание сказок, преданий, легенд и т.д., А.Я. Артынов приобрел богатые материалы для изучения своей родной местности. Этому почтенному труду он отдался ещё в то время, когда грамотности в народе почти совсем не было, когда он имел свое мирозозерцание, "когда у него еще были живы предания", так энергически вытесняемые у нас новейшею народною школою.

А.Я. Артынов записывал рассказы старожилов, горожан и крестьян, делал извлечения из рукописных книг когда-то знаменитых библиотек Хлебникова, Трехлетова, Марокуева и др. В его руках были две знаменитые рукописи: Хлебниковым Ростовский летописец XVII века и рукопись бывшего владельца села Угодич стольника Мусина-Пушкина (XVII—XVIII вв.). Эти рукописи заключали в себе такие подробности, которые, как видно из воспоминаний Артынова и сделанных им извлечений, были поистине замечательными. Нельзя не пожалеть о том, что А.Я. Артынов (тогда еще человек молодой и малоопытный в святом деле изучения своей родины) не потрудился эти рукописи записать дословно и ограничился лишь тем, что извлекал из них вкратце содержание, не удерживая "языка" подлинных рукописей. Он хотел было истребить и эти выписи вместе с другими своими бумагами, но благодаря случайному знакомству с М.П. Погодиным удержался от этого "поступка", который был бы весьма неприятен для истории нашего края. Покойный Погодин объяснил Артынову значение его выписок и просил продолжать свой труд. Но довольно... Читатель сам увидит, насколько мы были вправе высоко ценить воспоминания самого Артынова. — Заметим, что, печатая их, мы строго держались оригинала подлинной рукописи, исправляя лишь орфографические ошибки, и только в некоторых местах позволили себе сделать необходимые примечания.

В заключение обращаем внимание читателей на приложения к воспоминаниям Артынова. Все они представляют тоже немалый интерес; особенно любопытно с историческо-легендарной стороны описание села Угодич, родины почтенного автора».

Вторая часть «Воспоминаний...» доведена до 1852 г. и обрывается буквально на полуслове, что заставляет предположить, что «Воспоминания...» были опубликованы далеко не полностью. Какие-то причины не позволили А.А. Титову продолжить их публикацию. Возможно, что ими явилась сомнительная репутация Артынова как знатока и собирателя «ростовской старины». В предисловии ко второй части Титов повторил приведенное выше предисловие к части первой, дополнив его биографическим очерком Артынова, в котором были пересказаны факты опубликованной ранее первой части «Воспоминаний...». В конце нового «Предисловия» Титов дал характеристику мемуариста как краеведа и собирателя:

«В свободное время от занятий Артынов принялся за оставленное было им любимое занятие: он опять, как сам выражается, стал ездить на своем любимом коньке, т.е. писать о ростовской старине и приводить в порядок свои бумаги. В следующем (1848 г.) А[лександра] Я[ковлеви]ча посетили гр. [А.К.] Сиверс, [Д.А.] Чапский и и.С. Аксаков, посланные правительством для собирания статистических сведений, причем Ив[ан] Серг[еевич], увидев написанную автором "Воспоминаний" историю с[ела] Угодич, лично исправил ее и послал для напечатания в "Я[рославских] губ[ернских] ведомостях]", а вскоре после этого Артынов познакомился с редактором "Ярославских] г[убернских] ведомостей" Ф.Я. Никольским, известным библиоманом Е.В. Трехлетовым и другими лицами. История

с[ела] Угодич была, конечно, напечатана и в свою очередь послужила поводом тоже к истории: угодичский старшина Истомина, прочитав ее в ведомостях, ночью вызвал А.Я. Артынова на сельский сход, где не только всячески бранил его за бумагомарание, но за напечатание статьи грозил даже телесным наказанием и ссылкой. Чем бы всё это дело кончилось, Бог весть, если бы за А.Я. Артынова не вступился именитый ростовский купец П.В. Хлебников, любитель старины и в свою очередь имевший хорошее собрание рукописей; Хлебников написал обо всём случившемся окружному начальнику Пороховщикову, который приехал в Угодичи и сделал весьма внушительный выговор старшине и сходу за невнимание к труду Артынова, а приехавший вскоре после этого происшествия в Ростов граф Стенбок советовал даже Артынову писать о случившемся Импер[аторскому] Археологическому обществу, но автор "Воспоминаний", боясь последствий такого донесения в отношении бывших своих врагов, оставил дело без последствий, удовлетворяясь лишь публичным позором, перенесенным старшиной и его сообщниками. Вскоре после этого у А.Я. Артынова родилась мысль всецело посвятить себя изучению истории Ростова Великого, благо материалов под руками у него было много; за приведение в исполнение задуманного А[лександр] Я[ковлеви]ч немедленно и принялся...».

Последние 44 года жизни Александра Яковлевича Артынова (1813—1896), ставшего в конце концов краеведом и собирателем фольклора, не нашли отражения в его воспоминаниях. Между тем они крайне любопытны. Напечатанная с помощью И.С. Аксакова работа «Село Угодичи» (Ярославские губернские ведомости. 1850 Часть неофициальная. № 20, 21; 1851. № 2—4), в основу которой были положены полудокументальные-

полуфантастические материалы, собранные еще дядей Артынова Михаилом Дмитриевичем, вдохновила племянника на дальнейшие поиски на этом поприще. Он передал Аксакову расширенный вариант этой статьи; тот, по всей вероятности, обещал опубликовать ее в каком-то московском издании, но, судя по его записке от 15 января 1852 г., отказался от этого намерения (см.: Аксаков И.С. Письма к родным. 1849-1856. М., 1994. С. 226).

С 1850 по 1862 г. Артынов, бросив занятия мелочной торговлей, служил на должности старосты Богоявленской церкви села Угодич: эта должность дала некоторую независимость и свободу в литературных занятиях. В это время, вероятно, и появились его рукописные «сказания», которые, возможно, имели некие древние «источники» вроде Ростовского летописца из собрания купца П. В. Хлебникова. По свидетельству Артынова, это была рукопись форматом в лист, писанная скорописью XVII в. на 600—700 листах и имевшая следующее заглавие: «Сказания о святом и великом граде Ростове и о всех его, како тии ту стаха, и чего ради, яко слышахом от отцев наших, и яже видехом очима нашими, и яже слышахом ушима нашими». Рукопись эта, по свидетельству Артынова, сгорела во время сильного пожара в Ростове 26 октября 1856 г. Другой источник «сказаний» (также, по словам Артынова, в 1856 г. утраченный) — это сборник из библиотеки Мусиных-Пушкиных, составленный стольником царя Алексея Михайловича А.Б. Мусиным-Пушкиным «Книга о славяно-русском народе, о великих князьях русских и ростовских, отколе корень их произыде на Руси. От Ноя-праотца до великого князя Рюрика». На самом ли деле Артынов пользовался этими источниками или «придумал» их, до сих пор остается неясным, тем более, что он непременно подчеркивал впоследствии, что «не удержал слов подлинников», а лишь пересказывал изложенные там события. Он мог это делать «по незнанию», а мог и «из

осторожности» — иначе подделка была бы обнаружена с большей вероятностью.

В 1857 г. Артынов представил образованной публике сочинение под заглавием Ядро "Ростовской истории", в котором освещалась многовековая история Ростовской земли. Сочинение это опубликовано не было: даже местные краеведы поняли, что научное значение его невелико: слишком уж безгранично сочинитель доверял своим фантастическим источникам, содержащим сведения о «царевиче Россе-Вандале» (датированные: «до Рождества Христова 1793 лето»), «царице скифов Артаксии», воевавшей с Александром Македонским («до Рождества Христова 306 лето»), «князе Печегде», неизвестно почему пришедшем на север Руси «с берегов Дуная» («до Рождества Христова 293 лето») и т.д. Поскольку Артынов не сопровождал эти фантастические сведения указаниями на источники, они, естественно, были восприняты как прямая фальсификация русской истории. Несмотря на неудачу, упорный крестьянин продолжил свои занятия. В феврале 1869 г. он принял участие в работе VI Археологического съезда в Москве, собранного по инициативе графа А.С. Уварова. Там он познакомился с престарелым историком М. П. Погодиным, который, просмотрев «Ядро Ростовской истории», указал на недопустимое для исследователя обращение с источниками (а заодно посоветовал автору писать не исторические исследования, а собственные воспоминания). После этой встречи укрепилось представление, что Погодин наконец «открыл глаза» неграмотному крестьянину. В 1870—1871 гг. Артынов получил от ярославского губернатора И.С. Унковского открытый лист на составление описания Ростовского уезда и стал записывать крестьянский фольклор (прежде всего — исторические предания).

Последние 25 лет жизни он посвятил составлению обширных исторических сочинений, которые, по большей части, остались неопубликованными: «История Ростова Великого» (1870—1871), «Великий Ростов, его князья, их уделы и резиденция их село Угодичи» (1879), «Ростовские сказки» (1880), «Ростова Великого князья, иерархи и знаменитые люди» (1880), «Ростовский летописец» (1881 — 1884), «Предания старины Ростова Великого» (1882), «Удельная собственность ростовских князей» (1883), «Родословная ростовских князей» (1887) и т.д. Все эти книги, насыщенные собранными сочинителем «преданиями», писались в особых рукописных тетрадах, которых накопилось несколько сотен. Эти тетради Артынов продавал ростовскому краеведу и меценату А.А. Титову.

Благодаря Титову, около 80 рукописных книг Артынова (общим объемом около 50 000 листов) сохранилось (в настоящее время находятся в Российской национальной библиотеке в Петербурге, в Ростовском краеведческом музее и в Государственном историческом музее в Москве). Современный исследователь наследия А.Я. Артынова Ю.К. Бегунов характеризует их следующим образом: «Перед нами материал весьма разнородный, который можно разделить на несколько групп: а) записи подлинных фольклорных и древних исторических и литературных текстов; б) пересказы подобных же текстов; в) переработки и переделки тех же текстов с целью создания сводных литературных текстов; г) исторические сочинения (местные ростовские летописцы, сказания о князьях, их родословные и пр.), созданные на основе известного ему местного материала; д) литературные сочинения: одна-две повести и несколько десятков стихотворений и поэм, созданных А.Я. Артыновым <...>

Сказочные повести Артынова — это в общей сложности несколько сотен изданных текстов разной ценности» (Бегунов Ю.К. Александр Яковлевич Артынов и его сказочные повести // Карабиха. Историко-литературный сборник. Ярославль, 1997. Вып. III. С. 304—305). При жизни Артынов сумел опубликовать только несколько исторических статей в «Ярославских губернских ведомостях» и «Ярославских епархиальных ведомостях».

Современная историография давно оценила «сказочные повести» Артынова как откровенные фальсификации и подделки (см.: Розов Н.Н. Новые поступления из собрания А.А. Титова // Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Вып. 3. С. 171 — 186; Воронин Н.Н. «Сказание о Руси и о вьчем Олзь» в рукописи А.Я. Артынова (К истории литературных подделок начала XIX в.) // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 175—198). В современном литературоведении наблюдаются попытки (впрочем, малопродуктивные) доказать, что «Артынов не сочинял, а составлял сводные тексты из услышанного и записанного им», и соответственно «установить источники» и «отслоить» их хронологически (см.: Бегунов Ю.К. А.Я. Артынов — собиратель фольклора и народный литератор // Россиянин. СПб., 1994. № 4. С. 2—3; Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым / Лит. обраб. текстов, сост., вступ. ст., коммент. Ю.К. Бегунова. Geneva; [М.], 2000; Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым / Лит. обраб. текстов, сост., вступ. ст., коммент. Ю.К. Бегунова. Geneva; [М.], 2000).

Среди бумаг А.А. Титова сохранился автограф первой части артыновских «Воспоминаний», переплетенный в объёмистую (257 л.) тетрадь: РНБ. Ф. 775 (А.А. Титова). № 585. Рукопись писана черными

чернилами на 88 листах, с авторской правкой и вставками на полях, без членения на главы (вместо них на полях хронологические выноски: «1819 год», «1823 год», «1824 год» и т.д.). Под текстом «Воспоминаний» (л. 81) авторская помета: «Марта 6 дня 1882 года. С. Угодич». Далее следует авторское приложение «Песни», включающее запись былин «Илья Муромец», «Ян Ушмович», «Женитьба князя Владимира» и «Песни Юрки о Ростовском озере» (л. 82—99), помеченное: «Августа 20 дня 1882 года». Автограф носит на себе следы правки А.А. Титова синими чернилами (исправление орфографических и стилистических ошибок, незначительные сокращения и уточняющие формулировки). Кроме того, редактор сделал ряд небольших вставок (в примечаниях) историко-краеведческого и археографического характера и разделил текст Артынова на 14 глав, снабдив его поглавным содержанием. Из последней главы было вычеркнуто стихотворение Артынова «Вот какво быть сочинителем!» и на его место из авторского приложения вставлены записи народных былин и песен.

Далее в той же тетради находится копия отредактированного Титовым текста "Воспоминаний" Артынова, подготовленная для набора: титульный лист (л. 100), предисловие (автограф Титова), «Содержание» (л. 105—106) и основной текст, выполненный несколькими переписчиками и правленный Титовым (л. 107—257).

В данном издании сохранена литературная правка Титова, в комментариях лишь оговорены отдельные значимые места, добавленные редактором. Из текста выведены записанные Артыновым былины и песни (записи эти, будучи несовершенными и непрофессиональными, представляют лишь узкоспециальный интерес), и восстановлено стихотворение Артынова, исключенное редактором.

Глава I часть I

Рождение. — Участие отца в свободе угодичских крестьян. — Неблагодарность крестьян к своим благодетельницам. — Граф Татищев. — Его переписка с кн. Куракиным. — Его хлопоты по делу освобождения угодичских крестьян. — Ростовские живые ерши в Петербурге. — Древность рода Артыновых. — Алтин и доказательство древности рода.

Родина моя — село Угодичи Ростовского уезда, Ярославской губернии²³². Я родился в 1813 году 22 августа; крещение принял от принопамятного между жителями села Угодич священника, о. Николая Владимировича. Восприемником был крестьянин села Угодич Андрей Иванов Никонов (отец моей матери), а восприемницей крестьянка Марфа Ларионова Артынова, жена моего родного Дяди Михайла Дмитриева Артынова. Отец мой был крестьянин села Угодич Яков Дмитриев Артынов, а мать Елена Андреевна, урожденная Никонова. Кроме меня они имели еще двух дочерей:

---

²³² Угодичи (Угодич) — старинное торговое село близ Ростова Великого (на противоположной стороне озера Неро). Жители этого села, как и других деревень, примыкавших к этому озеру, занимались прибыльным делом — огородничеством, для чего использовали естественное удобрение, которым богато Неро, — сапропель (ил, образующийся из перегнивших растительных остатков на дне некоторых стоячих водоемов). Первое печатное выступление Артынова, обработанное И.С. Аксаковым и опубликованное в «Ярославских губернских ведомостях» (см. выше), было посвящено истории этого села. Впоследствии оно было перепечатано с разного рода дополнениями пять раз: 1) Журнал министерства государственных имуществ. 1855. № 12; 2) отд. изд. СПб., 1855; 3) отд. изд. СПб., 1862; 4) Ярославские губернские ведомости. 1888. № 91, 92; 1889. № 5-11; 5) отд. изд. Ярославль, 1889. Все эти публикации не свободны от «преданий», частью почерпнутых Артыновым (и его дядей Михаилом) из фольклорных источников, частью просто выдуманных. Так, в его описании Угодичи предстают едва ли не центром Ростовского княжества, где решались политические судьбы всей Руси.

Марью и Анастасию, старшая была выдана в Ростов за Гаврила Васильева Малышева, а меньшая в село Сулость за Дмитрия Андреева Грачева.

Отец мой был один из передовых крестьян села Угодич. Он вместе с своими знакомыми, наперсниками г. Карра, родными сестрами Марьей и Александрой Зимиными — угодичскими же крестьянками, пользуясь особенным расположением своего помещика, Филиппа Алексеевича Карр²³³, принимал главное участие в освобождении угодичских крестьян и особенно хлопотал о переходе их в звание свободных хлебопашцев²³⁴. В этом деле способствовали вышеупомянутые две сестры, которые после всевозможных стараний, пользуясь особым расположением Карра, склонили наконец его дать свободу угодичским крестьянам. Помещик для ходатайства по этому делу избрал доверенным моего отца, Якова Артынова, который и кончил возложенное на него поручение благополучно. В благодарность за это крестьяне составили приговор о награде отца за его хлопоты 500 рублями, но отец от этих денег отказался, говоря, что он остается доволен уважением крестьян. Виновницы такого благополучия угодичских крестьян вышеупомянутые две сестры, господские любовницы, до смерти помещика спокойно жили в его доме, получая от крестьян пенсион. Пенсион этот,

---

²³³ Карр Ф.А. (1733—1809) — русский дворянин, отставной ротмистр лейб-гвардии Конного полка; отпрыск знаменитого шотландского рода, выехавшего в Россию 8 начале XVII в.; сын Алексея Филипповича Кара (1680—1756), ветерана Северной войны, затем начальника Соляной конторы; брат генерала Василия Алексеевича Карра (1730—1806), отступившего перед воинством Пугачева. В «Воспоминаниях» несколько раз повторяется легенда о насильственной смерти генерала и о том, будто бы он похоронен в Угодичах. Ни то, ни другое не соответствует действительности. См.: Овчинников Р.В. Из разысканий о генерале Василии Каре // Овчинников Р. В. По страницам исторической прозы Пушкина. М., 2002. С. 154—173.

²³⁴ Звание свободных хлебопашцев было введено указом Александра I от 20 февраля 1803 г. Закон о свободных хлебопашцах разрешал земледельцам отпускать своих крепостных на волю (в одиночку или целыми селениями), но не иначе, как с дельными наделами. За время царствования Александра I было заключено 160 полных соглашений крестьян и помещиков, и звание свободного хлебопашца получили 47 153 души мужского пола.

впрочем, им было за что давать. Ранее помещик Карр духовным завещанием, свидетельствованным в ростовском уездном суде, передал было вотчину своему племяннику Алексею Васильевичу Карру, но вследствие хлопот отца и сестер-крестьянок Карр это завещание уничтожил и вместо самовластного пользования вотчиной завещал наследнику только получать с крестьян ежегодно на вечные времена по 10 тысяч рублей ассигнациями. Самих же крестьян отпустил на волю со всею землею в звание свободных хлебопашцев. Этот отпускной акт он подписал 19 февраля 1809 года. В благодарность за это угодичские крестьяне над могилой Филиппа Алексеевича Карр творят трижды в год заупокойные службы, 21 октября — день его рождения; 14 ноября — день его именин и 4 июня — день его кончины.

При этом не могу умолчать о следующем. По смерти отца, последовавшей 17 января 1813 года, крестьяне села Угодич бывшим своим благодетельницам (по милости которых они получили свободу) не только не стали отпускать обещанного пенсионера, но даже выгнали из бывшего дома помещика, где они жили. Сестры Зимины тогда переехали в Ростов, где и кончили жизнь смотрительницами Ростовского воспитательного дома. Так-то поступили неблагодарные угодичские крестьяне с своими благодетельницами. Говоря о переходе угодичских крестьян в звание свободных хлебопашцев, упомяну кстати и о гр. Николае Алексеевиче Татищеве²³⁵, помогавшем им в этом благом деле.

Крестьянин деревни Уткина Иван Николаев Бобин содержал в С.-Петербурге огород у гр. Татищева. По обычаю прежних лет, Бобин в

---

²³⁵ Татищев Н.А. (1739—1823), граф — генерал-майор, командующий лейб-дии Преображенским полком.

деревенский свой праздник (26 июня)²³⁶, придя к графу, приглашал его к себе в дом откушать хлеба и соли. Граф, как и всегда, благодарил за это и по старинному боярскому обычаю, угошая Бобина водкой, спросил при этом о состоянии его огорода. «Слава Богу, все хорошо!», — отвечал Бобин. Под конец беседы граф коснулся вопроса о свободе крестьян г-на Карр; Бобин сообщил ему все, что знал; граф, помолчав немного, сказал: «Иван! сюда приехала ваша генеральша Карр и везде с своим хвостом и поклоном ходит; вероятно, она хочет что-либо поделывать с вашей вотчиной по смерти Карра в свою пользу; она была у многих моих знакомых по Сенату и немудрено, что она поворотит ваше дело в другую сторону: я ведь хорошо вашего дела не знаю, а знаю только то, что сейчас от тебя слышал. Не худо бы мне посмотреть на это дело; ведь 1000 душ зажиточных крестьян для наследников лакомый кусок; немудрено, брат, дело-то и испортить!» Потом, помолчав немного, граф спросил: а где у вас по этому делу доверенный? Бобин отвечал, что доверенный и бумаги в Тихвине. Тогда граф велел ему немедленно вызвать доверенного. На курьерских примчался доверенный (мой отец) в Петербург. Граф просмотрел бумаги и, обратясь к отцу и Бобину, сказал: если вы не хотите проиграть свое дело, то дайте мне 30 тысяч рублей, тогда я возьмусь за это дело и сделаю его в вашу пользу; деньги я с вас возьму по окончании дела, когда Государь его подпишет. Доверенный и Бобин просили у графа срока для ответа одни только сутки. Граф был на это согласен. Тотчас же все проживающие в Петербурге крестьяне Угодичской вотчины были собраны для общего совета на огород к Бобину. Эти передовые богатые угодичские крестьяне-огородники были следующие: Егор Антипин Молодяшин, Лука Петров Димаков, Петр

---

²³⁶ Праздник Тихвинской иконы Божией матери.

Никифоров Сафронов, Семен Семенов Заев, Яков Гаврилов Истомин-Абросимов, Василий Васильев Гушин, Семен Андреев Федосеев, Семен Васильев Гушин, Андрей Яковлев Шошков, Иван Яковлев Крестьянинов, Василий Яковлев Стрешкин, Семен Васильев Мухин и Алексей Иванов Панин. Долго обсуждали они это дело и затем всем собранием единогласно было положено: исполнить желание графа. Тут же составили об этом мирский приговор; петербургский староста Петр Васильев Молодяшин скрепил его и услал в вотчину, то есть в село Угодичи по секрету. На следующий День Артынов и Бобин пришли к графу и просили его ходатайства, обещав исполнить все его желания. Граф на это им сказал только: «Ладно, ступайте, молитесь Богу, чтобы Государь скорее приехал из-за границы». По приезде Государя Татищев написал письмо министру внутренних дел князю Куракину²³⁷ следующего содержания* : «Сиятельнейший князь Алексей Борисович! Поступившее к вам дело помещика Карр об увольнении крестьян в звание свободных хлебопашцев села Угодич, Ярославской губернии, Ростовского округа, прошу вас, Сиятельнейший князь, взойти с представлением оногo на Высочайшее Его Императорского Величества рассмотрение, как вам к сему откроется удобный случай. Ваш, Сиятельнейший князь, истинно усердный и покорный слуга граф Николай Татищев. С.-Петербург, 4 августа 1809 года». На это письмо граф чрез день получил таковой ответ: «Милостивый государь мой граф Николай Алексеевич! На письмо Вашего Сиятельства ко мне, коим угодно Вам было ходатайствовать по делу крестьян помещика Карр Ярославской губернии просящего увольнения их в свободные хлебопашцы, я честь имею сим отозваться, что заготовленный о сем доклад

---

²³⁷ Куракин Алексей Борисович (1759—1829), князь — генерал-прокурор (с 1796 г.), член Государственного совета; управлял Министерством внутренних дел (1808-1810).

мой не премину я в непродолжительном времени подать к Высочайшему Его Императорского Величества рассмотрению и удостоверить тем в неперменном усердствовании исполнить волю Вашего Сиятельства; честь имею быть с истинным и совершенным почтением Вашего Сиятельства покорный слуга князь Алексей Куракин. С.-Петербург, 6 августа 1809 года». Через четыре дня по получении ответа от князя Куракина, 10 августа, граф призывает к себе отца и Бобина и поздравляет их с благополучным окончанием дела, говоря им: «Вчера только, то есть 10 августа, подписал о вас доклад министра Государь Император». Отец и Бобин от радости стали кланяться ему в ноги и благодарили его, как сумели. После этого отец подает графу пакет, в котором была положена немалая часть условной суммы, а остальную просили его обождать немного, до присылки денег из вотчины. Граф, не беря пакета и будто не понимая, в чем дело, принял строго серьезный вид и закричал на оторопевшего отца: «Это что? взятка! Хорошо! вы хотите меня старика, царского слугу, подкупить взяткой! Я буду на вас жаловаться кому следует!», но, видя сильный испуг отца и Бобина, граф изменил свой вид и голос и с улыбкой ласково сказал им: «Неужели вы не видели, что я пошутил с вами, сказав вам цену вашего дела. Мне по старости моих лет нужны не ваши деньги, а молитвы; я слава Богу по милости царской доволен всем, деньги и без ваших на нужду имею, а вы при случае помолитесь Богу: я очень рад, что Господь привел так скоро покончить это дело». Потом, немного погодя, сказал:

«Впрочем, за мои хлопоты и мне не мешает взять с вас за то взятку. Я слышал, что в вашем озере ловятся хорошие ерши; если не забудете, то при случае пришлите их мне на уху, и я скажу вам за это спасибо». Потом прибавил: «Теперь поведем речь о вашем пакете», и граф тут же назначил

поименно, кому сколько дать чиновникам и писцам, которые участвовали в этом деле, говоря доверенному (отцу): «Хотя и этого от тебя принимать не будут, но ты скажи подьячим, что это по моему приказу. Вы сами видите, что дело ваше было бы для них самое хлебное, если бы не вмешался тут я. Без этого же вашего приношения эти кляузники, наверно, под рукой станут роптать на меня и клянут вас, ко мне обратившихся».

Отец мой все по слову графа исполнил, и все чиновники отцовской дачей остались довольны.

По первому зимнему пути, на почтовых лошадях, с нарочными опытными рыбаками послано было из села Угодич в Питер к графу живых отборных ершей целая бочка в сорок ведр; рыбаки при перемене лошадей меняли и воду и таким образом доставили графу на уху живых ростовских ершей. Граф весьма остался этим доволен, роздал их почти все своим знакомым и близким родным, говоря при этом, что ростовские мужички не забыли его. Теперь, пожалуй, скажут об этом: «Свежо предание, а верится с трудом!» А все-таки графу говорят и по сей час вечную память.

Осмеливаюсь, хотя не без боязни упрека в самолюбии, свойственном по природе всякому, упомянуть здесь о прежней древней фамилии моих предков²³⁸.

---

²³⁸ Ю.К. Бегунов так пересказывает родословную Артыновых: «...род берет начало от Торопки Голована, слуги ростовского князя Бориса Владимировича. Последний был убит 24 июля 1015 г. по наущению князя Святополка Окаянного на берегу речки Альты, близ Переяслава Южного. Торопка Голован прискакал с печальной вестью в Ростов Великий, отсюда и прозвание его — "Альтин". Один из Альтиных, Васька Вихорь, в 1613 г. участвовал в поимке на реке Яике атамана донских казаков Ивана Мартыновича Заруцкого, принимавшего участие в "смуте" на стороне Лжедмитрия II, "тушинского вора"; Вихорь-Альтин переменял своё прозвище на "Мартынов". Среди Артыновых было немало грамотных крестьян, сокольников, стремянных, ловчих, кулачных бойцов, солдат, поставщиков фуража и провианта для армии, торговцев, старост сельской общины и даже управляющих барским имением села Угодичи» (Карабиха: Историко-лит. сборник. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 293). Эта родословная, в особенности относительно ее начала,

Фамилия наша «Артыновы» новая и произошла от Мартынова. Один из моих предков Васька Вихор взял живым на реке Яике изменника, атамана донских войск, Ивана Мартынова Заруцкого²³⁹, за что он и получил прозвище «Мартынов». Настоящая же наша фамилия «Альтины». Альтинами нас называли еще во времена моего детства, и эта фамилия не забылась некоторыми и в настоящее время, конечно, между старожилками. В ростовской рукописной летописи, принадлежащей ростовскому почетному гражданину Петру Васильевичу Хлебникову²⁴⁰, на стр[анице] 417, написано следующее: «Князь же Борис тогда стояше на Альте реце^{**} и глаголаше ему Киевстии бояре: Поди в Киев и сяди на престоле отчем, се бо и воинство отчее с тобою есть, и рече им блаженный Борис: на старейшего брата не иду, его же яко отца имею, то слышаше бояре и вой разидошася от него во свояси, а св. Борис остася с своими Ростовскими отроками и хотяше идти к брату Святополку, еже иоклонитися ему, и прииде к св. Борису некий тайный вестник, возвещая о злом умышлении Святополковом, яко хочет его убити и уже на то посылает убойцы; святыи же не емляй тому веры; бояре Вышегородские: Путша, Талец, Елович и Лашка удариша Бориса святого

легендарна. Характерно, что в качестве «подтверждения» ее используется этимология «фамилии», произведенной в одном случае от названия реки, в другом случае от отчества схваченного атамана. Между тем и тот и другой способ образования русских фамилий — непродуктивен.

²³⁹ Заруцкий И.М. — атаман донских казаков, принявший в 1608 г. сторону Лжедмитрия II и во главе пятитысячного отряда участвовавший в смуте на стороне самозванца вплоть до его гибели; ставши сожителем Марины Мнишек, намеревался объявить царем маленького сына Лжедмитрия; был схвачен на р. Яик, доставлен в Москву и в июне 1614 г. посажен на кол.

²⁴⁰ Хлебников П.В. (1806—1865) — житель Ростова Великого; по характеристике И.С. Аксакова, «очень умный и образованный человек»: «Он не купец и не мещанин, а почетный гражданин, который не производит торговли, следовательно, и не записан в купцы, а получает доход с своих домов и лавок» (Аксаков И.С. Письма к родным. С. 124; письмо от 13 марта 1850 г.). П.В. Хлебников был известен как страстный патриот Ростова и ростовский краевед, хлопотавший о реставрации ростовских древностей перед великими князьями. Далее Артынов ссылается на рукописи, якобы принадлежавшие П.В. Хлебникову, но сгоревшие при ростовском пожаре 26 октября 1856 г.

копиями и прободоша его; многих тогда убиша мечами отроков Борисовых и много слуг княжих убиша; между мертвыми обретесе жив сей бысть Торопка Голован. От княжей избы, яже на Угожи; сей бысть вестник смерти князя Бориса в Ростове, ему приложиша имя Альта». Прошло с тех пор более 500 лет, и та же летопись на странице] 578 говорит об Альтине, о потомке ли Торопки Голована, или другой какой личности, по наследству или случайно получившей себе такое прозвище, следующее: «Царь Иван Васильевич, находясь на поклонении Ростовской ~ святыне, умыслил посетить наследственную свою после матери своей великой княгини Елены отчину и ятса пути по езеру в село Угодичи с Григорьем Лукьяновичем Скуратовым, архиепископом Ростовским Никандром и со всем своим царским синклитом; он принес с собою в дар Богоявленской церкви икону образ Нерукотворенного Спасителя образа, писанного по мере и подобию знамени Большого Спаса Царского, бывшего при взятии Казанского царства; на нем венец и цата²⁴¹ серебряные чеканные позлащенные; в венце три яхонта червчатых больших, в цате яхонт лазоревый большой и два изумруда большие; колокол с надписью: "Божию милостию сей колокол слит при Царе Иване Васильевиче всея Руссии в Великом Новеграде лета 7060, октября в 5 день", а в судевенную избу свое царское изображение; целовальнику и старосте Сидорке Амельфову Альтину пожаловал горлатную шапку с аграфною запанюю и поднос^{***}, на котором Сидорка подносил Царю стопу мальвазии, и приказал тому концу села, где стоял дом Сидорки Альтина и в котором был у него Царь^{****} называться Сидоркиным Концем^{*****}. Спустя после этого тридцать лет, сын грозного Царь Федор Иоаннович сыну Сидорки Альтина пожаловал

---

²⁴¹ Цата — «гривенка, приклад, подвеска у икон, от венца, монетка» (В. Даль)

охранную свою грамоту, в которой между прочим было сказано: "Пожаловал есть ми своих дварцовых Рыболовной слободы села Угодич, Якимовского стану, Тимошку Сидорова Альтина с товарищи"»*****.

О Сидорке Альтине прямой его потомок родной мой дядя — Михайло Дмитриев Артынов в истории своей о селе Угодичах, написанной им в 1793 году, говорит следующее: «Сидорко Амельфов был целовальником Ростовского озера и староста Государевых рыболовных ловцев; он часто ездил в Москву с рыбным оброком к большому Государеву дворцу; в одну из таких поездок он был невольным слышателем царской тайны, за которую он и поплатился своею жизнью. Вина его была следующая: находясь по своей должности в большом Московском дворце и будучи немного навеселе (выпивши), заблудился там, зашел в безлюдную часть дворца. Отыскивая выход, он пришел наконец в небольшой покой, смежный с царским жилищем, и там услышал громкий разговор Грозного царя с Малютой Скуратовым о князе Юрии, сыне Соломаниды Сабуровой²⁴². Грозный приказал Малюте найти князя Юрия и избавить его от него. Малюта обещал царю исполнить это в точности и после этого разговора вышел во двери, перед которыми Сидорко едва стоял жив. Малюта увидел его, остановился; потом ушел опять к царю, после чего заключил Сидорку в темницу и там на дыбе запытал его до смерти вместе с отцем его Амельфой, пришедшим в Москву проведать сына».

---

²⁴² Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (ок. 1530 — 1572) — думный дворянин, любимый опричник Ивана Грозного. Соломония Сабурова — супруга великого князя Василия Ивановича; вследствие бесплодия была разведена, пострижена монахини и сослана в 1525 г. в Суздальский монастырь. По народным преданиям, у Соломонии уже после развода родился сын Юрий, законный наследник царского трона, и, таким образом, соперник Ивана Грозного.

Об Амельфе поминает Грозный в своем синодике²⁴³, присланном им для поминовения по убитых жертвах в Соловецкий монастырь. Это можно видеть в записке князя Курбского. От Сидорки Альтина идет прямая линия потомков его до меня А. Артынова.

Теперь приступлю к рассказу своей жизни и начну оный шаг за шагом по годам, тем более что много у меня, кроме памяти, сохранились отчасти записки, которые я из любознательности вел почти непрерывно.

* Переписка эта сохранилась в бумагах моего отца, конечно, в копии.

** Река Альта в двух верстах от г. Переяславля, Полтавской губернии и в 10 вер. от Днепра. Теперь эта река почти пересохла и сплошь поросла "очеретом"²⁴⁴.

*** Этот поднос в 1850 г. обманом выманил у меня поляк гр. Чапский, посланный с гр. Стенбоком для преследования в Ярославской губернии раскольников; он оставил у меня письмо с обещанием возвратить поднос, но обманул и подноса не возвращал. В моей библиотеке под № 1601 есть секретная записка о расколе в Ярославской губернии, составленная гр. Чапским. Интересны его взгляды, как католика, на русский раскол.

**** Дом Сидорки Альтина стоял на том месте, где в с. Угодичах стоит ныне купцов Дюко-вых, которым после пожара в 1805 г. продал это место Михайла Дмитриев Артынов.

***** Сидоровым концом это место называлось до большого Никольского пожара 1804 года. Ныне это место называется Средний десяток.

---

²⁴³ Синодик — поминальная памятная книжка, куда вписываются имена для церковного поминания на панихидах и праздниках; Иван Грозный составил ряд таких синодиков, где поминал жертв опричного террора.

²⁴⁴ Очерет — камыш, тростник.

***** Копия с этой грамоты находится в архиве с. Угодич и в настоящее время.

Глава II

Архимандрит Апполос. — Начало учения. — Мой первый учитель. — Смерть дяди. — Другой учитель о. Николай Владимирский. — Школьная обстановка. — Самовольные отлучки из школы. — Графский камердинер Григорий Иванович. — Свадьба сестры. — Школьные товарищи. — Поездка в Белогостицкий монастырь. — Праздник 8 июля и ярмарка. — Похищение золота и ассигнаций. — Конец учения. — Архимандрит Герасим. — Пожар в селе. — Мой отъезд. — Дорога. — Погост на месте совершенного чуда св. Прокотием

О моем рождении, кроме метрики, между перепискою моего отца с разными лицами сохранилось одно письмо, присланное ему из Саратова приказчиком ростовского купца Василья Михайловича Хлебникова, крестьянином села Угодич Николаем Ивановичем Вьюшиным-Паниным. Он был рыбный комиссионер²⁴⁵ моего отца. Письмо это, помеченное 13 сентября 1813 года, было следующее: «Государь мой Яков Дмитриевич! желаю Вам много лет здравствовать; письмом сим уведомляю: получил я от вас письмо от 22 августа и содержание письма видел, за сие вас покорнейше благодарю и впредь прошу не оставлять письмами, имею весть вас поздравить с новорожденным сыном, желаю вам воспитать для совершенных лет, и иметь наследника; даруй Бог!»

---

²⁴⁵ Рыбный комиссионер — продавец рыбы, которую отец Артынова покупал в Саратове, а продавал на севере России.

На праздник Богоявления²⁴⁶ приезжал к нам в дом Толгского Ярославского монастыря архимандрит Апполос, который подарил мне азбуку. Азбуку эту, хотя и поизорванную, я храню и в настоящее время на память о нем. Не знаю, этот ли Апполос, или другой, помер на спокое в Ростовском Иаковлевском монастыре в 1857 году²⁴⁷. Личности его я не помню, а только помню, что, вручая мне азбуку, он благословил меня. Какие отношения были между ним и отцом моим — не знаю, но по образу обхождения Апполоса с отцом было видно, что он когда-то и чем-то был моему отцу обязан. Нередко отец мой посещал его на Толге и всегда гащивал у него день или два. Мне помнится из разговоров моего отца с своими знакомыми, что архимандрит Апполос на Толгу поступил из Китая, бывши там немалое время настоятелем духовной нашей миссии.

Не знаю, с какого времени, но помню только, что весной стал обучать меня грамоте дядя мой, брат отца, Михайла Дмитриев, по Апполосовой азбуке; успехами моими он был, кажется, доволен, потому что весьма любил и баловал меня. Дядя всегда отпускал меня без стеснения гулять с товарищами, между которыми я всегда первенствовал, не знаю только почему — по своим ли способностям, или по общему уважению всех к моему отцу. Отец ежегодно уезжал на ярмарку в город Тихвин, которая бывает там одновременно с Ростовской. Торговал он там свежей уральской рыбой, соленой саратовской и огородными семенами. Рыбными комиссионерами были у него в Саратове: крестьянин села Угодич — Николай Иванов Вьюшин-Панин, а в Уральске тоже крестьянин села Угодич

---

²⁴⁶ Богоявление Господне (Крещение) празднуется 6 (19) января.

²⁴⁷ Аполлос (Алексеевский или Алексеев; 1778—1859) — архимандрит, в сентябре 1813 г. был перемещен в Ярославский Толгский монастырь и назначен ректором Ярославских училищ (пробыл там по декабрь 1816 г.). Скончался в 1859 г. (а не в 1857-м, как пишет Артынов) в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре.

— Никита Васильев Крестьянинов-Самосваткин. После ярмарки он оставался в Тихвине огородничать на монастырских огородах Тихвинского большого монастыря. Приезжал он домой уже в декабре месяце в разные числа.

В 1820 году 23 марта помер в Угодичах учитель мой, дядя Михайла, вследствие чего наука моя приостановилась. В это же лето мать моя отвела меня учиться к местному приснопамятному священнику Николаю Владимирову, у которого кроме меня было еще девять учеников крестьян его прихода, мальчиков и девочек. Учились мы все за одним столом и зубрили кто азбуку, кто часовник, кто псалтирь, а кто, пройдя всю эту премудрость, писал; этим заканчивался курс наук. Представьте себе крик десяти человек на разные лады и по разным книгам! Это было чисто столпотворение Вавилонское. При отлучках священника в церковь, или с требами, вместо него учительскую должность занимали или попадья Мария, супруга о. Николая, тихая, скромная и добрая женщина, или сноха его Анисья Алексеева — жена их сына, пономаря того же Богоявленского прихода Ивана Николаева, прозванного «Клюкой».

При такой обстановке наука двигалась медленно; мне же собственно к концу года совершенно опротивела не потому, чтобы она мне не давалась, а потому, что она отвлекала меня от детской игры с товарищами. Способности у меня были самые бойкие: уча одну только азбуку, я мог указывать другим в часовнике и псалтири. От этого вскоре у меня начались отлучки из класса; проводя целый день в игре с товарищами, придешь только домой в свое время, когда ученики ходят домой обедать, а после обеда опять за гульбу. Об этих моих проделках дошли жалобы до матери, которая все и разузнала. После этого случая стали каждодневно посылать меня в дом священника с бывшей у нас работницей Авдотьей Липатьевной.

Бывали у нас в Школе еще частые отлучки: пошлет, например, пономарь Иван Николаев за нюхальным табаком к старому камердинеру бывшего барина нашего Карра Григорию Ильину, жившему в старой судебной избе²⁴⁸ (где теперь стоит «Важна», с весами, на торговой площади), просидишь, бывало, у камердинера немалое время, особенно когда дожидаясь окончания приготовления табаку, который Григорий Ильич тер в корчаге²⁴⁹ деревянной дубиной с толстым верхним концом, держа корчагу в коленях, или у него же заслушаешься какой-либо истории о князьях и богатырях ростовских, про которых он был великий мастер рассказывать.

Нередко случалось, что купленный табак пошлешь с кем-нибудь по принадлежности, а сам убежишь гулять. Мать моя часто ходила в гости к оставшимся после барина наперсницам Марье и Александре. В это время к ним приходил также и бывший господской приказчик Иван Алексеевич Быков; тот также иногда, как и Григорий Ильин, рассказывал мне много про князей ростовских. Я бы и забыл, пожалуй, эти рассказы, но все это пришло мне на память, когда пришлось мне пользоваться потом подворным списком князей ростовских у Петра Васильевича Хлебникова. В этом подворном списке были обозначены все села и деревни, где и когда жили какие ростовские князья.

В эту зиму была у нас в доме свадьба; отец мой выдал вторую дочь, а мою сестру, в село Сулость за крестьянина князя Сергея Михайловича Голицына. Отец зятя нашего был питерский огородник и имел свою собственную огородную землю, окруженную с востока Измайловским

---

²⁴⁸ Судебная изба — здесь: смежная, расположенная по соседству.

²⁴⁹ Корчага — большой глиняный горшок.

паратом²⁵⁰, с юга обводным каналом, с запада речкой Таракановкой, а с севера Кирпичным переулком; земля была немалая. В этот же год церковный староста, Иван Иванович Закалин-Русманов, крестьянин села Угодич, построил в северо-восточном углу ограды при Богоявленской церкви каменную часовню и снабдил ее внутри столярными кивотами и новыми иконами.

В 1821 году, как я запомню, ученье шло также однообразно, как и в прошлом году. Отлучки из класса повторялись все чаще и чаще, особенно если провожатая впустит меня только в калитку школы; тут я тотчас же выйду в задние ворота и опять цельный день гуляю с товарищами. Были они у меня следующие: Василий Андреев Балашов, Иван Васильев Трефилов-Богданов, Александр Борисов Жирнов-Богданов, Михайла Андреев Галкин, Алексей Андреев Шамов, Дмитрий Федоров Журавлев, Петр Яковлев Шапугин и Владимир Иванов Никонов. Теперь один только остался в живых — Александр Жирнов. Во время лета занимались мы все более купаньем в так называемом «Псарском пруде» близ бывшей помещицкой псарни. Наука в течение лета шла еще медленнее, да я, впрочем, и не интересовался ей, удивляясь на своих товарищей, которые, уча часослов, не могли ничего чихать в псалтири и наоборот, кто учит псалтирь, заставят его читать часовник, это значит зады твердить; он ничего не прочтет, а если и станет читать, то, как говорится, ощупью.

В праздник летней Казанской Божией Матери²⁵¹ мать моя собралась в Белогостицкий монастырь и взяла меня с собою. Поездка наша была на лодке, называемой «Соминкой»; перевозчиком был Яков Алексеев Корякин.

---

²⁵⁰ Парат (парад) — плац, площадь для развода войск; имеется в виду плац Измайловского полка.

²⁵¹ Отмечался 8 июля.

Богомольцами была полна лодка, и путь наш был до устья реки Вексы, мимо деревни Борисовской и сел Сельца и Сулости. Рекой Вексой, помнится, проезжали не одни рыболовные язы²⁵², которые содержал наш перевозчик. Он для проезда лодки разбираал заплоты, сделанные в воротах, где быстро течет суженная река. Мне помнится, что над нашей лодкой по всему протяжению Вексы летало с оглушительным криком бесчисленное множество чаек. Берега Вексы густо поросли тальником. Лодка наша остановилась против монастырских ворот, и когда мы вышли на берег, то был уже благовест к обедне. С западной стороны монастыря была тогда многолюдная ярмарка в полном разгаре. Шатры торговцев были раскинуты целыми рядами; в них продавались съестные припасы всякого достоинства: жаркое холодное, сайки, калачи, пряники и орехи, торговали тут грушевым и простым квасом; вино продавалось в нарочно устроенном сарае, из которого в большое продолговатое окно выдавали по требованию лишь в посуде; вместо же стаканов давали глиняные плошки такие же, как ныне зажигают для иллюминаций на Св. Пасху и царские дни. Около питейного дома производилась для предстоящего сенокоса ряда²⁵³ косарей; их были тысячи с поднятыми кверху, как ружья, косами. Богомольцы толпились около шатров, мы же, малые Дети, в это время воровали крыжовник в монастырском саду, которого кустами было посажено очень много, особенно близ решетчатого палисадника или садовой ограды. Густой лес яблоней рос в этом обширном саду, находящемся на запад от монастыря. Монастырь был полон богомольцев. Там и сям стояли и сидели бесчисленные толпы их. Икона Казанской Богоматери была Устроена над царскими воротами, в том месте, где обыкновение существует изображать

---

²⁵² Яз (язовище) — плетень, поставленный поперек реки для ловли рыбы.

²⁵³ Ряда — то есть наем.

тайную вечерю*. Рама вокруг была окружена сиянием и имела ВИД большого круга; для прикладывания же к ней богомольцев икона спускалась в своей раме посредством особого механизма на медных цепях и потом поднималась опять на свое место. После обедни для богомольцев выставлен был в нескольких чанах монастырский квас, в котором плавали деревянные корцы²⁵⁴. В это время хлебодар-инок раздавал большому и малому по уктуру хлеба²⁵⁵. Этим и заканчивается монастырский праздник. Не могу сказать, приходила ли тогда икона Казанской Богоматери из Ростова с соборным причтом, как ныне, или нет? Ярмарка же за стенами монастыря продолжалась до самой ночи; она была тогда с подторжьем и продолжалась два дня.

Помню в этот год, по наущению товарищей ли или сам по себе, я украл у матери полуимпериал²⁵⁶ и купил на него у торговки около фунта пряничных орехов; отдав империал, я не требовал сдачи, а торговка мне сама не сдала. Дело это товарищи обнаружили, и мать меня наказала розгами, а торговке, Анне Андреевне Журавлевой (матери моего товарища Журавлева), был сделан строгий выговор за такую выгодную продажу. Эта проделка потом повторилась и при приезде отца; я из нескольких пачек ассигнаций вынул одну красную в 10 рублей и на нее купил такое же количество пряников уже у другой торговки, Екатерины Федоровой Богдановой-Трефиловой, матери товарища Ивана Трефилова. В этой краже подозрение пало на домашних, но скоро этот грех торговка развязала: она принесла деньги сама, мой отец наказал меня за это уже не так, как мать; это остановило меня навсегда от подобных проступков, которые и теперь еще

---

²⁵⁴ Корец — ковш для воды или кваса.

²⁵⁵ Укруг хлеба — ломоть.

²⁵⁶ Полуимпериал — русская золотая монета достоинством в пять рублей серебром.

мне памятни. После этих неприятностей наука моя в школе прекратилась, и я был обречен ехать на весну в Тихвин на огород своего отца, чтобы, как тогда выражались, «воробьев с гороха пугать». Конец зимы прошел для меня весело — без всяких книжных наук. Отец уехал на ярмарку в Тихвин, и для меня нарочно оставил работника деревни Краснова Якимовской волости Максима Семенова-Камчатного, который и должен был меня отвезти.

В эту зиму мой отец за покупкой свежей рыбы ездил в Москву вместе с матерью, где и останавливался в Симоновом монастыре у жившего там на спокойе тихвинского архимандрита Герасима²⁵⁷, человека, весьма близкого по городу Тихвину моему отцу.

Этот архимандрит был прежде настоятелем Тихвинского большого монастыря, а в мире был известный крестьянин Абрам Гайдуков. Он более половины своей жизни провел между старообрядцами в Стародубских скитах²⁵⁸ и по строгости своей жизни, какую он вел там, был у них много лет начальником. Соскучась такою жизнью, он оставил скиты и пошел ходить по разным в то время известным духовным лицам. Это было в конце XVIII века. В конце концов он словом и делом убедился в прежнем заблуждении. Вскоре случай привел его при петербургском митрополите Гаврииле²⁵⁹ способствовать обращению известного тогда раскольника и бывшего некогда его единомышленника крестьянина Ксенофонта; затем спустя

---

²⁵⁷ Герасим (в миру — Князев; 1752—1829) — архимандрит Тихвинского Богородского монастыря в 1795—1810 гг., в 1810 г. переведен в Московский Симонов монастырь. Артынов приписывает ему ряд биографических фактов другого архимандрита Герасима (в миру — Гайдуков; 1770—1829), который в 1806—1817 гг. был настоятелем Новгородского Клопского монастыря в сане игумена.

²⁵⁸ Стародубские скиты — один из центров раскольников (под городом Стародуб Черниговской губернии), место возникновения «лужковского согласия».

²⁵⁹ Гавриил (в миру Петр Петрович Шапошников; 1730—1801) — митрополит Петербургский в 1783-1799 гг.

немного времени Авраам принял иноческий образ в Новгородском Клопском монастыре²⁶⁰ под именем Герасима и, бывши там игуменом, устроил над препод[обным] Михаилом Клопским бронзовую позолоченную раку с резным балдахином на 12 колоннах. Из этой обители он был переведен архимандритом в Тихвинский большой монастырь. В его там бытность Император Павел I с великими князьями Александром²⁶¹ и Константином Павловичами²⁶² перенес Чудотворную икону Тихвинской Божией Матери из теплой трапезной церкви в соборную²⁶³, что совершилось после устройства там иконостасов и стенной живописи. Мастер этой прекрасной живописи был ярославский уроженец Шустов. В память этого события академиком Шебуевым²⁶⁴ написана на холсте масляными красками большая картина длиною в 5 аршин, а вышиною в 4 аршина, изображающая момент, когда Император Павел I с великим князем Александром Павловичем несли икону, спускаясь по высокой и широкой лестнице, ведущей в эту церковь. Церковь эта устроена над старыми монастырскими погребями. Бесчисленное множество народа, большею частию местные граждане, на картине писаны с натуры; оба пола в национальных современных костюмах.

Герасимом же построены на большой Богородской улице монастырские богадельни; это очень большой корпус, а возле него

---

²⁶⁰ Имеется в виду Троицкий-Михайловский мужской монастырь в 15 верстах от Новгорода на реке Веряже, основанный в XVI в. св. Михаилом Клопским.

²⁶¹ Впоследствии император Александр I.

²⁶² Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, второй сын Павла I.

²⁶³ Торжественное перенесение чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери, обретенной в 1560 г., состоялось в Тихвинском Большом Богородском мужском монастыре 26 июня 1798 г.

²⁶⁴ Шебуев Василий Кузьмич (1777—1855) — профессор исторической живописи в Академии художеств.

великолепные каменные ворота, в которые отлиты чугунные, прорезанные, полукруглые двери с вензелем Императрицы Екатерины II, пожертвованные из Зимнего дворца; эти ворота длиною и шириною по три сажени, весом же в несколько сот пуд. Они стоят всегда растворенные. Затем им же сделаны каменные монастырские конюшни. Начатая постройка по приказу Императора Павла Петровича — настоящая монастырская ограда — была закончена уже Императором Александром I. Этот же архимандрит Герасим отлил колокол в 1000 пуд. По старости лет он удалился на покой в Московский Симонов монастырь, но до самой смерти он ежегодно ездил потом молиться иконе Тихвинской Божией Матери. В один такой его проезд, в 1823 году посетил обитель эту Император Александр I, и ему архимандрит Герасим показывал написанную Шебуевым картину. Император остался очень этим доволен; настоятелем же обители был в то время архимандрит Самуил.

В конце этого года в Угодичах был пожар; сгорело 4 дома против питейного дома в Кабацкой улице.

В половине марта 1822 года отправили меня в Тихвин с работником Максимом и его сыном Николаем. Весна стала уже открываться; с трудом столбовой дорогой доехали на санях до города Устюжны, Новгородской губернии; там посоветовали уже ехать проселочными дорогами. На этой проселочной дороге, не знаю, далеко ли от города Устюжны, в дремучем лесу выехали мы на поляну протяжением с версту во все стороны, окруженную дремучим лесом. Среди этой поляны стоит каменная церковь (погост), где живут одни священники. Близ церкви течет ручей. Вся сказанная поляна была сплошь укладена крупным диким камнем; самый малый из них невозможно было сдвинуть с места, а не только что поднять.

Это множество камней, в некоторых местах натисканных друг на друга, по рассказу местного причетника, будто бы должны были упасть на город Устюг из шедшей по небу тучи, но молитвы св. Прокопия Устюжского отвели эту тучу на оное место, где эти камни и обрушились на находившийся тут лес²⁶⁵.

В память этого чуда здесь и поставлена была церковь.

* Нынче она неподвижно находится у левого клироса. Самой же ярмарочки уже давно не существует.

Глава III

Приезд в г. Тихвин. — Первый подарок мне, сделанный старцем Мартирием. — Отпуск Мартириевой муки. — Часовой мастер Савостин. — Иеромонах Амфилохий. — Образной старец Мартирий. — Его монастырская жизнь и подвиги. — Обычаи тихвинских горожан. — Приезд в Тихвинский монастырь грузинской царевны. — Грузинская царевна сестра Мартирия.

Приезд мой в город Тихвин был апреля 1-го; через два дня, в воскресенье, отец водил меня к благословению архимандрита Самуила и образному иеромонаху Мартирию. О. архимандрит по расположению к моему отцу обласкал меня, а Мартирий дал мне небольшой деревянный

---

²⁶⁵ Мемуарист путает г. Устюжну Новгородской губернии и г. Великий Устюг Вологодской губернии (расстояние между которыми около 800 верст). В жизни св. Прокопия Праведного (? — 1303), юродивого, жившего в Великом Устюге, действительно есть эпизод об избавлении им Устюга от истребления "каменной тучей" (см.: Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880. С. 61-85).

судок, наполненный вареньем. Тут жизнь моя пошла, что называется, припеваючи. На первых порах отец мой поручил мне раздавать «мартириеву муку». Эта должность была по мне. Она состояла в том, что приходящему или приходящей от Мартирия с лоскутком серой оберточной бумаги, непременно с красной сургучной Мартириевой печатью, я, не спрашивая, кто податель и отколе, отпускал пуд муки; если же на бумаге было две печати, то отпускалось два пуда, а если три, то отпускалось три пуда. Операция эта производилась почти ежедневно. Получаемые записки с печатями Мартирий приказывал тотчас же истреблять, не требуя в раздаче муки никакого отчета; он приказывал только сказывать ему, когда мука будет подходить к концу, и эта обязанность лежала тоже на мне. Бывало, увидишь, что муки остается уже последний куль, и идешь сказать Мартирию, что муки остается столько-то; за эту весть мне всегда бывали подарки, заключающиеся или в конфетах, или фруктах.

У тихвинских знаменитых граждан было в обычае рассылать родным и знакомым пироги с маком. Такие пироги приносили и Мартирию. Он никогда сам их не употреблял, а раздавал кому знал. Часто давал такие пироги и мне. После моего извещения о муке, бывало, не успеешь прийти на огород, как уже из какого-нибудь лабаза везут к нам шесть кулей ржаной муки. Зимой в наше отсутствие из Тихвина эту муку раздавала наша экономка, старуха Прасковья; тогда она была полная хозяйка на огороде. Источник, откуда проистекала такая раздача муки и другого чего, был неизвестен; ни один лабазник никому не сказывал, — платил ли Мартирий за муку деньги или нет. Так крепко хранили торговцы эту заветную тайну... Теперь уместно сказать и о Мартирии, кто он был? О нем я неоднократно слышал рассказ моего отца своим близким в селе Угодичах. Отец мой был, между прочим, весьма близок к настоятелю обители св. Иакова, епископа

Ростовского, архимандриту Апполинару Пулашкину²⁶⁶. В одно время, в бытность в гостях у этого архимандрита, у них зашла речь о башенных часах. Архимандриту хотелось устроить в своем монастыре колокольные часы, но он не мог приискать для этого благонадежного и хорошего мастера. Мой отец рекомендовал ему часового мастера родом из города Серпухова Дмитрия Иванова Савостина, проживавшего тогда в городе Тихвине. Этому Савостину привелось делать такие часы в Тихвинском большом монастыре. Он сделал их весьма прочные и верные, бившие в колокола минуты, четверти и часы. Они каждую четверть часа выигрывали на подобранных колоколах следующие куранты: «Кто-то может убежати смертный час: ни царь, ни князь, ни воин, ни пастух». Для механизма этих часов ниже колоколов была устроена теплая комната; из этой комнаты мастер сделал привод, которым приводились в Движение часовая и минутная стрелка на циферблате.

Архимандрит Апполинарий весьма был рад такому указанию и просил отца вызвать мастера к нему, сказав при этом свои условия. Когда отец мой приехал в свое время огородничать в городе Тихвине, то там условился с Савостиным об устройстве подобных тихвинским часам и в обители св. Иакова. В Ростов Савостин приехал с женой и сыном; устроил по условию часы, существующие и в настоящее время на колокольне Яковлевского монастыря, потом устроил часы в селениях: Поречье-Рыбном и Воцажникове. Так как эти работы, так и многие другие стали приносить ему хорошие выгоды, то он и поселился навсегда в городе Ростове, в доме Сергея Александрова Фигурина, подле нынешней богадельни св. Димитрия у каменного моста, напротив проспекта, во втором этаже. Против отца моего

---

²⁶⁶ Архимандрит Апполинарий Пулашкин с 1806 по 1818 г. был настоятелем Ростовского Яковлевского монастыря.

Савостин не остался неблагодарным и подарил ему своей работы стенные часы недельного завода с колесом, показывающим числа; бой этих часов с репетицией. Часы эти вот уже около 80 лет ходят без всякой починки по причине своего прочного устройства и хорошего материала, меди и стали. Дмитрий Савостин, его жена и сын Иван померли в Ростове и все погребены в обители св. Иакова. Иван Дмитриев помер в той обители иноком, под именем Михаила, и, умирая, передал свое искусство и инструмент штатному служителю Яковлевского монастыря Ивану Наумову. Передавая Наумову, он поручил ему наблюдать и за часами Артынова. Это, впрочем, благодаря прочности работы часов и не понадобилось. Наумову, пока он был жив, приходилось в Угодичи ездить очень редко и только раз почистить по прошествии нескольких многих годов. Когда устраивались часы в обители св. Иакова, в это время пришел странник, молодой человек, родом грузин, по имени Петр Егоров, судя по паспорту из простолюдинов. Он испросил позволение у архимандрита Апполинария остаться на несколько времени и послужить в обители для братии. Это было ему позволено. Обитель и братия расположили этого странника поступить тут же в иночество. Он постригся под именем Мартирия. По расположению к нему настоятеля новый инок Мартирий был определен под начало к известному по строгости и святости жизни гробовому старцу Амфилохию^{*267}. От хорошего учителя произошел и хороший ученик.

Под рукою Амфилохия Мартирий проходил послушанием все монастырские должности ревностно и усердно, чем и заслужил себе любовь

---

²⁶⁷ Амфилохий (в миру Андрей Яковлевич Константинов; 1748—1824) — иеромонах Ростовского Яковлевского монастыря.

наставника, внимание настоятеля и искреннее уважение братии, неусыпно служа оной. Случай подружил его с сыном часового мастера, молодым человеком и сверстником по летам, тоже иноком. Беседы товарищей касались обителей и их уставов. Савостин превозносил до небес обитель и братию Тихвинского большого монастыря и вместе с тем рассказывал о бесчисленном стечении поклонников в обитель к иконе Тихвинской Божией Матери.

Верующие туда стекались из всех концов России, а в особенности из Питера. Последнее ли или другое какое призвание возродило у Мартирия мысль посетить Тихвинскую обитель. Испрося благословение у архимандрита Апполинария и у своего наставника старца Амфилохия, он пошел с посохом в руке в город Тихвин и там в обители Тихвинской испросил благословение у настоятеля, архимандрита Герасима, послужить для братии.

Архимандрит принял его и поручил под начало известному своею жизнью монастырскому казначею, иеромонаху Флавиану^{**}. Мартирий проходил и здесь послушание с великим усердием, смирением и кротостию, начиная с кочегара на монастырской кухне и пивоварне; он был дровоколом, водовозом, хлебодаром, и наконец, уже при настоятеле Самуиле, Мартирий посвящен был в иеромонаха и определен в должность «старца образного».

В этой новой должности Мартирий был замечателен по строгости своей жизни, во всем подражая бывшему своему наставнику Амфилохию. Около двадцати лет Мартирий был на этой службе и не выходил никуда за монастырские ворота. При этом он был замечательный постник; даже послушник его Даниил видел одно только сухоядение, да и то весьма умеренное. Келья его была небольшая со сводами, о два окна, и находилась в нижнем этаже, в середине северного корпуса, по левую сторону, близ

соборного храма обители. Постель была самая жесткая, едва ли не голые доски под чистым покрывалом, подушка круглая в чистой белой полотняной наволочке. Одни говорили, что это обрубок дерева; другие, что подушка эта была набита песком. Такой жизнью Мартирий заслужил всеобщее уважение и любовь не только от настоятеля и братии, но и от проходящих со всех сторон богомольцев.

Одежда Мартирия зимою и летом заключалась в одном подряснике из грубой и толстой крашенины и на такой же подкладке, надетом на рубашку, и в обыкновенном поношенном клобуке. Мантию иеромонаха он надевал весьма редко; другой одежды он никакой не имел, несмотря на то что соборная церковь в Тихвинском монастыре очень холодна, служба же его при иконе была постоянная. Во время жестоких морозов он иногда позволял себе носить серые валяные сапоги. Мне случалось ходить к нему от моего отца за разменом медных денег на 25 и более рублей. Мартирий в ту же минуту рассыплет, бывало, по каменным приступкам, устроенным перед иконою Богоматери, мешки медных денег, более по-тогдашнему екатерининские пятаки, и начнет их весьма скоро насчитывать. Это он делал невзирая на жестокий мороз не только моему отцу, но всякому, кто бы ни попросил. На зимнюю одежду Мартирия все удивлялись, и я сам часто слышал от других, что только один тонкий без ваты подрясник греет постного и сухого Мартирия.

Продажа свеч у иконы Богоматери была весьма большая, но он никогда не требовал для этого себе помощника, а исправлял все сам. По примеру нашего св. Леонтия епископа Ростовского²⁶⁸, Мартирий приучил детей ходить из города в монастырь на обедню. Бывало, среди самой жаркой

---

²⁶⁸ Леонтий (XI в.) — первый епископ Ростовский; канонизирован в качестве святого в 1164 г.

игры с товарищами услышишь благовест к монастырской обедне и только сделаешь им предложение идти к Мартирию на обедню, как все толпой отправлялись туда. Относительно костюмов мы не стеснялись, ходили босиком и в одних рубашках. После обедни, по обычаю обители, все бывшие в церкви, большие и малые, шли прикладываться к иконе Богоматери; тут Мартирию предстояла новая служба, впрочем, уже произвольная: он прикладывал сам всех детей к иконе Богоматери, так как образ был поставлен довольно высоко, и после этого он оделял всех нас гостинцами (вместо кутьи св. Леонтия), а мне часто приходилось получать от него в это время апельсины, груши, баргамоты, яблоки, а иногда винные ягоды, французский чернослив или конфеты.

Прошло с тех пор уже шестнадцать лет. Не знаю, не нарушился ли теперь обычай, бывший тогда в городе Тихвине у женского пола, ходить днем, между обедней и вечерней, для поклонения иконе Богоматери. Это поставляла себе каждая гражданка в непрременную обязанность; больше, разумеется, это делалось для того, чтобы сходить в монастырь людей посмотреть и себя показать. В эти часы церковь была заперта, а против иконы Богоматери в западной стене собора была устроена полукруглая большая арка в виде паперти с железною неподвижною и непроходною решеткою. На этом месте во весь сказанный промежуток времени паперть была полна женским полом, большею частию в хороших нарядах; каждая придет, помолится, посмотрит на других, встретит родную, соседку или близко знакомую, поговорят и идут или по домам, или в гости. «Быть у Богоматери», как об этом тогда говорилось, в хорошую погоду служило для женщин вместо прогулки, и в этом обычае было мало истинно религиозного.

Однажды разнесся слух, что о. архимандрит получил из Петербурга от митрополита уведомление, что на праздник Тихвинской Богоматери прибудет в обитель на особом судне грузинская царевна Нина Егоровна со свитою для богомолья. Это известие крайне смутило образного иеромонаха Мартирия, так что, не будь письменного неоспоримого уведомления митрополита, он бы ни за что не поверил. Но вот праздник приближался. Народ стал тысячами стекаться отовсюду в обитель; многие приходили за несколько сот верст. Мартирий стал растерян и смущен, что заметно бросалось в глаза всем; на болезнь он не жаловался, а о причине видимой перемены не ответил даже и настоятелю.

В полдни 25 июня «Трешкот», судно особого устройства, крытое, с палубой и каютами, пристало к самой обители и из него вышла грузинская царевна со свитою. Архимандрит с братиею встретил ее торжественно и отвел ей для помещения особый корпус, называемый митрополичьем; в нем останавливались Высочайшие особы, митрополит и прочие высокопоставленные власти. Отдохнувши немного, царевна пожелала после малого повечерия и до всенощного бдения отслужить молебен, который соборне и торжественно отправлял сам о. архимандрит со всею братиею. В это время образному старцу Мартирию волей-неволей должно было стоять в мантии у иконы Богоматери и благословлять богомольцев всякого звания, желавших его благословения. После молебного пения царевна пошла приложиться к иконе, потом, смиренно повинувшись обычаю богомольцев, обратилась за принятием благословения и к Мартирию. Взглянув на него, она громко вскрикнула:

«Брат Петр? тебя ли я вижу!» — и с этим словом и со слезами, как бы забывшись, крепко сжала его в своих объятиях. Долго в таком положении стояли брат и сестра. О[тец] архимандрит, братия и тысячи народа были

свидетелями этого свидания брата и сестры. Только тут узнали, кто такой был образной монах Мартирий и почему он один и был в такой перемене перед ее приездом и один только не желал приезда царевны.

Впрочем, и после этого события Мартирий не изменил смиренную и подвижническую жизнь, а еще более смирял себя и убегал славы, прогремевшей о нем после этого события. Между тем прилив богомольцев к Богоматери все удваивался. Всякий богомалец старался только подать лепту свою на свечку и на масло иконе непременно в руки Мартирия и принять от него благословение, и за тысячу верст богомольцы сказывали, что подали на свечу и масло самому Мартирию и приняли от него благословение. Вот каков был Мартирий в первый приезд мой в город Тихвин!

* Иеромонах Амфилохий, в мире Андрей, был уроженец г. Ростова, сын священника прихода св. Иоанна милостивого, дед его был священник с. Поречья-Рыбного, рукоположенный св. Дмитрием митрополитом Московским²⁶⁹. Андрей был сначала причетником, а потом дьяконом в том же приходе. Он отличался кротким нравом, благоразумием и строгостию жизни, вместе с тем он был искусный иконописец и находился в числе художников, собранных по воле императрицы Екатерины II для возобновления стенного письма в Московском Успенском соборе и других кремлевских соборах. На долю кисти ростовского дьякона Андрея всецело досталась, кроме других работ в Успенском соборе, и паперть Благовещенского собора. По окончании московских работ он скоро лишился своей супруги; вслед за этим событием он пост} пил в 1777 году в иночество

---

²⁶⁹ Димитрий Ростовский (в миру Даниил Саввич Туптало; 1651—1709) — митрополит Ростовский и Ярославский с 1702 г., канонизированный в качестве святого в 1757 г.

в обитель св. Иакова. Здесь с 1780 г. началось его служение должности гробового старца, при раке св. Димитрия. Подобно тени слава следовала за его смирением. Он сделался известным не только жителям Ростова и окрестных мест, но и богомольцам всех краев России, и многие знатные особы считали за счастье быть духовными детьми Амфилохия. Его удостоил посещением император Александр I и долго с ним беседовал.

Болезнь лишила под конец жизни о. Амфилохия употребления ног; и на службу к св. Димитрию его возили из келии в нарочно устроенных для этого креслах, сделанных духовной его дочерью, графиней Анной Алексеевной Орловой, дочерью героя Чесменского²⁷⁰. По этому поводу о. Амфилохий к одному из своих духовных детей, знатному вельможе, в назидательном письме своем между прочим писал следующее: «Я как пророк Илия катаюсь ныне на колеснице, только с тою разницею, что тот катался на небе, а я с грехами моими катаюсь по земле». Иеромонах Амфилохий и отец архимандрит Иннокентий²⁷¹ были родные

---

²⁷⁰ Орлова Анна Алексеевна (1785—1848), графиня — известная жертвенница и подвижница, отказавшаяся от светской жизни под влиянием архимандрита Фотия. Ее отец, граф Алексей Григорьевич Орлов (1737—1808), получил титул «графа Чесменского» после победы руководимой им русской эскадры над турецким флотом в Чесменской бухте (1770).

²⁷¹ Иннокентий (в миру — Порецкий; 1773—1847) — настоятель ростовского Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря (с 1818 г.). О нем упоминает в своих воспоминаниях С.М. Соловьев: «До гимназии и во время гимназического курса ездил я с отцом и матерью три раза в Ярославль <...>. От этих поездок остался в моей памяти один любопытный случай: в первую поездку (мне было тогда лет восемь-девять), остановившись ночевать в Ростове, отец вместе со мною отправился к архимандриту Яковлевского монастыря, Иннокентию; разговаривали они о всякой всячине, и между прочим архимандрит спросил отца: "Чем у вас, батюшка, малютка-то занимается?" Отец отвечал: "Да вот пристрастился к истории, все читает Карамзина". Тогда архимандрит обратился ко мне и спросил: "А что, миленький, вычитал ты о нашем Ростове, что о ростовцах-то говорится?" Я очень хорошо помнил рассказ о событиях по смерти Андрея Боголюбского, поведение ростовцев относительно владимирцев, помнил оглавление 11-й главы третьего тома "[истории] государства] Российского]", где читается: "Гордость ростовцев", и помнил только это, позабыл, что говорю с ростовцем, и отвечал: "Ростовцы отличались в древности гордостью". Не знаю, каково было первое впечатление, произведенное моим ответом на

братья и впоследствии оба служили в обители св. Иакова и Димитрия: один настоятелем обители, а другой — Тобовым старцем, и в этих званиях кончили жизнь. Иеромонаха Амфилохия и по сей час все Читают за святого. Действительно это был Боговдохновенный старец. Архимандрит Иннокентий был тоже весьма почтенная личность. Воспоминания об нем живы и по сей час в Ростове.

** Иеромонах Флавиан был родом петербургский купец, ближайший родственник знаменитому петербургскому купцу и лесному торговцу Федулу Громову. У Флавиана меньший брат Даниил был послушником у Мартирия «образного старца» и в этом звании уехал с Мартирием в Филиппо-Ирабскую пустынь, где оба они и кончили жизнь.

Глава IV

Николо-Беседный монастырь.- Два деревянных креста. — Учитель Никита Кондратьевич, товарищ Егор. — Дымский Антониев монастырь. — Обычай купаться в монастырском пруде. — В гостях у о. архимандрита. — Забавы добродушных иноков. — Второй приезд грузинской царевны. — Закладка придела. — Чудный камень, надпись. — Рассказы о Флавиана и Нила, пивоварение в Угодичах. — Рождественские праздники и свадьбы. — Век нынешний и век минувший. — Свищ и жабиха. — Старые барские слуги. — Диспут о построении г. Тулы.

Мая 9-го, в день святителя Николая, отец мой поехал в Николо-Беседный монастырь, к строителю этой обители, иеромонаху Анастасию,

---

архимандрита; только он сказал, обращаясь к отцу: "А что, батюшка, ведь малютка-то правду сказал, до сих пор народ наш отличается гордостью, неуступчивостью"» (Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 271).

взяв с собой и меня. Монастырь этот стоит на восток от города Тихвина, в расстоянии четырех верст, на большой столбовой дороге из города Тихвина в город Устюг. Когда мы приехали, то у строителя было немало гостей, в том числе и архимандрит Самуил; было также несколько человек и из купечества. Монастырь состоял в зависимости от Тихвинского большого монастыря. За трапезой между гостями зашла речь о начале этой обители, устроенной по поводу явления на этом месте Божией Матери со святителем Николаем. Здесь Божия Матерь беседовала на колоде или упавшей сосне, а перед ней стоял святитель Николай. Это видел тогда один благочестивый причетник из недалекого, тут бывшего погоста. Этому же причетнику Божия Матерь в видении повелела потом сходить в город и сказать попам, чтобы они над построенною деревянною церковию на месте явления ее на болоте «Таборы» не ставили бы железных крестов, но ставили бы деревянные, в противном случае она сим будет прогневлена.

Попы причетнику не поверили и уже готовый железный крест велели мастеру поставить над главой. Едва принялся мастер ставить крест, как сильная буря мастера и с крестом унесла за три версты.

Тут вмешались в разговор несколько купцов; один из них, Иван Тимофеевич Бередников, высказал, что на его полянке, где он сеет хлеб для своего продовольствия, находящейся в трех верстах от города, стоит большой деревянный крест под шатровою крышею на четырех столбах. На этом месте и был поставлен мастером невредимо, унесенным бурей вместе с железным крестом. Купец Максим Иванович Калашников сказывал о таком же кресте и на его полянке, только по какому случаю был поставлен этот крест — я теперь рассказа не припомню, а, должно быть, чудо было замечательное, потому что тогда об этом говорили. Наконец Григорий Иванович Парихин и тот сказывал, что и на его полянке, близкой к городу,

стоит тоже подобный крест. Поставлен он потому, что на этом месте было какое-то чудо с Грозным царем, когда он приехал на поклонение Божией Матери в Тихвине. Кажется, тут что-то сделал с ним юродивый или какой-то блаженный, но что именно сделал — опять я запомнил.

Духовное училище помещалось в одном из корпусов монастырских зданий, и при нем жили многие и ученики. Я учился на квартире, занимаемой учителем Пашеозерским в том же монастыре. Не знаю, случайно ли или по замечанию учителя о моих наклонностях, он учил меня более всего русской истории.

История меня заняла, и учитель стал давать мне читать книгу русской истории более пространную. Тут-то я встретил имена исторических деятелей, о которых я слышал и в селе Угодичах от Григорья Ильина или Ивана Алексеевича Быкова. На дому учителя со мной учился сын какого-то причетника по имени Егор; он был с дивными способностями, но большой шалун. Учитель при уходе своем в класс на известное время часто привязывал его за ногу к столу медной цепью. Егор заданный урок всегда приготавливал задолго до прихода из класса учителя. Во время публичного экзамена, на котором присутствовал председателем архимандрит Самуил, Егор вышел первым учеником, и хотя летами был молод, но не в пример прочим отправлен был в Новгородскую семинарию, и более о нем я ничего не знаю; любовь же к истории с того времени стала быть господствующею моею страстию; я остался ей верен и до сего времени.

Но вот стал приближаться и праздник Тихвинской Богоматери. В начале июня Мартирий помимо моего родителя одел меня, как говорится, с ног до головы; он сделал мне белье, сапоги, брюки, жилет, сюртук, или, как тогда звали, — сибирку, и высокий, четырехугольный малинового бархата картуз.

В Иванов день, перед Тихвинской, бывает праздник и ярмарка в Дымском Антониевом монастыре, находящемся на юго-восток от Тихвина на расстоянии 15 верст; тогда строителем в нем был иеромонах Мельхиседек; обитель эта находилась также в зависимости от Тихвинского большого монастыря. В монастыре этом, как я помню, была одна каменная соборная церковь, в которой под спудом почивают мощи препод[обного] Антония Дымского²⁷²; при гробнице его находится кругловерхая кованая железная шляпа с широкими полями; в этой шляпе, по преданию, святой копал будто бы находящееся там озеро, которое имеет крепкий песчаный грунт и чистую прозрачную воду. Озеро или пруд имеет пространство около квадратной версты и окружено лесом. По принятому обычаю и заповеди преподобного ни один богомолец, желающий посетить обитель, будь то мужчина или женщина, не искупавшись в озере, не входит в обитель. Это исполняют все с великой охотой, и каждый потом чувствует себя гораздо свежее. Бывали случаи, что многие больные, искупавшись в озере, выходили из него совсем здоровыми. Для богатых и знатных посетителей устроены прочные деревянные купальни, которые во время зимы отапливаются; простолудины же купаются прямо с берега, и притом мужчины и женщины не в дальнем друг от друга расстоянии. В этот приезд наш праздник и ярмарка были в полном разгаре; в озере купалось бесчисленное множество народа обоих полов, это и по моим летам показалось мне странным. Отец мой, выкупавшись со мною наряду с другими, то есть раздеваясь на берегу озера, повел меня в монастырь. Монастырь был окружен деревянной оградой с такими же башнями; теплая церковь и настоятельские кельи были

---

²⁷² Антоний Дымский (? — 1224) — основатель Тихвинской обители; первоначально был игуменом Хутынского монастыря под Новгородом, но удалился в леса близ Тихвина, где основал свою обитель. Канонизирован в качестве святого.

тоже деревянные. Приложившись к гробнице преподобного, отец надел на меня шляпу святого и, поддерживая ее, заставлял меня в ней молиться; шляпа показалась мне весьма тяжелою. Обедню служил архимандрит Самуил. После обедни мы были за трапезой у строителя: там, кроме архимандрита и нескольких сослуживцев его, иеромонахов, посторонних, кроме нас, никого не было. После трапезы монахи ушли и остались только архимандрит Самуил, строитель Никандр и мой отец. После сытной трапезы и обильного возлияния вина старцы, будучи в полном цвете лет и оба толстые, смотрели из окна поочередно в большую зрительную трубу, и, как теперь помню, смотря в трубку, они много и весело над чем-то смеялись; озеро лежало на юг от обители на несколько сот сажен; к вечеру отец мой и архимандрит уехали в город.

В это время моему отцу пришел срок получать деньги со строителя Мельхиседека за саратовскую и уральскую рыбу, отпущенную для обители во время Тихвинской ярмарки. Таких обителей, в которые мой отец поставлял рыбу, было пять: Тихвинский большой монастырь, Мартириев Зеленецкий, Николаевский-Беседный, Антониев Дымский и Введенский девичий в городе Тихвине. Помню я, что для отпуска этой рыбы в обители отец мой имел особую книгу, у которой все листы состояли из гербовой бумаги; в этой книге монахи и расписывались в приеме рыбы, равно расписывался там и отец мой в получении денег. Из Уральска с рыбным товаром нам присылали также и свежей икры в нескольких различной величины бочоночках, которыми отец и дарил как настоятелей обителей, так и других лиц, в том числе и образного старца Мартирия. По словам моего отца, Мартирий, впрочем, не пользовался этим лакомством, а раздавал все тем из братьев, которых он знал. Накануне 26 июня приехала к Мартирию сестра его, грузинская царевна

Нина Егоровна, с несколькими своими родными: она опять остановилась в тех же кельях; насколько я помню, царица Нина была средних лет, старше Мартирия, выше его ростом и мужественнее. Все приехавшие с ней весьма походили друг на друга: с смуглыми продолговатыми лицами, черными волосами и глазами и большими носами. Какого фасона была их одежда — я не припомню, но не забыл, что она у всех была однообразна и ослепительной белизны; волосы женщин были покрыты длинными белыми покрывалами, на лбу же было что-то блестящее в виде небольшого кокошника или жемчужной «поднизи», какие тогда носили тихвинские щеголихи.

На третий день приезда царицы Мартирий водил к ней и меня; он что-то долго разговаривал обо мне на грузинском языке; после этого Мартирий из другого покоя принес ее маленький детский самоварчик, который она и подарила мне на память; этот подарок сохраняется у меня и в настоящее время в целости. В детстве я часто грел его, а теперь иногда греют его мои внучата. Воды в него уходит всего шесть чашек; этот самоварчик тульской Работы, мастера Прокофья Суровцева.

Двадцатого августа была закладка придела по правую сторону соборного алтаря во имя св. пророка Самуила. Весь юго-восточный церковный угол был основан на одном камне огромной величины, сероватого цвета и четырехугольной формы. Этот камень приплыл к монастырю на льдине в апреле 1820 года. Льдина была не толстая и немного более камня. Когда сняли со льдины камень, то под ним оказалась небольшая зеленая свежая травка. Камень этот прошел в самое большое половодье реки и сквозь быстрое, похожее на водопад, стремление воды в шлюзе. Никто не видал, как он остановился на реке у спуска для бранья воды, близ северо-восточной монастырской башни. Камень тут некоторое

время вертелся на льдине; двенадцать лошадей, в том числе и лошадь моего отца, едва могли его снять со льдины и втащить на берег; как только его втащили, льдина тотчас же распалась на части и осталась одна трава, которую народ тотчас же разобрал на память об этом чуде. Долго хранилась эта трава у нас в доме. По надписи, высеченной на камне, вероятно, можно видеть его в обители и в настоящее время, надпись эта была следующая: «Камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла» (Пс. 117, ст. 22).

В именины моего отца, 9 октября, посетил его сначала архимандрит Самуил, а потом пришла вся братия и городское соборное духовенство; в это время казначей иеромонах Флавиан и соборный священник о. Нил рассказали каждый по чудному происшествию. Иеромонах Флавиан рассказал о себе следующее: когда он находился еще новоначальным послушником в обители Валаамской, на Ладожском озере, то туда был прислан, под строгий настоятельский надзор по Высочайшему повелению Императора Павла, какой-то ученый магик, который будто бы сказал Императору, когда и как он умрет. Настоятель отвел узнику самый мрачный и во всей обители самый крепкий со сводами каземат, куда и свет дневной проникал лишь сквозь узкое и длинное верхнее окно с крепкою железною решеткою. В темнице не было ни стола, ни стула, ни койки, были лишь каменный пол да голые стены и доска. Для прислуги к нему был приставлен этот Флавиан, который и жил в маленькой прихожей, перед дверьми узника. Флавиан сказывал, что едва узник станет углем писать на стене, выводя круги и становя какие-то знаки, как у него тотчас же явится стол с письменным прибором, стул, кровать и всевозможное кушанье. Сколько раз у него все это ни обирали, все это наутро появлялось вновь. На бумаге он

писал тоже одни круги и ставил какие-то знаки или буквы, которые даже академия наук не могла определить. В шутку он говорил Флавиану, что он-де узник произвольный и если захочет свободы, то лишь напишет на стене корабль, — в нем уплывет, напишет коНЯ __ на нем уедет; наука эта, как говорил Флавиану узник, называется «Гог и Магог»²⁷³, и что настанет время — будут многие знать ее. В одно прекрасное утро узника в каземате не нашли, несмотря на то что двери каземата запер и запечатал сам настоятель; притом же по обыкновению во всю эту ночь в прихожей каземата и у окна была неусыпная и сменная стража. Хорошо было бы узнать, не осталось ли какого-либо воспоминания, или записи, на Валааме о таком узнике магии, которому со страхом и трепетом служил Флавиан, исполняя возложенное на него послушание, тем более что, по рассказу Флавиана, узник оставил на стене надпись, нацарапанную чем-то острым и довольно глубоко: «Не умру, но жив буду и повем дела Господни»²⁷⁴.

Другой рассказ был соборного священника о. Нила. Священник этот был лет около сорока, молодоец, красив, плотный, высокого роста и страшный силач. Раз, в день тезоименитства игуменьи Таисии — настоятельницы Тихвинского Введенского монастыря, приглашен он был на служение; в это время в монастыре уже много годов жила монахиня (имя ее я забыл), которую все почитали за святую; жизнь она вела очень строгую, большую часть времени проводила в церкви и часто приобщалась св. Тайн; сказывала прошлое и самое тайное вопрошающим ее, притом таким лицам, которых она даже в первый раз видела. У кого было сомнение об

---

²⁷³ Гоги Магог — апокалиптическое именование народов будущего, которые-наущению дьявола, восстанут против Царства Божия в последние дни мира: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей, и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань. Число их — как песок морской» (Откр. 20:7).

²⁷⁴ Пс. 117:17.

отсутствующем родственнике или не было от него долго никакого известия, она, несмотря на то что этот отсутствующий был за тысячу верст, скажет весьма верно: здоров ли он или болен; мало того, она сказывала даже, что это лицо в данное время делает. При такой дивной обстановке святая мать была как у игумении Таисии, так и у всей обители и у всех знавших ее горожан в великом уважении.

Раз как-то по окончании обедни святая монахиня в испуге посылает штатных служителей не пускать в обитель идущую странницу, указав при этом самый вид и одежду этой грядущей странницы. Не успели еще посланные исполнить этого приказания, как странница вошла уже в монастырь; тут наша святая почти взбесилась; кричала и не велела пускать странницу в церковь. Вошедшая была монахиня средних лет, высокого роста и, по-видимому, самой постной жизни. Увидев ее, наша святая стала бегать по церкви и кричать таким голосом, какого у ней никогда не бывало, да и быть не могло; стала при этом поносить странницу непристойными словами, которые слышать и не в обители было бы весьма зазорно.

Все бывшие в церкви пришли в великий страх; пришедшая же странница приказывает схватить святую монахиню, как неприлично ругающуюся в храме. Сторожа и штатные служители, подкрепляемые некоторыми богомольцами, стали уже брать, но сила нашей святой была неестественная; однако, с помощью о. Нила, им удалось святую повалить на пол и так держать ее. Впрочем, держать святую было очень трудно, она всех держащих с силой поднимала кверху и билась жестоко; но вот пришедшая странная сделала над нею в воздухе крестные знамена и велела о. Нилу расстегнуть опоясывающий ее ремень и положить на громко и безобразно кричащую и барахтающуюся монахиню. О[тец] Нил дрожащими руками едва расстегнул у пришедшей ремень и положил его, как было приказано, как

после этого наша святая не пошевелилась и вдруг перестала кричать; только, выпуча глаза, она страшно глядела и вдруг громко и пронзительно свистнула и выпустила изо рта густой клуб дыма, странная же взяла клуб этот рукою и крестом проводила в двери вон из церкви, испуганным же зрителям и зрительницам сказала, что теперь все кончено. Святая наша лежала на полу, как мертвая; странная велела отнести ее в келью, потом поздравила игумению Таисию со днем ее ангела, а рассказчика о. Нила поздравила с новорожденной дочерью, которую велела назвать своим именем «Ксенией». После этого, бывши у игуменьи за трапезой, сказала, что она пришла издалека только за тем, чтобы выгнать из сестры пытливого духа, который уже больше не возвратится: простясь потом со всеми, ушла неизвестно куда. У о. Нила точно в то самое время, когда странная поздравила его, родилась дочь; монашенка же, исцеленная пришедшей, во время этого рассказа о. Нила была еще жива.

Настало время ехать моему отцу в Ростов; он собрался вместе со мной, и мы поехали в повозке, запряженной парой; кучером был тихвинский мещанин Савва Аникиев Субботин. В день отъезда отец и я ходили прощаться с архимандритом Самуилом и с Мартирием. Мартирий при расставанье дал отцу что-то мягкое и довольно немалое объемом, завернутое в бумагу, мне же подарил детскую чернильницу и песочницу на круглом деревянном поддонке, обложенном по бокам бронзой. Я и в настоящее время всегда пишу из этой чернильницы. Отец мой, придя на огород, развернул подарок Мартириев и нашел тонкую полотняную, новую и длинную монашескую рубаху, шелковый пояс с молитвой, нитяные чулки и мушкетерские большие башмаки; этот подарок он привез в село Угодичи, как и я свою чернильницу и самовар.

Под конец года начались приготовления к праздникам; шили различные обновы для молодцов и девиц. По заведенному обычаю предков, готовились к пивоварению, которое было довольно оригинально. Собравшись, миряне избирали доверенное лицо, которое должно было вести порядок варки пива; переписывали желающих пивоваров, кому сколько желательно, по их наречию от полчетверика до кади (т.е. двух четвериков), потом миром же наваливали дров, поряжали мастера на несколько варь и почем с вари. Мастеров являлось тогда много; привезли потом инструменты, посуду: большие и малые чаны и котлы, потом доверенное лицо собирало муку или рожь на то количество пива, какое пожелал варить каждый домохозяин, а также и деньги на покупку солода и хмелю. Пивоварение продолжается несколько дней, непрерывно день и ночь. Народа всякого возраста около пивного стана толпилось точно на ярмарке, в особенности же когда начинались «сливки пива» в хозяйские посуды; тут кидали жребий очереди; это большею частью производилось ночью, и все участвующие к этому времени оповещались. Охотники пьют пиво вдоволь из пивоварова общего корца и смакуют его достоинство; как только первая варя закончится, так начинается по очереди другая и других домохозяев и т.д., сколько различных домохозяев, столько и варь; пиво это заготавливается на всеобщий праздник села Угодич — Крещение. Я помню такие годы в своем детстве, что пивные станы бывали в трех местах: главный у чистого пруда, второй в Никольском конце близ дома Вьюшина или Панина, третий в овинном конце к деревне Уткиной. С умножением самоваров и чаепития пивоварение стало год от года производиться менее, и наконец в 1831 году было последнее пивоварение, после которого более никогда уже и не повторялось.

На праздник Рождества был обычаем свозить взрослых девиц в селе Угодичи гостить из разных селений; конечно, каждая привозилась к своим родным или знакомым. В Рождество и во второй день хоровод, или круг девиц, собирался весьма велик. Тогда не стеснялись, что не у всех были особенно нарядные костюмы: у кого какой был, в том и шла гулять девица. Богатые и бедные гуляли вместе без зависти и были вполне довольны каждая своим нарядом; тогда было не то, что ныне; за неимением хорошей одежды не сидит дома, как ныне; теперь какая одежда на богатой, такую стараются иметь средние и даже бедные, не думая, что это сопряжено с разорением отца и что, исполняя прихоти дочери, он делается бессильным домохозяином-землевладельцем. Увы, всемогущая мода и роскошь на это не смотрит. Подумаешь, так за мужиков страшно!

В обыкновенные зимние праздничные дни молодые люди и девицы гуляли по улицам, ходя попарно: одна пара за другой; каждая пара имела за собой саночки, с которыми обыкновенно ездят с бельем на озеро. Молодцы в это время ходили группой подле этой длинной «гусеницы» девиц и их санок, высматривая невест, пели песни или играли чигами; дети в это время играли в «лопак», который устраивался на гладком льду, или катались на Мухиной и Фомичевой горах; теперь уже этого нет. Перешло все в одно предание старины. После праздника Рождества начинались свадьбы; обыкновенно дело начиналось с сиденья или смотрин невесты. Свадьбы были не так шумны и разорительны, как ныне; они были немногочисленны; сговор, девичник, княжий стол²⁷⁵ — и только. У богатых еще после княжьего брачного стола наутро бывал красный стол, потом у невесты почестье, и тем все заканчивалось; не было ни танцев, ни сборов молодцов и

---

²⁷⁵ Так назывался свадебный пир.

девиц на танцевальные вечера и другие подобные многочисленные нынешние затеи.

Ведь это все ненужная трата для дармоедов и притом вовсе чужих. Когда просвещение откроет нам глаз Бог весть! Теперь пока молодой народ гибнет в своей необразованности и нравственности, а родители жалуются на непочтение детей, но кто виноват? Сами.

В это время в дом наш были вхожи две женщины: одна из деревни Борисовской, которую все заочно звали «свищ», а другую, из села Сулости, звали «жабихой». Женщина дер. Борисовской была девка лет пятидесяти или больше, ростом высокая, мужественная и еще красивая, хотя старуха по летам. Из разговора домашних по малолетству тогда я не мог понять, что у нее половые части были особого устройства, отчего она оставалась девкой и прозывалась «Борисовский свищ». Вот только теперь, не очень давно, читая «Воскресный досуг»²⁷⁶ (не помню, которого года), в описании биографий знаменитых красавиц Парижа я нашел в одной из этих красавиц точно такой же субъект, как наша борисовская баба. Сулотская же баба, то ж лет около 50, ходила с толстоувитою холстиной и платками шеей; о ней говорили, что она жила со старушкой матерью, которую совсем не почитала и вела развратную жизнь; раз в первый день Пасхи мать попросила у ней молока, но она не только не дала молока, но всячески ее обругала. Мать весьма оскорбилась на это и в гневе своем будто бы сказала: «Чтобы тебе жаба в горле села». Дочь, не давши матери молока, потом захотела его выпить сама, и когда пошла за ним и только что раскрыла крынку с молоком, как видит наверху молока большую и страшную жабу; жаба будто бы мгновенно вскочила на шею и впилась в оную так крепко, что никакими средствами

---

²⁷⁶ «Воскресный досуг» (СПб., 1863—1872) — иллюстрированный еженедельник, адресованный народному читателю.

отнять ее было невозможно. Так она и осталась с жабой на шее до конца своей жизни. Сулотская «жабиха», впрочем, ходила весьма редко в Угодичи и сама рассказывала о своем преступлении против матери; «Борисовский же свищ» ходила в Угодичи часто, и мы, дети, всегда дразнили ее «свищом». Она очень сердилась и кидала в нас палками и камнями; конечно, поймать нас ей никогда не удавалось; впрочем, старшие строго запрещали нам ее дразнить, но разве можно унять вольных крестьянских детей!

В то время после помещика нашего Карра остались три замечательные особы; это были малоумный лакей Прокофий, или Пронька, камердинер Григорий Ильин и господский шут, крестьянин села Угодич, Иван Андреев Болмасов, или Бебнев; отец его, Андрей Борисов Бебень, жил у отца моего постоянно в работниках и имел чудную способность ловить для меня диких сизых голубей: насыплет, бывало, овса, голуби и налетят. Он поговорит с ними ласково и потом берет руками того, которого ему укажешь. Сын его Иван был шутлом у помещика; говорил он складно, с большим юмором и неглупо; его помещик, как в сказке «Емеля-дурак», одел всего с ног до головы в красное: красный картуз, красный кафтан и красные сапоги. Он не был учен грамоте, но имел чудную память: сказанное или читанное ему он не забывал никогда, а помнил все от слова до слова; он был живая библиотека без книжной мудрости; не ведая ее, он удивлял своим знанием круга церковного чтения и пения; содержание псалмов Давидовых он знал крепко; спрашивайте, сколько вам угодно о тексте какого-либо стиха, он ответит все: в которой кафизме и в котором псалме это значится; часто даже делал замечания церковному причту в чтении и пении; мог ответить желающим знать, в какой день каких бывает святых, не по очереди, а так, о каком деле у него спрашивают; он ответит как по книге и о рождении луны и ущербе ее; Пасху спросите за сколько вам угодно лет

вперед или назад, он скажет тоже верно. Императорский дом он знал отлично, даже каждой особы время рождения и тезоименитства; помер он в 1865 году в селе Угодичах. Вообще эти отставные лакеи были большие говоруны и спорщики.

Говоря о спорах, не могу умолчать о следующем событии, бывшем, кажется, в Тихвине в этом же году. Раз в присутствии моего отца был духовный диспут у именитых купцов тихвинских, Ивана Григорьича Климова и Петра Львовича Орлова, — закоренелых староверов, с иеромонахом и казначеем Тихвинского монастыря Флавианом. Между прочим купцы завели речи о существовании города Тулы во времена пророка Давида и будто царь Давид в псалме 10, ст. 2 сказал: «Уготоваша стрелы в Туле»²⁷⁷. Все доводы иеромонаха Флавиана остались тщетны; напрасно он доказывал, что это говорится вовсе не о городе Туле; город этот при Давиде не существовал, и Флавиан сказал им, когда, как и кем этот город основан, но русских богословов это не удивило. В словах Давида они не допускали иного смысла и утверждали, что с того самого времени в Туле делают ныне хотя не стрелы, которыми прежде стреляли, а «пищали» которыми тоже стреляют. Диспут этот случился, кажется, в ярмарку, при покупке свежей уральской рыбы в кладовой моего отца, где она хранилась.

Глава V

Великий колдун Кузьма Грач. — Знахарь XVIII в. — Легенда о селе Сулости. — Сулоцкий дьякон. — Крещенский храмовой праздник в Угодичах. — Воспоминание о В[еликом] к[нязе] Василии Ивановиче Темном. — Болезнь

---

²⁷⁷ Имеется в виду туло (тул) — колчан для стрел. Ср. 2-й стих 10-го псалма в синодальном переводе: «Ибо вот нечестивые натянули лук, стрелу свою приложили к тетиве, чтобы во тьме стрелять в правых сердцем».

и смерть моего отца. — Зять, преемник моего отца по огороду. — Пожар в Тихвине. — Помощь погорельцам, сделанная Императором Александром I. — История с тихвинским городским головой. — Посещение Тихвина Императором] Александром I. — Царицыно озеро. — Царица Колтовская. Ее могила. — Место дома боярина Василия Колтовского. — Сказочник гвардейский инвалид Яков Питерец. — Книга Мартирия и его письма. — Ларионова мельница.

Настал наконец и новый, 1823 год; родители мои поехали со мной в гости в село Сулость, куда отдана была моя сестра; это был Васильев день, и в Сулости был праздник. Отец зятя нашего Дмитрия — Андрей Гаврилов Грачев — был великий говорун. Он рассказал, как предок его Кузьма Грач в петровские времена слыл за великого колдуна и лечил воеводу от «лихой немочи». За это лечение он содрал с воеводы целую кису²⁷⁸ петровских серебряных рублей и сверх того взял воеводскую лошадь с одноколкой, полной всякого добра, якобы в дар своим домашним. На эти воеводские рублевки дети Кузьмы Грача приобрели землю в «Измайловских светлицах» в правом берегу реки Таракановки, недалеко от ее впадения в реку Фонтанку. Потомки их и в настоящее время имеют там свою огородную землю и занимаются огородным промыслом, нося ту же фамилию Грачевых.

Сказывал он еще и о начале села Сулости. Первоначально в ней жил какой-то волшебник из князей с дочерью; отца звали Ласт, а дочь Сулой; потом жили различные князья, которые и выстроили здесь церковь; наконец половина села Сулости сделалась собственностью князей Голицыных, а

---

²⁷⁸ Киса — дорожный мешок.

другая половина была полковника Ярославова, а потом вся Сулость перешла к одному князю Сергию Михайловичу Голицыну. Рассказ этот был весьма плодovit и продолжался не в одно пиршество, а во многие; говорилось это больше во время чая, обеда и ужина. Вспомнишь про прежних стариков: сколько они знали рассказов, песен, повествований; почти в каждой деревне было свое предание о том, как произошло селение; теперь от этого скоро не останется и следа, все рассказчики перемирают, а с ними исчезнут предания; да и песни-то нынешние один срам слушать... В рассказываемое мною время на Сулости славился дьякон (имя я запомнил); он считался по своему голосу первым по всему Ростовскому округу и притом твердо знал нотное итальянское пение. Роста он был высокого и очень красив собой; он был похож на Воржского (из села Воржи того же Ростовского округа); этот последний за свой голос был вызван в Петербург в Императорский зимний дворец и сделан протодьяконом, где и кончил жизнь свою с прозвищем «Воржского дьякона».

Отец мой тут сулотского дьякона пригласил к себе на праздник Богоявления Господня. Дьякон действительно приехал и служил обедню, которая совершалась, несмотря на сильнейший мороз, в холодной церкви, по обычаю прежних лет, ибо в холодной церкви находится главный храмовый престол Богоявления Господня. После обедни был крестный ход из обеих приходских церквей для освящения воды, для чего вырубался во льду особого устройства крест, который, по преданию, приказал устроить в бытность свою в этот день в селе Угодичах Великий князь Василий Васильевич Темный. Предание говорит, что тогда после водоосвящения в тот день Великий князь имел кровопролитную битву с князем Василием

Юрьевичем Шемякой косым, близ села Никольского, что на перевозе; Великий князь в этой битве победил Шемяку²⁷⁹.

Как я сказал уже, что в день крестного хода был великий мороз, но он не воспрепятствовал стоящей в то время в селе Угодичах артиллерии стрелять из пушек, расставленных на берегу чистого пруда; пальба началась во время погружения священником в воду креста. В это время я был сильно напуган выстрелами из пушек. Много лет прошло, а я и по сей час не могу равнодушно слышать, как стреляют не только из ружья, но даже из самого малого пистолета; если приходится бывать при этом, то всегда отворачиваюсь и затыкаю уши.

Отец мой при этом освящении воды от сильного холода простудил голову и, сделавшись нездоров, скоро слег в постель и на 63 году 17 января в 8 часов утра помер; тут-то я вспомнил подарки Мартириевы, онигодились моему отцу после смерти; во всю эту одежду и снарядили покойника. Погребен отец на родовом кладбище при церкви Николая Чудотворца с полуденной стороны церкви; положенная плита и сейчас показывает его могилу.

По смерти отца я остался единственный его наследник; мне было тогда 10 лет; составила по малолетству домашняя опека из двух сватов отца, купца Василья Афанасьева Малышева и Андрея Гаврилова Грачева; привели в известность оставшийся капитал и положили в Петербурге в Опекунский совет до моего совершеннолетия; из этих денег положили для поминовения по 300 рублей серебром в Богоявленскую и Николаевскую церкви на вечные времена с тем, чтобы из процентов каждый причт получал

---

²⁷⁹ Имеется в виду междоусобица великого князя московского Василия Васильевича (внука Дмитрия Донского) и его дяди Юрия Дмитриевича, также претендовавшего на великое княжение. Сын последнего, Василий Юрьевич Косой, объявил себя великим князем, но в упомянутом Артыновым сражении (в 1435 г. на р. Которосли) был разбит.

каждогодно по 12 рублей, а 3 рубля серебром получал бы на потребу церковную староста. После этого опекуны повели речь о городе Тихвине. Кому и как там управлять огородами? Мать моя в этом деле была неопытна. У зятя Грачева был свой огород в Питере; зять ростовский, Гаврила Васильев Малышев, был уже с отцом моим по три года в Тихвине, и моя мать, по своему расположению к этому ростовскому зятю, отдала ему все огородное заведение; она выговорила впрочем, чтоб он занялся моим воспитанием. Когда нужно было ехать в Тихвин на ярмарку, то отправились: мать моя, зять Гаврила и я; дома же была оставлена старшая сестра моя Марья — жена Гаврилы Малышева, с двумя работницами, так что опущения в хозяйстве не было нисколько.

В Тихвине все знавшие отца мать мою приняли вместо его и весьма сожалели о потере мужа. Зять наш стал править делом после отца полновластно, а выручаемые за товар деньги получал себе и посылал их по требованию своего отца в Ростов.

Жизнь свою я тогда проводил весело и беззаботно, и любимым моим товарищем был меньшей сын мещанина Ивана Колтовского по имени тоже Иван. Семейство это было бедное и многолюдное; старик Колтовский нередко сказывал мне, что в Введенском девичьем монастыре погребена царица Колтовская, супруга царя Иоанна Грозного²⁸⁰, которая была сродни ему, как происшедшая от его предка Колтовского.

Тихвинские жители День Всех Святых²⁸¹ празднуют очень торжественно; из Тихвинского большого монастыря бывает крестный ход в церковь Всех Святых, стоящую на правом берегу реки Тихвинки против

---

²⁸⁰ Колтовская Анна Алексеевна, четвертая жена Ивана Грозного; царь жил с нею с 1572 по 1575 г., после чего заключил ее в монастырь, где она умерла в 1626 г.

²⁸¹ Первое воскресенье после Пятидесятницы.

большого монастыря. По преданию, на этом месте сошла на землю с воздуха икона Тихвинской Богоматери. Эта церковь принадлежит монастырю.

Когда мы шли уже обратно с крестным ходом, случился в городе на Богородской улице сильный пожар, истребивший около 60 домов. Бедствие было ужасно.

Вскоре на вспоможение погорельцам от Императора Александра I на имя городского головы, Василья Ивановича Овинского, было прислано 60 тысяч серебряных рублей; курс рубля тогда состоял в обращении 3 рубля 80 копеек ассигнациями, но этот курс вскоре упал до 3 рублей 60 копеек. Деньги эти все были розданы по принадлежности погорельцам. В непродолжительном после этого времени с городским главой случилось следующее событие; тогда низшие чины городской полиции состояли из граждан; они отправляли эту повинность натурою. Частные и квартальные и прочие чины были тоже от купечества и мещанства. Из числа сих один квартальный чем-то провинился пред градским главой Овинским; голова посадил его в городническое правление под арест. Брат арестанта пошел просить градского главу простить брата и выпустить из-под ареста, тот отозвался, что это зависит теперь не от него, а от секретаря городнического правления Петра Захарыча, тогдашнего воротилы всего города; тот пошел к секретарю, который отозвался, что он тут ни при чем; голова-де посадил, голова пусть и выпустит. Ходатай пошел опять к голове, тот опять почему-то стал уклоняться, и вот у просителя произошел крупный разговор с головой, и в горячности проситель назвал голову Государевым вором. Это голове показалось невыносимо обидно; он велел укорителя взять в городническое правление, и там стали снимать с него допрос; обвиняемый от своих слов не отрекался и потребовал, чтобы показание свое в книге

допросов дали ему написать самому; это ему дозволили. Он в казенной шнуровой книге написал, что градский глава, получивши монаршую милость погорельцам, серебряный рубль считал за 3 рубля 60 копеек, а раздавал по 3 рубля 80 копеек и потому он желает знать, кому поступил остаток в 20 копеек серебром от каждого рубля? Все присутствующие в Думе, прочитав это, пришли в великое смущение, но «что писано пером, того не вырубишь топором». Началось дело. Из Новгорода была назначена следственная комиссия; доносчик остался прав, а градского голову, мужчину рослого, дюжего и красивого, в одно прекрасное утро нашли на постели мертвого с признаком приема сильного яда. Этим судебное дело и кончилось.

В августе, не помню, которого числа, приехал в Тихвин Император Александр Павлович, подъехал он в коляске вместе с гр. Аракчеевым прямо к Тихвинскому монастырю²⁸². Это было в полдни. Народа в монастыре толпилось множество, в числе мальчишек-зевак был и я. Государь подъехал ко вторым святым воротам с западной стороны, над которыми царем Феодором Иоанновичем²⁸³ построена небольшая церковь св. Феодора Стратилата. Подле этой церкви, к югу, устроен двухэтажный корпус с настоятельскими кельями, с северной стороны, подле церкви тоже двухэтажные кельи, занимаемые монастырскими казначеем и экономом; корпуса эти строены еще Иваном Грозным.

Государя бывший архимандрит Герасим встретил приветственную речь. Герасим в это время случайно приехал из Москвы; он жил уже на покое в Симоновом монастыре. После речи Герасим пошел с Императором в соборную церковь. Там настоятель обители архимандрит Самуил сказал

---

²⁸² Это было в 1823 г.

²⁸³ Феодор Иоаннович, сын Ивана Грозного, был русским царем в 1584—1598 гг.

тоже приветственную речь. После молебствия Император, приложась к иконе Богоматери, долго разговаривал, как будто со старым знакомым со старцем Мартирием, потом посетил его келью, оттоле архимандрит с Мартирием водили Императора в трапезную церковь — казать шебуевскую картину перенесения Божией Матери; на этой картине изображен несущим на руках икону Император Павел Петрович. Император долго смотрел на эту картину и благодарил архимандрита Герасима за мысль осуществить это событие на холсте; потом Император молился находящейся там иконе Божией Матери, принесенной из Старой Руссы. Икона эта более трех аршин ширины и около 5 аршин вышины; затем Император посетил настоятельские кельи, где была приготовлена закуска. Государь был весьма весел и много разговаривал с обоими архимандритами и старцем Мартирием, находящимся тут же возле Государя. — Из обители Государь поехал в отведенный ему дом купца Ивана Максимовича Калашникова. Из Тихвина Государь поехал по Ярославскому тракту.

Моя мать познакомилась с игуменией женского Тихвинского монастыря Таисией и нередко ходила к ней со мной. В одно время ходил я с матерью в находящийся в недалнем расстоянии от этого монастыря лес и на небольшое окруженное со всех сторон этим лесом озеро, называемое «Царицыно озеро», здесь [скрывалась] Царица Колтовская, супруга Грозного, во время нашествия на город Тихвин шведов, которые город и женскую обитель разорили, и только не могли они взять Тихвинского большого монастыря²⁸⁴. Во время осады этого монастыря в стане,

---

²⁸⁴ Описываемое нашествие состоялось в период Русско-шведской войны 1614—1617 гг., когда Швеция, захватившая области Великого Новгорода (ещё в 1610 г.), расширяла владения. Здесь имеются в виду события Ливонской войны 1558—1583 гг., но в это время шведы не заходили на территорию России так далеко: они ограничились взятием расположенных на южном побережье Финского залива Ивангорода, Яма и Копорья.

находившемся на южной стороне луга, называемом Таборы, на них вдруг нашло такое ослепление и иступление, что враги не узнали себя и боролись сами с собой, так что лишь малая часть их вернулась на свою сторону. На месте, где жила царица, поставлена небольшая часовня, куда она впоследствии часто ходила для богомолья. При своей жизни Царица возобновила обитель обширнее и лучше прежнего. Она потом со старицей Дарьей приходила поклониться в Ростов св. Леонтию и на гроб его приложила пелену, на которой вышита золотом и шелком Божия Матерь с св. Николаем, беседующая на упавшем на земле дереве с поповичем Юрьем. Старицу эту ростовский святитель Иоанн Власатый²⁸⁵ сопровождал в город Владимир. Царица померла в схиме под именем Марии, в лето 7091 мая в 16 день и погребена в притворе или паперти Соборной церкви Тихвинского женского монастыря.

Это передала моей матери в рассказе игуменья Таисия.

На месте дома, где жил боярин Василий Колтовский, отец царицы (незаконный сын кн. Василья Юрьевича Шемяки, рожденный от княгини Феодоры, дочери кн. Ивана Феодоровича Голенина Ростовского, супруги кн. Семена Юрьевича Вороны Ростовского)²⁸⁶, находилась кладбищенская деревянная церковь св. Иова многострадального; это я слышал из разговора с отцом моим тихвинского купца Ивана Тимофеевича Бередникова. Многие небогатые женщины ходили работать к нам на огород; одна из таких — солдатская дочь, у которой мать была полька, очень понравилась первостатейному тихвинскому купцу Якову Ивановичу Бередникову, который за красоту ее, невзирая на такое низкое положение, на ней женился

---

²⁸⁵ Иоанн Власатый (? — 1580) — ростовский блаженный.

²⁸⁶ Сведения о боярине Василии Колтовском, сообщаемые Артыновым, фантастичны.

и жил потом в великом согласии; имя этой солдатской дочери было Александра; я, бывало, часто на огороде с ней дрался.

Еще ходил к нам работать на огород старый гвардейский инвалид, по прозвищу Яков Питерец; он за какое-то преступление прислан был из гвардии в Тихвин под тамошний полицейский надзор. Он был мастер рассказывать сказки; я почти от него не отходил, особенно он хорошо рассказывал арабские сказки. После, когда я приобрел это сочинение в нескольких томах и стал их читать, то вспомнил давно уже умершего Якова Питерца. Он рассказывал тогда мне эти сказки точно по этой книге. Тихвинский купец Иван Тимофеич Бередников, кроме двух сыновей, имел еще дочь. Она была старше меня годами тремя или четырьмя. Мне тогда было с небольшим 10 лет; у матери моей с купцом Бередниковым дело было условлено, чтобы когда мы вырастем, то чтобы соединить нас браком; я хотя не часто, но ходил с матерью моей к Бередникову в гости и видал названную мою невесту. Она была ростом высокая и красивая, но я тогда ничего не понимал и разницы между ей и полькой Александрой или Шушкой (которая впоследствии вышла за брата моей невесты) никакой не знал, играли, ссорились и дрались также одинаково. Увы! время все изменило; я через год остался в Ростове; купец Бередников в это время помер; сын его Яков женился на сказанной выше польке Александре, а сестра его, моя невеста, вышла за господина казначея; фамилию его я теперь позабыл. Казенное казначейство тогда находилось в нижнем этаже дома купца Бередникова. Таким образом, условие старших не состоялось; видно, правду говорит пословица: «Человек предполагает, а Бог располагает». Впоследствии времени мать моя спрашивала о своем условии у образного старца Мартирия, но тот на это ей ответил молчанием, не сказал ни да, ни нет. Мне,

впрочем, и еще раз не удалось жениться; уже по совершеннолетию, когда поехал я получать деньги из Опекунского совета в Петербурге и по пути заехал в Тихвин к сестре и зятю. Они поселились уже там и сделались гражданами. Там они и нашли для меня невесту, одну дочь у отца одного из первых овощных торговцев по имени Степана Бусарова. Послали письмо в Ростов о согласии на этот брак моей матери. Я же между тем поехал в Питер, купил там черно-бурый мех, часы, стулья и кровать красного дерева; шубу и часы я и теперь ношу на себе, и мебель цела, только одной Бусаровой невесты нет; покуда я ездил, девица Бусарова пошла с какой-то пастушкой по обычаю гражданок помолиться Божией Матери в Тихвинский монастырь и вместо монастыря очутилась близ города с полуденной стороны в селе (имя села я забыл), там поп Тимофей, брат ростовского соборного протоиерея Андрея Тимофеевича Тихвинского, обвенчал ее с небогатым мещанским сыном без воли и тайно от отца, в то время подобные браки там были не редкость, а поп Тимофей, весьма жадный на деньги, венчал свободно такие браки, говоря: мне хоть с висельницы приди, обвенчаю, только дай деньги.

Впрочем, случай все-таки привел несколько исполниться желанию моей матери: она женила меня на купеческой дочери ростовского купца Федора Федоровича Бабурина, с которой я счастливо прожил двадцать восемь лет. Она умерла в 1860 году ноября 10 дня. Вступить в другой брак я отказался и не увлекался выгодностью партий, сравнивая это с лотереей, где не все билеты бывают с выигрышами, а чаще всего пустые.

Но возвращаюсь последовательно к рассказу.

В ноябре месяце моя мать с зятем Гаврилом ездили в Питер гостить к своей дочери Грачевой и была там около двух недель; я оставался в это время в Тихвине на огороде со старухой Прасковьей Ивановной и

сказочником Яковом Питерцем; это время я считал лучшее из моей жизни; сказки Якова Питерца, и притом все разные, лишь тогда и прекращались, когда я лягу спать или засну. Его сказки я слушал неумолимо и охотно.

При отъезде нашем в Ростов, в начале декабря месяца, мы ходили прощаться с Мартирием. Он благословил мать мою иконою Тихвинской Богоматери, которой, умирая, благословила потом и меня. Мне тогда Мартирий подарил письменник в двух частях, «кому какие писать письма». На первой части была им сделана надпись следующего содержания: «Петра Егорова Грузина». Жалко, что эта первая часть утратилась, вторая же сохранилась и до настоящего времени; еще не знаю, каким-то чудом сохранились у меня многочисленной переписки Мартирия с отцом моим два письма своеручные Мартирия 1813 года с подписью «образной иеромонах Мартирий Грузин». В это лето Мартирий обходился со мной так же, как и при отце; раздача Мартириевой муки происходила у меня по-прежнему; различные подарки и новая экипировка тоже, как и прежде, шла от Мартирия.

За неделю до Рождества мы приехали в Ростов на своих лошадях в двух повозках. По отчетам зятя Гаврила, отданным моим опекуном, оказалось, что лето было самое плодотворное для всех огородных овощей. Приезд Государя в Тихвин был в самый сбор всех плодов, и потому расход на плоды слишком велик, прилив же разного рабочего народа в город был огромный. Это произошло оттого, что приводились в благодидное состояние трактовые дороги на тех пунктах, где поедет Государь, и в самом городе устраивались проспекты и красились обывательские дома. Все это для торговли огородными овощами было очень прибыльно, так что у нас за всем расходом оказалось пользы более 6000 рублей ассигнациями. На всю эту сумму зять без всякого видимого документа, по одному будто бы

словесному желанию моей матери, взял себе, как и все огородное заведение; давно ведь уже сказано: «Греча не хлеб, а зять не кормилец».

В первой половине XVIII столетия в селе Угодичах был крестьянин Ларион Ларионов Подуруев; он близ села Угодич в урочище, называемом ныне Меленки, имел мукомольную мельницу. Велика ли, мала ли была эта мельница — история молчит, только память об этой мельнице сохранилась в селе Угодичах и в настоящее время, если кто много говорит, тогда скажут об нем: «Ну, замолол, как Подуруева мельница!» Худо ли, хорошо ли она молола, история тоже об этом умолчала. Вот теперь и, я думаю, скажут обо мне: «Ну, замолол, как Подуруева мельница!» И немудрено: дядя мой Михаил Дмитриев был женат на дочери Лариона Подуруева, по имени Марфа. Она была мне приемницей при св. крещении; но что кому до этого: я мелю свой помол, а не чужой. За хороший помол живые, может быть, скажут спасибо, Что помянул старину, которую они забыли, а потомки узнают о своих предках; крупно мелю, что делать, — посердятся, а все-таки как смолол, так и скушают.

Глава VI

В Тихвине. — Кончина архимандрита Самуила. — Новый архимандрит Иларион. — Его неосновательное подозрение на Мартирия. — Отказ Мартирия от обязанности образного старца. — Мартирий за монастырской оградой. — Разъяснившийся донос на Мартирия. — Дома, выстроенные Мартирием. — С. Грузино. — Аракчеевщина. — Легенда о князе «Перей Туча». — В Питере. — Происшествие с зятем. — Трагическая история громовского приказчика с купцом Парихиным.

По обычаю прошлых лет, в 1824 году зять Таврило собрался на пестрой неделе²⁸⁷ опять в Тихвин с купленным в Ростове товаром: семенами и луком; поехал он вместе с рабочими и со мной, мать же моя осталась в Угодичах. Летом жизнь моя текла однообразно, как и в прошлые годы. Я опять более занимался игрой с товарищами, нежели делом. Весну торговал в лавке семенами, а рядом угольная семенная лавка была крестьянина села Угодич Ивана Алексеевича Истомина, тестя ростовскому купцу Петру Андреевичу Веснину; этот старик Иван Алексеевич, сидя в лавке, в свободное время учил меня арифметике и рассказывал о моих предках: об отце крестном, Андрее Иванове Никонове, отце моей матери и о брате его Иване Иванове Никонове, о том, как они под покровительством генерал-майора Василия Алексеевича Карра²⁸⁸, брата помещика своего Филиппа Карр, открыли в городе Уральске торговлю панскими товарами во времена Емельки Пугачева.

Андрей Иванов после Пугача поселился в с. Угодичах, построил каменный двухэтажный дом, который и продал своему зятю Якову Артынову, моему отцу, а брат его Иван после Пугача поселился в Уральске со всем семейством, где и жил до самой смерти. В это время в Тихвинском большом монастыре произошла перемена: архимандрит Самуил по слабости здоровья был уволен на покой в том же Тихвинском монастыре, где он в непродолжительном времени и помер; вместо его вступил настоятелем архимандрит Иларион²⁸⁹ из Валаамского монастыря, человек постный и

---

²⁸⁷ Пестрая неделя — неделя перед Масленицей.

²⁸⁸ Генерал-майор В.А. Карр (1730—1806), посланный в 1773 г. против Пугачева, едва прибыв к войскам, поспешно отступил из-под деревни Юзеевки (Оренбургской губ.), сдал команду генерал-майору Фрейману и уехал в Москву, за что был исключен из службы с воспрещением жить в столицах.

²⁸⁹ Илларион (в миру Иван Андреевич Кириллов; 1776—1851) — архимандрит, с сентября 1823 г. настоятель Успенского Тихвинского монастыря.

скупой, щедрость Мартирия стала казаться ему что-то подозрительной, он начал с придиричивостью следить за поступлением доходов от иконы Богоматери, придираясь без всякого повода к медным грошам. Каково должно было это казаться Мартирию? Правя 17 лет должность образного старца, он не только никем и ни в чем не бывши замечен, но, напротив того, всей братии было видно, что доход от иконы при нем с каждым годом умножался, ввиду же этих неосновательных подозрений архимандрита Илариона, во избежание нареканий, старец Мартирий от должности образного отказался сам. 17 лет назад он принял при иконе разного драгоценного имущества на 6000 рублей, а сдал драгоценностей в камнях, золоте, серебре и жемчугах на 100 тысяч рублей. Всеобщий ропот братии смутил настоятеля и поставил его в неловкое положение; он было стал оставлять Мартирия опять по-прежнему в той же должности, но Мартирий остался непреклонен и не сдался ни на какие просьбы.

По условию с огородником монастырь отбирал для обители в число аренды известное количество гряд капусты. Казначей со старыми иеромонахами, числом человек 6, бывало, идут отбирать по договору капусту самую хорошую; после этого оставшуюся капусту огородник и будет уже продавать гражданам. В это время казначей в числе братии привел с собою и Мартирия; это всех очень удивило, как небывалое событие; точно как будто кто встал из могилы. По городу пошла молва, что Мартирий отбирал у огородника капусту; кто этому верил, а кто нет, зная хорошо, что Мартирий не выходил никогда и за первую ограду монастырскую, состоящую из жилых корпусов вокруг соборного храма внутри монастырской ограды, а не то чтобы Мартирий вышел за первую ограду, да еще на огород: так рассуждала публика. Каково же было Мартирию, который, точно живой мертвец, 17 лет не выходил за первую

ограду монастыря, а тут вышел и за другую ограду да еще на огород? По отобрании капусты потрудившейся братии была предложена роскошная закуска и изобилие питания.

Относительно подозрения архимандрита на Мартирия дело разъяснилось так: по словам иеромонаха и любимца Мартириева, эконома старца Антония, архимандриту было донесено иеромонахом, приехавшим с ним с Валаама, что Мартирий построил дом одной вдове не совсем хорошего поведения, и это показалось ему неприличным. На самом деле подобные постройки у Мартирия были не редкостью. О таких постройках знал прежде архимандрит Самуил и вся братия, но только архимандрит Иларион с своим доносчиком не знал то, что знал весь народ, и разговор об этом слышал и я. Когда Мартирий выстроит кому дом, то не было примера, чтобы в нем повторился разврат; обитательницы этого дома изменяли навсегда свою жизнь и делались почти монахинями или честно выходили в супружество; рассказывали, что были примеры возобновляющих прежнее знакомство в доме, выстроенном Мартирием; подходя к нему, они видели или какое-нибудь страшное Видение, или при входе в дом с ними приключалась болезнь, которая долго заставляла помнить дом, выстроенный Мартирием. Событие это было с упомянутым выше мещанином Колтовским. У него, кроме моего любителя товарища Ивана, был еще старший сын Петр и две взрослые дочери: Александра и Марья; с одной из них тихвинский городничий имел тесную связь несмотря на то что у него была жена красавица, другая же дочь была тоже развратная девка. Ходя работать к нам на огород, она иногда служила моей матери, стирала и мыла белье. В прошлом 1823 году брат Петр выгнал их из дома. Они обратились к Мартирию, и он поставил им дом, и в нем молодые еще девки стали жить как в монастыре; безукоризненная жизнь их известна стала всем. Знали это и

мы, так как они жили в этом доме недалеко от нашего огорода. Вот что значили Мартириевы дома. Они исправляли нравственность на всю остальную жизнь.

Мартирий оставил Тихвинский монастырь уже без нас, по нашем отъезде в Ростов. Он был переведен настоятелем в Филиппо-Ирапскую пустынь²⁹⁰, в Череповский уезд. Но об этом я расскажу в свое время.

В конце ноября зять Гаврило поехал со мной в Питер на своей лошади; путь наш был на село Грузино, имение известного любимца Императора Александра Павловича, графа Алексея Андреевича Аракчеева; на пути туда мы проезжали большим рябиновым лесом, где на деревьях было видно такое множество ягод рябины, что и сказать нельзя. Этот дикорастущий рябиновый лес удален был от населенных мест; проезжие рубили деревья с корня и пользовались вдоволь ягодами рябины, которая зимой и прямо с дерева имела особо приятный вкус; мы тоже, смотря на других, срубили дерево и набрали столько ягод, что лакомились досыта всю остальную дорогу и еще половину плодов привезли в подарок в Питер. Это имение графа Аракчеева заинтересовало меня своею оригинальною своеобразием; некоторые достопримечательные предметы удержались в моей памяти и до настоящего времени. Селения и деревни этого имения построены были весьма своеобразно, имея фасад домов на манер иностранной, но никак не русской архитектуры.

Дома были изящны и поместительны; по их виду вы думаете, что в каждом таком доме живет зажиточный крестьянин, а на деле совсем того не было, и теперь еще с ужасом и отвращением рассказывают про

---

²⁹⁰ Филиппо-Ирапская пустынь основана в 1517 г. Филиппом Ирапским в сосновом бору при впадении рек Большого и Малого Ирапа в Андогу (ныне Кадуйский район Вологодской обл.). В 1699 г. на месте пустыни был возведен монастырь, просуществовавший до 1927 г.

«аракчеевшину» потомки этих аракчеевских крестьян. Все дома построены были с большими, не крестьянскими окнами, с большими связями по лицу; сзади этих великолепных хором у крестьянина не было ни кола ни двора; особые люди ходили каждый день утром свидетельствовать домашний обряд хозяйки; чистота должна быть благородная: чашке, ложке и даже ухвату назначены были свои места; горе и истязание хозяйке, если дозор найдет что-либо против установленного правила. Каждое селение стояло в одну продольную линию, тянувшуюся иногда более версты; по обеим сторонам села или деревни были каменные, вроде городских, заставы со шлагбаумом и висящими на чугунных красивых приделках фонарями, и все это изящной и прочной работы. Столбовая дорога (шоссе) была обрыта канавами и поднята высоко. Версты гранитные, вроде пирамид, какие я видел в Петербурге по Царскосельскому проспекту времен Екатерины II. В каждом селении средину занимает полукруглая обширная церковь итальянской архитектуры, одинакового плана и фасада с высокой четырехугольной колокольней и высоким шпилем белого железа; полукруг площади ограничивают три каменные двухэтажные корпуса, покрытые железом. В одном из них помещается духовенство, во втором — вотчинное того села правление, тут же помещаются и судьи, если они другого селения или деревни; третий корпус — сельская больница, аптека и жительство фельдшеров. Проселочные дороги от деревни в деревню однообразные, столбовые только наполовину уже. Имение графа имело более 2000 душ мужеского пола, как передавал это хозяин постоянного двора села Грузина.

В одном из селений этого имения подле имения, подле церковной ограды, росло и зеленело огромное можжевельное дерево, пересаженное

графом на это место издалека, с расстояния нескольких верст; штамба²⁹¹ ровная и гладкая до его сучьев была около четырех аршин; толщина этой штамбы, как я сам мерил, без малого моих два обхвата (мне тогда было 11 лет); вершина его с самый большой стог сена, была густая и зеленая. Ограда церкви для этого дерева была сделана полукруглая. В самом Грузине водил меня престарелый хозяин постоянного двора, показывая мне достопримечательности. Впрочем, теперь я все уже забыл, даже не помню, какой был дворец гр. Аракчеева, как называл его мой вожатый, а помню только круглый бельведер этого дворца и флаг, высоко развевавшийся над бельведером, вероятно, хозяин был дома. Еще помню обширный парк и везде между флигелями дворца чугунные решетки, тесаный гранит и панели из плиты, посыпанные, как в Петербурге, песком; еще помню высокий в виде горы холм, на котором на чугунных столбах стоял круглый балдахин с железною невысокою по железным стропилам крышею. Под этим круглым балдахином, на гранитном пьедестале, стоял колоссальный бронзовый крест в виде римского X или русского X, на котором был распят св. ап[остол] Андрей Первозванный. Фигура его была колоссальная, много больше роста человека: это, как мне сказали, был дар Императора Александра I графу Аракчееву.

По словам моего путеводителя, на этом холме стоял терем новгородского князя Перея-Гучи²⁹², у которого сын был опасно болен; кто-то сказал отцу, что он излечится только кровью и водой; вследствие этого находящиеся тут жрецы убивали всех странных, плывущих рекой Волховом, и кровью их мазали больного, кровь потом смывали водою реки Волхова; в

---

²⁹¹ Штамба — ствол.

²⁹² Перея-Гуча — легендарный новгородский князь начала нашей эры. Легенды, которые приводит о нем Артынов, — его собственная выдумка.

числе странных взят был и св. апостол Андрей Первозванный, едущий по реке Волхову в Ладожское озеро. Когда привели апостола к Перею, то болящий сказал отцу, что этот странный исцелит его от болезни. Так и сбылось. Апостол одним словом исцелил болящего, крестил в христианскую веру и приобщил телом и кровию Искупителя весь дом князя Перея-Тучи. Так исполнилось предсказание, что от воды и крови исцелен будет сын Перея-Тучи. После уже в 1840 году я, списывая рукопись стольника Андрея Богдановича Мусина-Пушкина²⁹³, встретил в ней следующее: «Князь Перей-Туча получил себе имя Иоанна, которого апостол рукоположил во иерея новокрещенным им христианом, а брата княжего Мунга Германа апостол на корабль взял с собою и оставил его проповедовать веру Христову язычникам на острове Валаам на том же море Неве находящемся. Жрецы, изгнанные Переем-Тучей с бесчестием из дому, воздвигли против его в Новеграде великую крамолу, от которья он ушел в Ростовскую область к другу своему князю Землесилу со всем домом своим и со всеми христианами паствы своей и поселился с ними на берегах реки Могилки». Спустя после этого несколько лет, случай привел меня списывать у ростовского гражданина Петра Васильевича Хлебникова список князей Ростовских, где они жили в своих уездах. Рукопись эта была в четвертку начала XVII века; там опять встретилось следующее: «На берегу речки Могилки на том месте, где стоит ныне деревня Перово, по преданию старины стоял терем князя, Землесила, в котором поселился новгородский князь Перей-Туча, которому на р. Волхове в его тереме св. ап[остол] Андрей Первозванный воскресил умершего сына и крестил князя Перей-Тучу со

---

²⁹³ Далее в воспоминаниях Артынов указывает, что отыскал рукопись Алексея (а не Андрея!) Богдановича Мусина-Пушкина (неизвестно куда "пропавшую" в 1856 г.) не в 1840-м, а в 1842 г. Приведенная далее цитата из этой рукописи, по всей вероятности, является фальсификацией, а сведения о князьях Щепиных(?) - выдумкой.

всем домом его; брата князя Перея Мунгу оставил проповедовать слово истины на море Неве, на острове Валааме. В этом же селении Перово в XV—XVI веках князь Борис Федорович Щепин построил терем, в котором старший сын его, кн. Федор Борисович, выдавал дочь свою Лукерью за кн. Ивана Ивановича Приимкова».

Но возвращаюсь опять к Грузину. Помню еще великолепно сделанную из гранита пещеру, или грот, в котором стоял ветхий рыболовный челн, во многих местах замазанный глиной; в нем лежали ветхие же два весла; на этом челне император Александр Павлович один переехал через реку Волхов к графу Аракчееву, на правый берег с левого, где оставил свиту свою, сам греб этими двумя веслами и переехал реку благополучно. Спуск к реке Волхову на правом ее берегу, близ дворца графского, сделан весьма отлого и очень удобен; спуск [защищен] этот каменными высокими стенами и вместо перил покрыт чугунными плитами. Более про село Грузино я ничего не помню²⁹⁴.

Приехавши в Питер, зять мой остановился на постоялом дворе у Мосягина под Невским близ Лавры, а я у сестры Грачевой, на собственном их огороде, подле Измайловского парада. Гостить мне было весело; три раза водили меня в большой театр, близ Николы Морского, в эти три раза играли пьесы: «Сын любви», «Гамлета» и комедию «Ябеда»²⁹⁵. Зять мой купил для Ростова в лавке Буренина сахару; Буренины в то время ездили на ярмарку в Ростов, где торговали сахаром, деревянным маслом и кубовой краской. Лавка их была в Питере у «пяти углов» близ Владимирской. Года через четыре нужда была мне быть у этих пяти углов; не зная хорошо

---

²⁹⁴ Подробнее о Грузине см.: Аракчеев: свидетельства современников. М., 2000. Описание Грузина Артыновым в эту книгу не вошло.

²⁹⁵ «Сын любви» (1791) — драма А. Коцебу; «Гамлет» — трагедия В. Шекспира в переложке С.И. Висковатова; «Ябеда» (1798) — комедия В.В. Капниста.

местоположения улиц, я вместо пяти углов нанял подешевле деревенского неопытного извозчика везти себя на «шесть оглобель». Долго ездили мы с ним по Питеру и не могли найти места «шести оглобель», которого в Питере совсем и нет. Смотрел я еще, как под Исаакиевский собор устраивали деревянный бут, били сплошные сваи и на них настилали из толстых тесаных бревен плоты, а потом клали гранитный камень и плиту для фундамента²⁹⁶. Площадь Исаакиевского собора и близлежащие места завалены были мрамором, разобранным из бывшего построенного уже прежде собора.

Замечательное событие случилось в это время с зятем нашим Гаврилом в бытность его в Питере. В одно время он был в гостях у товарища своего по Ростову, Федора Максимовича Плешанова²⁹⁷, который правил делами по Петербургу от фирмы Плешанова; квартира его была под Невским, близ Александровского деревянного рынка; зять просидел у него долго и поздно вечером пошел от него на постоянный двор. Дорогой на легковом извозчике²⁹⁸ наехали на него два жандарма, набросили ему на голову толстое покрывало, посадили в сани и велели ему молчать, если хочет жив быть, и таким образом привезли его на небольшой двор, среди кругом обстроенного высокого Дома; там провели его по черной лестнице в довольно хорошую комнату, где сидели за столом с роскошной закуской генерал с густыми эполетами, с орденами и звездой; рядом с генералом

---

²⁹⁶ Исаакиевский собор, главный храм С.-Петербурга (во имя Исаакия Далматского, память которого чествуется в день рождения Петра Великого), был начат строительством в 1768-м (по проекту Д. Ринальди) и достроен, по измененному проекту, в 1802 г. В 1817 г., после конкурса, был утвержден проект нового собора (О. Монферрана); постройка его растянулась до 1858 г. Артынов застал самое начало строительства.

²⁹⁷ Плешанов Ф.М. — отец Павла Федоровича Плешанова (1829—1882), исторического и портретного живописца, академика.

²⁹⁸ То есть на легких извозчицких дрожках.

сидела великолепно одетая дама и, весело смеясь, вела разговор, в углу на полу лежал без движения лицом вниз и стонал, вероятно, только что жестоко наказанный человек. Полотняная его сорочка была вся в крови и на спине вся в лоскутках; тела у лежащего было совсем не видно, оно было все избито и виднелась одна запекшаяся кровь.

Генерал приказывает моему зятю отвезти избитого на его квартиру, говоря что кучер знает ее, и затем велит молчать о виденном, говоря, «что и тебе то же будет».

Дама же с генералом в это время все шутила и смеялась над избитым говоря, что другой раз к ней не придет. Жандармы набросили на избитого какой-то старый ватный халат и, вынеся из дома, посадили в сани, велев зятю его поддерживать; кучер полетел стрелой по разным улицам и переулкам и наконец остановился перед одним тоже большим домом, сказав, что здесь квартира избитого седока. Дворник сразу узнал своего постояльца и со слезами понес с зятем в занимаемую им довольно просторную и чистую квартиру. Какой-то человек, вроде приказчика, очевидно ожидавший своего хозяина, увидел его в таком положении и с ужасом закричал, да и зять мой пришел в великое удивление и жалость, когда по снятии халата, он узнал в измученном своего знакомого, тихвинского купеческого сына Парихина, имевшего в Тихвине свои скотные бойни и торговлю свежей и соленой говядиной, которую он поставлял в Петербург; Парихин был человек зажиточный; я уже выше упоминал о нем при посещении Никольского монастыря.

Событие это, как разъяснилось, было следующее: молодой Парихин (кажется, Алексей Григорьев) был один сын у отца, молодец рослый и красивый; его я часто видал, ходя с поручением от зятя Гаврила в дом отца его, купца Парихина. Он свел близкую связь с содержанкой одного из

приказчиков купца Громова; барыня эта вела дела свои искусно; соперники ничего друг о друге не знали; в одно время Парихин чем-то остался недоволен своей любовницей и, прибив ее, ушел; вскоре пришел содержатель ее, громовский приказчик, и застал ее в слезах; она рассказала, что приходил к ней молодой купчик, хотел ее обольстить, а за непокорность ее прибил, при этом указала и квартиру Парихина. Дня через два после этого вдруг на квартиру Парихина, ночью, приезжает генерал в орденах и со звездой, в сопровождении двух жандармов и требует его к генералу Милорадовичу²⁹⁹, начальнику столицы. Парихин перепугался, увел генерала в свою контору и, дав ему значительную сумму, просил сказать, зачем он потребовался. Тот успокоил его тем, что, вероятно, у генерала встретилось в его фамилии какое-нибудь недоразумение и что дело все пустяки. Парихин оделся прилично, надел енотовую хорошую шубу и, взяв с собой на случай еще немало денег, поехал с генералом вместе; жандармы же отправились на другой лошади сзади. Парихина привезли в неизвестный ему дом; любовница, которую бил Парихин, вышла встретить его со свечкой, а генерал спросил: этот ли твой обольститель, оскорбивший тебя так жестоко? Та сказала, что он самый. Тогда по знаку генерала два здоровых жандарма бросились на Парихина, повалили на под, раздели до рубашки и избili ленок³⁰⁰ до полусмерти. Шуба и взятые Парихиным деньги остались у генерала, который оказался мнимым. Полиция с зятем нашим ходила на квартиру, где жила эта женщина; квартира оказалась, но только не та, где происходило сказанное событие. Женщину эту зять наш хотя и признал за ту самую, которая компанировала с генералом, но она отозвалась неведением и

---

²⁹⁹ Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), граф — генерал, герой Отечественной войны, с 1816 г. — генерал-губернатор С.-Петербурга.

³⁰⁰ Ленок (яросл.) — витая веревка, изготовленная из сухожилий.

призвала в свидетели жильцов-соседей, которые показали, что в сказанный вечер она была у одной из жилищ на именинах и никуда не выходила.

Больного Парихина привезли к отцу в Тихвин, где он, быв недолго болен, помер. После были слухи, что генерал, взявший Парихина, и был приказчик Громова, а жандармы его товарищи, тоже громовские приказчики. Полиция, получая от самого Громова большие приношения и «праздничные», хотя и знала о сем событии, но дело замяла. Да такие ли не только тогда, а еще и в недавнее время, делались дела в полиции и все было за деньги шито да крыто.

Глава VII

Переселение мое в Ростов. — Скрипка. — Ряженые. — Поп с рогами в Петербурге. — Рассказы Андрея Гавриловича. — Угодические крикуши. — Вернейшие средства излечения этого недуга. — Огородник Савков. — Не осуждай и не осужден будешь. — Воинский постой в нашем доме. — Определение меня в лавку к ростовскому купцу Малышеву. — Проказа фокусника Пинетти в Петербурге. — Торговля и купцы в Ростове за полвека до сего времени. — Купеческая стоянка и ораторы старожилы. — Предсказание Давыдушки юродивого. — Ростовский гордец в Питере. — Рукописи и ростовские летописи. — Судьбы этих рукописей.

По приезде из Питера в Тихвин зять мой скоро собрался ехать в Ростов на своих лошадях, куда мы и приехали благополучно, и я навсегда оставил и город Тихвин, и все тамошнее наследие моего родителя; конечно, по малолетству моему это было нечувствительно; я тогда жалел более всего о скрипке, которую подмочили в повозке, переезжая через Волгу около

города Углича; это случилось по причине бывшей тогда оттепели и появления на льду воды.

Скрипка эта досталась мне следующим образом. Во время лета приезжал в Тихвинский монастырь молиться больной капельмейстер петербургских театров и остановился в монастырской гостинице, в монастырской ограде, напротив нашего огорода; он часто ходил на огород за покупкой овощей; познакомься с моим зятем, он пожелал обучить меня играть на скрипке, и до отъезда нашего в Ростов он учил меня месяца два; способности мои удивляли его; на прощание он подарил мне свою скрипку и новую азбуку Моцарта — книгу большую и в переплете. Скрипка от подмочки расклеилась, столяры наши, поправляя ее, совсем испортили, и я потом уже не играл. Несколько лет тому назад эту скрипку и с азбукой подарил я своему приходскому дьякону Василью Степанову Прозорову и не знаю теперь — жива ли она у него или нет.

Рождественские праздники прошли так же, как и в прошлые годы, после которых нечувствительно приблизился и новый год. Были у нас ряженные, один парень нарядился чертом с рогами и весьма нас, детей, пугал. Говоря об этом ряженном черте с рогами, припоминаю я и следующий случай. Незадолго до нашего отъезда из Питера пришел я к своему зятю под Невской и увидел там перед воротами Невской лавры великое множество карет и других различных экипажей петербургской аристократии, а также и бесчисленное множество народа. Такое стечение повторялось уже не один день. Собравшийся народ требовал от митрополита показать попа с рогами. Увещания митрополита, что никакого попа с рогами у него нет, не удовлетворяли публику; она еще больше требовала показать ей попа с рогами. В числе зевак очутился и я с зятем Гаврилом; впрочем, как нас, так и всю публику недолго заставили ждать. Вскоре приехало несколько частей с

пожарными трубами и стали разгонять, обливая из рукавов водой и кареты и пешеходов; тем вся эта процессия и кончилась. Впрочем, в народе долго и много было об этом различных толков и все не в пользу духовенства. За несколько дней перед этим кем-то была пущена в столице следующая утка: в одном селении Новгородской губернии крестьянин нашел клад и будто бы довольно немалый. Крестьянин почему-то стал просить местного попа окропить его святой водой. Поп отложил это до утра. В полночь под окно крестьянина приходит поп, переряженный чертом с рогами, и требует своего клада как бы обратно; испуганный крестьянин отдал найденный клад, с которым поп и ушел от окна. Придя домой, поп поскользнулся и упал головой на шкуру убитого им козла, и когда встал, то увидел, что козлиная шкура крепко приросла к его телу, а надетые раньше на голову козлиные рога не отставали. Затем будто бы поп в таком виде и приведен был ко владыке, чему были и самовидцы, которые видели, как везли попа с рогами в Невский монастырь. В истину этой басни верила вся столица и съезжалась смотреть попа с рогами. В числе других и мы с зятем, облитые водой, ушли на постоялый двор Мосягина, не выдав попа с рогами.

Новый 1825 год, по обычаю сельскому, мать моя праздновала со мной в селе Сулости у свата Андрея Гаврилова Грачева, который, как я уже говорил, был красноречивый рассказчик разных событий. Вот два его рассказа, удержавшиеся с того времени в моей памяти: одного недоросля, крестьянского сына села Сулости, проезжие попросили указать дорогу к Ярославлю; он охотно согласился, сел рядом с кучером на беседку и поехал с ними проводить только до околицы, но, проехав дальше, так и пропал; только ярославская полиция через несколько дней нашла его сидящим на плоту реки Которосли в Ярославле. По его изнуренному и растерянному виду, растерзанных и избитых от ходьбы ног, его взяли в больницу, где он

нескоро и образумился. Когда пришел в себя, то сказал, кто он и отколе, и как с проезжающим выехал только за околицу села показать дорогу, и как во время этой езды он услышал благовест колокола и перекрестился. В этот момент проезжающие и лошади исчезли, и он увидел себя на плоту. Колокольный звон гудел во многих местах, и он не знал, где находится, и чувствовал болезнью в подошвах, которые не давали ему встать на ноги.

Грачев рассказывал еще о крикушах³⁰¹, которые в селе Сулости были тогда в моде и их называли порченными. Эти крикуши каждый праздник, во время херувимского пения, бесились своеобразно и обдуманно выкликали по именам тех, кто их испортил, или ввали что-либо на своих домашних. Выкликали они в особенности в великую субботу Страстной недели, когда понесут плащаницу, или во время приобщения св. Тайн. Из числа таких-то крикуш и была крестьянка села Сулости, жена питерского огородника ДМИТРИЯ Дмитриевича Совкова, соседа по селу Сулости Андрею Грачеву. Раз она была с мужем за обедней в прежней деревянной церкви св. великомуч. Екатерины, близ Калинкина моста в Питере, где и открыла было неслыханное там свое искусство; но Питер не Сулость: там ее взяли как больную в находящуюся тут Калинкинскую больницу, где съехался целый консилиум докеров для дознания причины такой болезни. Доктора так заинтересовались Этой болезнью, что муж крикуши с немалым трудом и тратой денег выручил Из больницы свою супругу, которая от такого переполоха исцелилась навсегда от своей болезни.

У нас в Угодичах такие проделки крикуш прекратил тоже навсегда становой пристав Виктор Иванович Тараканов; раз как-то за обедней в день

---

³⁰¹ Крикуши — кликуши, женщины, больные нервным истерическим заболеванием, которое выражается в судорожных припадках, сопровождаемых резкими криками и взвизгиваниями.

св. Пасхи было много причастников и причастниц, мастерицы кричать в числе нескольких начали целым хором показывать свое искусство; пристав строго приказал им молчать или идти под арест; что же случилось? Нечистый дух не захотел быть под арестом и замолчал; с тех пор, благодаря становому приставу, нынче нечистый дух к нашему женскому полу уже не касается.

Сказанный выше огородник Совков был человек богатый, был весьма горд и своенравен, мечтал быть великим человеком, имел на огороде большие артели рабочих людей, которых когда рядил, то всегда спрашивал: вино пьешь? табак куришь? и если кто был подвержен этим слабостям, то такого работника не рядил, а прогонял без всяких разговоров. В настоящее время он старик 80 лет и сам подвержен всем тем слабостям, которые порочил в других; теперь, пьянствуя и куря в кабаках, он живет в селе Сулости в самом бедственном положении и притом в чужом доме. Вот каково осуждать пороки ближнего!

С Нового года сельское правление у нас в доме отвело квартиру начальнику батареи, стоявшей в Угодичах. Квартирант-полковник весьма любил меня и подарил мне крест св. Анны с номером, какой носили нижние чины за непорочную службу, и медаль 1812 года. Обе эти вещи хранятся у меня и в настоящее время. Во время Ростовской ярмарки купили мне барабан полковые барабанщики, научили меня бить тихий и скорый марши и зорю. Я часто перед своим домом вместе с ними бил вечернюю зорю; это весьма занимало нашего постояльца, особенно когда я украшал свою грудь двумя сказанными медалями. Постоялец наш был холостой и очень добрый человек; звали его Егор Савочкин, и стоял он потом у нас в доме много лет, по неимению в селе более приличных квартир.

После Ростовской ярмарки, в апреле, мать моя отдала меня в мальчишки свату своему, ростовскому купцу Василью Ананьеву Малышеву, в овощную лавку, в которой торговал его второй сын Константин Васильев; жить мне, как родственнику, было там хорошо, и мать моя часто брала меня гостить в Угодичи, где я проживал иногда по неделе, наслаждаясь полнейшей свободой и беспрепятственно детскими играми с своими товарищами. Хозяин мой Малышев был поставщиком чего-то во дворце в то время, когда был там знаменитый магик, кажется, Пинетти³⁰², которого он хорошо знал лично. Об этом магиике из рассказов хозяина я удержал в памяти только следующее: в одно собрание, в доме какого-то знатного вельможи, где Пинетти показывал свое искусство, будто бы несколько бывших знатных дам и фрейлин вдруг сделались как Евы до грехопадения. Магик всю их одежду моментально снял и развесил по стенам залы. Это весьма оскорбило вельмож, и ему велено было немедля выехать из столицы, причем полиции было приказано сообщить, куда он выедет, то есть чрез какую заставу. Что же? Губернатору были поданы рапорты из всех застав, что Пинетти выехал из них в один час, в одни минуты и, судя по описанию, в одинаковом экипаже.

Теперь я обращусь к Ростову, каким встретил его за 57 лет сему назад. Весь Гостиный двор, лицевая полуденная сторона и все внутренние темные ряды были, как и ныне, частных владельцев — ростовских граждан; лицевая полуденная сторона средним проходом в темные ряды разделялась на две равные половины: с юго-восточного его угла производили торговлю следующие личности: 1) лавка Федора Семеновича Шестакова; 2) Николая Николаевича Дьячкова; 3) Василья Афанасьева Малышева. Между этими

---

³⁰² Пинетти ди Вильдалле Джулио (1750—1800) — итальянский фокусник, чьи гастроли в Петербурге в 1800 г. проходили с большим успехом.

лавками был проход в темные ряды: 4) Ивана Семеновича Пономарева-Лобанова; 5) Федора Михайловича Земского; 6) Анны Нефедьевны Молявкиной; 7) Алексея Васильева Малышева; 8) Ивана Григорьева Щапова; 9) Осипа Ивановича Пономарева-Лобанова; 10) Александра Яковлева Горбунцова; 11) Михаила Семеновича Пономарева-Лобанова; 12) Евграфа Иванова Кайдалова; 13) Диомида Ивановича Глазкова; 14) Марфы Ивановой Шестопаловой или Юровой. Западную половину занимали мучные лавки; из них лучшие торговцы были два брата Рыбаковы, Петр и Иван Ивановичи Малыгины и разные другие мелочные торговцы*.

На противоположной стороне Гостиного двора перед Спасской церковью стояли два корпуса дощаных лавок, где торговали пряниками и разной бакалеей, и еще небольшой корпус таких же лавок лицом на восток; тут торговал один из первых тогда торговцев, Василий Иванов Хранилов; у восточных же ворот Кремля было несколько таких же дощаных лавок, где торговали сайками, несколько обжорных лавок, где продавали жареную баранину и Рыбу; против северо-восточной башни было несколько живорыбных полок без всяких навесов. У северо-восточной башни была съестная харчевня, также одноэтажная харчевня с продажей чая и водки была в северо-восточном углу соборной ограды; более никаких помещений не было на всей Спасской площади.

Торговцы железными товарами, Яков Федорович Рыкупин и Федор Ильич Бабурин, помещались против корпуса лавок, за Храниловым, в каменном здании, принадлежавшем различным частным владельцам. Под трактиром Алексея Дмитриева Соколова, под всеми жилыми домами обывательскими были торговые ярмарочные лавки с передовыми перед лавками галереями, какие под некоторыми домами кое-где видны и в настоящее время, а прочие давно уже превращены в лавки.

Торговцы панскими товарами торговали в темных рядах; проходы к ним были с южной и восточной сторон, так, как и ныне. Торговля этими товарами была только в базарные дни: вторник, четверг и субботу, и то только до половины дня, потом все запирались.

Весь торговый оборот был тогда против настоящего не более как десятая часть, а пожалуй, и того менее. Торговля в овощной лицевой линии была самая ничтожная в сравнении с настоящим временем, кроме двух лавок купцов Пономаревых, Ивана и Михаила Семеновых, торговавших, как и прочие, только в базарные дни, т.е. во вторник, четверг и субботу; в прочие же дни торговцы хотя и выходили на несколько часов в лавки, но покупателей никого не бывало, а потому они только вели между собой разговоры про старину и другие предметы.

Товарищей у меня было трое: два сына Федора Семеновича Шестакова, Федор и Николай, и сын Анны Нефедьевны Малявкиной Алексей. Игра в шашки была тогда в нашем ряду в большой моде, и играли все от старого до малого. Непобедимый игрок был Федор Михайлович Земской, и самый веселый говорун и юморист при этой игре был Николай Николаевич Дьячков (отец московского купца Алексея Николаевича Дьяčkова, известного московского благотворителя по приюту для детей сосланных в Сибирь преступников). Он меня очень любил. Ростовское передовое купечество в описываемое мною время собиралось почти каждодневно в кружок на стоянку и всегда против лавки Малышева; вот имена этого сборища, или купецкой «биржи», собиравшейся под открытым небом. Личности этих купцов, теперь уже покойников, и в настоящее время я могу передать в точности: Василий Михайлович Хлебников, Алексей Иванович Хлебников-Горноусов, Андрей Абрамович Титов, Максим Михайлович Плешанов, Федор Борисович Мясников, Иван Борисович

Мясников, Федор Алексеевич Кекин, Михаил Алексеевич Кекин, Иван Иванович Балашов, Алексей и Иван Гавриловичи Малышевы, Петр Петрович Чикин, Михайла Алексеевич Кайдалов, Федор Дмитриевич Пичугин, Иван Иванович Мокеев, Алексей Васильевич Щапов, Федор Семенович Шестаков, Алексей Алексеевич Говядинов, Андрей Андреевич Мальгин, Леонтий Андреевич Мальгин, Никита Андреевич Иванов-Карачуновский, Александр Иванович Щеников, Евграф Иванович Серебренников, Иван и Андрей Петровичи Маракуевы, Иван Якимович Гонов, Дмитрий Алексеевич Хлебников, Иван Афанасьевич Малышев, Никита Андреевич Нарядчиков, Сергей Александров Фигурин, Дмитрий Алексеевич Маскалев и Иван Андреевич Толоконников. В полном составе господа эти сходились не часто, но каждодневно их бывало не менее 10 человек из вышепоименованных лиц.

К слову пришелся анекдот о сыне Толоконникова, тогда первого ростовского суконного торговца. Иван Андреевич Толоконников имел двух сыновей: Федора — моего товарища и Димитрия. Димитрий вел себя весьма неважно и любил щеголять. Раз в летнее время Димитрий шел к себе в лавку, и против самой нашей лавки Малышева набежал на него сзади юродивый Давыдушка и стал упрекать его, говоря: «Разве ты не видишь: и Государь стоит с открытой головой; а ты в шляпе»: и снял с него шляпу. Толоконников сконфузился, взял из руки Давыдушки шляпу и ушел к себе в лавку. Давыдушке он на это ничего не сказал, ибо в Ростове все считали его за святого.

Что же значили слова Давыдушки? Прошло с тех пор немало годов (я уже был женат), как раз мне случилось летом, перед Нижегородской ярмаркой, быть за покупкой на эту ярмарку сахару и деревянного масла в Петербурге. Будучи с одним торговцем этих товаров в трактире, я беру

«Северную пчелу» и случайно встречаю статью под названием «Ростовский гордец»: это меня заинтересовало. В ней было следующее: при спуске корабля в малом адмиралтействе, в присутствии Государя Императора, во время молебного пения все стояли с обнаженными головами и только один, как бы на отличку, стоял в шляпе. Государь заметил это и велел эту личность убрать; по справке оказалось, что это был ростовский купеческий сын Дмитрий Иванов Толоконников. Дело становилось нешуточное, однако Государю было представлено, что это человек молодой и иногородний, не знающий обычаев, притом же еще и пьяный. Император приказал его отпустить и назвал «Гордец ростовский». Тут-то я вспомнил слова Давыдушки. Долго этот номер «Пчелки» сохранялся у меня, и не знаю, куда девался³⁰³.

Сказанная выше купеческая биржа часто вела речи о старине. В то время ростовских летописей было в изобилии, и почти у каждого было по многу разных старинных рукописей. Нарочитая и самая лучшая рукописная библиотека древних списков была у Федора Семеновича Шестакова³⁰⁴. Об этих рукописях и событиях в стоянке между любителями старины бывали сильные споры, и их всегда разрешал Федор Семенович. По своей начитанности и красноречию он был живая история древнего Великого Ростова. Я хотя и видал приносимую им иногда для разрешения споров

---

³⁰³ К этому месту А. Титов сделал следующее примечание: «Случай этот известен и нам. Мы слышали от сына Толоконникова Н.Д., служившего за тем около 20 лет у нас. Он передавал, что отца его Д.И. высекли за это в III отделении и затем отправили в Ростов».

³⁰⁴ К этому месту А. Титов сделал следующее примечание: «Рукописей в начале XIX ст[олетия] в Ростове действительно было много. Покойный ростовский гражданин А.И. Щеников, умерший в начале 60-х годов в глубокой старости, рассказывал нам лично, что вскоре после перевода митрополии из Ростова в Ярославль 1785 г. свитков и рукописей валялось в башнях и на переходах архиерейского дома целые вороха. И он, бывши в то время мальчиком, вместе с товарищами вырывал из рукописей заставки и картинки, а из свитков золотые буквы и виньетки и наклеивал их на латухи».

рукописную книгу довольно почтенной толщины, писанную полууставом, но по малолетству своему не обращал на нее внимания. Впрочем, нередко с его детьми — Федором и Николаем, кое-как разбирая, читывали, разумеется в отсутствие хозяина. Меня более занимал словесный рассказ его о князьях Гостовских. Случай привел меня в 1829 году торговать уже на отчете у того же Василья Малышева, но через четыре года много изменилось: Федор Семенович помер, дети его куда-то разъехались, лавку занял Василий Иванович Путилов; прежнюю же лавку Малышева подле прохода, где я был первоначально, занял Федор Михайлович Земсков; знаменитая же рукописная книга, как мне передавали, поступила Петру Ивановичу Попову по праву какого-то родства с Шестаковым, что я слышал впоследствии от дочери Петра Ивановича, старой девицы Павлы Ивановны, но об этом будет речь впереди. Куда теперь девалась эта книга — неизвестно. Вероятно, как и многие другие рукописи, утрачена. Немало рукописей сгорело у П.В. Хлебникова во время сильного пожара в Ростове. Весело вспомнить обычаи старинных торговцев, которым много было свободного времени: сидя на галерее и чаще у лавки Дьячкова. Чего тогда они не переговорят между собою! Была бы только охота слушать.

Глава VIII

Наводнение в Петербурге 1824 года. — Епископ Августин на обеде у ростовского купца Плешанова. — Устройство Плешановым Троицко-Варницкого монастыря в Ростове. — Смерть Императора Александра I. — Присяга в Ростовском Успенском соборе Константину Павловичу. — Другая присяга Николаю Павловичу. — Ростовские кладоискатели. — Неудача их поисков. — Фокусник в Ростове. — Архиерейские старые

конюшни. — Казармы и их строители. — Судьба этих казарм. — Моя тетка Татьяна. — Ее старинные песни. — Машрюк Темрюкович и князь Воротынский.

В начале мая приехала из Питера моя сестра Настасья с своей грудной дочерью Татьяной. Будучи беременна, она спасалась на крыше во время наводнения, бывшего 7 ноября 1824 года, держась за дымовую трубу своего дома, который чуть не весь был покрыт водою; только одно чудо спасло ее от несомой сильным ветром барки, едва не коснувшейся роковой трубы, за которую она почти в беспамятстве держалась. Она потом и дома, на своем озере едва не подверглась той же участи; это было в день Вознесения Господня и в день обретения мощей св. Леонтия (23 мая)³⁰⁵. В сильную бурю едва не опрокинуло лодку с народом, где сидела и она, возвращаясь из Ростова в Угодичи. В этот день в соборе было особое празднество по случаю освящения царских врат, которые были обложены новой чеканной серебряной позлащенной ризой. В августе месяце сего 1825 года был именинник Максим Михайлович Плешанов, которого по св. Максиму блаженному прозвали во хмелю блаженным. Во время именин в числе гостей Плешанова были: епископ Августин³⁰⁶ и Василий Афанасьевич Малышев; последний, придя домой со этого пиршества, сказывал нам, что «Максим блаженный», напившись, обругал всех гостей, в том числе и архиерея Августина, укоряя его бедностию, и ударил по лицу. После, опомнившись, пошел на мировую; как всем известно, Плешанов, прося

---

³⁰⁵ Вознесение — 40-й день после Пасхи, «переходящий» церковный праздник празднуется в период с 1(14) мая по 3(16) июня). В день, совпавший с Вознесением 23 мая, праздновалось обретение мощей св. Леонтия, епископа Ростовского, знаменитого проповедника христианства среди язычников (XI век).

³⁰⁶ Августин (в миру Михаил Степанович Сахаров; 1768—1841) — епископ Оренбургский и Уфимский в 1806—1818 гг. В 1818—1837 гг. жил в Варницком монастыре под Ростовом.

прощения, обещал выстроить теплую каменную церковь вместо ветхой деревянной в Троицком Варницком монастыре, где Августин жил на покое, что он и исполнил впоследствии, не жалея денег³⁰⁷.

В сентябре месяце Василий Афанасьев купил другую половину отцовского дома у брата своего Ивана Афанасьева Малышева, который с двумя сыновьями, моими товарищами, Александром и Леоном, и дочерьми Марьей и Александрой, по желанию тестя своего Ивана Борисовича Мясникова, переселился в Москву. В конце ноября месяца, по смерти Государя Императора Александра Павловича, в Ростовском соборе всем без различия возраста людям мужеска пола была присяга Императору Константину Павловичу, которому и я, хотя и малолеток 11 лет, подписывался на присяжном листе. Не помню, через сколько времени, только вскоре была другая присяга Императору Николаю I. Эта присяга для народа обошлась без подписи и целования креста и Евангелия, а только прочитали в соборе присяжный лист и подписывали тогда его одни лишь служащие статские и военные. Больше же никому подписываться не предлагали. Что за причина была сему, я не знаю, хотя,

---

³⁰⁷ Примечание А. Титова: «Преосв. Августин с 1810 по 1818 г. был епископом Оренбургским. С 1819 г. он жил на покое в Варницком монастыре, который и устроил благодаря событию, рассказанному Артыновым. До него теплый храм был деревянный и крыт соломой. Об Августине есть интересные сведения в "Русской старине". Часть его нигде не напечатанных сочинений под названием "Начертание новозаветных Апостольских церкви Господа Бога Иисуса Христа", совершенно приготовленное к печати; находится в нашей библиотеке под № 631, 632, 633; рук. В.Л. 162, л. 332 и 431; от оставшегося в живых его келейника Кедрова, исправляющего в 1880 г. должность заштатного дьячка церкви с. Юрьевской слободы, я слышал следующий рассказ: Августин не любил подавать публично нищим и гонял их с церковной паперти довольно сурово, называя туеядцами. Приучил летать к себе птиц, особенно вороньев, так что когда выйдет на монашеский двор или за ограду, то птицы целыми стаями за ним, и он всегда бросал им куски хлеба, которыми были наполнены его карманы. Его прекрасная библиотека частью увезена в Синод, но большею частью разграблена. Мы купили вышеозначенные рукописи у крестьянина приказчика купца Иванова. Я видел в библиотеке св. Синода это же сочинение Августина, но менее личное и писанное очевидно раньше».

помнится мне, что-то об этом говорили не совсем ладно, больше все шепотом и чего-то боялись. Войска, находящиеся в городе и окрестностях, все были сдвинуты к собору. Они с ропотом едва повиновались начальству, выражая желание служить Императору Константину. Это волнение я как теперь помню. Я хотя и был в соборе, но, как и прочие, держал только руку со сложенными перстами, доколе читали присяжной лист, но креста тоже не целовал и нигде не подписывался, как это было при присяге Константину.

Новый 1826 год праздновали, гостя в селе Сулости, а Крещение у себя в Угодичах. После Крещения Василий Афанасьев женил четвертого своего сына Алексея Васильевича, взял у купца Ивана Ивановича Гогона Глазкова дочь Анну. Я пировал на этой свадьбе и во время брака вез впереди поезда икону.

Вскоре после этого приехали в Ростов по высочайшему повелению кладоискатели. От купечества в числе почетных граждан в качестве депутата прикомандирован был и Василий Афанасьев Малышев. В день, когда отыскивали клад, я с однолетком своим товарищем Семеном, учеником первого ростовского мастера Филиппа Можайского, и Алексеем Малявкиным находились все время кладоискания; искали как в доме Василья Рохманова (того самого, который в Крымскую войну послал в действующую армию 9000 финифтяных образов по 1000 штук каждого ростовского чудотворца), так и в некоторых местах поблизости Благовещенской церкви, что на рву; работа всюду была безуспешна; продолжалась она с утра, а с наступлением вечера работа прекратилась и более уже не повторялась. Проводя кладоискателей с конвоем в Ярославль, ростовский квартальный надзиратель Григорий Васильевич Агалевцев в присутствии моем рассказывал Василью Афанасьеву Малышеву, как

кладоискатели городов Корчевы, Бежецка и Ростова сблизились между собою. Со слов самого главного ростовского кладоискателя Садикова дело было так: бежецкая помещица Матрена Ивановна Рачинская видела во сне дивное видение; неизвестный ей человек берет ее под руку и ведет в подземный подвал, сделанный из крупного булыжного камня. Придя в подвал, она увидела там груды и бочки золота и серебра и склады различных дорогих мехов; «Все это будет принадлежать тебе, — сказал спутник, — только надо иметь тебе для поднятия клада "прыгун-траву", а она находится в городе Корчеве у мещанина Алексея Варламова Садикова; он снабдит тебя и этой травой и покажет место в городе Ростове, где хранится это сокровище»; точно такой же сон видел и Алексей Садиков, только в подвале были не груды золота и серебра и меха, а одни бочки золота и серебра, каждого металла по двенадцать бочек, а в каждой бочке по четыре ведра. Путеводитель Садикову назвал себя посадским человеком города Ростова Васильем Ивановым Коноваловым Коньковым*, у которого в заведовании находится это сокровище, только не имеет он «прыгун-травы» для поднятия этого сокровища. Помещица Рачинская отыскала чрез посланных в Корчеву Алексея Садикова, а Алексей Садиков отыскал в Ростове Василья Коновалова Конькова, таким образом и устроилось дело между тремя кладоискателями: Рачинским, Садиковым и Коноваловым. Впрочем, о сем ведении Садиков перед следственной комиссией умолчал³⁰⁸.

---

³⁰⁸ Примечание А. Титова: «Дополним предания об этом кладоискателе следующими рассказами. Несколько дней спустя после восшествия на престол Императора Николая I приехал в Петербург мещанин Алексей Варлаамович Садиков. Не любопытство и не торговые дела вызвали его в столицу, еще не успевшую опомниться от декабрьских событий. Бедный, почти нищий, Садиков хотел обогатить казну несметным сокровищем. Каким-то образом Садикову удалось подать лично Государю прошение; в нем он объяснил, что с давнего времени, именно с 1227 года, хранится в Ростове клад, зарытый великим князем Георгием Всеволодовичем. По уверению Садикова, ценность клада, на худой конец, простиралась до трех миллионов рублей. Двадцать бочонков золота, столько же бочонков

В этот год помер соборный священник о. Сергий; место его заступил соборный дьякон Симион. В это же время от восточных ворот соборной ограды до северных начали воздвигать каменные соборные лавки.

Приезжал летом в Ростов какой-то знаменитый фокусник и давал свои представления в архиерейских конюшнях, в северной лицевой стороне, где помещались когда-то архиерейские кучера. Меня отпустили смотреть на этого фокусника с товарищем Алексеем Малявкиным; мы пришли задолго до начала представления и от нечего делать обозревали запустелые архиерейские конюшни^{**}. Нижний этаж со всех трех сторон, восточной, южной и западной, занимался, как видно, стойлами, каретными сараями и

серебра, да еще целый четверик жемчугу и драгоценных камней, — вот что обещал открыть Садиков, если правительству угодно будет воспользоваться его донесением. Вместимость каждого бочонка определяюсь от 3 до 4 ведер.

Верноподданническое донесение, очевидно, не отличалось правдоподобностью.

Злополучный великий князь, мученически погибший за свою родину на берегах реки Сити, в нынешнем Мологском уезде Ярославской губернии, в роковой битве с татарами, едва ли мог скопить такое громадное сокровище и зарыть его в Ростове. Тем не менее Император Николай повелел тогдашнему петербургскому генерал-губернатору Кутузову произвести розыски о кладе. Отправлен был с кладоискателем полицейский чиновник. Ярославскому губернатору Безобразову Высочайше поведено "принять меры к сохранению сокровища". Император обратил свое особое внимание на это дело, имевшее "государственную важность". Клад можно было найти только с помощью "разрыв-травы", ибо, по словам кладоискателя Садиковаа и других прикосновенных к делу лиц (подпоручицы Рачинской, ростовского мещанина Коновалова, мещан Ясырева и Холщевникова, дьячка Николая Иванова и крестьянина Кручинина), клад хранится в погребке за железною дверью, а перед дверью мраморная доска висит, а на той доске надпись: "Если кто найдет разрыв-траву, тот может получить сокровища, положенные под доскою в 1227 году великим князем таким-то".

Мещанин Коновалов заявил пред стряпчим и другим чиновным людом, что он уже проникал в погреб, своими глазами видел сокровище, своими руками брал пригоршни золота и алмазов, но лишь только удалялся из погреба, тотчас же напала на него слепота, и он бросал сокровища, предпочитая быть нищим да зрячим, нежели миллионщиком да слепым.

С этим кладом, по словам архивного дела, было множество мытарств. Обыски производились и в Ростове и в Ярославле. Дело кончилось плетьюми, по приговору Ярославской казенной палаты, и другими менее жестокими наказаниями. Так дворянка Рачинская, приговоренная Ярославским уездным судом к аресту при полиции на хлебе и воде на одну неделю, получила лишь выговор "с подтверждением, дабы впредь от всяких неосновательных и состоянию ее неприличных поступков удалялась..."».

другими хозяйственными помещениями, он состоял из больших и малых отделений, разделенных каждое каменной стеною: прочные вековые своды были в каждом таком отделении. Мы, как векши³⁰⁹, взобрались во второй этаж; там были такие же помещения, только много более нижних и с таким же прочным вековым сводом; каждое такое отделение тоже разделялось каменной стеною, в середине которой была большая арка вроде ворот, сквозь которую можно было свободно проехать с возом сена; пол второго этажа был кирпичный и сохранился в целости не во многих местах. По рассказам старожилов, тут хранилось сено и солома; для въезда туда были поделаны и самые удобные въезды с возами сена и соломы, что было видно из двух больших арок на южной стороне в лицевой стене, выходящей на двор, в которую мы взобрались туда; три глухие конюшенные стены, восточная, южная и западная, вышиною были равны кремлевской стене; бывшая когда-то тесовая крыша уже не существовала, и кое-где еще видны были истлевшие стропила. Это обширное здание, как и другие кремлевские здания, крепко противилось всеразрушающему времени, доколе не коснулась рука всеразрушающей вековые здания Ярославской строительной комиссии³¹⁰.

Наконец звонком собрали зрителей в театр. Представлено было какое-то пантомимное разбойничье похищение княжны. Актеры были как куклы; делали различные движения руками, ногами и головой по стуку палочки фокусника; потом было показываемо что-то вроде фокусов, и все

---

³⁰⁹ Векша — белка.

³¹⁰ Примечание А. Титова: «В 30-х годах были выстроены подрядчиком вкупе с строительной комиссией казармы, но так дурно, что город принять их отказался. С 1835 по 1881 г. это здание стояло в развалинах, и только в 1881 г. городская дума отстроила эти казармы, которые теперь и заняты 35-й артиллерийской бригадой»

закончилось пляскою по канату, натянутому внутри пространного конюшенного двора. Последняя штука нас заинтересовала всего более.

Но возвращаюсь к архиерейским конюшням. Полвека стояли они в запустении. Воззрела наконец своим смертоносным оком строительная комиссия и на это вековое здание, и вопреки желанию граждан, хотевших это здание покрыть железной крышей, пробить в стенах окна и исправить сообразно потребностям экономическим образом для казарменных помещений, но комиссия не согласилась, а нашла какого-то добросовестного подрядчика Паскина, отдала ему с торгов разобрать до основания это не сокрушенное временем здание и на том же фундаменте воздвигнуть существующие ныне казармы. Сказано — сделано; приступили к разрушению здания. С прискорбием граждане видели, как, строя казармы, Паскин отправлял в Ярославль обозы старых железных связей этого векового здания. Эти связи были квадратные, брусчатой формы, весьма более пуда в каждом аршине, чему я был самовидец. Как тогда говорили, эти связи он заменил чуть ли не шинным обыкновенным железом, а оставшийся в его пользу от постройки казарм кирпич он продавал десятками тысяч. Все это граждане видели и скрепя сердце принуждены были молчать и платить в строительную комиссию из думы за работу деньги своевременно без просрочки. Принятие казарм от подрядчика для всех членов строительной комиссии закончилось лукулловским пиршеством. Так тогда граждане передавали друг другу на обычной своей стоянке в кружке и при этом удивлялись и не знали, каким чудом устоял еще находившийся близ казарм каменный мост, который тогда же назначено было комиссией заменить деревянным, будто бы за ветхостью. Этот ветхий мост стоял еще 40 лет без всяких поправок.

Прошло немного лет после этого, и в новых казармах жить стало страшно, и всюду грозило падение стен и потолка. Строительная комиссия, опасаясь худых последствий, снова за красную цифру сдала с торгов перестройку казарм ростовскому купцу Ивану Михайлову Шугоркину, указав между прочим опоясать вокруг эти новопостроенные казармы железным поясом под карнизом и тем сохранить их от падения. Купец Шугоркин пробил в лицевой стороне стены ров, глубиной и шириной в полкирпича, и в этот ров вложил полосовое железо. Злые языки говорили тогда, что вместо полосового шло полуполосовое, да и почему кому знать? ибо ров этот опять заклали кирпичом и заштукатурили, как будто ничего и не было. Но на этот раз сдать не пришлось, и казармы стояли в развалинах до 1881 года. В этом году дума без строительной комиссии отстроила казармы, и мне прилучилось быть на освящении соборным духовенством возобновленных казарм; мне весьма понравилось удобство произведенной так скоро перестройки; сомневаюсь только в прочности стен против прежних, бывших в архиерейской постройке; тогда получали за кирпичную работу не потысячно, а по алтыну и две деньги за каждое «печное чело». Но возвращаюсь к прерванному рассказу о своей жизни и продолжаю свое повествование.

К концу года мой хозяин Константин Васильев, имея свой погребок, от употребления напитков ослаб до того, что отец его принужден был нарушить торговлю, вследствие чего и я возвратился к своей матери в село Угодичи. В последующее время бывший мой хозяин вроде нищего ходил по лавкам собирать копейки; он жив и по сей час и так же занимается этим промыслом. Боже мой, подумаешь, что было и что стало с семейством Малышева!

В это время бурмистр села Угодич Михайло Михайлов Щапов потребовал с матери моей внести за меня четверть рекрутской квитанции, которая полагалась в 500 рублей ассигнациями. Мать моя внесла деньги немедленно, хотя мне было от рода только тринадцать лет.

В это время выступила навсегда из села Угодич артиллерия, начальником которой был полковник Еремей Андреевич Белич; он вместе с своей женой Варварой Павловной стоял у нас в доме немалое время.

На праздник Рождества перешла жить к нам в дом сестра моей матери, старая девка Татьяна Андреева Никонова. Она передала мне две старинные песни, существовавшие в Угодичах от времени Грозного царя, когда село Угодичи было наследственной вотчиной его матери, княгини Елены Глинской³¹¹. Одна из этих песен называлась: «Мастрюк Темрюкович», а другая «Воротынский князь»; хорошо, что я их записал³¹²; вот их содержание:

Мастрюк Темрюкович

Как у нас на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,

---

³¹¹ Глинская Елена Васильевна (? — 1538) — великая княгиня московская, вторая жена Василия III (с 1525 г.), правительница России с 1535 г.

³¹² Исторические песни, которые Артынов записал от своей тетки Т.А. Никоновой, были им опубликованы в «Ярославских губернских ведомостях» (Часть неофиц. 1851. № 4; 1857. № 9). Они представляют собою поздние обработки распространенных сюжетов о Кострюке (Мастрюке), брате второй жены Ивана Грозного Марии, дочери кабардинского князя Темрюка, и о гнев Ивана Грозного на сына. Упоминаемый в песнях Никита Романович — брат первой жены Ивана Грозного Анастасии Романовны. Подобные сюжеты были зафиксированы раньше: в Сборнике Кирши Данилова, в собрании народных песен И.В. Киреевского, в песнях, собранных П.Н. Рыбниковым и т.д. См.: Народные исторические песни / Подгот. текста Б.Н. Путилова. М.; Л., 1962. С. 79-95, 104-116.

А и женится православный царь Православный царь Иван
Васильевич.

А берет он не у нас на Руси,
А берет во турецкой земле,
Молодую княжну Марию Темрюковну.

А за ней три посла пришли,
А и триста татаринов,
Полтора ста черкешенов,
Пятьсот донских казаков,
Удалых, добрых молодцев,
А еще с ней посол пришел
Мастрюк-то Мастрюкович,
Молодой князь Темрюкович;

Он по палатам похаживает,
Дорогих гостей потчует:

А вы кушайте дороги гости,
А и триста татаринов,
Полтора ста черкешенов,
Пятьсот донских казаков,
Удалых добрых молодцев!

А те ему в ответ говорят:

А что ты сам князь не пьешь — не кушаешь,
А и белу лебедь не рушаешь,
Не на нас ли ты думу думаешь,
Что на царство Московское,
На царя православного,
На Ивана Васильевича?

Отвечал им тут Мастрюк Мастрюкович,
Молодой князь Темрюкович:
Не на вас я думу думаю,
Не на царство Московское,
На царя православного,
На Ивана Васильевича.
Уж я семь городов прошел,
По себе я борца не нашел!
Как идет тут Ивашечка с крошечку,
Он на ножку прихрамывает,
На язык пришепetyвает.
Стал с Мастрюком он бороться,
А и первую пошибку пошиб,
С Мастрюка черну шляпу сшиб,
А другую пошибку пошиб,
С Мастрюка цветно платье сшиб,
А и третью пошибку пошиб,
Мастрюка с ног долой сшиб.
Тут Мастрюк со стыда побежал.
А... ладонью зажал.
Увидала тут Марья Темрюковна
Из высока нова терема,
Взговорит тут Ивашечке с крошечку:
Ты мужик, ты мужицкий сын,
Ты крапивные семена,
Не за свой ты кус принимаешься,
Этим кусом ты подавишься!

Воротынский князь ***

А и вот моя измена за столом сидит,
А и пьет и ест и кушает,
А и белу лебедь рушает!
Испужался тут царевич млад,
А и млад царевич Федор Иванович,
Побежал он к своему любимому дядюшке,
К тому ли ко Никите Романычу.
Он бежит, кричит зычным голосом:
А ты гой еси ты мой дядюшка,
А и стар боярин Никита Романович!
Ты не знаешь, не ведаешь,
Что у нас в дому поделалось.
Опрогневался на меня Осударь-батюшка,
Он велел меня палачу казнить,
Что тому ль злодею Олешке Куратову.
Он велел вынять мое ретиво сердце,
И принесть его пред очи царские,
Чтобы царские очи ужаснулись.
А и хочет он взять меня за белы руки
И вести меня на место лобное,
На ту колоду сыродубовую,
Окровать свою саблю острою.
Услыхал его стар дядюшка,
А и стар боярин Никита Романович;

Надевал он шубочку нараспашечку,
А и шапку поверх головы;
Он бежит запыхается,
За сыру землю запинается,
Во слезах кричит зычным голосом,
А ты гой еси Олешка Куратов сын,
Не за свой ты кус примаешься,
Этим кусом ты подавишься.
Не известь тебе семя царское,
А и молодца царевича Федора Ивановича;
А и есть у меня тридцать конюхов,
Ты бери из них что наилучшего,
За царевича православного Молода Федора Ивановича,
Окровяни ты свою саблю острую!
А любя стала его речь Куратову;
Выбирать себе идет конюха,
Из стремянников, из приспешников:
Тут большой за меньшего хоронится,
А меньшей не люб Куратову;
Лишь идет тут Кашеваров сын,
Стремянной конюх стара-дядюшки,
А того ль Никиты Романыча.
Он кричит ему зычным голосом:
А и свет ты кормилец наш батюшка,
А и стар боярин Никита Романович,
Ты вели меня палачу казнить,
А тому ль злодею Олешке Куратову;

Умереть я рад за царевича,
За царевича православного,
А и молода Федора Иваныча!
Тут злодей Олешка Куратов сын Брал он Жданика Кашеварова,
Распорол ему груди белые,
Вынимал его ретиво сердце,
Окровянил свою саблю острую
И понес сердце пред очи царские,
А и у того ль царя Ивана Васильевича;
Заревел он тут о царевиче,
А и о молодом Федоре Ивановиче;
В той печали он платье цветное
Обменял на платье черное
И звонить велел по покойнике
Во большой самый во Царь-колокол;
А звонарь звонил по покойнике
Во большой самый во Царь-колокол;
Православный люд ужаснулся весь
От нежданного гласа Божия.
Все спешат в собор к Божьей милости,
Там и плачут все, убиваются,
Все с царем слезам заливаются,
А один только тут боярин стар
А и стар боярин Никита Романович,
Он и весел стоит и радостен,
Цветно платье на нем что жар горит,
Пред иконою Спаса молится,

Бьет рукой в чело, к земле клонится.
Как завидел его тут православный царь,
Православный царь Иван Васильевич,
Закричал он тут зычным голосом,
Застучал о пол жезлом царским:
Православный люд испугался весь,
И на кукорачь все попадали.
А ты гой еси Никита Романович!
Аль не знаешь один, ты не ведаешь,
Что упала у нас звезда со неба,
Что потухла у нас свеча воска ярого,
Что не стало у нас царевича
А и молода Федора Иваныча?
Аль пришел ты сюда насмеяться,
В очи царские наругаться,
Я велю тебя палачу казнить
За назолу твою за великую.
Как взговорит тут Никита Романович:
А ты гой еси православный царь,
Православный царь Иван Васильевич,
Не веди казнить, веди слово сдать
Без тоя опалы без великия,
Не об чем мне боярину печаловать,
Скидовать свое платье цветное
И надевать платье черное;
Не упала у нас звезда со неба,
Не потухла у нас свеча воску ярого,

Не извели твоего любимого царевича,
А и молода Федора Иванныча,
Он свдит теперь в моем новом тереме,
За дубовым столом хлеба кушает,
А и белу лебедь рушает,
О твоём горе сокрушается;
Повели ему стать пред твои очи царские!
Как возговорит тут православный царь,
Православный царь Иван Васильевич:
Ну, спасибо тебе, Никита Романович!
Воротил ты нам семя царское,
Мне любимого царевича А и молода Федора Иванныча,
А за то тебе чем пожаловать.
Будь отныне ты Воротынский князь
На святой Руси в веки вечные...

---

* Дом его стоял на том месте, где стоит, подле земляного вала Ростовского соборного причта; он был каменный одноэтажный о 5 окнах. Я часто ходил к нему за получением долга от Малышева.

** В этих конюшнях до 1763 г. находилось более 600 лошадей. Рукопись нашей библиотеки N1476.

*** Судя по словам тётки, начало песни она забыла, но начало это было довольно большое.

Глава IX

В Ярославль. — Казнь преступника. — Странный случай. — Село Кой. — Каменные бабы. — Смех и горе. — Дворец царевича Димитрия в Угличе. — Нет больше Мартирия образным монахом. — Мартирий, настоятель Филиппо-Иранской пустыни. — Бедность этой обители. — Мартирий у Федула Громова. — Собранные пожертвования. — Письма Мартирия. — Монастырь в «Зеленецком болоте». — Воспоминания о моем деде. — Разорение Зеленецкого монастыря в XVIII веке раскольниками. — Я свидетель случая с покойным Государем Александром Николаевичем. — В московском театре. — Продажа жемчуга. — Рядский селадон.

В следующем 1827 году на общем совете моей матери и опекунов положено было на лето ехать в Тихвин с зятем Гаврилом. После праздника нашего (Крещенья) зять поехал в Ярославль за покупкой несколько тысяч польских лопаток для тихвинских купцов Николая и Якова Ивановых Каллистратовых, которые заведовали постройкой и ремонтом шлюзов по тихвинскому водяному сообщению; Каллистратовы дали на это зятю немало денег. С ним ездил в Ярославль и я. Там остановились в номере при трактире Ивана Ивановича Рослова. Трактир этот был на том месте, где стоит ныне большой дом Пастухова, близ церкви Рождества Богородицы.

Рослов был крестьянин Ростовского уезда, деревни Кладовиц. В Ярославле мы были зрителями наказания кнутом одного работника мясника, бывшего до этого безукоризненной нравственности и заподозренного в убийстве ярославского купца на Волге. Об этом событии Рослов рассказывал следующее: работник этот раз зимой вышел в лавку и вдруг услышал на Волге жалобный голос, требующий помощи. Он был человек

здоровый и мощный; тотчас, заперев лавку, побежал на крик. На Волге, недалеко от берега, подле самой дороги, он нашел плавающего в крови еще живого, только что зарезанного известного им ярославского купца; убийц он никого не застал. Увидевши, что поблизости убитого лежали разбросанные бумаги, недалеко от проруби, мясник взял как бумаги, так и купца на руки, от чего весь окровавился. В это время ехал на тройке какой-то помещик, имея при себе кучера и лакея, которые остановились и привезли уже умершего купца с мясником в часть. Там мясника заподозрили в убийстве и, найдя за пазухой собранные бумаги купца, еще более в том убедились. Помещик показал только, что он видел, как мясник поднимал тело недалеко от проруби. Бумаги за пазухой, окровавленный нож, висевший у мясника, и близость проруби послужили уликой, и мясника обвинили. Казнь происходила на поставленных вверх головешками дровнях. Перед самым наказанием мясник с клятвой признался, что он невиновен в смерти этого купца, а виновен в подобном убийстве, сделанном ранее с другим человеком, которое он тогда умел скрыть от правосудия, и что совесть ему не давала покоя.

В непродолжительном времени последовал и отъезд мой с зятем в город Тихвин. Ехал я при обозе с десятью человеками работников; для нас была устроена повозка с кибиткой. Город Углич я нашел истребленным пожаром и именно ту самую часть близ рынка, где были постоянные дворы. Из Углича приехали в село Кой, в котором у волостного правления стояли две каменные бабы, находившиеся в селе с незапамятных лет, как говорят, сделанные в древности язычниками. Рабочие наши по обычаю, ради насмешки, повели бывших с нами двух первогодков, то есть едущих из села на заработки в первый раз, целовать этих каменных баб. Смеху и крику в сопротивлении было много, тут я вспомнил и свой первоначальный проезд

этого селения. Тогда подорожники, изготовленные матерью мне на дорогу, избавили меня от этого целованья; произошло это тогда следующим образом: по приезде моем в первый раз в город Углич, по желанию моему, возница водил меня смотреть дворец царевича Димитрия³¹³. Он был небольшой, квадратный и покрыт на четыре лба; у высокого крыльца ходил часовой солдат с ружьем; за небольшую плату он позволил нам войти на высокое крыльцо и сквозь окошко посмотреть внутрь дворца, и, как мне помнится, тогда был только один покой во всю внутренность четырех стен дворца под карнизом; в этом покое были написаны русские князья; ниже этого покоя видны были в стенах разной величины окна: одно ниже, другое выше; более я ничего не припомню.

Пришедши на квартиру, хозяйка постоялого двора, Анна, с улыбкой спросила у моего возницы обо мне: что, видно-де, первогодок? Тот подтвердил это. Жаль, сказала хозяйка, такой хороший мальчик будет целовать каменных баб. Этот их разговор весьма озаботил меня. Дорогой я стал просить своего возницу, нельзя ли как избавиться мне от сказанного целования; тот к этому не нашел другого средства, кроме того, что мне должно сделать участником его сына Николая (ехавшего тут же со мной) моих подорожников, которые мать дала только для меня, а у того были свои; я на это охотно согласился; я закутался в повозке крепко; он въехал со мной на постоялый двор; всю дневку я был в каком-то тревожном состоянии; кто входил в комнату из посторонних лиц, мне думалось, что идут со мной вести целовать страшных старух, но благодаря моим подорожникам этого не случилось; таким же образом крепко закутанный в повозке, благополучно

---

³¹³ Царевич Димитрий (1581—1591) — сын Ивана Грозного и его седьмой (пятой венчанной) жены Марии Нагой, погиб в Угличе в царствование Федора Иоанновича. Его гибель впоследствии послужила поводом к началу Смутного времени.

выехал без целования из села Коя; я был весьма рад, что таким образом избавился от гнусных старух.

В этот приезд мой в Тихвин я нашел большую перемену в городе, а в особенности в монастыре. Казначей был новый и молодой, по имени Никандр; во всем монастыре старых монахов было только двое: эконом, иеромонах Антоний и иеромонах, по имени тоже Антоний.

Пред иконою Богоматери без Мартирия казалась какая-то пустота. Вспоминая теперь через полвека это событие, мне так и лезут в голову две строфы не так давно читанного мной и весьма меня поразившего стихотворения: «Кого-то нет, кого-то жаль, о ком-то сердце мчится в даль...»³¹⁴.

Образной старец, свергнувший через свое наушничество Мартирия, хотя и хорошей жизни, был любимец только архимандрита Илариона, но не публики; никто не был расположен к нему по его важной и горделивой обстановке. Не видно стало более около иконы ни детей, ни простолюдинов-богомольцев, ни нуждающихся, которыми был окружен Мартирий почти всегда. Молебны Богоматери стали петь только во время заутрени, обедни и вечерни; в другое время церкви не отпирали. У Мартирия было не так; у него не было определенного времени; желающие удовлетворялись во всякое время: рано утром, днем и поздно вечером, после вечерни, были частые посещения богомольцев; а так как город лежал на тракту, то богомольцы, проезжающие часто и не вовремя, заявляли Мартирию о желании поклониться иконе Богоматери, вследствие этого колокол, привешенный при входе в соборный храм, где находится икона Богоматери, гудел почти беспрерывно во всякое время дня зимой и летом. Тогда этим колоколом

---

³¹⁴ Неточно цитируется популярный романс на стихи М.Л. Яковлева (1839).

только один образной иеромонах имел право звать на службу иеромонахов; звон был различный: по одному шли монахи немедленно служить простой молебен, по другому звону шли другие очередные монахи служить соборный молебен, и все это при Мартирии исполнялось скоро и усердно; каждый очередной спешил и старался заслужить внимание Мартирия своею поспешностью. Это, быть может, было и потому, что от послушника до иеромонаха все были у Мартирия на особом окладе, независимо от получаемого дохода от обители. Эти небольшие сравнительно подарки и поощряли иноков.

Главный огород наш был подле монастыря; звон Мартириева колокола (так все звали этот колокол) до того был мне знаком, что я знал по звону, каких служителей Мартирий требовал к себе. Отпевши молебен, монах уходил немедленно в келью до нового требования; подарки же Мартирия монахам состояли в снабжении их безвозвратно деньгами и чайной провизией; чай обитель раздавала скудно. Скажу к слову, я не слыхивал, чтобы у Мартирия просили, а скорее, он сам предупреждал эти просьбы. Между столпом церковным, на котором стояла икона Богоматери, в южной стене устроены были выдвижные ящики; это были неистощимые всякой всячины магазины Мартирия; тут у южной стены, близ этих магазинов, был обычай стоять детям и богомольцам.

Мартирий знал, что кому надо, и давал, не ожидая прошения, и не терпел, чтобы его благодарили, а он требовал, чтобы каждый брал его подарок как свою собственность и скорее уходил. Прозорливость Мартирия была на диво всем; часто приходили ко мне на огород с печатями для выдачи муки: у иного бедняка оборванца была одна печать, а у хорошо одетого три; проверяя же иногда действия Мартирия по сему поводу, я невольно сознавался, что Мартирий был прав. С отсутствием затем

Мартирия из Тихвинского монастыря в Филиппо-Ирапскую пустынь и в обители все изменилось: явились у монахов небрежность и грубость, а падение нравов сделалось полное, и недавно святые иноки сделались притчею во языцех.

Уже спустя несколько времени, во время лета, проездом из Питера, Мартирий на пути своем в Филиппо-Ирапскую пустынь посетил Тихвинский монастырь. Архимандрит Иларион принял его радушно и на время пребывания его в монастыре поместил его в своих настоятельских кельях; оттуда он посетил и нас на огороде и в это время рассказывал о производстве своем в игумны Филиппо-Ирапской пустыни. Это произошло следующим образом.

Раз в Александро-Невской лавре у петербургского митрополита Серафима³¹⁵ находился московский митрополит Филарет. Во время их беседы митрополиту Серафиму подали пакет, в котором было извещение о смерти настоятеля Филиппо-Ирапской пустыни. Прочитав бумагу, митрополит сказал о содержании ее и своему гостю и при этом прибавил, что обитель совершенно упала и в недалеком будущем может нарушиться и что для поддержания монастыря непременно надо послать настоятелем достойного и опытного человека и что такой человек на примете у него есть. «А у меня есть два, — ответил ему преосвященный московский, — а в Троице Сам Бог почивает, решил митрополит; метнем в них жребий, кого из них изберет себе преподобный Филипп Ирапский: моего или кого из твоих, тому и быть». Сказано — сделано. Метнули жребий, который и пал на Мартирия; тут же оба святителя и утвердили его настоятелем пустыни. Указ при письме за подписью двух митрополитов был немедленно послан

---

³¹⁵ Серафим (в миру Стефан Васильевич Глаголевский; 1763—1843) — митрополит Петербургский с 1821 г.

Мартирию в Тихвинский монастырь: эта неожиданность смутила и опечалила его; у него не было и мысли оставить когда-либо обитель Богоматери, где уповал он кончить и жизнь свою, и только письмо обоих владык убедило его не противиться Провидению, но повиноваться ему беспрекословно. С великими слезами оставил он Тихвинскую обитель и братию, которая тоже долго поминала своего собрата. Спутником ему изъявил желание ехать брат казначея Флавиана, по имени Даниил, бывший в послушании у Мартирия.

По приезде в Филиппо-Ирапскую пустынь, Мартирий нашел ее в полном смысле слова пустыней, стоящей среди дремучего леса, с оградой, поставленной в тын (т.е. не толстого леса деревья плотно друг к другу стояли стоймя); среди этой ограды одиноко стояла каменная соборная церковь, где почивали мощи преподобного Филиппа Ирапского; вокруг нее там и сям были разбросаны кельи братские вроде хижин, и большая часть из них была покрыта соломой; одна только была похожа на келью монастырскую; это келья настоятельская, да и то старая. Колокольня была на двух столбах с перекладиной; вопиющая бедность была видна со всех сторон. Видя все это, Мартирий прошел прямо в церковь и после молитвы преподобному Филиппу Ирапскому дал со слезами целование всей братии по обычаю иноческому. Принятие начала над обителью и обозрение ее было непродолжительно и немногосложно. Спустя немного времени собрался он в Питер к своим боголюбцам; надо при этом добавить, что в письме при указе митрополит разрешил ему въезд в столицу без его спроса, когда он заблагорассудит; причем ему была указана и квартира в доме какой-то графини.

По приезде в Петербург зашел он к известному лесному торговцу Феодулу Громову, который весьма уважал Мартирия; у Громова тогда сидел

в гостях тоже лесной торговец Шкрабин. Громов, увидя входящего Мартирия, в шутку стал говорить Шкрабину: «В старину отцы монахи сидели все более в своих монастырях и молились Богу, зато богомольцы приходили к ним толпами, а нынче пошло все наоборот: монахам скучно становится сидеть в келье, стали ходить по миру». Гость подтвердил это и отвечал, что это суцая правда. Мартирий на это отвечал им: «Это верно; так было в старину, как вы говорите, что монахи сидели в монастыре и молились, и богомольцы шли к ним толпами; и я тоже в своей бедной обители стал это же делать: сидеть и молиться и думал, что чай скоро придет ко мне молиться и богомолец мой Федул...* и поклонится преподобному Филиппу Ирапскому, да ждал, ждал и не мог дожждаться моего Федула... и, не дождавшись его, принужден был прийти к нему сюда на дом и звать помолиться преподобному; не обленись, приди!» Такая находчивость Мартирия весьма им понравилась; полушутя и поговоря между собою, они наградили его обитель щедрою рукою. На первый раз Мартирий привез из Питера две лодки-тихвинки³¹⁶, полные разной хлебной и рыбной провизией для обители и 30 тысяч рублей ассигнациями денег. После такой поездки он построил каменные братские и настоятельские кельи с такою же оградою, а вслед за сим выхлопотал у казны для обители никому не принадлежащее озеро.

В конце декабря зять Таврило поехал со мной в Питер на своих лошадях для покупки для Ростова сахару и деревянного масла. На пути в праздничный день прилучилось нам быть в обители преподобного Мартирия, что «в Зеленецком болоте». Мы пошли к обедне. Соборная

---

³¹⁶ Тихвинка — большое речное судно, поднимающее до 180 тонн груза.

церковь стояла одиноко, как и колокольня; между соборной церковью и настоятельской кельею была каменная теплая церковь, куда мы и пришли помолиться; там казначей монастыря узнал моего зятя, у которого он каждую Тихвинскую ярмарку покупал для этой обители рыбу. Он пригласил нас к настоятелю; настоятель был седовласый старец и самых преклонных лет. Подан был чай и закуска, за которой настоятель вел с зятем моим продолжительную речь и затем коснулся деда моего Дмитрия Иванова Артынова и рассказал следующее: настоятель был тогда еще малолетком, в мои годы, сын одного причетника и круглый сирота, без отца и матери; Артынов тогда управлял на монастырском огороде. В одно время напали на эту обитель местные раскольники, которые разграбили ее и всех монахов из нее выгнали, а иконы святые раскололи и сожгли; не нашли одной только местной иконы, а это была икона Тихвинской Богоматери, на которой была серебряная риза; подозрение их пало на огородника Артынова; изуверы, схватив его, сперва содержали в заключении, принуждали его перейти в их веру, и за упорство его они стали его мучить (то настоятель видел в слуховое окно, будучи спрятан под кровлю настоятельской кельи); крики его были слышны по всему монастырю; ему ломали руки и ноги (Артынов кончил жизнь в Угодичах с искривленной ногой, на которую хромал, и с выломленной рукой,,которую он не владел). Раскольники замучили бы его до смерти, если бы его в то время не избавила военная команда, спешно посланная взять бунтовщиков. Но они взять себя не допустили, а сожгли себя заживо в одной монастырской деревянной келье, обложив ее прежде хворостом. Артынова еще не совсем здорового увез в Ростов сосед его по местожительству. Более настоятель об Артынове ничего не знал.

Мать моя сказывала мне, что хворого ее свекра Дмитрия Иванова привез крестьянин села Угодич Михайло Ильин Галкин; в это время свекор

привез большую икону Тихвинской Богоматери, много более оригинала чудотворной иконы, что в Тихвинском монастыре, и приложил ее в свою приходскую Николаевскую церковь, где она и в настоящее время находится местною, в трапезе церкви у левого клироса; в современной этому 1767 года церковной описи об ней сказано: «Образ Пресвятыя Богородицы Тихвинския в киоте столярной; на Богоматери риза серебряная, венеч с сиянием, на Спасителе без сияния, цата большая серебряная, чеканная в позолоте, на Богоматери возглавие, борок и убрус³¹⁷ большой низаны жемчугом заправским с камнями и вставками простыми». К этой иконе в продолжение ровно ста лет ежегодно на св. Пасху, один раз в год, становилась Артыновыми в 10 фунтов восковая свеча: от деда, отца и матери моей и меня; ныне жертва эта, к великому моему прискорбию, по стесненным моим обстоятельствам, но не чувству, прекратилась, но не безнадежно.

Хромой и безрукий Артынов после этого разводил огороды в городе Тихвине, в Тихвинском монастыре, куда он переселил своих детей: Михайла и Якова Артыновых из города Петрозаводска, где они до того времени промышляли тоже огородами, а сам Дмитрий Артынов в компании с крестьянином села Угодич, Иваном Ивановым Никоновым стал торговать в городе Уральске, где Никонов во время Емельки Пугачева был поставщиком фуража при экспедиции генерал-майора Василья Алексеевича Карра, родного брата помещицы села Угодич, княгини Екатерины Алексеевны Голицыной.

Но довольно о моем предке Дмитрие Иванове Артынове. В Питере зять мой остановился под Невским, у знакомого ему дворника

---

³¹⁷ Борок — низаное ожерелье; убрус — низанный начальник над венцом на образах угодниц.

Масягина, а я у сестры своей Настасьи Грачевой у Измайловского парада; в это время сват мой Андрей Гаврилов Грачев водил меня по разным соборам, храмам и другим достопримечательным местам столицы; квартира моя от зятя хотя и была в расстоянии более семи верст, но я ходил к нему туда; путь мой был мимо деревянной церкви Измайловского полка, во имя св. Троицы; впоследствии времени тут был воздвигнут великолепный соборный храм, который имел купол, подобный куполу Исаакиевского собора; высокая полукруглая крыша с фонарем покрывала этот громадный купол, страшное падение которого на землю от бури судьба привела меня видеть. От этой церкви выходил я на Фонтанку к Измайловскому мосту, от него левым берегом Фонтанки доходил до Аничкова моста, или Невского проспекта, а там прямо под Невский монастырь.

В одно время идя от зятя на огород к сестре и дойдя до Аничкина моста, я пошел по берегу Фонтанки панелью; по левую сторону Фонтанки, против Троицкого подворья, попался мне навстречу немолодой боярин с мальчиком, сидящим рядом с ним в санях, а на беседке рядом с кучером сидел малолеток солдатский кантонист; все встречные и идущие останавливаются, смотрят и кланяются; поклонился и я, а потом спросил: кто это такой проехал? мне сказали, что мальчик, сидящий с боярином, Цесаревич, Наследник престола Александр Николаевич; идя далее и не доходя до Чернышева моста, против переулка, у лесной баржи купца Громова столпилось столько народу, что от тесноты с трудом можно было пройти; я сперва думал, что тут пожар, вмешался в народ и услышал в толпе следующий разговор.

Ехал тут дядька с Наследником; дядьке попался какой-то знакомый боярин; он сошел к нему с саней и пошел панелью по берегу Фонтанки к Аничкову мосту; кучер же с Наследником ехал за ним сзади; Наследник, вероятно

соскучась сидеть один, сошел с саней и пошел по панели за дядькой; в это время навстречу ему попался кантонист его лет; что между ними было причиной ссоры, никто не знал, только видели, как они без шапок дрались на кулачки, с большим азартом, не уступая друг другу; никто не смел разнять их, хотя место это и многолюдное; наконец кто-то сказал про это дядьке; тот прибежал в испуге, разнял бойцов; приведя в порядок их одежду, он посадил Наследника с собой, а кантониста рядом с кучером и повез их в Зимний дворец, куда он и до этого ехал. Тут узнал я, что кантонист этот из кондукторской школы, а школа эта находилась как раз против огорода нашего свата Грачева; между школой и огородом лежал один только Измайловский парад; смотритель этой школы был нашему свату Андрею Гаврилову весьма близок. Наутро вот что узнал я об этом кантонисте: к испуганному его родителю, близкому к отчаянию, отставному солдату, в придворной карете привезли его сына и с ним 300 рублей денег, подаренные ему во дворце. По домашнему суду Императора Николая Павловича Наследник был обвинен и наказан, а кантонист был оправдан и получил, как обиженный несправедливо, награду. Событие это наделало тогда много толков в столице.

Приехавши в Ростов в половине декабря, моя мать поручила зятю Гаврилу продать оставшийся после отца жемчуг. Извозчиком был поряжен крестьянин села Угодич Андрей Леонтьев Мягков, или Перевозииков; он содержал перевозки на нашем озере от села Угодич до Ростова; с зятем послан был и я. В Переславле-Залесском мы были в гостях у Темерина, купца-богача. Как он был родня нашему зятю, не знаю, только за небытностью хозяина дома нас принимала его мать и жена весьма радушно. Красота лица сей последней, высокий рост и важная осанка удивили меня, а

ласковость ее очаровала меня; зять рассказывал мне о ней после, что она была дочь самой беднейшей семьи в Переславле, постоянно ходила за водой мимо дома Темерина и приглянулась единственному сыну Темерихи; разность состояния не воспрепятствовала Темерину жениться на этой бедной, но честной девушке.

В Москве мы остановились на Посольском подворье в номере, а извозчик наш остановился гостем у известного лакового заводчика Максима Ивановича Короткова.

В французский год³¹⁸ Коротков с семейством спасался в Угодичах и у Андрея Леонтьева Мягкова квартировал в доме. Когда француз оставил Москву, Коротков возвратился туда; на месте лакового завода он нашел одно пепелище; денег на устройство и обзаведение новой фабрики у него не было, и он обратился к этому Андрею Леонтьеву, который и снабдил его на этот случай 700 рублями, которые и сделали Короткова первым московским заводчиком масляного и спиртового лака. Поступок Мягкова он ценил высоко, что видел я сам из того, как угощали и почитали от старого до малого нашего извозчика в доме купца Короткова.

Первые дни нашего пребывания в Москве прошли в посещении московских соборов; ходили также на Ивана Великого и спускались глубоко в землю, в яму или колодезь, где стоял тогда Царь-колокол. Потом ходили в театр, где давали пиесу «Сын любви». Я не забыл и теперь, как какой-то знаменитый актер, чуть ли не Мочалов, представлял французского солдата, который, идя домой в отпуск или отставку, нашел в лесу умирающую голодною смертью мать свою, он спасает ее и узнает от нее: кто его отец. Забыл я только, как он заслужил расположение графа, отца своего, который

---

³¹⁸ Имеется в виду 1812 год — год нашествия на Россию французов.

за заслугу солдата признал его за сына и, разговаривая с ним, сделал его наследником своего имени и богатства. В самый жар отцовской речи солдат только скажет: «О мать моя». Слова эти остудят весь пыл графа, и это повторялось солдатом не один раз; эти слова довели графа до того, что он признал и мать его за свою жену (граф тогда был вдов); эти два предмета не вышли у меня из памяти и теперь. Продажа наша без посредства Максима Ивановича Короткова не имела бы надлежащего сбыта; за продажный жемчуг мы выручили более 2000 рублей, половину положили в ломбард, а с другой отправились после двухнедельного пребывания в Москве в Ростов.

По приезде из Москвы я поступил опять в лавку Василья Афанасьева, занимаемую на отчете его сыном Алексеем. Новые личности торговали тогда в том ряду, а именно: Иван Васильевич Щапчик всесвятский, Иван Васильевич Попов, Василий Яковлев Горбунов, Иван Осипов Пономарев-Лобанов и Алексей Осипов Пономарев-Лобанов; сей последний был когда-то мне свояк; за ним была третья сестра жены моей Марья Федорова-старшая; второй свояк мой был Иван Борисович Одинцов; жена его была Графира Федорова; третий свояк мой Александр Семенович Иванов или Карачуновский, жена его Марья Федорова младшая; этот спасибо хоть помнит, что я свояк ему, и относится ко мне как родной, благодарю, а другие два свояка в «Чести сей» и уподобися... но я умолчу до времени, а скажу к слову о благодарности первого. Во время оно, когда Лобанову нечем было содержать малолетних своих детей, много годов я, Артынов, воспитывал у себя детей его как своих детей; жена моя была им вместо матери, которой они лишились; а он, отец, за это время любил только одеваться как модная парижская картинка (в том было все его достоинство), и его звали тогда у нас «рядским селадонем», а почему бы и не так? потому

что он родительский дом продал с молотка, дети по рукам то у тестя Бабурина, то у Артынова, и ему оставалось исполнять только один изящный маневр, так любимый им: плевать, как можно дальше 17 раз в минуту, не щадя полов в гостиной. Теперь, как я слышал, он стал человек богатый, владелец нескольких домов в городе Рыбинске и притом вроде Бисмарка, «добрый маклер»³¹⁹, но о таких великих людях нам, крестьянам, говорить не надо: игра не стоит свеч!

Глава X

Перемены в ряду. — Московский суконный фабрикант Тугаринов. — Многочисленность его семейства. — Роковая служба Говядиновых. — Ростовские богачи Титов и Плешанов. — Борьба их из-за Животворящего креста Господня. — Приходский священник между двух огней. — Два больших колокола на одну маленькую колокольню. — Крестьянин поэт Слепушкин. — Студент Сулостский. — Дорога из Тихвина. — Место битвы с татарами при р. Сити. — Рассказ Никольского. — Холопий городок. — Неудавшаяся покража акта. — Смерть Дюкова. — Торговля медом. — Чудо св. Николая. — Письмо Голицыной. — Семинарист Федор. — Прошение иерея Фомы.

Торгуя в лавке Василья Афанасьевича Малышева, я с сожалением заметил, что прежние обычаи в нашем ряду совсем изменились; Федор Семенович Шестаков помер; Малявкины с сыном тоже померли, и прежняя речь о старине осталась только в устах двух особ: Николая Николаевича

---

³¹⁹ Имеется в виду дипломатическая деятельность канцлера Пруссии и Германии Отто фон Бисмарка (1815—1898).

Дьячкова и Александра Яковлева Горбунцова. Моя лавка была между их лавок, где они иногда и сходились потолковать о старине, и то скорее по привычке старых купцов и по прежней охоте к «стоянке», которая уже не существовала. К концу года у Малышева по домашним обстоятельствам произошла перемена; лавка была сдана, и я опять остался при матери в селе Угодичах. По своим делам зять Таврило ездил со мной в Москву. В это время он квартировал у своего дяди, незначительного ситцевого фабриканта Ивана Афанасьева Малышева в Матросских богадельнях; оттуда мы ходили в Москву через большое поле; в это время зять был со мною в гостях у знаменитого московского фабриканта сукон Тугаринова.

За одним из его сыновей была дочь Елены Афанасьевны Кайдаловой, урожденной Малышевой. Семейство Тугаринова состояло из шести или семи сыновей и самого старика Тугаринова; все сыновья были женатые, и каждый имел многочисленное семейство. День был праздничный, и нас оставили обедать; обед происходил в двух комнатах: в одной обедали взрослые, а в другой одни дети; там был посажен и я; дети были обоих полов и все, кажется, моложе меня годами. Сидевших за столом я насчитал 39 человек, которым под надзором одной из хозяек и прислуживала каждого семейства нянька. Обед был роскошный; после обеда все дети пошли к руке старика Тугаринова, родоначальника семейства; меня подвела к нему наша ростовка Кайдалова и сказала ему, кто я. Он обделял всех своих внучат вместо десерта каким-то сладким пирожным печеньем, он дал мне против других две доли; каждая нянька подводила к старику своих детей и говорила, чье дитя и имя каждого; старик был слаб зрением; давая послеобеденный десерт, он говорил каждому какое-нибудь ласковое слово. По словам моего зятя, семейство Тугаринова состояло тогда из 82 человек

обоих полов; жили они нераздельно в двух домах, стоявших рядом; старик был родоначальник всем.

В течение этого года, по поручению Василья Афанасьева Малышева, я часто ходил в Ростове с письмами в следующие дома: к сестре его Елене Афанасьевой Кайдаловой (на месте ее дома стоит теперь дом купца Полежаева), что близ Покровской церкви, и в дом купца Николая Алексеевича Кекина (на месте дома его стоит теперь Плешановская богадельня) к его жене Ирине, у которой Малышев был ходатаем по делам ее мужа, так как Николай Алексеевич Кекин в это время будто бы за опущение по должности ростовского городского головы (но собственно по ссоре из каких-то общественных интересов с губернатором Безобразовым) содержался в Ярославском тюремном замке, где впоследствии и кончил свою жизнь. Ходил также и в дом его брата купца Федора Алексеевича Кекина, что на Заровье; дочь сего последнего была выдана за Алексея Алексеевича Говядинова, который был великан ростом и дородством и на целый аршин был выше своей жены.

Тут я услышал о странной судьбе Говядиновых, помиравших на одной и той же службе ратмана ростовского городского магистрата³²⁰; в какую должность они один за другим были последовательно избираемы обществом. Первоначально помер Петр Андреевич Говядинов, потом сын его Алексей Петрович, потом два сына Алексея Петровича: Алексей и Петр Алексеевич Говядиновы. В это время в деревянном флигеле у Малышева стоял иконописец, отличный художник по имени Михайло (фамилию его я

---

³²⁰ Городовые магистраты — городские учреждения, введенные Петром I при преобразовании центрального и областного управления в 1718 г.; в их компетенцию входили дела торгово-промышленных сословий (граждан). Магистрат был судебно-административным учреждением, суду которого были подведомственны все уголовные и гражданские дела между гражданами.

забыл), вызванный Андреем Абрамовичем Титовым писать новые иконы в главный иконостас Покровской церкви, куда два ростовские креста, Титов и Плешанов, были прихожи. Великолепный новый резной иконостас с прекрасными живописными образами был устроен и вызолочен Титовым. На это вознегодовал и позавидовал Плешанов, почему на новые высокой работы иконы, сделанные Михайлом по заказу Титова (чтоб скрыть их живописное достоинство), Плешанов сделал серебряные позлащенные ризы. На это в свою очередь вознегодовал Титов и в отмщение за это приказал устроить подобные первому два иконостаса в теплой церкви с серебряными позлащенными ризами, и притом он работой ускорил Плешанова. Весь храм заблестал от позлащенных работ в иконостасах Титова. При этом случилось следующее обстоятельство: на левый иконостас бросал тень и несколько его заслонял стоявший пред иконостасом старинный крест большого размера, на котором Пилатова надпись написана вполне на трех языках, упоминаемых в св. Евангелии. Этот крест, как стоявший не у места, Титов приказал вынести в ризницу. Плешанов воспротивился — и вот тут-то у Плешанова с Титовым возгорелась крестоборная война; мирить их ссору по поводу креста нарочно приезжал из Ярославля архиепископ Авраам³²¹, но старания пастыря были малоуспешны. Едва только он уговорит Титова, — крест из ризницы вынесут и поставят в церкви на старое место, как вдруг на что-либо по коммерческим делам рассердится Титов на Плешанова — и крест опять велит убирать в ризницу. Снова жалоба Плешанова, и снова владыка едет мирить крестоборцев и помирит на время. Так шло дело до самой смерти Титова. У Покрова в это время был священник о. Василий, который при мне жаловался Малышеву на свою должность. Во время праздника является

---

³²¹ Авраам (в миру Алексей Федорович Шумилин; 1761 — 1844) — архиепископ Ярославский и Ростовский в 1824—1836 гг.

всегда недоумение: куда прежде идти с крестом? К Титову? там дача 25 рублей и угощение, зато у Плешанова приказчик вынесет «пятиалтынный». Идти сначала к Плешанову, там тоже жертва в 25 рублей и угощение, зато у Титова дадут тот же «пятиалтынный». Просто не знал бедный о. Василий, что и делать. Раз Титов заказал колокол в 200 пудов. Плешанов тотчас же заказал Оловянишникову в 300 пудов, и оба заявили желание повесить одновременно на колокольне Покровского храма. Владыко, опасаясь, что если исполнить желание жертвователей, то колокола уронят небольшую колокольню, не позволил ни тому, ни другому отливать колокола. По смерти Титова крест твердо стал на свое место, и плешановский колокол, отлитый у Оловянишникова, висит теперь на Покровской колокольне, призывая православных помолиться за упокоение враждующих христиан-жертвователей.

Лето 1829 года, как и прошедшее, я провел в Тихвине и торговал в лавке семенами подле Ивана Алексеевича Истомина. Во время лета ездил из Тихвина в Питер водой; квартировал у сестры Грачевой. В праздничный день зять мой Дмитрий Андреев Грачев поехал в гости за 15 верст от Питера вверх по Неве, по левому ее берегу, в большую Рыбацкую слободу к Федору Никифоровичу Слепушкину; как мне помнится, дом Слепушкина был двухэтажный, невысокий каменный, но длинный. Хозяин нас принял радушно; в то время Слепушкину, я думаю, было лет около сорока; роста он был среднего, красив лицом, борода была светло-русая, густая, небольшая и курчавая; корпусом он был дюж. Неистощимый разговор лился у него с зятем моим рекою; после веселой пирушки казал он свои живописные работы, между которыми мне весьма понравился портрет самого Слепушкина, писанный им самим; потом казал свои золотые и серебряные

монеты; из первых меня заинтересовала золотая монета, величиною с империал, на которой были изображены царь Иоанн и Петр Алексеевичи и царица Софья. Из его медалей заинтересовала меня большая золотая медаль академическая, без ушков, весом около четверти фунта; на лицевой стороне ее был портрет Императрицы Екатерины II, заднюю же ее сторону я не видал и не знаю, что на ней написано, потому что она была в футляре; еще был «бородовой знак на право ношения бороды при Петре I раскольникам». В разговоре Слепушкин коснулся своей родины. По губернии он оказался наш земляк; мое внимание к его историческому рассказу не ускользнуло от его опытного взгляда, а когда я сказал ему о некоторых княжеских именах, то это заинтересовало его до того, что он на расставанье подарил мне на память книгу своего сочинения в двух частях и свой портрет небольшого формата, хорошей гравировки. Книга сохранилась у меня и до настоящего времени, а портрет нет³²². После этого я был у него с зятем не один раз; это был в полном смысле «русский хлебосол».

В это время часто ходил к нам в гости сын причетника села Сулости (имя его я позабыл), кончивший курс в Александровской академии; он носил фамилию Сулостского. У зятя моего были с ним частые богословские диспуты; для шутки Сулостский станет опровергать догматы зятя моего текстами Священного Писания, так что зять мой замолчит и перестанет спорить. Спустя после этого много годов я случайно читал в ведомостях, что продавали книгу духовного содержания, сочинения соборного протоиерея (имя и какого собора) Сулостского; не знаю, того ли, о котором речь моя, или другой фамилии Сулостский; она удержалась у меня в памяти, и, как

---

³²² Слепушкин Ф.Н. (1783—1848) — крестьянский поэт-самоучка, родом из Ярославской губернии. Книга, которую упоминает мемуарист, — сборник стихов «Досуги сельского жителя» (СПб., 1828).

мне помнится, это было в восточных губерниях. Вот что о нем рассказывал мне зять: первоначально обучался он в Вифанской семинарии и чем-то был оскорблен московским митрополитом Филаретом; он не стал посещать училище, а только каждодневно узнавал от своих товарищей о том, какие были лекции, и их со слов товарищей записывал. Так прошел год; наступал выпускной экзамен; Сулостский был исключен из числа студентов за непосещение лекций; в день экзамена он явился туда, ему заметили, что он, столько времени не посещавши училища, не может держать экзамен. Когда пришла его очередь, то его спросили: сколько он желает получить баллов? Он свободно отвечал: «Все». Ему повторили вопрос, он опять сказал: «Все». Начался экзамен, и он, к удивлению всех профессоров и публики, выдержал экзамен столь блистательно, что и сам митрополит Филарет был от него в восторге. Потом он вызвался доказать, что нет Бога; это всех заинтересовало; тогда он начал прямо с митрополита Филарета, доказывая, что в нем нет Бога, и обличал за то, что он безвинно теснил его. Владыка безмолвствовал. Оратор остался победителем и для окончания курса наук перешел в Александровскую академию. В описываемое мною время он был с небольшим 20 лет; нрава был тихого и трезвого поведения. В это лето новый огородник, бывший работником у моего отца, крестьянин села Угодич, Яков Яковлев Шпагин, снял огородную землю в городе Тихвине у купца Дуранова.

Из Питера до Тихвина я обратно ехал водой, а от Тихвина до Сомины 90 верст горой сухопутьем. От Сомины до Ярославля ехал тоже водой «лежнем», т.е. освобожден был за лишнюю плату от «гребли», ехал реками: Соминкой, Горюном, Чагодой, Молотой и Волгой. Пристань Сомина — деревня разных господ, стоящая на правом берегу реки Соминки, недалеко

от места, называемого «Озера». Как мне рассказывали жители, из этих озер вытекают две реки: на восток река Соминка, а на запад река Тихвинка. На сей последней от озера до города Тихвина, на протяжении с небольшим ста верст, устроено более ста шлюзов. Товары, более нужные в Петербурге, переправляются от Сомины до Тихвина горою, а из Тихвина опять водою, потому что водяной путь от Сомины до Тихвина замедляется в сказанных шлюзах. Во время этой поездки у меня удержались в памяти два предмета. Первый из них — это было еще в Содине, пока товарищи мои и рабочие приготовляли всю нужную для пути провизию и нужные принадлежности для нашего собственного, купленного нами судна, лодки «Соминки», на которую помещалось народа около 30 человек, я с одним из товарищей пошел вперед пешком по правому берегу реки Соминки; пройдя небольшое расстояние от Сомины, мы встретили источник подземной воды, именно целую реку, вытекающую из высокой, поросшей лесом горы, которая в этом месте имела вид стены; из подошвы, или основания, этой природной стены и вытекала эта подземная река, текущая по самым мельчайшим камушкам; назвать эту реку ни ключом, ни ручьем было нельзя, потому что ширина этой реки была около пяти аршин, а глубина не выше лодыжки; когда мы через нее переходили, то быстрое стремление воды, хотя и на такой ничтожной глубине, для перехода не совсем безопасно. Перейдя эту реку, мы долго любовались на нее и на ее величественный источник и жалели о ее кратком пути, потому что течение этой реки от подошвы природной стены и до реки Соминки было не более четырех сажен. Другой предмет — это река Сить, впадающая в реку Мологу; она известна по знаменитой Ситской битве великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского и князей Ростовских

с бесчисленными полчищами Батыя³²³. Устье этой реки и, как я видел, берега ее поросли густым и дремучим лесом; вид воды и вид самой реки навеял на меня какое-то мрачное и угрюмое и вовсе для меня непонятное и непостижимое чувство, на меня нашло вдруг вроде какого-то страха; сожалею и до днесь о невозвратно потерянном от моего глупого невнимания к рассказу о той битве об этом месте и реке Сити. Только несколько оправдываю это обстоятельство тем, что мне тогда было только 16 лет, а в это время я еще мало и слышал о Ситской знаменитой битве.

Со мной вместе ехал и таким же лежнем, как и я, зеленой торговец из Питера, с Сенной площади, родом с берегов реки Сити; селение его, по его словам, было недалеко, вверх по этой реке Сити; он сильно звал меня к себе в гости (да и можно было исполнить его желание, потому что часов 10 мастера чинили повреждения нашей лодки, вытащив ее на берег), и он хотел показать мне место, где была Ситская битва, и курганы, находящиеся на том месте. О битве этой он весьма много рассказывал мне любопытного, но я любил слушать подобные рассказы только о своем Ростове, битва же эта была так далека от него, что для меня и не составляла никакой важности. Когда же случай свел меня с П.В. Хлебниковым и Е.В. Трехлетовым, тогда я узнал цену рассказа о битве и тому, от чего я отказался.

Теперь, к несчастью моему, из рассказа моего товарища я ничего не удержал в памяти, только немного напомнил мне Федор Яковлевич Никольский в сочинении своем о Ярославской губернии³²⁴, где он говорит о месте убиения Ростовского князя Василька Константиновича, которого

---

³²³ В 1238 г. русские войска были разбиты татарами в битве на реке Сить, правом притоке Мологи.

³²⁴ Имеется в виду книга журналиста и краеведа Ф.Я. Никольского (? — 1880) «Путеводитель по Ярославской губернии» (Ярославль, 1859).

церковь причислила к лику святых. Никольский говорил об этом, что Карамзин, а вслед за ним и все единогласно, без всякого основания, положили, что князь Василько³²⁵ убит на берегах реки Шерны, которая впадает в реку Клязьму в Богородском уезде Московской губернии; но вероятность этого мнения ослабляется отдаленностью Киржача и Шерны от Ситского побоища и от маршрута татарских войск, потому что они шли после битвы на полдень, и не там совершилось злобное убийство; по живому, доселе существующему в устах народа преданию, это было в приходе села Ширенья, почти на границе между Ярославским и Угличским уездами; на реке Шерне на половине расстояния между Ростовским уездом и Ситским Батыевым побоищем есть пустынь «Васили»[, которая] еще ближе и точнее передает тут место события; в этом местном предании, с именем Ростовского князя Василька хранится, хотя неясно и не совсем отчетливо, и память о каких-то всадниках и бывшей на пустыни «Басили» стычке.

При этом описании Никольского и я припомнил подобный рассказ моего товарища о смерти князя Василька. В начале XIX столетия найден тут был камень в виде гробовой плиты, но после он затерялся (о каком-то святом камне сказывал мне тогда мой товарищ; он находится в церкви его прихода и почитается чудотворным), и, может быть, этот камень положен был по распоряжению самой княгини Марии, супруги кн. Василька, на месте его мученической кончины; имя села Резанина, соседственного с Ширеньем, как будто в связи с этим печальным событием; берега реки Шерны доселе

---

³²⁵ Василько Константинович, князь Ростовский (1209—1238). В битве на реке Сить был пленен, а затем убит татарами.

покрыты на значительное пространство густым хвойным лесом³²⁶ (Шеренский лес известен и теперь в 25 верстах от города Кашина и в 38 верстах от города Калязина; здесь был впоследствии «Шеринский монастырь», а ныне село Шеринское на реке Шеринье в лесной стороне). Речка Шеринка течет в Калязинском уезде Тверской губернии, недалеко от Ситской битвы, по пути движения татар к Нову городу.

Помнится мне, как во сне, необоримый заливной луг, омываемый реками Волгой и Мологой; не помню только города Мологи³²⁷, в котором я много раз бывал проездом; там ли он стоит, на правом берегу реки Мологи, где была в старину купеческая слобода, или «холопий городок», или нет. Здесь открылась первая на Руси ярмарка, куда приезжали купцы немецкие, греческие, итальянские, персидские, бухарские и хивинские; шатры их покрывали необозримый луг, омываемый этими реками; ярмарка продолжалась шесть летних месяцев; пошлинного сбора собиралось в казну сто восемьдесят пуд серебра; на лугу тогда становилось до ста кабаков, вследствие чего наш лоцман во время пути рекой Мологой дразнил моложан, называя их «Молога пьяная».

По приезде в Угодичи я узнал, что воздвигнуто было сильное гонение и едва не ссылка в заточение крестьянами села Угодич бывшего своего бурмистра, крестьянина деревни Воробылова Николая Григорьева Тихонова, правившего должность бурмистра в прошедший год. Тихонов секретно от крестьян хотел сдать за хорошее вознаграждение оригинал вотчинного отпускного акта (писанного на листе сторублевого достоинства) помещика

---

³²⁶ Текст со слов «речки Шерны, которая впадает в Клязьму» до данного места представляет собой несколько видоизмененную цитату из кн.: Никольский Ф.Я. Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859. С. 46—47.

³²⁷ Молога — город в Ярославской губернии при впадении р. Мологи в Волгу; с 1321 г. до XVI в. был центром удельного княжества. В XIV—XVI вв. в Мологе была знаменитая ярмарка. Город был уничтожен в 1940 г. при открытии Рыбинского водохранилища.

Филиппа Алексеевича Карр его наследнику Алексею Васильевичу Карр, но бурмистра соследил в этом мошенничестве вотчинный писарь Василий Павлов Горохов. Бурмистр села Угодич крестьянин Иван Степанов Курманов, или Гадаев, с писарем Гороховым арестовали Тихонова в Ростове, где ожидал его г. Карр, дожидаясь получения украденного акта.

Наступивший 1830 год был для меня во всем подобен прошедшему; ездил я с зятем Гаврилом в Тихвин, а весну сам по себе торговал семенами и квартировал у мещанина Саввы Аникиева Субботина; здесь уместно помянуть двух сестер старушек: Прасковью и Феклу Ивановых; Фекла была мать Саввы, а Прасковья была хранительница моего детства в Тихвине и была для меня второй матерью.

Жил я в Тихвине с зятем лето и познакомился с директором водяной системы на реке Тихвинке, бароном Розеном, генералом добрым, который был высок ростом и складен, только кривошей, так что голова его лежала почти на плече. Он тогда взял у зятя Гаврила оставшиеся у него польские лопатки, купленные им для Калистратовых, у которых тогда подряды по шлюзам перебил другой подрядчик.

В этом году в селе Угодичах помер всеми уважаемый крестьянин Михайла Андреевич Дюков, которого начальник Ярославской губернии Безобразов безвинно наказал розгами по причине ложного доноса, а именно: в 1820 году Дюков был бурмистром села Угодич, в это время был рекрутский набор; у крестьянина села Угодич Якова Яковлева Шапугина было два сына умных, а третий дурак (как это говорилось в сказке); дурака звали Михайлом; крестьяне, желая сохранить отцу старшего сына Андрея, на мирском сходе приговорили отдать в солдаты сына-дурака Михаила, парня рослого и здорового. В рекрутском присутствии это дело разъяснилось, и Шапугин всю вину свалил на бурмистра, который будто бы

самовольно хочет сдать его в рекруты помимо старшего брата. Губернатор разгневался на такое действие бурмистра и, не учиня справок, велел его наказать.

После он узнал о своей опрометчивости, жалел, что погорячился; дурака хотя и приняли в рекруты, но Дюков от этого оскорбления заболел и вскоре помер.

В это же время помер церковный староста Богоявленской церкви Иван Иванович Закалин-Русманов, прослужа тридцать два года, и в этом же году 1 ноября померла моя крестная мать Марфа Ларионова, жена моего дяди Михайла Дмитриева Артынова.

В Тихвинском большом монастыре в этот год для текущего сквозь монастырь, с юга на север, ручья в выгонах и крутых берегах устроили кирпичную трубу, а глубокий ров, в котором он протекал, завалили песком в уровень с берегами и развели два плодовые сада при въезде в монастырь в западные ворота, направо и налево от дороги, ведущей к святым воротам, что под церковью св. Феодора Стратилата с западной стороны монастырской соборной церкви.

В начале 1831 года я пировал на двух свадьбах у своих товарищей, Владимира Иванова Никонова и Василья Андреева Балашева-Папышева, а незадолго до Ростовской ярмарки купил казанского меду для перепуска у ростовского купца Николая Иванова Кайдалова, старшего сына Елены Афанасьевой Кайдаловой. Сортировать меня обучал крестьянин села Воржи Иван Иванович Жижин, перепускал же этот мед крестьянин деревни Дунилова (Шулецкой волости) Петр Никин, зять Свиньина, изобретателя искусства перепускать мед.

Летом Богоявленской церкви села Угодич церковный староста, Семен Васильевич Мухин, устроил в теплой трапезной церкви на кирпичных шанцах чугунный пол.

В начале зимы поехал в Казань с ростовским купцом Иваном Ивановичем Зыковым; в городе Свияжске остановились на постоялом дворе, в доме, принадлежащем татарину; содержатель постоялого двора был русский. В то время, когда мы пили чай, вошел к нам и сам домохозяин, татарин; долго разговаривал он с Зыковым и крестьянином деревни Борисовской Абрамом Васильевичем Шуиным; разговор их коснулся и религии; тогда татарин стал превозносить Николая Чудотворца, говоря: «О, ваш Микула велик человек!» Это повторил он не один раз; по уходе его, Зыков спросил у харчевника о том, что Микула сделал татарину? И тот рассказал нам следующее событие с татаринном: повстречался с ним в лесу огромный медведь; гибель татарина была неминуемая, медведь шел прямо на него; тут татарину пришел на память святитель Николай; вероятно, от кого-нибудь он слышал о нем; он стал ему молиться, говоря: «Микула! пожалуйста! свеча ставят!» — и говорил это не один раз; медведь тогда поворотил в сторону и скрылся в чаще леса. Татарин по обещанию купил свечу и отдал ее местному священнику, говоря: «Пожалуйста, ставь Микуле; о, ваш Микула велик человек».

В Казани мы остановились на подворье у Карюкина; мед купили у казанского купца Луки Степанова Рукавишникова; прошлогодний мед продал крестьянину села Семибрат (Примковской волости) Степану Дмитриеву Болдину. Маклером в этой покупке у Болдина был ростовский гражданин Иван Иванов Миронов. О дяде этого Миронова сохранилось у меня собственноручное письмо княгини Екатерины Голицыной следующего содержания: «Бурмистру Петру Трусову. — Просил меня ростовский купец

Кузьма Миронов, что он имеет заклад: пуговицы от Василия Крестьянинова и письмо Андрея Никонова (моего Артынова крестного отца), данное ему, которое письмо подписал поручкой Василий Крестьянинов, а по тому письму Никонов должен платить только третью часть, то ты оно разбираи, а оный Миронов согласен погодно расписать уплату, и так ты все это реши, чтоб всем было не обидно. Княгиня Катерина Голицына. Марта 1793, августа 11 дня».

У Кузьмы Миронова был сын Иван, а у Ивана Кузьмича было три сына: Матвей, Иван и Игнатий. Эти три брата имели общий торговый дом фирмы «Миронова» в Петербурге в Андреевском рынке и торговали русским (казанским) маслом³²⁸ и дичью: каплунами, рябчиками и тетерками, также и ярославским полотном, а во время Ростовской ярмарки сахаром и деревянным маслом³²⁹. Они много годов имели торговую компанию с Максимом Михайловым Плешановым, но впоследствии времени эта фирма Миронова обанкротилась более чем на сто тысяч рублей и уже не торговала. В конце этого года я ездил в Питер и купил там для Ростовской ярмарки сахару и деревянного масла.

Перед Ростовской ярмаркой на Масленице у нашего священника гостил какой-то его родственник-семинарист, из Ярославля. Фамилию его я теперь позабыл, помню, что его звали Федором. С этим семинаристом я познакомился: он был малый очень начитанный и веселый, большой говорун. Много он рассказывал про разные консисторские штуки и проделки приказных. В консистории у него служил столоначальником родной дядя. На прощанье он подарил мне прошение, поданное каким-то

---

³²⁸ Имеется в виду топленое сливочное масло.

³²⁹ Деревянное масло — растительное масло, употреблявшееся в основном для приготовления лампадного еля.

сельским священником к Ярослав[скому] архиерею, преосвящ[енному] Аврааму*. Какими-то судьбами это прошение уцелело у меня и по сей час; вспоминая старину, я привожу его дословно:

Преосвященный Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Вонми скорбному гласу моему, яко аз со слезами вопию ти, изъми мя от враг моих, изгони гонящия мя и побори борющия.

Причет мой зол разбойнически есть и многажди мне деяша пакости, егда хождах, прещали ми на пути, подбиваша очи мои и заушаша мя, дондеже угрожах.

Приспешу празднику сырныя недели и возлежащу со причетники моими вкупе у крестьянина Пахома, зело богата суща и имуща многое множество брашна и пития, ими же убози ны ово же ястием, ово же питием упихомся и объедохомся до зела. Тогда убо диакон Исидор седе противу мене и начаше изрыгати на мя хулы велия, покивающе главою и помизающе очима; аз же агнец незлобый сый и нечесо отвещевах, долу зря, точию нечестивец же оный молчание вмени себе в хулу, разъярившись оный до зела, и егда - владыка дому изыде вон, ят мя за власы, извлек из храмины повергше долу и сядя на мя, яко осля подъяремнича, начаше по ланитом бита, терзати за браду семо и овамо, и взяша от земли древо, еже нарицается дубина, возложи на раменах язвы велия и на хребте моем учини жестокое поругание. Узрев сие огорченный дому владыка, исхитив мя из рук нечестивца сего и отпусти из дому с честью велиею, и оскорбленный сый духом, а паче тем обливахся слезами, текох аз к месту жилища моего, и уже прошед полпоприща, тогда нечестивый диакон Исидор вкупе с окаянным Фролкою-пономарем, оставя дом пиршества, потече вслед мене и достигоша

мя на пути, паки повергше мя долу, совлекли с мене ризы моя, отнесли к продавцу вина и пропили тамо.

Что сие мнит ти владыко! аз же смиренный иерей не могу более зрети очима моима на сих противоборников и сего ради молю тя, извергни их из причта моего, накажи их по правилам святых Отец, яко восставших несправедно на священный сан мой, одежды моя повели искупити и ко приходу моему поставити людей честных, с ними бы я возмог правити дело мое церковное. Иерей Фома.

Владыко, как рассказывал семинарист, получивший это прошение, много на него смеялся и велел расследовать все это дело. По дознанию, поп Фома оказался совершенно прав, и дьякон с пономарем были отданы под начало и переведены потом в другой приход, а к попу Фоме владыко определил другой причт.

---

* Преосвящ[енный] Авраам Шумилин из московских вдовых священников, архиепископ Ярослав[ский] с 1824 по 1836 г., на покоех с 1844 года. Авраам остался памятен для Ярослав[ской] епархии тем, что в течение своего долгого управления паствою уничтожал церкви и монастыри, перестраивая по своим собственным планам и фасадам, весьма безвкусным и несообразным. Даже проживая на покое, он перепортил древнейший Толгский монастырь, а чудотворную икону Спаса рублевского письма, в виду некоторых повреждений, велел местному монаху живописцу снова переписать. Икона эта в таком виде находится и посейчас. Много сей пастьерь сломал древнейших деревянных и каменных церквей безо всякой

надобности, лишь бы выстроить по своим планам. Современники звали его "мудрым старцем", и его безобразные постройки и посейчас называются "Авраамьевскими постройками".

Глава XI

В маскараде. — Дочь мелочного торговца. — У страха глаза велики. — Перевозка в сене покойника на родину. — Смотренье невесты. — Женидьба. — В Петропавловском соборе. — У гробницы Александра I. — Скобелев. — Находка денег работником. — Перемена ярмарочного времени. — Осеневский разбойник Иван Федосеев. — Лошадь Петра Великого. — Пожар балагана Лемана. — Ранняя весна. — Рождение сына. — С. Шестаково. — Легенда о Ларе Шестаке и Светлане.

В бытность в Петербурге я в новый, 1832 год был с сестрой и зятем в Зимнем дворце в маскараде, где обращала на себя внимание публики жена одного столичного богача; красота и дородство ее соответствовали ее наряду, состоявшему из малиновой бархатной ферязи, а русская длинная рубашка и кокошник, усыпанный драгоценными камнями, довершали украшение.

Зятю Дмитрию был хорошо знаком отец этой знаменитой красавицы; вот рассказ его об ее замужестве: около другой дачи Грачева, Ильи Андреева, у старой Московской заставы, близ обводного канала, торговал небогатый мелочной лавочник, который имел одну только дочь. В одно время перед его лавкой остановился молодой человек лет 30, приехавший на паре заводских рысаков, в щегольском экипаже; войдя в мелочную лавку, он завел с хозяином лавочки посторонний разговор, а потом стал просить,

чтобы он показал ему свою дочь, которая в это время была в своей каморке; отец долго на это не соглашался, наконец был убежден показать ее и в самом скудном, но опрятном наряде вывел ее из каморки; она была стыдлива и застенчива; гость, сказав ей обычные приветствия и обратясь к ее отцу, стал просить ее себе в супружество; отец от этого пришел в недоумение и отозвался, что он не знает, с кем и речь ведет; тогда гость спросил: у кого он более покупает мяту и прочий свой товар? * Тот отвечал, что товар он покупает более у купца Воронова на Садовой улице. И прекрасно! отвечал ему незнакомец. Спроси там обо мне, — и дал ему записку о своей фамилии, обещая приехать к нему завтра в такое же время. Лавочник идет в лавку Воронова и там у знакомого ему приказчика спрашивает о своем посетителе; приказчик удивился этому вопросу и сказал: зачем он о нем спрашивает? Но тот не сказал правды, а что-то другое; тогда приказчик назвал фамилию, кого он спрашивает, и что это один из братьев миллионеров и биржевых торговцев; что младший брат женат на богачихе, а старший холостой. Услыхав это, лавочник в недоумении пришел в свою лавочку и, не сказав ничего своей дочери, ждал назначенного часа. В назначенное время незнакомец приехал и стал спрашивать у лавочника, осведомлялся ли он о нем? и получил ответ, что осведомлялся; «Ну, сказал он, теперь согласен ли отдать за меня свою дочь?...» Тот не знал, что и отвечать на это; но дело у них скоро сладилось; невеста появилась, помолились Богу и дело закончили; тогда жених дает лавочнику пакет с несколькими тысячами рублей и велит ему в указанном доме нанять для его приезда квартиру, а невесте дает тоже пакет пополновеснее на ее наряды. Об этом браке много было толков, но наконец все замолкло.

Маскарад показал мелочницу-лавочницу во всем блеске ее красоты, наряда и даже если не образованности, то умения себя держать. На свой праздник Крещения я поспешил приехать из Питера в село Угодичи. Товарищем моим был Федор Максимович Плешанов, ездивший каждый год в это время из Петербурга в Ростов к своему отцу с годичным отчетом. Езда наша была самая быстрая.

По пути к городу Устюжне, на последней к нему станции, мы были напуганы в дремучем лесу нагнавшей повозку нашу тройкой лихих лошадей; в санях сидели человек шесть здоровых мужиков, а нас и с кучером было только трое. Дело было хотя и днем, но перелесок был более пяти верст, а это было посредине самого леса; Плешанов сильно испугался и велел гнать кучеру, не щадя лошадей; но тройка нас смяла, и мужики закричали нашему кучеру, чтобы он остановил лошадей; тот и остановил их; гонцы выскочили из саней и обступили нашу небольшую повозку с обеих сторон. Плешанов был безгласен и бледен, и все это произошло, вероятно, по случаю туго набитого деньгами находящегося под ним его чемодана. Но испуг наш был напрасен, и дело выяснилось такое: у товарищей наших, ехавших в других двух повозках, случилось без нас происшествие; нам подали лошадей прежде, а им только еще закладывали. Мы поехали вперед; они же всегда нас догоняли, а теперь по отъезде нашем на станции скоропостижно умер один из их товарищей, богатый питерский мясник, ехавший домой, который на станции вместе с нами пил чай и закусывал; не было никаких признаков могущей случиться смерти. Нагнавший нас сотский с понятиями требовал нас обратно на станцию для отобрания от нас показаний. Плешанов не поехал, а показал им свой вид, по которому сотский не посмел удерживать его, а с ним и меня. В Устюжне товарищи догнали нас,

потому что Плешанов тут ходил на свидание к купцу Лотонину и пробыл там немалое время; товарищ родственник умершего положил покойника на дно своей повозки, завалил его сеном, своим и его имуществом и таким образом приехал с ним к Борисоглебским слободам Ростовского уезда, откуда он поехал с мертвым в сторону к Вошажникову, а мы благополучно приехали в Ростов.

К приезду моему из Питера мать моя озаботилась женить меня и просила быть сватом Ивана Иванова Миронова. Невестой для меня в селе Угодичах была старшая дочь Андрея Михайловича Дюкова, но вышли какие-то стародавние капризы у моей матери с ними и она не хотела слышать про эту невесту, хотя Дюков и не прочь был породниться; он выдал ее за Александра Алексеевича Малышева.

Я поэтому смотрел следующих невест: 7 января в Ростове у купцов Федора Федоровича Бабурина и у Кетовского, а 16 января смотрел борисоглебскую невесту в доме Курочкина у Яковлевского монастыря в Ростове. 18-го смотрел невесту в селе Поречье у Ивана Андреевича Подгорнова, его сестру, с которой долго тянулось дело, почти решенное, но не состоялось потому, что долго не получена была вольная невесте из Петербурга от их помещика; она впоследствии была выдана за вдовца Василья Ильича Лисицына; 22 января было мое обручение с девицей Любовью, дочерью купца Бабурина, а 31 января был наш брак. Нас венчал уважаемый всеми прихожанами священник Богоявленского прихода, о. Владимир; свадебный стол готовили повара; так мать моя пожелала; это был первый образец у нас в селе.

Во время лета я переделал внутренние покои в своем доме. Вскоре я поехал в Петербург, где мёд-перепуск продал у Каменного моста купцам

Василью Федоровичу Кирпичеву и Петру Федоровичу Жукову; первый был родом Ростовского уезда деревни Новой (что близ села Поречья), а последний был купец ратуши города Петрова.

В это время со мной случилось достопамятное событие; в одно послеобеденное время пришел я в собор Петропавловской крепости в Петербурге, где никогда не бывал; мне хотелось посмотреть на царские гробницы: в это время в соборе было двое посетителей: один в блестящей генеральской форме, а другой худощавый старик в статской одежде; они тоже, как и я, ходили по собору; старик водил по разным местам генерала и показывал ему достопримечательности храма и разные висевшие тут знамена; про некоторые старик громко и с жаром рассказывал. Я попросил сторожа показать мне гробницу Императора Александра I; он подвел меня к ней; показал мне и находящийся под чехлом на ней покров. Я помолился за упокой Царя и поклонился его гробнице; в это время старик с генералом подошли ко мне; старик спросил меня: отколе я? из Ростова Ярославского, отвечал я ему; «купец»? повторил он: я сказал ему, кто я; он любопытствовал и спросил меня о причине моего усердия к гробнице Императора; я отвечал ему, что он даровал нам вечную свободу от помещика Карра. «А, — сказал старик, — я знал прежде генерала Карра; имя его было под Москвою». Я сказал, что это был родной брат нашего помещика благодетеля. Тут старик спросил меня, не знаю ли я Яковлевского монастыря архимандрита Иннокентия? Я удовлетворил его любопытство; тут он стал превозносить радушие, словесность и гостеприимство архимандрита и затем пошли с генералом от меня; тут я увидел, что старик был об одной руке и спросил у сторожа: что это за люди? Тот отвечал мне,

что старик — комендант здешней крепости, Скобелев³³⁰, а генерал — его какой-то гость.

В Ростовскую ярмарку 1833 года я купил меду для перепуска, который и перепускал бывший самый верный служитель моего отца в продолжение 25 лет, крестьянин села Угодич Андрей Андреев Караулов, или Олетин, который настолько был бескорыстен, что, случайно подняв лежащий пакет в западных воротах нового мытного двора, во время Ростовской ярмарки, положил этот пакет за пазуху: смотреть его ему было некогда, потому что накладывал и принимал у меня мед на мытном дворе; приехавши домой, усмотрел, что пакет с деньгами; к вечеру торговцы узнали через полицию, что крестьянин деревни Борисовской Абрам Васильев Шуин, распоясывавшись, обронил из-за пазухи пакет, в котором было 1500 рублей ассигнациями.

Караулов не утаил их, а возвратил потерянное по принадлежности, отнеся их сам Шуину в деревню на дом. Ярмарка в этот год положена была от министра финансов в число 5 февраля вместо сборного воскресенья³³¹, но жизнь и потребности взяли свое, и это потом не состоялось: ярмарка на будущие годы продолжалась по-прежнему. Апреля 10-го начал я разводить с восточной стороны дома сад, для которого брал яблони у ростовских купцов, любителей садоводства: Николая Михайловича Юрыгина, Василья Кузьмича Голицына и Никиты Яковлевича Малкова. В это же время переделывал внутреннее расположение дома; мастер-плотник был словущий Илья Иванов Косой, родом из деревни Коромыслова Ярославского уезда; а сзади я построил сараи для стоянья меда и обнес тесовым забором сад.

---

³³⁰ Скобелев Иван Никитич (1778—1849) — генерал от инфантерии, писатель, во "Ремя Отечественной войны 1-812 г. адъютант М.И. Кутузова; дед М.Д. Скобелева. 1ев'Уарист неточен, комендантом Петропавловской крепости И.Н. Скобелев стал только в 1839 г.

³³¹ Воскресенье первой недели Великого поста.

Декабря 17-го приехал за покупкой меда в Казань и ходил смотреть «башню Сумбеки»³³², потом был в Девичьем монастыре, но не могу ничего о нем сказать — позабыл.

В 1834 году для продажи меда ездил в Питер; купил там для Ростовской ярмарки сахару; сахар покупал фирмы «Молво-Екатерингоф» у заводчиков: Василья Абрамовича Алферовского, Ивана Романовича Джуппа, Константина Христиановича Эстерейх, Берда и Прена, а чай покупал у Ивана Алексеевича Перлова, Николая Дмитриевича Боткина и Алексея Яковлевича Спешилова. Весной принял себе в товарищи ростовского гражданина Ивана Ивановича Миронова, с которым стал покупать для Питера крестьянские полотна и бель и казанскую дичь: тетерку и рябчика и кураковских каплунов и свинину. Возил сахар и деревянное масло на Нижегородскую ярмарку, где квартировал в лавке у ростовского купца, в игольном ряду торговавшего украинскими кушаками, а в Ростове имел гуртовую чайную лавку у Ильи Алексеевича Шишерина.

С Нижегородской ярмарки в Ростов был у меня товарищем ростовский купец Дмитрий Алексеевич Хлебников, тесть Тейковского купца Степана Ивановича Каретникова, который дорогой рассказал мне следующую любопытную историю про знаменитого нашего разбойника Ивана Федосеева, родом из села Осенева. Комнаты и лавки Каретникова в Нижегородской ярмарке были смежны с московским фабрикантом; во время обеда у Каретникова к соседу, вероятно, пришел гость, потому что тот громко вскрикнул: «А! Иван Фадеич! пожалуйте!» Это имя на устах Хлебникова вызвало улыбку; Каретников это заметил и спросил о том; Хлебников сказал, что это имя знаменитого нашего разбойника; Каретников

---

³³² Знаменитая башня на территории Казанского кремля, сооруженная в ко XVII-начале XVIII в.

тоже с улыбкой отвечал ему, что это он самый и есть, но только он Верхнеудинский второй гильдии купец, который, будучи там в ссылке, выслужил беспорочно свой срок, приглянулся богатой вдове и женился на ней; ему дозволено было ездить за покупкой товаров на Нижегородскую ярмарку и что он хороший покупатель у Каретникова; с ним Каретников познакомил и Хлебникова, к которому уже Фадеев часто ходил и спрашивал о состоянии своей родины и Ростовского края, где он производил свои разбойничьи операции. По словам Хлебникова, он был старик, седой как лунь, роста среднего и крепкого телосложения; речь у него была громкая, твердая и крутая, взор быстрый; дебел телом.

В это время бурмистр села Угодич, Яков Поликарпов Звездин, крестьянин деревни Воробылова, возобновил внутренней перестройкой деревянный дом бывшего помещика Филиппа Карра; находившиеся в нем массивные печи мусин-пушкинских кафелей, или изразцов зеленых с различными притчами, изображениями и подписями, он заменил новыми белыми изразцами и отдал этот дом под трактирное заведение крестьянину села Угодич Абраму Андрееву Мягкову, перевозчику.

В декабре месяце я ездил за покупкою меда в Казань. Выезд наш из Ростова на Казанскую дорогу всегда происходил на село Сельцо Сулостской волости и мимо деревни Хожина; в этом месте мы сбились с дороги, это было в глухую ночь; кое-как попали на деревню Хожино и послали кучера спросить о Казанской дороге; ямщик едва достучался и спросил дорогу в Казань; та отвечала, что не знает; ему велели спросить дорогу на село Васильки; тогда только старуха растолковала нам, где дорога в село Васильки.

По приезде из Казани я поехал с женою в Питер и квартировал у сестры Настасьи; праздник Рождества был там; жена более находилась у своего дяди, который содержал трактир близ Таврического моста.

Торговля моя в 1835 году шла так же, как и в прошлом; ездил я неоднократно в Питер с полотнами и белью и отправил товар на Нижегородскую ярмарку на комиссию Луке Шишерину, чрез лоточного поставщика, купца города Тихвина, Киларькова; 7 августа был на Александровской мануфактуре³³³, находящейся вверх по Неве, которую и обозревал в подробности с разрешения директора оной, был я тут со сватом Андреем Гавриловым Грачевым и крестьянином деревни Воробылова Николаем Григорьевым Тихоновым.

8 августа праздновали столетие Петербургского арсенала, который я также обозрел в подробности; он три дня был открыт для публики. 10 августа с зятем Дмитрием Андреевым Грачевым и ростовским купцом Петром Николаевым Локтевым Кривым (приказчиком астраханского купца Сапожникова по части продажи рыбьего клея) был я в Кунсткамере. Тут обратило на себя мое внимание чучело небольшой лошади Петра I, на которой седельные стремяна висят от поля не более как на один фут; рассказ о ней зрителя заинтересовал меня, потому что он походил на легенду, а именно: Государю кто-то сказал, что у татарина Маймыта есть дивных свойств жеребенок двух лет; Государь трижды посылал Меншикова купить его, но продавец каждый раз возвышал своей кляче цену; последняя цена вышла баснословная; впоследствии кляча оправдала себя; во время

---

³³³ Имеется в виду принадлежащая ведомству петербургского Воспитательного дома фабрика, выделяющая игральные карты (была основана в 1798 г.). Название получила от местечка Александровск, лежащего на левом берегу Невы, в 10 верстах от Петербурга.

Полтавской битвы она одна служила в продолжение всего сражения; она могла в сутки пробежать 150 верст. Смотритель говорил еще и о многих других ее достоинствах, но я их позабыл. Теперь чучело стоит в стеклянном футляре. В начале декабря ездил за покупкою меда в Казань; по приезде оттуда поехал с женой в Питер, отправил туда же мед и разные другие товары; квартировал у сестры Настасьи; а жена часто посещала дядю Сыромятникова в Кирочной улице. 27 декабря были с женой на именинах у портного, Степана Степановича Резанова — зятя Сыромятникова и поставщика 1-го кадетского корпуса; бал был блестящий и роскошный; военных людей, чиновников этого корпуса, было очень много. Квартира Резанова была на Васильевском острове и имела мастерскую на 70 человек.

В Новый 1836 год, 1 января, был с женой в маскараде в Зимнем дворце; день был теплый, но во время маскарада, около полуночи, сделался жестокий мороз, а публика почти вся была в легких костюмах.

Февраля 2-го я продал мед в Мытный двор купцу Якову Григорьевичу Бурмакину; в то время, когда мы пили чай в трактире на Адмиралтейской площади, загорелся балаган (комедия) Лемана, в которой погибло много народа и все избранная публика; если бы не продержал меня Бурмакин, покупая у меня мед, я был бы в числе погибших, потому что накануне и утром 2 февраля имел твердое намерение быть там. Приехав на пожар, видел, как в присутствии Императора разобрали часть двойной, прочной тесовой обшивки и вытаскивали оттуда мертвыми избранную публику; погибло много хороших фамилий детей, и все эти несчастные пострадали больше от входных дверей, отворявшихся внутрь балагана. Во время смятения двери перед нахлынувшей толпой затворились, и от того было много задавленных и задушенных дымом.

Марта 5-го открылись заводы на Ростовском озере, а в Питере в это время была почти настоящая весна; 21 марта я смотрел там на открытие железной дороги из Питера в Царское Село; это была первая железная дорога в России. Апреля 6-го Ростовское озеро совершенно очистилось от льда. 17 апреля я ездил в город Углич, где сложен был извозчиками сахар, который и привез с собой в Ростов. 22 апреля жена приехала из Питера с извозчиком села Львов, Михайлом Солодовниковым; на пути, /городе Валдае, она по озеру заезжала в обитель св. Иакова Боровицкого, находившуюся близ города Валдая, на острове Валдайского озера. 20 июля был с женой в Ярославле. Утром 6 августа у меня родился сын Яков, восприемником которого был Федор Федорович Бабурин, отец моей жены, а крестил его священник о. Николай Владимиров.

Были у меня еще гости из села Шестакова Воржской волости. Село Шестаково в 8 верстах от Ростова, упоминается в старинных актах; принадлежало оно в древности Ларе Шестаку. У меня об этом Ларе Шестаке записана легенда такого содержания:

Легенда о Ларе Шестаке и Светлане³³⁴

В одно из нападений кривичей на Ростовскую землю жрец бога Ярила принужден был со всем семейством спастись на берегу реки Москвы, но кривичи нагнали его у р. Трубежа, убили его жену и младенца-сына, а самого жестоко изранили. В то же время одна вдова с Москвы-реки шла к Ростовскому озеру к родственнице и, дойдя до Трубежа, увидела

---

³³⁴ «Легенда о Ларе Шестаке и Светлане» отсутствует в рукописи «Воспоминаний» и вставлена в текст редактором А.А. Титовым.

произведенный кривичами погром, а среди трупов нашла убитую молодую женщину, а вместе с ней младенца; заметив, что он еще жив, она взяла его с собою и увидела на его шее, на золотой цепочке перстень с великолепным камнем, на коем были вычерчены слова.

Придя с ним в Ростовскую область, она встретила там старого воина, от которого и узнала, что село ее родственников сожжено, а жители истреблены, и так как воин был одинокий, то по его просьбе вдова и поселилась в его тереме вместо хозяйки; усыновленный ею младенец скоро выздоровел, а так как воин в непродолжительном времени помер, то она и осталась полной хозяйкой всего его имущества. Когда Ларя Шестак (так называли младенца) подрос, то пас ежедневно свое стадо у реки Пашмы и стал оказывать огромную силу. Однажды молодой пастух, сидя у реки, заметил раненого вепря, бросившегося в реку, а вслед за ним скачущую на коне прекрасную охотницу; недолго думая, она вместе с лошадыю также бросается в реку, но падает с коня и, выбившись из сил, тонет. Ларя тотчас же кидается за нею в реку и, ухватив охотницу, вытаскивает без чувств на берег; позвав свою мать, он с ее помощью переносит незнакомку в свой терем. Придя в сознание, незнакомка благодарит их за свое спасение и в знак памяти дарит Ларе покрывало с лошади, сделанное из кожи заморского зверя; Ларя впоследствии сделал из нее военную одежду, так как кожа была необыкновенно крепка. Таким образом они расстались. Три дня прошло с тех пор, и Ларя, сидя ежедневно у реки близ своего стада, не переставал мечтать о незнакомке. На четвертый день он увидел ее скачущую на том же коне и радостно поспешил навстречу. Она тотчас же сошла с лошади и села рядом с ним. «Ты, — сказала она, — спас мне жизнь, и я хочу твою жизнь сделать счастливою; в чем вы нуждаетесь?» Ларя ответил ей, что они не имеют ни в чем нужды, но просил ее чаще посещать

его, на что незнакомка и согласилась, но на вопрос о ее имени сказала, что он узнает впоследствии. Чаше и чаще стали их свидания. Наконец в одно из посещений она сказала ему, что ее зовут Светланой, что она дочь ростовского князя Мила и что за нее сватается князь мосхов, что родитель согласен на это, но что она против брака; затем, сознавшись Ларе в любви, предложила удалиться в пределы Муромы и, прожив там, пока не утихнет отцовский гнев, вместе с Ларей возвратиться обратно. «Я вижу, — сказал Ларя, — что ты для меня делаешь, но я не могу оставить свою мать». Когда так, отвечала Светлана, то я пойду с посланными мосхов, а ты жди меня на Трубеже и возьми силою, а там уйдем на Клязьму к моей тетке. Но Ларя не согласился и на это; так они расстались. Вскоре занемогла Ларина мать и перед смертью рассказала ему всю его историю и, отдавая перстень, прибавила, что с помощью его он, может быть, найдет своих родителей.

Похоронив мать, он пошел к мосхам искать Светлану, но узнал, что на их посланных напали разбойники и пленили княжну. Отыскивая ее, он дошел до Рифейских гор, страны узов, соплеменных уралоруссам. В это время ростовский князь Тучегон пошел на печенегов и путь его лежал чрез землю Узов, но так как последние не пропускали его, то Тучегон и объявил им войну. Встревоженные узы стали выбирать себе полководца, но так как при этом произошла распря, то один из вожаков, старик Юзей, предложил того назначить полководцем, кто с помощью веревки нагнет вершину дерева; нашлось четверо охотников; в это время подходит к ним Ларя и вызывается участвовать в состязании; вызов его принят. Никто из 4 соперников узов не мог нагнуть дерева; настала очередь Лари; он берет веревку, медленно наклоняет дерево и наконец вовсе ломает его. Узы, видя его силу, объявляют его своим полководцем. «Товарищи, — сказал Ларя, —

я согласен быть полководцем, но пусть старик Юзей будет моим руководителем». Старик не соглашался, но наконец уступил просьбе.

Началась битва с переменным счастьем; наконец Тучегон заманил узов в невыгодное место и обратил их в бегство; видя это, Ларя останавливает беглецов и вступает в единоборство с Тучегоном. Последний с яростью ударяет копьем в грудь Лари, но копье останавливается в непроницаемом нагруднике, сделанном из чепрака, подаренного Светланой. В это время Ларя ударяет палицею по щиту Тучегона и разбивает его вдребезги, но, потеряв равновесие, падает и сам. Пользуясь этим, Тучегон хватает его за грудь и, угрожая мечом, говорит: «Жизнь твоя в моей власти, но, уважая твою храбрость, хочу быть лучше твоим другом, нежели врагом». С этих пор оба друга были неразлучны и их военная слава гремела от гор Рифейских до берегов Дуная.

Возвратясь в Ростовскую область, Ларя присутствовал однажды на брачном пиру у своего друга Тучегона, так как последний выдавал дочь за князя Вихресева; тут он случайно встретил своего отца, узнавшего своего сына по золотому перстню. Оказалось, что Ларя Шестак был сыном князя Обира, брата Тучегонова. Обир рассказал сыну, как при бегстве от кривичей надел ему на шею перстень и как на Трубеже была убита его мать и жестоко ранен сам Обир и как, благодаря путнику, почти без признаков жизни, он был привезен в храм одной богини. Выздоровев, Обир назвался Богомилом и, сделавшись жрецом, поселился в Чухломской земле, в уединенной хижине; вскоре он был избран верховным жрецом; там, сказал Богомил, я мирно кончил бы и дни свои, но здесь произошла вражда между жрецами, из коих один был мой брат; я пришел сюда и дело покончил миром. После этого Ларя рассказал отцу свою историю и упросил его остаться жить вместе с ним. Однажды Богомил захотел посмотреть место, где вырос его

сын; придя в свою хижину, Ларя весьма удивился, найдя в ней все в целости и порядке. Затем они идут к реке Пашме, и тут Ларя встречает Светлану, сидящую на берегу, близ своего стада. Они бросились друг другу в объятия, и немало труда стоило Богомилу привести влюбленных в сознание.

Вскоре после этой встречи и был наконец совершен брак Лари со Светланой.

---

* В этом году по причине холеры английская (или перечная) мята продавалась по 1 рубль за фунт и по 35 коп. за пуд.

Глава XII

Плохая торговля. — Бронницкий курган. — Девичья гора. — Посещение Ростова Цесаревичем. — Сергиевская пустынь. — Архимандрит Игнатий Брянчанинов. — Крестьянин Накрошин студентом Духовной академии. — Рассказ царского кучера. — Пожар Зимнего дворца. — Ярмарка. — Ростовицки Куландин. — В Зимнем дворце. — Перемена курса. — Ценность бумажного рубля в Ростове. — Иеромонах Лампада. — Упадок торговых дел. — Находка рукописи стольника Мусина-Пушкина и других актов. — Уничтожение альфресковой живописи в Ростовском соборе. — Священник Спасской церкви о. Михаил. — Дьячок Нил Степаныч. — Киевский митрополит Филарет в Ростове. — Архимандрит Иннокентий. — Уплата

митрополитом долга св. Исаяю. — Угодичский бурмистр под арестом. — Село Фелимоново. — Пановы могилы. — Легенда о воеводе Филе.

Торговля в 1837 году пошла не совсем удачно; долги стали меня тяготить. Полотняный товар я покупал на ярмарках: Великосельской, Борисоглебской и Леонтьевской.

Во время весны, проезжая из Питера в Москву в дилижансе «Сарапина», мы долго стояли в Бронницком Яму; в детстве моем я читал в какой-то старинной печатной книге или рукописи, что близ селения Бронниц погребен знаменитый русский богатырь, над могилою которого насыпан большой курган; теперь я вспомнил о нем и из любознательности пошел посмотреть этот курган; он стоял близ Московско-петербургского шоссе, по пути к Москве с правой стороны. Курган этот был наподобие большой круглой пирамиды; вершину его венчала красивая каменная небольшая итальянской архитектуры церковь. Для подъема на курган с боков его сделана винтообразная широкая дорога; площадь, где стоит церковь, не очень мала, и на ней, недалеко от церкви, находится, почти наравне с поверхностью земли, полный водою колодезь. Вышина кургана, мне помнится, более 10 сажен. Я не захотел обратно идти по лестнице, по которой вошел, а вздумал спуститься прямо с него, потому что бока были не так круты, но я вскоре пожалел, что избрал этот путь: ноги мои глубоко вязли в глиняную мягкую массу, изобилующую ключевой водой, которая, просачиваясь из боков кургана, делала землю влажной. Это заставило меня помнить Бронницкий курган. Во всем подобный этому кургану и с такой же церковью находится курган в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, только там он называется «Девичья гора».

В это время случилось мне видеть назидательные для жизненного пути события. Я принимал сначала сахар от управляющего на заводе Эстеррейха; потом приехал принимать сахар на завод Молво. Фирма Молво и завод в это время перешли к барону Штиглицу. Там, к удивлению моему, встречаю управляющим самого заводчика, от которого я только приехал, Константина Христиановича Эстеррейха. Я спрашиваю его: что это значит? А он мне ответил: «На заводе моем управляющий получает от меня столько-то, а я здесь получаю более, чем вдвое». Затем другой случай. Василий Абрамович Алферовский между прочим жестоко ссорился по каким-то бумагам с одним купцом (фамилию его забыл) и вел с ним в суде тяжёлое дело. Я его знал и вижу, что Алферовский покупает у своего злейшего противника какой-то товар; видя это, я спросил Алферовского: «Почему так? ссорится, а покупает». На. это мне Алферовский сказал: «Коммерция не сердится, а суд идет своей дорогой».

Замечу еще для потомства, что в этот год огуречное семя продавали по 1000 рублей ассигнациями за пуд, а в розницу около 30 рублей ассигнациями за фунт.

Мая 11-го посетил Ростов Наследник Цесаревич Александр Николаевич (покойный император) по пути из Ярославля; между селом Николо-перевозом и деревней Кладовицами он делал смотр находящимся в Ростовской округе войскам (на месте битв велик[ого] кн[язя] Василья Васильевича Темного с князем Юрием Дмитриевичем Шемякой, а потом с сыном его Василием Юрьевичем Шемякой-Косым). Приезд Государя Наследника был прямо в Ростовский собор; в западных соборных святых воротах старец Августин, бывший епископ Уфимский и Оренбургский, сказал ему приветственную речь; я хотя стоял в это время и близко к ним, но по причине народного шума и тесноты расслышать слов говорившего не

мог, но только видел, что Наследник наворачивая на его глазах слезы утирал платком. По окончании речи Наследник просил написать ее на бумаге. Августин обещал прислать ему, но в бытность в Ростове Наследника он ее не прислал, а ростовскому полицеймейстеру Владимиру Львовичу Берсеневу, которому было поручено взять эту речь, сказал, что «пошлю», но, вероятно, не послал. После коронавания Государя Императора в 1856 году по Высочайшему повелению приезжал за этой речью нарочный чиновник, но говоривший ее старец давно уже помер. Помню, что искали этой речи в его бумагах, хранящихся в кладовой под соборной колокольней, где тогда была его библиотека, но не нашли, да и самая библиотека исчезла, как мною было выше замечено, по разным рукам.

1 июля было великолепное гулянье в Петергофе; я поехал туда с своим товарищем, огородником Всеволодом Андреевым Грачевым. На пути туда, подъезжая к Троице-Сергиевой пустыни, он шутя сказал мне: «Заедем в гости к Игнатию Саперу»; я думал, что речь идет о каком-нибудь простом монахе или послушнике, но оказалось совсем другое. Войдя в обитель, мы пошли к соборной церкви; там шла сильная перестройка как внутренняя, так и наружная; все кипело вокруг ее. По словам архимандрита Игнатия³³⁵, Государь Император приказал ассигновать на это сто тысяч рублей ассигнациями, но выдача из казначейства затормозилась. Более года в этой пустыни бых послушником товарищ и друг Наследника Цесаревича Александра Николаевича; поселившись в этой пустыни, он встретился там со своим бывшим товарищем, архимандритом, который и сообщил ему, что деньги, пожалованные для обители Государем, еще не получены, это было

---

³³⁵ Имеется в виду Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807—1867) — епископ Кавказский и Черноморский, окончивший курс в инженерном училище ив 1831 г. принявший монашество.

доведено до Наследника, и вскоре архимандрит получил деньги. Грачев спросил у проходящего монаха: дома ли настоятель? и получил ответ, что дома; мы пошли прямо в кельи настоятеля; при свидании Грачева с настоятелем я видел, что они были весьма близки друг к другу; разговор между ними происходил по большей части современный, о текущих событиях; следующее слово, сказанное архимандритом, я и до днесь не забыл: «Человек сотворен для труда, а монах для покоя».

Прекрасное убранство кельи и изобильно поданная закуска вполне доказали, что монахи сотворены были для покоя.

Дорогой Гусев сказывал мне, что о. архимандрит сын боярина Александра Семеновича Брянчанинова³³⁶, в мире назывался Дмитрием и служил в саперах и что, в молодости раз переодевшись священником, кощунственно обвенчал какого-то товарища; это дошло до Императора Николая, который будто бы сказал ему: «Выбирай любое: или Сибирь, или носи ту ризу, которую надевал». Он выбрал последнее и ушел в послушники в Александро-Свирский монастырь, где и принял монашество с именем Игнатия. В это время у петербургского семенщика Ивана Михайлова Клюкина, крестьянина Ростовского уезда, села Воржи (перестроившего в с. Ворже церковь и сделавшего настоящую колокольню) находился крестьянин села Воржи (имя забыл) по фамилии Накропин, любимец петербургского митрополита Серафима, кончивший курс в Александро-Невской академии; после я узнал, что он получил разрешение на посвящение во священника в какой-то губернский собор; это в то время почиталось за немислимое: крестьянину получить звание священника, да еще в собор. Помню вид его

---

³³⁶ Брянчанинов А.С. (1784—1875) — участник войны 1812 г., помещик.

показывал, что наука изнурила его; беседа его была самая духовно-назидательная и весьма приятная.

Семенщик Клюкин торговал на Шукином дворе; подле его лавки была посудная лавка Зайцевского, знаменитого шашечного игрока: к нему часто ходил играть царский кучер; они были между собою друзья; в это время кучер был некоторое время в опале, про которую он однажды в моем присутствии рассказал следующее: зимой Государь по обычаю своему ездил по городу всегда в одну лошадь; проезжая по Садовой на Невский проспект, против дома генерала Балабина, им переезжал дорогу легковой извозчик, ехавший порожнем и шагом на своей деревенской кляче и на дрянных санях; Государь, видя это, тронул кучера по плечу рукою и велел осадить свою лошадь; кучер осадил лошадь и остановился, пока проезжал извозчик; в это время кучер успел заметить номер извозчика; поконча службу, он посылает в ту часть, где проживал извозчик, к надзирателю записку, чтобы арестовать того извозчика. Надзиратель думал, что это по именному повелению, немедленно арестовал извозчика и посадил под крепкий караул; крестьянин был ни жив ни мертв, когда узнал, что Царь велел посадить его, не зная, за что и чем он прогневал Царя; чрез трои суток градоначальник рапортует Императору о том, что он прикажет делать с задержанным извозчиком? Государь удивился, так как ничего подобного от него учинено не было, и приказал немедленно учинить справку; по справке оказалось, что он арестован по записке его кучера; потребован к Государю кучер, который и изъявил в свое оправдание, что ему показалось обидно, что извозчик переехал им дорогу. Государь в гнѣве сказал ему: «Негодяй ты! мне было не обидно, а тебе обидно!» и на шесть недель отставил кучера от должности, а его жалованье за это время приказал выдать арестованному извозчику с лихвой; сколько лихвы заплачено было, кучер тогда умолчал, а закончил

рассказ тем, что он хотел наказать извозчика в части розгами, да забыл, что велел арестовать его, и не думал, что донесут Государю.

17 декабря, в день моего приезда в Питер, произошел пожар в Зимнем дворце; страшно и жалко было смотреть на это разрушение царского дома; военная цепь окружила его кругом для хранения царского имущества, но были и случаи похищения при всей военной строгости.

В это время я потерпел чувствительное поражение от двух банкротств: первое от торговца Александровского рынка купца Парихова, а другое от купца Ивана Павлова Жукова, уроженца города Петровска, торговавшего у Каменного моста, и в заключение всего зять Дмитрий Грачев тоже остановил платеж; поэтому на Ростовскую ярмарку я приехал без денег, а на ней предстояли платежи.

Ростовской ярмарке в этом 1838 году приказано было открыться от 5 до 20 февраля; товары со всех мест пришли на 5 число; а в этот день было мясное заговенье; Масленица взяла свое; московское купечество не поехало от своей Масленицы, а иногородние исправляли ее в Ростове; о торговле не было и слова; все занялись Масленицей; ярмарка началась с первой недели Великого поста и кончилась в половине третьей недели поста, по старому обычаю; ярмарка в такое время больше уже и не повторялась, а, как я сказал выше, стала продолжаться по-старому. В эту ярмарку я не покупал меду, но на деньги, вырученные из проданного сахара, купил у Н.Д. Боткина немного чаю.

В этот год Алферовский прислал на Ростовскую ярмарку в первый раз своего старшего сына Василья Васильевича с партией кубовой краски и торговал на первый раз превосходно.

Еще в бытность мою в Петербурге в этом же году сгорел новый сахарный завод у Алферовского, выстроенный им на правом берегу Невы,

недалеко от церкви Самсония; я приходил тогда посмотреть знакомое мне пожарище, где принимал и сахар не один раз. Этот незабвенный для меня купец имел каменный дом на две улицы в приходе Владимирской Богоматери у «пяти углов». Знакомство мое с ним открылось тогда, когда он имел еще свой сахарный завод в Екатериненгофе, на даче Лодера. Алферовский иногда в шутку называл себя сахарному заводчику Жадимирскому и мне, Артынову, земляком, потому что у нас в Ростовской округе есть деревня Жадимирова Ивановской волости, а в актах села Угодич есть даже и имя Алферко. В 1839 году коммерция моя во время лета была в самых стесненных обстоятельствах; нужда заставила меня прибегнуть к денежному займу у огородника тогдашнего ростовщика Дмитрия Иванова Куландина; не знаю, какой он деревни, а только Шулецкой волости. Относительно его была даже поговорка: «Пропал тот человек, кто сознался с Куландой!» Зимой и в ярмарку я существовал Куландиным кредитом и чаю у Боткина купил немного. 20 февраля помер в Угодичах уважаемый всем Богоявленским приходом священник о. Николай. Летом я опять поехал в Петербург и 1 июля был во вновь отделанном Зимнем дворце с крестьянином села Поречья, Евграфом Васильевичем Лисицыным; отец его Василий Ильич в то время был придворным поставщиком цветов; время это было перед свадьбой великой княгини Марии Николаевны с принцем Максимилианом³³⁷; там в залах были расставлены на показ публике столы с золотой и серебряной посудой, гардероб приданого платья и сундуки для хранения оного.

---

³³⁷ Мария Николаевна (1819—1876) — великая княгиня, дочь императора Николая I; с 1839 г. супруга Максимилиана, герцога Лейхтенбергского (1807—1852); президент Академии художеств.

11 июля ездил я на гулянье в Петергоф, туда и обратно на пароходе Берда³³⁸; 12 июля на обратном пути на взморье застигла нас сильная буря с градом безмерной величины; ехавший с нами какой-то граф одну из таких градин, более фунта весом, в стакане привез в Петербург. 17 июля гулял по первой мануфактурной выставке, бывшей в биржевых пакгаузах на набережной Невы, возле биржи. 12 августа обнародован был Высочайший манифест об установлении курса однообразного для всей России на серебро, золото и ассигнации³³⁹. Манифест этот был подписан 1 июля 1839 года. В этот день было великолепное гулянье на Елагином острове и был великолепный фейерверк; я гулял там с зятем Дмитрием и сестрой Настасьей; там был подписан и вышеупомянутый манифест об уничтожении *лажа*.

В Ростове в это время стоял следующий курс: 5 рублей ассигнациями стоили по ходячему курсу 6 рублей 30 копеек, 10 рублей ассигнациями — 12 рублей 60 копеек и т.д. 100 рублей ассигнациями = 126 рублям, 3-рублевая золотая монета = 13 рублям 50 копейкам, полуимпериал (5 рублей) = 23 рублям. Империал (10 рублей) = 46 рублям, трехрублевая плотника — 13 рублям 50 копейкам, платина в 6 рублей = 27 рублям, плотинка в 12 рублей — 54 рублям, 20-франковая французская монета была = 22 рублям, 40 франков = 44 рублям; 5 копеек серебром стоили 24 копейки. Гривенник (10 копеек серебром) = 48 копейкам. Пятиалтынный был = 72 копейкам. Двугривенный = 96 копейкам. Четвертак (25 копеек серебром) = 1 рублю 20 копейкам. Полтинник (50 копеек серебром) = 2 рублям 40 копейкам. Новый серебряный рубль был равен 4 рублям 50 копейкам. Старый полтинник = 2

---

³³⁸ Английский инженер Чарльз Берд (1792—1843) в 1815 г. впервые в России создал пароходство на Неве.

³³⁹ Манифестом 1 июля 1839 г., подготовленным министром финансов Е.Ф. Кан-крином, был стабилизирован курс ассигнаций: 3 руб. 50 коп. за 1 руб. серебром.

рублям 60 копейкам. Старый целковый = 5 рублям, прусский талер со столбами = 6 рублям. Австрийский талер с орлами = 5 рублям 80 копейкам.

Долги в это время до нового года старались заплатить по сказанному выше курсу, а с нового года, серебряный рубль стал равняться 3 рублям 50 копейкам. В это время торговля шла бойко, потому что всякий старался купить товар по состоящему курсу.

Нижегородскую ярмарку в этом году посетил Наследник Цесаревич Александр Николаевич; для его приезда была устроена выставка произведений Нижегородской губернии, которая помещалась близ ярмарочного собора в Китайском ряду. Августа 20-го с огородником Всеволодом Андреевым Грачевым был я в гостях в Александровской лавре у знакомого ему иеромонаха Лампада; как представить тут мое удивление, когда в этом иеромонахе встретил я своего бывшего товарища по Гостиному двору купеческого сына Евграфа Иванова Кайдалова, второго сына Елены Афанасьевой Кайдаловой, который в 1825 году ушел в иночество и никто не знал куда; тут у нас затронута была любимая моя струна о былых временах, когда мы слушали рассказы стариков о старине ростовской. Для поддержания нашего разговора он принес книгу, от которой я пришел в восторг; книга эта была рукопись моего дяди Михаила Дмитриева Артынова, под названием «Книга истории села Угодич и о городе Ростове и его округе», написанная им в 1793 году и поднесенная им в Тихвине, в Тихвинском монастыре петербургскому митрополиту Гавриилу, посетившему эту обитель. Из нее я вполне выписал историю села Угодич и родословную Артыновых. Такие неожиданные события в день моего тезоименитства остались навсегда в моей памяти. В 1840 году торговые дела мои совершенно пали; кредит мой

положительно подорвался, а семейство мое пришло в упадок и расстроилось. Товарищ мой Миронов оборотился ко мне спиной, потому что стал сыт моим достоянием; тут я вспомнил о нем замечание, сказанное мне Федором Максимовичем Плешановым, когда я ехал с ним из Питера: «Жид крещеный, конь леченый и вор прощенный никогда не будут благонадежны». Миронов прежде торговал с Плешановым и честно не рассчитался.

Выезд мой из Питера был замечателен; взяты были мной с крестьянином села Угодич, Петром Яковлевым Софроновым, имевшим семенную лавку на Щукином дворе в Петербурге, два места во вновь устроенных почтовых бриках. Зять мой пошел в Нарвскую часть прописать для выезда в брике мой паспорт. Надзиратель не стал прописывать; ходил и я просить, конечно, не с пустыми руками, но он мне тоже не стал прописывать; я принужден был идти в главный почтамт и передать кому-нибудь мой билет; к счастью моему, тут пришел главный почт-директор; чиновники передали ему мое дело; он расспросил меня о причине и записал имя и фамилию надзирателя Нарвской части, а мне велел съездить за моим багажом; время этому прошло два часа; почтовый брик дождался меня, и я с непрописанным паспортом выехал из Питера. Не знаю, было ли что после надзирателю; это случилось 18 сентября.

В октябре я опять выезжал из Питера и уже в последний раз по торговой части; путь мой тогда лежал на следующие города: Шлиссельбург, Новую Ладугу, Тихвин, Устюжну, Весъегонск, Мологу, Южскую Пустынь, Рыбинск, Романов, Ярославль и Ростов, по вновь учрежденной от какой-то компании почтовой дороге.

С самого начала 1841 года я невыносимо страдал душою, смотря на бедствие своего семейства; наконец в Ростовскую ярмарку, 12 февраля,

поступил в услужение к тестю своему, Федору Федорову Бабурину, в железную лавку, где и стал торговать. Лето в этом году было весьма жаркое: на 16 июня поспел на грядках зеленый горох; на 20 июня поспели огурцы, и наконец на 27 июня начали жать хлеб.

Главный кредитор мой Куланда только один просил за меня окружного начальника, Ивана Федоровича Леонтьева, и еще бывший мой товарищ крестьянин деревни Воробылова Иван Николаев Тихонов, но прошение их осталось без уважения; тогда родной дядя Тихонова бурмистр Степан Григорьев Тихонов восстал на меня за своего племянника, но окружной оставил и это дело без последствия.

Во время лета, в свободное время, бурмистр села Угодич Степан Тихонов, земский или писарь Алексей Алексеевич Озеров и я ходили в сельский архив, находящийся под колокольней Николаевской церкви, где нашел я следующие памятники старины: рукопись стольника Алексея Богданова Мусина-Пушкина «От Ноя праотца до великого князя Рюрика»; на заглавном листе написано: «Книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их». (Писана в лист кудреватой скорописью XVII в. кажется 710 г.)³⁴⁰ Копии с грамот царя Ивана Васильевича Грозного, Царя Федора Иоанновича, писцовую книгу села Угодич, опись Богоявленской церкви села Угодич; писцовую книгу пустоши Козиной, Рыбную память — прием рыбы в казну; грамоту царя Петра Алексеевича 1709 года; указ о погребении св. Димитрия, митрополита Ростовского; председателя монастырского приказа графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, грамоту Императора Петра Великого 1722 года; опись Николаевской церкви села Угодич 1763 года; духовное завещание Филиппа Карра племяннику

---

³⁴⁰ Сведения о существовании рукописи стольника Алексея Богданова Мусина-Пушкина фантастичны.

своему Алексею Карру 1808 года; духовную грамоту Филиппа Карра о тридцатитысячном капитале 1809 года. Все эти вышеописанные памятники старины отчасти и были мной списаны.

Весной 1842 года соборный староста, ростовский почетный гражданин Иван Васильевич Хлебников, приступил к возобновлению Ростовского собора; мастером был посадский города Ростова Алексей Федоров Крылов. В это время ходил я смотреть соборный тайник, находящийся в северо-восточной главе собора; для входа в него устроена в столпе соборного алтаря, подле северных дверей, прочная каменная лестница.

В Великий пост я приобщался в Ростове, в церкви Спаса, что на площади, у уважаемого всеми священника о. Михаила Иоанновича Ржевского; вместе со мной приобщалось семейство шуйских купцов Посылиных и еще какой-то старинных времен вельможа из Москвы; это у о. Михаила было не редкость. Любимый у него причетник был Нил Степанович, известный всему городу своею честностью и аккуратностью и уже старик. Но вот что с ним случилось. Во время причастного стиха он засвечал свечи на лампаде, которая поднималась над царскими вратами; засветив, он не поднял ее кверху, а когда священник отдернул завесу и стал отворять царские врата, Нил Степанович начал поднимать лампаду кверху. В это время, на соблазн всем, сказанный вельможа поклонился в землю и, вставая, каким-то образом зацепил головой лампаду, а та зацепила за его волосы, от чего бывший на его голове парик взвился кверху вместе с лампадой и там завертелся на лампаде. Священник вышел с дарами, а мы все не могли воздержаться от смеха; нужно же было сотвориться такому искушению!

Мая 13-го прибыл из Москвы в Ростов поклониться ростовской святыне Киевский митрополит Филарет Амфитеатров³⁴¹, в 1836 году назначен он был архиепископом Ярославским и Ростовским, но, не бывши на своей кафедре, был произведен в Киевские митрополиты. Он остановился в Яковлевском монастыре. 14 числа, в день св. Исидора блаженного³⁴², служил в его храме литургию и собрался уже совсем ехать обратно в Москву, но его убедил архимандрит Яковлевского монастыря Иннокентий остаться еще на сутки; вот красноречивый рассказ об этом при мне самого архимандрита Иннокентия, когда он был в гостях у дедушки моего (по жене) купца Федора Ильина Бабурина, знакомого архимандриту еще с того времени, когда он был священником села Поречья.

Митрополит, собравшись обратно в Москву, стал благодарить за приют и хлеб-соль хозяина обители; Иннокентий удивился такому поспешному отъезду владыки и сказал ему: «Высокопреосвященнейший владыко! неужели вы так скоро хотите оставить нас?» — «Да, — отвечал ему митрополит, — меня требуют в Москву, куда я немедленно и должен ехать; нарочный посол зовет меня туда». — «Нужды ради бывает и закону пременение», — сказал ему Иннокентий. «Не вижу и не предстоит мне ныне такой нужды», — отвечал ему митрополит. «Для вас только, Высокопреосвященнейший владыко, и предстоит такая нужда, для которой и вы сделаете закону пременение, вы хотя и знаете эту нужду, но запамятовали ее; позвольте мне напомнить вам оную», — сказал ему архимандрит. Митрополит весьма удивился, услышав это и не зная того, что бы могло удержать его так обязательно, он пожелал знать эту причину.

---

³⁴¹ Филарет (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров; 1779—1857) — духовный писатель и иерарх; с 1837 г. митрополит Киевский и Галицкий.

³⁴² Исидор (? — 1474) — ростовский юродивый, родом из Германии; сначала католик, принял православие и удалился в Россию, в Ростов; погребен в храме Вознесения Христова.

Тогда Иннокентий сказал ему: «Высокопреосвященнейший владыко! Известно вам, что нынешний угодник св. Исидор блаженный, при гробе которого вы совершали ныне божественную литургию, когда-то стоял утреню в здешнем Ростовском соборе, поспел в тот же день за раннюю обедню к вам в Киев и после оной, с киевской просфорой обратно в тот же день поспел на княжеский пир в Ростов; но это еще не нужда ваша, нужда будет впереди. Завтра у нас память того самого святителя, который у тебя, владыко, в Киеве освящал соборную церковь; он не отговаривался и, забыв преклонность лет своих, поспешил на зов преп[сдобных] Антония и Феодосия. Прошло с тех пор более 700 лет, и доселе никто из киевских иерархов не заплатил ему этого духовного долга, которого он столь долго ждет с христианским терпением; наконец терпение его истощилось, и он как заимодавец потребовал своего долга от вас, и вы по своему престолу должник его, и приехали сами лично заплатить ему духовный долг; неужели вы, Высокопреосвященнейший владыко, думаете, что приехали сюда случайно поклониться только угодникам ростовским? Нет, Высокопреосвященнейший владыко, это молитва заимодавца вашего святителя Исаии пред престолом Божиим потребовала от вас уплаты долга, и вы, духом вашим повинуваясь воле архиерея великого, небеса прошедшего, как верный должник не обинулися и явились для уплаты долга не ранее и не позднее, как на день памяти вашего заимодавца, и я теперь уверен, что вы премените закон ваш и так скоро не оставите нас, как думали, и завтра заплатите долг свой святителю Исаии, в день его памяти, и не оставите в долгу престол ваш и не заставите святителя стужать более о долге своем».

Митрополит Филарет весьма удивился такой находчивости Иннокентия и, конечно, остался в Ростове еще на сутки. Во время ночи по зову митрополита приехал из Ярославля архиепископ Ярославский

Евгений³⁴³, и в день памяти свят[ителя] Исаии оба святителя служили литургию в Ростовском соборе, а после оной оба святителя служили молебн совокупно трем святителям: Леонтию, Исаии и Игнатию. На расставанье митрополит стал благодарить Иннокентия за то, что он вовремя напоянул ему о семисотлетнем долге, с которым так чудно Господь привел ему расплатиться. На это архимандрит ответил ему: не ко мне должно отнести это, Высокопреосвященнейший владыко, но к юроду нашему Давыду; при ожидании приезда вашего в воротах моей обители побежал ко мне этот юрод и весьма внятно сказал мне: «Скажи митрополиту, чтобы он заплатил семисотлетний долг святителю Исаии службой ему, и он заплатит».

В Угодичах в это время случилось происшествие. Уважаемый мною бурмистр села Угодич Степан Тихонов в этом году посажен был под арест в полицейскую часть за непослушание. Ему приказано было на бумагах подписываться: «сельский старшина», а он подписывался «бурмистр». Каземат его был у каменного моста, где ныне помещается богадельня «свят[ителя] Димитрия»; такой же каменный дом был и напротив этого дома, тоже возле каменного моста. Я нередко посещал его в этом заключении. Вместе с нашим бурмистром сидел еще один крестьянин из села Филимонова, которое находится за озером. Он мне рассказывал тогда, что около Филимонова множество различных насыпей и курганов, которые крестьяне называют «Пановыми могилами». Часть этих могил по малоземелью поступила под пашни. Во время пашни выпаживается множество черепков и разных вещей: колец, привесок, а иногда и монет; крестьянин одну монету тогда показывал, она была тоненькая, серебряная, в

---

³⁴³ Евгений (в миру — Андрей Ефимович Казанцев; 1778—1871) — епископ Ярославский (1837-1853).

четвертак и покрыта какими-то татарскими надписями. Крестьяне (по словам рассказчика) курганы многие разрывали, но находили в них всегда очень мало, преимущественно вышеозначенные вещи и больше всего жженные кости и горшки. Попадали перегорелые топоры и стрелы. Об селе Филимонове я впоследствии времени из рукописи Хлебникова выписал сказание под заглавием «Воевода Филя». Опять сожалею, что не списал дословно, но делать нечего, помещаю здесь, как сохранилась моя выписка.

Ростовцы, уважая отвагу и в неприятеле, не любили своего князя Глеба Долгорукого³⁴⁴, не отличавшегося смелостию, а потому вместо его Ростовом и правил наместник. В это время ростовцы поссорились с яновцами и двинулись на них войной под предводительством своего воеводы старого Фили, имевшего себе храброго помощника в лице своей единственной дочери Феклы, прозванной молодым Филей; кроме того, молодая Филя была одной из первых красавиц Ростова, а ее ум и щедрость служили для других образцом.

Филя рано лишилась матери, и ее отец предпочел остаться вдовцом, но частые войны кн. Юрия, в которых постоянно участвовал воевода Филя, не давали ему возможности заняться воспитанием дочери^{как следует}, и он постоянно имел ее при себе в походах; вследствие этого она прирастилась к военному делу и хорошо владела оружием, а впоследствии водила в битву и отдельные отряды.

Ростовцы победили яновцев и окружили их город; однажды молодая Филя охотилась вблизи неприятельского города и случайно приехала на

---

³⁴⁴ Имеется в виду переяславский князь Глеб Георгиевич (? — 1171) — сын Юрия Долгорукого, участвовавший в долговременной междоусобице отца с его племянником Изяславом Мстиславичем. Сведения о воеводе Филе и его дочери, сообщенные далее, легендарны.

прекрасную поляну, окруженную бором; на поляне возвышался холм, на котором росла рябина и черемуха; Филя легла под тенью этих деревьев и крепко уснула. В то же время приехал на поляну и другой охотник: сын яновского князя, молодой Улейбой «ясные очи». Он только что возвратился из Киева для свидания с родными и по приезде нашел свой город осажденным. Отец его и побежденные яновцы обрадовались его приезду и оживились; молодой князь поднял дух яновцев, привел в порядок войско отца и сам принял над ним начальство; но прежде чем начать битву, он под видом охотника поехал осмотреть расположение лагеря ростовцев и узнать, с какой стороны удобнее напасть на них. Объезжая таким образом местность, он заблудился и очутился на той же поляне, на которой спала Филя. По доспехам Улейбой тотчас узнал юную красавицу и хотел ближе посмотреть ее, но лежавший в ногах Фили огромный пес залаял и тем разбудил ее.

Разбуженная Филя тотчас надела на себя доспехи и, сев на коня, стала ожидать Улейбоя; но этот не дошел к ней и почтительно подал свой меч, признав себя ее пленником; удивленная Филя покраснела и впервые устыдилась своих ратных доспехов, пожалев, что в эту минуту она не в девичьей ферьязи; после этого она немедленно поворотила коня и как вихрь понеслась в свой стан.

Улейбой, возвратясь домой, просил у отца позволения идти к ростовцам, заключить с ними мир и просить руки Фили; получив согласие, он отправился к старому Филе, заключил с ним мирный договор и просил руки дочери; старый воевода был очень рад этому и тотчас же послал за дочерью; Филя скоро пришла одетая в великолепную ферьязь и, откинув с лица покрывало, спросила у отца: зачем он звал ее? Тот, указывая на Улейбоя, отвечал: твой пленник принес тебе покорность и просит у меня

себе победителя; делай с ним что знаешь!.. Филя бросилась на шею отца и сказала: родитель! моя судьба зависит от тебя, я во всем тебе повинуюсь. Вскоре после этого был совершен их брак, и на первых порах молодая чета поселилась в тереме старого Фили, стоявшем близ Ростовского озера (ныне с. Филимоново).

Глава XIII

Солдат Щапов, конвойный Арсения Мацевича. — Подвиг Щапова под Бендерами. — Письмо Щапова о смерти митрополита Арсения Мацевича. — Снеговой ураган. — Открытие Слободского училища. — Найденные деньги и их судьба. — Посошник Мацевича Александр Златоустовский. — Рассказ о суде над Мацевичем. — Сбывшееся предсказание юродивого Давыдушки. — В приемной у архиепископа Евгения. — Резолюция владыки. — Экзамен дьячка. — Пожар в Сулости. — Озеро воеет — голову просит. — Обмер озера. — Тяжба с пореченскими крестьянами. — Клеймение гирь и весов. — Вице-губернатор Горанский. — Сдача рекрута. — Воспоминания о театре. — Сенатор Мордвинов и еврей Перец. — Пропажа денег. — Тяжебные дела. — Смерть сестры Мартирия.

В конце 1842 года участок земли моего зятя Грачева был продан для уплаты его долгов; в числе других и я получил часть моего долга; на полученную сумму открыл я в селе Угодичах на торговой площади мелочную лавку (23 апреля 1843 года). В это время старшиной был крестьянин села Угодич, Василий Михайлов Щапов, — это был внук крестьянину Илье Михайловичу Щапову, которому Василий Иванов Щапов

писал письмо из Сибири о смерти «Андрея Вралья», или Ростовского митрополита Арсения Мациевича³⁴⁵. Письмо это было во многом схожее и с имеющимся у дьякона Богоявленской церкви села Угодич Александра Златоустова. Из-за этого письма в моем присутствии нередко был у них горячий спор; каждый из них признавал свое письмо за оригинал, а другое за подложное. (Я думаю, что г. В.И. Лествицын³⁴⁶ пропечатал о смерти Мациевича в «Русской старине» 1879 года, окт., стр. 197, именно письмо Златоустова, так как семейство его после его смерти поселилось в Ярославле³⁴⁷.) Василий Иванов Щапов был угодичский крестьянин; по книгам с. Угодич половины XVIII столетия] был отмечен в бегах, но где и как он попал в военную службу — неизвестно, но только он находился безотлучно в числе конвойных при Мациевиче, как в Ферапонтове, так и в Николо-Корельском монастырях. Затем Щапов в 1770 году был отправлен в действующую армию под крепость Бендеры, где предводительствовал фельдмаршал, граф Валериан Платонович Мусин-Пушкин³⁴⁸, и участвовал при штурме Бендер. Во время этого дела неприятельская бомба упала на батарею близ фельдмаршальской ставки; Щапов, находясь у ставки, бросившись к бомбе, вырвал из нее трубку и опять пошел на свое место; в это время граф, выходя из шанцев, увидел бомбу, лежащую у самых

---

³⁴⁵ Арсений (в миру Александр Мациевич; 1697—1772) — митрополит, последним противник церковной реформы Петра I. Управлял Ростовской епархией с 1742 по 1763 г.; стал в резкую оппозицию к светской власти, игнорировал постановления Синода и сочинял обличающие проповеди. Был предан суду и заточен сначала Николо-Корельский монастырь возле Архангельска, а затем, после лишения монашества, в ревельский каземат (под именем «Андрея Вралья»), Сведения о суде Арсением, которые ниже приводит Артынов, легендарны и содержат элементы родного творчества.

³⁴⁶ Лествицын Вадим Иванович (1827—1889) — ярославский краевед.

³⁴⁷ См.: Выдуманное письмо о кончине Арсения Мациевича// Рус. старина. 1879. N10. С. 197-198.

³⁴⁸ Имеется в виду граф Валентин (а не Валериан, как пишет Артынов) Платонович Мусин-Пушкин (1735—1804), который стал генерал-фельдмаршалом только в 1797 г.

пороховых ящиков, и спросил у соседа Щапова: отчего бомбу не разорвало? — оттого, ваше Сия[тельст]во, ответил ему Щапов, что я успел выдернуть из нее трубку.

Граф похвалил его бесстрашие, произвел его в старшие унтер-офицеры и наградил сверх того 50 червонцами, потом спросил его о его родине и весьма был рад, когда узнал, что Щапов ростовец и житель села Угодич, отчины его деда и отца, которую он знал весьма хорошо, и тут же припомнил, как в своем детстве он купался в Ростовском озере и катался с сестрой своей Елизаветой, и смотрел, как ловили рыбу для его отца, со старостой Иваном Тимофеевым Альтиным, и как сын старосты Карпуха рвал с воды цветы для его сестры.

В непродолжительном времени граф из бессменных своих ординарцев произвел Щапова в офицеры и после войны определил его в Москве на видное и покойное место; там случай свел его вторично с Ростовским митрополитом Арсением Мациевичем под именем «Андрея Вралья». Щапову дана была команда солдат для того, чтобы проводить Андрея Вралья до места назначенной ему ссылки; тогда-то письмо о смерти Андрея Вралья он и прислал своему двоюродному брату, бурмистру села Угодич, Илье Михайлову Щапову (он был бурмистром с 1774 по 1777 г.), следующего содержания:

«Любезный братец мой Илья Михайлович! (после поклонов родным) я отправлен был из Москвы в Сибирь с арестантом великой важности до места его ссылки, который как чрез одну неделю подозвал меня к себе, просил меня, чтобы мне на прошение его склониться, чтоб его допустить, где случится, в церкви для принятия св. Тайн. Данная мне инструкция

дозволяла ему это делать, если пожелает. Место было степное; я не обещал ему этого скоро, а он чрез три дня после этого объявил мне в воскресный день, назначил село и час, в который мы вступим в него, и по па именем нарек, и как пришло самое то время, кое назначено, мы против онога села явились в самые те часы и минуты назначенные и так как просил меня, чтоб позволено было в церковь идти, объявил, что и поп уже в церкви, где в то время пели: "Слава в вышних Богу!.."; по отпении просил он попа, чтобы он исповедал и приобщил его; тот, видя его изнеможение, склонился на его прошение; литургия началась, и как большой выход был, он стоял у северной двери алтаря и молился усердно со слезами, а стоял у правого крылоса, а команда моя у всех окон расставлена; как время пришло св. причащения, тогда видно было одеяние на нем архиерейское и саккос³⁴⁹; тогда я, видев необыкновенное, в великом был удивлении; тогда поп отдал ему земной поклон, когда тот взял у него сосуд со св. дарами и просил по обыкновению их прощения, и причастился он сам так, как архиерею подлежит, а по прочтении заамвонной молитвы, вышел мало из алтаря и просил меня, чтобы я шел к попу на обед, но я все делал на прошение его как поневоле, а противоречить не смел, видя себе такое внезапное удивление, а поп по окончании обедни весьма просил меня прилежно; и так с великою торопливостью пошли, а арестант мой во св. алтаре. И так церковь была заперта, а караул вокруг церкви был расставлен, и весьма скоро по обеде возвратились для взятия его, однако царские двери были растворены и он среди оных врат стоит на коленях в архиерейском одеянье мертв; там тело его и предали земле».

---

³⁴⁹ Саккос — часть облачения архиереев в виде большого прямоугольного куска материи с вырезом для головы в середине и небольшими широкими рукавами.

По смерти Щапова остались четыре дочери, все выданные в замужество; из них осталась в живых только одна; не знаю — сохранилось ли у нее письмо Щапова, который помер в Ростове в 1780 году января 17-го.

Марта 5-го во время Ростовской ярмарки, в пятницу второй недели поста, был сильный снеговой ураган, которым были задержаны почтовые корреспонденции, занесены были целые деревни, в Ростове и окрестностях одного найдены были 10 человек, застигнутых бурей, мертвыми; в том числе на озере найдена была крестьянка села Угодич Балашева.

Августа 2-го я был приглашен окружным начальником Михаилом Александровичем Пороховщиковым на открытие училища в Юрьевской слободе, наставником которого изъявил желание быть местный священник о. Петр, а училище поместилось в его доме.

Во время Ростовской ярмарки 1844 года против лавки московского купца (где ныне стоят магазины Титова) были накатаны бунты³⁵⁰ бочек сахара. Поконча дневную торговлю в красных рядах, ярославский купец Лепешкин остановился у этого бунта за естественной надобностью и нечаянно увидал на бочках пакет бумаг; он взял его, развернул и нашел в нем деньги; не видя никого, оставившего этот пакет, он принес его на квартиру; в пакете оказалось денег около 2000 рублей. Поутру он объявил об этой находке в части. Мне прилучилось тут быть, вместе с многочисленной публикой, но за такой находкой никто не явился, и публика заключила, что это принадлежность какого-нибудь приказчика, укравшего деньги у хозяина, и за которыми ему явиться ни коим образом нельзя. По

---

³⁵⁰ Бунт — здесь в значении: куча.

желанию нашедшего, деньги должны бы были поступить в богоугодное заведение, но они остались в кармане тогдашнего городничего Берсенева.

Февраля 16-го в селе Угодичи помер престарелый дьякон Александр Федоров Златоустов, который и погребен с южной стороны Богоявленской церкви, подле придела Иоанна Предтечи. Александр Златоустов, посошник³⁵¹ Ростовского митрополита Арсения Мациевича, был круглый сирота. Сначала он был воспитанником Мациевича, потом уже он за ссылкой владыки кончил курс в Ярославской семинарии; был учителем в той семинарии и потом дьяконом одного из ярославских приходов и наконец перешел в Угодичи. Единственную свою дочь он выдал за священника в ярославский приход Коровники. Этот его зять по смерти жены поступил в иночество и принял имя Николая. Он управлял обителью Богоявленской в Ростове, бывал у меня в доме и познакомил меня с ректором Ярославской семинарии архимандритом Ростовского Богоявленского монастыря Иустином (ныне епископ Харьковский)³⁵²; затем он был произведен в архимандрита в Ярославский Афонасьевский монастырь, где и скончался в 1881 году. Я там посещал его сына, бывшего у нас в Ростове нотариусом.

Златоустов в село Угодичи в Богоявленский приход был переведен из Ярославля за нетрезвую жизнь. Он меня, как своего прихожанина, посещал нередко; и много рассказывал мне об Арсени Мациевиче, как о своем благодетеле; к сожалению, по молодости своей я не заинтересовался всеми его повествованиями, и только кое-что удержалось в памяти моей, я записал тогда же о его низложении и кончине, о которых Златоустов передал мне в следующем рассказе.

---

³⁵¹ Посошник — причетник, держащий архиерейский посох.

³⁵² Иустин (в миру Иоанн Яковлевич Охотин; 1823—1907) — инспектор Ярославской духовной семинарии (1855—1871), архиепископ Харьковский и Ахтырский (1879-1882).

Арсений предстал на суд, как бы на священнослужение: в архиерейской мантии с источниками, в омофоре и белом клобуке, с панагиею на персях и архиерейским посохом, последуемый вышеозначенным посошником Александром Златоустовым. При входе в залу заседания взоры всех присутствующих были обращены на выражение лица Мациевича, который вместо страха и уныния обнаружил крайнее негодование на свою собратию, действовал и говорил, как будто он был вполне самовластный владыка у себя в епархии.

Секретарь прочел указ о его низложении; Мациевич, выслушав сие, громко и твердо сказал: «Благо мне, яко смирил мя еси! Государыня же Екатерина II за сие не удостоится христианской кончины!» При таком трогательном зрелище поругания пастыря один митрополит Московский Тимофей³⁵³ не мог удержаться от слез и заплакал; Мациевич указал на него рукою и сказал: «Сей воистину израильтянин в нем же льсти нет!»

Первый приступил к нему митрополит Петербургский и Новгородский, чтобы снять клобук; Арсений не допустил до себя, но с приличною молитвою снял его сам и, подавая его митрополиту Димитрию Сеченову³⁵⁴, сказал: «Язык твой для меня был острее меча, им задохнешься и умрешь!» (Митрополит Димитрий умер странною смертью: от паралича язык его вытянулся на четверть аршина, и вид его представлял страшное безобразие, от этого неестественного состояния языка, от длины его и толщины он мучительно кончил жизнь свою.) Вторым приступил к Арсению архиепископ Псковский, бывший друг Арсения, Амвросий Зартин-

---

³⁵³ Тимофей (в миру — Тихон Иванович Щербацкий; 1698—1767) — митрополит Московский (1698—1767).

³⁵⁴ Димитрий (в миру — Даниил Андреевич Сеченов; 1709—1767) — митрополит Великоновгородский и Великолуцкий с 1762 г.

Каменский³⁵⁵, чтобы снять с него амофор, но Арсений с молитвою снял его сам и, подавая Амвросию, сказал: «Ядый хлеб мой со мною, ты возвеличил на меня запинание³⁵⁶, и как вол ножом заклан будеши». (Амвросий впоследствии был митрополитом Московским; во время бунта в Москве в 1771 году он бежал от разъяренной черни и хотел укрыться в Донском монастыре, но там в воротах оногo мясник зарезал его ножом.)

Третьим по очереди приступил к Арсению Тверской архиепископ Афанасий Волховской³⁵⁷, чтобы снять с него панагию, но Арсений с молитвою снял ее сам и, подавая Афанасию, сказал: «Младший благословляется от старшего; устнама моима возведу вся судьбы уст твоих; язык твой велеречив был на меня, как у Ария³⁵⁸, ты и умрешь, как умер Арий!» (Афанасий был преемником Арсения на Ростовской епархии и кончил жизнь свою, как Арий, исходом вон всех своих внутренностей.) Четвертым приступил к Арсению Петербургский викарий Гавриил³⁵⁹, чтобы взять посох Мациевича, но он сам взял его с молитвою от посошника Златоустова — рассказчика сего суда и, подавая Гавриилу, сказал: «Ты забыл, какому должно быть архиерею Божию; за Иродиаду твою соперник твой задушит тебя, зане плясавши с ней осудил мя еси!» (Келейник Гавриилов из ревности, что владыко отбил у него любовницу, задушил его пуховиком.) Пятый в свою очередь приступил к Арсению Крутицкий

---

³⁵⁵ Амвросий (в миру — Андрей Степанович Зертис-Каменский; 1708—1771) — архиепископ Крутицкий и Можайский с 1764 г.

³⁵⁶ Пс. 40:10.

³⁵⁷ Афанасий (в миру — Петр Волховский; 1712—1776) — епископ Тверской (1758-1763), затем Ростовский (1763-1776).

³⁵⁸ Арий (256—336) — пресвитер александрийской церкви, богослов, в 325 г. был осужден вселенским собором как еретик.

³⁵⁹ Гавриил (в миру — Георгий Федорович Кременецкий; 1708—1783) — архиепископ Петербургский с 1762 г.

архиепископ Гедеон³⁶⁰, чтобы снять его мантию, но Арсений с молитвою снял ее сам и, подавая Гедеону, сказал: «Петя бяху мне оправдания твоя на месте пришествия моего, но ты еси гроб позлащенный, полный смрада и разных непотребств, за то и не увидишь более престола своего!» (Гедеон по Высочайшему повелению за разные непотребства из Москвы удален был с бесчестьем в Крутицы, но на пути туда помер.)

Шестой и последний судия Мациевича приступил к нему, чтобы снять с Арсения последнюю одежду: это был Новоспасский архимандрит Мисаил; Арсений снял с себя и последнюю одежду, находившуюся под облачением и, подавая оную, сказал: «Сякие кончины видех конец, паче враг моих умудрил мя еси и паче старцев разумех, скоро испек еси хлеб твой уготованный, мне за то и сам как хлеб испечешься в печи!» (Впоследствии времени Мисаил, находясь в тяжелой болезни, по совету одного знахаря для исцеления болезни влез в монастырскую печь, где внезапно и умер.)

После этого надели на Мациевича простую одежду монаха, запретили ему совершать всякое богослужение и отправили его с военным конвоем в Ферапонтову обитель³⁶¹.

По словам Златоуста, в свое время, хотя и не скоро, но исполнились все предсказания Мациевича судиям своим; даже церковь, в которой был собран Святейший синод, где заочно судили Мациевича, находившегося в то время еще в Ростове, в той без всякой видимой причины обрушились своды.

---

³⁶⁰ Гедеон (в миру — Криновский; 1726—1763) — епископ Псковский (а не архиепископ Крутицкий) с 1761 г.

³⁶¹ Фрагмент со слов «Арсений предстал на суд» поданное место — раскавыченные цитаты из книги: Снегирев И.М. Арсений Мациевич. М., 1862. С. 23—24.

О кончине Мациевича Златоустов рассказывал следующее: на пути в Верхнеудинском округе близ Нерчинского Успенского монастыря, среди живописной и населенной местности стоял одинокий погост, в котором во время следования Мациевича мимо этого погоста по причине воскресного дня происходил благовест к обедне. Арсений перед этим стал изнемогать и с великим трудом продолжал путь свой; подходя к этому погосту, он предугадал свою близкую кончину, испросил дозволения у сопровождавшего его исповедоваться и приобщиться св. Тайн; ему это было позволено сделать под именем Андрея; перед началом литургии местный священник был духовником Мациевичу. Всю божественную службу он с великим благоговением и слезами молился перед иконою Спасителя; настало время приобщения св. Тайн; священник выходит со св. дарами из алтаря и пред ним смиренно стоит в ссыльной своей сермяге арестант Андрей, и только священник проговорил до конца исповедание: «Верую Господи и исповедую...», как пред ним стоял уже не ссыльный преступник, но маститый старец во всем святительском облачении, сияющем неизреченным светом; старец берет из рук изумленного и испуганного священника св. дары, входит с ними в алтарь и по обычаю архиереев приобщается на св. престоле; потом он вышел обратно из алтаря, дав изумленному народу святительское благословение, и начал читать вслух пред св. престолом: «Ныне отпускаеши раба твоего, владыко!..» и, не окончив еще всей молитвы, встал на колени и скончался в положении молящегося; в это время колокола на колокольне звонили сами собой. Тогда же в том же приходе и предали земле тело Ростовского митрополита Арсения Мациевича.

Февраля 22-го помер в Ростове соборный староста Иван Васильевич Хлебников; незадолго до своей смерти юродивый Давыдушка пришел в Ростовский собор, где долго молился, потом подошел к ящику соборного

старосты и сказал Хлебникову, что он идет в далекий путь, а потом прибавил, что и он придет повидаться с Давыдом в такой-то день и час. В сказанное время Хлебников и помер. Из собора Давыд тогда же зашел к соборному протоиерею Андрею Тимофеевичу Тихвинскому, поставил у него на столе свою головную скуфью и сказал ему: «Вот тебе и Тимофей, поминай меня!» Из дома протоиерея Давыд ушел в Ярославль, где вскоре и помер. По уходе Давыда протоиерей в тот же день получил письмо из города Тихвина, в котором уведомляли его о смерти родного брата его, священника Тимофея, который много лет был соборным дьяконом в городе Тихвине; этот дьякон был удивительный скороход; если он шел один, то не ходил, а бежал в собор из дома и из собора домой; ему трудно было ходить шагом; я был сам свидетелем всему этому.

Когда я был ребенком, то мать моя, бывая в городе, часто со мной ходила в гости к матери часового мастера Ивана Дмитриева Савостина, и там я часто у него видал Давыда юродивого и слышал про него следующий рассказ: когда Давыд приходил к Савостину, то всегда говорил: «Иду часы заводить», посидит немного и поговорит что-нибудь загадочно и уйдет. Незадолго до смерти матери Савостина он вместо обычных слов: «Иду часы заводить» — стал говорить: «Поди не жди», мать в непродолжительном времени и померла.

Перед вступлением Савостина в иночество Давыд стал звать его Мисаилом и на расставанье с ним стал говорить: «Прощай, Мисаил, пора мне идти к Дмитрию, пойдем со мной». Савостин действительно вскоре поступил в иночество в Яковлевский монастырь с именем Мисаила.

Раз я был в лавке у тестя своего Бабурина; в это время игумен Варницкого монастыря Павел купил кой-какой товар, вышел из лавки и

хотел садиться в свои дрожки, чтоб ехать обратно в монастырь, как вдруг, где ни возмись, явился Давыд и, побежав к игумену, пытливым взглядом посмотрел на Павла, потом громко сказал ему: «Ай да Иона Сысоевич³⁶²! каков камень, каков жемчуг! Убирайся скорей к нему с глаз долой!» Игумен вскоре после этого скоропостижно помер; он был высок ростом, дюж телом и красив лицом. Про него шла молва, что когда он был ризничим в Ярославле, будто много похитил жемчугу и дорогих камней из вещей, принадлежавших Ростовской митрополии и большею частию сделанных при Ионе Сысоевиче, и употребил эти драгоценности на подарки своим любовницам.

Когда юродивый Давыд скончался, то тело его с честью было предано земле архиепископом Ярославским и Ростовским Евгением, который затем приказал поминать его во всех церквах на литургии шесть недель.

В Угодичах умер причетник Богоявленской церкви Трофим Захарьин, на место его выбор наш пал на причетника села Синятинова (Зверинцевской волости) Гаврила Григорьева Радухина. Три человека избранных прихожан (в том числе и я) и причетник Радухин поехали в Ярославль и пришли к преосвященному Евгению. Дожидавшихся в приемной было много; все стояли по-военному во фронт; просители с просьбами в руках стояли впереди; после долгого ожидания наконец вышел сам владыка; все до одного человека моментально пали в ноги. Когда же все выстроились по-прежнему, то владыка пошел по очереди принимать прошения и, принимая, у каждого спрашивал: о чем? некоторым давал тут же и ответ. Дошла очередь до одного причетника, стоявшего возле нашего Радухина; у этого

---

³⁶² Иона (в миру — Сысоевич; ок. 1607 — 1690) — митрополит Ростовский с 1652 г.

просителя волосы на голове были в беспорядке, как у Авессалома³⁶³; владыка громко заругал его за такой беспорядок головы, не принял у него прошения и прогнал с глаз долой. Подошедши к Радухину, у которого голова была причесана и умаслена, владыка опять и тут вознегодовал, укоряя его за излишнее попечение о голове, приличное будто бы, по словам милостивого архипастыря, только любодеям и блудникам, и начал было его гнать за прилизанную голову, но, к счастью нашему, владыке вдруг пришла мысль его экзаменовать по должности. Удачные ответы Радухина смягчили гнев владыки, и он благословил его нам. Притом все-таки долго ворчал на него, беспрестанно повторяя, что блудникам только прилично заботиться так о благолепии головы в угоду самарянкам. Идя от владыки, мы долго разговаривали о сем случае: одного бранит: голова не чесана, другого не менее того бранил за чесаную голову.

Видел я еще острословие владыки Евгения в резолюции, написанной карандашом на прошении старообрядцев, просивших себе церкви в Ярославле; не знаю, в какой местности они просили, но помню, что церковь хотели построить во имя Ольги, не упомянув при этом ни святой, ни княгини. Владыка на их прошение написал следующее: была у купца Оловянишникова жена Ольга, да померла в Ростовскую ярмарку, я эту Ольгу погребал, другой Ольги я не знаю; есть у нас церкви «во имя св. равноапостольной княгини Ольги, а вашей Ольги нет». Апреля 29-го помер один из передовых крестьян села Угодич, Петр Яковлев Софронов. Он сохранился у меня в памяти по сделанному им ответу архиепископу Ярославскому Евгению. В одно время мы принесли жалобу на

---

³⁶³ Авессалом — в Библии третий сын царя Давида. Спасаясь после поднятого им против отца неудачного восстания, он запутался своими длинными и густыми волосами в ветвях дуба и был убит.

своего священника, Александра Федорова Доброхотова, поступившего к нам по смерти незабвенного о. Николая Владимировича из погоста Шандоры³⁶⁴. Доброхотов был родня владыке, который в защиту своего родственника до того на нас оскорбился, что в азарте закричал: «Богатые мужики и Христа-то продали!» Софронов осмелился ответить ему: «Преосвященнейший владыко! мы в церкви слышим, что это читают про архиереев!» Владыка не стал с нами более говорить, плюнул и ушел, хлопнув дверью. После этого события мы шесть лет терпели своеволие попа Александра; сколько раз в течение этого времени приводилось мне быть у владыки, не припомню, а только многократно. Нам давно хотелось иметь священником учителя Борисоглебского духовного училища Павла Иосифова Заозерского, которого наконец и получили уже в 1849 году и тут благодаря следующему случаю. Раз снова пришли ко владыке, и на этот случай при нашем приходе владыка экзаменовал какого-то причетника с берегов Лахости, седовласого старика. Ответы причетника были весьма удовлетворительны и до того понравились владыке, что он предложил ему место в Ярославле ко Власию. Причетник отказался от богатого прихода, говоря, что остается доволен своим малым. Получа такой ответ, владыка вдруг спросил у него: «А сколько у вас на колокольне приступок?» — «Ни одной, преосвященнейший владыко!» Владыка назвал его глупцом и опять спросил о числе приступок и получил опять тот же ответ; владыка, смотря на нас, разразился бранью, назвал

---

³⁶⁴ К этому месту А. Титов сделал следующее примечание: «Надо сказать, что у Евгения была бесчисленная родня и он всех старался определить к месту, делая при этом страшные несправедливости. Особенно он жестоко поступал с молодыми студентами, определяя их на места непременно "со взятием" своих бесчисленных племянниц и родственников. Много погибло из-за этого молодых людей, особенно ввиду того, что владыка часто вмешивался в домашнюю жизнь. Вообще время управления Евгением ярославской паствой для всех было самое тяжелое, и все были очень рады, когда он был переведен в Москву, на покой в Донской монастырь. Особенно ненавидели Евгения крестьяне, с которыми он обращался возмутительно и, кажется, не считал их и за людей».

причетника старым дураком, твердо знавшим свою должность и не сосчитавшим, ходя на колокольню, числа приступок; спросил его в третий раз то же, но и опять получил тот же невозмутимый ответ: «Ни одной». Владыко вышел из себя, считая это великою дерзостью, и с пеной у рта бросился на причетника, но бывший тут священник того же прихода сказал: «Преосвященнейший владыко! у нас на колокольню действительно нет ни одной приступки, потому что колокола висят на козлах и благовест производится с земли». При сем ответе владыка засмеялся, повеселел и шутя сказал: «Ну, дока на доку напал!» Видя такое веселое расположение владыки, причетник попросил у него позволения сделать ему один вопрос; получа дозволение, он сделал владыке самый краткий вопрос; владыка велел своему келейнику монаху подать какую-то книгу; причетник, вероятно, вне себя забыл, что перед ним архиерей, взял владыку за руку и сказал: «Нет, преосвященнейший владыко, ответьте без книги, а по книге и всякий ответит!» Владыка от этого был весьма весел и много раз повторял: «Ну, дьячок, загонял архиерея!» В этом-то веселом расположении духа он удовлетворил и наше желание и весело благословил нас; это событие случилось 26 января 1849 года.

Августа 6-го с торжеством было открыто в селе Угодичи сельское училище в присутствии благочинного села Поречья о. Николая Львова и окружного начальника Михаила Александровича Пороховщикова. Сентября 10-го в селе Сулости сгорело 44 дома и в числе их сгорел и дом свата нашего,   Андрея   Гаврилова   Грачева. Не верил я сначала народной поговорке: «Озеро воет — голову просит», но пришлось поверить. Сидя однажды в своей лавочке вечером, я многократно слышал громopodobный удар и протяжный, более минуты продолжавшийся

вой; я подумал, что лед трескается, оттого так и воет, но, к несчаю тию, народная примета оправдалась: озеро выло на голову; 24 октября дьякон Николаевского прихода, молодой человек Иван Николаев Тальянцев, утонул, шедши из Ростова в Угодичи. Он нес с собой в клетке канарейку, которую для спасения поставил на льду, но сам спастись не мог и, выбившись из сил, пошел под лед.

В бытность старшиною крестьянина села Угодич, Василья Дмитриевича Истомина, крестьяне пожелали проверить генеральную межу чрез губернского землемера Постникова. При этой поверке оказалось, что в течение 75 лет, с 1771 по 1846 год, от убыли воды прибыло берегов 100 десятин, у одного села Поречья приросло из пространства озера до 70 десятин сенокосных берегов. В этот же год началась у нас тяжба с крестьянами села Поречья, графа Виктора Николаевича Панина³⁶⁵, опиравшаяся на план и межевую книгу обмежеванного озера в 1771 году землемером Арцыбашевым; доверенный крестьянин села Поречья, Яков Николаев Устинов, показал голословно на бумаге, что нам принадлежит только живое урочище, то есть одна вода, а не берега. Правительствующий Сенат поверил этому голословному показанию, не уважил ни плана, ни межевой книги и решил в пользу крестьян гр. Панина. Странное дело! у меня в 1854 году было дело с городом Ростовом о владении берегом по подозерной слободе города Ростова. Губернское правление признало законным план и межевые книги, и по моему прошению приказано полицейским властям положить на берегу пограничные камни. Второе дело было с духовенством Ростовского Козьмодемьянского прихода, опиравшимся тоже на живое урочище; по решению Сената, они

---

³⁶⁵ Видимо, Артынов имеет в виду графа Виктора Никитича Панина (1801 1874) — министра юстиции в 1841 — 1862 гг.

пользовались принадлежащим селу Угодичам сенокосным берегом, но в 1879 году межевой департамент признал законным план и межевую книгу и утвердил оные, а не только одно живое урочище, как признал прежде Сенат по одному голословному показанию. Кажется, мы тогда не скупилась и чрез старшину Ивана Николаевича Тиханова возили в Ярославль в палату государственных имуществ по 1000 рублей зараз неоднократно, но дело не выгорело. Дивные дела творились в Сенате в начале настоящего столетия. Было у нас дело с Белогостицким монастырем об рыбной ловле на реке Вексе. Петром Великим сказано: «В 1709 году даны рыбные ловли на озере и во входящих в него и исходящих из него реках, иным никому не в образец». Эти слова подтвердили Екатерина II и Александр I; но Правительствующий Сенат нашел, что при царе Алексее Михайловиче эти рыбные ловли (т.е. на р. Вексе) не принадлежали владельцу Угодич Мусину-Пушкину, и передал их Белогостицкому монастырю.

В конце 1849 года от нового министра внутренних дел³⁶⁶ вышло строгое распоряжение, чтобы все торговцы до нового года заклеили в губернских городах казенной печатью весы и гири; нас собралось трое: Константин Федоров Бабурин, села Поречья крестьянин Александр Васильевич Шестаков и я. Приехавши в Ярославль, мы отправились в губернское правление и подали вице-губернатору Горанскому заявление по форме. Горанский был вспыльчив, как порох; не знаю, что в нас, молодых людях, показалось ему не по нраву, только он вдруг спросил у нас паспортов, которых, разумеется, ни у кого не было; получив такой ответ, он закричал на нас, что как мы смели приехать без видов за 30 верст, и уже

---

³⁶⁶ С 1841 г. по 1852 г. министром внутренних дел был Л.А. Перовский.

хотел было арестовать, но смягчился нашими покорными просьбами. Пошли затем мы в отделение, где клеймят, а там сотни людей по очереди ждут клеймения; жили мы целые сутки и, наверно, еще не дождались бы долго, если бы не один знакомый, который посоветовал нам сходить с визитцем и приношением к главному начальнику этой операции, к г. Кесселю, тому ли, который написал замечательную историю г. Углича, или другому — не знаю. Получа приношение, г. Кессель, придя в палату, вдруг усмотрел нас, стоявших сзади, и сотни людей и закричал своим подчиненным, чтобы они занялись нами, потому что, по его замечанию, мы живем уже целую неделю. При этом приказании тотчас же взяли наши гири и стали клеймить немедленно. Работы было много, большую часть клеймили не поверявши, очевидно, за то, что мы долго проживали. По окончании этого дела мне предстояла надобность быть у ярославского купца Виктора Сергеевича Шапулина, который только что приехал из присутствия губернского правления и рассказывал о бывшей перепалке г. Горанского с каким-то угличским мещанином, не дававшим клеймить казенные николаевские гири на том основании, что он за один царский вензель на гире платил вчетверо большую сумму против простых гирь и что он верит Царю больше всего губернского правления. Сколько ни горячился Горанский, но должен был со стыдом уступить мещанину и приказать, чтобы не клеймили николаевские гири как уже верные.

В следующем 1845 году меня привел случай еще раз видеть могущество Горанского. Бывший работник моего отца крестьянин села Угодич, Яков Яковлев Шпагин, сделавшись огородником в городе Тихвине, купил за свое семейство охотника в рекруты, которого должен был до сдачи кормить три года как гостя. Два года прошли хорошо, а на третий купленный охотник стал невыносимо волен и груб и делал всевозможные

буйства. Шпагин тратил много денег, потому что хотелось его сдать. Неоднократно ездил он в Ярославль просить Горанского, но тот и слышать не хотел о сдаче. Шпагин хотя и дальний, но был мне родня и просил моего участия в этом деле. Я изъявил желание и прежде всего адресовался к ростовскому купцу и рыбному торговцу Андрею Григорьевичу Соловьеву, моему близкому знакомому, который был зять Ивану Ивановичу Рослову, ярославскому купцу и фабриканту серебряных изделий. С письмом Соловьева поехал я с вотчинным писарем Алексеем Алексеевичем Озеровским в Ярославль к Рослову; это было в Ярославскую ярмарку, в начале марта. Шпагину с рекрутом тоже велели приехать в Ярославль как будто бы гулять на ярмарку. В Ярославле остановились в трактире Рослова; утром пошли с Рословым к Горанскому на дом; там Рослов спросил у лакея о барине и получил ответ, что он еще спит, вечер-де поздно приехал с балу. Рослов, оставя нас в приемной, сам без доклада пошел к Горанскому в спальню и там самыми площадными словами стал укорять Горанского, что долго спит: где ты... ночь-то был? Тот проснулся и такими же словами стал бранить Рослова, ругая, зачем-де разбудил его; потом с громким смехом пошел у них самый непотребный разговор о вчерашнем походе; после этого Рослов спросил, почему он не принимает нашего рекрута, тот сказал, что «нельзя». Рослов опять стал ругать его площадными словами и наконец сказал, чтобы он впредь никогда не говорил ему слова «нельзя»; в ответ на это Горанский, наругавшись вдоволь, велел привести рекрута в губернское правление и там, несмотря на то что не было лекаря, закричал: «Лоб!»; купленный наш рекрут сказал, что он еще не догулял срок. «Догуляешь в солдатах!» — ответил ему Горанский, и рекрут был от нас взят.

24 апреля у нас в Угодичах стали в первый раз праздновать иконе Молченской Божией Матери, которой прежде праздновали 8 августа, согласно надписи, сделанной на ризе, а не на иконе.

Июля 7-го приезжал в селе Угодичи наследник наш Филипп Алексеевич Карр-младший поклониться на могиле деда своего Филиппа Алексеевича Карра. Он затем в 60-х годах, бывши последним уездным судьей города Ростова, посещал неоднократно дом мой. У него находились записки деда генерала-майора Василья Алексеевича Карра о походе его против Емельки Пугачева, которые он обещал дать мне почитать, но не успел; смерть прекратила жизнь его; не знаю, сохранились ли они у его сына, молодого Карра, или нет. Этот последний был у нас в селе Угодичах в 1880 году, но сельский наш начальник, какой-то Иван Воронов, не счел для себя нужным заняться с ним. Я об этом узнал чрез день и много жалел о том, что не было даже благоразумных людей обласкать его и в волостном правлении. Он являлся по своей надобности именно за получением с нас оброка.

Обстоятельства мои в это время по торговле в лавочке поправились, и я по-прежнему стал ездить на любимом своем коньке, то есть писать о ростовской старине, приводить в порядок давно оставленное это мною любимое занятие. В былое время, когда я проживал по месяцу и более в Петербурге, всегда записывался в библиотеку Александра Смирдина³⁶⁷ и сверх того через товарища своего и односельца Андрея Семенова Мухина, торговавшего в игрушечном магазине родного своего брата Ивана Семенова Мухина, выбывшего в петербургское купечество (он пожертвовал для Богоявленской церкви 6000 рублей серебром) в Садовой улице, в доме

---

³⁶⁷ Александр Филиппович Смирдин (1795—1857) — книгопродавец и издатель державший в Петербурге библиотеку для чтения.

генерала Балабина, познакомился с приказчиками гг. Глазуновых и Заикиных, торговавших в книжных магазинах в доме Императорской публичной библиотеки³⁶⁸. Через них я имел доступ за всеми справками в эту библиотеку; что без них это мне было недоступно. Один из приказчиков Глазунова, зная иностранные языки, читал мне много для меня интересного, особенно по части русской истории, и я многое тогда для памяти записывал; все пригодилось впоследствии. Я стал писать по памяти о прошлом, по рассказам существовавшего кружка старожилов ростовских. Это занятие вызвало у меня желание записать и удовольствия моей молодости, т.е. именно любимых мною актеров и название исполняемых ими пьес.

Актеры были следующие: Каратыгин-старший, Мочалов, Брянский, Толченев, Воротников, Живокини, из актрис Каратыгина I и Ассенкова; актера Дюра³⁶⁹ видал и танцовщицу Тальони³⁷⁰. Любил смотреть пьесы: «Разбойники», «Гамлет», «Баязет II», «Бронзовый конь», «Рука всевышнего отечество спасла», «Монастырский замок», «Король Лир», «Прокопий Ляпунов», «Скопин Шуйский», «Карл XII под Полтавой», «Дмитрий Донской», «Смольяне в 1612 году», «Уголино», «Отелло», «Велизарий», «Купец Иголкин», «Скупой», «Эсмеральда, или Четыре рода любви», «Трость Петра Великого», «Ботик Петра Великого», «Ермак покоритель Сибири», «Тридцать лет, или Жизнь игрока», «Гитана», «Иван Рябов»,

---

³⁶⁸ Имеются в виду книгопродавцы Иван Иванович Глазунов (1786—1849) и его сыновья Иван (1826—1889) и Константин, а также братья Заикины Матвей (торго вал по 1843 г.) и Михаил (? — 1839) Петровичи и их двоюродный брат Петр Николаевич Заикин.

³⁶⁹ Артынов называет известных столичных актеров: Василий Андреевич Каратыгин (1802—1853), Павел Степанович Мочалов (1800—1848), Яков Григорьевич Брянский (наст. фам. — Григорьев, 1791—1853), Павел Иванович Толченое (1787—1862), Павел Максимович Воротников (1810—1876), Василий Игнатъевич Живокини (1807—1874), Александра Дмитриевна Каратыгина (1777—1859), Варвара Николаевна Асенкова (1817—1841), Николай Осипович Дюр (1807—1839).

³⁷⁰ Тальони Мария (1804—1884) — итальянская танцовщица, гастролировавшая в Петербурге в 1837—1842 гг.

«Людмила» (баллада), «Солдатское сердце», «Ложа третьего яруса», «Ябеда», «Двумужница», «Кин, или Гений и беспутство», «Свадьба Фигаро», «Горе от ума», «Ревизор», «Роберт-дьявол», «Волшебная флейта», «Аннушкины глазки», «Узенький башмачок», «Четыре времени», «Филатка и Мирошка соперники», «Жених нарасхват», «Девушка и гусар», «Солдатская стоянка», «Полюбовный раздел», «Магометов рай», «Дева Дуная», «Тень», «Не влюбляйся без памяти — не женись без расчета», «Иван Сусанин», «Роксолана»³⁷¹.

Оперу и балет я посещал только разве по приглашению родных или знакомых. Из них три предмета удержались у меня в памяти, «Бронзовый

---

³⁷¹ Перечисляются названия шедших на петербургской сцене в 1830—1850-х гг. пьес: «Разбойники» Ф. Шиллера, «Гамлет», «Король Лир» и «Отелло» В. Шекспира, «Рука Всевышнего отечество спасла», «Роксолана», «Скопин-Шуйский» и «Иван Рябов, рыбак архангелогородский» Н. Кукольника, «Смерть Ляпунова» С. Геденова, «Рай Магомета, или Преобразование гарема» Лоренсена, «Не влюбляйся без памяти, не женись без расчета» Ф. Кони, «Карл XII под Полтавой» Р. Зотова, «Димитрий Донской» В. Озерова, «Смольяне в 1611 году», «Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь» А. Шаховского, «Уголино», «Иголкин, купец новгородский», «Ермак Тимофеич, или Волга и Сибирь», «Солдатское сердце, или Биваки в Саволаксе» Н. Полевого, «Велизарий» Э. Шенка, «Скупой» Ж.-Б. Мольера, «Эсмеральда, или Четыре рода любви» Ш. Бирх-Пфейффера (по В. Гюго), «Тридцать лет, или Жизнь игрока» В. Дюканжа, «Людмила» — драматическое представление Р. Зотова и Н. Мундта, «составленное из одноименной баллады» В. Жуковского, «Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони» П.А. Каратыгина, «Ябеда» В. Капниста, «Кин, или Гений и беспутство» А. Дюма, «Свадьба Фигаро» П. Бомарше, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Ревизор» Н. Гоголя, «Барская спесь и Анютины глазки» Ж.-Ф.-А. Баяра и Ф.-Ф. Дюмануара (в перелке Д.Т. Ленского), «Узкие башмаки» А. Деннери и Э. Гранже, «Филатка и Мирошка соперники, или Четыре жениха и одна невеста» П.Г. Григорьева, «Жених расхват» Ш.-С. Фавара (в перелке Д. Ленского), «Девушка-гусар» Ш. Варена, Дюверже и Э. Моне (в перелке Ф. Кони); балетов: «Бронзовый конь» Ф. Обера, «Тень» Л.В. Маурера, «Хитана, или Испанская цыганка» И.Ф. Шмидта и Ф. Обера и «Дева Дуная» А. Адана, а также опер: «Роберт-дьявол» Дж. Мейербера, «Волшебная флейта» Моцарта, «Иван Сусанин» К.А. Кавоса. Во многих случаях Артынов воспроизводит названия очень неточно. Так, «Баязет II» — это, видимо, «Солиман II, или Три султанши» Ш. Фавара, «Ботик Петра Великого» — «Дедушка русского флота» Н. Полевого, «Солдатская стоянка» — «Гусарская стоянка, или Еще подмосковные проказы» В.И. Орлова, «Полюбовный раздел» — «Полюбовная сделка, или Русские в Бадене» Леонса и Ш. Бернара (в перелке р.И. Григорьева). Пьесы, названные «Монастырский замок», «Трость Петра Великого» и «Четыре времени», нам не удалось идентифицировать.

конь», в котором выставлялось овальное чуть не во всю сцену в золотой раме зеркало, и «Петербургский фонтан»; Самсон и все малейшие при оном фонтаны, извергавшие натуральную воду, от которой воздух в театре освежался.

Эти воспоминания для меня то же, что пословица: «Чем дальше в лес, тем больше дров»; вспомнишь об одном — другое приходит на память; читал в газете про каких-то иерусалимских граждан, невольно вспомнил и о сенаторе Мордвинове³⁷². (К одному Мордвинову, жившему в своем доме в Тихвине и уважаемому всеми, я часто в 1822 году ходил от моего отца с подарком из ранних овощей: огурцов, стручкового гороха, дынь и арбузов; только не знаю, тот ли это Мордвинов или другой; мой Мордвинов тоже служил где-то в Питере.) В Питере по соседству с моей сестрой Грачевой стоял дом еврея Перца³⁷³; окнами этот дом выходил на Измайловский парад; я часто ходил мимо этого дома и нередко видел старика еврея Перца, прогуливающегося по параду; роста он был высокого и толст, — ходил в чем-то вроде халата, подпоясанный под брюхом, на голове ермолка; борода редкая и клином. У него в дворниках был крестьянин села Угодич Владимир Иванов Никонов (отца его Ивана дед и крестный мой, Андрей Иванов Никонов, купил в Финляндии; он родом был чухонец, дед мой усыновил его и дал ему свою фамилию Никонов).

---

³⁷² Граф Николай Семенович Мордвинов (1754—1845) — государственный деятель, сенатор и член Государственного совета; с 1823 г. — президент Вольного экономического общества.

³⁷³ Пери, (Перетц) Абрам Израилевич (1771 — 1833) — коммерции советник, крупный откупщик, подрядчик и финансист. Во время Отечественной войны 1812 г. Перетц потратил все свое состояние на продовольственное снабжение русской армии. Однако казна задерживала платежи, и он обанкротился. Сведения, сообщаемые о его отношениях с Мордвиновым, носят анекдотический характер.

В одно утро Перец повстречался со мной на параде; он был здоров — как кряж, а в тот же день вечером вдруг помер. Вот рассказ о его смерти Владимира Никонова, слышанный им от его домашнего приказчика, тоже еврея: Перец с своею братиею евреями был поставщиком вина для армии во французский год и за выпитое армией вино взыскивал с казны миллионы; дело тянулось десятки лет и поступило на обсуждение Сената. Там дело идет у них как по маслу, но как дойдет до сенатора Мордвинова, то и остановится; бились, бились Сенат и еврей с этим делом: Мордвинов всем стал поперек дороги; вздумали смягчить Мордвинова, но не знали, как к нему подойти. Имя еврея в доме Мордвинова не произносилось, — Мордвинов не терпел евреев, но вода пробивает и камень! К камердинеру Мордвинова в одно прекрасное утро является еврей Перец и дает ему пакет, в котором было 100 тысяч рублей ассигнациями, и за это просит доложить о нем барину, чтобы сказать только три слова. Камердинер, разумеется, пакет взял и велел еврею прийти завтра; после этого пошел с пакетом к Мордвинову, сказал, как было дело с евреем, и отдал себя на велью барина: сделать его счастливым или нет. Долго боролся сам с собою Мордвинов, молча ходя взад и вперед по кабинету, — ему не хочется и видеть у себя еврея и жаль было лишиться награды камердинера из-за одного своего каприза; наконец он сказал:

«Быть так! делать нечего, вели завтра в полдни прийти еврею, только с условием: более трех слов я слушать от него не буду». Явился Перец; камердинер передал ему слова Мордвинова; еврей был очень рад и уверил, что более трех слов и не скажет. В назначенный час еврей с большим мешком золота, который едва мог нести, явился к Мордвинову; камердинер отворил двери кабинета, куда Перец не взошел, а вбежал и, бросив свой

мешок к ногам Мордвинова, сказал: «Возьми и молчи» — и сам обратно выбежал из кабинета.

Сколько прошло после этого времени — неизвестно, только было окончательное собрание Сената по делу евреев под председательством Государя Императора Николая Павловича; пошло суждение и голосование; дошла очередь до Мордвинова, который всегда был первый враг и противник этого дела, а теперь он молчал; это не ускользнуло от внимания Государя: он потребовал его мнения. Мордвинов отвечал на это: «Ваше Императорское Величество! камердинеру моему дано сто тысяч рублей за то, чтоб только Доложил мне о евреях, а мне огромный мешок с золотом бросили в кабинет, где он и теперь лежит, за то, чтобы я только молчал, — я и молчу, а тот, кто говорит, может быть, и еще счастливее меня с камердинером!»

Государь отказал в неправильном иске, и Перец не перенес этого и помер.

В 1846 году крестьянин Ростовской Спас-Песочкой слободы, Андрей Акимов Новиков, вместе с крестьянином села Поречья Рыбного, Яковом Андреевым Пелевиным, торговал в Петербурге сальными свечами. Новиков послал Пелевину в Ростов 7000 рублей денег с приказчиком того же села крестьянином Дмитрием Ивановым Шиловым, служившим у Василья Ильича Лисицына (который в это время с южной стороны Казанского собора имел цветочный и семенной магазин и был придворным поставщиком цветов). Деньги в пакете принесены были поздно; Шилов уже запаковал свой багаж, а потому пакет этот он положил в боковой карман сюртука и зашил, таким образом благополучно приехал в Москву, где встретился с капиталистом, крестьянином села Угодич Абрамом Андреевым

Мягковым: сей последний остановил Шилова на сутки в Москве для того, чтобы ехать вместе в Ростов. В ночь перед выездом в номере посольского подворья они попили пива и наутро благополучно поехали в Ростов. По приезде в селе Поречье Шилов расшил боковой карман и нашел в нем пакет подрезанным и в нем вместо 7000 рублей только одну тысячу. По словам Шилова, он из номера не выходил и не расставался с Мягковым; карман зашит и цел, а денег нет. Шилов человек небогатый и подвергся вследствие сего различным судебным мытарствам, не перенес всего этого и скоро помер, а вскоре после него помер и Мягков. Сего последнего молва чернила за Шилова, говоря: «Хорошо богатому воровать!»

Бурмистром в селе Угодичи был в это время крестьянин деревни Уткина, Илья Иванов Филин; он жестоко ссорился по бумагам с доверенным села Поречья — Устиновым, но еще при Петре Великом Балакирев³⁷⁴ «воробьям Государевым отрывал головы, а помещичьих гладил по голове и отпускал на волю», так и здесь: ссорились свободный хлебопашец и крестьянин гр. Панина, всемогущего тогда министра. В 1847 году бурмистр села Угодич крестьянин деревни Воробылова, Иван Николаев Тиханов, тысячью рублей склонил Ярославскую палату государственных имуществ послать спорное дело о берегах Ростовского озера к министру государственных имуществ; ему насажали, что графы Киселев³⁷⁵ и Панин, получа это дело, раздерутся в кровь. Для этого дела избрали доверенным питерского купца (бывшего крестьянина с. Угодич) Ивана Семеновича Мухина; тот готов был подбирать перья, которые орлы выщиплют у себя; но ничего такого не случилось: орлы и не думали драться,

---

³⁷⁴ Балакирев Иван Александрович (1699 — ?) — придворный шут.

³⁷⁵ Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), граф — министр государственных имуществ (1837-1856).

и нам, как государственным воробьям, свернули шею, то есть посадили на «живое урочище», а пореченских погладили по головке и отпустили на волю. Они после этого вооружились на нас и старались, нельзя ли сделать то, чтобы за реку, протекающую селом Поречьем, не платить угодичским крестьянам за рыбную ловлю 1000 рублей каждогодно, но слова, сказанные Петром Великим: «Иным никому не в образец...» и подтвержденные Екатериной II и Александром I, и в настоящее время остаются в своей первобытной силе.

В том же 1847 году я получил письмо от ростовского уроженца, бывшего секретаря ростовского магистрата, Алексея Наденицкого, чиновника при принятии прошений на Высочайшее имя, что мая 31-го в Императорском дворце померла известная мне грузинская царевна, Нина Егоровна, родная сестра настоятелю Филиппо-Ирапской пустыни Мартирию.

Глава XIV

Уничтожение Угодичской рожи. — Холера за озером. — Женица-брандмейстер. — Новые знакомства. — Переправка метрического свидетельства. — «Дом крови». — Консistorские проделки. — Песни Якова Питерца. — Сельский суд над писакой. — Последствия этого суда. — Рукописи. — Подворный список теремов князей Ростовских и Ростовский летописец. — Переделка старинного слога. — Проект перестройки Ростовского кремля под торговые помещения. — Выбор в церковные старосты.

В 1848 году новый старшина крестьянин села Угодич Иван Степанов Курманов-Бадаев возбудил крестьян учинить такого рода операцию. Он предлагал им срубить находящуюся близ села осиновою рощу около 100 десятин; крестьяне по этому поводу просили министра государственных имуществ, но тот отказал и не велел рубить, сберегая наши же интересы, но потом чрез несколько времени крестьяне вновь ходатайствовали и как-то Добились свободы действий и с общего совета приказали голове села Угодич Ивану Дмитриевичу Крестьянину Фомичеву продать эту рощу с торгов за 3000 рублей. Рощу срубили, а денег в общественный капитал не попало. Вот какое бесконтрольное самоуправство! Хоть худо поем, но сами себя тешим!

Июль и август свирепствовала холера в Ростове, с Поречье, Ворже, деревне Борисовской и Уткине. Деревня Борисовская была завалена больными; вход и выход из нее был воспрещен; дорогу отвели мимо деревни. В деревне Уткине было откровение какому-то больному холерой, чтобы взяли с крестным ходом икону Нерукотворенного Спасителя (дар царя Ивана Васильевича Грозного, писанная по мере и подобию большого царского знамени, бывшего при взятии Казанского царства) из Богоявленской церкви; уткинские крестьяне 16 августа это сделали, и с вступлением иконы в деревне болезнь прекратилась. Это могу засвидетельствовать, как самовидец. В селе Поречье за больными холерой и умершими ходила крестьянка села Угодич, Матрена Яковлева Ческина, или Бачурина; это была в полном смысле девица-кавалерист, она не терпела женского рукоделия, голос имела мужинский — грубый. Она редко надевала женское платье, а ходила как мужчина; ранее этого она была замужем за солдатом-брандмейстером ростовской пожарной команды, который вскоре после свадьбы был вытребован в Петербург для пополнения

пожарной команды; там в одежде своего мужа она исправляла за него должность. Кроме своей части, никто не знал, что этот искусный брандмейстер есть женщина. По смерти своего мужа она возвратилась в свое отечество, но бедность заставила ее удалиться из Угодич в Поречье и там посвятить себя служению больным холерою, от которых даже бегали родные. За эту услугу крестьяне села Поречья положили ей посмертную пенсию.

Августа 5-го помер холерой мой дедушка (по жене), ростовский купец Федор Ильин Бабурин, а 7 августа померла тою же болезнью сестра его Ксения Ильина.

В этот год в селе Угодичи, окруженном холерными селениями: Воржей, Уткином и Борисовским, не было ни одного холерного случая.

В 1849 году января 26-го архиепископом Евгением посвящен был во священники села Угодич в Богоявленский приход учитель Борисоглебского училища П.И. Заозерский; по службе, голосу и характеру незабвенный священник; впоследствии нетрезвая жизнь заставила его поменяться местами со священником города Углича (девичьего монастыря) Васильем Ивановым Никольским, больным, за которого служил заштатный священник села Поречья о. Иоанн Яковлев Никольский, брат Федору Яковлевичу Никольскому, автору путеводителя по Ярославской губернии.

В течение этого лета удостоили меня своим посещением посланные от Правительства собирать статистические сведения: гр. Сивере, Чапский и Иван Сергеевич Аксаков³⁷⁶. Я им, чем мог, тем и служил. Аксаков, увидав написанную мною историю села Угодич, тотчас же взял, исправил и отослал

---

³⁷⁶ И.С. Аксаков, Александр Карлович Сивере (1823—1887) и Дмитрий Андреевич Чапский были членами правительственной комиссии по изучению раскола в Ярославской губернии. Комиссия под председательством Ю.И. Стенбока-Фермора работала в Ярославской губернии с лета 1849 до осени 1851 г.

для напечатания редактору «Ярославских губернских ведомостей» Федору Яковлевичу Никольскому. В это лето сверх поименованных особ имел счастье познакомиться с ростовским купцом Петром Васильевичем Хлебниковым, Михайлом Ивановичем Морокуевым, ярославскими гг. ассессором Ярославского губернского правления Н.Н. Клириковым, редактором «Ярославских губернских ведомостей» Федором Яковлевичем Никольским и купцами Егором Васильевичем Трехлетовым и Семеном Алексеевичем Серебrenиковым.

При старосте села Угодич Михайле Михайлове Дюкове в 1850 году был прислан межевщик Виноградов поверить генеральную межу и работу землемера Постникова; по генеральной меже озеро заключало в себе 4847 десятин, Постников же намерял 4745 десятин, а Виноградов намерял 4950 десятин и донес словесно Сенату, что все ямы генерального межевания верны и по настоящее время; это было в августе.

Вскоре после этого события последовала ревизия, и крестьяне избрали меня сказкосоставителем³⁷⁷, что я и исполнил по их поручению и сдал свои труды предводителю ростовского дворянства Ал. Петр. Протасьеву. Во время моей переписки случилось следующее событие: у одного крестьянина деревни Уткина, Алексея Тарыгина, перед этим отдали единственного сына в солдаты: до времени же сдачи его в рекруты жена его была беременна, и вскоре после его сдачи она родила мальчика. Всему семейству хотелось, чтобы этот ребенок остался крестьянином, а по закону он уже был кантонист. Дед этого новорожденного и его мать прибегли ко мне, прося моего содействия и предлагая мне хорошую взятку, конечно; я за

---

³⁷⁷ То есть составителем списка проживающих в этой местности крестьян.

это только побранил их и с этими деньгами посоветовал им обратиться к нашему дьячку, довольно опытному человеку. Тот за эти деньги согласился все сделать, если только я не буду ему препятствовать; семейство это было из самых честных, смиренных и доморачительных. Конечно, я обещал, что я готов со своей стороны помочь безвозмездно. Дело это заключалось в следующем: у этого же рекрута Тарыгина за год прежде родился сын и вскоре помер; нужно было имя умершего дать живому; в старой метрической книге дьячок брался старое соскоблить, а новое написать, т.е. новорожденного сделать умершим; только это же надо сделать и в сданных метрических книгах в духовной консистории. Упомянув о консистории, не могу не сказать следующее. Дом консистории в это время с лица был оштукатурен и выкрашен красной краской, потом расписан под вид натурального кирпича, точно так, как и ныне находящаяся возле консистории церковь Богоявления Господня. Нещадно обираемое духовенство дало этому красному консисторскому дому название «Дом крови». Несмотря на то что дом этот уже давно вследствие этого насмешливого названия по распоряжению покойного преосв[ященного] Нила выкрашен в белый колер, но называется доселе по-старому. «Дом тот, домом крови наречется до сего дня»³⁷⁸.

Кстати же припомню два случая, которые передавали мне знакомые священники за верное: до проведения железной дороги ездили по шоссе; перед въездом в Ярославль, в нескольких верстах от него, у самой дороги, по обеим сторонам есть весьма частый лесок, называемый «Долгие кусты», где постоянно пошаливали и бывали частые разбои; один раз ехал из Ярославля священник, совершенно обобранный в консистории; дело было

---

³⁷⁸ Ср.: «Тем же наречется село то, село крови, до сего дня» (Матф. 27:8).

под вечер; во время проезда долгими кустами на него напали разбойники и потребовали денег; он взмолился и сказал, что его только что отпустили из консистории. Выслушав это заявление, разбойники тотчас же его оставили, сказав: а уж если едешь из консистории, то нам взять нечего: там обируют почище нашего.

В другой раз пришел дьячок, зная консисторские вымогательства, сопряженные притом с обысками, запрятал оставшийся у него полтинник за щеку, и когда по обычаю мелкие чиновники и сторожа стали совершать эту прискорбную операцию обыска, то, найдя у этого дьячка мало медных денег, заподозрили его в скрытии. Один, более догадливый писец усмотрел, что дьячок нечисто выговаривает и мало упрашивает о пощаде, ударил его кулаком по ланите, злополучный полтинник выскочил изо рта и к великой радости сих жрецов Фемиды покатился по полу. Но возвращаясь к прерванному рассказу. Я поехал в Ярославль с дьячком; остановились мы в гостинице, куда он и привел консисторского архивариуса с метрической книгой и еще прежде просил меня занять его. В то время была в славе «Желудовка»; нам поставили почтенных размеров графин и на закуску подали икры; для двоих хороших потребителей этого графина и закуски было бы достаточно; собеседник же мой все это храбро завоевал один, потому что я, как непьющий, с радостью уступил ему поле битвы; в это время дьячок Радухин сделал свое дело незаметно. Умерший крестьянин Константин жив и в настоящее время... Через несколько времени после этого я получил первое письмо от Трехлетова следующего содержания³⁷⁹:

---

³⁷⁹ Примечание А. Титова: «Прекрасная коллекция рукописей и старопечатных книг, собранная Трехлетовым и описанная Ф.Я. Никольским, после смерти собирателя находится в Имп[ераторской] публ[ичной] библиотеке».

«Почтенному историку села Угодич г. Артынову.

Мое стороннее тебе спасибо за труд твой; дай Бог, чтобы он послужил образцом и для других подобных тебе и мне; я слышал от Ивана Сергеевича

Аксакова о тебе и желаю дальнейшего успеха; если будешь когда в Ярославле, то зайди ко мне, почитающему тебя Егору Васильеву Трехлетову, крестьянину же и содержателю романовской ресторации в Ярославле. 6 июня 1850 года».

По своей торговле я часто ездил в Ярославль за покупкой товара и виделся с Трехлетовым, который передал мне, что Иван Сергеевич Аксаков желал бы видеть песни, записанные мною от Якова Питерца и других крестьян. Песни эти я тогда собрал в одну книгу и тщательно переписал. Из этих песен я послал несколько Ивану Сергеевичу в город Данилов, где он в это время (26 июня 1850 г.) был. Аксаков довольно длинным письмом спрашивал меня о том, как достались мне эти песни и когда? Но за отъездом Ивана Сергеевича я, кажется, так ему и не ответил³⁸⁰.

По смерти старшины Михаила Михайлова Дюкова должность его принял крестьянин села Угодич Афанасий Дмитриев Истомино, который в ноябре (1850) достал в Ростове номер «Ярославских ведомостей», где была напечатана моя история села Угодич, которая, по его словам, была причиною смерти Дюкова и что эта статья тем же грозит и ему. Все это он объявил 18 ноября на сходе угодичским крестьянам. Через сотского был на этот сход приведен и я уже во время ночи. Бог знает, чего я тут не

---

³⁸⁰ Далее в книге следуют записи былин и песен «Илья Муромец», «Ян Ушмович», «Песня Юрки о Ростовском озере» и «Женитьба князя Владимира», в настоящем издании опущенные.

наслушался! Грозили мне телесным наказанием, арестом и ссылкой, но привести все это в исполнение оставили почему-то до утра, причем постановили донести о подобном желании схода окружному начальнику Михайлу Александровичу Пороховщикову. Ночь провел я у себя дома без сна; на память обо всем, что со мной было, я написал стихи, под заглавием: «Вот каково быть сочинителем!».

Вот каково быть сочинителем!³⁸¹

Гремит ужасно гром с раскатом,
Не видно облака вокруг*,
Стою дивлюсь тем перекатам
В начале вечера сам друг...

Дивясь себе Творца величию
В громах и бурях милость шлет,
Я шел тогда предстать к обличью
Туда, позор меня где ждет.

На Лобно место я явился,
Со сваррой грозною предстал**,
Шумя где люд наш так ярился,
Что я среди их затрепетал.

---

³⁸¹ Стихотворение «Вот каково быть сочинителем!» вычеркнуто А.А. Титовым в рукописи воспоминаний Артынова (РНБ. Ф. 775. № 585. Л. 77 об. - 79 об.). В настоящем издании восстановлено по этому тексту.

В различных видах страсти пышут,
Являют бешенство людей,
Отвсюду уши мои слышат:
Хотят все гибели моей.

Что тут за хари, что за рожи
В том сонмище я увидал.
Вот впереди бунтуют вожди,
Меж ними старший заседал.

Как Люцифер, вращая очи,
Весь гневом, яростью дыша,
Кричит, что стало тоя мочи:
«Друзья! Учена вот душа!

Нам не дает собой покою,
Взмущает нас средь тишины,
Своей негодною башкою
Коснулся нашей старины!

Векам окрепла наша сила,
Возможет кто ее сломить?
Нам новый никакой Зоила
Не может смело говорить.

Вот тот, кто смел нас всех тревожить.
Друзья, что делать с ним теперь?

Иль трепку дать, иль удостоить
Его в темницу всунуть дверь?»***

— В темницу!.. — грозно закричала
Ватага буйная голов.

Уж грозно длани простирала,
Меня чтоб влечь в темничный ров****.

Но я, их видя исступленье,
Хотел благой совет внушить,
— Что без суда определенья
Меня никто не оскорбит!

Как порох, вспыхнула ватага,
Кричат: «Закон есть сами мы!»
В ладу с невежеством отвага.
Кричат: «Как смел сказать нам ты!

Законшик ты и нас законом
Теперь ли хочешь утрашить?
Под нам над слезами и стоном
Лишь можешь милость получить»*****.

Я, зная невинность за собою,
Им тут же смело объявил:
«Я прав пред вам моей душою,
Лишь много Богу согрешил.

Пред Ним Единым преклоняюсь
Всечасно телом и душой,
Но перед вам не унижаюсь,
Знав всю невинность пред собой».

И Цербер так не лаял сильно
В три зева в аде на цепи,
Как тут ревели громосильно
Без толку все и без пути.

Ревет начальник: «Стой, мальчишко,
Как смел пред нам ты говорить,
Ты по летам пред нам сынишко,
Ты нам здесь должен доложить.

Ты видишь здесь сынов свободы,
Они сошлись здесь рассуждать,
Как смел ты наши здесь доходы
Публично, смело описать?*****

Как ты дерзнул и кто позволил
Тебе об нас так говорить?
Ты этим мир наш весь расстроил:
В ногах нас должен ты просить!»*****

Я им ответ один и тот же,

Что «Богу кланяться должно.
Я объявлял вам это прежде
— Ужель вам это не полно? —

Извольте все внимать в молчанье,
Как смел писать и кто велел,
Мне сделать это описанье,
Которым вас на гнев навел.

Во-первых, было то желанье
Мое прямое от души
Отчизны сделать описанье,
Чтоб не была она в глуши.

А боле ревностью духовной
Напитан слабый мой рассказ,
Где речь о славе лишь
Церковной Есть суца правда без прикрас.

А стороной хотя коснулся
В преданье быт свой поместить,
И тут пред лестью не согнулся,
Чтоб правду Божью говорить.

Что ж до печати, это дело
Тут вовсе было не мое.
А тех, кто перед вами смело

Откроют право вам свое!»*****

Не слушая моих доводов,
Кричат: — Арест ему, арест!
Как смел коснуться он доходов
Оброчных наших здесь мест!

Арест! — все паки повторяют
Но рук не могут наложить
И это дело оставляют,
Хотят начальству доложить.

Так буйно кончилось собрание.
Как мыши вскоре разбрелись,
И смолкло бранное ругание,
И войны здесь унялись.

А я ж с душой, стесненной скорбью,
Спешил наутро в Божий храм
Молить Творца, гореть любовью,
Желать величия царям.

В тот день взошел могуч и силен
Великий Царь наш на престол*****.
Как Бог он милостью обилен.
Об нем я в храм молитвы шел.

А кто меня вчера позорил,
В руках держаща грозну власть,
Товарищ Вакху быть изволил
Охотней, в храме чем стоять.

Излил я скорбь свою пред Богом,
Побрел к тому, кто как отец
В моем уме весьма убогом
Нашел, что я не есть глупец.

Он в скорби той меня утешил,
Жалел, случилось что со мной,
И жребий мой он перевесил:
Я стал спокойнее душой.

Поникла вдруг Глава Горгоны,
Язвить боится прямо в грудь.
Страстей уж кажутся законы,
Кричит: «Друг наш теперь ты будь!»

Утром я пошел сказать о своей невзгоде П. Вас. Хлебникову; тот сильно порицал подобное деяние нашего схода, тотчас написал письмо окружному начальнику и, успокоив меня, просил отнести письмо Пороховщикову. Прихожу к окружному. Старшина Истомин уже там и успел принести на меня жалобу. Окружной начальник принял было меня не совсем прилично, но, прочитав письмо Хлебникова, совсем переменялся, напустился уже на торжествовавшего нашего старшину, погнал его и велел

ему сейчас же собрать поголовный сход, куда со мной и хотел приехать. Несмотря на вьюгу и сильную метель, он немедленно приехал со мной в Угодичи, где был уже собран сход, на который он сильно гневался и делал тяжеловесовый выговор за их невежество к моему труду; больше всех досталось нашему начальнику, за которого мне же и пришлось замолвить слово.

Дня через два к Хлебникову приехал из Сопелок³⁸² граф Юлий Иванович Стенбок³⁸³. Хлебников передал ему мою неприятность, тот прислал за мной нарочного и сильно настаивал на том, чтобы написать жалобу на старшину Истомина в Петербург в Императорское археологическое общество, в отделение русской и славянской археологии, которую и обещал передать сам, так как он тогда ехал в Питер. С секретарем этого общества Иваном Петровичем Сахаровым³⁸⁴ и я был тогда в переписке. От слов Стенбока мне стало за наших крестьян страшно, и я побоялся, чтобы чем особенно не обидели Истомина, тем более что мне сказали о председательстве в обществе Великого князя Константина

---

³⁸² Примечание А. Титова: «В селе Сопелках Ярославской губ. в это время под председательством гр. Стенбока, при участии И.С. Аксакова, особою комиссией производилось следствие по секте странников. Богатые материалы по этому делу, нигде не напечатанные, находятся в моем рукописном собрании. Особенно интересен сборник за № 838, в котором между прочими полемическими сочинениями сектантов-учителей описывается одним из бегунов весь процесс и страдания старца Ефимия и других заключенных в ярославском тюремном замке.

Интересна так же и секретная записка о расколе, составленная гр. Чапским (рук. № 1485). С. Сопелки и по сей час есть Иерусалим странников. Многие из сектантов (фамилий которых упоминаются в подлинных следственных делах вышеозначенной комиссии), переехав из Сопелок, сделали купцами и почетными гражданами, приобрели значительные капиталы. Все эти купцы считаются православными и наружно во всей строгости исполняют церковный обряд». Сопелки — ярославское село, центр раскольничьей секты «странников» («бегунов»),

³⁸³ Стенбок-Фермор Ю.И. (1812—1870), граф — чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел.

³⁸⁴ Сахаров И.П. (1807—1863) — этнограф, фольклорист.

Николаевича³⁸⁵. Я просил графа оставить это дело без последствия на том основании, что незаслуженный позор я перенес и оный, вероятно, уже вновь не повторится. Граф похвалил такой образ мыслей, оставил Хлебникову письмо для передачи окружному начальнику Пороховщикову. Что в нем было писано, мне неизвестно; только после этого собрания старшина и крестьяне совершенно изменились в обращении со мной и старались загладить вину покорностию и лаской.

При такой видимой перемене моего обыденного быта и внимании ко мне вышеименованных особ, у меня родилось непреодолимое желание посвятить себя истории Ростова Великого. Материалов для этого было у меня много, как письменных, так преданий старины и рассказов старожил; к тому же в библиотеке Хлебникова встретились мне две рукописи: первая — начала XVII века, по его словам, «Подворный список города Ростова», по величине скорописи и переплету весьма схожий с «дозорными книгами города Ростова», того же столетия, оригинал которых находится в библиотеке Андрея Александровича Титова³⁸⁶. К сожалению, из оной я извлек только о доме бывшего нашего угодичского помещика Луговского следующее: «В Стефановской сотне дом думного дьяка Томины Юдина сына Луговского, в длину двадцать две, поперек шестнадцать сажен, ныне место это пашут пустошью поп Василий Мамзерев да Савва Калашник». (Впоследствии поп Василий был попом Угодичской Богоявленской церкви и друг св. Иоанну Милостивому Власатому, у которого сей последний лежал больной, возвращаясь в Ростов из Владимира, куда он сопровождал старице

---

³⁸⁵ Великий князь Константин Николаевич покровительствовал Русскому географическому обществу и Русскому археологическому обществу.

³⁸⁶ Титов А.Л. (1844—1911) — историк, археограф.

инокине Введенского монастыря города Тихвина, бывшей супруге царя Ивана Грозного, из рода бояр Колтовских.) Вторая рукопись — тоже XVII века, более 600— 700 листков, которую Хлебников называл тоже подворным списком теремов князей Ростовской округи и летописцем Ростовским.

Скоропись много схожа с рукописью стольника Алексея Богдановича Мусина-Пушкина, которую я встретил в своем сельском архиве: эта рукопись меня заинтересовала по двум причинам: во-первых, я встретил тут имена тех личностей, которые упоминаются в мусин-пушкинской рукописи и которые я слышал в детстве от Ф.С. Шестакова и других старожилов того времени. Во-вторых, тронута была природная моя страсть — собирать имена и события в доступных мне книгах о князьях ростовских, а тут, кроме имен, упоминалось нечто и о них самих, и именно то самое, что я прежде слышал в рассказах старожилов. Возьму для примера следующее из хлебниковского списка:

«При слиянии рек Ухтомки и Копорки на том месте, где стоит ныне погост Копыри, по преданию будто бы стоял тут терем ростовского князя Ратобора Копыря; здесь за неусыпную стражею хранились доставшиеся ему золотые вещи, упавшие с неба: соха, иго, топор и чаша; добывая себе в супружество дочь ростовского князя Брючислава, служил у ней под видом кровчего, прогнал из пределов Ростова Ассийского князя, пришедшего с берегов реки Танаиса; за эту победу он получил княжну себе в супружество. Здесь князь Святослав Владимирович, сын князя Владимира Святого, построил небольшую обитель, которую открыл витязь Дануп Золотой Пояс. Недалеко от обители этой стоял терем князя Ивана Федоровича Бахтеярова-

Немого; внук его, князь Петр Владимирович Бахтеяров, поступил во иночество в обитель Копыри и был впоследствии настоятелем оной»³⁸⁷.

Тогда были такие понятия. Вот, напр[имер], случай: при посещении Великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами обители св. Иакова в Ростове, на пути их в келью настоятеля, остановил их какой-то седовласый монах той обители (я после узнал, что он ранее был виноторговец), который развернул большой на толстой бумаге план своего сочинения и стал им проповедовать о пользе уничтожения всех ростовских кремлевских зданий и предлагал на месте их воздвигнуть гостиный двор и другие доходные во время ярмарки здания на пользу обителей; короче сказать, он хотел уничтожить знаменитые памятники XVI и XVII веков, составляющие красу всего народа. Великие князья³⁸⁸ посмотрели на план и на монаха и, ничего ему не ответив, ушли в келью настоятеля. Завидую

---

³⁸⁷ Тут А. Титов вписал следующий пассаж: «К сожалению, делая выписки, я не удержал слов подлинника, а думая, что будет понятнее, придерживался современного языка и, много раз переписывая, не сохранил потом и малейших остатков слога рукописи, который в некоторых местах у меня сначала еще удерживался. Крайне теперь жалею, что первоначальные оригиналы и многие списки и рассказы, написанные мною в отдельных тетрадках, ушли на обертку товаров в моей лавочке (от такого точно истребления спас много подобных вещей А.А. Титов в 1880 г.). Уже после при свидании у гр. Уварова с Мих. Петр. Погодиным я все свои списки собрал и переписал в особую книгу, и вот в 1880 году я из этой-то книги и составил сборник ростовских сказаний; такое же сказание я написал о князьях, иерархах и именитых людях Ростова Великого. Снова повторяю, что с горестию вспоминаю теперь о том, что хотя многие события прежде были буквально выписаны из летописей Хлебникова, Трехлетова и др., но я, по неопытности исправляя язык и слог, который тогда считал тяжелым и неудобным, лишил свои сказания главного достоинства и тем уменьшил цену своих полувековых трудов. Теперь, к стыду моему, вижу ясно истину слов: "Всяк возносяй себя смириться!" Теперь мой сборник и летописи, исправленные моей дерзновенной рукой, стали ни то ни се, да и первоначальных-то списков у меня уже нет. Не могу умолчать, что покойный П.В. Хлебников не только не останавливал меня в этих переправах, но и сам, читая мне те рукописи, которые я не разбирал, заставлял писать современным языком; но прошлого не воротить». Указывая на непрофессионализм крестьянина-энтузиаста при работе с источниками, на многократное «переписывание» их, Титов тем самым защищается от упреков, которые предъявлялись ему как собирателю и пропагандисту подобных «исторических сведений».

³⁸⁸ Великие князья Николай Николаевич (1831 — 1891) и Михаил Николаевич (1832—1904) — младшие братья Александра II.

теперь я монаху: счастлив он, что не воспитал своего детища так, как я; мне не выпала такая счастливая доля; быть может, и у меня сохранились бы первоначальные мои рукописи, как сохранились кремлевские здания. Ныне, впрочем, к своему утешению вижу, что благодаря любителям изящного и врагам грубой старины, кремлевские здания и древние церкви ростовских монастырей быстро идут по следам моих рукописей и, быть может, со временем постараются и догнать меня в изяществе: счастливого пути вам, догоняйте меня!

В конце этого года и в самый последний день оного прихожане Богоявленской церкви, забыв свою прежнюю неприязнь ко мне, вместо желавшего еще служить пятое трехлетие церковным старостой крестьянина села Угодич Абрама Андреева Мягкова, избрали меня; это событие и дня меня и для Мягкова было вовсе неожиданно; но об этом будет речь впереди. Скажу только, что с этого времени началась другая половина моей жизни.

---

* Лёд на озере был тогда крепкой, снегу на нём не было. Мороз в это время делал на льду щели, которыми разрывая лёд производил удары подобно грому. А продолжение такой щели несколько верст производило гул вроде отдаленного переката грома или, как в старину писали, "одеревел, как лесная зверь". - Карамзин. Т. IV. Примеч. 310 и 315.

** А не простой рассыльный вел меня тогда на сход
*** Это подлинные слова старшины Афанасия Истомина
**** Угрозы крестьян. Кто кричал наказать розгами, кто жутким и продолжительным арестом.

***** Заставляли некоторые, чтобы я на коленях просил у них себе

МИЛОСТЫНИ

***** Старшина Истомин в это время лежал перед собой номер Ведомостей, в котором было печатано о селе Угодичи, и для возбуждения в крестьянах против меня гнева тряс ими в воздухе и говорил им о вреде оного.

***** Старшина Истомин вынуждал меня просить на коленях крестьян о помиловании, но я не повиновался.

***** Я просил их отнестись об этом к Ивану Сергеевичу Аксакову

***** 19 ноября было Восшествие на престол императора Николая Павловича. Я был в это время в Ростовском соборе, потом пошёл к П.В. Хлебникову.

Глава I часть II

Болезнь жены. — Невский дьячок-колдун. — Волшебный венник. — «Глухой» нечистый дух. — Былое крепостного права. — Колдун на сельской свадьбе и на господском дворе. — Пустошь Фефилицы и Галактионов клад. — Юродивый Алексей. — Чудные штуки угодичского колдуна. — Кликуши. — Служба в церковных старостах. — Церковные постройки. — Благотворители. — Постройка лавок. — Кончина матери. — Продолжение церковных построек.

Начало 1851 года было для меня неблагоприятно: у моей жены образовалась падучая болезнь, последовавшая, как надо полагать, от расстройства наших торговых дел. В это-то тяжкое время ей пришлось поддерживать и меня и себя, так как только одна она и могла развлекать меня всеми способами, нисколько не щадя себя; ей же против меня было вдвойне тяжело, так как в то же время она скрывала от меня перемену к ней

отношений родной ее матери, для которой обедневшая дочь как будто бы сделалась совершенно чужой. Я же, занятый всецело своими делами, этого не мог заметить, и жена моя все это для меня перенесла на себе. Впрочем, болезнь жены образумила ее мать и заставила ее переменить прежние отношения на более теплые. В видах излечения дочери она даже пригласила к себе в дом знаменитого врача и целителя всяких лихих болестей и черных немочей — расстригу-дьячка села Льва, Зверинцевской волости, Ивана, или попросту — Ваньку Левского; но жена оказалась в этом случае «Фомой Неверным» и наотрез отказалась пользоваться советами изверженца церковного. Это сильно оскорбило ее мать.

Первое свидание с Ванькой Левским происходило в мой отъезд из дома Бабурина, и о нем после передала мне жена. Это свидание меня сильно заинтересовало, и мне самому захотелось посмотреть на такую громкую ростовскую знаменитость, что и не замедлило исполниться, так как Ванька Левский, ввиду других больных, дом Бабурина стал навещать часто, и я вскоре имел счастье встретиться и побеседовать с ним. При первом же свидании, когда взоры наши встретились, мы сразу поняли друг друга. Он скромно стал вести речь о своей многолетней практике и о познании трав и их сокровенных тайнств; я еще в детстве у Василья Афанасьева Малышева читал рукописный цветник, книгу, глаголемую «Прохладный ветроград»³⁸⁹, и хорошо помнил качества и силу многих трав. Этими-то знаниями я и воспользовался и ничем не уступал дьячку в разговоре. Таким образом, наше оружие оказалось равным, что и заставило целителя недугов прекратить такого рода разговор и не хвалиться своими великими

---

³⁸⁹ Артынов называет «цветником» старый лечебник. «Прохладный ветроград» — известный лечебник (частью переводной), появившийся на Руси в конце XVI — начале XVII в. См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987. С. 492-527.

познаниями. Смотри на его полное румяное благообразное лицо, седые волосы, солидную осанку, приличную даже архиерею, а не дьячку-расстриге, я невольно вспомнил о его плутовских проделках, которыми он морочил доверчивых людей, и следующий про него интересный рассказ. Еще когда сей муж не занимался ремеслом кудесника, но сильно жаждал кудеснических познаний, в то время в погосте Хлебницах, Щенинской волости, проживал старик, заштатный причетник, славившийся как великий колдун и волшебник; к нему-то и обратился Иван Левский для изучения знахарской премудрости; тот сказал цену своим дьяволам и назначил Ивану время, в какое к нему прийти. В назначенное время ученик пришел к учителю, и тот, передавая свое искусство, дал ему волшебный веник, в котором, по словам причетника-учителя, в каждом листике сидело по дьяволу; научил Ивана, как с ними обращаться и как потом этих бесов высадить из веника. Вручая волшебный веник, учитель строго-настрого наказал ученику, идя до своего дома назад, не оглядываться и дорогой ни с кем не говорить. В то время как Левский от погоста Хлебниц шел домой, неся под мышкою волшебный веник, с ним встретились студенты Ярославской семинарий, гостившие во время каникул у своих родителей; с ними был и еще кое-кто, и в том числе молодой дьячок Гаврила Радухин^{*}, зять хлебниковского колдуна, который от тестя узнал, зачем приходил к нему Ванька Левский и с чем он теперь идет обратно. Разумеется, Радухин передал об этом своим спутникам, а также и о качестве веника, бывшего под мышкой у Левского. Студенты вступили с Левским в разговор, начали его подзадоривать и, скоро рассорясь, разодрались и в конце концов из волшебного веника наделали, по семинарскому образцу, розог, с примесью находившихся близ дороги ивовых прутьев, и так угостили нового колдуна, что оставили его еле жива и в беспомощности бросили на дороге. Скоро ли

после этого образумился новый колдун, мне Радухин не передал, но говорил только, что за вторым веником Левский к его тестю уже не являлся. Слово «веник» всегда приводило Ваньку Левского в иступление, и при этом он страшно ругался. Теще моей он говаривал, что в моей жене сидит нечистый дух «глухой», и потому она, падая без чувств, и не кричит, как другие порченые крикушки, и что он мог бы вполне помочь ей, если б она прибегла к его помощи; мне же он этого не говорил, хотя я и вызвал его на такой разговор; он вскользь упоминал лишь, что причиной болезни жены есть «великая ленточная глиста».

Говоря о колдуне Левском, вспоминаю рассказ моей матери о другом колдуне. В конце XVIII столетия Угодичами управлял помещик Филипп Карр, от имени своей сестры княгини Голицыной. Карр вел жизнь крайне разгульную и распространял свою власть на своих новобрачных крестьянок, которых после брачного «княжьего» стола и отводили к нему «на подклеть». Это дошло до сведения его сестры княгини Голицыной, которая так за это разгневалась на него, что отрешила его от управления селом и услала в свое небольшое имение Искадьево, находящееся в Новгородской губернии, где он безвыездно и прожил семь лет. В одно время Карру захотелось посмотреть на местные свадебные обычаи, и вот он пришел на пиршество в дом новобрачных. В самый разгар пиршества, при его входе, пирующие встали и почтительно ему поклонились, хозяин же, вне себя от радости, просил боярина откусать их крестьянского хлеба-соли. Карр, чтобы сделать честь новобрачным, на это охотно согласился; когда он сел за стол, то, к удивлению своему, увидел между духовенством и новобрачными сидящего здорового толстого старика, с длинной седой бородой и с нахальным плутовским видом. Этот старик важно сидел в шапке на голове и дерзко смотрел в лицо Удивленного боярина и, вероятно, думал себе: «Волхвы не

боятся могучих владык». Видя такое невежество и едва сдерживая свой гнев, Карр, указывая Рукой на старика, спросил хозяина: «Кто такой этот старик?» Хозяин почтительно отвечал, что «это колдун и почтенный гость Иван Степанович Нагибин, свадебный отпущенник, и что без него никакой свадьбы не бывает благополучной». — «А откуда он?» — спросил боярин. «Крестьянин сельца Искадьева», — отвечали ему. Тут гнев Карра на Нагибина уже не имел границ. По его приказу вытащили с бесчестием из-за стола колдуна и увели для расплаты на боярский двор, а оттуда едва живого на рогожке принесли в его избу и бросили на пол. С этого времени рушилась вся слава знаменитого по околице отпущенника.

И у нас в старине был тоже колдун. По преданию, на пустоши Фефилица под тремя осинами, росшими вместе, был зарыт великокняжеский клад; под теми же осинами в то время будто бы жил пустынник Фефел, «борзой» скорописец ростовского князя Константина Всеволодовича³⁹⁰. Об этой пустоши в актах села Угодич XVII века говорится следующее: «Да отхожего в осиновой роще на пожне Фефилице пятьдесят копен сена деревне Праслову Угодской волости». Где была эта пустошь, старожилы наши не знают. В то время жили в той деревне Праслове «во дворе Сидорко Оксаньев, да сын его Галактионка, да пасынок Филатка Якимов». Старожилы рассказывали, что Галактионка был великий колдун, который будто бы и нашел княжий клад под тремя осинами, зарытый на пустоши Фефилице, вследствие чего и сделался богачом. Колдовства своего он не оставлял до смерти и, чтобы дать понятие о себе другим, говорил, что умеет повелевать чертями, и приказывал им возить себя в корзине, плетеной из тонких дранок, или, по тогдашнему местному наречью, «в мочеснике»; на

---

³⁹⁰ Константин Всеволодович (1186—1218) — князь Ростовский и великий князь Владимирский.

диво всем мочесник с колдуном двигался по дороге сам собой, по одному его слову, шибко или тихо, влекомый неведомой силой. Смерть этого колдуна была самая нехристианская: раз он пошел париться в баню, откуда больше и не возвращался; его нашли там мертвым, лежащего голым на раскаленной банной каменке. Сам ли он влез на раскаленные камни, или нет, неизвестно. Потомки этого колдуна с баснословным княжьем сокровищем переселились в село Угодичи, где они живут и до сих пор**.

В последнее время у нас был еще юродивый старик, высокого роста, сухощавый, с небольшой седой бородой; звали его Алексеем; он говорил много лаконически и малопонятно. Слова его нередко и сбывались: так, например], он много говорил жене моего сына, когда еще она была девицей.

Темный смысл слов его исполнился удивительно верно во время супружеской ее жизни с моим сыном; она поминает его и в настоящее время, почитая за святого.

Во время моей службы церковным старостой Алексей часто ходил ко мне в церковь, говорил по обыкновению много, но я не обращал никакого внимания на его слова. Раз он оставил у меня на свечном ящике небольшую книжку (в 16-ю д[олю] листа) вроде памятной; о ней он потом и не спрашивал. В этой книжке была написана какая-то непонятная тарабарщина, так что я как ни старался что-нибудь разобрать, но не мог, а только в этой тарабарщине поразили меня хорошо написанные слова: «колокол звони». В это время на Богоявленской колокольне большой колокол разбили, и он имел щель длиною в пять четвертей, от верхней сковороды книзу. Этот колокол намеревались уже переменить, но этому воспрепятствовала церковная постройка, на которую тратились все деньги.

Спустя два года после оставления Алексеем тетрадки, нашелся слесарь, штатный ярославского архиерейского дома Иван Петров Ефремов, живший в Ростове, который и взялся на Пасху 1853 года этот колокол исправить. Он по протяжению всей щели насверлил около 100 дыр (толщина боков колокола была от 1 1/2 вершка вверху и до 3 1/2 вершка книзу). В две недели он кончил свою работу добросовестно, и после этой операции колокол звонил по-прежнему около 20 лет и приятностию звука был первым в ростовской округе. Этот старый Богоявленский колокол далеко не родня теперешнему новому, который хотя и более весом, но звук имеет сильный и неприятный; впрочем, об этом речь впереди. Слесарь Ефремов делал много разных вещей, умер в 1859 году июля 17 дня. Он был, можно сказать, единственным механиком Ростова. Долго у меня хранилась книжка юридивого о колоколе, но от времени куда-то затерялась.

Был у нас в Угодичах и еще колдун, старик Иван Кушилков, слава которого была очень велика. Раз он шел по улице; в это время молодая и веселого нрава девка Анна Очкина сновала пряжу крестьянки Матрены Вьюшиной на чердаке своей избы. В слуховое окно она увидела идущего колдуна и, захотев пошутить над ним, громко вскричала из окна, назвав его по имени, и, спросив, где у него живут черти, скрылась. Старик долго озирался во все стороны, желая узнать, кто кричал ему, но, никого не увидав, пошел своей Дорогой. Голос из окна опять назвал его и спросил то же самое. Тогда старик понял, что над ним шутят, и в ответ громко сказал: «Будешь меня помнить!» Это слышала шутившая над ним девица Анна и, поконча работу снованья, на другой день хотела приступить к устройству всего нужного для основанной основы, но основа оказалась так перепутана и сплетена, что никоим образом приступить к работе было нельзя. Виновица рассказала о случае с колдуном, и работа была оставлена до лета, когда,

растянув основу по меже, ее разбирали по нитке. Впоследствии времени Очкина сновала пряжу для той же крестьянки Вьюшиной на чердаке в доме колдуна Кушилкова, который, что-то усумняся, втихомолку пришел посмотреть, что Очкина делает; Очкина как-то нечаянно обернулась и увидела, что колдун стоит на лестнице, с которой видна была одна только его голова. Он смотрел, как ей казалось, очень страшно, и его кроваво-блестящие глаза до того поразили ее, что она упала в беспамятстве и долго не приходила в себя и уже никак не могла продолжать начатую работу и ушла домой; после этого она уже боялась ходить в дом колдуна.

Эта же девица Очкина с несколькими своими подругами раз, приступя к колдуну, опять стала просить его показать чертей; колдун долго отнекивался, наконец согласился, но только с условием, чтобы девицы сняли с себя кресты и положили бы их в назначенное им место. Девицы это сделали; после этого он не велел им ничего бояться, что бы они ни увидели, предупреждая, что его бесовская рать им ничего худого не сделает. При этом он строго запрещал творить какие бы то ни было молитвы и отнюдь не креститься. Девки обещали и это сделать. Тогда колдун повел их из села по пути к осиновой роще^{***}, и, выйдя с ними в поле, он что-то громко вскричал. Тотчас после этого любопытные вострушки увидели бесчисленное множество бегущих к ним от рощи каких-то людей разного возраста: и самого большого, и самого меньшого. Все они были в красных колпаках. Девки с испуга не могли рассмотреть, какие у них были лица, и с криком побежали назад в село, творя молитву и крестясь на бегу. От усилившегося затем страха они попадали на землю и немалое расстояние катились по лугу. После этого они нескоро пришли в себя и долго о сем никому не говорили,

боясь гнева колдуна, и только уже после его смерти Анна Очкина стала рассказывать об этом происшествии.

А вот и еще проделка этого же колдуна Кушилкова: жена зажиточного крестьянина села Угодич, Ивана Степанова Крестьянинова, Антонида Григорьева страдала такою болезнию: лишь только переложит малую толику, так откроется у ней порча с различными выкликаньями. Крестьяниновы были люди богатые, и дом их находился почти против барского дома. Порча Антониды признана была всеми. В праздники, одетая в дорогие парчовые фезязи, она нередко сбрасывала с кокошника коноватную фату**** и с визгом падала на землю. Однажды в день пророка Илии старый барин Филипп Карр шел домой от обедни из Николаевской церкви. Подходя уже к своему дому, он вдруг услышал громкий голос крикуши; остановясь, он послал шедшего за ним камердинера Григорья Ильина узнать, кто кричит и что выкрикивает. Григорий, возвратясь, донес, что кричит Антонида Григорьева, и при этом прибавил, что «знать засажен, сударь, в нее умный супостат: выкрикивает Антонида, что дом не на месте, муж не по мысли; дом перенесите, мужа перемените, тогда и выду!» Помещик только посмеялся и сказал: «Видно, спозаранкухватила лишнее». — «Может быть, сударь!» — отвечал Григорий, и пошли с тем домой. Марта 17-го принял я должность церковного старосты и с этого времени всецело посвятил себя на служение церкви.

В Божоявленском храме, на своде главного алтаря, от времени образовалась щель, грозившая падением свода. Это возбудило во мне мысль исправить свод и совершенно перестроить обветшавшие три придельные храма, пристроенные впоследствии с обеих сторон главного старинного храма. Священник Павел Заозерский одобрил мою мысль, и я, по его совету,

начертил план предполагаемой постройки в виде продолговатого четырехугольника и вызвал из Ярославля губернского архитектора Никол[ая] Алексеевича] Шашина, который нашел свод главного алтаря и придельные храмы неблагонадежными и одобрил составленный мной черновой план и фасад. Взявши мой план к себе, он привел его в надлежащий вид, сделал масштаб и составил, сообразно размеру, чего я, как неученый крестьянин, сделать не мог.

Радуюсь одному только, что моя мысль осталась в этом плане неизменной. Этот план я подал на утверждение Ярославскому архиепископу Евгению, который 5 июля и разрешил производить всю церковную работу, от начала до конца, под надзором главного архитектора Шашина, без всякого в этом деле участия духовника. 14 июля приступлено было к разборке свода главного алтаря и приделов Казанской Богоматери и Кирика и Улиты, находившегося с северной стороны главного алтаря. Работа эта кончилась на 20 августа. Потом стали копать рвы для нового здания и устраивать основание. Мастером каменных работ был Фаддей Тимофеев Смолин из Ярославского уезда. 29 августа была сделана торжественная закладка придела св. муч[еников] Кирика и Улиты протоиереем села Поречья-Рыбного Николаем Львовым^{*****} и местными священниками: богоявленским — Павлом Заозерским и николаевским — Алексеем Густовым. Первый камень в основание клал вместе со мною протоиерей Николай, читая стих: «Поможет ему Бог утро заутра» (Пс. 45, ст. 6), который я и доселе помню.

В 1851 году были произведены следующие работы: подняты своды главного алтаря и царских врат на 3 аршина; возведены до карниза стены храма Кирика и Улиты, и между приделом и алтарем устроены две большие проходные арки; придел с алтарем освещается тремя окнами, диаконник

одним, главный алтарь двумя окнами, и все они готической архитектуры с лицевыми украшениями вышиною в четыре, а шириной в два аршина, с железными решетками. Главный алтарь покрыт железом в виде полукруга.

Разломкой старых зданий, чисткой старого кирпича, копанием рвов для нового здания и укладкой бута занимались крестьяне села Угодич: Иван Иванов Караулов, Алексей Иванов Исаков, Василий Андреев Богданов-Жирнов и Николай Леонтьев Тимонов. Они от начала и до окончания работ трудились 8 лет, за весьма умеренную плату и занимаясь лишь одними сказанными работами.

Материалов было употреблено: 1500 пудов извести и 10 тысяч кирпича, а различные благотворители пожертвовали на постройку 300 рублей денег и 300 пудов извести. Не могу забыть потрудившихся для церкви крестьян села Угодич: Андрея Петрова Курманова, Ивана Семенова Епова, Василья Андреева Богданова-Жирнова и Петра Яковлева Часкина. Они целую ночь, по обещанию, ловили рыбу и вырученные деньги отдали на построение храма.

Вскоре после этого у нас в селе возникло дело о квартире нашего станового пристава Вас[илия] Андреевича] Ларисова, занимавшего дом бывшего нашего помещика и за квартиру ничего не платившего. Я выпросил у крестьян могущий быть с этого дома доход в пользу церкви, и крестьяне дали мне на это мирской приговор, в силу которого я подавал прошение начальнику губернии о том, чтобы пристав платил за квартиру деньги. Губернатор Бутурлин³⁹¹ мне в этом отказал, и я подал прошение министру внутренних дел, который и предписал, чтобы за квартиру пристава

---

³⁹¹ Бутурлин Алексей Петрович (1802—1863) — генерал-майор, губернатор Ярославской губернии (1846—1861).

платилось 50 рублей в год. Эти деньги я и стад получать ежегодно в пользу церкви.

Во время зимы мной было заготовлено 350 пудов алебастру и 20 тысяч кирпичей, разного леса и значительное количество других строительных материалов; для приращения же церковных доходов около церкви я построил два корпуса для мелочных торговцев, 26 небольших тесовых лавочек и такой же навес для торговли говядиной в базарные дни.

В 1852 году дела церковные и мои шли довольно удовлетворительно; только 16 февраля, поутру, к прискорбию моему, старушка моя мать, Елена Андреева, померла в глубокой старости. Я в это время был в Ростове на ярмарке. Любовь моей жены к матери была примерная: больную мать она носила в баню на руках, хотя баня от дома была в 25 саженьях; за то и у матери последним словом было имя жены моей, которая никого постороннего не допустила до тела матери. Послужой и почтением жены к моей матери я очень гордился и по сей час вспоминаю свою покойную жену за такое, столь редкое в то время, почтение к старшим. Кладбище моих предков находилось при Николаевской церкви: там предали земле и тело моей матери.

Зима в этом году была весьма продолжительна: до 23 апреля дорога была санная, и чрез озеро переезжали по льду совершенно безопасно, так что я даже 3 мая с Борисоглебской ярмарки возвращался в Угодичи чрез озеро по довольно крепкому льду, и только около берегов была небольшая заводь.

В мае месяце начали разбирать южную и западную стороны старой церковной ограды; штукатурили внутренность главного алтаря мастера из

«Больших солей», товарищи: Михайла Дмитриев, Андрей Степанов и Александр Судаков.

Вслед за этим приступил к живописным работам алтаря художник Императорской Академии художеств, уроженец города Ростова, Григорий Васильевич Юров; я порядил его по контракту за 400 рублей серебром. Живопись он кончил 13 августа того же года, а 15 августа было торжественное освящение главного алтаря благочинным Николаем Львовым. Юров нарисовал на восточной стороне алтаря и на всем своде одну картину «Св. Отечество», т.е. Отец, Сын и Дух святой в сонме небесных сил, потом взятие Божией Матери на небо, окруженной сонмом ангелов; этот рисунок был взят с знаменитой картины профессора] Брюллова, находящейся на горнем месте Казанского собора в Петербурге *****.

Июля 6 дня, с такою же церемониею и теми же священниками, был заложен придел св. Иоанна Предтечи, находящийся по правую сторону главного алтаря Богоявленского храма. Для соединения алтарей также устроены две большие арки, между которыми устроена кладовая палатка. Того же числа был сожжен на Чистом пруде и св. престол упраздненного придела во имя Казанской Пр[есвятой] Богородицы.

Так Господь привел мне заложить собственноручно два придельные храма. Двести лет тому назад приделы эти закладывал боярин Илья Луговской, в половине XVII столетия, по благословию Ростовского] митроп[олита] Ионы Сысоевича, что видно было на антиминсе уничтоженного придельного храма.

В течение этого лета были сложены два осьмигранные купола с четырьмя готическими окнами над алтарями св. муч[еников] Кирика и Улиты и св. Иоанна Предтечи, и сделаны перемычки для арок в южной и

северной стене главного храма для соединения одного с придельными. После этого был поднят главный и придельный иконостасы кверху на пять ступеней, и таким образом три св. алтаря возвысились на 5 четвертей; затем было вставлено в новую постройку 10 новых рам с разноцветными стеклами. Плотничную работу производил крестьянин Мих[аил] Иванович Байков, а рамы со стеклами привезены из Ярославля. Кровельные железные работы производили города Ростова посадский человек Никол[ай] Лавр[ович] Бубнов и деревни Релец Алексей Иванов. Кузнечные работы производил крестьянин села Угодич Петр Мячков.

На эти постройки употреблено было материалов: извести 2440 пудов, кирпича 25 тысяч, алебастру 405 пудов, полосного железа для связей 74 пуда, резного для дверей и решеток 76 пудов, листового 55 пудов. Пожертвовано от добрыхотных дателей в этом году 508 рублей серебром и 1000 пудов извести.

Кроме этого, был забучен для ограды с восточной стороны церкви бут с отступлением от храма для простора на 6 аршин. В этом 1852 году, 15 августа, в Ростове был сильный пожар гостиного Емельяновского двора, что против Ростовского собора. Опасность угрожала даже и собору. Все ярмарочные красные ряды сделались жертвою пламени, и с этого-то времени начался упадок ярмарочных строений. После пожара лавки выстроились кое-как, а с упадком ярмарочных доходов они более не поправляются, угрожают в некоторых местах опасностью, и недалеко то время, когда они будут изображать из себя развалины Вавилона.

К концу 1852 года было мной во время зимы заготовлено строительных материалов: 1900 пудов извести, 15 тысяч стеного кирпича и 280 пудов алебастру.

---

* Впоследствии он был причетником Богоявленской ц[еркви] села Угодич.

** Фамилию их умалчиваю. Желаящий знать может спросить в Угодичах о "мочеснике", и каждое дитя скажет ему, кто это.

*** Роща эта в 1866 г. продана на сруб.

**** Головное украшение вроде вуали.

***** О. Николай при этом мне сказал, что он, к удивлению своему, указ владыки строить храм без участия духовенства в течение своей 25-летней службы встречает в первый раз.

***** Живопись Юрова весьма заинтересовала гр. Мих[аила] Влад[имировича] Толстого³⁹², посетившего меня в 1865 г., июня 16-го.

И.В. Васильев.

Мои воспоминания

От редакции:

Печатается впервые по рукописи: НИО рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 358. К. 19. Ед. хр. 10. Текст подготовлен к публикации А.Ю. Самариным, за что выражаю ему искреннюю благодарность.

Иван Васильевич Васильев (1822 — после 1893) — крестьянин

---

³⁹² Толстой М.В. (1812—1896), граф — историк церкви, писатель.

Пошехонского уезда Ярославской губернии, служивший волостным писарем.

К рукописи воспоминаний приложено письмо автора к неустановленному адресату:

«Ваше Высочордие Милостивый Государь Евгений Николаевич! Посылаю выжатую из отупевшей памяти ерунду, страшно опасаясь наскучить Вам ею. В отмщение за скуку Вы можете ее сжечь, потому что предоставляю ее в полное Ваше распоряжение: что хотите, то и сделайте с нею. А всего лучше как бы сожгли. Хотя писал я и правду, но боюсь, не высказал ли чего, о чем следовало бы умолчать. Больше ничего не могу припомнить, и если бы по счастью вспомнилось что, то ведь можно написать в дополнение...

Вашего Высочордия покорнейший слуга Иван Васильев
30 апреля 1893 года».

От меня требуют настоятельно освежить в старческой памяти события 72-летней жизни и преподают наставленья, что описание их интересное будет, если менее обращать внимание на субъективную сторону жизни, т.е. менее говорить о собственной персоне, а описывать объективные явления, все виденное и слышанное. Не знаю, как я, малоразвитой, замкнутый и ненаблюдательный натуры человек, сумею выполнить это. Однако попробую припомнить, что могу, и поведу неинтересный рассказ незанимательных случаев жизни.

Родился я 26 марта 1822 года в деревне Макарове, Николотройской волости, у крестьянина] Василия Куприянова, небольшого начетчика Св. Писания, человека набожного и честных правил, и матери неграмотной,

скромной и робкой до застенчивости. Отец научил меня читать, а писать я сам учился по прописи. До четырнадцатилетнего возраста жил при отце, помогал ему по силам в летних работах, а по зимам обучал с ним соседних детей грамоте. При таких занятиях и благодаря местному духовенству, снабжавшему отца книгами из церкви, я превзошел отца в начитанности, пристрастился к ученью. Все мне хотелось знать и знать, но бедный отец не был в состоянии удовлетворить мое желание учиться и, по местному обычаю, отдал меня в обучение портному мастерству, а через два года умер. При достижении мною двадцатилетнего возраста умерла и мать. Я остался с двумя тетками, старой девой и молодой вдовой, которые постарались обженить меня, чтобы успешнее вести крестьянское хозяйство. Последнее я любил, но портновское мастерство недолюбливал и все искал выхода из него.

Случилось раз быть мне на деревенской беседе своей деревни с тогдашним окружным начальником из дворян, Протащинским, веселым гулякой, и разговорился с ним. Почему-то я ему понравился, он повез меня по беседам соседних селений. Эту поездку описал я в стихах и передал своему сверстнику соседу, сыну зажиточного отца, у коего Протащинский не раз бывал в гостях. Сосед передал стихи Протащинскому, и этот пригласил меня в сельские писаря. Это было в 1844 году, я согласился не потому, что имел желание быть писарем, а в расчете, чтобы этой должности поболее будет свободного времени для чтения, которое я страстно любил. Читал без разбора все, что попадетсЯ. Писарская должность сама по себе мне не нравилась, но я остался в ней из-за желанья поразвиться чтением и беседованием с более меня учеными людьми, в лице чиновников Министерства государственных имуществ. Не знаю почему, но на первых порах я, малоопытный, предполагал в них более добродушия и честности, но

время оправдало грубую деревенскую поговорку «Во всяком чину по блядину сыну». Были из них и порядочные люди, и добряки, да были и сущие негодяи, настоящие мерзавцы, коих я глубоко ненавидел в душе. О хороших писать почти нечего, так как на скромных их профессиях ничего выдающегося и быть не могло: они делали свое дело без вреда ближнему, и только. А о негодяях-то, пожалуй, порасскажу, что удержалось в памяти.

Около 1845 года определен был в окружные начальники чиновник, вышедший из кантонистов, И.Е. Лисин, а помощник ему по Рыбинскому уезду П.Т. Росляков. Окружное управление было в Пошехонье³⁹³ над государственными крестьянами Пошехонского, Рыбинского и Мологского уездов. Около 1846 года был рекрутский набор по жеребьевой системе, введенной с 1840 года³⁹⁴. Я был сельским писарем в местности теперешней Копринской волости и вызван был на волостной сход тогдашней Макаровской волости, в деревню Сельцы, в шести верстах от Рыбинска, по левую сторону Волги, теперешняя Спасская волость, к вынутью жеребьев молодыми людьми. По тогдашнему жеребьеву положению жеребьи должны были свертываться публично на волостном сходе и класться в стеклянную урну, из которой и вынимали их молодые люди, засучив рукав по локоть. Но вот эти два господина Лисин и Росляков вынесли из своей квартиры готовые уже, свернутые жеребья и положили в урну. Несоответствия с законами бросилось мне в глаза, но по простоте душевной я отнес это к заботе окружного начальника о выигрыше времени, так как после вынутья жеребьев ему следовало ехать для того же в Дубровскую волость

---

³⁹³ Пошехонье — уездный город Ярославской губернии на реке Согоже (приток Шексны, которая в древности называлась Пошехонь).

³⁹⁴ В России в 1840 г. была введена «разборка жеребьев по рекрутству»: жребий решал, кто из молодых людей призывного возраста (20 лет) должен поступить на военную службу. Этот жребий тянули один раз в жизни между 1 ноября и 15 декабря.

Мологского уезда. Когда же стали вынимать жеребья, то меня удивило то, что товарищ мой, такой же сельский писарь Смирнов, прежде чем вынувший успеет развернуть жребий, произносил: «дальний», и каждый раз верно. По окончании схода поехал я со Смирновым к месту служения, и дорогой спрашивал, почему он угадывал дальние номера жеребьев, не раскрытыми еще. «Очень просто, — говорит, — ты вот не знаешь, а мне крестьянин твоего же общества Н. Смыслов сказывал, что он заплатил за свой жребий окружному начальнику 50 рублей». — «Да как же это?» — говорю. «Да очень просто, — говорит, — и не один Смыслов купил жребий, а еще несколько догадливых. Они всеми мерами добивались освобождения от солдатчины, а так как законными путями освободить было нельзя, то окружной начальник с помощником за известную плату и научили их поодиночке вылавливать из урны те жеребья, которые тоньше скатаны, а по этой тугой складке он и узнавал дальний». Такое беззаконие ужасно возмутило меня. Я позавидовал Смирнову, что удалось узнать суть этого безобразного дела до его совершения и вгорячах выговаривал, почему не огласил его на сходе, но получил в ответ: «Тише едешь — дальше будешь».

Когда же мы прибыли на свои места, то через день или через два услышали, что в соседней с нашей Дубровской волости, Мологского уезда на волостном сходе, при вынутии жеребьев произошел бунт, и жеребьев, говорят, не вынули, а запечатали их в пакет. Вслед за этим слухом один мой знакомый пригласил меня съездить с ним на беседу в село Веретею посмотреть на девушку-невесту. Веретея от Коприна в 7 верстах, я согласился, а Дубровское-то волостное правление помещается в ней. Только что мы въехали в село вечером, как увидели, что оно оцеплено. Нас встретили сторожа из крестьян и сказали: «Пожалуйте к начальству». — «К

какому?» — спрашиваем. «Да к исправнику или к палатскому»³⁹⁵ — «А кто палатский?» — спросил я. «Советник Васильевский», — говорят. «Ну, так этого я знаю, ведите к нему». Узнал меня и Васильевский и, убедаясь, что я ни при чем в деле, приказал сторожам не беспокоить нас, как неподозрительных. На беседе в Веретее встретил я тамошнего семинариста богослова и порасспросил его о недавнем бунте. «Да, — говорит, — дело важное, очень даже важное, чем-то оно кончится, все, — говорит, — идут допросы». О сущности допросов, конечно, он знать не мог, а о бунте-то порассказал, как очевидец. «Отслужили, — говорит, — молебен. Окружной начальник высыпал в урну из пакета скатанные жеребья и объявил, чтобы приступили к вынутию их по именной перекличке. Но тут выступил вперед один призываемый сельский писарь Королев и заявил окружному начальнику: "Так как Ваше Высокоблагородие не освободили меня по закону от жеребья, то позвольте, по крайней мере, мне вынуть свой первому". Окружной говорит: "Вынимай на здоровье". Королев засучил рукав, но вместо одного жеребья захватил целую горсть из урны и громко закричал: "Господа! Жеребья-то фальшивые! В Макарьевской волости такие же вынули, а мы не дозволим, ведь скатаны они не на сходе, а на квартире окружного". В сходской толпе произошел ужасный шум, крик, были даже возгласы: "Бейте их". Было опасение за ужасную расправу толпы. Но окружной начальник явил себя молодцом. Он уговорил толпу замолчать и сказал: "Мужички! ведь мне немного надобно, вы можете и убить меня, но подумайте о том, что будет за это". Толпа поуспокоилась, все дело ограничилось несколькими толчками окружному начальнику да бегством

---

³⁹⁵ Исправник — начальник полиции в уезде, назначенный по усмотрению губернатора. Палатский — руководитель казенной, контрольной или судебной палаты, законодательного учреждения, обеспечивавшего единообразие проведения тех иных мер в России.

сообщника его, помощника Рослякова, спрятавшегося в лачуге бедной вдовы, под лавкой в курятнике, завешанном разным бельем. Жеребьи, говорит, положили в конверт и запечатали его печатями волостного головы и четверых сельских старшин, да послали нарочных в Рыбинск и Ярославль к подлежащему начальству». На это-то начальство натолкнулся я при въезде в село Веретею. Что оно сделало, не знаю, знаю только, что Лисин остался в должности до поры до времени, а Королев увезен в Ярославль в палату и остался там тоже до поры до времени.

Через несколько годов, когда был я уже макаровским волостным писарем, Королева прислали ко мне в сельские писаря Макаровского общества. Он мне рассказывал, что, будучи из мальчиков, взятых для обучения на писарскую должность и определенным уже в писаря Покровского общества, не понравился почему-то окружному начальнику и не был освобожден от жеребья, как бы следовало по положению. Между тем до него дошли вести от веретейских крестьян, что через окружного начальника можно воспользоваться дальним жеребьем, что им передали это копринские мужики, получившие дальние жеребьи. Он и наблюдал над ходившими в квартиру Лисина, расспрашивал их, но секрета узнать не удалось. Когда же принесли готовые жеребья, то он заподозрил нечистоту дела и, будучи выпивши, решился на отчаянную выходку, т.е. сделать так, как рассказывал мне семинарист. За это его, доброго молодца, увезли в палату, много бранили, говорили, что таких людей вешать надобно, но ничего особенно вредного ему не сделали, а оставили при канцелярии палаты с содержанием на суммы, назначенные для учеников в писаря. Дело о жеребьях сошло для Лисина благополучно, но о взяточничестве его дошли вести до лиц, власть имеющих. Раз как-то во время рекрутского набора застал я в квартире окружного Лисина знакомую мне старуху из деревни

Овинец, ходатайствовавшую об освобождении сына от рекрутства, я при встрече с нею на улице в тот же день упрекал ее, что напрасно шляется, потому что сын освобожден уж палатою, она призналась, что ходит к окружному начальнику не за тем, а просила назад 30 рублей, взятых им напрасно. Тут же она рассказала, что по выходе из квартиры Лисина в коридоре какой-то неизвестный человек попросил ее зайти к его барину, квартировавшему на другом конце того же коридора. Этот барин много расспрашивал ее, и она рассказала все свое дело и то, что Лисин не отдает денег назад. Барин все записывал и отпустил с наказом идти к Лисину и требовать денег настоятельно, но она не осмелилась. Я тогда же узнал, что барин этот был флигель-адъютант из Петербурга, который будто бы всех побывавших у Лисина перехватывал и допрашивал. Полагаю, что с этого и началось дело о взяточничестве Лисина, так как не через долго после этого в Макаровское волостное правление прибыла следовательная комиссия. На допрос вызван был Лисин и овинецкая старуха, первый во всем заперся, а последняя рассказала всю историю дела, и к показанию ее я подписался за ее неграмотностью. От нас поехала комиссия в Дубровскую волость Мологского уезда, и Лисин с ней. Что обнаружилось по этому следствию, какие улики открыты, я ничего не знаю, но, по слухам, оно грозило бедой Лисину, и что он, не перенеся ее, отравился будто бы. Он действительно скоро умер, а приезжавший потом на ревизию Макаровского волостного правления управляющий палатой Тиличев³⁹⁶ строго наказывал нам, чтобы ничего не было лисинского, дополнив, что и память его погибла с шумом.

---

³⁹⁶ Тиличев Дмитрий Павлович — управляющий палатой государственных имуществ Ярославской губернии.

Немногим лучше был и его рыбинский помощник Росляков, ускользнувший от следствия. Он продолжал службу помощником и окружным начальником и готовился к перемещению в чиновники особых поручений при палате за упразднением окружных правлений, но говорят, что тогдашний управляющий Е.И. Якушкин³⁹⁷ не удостоил его принятием, несмотря на то что он заручился одобрительными приговорами от волости и отдельных сельских обществ всех трех уездов. Жив ли он, не знаю. Говорили, что он открыл гостиницу в Москве. Замечателен для меня его флюгерный характер. Он всегда был мягок со мной, покуда мягко было высшее начальство в Ярославле, а перед высшим себя до смешного раболепствовал. Памятно и смешно мне было его ухаживанье за собакой министерского ревизора Потаповича. Но вот поступает в управляющие палатой некто Яковлев, ужасно строгий и суровый человек (по мнению Е.И. Якушкина, ненормальный полупомешанный). При ревизии волостных правлений тотчас огонь и пламя, дрался даже. Наш Росляков тотчас же переменялся, строжил не в меру и расправлялся с подчиненными на манер Яковлева.

В те времена нашу братию, волостных писарей, ежегодно требовали в окружное управление к годовому отчету для проверки отчетом мало толковых писарей и составления такого же для окружного управления. Раз, как все мы, писаря, занимались своим делом, подкликал он к присутственному столу сельского писаря Кедрова и начал задавать ему пощечины, а этот упал на колени, прося о милости. Из выговоров Рослякова Кедрову узнали мы, что он получает пощечины за такое дело, которое и у

---

³⁹⁷ Якушкин Евгений Иванович (1826—1905) — сын декабриста И.Д. Якушкина, известный юрист-этнограф и мемуарист. С 1859 по 1884 г. служил в Ярославле управляющим палатой государственных имуществ, затем управляющим казенной палатой.

нас-то отличается только наружной аккуратностью, а в сущности та же фальшь и ложь. Дело шло о неправильности ведомости о наличии народонаселения. Сожалея Кедрова и что ведомость его попала к окружному начальству до нашего просмотра, я не вытерпел, вмешался в дело и в азарте высказался, что все это дело не стоит разговора, а не только взыскания за неисправность, которой и не было бы, если бы ведомость Кедрова прошла через мои руки с Колмаковым (сведущий волостной писарь), что сущности-то ее не в состоянии проверить не только одно лицо, но и все министерство. Как он зыкнет на меня: «Не проповедуешь ли ты, — говорит, — этого своему голове и подведомственным сельским писарям? Знай, что теперь у нас Яковлев и помни, чтобы все было исправно и верно, за малейшую допущенную ошибку я буду также взыскивать». Однако же не бил никого и [по] окончании отчета присылает в Карповское волостное правление, где я был волостным писарем, бланк послужного списка для представления меня к награде. Я прописал все требуемое формою, а в столбце для отметки окружного начальника «к какой награде представляюсь» написал своеручно: «Ничего не заслуживаю и ничего не хочу». После слышал от письмоводителя окружного управления, что Росляков по прочтении моего формуляра сказал будто бы: «Однако Васильев честен да и самолюбив же, каналья». В последнее время его службы при управляющем Е.И. Якушкине подул другой ветер, по коему направлению и наш флюгер. Он выпустил циркуляр, что в одном из правлений заметил грубое обращение старшины с писарем, и предписывал вежливость обращения с подчиненными, звать их не только по имени, но и по отчеству.

Все это, конечно, не важно; если я и невзлюбил Рослякова, то не за это, а за его лисинские замашки. Что он был взяточник, это всем было

известно, да это и в обычае было в тогдашнем чиновничьем мире, потому удивительным не казалось. Удивило меня дело при сборе государственного ополчения в 1855 году³⁹⁸. В правительственном наставлении о сборе сказано было, что назначение ратников предоставляется усмотрению сельских сходов и преимущественно из семей многорабочих. Это «преимущественно» сослужило гадкую службу крестьянам теперешней Копринской волости. Туда для выборов ратников командирован был со мной помощник окружного начальника Зимин. Руководясь помянутым наставлением, мы не обратили достаточно внимания на слово «преимущественно» и, соглашаясь с желанием мира, находившего многорабочие семьи отбывающими или отбывшими военную повинность через своих членов, назначили ратников и из семей двойниковых, состоящих из братьев, ушедших от солдатчины. С написанными приговорами и извлеченными из них сдаточными списками отправились в Рыбинск на сдачу, для распоряжения которою командирован был Росляков. Он признал наши приговоры неправильными, ругая Зимина заочно, и выговаривал мне, что не поддержал его, нового человека на этом деле. Затем поехал советоваться с председателем присутствия тогдашним предводителем дворянства Голохвастовым³⁹⁹. С совета ли последнего или сам по себе, но распорядился переделкой списков в Рыбинске же накануне сдачи. Я попытался было защитить свое и мирское дело тем, что предоставление миру выбора ратников говорит за себя громче дополнительной оговорки «преимущественно из семей многорабочих», и заявил, что на пересоставление списков без мира у меня рука не поднимется. Он сказал, что дело и без тебя обойдется, сельские писаря перепишут их

---

³⁹⁸ Государственное ополчение созывалось в чрезвычайных для России обстоятельствах по высочайшему манифесту. В него призывались все способные носить оружие в возрасте от 21 до 43 лет. В 1855 г. ополчение созывалось в связи с Крымской войной.

³⁹⁹ Голохвастов Алексей Владимирович — предводитель дворянства Рыбинского уезда.

каждый по своему обществу в том порядке, как намечено им карандашом на представленных сдаточных списках. Так и сделано. Но, покуда переписывались списки, дело огласилось и многие заинтересованные, особенно зажиточные, ходили на поклон к Рослякову, и некоторые из них и сказывали мне по знакомству, чем благодарили ему за такую милость. Когда же он объявил после сдачи, что следует переписать избирательные приговоры в порядке нового распределения очередей с запиской их в книгу, то я думал поступить по примеру Королева, подстрекнуть копяков двух обществ не подписывать новых приговоров, не согласных с их назначением очередей, и даже составить донос г. министру от недовольных, что, конечно, легко было сделать. Но многоделие по должности, стесненные обстоятельства заставили меня ограничиться словесным представлением Рослякову, что если такое дело дойдет до министра, то нет ли повода опасаться ответственности за отмену приговоров собственною властью, без предложения таковой сельским сходам. На это он дерзко отвечал: «Не ты ли это думаешь довести до министра-то? Доводи, посмотрим, что выйдет из этого». Я спасовал перед ним, но остался и остаюсь посеячас при убеждении, что дело это — вопиющая неправда, вызванная корыстолюбием.

Кроме этих двух отъявленных взяточников, других подобных им начальствовавших не встречал я во всю мою писарскую службу с 1844 года вплоть до передачи государственных крестьян в ведение мировых учреждений. Знал, правда, людей, не отказывавшихся от добровольных подарков, но не способных на наглое или хитростное вымогательство. Таким я извинял, судя по себе. Получая очень скудное жалованье, 84 рубля в макаровской пятитысячной по мужеским ревизским душам и 108 в карповской шеститысячной, я ПРИ самом усиленном старании не мог управляться с делом при одном помощнике без третьего наемного от себя

писаря (меньшая плата такому была 3 рубля в месяц). А потому, хотя во всю службу никогда ни к кому не предъявлял требования о подачке, не вымолвил слова: «дай», но от добровольных даяний не отказывался, как ни горько было принимать их. Самым существенным моим доходом были тогда истари установленные даяния по 5 копеек за паспорт или билет. Да, по-видимому, в те времена никто и не возушался этим, кроме меня, то, быть может, так министерский ревизор Потапович, заметив мой довольно поношенный костюм, сказал, что волосному писарю стыдно так ходить, а на отговорку мою неимением средств на лучший только промолвил: «Рассказывай!» Неприличность костюма заметил также и управляющий палатою Тиличев и на подобную же отговорку мою промолчал. Что чиновники нашего министерства, как становые пристава и исправники, брали, это было известно по слухам от дававших; сам я никому ничего не давал, да и не просили с меня. Головы из зажиточных поделившись понемногу. По собственному же опыту знаю, что при рекрутских наборах требовалось, чтобы сдаточные росписи писали по указаниям секретарей присутствия, в устранение неправильностей составления. Но куда отдатчики не поладят с канцелярией, то нашему брату писарям не только убывать, но и места не давали в свободном по вечерам присутственном доме, а поладивши, не отказывали и в указаниях, в коих я-то почти и не нуждался. Отдатчик должен был вести приходно-расходную тетрадь. Дело очень мудреное для незнающего: многие отдатчики платили начеты из-за одного неумения приноровить запись расходов к палатским расписаниям их, е за правду ее ведения. Тетрадь эта по написании обязательно представлялась на ревизию стряпчего, который за 3 рубля всегда находил, что ведена правильно, и делал на ней свидетельство в этом смысле. А палата, несмотря на свидетельство стряпчего и признание учетным

приговором схода правильности расходов, делала начеты и взыскивала деньги в пользу мира, не желавшего взыскивать их. Удивительная заботливость о мирских интересах!

Но вот после шестилетней льготы от наборов в царствование блаженной памяти Царя-освободителя в 1863 году назначен был рекрутский набор. Мы по-прежнему припаслись и рассчитали с отдатчиком, сколько дать секретаре канцелярии и насколько угостить. Но, явясь в присутствие в Пошехонье, приняты были канцелярией вежливо, все к нашим услугам и столы, и перья, и указания, а о подачке ни помину. Не без труда удалось уговорить канцелярию на угощение в трактир! Такая благодатная перемена в высших присутственных местах поразила нас. Больно резко уже показалось, — и руки подают, и садиться приглашают! А прежде все на вытяжке, все под грозой. Головы, отдатчики, писаря как в огне горели, зато по ночам кутили, горе запивали. А обращение с призывными? Кому вскричат «лоб!», того отводили в особую комнату, а кому «затылок!», тот проходил через несколько дверей с поставленным солдатом у каждой⁴⁰⁰. Эти провозглашали также «затылок!», давали изрядную затрещину по выбритому затылку. Люди смеялись на это, а я возмущался, мне тяжело было смотреть на бесчиние властей. Скучность содержания тогдашнего сельского начальства и писарей зависела не от крестьян, а от правительства, прекратившего все существовавшие прежде неофициальные сборы, производимые по инициативе самих крестьян при прежнем управлении (экономии). Этим распоряжением поставило оно на первых порах себя и

---

⁴⁰⁰ Лоб брили принятым на военную службу, а затылок — забракованным.

крестьян в большое затруднение особенно в отношении подводной повинности⁴⁰¹.

Когда в 1844 году определен был я сельским писарем Сенинского общества (теперешняя Копринская волость), то там издавна существовал уже наем ямщика для разъездов головы и уездного начальства, а деньги собирались ему самими крестьянами через деревенских десятских, но допускать этого сбора было уже нельзя: он незаконный. Что было делать нам и окружному начальству? Крестьяне не разводят очередей и не дают лошадей, потому что у них есть ямщик, а ехать надобно. Сколько, однако, ни горячились окружные начальники и их помощники, сколько ни вели переписки с палатой об этом незаконном сборе, принуждены были уступить мужикам и ездить на ямщицких лошадях. Ведь не отдавать же под суд трехтысячное население поголовно. В других местах тогдашней Макаровской волости, на моей родине, например, этого не было, подводная повинность отправлялась натурой, что и легко было при экономическом управлении (голова да чины земского суда). При новом же управлении потребовались подводы для головы с двумя заседателями, старшин с писарями, сборщиков податей, окружных начальников с помощниками и палатских чиновников. Требование подвод возросло и обременяло население. Чрезвычайно было трудно установить очереди по Целой Тропщине, да и для проезжающих неудобно. Сколько было хлопот и крестьянам и проезжающим, когда приехавшему в Трепу окружному начальнику для отъезда приходилось получать подводу из деревни Черняти,

---

⁴⁰¹ Подводная повинность — натуральная повинность для жителей сельской местности: обязанность доставлять лошадей и повозки для земских, полицейских и судебно-следственных разъездов

например, в 6 верст, а там собирать тройку с трех домов. Но бывали случаи, что требовалась не одна тройка зараз. Всем было неудобно и мучительно от недоразумения нового начальства.

На сельских сходах (и волостных) часто сами крестьяне заговаривали о прибавке жалованья служащим по сельскому управлению, особенно мне, по какому-то счастью заслужившему их расположение. Но такой разговор и слушать было страшно, ввиду строгого преследования неразрешенных и потому незаконных поборов. Вскоре, однако, и само начальство образумилось и додумалось до необходимости замены некоторых натуральных повинностей (подводной, дорожной) денежным сбором. Учреждены были троечные станции по обществам, при правлениях и в других пунктах; дозволялось строить мосты на больших дорогах наймом и прочее. Но мирская прибавка жалованья служащим (писарям особенно) разрешена была только после 19 февраля 1861 года. И это было большим благодеянием для честных писарей, особенно сельских, получавших от казны от 36 до 52 рублей в год с их канцелярскими расходами. Поневоле берегли они каждый клочок бумаги. А выходило ее тогда громадное количество, потому что бюрократизм, канцелярщина процветали. Много было смешного и нелепого. По-видимому, само новое начальство училось еще управлять крестьянами. К малограмотным волостным и сельским писарям предъявлялись ужасные требования: они завалены были работой, срочными и несрочными донесениями о разных предметах. Один годовой отчет из сорока с чем-то ведомостей с текстом к ним составлял том дести⁴⁰² в четыре. Со времени поступления в управляющие палатой Е.Я. Якушкина, а особенно с передачею государственных крестьян в мировые учреждения,

---

⁴⁰² Десть — 24 листа писчей бумаги.

стало полегче нашему брату писарю. Конечно, нельзя хулить огульно всего, что делалось при управлении государственными имуществами, много проводилось и хорошего и полезного, только хорошее-то мало прививалось по неопытности в деле нового начальства и косности крестьянской среды. Помнятся мне два дела: о Треповской водяной мельнице и посеве клевера, провалившихся по вине неумелого начальства (1870 и 1877 г.). Треповская мельница сдавалась арендаторам миром с условием взноса арендных денег в копринскую церковь. Дело это шло хорошо у мира, но палата государственных имуществ открыла в нем незаконность. По новому закону, выпущенному и введенному в проектах, это была мирская оброчная статья, а деньги за нее должны поступать: половина в мирской капитал, другая крестьянам или в подати за них. Вот они и не утвердили новых торгов, по незаконному назначению денег на церковь и по ненадбавке прежней цены. Началась громадная переписка, назначались торги за торгами. Бумажное дело росло в правлении, а действительное не подвигалось и дошло до того, что в одно водополье получается донесение старшины, что мельничное здание унесено в Волгу. С донесением об этом палате дело прекратилось, а после узнали мы, что соседи мельницы, петроковские мужики, озлобленные бестолковостью начальства и в союзе с прежним арендатором, сами столкнули мельницу и выловили лес в Волге. Мы, конечно, не доносили об этом самоуправстве, будучи рады случаю, избавившему нас от трудных ответов по запросам начальства об этой мельнице. Другое дело — посев клевера; может быть, и лучше бы удалось, если бы окружное начальство поумнее взялось за него и посмело бы поуклониться от буквы министерского циркуляра, в котором, как на грех, вместе с клевером рекомендовалась крестьянам и полезность разведения картофеля. О клевере крестьяне, как и я же, тогда еще не слыхивали, а картофель-то давно уж был

известен и повсеместно разводился на огородах. Поэтому следовало бы окружному начальству исключить его из программы действий по этому предмету. Но оно, бюрократ, буквально выполняло министерское распоряжение, приписывало отнести участок земли как под клевер, так и под картофель. Крестьяне дивились, почему заставляют их сажать картофель на общественном участке, и поэтому не доверяли полезности посева клевера. Картофель уродился, снят и съеден уборщиками. Уродился и клевер с тимофеевкой, но макаровские крестьяне, где было волостное правление, недовольные, что заставляют их работать Бог знает на кого (сбор ведь нельзя было трогать на это) и для чего, обмолотивши клевер, скрыли семена и донесли, что их не оказалось. Так на этом и лопнул опыт посева клевера, осталось только взыскать деньги за семена — и взыскали, конечно.

Эти два нетолковых распоряжения палатского и окружного (а не министерского, очень дельного) начальства были только смешны, но было одно, как говорят, губернаторское, очень вредное. Приказано было уничтожить оцепа (журавли, или журавцы по-здешнему) при колодцах и заменить их баранами, савалом или колесом⁴⁰³!: Зная пользу оцепов, мы входили с представлением в окружное управление, но оно и слушать не хотело наших жалоб, а настаивало на своем с угрозами наказанием заслушание. Делать было нечего, пришлось повиноваться. Только и при этом ни голова, ни старшины не осмелились наложить руку на оцепа, ввиду неудовольствия крестьян. Почин пришлось делать высшему их начальству, и покончили так с оцепами повсеместно в волости. Принялись за него помощники окружных начальников да становые с сотскими. Но, Боже мой, сколько неудовольствий и нареканий вызвало это сумасбродное дело.

---

⁴⁰³ Баран — снаряд для вращательного движения: ворот между двух столбов; савал — то же, что баран.

Сколько слезной брани и проклятий посыпалось на подневольную голову мелкого начальства, особенно после того, как случившиеся пожары подтвердили все безумие этой меры. Жаль, что я, прикованный к правленскому стулу, не был очевидцем сцен погрома оцепов, а рассказы о них позабыл и потому ничего не могу передать, кроме сохранившегося в памяти тогдашнего мнения крестьян, формулировавшегося так приблизительно: «В писании, дескать, говорится, что налетят птицы с железными носами и заклюют народ Божий. Вот они и налетели! Чем помешали им наши оцепы? Воистину это Божеское наказание за наши грехи». Я сам был тогда одинакового мнения с крестьянами, только не мог припомнить и найти, в каком писании говорится об этих птицах, а сравнение-то и мне по тогдашним понятиям казалось подходящим. После и чиновники отзывались об этой мере как чрезвычайно нелепой, но разрешить оцепов не осмеливались. Разрешение последовало не от начальства, а от времени, изменяющего мало-помалу взгляд людей на вещи.

Вот уже дописался до того, что не знаю, что и писать, да чувствую, что не умею ничего излагать систематично, и если уже необходимо рыться в отупевшей памяти, то приходится писать, что взбредет на ум. Вот вспомнилось, что слышал я в детстве о существовавшем прежде в сборной мирской волостной избе⁴⁰⁴ каком-то стуле с цепью, к коему приковывали разных провинившихся. Это на родине в Трепе, и когда в 1844 году определен я был сельским писарем в Сенинское общество (теперешняя Копринская волость), то там существовала еще такая сборная волостная изба, занимаемая Барановским сельским правлением. При ней был чулан с архивными делами прежних управлений Троице-Сергиевой лавры и

---

⁴⁰⁴ Волостная изба — основное учреждение местного управления: центр административной единицы (волости) и центр управления крестьянской общины («мира»).

экономии. В нем показывали мне обломки такого стула, очень грубой работы и довольно массивного, с большим деревянным сидалищем и дырою на нем, в которую вводили будто бы заарестованных, а ноги приковывали к толстой перекладине и запирали замком. Показывали и цепь, она довольно длинная и крепкая, так что я не мог понять, для чего она так длинна, не надевали ли ее на шею. Стул этот, сказывали, стоял в заднем углу избы и был так тяжел, что засаженному в него не было возможности сдвинуть его с места. Этот способ смирения непокорных вывели еще до учреждения Министерства государственных имуществ⁴⁰⁵, но розги были еще в большом ходу. Когда я был в детстве, то часто слышал: «Оброк собирают, с розгами судят». Слышал, что такого-то и такого-то выпороли. При управлении государственных имуществ власть сечь розгами по закону отнята была у головы и старшин. Это предоставлялось только крестьянским судебным учреждениям по сельскому судебному уставу — волостным и сельским расправам, и то только до 20, а с разрешения окружного начальника до 60 ударов. Однако обычай долго боролся с законом, потому что расправы были коллегиальные учреждения, созывать их членов добросовестных из разных деревень казалось медленным на первых порах, а потому головы и старшины в силу обычая часто расправлялись собственной властью. Иногда из опасения жалоб эти наказания заносились в книгу расправ с подписью после добросовестными. Секли также окружные и их помощники и приказывали писарям записывать наказание в книгу приговоров расправы с подписью, разумеется добросовестными, прикладывая побольше печати по безграмотности, где укажет им писарь. Раз окружной начальник Лисин высек на волостном сходе мужика за какое-то неуместное слово, а

---

⁴⁰⁵ Министерство государственных имуществ было создано в 1838 г.

отодравши, приказал записать наказание в книгу, под его диктовку, добросовестные подписали после.

Помню еще вот какой случай. Так как на бумаге начальство настаивало, чтобы наказаний без суда не было, то помощники окружных начальников в трезвом состоянии опасались иногда сечь по собственному почину. Так помощник⁴⁰⁶ Панин, командированный в Трепу по сбору недоимок, не успевал в том за всеми строгостями словесных требований. Тогда старшина А.Г. Садов, более рьяный и смелый, попросил дозволения самому взяться за дело. Панин ушел к попу, а старшина приказал принести розог и начал спрыскивать недоимщиков. При этом они высекли служившего до этого полное трехлетие волостным заседателем⁴⁰⁷ крестьянина Осипа Запарина и высекли после уже получения недоимки, приговаривая: «Зачем раньше не принес, ты ведь заседателем был, сам сек, а теперь упрямитесь вздумал, народ соблазнять». Дело подалось такими мерами, Панин благодарил его, но советовал записывать наказание в книгу, чего, кажется, старшина не исполнил. Этот старшина верил в розги, да один случай и оправдал его веру. В деревне Строкине при сборе недоимок один крестьянин не пришел по его позыву на собрание, отзываясь безденежьем и тем, что ему не предъявлено письменного приказа старшины, а собравшиеся говорили, что это отпетый человек, все промотал. Тогда старшина сам отправился в дом непокорного, застал его полупьяным, а жену плачущую и жалующуюся на мотовство мужа. На вопрос старшины, почему не явился, упрямец отвечал, что приказа не было. «Ну так вот тебе приказ», — сказал старшина и дал ему затрещину, от которой слетел с ног ударенный, а

---

⁴⁰⁶ Имеется в виду помощник исправника, наблюдавший за делопроизводством уездного полицейского управления.

⁴⁰⁷ Заседатель — лицо, выбранное местным обществом для присутствия в каком-либо учреждении совместно с чиновниками, назначенными правительством.

приведя в сборную, закатил ему штук пятьдесят розог да спросил: «Скоро ли заплатишь?» На ответ «нечем» дал ему другую перемену, так что мужик взмолился и обещался постараться уплатить, что и выполнил, а после года через три при встрече с старшиною в Рыбинске пал ему в ноги благодаря за науку, после коей он не пьет уже и хозяйство поправил.

Признаюсь, я и сам, молодой еще тогда, был сторонником розог, считал их необходимостью, да и как не считать было при всеобщей распространенности обычая. Тогда секли отцы детей, мужья жен, начальники подчиненных. Не мог только я смотреть на эти экзекуции, не вынося
рева
наказываемых.

Однако время делало свое дело, сечение становилось все реже и реже, а после 19 февраля 1861 года и в суде редко стало применяться, к неудовольствию стариков, жалующихся и посеючас еще на слабость начальства, не пользующегося почему-то благодатной нравоучительностью розги. Розга держалась долго вот по какой еще причине. Не было общественных домов для правлений, они помещались в тесных крестьянских избах и плохих, по недостатку отпускаемой казной суммы. Арестанты содержались в той же присутственной избе в кути⁴⁰⁸ ее, а иногда сажались и в подполье. После стали наниматься особые лачуги у бедных крестьян за их караулом. Совсем исписался, всякую связь потерял. Попробую писать отрывочно, отдельными статейками, по мере того, что будет приходиться на ум.

Бюрократизм при управлении государственными имуществами

---

⁴⁰⁸ Кут — задний угол в избе, обычно пространство между стеной и печью.

Помнится, где-то читал я, что учреждение Министерства государственных имуществ было первым опытом крестьянского самоуправления, ввиду намерения правительства покончить с крепостным правом. На этом опыте учились, по-видимому, не только крестьяне самоуправлению, но и начальство управлять ими. Сравнивая теперешние порядки с тогдашними, резко бросается в глаза тогдашний бюрократизм, развитие огромной и большей частью бесполезной переписки. Учреждение палат и окружных правлений, вероятно, не стоило большого труда, ввиду готового контингента чиновников для помещения в них. Собственно же крестьянские учреждения совсем другое дело. Хотя у экономических крестьян⁴⁰⁹ было уже какое-то подобие управления, были головы с земскими их писарями (да старосты еще), но первые неграмотные, а последние очень малограмотные, неспособные дать ответа на самую незамысловатую бумагу. Волей правительства учреждены крупные (центральные) волости под начальством голов с подчиненными им сельскими обществами под начальством старшин и под начальством этих сельских писарей, сборщиков податей и смотрителей хлебных магазинов, больше всего, по-видимому, заботились о создании контингента писарей. Да иначе и быть не могло, если в Ярославской губернии едва ли не с самым расторопным населением большая часть должностей от головы до смотрителя магазина замещалась неграмотными. Сперва в волостные писаря допускались разночинцы с повышенным окладом жалованья против писарей из крестьян. Потом стали набирать для писарских должностей мальчиков и грамотных подростков из сирот по приговорам обществ. Их учили на общественный счет у

---

⁴⁰⁹ Экономические крестьяне — категория государственных крестьян, возникшая после секуляризации монастырских и церковных крестьян в 1764 г. Находились в ведении Коллегии экономии, а с 1786 г. стали государственными.

священников писать, арифметике и проч., а писарский курс доканчивали они на практических занятиях в канцеляриях палат и окружных управлений. Определенного в писаря освобождали от рекрутчины лично.

Для безграмотного населения Министерству государственных имуществ приходилось все создавать самому; оно одно и создавало все до мелочей. Не говоря о порядке письмоводства и счетоводства по волостным собственно и сельским управлениям, оно же устанавливало мирское счетоводство: формы раскладок, учетов податных тетрадей⁴¹⁰, платежных книжек и пр. Но формы слишком уже отчетливые, слишком подробные и потому в высшей степени неудачные, не подходящие крестьянскому пониманию. Так, например, форма податной тетради была такая, что на разгиб ее на левой странице после имени домохозяина прописывались казенные сборы, поименно: подушная подать, оброчная подать, общественный сбор, земский сбор и пр., а на правой странице мирские: подводная повинность, дорожная и т.д. От сборщика требовалось разложить получаемые суммы по указанным отдельно сборам, но для неграмотных сборщиков это была невыполнимая задача, сельским же писарям не было свободного времени ходить с ними всегда по деревням. Эти податные тетради с учетными приговорами ежегодно представлялись на обревизование палат: казенной по казенным сборам и государственных имуществ по мирским. Что ж делалось, в сущности? А вот что: сборщик по-прежнему собирал сборы по своей домашней тетради, а беловую, или, как звали тогда, палатскую, писал с его черновой сельский писарь. Сборщик, не понимая в этой аза в глаза, подписывал ее в конце года, а палаты ревизовали. И казенная палата и палата государственных имуществ думали,

---

⁴¹⁰ Податная тетрадь — книга, где фиксировались сведения об уплате податей (прямых налогов): подушная подать, оброчная подать и т.д.

что дело Делают. Но если бы они снизошли спросить мало-мальски толкового писаря, то он убедил бы их воочию, что дело-то их — чистейшая фикция, что они обревивывают не тот порядок сборов, какой существует у крестьян, а тот который кому-то угодно было придумать за зеленым столом, и не ту податную тетрадь, по которой собирал сборщик, а ту, которую и собственно для них, палат, сочинил сельский писарь. При таком порядке не раз случались презабавные истории. Одну из них помню я.

Приехали мы с головой на сельский сход для учета сборщика, а писарь выложил оконченную им беловую податную тетрадь. Голова объявил, чтобы поторопились, палата требует податную тетрадь на ревизию. Принялись считать. Первый Карп Сидоров в 5 душах уплатил подушной подати 3 рубля 80 копеек, оброчных 3 рубля 90 копеек и так далее. «Неправда, — говорит Карп, — я не так платил: в первый раз я отдал 7 рублей, во второй 5», — и т.д. Сход заволновался так, что насили уняли. В это время один из догадливых мужиков всех выручил: «Что вы, говорит, господа начальство, тычете нас в нос этою тетрадью, коли требует палата, так и отсылайте, а нам подайте заправскую тетрадь, по которой собирал с нас деньги сборщик». Сборщик подал свою черновую, и учет пошел, как по маслу, все платежи оказались верно записанными, только не по-палатски, а по-своему, и получил благодарность от схода.

Что ж касается до порядка канцелярии волостного и сельского правлений, то мне казался он замысловатым до смешного, а для малоопытных он был убийством. По данной программе дела делились на 17 отделений, требовалась чистота и аккуратность резолюций на каждой бумаге с печатью неграмотного головы, в каждом деле велась опись бумаг и проч. и проч. За всем этим следили ревизующие, как за самым существенным и именно в ущерб сущности по делам службы. Помнится, как

министерский ревизор г. Потапович после обревизования правления и рекомендации меня окружным начальником за знающего писаря, подошел к шкафу и выхватил одно дело из середины папки, так что верхние дела упали и рассыпались по полу. Он взглянул на опись, а потом в конец дела и нашел, что последняя-то бумага подшита к нему, а в опись не занесена. «Это что? — говорит. — А еще хваленый писарь». Я тогда был еще молод, в силах и не прочь был заняться более полезным, чем лицевой стороною канцелярии, пособрать на местах статистических сведений и проч., да времени не доставало. Поэтому громады разных сведений: [о] народонаселении, скоте, посевах и урожаях и пр. писались из головы, кто как сумеет соврать, только бы остатки предшествующего года были те же да счет по столбцам ведомостей продольный и поперечный сходил бы по проверочной прокладке. Уместным нахожу сказать здесь, что хорошие писаря ценились тогда окружным начальством выше голов и старшин, потому что головою всякий мужик может быть, а писарей-то хороших приходилось искать днем с фонарем. Такого мнения о писарях держалось окружное начальство, а не палатское, дальше стоявшее от крестьян. Окружные со всяким вопросом обращались к писарям, а вот управляющий палатой Тиличев при ревизии Макаровского волостного правления обратился к голове Шесткову с каким-то вопросом. Голова промолчал, а я ответил за него и получил замечание: «Не тебя спрашиваю». Когда же голова не ответил и на другой вопрос управляющего, у меня сорвался как-то с языка ответ, а управляющий дал мне выговор. Но голова все-таки не отвечал на предлагаемые вопросы, потому что не по нем были. «Что же ты, немой, что ли?» — спрашивает его управляющий. «Нет, не немой», — отвечает голова. «Почему же не отвечаешь мне?» — «Да не знаю, что отвечать», — говорит голова. Тогда

управляющий начал спрашивать о всем меня, а на прощание сказал голове: «Прощай, молчаливый человек».

До чего окружное начальство рассчитывало и надеялось на писарей, расскажу еще один случай. Раз в Рыбинске во время рекрутского набора окружной начальник Бримантов посылает меня вместе с головой и старшиной ловить укрывавшегося от рекрутства. Я отговариваюсь тем, что в этом деле голова и старшина полезнее меня. «Нет, — говорит, — на дураков я не надеюсь», да так-таки и не освободил меня от несвойственного мне дела, на коем я был бесполезен. Беглеца поймали, привезли, и я отрекомендовал расторопность головы и старшины, а Бримантов при них-то и вымолвил: «Без тебя-то им и не привезти бы его». Жалко мне их было и досадно на окружного начальника.

Барма и мое политическое воспитание

Разгульная жизнь определившего меня в писаря окружного начальника Протацинского дошла до сведения высшего начальства, его сменили, но он затеял дело с палатой о каком-то промене казенного участка леса на владельческий, долго еще жил в Пошехонье и посещал нас. Так как сам он был не из сведущих, писавший резолюции на бумагах с диктовки письмоводителя, то вести дело пригласил известного тогда юриста из мещан Селецкого, коего почему-то все звали Бармою⁴¹¹. Протацинский и меня познакомил с ним. Удивительный был человек этот Барма. И, насколько я тогда понимал, казался мне очень неглупым, но только и очень опасным. Наедине с ним или вместе с Протацинским я интересовался его разговором,

---

⁴¹¹ Барма — в ярославских диалектах «бормотун», человек, неясно или невнятно говорящий.

но при посторонних, в трактире, например, боялся его дурных отзывов о начальстве, которое он ужасно ругал от квартального до ц[аря]. Жил он адвокатурой, советами тяжущимся да сочинением им просьб начерно, так как беловых его почерка не принимали, по официальному запрету за дерзкие выражения против властей, за что он и в остроге сиживал. Начальство будто бы теснило его, зато он и радовался случаям жалоб на него и даром сочинял такие жалобы просителям, даже сам искал таких жалобщиков.

Раз от канцелярского чиновника Рыбинского земского суда слышал я, что производивший по его делу следствие полицейский чиновник написал с его слов показания листах на трех и предложил подписаться: «Да так я Вам и подпишу эту ерунду, давай мне бумаги, я сам напишу, по крайней мере пограмотнее будет». Чиновник уступил, и Барма сам написал показание. Познакомил меня с ним Протащинский вот по какому случаю. Раз в Рыбинске отыскивал я своего знакомого, крестьянина деревни Болтина Егора Касаткина, арендатора ямского и проч. волжских островов, и нашел его в трактире за столом с Протащиным и еще каким-то человеком. Протащинский приветствовал меня. «Здравствуй, — говорит, — поэт. Не можешь ли что нам сказать экспромтом?» Не понимая последнего слова, я спросил, что оно означает. Да так, говорит, не писавши, прямо из головы. Мне удалось это. Подумавши немного, я сказал:

Пир богатый, пир дворянский,
И краснеет на столе,
Как заметно, ром ямайский,
Хорош, как бы и мне...

Все засмеялись, а незнакомый аплодировал, Касаткин же, угощавший их, пригласил и меня в компанию. Из трактира перешли на квартиру Бармы. Там я любовался красноречиво написанною жалобой Проташинского на палату по поводу промена лесного участка да с тех пор и познакомился с Бармой, неизвестным мне до этого. Любимой темой его разговора было недовольство существовавшим тогда порядком. Всякому, говорит, благомыслящему человеку нужно стараться возбуждать в народе ропот, недовольство, сопротивление. Одним словом, говорит, вызвать революцию. Последнее слово меня поразило, я слышал его от отца моего и вот как. Рассказывая мне, что он знал по слухам о Наполеоне, взятии Москвы, и показывая сохранившуюся еще в семье пику без дровка, запасенную на борьбу с французом, говорил: «А прежде его была революция»⁴¹². На вопрос же мой, что такое революция, он только и сумел сказать: «Это были страсти и ужасы» (страх и ужас). «Что же такое, знаменья небесные, что ли?» — спрашивал я. «Нет, — говорит, — головы машиной резали, царю и царице отрезали», а за что, кто резал головы, сказать не мог. И так слово «революция» не понимал я до перевода его Бармою русским словом «бунт». Вероятно, мой отец, бывший земским и церковным старостою, выловил это слово из разговоров чиновников или духовенства и, конечно, не понял его. Барма первый познакомил меня со смыслом этого слова и событиями, им означаемыми, хотя с преувеличением и прикрасами, но довольно похоже на то, что я вычитал после.

Покуда он говорил о взяточничестве, мордобитьях, дранье на конюшнях, тяжелых налогах, крепостном праве, я с ним соглашался и интересовался его разговором. Но чуть только он доводил свои

---

⁴¹² Имеется в виду Великая французская революция.

предположения до конца, т.е. до царя, я возмущался, и он становился мне противным, потому что я, как и все крестьянство, любовь к царю всосал с молоком матери. Из-за этого собственно я и порвал с ним всякую связь, перестал посещать его и сторонился от него при встречах в Рыбинске. Все это было между 1845 и 1849 годами, когда я еще не понимал в политике, а увлекался физикой и астрономией по старым дешевым книжкам, покупаемым на рынке и у книгонош.

Если Барма и не убедил меня во всем, что проповедовал, то над многим заставил задуматься... Мне тяжело было смотреть, как однажды становой пристав Фонкштокорич при следствии, допрашивая обвиняемого в лесопорубке, задал ему такую затрещину, что у бедняги появилась кровь в носу. Возмутил также меня поступок рыбинского исправника Кузьмина⁴¹³ на следствии о покраже денег в копринской церкви (около 1846—1847 года). По этому делу была в Коприне следственная комиссия из исправника, стряпчего и еще кого-то, а мой старшина А. Иванов командирован за депутата в нее со стороны казенных крестьян, я же был вызван для письмоводства с диктовки следователей. Приказано было нам вызвать некоторых людей, мы и разослали приказы с рассыльными накануне следствия, но некоторые вызываемые запоздали. «Да когда же старшина доставит нам людей-то?» — обратился к нему исправник. Старшина ответил, что вчера еще вечером посланы приказы. «Приказы посланы», — говорит, да как задаст ему пощечину, от которой старшина едва на ногах удержался. «Вот, — говорит, — как надобно людей-то собирать, когда начальство требует». Старшина заплакал и взмолился, а я, понимавший уже тогда кой-что, советовал потихоньку старшине заявить это свидетелям, коих

---

⁴¹³ Кузьмин Павел Николаевич — исправник в Рыбинске.

было до 20 человек, да отказаться при них от кандидатства и донести обо всем окружному начальнику, тем более что следствием ничего не выяснилось, виновных не находилось. Но старшина махнул рукой говоря: «Бог с ним».

Был я еще очевидцем вот какого случая. В Рыбинске на Крестовой площади какой-то барин разговаривал с толпой мужичков и более всего с одним белокурым, стоявшим без шляпы. Я был возле. В конце разговора барин спросил его: «Какой ты губернии?» — «Олонецкой», — отвечал мужик. «А какого помещика?» — «Что вы, Ваше благородие, да у нас такой-то погани и в слухах не слыхано». Барин задал ему леща по щеке, повернулся и ушел, а мужик остолбенел, но не жаловался, а только проговорил товарищам: «Слава Богу, что у нас нет этих безобразников бар».

Так как подобных безобразий было не только, слухами о них полна была вся наша земля, то в связи со слышанным мною от Бармы я не мог не задумываться и не добираться собственным умом, что порядки у нас и в самом деле неказисты. Раз попалась мне на рынке книжка под названием «Утопия»⁴¹⁴. Так был назван остров, на котором происходило описываемое. Я заплатил за нее 5 копеек ассигнациями и, малоопытный тогда, увлеклся ею, сожалея, что у нас не такие порядки, да удивлялся, как же это не христиане, а живут лучше нашего? Попастъ бы, думалось, на этот остров и остаться там для просвещения честных, добрых и умных его обитателей светом Христовой веры, по старинным книгам (в то же время я был еще склонен к расколу).

---

⁴¹⁴ «Утопия» (1516) — роман Томаса Мора. В руки Васильеву могли попасть следующие издания: «Книга всевозможно лучшего правления, или Утопия» (СПб., 1789); «Философа Рафаила Гитлоде странствование в Новом Свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии» (СПб., 1790).

Но вот стал я почитать газеты, все больше в трактирах в Рыбинске, и из них и других книг знакомиться с политикой. Раз попался мне в руки приговор Верховного суда о декабристах. Помню, что негодовал на них, что нравилось мне мнение духовенства, приговор находил законным, хотя законов-то и не знал еще, да кстати сказать, меня и пооттолкнуло от их изучения случайно вычитанное в окружном управлении в томе, кажется о состояниях, что жалобы на помещиков от крепостных не принимаются. «Это не по-божески», — говорил я себе и думал, что только правительству, отступившему от праотеческой веры, сподручно писать такие законы. Долгое время спустя попала мне от писаря станowego пристава стянутая им при описи имения одной генеральской вдовы книжка «Записки декабриста И.Д. Якушкина», напечатанная за границей, но по-русски, нецензурная⁴¹⁵. Я купил ее у него за полтинник. Прочитавши ее, я одинаково остался недоволен и правительством, и декабристами. Последними за безрелигиозность, подмеченную мною из этой книжки. Тогда я отшатнулся уже от раскольников и судил обо всем с общехристианской точки зрения. Но вот мало-помалу стал разбираться и в политике. Прочитав, не знаю чью «Всемирную историю»⁴¹⁶, такую же Российского государства Карамзина и кое-что другое, стал покомпетентнее в ней.

Около этого времени через чиновников государственных имуществ удалось мне познакомиться отчасти с лондонскими изданиями Искандера (Герцена)⁴¹⁷, попадавшими мне не знаю какими путями и даваемыми мне секретно для секретного же прочтения, о чем я, конечно, ни перед кем и не

---

⁴¹⁵ Имеется в виду или лондонское издание «Записок И.Д. Якушкина» (1862), или лейпцигское издание 1875 г. Иван Дмитриевич Якушкин (1793—1857) — декабрист, отец Е.И. Якушкина.

⁴¹⁶ Возможно, имеется в виду «Всемирная история» Ф.Х. Шлоссера, вышедшая в 6 томах в 1868—1872 гг.

⁴¹⁷ Имеются в виду издания Вольной русской типографии А.И. Герцена.

заикался, читал про себя только и не все одобрял, хотя находил и дельное. А с выходом положения 19 февраля 1861 [года], прослушавши в церкви Высочайший Манифест со слезами восторга, сделался таким оптимистом, что теперь стыдно становится того увлечения и того, что говорил я тогда по этому поводу.

Я надеялся, что крестьяне поймут дарованную им свободу, постараются воспользоваться свободным трудом. Но, как назло, они стали пить пуще прежнего, благодаря почти одновременному с благодатным актом свободы введению акцизной системы в отмену ненавистных откупов, понизившей на первых порах цену на водку. Не потерявши еще надежды на лучшее, радовался я и гласному суду, и земским учреждениям, нарочно ездил даже за 35 верст в Пошехонье на первое земское собрание послушать и поглядеть на мужичков гласных, заседавших за одним столом рядом с купцами и дворянами. Под влиянием увлечения новыми порядками охотно переменял я должность волостного писаря на таковую же письмоводителя земской управы и в здании ее смотрел первое заседание уголовного отделения окружного суда. Замечательным показался мне громадный наплыв зрителей из серого люда. Сам я сидел на второй скамье, а более смелые и в грубых костюмах забрались на первую, занятую до них двумя только барышнями Стойковыми, из коих младшая громко протестовала против допущенного беспорядка, что мужичье занимает передние места, а хорошая публика стоит сзади и точно не смеет разогнать эту сволочь. Протест слышал и председатель суда Наумов, но только улыбнулся. Как ни резок был протест барышни, я соглашался с ним отчасти и негодовал на дерзость невежливой толпы, не уступившей своих мест по вежливым просьбам о том опоздавших господ уездной аристократии. В 1870 [году] самообразование мое, по-видимому, закончилось, я не чувствовал уже

умственного прироста, а с 1880 года стал догадываться об Упадке памяти. К 1886 году, созерцая неприглядную действительность, от старческой ли немощи или от какой душевной болезни, впал в ужасный пессимизм. Ничто меня не радовало, ничто не занимало, желал одной лишь смерти. От этой болезни поправился только на трехлетнем отдыхе на родине. Но нельзя сказать, что выздоровел совершенно: приступы безотчетной тоски бывают еще по временам, в которые пробуждается и желание смерти.

Отвратительно бывает смотреть, как целые и самые просвещенные христианские нации готовят к взаимной резне, как пресытившиеся богачи и принцы освобождаются от этой канители, называемой жизнью, пулею в лоб, и развращенная голытьба, оглашающая стогны воплями о подаяниях и пропивающая их, упорно держится за нее. Так бы и спрыгнуть с нашей несчастной планетки!

Кое-что о прежних рекрутских наборах и новых призывах на службу

До 1870 года существовала очередная система⁴¹⁸; по-видимому, порядка в отправлении ее было мало, потому что в детстве часто слышал я о побегах очередных семей и о ловле их. Изловленных закатывали в кандалы и отвозили в Ярославль на сдачу. Не знаю, чему приписать главным образом укрывательство очередных, но часть их вызывалась, вероятно,

---

⁴¹⁸ Очередная система — система призыва на военную службу согласно с «очередью», которая устанавливалась крестьянским «миром». Была отменена в 1870 г., после начала проведения в жизнь военной реформы, заменившей рекрутчину всеобщей воинской повинностью (окончательно закон о всеобщей воинской повинности был утвержден 1 января 1874 г.).

несправедливостями заправлявших делом мирских властей. Помню голову из одной со мной деревни Малафея Иванова. Раз увидел я его на крыльце его дома в красной рубахе и принял за солдата, потому что бороды не было, а голова наголо острижена. После узнал, что таким приехал он из Ярославля с поставки отвозимых им очередных, которые с ним же и вернулись домой. Эти рассказывали, что в приеме (рекрутов) начальство нашло, что голова не ту семью привез на сдачу, а распоряжавшийся приемом некто Гаранский вскричал: «Забрать самого голову». Его и остригли, но почему-то, говорят, отпустили домой с ними же. Другого взыскания с головы за его неправду, по-видимому, не было, но факт острижки его верен. В начале действий по жеребьевой системе тоже бывали случаи укрывательства, но редко уже, и не вели к освобождению побегом. Наборы производились не в каждом уезде, а то в Рыбинске, то в Пошехонье, то в Мологе. Причинами этого, говорят, были ходатайства горожан перед губернаторами о поддержании торговли их города.

Нехороши были порядки представления людей на сдачу через избираемых миром особых отдатчиков, коим вручались и собранные на сдачу людей деньги. Собирался волостной сход, на который высылались все молодые люди для осмотра, чтобы не представить калеку: малорослого, хромого и проч., за что взыскивался штраф с голов и отдатчиков. С молодыми людьми должны были являться их проводники — подводчики по одному на двоих, но так как проводниками всегда являлись семейные призываемых, родители, братья, то этих последних набиралось больше гораздо следовавшего по расписанию палаты числа. Вся эта орава человек в полтора ста и более отправлялась прямо со схода на пункт сдачи. Продовольствоваться проводники и призываемые должны были на мирской счет отдатчиком. Все бы это ничего, но беда в том, что все являлись

довольно подвыпивши, по окончании схода требовали с отдатчика водки и закуски, а дорогой и в городах на ночлегах буянили, ломали ложки, чашки, вилки, за что и разделялся несчастный отдатчик. Унять пьяных буянов не было никакой возможности, даже при помощи полиции, удивившей иногда в кутузку выдающихся озорников.

В набор около 1853—1855 годов сдача была назначена в Мологе. Со схода следовало отправиться на ночлег за 6 верст в Рыбинск, а наутро из Рыбинска в Мологу на ночлег же накануне сдачи. Отдатчиком был расторопный, щедрый и богатый Ф. Устинов. По требованию толпы он угостил ее после схода, и к вечеру все прибыли в Рыбинск на ночлег (дело было летом). Богатый отдатчик угостил призываемых в трактире чаем и водкой, но пьяные безобразники на ночлеге за ужином не только ложки и чашки, но и мебель переломали, зеркала перебили. Поутру отдатчик опасался уже много поить, но все перепились на свой счет, шумят, буянят и не идут со двора. Рассвирепели до того, что ни голове, ни отдатчику нельзя было показаться им из опасения потасовки. Помощник окружного начальника Панин послал отношение в полицию, а сам в надежде на ее помощь отправился в собор на службу. Полиция прислала человек десять своих слугителей, которых буяны приняли в кулаки, перебили их, одежду изорвали и фуражки разбросали, так что некоторых и не найдено. Тогда я побежал в собор за Паниным, а он вместе с чиновником полиции поехал к тогдашнему рыбинскому гарнизонному начальнику, который распорядился выставить взвод солдат с примкнутыми к ружьям штыками. Это, конечно же, скоро все сделалось, и потому некоторые из толпы, потрезвее, проведали, что готовится для них, и постарались выехать со двора, да и других предупреждали убираться за благо. Мало-помалу, но все уехали в Мологу, а человек пяток, забранных свежими полицейскими, отодраны

были в части на славу. До усмирения военной силой дело не дошло, а в Мологе предупрежденная нарочным полиция встречала приезжающих и за каждым запирала ворота ночлежного двора. Из сожаления чрезвычайных расходов отдатчика в Рыбинске я было советовал ему подержать буянов на антониевой пище⁴¹⁹ до утра, но он, щедрый, не пожалел расходов, а угостил всех хорошим ужином и завтраком с умеренною только порцией водки.

Такой бунт, потревоживший даже войска, был только однажды в течение моей службы писарем. Но буйство, дебоширство, произвольные остановки в пути каждый раз случались. Правительство, по-видимому, устанавливало такие порядки сдачи в сопровождении сельских властей и подводчиков в интересах успеха дела. Но что было делать каким-нибудь пятерым начальникам с такой многочисленной пьяной ватагою? Бывали случаи, что головы и отдатчики скрывались от нее дорогою. Но такие порядки существовали только при наборах по рекрутскому уставу. При призывах же по положению 1874 года ничего подобного не случалось. Дело в том, что по этому положению ни выбора отдатчиков, ни мирского продовольствия, ни подвод не назначено, а личная ответственность за неявку к призыву оставлена. Все являются без особого наблюдения за сбором сельских властей на молебен перед вынуждением жеребья, да и ведут себя тихо. Отчего это? Скажут: «Нравы помягчились». Едва ли. Улучшился закон, и в том все дело. В доказательство этого можно сослаться на неудачное придерживание правительства прежних порядков по призыву запасных чинов. Это ведь уже не мужики, а солдаты, люди дисциплинированные, они непременно и чинно явились бы на сборный пункт и в срок. Но правительству угодно было включить в положение

---

⁴¹⁹ То есть ничем не кормить. Имеется в виду основатель монашества и проповедник аскетизма Антоний Великий (ок. 250 — 355).

условие отправки на подводах всех находящихся далее 25-верстного расстояния. В десятилетие моей службы писарем Копринской волости с 1876 по 1886 год ежегодно отправлялось на сдачу в новобранцы до 60 молодых людей, и всегда являлись исправно. Но потребовалось в последнюю восточную войну 1876—1877 годов выслать около 15 запасных, и что же? Соберутся к правлению с родственниками пьяные, ломаются, куражатся... Но вот удастся отправить их на подводах под надзором старосты, а они дорогой останавливаются у каждого кабака с требованием угощения от старост, а то не поедем, говорят. И это уже солдаты, а не мужики! Какая же причина этому? Историческая привычка русского человека кутнуть толпой, одинаковая с попойками на сходах, где перепившиеся тешатся по-своему: орут песни, ругаются, дерутся... Упоминаемые кутежи запасных — те же мирские попойки. Отменены подводы для них и сборы для этого в одно место — и ничего подобного не будет, и все явятся вовремя. Лучше выдавать им деньги на это, но поодиночке, а не в сборе. Существующее на это дозволение оттого неудачно, что необязательно для них и что наклонным к кутежу предстоит перспектива кутежа компаниею. Новая система воинской повинности очень благотворно повлияла на население сокращенным сроком службы. Прежде на 25-летнюю службу отправлялся человек, как на каторгу, как на смерть. Смешные и грустные сцены разыгрывались тогда пред домом рекрутского присутствия и в нем самом. Помню, как раз один затылочный (забракованный) до того обрадовался свободе, что нагой выбежал из дома присутствия и в таком виде по льду через Волгу прибежал на Ерш, куда родные и принесли ему одежду. А сколько реву-то было, обмиранье матерей и жен! Просто стон стоял перед домом присутствия во время набора. Правда, и теперь в толпе родственников можно еще видеть слезы, но это

тихие слезы матери или жены. Тогда же рыдали навзрыд посторонние женщины, как бы зараженные общим ревом и воем.

Мирские попойки

Трудно выводящиеся мирские попойки — явление историческое. Вот что рассказывали мне около 1846 года копринские старожилы про выборы головы при экономическом еще управлении. Собрали, говорят, сход, голову выбирать. Кандидатов было два, тот и другой поит, да еще больше суток после выбора. Случилось, что сход разделился на две половины: одна стояла за NN, человека очень маленького роста, другие за NN, человека очень рослого. Кричали, кричали, но ни к какому соглашению не приходили. Стоявшая за маленького человека сторона подхватила его за руки и подвела к столу и посадила за него, а земскому закричала: «Пиши приговор, его выбираем». Земской стал писать, а народу в сборной избе было столько, что пошевелиться нельзя было. Земской пишет да пишет приговор, а один ловкач, сидевший на кутной лавке (у задней стены), взобрался на плечи сходователям, прошел по ним до стола, опустил на стол, выхватил маленького человечка, да и бросил его на головы сходователей, приговаривая: «Негоден в головы, ростом не вышел». Товарищи подхватили ему и закричали: «Наша взяла, пиши, земской, другой приговор, тот голова не угоден нам». Крики и ругань продолжались долго, но в конце концов выбрали не маленького голову, а большого. При управлении государственными имуществами попойки преследовались уже, но все-таки продолжались. Удивительно, что крестьяне до сих пор не находят ничего предосудительного в них, и не только пьяницы, но даже и порядочные люди говорят: «Так ведется исстари, не нами век начался, не на нас и кончится». В

попойках участвуют даже и непьющие водки, посредством отлива своей доли и уноса домой.

Деревенский суд

В детстве, до учреждения Министерства государственных имуществ, слышал я часто слова: «Их миром судили, миром делили». Но очевидцем такого суда был, и то уголовного, только однажды в своей деревне. Услыхав, что созывают деревню в дом к Ларионовым, и я пошел туда. Там было уже несколько соседей, а другие подходили еще. Одна из снох Лариона, молодая баба, лежала на полу с горстью яровой соломы в руке и жаловалась соседям, что деверь ее Ефим хотел изнасиловать ее в амбаре, повалил и затыкал рот соломой, но она не далась, вырвалась. Она просила соседей поучить его. Тут же был и Ефим, очень маленький человек, и оправдывался тем, что хотел поиграть только и повалил ее шутя, а она обиделась. Долго кричали и спорили, но признали Ефима виновным и приговорили к водке за беспокойство деревни. При управлении государственными имуществами подобных судов не слыхивал, но знаю, что долго еще продолжался обычай приговаривать словесно деревенским миром к порке розгами за худые огороды в очереди полей. По наряду деревенского десятского по человеку с дома шли осматривать огороды, и чей огород худ или упал, тут же на месте упавшего огорода, с общего согласия, приговаривали и секли виновного. На первых порах сельское начальство отказывалось принимать жалобы на эти наказания, в силу обычая их, и говорили просителю, что так и надобно, что везде так делается, заботься об исправности огородов и не будешь сечен. О прекращении подобных экзекуций старики сожалеют и посейчас. Обычай

собирать деревню при раздорах в семье и при разделах не вывелся еще совершенно, хотя утратил санкцию законности и потому прочности словесного деревенского постановления.

Вспомнился еще мне деревенский суд собственного моего гражданского дела. Тогда я был еще подростком. Требовались обывательские подводы к сельскому правлению в Трепу для отвоза окружного начальника в Пошехонье, и за мной была очередь с прочими. Поехали на трех подводах — троечной для окружного и двух парных для прочих. Дорогой-моя пара набежала на такую же соседа МеШалкина и оглоблею повредила задок его выездной тележки. Он требовал слишком много на починку. Я созвал селение, и оно нас помирило на сносной плате с моей стороны. Я благодарил мужичков поклоном, а Мешалкин роптал, но подчинился деревенскому суду.

Иов

Копринские старики рассказывали мне около 1846 года про знаменитого в волости человека Иова, коего они знали в своей молодости, забравшего большую власть над миром, но рассудительного будто бы и доброго. Что Иов скажет на сходе, тому и быть. Все его боялись и преимущественно его громадной силы, о которой рассказывали чудеса. Он долго был бессменным головой, сам собирал подати, рассчитывался с плательщиками по биркам. Память имел удивительную, не даст никому покривить душой в расчетах, уличит всякого во лжи или забывчивости. В то же время не знали еще говорят серебра и ассигнаций, по крайней мере денег таких не видывали в волости, поэтому подати платили медной монетой, пятаками больше. Иов собирал деньги и пешком относил в казначейство за

35 верст. В дороге ходил с железной тростью, такой тяжелой, что другому и поднять-то ее в пору было. Если кого нужно было заарестовать, то он, никого не приглашая, возьмет арестанта одной рукой за грудь, другой захватит за обе ноги, за онучи или лапти, приподымет на руках да и вставит в дыру, проделанную на арестантском стуле. Рассыльному остается только прикрепить цепь (о стуле я говорил уже).

Беглые

Отец говаривал мне, в старину беглых было больше, чем теперь. Когда он был еще мальчиком, то носились слухи, что беглый солдат из наших же сдаточных скрывается в лесу, в намерении отомстить голове за неправильную сдачу его в солдаты. Вот однажды, говорит бабушка, подзывает его отец (мой дед) и дает поручение отнести в лес в зелень на дорогу к приходской церкви корзину с хлебом, пирогами и яйцами. Ты, говорит, не входи в лес, он сам тебя увидит и встретит. Видно, говорит, наша очередь пришла накормить его. Никакие отговоры боязнью не подействовали, он принужден был облачиться и нести тяжелую корзину по назначению. Только, говорит, вхожу в лес, как из него вывернулся довольно рослый человек с большим ножом за поясом и ласково подзывает его к себе, говоря: «Не бойся, мальчик, ничего тебе не сделаю, не для тебя я пришел сюда». Корзину, говорит, взял, а меня отпустил с ласкою. Дело было летом. Спустя несколько времени оказалось на косях между деревней Германовой слободой и Буневом мертвое тело. Это был зарезанный голова. Поноски пищи этому беглецу многие делали по уведомлению о его требовании через скотских пастухов. Отец говорил еще мне понаслышке от дедушки, что в то

время подобные же беглецы скрывались в лесах и окрестных с монастырщиною владельческих имениях.

Военная экзекуция

Когда мне было около 10—12 лет, помнятся частые деревенские сходки о пополнении недоимок, помнятся наезды начальства для принуждения к уплате. Но мужики упирались, не платили. Они и правы были по своему понятию. Дело в том, что подати-то они вносили сполна, да пьяницы головы растрачивали, и по казначейству копились недоимки. Ничего не сделал и исправник с целым миром, кричавшим: «Не будем платить за пьяниц!» Пришлось прибегнуть к военной силе. Сколько ее было призвано, я не знаю ровно, как и того, что делалось на миру, в сборной избе. Помню только, что в нашу деревню вступил отряд солдат с ружьями человек в десять с унтер-офицером во главе. Его разместили на квартиры. Мой отец взял солдатика, купил водки и угощал его. У бывшего головы из нашей деревни Малофея Иванова, повинного в растрате мирских денег, поместились несколько солдат, зарезали у него что-то из кур и ягнят и угощались. После приезжал военный офицер с полицейским чиновником, собирали мужиков и уговорили собирать деньги. Это было весною или летом. Помнится мне куча медных денег в коленях у сборщика, получившего их от крестьян. Бывшего голову Малафея заставили продать ветряную мельницу и внести деньги сборщику. Слышал я тогда, что у такого же головы из деревни Оболтина солдаты зарезали телушку или молодую корову. Помню же, что некоторые тогда сбывали разные вещи или клали в заклад зажиточным, чтобы уплатить падающую на их долю часть головинской растраты.

Еще два слова о Рослякове. До восточной войны 1853—1854 годов много было серебряной и золотой монеты в обращении, целковых, полтинников, четвертаков и золотых полуимпериалов ценностью в 5 рублей 15 копеек. Мы предпочитали им в правлении бумажные деньги, удобнейшие для поверки. Но вот как-то перед войною или во время ее окружной начальник Росляков, проверивши сумму, говорит: «Я обмениваю ваше золото на бумажные деньги». — «Очень рады», — сказали мы дружно. Он и обменял * А после узнали по слухам о тогдашних злоупотреблениях с золотою и серебряною монетою, что ее переливали на изделия и отправляли за границу, что евреи и наши ловкачи скупали ее у народа. Мы и записали Рослякова в эту категорию людей, бесчестно и преступно наживавшихся на государственный и народный счет.

Евгений Иванович Якушкин

Хотя ранее я и обмолвился, что о хороших начальниках почти и нечего говорить, но на моей службе писарем встретился один больно уж выдающийся, о коем и надумал порассказать кое-что. Это Евгений Иванович Якушкин. Он определен был управляющим палатою государственных имуществ в 1858 году на смену сумасброда Яковлева и составлял с ним самый резкий контраст. Очень скоро почуяли мы новое влияние, сперва из перемены к лучшему обращения окружного начальника Рослякова, а потом по разным слухам. Прежние управляющие всегда оглашали заранее о своих ревизиях, чтобы подготовились к ним. Этот начал ее на свой манер. В 1859 или 1860 году внезапно услышали мы в Карповском волостном правлении, что управляющий находится в нашей волости в Ильинском обществе, что он останавливается в селениях, созывает крестьян, расспрашивает о сельских и

о окружных властях, что он даже закусывал у одного мужичка хлебом домашние щи и заставил получить за них полтинник, несмотря на отказ в принятии. Начал он ревизию волости с сельских правлений, объезжая кругом центральное волостное. Спустя дня три-четыре приезжает в волостное правление окружной начальник Росляков и спрашивает, что слышно об управляющем и где он теперь. Нас извещало о нем сельское правление, и потому мы не знали, когда и где он находится, а потому и сказали Рослякову, что теперь он в последнем шестом обществе волости — Серковской и что завтра ожидаем его к себе. Росляков поехал в Серково, но скоро вернулся и просил нас поприпасть к ревизии, и уехал в Пошехонье, по-видимому, расстроенный и недовольный чем-то. После серковские старшина и писарь сказывали нам, что во время ревизии их правления управляющим является к нему окружной начальник с обычным приветствием, а Якушкин спрашивает его: «Зачем изволили пожаловать?» — «Да узнал, что В.В. в Карповской волости, так и поехал отвезти вам». — «Разве я Вам надобен?» — «Да как же, говорит, не явиться, когда Вы в моем округе?» — «Напрасно беспокоились. Этак я мог бы и не застать Вас на своем посту, оставленном мною на загладку всего, позаботитесь поприпасть к моей ревизии». Росляков, говорят, раскланялся и уехал. После обратного проезда Рослякова и к вечеру того же дня приехал к нам и управляющий, приказал голове созвать на завтра окрестных крестьян, а мне выложить на стол дела и книги для его просмотра наедине. Попросил еще заготовить ржаной соломы ему на постель, да и отпустил нас на покой, спать. Утром мы было позволили себе помедлить приходом в правление, чтобы дать время выспаться управляющему, но правленский сторож

прибежал на квартиры сказать, что он уже давно встал и разговаривает на повети⁴²⁰ с собравшимся народом. Мы встрепенулись и прибежали в правление, я и голова одновременно и застали входы на повесть закрытыми. Распустивши народ, управляющий пришел в правление, вежливо раскланялся с нами, сказав, что у нас все в порядке и, что всего приятнее, жалоб не слышно. Одет он был в поношенное пальто, так что мы не приняли бы его за управляющего, если бы не знали уже этого. При прощании мы доложили о затруднениях при сборе расписок за неграмотных в получении паспортов, потому что грамотных мало, что их приходится искать получателям по полям с платою за отрыв от работы. «Да что же мешает, — говорит, — выдавать паспорта без расписок в книге?» — «Боязнь палатской ревизии», — отвечал я. «Напрасно, — говорит, — ведь палата сможет сделать одно только замечание за это», С тех пор мы и оставили эту обременительную для себя и крестьян формалистику.

Палатские чиновники много рассказывали нам забавных анекдотов о новом управляющем, из коих, пожалуй, и порасскажу, что помнится еще. Раз, говорят, является в палату с просьбою деревенская старуха и спрашивает, как бы ей повидать самого здешнего набольшего. А он сидит в это время тут же в прихожей на окне. Встал, да и говорит: «Что тебе, голубушка, нужно? Я набольший-то здесь». Старуха оглядела его костюм да и говорит: «Полно, родименький, смеяться-то надо мной, старухой, какой ты набольший: ведь и по одежке-то видно это». А то понадобилась, говорят, какая-то справка из казенной палаты. Он сам пошел за ней. Подходит к столоначальнику и докладывает, зачем пришел, а тот, судя, вероятно, по костюму же, принял его за подобного себе, похлопал его по плечу да и

---

⁴²⁰ Повесть — крытое место, крытый двор.

говорит: «Погоди, брат, мочи нет, хочется посикать» — да и побежал в сортир. Якушкин преспокойно остался дожидать его, а по уходе со справкой товарищи столоначальника, узнавши через одного из своей среды, кто приходил за справкою, спросили столоначальника: знает ли, кому давал справку, и когда сказали кто, этот не верил, покуда не увидел Якушкина в другой раз при других обстоятельствах. Мужики не могли нахвалиться новым управляющим и скорым разрешением их ходатайств. Память о нем и посейчас держится между ними, очень уж он популярен стал в народе, а дворяне, как слышно было, недолгоблывали его почему-то (не все, конечно).

Знакомый мне тогда пошехонский лесничий Заборский рассказывал мне, что Якушкин, как бывший его начальник, когда он служил в корпусе межевщиков⁴²¹, встретил его в Пошехонье как старого знакомого, расспрашивал, как живет он, что читает, где достает книги. А когда он промолвился, что на днях получил таковые от волостных писарей Тарасовского (меня) и Павловского, то Якушкин будто бы удивился этому и стал расспрашивать его о нас. Рассказ свой Заборский окончил будто бы похвалою нам, вроде того, что эти, дескать, два писаря — передовые люди, взяток не берут. Вскоре после этого разговора с лесничим Якушкин приехал в Тарасовское волостное правление на волостной сход по призыву к жеребьям для набора 1863 года, застав меня одного в правлении врасплох, поклонился мне гораздо ниже обыкновенного, чем смутил меня и простыдил до того, что я не вдруг нашелся отвечать на его вопросы. Спрашивал также, что читаю, и обещал прислать мне книгу в подарок.

Это было весною ли, осенью ли, только помню, часов около 10 утра, накануне схода, вдруг является в правление знакомый мне старовер А.

---

⁴²¹ Имеется в виду Межевой корпус — созданное в 1836 г. объединение работников межевого ведомства.

Григорьев, знавший уже Якушкина по какому-то своему делу, и предлагает ему, не угодно ли посмотреть на его старые книги, о коих была речь в Ярославле. Якушкин согласился, да и спрашивает, не на лошади ли приехал. Старовер отвечает, что на лошади-то на лошади, да телега-то навозная. Ничего, говорит Якушкин, доедем и на навозной! Ехать им приходилось через усадьбу помещика Иванова, тогдашнего мирового посредника, который, предуведомленный как-то о приезде в нашу местность Якушкина, просил меня известить о его приезде. Я, конечно, исполнил просьбу. В усадьбе стали готовиться к приему Якушкина и в Тарасово к нему послали человека, который, встретившись с Якушкиным, ехавшим на навозной телеге, конечно, не мог признать его. Да не признал его и сам Иванов, сидевший на балконе дома, на навозной телеге с знакомым ему старовером. После старовер рассказывал мне, что Якушкин нашел его книги не такими древними, какие имеются у него самого, и пригласил его в Ярославль посмотреть их. После этого Якушкин прислал мне в подарок два тома «Истории цивилизации Англии» Бокля.

В 1871 году, когда я был приказчиком на лесном дворе Ф.Ф. Андреева, Якушкин, узнавши от его брата Афанасия Федоровича, что я в Ярославле, передавал мне через него приглашение заходить в его квартиру. Я все не осмеливался. Но вот сию однажды один в своей конторе, а Евгений Иванович сам входит в нее, выговаривает, что не посещаю его, и увозит меня с собой на извозчике. С тех пор начал же посещать его и пользоваться его книгами для чтения.

Так как Якушкин не заезжал к помещику Иванову, а после передачи государственных имуществ в мировое учреждение мне приходилось бывать у него по должности писаря, привелось однажды разговориться с ним о Якушкине. Я, конечно, одобрял, а он порицал и очень много. Говорил, что

это «красный», что он удивляется, почему он держится еще на службе после стольких доносов на него. От кого и какие доносы, он мне не сказал, а в бытность мою в Ярославле, где я имел дела в губернском правлении по поставке дров, правитель губернаторской канцелярии А.И. Бережковский при справке моей о деле знакомого мне рыбинского купеческого сына, не нашедши его дела и сказавши мне, что, вероятно, г. губернатор (Чиковский) оставил его у Якушкина для просмотра и сообщения своего мнения, порассказал мне, что губернатор и жандармский полковник в самых хороших отношениях к Якушкину, что первый часто советуется с ним. Этим сообщением он, не зная и сам, конечно, успокоил меня относительно сообщенных мне Ивановым сведений о доносах.

Якушкин и в Ярославле очень популярен, а особенно между серым народом. Мне не раз случалось заставить у него приходивших за советами людей разных классов: мужиков, разночинцев, студентов Демидовского лицея (последние ходили больше за книжками юридического содержания). В Ярославле хаживал ко мне бедный отставной чиновник за подаянием (грошовым, конечно, 10,15 копеек). Раз вижу его на улице подвыпивши, разговаривавшего с каким-то мужиком, «Ты моли, — говорит он мужику, — Бога за Якушкина, он враг мне, прогнал со службы беспорочного пьяницу, но я должен сказать правду, что без него твое-то дело провалилось бы». А на вечере профессоров Демидовского лицея у моего патрона Ф.Ф. Андреева я сам слышал, как один из них сказал: «Да умнее Якушкина нет в Ярославле». Палатские чиновники отзывались о нем как о человеке доброй души, хорошем юристе, теоретике и практике, очень ученом, говорящем и понимающем на шести иностранных языках. Раз и я застал его за переводом чего-то из английской книги. Говорили еще, что он и в крепостное право не пользовался с крестьян оброком, а после 19 февраля 1861 года взял будто бы

отпуск в Черниговскую губернию да и устроил своих крестьян, предоставивши им все земельные угодья, ничего не оставя за собой. Теперь он такой же старик, как и я.

Волостной писарь Холманов

Около 1847—1848 годов знавал я подготовлявшегося к писарской должности в канцелярию Пошехонского окружного правления мальчика Димитрия Васильева Холманова, выбранного для этой цели обществом. Он казался мне очень скромным и старательным в сравнении с его товарищами. Когда выходили все из канцелярии, он оставался и читал законы. Мне нравилось в нем это, и я поощрял его иногда бездельными подачками на орехи. Когда он подрос и был определен писарем, то оказался самым дельным из всех подобных обучавшихся на сельский счет (на общественный сбор). Во время ежегодных сборов писарей в окружное управление к годовому отчету я и он просматривали книги и отчеты прочих писарей, поправляли их, оставались недели на три для составления начерно отчета самого окружного управления, где я и убедился в его деловитости. Законы он знал хорошо, несравненно лучше меня, писал только негладко и неграмматично. Деловитость его я знал по опыту, а что он деньги любил — по слухам только. Но вот в 1857 году окружной начальник Арнольд, будучи в Карповском волостном правлении, предлагает мне перемещение в Карповскую волость Пошехонского уезда. «А что же Холманов?» — спрашиваю. «Холманов, — говорит, — очень дельный писарь, но над ним стряслась беда». Последовал коллективный донос в палату о его будто бы взяточничестве, и чиновнику палаты Савинову поручено уже произвести дознание о том, да так, чтобы дознание производилось в отсутствие

Холманова. «Это-то последнее и заставляет меня просить тебя о замещении его в Карповском, а его переместим в Макарово на время дознания только, если тебе не понравится Карповское. Надеюсь, — дополнил Арнольд, — что он сух выйдет».

Я согласился и с помощником Арнольда Вилинским отправился в Карповское. По приезде туда Вилинского на другой же день отослал Холманова в Макарово, а дня через четыре приехал и Савинов. Он начал объезжать сельское правление, созывая везде сходы и недовольных Холмановым или имеющих претензии к нему, а наконец приехал и в Карповское сельское общество, где было и волостное правление. Тутой собрал такой же сход, на котором был и я из любопытства, конечно. Поразительная картина! Почти поголовно закричали, завопили, а бабы рыдали даже. Все клянули Холманова, обзывая плутом, взяточником, обирохою. Савинов сказал: «Этого недостаточно, что все вы кричите и обвиняете в один голос. Потрудитесь предъявить мне свои претензии поодиночно, кто из вас и в чем обвиняет Холманова». Начались одиночные допросы. И странное дело! Показывали очень и очень многие о взятках с пояснением, когда и за какое дело и сколько давали, а на вопрос: кому? один говорил Фоме, другой — Мостину, третий — Орловскому. И так все на этих только господчиков и ссылались. Эти же только улыбались, а на очных ставках с давальцами объяснялись с жалобщиками с иронией, вроде того: «Ну, дал ты мне, так и спасибо, только я-то не помню того. А что, просил я у тебя?» — «Помню, я прогонял тебя, говорил, что я не голова, не писарь и помочь тебе не могу». — «Помню, ты мне говорил, что Холманов не берет, да просил меня передать, а я тебя прогонял». И все вроде этого. Чиновнику эти трое ни в чем не сознавались. Савинов на ночлеге у нас долго со мной разговаривал об этом и высказывал, что во всей волости такие же почти

сцены были, но дельного ничего, что Холманов не уличается в личной взятке и что дело его может кончиться ничем. Суть-то дела мне кажется понятною, да фактов-то личной взятки нет. Я же оставался при своем мнении, я полагал, по тому, что слышал и видел на последнем сходе, что если Холманова и не отдадут под суд, то от должности-то удалят. Савинов уехал, а приезжавший после окружной начальник Арнольд передавал мне, что дело Холманова осталось почти без последствий, улик никаких, а потому палата предписала только переместить его из Карповской в другую волость. Он и переведен был писарем в Никоузское общество Мологского уезда, а удалил его от должности уже новый управляющий Якушкин. Вот как берегли дельных писарей в былое время!

И. М. Кабештов.

Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным

Печатается по книге: Кабештов И.М. Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным. Сумы, 1906.

Иван Михайлович Кабештов (1827 — не позднее 1918), незаконнорожденный сын саратовского дворянина и крепостной крестьянки — известный во второй половине XIX и начале XX в. на юге России хозяйственный деятель, почетный член Общества сельского хозяйства Южной России, популяризатор практических знаний по сельскому

хозяйству и животноводству. Кабештов был одним из инициаторов создания «Общества взаимопомощи служащим по сельскому хозяйству и сельскохозяйственной промышленности» (1900). Опубликованные в этой книге воспоминания Кабештова охватывают конец 1820-х — первую половину 1850-х гг. и составляют лишь первую часть задуманного автором жизнеописания.

Несколько слов в виде предисловия

В первый период моей жизни была доля романтического: до шести лет я и мать моя по ее мужу и моему отцу считали себя дворянами и жили в довольстве. На седьмом году жизнь моя не только ухудшилась, но была периодом тяжелых страданий. По изложенным ниже событиям, брошенный отцом, я с матерью стали крепостными светлейших Волконских, хотя добрых и гуманных владельцев; но все-таки двадцать лет лучшего возраста прошли в крепостной зависимости. К тому же после смерти матери в 14 лет остался круглым сиротою без всяких средств. По выдающимся ли моим способностям и трудолюбию или по счастью, в 15 лет я был сделан писарем, потом конторщиком и контролером письменной отчетности от шестнадцать имений, далее помощником управляющего, а потом и управляющим. Но в эти промежутки времени я по обязанностям, получая разные командировки, объездил почти всю Россию и в этих поездках, исполняя разные поручения, встречался со многими интересными лицами нередко далеко не похвальной репутации. В 1853 году я был уволен, как вольноотпущенный. С этого времени, занимаясь непрерывно с большой любовью сельским хозяйством, стал получать за свои труды и сочинения медали и разные награды и по

представлению разных обществ сельских хозяйств и комитета выставок получил сначала личное, а потом потомственное почетное гражданство⁴²².

С 21-го года моей жизни я начал вести дневник, записывая в нем все происходящее со мною и с окружающей меня средою. В 60-х годах я уничтожил этот дневник по двум причинам: во-первых, потому, что во время моего, описанного ниже, отъезда в С.-Петербург он, взятый у меня без моего согласия товарищами, ходил по рукам и был мне возвращен в растрепанном виде без нескольких листов, и, во-вторых, по ложному стыду о прожитом мною крепостном звании. Имея теперь дневник, я мог бы описать мою жизнь, в которой было немало выдающихся событий, живее и картиннее.

I

Звание моей матери, ее замужество. Первый ее муж. — Мое рождение и жизнь до 6 лет. — Граф Лев Алексеевич Перовский. — Волконские и их гуманные отношения к крестьянам. — Перемена управляющего. — Новый управляющий Зернихаузин и его жестокость с крестьянами.

---

⁴²² Почетное гражданство — привилегированное звание в России в XIX — начале XX в. для лиц, входящих в состав мещанства или духовенства. Введено в 1832 г. с Упразднением звания именитых граждан; присваивалось императорским указом и разделялось на потомственное и личное. Потомственное давалось по рождению детям личных дворян, а также детям православного духовенства, окончившим духовную академию или семинарию; по ходатайству коммерц- и мануфактур-советникам, купцам 1-й и 2-й гильдии или получившим классный чин и орден, а также ученым и художникам, имеющим ученую степень. Личное — давалось по рождению детям духовенства, не имевшим соответствующего образования, по ходатайству — лицам, окончившим университет и некоторые высшие учебные заведения, а также чиновникам, не имевшим права на потомственное дворянство. Все почетные граждане освобождались от рекрутской повинности, подушной подати и телесных наказаний, имели право участия в городском самоуправлении.

Мать моя была из крестьянской крепостной среды, из состоятельного семейства, из коего было немало приказчиков и бурмистров. Она молодой и красивой девушкой вышла замуж за берейтора⁴²³ большого конного завода, учрежденного в 22—23 году прошлого столетия князем Сергеем Григорьевичем Волконским (декабристом) в имении сестры его Софии Григорьевны, урожденной Волконской и вышедшей замуж за князя Петра Михайловича Волконского, известного любимца трех императоров, умершего фельдмаршалом⁴²⁴. Отец первого мужа моей матери, Кобштейн, был один из сподвижников Бирона⁴²⁵. Будучи вместе с ним сослан в Ярославскую губернию, где женился на крепостной девушке Волконских, чрез что, по тогдашним законам, потерял свободное звание и сделался крепостным. Сын его Яков был ученым берейтором и поступил в Саратовскую губернию и Сердобский уезд⁴²⁶ в вышесказанный конный завод. Будучи вдов, женился на моей матери; он чрез три года умер, изуродованный лошадьми, оставив матери сына и дочь, которые были помещены в учение. От первого брака дочь мужа моей матери, была взята в Петербург, где сделалась любимицею княгини Волконской, статс-дамы императрицы⁴²⁷. Она в судьбе моей играла некоторую, впрочем,

---

⁴²³ Берейтор — объездчик верховых лошадей; тот, кто обучает верховой езде.

⁴²⁴ Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865), князь — генерал-майор, бригадный командир, член Союза благоденствия и Южного общества декабристов; после разгрома восстания 14 декабря 1825 г. осужден на 20 лет каторжных работ. В 1856 г. амнистирован с восстановлением дворянского звания и имущественных прав. Волконская Софья Григорьевна (1785—1868) — жена министра двора и уделов кн. Петра Михайловича Волконского (1776—1852).

⁴²⁵ Бирон Эрнест-Иоганн (1690—1772), граф — фаворит императрицы Анны Ивановны, в 1740 г. регент при несовершеннолетнем императоре Иване VI Антоновиче.

⁴²⁶ Ныне в составе Пензенской области.

⁴²⁷ Имеется в виду, очевидно, кн. Варвара Михайловна Волконская (1781—1865), камер-фрейлина.

незначительную роль, но все-таки я буду упоминать о ней в моих воспоминаниях.

В имение, где жила моя мать, Саратовской губернии, Сердобского уезда, село Софийское, Репеевка тож, в то время молодая и красивая вдова, приехал управляющий, уже немолодой, вдовый, титулярный советник. По словам матери, да и по тем обстоятельствам, каких я коснусь ниже, мать была тайно повенчана старым местным священником, приятелем отца; но, кажется, этот брак в метрику не был записан*.

От этого брака родился я в 1827 году. Отец мой меня очень любил и бесконечно баловал: одевал роскошно и возил с собою по знакомым соседям-помещикам, как сына.

Таким образом мы с матерью прожили в довольстве и неге шесть с небольшим лет. Мать моя неустанно и добросовестно исполняла обязанности домашней и наружной хозяйки, не изменяя образа жизни. Мне минуло шесть лет, как приехал в сказанное имение новый управляющий — немец, сменивший моего отца, В.Ф. Зернихаузин, близкий человек к графу Л.А. Перовскому⁴²⁸, в то время гофмейстеру и сенатору. Он, граф Перовский, как говорили тогда, будучи креатурою Волконских, принял обязанности безотчетного управляющего всех имений светлейших Волконских. Отец мой тотчас же после сдачи имения новому управляющему выехал из него, купил у соседнего помещика Слепцова в деревне Дубовке пустовавший домик и, кажется, оставался в хороших отношениях с новым управляющим года полтора. Отец взял меня с собою, а мать моя оставалась на прежнем месте хозяйкою.

---

⁴²⁸ Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), граф — гос. деятель, с 1823 г. — камергер, с 1840 г. — товарищ министра уделов, в 1841 — 1852 гг. — министр внутренних дел, в 1852—1856 гг. — министр уделов.

Отступая несколько от описания жизни моей и моей матери, не могу отказать себе в удовольствии помянуть добрым словом Волконских.

Они, Волконские, всегда были добрыми и даже гуманными со своими крепостными крестьянами. По их распоряжению крестьяне обязаны были на барщине работать не более трех дней в неделю; воскресные и праздничные работы безусловно воспрещались; Пасха праздновалась целую неделю. Кандидатов в бурмистры выбирали сами крестьяне, управляющий только утверждал одного из кандидатов; управляющие могли наказывать крестьян только по доказанной вине, не более 25 ударами розог; одно лицо могло быть наказано два раза по 25 ударов, при третьей вине наказание усиливалось до 50 ударов, всякое наказание записывалось в журнал; при четвертой вине виновный записывался в особый журнал и об нем должно быть донесено с описанием вины в главную петербургскую контору. Оттуда уже ожидали Распоряжения, как поступить с виновным. Большею частью таких виновных высылали в другие имения, а иногда, смотря по вине, отдавали в солдаты.

Крестьяне так боялись записи в черный журнал (по их выражению «черная журнава»), что в большинстве случаев виновные просили наказать их как угодно, лишь только не записывать в ненавистную «черную журнаву». Так они его боялись. В этом случае от виновного отбиралась подписка, и тогда уж им доставалось без счета.

Управляющие, конечно, несмотря на строгие предписания владельцев ухитрялись обходить их: то трехдневные отбивки заменялись иногда довольно большими уроками⁴²⁹, — например, муж и жена обязаны в три дня сжать^{**} и связать десятину ржи копен в 20, то в воскресенье выгоняют

---

⁴²⁹ Урок — здесь: «срочная задача рабочим» (В.И. Даль).

поголовно возить снопы в виде помочи, только с угощением чаркою водки, кашицею и т.п., а также при наказаниях вместо 25 давали по 50 и более розог, считая, что дали только 25. Но все-таки крестьяне Волконских были лучшими в уезде, как по трудолюбию, расторопности и честности, а потому также и по благосостоянию. Им завидовали и на них указывали как на образцовых хозяев. Все это было при прежних управляющих.

Новый управляющий, флотский офицер из немцев, нашел крестьян, по его мнению, избалованными, а имение — приносящим мало дохода. Пошли перемены: он не стеснялся изменять все в корне, опираясь на своего патрона, графа Л.А. Перовского.

Вот первый замечательный случай, иллюстрирующий изменения кротких и гуманных отношений: новый управляющий, не соображаясь с обычаями, погодою и дорогою, вероятнее совсем не зная, как немец, когда будет Пасха в том году, запродавал по дорогой цене на срок с неустойкою овес в Саратов, отстоящий от имения в 200 верстах. Пасха была тогда ранняя, сколько помню, 23 марта, хотя санный путь стоял еще порядочный, но, несмотря на Пасху и на начавшийся уже портиться зимний путь, управляющий, чтобы устоять в сроке доставки и не платить крупной неустойки, решил доставить овес в Саратов. Он велел насыпать овес на подводы на третий день Пасхи, кажется, в день Благовещения Господня, а на четвертый день выезжать с овсом в Саратов. Пришло к нему несколько почетных стариков, прося униженно отложить насыпку и отправку овса во время Пасхи, доказывая, что в день Благовещения «даже птица гнезда не делает». Стариков этих управляющий прогнал, приказал решительно насыпать овес и на четвертый день Пасхи в среду выезжать в Саратов.

Требовалось от каждого тягла по конной подводе на санях: тягл было 300 с чем-то, которые могли набрать овса около 7000 пудов. Начались

волнения, и в среду на Пасхе вместо требуемых подвод почти все село привалило в контору и, упав на колени, стало просить, чтобы отменить отправку овса до другого времени, как по уважению к великому празднику, так и по начавшемуся портиться пути. Управляющий, созвав дворню, приказал палками отогнать крестьян от конторы. Они немного пошумели и всем сходом пошли в церковь, в которой звонили в это время к обедне в большой колокол, как бывает каждый день во всю пасхальную неделю, наотрез объявив, что до понедельника Фоминой недели не выедут насыпать овес. Этот отказ признал управляющий бунтом: полетели посланные к исправнику и становому приставу, которые явились в тот же день к вечеру. К ним вызваны были почетные старики. Эти последние, не убоясь властей, решительно объявили, что крестьяне не выедут и завтра насыпать овес, указывая на праздник и на опасность начавшегося портиться санного пути.

Этих стариков тотчас же высекли и пригрозили, что завтра всех перепорют, кто не явится насыпать овес, а в крайности вызовут войско. Крестьяне, не видевшие у себя такого погрома никогда, решились пожаловаться в Петербург, но уступили требованию, благоразумно на пятый день Пасхи насыпали овес, а на шестой выехали в Саратов.

Проехав верст 100 и не могши далее ехать на санях по испортившемуся пути, оставили овес на санях, разместив его по постоянным дворам под присмотром провожавшего их смотрителя и нескольких крестьян. Возвратившиеся верхом крестьяне были тотчас приведены перед грозные очи управляющего. Ярости его не было границ: он без разбора бил крестьян по лицу, таскал их за бороды и за волосы, а тех, кто осмеливался хоть слово сказать, тут же наказывал розгами. Будучи высокого роста, тучного телосложения, необыкновенной силы (весил он 8 пуд.) при ударе по лицу вышиб несколько зубов и вырвал бороду

начисто, он до того рассвирепел, что с ним чуть не случился удар. Холодная со льдом вода, пиявки и тому подобные средства скоро возвратили его к прежнему здоровью и к прежнему тиранству.

Управляющий приехал в имение с пятью или шестью душами своих крепостных. Один из них был послан провожатым с овсом, отправленным на Пасху в Саратов, как более надежный человек. После возвращения крестьян был послан другой смотритель к оставленному овсу, а прежний крепостной управляющего возвратился на свою беду. Его управляющий так жестоко наказал, что никто из живущих не видел и, может быть, не слышал об таком бесчеловечном наказании.

В пример ли крестьянам светлейших, собранных в круг места наказания или по прирожденной лютости, этот несчастный провожатый без рубашки был в одних портах повешен на спину самого высокого и здорового из крестьян; руки наказываемого были обогнуты вокруг шеи крестьянина и завязаны, а ноги привязаны к ногам его и началось бесчеловечное истязание*** длинными, распаренными березовыми прутьями; наказываемый кричал, стонал, визжал, вопил, и все, кто мог, попрыгались кто куда попало. Сколько времени продолжалось это наказание, сколько дано ударов, никто сказать не может. По окончании наказания управляющий сказал присутствующим, что и вы также будете наказываемы, если кто-нибудь не исполнит приказания моего. «Забудьте о прежнем баловстве».

Наказанного под руки отвели в больницу, а державший его на плечах крестьянин проболел горячкою несколько недель.

---

* Я уже сказал, что кто бы ни женился на крепостной женщине - терял свободные права и даже дворянство.

** И только сжать, а не скосить, кошение тогда не допускалось
*** Перед крестьянином, державшим наказываемого, была поставлена садовая лестница, за которую он мог держаться руками.

II

Перемена жизни матери и моей к худшему. — Переезд на нашу новую квартиру, где в большой избе отведен нам один из трех углов. — Паек, положенный нам. — Наставления матери. — Женщины, бывшие в услужении у матери, и ее знакомая. — Поездка моя к отцу и его неисполнившиеся обещания.

Описанный выше случай бесчеловечного наказания своего человека никогда не виданный в селе Софийском, и даже ни о чем подобном не слышали
старики.

Эта жестокость управляющего была роковым событием в жизни моей матери и моей, а потому я так подробно его и описываю.

Крестьяне о поступках и жестокостях Зернихаузина решились написать в Петербург Л.А. Перовскому, бывшему, как сказал выше, безотчетным управляющим всех имений кн. Волконских.

Управляющий Зернихаузин был назначен в саратовское имение Л.А. Перовским, как близко известный ему.

Ясно, что из прошения крестьян ничего путного не могло выйти. Для совета и написания прошения они обратились к моему отцу, всегда к ним относившемуся хорошо. Сколько он ни урезонивал крестьян, сколько ни внушал им, что управляющий был назначен Перовским и что поэтому всякая просьба к последнему только ухудшит их бедственное положение, но

они настаивали на написании прошения. По доброте отца упросили наконец его, и он, под большим секретом, решил написать им просьбу. Вероятно, эта просьба имела некоторое действие, и надо полагать, что управляющий получил замечание, после которого он вскоре выехал в Петербург на почтовых. Как уже он там уладил, это осталось неизвестным, но он, наверно, узнал там по слугу, что просьба (хотя она была написана не рукою моего отца) составлена моим отцом. Потом, по возвращении из Петербурга, он на некоторое время как бы присмирел, но ненадолго: за малейшую вину опять жестоко наказывал, назначая официально для записки в журнал только по 25 и 50 розог, но сек сколько влезет, приговаривая:

- Вот вам просьба, напишете еще, сошлю в степные имения или отдам в солдаты.

Конечно, все оробели и молча сносили его неистовые жестокости, усиливавшиеся крещендо. Крестьян, смотря по надобности, начали выгонять на барщину вместо трех дней в неделю по четыре, и редкий праздник проходил без работ на владельцев. Конечно, доходы быстро возросли.

Спустя очень короткое время после возвращения из Петербурга г. Зернихаузином был прислан за мною к отцу на лошади конюх с письмом. Отец, получив письмо, побледнел и со слезами в голосе говорит мне:

- Делать нечего, поезжай, чтобы более его не озлобить.

После моего приезда к матери нас обоих позвали в контору, где находился Зернихаузин. При входе нашем в контору он поднялся во весь свой громадный рост и грозно сказал:

- Знаешь ли, что как ты, так и сын твой — крепостные Волконских, а потому наравне с дворовыми я тебе дам угол и ты будешь получать такой же паек, как и все: по 1 пуду 30 фунтов ржаной муки и по 30 фунтов крупы, а этот барчук, — причем он указал на меня, — будет получать половину этого

пайка, и он должен ходить в школу, как и другие дворовые. Не думай, что ты, как говорят, обвенчана старым дураком попом в церкви и занесена в здешнюю метрику: ни ты, ни сын твой туда не записаны, а если бы и были записаны, то согласно закона и отец был бы обращен в крепостные; такие случаи у нас на Руси бывали. Сын его, живописец в Петербурге, просил меня разлучить его с вами⁴³⁰.

Он тут же сказал приказчику: «Назначьте им такую-то избу, там теперь только две семьи живут, а они будут третьи», — прибавил:

- Завтра же переселяйтесь в эту избу, а ты, барчук, немедленно начинай ходить в школу.

На другой день утром, часов 9—10 в половине февраля мы с своим скарбом на трех санях подъезжали к новой нашей квартире. Снаружи она была большая деревянная изба, крытая соломой. Внутреннее расположение меня поразило, так как я в первый раз видел такое размещение: в трех углах стояли три высоких (до 2 аршин⁴³¹) и широких кровати. Две из них заняты были постелями. На одной сидел старик, впоследствии оказавшийся моим лучшим другом; на третьей кровати такой же высоты были настланы доски: эта последняя была назначена для нас, перед ней стояла скамейка для влезания на кровать; четвертый угол избы был занят большой варистой печью⁴³², служившей общею кухнею для всех трех семейств; вокруг стен были лавки и стояло два стола. На печи сидело двое маленьких детей; под каждой из двух кроватей было привязано по молодому теленку и сверх того под одной, в особой перегородке, посажены два небольших ягненка. Нечего и говорить, каково было наше впечатление и каков был запах!

---

⁴³⁰ О сыне этом, по фамилии Кичигин, Кабештов подробнее пишет дальше.

⁴³¹ Аршин — мера длины, равная 0,71 метра.

⁴³² Варистая печь — печь для варки (русская), в отличие от голландской, используемой для обогрева.

Когда начали вносить наши пожитки, я стоял и плакал. Застелили третью, предназначенную нам, кровать, сложили по лавкам и на полу наши пожитки и поставили большой сундук.

Мать, немного управившись, грустная и усталая, села на лавку, я подошел к ней, плача, и говорю:

- Мама, что мы будем делать в этой избе?

- Будем трудиться, молиться Богу и будем жить так, как многие другие живут. Видишь, сколько изб кругом, и в каждой живет по три семьи. Дал бы Бог нам насущный кусок хлеба, и он был бы не такой, какой мы видели у крестьян с лебедою и песком, а то проживем; лишь ты не шали, не огорчай меня, как прежде, ходи к каждой службе в церковь, почитай старших и молись усердно Богу: верь, Бог не оставит.

Эти слова были ее заветом и как бы заповедью от Бога, и я усердно старался исполнять их и исполнял их в точности до одной самой горькой минуты в моей жизни, о которой расскажу ниже, и до того времени, пока не окунулся с головою в развращенную среду дворни. Но и теперь в горькую минуту жизни я припоминаю эти слова. Вскоре после переезда на нашу новую квартиру пришли к нам служащие у матери и ее знакомые четыре женщины, помогли матери разобраться, утешали ее, обещаясь во всем помогать ей, и исполняли свято обещание. О них я скажу ниже. Вечером поздно приехал от отца его кучер. Мать, хотя со страхом, чтобы не узнал управляющий, все-таки отпустила меня с тем, чтобы кучер привез обратно скорее, так как на завтра мне нужно было идти в деревенскую школу. Отец встретил меня на крыльце со слезами, прижал к своему сердцу и все время рыдал, как ребенок, пока я рассказывал ему все, что слышал от управляющего, как провели мы с матерью два последних дня.

Он утешал меня, говоря, что на днях поедет в Петербург и станет там слезно просить Л.А. Перовского об облегчении нашей участи, и надеялся, что достигнет этого, потому что сын его давал уроки живописи детям брата графа Василия Алексеевича Перовского⁴³³.

Он в то время не знал, что сын его просил Зернихаузина разлучить отца с нами. В морозную полночь отец отправил меня с своим кучером к матери. При расставании он, плача, крепко прижал меня к своей груди и поручил, чтобы мать еще хотя раз в неделю отпускала меня к нему. Вот горькое начало моего печального отрочества, и за ним следовало 20 лет крепостной тяготы.

III

Поступление мое в школу старого рутинного образца. — Наружное описание ее. — Учитель и ученики. — Занятия мои и других учеников. — Первые книги. — Детские рисунки мои. — Влияние мое среди учеников. — Работы в огороде. — Похвала и подарок управляющего и наша с матерью радость. — Расставания с отцом и его последние отношения к нам.

На другой день мне нужно было, согласно приказания управляющего, идти в школу. Мать боялась не исполнить его приказания и как меня ни убеждала, я сам не хотел идти, и таким образом принуждена была вести сама. При входе в школу, которая представляла длинную комнату на кирпичном полу, изрытом ямами, загаженную до безобразия, я увидел поставленные во всю длину столы и перед ними на скамейках сидело около 20 учеников. По комнате с костылем ходил какой-то хромой человек лет

---

⁴³³ Перовский Василий Алексеевич (1795—1857), граф — генерал-лейтенант; генерал-губернатор Оренбургской губернии (1833—1842; 1851 — 1856).

тридцати, к тому же он был страшно кос. Вся обстановка школы и самый учитель так запечатлелись в моей памяти, что я в 76 лет как будто бы вчера ее видел. Учитель когда-то, по-тогдашнему бывший хорошим писарем в конторе, как оказалось После, на охоте простудился, и ему свело одну ногу и при болезни от простуды скосило глаза. Вообще он для меня, кажется, по случаю подарков матери, оказался очень добрым и аттестовал меня всегда с хорошей стороны.

Первые два ученика по букварю учили буквы так: аз-буки-веди — и т.д. и они должны выучить и запомнить в день четыре или пять букв; вторые три или четыре ученика учили склады: — буки-аз—ба, веди-аз—ва, третьи упражнялись складами в три или четыре буквы, например: буки-арцы-аз—бра и т.д.; двое или трое читали славянский букварь; двое читало часослов, человека четыре псалтырь. Каждый из них должен был выучить страницу или две и порядочно к вечеру прочитать; двое писали на аспидных досках⁴³⁴ цифры, для изучения которых должны подряд написать до десятка тысяч, или каждодневно две-три тысячи знаков; человека два писали на бумаге с прописей по-крупному. По какой-то большой гражданской азбуке, которую я, к сожалению, не сохранил и после до новых азбук нигде не встречал, отец выучил незаметно для меня порядочно читать.

Мать спросила учителя:

- Что же он будет делать, когда он порядочно читает?

- Да знает ли он читать часослов или псалтырь? посмотрим, — сказал учитель.

По-славянски я очень плохо читал, а потому меня посадили читать часослов, задав на первый день две страницы. Я скоро их преодолел, а уже

---

⁴³⁴ Грифельная доска из аспида — горной породы.

через несколько дней порядочно читал и по-славянски. Опять оказалось нечего делать, так как систему цифр я тоже знал и после двух-трех дней мог писать и выговаривать до миллиона, т.е. до 7 знаков.

- Ну, брат, я уже не знаю, что с тобою делать, ты все знаешь, а чего не знаешь, то быстро заучиваешь. — И, указывая на учеников, говорил: — Не так, как эти оболтусы.

- Да что же мне делать? — спрашиваю я.

- Помогай мне, указывая ученикам, а у меня есть своя книжка: «Житие Алексея человека Божьего»⁴³⁵, читай ее.

Это для меня было высшим наслаждением, и я эту книгу, отпечатанную по-славянски, прочитал подряд раза четыре.

Потом учитель достал из церкви для меня «Историю Иосифа Прекрасного»⁴³⁶, этою книгою я зачитывался, и как они обе написаны были по-славянски, я этим вместе выучился и хорошо читать по-церковному, как тогда говорили. Учитель сказал матери, чтобы она купила мне на базаре каких-нибудь книг.

На первом базаре, по неимению других, куплены были сказки: «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич» и «Илья Муромец»⁴³⁷. Я их быстро проглотил и удержал в памяти их содержание даже до сего времени.

По заведенным порядкам и по моей молодости, мне не давали писать, жалея бумаги, грифелей и аспидной доски, и таким образом у меня все-таки

---

⁴³⁵ «Житие Алексея, человека Божьего» — переведенный с греческого агиографический памятник, получивший распространение в древнерусской книжности с XII в. Житие посвящено христианскому подвижнику Алексею, жившему в конце IV — начале V в. В XIX — начале XX в. многократно издавались популярные обработки и пересказы жития.

⁴³⁶ Выявить издание этой книги на церковнославянском языке нам не удалось. Возможно, речь идет о следующем издании: История Иосифа: Для детей / Пер-с фр. С. Селивановского. М., 1832.

⁴³⁷ Имеется в виду книга «Сказка о сильном и славном могучем богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике» (СПб., 1816), несколько раз переиздававшаяся (5-е изд. - М., 1838).

оставалось много времени. Чтобы пополнить это время, я начал брать в школу имеющиеся у меня детские краски и цветные карандаши и от нечего делать кое-что начал мазать ими. В углу школы стоял образ св. Николая Чудотворца; я начал списывать с него копии, и, после некоторых неудачных и изорванных мною копий, наконец мне удалось написать что-то похоже на образ св. Николая.

Потом я рисовал коней, подражая находящимся на обертке сказки. Это удивило не только товарищей, но и самого учителя. Все товарищи ученики просили написать им по какой-нибудь картинке. Это отчасти льстило моему самолюбию, а отчасти приносило материальную пользу, получаемую натурою: ученики начали носить мне яйца и сдобные пышки. Тогда же под каким-либо деревом на лугу я прочитывал ученикам какую-либо сказку или рассказывал из памяти: житие Алексея Божьего человека, Иосифа Прекрасного или какую-нибудь сказку.

Чрез все это я сделался между большинством учеников авторитетом. Они завидовали мне и начали ревностнее учиться: я более старательным не только указывал, но и учил по моей большой азбуке по-граждански. Учитель, а главное родители были довольны моим влиянием на товарищей, всегда в праздники посылали ко мне детей, а меня всегда угощали самым лучшим, что имели.

Когда мы начали с матерью обрабатывать данный нам клочок земли под огород, некоторые из учеников помогали нам.

Прозвищами, данными ими мне прежде «желтоколенец», «сухие голенища», преследовали меня только большие ученики из зависти. Такие-то несколько учеников больших и плохих меня часто преследовали, а иногда по-прежнему давали подзатыльники; но за это им жестоко доставалось от учителя и от моих товарищей-малышей.

Мать, видя мои успехи, говорила: «Вот видишь, Бог не оставляет тебя за то, что ты усердно молишься ему и слушаешь меня; ты теперь между учениками занимаешь первое место. Так будет и в дальнейшей жизни, и мне легче будет переносить горе, а может быть, ты на старости будешь мне помощник и кормилец». Но надежде этой, как увидим ниже, не удалось осуществиться. Вероятно, учитель сказал об моих успехах и хорошем влиянии на учеников управляющему, и он как-то заглянул в школу и прежде всего заставил меня читать, и я, несмотря на страх, охватывающий меня всегда при виде его, почти бегло прочитал по-граждански, как тогда говорили, и по-церковному (по славянскому часослову). Управляющий погладил меня по голове, похвалил, прибавил: он слышал, что я усердно посещаю церковь, а потому буду архиереем, дал мне гривенник. Радости моей и матери не было границ. С тех пор за мною осталось прозвище «архиерея». В устах моих товарищей прозвище «архиерея» обратилось в бранное слово с прибавлением «сухих, немазанных»⁴³⁸, так как я был худ и тонок. Рассказав о первых шагах моих в школе, я пропустил сказать о том, как я расстался с отцом. Я после первого посещения был у него еще раза три или четыре. Меня возил к нему по ночам муж моей сестры берейтор, вероятно, по просьбе матери или по его доброте. Хотя действительно он был добрый человек, но он все-таки, когда привозил меня, получал от отца подарки деньгами и вещами. При всяком свидании с ним он расспрашивал меня о всем, утирал текущие по щекам слезы; но в последнее свидание он по-прежнему горько плакал, а я

---

⁴³⁸ Немазанных — то есть некрещеных, которые, по поверью, не могут жить благополучно. Ср. выражение «такой-сякой немазанный».

в буквальном смысле ревел. Ни подарки его, ни конфеты, ничто меня не утешало. При выезде его я не был: мать сказала мне на третий день после последнего свидания, что отец уехал в Москву. Оттуда он маме писал часто и присылал небольшие деньги; потом письма приходили реже, а посылки совсем прекратились.

IV

Наша жизнь как обыкновенных дворовых. — Помощь трех женщин, прежних слуг матери. — Покупка коровы и постройка хлева. — Огород. — Ласковый поступок жены управляющего. — Жажда чтения, для удовлетворения ее исполняю обязанности пономаря. — Подарок «Священной истории» соседним помещиком. — Бесчеловечное наказание ученика и его брата конторщика за незначительные проступки.

Таким образом началась наша жизнь с матерью как обыкновенных дворовых, третьим семейством в третьем углу избы. Мать должна бы, подобно прочим нашим сожилцам, целую третью неделю рубить дрова, топить печку, щипать из осиновых, распаренных в печи кряжков лучину, светить ее в деревянном поставце с тремя железными в виде вил держакками.

Если бы не три вышеупомянутые женщины, пособившие нам при первом переезде в наш угол, и моя няня Павловна не помогали матери, то, конечно, она не могла бы выдержать всей этой тяготы. Они — эти женщины — запечатлелись в моей памяти, и я храню до сего времени отрадные воспоминания о них и буду говорить еще как о добрых феях.

Продовольствие мы получали наравне со всеми дворовыми: нам обоим выдавали по 2 пуда муки ржаной, по 1 пуду крупы и по 1 рублю денег в месяц. Сначала мы были лишены и молока: своей коровы не было. Корову мать могла купить, но ни помещения, ни корма для нее не было. В то время был бурмистром какой-то дальний родственник матери, любимец бывшего управляющего, моего отца, и за ум, и за расторопность пользующийся расположением и теперешнего. Он выпросил для необходимых построек хворосту, кольев и другого леса. Нанятыми людьми был выстроен довольно просторный плетневый хлев для коровы и корма и такая же маленькая постройка для кладовой, в середине которой был вырыт погреб. По сделании этих построек была матерью куплена корова, и нам был, по милости того же бурмистра, отведен довольно просторный огород на хорошем месте, в который из выше лежащего пруда по канавке могла для поливки протекать вода, и отведен среди других дворовых участков для сенокоса; таким образом мы имели все, что имели дворовые.

Так как дворовых женщин у Волконских ни на какие работы не употребляли, то мать моя исключительно занялась мною. Я же по-прежнему ходил в школу, в которой положительно мне учиться было нечему, и меня всего захватила жажда чтения.

Однажды меня пожелала видеть жена управляющего, барыня небольшого роста, красавица лицом: она была казачка православная, а муж, управляющий, лютеранин. Кажется, она была несчастлива в замужестве с человеком жестоким и почти извергом. Ссоры и крики их были слышны за стенами дома.

Явившись к ней прямо из школы и получив из рук ее книгу «Английского

милорда»⁴³⁹ с приказанием прочитать указанное место. При чтении она глядела на меня с удивлением и участием, расспрашивала об нашей жизни, одарила разными сладостями и тихонько всунула мне в руки рубль с крестом⁴⁴⁰, шепнувши на ухо: «Купи себе книг, я слышала, что ты охотник читать».

Получив книгу и увидав у себя первый раз в руках рубль с крестом, я от Радости, ничего не помня, кинулся ей в ноги. Радости моей не было границ: я бежал к моей матери, не чувствуя земли под собою. Мать была не менее моего рада, сказала, что этот полученный тобою первый рубль должен бы быть сохраненным на память, а потому на него не было куплено книг, но я его не видел больше: верно, он был употреблен на нужды, а их было так много.

Чтобы пользоваться книгами из церковной библиотеки, кстати скажу, щедро снабженной Волконскими, я начал прислуживать во время служения в алтаре: подавал кадило, выходил со свечами и т.п. В церкви св. Софии я

---

⁴³⁹ Имеется в виду одно из многочисленных лубочных изданий книги Матвея Комарова «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике Луизе» (1782).

⁴⁴⁰ На оборотной стороне монеты обычно изображался государственный герб — двуглавый орел. В эпоху Николая I, к которой относится начало повествования, иногда вместо герба на оборотной стороне монеты изображались профиль императора или его монограмма. Известны также два случая отступления от традиции, связ⁴⁴⁰ Имеется в виду одно из многочисленных лубочных изданий книги Матвея Комарова «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике Луизе» (1782).

⁴⁴⁰ На оборотной стороне монеты обычно изображался государственный герб — двуглавый орел. В эпоху Николая I, к которой относится начало повествования, иногда вместо герба на оборотной стороне монеты изображались профиль анные с годовщинами важных исторических событий. В 1834 г. был выпущен в обращение рубль с изображением Александровской колонны (на Дворцовой площади в Петербурге), увенчанной ангелом с крестом. По периметру монеты подпись: «Александрю Первому благодарная Россия». Мемуарист имеет в виду монету достоинством в 1 рубль, выпущенную в 1839 г. с изображением стелы на Бородинском поле, увенчанной крестом. По периметру монеты надпись: «Бородино 26 авгус[та] 1812 г. — 26 авгус[та] 1839 г.» (см.: Георгий Михайлович, великий князь. Русские монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890. Табл. IX, XVIII).

исполнял как бы обязанности пономаря. В эту церковь ездил соседний помещик Андрей Павлович Кулябко, становившийся всегда в алтаре. С отцом он был знаком: мы часто бывали у него в доме.

Однажды по окончании службы он спрашивает меня:

- Кто назначил тебя на должность пономаря?

Я ответил ему, — сам начал служить, даже просил об этом батюшку для того, чтобы он позволил мне пользоваться книгами из церковной библиотеки.

- Разве ты такой большой охотник читать и много читаешь?

- Хотел бы читать, да нечего, вот я и беру житие святых из церковной библиотеки и другие книги.

Андрей Павлович записал что-то карандашом в своей небольшой памятной книжке. Через несколько времени он приехал опять в церковь. Читались только часы, и он вызвал меня из алтаря на клирос и здесь развернул большую книгу, оказавшуюся «Священною историею в лицах»⁴⁴¹.

- Это вот тебе, читай, надолго хватит.

Взглянув бегло на картинки и на объем книги, я замер от радости. Он не допустил меня бухнуться в ноги, и я тогда начал целовать его в руки, слезы капали из моих глаз, он утер их своим платком и сказал кое-что в утешение, но я от радости его не понял.

Я эту с виду большую книгу, кажется, окончил в неделю. В каждой статье или повествовании о священном событии находились ссылки на Библию, и тут у меня явилось страшное желание увидеть и почитать Библию; но я не скоро мог удовлетворить своего любопытства. Книгу

---

⁴⁴¹ Идентифицировать это издание нам не удалось.

священной истории я быстро прочитал. Учитель, тоже первый раз увидавший ее, заинтересовался ею и тоже читал с увлечением.

Мальчишкам-ученикам, ко мне расположенным, я должен был в школе, с дозволения учителя, прочитывать ее. Только ученики, большие по возрасту, плохие по успехам, дурные по поведению, большею частью маменькины сынки, относились ко мне враждебно, на каждом шагу преследуя меня прозвищем «архиредки», и где-нибудь в углу задавали мне затрещины. Но когда, увидав это, мои приверженцы, большею частью малюки, бросались на них скопом, как стая борзых собак, и колотили их чем попало: завязывался кулачный бой, кончавшийся кровопролитием, т.е. разбитием морд, носа и т.п.

В это же время случилось следующее прискорбное происшествие. Дорога из школы к нашей избе, или скорей к углу, шла между двумя большими господскими садами, огороженными частоколом. После дождя по дороге была грязь. По одной дороге со мною ходили два-три школьника и между нами один большой шалун, прозванный Иваном Бураном. Я не заметил его, но вдруг сзади получил такой сильный толчок в шею, что шея затрещала, в глазах кружки заходили, и я полетел лицом в грязь. Обидчик побежал так, что, пока я встал, его и след простыл. Но в это время в саду была барыня, жена управляющего; она вышла из сада, приказала своей девушке меня немного очистить и спросила, кто это меня ударил. Я сказал, что это брат конторщика Полубояринова. «Ступай умойся, а я скажу мужу». К вечеру вошел в школу сам управляющий, и за ним два человека несли пучки березовых розог. У всего училища и учителя душа ушла в пятки. С грозным видом он взшел в школу, никому ничего не говоря, закричал своим громовым голосом: «Полубояринов Иван, выходи сюда». Он вышел, а управляющий говорит пришедшим с ним людям: «Положите его на

скамейку и держите». Обращаясь к виновному он прибавил, что «ты, верно, надеялся на брата своего конторщика и на твою мать, избаловавшую тебя. Нет, брат, у меня потачки не будет, за что ты ударил Кабештова на дороге?» В училище об этом никто не знал, так как я не привык гоняться за толчком. Положили бедного Полубояринова (Ивана Бурана) на скамью, один из пришедших держал его голову, а другой за ноги; управляющий приказал учителю из своих рук дать 50 ударов, прибавляя: «Да, смотри, горячих, а то и я тебе разложу».

Выйдя из училища, он сел на лавочку у открытого окна и сидел, пока продолжалось наказание. Я буквально трепетал в это время как осиновый лист и не знаю, как удержался от слез и реву. Боже мой! Что я в эти минуты передумал: ведь и меня, как дворового мальчика, могут так же наказать. Лучше бы Буран меня избил, как знал, лишь бы не видеть такого наказания. Нет, думал я, не буду шалить, лучше молиться Богу, верить и надеяться на него, наверно, Бог помилует. Великое дело надежда: иначе хоть руки на себя накладывай. После наказания опять управляющий входит в училище и как бы в утешение говорит:

— Ты надеялся на братца-конторщика и на мать. Знай же, чтобы сбавить с вас фанаберию, и брату скоро достанется.

И именно скоро досталось и брату.

Управляющий купил в Саратове дом, который одною стороною главным фасадом выходил на лучшую Немецкую улицу, а другою на Грошевую, где ютились дома терпимости и другие притоны. На первое время конторщик Полубояринов, адресуя письмо в Саратов «Его В.Б.⁴⁴² В.Ф.

---

⁴⁴² То есть «его высокоблагородию».

Зернихаузину», написал на конверте вместо Немецкой — на Грошевой улице. И этого было довольно! Возвращается г. Зернихаузин из Саратова, и конторщик-франт с хохлом на голове в модном сюртуке, сын бывшего управляющего из крепостных, был наказан розгами, как и самый обыкновенный смертный. Как велико было наказание, сказать не могу, но думаю, что оно было не легко, так как с легким наказанием, по мнению г. управляющего, не стоило марать рук.

К этому же времени, т.е. к пребыванию моему в течение двух с чем-то лет в упомянутой школе, относится и следующее трагическое событие.

V

Зернихаузин, по счастливой случайности спасшийся от убийства его крепостным человеком. — Его непонятный и эксцентричный поступок с человеком, умышлявшим лишить его жизни. — Течение жизни после этого события и ловеласничество Зернихаузина. — Конский завод чистокровных саксонских лошадей и его участь.

У Зернихаузина, как я сказал выше, были крепостные люди, взятые за женой. Один из них, известный под именем Левушки, был поваром. Сын его Николай, который был послан два года назад на Пасху с транспортом овса, не доведенным до Саратова, и возвращенный оттуда, как было описано выше, был наказан варварским образом висячим на крестьянине. А между тем этот Николай был где-то обучен фельдшером, а также и цирульническому мастерству, заведовал аптекою, собираемою Зернихаузиным из разных трав, настоек и перегнанными через куб водами.

Он, Николай, вместе был и личный камердинер Зернихаузина. Будучи красив лицом и строен, скоро забывал наказание, по-прежнему одевался франтом.

Выпала для Николая какая-то более несчастная неделя: Зернихаузин, будучи не в ладах с супругою, зол был более обыкновенного, бил его каждый день по несколько раз и раза два в неделю отсылал на конюшню для наказания розгами. Вероятно, отцу его Левушке стало невтерпеж жалко сына, и когда Зернихаузин один раз пошел во второй этаж, где были две комнаты, занятые аптекою, незаметным образом пробрался туда же и Левушка с сапожным ножом под фартуком. Зернихаузин в то время был на балконе второго этажа. Левушка напал на него, предполагая отточенным ножом, как он говорил после, хватить его в толстое брюхо. Зернихаузин вовремя успел рукою ухватить нож, и началась борьба. Руки с ножом поднялись выше голов; кровь из руки Зернихаузина лилась на его лицо и платье. Левушка, видя, что не достигает цели зарезать, решился спихнуть его со второго этажа на землю, но Зернихаузину, обладающему большою силою, к тому же посчастливилось задеть ногою за балясину перил.

Во все время борьбы маленькая собачка Зернихаузина отчаянно лаяла и кусала Левушку за голые икры, так как на ногах у него были опорки. Как отчаянный лай собаки, так и борьба и крик на балконе при свете дня всполошили весь дом. Балкон, где происходила борьба, был против училища, и чуть ли не первый учитель выбежал из училища, закричав: «Караул, барина режет на балконе Левушка!»

Несколько человек вбежали на балкон, связали Левушку, его отвели в контору, на шею надели тяжелую колодку, а на ноги и руки кандалы и

посадили на конюшне в каменный почти глухой с большим замком станок, где когда-то стоял дорогой, выписанный из-за границы жеребец.

Приезжали соседи-помещики с соболезнованиями и поздравлениями по случаю избавления Зернихаузина от явной опасности; но, полагаю, скорее из любопытства, так как г. Зернихаузин не пользовался ничьим сочувствием. Он благодарил за поздравления, но о событии хранил глубокое молчание.

Предупредительный и усердный исправник приехал даже с двумя полицейскими, чтобы арестовать Левушку и посадить в острог.

Зернихаузин поблагодарил исправника, но отделался от него также молчанием о подробностях опасности, грозившей ему. Все удивлялись этому; заключение Левушки продолжалось около трех недель. Все предполагали, что Зернихаузин, лечя порезанную руку, придумывает какую-либо особую ему кару; думали, что он без суда накажет его до полусмерти и потом сошлет в Сибирь. Но вышло иначе, странное и непонятное явление. Зернихаузин велел вымыть все белье, облитое кровью во время борьбы с Левушкой, запечатать его в особый ящик и написать на нем: «Положить меня в гроб в этом белье».

Левушка, конечно, был наказан больно, но сравнительно не так жестоко, как сын его, возвратившийся из посылки с транспортом овса, не доведенного до Саратова. После наказания Левушки Зернихаузин отпустил его на оброк. Года через два Левушка опять служил у него поваром. Сын его Николай вскоре был женат на хорошенькой дворовой девушке и поселен на квартире вне дома, исполняя по-прежнему свои обязанности личного камердинера и аптекаря, а обязанности горничной исполняла жена его.

Жена же управляющего начала жить более в Саратове и приезжала весною всего месяца на два, а иногда и на три.

Тогда я ничего не соображал, но после, вспоминая эти события, думаю, что во всех их играла ревность управляющего к жене и красавцу камердинеру Николаю. После женитьбы Николая и отъезда жены управляющего почти для постоянного жительства в Саратове ему улыбнулась лучшая жизнь: побои уменьшились, хотя все-таки доставалось, стали перепадать подарки, и он часто командировался в дальние поездки с выгодными поручениями. По словам служащих, некоторым улучшениям жизни Николай обязан молодой миловидной жене своей Наташе, простенькой, даже глуповатой. За нею усердно приволокнулся Зернихаузин, и говорили, что она волею или неволею отдалась ему. Да и не могло быть иначе. Конечно, эти незначительные события я описываю не по собственным убеждениям, для которых я был молод, а по разговорам, слышанным мною в то время и после, они уже возобновились в моей памяти, а более для того, чтобы охарактеризовать жизнь тогдашних управляющих и дворни.

К тому же времени относится другое событие. В этом имении когда-то был большой конский завод, основанный, как сказано выше, в 20-х годах братом княгини Волконской, С.Г. Волконским (декабристом). Для него было выстроено громадное здание, частью каменное, частью деревянное с манежем, теплыми конюшнями и другими постройками. К описываемому мною времени завод сократился, полагаю, чуть ли не уменьшился вдвое. Хотя я помню, что когда мне было около 15 лет и я занимался в конторе, то и тогда еще висело на стене в рамке за стеклом распоряжение вроде следующего: «Никакой другой крови, кроме

саксонской, в заводе не допускать ни под каким видом. Лучших лошадей ежегодно отправлять в Петербург».

Подписано распоряжение было так: «Князь Сергей Волконский».

VI

Большое количество праздной дворни, в особенности женщин. — Отдача дворовых девиц в Саратов на фабрику, горькая жизнь их на фабрике и возвращение. — Разращение их на фабрике и распространение его в дворне и в соседних имениях.

Несмотря на значительное сокращение завода, служащих при нем не уменьшали. Мужчин, — больших конюхов иногда назначали в лесничие, садовники, дворники и т.п., но все-таки вообще дворня была очень велика и праздна. Сколько помню, было около десяти изб, в каждой из них по три семейства дворовых. Дворовые женщины не употреблялись ни на какие работы, на них не накидывалось никаких уроков пряжи, тканья или вязанья, как у других соседних помещиков. Бралась только по две в неделю в дом управляющего для стирки белья и на кухню. Так как их было много, то очередь приходилась через несколько недель. Праздность была почти что абсолютная. Управляющий обратил на это внимание и порешил с согласия или без согласия главной петербургской конторы около 28 душ взрослых девушек и бездетных вдов отправить в Саратов на сарпинскую⁴⁴³ и суконную фабрику какого-то немца, фамилию которого не помню.

---

⁴⁴³ Сарпинка — полосатая или клетчатая бумажная ткань, производившаяся в Сарепте Саратовской губернии.

В числе их была красавица Анюта, сирота без матери 16 лет. Она была любимица моей матери и почти каждый день училась у меня грамоте, заслушиваясь моего чтения, лаская меня, помогала моей матери по огороду и дому; я ее любил как сестру. Фабричные условия были следующие: пища, одежда и обувь фабриканта, плата деньгами по 2 рубля в месяц, из коих полтора рубля поступало в контору имения как оброк, а 50 копеек отдавались на руки, в будущем обещана прибавка. При проводах их поднялся такой плач и рев, как будто бы их отправляли на смерть, и я горько и много плакал по хорошенькой Анюте.

Действительно, если отправленные женщины не все перемерли, то были обречены на нравственную смерть. Их одели в пестрядинные сарафаны, грубые рубашки и тяжелые большаки, называемые котами⁴⁴⁴.

Работа была тяжелая, не менее 14 часов в сутки, содержание скудное. Но самое главное, никакого присмотра за поведением их не было, а потому не более как в полтора года почти буквально все развратились: одна бежала с татаринном в Казань, откуда была возвращена чрез несколько месяцев этапным порядком беременною, другая судилась за скрывание плода, но была оправдана, третья с опасною болезнью лежала в больнице.

Года чрез два с половиною какой-то молодой петербургский господин из любопытства или по поручению осматривал фабрику и узнал, что почти все молодые работницы-женщины были из крепостных, отданных туда или самими господами, или управляющими. Этот господин узнал от них об невыносимо горьком их житье и бытье, о тиранических наказаниях немецкими приставниками, о разврате.

---

⁴⁴⁴ Большаки (коты) — теплая, преимущественно женская обувь.

Причем он узнал, что среди этих несчастных есть и крепостные девушки светлейшей княгини С.Г. Волконской.

Рассказы этого господина об отвратительном положении фабричных рабочих достигли до ушей княгини С.Г. Волконской или графа Перовского, тогда, кажется, уже министра уделов. Он сообщил об этом управляющему Саратовскою удельною конторою, сколько помню, генералу Свечину⁴⁴⁵.

Тот проверил сообщение об положении девушек на фабрике, донес в Петербург, и оттуда последовало распоряжение возвратить всех девушек и вдов в родное село.

Из 28 душ возвратились, кажется, только 22: две померли, несколько было в безызвестной отлучке, одна лежала в больнице и т.д.

После возвращения в свои дома вся дворня ликовала, но не к добру: из них только две вышли замуж. Веселилась и пела только одна Анюта, как пташка, вырвавшаяся из неволи, а остальные внесли разврат в более или менее патриархальную жизнь, несмотря на праздность, сравнительно почти не развращенную до сего дворню.

Любимица наша Анюта, развившись и обратясь в совершенную красавицу, попала в услужение семейству немца-фабриканта и возвратилась неразвращенною, но она не миновала рук Зернихаузина. Она после возвращения была взята горничною в дом управляющего. Тамошняя прекрасная весна была во всем своем уборе: все цвело, благоухало и пело, и тут, сколько помню, в день Вознесения часа в два после обеда мы с матерью сидели в своем плетневом чуланчике, куда выходили на все лето, прибежала Анюта, трепещущая, вся в слезах, упав на колени, уткнулась в платье матери и навзрыд рыдала.

---

⁴⁴⁵ Свечин Иван Васильевич — действительный статский советник, управляющий Саратовской удельной конторой.

Мать подняла ее лицо, спрашивая:

- Что с тобою, Анюта?

- Пропала я, тетенька, совсем пропала!

- Да что с тобою, Расскажи?

- Погибла я, погибла, боюсь рассказывать, ты меня прогонишь!

Мать начала догадываться, целуя ее в голову с глубоким участием и говоря: «Говори, дитя мое, все Расскажи», она и без слов совершенно поняла, что с нею случилось, выслала меня из чуланчика, но я подслушивал у дверей, и Анюта, горько плача, рассказала:

- Злодей Зернихаузин не отпустил меня к обедне, но зато усладил тихо от меня всех в церковь. Когда я после уборки чего-то оглянулась, и он, изверг-злодей, стоял сзади меня, глядя такими страшными глазами. Я, испугавшись, закричала, хотела убежать, но он ухватил меня и совершил... После чего всунул мне в руку какие-то деньги, но я швырнула их на пол и стремглав побежала в сад, а оттуда в рощу и, упав, сколько пролежала там, не помню.

Мать упала на колени перед образом и, заливаясь слезами, произнесла:

- Милосердный Боже и Пресвятая Владычица, не оставьте ее в жизни!

И действительно, Анюта была счастливою в жизни, вскоре выйдя замуж за садовника, питомца воспитательного дома, присланного из Петербурга. Она была верною женою, хорошей хозяйкою и образцовой матерью.

Соседние мелкие помещики, корнеты, подпоручики и служащие из соседних больших имений, приказчики, конторщики и пр. обзавелись в этой несчастной дворне любовницами, начались гульни, пьянства, появились незаконнорожденные дети. Из всех незаконнорожденных детей только

одного взял отец-помещик и, обучив его, сделал порядочным человеком. Всякий пример заразителен, но в особенности дурной; молодые девушки, только что развившиеся, и вдовы, не бывшие на фабрике, тоже пустились в разврат, начался разлад в семействах: жены изменяли мужьям, мужья били их до полусмерти. Управляющий, будучи сам сладострастным развратником, и как бы в отмщение за то, что взяли с фабрики девушек, вопреки его распоряжению, смотрел на это сквозь пальцы:

- Взяли, дескать, с фабрики и теперь кормите этих дармоедов и любуйтесь поголовным развратом.

Самый, так сказать, разгар разврата я видел, когда мне было тринадцать лет. В это время я уже сознательно присматривался к этому страшному разврату и узнал о причинах его.

VII

Дальнейшая наша жизнь с матерью. — Четыре женщины, наши хранительницы из прежней прислуги. — Моя няня Павловна. — Отношения к нам других дворовых.

До сего времени я говорил о личных впечатлениях моей школьной жизни и о посторонних выдающихся событиях, оставшихся в моей памяти. Теперь должен сказать об нашей общей с матерью жизни.

Как в эти первые два с половиною года, круто изменившие нашу хорошую жизнь на невыразимо тяжелую, так и в дальнейшее время до четырнадцатилетнего моего возраста жизнь наша была по-прежнему тяжелая, и мы к ней сначала с трудом привыкали, а потом, так сказать,

втянулись в нее. В первые же тяжелые минуты постигшего нас горя облегчали наше несчастье четыре женщины; они и в остальное время были нашими утешительницами, или скорее святыми хранительницами, а потому и оставили в моей памяти глубокий неизгладимый след благодарности. До сего времени имена их для меня священны, и теперь поминаю их в моих грешных молитвах.

Первая из них была моя няня Авдотья Павловна, прозванная Кирсанихой, по мужу Кирсанфу, когда-то бывшему в Петербурге кондитером, сама же Авдотья Павловна была прачкою. После смерти мужа Авдотья Павловна (мы и все другие ее называли Павловной), не имевшая детей, была отправлена из Петербурга в саратовское имение, где в виде пенсии назначили ей полтора пуда муки ржаной, 30 фунтов круп и 1 рубль в месяц жалованья. Она нянчила, или лучше ходила за мною до шестилетнего возраста. Не имея своих детей, умерших в юности, любовь ее ко мне была безгранична, и я к ней привязался до того, что любил ее, как мать. Прибытие нового управляющего и быстрая перемена в нашей жизни разлучила нас, но разлучила не окончательно. Управляющий дал ей угол в небольшой избушке вместе с другою старухой, бывшею горничною еще у старых Волконских. Павловна, сама несчастная и старая, явилась первою утешительницею моей матери и меня.

Я каждый день должен был ходить в школу, но учиться в ней было нечему, и полюбил чтение, предавшись ему безраздельно. Няня продолжала ухаживать за мною и далее. Все, что она доставала как-нибудь: например, книгу, яйцо, яблоко, пряник — приносила мне. Моя дружба с нею не прекращалась до самой ее смерти. Я, будучи уже восемнадцати лет и получая некоторые средства, чтобы не огорчить ее, являлся к ней каждое воскресенье и праздник. Она больше

сидела на печи, и я должен был влезать туда и целовать ее. Радости ее не было границ. Мне же, должен сказать откровенно, не всегда приятно было это делать, — во-первых, потому, что мои товарищи смеялись над этим, во-вторых, потому, что она, нюхая табак, не всегда чисто держала себя. Но я, несмотря ни на что, свято исполнял эти обязанности. Она говорила, что когда-либо в праздник не приду к ней, то она всю ночь не спит и на другой день нездорова. В последнее время на моей обязанности лежало доставлять ей нюхательный табак и дешевые носовые платки.

Вторая женщина была немолодая солдатка Соломонида Петровна, служившая у отца кухаркою и помогавшая матери по хозяйству. У нее была своя небольшая усадьба во дворе у брата.

Соломонида Петровна приходила к матери почти каждую неделю и была у нас дня по два, по три, помогая матери в хозяйстве: мыла белье, полола на огороде и т.п. Но она мне принесла много пользы в моей дальнейшей жизни, после смерти моей матери она была ангелом-хранителем. Я, быть может, о ней скажу в своем месте еще.

Третьей нашей утешительницею была старушка попадья, моя крестная мать, к которой мы заходили с матерью каждое воскресенье после обеда чай пить. У нее только раз в неделю по воскресеньям ставился самовар, подарок моего отца. В каждом затруднительном случае в нашей жизни мать обращалась за советом к ней; они виделись раза два в неделю. Кроме советов она помогала нам в особенности съестными припасами: сытниками, одаривала яблоками и медом, так как у них был хороший сад и порядочный пчельник, туда я имел беспрепятственный вход. В их семействе я после находил отраду, а от детей и внучат ее, учившихся в семинарии, почерпал первые начала Закона Божьего и грамматики. Быть может, я опишу ниже жизнь тогдашнего духовенства и семинаристов.

Четвертая женщина, будучи горничной у отца и матери, не оставлявшая нас, была молодая солдатка-вдова, из мещан. После смерти мужа у ней была усадьба с садиком и огородом и две-три десятины земли. Эта усадьба была от нашей квартиры в верстах трех, а потому она большую часть времени проводила у нас: обшивала и обмывала нас и своим веселым нравом не давала матери тосковать, а со мною играла, как равная по летам до упаду. Я же лично после постигшего меня несчастья очень часто находил отраду в ее чистенькой горенке и небольшом саду. Вот эти четыре женщины были нашими феями и утешительницами в нашей горькой жизни. Три из них были прежде прислугами у матери, как хозяйки и экономки довольно сложного хозяйства. Из этого я заключаю, что во время нашей счастливой жизни мать была хороша с ними.

Как же относились к нам дворовые и остальные служащие этой громадной дворни?

Сколько помню, кровных обид нам не было, хотя в мать женщины из лучшей, так сказать, части дворни, т.е. жены высших служащих, приказчиков, конюхов, лесничих и т.п., пускали шпильки за глаза, а иногда и в глаза. Но она выносила терпеливо, хотя не могла не возмущаться подобными поступками. Ко мне же, кроме вышеупомянутого семейства Полубояриновых, почти все относились хорошо, и можно сказать, что большинство меня любило. Конечно, наша жизнь окружена была многими лишениями но мать, по присущему ей терпению, и виду не показывала, что нам нелегко живется. Я же, видя ее всегда покойной, по юности и по усиленному занятию чтением, тоже не помню больших лишений. С учителем был на самой короткой ноге.

Я полагаю, что на меня не посетуют читатели, что я так много написал о четырех простых женщинах, но они играли очень важную роль в моей дальнейшей жизни.

VIII

Перемена училища. — Новый учитель мой. — Педагогические познания его и система учения; наказания учеников, в особенности в базарные дни. — Его семейная жизнь. — Скандальные поступки и перебранки с супругою. — Учение чичеру (цифрам) торговца. — Посторонние работы учеников. — Мои успехи. — Конец учения.

Года чрез два с половиною произошла в моей жизни перемена, не скажу важная, так как из следующей жизни ничего в особенности полезного я не вынес, хотя и поступил к частному учителю, у коего училось несколько мальчиков — учеников посторонних и из нашей дворни, более зажиточных родителей. Мать, видя, что в посещаемой мною школе мне более учиться нечему и я напрасно трачу время, решила пойти к управляющему и попросить у него дозволения взять из общей школы и определить в частную, к Василию Назаровичу Постникову. Управляющий одобрил ее намерение, прибавив, что у нового учителя я выучусь немногому, разве арифметике, так как Постников в ней кое-что мараковал, а при старании можно выучиться хорошо писать.

Мой второй учитель, В.Н. Постников, был когда-то дворецким при московском доме Волконских. За что он был лишен этого звания, я не добился, хотя полагаю, что за любовь к Бахусу, которому он частенько-таки

поклонялся и теперь. Но он лишился места, вероятно, не с позором, — ему выстроили избу с двумя отделениями, с дворником и дали при ней огород, на котором при помощи учеников развел садик. Педагогические его познания были очень ограничены; каллиграфически он писал сносно и от нас добивался этого, но правописания и в зуб не знал: так, например, в начале каждой страницы заставлял нас писать прописные буквы, об знаках препинания и помину не было; различия между буквами е и и никто не знал и не слышал ни слова. Учение это было самое примитивное: преподавание мы должны были писать по две страницы в день сначала крупными буквами, потом средними и наконец мелкими; далее мы учили сокращенный катехизис в зубрячку, небольшими уроками и должны были заучивать некоторые стихотворения, например оду Державина «Бог», и при посторонних посетителях читать их, что чаще выпадало на мою долю. Более всего уделялось времени на арифметику и упражнение на обыкновенных счетах, а еще более на работу на его огороде, на сбор ягод в окружающих господских рощах и лесах. Будучи незлым по природе, но тем не менее на разные наказания был не скуп, в особенности по базарным дням, бывшим в понедельник, с которых он возвращался всегда выпивши, а иногда и вполне пьяным, а по вторникам на похмелье. В эти дни наказания шли без разбора, так себе, для того, чтобы показать себя и сорвать злобу на ком-нибудь вместо своей благоверной Лукерьи Федоровны. С нею чуть не каждую неделю по понедельникам и вторникам были страшные перепалки, хотя никогда не доходившие до рукопашной, и я это думаю потому, что супруга была моложе его летами и представляла из себя внушительную фигуру. Но во время этих ссор они чистили друг друга такими площадными словами, что, вспоминая их, и теперь краснеешь. Он пересчитывал ей московских и здешних обожателей, с достойными

эпитетами, называя поименно, и, кажется, насчитывал их до десятка, она, со своей стороны, высчитывала ему его измены, прибавляя к его возлюбленным такие нелестные наименования, что он со злобы плевал и принимался за нас. И тогда многим из нас, замеченным в нерадении к учению и, в особенности, в лени при работах на огороде или при сборе ягод, при которых он сам присутствовал, и так себе, не за здорово живешь, доставалось жестоко.

Тут шло в дело и розги, и таскания за волосы и за уши, и постановка на колени на гречиху или горох. Более других доставалось тем, которые жили у него, так сказать, на правах пансионеров. И я, как исключение, был наказан только два раза: раз поставил меня на колени на гречиху, а второй раз досталось вместе с его сыном: мы сидели рядом и делали какую-то задачу из арифметики, а она что-то у нас не ладилась. Он взял меня за правое ухо и висок, а своего сына за левое — и начал ожесточенно стучать нас головами, так что у меня заложило левое ухо и я думал, что оглохну на всю жизнь. Вместе с нами училась дочь учителя Настя, почти невеста. Хотя в самый сильный разгар словесной битвы родителей она уходила или мать ее выталкивала на двор даже зимою, но все-таки она слышала и знала имена всех обожателей матери и возлюбленных отца со всеми прилагательными. Но все-таки Постников был лучший учитель в окрестности. Для иллюстрации тогдашних нравов и объяснений, при коих, иногда смешных и нежелательных, случаях нам, ученикам, приходилось присутствовать.

В один из базарных понедельников подвыпивший учитель наш приводит с собой крестьянина, мелкого торговца барашками, поросятами, птицею и пр. и покупателя тряпья, шкур и других отбросов. По-тамошнему такие торговцы именовались «тарханами».

Вошел торговец, как следует помолился Богу, поздоровался с хозяйкою за руку, как знакомый поставщик некоторых необходимых в хозяйстве предметов.

Она спросила его, зачем он пожаловал.

- Да вот, Лукерья Федоровна, хочу выучиться чичеру (цифрам). По-печатному кое-что читать и записывать маракую, а чичеры не знаю, а для торговли это необходимо. Василий Назарович в два базарных дня обязался выучить цифрам.

Пока он разговаривал с хозяйкою, учитель положил на стол аспидную доску и грифель, усадил торговца к столу и начал обучение: пиши первое вот так, проводи палочку, как кол, и баста, так-так, молодец! Пиши теперь вторую, но с нею долго мучились и все-таки это кое-как было написано. Перешли к третьему знаку, тут уже совсем плохо ладилось и третье не выходило что-то. Учитель начал раздражаться, а у торговца, вероятно от страха или от выпитого, замутилось в глазах и тряслись руки. Ну, говорит учитель, бестолковый болван, пиши четвертое, а к третьему возвратимся после. Но из четвертого, сколько ни бились ученик и учитель, ничего не выходило. В крайнем раздражении схватил учитель линейку и начал наносить-торговцу побои по рукам, которые он не успел спрятать, и потом по чем попало; до того, пока линейка не поломалась. Наконец учитель, произнеся самые площадные слова, с ожесточением вытолкнул его за дверь. Вслед за торговцем вышел и крестьянин, пришедший с ним пользоваться учением чичера, и на дворе говорит ему:

- Эх, Афанас, Афанас, как ты глуп в таких летах, выпивши вздумал учить чичеру. Вот тебе и чичер.

Постоял Афанасий несколько времени на дворе, оправив растрепавшиеся волосы. Афанасий отворил дверь, просунул туда голову и жалобно произнес:

- Выкиньте мой кафтанишко и шапку.

- А что сам не идешь взять?

- Да боюсь Василий Назарыча.

- Разве я медведь, что ли, что ты боишься, эго не видел, на базарах тебя небось не так колотят, иди и возьми.

Вошел Афанас и, увидев, что у Василия Назаровича прошел гнев, говорит:

- Хоть бы выпить теперь с горя, не поставишь ли, Василий Назарович, косушка за мой полуштоф⁴⁴⁶, что мы выпили вместе, за ученье.

Василий Назарович, чувствуя за собою вину, говорит:

- Хорошие речи хорошо и слушать, и это можно и нужно исполнить.

И сейчас же командирруется один из учеников за полштофом. После того там в другой комнате, куда принес полштоф зеленого вина, была приготовлена закуска, — хлеб и огурцы, началось примирение, окончившееся обниманием и целованьем. О заключении мира больше всех хлопотала Лукерья Федоровна, любившая тоже выпить. Когда ей подносили, то она всегда говорила:

- Вы пейте сами, тогда миритесь хорошенько, — и сама тут же выпивала. — А ты, Афанасий Петрович, приходи после: он тебя выучит непременно.

- Нет уж, Лукерья Федоровна, не приду сам и деткам закажу; я думал это просто, а то вот как трудно: до трех не дошел, а по шее-то Василий

---

⁴⁴⁶ Косушка — полбутылки водки. Полуштоф — мера водки, равная 1/20 части ведра.

Назарович урезал рубом линейки, и теперь шеи не повернешь. Вот какой рубец, — посмотри-ка!

IX

Несчастный случай с моим учителем, прекративший мое учение во втором училище. — Полгода после окончания учения у Постникова учусь шитью сапог. — Новое варварское наказание Зернихаузином берейтора. — Чудачество Зернихаузина.

При таком положении я провел в учении у Василия Назаровича с лишком два года, выучился хорошо писать, усвоил почерк учителя, и кажется, один только я хорошо знал четыре правила арифметики, простые и десятичные дроби, выучил и переписал из разных книг множество статей и стихотворений; писал разным посторонним лицам письма, получая за это гонорар натурою: яйцами, яблоками, коржами, а кое-кто платил и деньгами по 3—5 копеек за письмо.

Но более всего был занят чтением Библии, которую учитель, по усиленной моей просьбе, позволял мне пользоваться и по моему усмотрению даже брать на дом. Отдавая ее, он повторял, что молод для этого и ничего в ней не пойму. Действительно, я из нее ничего не извлек, прочитав от доски до доски. Но тем не менее при помощи «Священной истории» с картинками, подаренной мне А.П. Кулябко, я кое-какие, более важные события из библейской истории о происшествиях и лицах, сделавших впечатление на мое воображение, усвоил и сохранил в памяти до сего времени.

Мне уже было около одиннадцати лет, когда, после пребывания моего в училище Василия Назаровича Постникова двух с лишком лет, учение прекратилось самым плачевным образом для моего учителя и его семейства.

У Василия Назаровича было три сына и одна дочь.

Старший сын оставался в главной конторе в Петербурге и, говорят, был на хорошем счету, но, приехав к родителям на свидание, он женился, не спросив петербургского начальства, а потому туда более не возвращался; будучи оставлен в здешней конторе конторщиком, вскоре помер. Дочь Настя, некрасивая девушка, наслушавшаяся разных сцен во время ссор родителей, была выдана замуж за небогатого торговца. Второй сын, Филипп, по его желанию был отдан в Саратов для изучения серебряного дела и резьбы. Усвоив хорошо это ремесло, он отошел от хозяина и где-то пропадал около года.

Об участи третьего сына, Василия, моего ровесника, после нижеописанного погрома, мне ничего не известно. После годовой безызвестной отлучки Филипп возвратился к родителям зимою в дорогой шубе и изящном костюме, со многими ящиками, по его словам, наполненными будто бы подарками для отца, матери, сестры и брата.

Испросив дозволение, под одну крышу с домом отца построил себе отдельный небольшой флигель, открыл в нем мастерскую.

Первым делом в этой мастерской была сделана отличная печать для тамошней вотчинной конторы, принесенная в дар ей. Он проживал в своем флигельке положительно уединенно по несколько недель, потом уезжал будто бы на работы или искать заказов у богатых помещиков и возвращался все более и более в шикарной одежде и с подарками. Наконец завел себе пару лошадей, экипаж и сани. Лошадей и экипажи он держал в соседнем

селе у богатого казенного крестьянина, торгующего гуртами овец, пригоняя их со степей из-за Волги. Лошадей доставляли к его флигельку в назначенное им время, и он уезжал на них под предлогом сдачи работы, иногда на очень долгое время.

Однажды, сколько помню, на второй неделе Великого поста, отговевшись на первой неделе, Филипп с чемоданами и ящиками на своих лошадях куда-то уехал. Четыре или пять месяцев о нем не было ни слуха ни духа.

Флигелек был заперт, окна затворены и даже не отапливался. Настала великолепная весна: десятки соловьев пели наперебой, деревья зеленели, сады цвели и все ликовало. Две рощи, окружавшие усадьбы, управительский дом, контору и дворовые постройки, были расположены на полугоре; внизу протекала речка Пяша, близ которой шла дорога.

Все служащие в один праздничный или воскресный день, не помню, видят, что по этой дороге во всю прыть едут несколько экипажей и простых возов парами и тройками с уездными чиновниками; на возах сидят гарнизонные и инвалидные солдаты, но без ружей.

Поравнявшись с усадьбою, все подводы и сидящие на них круто с дороги поворачивают в усадьбу. Прежде всего солдаты плотно оцепили домик с флигельком нашего учителя, потом контору и дом управляющего, далее все усадьбы дворовых и служащих. Все оцепенели от страха, в особенности когда из одного экипажа высадили Филиппа Васильевича в кандалах и арестантском халате, поверх которого, впрочем, была накинута какая-то старая шинель. Начался тщательный обыск одновременно в домике и флигельке нашего учителя, потом в конторе и доме управляющего, а далее во всех домах служащих. Филипп Постников сам указал припечек в его флигельке, где у

него вмазанными хранились все машины и штальбы для выделки полуимпериалов из серебра и позолота, которую он накладывал на серебряные полуимпериалы.

В кассе конторы, хранившейся у управляющего, нашли только два фальшивых полуимпериала.

Постников, кажется из злобы или по другой причине, показал, что будто бы о подделке знал управляющий Зернихаузин и заинтересован был в его действиях. Впоследствии это не оправдалось: полуимпериалы попали в кассу конторы, полученные за проданную старику Постникову корову, но все-таки Зернихаузин был более или менее скомпрометирован этим случаем, а также и тем, что на глазах его Постниковы начали жить широко, а Филипп представлял из себя барина, разъезжавшего на тройках, и пропадал без вести на несколько недель, а иногда и месяцев. Нас, всех учеников, спросили — не знаем ли мы что-либо о подделке денег, но мы все единодушно и справедливо заявили, что из нас никто ногою не был во флигельке, где жил Филипп Постников.

Отца, мать и брата Постникова увезли и поместили в острог. Далее слышно было, что Филипп приговорен к каторге, отец и мать к ссылке в Сибирь; меньшей сын, мой товарищ по науке, Василий, был оправдан. Так окончился второй период моего учения.

Выше сказал, что в этом периоде я выучился хорошо писать, арифметике включительно с десятичными дробями, заучил краткий катехизис и прочитал, кроме Библии, немало разных книг и наизусть затвердил множество стихотворений и переписал их, составив целую тетрадь. Но из всего этого ясно, что и в этот период учение шло без всякой системы и порядка и не могло принести какой-либо ощутительной пользы.

С полгода после этого я пробыл без всякого учителя и наставника, по-прежнему прислуживал в алтаре, читал часы и на свободе все попадающиеся книги без разбора. Но какие бы то ни было книги отыскивать было трудно. Только церковная библиотека была почти в моем распоряжении; как теперь помню, я там нашел и прочитал речи знаменитого Иерузалема⁴⁴⁷, кажется штутгартского проповедника, — право, хорошенько не помню, но из содержания кое-что припоминаю. Они начинаются словами: «Есть ли Бог или нет его, об этом побеседуем».

Но и в церковной библиотеке уже не находилось книг для прочтения, и все богослужебные. Я без учителя принялся за арифметику и чистописание, для последнего часто недоставало бумаги.

В эти же полгода от нечего делать я предположил у местного сапожника выучиться сапожному мастерству, как более сподручному и легкому. У доморощенного сапожника-мастера, к которому я начал ходить, сначала тачал голенища и т.п. легкие работы, так что под руководством мастера почти собственноручно сшил себе сапоги, но носить не мог: на второй день я страшно натер себе щиколотки, и мать подарила их кому-то, выговаривая: «Только деньги истратил без толку на покупку товара».

При этом случае я еще раз позволю себе рассказать одну бесчеловечную расправу Зернихаузина с ученым берейтором конного завода, но крепостным человеком, и — это для того, чтобы пояснить, как иногда у добрых и гуманных помещиков, каковы были Волконские,

---

⁴⁴⁷ Иерузале́м Иоганн-Фридрих-Вильгельм (1709—1789) — немецкий богослов, проповедник. Его сочинение «Размышление о важнейших истинах религии...» впервые в русском переводе было издано в 1806 г. и неоднократно переиздавалось. Возможно, Кабештов имеет в виду книгу: Два поучительные слова именитого проповедника Иерузалема: 1. О том, как христиане обязаны в сей жизни преимущественно пещися о вечности; 2. В день Вознесения Господня, о небе и вечном блаженстве. С нем. пер. преосвященным Аароном, бывш. епископом Архангельским и Холмогорским. М., 1837.

приходилось крепостным переносить такие жестокие кары, кои едва ли возможны теперь даже на каторге.

В конном заводе Волконских, о которых я говорил выше, родилась и выросла кобыла Гренадерша, статная и довольно красивая, ее ценили выше 500 рублей. Эта кобыла не поддавалась никакой дрессировке: ее даже не могли выездить верхом.

Постройки для завода были огромные, с многими отделениями. Туда мы, дети, чуть ли не каждый праздник ходили отдельными выходами играть в прятки; на эту нашу забаву и дежурные конюхи смотрели снисходительно.

На третий день Пасхи, когда мы играли там, около полудня приходит на завод берейтор Бундин с помощником, берут строптивую кобылу и ведут ее в манеж. Сначала ее ласкали, проводили, а потом садился верхом на нее помощник, но ничего не мог сделать: она под ним визжала от злобы и, несмотря ни на какие понуждения, или стояла на месте, или сбивала чрез голову, или падала назад и на бок, грозя раздавить под собою всадника.

Берейтор бесился, кричал на помощника и на кобылу и, будучи толст и силен, наносил кобыле страшные удары нагайкою. Потом сам сел на нее верхом, но и с ним она проделывала те же шутки, как и с его помощником.

Это привело берейтора в такую страшную ярость, что он схватил дубовую задвижку из ворот вершков до двух толщиной и ударил ею по голове между ушей; задвижка переломилась, кобыла тут же растянулась на земле и, тряхнув ногами раза два, околела.

Этот поступок как-то сделался известным управляющему, бывшему в то время в Саратове. По возвращении оттуда начались расспросы и дознания.

Нас, мальчиков, игравших во время этого происшествия в прятки в зданиях завода, позвали как свидетелей.

Зернихаузин, грозный и разъяренный, прежде всех обратился с вопросом ко мне, зная меня с хорошей стороны и за правдивого. Я не посмел лгать и рассказал всю правду, другие мальчики подтвердили мой рассказ.

Бедного берейтора раздели почти донага, а так как он был очень тучен, то повесили его на двух сильных крестьянах, как прежде вешали проводника с овсом; руками обогнули их шеи и связали их, ноги, стоявшие, впрочем, на полу, привязали к ногам крестьян. Пред крестьянами поставили садовую лестницу с подставкою, за которую они должны были держаться, и началось зверское бесчеловечное бичевание по белому сытому телу уже не розгами, а прутьями толщиной в перо. Полетели в пространство раздирающие душу вопли, крики и стоны наказываемого. Нас, мальчиков, не отпустили, и, кажется, управляющий желал, чтобы мы при этом присутствовали и знали грозу его. Но я первый не выдержал, пустился бежать куда глаза глядят, за мною побежали и другие мальчики. Как далеко я ни бежал, но все-таки крик наказываемого меня преследовал.

Когда я прибежал домой и уложен был в постель — не помню.

За мною на другой день прислал управляющий, но я не мог идти к нему, так как лежал в бреду. Пролежал я в горячке около четырех недель, а в это время Зернихаузин забыл мой поступок невольного бегства.

После я слышал, что бедного берейтора отнесли в больницу на рядне⁴⁴⁸. Он, впрочем, выздоровел и после этого был опять берейтором. Можете судить, что после такого унижения и оскорбления каким он должен быть берейтором и хозяином завода? Человек, никогда не пивший, стал запивать и глядел на обязанности более нежели равнодушно и после от
запоя помер.

---

⁴⁴⁸ Рядно — грубый деревенский холст на редкой основе

Впрочем, Зернихаузин по каким-то соображениям, чувствуя, что время управления его приближается к концу, начал целыми обозами отправлять в саратовский дом разный хлеб, мебель, сделанную своими столярами и пр., и сам начал часто и подолгу жить в Саратове. Все и вся несколько отдохнули. Также решаюсь еще описать несколько чудачеств Зернихаузина. Он каждый вечер собирал к себе летом на крыльцо, а зимою в переднюю бурмистра, старосту, конторщика и других служащих, как бы для наряда. В хорошем расположении клал руку на плечо бурмистра, начинал сквернословить и чревобесить, приговаривая: «начальники-градона начальники», потом следовало с десятков отвратительных ругательств и в заключение: «чтобы все было исправно, не то запорю».

На работы он выезжал очень редко, конторю не занимался, а только из лепестков роз, ландышей и других цветов гнал через нарочно устроенный куб разные воды и ходил по саду, на огороде и на гумне в халате. На гумне он ложился на свежеемолоченную солому, подзывал баб и расспрашивал их о семейной жизни и всякий разговор кончал об супружеских отношениях самым циничным образом. И этот человек был терпим в течение семи лет.

X

Неудавшаяся постройка сахарного завода и большие расходы, понесенные на этой неудаче. — Отправка крестьянских мальчиков для изучения сахароварения. — Удаление Зернихаузина от управления по случаю неудавшейся постройки завода. — Новый управляющий Пурлевский. — Карьера и семейство его. — Его отношение к матери и ко мне.

Около этого времени произошли в софийском имении, в котором мы жили, многие перемены, отразившиеся и на нашей жизни.

Граф Бобринский⁴⁴⁹ построил свеклосахарный завод в своем имении Смеле Киевской губернии и получал с него громадные доходы. Ввиду таких больших выгод начал он пропагандировать в Петербурге постройку сахарных заводов в средних губерниях, в том числе и Саратовской.

Прежде всех в Саратовской губернии, Сердобольском уезде построил такой завод князь Юсупов⁴⁵⁰. Построенный им завод отстоял от софийского имения Волконских всего в 8 верстах. Из Петербурга спросили управляющего Зернихаузина — может ли быть построен и эксплуатируем с выгодой сахарный завод в софийском имении? Он ответил, что земля глубокий чернозем, леса для постройки и на отопление завода в изобилии, что-то около 2000 десятин векового бора и чуть ли не больше черного лиственного и что близко от имения такой же завод в имении князя Юсупова почти построен и в августе будущего года будет пущен. После этого ответа, вероятно, условясь с графом Бобринским в Петербурге, вскоре послали в Смелу для обучения шесть мальчиков, из коих было грамотных, окончивших вышеописанную школу, человека три, остальные из крестьян неграмотные в возрасте от 14 до 16 лет. Чуть-чуть я не попал в число отправляемых, и только по возрасту и по слабому телосложению меня сбраковали.

Вскоре был прислан план завода, и по нем начались приготовления. Для пользования водою завода начали делать на овраге дорогую плотину

---

⁴⁴⁹ Бобринский Алексей Алексеевич (1800—1866), граф — агроном; основал в (меле Киевской губ. большой свеклосахарный завод, использующий новейшую технологию.

⁴⁵⁰ Имеется в виду князь Николай Борисович Юсупов (1827—1890).

аршин в 15 высоты и аршин 30 длины. Вверх по руслу к плотине били из горы изобильные ключи свежей хрустальной воды, которая стекала к плотине и оттуда должна прямо идти на верх завода, предположенного к постройке. Ниже расчистили место для завода, принялись за изготовление кирпича, нарубили и навозили леса для постройки завода.

Все это было сделано за полгода или более — не помню — до катастрофы семейства Постникова, а потому управляющий Зернихаузин поручил Постникову обратить на меня особое внимание, как на будущего счетовода и конторщика по заводу.

Завод князя Юсупова, как я сказал выше, находился в 8 верстах от предполагаемого к постройке завода Волконских; он после двух-трех периодов сахароварения показал, что не только от него нельзя ожидать никакого дохода, но он принес и будет приносить огромные убытки: то свекла, по климатическим условиям, а может быть, по неумению ухода за ней, давала очень слабые урожаи, то не успевали вырыть ее до морозов, то выходы сахара были самые мизерные. По этим причинам на завод Юсупова был прислан из Петербурга какой-то специалист, который приговорил завод к окончательному уничтожению. Этот специалист, кажется, по поручению из Петербурга посетил также начинающийся строиться завод у Волконских в софийском имении и высказал тоже неблагоприятное заключение, дошедшее до г. Перовского, а может быть, и до Волконских.

Они, по всему вероятно, сообщили об этом графу Бобринскому в Смелу, и оттуда были высылаемы один за другим два специалиста и оба пришли к заключению, доказывая возможность сеять свеклу и с пользой производить сахароварение. Несмотря на это, постройка завода все-таки была
приостановлена.

В это время положение самого управляющего Зернихаузина сильно

пошатнулось, как от следствия, произведенного над ним по делу Постниковых, а также по смелому заключению о возможности быстрой постройки завода без надлежащего расследования.

Вместе с посылкою мальчиков на завод графа Бобринского, на заводах Яхненко и Семиренко приготовили все аппараты, машины, котлы и пр. до самой мелочи для завода и отправили их в сентябре на подводах. Когда была сделана эта отправка, приехал в софийское имение долженствующий быть строителем и директором завода некто Н.С. Пурлевский, назначенный Волконскими.

Пурлевский, будучи сметливым и основательным человеком, до прибытия в софийское имение объехал много германских сахарных заводов и чуть ли не все юго-западные, а также и заводы в Воронежской губернии. На основании этих поездок и осмотров вывел заключение о невозможности выгодной постройки завода и все это изложил в мастерском докладе. С этим докладом он сам поехал в Петербург.

Мне же все это известно потому, что год спустя после события с Постниковыми я был прикомандирован в контору и, имея порядочный почерк, переписывал весь доклад Пурлевского набело. Зернихаузину отношение Пурлевского к постройке завода не могло быть приятным, и он тайно уехал в Саратов в свой дом и оттуда более не возвращался в имение, прикрываясь болезнью. Зимой Пурлевский возвратился из Петербурга в софийское имение с решительным распоряжением, что завод не будет строиться. А так как Зернихаузин отказался возвратиться из Саратова в имение, то Пурлевский вместо директора завода был назначен управляющим имением.

Назначенный управляющий, вышеупомянутый Никита Степанович Пурлевский, был из вольноотпущенных Волконских. Человек способный,

владеющий французским языком, он оказался сухим и односторонним формалистом с недобрый сердцем, но, дорожа местом из трусости, не подвергал крестьян и служащих таким наказаниям, но зато наказывал часто — так, например, человека четыре в неделю.

Пурлевский имел мать-вдову, полуслепую старушку, сестру Кичигина, жившую в другом имении Волконских у дальних родственников на отпускаемые ей средства сыном и вышеупомянутым Кичигиным. Конечно, по приезде в имение Пурлевский мать и сестру взял к себе. Она, мать управляющего, жила в счастливое время, когда моя мать считалась хозяйкою всего софийского дома в том же имении и была с нею коротко знакома, и моя мать, по возможности, помогала ей. При приезде Пурлевского как управляющего мы с матерью питали надежду, что положение наше значительно должно улучшиться. Оно и действительно улучшилось, но очень незначительно: нас перевели в другую квартиру, где жил один старик со старухой и где в сенях была довольно просторная холодная кладовая, служившая нам в летнее время спальней и столовой. Мне дозволив заниматься в конторе, Пурлевский иногда сам учил правописанию и указывал некоторые правила грамматики, с которою я впервые познакомился. Он удивлялся моим успехам, а потому иногда тем охотнее со мною занимался. Делал мне незначительные подарки, назначил жалованье отдельно от матери по 1 рублю в месяц. И прежнее очень горькое положение не доводило меня до потери энергии, теперь же я занимался в конторе и чтением книг, которые уделял мне иногда Пурлевский из его библиотеки; летом помогал матери в огороде и в других работах по дому, к тому же, любя природу, проводил большую часть времени в окружающих лесах и рощах на берегу Хопра и его притоках; не предавался бесполезному

ропоту и жалобам на нашу горькую участь. Вероятно, добрая мать моя, неся тяжелый крест, скрывала от меня свое горе.

Природа там действительно была хороша: изобилие лесов и в них разных ягод, неисчислимое количество пернатых, в особенности соловьев, разносящих повсюду свои трели. Хопер изобиловал рыбою, и я вскоре сделался страстным рыболовом и, находясь в дружбе с природою, я проводил среди нее много счастливых минут. К тому же охранял от товарищей разрушение гнезд разных птиц. Наша небольшая собачка дворняжка Жучка была постоянно со мною и, после матери и четырех женщин, о которых я говорил выше, сделалась мне лучшим другом. С нею меня не только драчуны-товарищи, но никто не мог обидеть и подойти ко мне было трудно: она бросалась с ожесточением на каждого, пока я ей не запрещал лаять, тогда она, поджав хвост, ложилась у моих ног.

Прикомандированный к конторе, переписывая некоторые бумаги, уже считал себя бесполезным человеком. Но всего лучше для нас было, что новый управляющий, узнав мою любовь к чтению, повторяю, уделял мне щедро книги из привезенной им, хотя не большой, но хорошо подобранной библиотеки, так например: я в одну весну прочитал все 12 томов «Русской истории» Карамзина⁴⁵¹, и на вопросы управляющего из истории почти что всегда отвечал удачно. Однако это относительно лучшее положение продолжалось недолго.

В июне 1841 года мне кончилось 13 лет. В августе этого года меня постигла страшная беда и невзгода, она была таким великим горем, о котором я и теперь, в 78 лет, не могу без боли в сердце говорить, как по величине потери, так и потому еще, что оно изменило всю мою жизнь и направило ее

---

⁴⁵¹ «История государства Российского» Н.М. Карамзина в 12 томах впервые был издан в Петербурге в 1816—1829 гг., до 1841 г. вышло еще три издания.

в смрадный поток окружавшей меня среды и чуть совсем не изменило моих религиозных убеждений, поддерживавших меня в часы тоски и горя.

XI

Самое тяжелое горе, постигшее меня — смерть моей матери. — Предсмертная молитва и надежда, что Бог не лишит меня матери. — Поколебалась вера моя в святое Провидение. — Видение, обратившее меня вновь к вере. — Мои утешительницы. — Приезд сестры. — Начало моей новой жизни и неисполнившийся замысел мой бежать в Петербург, прерванный отправкою в Саратов.

Я, не имея в себе сил изложить связно горькое событие, постигшее меня, чувствуя себя не в силах коснуться хотя почти совсем зажившей раны, но все-таки при прикосновении к ней чувствовалась боль, потому что последствия ее, оставшегося без дорогой руководительницы, преследуют меня и до сего времени, в виде дурных склонностей, коими я тогда заразился от окружавшей меня среды. Свершилось: я лишился матери! она, не имея и 50 лет, поболев дней пять воспалением кишок, оставила меня совершенно одиноким, без приюта, без руководителя, без наставника. Доктора в деревенской глуши взять было негде. В минуты, близкие к ее кончине, я вышел за постройки. Оттуда на горе виднелся храм; упав на колени, обращаясь с горячею молитвою к милосердному Богу и Его Пречистой Матери в твердой надежде, что молитва моя Ими будет услышана, если Бог сказал, что для верующего будет все возможно и если по беспредельному милосердию Своему Сын

Божий, из любви к Марфе и Марии, воскресил брата их Лазаря⁴⁵², то меня не лишит единственной моей поддержки в жизни, матери. После молитвы с твердою надеждою иду к моей больной матери, а меня уже искали: мать хотела меня благословить образом. Я, взяв ее руку и упав на колени, так и замер.

Она что-то мне говорила, но я не помню ее слов и не помню ничего, — как ее отпевали и погребали.

Мне после уже сказали, что вскоре после смерти матери был управляющий и моя крестная мать, жена старика-священника. Они все описали и опечатали наши ничтожные пожитки. Нашли у ней в сундуке два империаля с запискою «на погребение». Срядили ее и похоронили. Говорят, я шел за ее гробом, не плакал и не произносил ни одного слова. После я на некоторое время почти потерял веру в святое Провидение, веру в мою утешительницу во многие горькие минуты жизни — религию. В тяжких наших обстоятельствах мы с матерью часто находили утешение и отраду только в вере в Бога и в надежде на Него, не пропуская ни одного праздничного служения в деревенской церкви. И эта отрада исчезла вместе с дорогою матерью.

После смерти матери я не болел, но был в каком-то забытьи и оцепенении и лежал не вставая. Близь меня, не отходя, была одна из четырех женщин — хранительница, о которых я упоминал выше; две, служившие у матери в ее счастливое время, одна — моя няня Павловна и одна знакомая матери, которые прежде, как сказал выше, добровольно были помощницами ее во время нашего горького житья. Они и после смерти ее были моими

---

⁴⁵² Иоанн, 11:17-44.

лучшими друзьями, скорее хранительницами, и всем, чем могли, помогали мне. Я и теперь в моих грешных молитвах не перестаю поминать их.

Не помню, в какой день после смерти дорогой моей мамы, днем лежу я, не знаю — заснул ли или был в забытии. Никого около меня не было. Вдруг дверь чуланчика отворяется, и я вижу, что, не отходя от дверей остановилась моя мать. Я вскрикнул.

- Мама, дорогая мама, — и встал, чтобы идти к ней, но она мне сказала:

- Не подходи ко мне, ты ведь знаешь, что я не от мира сего, а пришла к тебе сказать, чтобы ты верил в Бога по-прежнему и молился ему так же усердно, как и прежде, тогда мне будет хорошо и ты окончательно не погибнешь, хотя тебя ожидают много соблазнов и нежелательных прискорбных приключений.

Тут я первый раз после смерти матери заплакал горькими неутешными слезами и плакал долго, моля Бога взять меня к себе или не оставить меня, и тут же дал слово, что ни к чему в жизни не буду привязываться и буду любить только ее навсегда.

Через несколько дней после погребения матери приехала ко мне единственная сестра по матери, жившая с мужем в Саратове. Ей отдали ключ от наших пожитков. Они вместе с моими гениями, четырьмя вышеупомянутыми женщинами, обшили меня, распорядились оставшимися скудными нашими пожитками, сходили несколько раз на могилу матери. Сестра сходила и к управляющему, прося его не оставить меня, бедного сироту. Сестре обещали и действительно кое-что исполнили, и она недели через две уехала к мужу в Саратов. Она была не богата, и муж ее служил приказчиком у купца, получая небольшое жалованье, следовательно, они не могли оказать мне большой помощи. Отсюда началась моя новая, полная

соблазна жизнь. Поместился я на продовольствие у лесничего, человека доброго, начал еще усерднее изучать конторское дело, и оно мне давалось легко, но более читал, и читал все, что попадалось, в особенности из церковной библиотеки; с увлечением прочитал проповеди знаменитых проповедников, а также «Беседы Иоанна Златоуста»⁴⁵³, но понял из них немного.

Воспоминание о матери, грусть о ней старался поддержать уединением в свободное время в рощах и лесах, окружающих усадьбу, с какою-либо книгою. Таким образом протекло около года. Против желания моего резкая тоска по матери мало-помалу стала переходить в тихую грусть. Эту-то грусть я предполагал сохранить[^] во всю жизнь до гробовой доски. Но время, как обыкновенно, взяло свое, и грустные минуты начали являться реже и реже, хотя я призывал и молился Богу об удержании этой сладкой грусти.

В эти минуты пришла мысль, подражая Ломоносову, бежать в Петербург и упасть в ноги княгине С.Г. Волконской, графу Л.А. Перовскому и моей сводной сестре и просить их определить меня в какое-либо учебное заведение, но в это время управляющий однажды спрашивает меня — не желаю ли я обучиться землемерию. Конечно, я с радостью изъявил согласие. Оказалось, что в Петербурге вспомнила обо мне сводная сестра, Аграфена Яковлевна Кичигина. Управляющий написал ей и меня заставил написать без посторонней помощи письмо, как он говорил, для того, чтобы показать мою каллиграфию и умение излагать. Она попросила за меня графа Л.А. Перовского, и из Петербурга было получено известие, что я должен ехать в

---

⁴⁵³ Иоанн Златоуст (347—407) — архиепископ Константинопольский, богослов и проповедник, один из отцов церкви. По-видимому, речь идет об издании «Беседы Иоанна Златоуста на изречение св. Апостола Павла» (СПб., 1805).

Саратов и там поступить в партию топографов практическим учеником. Это было в сентябре 1847 года. Сестра из Петербурга прислала несколько рублей управляющему для моего костюма и снаряжения. Сколько было прислано ею денег — я не знаю, но меня из пестрядной рубашки и синих портов, в кои был одет, одели кое-как в несколько лучшее платье и отправили на одной лошади, дав на дорогу три рубля. Управляющий сказал, что я могу обращаться к нему письменно, но только в крайней нужде. Ясно, что тут были следы тоже попечения моей сводной сестры. Всего грустнее мне было расставаться с дорогою могилою моей матери. Все время, оставшееся до отъезда в Саратов, я ежедневно посещал ее драгоценную могилу, по целым часам просиживал над нею, плакал и просил ее благословения. Также мне глубоко было жаль моей собачки Жучки. Возвратясь из Саратова, я не нашел ее и не мог добиться ни от кого: кто принял ее, сбежала ли она или околела.

ХII

Приезд в Саратов и определение в партию топографов практическим учеником. — Зимние работы и отъезд весною вместе с партией на работы в степь Малой Киргизской орды. — Болезнь там. — Перевод в Сарепту и чудное исцеление. — Возвращение в Саратов. — Описание работ и жизни в партии.

В Саратов я с письмом явился к управляющему удельною конторою, сколько помню, генералу Свечину, который отправил меня с чиновником к

начальнику топографической партии. Последний поручил меня офицеру из партии топографов Ушневскому. Под его руководством я начал изучать низшую геодезию, большею частью по книге Бальтова⁴⁵⁴. Изредка поверяя меня, офицер был в восторге от моих успехов.

В январе меня начали учить черчению, а в конце марта мне поручали небольшие легкие чертежи, и я их исполнял успешно. В апреле партия выступила в Киргиз-Кайсацкую степь Малой орды. Я был в восторге от только что разливающейся весны и от беспредельной зеленой степи, но недолго мне пришлось наслаждаться степью и поработать практически с партией. Я, будучи от природы слабого сложения, по непривычке к климату и пище, состоящей для нас, учеников и унтер-офицеров, главным образом из жареной баранины, похлебки и пресного немецкого хлеба, получаемого из колонии Сарепты⁴⁵⁵, в начале июня я заболел горячкою, которую теперь, вероятно, назвали бы тифом, слег в палатке и на третий день ничего уже не понимал. Очнулся я, вероятно, чрез восемь-девять дней в белой светлой комнате, где стояли две кровати, а среди них сидела в сарпинковом платье чистенькая старушка и вязала чулок. Это меня до того поразило, что я не знал, что и думать о таком превращении. Я начал было расспрашивать, где я и как сюда попал, но старушка-сиделка закрыла мне рот и говорила что-то для меня непонятное. Больной, лежащий на кровати по другую сторону комнаты, тоже что-то говорил, но я ничего не понимал. Это еще более

---

⁴⁵⁴ Ошибка автора или опечатка. Имеется в виду Л.И. Болотов (1803—1853) — генерал-майор, профессор геодезии и топографии, автор книг «Курс высшей и низшей геодезии» (два издания: 1837 и 1845) и «Руководство к производству хозяйственной съемки, межевания и нивелирования» (1842).

⁴⁵⁵ Сарепта — немецкая колония в Царицынском уезде Саратовской губернии на р. Сарепте. Основана в 1765 г. выходцами из Богемии братьями евангелического общества (моравскими братьями). Императрица Екатерина II даровала Сарепте освобождение от налогов на 36 лет, а также права на свободную торговлю, самоуправление и пивоварение для своих потребностей.

усилило мое удивление. Из всех слов обоих я понял только одно слово «доктор».

Действительно, скоро, на мое счастье, пришел доктор. Он, хотя на ломаном русском наречии, растолковал мне, что меня из степи от топографов привезли на лодке люди, приезжавшие в Сарепту за покупкою, и я по поручению начальника партии был положен в больницу. Доктор прибавил, что он отчаивался в моем выздоровлении, глядя на мою слабую комплекцию, видит в этом чудо. Притом сказал, что после выздоровления меня отправят в Саратов и там я должен буду явиться в удельную контору. Уходя, поручил старухе не позволять мне вставать, но если будет по-прежнему идти выздоровление, то дня через три можно будет выйти на воздух. Во всем этом я прежде всего видел чудо и горячо возблагодарил Бога и, вспомнив мать, со слезами предполагал, что чудо это свершилось чрез загробные молитвы ее.

Потом я понял, что где-то есть заботливая рука, принимавшая во мне участие, и это, как впоследствии я узнал, была опять моя сводная сестра Аграфена Яковлевна Кйчигина, хлопотавшая за меня у графа Л.А. Перовского. После выздоровления меня отправили по Волге на барке в Саратов. Доктор, провожая меня, сказал, что за лечение мое заплатит удельная контора, и дал мне на дорогу один рубль. Старушка-сиделка, узнав от доктора, что я круглый сирота, перемыла и перечинила все мое ничтожное белье. Память об этих добрых людях запечатлелась навсегда в моем сердце. Тут я нахожу не лишним сказать несколько слов о работах и жизни топографов в степи. Они вставали очень рано, торопясь, пили чай и что-нибудь закусывали и таким образом не позже 4 1/2 — 5 часов утра приступали к работе и около 10 часов оканчивали ее, спеша укрыться от зноя. Обедали почти всегда в 12 часов и отдыхали часа три, потом часа в 4—

5, когда жар немного спадал, опять принимались за дело и продолжали работу, сколько можно было успеть до сумерек. Потом начинался ужин, состоящий большею частью из бараньего мяса, риса и других продуктов, приобретаемых в степи и в Сарепте. Ужины были оживленны, так как возлияния Бахусу производились в исправности. Разные воспоминания и анекдоты лились рекою, но трудовой день и алкоголь настойчиво требовали покоя. Только изредка по праздникам перекидывались в картишки.

В вечернее время приезжали разные ханки и мурзы — смежные помещики земель и урочищ и, жалуясь друг на друга за захват их владений, просили провести на карте черту в желаемом им направлении. Им всем обещали и отправляли к казначею, который будто бы должен был записать их жалобу, но он большею частью угощал их до отрыжки приготовленными им для этого случая напитками и яствами, им дозволенными, и потом отворяли деревянный сундук, куда из мешка сыпались с шумом серебряные рубли, а поутру по заказу казначея пригонялось несколько баранов; но несмотря на эти бакшиши, топографы продолжали дело согласно инструкции и редко уклонялись от правильного положения на карты разных владений. Так, по крайней мере, я понимал из их разговоров.

По приезде в Саратов меня отправили в канцелярию удельной конторы. Столоначальник конторы давал мне кое-какие дела и приказал являться в известный час, где и поручал переписку сначала незначительных, а потом, найдя хороший почерк, и более важных бумаг, а также незначительных чертежей. Чрез несколько дней призвал меня в кабинет управляющий конторою г. Свечин и говорит, что он справился о моем поведении и занятиях у начальника топографической партии и в чертежной и получил очень хороший отзыв, но начальник сказал, что я по слабости здоровья не могу продолжать Ученья в топографах и что он, по

распоряжению графа Л.А. Перовского, отправит меня при случае на родину в софийское имение, а оттуда, вероятно, поместят меня к землемеру Балашовского удельного приказа.

XIII

Возвращение в Софиевку. — Новый конторщик из Петербурга, его наружность и нравственные качества. — Подпадаю под далеко не похвальное влияние конторщика. — Мое нравственное падение. — Делаюсь контролером отчетности и потом учителем детей управляющего. — Улучшение моего материального положения. — Управляющий Пурлевский и его жена.

По возвращении на родину, где, встретив управляющего, был принят им ласково. Прием такой меня удивил, но скоро явилось объяснение этого приема. Конторою управлял новый конторщик, присланный из Петербурга А.В. Ежов. Наружность его была далеко невзрачная: лицом он был рябой и некрасивый, но зато хорошо сложенный; будучи безусловно честным, добрым, отзывчивым и веселым малым, конторскую часть знал хорошо, но к этому был, несмотря на 23—25 лет, ветреным школьником и страшным женским сердцеedom, за что главным образом и был выслан из петербургской главной конторы.

Но это изгнание на него ничуть не подействовало, а, напротив, усилило его волокитство за дворовыми девицами и женщинами, как сказал выше, испорченными фабричного жизнью в Саратове. Невольно уделяя довольно места описанию конторщика, я сделал это потому, что

нравственность его пагубно влияла и на мой, еще не испорченный нравственный облик.

Он принял меня радушно, поместил у матери, жившей в том же селении у брата его, лесничего, у того самого, у коего я жил прежде. За содержание мое выдавалось ему усиленное материальное продовольствие, состоящее из ржаной муки, круп, пшена, сала или масла постного, и рубль деньгами. Меня по-прежнему прикомандировали к конторе, где конторщик А.В. Ежов посвящал меня во все правила конторы, хотя и немудреные, но во многих отношениях полезные. Вместе с тем, пользуясь своим покровительством, начал посвящать меня и в разгул, к тому же и в безнравственные отношения к женщинам. Об отправке меня к землемеру в Балашовский удельный приказ не было даже и помина, а сам я об этом тоже не напоминал. Мне жилось физически сравнительно хорошо. Несмотря на мои молодые годы, при усердном содействии Ежова стал втягиваться в веселую жизнь, которую вел он с большим мастерством и даже цинизмом. Тут уже воспоминания о матери стали посещать меня, к моему сожалению, реже и реже. Я негодовал на себя и молился; но жизнь брала свое, а Ежов, как демон-искуситель, руководил мною, иногда против моего желания, развращал меня более и более.

Меня не отправили в Балашов, как сказал Свечин, и это произошло по личным видам управляющего Пурлевского. Через несколько времени он объявил мне, что я, согласно распоряжению из Петербурга, временно должен остаться в софийском имении и подготавливаться под его руководством, как хорошо знающего конторскую часть. Ему поручили исправление форм других контор и контроль их, в чем я должен был помогать ему. Опять чрез некоторое время Пурлевский призывает меня и говорит: «Я вижу, что ты хорошо изучил конторскую часть и контроль и

можешь управлять конторою, а потому я оставляю тебя как помощника себе по контролю отчетности, присылаемой мне для проверки из разных имений в виде ведомостей».

Еще недели чрез две Пурлевский говорит мне, что я необыкновенно быстро освоился с проверкою отчетности и делаю очень удачные замечания на промахи и ошибки в ведомостях.

- Сколько приблизительно часов в день занимаешься проверкою? — спросил он меня.

- Смотря по скоплению отчетности, самое большее часа четыре, а иногда и два, а потом помогаю в конторе Ежову.

- Но у него есть теперь писарь, притом и без того у него остается много времени на шалости и безобразия, в которые, кажется, и тебя посвящает. Ты вот что, займись с моими детьми часа по 3—4 в день первоначальным обучением, сначала азбуки, а потом и далее. Я тебе буду платить по 2 рубля в месяц.

Детей было трое: сыну около восьми лет, старшей дочери шесть с половиной, а младшей около пяти лет. Последняя никак не желала оставаться праздною и тоже начала часа по два учиться. Столоваться я начал с матерью Пурлевского и матерью его жены.

Пурлевский был страшный скупяга, никому не делал визитов и к себе никого не принимал, кроме официальных лиц. Жена его, Марья Родионовна, женщина высокая, сухая, вздорная, будучи тоже из вольноотпущенных, разыгрывала из себя большую барыню и держала под башмаком своего благоверного. Я тут только и догадался, почему меня не отправили к землемеру в Балашов, но тем не менее мне сравнительно жилось хорошо и меня окружали почетом все служащие, конечно потому, что я, стоя так близко к управляющему, в особенности к супруге его, не стал бы им

передавать об их упущениях и разгулах. Но этого я не делал, за что и был любим всеми.

XIV

После возвращения из Саратова. — Опять женщины-хранительницы. — Ежов — демон-соблазнитель. Мое падение.

Но прежде, пока я дожил до такого сравнительного улучшения моей жизни, я много перенес всяких невзгод, будучи круглым сиротою. Во все это время моими попечительницами и добрыми гениями были опять-таки вышеупомянутые знакомые и служащие у матери женщины: няня моя, Авдотья Павловна, крестная мать моя, жена священника, Марфа Павловна, Соломонида Алексеевна, дальняя родственница, бедная женщина Домна и знакомая матери Варвара Алексеевна. Последняя была сравнительно состоятельною женщиною, жена унтер-офицера, отказавшегося от обер-офицерского чина и за то получавшего довольно значительную пенсию, кажется, около 160 рублей в год. Он купил небольшой клочок земли, построил домик и скоро после того умер. Эта женщина иногда помогала мне и деньгами, а раз купила мне только что тогда вышедшую гармонию.

Все они после смерти матери обшивали и обмывали меня, как могли, и каждая старалась угостить меня самым лучшим куском, какой попадался к ним изредка.

Повторяю, всех оригинальнее и добрее была моя няня, Авдотья Павловна, как видно более любившая меня. Выше сказал, что жила она на хлебах у посторонних лиц, которые содержали ее за усиленный

натуральный паек. Она тоже получала вроде пенсии, кажется, по 50 копеек в месяц. Я не знаю, не будь этих женщин, как бы пережил эти годы моего горького одиночества.

Но все-таки об этом периоде моей жизни, начавшейся после смерти дорогой моей матери, я вспоминаю не как о самом худшем в материальном отношении, а как о самом плохом в нравственном быте. Мало-помалу я начал терять идеалы моей матери, хотя они как святыня глубоко были запечатлены в моей душе, но теперь не с тою яркостью представлялись мне и только в горькие минуты я искал временное утешение: не пропускал церковных служб, и любил чтение духовных книг; любовь к природе тоже служила мне утешением и успокоением, и это все с молодостью помогало мне без особо большой тяжести нести мой крест. Но все-таки повторяю, что мало-помалу чистые идеалы, вложенные в меня моею дорогой и доброй матерью, против моего желания начинали меркнуть, — и святой образ моей матери, затеняемый, с одной стороны, окружающей меня средою, а с другой — близкими приятельскими отношениями к вышеупомянутому Ежову, этому сердечному, отзывчивому человеку по отношению ко мне, но ведущему среди красивых девушек с тронутою нравственностью почти циничную жизнь. Он вскоре познакомил меня с молодой красивою вдовою...

Но это первое знакомство для меня до такой степени было тяжелым, что я с полгода глубоко страдал и не хотел видеть ни одной женщины, бегая от всех, в особенности от преследовавшей меня вдовы.

Моя поездка в Киев за возвращавшимися с завода Браницкого учениками, отданными в учение сахароварению и за принятием машин и аппаратов с заводов Яхненко и Семиренко. — Мои приключения в Киеве.

Но тут вскоре произошла временно краткая перемена, удалившая меня от соблазна и разврата дворни, в который я понемногу втягивался. Я был послан в Киев для принятия возвращаемых мальчиков и должен был после встречи отправить их в софийское имение, а машины, аппараты и пр. сдать под расписку на комиссию некоему Лимерману.

Зима с 1847 по 1848 год была с глубоким снегом и метелями, телеграфов не было⁴⁵⁶, почта шла медленно, и мне пришлось ожидать в Киеве что-то около двух недель. Это было в разгаре Киевской контрактной ярмарки.

Прежде приехали мальчики в плохой одежонке, так что им пришлось купить кое-какую теплую одежду и для отправки их нанять одноконного извозчика из простых тяжеловозов. Извозчикам во время ярмарки было работы по горло, и я принужден был заплатить извозчику для отправки мальчиков до города Сердобска Саратовской губернии 50 рублей; без ярмарки можно было нанять рублей за 25 или даже дешевле. Возвратившихся из учения четырех мальчиков по приезде разместили в разные должности: кого прикомандировали в сад, кого в лес, кого в дворники, и никто не попал в свои хозяйства, от которого отвыкли на заводе. Этим еще усилили многолюдную дворню.

Я об этом говорю, чтобы указать, какие высокие цены на все существовали в Киеве во время контрактов. Киевскую дороговизну мне

---

⁴⁵⁶ Широкое использование телеграфа в России началось только во второй половине XIX в.

пришлось испытать и на себе. Мне суточных на содержание назначено было 1 рубль. В дороге и других городах это было достаточно за глаза, но в Киеве не знакомому с тамошними ценами и обычаями при 1 рубле в сутки можно было остаться без квартиры и голодать. Все гостиницы от первоклассных до последних, все постоялые дворы были битком набиты, вся прислуга и обитатели гостиниц говорили почти все по-польски, вывески сплошь были написаны тоже по-польски. Это привело меня в удручающее впечатление, и к тому же на меня смотрели свысока. Я с трудом нанял в третьеклассной гостинице под лестницею холодную конурку с грязным тюфяком без всякого постельного белья за 75 копеек в сутки, а для продовольствия оставалось 25 копеек. Между тем не было порции плохого качества дешевле 35 копеек или, как говорили там, за «2 злотых и 10 грошей». На второй день я пошел в Лавру, прослушал там обедню. Гляжу, в ворота из Лавры поехали те, кто был на санях, и очень мало пешеходов, а почти все бывшие в обедне гурьбой пошли в сторону.

Я спрашиваю человека на паперти:

- Куда это идут люди?

Спрошенный говорит:

- Вы, вероятно, в первый раз здесь и не знаете обычаев Лавры. Это пошли обедать.

- Да разве тут дают обедать, и какие цены за обед?

- В первом флигеле для простого народа, кто сколько даст, а скорее даром, а в дворянском за 2—3 постных блюда и за кровать для ночлега по 20 копеек, и то не вымогают платы.

«Пойду полюбопытствую», — говорю своему собеседнику и иду за теми, что пошли в дворянскую. Глазам моим представилось громадное здание длиною приблизительно сажень в 30—40.

Внутри большая комната, в ней в два ряда поставлены длинные узкие столы, накрытые дешевыми скатертями. Пришедшие садятся за столы, и я сел. Подали борщ с рыбою, гречневую кашу, щедро политую постным маслом, и вареную картофель тоже с маслом, великолепнейший мягкий хлеб. Ели по четверо из одной белой миски, пили отличный квас. На мой голодный желудок это был чуть ли не царский обед. Немало отдельных комнат служили спальнями, иные с двумя, другие с четырьмя кроватями с тоненькими, но чистыми тюфяками и подушкою на каждой.

Спрашиваю: что, тут же можно и ночевать и сколько берут за кровать?

- Кто за обед и ужин платит 20 копеек, тому кровать дается даром.

- А можно ли оставить здесь чемодан?

- Чемодан можно отдать гостиничному служке, и он даст вам квиток, а вы после получения чемодана дадите ему по вашему усмотрению.

- Боже, вот благодать-то!

Иду в городскую каморку, беру свой чемоданчик и переезжаю в Лавру. Из Лавры ежедневно хожу в Киев или изредка езжу туда на извозчике по 10 копеек в конец.

Тут в свободное время обошел пещеры, книжные лавки и жил там, пока пришли машины и аппараты и пр., и я их сдал комиссионеру. После сдачи всего этого поспешил выехать из негостеприимного города, сделавшего на меня тяжелое впечатление.

Здесь хочу прибавить, что такой траты денег, бросаемых на удовольствия и на напитки, ни прежде ни после я не видел ни в Петербурге, ни в Москве: шампанское везде лилось рекою.

Для примера скажу, что граф Б. за 4 комнаты — один большой зал и три меньших — платил 120 рублей в сутки.

Все увеселительные места битком набиты, гулянье и катанье на улицах непроездное, на бульварах прохода нет, и везде сплошная польская речь франтоватой публики.

Раз как-то зашел я во второклассный ресторан закусить и сел за столик вблизи двух офицеров, говоривших по-русски, и я услышал, как старший говорил младшему:

- Вот, — говорит он, — сколько русской крови было пролито на горах и подолах Киева, чтобы отстоять его, эту мать русских городов, от печенегов, половцев и тому подобных диких кочевников, но в особенности от поляков, а теперь, смотри, самым страшным образом захватили Киев богачи поляки, сахарники, их администраторы, комиссионеры евреи, и купцы, то же евреи. Мне постоянно русские говорили, что нам, русским служащим, с ограниченными средствами жить здесь очень тяжело, как по дороговизне, так и по высокомерному отношению к нам поляков, почти явно нас презирающих, в особенности теперь, в ожидании венгерского похода, где, как кажется, поляки будут опять отстаивать свою отчизну от моря до моря.

Назначение меня приказчиком на лето в деревню в 250 душ. — Встреча с старообрядцами поморской секты. — Знакомство с заповедными их книгами. — Последствия этого знакомства. — Исправник накрыл старообрядцев при совершении их молитвы. — Казенное селение Монастырщина, населенное старообрядцами. — Их непосредственная власть. — Окружной начальник. — Моя обитель и чудное для охоты болото.

По возвращении из Киева я вскоре был назначен приказчиком деревни Мокшанцевой, отстоявшей от главной конторы, к которой она причислена, верст на 10—12.

Деревня Мокшанцева с населением в 250 душ, из коих почти половина была старообрядцев, беспоповцы⁴⁵⁷ поморского толка. Хозяйство этой деревни при содействии старосты мне поручалось только на летнее время, пока дети управляющего не учились; я туда ездил раза два в неделю на три-четыре часа, но все-таки, официально, по штату был назван приказчиком. С меня, согласно закона, полициею была взята подписка, что я не буду допускать старообрядцев сходитья для богомолья и совершения обрядов в какой-либо избе и не буду допускать из их на какую-либо службу при хозяйстве, например старосты, ключника⁴⁵⁸ или даже десятника.

Я узнал, что у старообрядцев есть их старые секретные книги, с которыми мне страшно хотелось познакомиться. С одной стороны, по убеждению, что нельзя заставить верить насильно, во что бы то ни было,

---

⁴⁵⁷ Когда в конце XVII в. началось движение раскола, в нем возникли две основные ветви — беспоповщина и поповщина. Главный регион первоначального распространения беспоповщины во главе с протопопом Аввакумом — Поморье

⁴⁵⁸ Ключник — лицо, в ведении которого находились продовольственные запасы дома, поместья и ключи от их хранилищ.

даже в православие, но главное — из желания прочитать их книги я начал смотреть сквозь пальцы на старообрядцев, и они воспользовались этим, начали почти без опасения собираться в воскресные и праздничные дни для отправления своих служб. Зато я пользовался их доверием и с увлечением прочитал их заветные книги: «Альфу, Омегу» и «Стоглав» и др., изданные в Вильне⁴⁵⁹. Эти книги никогда не давались для прочтения православным и, как я узнал, хранились в пчелиных ульях, толстых колодах с двойными доньями, наверху семья пчел, а ниже под дном находились эти книги. Из них я узнал превратное повествование о происхождении и распространении табака, чая, кофе, а также о происхождении честных древ Креста Господня. Этим сказаниям, дышащим сказочною фантазией, старообрядцы слепо верили и всякие возражения против них, как бы они ни были доказательны и сильны, считают никонианскою ересью. Я до того времени, чтобы не потерять их доверия, не возражал им, так что они считали меня чуть ли не готовившимся поступить в их секту. Но это любопытство могло обойтись мне слишком дорого: отсидкою около 6—8 месяцев в тюрьме. Домик в деревне Мокшанцевой о трех комнатах, в котором я жил в течение 4—5 месяцев летом, стоял на горе. Под горою протекала пересыхающая среди лета речка, по окраинам была сплошная моховая трясина с избытком болотной дичи, никем в глухой деревне не тревожимой. На охоту за такой дичью приезжали иногда помещики, из коих некоторые знали меня, посещая отца в то время, как я жил при нем в доме или при посещении отцом некоторых из них, когда он брал меня с собою. Среди этих помещиков чаще

---

⁴⁵⁹ См.: Альфа и Омега. Вильно: Типография Троицкого монастыря, 1786. «Стоглав» — название церковного собора 1551 г., принявшего решение из ста глав, которое стало кодексом правовых норм внутренней жизни духовного сословия и его взаимоотношений с обществом и государством в допетровской Руси. Впервые в России издано в Казани в 1862 г. Возможно, Кабештов видел один из списков «Стоглава».

всех приезжал на охоту земский исправник, живущий большей частью во своем имении, верстах в 12 от деревни Мокшанцевой, А.А. Як...бский⁴⁶⁰, человек лет 30—35, знавший меня мальчиком лет пяти. Отец мой был хорошо знаком с домом его отца, и сам теперешний исправник раз, в бытность нашу у его отца лет 16—18, вырезал мне хорошенького козелка из репы. Говорили про исправника, что он окончил курс какого-то высшего училища или даже университета и, послужа в армии, вышел в отставку, с каким чином — не помню. После охоты на сказанной трясине, почти всегда удачной, поднимался на гору ко мне в домик, здоровался со мною и пил у меня молоко.

В одну из суббот перед Троицею я приказал сторожу, который был у меня вместе с тем и кучером, запрячь пораньше единственную данную мне лошадь в беговые дрожки домашнего изделия, чтобы успеть в церковь к обедне и отдать недельный отчет в работах. Нужно было проехать верст 10—12 до церкви, находящейся в Софиевке. Сторож, чуть только начинало светать, стучит в окно и будит меня.

- Что так рано? — спрашиваю его.

- Исправник приехал и зовет вас к себе.

- Да где же он?

- У Михаила Ушакова в избе, застал всех наших раскольников за молитвою.

Надо знать, что Михаил Ушаков, тамошний крестьянин, был начетником и уставщиком⁴⁶¹ у старообрядцев, что-то вроде попа,

---

⁴⁶⁰ С середины 1830-х до начала 1850-х гг. земским исправником в Сердобском уезде был секретарь Семен Васильевич Богданов. Имя, неполно называемое Кабештовым, в «Адрес-календарях» за указанные годы не встречается.

⁴⁶¹ Начетник — человек, начитанный в церковных книгах и толкующий их; уставщик — тот, кто следит за правильным ведением церковной службы.

судившийся несколько раз и обиравший страшно свою братию, всегда помогавшую своими средствами выкупиться ему из беды. Я тут только вспомнил о моей подписке не допускать богомольных собраний старообрядцев и тотчас же подумал, что дело плохо, но поспешил одеться и отправился к избе Ушакова. У ворот стояла усталая тройка лошадей в тарантасе, а у дверей сотский с несколькими православными крестьянами как понатыми. Вхожу в избу. Она оказалась обставленная старинными образами. Ушаков был одет в холстинной синей ризе, что-то вроде стихаря⁴⁶². Перед ним стоял домашнего изделия большой аналой с множеством книг и курился дым ладана из глиняной с ручкой кадильницы. Я, по обыкновению, протягиваю руку исправнику, а он, не давая ее, говорит серьезно:

- Подойдите под благословение к нашему попу.

- Я его благословлю когда-нибудь на барщине, что он долго не забудет.

- Едва ли удастся вам это сделать, ведь вы знаете, что, кажется, нет еще полгода, как он отсидел два года в остроге за перекрещивание своей жены и матери, и тогда бы он не возвратился сюда, если бы старообрядцы не отвезли Ступину⁴⁶³, тогдашнему председателю Саратовской уголовной палаты, 500 рублей.

Действительно, Ушаков перекрестил свою мать и жену вместе с другими крещенными в младенчестве по православному обряду. Также правда, что Ступин был страшный взяточник, и ему старообрядцы отвезли 500 рублей.

---

⁴⁶² Стихарь — длинная, с широкими рукавами одежда, одеваемая при богослужении.

⁴⁶³ Ступин Дмитрий Емельянович, губернский секретарь.

- Прочитайте протокол и подпишитесь, — говорит его письмоводитель.

- Я, не читая, подпишу, — взял со стола протокол и подписал его.

- Вы, вероятно, не догадываетесь, какие последствия вас ожидают.

- Предчувствую, что нехорошие, а вы, вероятно, не откажетесь объяснить мне, какие именно.

- Вы, должно быть, забыли статью в данной вами подписке, вследствие которой вам придется просидеть от шести до восьми месяцев в остроге или в рабочем доме. Ведь, скорее всего, поместят в особое отделение тюрьмы, — говорил он мне как бы в утешение.

С замиранием сердца слушал я слова исправника, не показывая, впрочем, вида боязни, и ответил:

- Только-то! Я так еще молод — отсижу, узнаю тамошнюю жизнь и наживусь еще среди добрых людей, с которыми меня обстоятельства столкнут. Вы знаете, что судьба мне никогда не улыбалась (намек сделан мною на жизнь при отце), но видите, все-таки живу еще.

Исправник чуть-чуть переменялся в лице, а письмоводитель его, отвернувшись от исправника ко мне, иронически улыбнулся, как бы говоря: «Что, брат, смекнул?»

- Ну как бы то ни было, — говорю я, — а все-таки чайку не откажитесь выпить у меня.

- С удовольствием, — говорит исправник, — рано встал, проголодался.

И мы поехали на лошадях к моему домику.

У меня на сердце кошки скребли, а я все-таки не показывал вида грусти.

Когда мы приехали к моему обиталищу, около него стояло уже несколько

молодых крестьян из старообрядцев, братьев и сыновей, поставленных под стражею стариков. Моя кухарка, старушка из дворовых, догадываясь, вероятно, что исправник у нас будет чай пить, накрыла стол. В частые посещения исправника после охоты, когда старушка подавала ему молоко, он всегда называл ее домоправительницею и давал ей пятак или гривенник. Исправника я проводил в другую комнату, отделенную от первой дощатою перегородкой, и велел подать туда чай со сливками. Сам же остался с письмоводителем Алексеем Макаровичем, хорошим моим приятелем, еще молодым человеком, каким-то чудом освободившимся из кантонистов. Он родился от солдатки в том же селе, где и я проживал. Он иногда во время отлучек исправника один приезжал охотиться на Мокшанское болото и при каждом приезде приставал ко мне променять немудрое, купленное управляющим мне в подарок мое на его ружье, которое было еще хуже.

Когда старушка затворила двери из комнаты исправника, я на ухо спросил Алексея Макаровича:

- Откуда это явилась у вас такая религиозная ревность, что не поленились встать рано и проехать верст 12 к нам в деревню.

Алексей Макарович взял меня под руку и, выведя в сени, сказал:

- Какая тебе религиозная ревность: с неделю тому назад исправник проиграл в карты что-то около 1000 рублей, а ты знаешь, как он скуп, вот и решил пополнить свой проигрыш сбором с старообрядцев. Разве тут не слыхали, как мы в прошлое воскресенье таким же точно образом в селе Монастырщине заловили до 600 рублей, и мне все-таки перепало рублей с сотнягу.

Монастырщина — большое богатое казенное селение, в коем почти половина селения - зажиточных старообрядцев беспоповской поморской секты, имеющих сапожные мастерские и торгующих гуртами овец.

Слушаю и ушам своим не верю, наконец спрашиваю:

- Отчего же с монастырскими крестьянами-старообрядцами не продельывает то же их непосредственное начальство, окружной начальник?

- Он с них получает 1000 рублей в год и не мешает им ни в чем. А мы, зная, что крестьяне-старообрядцы слишком злоупотребляют послаблением окружного, и нагрянули на них тоже в заутреню. Окружной начальник сам рад, что мы не дали делу законного хода, иначе и ему бы досталось, он должен бы был разделить ту тысячу рублей, что с них получил.

- Что же я должен делать теперь?

- Понудить собравшихся у твоего домика старообрядцев поскорее собрать рублей 300 и вручить их исправнику. Тогда только исправник велит переписать протокол и дело примет другой оборот.

- Триста рублей! — произнес я с удивлением. — Да хоть перережьте всех стариков и молодых старообрядцев в эту пору весеннего безденежья, они не в состоянии собрать такой суммы.

- Правду ли ты говоришь?

- Честью свидетельствую, что у них теперь нет денег, они и теперь, кажется, не заплатили долга, взятого за большие проценты, чтобы выкупить Ушакова за перекрещивание.

- Пойду переговорю с исправником, не возьмет ли он 100 рублей, но знай, что без 100 рублей ему, мне 20 рублей отсюда мы не выедем, пока не заберем почти всех бывших на молитве в избе Ушакова, а, пожалуй, прихватим по знакомству и тебя или возьмем расписку об неотлучке.

При выходе из комнаты исправника последний говорил:

- Скажи, что это делаю только для Кабештова, а то из-за такой малости и ехать не стоило.

Спрашиваю Алексея Макаровича, что хочет исправник сделать для меня.

- А то, что исправник соглашается взять 100 рублей, но чтобы деньги были доставлены через час. Так и объясните собравшимся здесь старообрядцам, чтобы они скорее собирали деньги, а то он спешит домой ехать.

Выхожу и передаю все сказанное собравшимся у моих дверей старообрядцам.

Они так и взвыли: у нас нет ничего и взять негде.

- А вот что, — говорю им, — ступайте в Грязную или скорее скачите, тут близко, всего две версты к N (имя и фамилию забыл), процентщику, и давайте какие угодно проценты и привозите скорее деньги.

- Да он не даст нам; если бы вы написали, что ручаетесь, или пусть выпустят наших двух таких-то стариков из-под стражи.

На час отпустили стариков, и я написал второпях, что деньги, данные займы таким-то, будут возвращены. Деньги чрез час были привезены: это была бумажка в 100 рублей старого образца и отдана мне, я спрашиваю Алексея Макаровича: как же мне-то ее вручить?

- Скажи своей домоправительнице, чтобы она вытерла блюдечко и дно чашки чище и налила бы в нее чаю, а вы сложите хорошенько бумажку и положите под чашку, пусть она подаст эту чашку исправнику.

Как сказано, так и сделано. После чего исправник выходит и говорит:

- Алексей Макарович! жаль молодости Кабештова: перепишите протокол так, чтобы дело кончилось в Сердобском уездном суде и не переходило в уголовную палату: поп их и двое стариков посадят немного в остроге, а Кабештов был бы выгорожен совсем. Впрочем, вы сами знаете, как это сделать, только, пожалуйста, поскорее.

- Знайте, Кабештов, — обращается ко мне исправник, — что это я только для вас делаю, а то бы я их, мерзавцев, проучил еще.

- Благодарю вас.

Алексей Макарович взял лист бумаги, написал наверху год, месяц и число, а также место происхождения и остановился.

- Что же вы не пишете? — спрашиваю я его.

- А что же не даете 20 рублей? без этого писать не буду, а он меня заставить не может.

Выхожу я к старообрядцам и говорю, чтобы приготовили 20 рублей для письмоводителя.

Вот только 12 рублей набрали бабы и показывают мне собранные в платок разные деньги, целковые, австрийские талеры и пр. мелочь. Отдали их мне, и я переложил их из грязного платка в свой чистый и вручил Алексею Макаровичу, сказав, что собрали 12 рублей.

- Ну, нечего с тобою делать, а ружье все-таки променяй. Променял ружье, лишь бы только отказаться. Акт был написан, и исправник, выходя к лошадям, протянул мне руку и сказал:

- Остерегайтесь, молодой человек, этих негодяев-изуверов, а то можете больно поплатиться за доверчивость к ним.

Тут замечательно то, что Алексей Макарович выслал мне обратно мой платок, в котором я отдал ему деньги; вот так честность, подумал я.

Четыре старика-старообрядца просидели в остроге, не помню, три или четыре месяца, и это заменило наказание. Но для того, чтобы так скоро окончилась их кара, дети и братья их должны были отнести еще в уездный суд 100 Рублей, а исправнику поработать несколько дней. Вот эти люди, старообрядцы или старoverы, как их больше называли, здесь, несмотря на

трезвость и трудолюбие, так же бедны, как и бездельники и пьяницы из православных.

Их разоряли поборы и взятки и их начетники, вроде Михаила Ушакова, полиции и судебные власти.

XVII

Продолжение моего приказчества в деревне Мокшанцевой и в то же время учение детей управляющего. — Жажда чтения и страшное стремление учиться самому. — Мои товарищи, мешающие моим занятиям. — Чтение и учение лежа при сальном слабом ночнике. — Присылка кн. Волконским из Италии больного живописца. — Его выздоровление и охота на волков с поросенком и ее последствия.

Отсюда я не буду описывать изо дня в день обыденную мою жизнь, а по возможности буду говорить об выдающихся случаях.

Время распределялось так, что почти в течение двух годов, часть осени и всю зиму, до начала весенних работ, учил детей управляющего, проверял ведомости и отчеты, а несколько весенних и все летние месяцы проживал в деревне Мокшанцевой. После рассказанного происшествия я начал относиться к старообрядцам строже. В свободное время читал все попадающиеся мне под руку книги: прочитал с неописанным удовольствием книги, данные мне управляющим — «Юрия Милославского» и «Потерянный рай»⁴⁶⁴, но не пропускал и таких, как «Английский милорд»,

---

⁴⁶⁴ Названы исторический роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» (1829), многократно переиздававшийся в 40—50-х гг. XIX в., поэма Дж. Мильтона

«Ермак Тимофеевич»⁴⁶⁵ и даже «Франциль Венциан»⁴⁶⁶. В это же время у меня явилась непреодолимая охота выучиться грамматике и заучить пространный катехизис. Грамматику случайно я избрал Греча⁴⁶⁷, а катехизис — Филарета⁴⁶⁸ и для изучения их употреблял все вечера и большую часть ночей, читал даже и во время работ и в поездках к работам верхом.

В зимнее время для спальни моей и еще двух товарищей, служащих в конторе, была отведена большая комната, а для освещения на две ночи отпускалась одна сальная свеча на том основании, что часть вечера часов до восьми мои товарищи должны были заниматься в конторе, а я около часа с детьми управляющего, у которых была еще бонна, и на мои уроки уделялось меньше времени. Товарищи по комнате спали на двух кроватях внизу, а я избрал небольшие антресоли; возвышающиеся над полом аршина на два, отгороженные решеткою, которую я оклеил с двух сторон провощенною бумагою. Это я сделал потому, что мои товарищи по комнате были веселого нрава и беспечные, проводившие вечера шумно, с гитарою и гармониею; к ним приходили знакомые мужчины и женщины. Я же, забравшись на свои антресоли, читал и учился. Конечно, товарищи осыпали меня насмешками и часто стаскивали оттуда. На моих антресолях, очень низких, нельзя было не только стоять, но и сносно сидеть на стуле, а потому я решил читать и

«Потерянный рай», впервые переведенная на русский язык в 1780 г. и с тех пор многократно переиздававшаяся в разных переводах.

⁴⁶⁵ Возможно, имеется в виду исторический роман неизвестного автора «Ермак, покоритель Сибири», вышедший в Москве в 1839 г. и затем несколько раз переиздававшийся.

⁴⁶⁶ «История о храбром рыцаре Франциле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене» — популярная в XVIII—XIX вв. лубочная переделка рыцарского романа (1-е изд. — М., 1787, затем многократно переиздавалась).

⁴⁶⁷ Имеется в виду, очевидно, одно из многочисленных изданий книги Николая Ивановича Греча (1787—1867) «Начальные правила русской грамматики» (1-е изд. — СПб., 1828), которая с 10-го изд. (1843) печаталась под названием «Краткая русская грамматика».

⁴⁶⁸ Имеется в виду книга Филарета (Дроздова) «Христианский катехизис православных кафолических восточных греко-римских церквей» (СПб., 1823), впоследствии неоднократно переиздававшаяся.

учиться лежа. Свечу я ставил около подушки, у меня в один вечер сгорала пятериковая сальная свеча, следовательно, мне нужно было в месяц около 6 фунтов свечей, а они тогда стоили около 2 рублей за пуд и это выходило из моего бюджета, поэтому я избрал себе ночник (каганец, как говорят в Малороссии), делал из ватки светильню, на нее клал сало и таким образом продолжал почти две зимы читать и учиться и так привык к чтению лежа, что и теперь продолжаю читать с большим разумением и вниманием в лежачем положении, нежели сидя.

Лет 15—17 назад, когда я обратился к нашему знаменитому окулисту Гиршману для выбора очков, он расспросил о гигиене моих глаз, и когда я ему рассказал, что смолоду большею частью читал и учился лежа и теперь не оставил этой привычки, он, удивляясь сохранению зрения, дал мне очень слабые очки, советуя бросить эту привычку, в особенности на старости лет, но я, грешный человек, и теперь читаю, сравнительно немало, лежа, к тому же и пишу немало, хотя мне 78 лет, и, конечно, при улучшенной лампе, высланной из Петербурга, или при четырех свечах под абажуром. Сделав небольшое отступление от порядка моего повествования для объяснения, как говорят, чудом сохранившегося зрения, прибавляю, что теперь я всякое утро погружаю лицо в таз с чистою, но не очень холодною водою и усиленно мигаю в воде глазами.

В следующие два года, кроме обыкновенных текущих, конечно, не важных событий, со мною произошло следующее.

Чтобы по возможности избежать праздно, буйно и даже развратно проводимых окружающими меня товарищами воскресные и праздничные дни, я спросил дозволения по зимам ездить на охоту в лес за зайцами, которых, большею частью вместе [с] лесничим Козьмою Ивановичем Марковым, ловили капканами, а иногда стреляли ружьями. Лесничий,

сильный средних лет человек, в течение каждой зимы большими капканами излавливал двух-трех волков, но я этой охоты избегал, как требующей здоровья и силы. Лесничий, чтобы проследить волка, когда он унесет капкан иногда верст 5—8, выслеживал его по глубокому снегу на лыжах. На этих волков он как-то ухитрялся накладывать намордники и завязывать веревками челюсти и на привычной его лошади возил по помещикам, у которых были собачьи охоты, а в то время их было немало. На хорошего волка, с перешибленной ногой капканом и потерявшего зубы от грызения капкана или цепи, к которой капкан был прикреплен, или с связанною челюстью, выпускали собак для притравки их на волков. Иногда лесничий возил волка и к двум помещикам и брал от первого рубля 2, а от второго 1 рубль. Выручая таким образом, считая со шкурою, около 5 рублей за волка. Впрочем, истрепанная собаками шкура ценилась очень дешево.

Кстати расскажу об одной волчьей охоте того же лесничего Маркова с живописцем, присланным князем Волконским из-за границы⁴⁶⁹. В это время князь Григорий Петрович Волконский был вице-президентом Академии художеств и проживал долгое время в Италии. Для приехавшего живописца были куплены три дойных кобылы, пасшихся на особо избранном возвышенном месте, между редких берез, и выписан из Крыма татарин для изготовления кумыса для живописца. К сожалению, фамилию живописца забыл, кажется, Виноградский. К осени, благодаря кумысу, покойной жизни в усадьбе князя Волконского, расположенной на возвышенной местности, живописец поправился.

---

⁴⁶⁹ Волконский Григорий Петрович (1808—1882), князь — камергер, начальник пансионеров и заведующий археологической комиссией Академии художеств в Риме с 1831 по 1839 г.

При наступлении настоящей грязной осени он уезжал, сколько помню, к помещику, тоже художнику живописи Мясоедову. Приехал он на второй или третий день Рождества, как говорил, для того, чтобы поохотиться с упомянутым лесничим на волков. Для этого они избрали охоту с поросенком, т.е. клали поросенка с ежовыми шкурами в мешок, который завязывали туго и привязывали к самой низкой поперечине в санях крепкою веревкою, 3—4 сажени длиною ехали лесною проселочного дорогой. Поросенок, тащившийся в мешке по дороге, страшно визжал; предполагалось, что волки, слыша визг, должны выбежать на дорогу; говорили, что иногда волки пробовали оторвать поросенка, в то время с большими или меньшими успехами охотники в них стреляли и нередко убивали. Так сделали и наши охотники и таким образом изъездили около 3 часов по лесным глухим дорогам. Волки не показывались, несмотря на страшный визг поросенка, наконец выехали на более широкую дорогу, ведущую в село Куракино. Большой лес проехан и уже ехали между мелких кустов сруб с множеством пеньков от старых срубленных деревьев и, порешив, что волков не будет, поехали в село Куракино, которое было у них в виду, и даже слышны были песни парней и девок. Они думали там отдохнуть у знакомых и часа через два ехать обратно глухими дорогами. Решили закурить трубки, но для этого в то время нужно было выкрасать кремнем огниво и зажечь трут (губку). Чтобы произвести эту операцию, лесничий опустил вожжи, положил свое двуствольное ружье около себя, то же самое сделал и живописец.

В это время из выбоины, образовавшейся от поллой воды реки Хопра, стремительно и внезапно выбежала стая волков. Лошади, никем не удерживаемые, бросились в сторону и поскакали по пням, окружающим дорогу. Сани, простые розвальни, тотчас разбились: с них слетели верхние

наклестки, которые прикреплялись к полозьям, а к ним лубки⁴⁷⁰ и сиденье. Лесничий вместе с сеном, сиденьем и ружьями упал на дорогу. Сено прикрыло его, и волки пронеслись через него — погнались за лошадьми. Живописец, оставшись на дровнях, на двух полозьях, скрепленных вязками, ухватился за верхний вязок. Лошади мчались во весь опор, одни волки бежали рядом с ними, другие хватались за мешок с поросенком. Один волк вырвал небольшой кусок мяса из ляжки лошади: кровь брызнула в лицо живописца. Но лошади все-таки скакали еще быстрее и наконец въехали в конец селения, где гуляющая крестьянская молодежь, увидав скачущих пару лошадей и гнавшихся за ними волков, подняли крик, и тут только волки остановились. У живописца не было шапки. Он крепко держался руками за верхний вязок дровней, от чего руки замерли, и их насилу расцепили. Его отвезли на квартиру к знакомому ему управляющему, где, конечно, его отогрели, напоили чаем с ромом и сделали все возможное для его успокоения. Но у него образовалась к полуночи лихорадка и к свету жар, а к вечеру горячка. Его отправили в больницу, там же, в селе Куракине, где он пролежал дней двенадцать, ничего не помня, потом, придя в себя, еще оставался там недели две. Когда выздоровел окончательно, то правая сторона волос на голове, бороде и усах была почти совершенно белая. Выздоровев совсем, он уехал, не помню куда, кажется, опять к Мясоедову. Об дальнейшей участи его мне ничего не известно.

Что же с лесничим? После того как волки, погнавшись за лошадьми, перескочили через него и когда они удалились далеко, он, поспешно собрав ружья, связал их кушаком, взлез на близстоявшую курчавую березу, втащил на кушаке туда за собою ружья и заряды. Он просидел на дереве часа два-

---

⁴⁷⁰ Лубки — здесь: покрытие из коры липы или вяза.

три и, видя, что волки не возвращаются, пошел к ближайшей сторожке, держа все три ружья наготове. Добравшись до сторожки, он успокоился, но все-таки прохворал с неделю. Так неудачно окончилась охота, но могла кончиться еще хуже: смертью охотников и растерзанием лошадей.

XVIII

Полая вода и громадное пространство, занимаемое ею. — Охота на живых зайцев на островах. — Травля их на поле. — Съезд окрестных помещиков на эту травлю. — Испытание собак. — Старик Кикин, торговец собаками. — Охота на выхухoley (хохуль) как чисто крестьянский промысел.

Все любители охоты в описываемой местности с нетерпением ожидают разлития полой воды. При дружной воде и быстром таянии снега реки Хопер, Сердоба, Пяша и другие меньшие истоки и овраги сливаются в одну массу, образуя водное пространство верст на 20 и заливая расположенные по низине все луга и леса, лежащие по берегам этих рек. В уездный город Сердобск, отстоящий от Софиевского верст на 20 с лишком, в течение 8—12 дней можно было ездить во время крайней нужды только на лодках. Река Хопер в это время поднималась иногда выше своего обыкновенного уровня на 6—8 аршин, заливая прибрежные леса на сказанную высоту, оставляя несколько высоких бугров-курганов не занятыми водою. На эти бугры сбегались почти все зайцы, находящиеся в тех лесах и полянах; между тем как волки и лисицы уходили в сосновый

бор, по возвышенному положению никогда не заливаемый водою. Тогда снаряжались служащими в Софиевском три-четыре лодки и ехали на них к этим островам, где на какой-нибудь четверти десятины собираются десятки зайцев. Причалившие к острову лодки и высадившиеся из них люди, человек 10—15, стараются ловить зайцев живыми, для чего большею частью употребляют рыбные сети. Некоторые зайцы бросаются в воду, но плывут недолго и хватаются зубами и лапками за первый попавшийся куст, и тут же их берут за уши и кладут в лодки, где их связывают пенькою. Поймав таким образом зайцев 50, возвращаются домой; их пускают в пространный сарай, нажав предварительно в него разных мелких кустов, сена и овса в снопах. Бедные пленники сидят иногда в сараях недели по две, пока просохнет почва. Тогда зайцев опять ловят в сарае, завязывают ноги и везут на ровное пространное поле или выгон на горе. О дне вывозки зайцев извещают соседних помещиков, и почти все верст за 20, имеющие борзых собак, выезжают с ними на указанное место. Когда любители охоты все собрались, вынимают из воза зайца, отходят с ним на 10—15—20 сажен от стоящих рядом охотников, которые условливаются, на каком расстоянии кому пустить по две собаки.

Тогда, развязав зайца, пускают его, ухватив за хвост, отчего шкурка с хвоста сдергивается (говорят, заяц от этого делается быстрее). Заяц, освободившись из рук, стремительно бежит; за ним гонятся две собаки и скачут два охотника для проверки, какая и чья собака на угонах лучше и, смотря по быстроте и ловкости, отмечается лучшею. Так повторяют с другим зайцем и другими двумя собаками до конца, т.е. до того времени, когда все собаки будут испытаны. С некоторыми испытанными повторяются еще испытания. Если все собаки испробованы и не все еще зайцы выпущены, то выпускают разом трех-четырех зайцев и всех собак, отпуская

зайцев на большую дистанцию от собак, и начинается бешеная травля вразбивку, — лай собак, удары кнутов, отчаянная гонка и крик охотников. Собаки и охотники сталкиваются и нередко падают, получая ушибы. После этого охота прекращается и начинаются бесконечные споры о скорости собак: иногда эти споры кончаются ссорой и бранью, так что охотники, приехавшие хорошими знакомыми, разъезжаются врагами. Охотники, приехавшие на испытание собак, дают ловцам зайцев известную плату, и ловцы собирают 15, а иногда и 25 рублей и делят между собою.

Управляющий Пурлевский, не ведя ни с кем знакомства, от природы бережливый или скорее скупой, не занимаясь сам охотой, почти никогда не выезжал на эту травлю, как прежде делал это Зернихаузин, отговариваясь или болезнью или отлучкою по делам, не терпящим отлагательства, а потому охотникам оставалось привозить с собою выпивку и закуску, как для себя, так и для ловцов зайцев. В складчину варили полевую кашу, и пир был на славу.

Но тут, думаю, не лишним будет описать старика, торгового борзыми собаками улучшенной породы, как говорил этот старик. Он был прислан из Петербурга, где служил когда-то у князя Сергея Григорьевича Волконского (декабриста), любимого брата владелицы Софиевки, княгини С.Г. Волконской, о которой я говорил выше. Старика звали Гавриилом Филипповичем Кикиным. Ему приказано построить домик о трех небольших комнатах, отрезать с четверть десятины земли для огорода и выдавать по 10 рублей в месяц и продовольствие. С этой стороны он был обеспечен, притом два сына, служащие в петербургской конторе, присылали ему чай, сахар и прочее. Но, будучи трудолюбивым и подвижным, успевая обрабатывать огород, разводить на нем деревья и держать примерную чистоту в Доме или около дома, вздумал торговать собаками и нюхательным

табаком своей посадки и изделия. Каким-то образом посчастливилось ему раздобыть двух хороших борзых щенят-сук. Он их выкормил и выхолил хорошо, и действительно суки вышли красивыми и быстрыми. Для припусков к сукам он добывал хороших псов, иногда для этого ходил далеко, прося самих помещиков, за что обещал дать одного или двух щенков. Но часто он добывал псов для них чрез псарей, что было легко сделать: он спускал своих сук зимою, когда помещики жили в городах. Из приплода он выбирал лучших щенят, выкармливал до года или полутора, потом продавал по 10—15, а иногда по 20 рублей соседним помещикам. Их испытывали на вышеописанной травле зайцев. На одной из таких травлей его сука Змейка обогнала всех собак. Наперебой охотники старались купить у него Змейку, в которой он, если можно так выразиться, души не чаял и думал из нее сделать племенную производительницу. Охотники наперебой начали возвышать за нее цену: 25, 35, 45, 50 рублей, но Кикин отказывался продать, и только когда набили цену до 90 рублей, старик не вытерпел и продал ее, выговорив себе двух щенят от нее. В то время за 90 рублей можно было купить очень хорошую лошадь, двух отличных коров, а то, пожалуй, и дворовую девку, конечно, не у Волконских, а у других бедных мелкопоместных дворян.

Сверх того во время полой воды производится уже в одиночку промышленная охота на выхухоль по преимуществу крестьянами. Известно, что выхухоль, или просто хохуль, живущая при берегах рек и озер, роет норы по берегам озер или рек с возвышенными берегами. Норы начинаются под водою, аршина полтора-два ниже уровня воды и поднимаются выше уровня часто более двух аршин. Полая вода, заливая их норы, выгоняет наружу, и они принуждены бывают плавать на поверхности и цепляться за деревья. Тогда охотник, подплывая к дереву, в особенности

перед вечером, стреляет в нее, но при этом должен убить насмерть или ранить смертельно, иначе она бросается в воду и, хватаясь там за кустик, околевает. Их находят по запаху после слития воды. Но охота за ними производится большею частью так: видит ли охотник хохулю на дереве или плывущею, он на лодке плывет к ней, а она, вынырнув первые два-три раза, бывает очень долго под водою, но впоследствии все короче и короче, тогда охотник, следующий за нею, легко убивает. За шкурки их и за хвосты с особым запахом охотники получают хорошие деньги, но что замечательно, — все базары, где продаются выхухоли, заражаются их запахом.

XIX

Прелести весны на реке Хопре (Саратовской губернии Сердобского уезда). — Мои увлечения рыболовством. — Охота за дичью. — Мой лучший друг В.А. Птицын, мелкопоместный дворянин. — Отеческие отношения его к крестьянам.

Полая вода уменьшилась, стекая ручьями в реки и болота; луга и прогалины в лесу очистились от нее, и на них показалась изумрудная зелень. Начиналась весна в тех местах, прекрасная и благоуханная. Буквально сотни соловьев поют в лесах, рощах и садах, окружающих усадьбы, один одного лучше, с вечера до утра. Жаль, что я не могу описать прелести такой весны, но скажу, что я в это время чаще вспоминал о потере матери, с которою мы вместе наслаждались прелестью весны, но и теперь я отдавался всем существом обаянию весны. Как только была возможность, я спешил во время праздничных дней на Хопер и на окружающие его озера и заводи

ловить рыбу. Удочки, бредень, сеть, крючки для перетяга — все было приготовлено с зимы. Для незнакомых с ловлею перетягом нужно сказать, что перетяг — это веревка, перебрасываемая с одного берега на другой и прикрепляемая или к кустам или к нарочно вбиваемым кольям; на веревке висели крючки с насаженными на них живцами — маленькими рыбками. Перетяг ставился с вечера, а к утру снимался. При тогдашнем изобилии рыбы на перетяге всегда была какая-нибудь хищная рыба: щука, судак и проч.

Днем ловил рыбу удочкою или неводком, карасей, карпов, линей в озерах или заводях или же охотился с ружьем. Везде мне помощниками были лесные сторожа. Недалеко от Хопра был господский пчельник с хорошим подвальным омшаником и чистеньким домиком; пол в омшанике на лето высыпался песком. Это была моя летняя резиденция, тем более что управляющий поручил мне присматривать за пчельником. Хопер от усадьбы был верстах в 4—5; туда я ходил пешком и проводил там праздничный день, а иногда и два, и ночевал на пчельнике. После праздничных дней за мною присылали лошадь, так как я почти всегда возвращался с добычею, достаточною для стола управляющего и знакомых. Иногда ловилось так много рыбы и убивалось дичи, что остатки от взятой с собою в дом управляющего старик, лесной сторож, ходил по близким соседним помещикам и продавал, а попадавшихся больших сомов в 15—30 фунтов и до пуда продавали торговцам. Вырученные деньги шли на покупку пороха, дрови и рыболовных приборов. Я так пристрастился к этой охоте, что ездил из деревни Мокшанцевой верст за 15 на своей лошади, ставил и запирал ее в омшанике от оводов и комаров. И уже тогда в понедельник или после праздничного дня вставал до света, ехал через Софиевскуш контору, узнавал там наряд на будущую неделю и спешил на работу в деревню Мокшанцеву.

Эта охота, кроме приятного препровождения времени, приносила мне громадную нравственную пользу: чрез нее я избегал беспутного и даже цинического разгула праздничных дней среди испорченной до мозга костей дворовой молодежи обоего пола. Но и они в последнее время изредка начали ходить в тот же лес с выпивкою и молодыми солдатками и податливыми девицами, и мало того, что мешали мне отдаваться своим любимым занятиям и в тишине восхищаться природою, но я волей-неволей иногда принимал участие в их кутежах. Нельзя же было совершенно удалить себя от них, в особенности от А. В. Ежова, за оказанное им и его семейством внимание ко мне. Несмотря на мой внутренний протест, я его, как честного, доброго и отзывчивого на все хорошее, если не уважал, то не пренебрегал.

Чрез охоту я сначала познакомился, а потом и подружился с оригиналом — мелким помещиком Василием Андреевичем Птицыным, жившим в селе Бабарикине, где также жила его сестра с семейством, тоже мелкопоместная помещица, хотя была замужем за князем Бегильдеевым, и довольно состоятельный помещик Спицын. Но мой Василий Андреевич Птицын ничего общего с ними не имел, а скорее жизнь его была теснее соединена с его крестьянами. Помещик и крестьяне его имели почти все общее: крестьяне работали на помещика лишь на столько, чтобы заготовить хлеба, которого стало бы до нового — на содержание помещика и для выкорма двух-трех свиней и продать еще рублей на 200 для самых необходимых разных покупок, а сена и овса столько, чтобы прокормить двух коров и пару порядочных лошадей, бывших всегда в хорошем теле.

Домоправительницею была у него немолодая, но еще миловидная вдова-крестьянка. Крестьяне видели в нем скорее отца, нежели барина, были зажиточны, но что всего удивительнее — любили и слушались его, а это была редкость. В то время было общее мнение, — как только барин

распустит бразды правления, то крестьяне начинают делать ему всякие пакости: тащить его имущество, рубить лес, делать потравы в хлебах и в покосе. Тут напротив: крестьяне берегли его имущество — хлеб и траву, как свою собственность, да она и была почти их собственностью. Чуть у какого-нибудь крестьянина недостает чего-нибудь, а у барина есть, то крестьянин тотчас получает нужное.

Хотя я должен забежать с рассказом на несколько лет вперед, но кстати должен сказать, что крестьяне после смерти своего барина получили все его имущество: землю, дом, скот и проч., заслужив от них благословение, а от племянников, детей княгини Бегильдеевой, — проклятие. Это я узнал после довольно длинного времени, после разлуки с ним, чрез письма знакомых, в коих уведомляли, что крестьяне поставили служить две заупокойных обедни в год по нем: в день рождения и в день смерти его.

Дорога к Хопру шла мимо его усадьбы, расположенной на берегу реки Пяши, а потому я всегда заходил или заезжал к нему, и он почти что всегда отправлялся со мною, хотя занимался одною рыбною ловлею и никогда ружье в руки не брал. Его в простонародье называли «белым барином», так как он был полный блондин, нюхал табак и носил круглую табакерку в трудовом кармане старомодного поношенного сюртука, отчего на грудовой части сюртука образовалось круглое пятно в величину табакерки. Он говорил в нос, рассказывая, как ему не далась наука, хотя он и кончил уездное училище. Его избрали заседателем в земский суд.

Он говорил:

– Меня избрали в уездный суд заседателем, но, когда я насмотрелся на взятки, поборы и притеснения, большей частью крестьян, на кутежи и пьянство, хотя, к слову сказать, и сам не прочь выпить, получа отставку,

тотчас уехал в свой домишко, сказавшись больным, и на службу не возвращался, сколько меня ни уговаривали, чтобы я, как дворянин, послужил бы отечеству. Я думал: хороша служба отечеству, нечего сказать! Но меня хотели заманить туда для того больше, что из всех поборов, причитающихся на мою долю, я ничего себе не брал, а все отдавал на братию канцеляристов. Так и живу с тех пор; завел маленькую библиотеку, которую ты у меня, вероятно, всю растаскаешь (мы с ним почти с самого начала были на «ты»).

Помню, его библиотека состояла из Милордов, Францылей, Ермаков; на почетном месте лежал в то время известный «Сон Богородицы»⁴⁷¹, который и теперь между крестьянами в ходу, но были и порядочные книги, так я помню: «Вальтера, дитя ратного поля»⁴⁷² и «Дочь турецкой гостиницы»⁴⁷³.

Он в праздники читал своим крестьянам разные сказки и «Сон Богородицы».

Хотя я, может быть, и надоел читателям с своим Василием Андреевичем, но не хочу пропустить одного случая, характеризующего его отношения к Крестьянам. Дело было в покос. Я зашел к нему рано, но запряженная лошадь Уже стояла у его двери и бабы несли и накладывали на повозку разные крестьянские съестные припасы: хлеб, крупу и проч. Его домоправительница вынесла масла постного (день был постный).

---

⁴⁷¹ «Сон Богородицы» — апокрифический текст, широко распространенный и постоянно переписываемый в народной среде, поскольку ему приписывались магические свойства.

⁴⁷² Имеется в виду роман А. Лафонтена «Вальтер, дитя ратного поля, или И вторая любовь надежна» (Ч. 1—6. М., 1819).

⁴⁷³ Идентифицировать это произведение нам не удалось.

- Я, — говорит, — сейчас идти на Хопер не могу: мне надо отвезть провизию на покос мужичкам. Тут недалеко, за моим лесом, — поедем со мной а оттуда прямо на Хопер, возьмем и удочки.

Как сказано, так и сделано. Приехали на покос, крестьяне стали брать из повозки провизию; когда выбрали всю, некоторые из них говорят с укоризною:

- А что же, барин, не привезли табаку?

Василий Андреевич всплеснул руками:

- Забыл, — говорит, — братцы, но что же делать? Отвезу вот Ивана Михайловича на Хопер, а сам поеду, куплю табаку и привезу вам к обеду.

Приехали к известному месту Хопра; я тотчас закинул свои и его удочки, рыба быстро начала клевать; я так и думал, что инстинкт любителя одержит верх над обязанностью отвезти крестьянам табаку. Не тут-то было! Василий Андреевич постоял немного и поехал покупать табак для крестьян, сказав на прощанье:

- Я за тобою приеду после обеда. — И действительно приехал раньше, но рыба уже не шла на удочки. Взяли бредень и пошли на озеро ловить карасей и, наловя, вместе с пойманною мною сварили к обеду отличную уху.

О, счастливое время! я вдыхал в себя чистый лесной воздух и смолистый запах соснового бора, заслушивался пением соловьев, распевающих день и ночь, воркования горлиц и всплески рыб ранним утром на многорыбной реке Хопре. Не видишь, бывало, как пройдет день или даже два, когда были два праздника рядом. Я дело всегда любил, но тяжело было оставлять зеленый лес, роскошные луга и блестящую ленту реки.

XX

Пикники, или попросту, гулянье на берегу Хопра. — Катанье на лодках. — Хороводы и песни. — Добывание вина с завода посредством сплава. — Капельмейстер хора князя Куракина, чех М. Дубный. — Взаимное обучение его русской грамоте, а меня на скрипке. — Женитьба Дубнова на крепостной девице. — Бегство его, а потом при моём содействии и жены его в Прагу.

Один — правый — берег Хопра принадлежал князьям Волконским, а другой — левый — князьям Куракиным. На берегу Волконских был еще большой ценный лес, а берег куракинский почти что был обнажен, — он вырублен для топки имеющегося там большого винокуренного завода. Через имение Волконских протекала река Пяша, а через куракинские имения — река Сердоба. Резиденцией управления имениями Волконских было село Софийское, Репьевка тож, отстоящее от Хопра верстах в четырех, а Куракиных — в селе Преображенском, Куракино тож, на расстоянии от Хопра верстах в двух. Управляющие обоих имений и другие служащие и дворовые почти все были знакомы друг с другом. В некоторые праздники, особенно в Троицын день, составлялись общие пикники на берегу Волконских, на пространной поляне, близ пчельника, о котором я писал выше. В то время, как известно, существовал винный откуп, и нигде нельзя было брать вина, кроме как в заведениях, открываемых откупщиками. Его нельзя было получить из завода прямо, но чтобы получить его оттуда, был усвоен оригинальный способ: наливали известной емкости бочонок, закупоривали его плотно, припечатывали к нему перо и бросали в реку Сердобу. Этот бочонок плыл по течению Сердобы в Хопер, где его и

вынимали. На место, избранное для пикника, устроители и посетители праздника приносили разные съестные припасы: ловили рыбу, били дичь и т.п., и начинался пир горой.

Никто из владельцев селения Куракина в то время не жил в великолепном дворце, построенном в начале прошлого столетия, но хор музыкантов все-таки содержался там. Управляющий Куракиных отпуская этот хор для общего веселья собравшихся из обоих имений служащих. Тут пели, плясали, водили хороводы и пили сколько душе угодно. В одном из таких собраний я познакомился с выписанным из Праги для хора Куракиных капельмейстером, Михаилом Дубным. Он был несколькими годами старше меня, но мы с ним близко сошлись и уходили от разгулявшейся компании в лес. Дубный, недавно приехавший из Праги, плохо говорил и писал по-русски, а потому пожелал, чтобы я его обучил по-русски писать и правильно говорить, а меня он предполагал обучить играть на скрипке. Летом, в воскресные и праздничные дни, когда я бывал в лесу, он приходил ко мне и приносил с собою скрипку, но больше мы сидели в пчельнике за книгами. Зимой же он часто приезжал ко мне на квартиру и проживал дня по два. Его учение русскому письму шло быстро, мое же учение на скрипке не подвигалось вперед, сколько он со мною ни бился: я не обладал музыкальным слухом и не имел горячего желания выучиться, так что он, однажды рассерженный моей бестолковостью, сказал: «Я такого бестолковый шаловек сроду не видал!», и таким образом мое музыкальное обучение прекратилось, хотя мы остались самыми лучшими друзьями.

В одно время я был откомандирован как секретарь или просто письмоводитель к управляющему Саратовской удельной конторой, сколько

помню, Часовникову⁴⁷⁴, приехавшему ревизором имений Волконских и удельных Балашевского уезда. У него заболел его секретарь, и меня прикомандировали к нему взамен секретаря или, лучше, письмоводителя, и я проездил с ним около шести недель. Об этой командировке я не буду говорить. Теперь же скажу, что в это время капельмейстер, австрийский подданный, Михаил Дубный экстренно женился на премиленькой любимой им девушке, дочери крепостного приказчика. Когда я возвратился из сказанной командировки, он позвал меня к себе на новоселье, чтобы познакомить меня со своею молоденькою женою. Оба встретили меня весело, с распростертыми объятиями, но я никак не мог развеселиться. Это им было непонятно, — почему я не радуюсь такому счастливому событию?.. Его, Михаила Дубного, никто не предупредил, что в России существовал закон: кто бы ни женился на крепостной девушке, должен сделаться крепостным того владельца, кому принадлежала девица. Как известно, подобное событие разбило всю жизнь мою и моей матери. В первое время, не желая мешать их счастью, я ничего им не сказал об этом. При вторичном свидании я передал Дубному это, рассказав ему свою историю моего отрочества. Он страшно был взволнован этим известием и не знал, что делать. Писал князю Куракину в Петербург, прося выдать жене его вольную, обещал выкуп, что прежде часто практиковалось, но не получил никакого ответа. В это время управляющий куракинским имением, у которого Дубный учил детей музыке и был с ним в хороших отношениях, был уволен и заменен другим управляющим из военных, который вскоре показал Дубному свою начальническую власть. Мы крепко испугались, или, лучше, оба предались большему отчаянию и порешили, что он должен немедленно

---

⁴⁷⁴ Имеется в виду надворный советник Николай Алексеевич Часовников.

бежать в Богемию и оставить жену, которую после, может быть, как-нибудь удастся препроводить туда же. На расходы по этому предмету препровождения его жены он оставил мне собранные им 100 рублей. Через несколько дней он исчез и, имея заграничный паспорт, легко добрался до Праги. Оттуда писал мне, а через меня жене своей письма, полные отчаяния, и в них слезно просил, чтобы я как-нибудь выслал жену до Варшавы.

После многих розысков и расспросов я познакомился с старообрядцем Духобором, устраивающим побеги десятками, большею частью в Бессарабию, своих единоверцев. Он взялся и Дубную отправить, но только в Галац а не в Варшаву, за 100 руб. После переписки Михайло Дубный и на это согласился. В большую, известную и теперь, двухнедельную Покровскую многолюдную ярмарку в селе Бекове собиралось множество купцов разных национальностей. Туда у управляющего выпросилась Дубная, а оттуда Духобор отправил ее, я уже не знаю, каким образом, в Галац, до которого она с разными приключениями достигла сравнительно благополучно. Туда приехал ее муж с паспортом и для нее и быстро выехал из Галаца, уплатив еще агентству Духобора 25 рублей. Таким образом он и она избавились от крепостного ига и зажили, как они писали мне потом, довольно благополучно. Переписка наша длилась еще года три-четыре; письма эти, боясь дурных последствий, я уничтожал; хотя должен сказать, что жену Дубного даже и не искали через полицию или искали неусердно и, конечно, без последствий. Спрашивали меня, следовательно и на меня падало некоторое подозрение в побеге Дубновой. Теперь кажется невероятным, чтобы существовал такой жестокий закон; но он, опрокинувший всю мою жизнь, мог еще более жестоко отразиться на жизни Дубновых.

XXI

Освобождение меня от заведования деревней Мокшанцевой. — Занятие одним контролем ведомостей и учением детей. — Мое желание во что бы то ни стало учиться. — Учение у семинаристов, приезжающих на каникулы, и у священника за особую странную плату. — Предложение поступить в винный откуп. — Мои разные командировки. — Разбойничье село Поим.

Около этого времени я был освобожден от заведования деревней Мокшанцевой и занимался только контролем ведомостей и обучением детей управляющего, а иногда был посылаем в разные имения и города по делам имения. Но все-таки у меня оставалось довольно свободного времени, и тут первоначальное мое намерение выучиться грамматике, катехизису усилилось еще более и до того овладело мною, что я забросил и рыбную ловлю, и охоту и все свободное время посвящал учению, а учиться в глуши было не у кого. Семинаристы, дети и внучата, приезжавшие к старому нашему священнику на летние каникулы, были моими хорошими друзьями и чем могли помогали мне, но пребывание их на каникулах было непродолжительно, почему летнее время немного помогало мне.

После некоторого рассуждения обратился к соседнему священнику села Анничкина отцу Иоанну, бывшему учителю русского языка в Петровском духовном училище (бурсе) и удаленному из него, кажется, по любви к выпивке. Село Анничкино отстояло от Софиевки верстах в двух. К этому-то священнику ходил я раза два в неделю проверять свои познания и получать его наставления. Он по своей доброте охотно занимался со мною,

но мне тяжело было, что я не имею возможности отблагодарить его как следует. На предложенный мною вопрос об этом он ответил:

— Никому не тайна, что я люблю-таки выпить благовременно, а может быть, и неблагоприятно, но моя попадьа не дает мне ни капли, и только и выпьешь, что на требах иногда после воздержания и больше того, сколько следовало бы, а ты, идя мимо анничкинского кабака, покупай мне шкалик водки (5 копеек ассигнациями) и приноси в кармане по секрету от попадьи, вот это и будет твоя плата за ученье.

Таким образом я каждый раз, идя мимо кабака, брал запечатанный шкалик водки в карман и нес к батюшке, который занимался со мною в садике, во время лета, где у него был небольшой пчельник. Учил он меня охотно и частью выпивал, а частью сохранял под деревом оставшуюся водку. Это делалось с большою осторожностью от матушки. Но тайну легко было сохранить летом, когда преподавание шло в садике, где жужжали его пчелы, но зимою, когда приходилось заниматься в его скромном домике, это было уже труднее. Я этот шкалик должен был ему передавать так, чтобы не видала матушка, но она стала догадываться, потому более, что после ухода моего батюшка делался веселее, и еще потому, что она нашла несколько шкаликов в саду, заброшенных в бурьян. Тогда я был разлучен матушкою с моим учителем, но ненадолго, и когда мы чистосердечно раскаялись ей и я дал ей клятву, что не буду больше приносить батюшке водку, и мы уговорились с ним, что я буду платить ему каждый раз за урок по 5 копеек, а он сам поступал с деньгами, полученными за урок, по своему усмотрению. Учение на этих условиях могло продолжаться, но я в это время получал разные командировки и уезжал на более или менее длинные сроки из имения, а батюшку перевели в другой приход, и ученье прекратилось.

Здесь же должен я сказать о том, что тогда по распоряжению тогдашнего саратовского откупщика Кокарева⁴⁷⁵ водка продавалась, подобно теперешнему, в запечатанной посуде. Кокарев, разъезжая по своему откупному царству, в том числе и по Сердобскому уезду, останавливался часто в селе Бабарикине, находящемся на большой дороге в лучшем в тогдашнее время постоялом дворе, принадлежавшем откупившемуся на волю крестьянину, сколько помню, Николаю Шишкину. У него был сын, довольно смысленный мальчик лет пятнадцати-шестнадцати, Иван, который ходил ко мне, и я преподавал ему чистописание и первые четыре правила арифметики. Этот мальчик по просьбе отца был взят Кокаревым к себе. Не помню, чрез сколько времени, кажется, года через три, Иван наш возвратился уже Иваном Николаевичем в шикарном костюме и в большой должности по откупной администрации, получая значительное жалованье, кажется, около 600 рублей в год. Он начал уже покровительствовать мне, предлагая место в городе Сердобске частным поверенным по 20 рублей в месяц — в то время плата большая, в особенности в сравнении с моим ничтожным жалованьем, притом с надеждою на скорое повышение.

Я не дал ему решительного слова и не мог его дать, так как был крепостным, но надеялся выйти на оброк, с платою рублей 40 в год. Для знакомства с моим новым местом я выпросился в город Сердобск, будто бы для лечения лихорадки, но собственно для того, чтобы посмотреть на мои новые обязанности и, когда присмотрелся к ним, в особенности на предлагаемую должность частного поверенного, то, отряхая прах с ног, порешил тотчас же бежать от всякого соприкосновения с откупом. Обязанности частного поверенного заключались в том: я должен был

---

⁴⁷⁵ Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — крупный откупщик, публицист, общественный деятель.

неусыпно строго следить за сидельцами и строго наказывать, если он сделает какое-нибудь уклонение от данной им инструкции; для чего должен производить разные ухищрения, не всегда чистые, лишь бы только если не поймать, то заметить в чем-либо сидельца, хотя бы в первой попытке сделать какое-либо уклонение от принятых обязанностей, за что он, несмотря ни на семейное положение, ни на другие обстоятельства, тотчас же удалялся с занимаемого им места и в пользу откупа оставался весь внесенный им залог, — таковы были письменные условия. Это обстоятельство и множество других мне казались не только несимпатичными, но даже отвратительными, и я, несмотря на все увещания моего ученика остаться и послужить хотя полгода частным поверенным, а потом получить старшего поверенного, — отказался. Сам Кокарев сулил мне повышение по лестнице пивной администрации и большое возвышение в жалованье. Но все это не могло меня убедить, и я расстался с учеником моим и с Кокаревым навсегда, хотя видел в Саратове ученика своего, разъезжающего на паре кровных лошадей в своем экипаже.

Здесь скажу еще несколько слов о менее значительных событиях, при возлагаемых на меня разными поездками и поручениями.

В софийском имении, Репьевка тож, было 250 тягл, состоящих из мужа и жены, 250 мужчин, за исключением некоторых должностных лиц, сушильщиков в овинах хлеба, обмолачиваемого в ригах бабами цепами, и других немногих, остальные мужики должны были в зиму отвезть 4—5 одноконных подвод проданного хлеба по преимуществу в Моршанск, а иногда и в Саратов. Оба города отстояли от Софиевки в 200 верстах. Отвозимый хлеб должен был следовать по раз избранному пути и между

прочим проезжать через богатое селение Поим, сколько помню, принадлежащее графу Шереметьеву⁴⁷⁶.

Это было большое, с бойкою торговлею селение; в коем было немало двухэтажных домов, крытых железом, а также было несколько маслобоен, крупно- и пшенорушек⁴⁷⁷, мельниц и т.п. Селение это пользовалось незавидною репутациею, слыло в простонародье разбойничьим и отличалось грабежами и убийствами: почти каждую зиму в нем было несколько убийств и грабежей. Мне несколько раз приходилось в нем останавливаться, но я, зная худую славу Пойма, большею частию старался останавливаться в нем днем, для покормки лошадей; но один раз, через снег и метель, должен был там остановиться ночевать в постоялом дворе, нанимаемом мещанином. Часов около одиннадцати ночи ударили в набат в двух церквях.

- Что это? — спрашиваю я.

- Знамо, — говорят, — пожар.

Но хозяева, постояв у ворот, послав работников на пожар, сами возвратились в дом. С ними я вышел за ворота. Это меня удивило, и я их спрашиваю:

- Что же вы не идете на пожар?

- Зачем? — отвечают хозяева. — На будущий год тот, у кого пожар, пойдет в орду за гуртами.

Я спросил хозяина, что это значит: «пойдет в орду за гуртами».

- Много будешь знать — скоро состаришься, — и, не сказав более ни слова, лег в другой последней комнате на постель и скоро заснул.

По уходе хозяина я пристал к сыну, чтобы он растолковал мне значение слов: «пойдет в орду за гуртами».

---

⁴⁷⁶ Имеется в виду граф Сергей Сергеевич Шереметев (1821—1884).

⁴⁷⁷ Пшенорушка — мельница для перемола пшена.

Будучи молодым словоохотливым малым, он сказал:

- Значит успокоил кого-нибудь с большими деньгами, свалил убитого или убитых в яму в овине и зажег, а лошадей вывел на дорогу, приударив их хорошенько. Пограбив, должно быть, немалую толику денег, значит, пойдет в орду за гуртами, а может быть, и не пойдет, а займется с деньгами чем-нибудь другим, но у нас уже такая пословица: пойдет в орду.

- Да ведь чрез это могут сгореть другие дома?

- Да разве ты не видишь, что овины стоят на отшибе, да и вообще мы строимся с проулками между построек, к тому же содержим обществом, при содействии графа, хорошую пожарную команду.

Сказав это, он тотчас же завалился спать.

Все говорили, что неприятно было останавливаться в Пойме, и, кроме того, поимцы пошаливали и на дороге. После, говорят, хотя я сам лично этого не видал и не знаю, что на каждые 10 дворов были назначены десятники из отставных солдат, которые узнавали в каждом дворе, сколько остановилось на ночь и сколько выехало. Также говорили тогда, что расход по найму десятников граф, по распоряжению административных властей, должен был принять на свой счет и потом после уже взыскивать с крестьян.

Я раз пять или шесть ездил в Моршанск сдавать проданный хлеб, получать деньги за него и отправлять оттуда прямо в петербургскую контору. При этом случалось следующее: хотя по условию две трети всех следуемых денег за проданный хлеб покупатель должен платить для удобства пересылки по почте ассигнациями, но иногда по изобилию золота и серебра в данную минуту не мог этого сделать; ожидать, пока он соберет бумажки, не было времени, и потому получалось больше условленного количества не только золотою монетою, но и серебряною, но так как тогдашнее тяжеловесное серебро почти что невозможно было отправлять по

почте, и с собою вести его неудобно, то приходилось менять звонкую монету на ассигнации и платить, как называлось тогда, лаж, по 2—3, а иногда и по 4 копейки за променянный рубль. Лучше и исправнее других в этом отношении были моршанские купцы Плотицыны; большинство стариков Плотицыных были скопцы. Огромный одноэтажный каменный дом со многими дверьми стоял среди двора, огороженного вроде крепости каменною стеною. Подвал с тяжелою железною дверью, с сводчатым верхом стоял около дома. В этом подвале деньги стояли в ящиках из толстого железа, закопанных в землю. Старики Плотицыны будто бы вели свой счет таким оригинальным образом: при начале операционного года брали деньги из полных ящиков, потом получаемые клали в ящики. Если ящики по-прежнему были только полны и ничего не оставалось, то, значит, не было в этом году барышей. Деньги же, не вмещавшиеся в ящики, считались барышами. Убытков, говорят, никогда у них не было. Может быть, это только вымышленное предание, но оно стояло прочно, — об этом говорили все. Старики Плотицыны жили особняком уединенно, ни у кого не бывали и в свое общество никого не принимали, кроме людей, имеющих торговое дело. Говорили, что некогда все поголовно жившие в их дворе мужчины и женщины были кастрированы, хотя на дворе видны были бегающие дети, но полагали, что этих детей покупали на стороне. На сколько в этом правды, не могу сказать и передаю это, как тогда твердо стояли слухи, зная только, что по этому случаю был длинный процесс, который будто бы стоил Плотицыным громадных денег. Прибавляю, что Плотицыны были самыми исправными плательщиками без придинок и аккуратно всегда платили деньги за купленный ими хлеб. Теперь известно, что дети или внучата их ли детей или купленных и усыновленных, получа от стариков около 100 000

десятин земли и несколько миллионов денег, заведя на английский манер хозяйство, разорились и теперь не имеют ничего.

XXII

Первое безрассудное, но серьезное увлечение и первая неудачная или лучше несчастная любовь — она кончилась печальной развязкою, сделавшая глубокую рану моей нравственности.

Берусь за перо, чтобы здесь опять с тяжелым чувством писать об отрадном чувстве, на некоторое время заставившем забыть мое одиночество и глубоко тогда взволновавшем мою жизнь, как будто бы принявшую правильное течение, но быстро окончившееся странным разочарованием и долго терзавшею меня тоскою, долго преследовавшею меня, тем более что она произошла по моему чистому и глубокому увлечению, а увлечения у таких бедняков и бесприютных, как я, никогда не должно быть. Но со мною случилось то, что почти всегда бывает с двадцатилетними мужчинами: я влюбился первою, горячею, невинною, искреннею любовью в красивую девушку, глубокую брюнетку, с великолепными голубыми глазами, что у брюнеток бывает очень редко, с чудною косою, с белым румяным лицом. Она была старше меня года на четыре, состояла в каком-то дальнем родстве с управляющим, но служила у него хозяйкою, как тогда говорили, «ходила в ключах»; прежде была нянькою и почти что вынянчила всех троих детей, теперешних моих учеников. Я, как учитель, она, как хозяйка, часто встречались и иногда просиживали в буфете с глазу на глаз; меня к ней тянула какая-то сверхъестественная сила, причем я замечал, что и она

встречалась со мною почти с нескрываемым удовольствием. Таким образом у нас возникла горячая платоническая любовь, и мы были счастливы. Она, кажется, сама боялась своего увлечения и часто твердила:

- Не обидь меня, не сделай несчастной, ведь я сирота и живу у моей барыни, которая почему-то меня недолгобливает.

- Что ты это вздумала, чтобы я тебя обидел. Я люблю тебя и буду любить чистою, святою любовью и чуть ли в этом не поклялся даже тенью моей матери.

И действительно я полюбил ее первую, глубокою, чистою любовью, не думая никогда прикоснуться к ней с какими-либо дурными намерениями.

Она мне верила.

Настала весна, как я уже и прежде описывал, в тех местах с изобилием садов, всегда прекрасная; последняя была особенно хороша, может быть потому еще, что мы были счастливы любовью. Мы почти чуть не каждый вечер, иногда часов до 11—12 гуляли или в укромных уголках двух больших садов или в рощах, окружающих усадьбу. Соловьи свистали неумолкаемо, из усадьбы доносились хороводные песни дворни. Но, увы! наступил конец нашей чистой любви; мы слишком доверяли себе, и в один прекрасный майский вечер, в каком-то одурении, как-то нежданно для себя и святая любовь отлетела... Она села на ближайшую скамейку и плакала навзрыд, как дитя; я, ставши на колени и уткнувшись в ее платье, тоже плакал. Тут я понял, что поступок этот может быть исправлен только женитьбой, я несколько раз просил управляющего дозволить мне жениться, но он всегда принимался строго выговаривать мне и бранить и однажды даже замахнулся на меня палкою, приговаривая:

- Я тебя научу, как приставать ко мне с этою просьбою, мальчишка; тебя надо выпороть за все эти проделки, а ты знаешь, что я имею на это

полное право. Ни у тебя, ни у ней нет ничего, кроме глупостей в голове. А что скажет Аграфена Яковлевна (моя сводная сестра в Петербурге, начавшая хлопотать об отпуске меня на волю). Убирайся, чтобы я не слышал более этих глупостей.

Жена управляющего перестала со мною говорить, хотя я по-прежнему приходил заниматься с детьми.

Переживая это горькое время, я по-прежнему в свободные часы мыкал грусть мою на берегу Хопра в лесу, ловя рыбу и охотясь с ружьем. Но ничто не помогало. Чем более я думал, тем более, несмотря ни на что, решался жениться на моей возлюбленной. Скорому исполнению этого твердого намерения помешало нижеописанное обстоятельство.

XXIII

Приезд жандармского полковника из Петербурга для ревизии софиевского имения и Балашовского удельного приказа, а главное, для расследования о побегах молокан и старообрядцев, а чрез них и православных — за Дунай. — Мое назначение к нему в качестве письмоводителя. — Неожиданный прежде окончания дел отъезд полковника. — Оставление всех бумаг на моих руках и распоряжение ехать с бумагами за ним в Петербург. — Сдача бумаг г. Кофторадзеву, делопроизводителю графа Перовского.

В софиевское имение приехал из Петербурга молодой жандармский полковник, сколько могу припомнить, Ростовцев (имя и отчество совершенно забыл). Вообще я в молодости не обладал и теперь не обладаю

памятью собственных имен и фамилий, даже не ручаюсь, правильно ли назвал фамилию полковника. Теперь я страшно жалею об уничтоженном мною дневнике, где подробно было все описано. Полковник (так я буду называть его далее) по рекомендации управляющего Саратовскою удельною конторою г. Часовникова взял меня к себе в секретари или письмоводители. Часовников меня знал, потому что я у него по случаю болезни секретаря исправлял ту же обязанность, при обревизировании им Балашовского удельного приказа и некоторых имений князей Волконских. Полковник говорил, что он имеет немало секретных важных поручений. Управляющий имения Пурлевский ручался за мою скромность и молчание. Я после узнал, что полковник был послан не столько для ревизии имений, сколько для изучения вопроса о множестве побегов крепостных крестьян и дворовых, по преимуществу из старообрядцев-беспоповцев и молокан⁴⁷⁸.

Хотя побеги были и с других уездов Саратовской губернии, но более бежало из Балашовского и Сердобского уездов, и по собранным сведениям в последние три года из этих уездов уходило в бега ежегодно около 300 человек. Впоследствии также дознано и доказано, что беглецы сначала направлялись в Бессарабию, некоторые там оставались, а немало оттуда уходило чрез Дунай в Турцию, где находили приют у прежде ушедших туда старообрядцев и некрасовцев (запорожцев, ушедших за Дунай после уничтожения Сечи при Екатерине II). Сведениями, собранными полковником, дознано, что побеги организовались тем молоканом, который препроводил в Галац Дубную (жену куракинского капельмейстера, как было выше описано), и еще двумя лицами, тоже из старообрядцев. Из них двое

---

⁴⁷⁸ Молокане — христианская секта в России, основанная в конце XVIII в., отрицающая церковь и церковную иерархию, богослужебные обряды православия. Моления они совершают в моленных домах под руководством пресвитеров, с пением библейских текстов.

тотчас же были пойманы и посажены в острог. У них были почти везде агенты и устроены этапы в лесах или больших селах у старообрядцев. На одном из рукавов Дуная в укромном месте была какая-то мельница, хозяин которой переправлял беглых на другой берег Дуная, в Турцию. Все дознания полковником производились в Балашове. Кроме главного руководителя побегов и другие его помощники были разысканы, схвачены, отправлены и заключены уже не в Балашовский острог, а в Саратовский, и их велено содержать там отдельно до приезда полковника. В уездах еще производились розыски и вместе с этим шла ревизия Балашовского удельного приказа.

В одну ночь прискакал из Кишинева какой-то чиновник с бумагою. После получения бумаги от чиновника и беседы с ним с глазу на глаз полковник объявил мне, что едет в Кишинев и, может быть, возвратится оттуда недели через две и что я должен ожидать его в Балашове и заняться проверкою подворных описей балашовских удельных крестьян.

Тогдашние подворные описи были очень подробны: они заключали в себе около 20 граф, в коих сначала обозначалось количество душ рабочих и нерабочих, количество хлеба в зерне и снопах, достаток его или недостаток до нового урожая, постройки и качество их, количество рабочих лошадей и молодых, рогатого скота, овец, свиней и даже птицы; платимые подати, недоимка податей, общая характеристика хозяина и т.д. Делали эти описи: голова в удельных имениях, а бурмистр — владельческих; староста и двое или трое добросовестных крестьян ходили из двора в двор, не пропуская ни одного, считали имущество крестьян, а писарь заносил их в соответствующие графы. Я с этими описями был знаком еще по имениям Волконских; одну из таких описей производил и составлял я. Составление их при известной системе занимало времени не так много, как с первого

взгляда кажется, так, например: в селе Софиевке что-то около 300 дворов — я обошел и записал, сколько помню, в 3—4 дня. Подобные описи теперь бы оченьгодились для земской статистики, формы их можно было бы получить из архива бывшего Балашовского удельного приказа или из бумаг софиевского имения Волконских (Саратовской губернии Сердобского уезда); да и я мог бы указать их формы из памяти.

Полковник чрез две недели, как обещал, не возвратился в Балашов, но от него получено было письменное распоряжение, по коему я немедленно должен собрать все бумаги, разобрать их на два отдела: на следственный по делу о старообрядцах и по ревизии имений Балашовского приказа, ехать с ними в Саратов. В удельной конторе я должен был справиться, где могу видеть полковника. Приехав в Саратов, я уже не застал там полковника; он по какому-то экстренному делу уехал в Петербург. Там я нашел распоряжение, чтобы все бумаги, бывшие у меня из Балашова, и взяв еще все относившиеся к этому делу из Саратовской удельной конторы, ехать немедленно в Петербург и узнать бы о нем в министерстве уделов. Но и в Петербурге я не застал полковника: он экстренно был куда-то командирован. От правителя дел удельного отделения, сколько помню, Кофторадзева⁴⁷⁹, я узнал, что все бывшие у меня бумаги должен сдать ему. После сдачи бумаг мне указали небольшую комнату и сказали, что швейцар будет носить мне пищу из кухмистерской. Два дня меня никуда не требовали, и я их употребил на несмелое знакомство с Петербургом, конечно, каждый раз поутру являясь к Кофторадзеву спрашивать его разрешения отлучиться.

---

⁴⁷⁹ Ковторадзев Николай Николаевич — коллежский ассессор, столоничальник в Департаменте уделов.

XXIV

Первый проезд мой в Петербург. — Свидание со сводной сестрой А.Я. Кичигиной. — Кто она. — Обмундирование мое на ее счет. — Отказ чиновников от разбора привезенных мною бумаг. — Я сам решаю их разобрать и составить доклад. — Первый доклад по софиевскому имению князей Волконских. — Чихачев и его имения. — Чихачевский главноуправляющий и двойная бухгалтерия.

Нечего и говорить, что, попав первый раз в столицу, я был подавлен разными впечатлениями, которых описывать не буду, во-первых, потому, что я никогда не делал складных и хороших описаний виденного, и, во-вторых, потому, что, скоро перезабыв первые впечатления, без дневника не мог восстановить их, и они почти изгладились из моей памяти; к тому же по неопытности я не мог всюду проникнуть: костюм мой, и без того незавидный, дорогою совершенно потерялся; деньги, оставленные мне полковником, почти все были израсходованы. В таком костюме я боялся явиться во дворец, где жила моя сводная сестра Аграфена Яковлевна Кичигина — самая близкая к княгине Софье Григорьевне Волконской (первой статс-даме при императрице), занимавшая по случаю отсутствия княгини все ее апартаменты.

Узнав роль, какую играла сестра, я, не смея лично явиться к ней, решился написать ей письмо, что я нахожусь в Петербурге и по какому случаю туда попал, но не смею к ней явиться, потому что костюм мой по случаю дальнего пути был плох. Сверх ожидания я вскоре получил с нарочным небольшую записочку от нее, в коей она приглашала меня прийти

к ней с этим же посланным. Он провел меня с какого-то дальнего, должно быть заднего, но великолепного крыльца. Повторяю, костюм мой был ниже критики, и в нем стыдно было идти. Она вышла ко мне в переднюю. При первом появлении ее она окинула меня каким-то презрительным взглядом и, вскрикнув, сказала:

- Мне даже странно, что ты выглядываешь таким оборванцем, а между тем я хлопочу у графа Перовского об освобождении тебя на волю и слышу о тебе хорошие отзывы.

У меня захолонуло под сердцем, и я, как умел, поблагодарил ее и, мешаясь, вынужден был рассказать, как я попал сюда, повторяя почти все, написанное в письме к ней.

Сейчас же был позван портной и с меня была снята мерка в особенной комнате, пред великолепным зеркалом, и пред франтом портным я еще более робел. Портному, вероятно, приказано было осмотреть и белье мое, которое было хуже верхнего костюма. Я совершенно растерялся, и портной, морщась, вертел меня, как какую-нибудь неодушевленную вещь. После того как портной снял с меня мерку и ушел, сестра моя вошла в ту комнату, где снималась с меня мерка. Долго всматриваясь в мое, скажу без похвалы, двадцатилетнее, довольно симпатичное лицо, и как будто бы иронически улыбнулась моей робости и костюму, более милостиво прибавила:

- Когда будет готов костюм, приходи ко мне, а то мне стыдно принимать тебя в таком оборванном виде. Скажи портному твой адрес, и послезавтра он принесет тебе платье.

На третий день мне говорит г. Кофторадзев, что привезенными бумагами из Балашова очень интересуется граф Лев Алексеевич Перовский, но они, к сожалению, составляют сырой разбитый материал, разбираться в

котором ни один чиновник не решается, а полковник, отправившийся в дальнюю командировку, не скоро воротится; впрочем, он тебя рекомендовал как смышленного человека, могущего оказать некоторую помощь при разборе бумаг, причем г. Кофторадзев прибавил, что он так и доложил министру.

- Позвольте мне попробовать, ваше превосходительство, — сказал я, — кажется, что я могу привести их в более или менее должный порядок.

- С удовольствием, любезный, я прикомандирую к вам чиновника. (Он попеременно говорил мне и «ты» и «вы».)

Я тут же смекнул, зная, что такое прикомандированный чиновник; он будет сидеть и глядеть на меня, а потом присвоит мой труд себе.

- Позвольте, — говорю, — ваше превосходительство, мне одному в моей комнатке заняться, пока приведу бумаги в некоторый порядок.

Кофторадзев согласился. Ко мне в мою комнату принесли все бумаги привезенные мною из Балашова, с добавлением бумаг, собранных полковником в Кишиневе и Саратове. Все бумаги, слегка подобранные мною прежде, были смешаны и разбиты чиновниками, вероятно, умышленно, чтобы показать невозможность их разбора и извлечения чего-нибудь путного.

Я принялся с усердием за разбор бумаг; вставал рано и проводил чуть не целый день за работой и часто просиживал над ними до полуночи. Ко мне в комнату часто приходили чиновники, как бы знакомиться со мной, но, полагаю, скорее смотреть, как на чудака провинциала, взявшегося разобрать и привести такой хаос бумаг в порядок и пояснить их, от чего они поголовно отказались. Бумаги я предположил разбирать в порядке по времени посещения разных мест и имений. Мой план одобрил Кофторадзев, а потому я начал с софиевского имения, куда прежде всего приехал полковник. Я

переписал написанную неразборчивою рукою полковника записку, излагавшую его взгляд на софиевское имение, прибавив к ней из памяти на словах слышанные мною выражаемые им мнения и замечания, присовокупив от себя кое-что из того, что мне поручалось делать полковником. От себя я указал на недостатки конторской отчетности и полной ее зависимости от управляющего, ведущего кассовую книгу своею рукою. Для пояснения недостатков отчетности я приложил последнюю месячную ведомость, взятую из петербургского архива, и сделал на ней от себя замечания, согласно словесному объяснению полковника. В конце присоединил подворную опись крестьян софиевского имения, присовокупляя от себя мнение о благосостоянии крестьян сказанного имения, — высказав, что и теперь, несмотря на неисполнение многих основных старых распоряжений господ владельцев, их благосостояние сравнительно пошатнулось, но все-таки оно лучше всех окружающих крепостных крестьян.

Намекнув коротко о многочисленности праздною дворни и о далеко не похвальной ее нравственности, укоренившейся после отправки девушек управляющим Зернихаузиным в Саратов на фабрику.

Окончив таким образом обозрение софиевского имения, изложив все в особой записке, подшив бумаги, я передал для просмотра Кофторадзеву и в тревожном ожидании мнения его принялся за такой же подбор других бумаг.

Дня через два Кофторадзев позвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Спасибо, подбором и объявлениями по софиевскому имению я доволен. Продолжай, пожалуйста, в таком роде далее и не стесняйся прибавлять свои мнения, но с условием, чтобы они были вполне правдивы и соответствовали в натуре обстоятельствам. Знай, что этим делом

интересуется граф Лев Алексеевич. За всякую неправду, могущую ввесть в заблуждение графа, тебе придется ответить. Повторяю, тебе нужно разобрать бумаги и писать доклад по порядку времени и по посещении мест, проеханных вами, а поэтому тебе придется коснуться, но коснуться подробнее, имений господ Чихачевых, которыми министр, как личный друг П.А. Чихачева⁴⁸⁰, интересуется не менее, чем всеми другими делами.

Таким образом мне предстояло уклониться от других бумаг и описать подробно имения гг. Чихачевых.

Одобренный таким отношением Кофторадзева к моему труду, я еще усерднее принялся за разбор бумаг и, по предположенному плану, приступил к разбору их, начав с балашовских имений гг. Чихачевых, куда мы приехали из Софиевки. Эти два имения — Гусевка и Анновка — принадлежали вдове генерала Чихачевой⁴⁸¹ и отстояли от Балашова в 20—25 верстах. Они управлялись главноуправляющим престарелым Н.В. Галиным из села Дуровки Сердобского уезда, выкрещенным евреем, никогда не занимавшимся ни конторою, ни имениями, — главное занятие его было игра на мандолине и чтение французских романов. Он играл и писал левою рукою, и как говорили тогда, да и я лично потом узнал, что он и правую хорошо владел, но не писал по каким-то причинам. Из всего этого ясно видно, что Галин был хитрый старик, успевший чем-то заинтересовать и втереться в доверенность к г-же Чихачевой, которая с настойчивостью отклоняла от управления сына, отставного гвардейского штаб-ротмистра,

---

⁴⁸⁰ Чихачев Платон Александрович (1812—1892) — член-учредитель Русского географического общества, почетный член С.-Петербургского минералогического общества, путешественник. Вместе с отрядом В.А. Перовского совершил поход в Хиву (1839—1840).

⁴⁸¹ Имеется в виду Александр Петрович Чихачев, который в 1808 г. в чине полковника Преображенского полка был уволен «к статским делам статским советники» (История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1883. Т. 4. С. 241).

известного уже тогда описанием Алтайского края на французском языке и похода оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского в Хиву — на русском⁴⁸². Обе эти довольно объемистые рукописи и видел у него, когда в следующее лето по распоряжению Л.А. Перовского изменял формы ведения отчетности в его имениях. Были ли они напечатаны, сказать не могу. С П.А. Чихачевым, субъектом очень замечательным, я познакомлю читателя ниже.

В балашовских имениях гг. Чихачевых было много старообрядцев, молокан и беспоповцев поморской секты, недалеко от них жил один из агентов, препровождавший беглых за Дунай, но мы его не нашли дома, он за несколько дней до нашего приезда скрылся куда-то с своим старшим сыном. От двух его младших сыновей полковник ничего не добился, — «знать не знаем и ведать не ведаем», — твердили они. Им, задали хорошую порку, но и этим ничего не добились; да и могло быть, что они не знали, куда ушли в последний раз их отец и брат. Из этих имений было много побегов молокан и даже православных, которые бежали целыми семействами. И немудрено: старый ленивый управляющий жил в ста верстах, а обоими имениями заведовали бурмистры из крестьян, из которых, впрочем, один был грамотный и начитанный из священных православных книг, кажется, за то туда и назначен, к тому же завзятый охотник на стрепетов⁴⁸³ и зайцев, в изобилии водившихся в тамошних степях, и сурков, изрывших всю степь.

---

⁴⁸² Приписывая Платону Александровичу Чихачеву описание Алтайского края французском языке и другие труды на французском и немецком языках, Кабештов путает его с братом — Петром Александровичем Чихачевым (1808—1890), знаменитым исследователем Алтая и Малой Азии, автором книг: «Voyage scientifique L'Altan Oriental et les parties adjacentes de la frontniere de Chine» (Paris, 1845), «Asie Mineure, description physique, statistique et archeologique de cette contrie» (Paris, 1853 1869) и ряда статей на немецком языке (см.: Русский биографический словарь. Том «Чаадаев—Швитков». СПб., 1905. С. 415—418). Описание похода В.А. Перовского в Хиву, в котором принимал участие Платон Чихачев, опубликовано не было.

⁴⁸³ Стрепет — степной тетерев.

Охота на сурков через год отдавалась в аренду за цену от 150 до 200 рублей. Лет двадцать спустя после моего пребывания мне писал один знакомый из Балашова, что степь — около 2000 десятин, почти вся распахана и испанское овцеводство уменьшено до минимума. Часть распаханной земли отдается в аренду крестьянам от 12 до 15 рублей в год за десятину целинной земли.

Полковник, как сам говорил, был личный друг П.А. Чихачева и по его просьбе желал обревизировать тамошние конторы. Но при первом обозрении контор оказалось, что нет никакой возможности сделать какую-либо поверку. Во всех конторах по инициативе главноуправляющего Галина была введена двойная бухгалтерия, в которой, как оказалось после, он, Галин, сам не понимал ни бельмеса, а писаря были крепостные, малограмотные, вышедшие из местных деревенских школ и только получившие навык в сельских конторах. Месячных отчетов за шесть месяцев в главную контору не посылалось, да их и не было никакой возможности составить по беспорядочным записям. Так и уведомил полковник Чихачева. Но так как назначение полковника относилось главным образом к молоканам и по собранию сведений о их побегах, то подобные сведения о конторах в этом моем обзоре выпускаю, но все вышеизложенное об имениях гг. Чихачевых должен был написать в моем втором докладе.

XXV

Исследования о побегах из Балашовского уезда и о старообрядцах, которых в Балашовском уезде и в самом Балашове было очень много. —

Бумаги по этому делу. — Разбор их и краткий доклад, извлеченный из них. — Приглашение к министру и разговор с ним. — Кофторадзев, секретарь его, канцелярия и чиновники. — Назначение меня проводником при переселении крестьян и дворовых из софиевского имения в херсонское. — Отъезд из Петербурга, прощанье и награды.

Из Гусевки мы выехали в Балашов, где все власти были подняты на ноги: земской судья, исправник, два станowych пристава, почтмейстер, у которого хранились перехваченные письма, а также был вызван окружной начальник казенных крестьян. Начались личные объяснения и разные переписки, которые велись уже не мною одним, но и писарями из разных присутственных мест. Я только под диктовку полковника писал личные его замечания и донесения для Петербурга. При словесных объяснениях я в приемной комнате сидел за особым столом и делал памятные наброски, для того чтобы при писании личных замечаний полковника напоминать ему о том, что он мог из важных сообщений пропустить. Обо всем слышанном мною при личных расспросах полковником разных должностных лиц я здесь говорить не буду, может быть, коснусь только слегка вывода из них, так как их была такая масса, что мало-мальски подробное изложение потребовало бы пространного объяснения и увеличило бы эту статью чуть ли не вдвое. Вообще, думаю, что некоторые не могли быть интересны для читателей, а других секретных я не могу коснуться, вследствие моего обещания хранить их в тайне.

Повторяю, что Кофторадзев нашел нужным распорядиться, чтобы я при разборе бумаг и описании их следовал порядку изложения, сделанного мною при описании софиевского имения. Глядя на груду бумаг, лежащих предо мною в беспорядке, я не без робости приступил к приведению их хотя

бы в какую-нибудь систему. Среди этих бумаг были показания старообрядцев, сыновей бежавшего жоака, расспросы и сообщения голов, бурмистров и старост. Потом следовало производство в Балашове: донесения тамошнего начальства и разные протоколы, сообщения вышесказанных лиц и другого удельного начальства, личные допросы старообрядцев и их ответы и перехваченные письма старообрядцев из-за Дуная, ответы к ним родственников и т.д. Потом шли бумаги следственного дознания полковника, произведенного им в Кишиневе, в коих замечательно то, что мельница на Дунае, служащая притоном беглым старообрядцам, была уничтожена, мельник посажен в острог, и, кажется, было сообщено нашему посланнику в Константинополе с просьбою выдать нескольких старообрядцев, виновных в разных истинных или возведенных на них неблагоприятных поступках. Одним словом, путь, по которому следовали беглецы, был открыт, кроме мельницы и другие притоны уничтожены и содержатели их устранены или скорее заключены в тюрьму, откуда, вероятно, последовали на поселение. Потом следовала справка Саратовского губернского присутствия с объяснением: какие старообрядцы и за что были судимы, а также и наказания их, сколько было поймано беглых и возвращено на места жительства или сослано на поселение. Это было особое дело, хорошо переписанное, аккуратно сшитое и подписанное в некоторых местах вице-губернатором и другими советниками губернского правления, лицами, к которым относилось дело о старообрядцах.

Над разборкою этих бумаг и приведением их в порядок и некоторую систему я провел, трудясь, часов по 14 в сутки, месяца полтора. Когда я ходил к Кофторадзеву за объяснениями, как какое дело подшить и какими своими замечаниями снабдить из памяти, а также он, давая объяснения, почти всегда присовокуплял, что это делается для просмотра министра. Мне

дали писарька с хорошим почерком; он переписывал черновые нужные бумаги и мои замечания, а также и записки полковника, написанные, как сказал выше, неразборчивым почерком. Когда все бумаги были собраны, обозначены числами и занумерованы по страницам, я пошел с ними к Кофторадзеву. В то время у него был секретарь, и он приказал ему просмотреть их и сделать опись, сшить и принести к нему, прибавив, обращаясь к секретарю:

— Что ваши чиновники, петербургские баричи, не могли сделать, то сделал простой провинциал. — Тут же секретарю было сказано: — Как вам известно, предположение министра переселить из софиевского имения Волконских в их херсонские имения до 500 душ и намеченный способ их переселения. Передайте это Кабештову, не сделает ли он каких-либо замечаний, а главное, не укажет ли какого-нибудь надежного проводника из тамошних служащих. Пусть Кабештов ходит в сельскохозяйственную канцелярию, у него хороший почерк, и вместе с тем ознакомится с течением дел у нас, так как до окончательного просмотра министром пройдет, вероятно, недели две-три.

Эта канцелярия была личная канцелярия министра; в ней был стол с четырьмя письмоводителями и столоначальником для управления имениями Волконских; как я сказал выше, Л.А. Перовский был безотчетным управляющим. В этом же столе были сосредоточены дела по управлению его имений и имений его братьев — Василия и Бориса Алексеевичей Перовских⁴⁸⁴; в этой же комнате стоял как бы частный стол для уделов. Мне указали место за столом, из коего вытекали все распоряжения и предписания управляющим. Я охотно переписывал эти предписания; несколько из них

---

⁴⁸⁴ Перовский Б.А. (1815—1881) — генерал-адъютант, государственный деятель

написаны были управляющему софийским именем. Сначала писаря косились на меня, вероятно потому, что секретарь передал нелестное мнение о них Кофторадзева, но потом я с некоторыми сошелся.

Писаря почти все были на местах в 9 или много в 9 с половиной часов; немного позже приходил секретарь. Кофторадзев приходил в разное время, после докладов министру дел, касающихся имений, так как все предписания управляющим, составленные в канцелярии по большей части Кофторадзевым, подписывались Л.А. Перовским. Кофторадзев просиживал в канцелярии почти всегда не менее трех, а иногда и по четыре часа. Писаря, собравшись раньше секретаря, проводили время в разговорах о новостях Петербурга и в пересудах о начальстве, но более всего, в каком трактире готовят лучшую солянку и где лучшая рябиновка. Лишь только секретарь приходил в канцелярию и скидал шубу и галоши, как все уже сидели по местам и лениво строчили, скрипя очинёнными гусиными перьями, а после появления Кофторадзева пишущая машина была в полном ходу. Приезжали управляющие из разных имений, которыми заведовал Л.А. Перовский; представлялись все сначала Кофторадзеву, потом шли к графу. От них иногда требовались письменные доклады, проекты, предположения и т.п. По приходе от графа многие из них запирались подолгу в комнате у секретаря. Туда звался какой-нибудь смышленный писарь, а оттуда выходил с канвою какого-нибудь доклада и просил управляющего прийти к нему вечером, где доклад или проект и был написан. На другой день доклад отправлялся переписываться какому-нибудь постороннему писарю, а тогда поступал на просмотрение Кофторадзева и графа. Были, конечно, управляющие, не нуждающиеся в написании и переписке своих бумаг, но таких было очень мало. Конечно, управляющий благодарил письмоводителя

и, по всей вероятности, и секретаря: и тогда, по пословице «Сухая ложка драла рот», которая, вероятно, была в ходу.

Секретарь передал мне предположение графа о переселении крестьян из саратовских имений в херсонские. При переселяемых должен быть проводник с парой лошадей и кучером как его помощником. Проводнику будут выданы деньги на расходы для продовольствия людей во время пути и на фураж лошадей. Примерно предположено расходовать в день по 25 копеек на взрослого, по 20 копеек на подростков до 15 лет, а на грудных и до 5 лет по 10 копеек; на каждую упряжную лошадь полагалось по 30 копеек. Проводнику будет выдана шнуровая книга, в которой он безусловно должен будет записывать все каждодневные расходы.

Мотивы к переселению крестьян при таком способе были те, что при переселении крестьян, из нижегородского имения в херсонское, домохозяевам по расчету выдавались деньги на всю дорогу на руки. Но одни из домохозяев пропивали, другие припрятавали, и большая часть семейств шла Христовым именем, попросту нищенствовали. Это дошло до сведения Волконских, и они были глубоко возмущены подобным переселением, и действительно было чем возмущаться, так как в имениях Волконских и в голодные года выдавалось продовольствие, а нищенство строго воспрещалось.

Так прошло недели три. По воскресным и праздничным дням я ходил к сестре, и мне накрывали в особой комнате стол и в 12 часов подавали превкусный завтрак. Ее я не всегда видел.

Кофторадзева я видел в канцелярии каждый день; однажды позвал он меня в свой кабинет и сказал:

- Тебе передал секретарь предположения, при которых угодно министру переселять крестьян из саратовских имений Волконских в херсонские?

- Передал, ваше превосходительство.

- Понял ли ты их?

- Вполне понял.

- Что же, не можешь указать кого-нибудь из служащих в софиевских имениях годного в проводники, так как из здешних нет такого человека?

- Указать не могу, да едва ли там найдется такой вполне грамотный и надежный. Не угодно ли вашему превосходительству назначить меня проводником?

- Да ты так молод! — справишься ли с этим?

- Надеюсь, ваше превосходительство, что не хуже кого-либо другого.

- Хорошо. Я доложу министру при передаче всех бумаг и доклада полковника.

Еще прошло дней 10—12. Оказалось, что письмом к Пурлевскому спрашивали его о моей благонадежности. Вероятно, ответ получен благоприятный. Но тут же выяснилось, что я не исключен из списков служащих в Саратовской удельной конторе, куда попал при назначении меня для изучения геодезии, где против имени моего было помечено, что нахожусь в службе у светлейших Волконских; тут нет ничего удивительного, так как несколько управляющих имениями были причислены или к Департаменту министра внутренних дел, или к Департаменту уделов.

Не пересчитывая других, для доказательства сказанного, укажу на одного — Герасима Ивановича Иванского, который, управляя балабановским имением княгини Волконской, был вместе с тем

помощником управляющего Орловской удельной конторы, куда он ездил не более одного раза в год. Прежде он был инспектором Горы-горецкой земледельческой школы⁴⁸⁵ и только пред поступлением управляющим балабановским именем княгини Волконской причислен к уделам, откуда получал чины и жалованье.

По получении ответа с места моего служения Кофторадзев говорил мне:

- Тебя желает видеть министр, — остригись пониже и оденься почище, держись почтительно, но по возможности смелее, а то ты иногда некстати бываешь застенчивым и этим можешь повредить себе. Завтра в половине первого пойдешь к нему со мною.

В двенадцать с половиною часов мы были в квартире, занимаемой министром, а в час позваны в его кабинет.

При входе в кабинет я увидел человека среднего роста, скорее худощавого, с пронизательным взглядом (как будто косоватого), устремленным на меня. У меня забегали мурашки по всему телу, но я не показал никакого смущения.

- Как твоя фамилия? — почти ласковым голосом спросил меня министр.

- Кабештов.

- Ты сводный брат Аграфены Яковлевны Кичигиной, она о тебе хлопочет? Чем ты занимаешься в софиевском имении?

---

⁴⁸⁵ Горы-горецкая земледельческая школа была открыта в 1840 г. в Горыгорске — казенном имении Оршанского уезда Могилевской губернии. В 1848 г. преобразована в Горыгорский земледельческий институт, готовивший исследователей, агрономов с высшим теоретическим и практическим сельскохозяйственным образованием, впоследствии и лесничих. В 1863 г. институт был переведен в Петербург вместо упраздненного Лесного института.

- Зимой занимаюсь письмоводством в конторе и поверкою ведомостей, присылаемых господину Пурлевскому, и иногда служу проводником при обозах с проданным хлебом в Моршанск и Саратов, а летом заведу хозяйством в деревне Мокшанцевой.

- Это та самая деревня, ваше превосходительство, — сказал Кофторадзев, — где чуть не половина раскольников, беспоповцев поморской секты.

- Так как, — ответил министр, — я интересуюсь этим вопросом, скажи мне правду об этих людях.

- Кроме истинной правды ничего не смею говорить пред вашим превосходительством, это люди трезвые, трудолюбивые и исполняют работы наравне других.

- А живут они состоятельнее православных? как состояние их числится по подворным описям? — И, обращаясь к г. Кофторадзеву, спросил его: — Я, кажется, просил вас справиться об этом, не только по отношению к мокшанским старообрядцам, но и к другим, также и к удельным?

- Их имущество почти такое же, как и у православных.

- Не скажешь ли ты, отчего это происходит?

Я несколько замялся, но г. Кофторадзев, обращаясь ко мне, сказал, что нужно отвечать его высокопревосходительству смело правду.

- Что благосостояние старообрядцев, несмотря на их трудолюбие и трезвость, не выше православных, то это потому, что их обирают их уставщики. — Сказав это, я замялся, но взгляд г. Кофторадзева подсказал мне, что я должен говорить все мне известное, — а также с них берут много полицейские власти, окружные начальники и другие, а попав под суд, они расплачиваются с судебными властями взятками.

- Вот все мне так говорят. — И, обращаясь к г. Кофторадzewу, министр сказал: — Я давно не справлялся, как идут дела в комиссии по прекращению злоупотреблений в раскольничьем мире. Завтра пришлите мне председателя комиссии. — Затем, обращаясь ко мне, министр сказал: — В будущем году в августе месяце должен будет отправиться первый транспорт переселенцев из саратовских имений княгини Волконской в Херсонскую губернию. По представлению господина Кофторадzewа и по рекомендации Пурлевского я назначаю тебя проводником первого транспорта переселенцев; тебе дана будет инструкция, господин Кофторадzew надеется, что ты оправдаешь наше назначение.

Тем кончилась моя аудиенция у министра. Мне выдали 25 рублей в подарок.

Сестра при прощании со мною дала мне 10 рублей — значит, я богач! Я поцеловал у ней руку, а она в первый и в последний раз поцеловала меня в лоб, сказав, что ей приятно слышать о мне хороший отзыв г. Кофторадzewа: «Теперь почти окончательно решен вопрос об отпуске тебя на волю».

Через два дня мне, как будущему проводнику, была дана инструкция, написанная в том духе, как мне передавал секретарь, с прибавлением, чтобы я по возможности, проезжая губернские города Тамбов, Воронеж, Полтаву и Харьков, являлся бы с выданною мне книгою в губернские правления; через три-четыре дня делал бы дневки, приноравливая их к сказанным городам, и водил бы переселенцев в церкви.

При прощании с чиновниками они говорили мне, что я им кажусь странным человеком: «Мы слышали, что Кофторадzew предлагал вам остаться в Петербурге и будто бы министр не против этого. Как-де, вам, — говорили они, — хочется из Петербурга ехать в глушь, где, пожалуй, трудно встретить живого человека».

- Это верно, что там глушь, — отвечал я, — но я люблю природу, какой здесь нет, притом чувствую призвание к сельскому хозяйству, к тому же...

Но один из чиновников, с которым я более сошелся, перебил меня:

- Верно, невестой обзавелся.

Я покраснел, и они засмеялись.

- Видите, угадал, — раненько немного - к тридцати годам народишь душ десять детей.

Но тут замечательно: почти все письмоводители были из деревень — удельные крестьяне разных губерний. Так Петербург втянул их в себя. При выдаче инструкции мне сказано было, что в будущее лето я, вероятно, буду командирован в имения гг. Чихачевых, где должен буду установить конторскую отчетность по образцу отчетности у Волконских. Инструкцию я получил в конце января, а потому мне куплен был черный дубленый тулуп и теплые валяные сапоги.

XXVI

Мой приезд в Софиевку и прием там; выход замуж моей страсти. — Встреча с Ежовым и его мораль. — Я не выдерживаю искуса и делаюсь не лучше товарищей. — По счастью, уезжаю поверять конторы Чихачева.

Я обратно ехал на паре почтовых перекладных; суточных мне отпустили по одному рублю в сутки. Все это мне показалось в то время большим благом, и я с гордостью возвращался домой, по дороге заехал к сестре в Саратов; она была удивлена и обрадована моими успехами.

По приезде в Софиевку мне тоже отвели отдельную комнату, и управляющий со мною обращался куда благосклоннее и внимательнее. Года четыре назад, возвратясь домой как неспособный по здоровью для продолжения учения геодезии, я не нашел тогдашнего моего друга — собаки Жучки, так и теперь меня ожидала еще большая потеря — я не нашел моей Марфуши, вышедшей замуж за приказчика по двору. А я все время по выезде из Софиевки, и во время пребывания в Петербурге, и на возвратном пути, много о ней думал, но в конце пришел к положительному решению: пусть будет, что будет, а я все-таки на ней женюсь. Ее замужество при содействии жены управляющего на первое время меня глубоко огорчило, — я все-таки ее любил, и любил горячо, хотя в глубине души зарождалась мысль, что эта женитьба не может доставить счастья, при нашей неприютности и бедности.

Встретившись со мной, А.В. Ежов самым дружеским образом рассказал мне, что сватался на одной хорошенькой, но простенькой девушке Груне. Их уже благословили образами, но он раздумал, и свадьба не состоялась.

- Почему? — спрашиваю его.

- Да не захотел расставаться со свободой: ведь так много у нас хорошеньких девушек, а тут с одной возись.

- Да, кажется, пора уняться, и думаю, что и тебе стыдно, и матери причиняешь не только неприятности, но и страдания, да и себя унижаешь в своих глазах.

- Убирайся со своими проповедями. Какое тут унижение; общества у нас почти нет, и вся среда, окружающая нас, относится более нежели равнодушно ко всем проказам, а наезжающие соседние, не только мелкопоместные, вроде Бегильдеева, Кальдеева и другой швали, а даже и

более крупные, вроде Журовых, только то и делают, что производят незаконнорожденных детей: Алена родила, Даша беременная, Катя тоже на пути к этому, хотя ты знаешь, какая она была недотрога-скромница. Нельзя же таких хорошеньких всех упущать на сторону.

По природе и по внушению матери, я не походил на Ежова, и к тому же несколько отвык от подобных явлений, потолкавшись между другими людьми; меня эти рассказы коробили. Но сам я недолго держался от окружающего соблазна, позабывал нравоучения матери, чуть не с головою погрязал в разгуле, хотя не хвалясь скажу, что временами находили на меня тоскливые, мрачные минуты, и я, видя свое падение, горько каялся и молил Бога избавить меня от этой бездны разврата, но потом опять все-таки падал; ходил на вечеринки, принимал участие в разных святочных играх, наслушался разных площадных рассказов и пословиц. Воспоминания о всем этом и теперь, в 78 лет, более, нежели в прежнее время, меня преследуют. Некоторым утешением для меня служило то, что я на лето должен был уехать для исправления контор гг. Чихачевых, а в августе выехать проводником транспорта переселенцев в Херсонскую губернию. Я это сообщал иногда Ежову и другим товарищам, но они мне отвечали:

- Значит, братец, ты глуп и не знаешь, что в молодости нужно спешить насладиться всем, что находится под руками, — молодость два раза не бывает.

И действительно, по моей слабохарактерности я опять бросался в омут разгула, пожалуй — разврата. Припоминая теперь две зимы, следующих за этою, я с ужасом вижу, что я тогда падал нравственно все ниже и ниже и делался хуже и хуже, хотя я по-прежнему днем усердно занимался учением детей до обеда, потом поверял отчеты и читал хотя сравнительно меньше, но все-таки много, и иногда, читая хорошую книгу,

просиживал над нею до света, уделяя для сна очень мало времени. Тем не менее ежедневные мои занятия шли успешно, а управляющий глядел на все проказы, если они до него доходили, сквозь пальцы; большею же частью до него они и не доходили. С развращенными девушками на фабрике в Саратове ничего нельзя было сделать, а они влияли и на других подрастающих самым пагубным образом.

Действительно, до начала весны было получено предписание, чтобы я по первой установившейся весне ехал для исправления контор гг. Чихачевых в село Дуровку, где была главная контора, а в августе должен был бы сопровождать транспорт переселенцев в Херсонскую губернию. В эту весну я успел только во время разлития полой воды поохотиться за зайцами на островах, так же, как описано было выше.

XXVII

Отъезд на поверку контор гг. Чихачевых; невозможность поверки их. — Делаю опись бумаг и разных предметов, привезенных в Дуровку из Москвы в 1812 году. — Каковы эти бумаги и проч. и их блюститель, старый дворецкий. — Грешки Чихачева. — Встреча его с дьячком.

Хотя я в конторах гг. Чихачевых должен был свести балансы и итоги всему имуществу по ведомостям, вводимым при двойной бухгалтерии, и, проверив все в натуре, ввести новые формы отчетности по образцу Волконских, но по приезде в главную дуровскую контору нашел там такой хаос, что никаких выводов и балансов нельзя было сделать; месячных ведомостей не поступало в главную дуровскую контору за пять месяцев, да

и в самой конторе таковые не велись. Оставалось только или с начала года делать и писать все ведомости по обыкновенному образцу, или поставить над всею отчетностью крест и, проверив наличность в натуре на 1-е мая, ввести ведомости по новому, более легкому образцу, возможные и при прежнем составе конторы. Я попытался было проверить бывшую отчетность, но, просидев над нею недели две и увидев невозможность что-либо сделать, не знал, как поступить Далее.

По счастью, к этому времени прямо из-за границы приехал сын г-жи Чихачевой Платон Александрович. Он быстро решил бросить всякую проверку прежней отчетности, а, проверив все в натуре: деньги, хлеб, скот и пр., начать новую отчетность. После такого радикального решения дело пошло быстро; запаса хлеба в зерне было немного, но стояли большие скирды немолоченного хлеба, которого до обмолота не было возможности проверить, а потому по пробному обмолоту нескольких копен вывели количество зерна, и остальной живой и мертвый инвентарь также был быстро проверен.

Чихачев пожелал в натуре познакомиться в ближайших имениях с полями и работою на них, а мне, к моему огорчению, дескать, не в службу, а в дружбу, поручил сделать опись буквально сваленных в двух комнатах разных бумаг и имущества, привезенных сюда из Москвы еще в 1812 году, следовательно, лежавших здесь более 35 лет. Разумеется, все это перевезено сюда из опасения французского нашествия. И вся эта масса, частью ценных вещей, но в большинстве малоценного хлама, была на руках того самого дворецкого, который почти мальчиком препровождал его из Москвы, и находилась без всякой описи. Он уже выглядывал стариком в 65 лет или более. Дворецкий говорил:

- Я все это господское добро привез молодым и вот преждевременно состарился при нем.

- Да отчего же ты состарился, разве это так трудно?

- Не так трудно, как опасливо за целость. Его нужно все-таки раза два в лето пересушить на воздухе, а тут вынесешь на двор — того и гляди, кто-нибудь украдет какую-либо вещь; пойдешь на двор поглядеть, тут в комнате что-нибудь стащат, да и надо от моли сохранять, хотя табаком перекалывал вдоволь. На покупку табаку дают самую малость, говорят, что я табак перетираю в нюхательный, так как, по грехам, нюхаю табак. А вы смотрите, сколько тут сундуков и ящиков!

Я не без содрогания посмотрел на их количество: все эти сундуки и ящики и все в них нагруженное нужно было описать.

- Да что же, так уже дрожать за всем, ведь описи не было и никто не поверял?

- Действительно, что описи настоящей официальной не было, но я кое-как сам описал в первый год все, и лихая меня дернула одну опись отдать в контору, а другую оставить себе. Да ведь я малограмотный, какая там опись.

Это известие меня несколько обрадовало. Я пошел в контору и распорядился, чтобы мне отыскали опись имущества, составленную в 1813 году дворецким Иваном Сторцевым.

Пока я вынимал из сундуков и ящиков разные бумаги, писанные на русском, французском и немецком языках, и, раскладывая их только по диалектам, два писарчука описывали их, конечно, как могли, обозначая номера, прошло два дня, а описи все-таки мне не приносили, говорят, что ее и найти трудно. Это известие меня опечалило, и я, обращаясь к Сторцеву, спросил:

- А где же твоя опись?

- Она вот, — и при этом, вынимая из стола какую-то желтую исписанную каракулями бумагу, говорит, что это черновая, — вы, кажись, ее не разберете.

Действительно, разобрать было трудно, но все-таки при помощи самого писавшего ее оказалось возможным разобрать, и она принесла мне немалую пользу. Чего-чего только в ней не было записано: белье столовое, постельное (и все в дюжинах), разные шелковые материи, отрезки дорогого бархата, чулки дамские и пр., а также целые приборы саксонского фарфора и богемского хрусталя и т.д. По словам Сторцева, все серебро было отослано в Москву прежде (а его было более 10 пудов).

После знакомства с неразборчивою описью Сторцева я, взяв двух надежных женщин, начал разбирать все по отделам. Столовое и постельное белье в одну сторону, материи и прочее — в другую, посуду — в третью и т.д. Но, что всего более меня удивило при разборе, это то, что там находились в кусках и стопках разные сыры и даже нераспечатанные банки какой-то дорогой французской горчицы, чернослива и проч. в красивых стеклянных банках с золотыми надписями. Когда вся эта разнообразная дрянь: сыры, горчица и проч. — была собрана в одно место, я спросил Сторцева:

- На что берегли эти никуда не годные деликатесы?

- А как же, — отвечал Сторцев, — это господское добро и мне было сдано на хранение.

Что вы против этого скажете! Только удивляться надо такому честному отношению к соблюдению порученных господских пожитков и состариться при них. Когда за неделю времени все это было разобрано по отделам, вошел П.А. Чихачев, он так и развел руками:

- Сколько тут всякой всячины, и куда с ней деваться?

- Да здесь есть очень ценные вещи, например, столовая посуда, белье и проч.

- На что оно нам, матери теперь не нужно, а мы с братом оба не женаты, и у нас есть все необходимое.

- Вероятно, у вас есть небогатые родственники — подарите им; дайте частичку управляющему.

- Небогатым родственникам сколько угодно, а управляющий ничем не поживится; он не мой управляющий, а матери, и она в него, как в бездонную бочку, все пихает. Все здесь находящееся: куски материи, бархата и проч. — отдайте в церковь, пошлите по полдюжины всякого столового и постельного белья Матроне Андреевне, жене приказчика, а остальное сложите в ящик, я прикажу его разослать кому следует.

Матрона Андреевна была женщина не первой молодости, но еще красивая, румяная, чернобровая. Она была не более года замужем за вольноотпущенным конторщиком из родного моего села Софиевки, а после смерти мужа вышла второй раз замуж за приказчика села Дуровки, человека немолодого и некрасивого, находящегося почти всегда в командировках.

Платон Александрович сильно за ней приударял. Я столовался у приказчика или скорей у Матроны Андреевны, а потому я полагаю, что Платон Александрович ревновал меня к ней. Однажды, как она говорила, он, несмотря на свою важность, вечером стоял у окна, подслушивал и подсматривал за нами. Вскоре он велел подавать мне кушанье от стола управляющего и всячески старался, чтобы я меньше бывал в Дуровке.

По окончании разборки и составления описи бумагам и остальным пожиткам, раз мы сходим со второго этажа дома; на площадке ожидал

Платона Александровича местный дьячок с писанным прошением. Платон Александрович начал читать и вдруг вспыхнул и начал громко говорить:

- Что ты врешь, дурак! говоришь, что отец мой милосерд был. Ты отца моего не видел, — он ни разу здесь не был. Вон, каналья!

Дьячок как мячик слетел с площадки. Платон Александрович передал мне это прошение, и я увидел, что дьячок просил помощи лесом, для постройки избы и в конце прибавил текст из Священного Писания: «Будьте милосердны, как Отец ваш милосерд есть»⁴⁸⁶.

Я улыбнулся.

- Чему ты смеешься?

- Я говорю, что дьячок привел текст из Священного Писания, сказав, что будьте милосердны, как Отец небесный милосерд,

- Вот пойдешь ты, ведь, вероятно, за мое воспитание заплатили 40—50 тысяч, а я и этого не знал. Позвать дьячка.

Оробевшего и трясущегося дьяка, который удирал из барского двора чуть ли не бегом, возвратили, и он, получив желаемое, упал в ноги. После введения форм и окончания описи меня назначили ехать в балашовские имения: Гусевку и Анновку, в которых я был с полковником, где было много молокан и откуда бежало немало, как их, так и православных, за Дунай. Приехали мы туда вместе с П.А. Чихачевым.

XXVIII

---

⁴⁸⁶ Лк 6:36.

Платон Александрович Чихачев, как человек и сельский хозяин. Его литературные труды. — Путешествие его за границу. — Близкое отношение к министру. — Посещение его родственником. — Их разговор. — Брат Чихачева Петр. — Стол Чихачева и его день. — Бурмистр Кутъев и поступок с ним Чихачева. — Введение новых конторских форм. — Отношения Чихачева к крестьянам: суровые наказания и вместе добрые отношения к ним. — Отношение к нему местных властей.

Теперь мне кажется, будет нелишним сказать несколько слов о в высшей степени интересной личности Платона Александровича Чихачева. Он на меня произвел такое сильное впечатление, какого не производило ни одно лицо, с которыми судьба сводила меня в жизни; он замечателен своими положительными и отрицательными качествами как человек и только положительными качествами как хозяин. Тут человек в нем исчезал.

Повторяю, он был лейб-гвардии штаб-ротмистр, высокий, стройный и красивый, лет 30—35, но на висках у него была уже седина. Он сделал описание похода Перовского в Хиву, а также и описание Алтайского края, кажется, на французском языке, переведенных после на русский. В русской грамматике был не силен и писал с ошибками и часто говорил, что русский язык ему не дался. После выхода из службы он две зимы жил за границей, больше в Америке, изучая там сельское хозяйство, присылая оттуда разные новости, так, например: прислал в конце 1848 года штифтовую небольшую двуконную молотилку, первую в тамошнем крае, на осмотр которой съезжались издалека хозяева, и упряжь на головы волам, которая, впрочем, не привилась.

Я много писал от него секретных писем к Л.А. Перовскому, тогда министру внутренних дел. В этих письмах писалось о разных сектантах, о

побегах их и православных; описывались разные неурядицы в администрации и прочее. Эти письма я писал в его кабинете с его неразборчивых чернеток или под диктовку. Письма под диктовку для Меня с непривычки при его горячем характере были страшною тяжестью. Однажды я писал с чернетки длинное, но спешное письмо. Докладывает человек, что приехал генерал (имя и фамилию окончательно забыл). После узнал, что этот генерал был большой друг его отца и даже недалекий родственник. Когда доложил его человек о приезде генерала, я спрашиваю Платона Александровича:

- Мне, может быть, выйти?

- Нет, — говорит, — пиши; письмо очень скоро нужно отослать, а у нас не будет никаких секретных разговоров.

Вошел генерал, невысокий, но крепко сложенный, с хорошей седой шевелюрой, с двумя Георгиевскими крестами. По-моему, ему было около 60 лет. Он радостно, почти восторженно бросился к Платону Александровичу. Тот тоже быстро пошел к нему навстречу, плотно обнялись и поцеловались.

- Вот тебе раз! — говорит генерал. — Седина на висках, а еще не женился. Помнишь, каким мальчиком бегал в моем саду в Саблине. Потом я часто тебя видел в Петербурге, в доме твоих родителей, молоденьким, красивым офицером, где мне про тебя говорили, что отбоя от барышень нет, но прибавляли, что ты ведешь скромную жизнь, много читаешь и пишешь, и предсказывали тебе блестящую карьеру. А вот, натко тебе, вышел из гвардии, забился в деревню и сидишь сиднем. Я в Петербурге от Анны Павловны (матери Платона Александровича) узнал, где ты обретаешься; возвращаясь оттуда, свернул немного с маршрута и решил навестить тебя.

- Спасибо, дядя. — И начал на эту тему говорить по-французски.

Дядя, вероятно, понимал, что он говорит, но ответил по-русски, начав с

того, что на Кавказе почти забыл французский язык.

- Ты говоришь, что хочешь посвятить всего себя сельскому хозяйству, а держишь в этих имениях такого главноуправляющего, который, по словам вашего поверенного в Петербурге, по хозяйству ни бельмеса не знает, и к тому же ничего не делает.

- Это любимец матери — вашей кузины, иначе я не стал бы его держать ни одного дня. Но он теперь, пока я буду часто наезжать, а летом постоянно жить в имениях, будет только получать жалованье. Пусть живет, лишь бы не тревожить мать.

- Мать говорит, что ни ты, ни брат не думаете жениться, для кого же ты будешь трудиться?

- Во-первых, по любви к сельскому хозяйству, во-вторых, что как вам известно, у вдовы — сестры моей, княгини Девлет-Кильдеевой, ничего не имеющей после смерти мужа, промотавшего свое и ее состояние, осталось трое детей, и этих сирот мы в'зяли на свое попечение, а в-третьих, — брат, может быть, женится, да и я на старости, как многие, могу сойти с ума, — тоже, пожалуй, женюсь⁴⁸⁷.

- Да, кстати, счастливо ли брат служит по дипломатической части?
- Он теперь при константинопольской миссии и, по отлучке первого секретаря, исправляет его должность⁴⁸⁸. Но он такой странный: ведет жизнь скромную, не играет в карты, одним словом, не мот, а деньгам у него невод. Чего лучше, в позапрошлом году я взял его с собою, чтобы объехать имения.

---

⁴⁸⁷ Платон Чихачев женился в 1856 г., а Петр — только в 1869 г., когда ему был 61 год.

⁴⁸⁸ Неточность! Описываемый разговор происходил после 1847 г., а Петр Чихачев, служивший в течение двух лет атташе при русском посольстве в Константинополе, в 1847 г. вышел в отставку.

Он в русских деревнях с семилетнего возраста не был, а ведь вы знаете, что крестьяне при приезде помещика, как бы состоятельны ни были, притворяются всегда бедными и нуждающимися во всем. Мой Петр роздал в первом имении все деньги, какие были у него в кармане, и одной красивой девочке-замарашке утер нос своим носовым платком и отдал его ей; следовательно, в деревне жить не может, а будет на моих руках.

Слушая их разговор, я в переписываемом письме наделал много ошибок и, зная, что письмо скоро нужно, попросил уйти мне в свою комнату, чтобы переписать там.

Генерал, пробыв полтора суток, уехал, и Платон Александрович принялся за свою неугомонную деятельность, а деятельность его была действительно изумительна.

Вставал он в шесть с половиной часов; ему был готов кофе: его он пил два стакана с белым, свежим хлебом, с намазанным на хлеб маслом, а на масло медом. Почти всегда выезжал в семь часов, один день верхом на выезженной кавалерийской старой лошади, а на другой — на беговых дрожках из своей мастерской. В Балашовском уезде было два имения: Гусевка и Анновка, отстоящие одно от другого в 9 верстах. Резиденция была в Гусевке, а в Анновку он ездил чуть ли не каждый день. Человек служащий, у него был лакей и вместе повар. Если утром после кофе Платон Александрович ехал в Анновку, то там приготавливали очень скромный обед: какой-либо суп с курицей, жаркое из баранины или котлеты из той же баранины или курицы, но непременно с жареным картофелем; за обедом выпивал рюмки две красного вина, потом опять кофе, как и утром. К вечеру ехал в Гусевку, выпивал стакан чаю с молоком и стакан молока, а иногда съедал

два

яйца.

Я с ним ездил иногда в Анновку, где оба, как и в Гусевке, бились над

конторскою отчетностью, ведущейся по двойной бухгалтерии, с едва умеющим писать конторщиком, и, не придя ни к какому заключению, поверяли в натуре хлеб и другое имущество и заносили наличность с тем, чтобы начать отчетность по образцу отчетности у Волконских.

У Платона Александровича был уважаемый, честный, трудолюбивый и смысленный бурмистр П.Т. Кутьев. За его умение и преданность делу Платон Александрович уважал его, даже более — баловал: привозил из-за границы разные подарки: кафтан, шляпу, часы и пр. Однажды во время уборки ржи с корня (в то время исключительно серпами) начал падать небольшой тихенький дождик, чуть-чуть смочивший дорогу. Мы подъехали к полю убираемой ржи; работа не производилась; крестьяне лежали под возами, поставленными близ дороги.

- Что вы не жнете? — спросил у одного крестьянина Платон Александрович,

- Бурмистр прекратил работу, — ответил крестьянин.

- А где он?

- Вон там, лежит под возом.

Платон Александрович с яростью погнал лошадь и, подъехав к возу, под которым бурмистр спрятался от дождя, сердитым голосом закричал:

- Зачем ты остановил работу? барин ездит по полю, а ты лежишь! — и, не дав ему выговорить ни одного слова, схватил за волоса и начал бить находящуюся у него в руках нагайкою.

Я от удивления остолбенел. Бурмистр не произнес ни звука, ни слова, отошел к возу, под которым сидел.

Платон Александрович сам остановился и, кажется, удивлялся, как это могло случиться. Бурмистр ушел за воз, и слышны были всхлипыванья старика. Платон Александрович, простояв минуты две на одном месте и

видя, что бурмистр к нему не подходит, сел на дрожки, говоря как бы с собою: «Вот ведь никак не могу совладать с собою, хотя после каждой горячки раскаиваюсь».

Наступил вечер. Кутьев сидит в конторе и не идет к барину на наряд. Платон Александрович посылает за ним и приказывает явиться. Кутьев входит и молчит.

- Что же ты не идешь в наряд? — говорит Платон Александрович уже мягким голосом.

- Нет, уж увольте меня, Платон Александрович, я не могу теперь распоряжаться, назначайте вместо меня другого.

- Как ты смеешь мне это говорить? — вновь вспыхнул Платон Александрович, но вспышка эта скоро потухла. — Да я тебя запорю, сына в солдаты отдам и вообще тебе несдобровать, если ты завтра не пойдешь на работы.

- Как угодно и что угодно делайте со мною, а я на работы не пойду, — хладнокровно и твердо отвечал Кутьев;

- Да ты с ума сошел — не признаешь Над собою власти твоего помещика!

- После такого срама и с ума можно сойти, — отвечал Кутьев.

- Кто же будет в это горячее рабочее время распоряжаться?

- Пока может распоряжаться и староста Иван, ему давно хочется быть бурмистром.

- Молчать! — кричит Платон Александрович притворно гневным голосом. — Не рассуждать, убирайся вон и не показывайся мне на глаза, пока я не придумаю, что с тобою делать!

Кутьев не торопясь уходит и действительно не показывается на глаза. Платон Александрович призывает старосту, спрашивая: что мы завтра будем

делать?

Обрадованный Иван, думая, что с этого времени он будет бурмистром, отвечает:

- Вестимо, надо жать хлеб, но после того, как вы изволили наказать Кутьева, крестьяне все бросились жать: нажали и связали много мокрого хлеба, — его надо будет просушить.

Платон Александрович поморщился:

- Да ведь это не должно послужить к невыполнению уроков.

- Нет, батюшка, уроки все будут выполнены, хотя бы весь хлеб пришлось просушить.

А это значит, что тягло — мужик и баба — должны в три дня выжать, связать и сложить в копны десятину хлеба, как бы ни был велик урожай, хотя бы он достигал и 20 копен (там копна считалась в 52 снопа). Работа очень тяжелая. Крестьяне, несмотря на короткие летние ночи, работали и по ночам и во время уборки так измучивались, что к концу уборки худели, старели, а некоторые скорее походили на тени. Это еще где требуют только три дня в неделю и в воскресенье посылают возить хлеб, а у некоторых работают и по четыре дня. Сверх сего нужно же и свой хлеб убрать.

Избитый бурмистр дня два не приходил в контору. Я раз или два навещал его и заставал облокотившимся на стол — мрачным и грустным. Жена его, провожая меня, говорила, что по ночам встает и подолгу молится со слезами.

На третий или на четвертый день Чихачев послал за Кутьевым и позвал его прямо в комнату. Я прошел почти незаметно за перегородку, где лежали бумаги, и слушал, что будет.

- Ну что, Кутьев, — говорит Платон Александрович мягким голосом, — пора перестать грубить, а то ты, пожалуй, выведешь меня из терпения... — на этом слове он остановился.

Кутьев глядел прямо и смело ему в глаза, что-то хотел сказать, но вместо того губы его задергались и на глазах показались слезы.

- Что ты, баба, что ли, — хочешь плакать?

- Нет, батюшка Платон Александрович, это так, — почти твердо ответил Кутьев.

- Ну давай заключим мир; своей горячкой я испортил свою служебную карьеру. Вот и в тот раз не сумел себя удержать. Я тебе и сыну (у Кутьева был один сын) даю вольную и послал в Балашов за стряпчим для этого.

Кутьев со всего маху упал на землю и со слезами говорил:

- Я не достоин этого, но спасибо тебе на добром слове. Я ведь люблю дело и вас, мне без дела хоть в гроб ложись, да и тебе я предан всею душою.

Два раза Кутьев в порыве чувств сказал в единственном числе, но Чихачев не обратил на это внимания.

- Ну, будет, вставай и ступай на работу, а то там не ладно: нечисто жнут. Да скоро нужно и молотить купленной молотилкою.

В конторах были введены новые формы; хлеб и все остальное имущество было проверено, но Платон Александрович затеял сделать десятилетнюю таблицу прихода и расхода денег. Я ее кончить не мог, во-первых, потому, что точных данных почти не было, а во-вторых, мне предстояла необходимость ехать в Софиевку и готовиться к отправке переселенцев в херсонское имение. Таким образом, я расстался с Платоном Александровичем Чихачевым и П.И. Кутьевым, с последним с большим сожалением. Несмотря на уважение к трудолюбию и практичности Платона

Александровича, я расстался с ним без сожаления; его необузданная вспыльчивость, строгие наказания розгами не только крестьян, но и крестьянок и частые употребления нагайки во время вспышек горячего до бешенства характера по делу и без дела делали его несимпатичным и даже опасным. Кстати, обе нагайки, с каждым возвращением из-за границы он привозил новую нагайку — тоньше прежней и, как мне говорили, пускал ее в дело реже, но все-таки она несколько времени ходила по многим спинам, и только в половине 50-х годов была окончательно заброшена.

В гусевской церкви, как почти во всех великорусских церквях, было несколько баб-кликуш, которые пред причастием начинали рыдать диким голосом и выкликать кого-то и что-то иногда в истерике, в истинном или притворном экстазе падали наземь. Тогда покрывали их епитрахилью⁴⁸⁹ или другим каким-нибудь священным покровом и, когда они успокаивались, их выводили из церкви. Однажды Платон Александрович был в обедне, объявились две таких кликуши, и они тотчас после обедни были позваны в контору и Платон Александрович сказал им, чтобы непременно каждое воскресенье и праздник ходили в церковь и молили усерднее Бога об избавлении их от этой болезни, но если она не пройдет, то в следующую неделю за припадком должны по обыкновению отбывать три дня барщины, а в остальные три дня должны работать при церкви: мыть полы, чистить ограду, копать ямы для посадки деревьев, и если там неостанет работы, то их будут высылать на огород и сад при барском доме. Есть им будут выдавать хлеба вдоволь и одну только воду, и больше ничего: и это для того, чтобы вы в это время, на тощий желудок молились усерднее Богу, как это делали угодники.

---

⁴⁸⁹ Епитрахиль — часть облачения служителя православной церкви в виде длинной полосы ткани, надеваемой на шею под рясой.

Тут же при них отдано строгое приказание бурмистру об исполнении в точности его распоряжения насчет кликуш. Всем было известно, что его приказания исполнялись свято. Эти две бабы еще повторили раза два в уменьшенном виде выкликание, плакание и рыдание, и когда к ним была применена во всей точности сказанная мера, то они окончательно излечились. Такая же мера была применена в другом имении его, селе Анновке и в сердобских имениях и привела к тем же результатам.

Когда эти бабы перестали рыдать и выкликать, то между крестьянами прошел слух, что Платон Александрович знает такое слово. Особенно крестьянки, одержимые прежде этим криком, желая оправдаться пред другими, говорили, что когда они к нему были позваны в первый раз, то он что-то шептал. Когда дошел этот слух до Платона Александровича, то он от души посмеялся над ними.

Странно, что в Малороссии и Украине я в течение 25 лет никогда не встречал этих кликуш. Меня в то время этот вопрос о кликушах очень интересовал, в особенности когда я после этого встречал очень много кликуш в великорусских имениях Волконских, которых бесполезно отчитывали местные священники и монахи в монастырях, и вот на днях я наткнулся на книгу «Порча кликуш и бесноватые как явления русской народной жизни» доктора медицины Н.В. Краинского, директора Коломянской психиатрической больницы (Новгород, 1901)⁴⁹⁰. В этой книге говорится, что кликушество происходит от разных бытовых причин и требует широкого исследования, и считает эту болезнь подражательно эпидемической.

---

⁴⁹⁰ Правильно: Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые, как явления русской народной жизни. Новгород, 1900.

После описанных фактов представляю судить об этой болезни специалистам, я же, с своей стороны, ручаюсь за безусловную верность сообщенных выше фактов. Другие помещики, употребляя суровые меры строгости, в виде телесного наказания, не достигали таких благих результатов. Кликуши не ходили в свои церкви, а уходя в соседние церкви или в монастыри, предавались там усиленному кликушеству.

Еще особенность Платона Александровича Чихачева: он каждое утро из двух находящихся у него в ящиках пистолетов стрелял через окно в поставленную особую железную цель, в середине которой был железный же кружок, вершка в полтора в диаметре. Если пуля попадала в этот кружок, то выскакивал сзади небольшой флаг, но если после двух выстрелов флажок не показывался, то он еще стрелял два или три раза. Пороху у него было много, а пуль несметное количество. Когда он уезжал и оставлял пистолеты незапертыми, то мы с его человеком стреляли из них по несколько раз, но почти никогда не попадали в цель, тогда как он очень редко промахивался. На что ему были упражнения в стрельбе в цель, я так и не узнал, хотя человек его говорил, что он по приезде в Петербург должен драться на дуэли. Он назвал мне и имя этого господина, но я забыл его и не знаю, дрался ли г. Чихачев или нет.

По отношению к приходящим к нему крестьян или крестьянок, если он был в хорошем расположении духа и имел свободное время, то говорил с ними по целым часам: узнавал всю их жизнь, и даже жизнь соседей и других крестьян, так что ему была известна хозяйственная и семейная жизнь почти каждого крестьянского дома. Разные основательные просьбы о вспомоществовании хлебом, деньгами, лесом для постройки домов почти всегда удовлетворялись. Так что, если бы не строгие, переходящие иногда в

жестокие наказания, то по отношению к крестьянам он мог быть назван строгим, но справедливым отцом. Между его крестьянами не было бедных, и никто не имел права просить милостыню.

Платон Александрович жил уединенно: ни к кому не ездил, никого у себя не принимал. В свободные, особенно ненастные дни читал или занимался конторскими делами. Местные власти Балашовского и Сердобского уездов, исправники и становые, его боялись, и ни один из них не подъезжал к его дому с колокольчиком, а снимал его с дуги за полверсты. Да и другие власти тоже относились к нему с уважением и некоторым подобострастием: они знали, что вскоре после отъезда из его имений и из Балашова жандармского полковника уездный судья и окружной начальник лишились мест.

Потом ему справедливо или нет, но приписывали смещение и, кажется, отдачу под суд председателя Саратовской уголовной палаты С[ту]пина, известного всей губернии за страшного взяточника и безнравственного человека, имеющего чуть ли не гарем из дам вполне приятных. Я это, впрочем, основываю на том, что после выезда его из саратовских имений в Петербург некоторые власти, как сказал выше, поплатились отставками. Министру писались — частью на французском языке, частью на русском — разные сообщения; на русском я переписывал разные записки, написанные небрежно и неразборчивою рукою, в коих перечислялись разные беззакония. В конце переписанной мною записки я под диктовку Платона Александровича написал, что это суть не официальные сведения, для проверки которых не мешало бы послать чиновника или жандармского офицера. Даже и мне, видящему не раз многие злоупотребления и знакомому с нашими порядками, не верится прописанным выше злоупотреблениям разных властей, — до того они

чудовищны. Но на них указывали благонадежные люди и готовы были доказать и подтвердить их фактическую справедливость.

После отъезда из имений Платона Александровича я видел его ненадолго года через два; он ехал верхом и, что замечательно, без нагайки, а с легеньким хлыстиком, таким же добрым, свежим, но крайне загорелым. Потом изредка получал из имения письма от Кутьева, что Платон Александрович реже начал выезжать за границу и в Петербург; уменьшил строгости и по мере уменьшения их становился добрее и внимательнее к нуждам крестьян и еще более начал улучшать хозяйство. Об нем много говорила сельскохозяйственная пресса. Он умер в конце 80-х годов в преклонной старости⁴⁹¹.

XXIX

Снаряжение крестьян к переселению и сборы в дорогу. — Расставание их с родными и насиженными местами. — Продовольствие их дорогою. — Устройство на новых местах, где они быстро привыкли и начали звать к себе родных. — Наделение их землею. — Дорожная отчетность. — Происшествие дорогой.

Приехав в конце июля в свою родную Софиевку, я начал готовить назначенные к переселению семейства крестьян и дворовых: осмотрел их повозки, лошадей и их пожитки, урезонивая брать как можно менее, узнав еще в Петербурге, что на новых местах для них приготовлено все: от образа, стола до ухвата. Переписав и перечислив семейства, я

---

⁴⁹¹ Платон Чихачев умер в 1892 г.

назначил, по согласию с управляющим, сколько нужно для каждого семейства лошадей и возов. Семейных, так сказать, кушающих из одной миски, было мало: большая часть была из разделившихся, вопреки воле Перовского, семейств, и потому для большинства понадобилось по одной лошади и повозке, но все-таки для 130—140 душ назначалось около 35 лошадей. Я им советовал запастись как можно более сухарей и толокна (из отваренного и высушенного овса крупная мука), разъяснив им при этом, что пшена, сала, масла постного можно везде купить, можно иногда купить овцу или свинью, но хлеба, пожалуй, для такого количества не везде найдешь. Для каждого семейства я поручил купить по две железных цебарки (ведра, несколько книзу суженные) — одно для поения лошадей, другое для варения горячей пищи на открытом воздухе.

Сделав именные списки, с обозначением, сколько взрослых (тягловых), подростков и детей менее пяти лет, и высчитав, сколько каждому семейству на каждый день нужно было считать к выдаче денег или на какую сумму, например, дня на два, на три купить провизию и овса для лошадей. Я выше сказал, что на каждого взрослого полагалось в сутки по 25 копеек, подросткам и до десяти лет — по 15, а менее пяти — по 10 копеек. На фураж каждой лошади должно быть отпускаемо по 30 копеек. Все деньги, употребленные для расходов на продовольствие или выданные на руки, каждодневно должны быть записаны в две выданных мне шнуровых книги. Но я успевал вести только одну, а в другую писал уже на месте.

В те дни, когда действительно трудно или совершенно невозможно было купить хлеба, то я, имея в виду запасные сухари, выдавал им купленную провизию: пшено, сало, масло или мясо, а за их сухари выдавал на руки от 3 до 5 копеек на душу, смотря по возрасту. Пищу они варили большею частью на воздухе, чем были очень довольны и редко заезжали на

постоялые дворы, и то только для того, чтобы купить овса и сена или в дождик перестоять под крышей. В инструкции сказано, чтобы я без нужды денег не выдавал им на руки и делал это только в крайности или выдавал только в городе, где они могли купить сами все нужное для продовольствия и даже на день, на два в запас. Купленное ими почти всегда сам или помощник мой осматривали. Мы ехали чрез губернские города: Тамбов, Воронеж, Харьков и Полтаву. Во всех губернских городах я должен был останавливать обоз дневать и являться с книгою в губернское правление. Чиновник должен был, опрашивая переселенцев, узнавать, нет ли больных и недовольных. Из всех выше перечисленных городов во все три раза только в Воронеже и Полтаве-выезжали чиновники особых поручений и, узнав, что нет больных и все довольны, давали мне удостоверения. Мне и моему помощнику из переселенцев же, как более надежному человеку, всегда почти едущему со мной на паре лошадей, запряженных в полукрытый немецкий фургончик, отпускалось 2 рубля в сутки как на нас, так и на пару лошадей. Иметь мне с собою надежного человека, а иногда и двух, было необходимо, потому что я почти каждодневно, устроив на ночлег переселенцев, заплатив все расходы и записав их в книгу, ехал с вечера в то селение, где предполагался обед.

Когда переселенцы, вставшие рано, приезжали обыкновенно около 9—10 часов к тому месту, где предстояло остановиться на постоялом ли дворе или на воздухе для обеда, у них было все готово, оставалось только сварить себе пищу, какая мною была приобретена заблаговременно, пообедать и покормить лошадей. Если останавливались на постоялом дворе, что, повторяю, случалось редко, то обед для них был готов. Я, устроив переселенцев и оставив помощника для расчета, ехал с каким-нибудь, тоже

из переселенцев, до следующей станции и приготавливал все нужное к ужину и ночлегу.

Мне кажется, излишним будет сказать о проводах переселенцев их родными и знакомыми: дочерьми, сестрами и более дальними родственниками и даже знакомыми с переселенцами, так что на проводы собралось почти все село, из коих многие уже были выпивши. Обоз собрался на площади, где служился молебен с водоосвящением и все окроплялось святою водою. После этой церемонии начался плач и рыдание, вроде плача пленения вавилонского. Трудно было обоз тронуть с места. Все ближайšie и дальние родственники провожали до ближайшего Аничковского кабака, версты две с половиной, где производилась выпивка; другие родственники ехали до другого кабака, верст за семь и, наконец, самые близкие провожали верст за двадцать пять до большого селения Бекова, где уже было последнее расставание и самая большая выпивка, так как там была ночевка, а в ночь были слышны уже песни; начало одной песни я и теперь помню:

Ты злодейка, ты злодейка,
Чужа дальня сторона!
Ах, зачем же ты, злодейка, разлучила
С отцом, матерью меня!⁴⁹²

Откуда эта песня позаимствована и кем сложена, я не мог узнать, между тем прежде я никогда ее не слышал.

---

⁴⁹² Широко известный фольклорный текст, включавшийся в песенники еще в конце XVIII в. Первая строка варианта, приводимого А.И. Соболевским, слегка отличается от цитируемого мемуаристом: «Ты злодей, злодей, чужая дальна сторона!» (Великорусские народные песни. СПб., 1899. Т. 5. С. 386—387).

Таким же точно образом из Софиевки Саратовской губернии Сердобского уезда совершены три переселения в деревню Балабановку Херсонской губернии и уезда (от Николаева в 12 верстах). Каждый раз на эту поездку употреблялось 40—45 дней, смотря по погоде и состоянию пути. Расстояние между Софиевкою и Балабановкою было около 1400 верст. Из назначенных мне на первый транспорт денег у меня осталось четыреста с лишком рублей, и все переселенцы при опросе их управляющим остались довольны. В два следующих транспорта оставалось тоже от 300 до 400 рублей. За все три транспорта я получил наградных всего 100 рублей, впрочем, для меня в это время это были большие деньги. Действительно, переселенцы нашли на месте переселения все нужное: хорошие каменные, обмазанные, выбеленные хаты (по-русски избы); в хатах по одному образцу, хорошие печи, стол и скамейки, два ведра, кадку для воды и проч., — до ухвата включительно.

Пайки на продовольствие выдавались из экономического магазина⁴⁹³: по полтора пуда муки ржаной, по 20 фунтов пшена на взрослого рабочего — тяглого; в половинном количестве на полурабочего и по 15 фунтов на десятилетних; это выдавалось не в ссуды, а безвозвратно, за тот хлеб, который у них взят на родине, в Софиевке. Полутягловые старики, старше 45 лет, и подростки работали в три недели одну неделю, а в остальное время могли работать за плату; многие чрез месяц-два поступили к овцам в чабаны, за такую же плату, как получали посторонние чабаны, большею частью молдаване, за вычетом одной трети, за обязательные работы как крепостных крестьян.

---

⁴⁹³ Экономический магазин — склад припасов в имении (экономии).

Вырученные за проданные постройки и другое имущество на родине, в Софиевке, деньги были получены в Балабановке по особому расчету и по мере надобности выдавались переселенцам. Земли в трех клинах, отведенных для крестьян, было с излишком вдоволь, а потому всякий из них сеял почти столько, сколько мог. Барщина была недельная (называемая тыждневкою). Но им нимало не вредило неуменье работать на волах и даже отвращение к ним, но все-таки мало-помалу и они начали привыкать к работе на волах и даже приобретать их. К концу лета и зимою переселенцы начали уже писать на родину утешительные письма, зовя к себе родных, а потому при втором транспорте переселения плачу было менее; при третьем было около половины охотников к переселению, а в четвертом еще более оказалось охотников и плача при проводах почти не было. Четвертый транспорт, который, впрочем, провожал уже не я, мог быть составленным из одних охотников, но отпускали к переселению с разбором, оставляя лучших хозяев на месте. Я, оставшись на жительство в Балабановке, уже не препровождал четвертого транспорта. Все три транспорта переселенцев доставлены мною вполне благополучно. При переселении двух последних было два приключения: одно могло кончиться печально, другое передам только как замечательное, скорее похожее на комическое. Оно произошло при обратной моей поездке и свело меня с замечательным субъектом — офицером.

XXX

Два дорожных приключения. — Встреча переселенцев с пьяными рекрутами. — Драка с ними и ее последствия. — Пьяные извозчики на

*постоялом дворе. — Барышня-дочь полковника, идущая в монастырь. —
Офицер с Кавказа узнает барышню. — Его заступничество за барышню и
расправа офицера с извозчиками.*

Первое происшествие случилось при провоздении второго транспорта в Курской губернии близ города Корочи⁴⁹⁴.

Я выехал на ночь и сторговался недорого с дворником, обязавшимся изготовить зеленые щи с четвертью фунта мяса на каждого и гречневого кашею. Выехав из этого селения (название которого не помню) версты за полторы-две навстречу переселенцам, застал у них драку с выехавшими навстречу пьяными рекрутами. Выпившие рекрута, молодые ребята, оставленные без присмотра, стали гоняться за девками и молодыми бабами; две из них спрятались в кибитку и оттуда отбивались, как из крепости, находящимися в их руках батогами, в одной из повозок в углу сидела беременная женщина. Рекрута недолго думая, взяв под оси повозку, опрокинули ее: беременная женщина взвыла, одна девка кричала, что ей вывихнули руку. Тут все взрослые крестьяне и молодые бабы с имеющимися у них в руках батогами бросились на рекрутов, и началась опасная драка. Я хотел вступиться — разнять их, но в меня полетели комки земли, и один рекрут выхватил из рук старика палку, пустил ею в меня: она со свистом пролетела около моего уха. Чем бы это кончилось, сказать трудно, но один из провожатых, более благоразумный, поскакал верхом в волость села, откуда на двух парах скакали старшина, заседатель и сдатчик рекрутов. Они разогнали битву, но нашли у двух рекрутов лица, разбитые

---

⁴⁹⁴ Сейчас районный центр Белгородской области.

палками переселенцев, и из ран текла кровь. Один из переселенцев валялся на земле и кричал:

— Посылай за попом, — умираю!

Около беременной женщины собрались бабы, и она вопила, что ей придется выкинуть; девица, прижавши руку к груди, кричала, что ей вывихнули руку.

Власти, отпустившие рекрутов без присмотра, накинулись на меня, как-де я позволил этим кацапам изуродовать физиономии рекрутов и теперь их не примут в рекрутском присутствии. Я решительно потребовал замолчать и выслушать меня. Разъяснив, что переселенцы не могли начать драки, и рассказав, как описано выше, показал инструкцию из Петербурга. Поняв свое упущение, власти скомандовали, чтобы рекруты двигались в Корочу. Тут уже я их остановил, что без составления акта на месте я не могу их отпустить и сейчас еду в Корочу к исправнику, окружному начальнику и попрошу доктора осмотреть больных. При таком положении дела власти совершенно растерялись и начали просить меня окончить дело миром, предлагая мне 25 рублей. Но я, не разговаривая с ними, поехал в Корочу, отстоящую от места происшествия верстах в семи-восьми. Власти, оставив при рекрутах сдатчика рекрутов и благонадежных людей для охранения переселенцев, двинулись за мною тоже в Корочу.

Городские власти: исправник, окружной начальник и доктор, выслушав меня и прочитав инструкцию, подписанную министром, немедленно выехали со мною к месту происшествия. Тут после краткого объяснения началась ручная расправа с сельскими властями: исправник, отхлестав по зубам и потаскав за бороду сдатчика, принялся за старосту, а окружный управлялся таким же образом с старшиною и сельским

заседателем. Доктор осматривал больных, побитых рекрутами. После этого упражнения начались переговоры, как дело кончить. Мне советовали власти окончить дело миром и предлагали уже 50 рублей, но, поняв, что я этого не могу сделать без согласия пострадавших, а потому я советовал им спросить больных и доктора. Последний объявил, что важных поврежденных нет и, по его мнению, можно продолжать путь с переселенцами. Я предварительно пошел сам к больным и, не найдя ничего опасного, с умыслом спросил их, как они думают, — остаться ли здесь в больнице или могут ехать. Они взмолились, чтобы не оставлять их здесь, а ехать далее по назначению. Я им сказал, чтобы они сами мирились с властями и взяли бы на мировую что-нибудь с виновных.

- Сколько нам просить с них?

- Постарайтесь получить побольше, так как все они признают себя виновными.

Этого было достаточно с них, чтобы заломить на мировую большие деньги.

Возвратясь к властям, я просил доктора еще раз обойти больных, и если он не видит ничего опасного, то пусть власти вступят с ними в переговоры, лично без моего присутствия, и я по понятным причинам не мог принять никакого участия, а потому уехал на постоянный двор готовить обед. После переговоров с больными власти и старшина прислали за мною в волость. Они передали мне:

- Ну же и кацапы ваши! (рекруты были из малороссов) — крестьянин запросил за побои 100 рублей, но с трудом сошелся на 50 рублях; баба требовала 50, но согласилась получить 25 рублей; девке дали 10 рублей. Таким образом, старшина, заседатель и сдатчик вместе с зачинщиками драки должны заплатить 85 рублей, которые и предложили сейчас получить мне.

- Я лично взять этих денег не могу, но пошлите к ним кого-нибудь, и он пусть вручит при мне эти деньги больным, тогда я возьму от них подписки и вручу вам.

Так и было сделано; таким образом и кончилось это происшествие. Власти уехали в город, а мы двинулись под охранением старосты к месту для ночлега, где между переселенцами происходила усиленная выпивка, так как в селе, где произошло примирение, я запретил переселенцам брать водку.

Второй случай относился всецело ко мне. Я, согласно инструкции, обратно из Херсонской губернии для следования в Саратовскую имел право ехать на почтовых, в своем немецком полуфургончике. Так как не предвиделось срочного дела на моей родине, — в софиевском имении, — то я спросил дозволения возвращаться на купленных мною лошадях, чрез что, соблюдая некоторую экономию в прогонах и продавая иногда на месте лошадей с пользою, имел некоторое приращение к моим небольшим средствам.

Из херсонского имения — Балабановки — я выехал после 20 числа сентября. При выезде была порядочная грязь, дожди перепали почти ежедневно, и грязь усиливалась со дня на день и обратилась в непроездную. Подъезжая к Харькову, мы могли на наших сытых лошадаках и в легоньком фургончике едва делать верст по двадцать—двадцать пять в сутки. Наконец с трудом добились до Красных постоянных дворов под Харьковом. В грязь они были битком полны извозчиками, везшими в Харьков на Покровскую ярмарку товары. В одном, в другом и в третьем постоянном дворе, по переполнению их извозчиками, мне отказали в ночевке. В четвертом или пятом — теперь не помню, но знаю, что еще новеньком и небольшом, — нас пустили за усиленную плату на ночь. Но и в этом дворе стояло около 20

подвод, с 10 или 12 обоянскими одиночными извозчиками, сидевшими за столом уже пьяными и еще пьющими водку и страшно сквернословящими. В помещении, где извозчики обедали, ходила приличная старушка в черном платье с черным ременным поясом вроде монашеского и слезно просила извозчиков прекратить сквернословие, говоря:

- Ведь она барышня, дочь полковника, добровольно желающая принять монашество.

- А наше какое дело: за свои деньги мы сами монахи и господа! — отвечали извозчики.

Слышу довольно симпатичный молодой голос с полатей:

- Няня, не трогай их: уже пошли на то, — надо все терпеть.

Лица говорившей не было видно.

Я с своей стороны начал урезонивать извозчиков, но это не помогало: мне отвечали еще с большею грубостью и в доказательство того, что они ни за что не считают меня, еще усилили сквернословие и похабные песни. В это время входит высокий офицер, лет 50—55, в мундире с высоким старинным воротником и длинными обшлагами на рукавах; на груди два ордена Георгия. Лицо в морщинах: взгляд пронзительный и строгий, усы подстрижены вплотную; и постоянно находящиеся в движении. Не спрашивая хозяина, скинул с плеч офицерскую шинель и бросил на мой тюфячишко, разостланный на единственной свободной лавке, на которой я решил провести ночь. Офицер обратился к хозяину скорее с требованием, нежели с просьбою поставить самовар.

- Да где же вы спать-то будете, — видите, как у нас тесно?

- Спать буду я на своей повозке; дайте без задержки самовар и углей, — поставит его мой солдат, и я, напившись чаю, уйду на повозку, не желая оставаться с этими пьяницами, или задам им по-военному.

Он отодвинул с конца стола хлеб и прочее и указал вошедшему солдату:

- Вот на этом конце соберешь мне чай, — сам начал ходить молча по комнате.

Извозчики сначала немного примолкли, но вскоре запели пьяными голосами сквернословную песню:

Акулинка мать собиралась помирать,
Умереть не умерла,
свою кума позвала,
С собою рядом положила, приглубила яво...

И опять скверный припев, и один из извозчиков начал приплясывать. Офицер ходил по небольшому пространству избы и только искоса посматривал на извозчиков; его усы, быстро двигавшиеся, еще быстрее задвигались из стороны в сторону. Денщик принес самовар и поставил на конце стола, тихо сказал извозчикам:

- Уймись, а то вам достанется.

- За что? Мы сами здесь господа, ты-то что?

В это время старушка в черном платье то с той, то с другой стороны заглядывала в лицо офицеру и наконец нерешительно спросила:

- Это вы, Василий Михайлович?

Офицер внимательно всматривается в лицо старушки и наконец с удивлением спрашивает:

- Да это вы, няня? — назвал ее по имени и отчеству. — Как вы сюда попали?

- Я с барышней, — кажется, она назвала ее Катериной Александровной, — мы ходим по святым местам, и она собирается в монахини.

- Да где же она?

Няня указала на полати, вместе с тем, указывая на извозчиков, сказала, что ее загнали на полати вот эти сквернословы. На краю полатей показалось еще молодое загорелое и красивое лицо брюнетки, покрытое черным

платком.

Офицер сделался еще как бы выше и помолодел, с неподдельным восторгом протянул руки к полатам:

- Катя!... простите, — я привык вас так звать, когда вы были очень маленькой, — Катерина Александровна! как вы попали сюда? Помните вы, как я вас в Редут-Кале⁴⁹⁵ крошкой носил на руках? Сходите ко мне с полатей на руки.

Извозчики, видя, что на них никто не обращает внимания, еще выпили по стакану водки, и посыпалась из их пьяных глоток еще более крупная отборная брань. Няня, обращаясь к офицеру, говорит:

- Слышите, как они сквернословят? разве можно это слышать барышне?

Офицер с быстротою раненого зверя бросился к столу, за которым сидели извозчики: двух сидевших на конце скамейки схватил за растрепанные волосы и через скамейку бросил на пол. Остальные извозчики, сидевшие на скамейке, встали, — скамейка упала, а офицер начал колотить без разбора первых попадавшихся ему под руку, осыпая их площадною руганью. Они, бормоча что-то пьяными языками: «Так нельзя, нет прав»,

---

⁴⁹⁵ Редут-Кале — защитное укрепление на берегу Черного моря (Зугдидский уезд Кутаисской губернии).

но все гурьбою бросились к двери, быстро выходя из избы; им мешала скамейка; в дверях один из них, более пьяный, упал, на него упал другой и таким образовалась какая-то движущаяся масса. Офицер, работая руками и нанося им подзатыльники, а в задние части упавших толкал ногами, не переставая осыпать площадною бранью, приговаривая:

- Знаете ли вы, такие-сякие, это дочь первого полковника на Кавказе, убитого на моих глазах. — И при этом ушиб себе об косяк двери руку до крови.

Но уже ни одного извозчика не осталось в избе, и они за дверью сдержанно выкрикивали протесты. Офицер, приотворив дверь, закричал:

- Молчать! — И, обращаясь к денщику, сказал: — Принеси саблю, я их плашмя еще попотчиваю, а то я вон как ушиб о косяк руку. — Действительно, из щиколотки руки текла кровь.

Извозчики, услышав о сабле, из сеней бросились на двор и начали вооружаться палками. Все это произошло скорее, нежели тут рассказано. В это время барышня при помощи няньки слезла с полатей и начала просить или, скорее, молить и удерживать офицера не трогать более извозчиков и незаметно для него самого обернула своим платком руку, из которой действительно шла кровь. Офицер, постояв немного, тяжело дыша и обратясь к барышне, заговорил жалобным и умоляющим голосом:

- Простите меня, ради дружбы вашего отца, простите меня бешеного, — и он намеревался стать на колени, но барышня не допустила его до этого.

- Вы столько услышали от меня площадной брани и скверных слов, сколько, вероятно, не слышали от этих пьяных извозчиков. Скажите хоть одно слово, — прощаете меня, извиняете?

- Извиняю, Василий Михайлович, ведь я знаю вас, кавказцев. Не беспокойтесь!

Он схватил обе руки ее и горячо прижал их к губам и, взяв за руку, подвел ее к столу, на котором солдат приготовил чай. Началось чаепитие и воспоминания, а извозчики, приотворя дверь и обращаясь к хозяину, просительным тоном говорили:

- Выкиньте наши шапки и одежду, — мы сейчас уедем.

Барышня, обращаясь к офицеру и хозяину, говорила:

- Пусть извозчики войдут и ночуют, — куда ехать в такую темь и грязь? — И она, не дождавшись ответа офицера и хозяина, приотворила дверь, говоря извозчикам: — Идите в избу, — вас никто не тронет, за это я ручаюсь.

Офицер прибавил от себя:

- Чтобы ни одного скверного слова не было сказано вами, входите.

Первых два извозчика вошли, перешагнули через порог двери и говорят:

- Не скажем, ни Боже мой, — это мальчишки. — И, обращаясь к барышне, поклонились ей и няне: — Простите нас, пьяных мужиков, а вам, барышня, за вашу доброту дай Бог здоровья! Куда бы мы поехали? Лошади чуть-чуть ноги передвигают, а дождь так и льет.

И они начали понемногу входить и становиться в кучку около печки, разглаживая руками свои растрепанные волосы. Достали где-то полумокрой соломы, постлали на полу, близ печки, и стали укладываться спать. Начались разговоры и расспросы между офицером и барышнею. Первый заговорил офицер:

- Где теперь ваша матушка и как она поживает? Она была добрая и любила пожить; развлекала нашу каторжную жизнь на «погибтельном

Кавказе». Вы хотя и маленькою были, но неутешно плакали, когда я принес вашего раненого батюшку. Он был при мне ранен черкесом, кинжалом в бок. Ваш батюшка и я почти вместе устремились вырвать большое знамя, которое держал старый седой горец, похожий на Шамиля, что еще более возбуждало наше стремление к нему. Батюшка ваш подбежал к нему первый и, ударив его шашкой по голове, ухватился за знамя, но тут же был ранен в грудь кинжалом. Другой горец хотел вырвать у него знамя, но старик-горец и полковник покатались под гору. Подбежавшего горца я удачно ранил шашкою, а он меня довольно-таки тяжело ударил в пах кинжалом. Но тут сбежалось несколько горцев и подоспели наши солдаты, и началась свальная штыковая работа, но я, истекая кровью, поспешил к полковнику. Он был еще живой, а горец пытался даже встать, но я его уложил на месте, взяв знамя и передав его молодому офицеру, а сам с солдатами понес полковника в дом. Я уже не видел похорон полковника, потому что лежал в госпитале, где провалялся немалое время, а ваша мама вместе с вами вскоре уехала из лагеря, не оставив известия. С тех пор я вас не видел и не знаю, как передали вашей маме о смерти полковника, а потому теперь решился передать вам этот глубоко печальный случай. С тех пор и я начал прихварывать, а тут нас вскоре перевели еще в более беспокойный и лихорадочный пункт, — Сухум-Коле. Вот теперь я вижу вас красавицею и, как догадываюсь, почему-то обрекшей себя в монахини, а вы меня — почти слабым стариком, а няня, я думаю, помнит меня, каким я был молодцем и силачом, — другого в полку не было.

- Вы спрашивали о мамаше, — заговорила барышня, — она живет в своем имении близ Чернигова, отданном в аренду. Две сестры живут с нею,

а брат, кончив в Пажеском корпусе⁴⁹⁶, теперь офицер. Действительно, я решила поступить в монастырь. Идем теперь в Воронеж, где после поклонения угоднику Митрофану поступлю там в монастырь, название которого запомнила. Неприглядна мне светская пустая жизнь.

Офицер с грустью посмотрел на нее и сказал:

- Рано хотите это сделать, успели бы еще.

Пока офицер и барышня говорили, я спросил у няни фамилию офицера.

- Лопасов, — ответила она. Из головы не выходила у меня фамилия офицера, «я эту фамилию почему-то помню хорошо», — подумал я.

- А вы откуда и куда едете? — спросила барышня.

- Я с Кавказа, из Сухум-Коле, еду в Саратовскую губернию, Сердобский уезд, на свою родину, в Софиевку, где у меня дочь и зять. Но предварительно заеду в Балашовский уезд к Муханову, няня, наверно, его помнит? Он у вас был принят: это молодой красивый гвардеец, сосланный на Кавказ за дуэль и дерзость начальству. Он при всех стычках лез, как говорят, на рожон, ища как бы умышленно смерти. Но смерть его щадила: он два раза был ранен, отличался, получив Георгия и повышение, выехал в чине штабс-капитана на родину. Няня тоже, я думаю, помнит, как я возился с ним, как с малым ребенком, охраняя его от горячности и других неприятностей в полку. Так как его родина Мухановка всего, кажется, в семи верстах от Софиевки, то он просил меня, когда я выйду в отставку, приехать к нему жить. По дороге я заеду к нему и сколько поживу у него — не знаю, но все-таки думаю в родном селе попросить местечку у княгини

---

⁴⁹⁶ Пажеский корпус — привилегированное высшее учебное заведение для подготовки к военной и государственной службе детей аристократии (было основано в 1739 г.).

Волконской, а лесу, наверно, даст Муханов. Так как мой путь лежит на Воронеж, то я вас туда и довезу.

- Благодарю, — отвечает барышня, — я обещалась идти пешком: мне мама давала лошадь с кучером, но я отказалась.

- Ну нет, как вам угодно, а пешком вас не отпущу: если вы не сядете, будем вместе идти пешком около воза.

XXXI

В офицере Василии Михайловиче Лопасове узнаю своего земляка, отданного в рекруты из крестьян Софиевки. — История его поступления. — Жена, дочь и зять его. — Его брат, скрывшийся от рекрутства, и история его бегства. — Следование наше вместе до Воронежа.

Странное совпадение. Офицер оказался мой земляк из той же Софиевки. Я знал его дочь и зятя, крепостных крестьян, а также знал по слухам историю поступления на службу Лопасова, памятную всему селению. Эта история не лишена некоторого интереса, и я для пояснения тогдашнего крепостного быта коснусь ее ниже. Когда я узнал в офицере своего земляка, то решился подойти к беседующим и почтительно заявил:

- Простите, что я на некоторое время перебью вашу интересную беседу.

- Что вам нужно? — нетерпеливо и почти сурово спросил меня офицер.

- Я сам уроженец Софиевки...

- Каким это образом попали сюда? — как бы не доверяя, спросил офицер.

Я рассказал, что был проводником переселенцев крестьян из Софиевки в Балабановку — имение тоже княгини Волконской, Херсонской губернии. Теперь возвращаюсь из Херсонской губернии на родину в Софиевку.

Офицер вскочил, выпрямился во весь рост и сказал:

- Может быть, вы знаете мою дочь, мужа ее и детей — внучат моих.

- Даже очень коротко знаю, когда я заведовал деревней Мокшанцевою, как приказчик, где жила и живет дочь ваша, то читал вашему семейству ваши очень редкие письма; получал из конторы деньги, посылаемые вами дочери, и передавал их. Сколько помнится, кажется, писал от них вам письма. Из ваших писем и редко возвращающихся в отставку солдат с Кавказа я знал кое-что о вашей жизни и подвигах на Кавказе; особенно много говорил о вас Муханов, называя вас лучшим другом и братом.

Офицер как будто бы помолодел; подстриженные его усы задвигались из стороны в сторону быстро, глаза начали мигать часто. Он стремительно обнял меня, говоря:

- Родной мой, — начал офицер заискивающим голосом, — вы, вероятно, не откажетесь мне передать все, что вам известно о моем семействе, и скажите всю правду, умоляю вас, только одну правду, чтобы я теперь же знал, что меня ожидает.

Я обещал рассказать все подробно и правдиво, хотя знал, что известия его не порадуют.

- Я также знал, по слухам, и обстоятельства, при коих вы поступили на службу.

- Рассказывайте все, что знаете. Милая барышня простит нас и немного поскучает, пока вы передадите все, что знаете о моем семействе. — И, обращаясь к барышне, сказал: — Пожалуйста, извините великодушно.

- Ради Бога, говорите не стеснясь, — нам будет также приятно знать ваши семейные обстоятельства.

- По слухам, я вот что знаю, — начал я и просил офицера поправить меня, если слухи окажутся неверными. — Ваш средний брат Филипп, здравствующий и теперь, как вы знаете, за его беспокойный характер и по очереди был назначен в службу и взят вместе с другими под стражу. Он занимался извозом и, говорят, наживал деньги, а вы за него и за себя отбывали барщину. Чрез сутки рекрутов должны были вести в Саратов, но он бежал в ночь: его не нашли и взяли вас, почти неожиданно. Так ли было это? — вам известно лучше.

- Так, — с грустью в голосе подтвердил офицер. — Но, пожалуйста, скорее о семействе, а об этом после.

- Вы с такою страшною тоскою расставались с красавицею на все село, вашею женою и дочерью, оставшеюся в колыбели. О грустном моменте вашей разлуки мне рассказывала ваша супруга, года три тому назад.

- Неужели она помнит меня до сего времени, — еще с большею грустью сказал офицер.

- Нужно думать, что помнила, так как рассказывала это со слезами, выкормила дочь и отдала ее замуж за хорошего человека — крестьянина...

- Договаривайте, пожалуйста, — я слышал вскользь, что она отдала дочь за старообрядца. Правда ли это? Говорите, не стесняйтесь.

- Если вы желаете, я расскажу все по порядку. Когда брат ваш, спасаясь от рекрутчины, ночью бежал из-под стражи, то, как вам, вероятно,

известно, он захватил тройку лошадей и повозку, на которых прежде извозничал, и скрылся. Его до обеда того дня не нашли, хотя за ним погнались во все стороны, а ждать не было времени. Вас взяли и заковали вместе с другими рекрутами. Говорили, что вы были слишком в взволнованном состоянии, тогда к вам принесли дочь вашу, вы ее так крепко к груди прижали, что она чуть не умерла в ваших объятиях, вы не желали ее отдавать, насильно с трудом ее от вас взяли. В рекрутском присутствии, когда сказали: «лоб», что по-тогдашнему означало: принят, с вами был продолжительный обморок. Все это рассказываю подробно, может быть более, нежели нужно, как для того, чтобы дать понятие этим дамам о вашем поступлении на службу, которые, как я вижу, слушают с интересом, так и для того, чтобы напомнить вам все события о поступлении на службу. Все это слышал от вашей жены. Если желаете, я расскажу и историю побега вашего брата Филиппа. Вы, вероятно, не знаете подробностей этого побега?

- Действительно, не знаю, расскажите, пожалуйста. — Обращаясь к дамам: — Если вы скучаете, то мы прекратим до времени этот разговор.

- О нет, мы глубоко заинтересованы всем этим. — И, обращаясь ко мне, барышня сказала: — Продолжайте, пожалуйста.

- После побега брата вашего его вблизи нигде не нашли, и след его простыл. Да и искать его серьезно не стали. Он взял своих лошадей; будучи немного грамотен, нацарапал записку и оставил на столе: «Не ищите, через полгода приеду». Теперь буду рассказывать, что слышал от вашего брата-оригинала, рассказы которого, не менее оригинальные и занятные, я любил слушать; особенно мне нравился рассказ его о побеге и свидании в Оренбурге с князем Г.С. Волконским⁴⁹⁷, тогда военным генерал-

---

⁴⁹⁷ Волконский Григорий Семенович (1742—1824).

губернатором оренбургским и тогдашним владельцем Софиевки. Брат ваш как-то умел добраться до Самары, где раздобыл фальшивый паспорт. Взял там с залогом за исправность доставки какую-то кладь, для доставления в Оренбург. По приезде туда, сдав кладь и продав лошадей и повозку, предварительно познакомился с дворецким и камердинером князя, задоблив их подарками. Они рассказали князю с известными прикрасами, что пешком из Софиевки пришел к нему крестьянин Лопасов просить его защитить от напрасных обид софиевских властей. Князь, тоже в своем роде чудак, был в хорошем расположении духа, выслушал благосклонно, приняв в нем участие, велел сшить ему хорошую русскую, крестьянскую одежду, вымыть, вычесать и на другой день во время какого-то бала или вечера велел привести в гостиную, где было множество разных гостей. Князь рассказал гостям историю его побега, конечно с прибавлением, что, несмотря на такую даль, к нему обращаются за правосудием. Ваш брат должен был простоять весь вечер в гостиной и видеть все, что происходило на балу. По окончании бала князь спросил его, как ему все это понравилось. Он, как сметливый и неглупый человек, чуть ли не со слезами ответил: «Я был не на земле, а как бы в раю, и этого до моей смерти не забуду». Назавтра была назначена охота в степи; князь велел взять его на охоту. Наряжен был целый полк казаков. Казаки лавою с гамом и криком гнали в круг, составленный из господ и хороших охотников, лисиц, волков, диких коз и из мочевин и озер — кабанов. Князь, отпуская его из Оренбурга, велел купить лошадь с упряжью, дал денег на дорогу и предписал в Софиевку, чтобы с него никакого взыскания не было. Князь, отпуская его, так и не узнал, что он приехал на своей тройке. Конечно, он щедро поделился с дворецким и камердинером князя и другими, кто знал стороною о его приезде на тройке с товаром. И без того он был человек с деньгами, но, продав своих лошадей и

повозку, еще увеличил деньгу, но, будучи добр, даже слаб, любя выпить, под старость раздавал деньги без расписки людям ненадежным: большая часть этих долгов пропадала или пропадет. Извините, я, кажется, слишком долго занял вас рассказом о брате, а главное, о чем вы желаете знать, о вашем семействе, пока ничего не сказал. После возвращения брата Филиппа из Оренбурга братья ваши разделились; жена ваша с дочерью осталась в семействе брата вашего Петра. Хотя Петр был человек добрый, но все-таки жилось ей, вероятно, нелегко, и она переехала к матери в деревню Мокшанцеву. Но мать ее, как вы знаете, ярая старообрядка; после выхода замуж за вас и перехода в православие она ее не благословляла и видеть не хотела, и до тех пор, пока та не отреклась от православия, к себе не принимала. Перекрещивали ее вновь, как это у них почти всегда делается. Я знаю, что года четыре или пять назад отдали вашу дочь за старообрядца — человека молодого, красивого, трезвого и настолько зажиточного, насколько может быть состоятелен старообрядец, избираемый полицейскими властями и начетниками. Еще должен прибавить, что у вашей жены была оспа и испортила чрезвычайно красивое лицо. Вот все, что могу сказать о вашем семействе.

Лопасов, облокотясь на руку, грустный, слушал мой рассказ, спросил:

- Все-таки они люди честные и трудолюбивые?

- Я положительно подтверждаю это.

И он сказал:

- Если это так, то пусть как знают, так и веруют. Но не пора ли спать?

— И, обращаясь к барышне, сказал: — Вы, вероятно, скучали, слушая рассказ о моем семействе?

- О нет, дорогой Василий Михайлович, я с большим интересом прослушала рассказ и благодарю молодого человека за него.

- Спасибо вам, — сказал Лопасов, крепко, по-военному пожав мою руку.

После этого мы все легли спать, а Василий Михайлович ушел на двор в свою будку.

Утром дождик перестал, грязь, конечно, не уменьшилась, но мы все-таки решились ехать понемногу от постоянного двора до другого, хотя бы по двадцать—двадцать пять верст в сутки. В будке Василия Михайловича большею частью сидела барышня, в моей — няня. Иногда обе женщины сходились в одну повозку, а другая служила для нас. Когда мы ехали с Василием Михайловичем, он непрестанно спрашивал о семействе, о житье-бытье других крестьян, также о Балабановке, куда переселяли крестьян, и говорил, что он рад был бы переехать туда с зятем. Я его уверил в легком исполнении его желания. Говорю об этом потому, что с четвертым транспортом он действительно переехал с своим семейством в Балабановку. В моих воспоминаниях я несколько раз еще должен буду коснуться этой замечательной личности, проявившей еще раз свою энергию во время Крымской войны, в особенности во время встречи транспортов больных и раненых воинов; тут мы были не праздными зрителями, но принимавшими некоторое участие в улучшении пищи раненых и уходе за ними.

Сдав второй транспорт и решаясь после третьего остаться в херсонском имении, я всю зиму, весну и лето занимался часа по 2—3 в сутки с детьми управляющего и в одиночку самоучкою учась грамматике, арифметике и Закону Божьему. Во все это время только раз был командирован в Нижегородскую и Владимирскую губернии для сбора оброка с тамошних оброчных крестьян. За всем тем оставалось много праздного времени для разгула, кутежей и свиданий, в которые я втягивался все более и более, и, конечно, если бы не охота в лесах и на реке, я бы

совсем погряз в праздности и разгуле, который тем не менее наложил мрачный колорит на мой нравственный облик. Книг достать было негде, все, что можно было достать, было прочитано.

XXXII

Переезд в херсонское имение и главные побудительные причины переезда. — Описание степного херсонского имения. — Мое первое знакомство с ним. — Управляющий Г.И. Ивановский. — Его характеристика. — Малая доходность имения и причины малой доходности.

Третий транспорт переселенцев из Саратовской губернии в Херсонскую был для меня последним. После сдачи второго транспорта я получил предложение управляющего балабановским имением Г.И. Ивановского переехать на жительство в балабановскую экономию на должность помощника. Предложение выражено было в лестных словах с увеличением жалованья вдвое. Я принял предложение не из-за прибавки жалованья, но мне желалось заняться совершенно новым степным хозяйством и чтобы уехать от разгульной жизни, затягивающей меня более и более. Вскоре было получено из Петербурга разрешение на мое переселение. Таким образом я прощался, и прощался, вероятно, навсегда, с дорогою могилою моей матери, тем более с угнетенным грустным чувством и тоскою, потому что, растерявши почти все идеалы матери, я не считал себя достойным попирать грешными ногами прах ее. Прощаясь с тенистыми садами и лесами, с рыбными реками, с пением соловьев, я переезжал в

ровную степь, где ничего не было привлекательного, но где была новая для меня отрасль, громадное овцеводство, пасшееся на целинной степи.

При балабановском имении было 17 тысяч десятин земли, около 25 тысяч испанских малорослых с легким тонкошерстным руном овец. И это овцеводство составляло главный доход имения; для него было выстроено пять сараев, называемых кошарами; при них пять глубоких, в 19 сажень колодцев, обложенных срубом из дикого камня. Овцы с ранней весны до глубокой осени, а иногда и большую часть зимы паслись по целинной степи. Для передвижения с места на место чабанов (пастухов) со стадами овец (отарами) было 12—13 арб (повозок) с будками, запрягаемых парой волов. Живой и мертвый инвентарь в Балабановке был не велик, потому что посев хлебов экономическими средствами производился в небольшом количестве.

В самом начале 50-х годов часть целинной земли, от 150 до 200 десятин, отдавалась под баштаны (бахчи) по 4—5 рублей за десятину. Вышедшая из-под баштанов земля сдается за очень низкую скопщину: четыре копны посевику, а пятая привозилась в господский ток.

Администрация состояла из управляющего, глухого конторщика, он же вместе ключник, старосты и двух объездчиков.

Уже из вышеизложенного перечня доходных статей балабановского хозяйства можно заключить о малопродуктивности его, так что годовой чистый доход был в 8—10 тысяч рублей, — и это от 17 с лишком тысяч десятин черноземной целинной земли и от 25 тысяч испанских овец; дико, но между тем это истина. Такую малую доходность могли терпеть и выносить без протеста одни богатые и обеспеченные владельцы, вроде Волконских. Впрочем, таких помещиков было очень много; они не только не получали надлежащего дохода, но и ни гроша не употребляли на какие бы то ни было полезные хозяйственные улучшения для увеличения дохода. Однако все-

таки меня поразила такая малая доходность балабановского имения, и я начал искать причину бездоходности его, и она для меня скоро выяснилась.

Вышеупомянутый управляющий балабановским имением Г.И. Ивановский, еще бодрый старик лет 50-ти, до поступления управляющим был сначала учителем, а потом инспектором сельскохозяйственного института в Горы-Горках. Попал в управляющие по протекции владелицы горы-горецкого имения графини Толстой, сестры графа Льва Алексеевича Перовского⁴⁹⁸, как выше сказано, безотчетного управляющего Волконских. Лишенный инспекторства, но чтобы не лишиться службы, чинов и права на пенсию, он был прикомандирован помощником управляющего Орловской удельной конторы, куда ездил один раз в год на несколько дней. Таких управляющих в имениях Волконских и Перовского было несколько.

Вероятно, будучи учителем и инспектором в Горы-Горках, г. Ивановский знал кое-что из тамошнего научного хозяйства, но для здешнего степного все эти познания едва ли были годны: он и не применил ни одного приема тамошнего хозяйства, да и не мог применить, и из практики ничего не знал. Он и не занимался сельским хозяйством, буквально никогда не выезжая на полевые работы и только редко выходя в сарай во время стрижки овец, но зато усидчиво вел почти всю конторскую отчетность, в особенности денежную часть, которая и была вся в его руках. Впрочем, и вся-то контора сосредоточивалась в его кабинете и небольшой комнатке близ кабинета для конторщика и ключника. Управляющий вел сам денежную книгу и писал черновые без всякой системы ведомости. Комнатка, где занимался конторщик, если его там не было, была всегда на замке.

---

⁴⁹⁸ Имеется в виду Анна Алексеевна Толстая (1796—1837).

С первого взгляда выяснилось, что имение и управляющий друг для друга не нужны: управляющий г. Ивановский для имения был особою статьею, а балабановское имение для него особая статья, но статья выгодная. Иначе для чего было самому управляющему усидчиво заниматься конторою, когда у него под руками был испытанный знаток конторского дела в лице моем, о чем Ивановскому было известно.

Все покупки по хозяйству производил его крепостной человек и ему отдавал счета, а материалы принимал глухой писарь, тоже им привезенный из Горы-Горок. Если он не желал соединить должность приказчика и конторщика в один рукав, то я сам вскоре по приезде в простоте души заявил, что я, не имея усиленных занятий как приказчик, готов был принять на себя обязанность вести денежную или материальную отчетность. Но это было первым черным котенком, проскочившим между нами. Он тут только узнал чрез конторщика, что я был в Петербурге, где разобрал довольно сложное дело полковника и получил поручение преобразовать отчетность в имениях гг. Чихачевых, исправить в некоторых частях контору в саратовском имении княгини Волконской. Он по ошибке принял меня за исправного писарька, хорошо сдавшего отчет о переселенцах и по аттестату из софийского имения, — что-де я исправен, честен и не пьяница, а я был прельщен тем, что он, Ивановский, не употреблял телесных наказаний и его обманчивой мягкостью характера, скорее безволием. Значит, он во мне увидал что-то повыше писарька, а что я в нем узнал — это поймет каждый из
нижеследующих
объяснений.

Делать нечего, жить нужно было нам вместе. Он, Ивановский, тотчас бы уволил меня, но знал, что мне известен путь в Петербург, а я, не видя ничего лучшего и весь отдавшись делу, которого впереди виделось масса, решил

терпеть уколы самолюбия и мелкие, хотя очень частые, придирки и неприятности, по крайней мере до того времени, пока хватит терпения. Впереди я видел очень серьезные и для меня полезные дела, именно: усиление сбора кормов и улучшение овцеводства. А тут текущей зимой случилось следующее.

Истекшее лето было сухое; урожай травы, всегда малый на степи, не превышающий в лучшие урожайные годы в сложности 45 пудов с десятины, истекшим летом был совсем ничтожный: сена собрали мало и сложили его как раз во время шедших несколько дней дождей после уборки сена, а потому оно в скирдах согрелось и частью загнило. Скирды складывали 10 саженой длиной и 3 шириною и считали вес в скирде 1000 пудов. Хотя под осень от перепадающих дождей трава подросла и подножный корм явился, но овец осенью нельзя было пасти по степи, так как рано начинались дожди и холода; снег тоже выпал рано и в изобилии. На довольно большой снег упал дождь; после дождя мороз, и на поверхности снега образовался твердый слой, вроде наста, а дороги покрылись гололедицею. Такое состояние зимы продолжалось с малыми перерывами месяца два.

Между тем корм, заготовленный в экономии, — сено, полова и солома⁴⁹⁹ — вышел; скупил по дорогой цене близко находящиеся корма, но их хватило ненадолго. Начали покупать сено верст за 25—30 от экономии. Бывало, срядят воловый транспорт подвод в 30—40, поедут верст за 20—25 по хорошей зимней дороге, но выпадал дождь и дороги обращались опять в лед, по которому на волах нельзя везть сено. Пока находили кузнеца, умеющего ковать волов, пока наделали воловых подков, волы съедали все купленное сено, за коим были посылаемы. А между тем овцы голодали и

---

⁴⁹⁹ Полова — плевелы, отходы от молотыбы зерна.

начали с жадностью есть одна с другой шерсть. Начался усиленный, никогда не бывалый падеж. Отыскали в Одессе какого-то знаменитого ветеринара Зомерфельда; он должен был осмотреть овец, определить, согласно видам Ивановского, болезнь и происходящий от нее падеж. И Зомерфельд написал на французском языке акт, хотя мог написать по-русски. Я шутил над ним и говорил, что акт может быть написан в нескольких словах: «Падеж происходит от голода и поедания шерсти». Эти слова, конечно, переданы Ивановскому, но произвели неожиданную перемену в нем: он переменил со мною обхождение, как бы заискивая меня — изменил мою квартиру на лучшую, для меня одного назначил порядочную кухарку и усилил провизию. Он, наверно, опасался, что я донесу об этом в Петербург. Но если бы он остался ко мне только равнодушен, я бы не стал писать в Петербург, зная, какою сильною поддержкою он пользуется там в лице графини Толстой, сестры графа Льва Алексеевича Перовского.

Для покупки кормов израсходовано более 10 000 рублей; овец пало без малого 10 000 голов, т.е. чуть не половина, и это только потому, что весна началась рано, в первой половине марта. Одних овец кое-как выгнали на зелень, а других, буквально скелетов, вывозили или на руках выносили. Шерсти при стрижке почти ничего не получили, и два года, 1850-й и 1851-й, закончились без всякого дохода, но все это сошло благополучно для Ивановского. Только, кажется, получено им не очень серьезное замечание на донесения о падеже и усиленной покупке корма. Но и это перетревожило Ивановского; были сделаны справки, не донес ли чего я. Но я даже и частным образом не писал об этом, зная заблаговременно бесполезность этих сообщений. Это временно изменило отношение ко мне, и мне было предоставлено право распоряжаться почти всеми работами самостоятельно,

взыскивать с его любимцев-служителей, старосты, объездчиков и делать замечания шафмейстеру-овцеводу.

Пользуясь переменившимся расположением ко мне, я начал настойчиво проводить мысль и советовать раньше готовиться к покосу. Нужно было купить запасных кос, косьев, наперстников и брусков; необходимо предстояло заготовить 3—4 больших бочки для воды и бочонков 7—8 для развозки воды по партиям косарей и гребцов, котлов для варева пищи, так, чтобы было 3—4 кухни, и не посылать косарей за версту или полторы от стана; куплено также в достаточном количестве деревянных граблей, вил длинных и коротких. Ничего этого не было в запасе. Все это приобреталось во время работ и вызывало постоянные недоразумения, так, например: партия косарей сидит в тырсе⁵⁰⁰ и играет в карты. К ней подъезжает смотритель и начинает выговаривать:

- Что вы сидите?

- Воды нет, пить нечего и в ведрах для точения кос тоже нет, а в такую жару без воды не покосишь.

Все сведения об этом я собрал заблаговременно и все нужное заготовил. Сделал из тонких досок подвижную будочку, похожую на домик, как для своего ночлега, так и для хранения провизии. Она перевозилась парюю волов. В ней поместил подъемную кроватку, столик и стул, хотя с трудом, но все-таки добился всего, что нужно, уверив, что заблаговременное приготовление удешевит сбор сена копейки на 2 в пуде. После достаточного заготовления кормов, когда ни при каком неурожае трав не могло встретиться недостатка в сене, я занялся улучшением овцеводства: покупал ценных баранов за большую цену; рассчитал немца шафмейстера и эту

---

⁵⁰⁰ Тырса — ковыль.

обязанность принял на себя; будучи помощником и даже управляющим уезжал с семейством на лето в степной домик близ кошар. Изучая овцеводство и улучшая его, написал во время начинающегося кризиса падения цен на шерсть брошюру «Что нам делать с нашим овцеводством»⁵⁰¹ и получил за нее от Императорского Южно-Российского Одесского общества премию Рафаиловича⁵⁰².

XXXIII

Некоторые улучшения в имении. — Конный завод и его падение. — Смерть графа Льва Алексеевича Перовского. — Смена управляющего Ивановского. — Присылка управляющих из Одессы и Петербурга, их быстрые смены. — Мое заведование имением как помощника и конторщика. Делаюсь полным управляющим. — Перемена к лучшему и как это улучшение подействовало на мой нравственный облик, тогда я был уже свободным.

Устранив прежний беспорядок, царивший во время уборки сена, я доказал Ивановскому конторскими счетами, что собранное при моем

---

⁵⁰¹ Брошюру с таким названием нам разыскать не удалось. И.М. Кабештов печатался в «Земледельческой газете» и «Журнале сельского хозяйства и лесоводства», выступал с докладами перед членами Общества сельского хозяйства в Одессе и Харькове. В фондах Российской национальной библиотеки (Петербург) хранится около двух десятков его брошюр на различные темы: сельскохозяйственная статистика, зерновое хозяйство, свекловодство, кукурузоводство, свиноводство, лесонасаждения, кормовые травы, борьба с саранчой, плетение из лозы. Его труд «Практические советы по свиноводству» (СПб., 1895) выдержал пять изданий.

⁵⁰² Имеется в виду Общество сельского хозяйства Южной России, основанное в Одессе в 1828 г. О премии сведений разыскать не удалось.

присмотре сено, обошлось на 2—3 копейки на пуд дешевле против прежнего.

Прежде накашивалось и убиралось от 20 до 25 скирд, 10 сажень длины в каждом, считая по 1000 пудов в скирде, т.е. набирали сена 20 000—25 000 пудов. При 20 тысячах пудов сена, хотя бы на 20 тысяч овец, 80 лошадей и 50 рабочих волов, это было очень скудное содержание, усиливаемое добавкою соломы и половы, и в бесснежные и теплые зимы овцы большую часть зимы паслись по целинной степи, по которой в особенности после сырой осени был всегда корм. Но тем не менее почти всегда прежде ощущался недостаток в кормах для содержаний скота, их почти ежегодно прикупали в окрестных хозяйствах. Но как только земля была с порядочным снегом и более холодная, то овцы и скот недоедали, а лошади, разбивая копытом снег, кормились, как дикие, подножным кормом, вытягивая шеи; а на ночь загонялись в некрытые загоны всегда в грязь по щиколотку, иногда в эту грязь на ночь кидали воз или два соломы.

Так содержался конный завод, как сказал выше, основанный в 1820 году декабристом С.Г. Волконским, саксонской крови, при таком содержании почти совершенно переродился и обратился в какую-то неизвестную породу, хотя в конторе на стенке в рамке висело распоряжение, чтобы саксонскую кровь не мешать ни с какою другою. Для поддержания чистоты крови должны были [быть] выписываемы из неизвестных заводов племенные производители. Лучших молодых лошадей водить в Петербург для своего выезда и на продажу. Так и делалось сначала, но годов через 10—15 на конский завод перестали обращать внимание, и, как выше сказано, от подножного пастбища лошади вытянули шеи, от загона в грязные некрытые дворы щиколотки ног вытянулись и ни в одном экземпляре нельзя было

видеть ни капли саксонской крови. Об этом пишу подробно, чтобы показать, как у нас в крепостное время бесследно исчезали добрые начинания; и это не единичный случай.

Выше было описано, что чуть-чуть от бескормицы и овцеводство не исчезло.

Возвращусь опять об описанном выше покосе, собрал сена около 60 000 пудов, сложил в хорошее время в скирды. Пусть сено обошлось противу прежней уборки по меньшей мере по 2 копейки, и тут оказалось экономии не менее 1200 рублей. С этого года никогда не ощущалось недостатка в корме и его всегда оставалось почти на целый годовой запас.

С этого же времени мои отношения с Ивановским как будто бы еще улучшились, но все-таки один другого очень недолюбливали. Совместная жизнь наша продолжалась недолго: в 1855 году умер граф Лев Алексеевич Перовский⁵⁰³ и сводная сестра моя Аграфена Кичигина. Назначен был главноуправляющим севастопольский купец Егор Иванович Грегер. Всем известна компания Грегер, Горвиц и Коган, доставлявшая провиант и фураж в дунайскую армию во время турецкой войны. Ивановский, будучи уже коллежским ассессором, не пожелал служить при главном управлении купца и вышел в отставку. После этого началась частая смена управляющих, высылаемых из Одессы и Петербурга, совершенно не знакомых с каким бы то ни было хозяйством. Об них бы стоило несколько слов сказать, но я это оставляю до второй части⁵⁰⁴, а тут в заключение скажу, что я, будучи помощником управляющих и заведующим конторою и овцеводством, хотя и стесняемый несколько, но

---

⁵⁰³ Л.А. Перовский умер в 1856 г.

⁵⁰⁴ О судьбе второй части этих воспоминаний сведений нет.

распоряжался всем хозяйством до того времени, пока не назначен был управляющим с полною доверенностью.

Отсюда я не буду продолжать свое жизнеописание, так сказать изо дня в день, а только во второй части намерен коснуться более или менее тщательных или чем-нибудь выдающихся событий в этом периоде моей жизни. Но в заключение считаю нелишним сказать, что судьба наконец улыбнулась мне: крепостная жизнь моя кончилась, и я получил свободу, все начинания и предприятия мои кончились счастливо; я стал пользоваться некоторым избытком, а избыток вскоре отучил меня от постоянно сопутствующего мне правила без ропота довольствоваться малым: началась прививаться разная привычка, о которой я, вероятно, при прежней жизни никогда бы не помышлял. Идеалы матери почти совершенно улетучились, но вместо этого с необыкновенной силою начали возникать и преследовать меня недостатки, сделанные в молодости, и что я в край не испортился нравственно, то только благодаря усиленному труду: вставал почти всегда в 4 часа утра, два или три стакана чаю стояли на столе, а запряженные лошади — у крыльца, и я уезжал по имению до обеда, а иногда на целый день. (От одного кони, имения до другого было 25 верст.) Впрочем, и во второй части есть что рассказать, но успею ли это сделать?

Ф.Д. Бобков.

Из записок бывшего крепостного человека

Публикуется по: Исторический вестник. 1907. № 5. С. 446—474; № 6. С. 734— 764; № 7. С. 143—164. Автограф не обнаружен. Публикатор записок Ф.Д. Бобкова — Михаил Федорович Чулицкий, бывший судебный следователь, напечатавший в «Историческом вестнике» несколько собственных мемуарных очерков.

Публикация записок Ф.Д. Бобкова была предварена вступительной заметкой Чулицкого:

«Федор Дмитриевич Бобков, бывший крепостной дворовый человек штабс-капитана П.Н. Глушкова, родился в деревне Крапивново, Юрьевецкого уезда Костромской губернии, в 1831 или в 1832 году и умер в Москве в 1898 году. Пятнадцати лет он был вытребован из деревни для услуг в качестве мальчика в Москву, где постоянно проживали его господа, Глушковы. Через несколько лет он был сделан лакеем и оставлен у Глушковых в услужении по найму и после 19 февраля 1861 до 1865 года, когда получил должность помощника начальника станции на железной Дороге. Впоследствии он занялся постройками и подрядами и умер довольно состоятельным человеком в звании купца 1-й гильдии. Читать и писать он выучился самоучкой при помощи малограмотного брата еще в деревне, когда ему было лет 14. Имея страстное желание учиться, он не смел заикнуться об учении. Ему оставалось только читать. И он читал все, что только попадалось ему под руку. Пользуясь господской библиотекой и доставая книги у разных лиц, он наряду с романами читал и Гумбольдта, и Бокля, и популярную медицину, и механику. Принимаясь за чтение книги, он всегда добросовестно дочитывал ее до конца, хотя бы и не понимал ее. Одновременно со страстью к чтению у него появилась потребность и к писанию. Он завел дневник, ежедневнонося в него все, на чем останавливалось его внимание, что производило на него впечатление.

Дневник этот он добросовестно вел до конца своей жизни. Кроме того, он писал статьи, пьесы, драмы и стихи. Стихов писал он много и писал их чуть ли не каждый день. Выдержка из его стихов поставлена в виде эпиграфа в книге [Г.А.] Джаншиева «Эпоха великих реформ». После смерти Бобкова остался целый сундук его писаний. В моем распоряжении был дневник до 1882 г. Мною сделаны лишь краткие извлечения из этого громадного количества листов, написанных хотя и понятным языком, но заключающих в себе много лишнего балласта в виде поэтических описаний природы и личных его любовных походов. Дневник интересен с двух точек зрения. Он рисует, во-первых, бытовую сторону крестьян и помещиков того времени и описывает отношения между господами и крестьянами. Во-вторых, в нем мы знакомимся со взглядами простого человека на пережитые им события того времени. Конечно, самым интересным в этом отношении является год освобождения крестьян от крепостной зависимости. Описывая события 1861 года, он приводит слышанные им слова и речи Погодина и других видных деятелей того времени.

Бобков, замечу в заключение, был настоящий русский человек».

I

Воспоминания детства. - Приезд господ в деревню. - Секта бегунов. - Домашняя жизнь. - Ожидание светопрествления. - Самообучение грамоте.

Я очень смутно помню мое детство, и первые мои воспоминания относятся к 1843 голу, когда мне было 11 или 12 лет.

Доска, прибитая к полосатому столбу, криво стоящему на краю родной моей деревни, гласила следующее: "Деревня Крапивново штабс-капитана Н.П. Глушкова⁵⁰⁵. Дворов 43. ревизских душ мужеска пола 93, женска 107".

Глушков постоянно жил в Москве, каждое лето ждали его приезда в вотчину. состоявшую из деревень Крапивново. Сосуново. Голуоиово и других, но вот не приезжал. Приготавливаемые к приезду теленок, отпоенный молоком, и масло, собранное с крестьян, оставались в пользу жены бурмистра. Конечно, не имея усадьбы и господского дома, барин не стремился в деревню. Таким образом, бурмистр являлся самостоятельным хозяином имения и ревизских душ. Как-то один только раз, летом, приезжали господа. Поселились они в хорошем доме бурмистра Зиновия Васильевича. Барин был пожилой, а супруга его, Марья Александровна, была молодая. С ними был сын, Саша, лет четырех, и много прислуги. Помню, как барин бросал нам, ребятишкам, из окна пряники, а барыня, сидя на подоконнике, курила трубку и смеялась, глядя на игру сына, который сделал из нас лошадок и подгонял хлыстом.

До этого года участие мое в работах заключалось в наматывании ниток на маленькие шпулечки для тканья миткаля⁵⁰⁶. Летом на моей обязанности лежало нянчить брата и сестру, которые были моложе меня. Во время жатвы я оставался с ними в доме один. Возился я с ними не особенно много, — Петрушке давал кусок хлеба, Кате соску и убегал играть с

---

⁵⁰⁵ Здесь мемуаристу изменяет память. Имеется в виду артиллерии штабс-капитан Петр Назарович Глушков (1780—1849).

⁵⁰⁶ Миткаль — суровая тонкая хлопчатобумажная ткань, неотбеленный ситец.

мальчиками, забывая совершенно о своих питомцах. Изредка соседка наша, тетка Матрена, покричит на меня, что оставил детей без присмотра, тогда я возвращался домой, пихал в рот одному кусок хлеба, другому соску и опять убегал. Вплоть до зимы я бегал босиком, а зимой ходил в лаптях.

В Крапивнове, как и во всем Юрьеveckом уезде Костромской губернии, было много староверов из секты бегунов. Жизнь молодых сектантов ничем не отличалась от жизни остальных крестьян. Они женились, имели детей и, посещая староверческую молельню, ходили в то же время и в церковь. Под старость же они переставали ходить в церковь и начинали есть отдельно от семьи в особых мисках своими ложками. Многие оставляли свои семейства и скрывались неизвестно куда. Ходил слух, что они уходят в Ветлужские леса молиться Богу и спасти свою душу. Говорили также, что многие поселялись в подпольях у купцов-староверов, которые кормили и скрывали их.

Мой дедушка Осип под старость тоже скрылся в староверческий монастырь в Уреньских лесах. Матушка моя ездила к нему. Она рассказывала, что там много стариков, которые работают, кто как может: кто лапти, кто корзины, кто лопаты и т.д. В их хатках стоит тишина, которая нарушается только голосом какого-нибудь старца, читающего всем вслух жития святых.

Матушка моя, хорошо знавшая грамоту, постоянно читала дома вслух или жития святых, или Евангелие. Особенно сильное впечатление производило на меня чтение Страстей Господних⁵⁰⁷. Я залезал на печь и горько плакал, уткнувшись во что-нибудь, чтобы скрыть свои слезы. Каждую субботу перед иконами зажигались восковые свечи и матушка

---

⁵⁰⁷ Страсти Господни — страдания Иисуса Христа, описанные в Евангелии.

читала вслух Псалтирь, кафизмы и молитвы. Отец, мои старшие братья и невестки благоговейно молились. После молитвы садились ужинать, после которого мать читала Четьи-минеи. В воскресенье не работали и происходила только уборка скота и топка печей. Выходить на улицу гулять до обеда не полагалось. В 6-м часу утра была общая молитва. Не успевала матушка взять лестовку⁵⁰⁸, без которой она не молилась, как все уже бывали в сборе. Перед обедом опять молитва и после обеда чтение, послушать которое приходили соседи, старики и старухи. Особенно много приходило их вовремя Великого поста. Тогда велись и разговоры на религиозные темы. Обыкновенно ругали православных священников и называли их чадами антихриста за то, что они пьют вино, нюхают и курят. Раскольников-стариков хвалили за воздержание и за то, что некоторые отдавали свое тело на съедение насекомым. Я заслушивался этими разговорами, которые мне очень нравились.

Кроме матушки, грамоту знал мой старший брат, за обучение которого отец уплатил старику-раскольнику 12 рублей. Не видя никакой практической пользы из этого знания, отец решил больше никого из нас не учить. Учиться я начал благодаря простому случаю. Отец занимался иногда торговлей и поэтому посещал базары. Купит на одном коров штуки 4, а на другом продаст их с барышом, или купит партию овчин штук в 50, а затем распродаст поштучно. Особенно большой базар бывал в селе Вичуге, в субботу перед Масленицей. Субботу эту называли широкою. На базаре в этот день не столько торговали, как гуляли, так как все женившиеся парни непременно везли туда своих молодых жен на хороших саях, убирая лошадей. Сначала шло катанье по улицам, а затем молодые со всей родней

---

⁵⁰⁸ Лестовка — кожаные четки у старообрядцев.

отправлялись в трактир угощаться чаем, ерофеичем⁵⁰⁹ и наливками. Наступления этой субботы все ждали с нетерпением, так как каждый хотел ехать смотреть гулянье молодых. Отец мой, как торговец, не интересовался гуляньем и поэтому ехать не собирался, но тут произошел особенный случай.

В ночь на эту субботу везде в деревнях ждали светопреставленья. Все готовились, каждый по-своему, предстать пред Всевышним Судом со всеми своими грехами. Один из мужичков, Комок, веселого нрава, любящий и выпить, и песню спеть, хотел и собирался ехать на базар, но очень боялся светопреставления. Тем не менее он на ночь задал овса лошади, рассуждая, что если Господь и покончит существование земли с грешными людьми, то во всяком случае отпущенная мерка овса будет причислена к добродетели, так как поведено и скота миловать. С тяжелой душою он поужинал и, несмотря на сопротивление жены, допил водку, говоря, что беречь незачем и что вино святые отцы пили. Тотчас же он крепко уснул. Под утро ему стали мерещиться разные ужасы, и он проснулся. Небо перед восходом солнца горело красным огнем. Он принял это за пожар вселенной, в ужасе вскочил и закричал: «Федосья! прости меня! Я действительно любился с Анюткой!» Он бросился на колени перед иконами и велел жене будить детей. «Разве не видишь? Небо горит!» — «Что ты, с ума сошел, что ли? — отвечает Федосья. — Это солнце восходит». — «Слава Богу! Это только сон был! — закричал он. — Скорей одеваться! Едем на базар!» И он бросился запрягать лошадей. Жена, узнав об измене мужа, надулась и отказалась с ним ехать. Поэтому Комок поехал один. Торопясь, он забыл дома кнут. Проезжая мимо нашего дома, он остановился, чтобы взять из хвороста прут. Отец спросил

---

⁵⁰⁹ Ерофеич — водка, настоянная на пахучих травах.

его, куда он едет, и, узнав, что на базар, попросил взять его с собой. Комок с удовольствием согласился, и они уехали. На базаре отцу купить ничего не пришлось. Рассматривая лубочные картины и книжки с картинками, он поверил уверениям продавца, что книги очень интересны, и купил «Еруслана Лазаревича» и «Бову Королевича». Отец любил слушать чтение сказок. По воскресеньям после обеда старший брат мой стал читать вслух купленные сказки. Слушать их приходили и соседи. Некоторые места мне очень нравились: «На восходе зари утренней вставал Еруслан Лазаревич, садился на коня скорохода, надевал ружье самопальное, ехал горами, долами и тихими заводями и бил уток, гусей и белых лебедей». Вот и сосед наш, дядя Егор, тоже бьет тетеревей, думалось мне, и страстно хотелось охотиться.

После первого же чтения брата я стал приставать к нему за разъяснением о способе обучения грамоте. Брат объяснил, что прежде всего надо выучить азбуку. Я стал просить его выучить меня, и он по оставшимся отрывкам азбуки объяснил мне название букв. С этого времени я все свободное время посвящал зубрению. К концу Великого поста я уже читал, а на Святой мог бегло прочитать Псалтирь. Я был счастлив. Кроме «Еруслана Лазаревича» и «Бовы Королевича», прочитал с замиранием сердца и сказку с удалыми песнями о Стеньке Разине⁵¹⁰. Потом по моей просьбе брат написал скорописно⁵¹¹ азбуку. Потихоньку на всяком попадавшемся мне под руку клочке бумажки я писал. Поздно вечером, когда отец засыпал, я зажигал лучину и писал. При малейшем шорохе я гасил лучину. В течение целой

---

⁵¹⁰ Возможно, имеется в виду книга «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», неоднократно издававшаяся в 1830—1840-е гг. и содержащая легенды и удалые песни о Стеньке Разине.

⁵¹¹ Скоропись — тип почерка, возникший в русской письменности в XIV в. для ускорения процесса письма.

зимы я учился читать и писать. Однажды пришел сосед и попросил написать записку в контору Коновалова выслать ему утку⁵¹² для миткаля, который он ткал для конторы. Я написал и с нетерпением ждал ответа. Боялся, что не разберут моего писания. Когда я узнал, что записка прочитана и утка послана, я был очень счастлив и стал считать себя великим грамотеем.

II

Переписка книг Св. Писания у бурмистра. — Описание деревенской жизни и заведенных порядков. — Изменение денежной системы. — Спички. — Картофель. — Чай. — Покушение на побег к староверам.

В следующем, 1844 году я уже бойко читал Псалтирь и Четьи-минеи и знал цыфирь. Меня приглашали читать не только соседи, но и в другие деревни. Слушали меня благоговейно и принимали как гостя. Угощали отборными кушаньями, горохом и пшенной кашей и клали на мягкую постель с подушкой.

Однажды позвал меня к себе бурмистр, Зиновий Васильев, строгий вожак староверов секты бегунов, и приказал показать ему образец моего письма. Я написал. «Такого письма мне не нужно. Ты учишь писать полууставом⁵¹³. Дам работу. Необходимо списать книги Св. Писания, которых печатать не позволяют, а угощают новыми, исковерканными и наизнанку книгами, антихристовщиной», — сказал он. «Я пишу и полууставом», — ответил я и написал образец. Он посмотрел и, по-

---

⁵¹² Утка (уток) — нить для тканья.

⁵¹³ Полуустав — тип почерка, сложившийся в русской письменности во второй половине XIV в., более простой, чем устав, но более сложный для письма, чем скоропись.

видимому, одобрил, потому что сейчас же заявил: «Скажи твоему отцу, что я велел тебе прийти ко мне писать. Я заплачу». Отец отпустил меня без всяких отговорок. Он и не смел отказать: Зиновий Васильев был сила. Он мог все сделать: и в солдаты отдать, и в Сибирь сослать. Одели меня в чистое платье, приказали держать себя у чужих людей умненько и отправили. Недели две я писал о скрытых скитах и о черниговских князьях Борисе и Глебе⁵¹⁴. Я был очень доволен работой и старался писать как можно лучше. В доме царила чистота и тишина. Прожить две недели в уединении все-таки было скучно, если бы не было 17-летней красивой дочери Зиновия Васильевича, которая часто со мною разговаривала. Я любовался ее белым лицом, русою длинною косою и белою сорочкою с вышитыми рукавами. По окончании работы Зиновий Васильевич, посмотрев написанное мною, сказал, что надо писать лучше, и дал полтину⁵¹⁵. Я с удовольствием убежал домой, радуясь и заработку, и тому, что вырвался на свет Божий.

Зиновий Васильевич вел трезвый, скромный образ жизни и был богомолен. В течение целого поста не ел горячего, питался лишь хлебом с водой и на Страстной неделе ел один только раз, в четверг. В молитве он проводил целые ночи. За время его начальства над вотчиной Глушковых благосостояние крестьян и нравственная сторона их процветали. Преследуя пьянство, Зиновий Васильевич пьяных сек розгами. Сидя в сарае, он незаметно наблюдал за возвращавшимися с базара мужиками и на следующий день, собрав сход, учинял экзекуцию тем, которые возвращались пьяными. Следя за тем, чтобы хлеб без надобности не продавался, он

---

⁵¹⁴ Борис и Глеб — младшие сыновья киевского князя Владимира Святославича. В междоусобной борьбе, вспыхнувшей в 1015 г. после смерти Владимира, были убиты старшим братом Святополком. В 1071 г. причислены к лику святых.

⁵¹⁵ Полтина — полтинник, монета в 50 копеек.

отбирал излишек, запирал в общественный магазин⁵¹⁶ и выдавал по мере надобности на еду или для продажи на необходимые нужды. Один мужик по его приказу находился под присмотром другого, более трезвого, а этот под присмотром третьего, и так далее. Амбар запирался двумя ключами, из которых один был у хозяина, а другой у соседа, и, таким образом, войти в амбар один без другого не могли. Крестьяне невольно приучились к воздержанию, к благоразумной экономии, и неисправных плательщиков не было. Каждый, кроме хлеба, который родился хорошо, имел лошадей, коров и овец. Соблюдалась большая осторожность с огнем. Без фонаря со свечой выйти во двор никто не смел. Как только сходил с крыш снег, начиная со Святой недели, сидеть по вечерам с огнем и в особенности с лучиной воспрещалось. Летом печи топились редко и только по утрам, когда хозяева еще были дома. Печи осматривались еженедельно. По его настоянию вместо прежних курных печей делались новые с дымовыми трубами. Для водопоя скота на полях копались колодцы, пруды, на ручьях делались ставы⁵¹⁷. Дороги содержались в исправности. Как только Зиновий Васильевич замечал, что нет спешной работы, так сейчас же посылал десятского по домам звать на сход, и на следующий день крестьяне и стар и млад выходили уже на общественную работу.

Сын бурмистра, Иван, положил себе работу во спасение. Не переставая и не разгибая спины, он исполнял и мирскую работу, не поднимая головы и не говоря ни с кем ни слова.

Знакомство с домом бурмистра имело на меня большое влияние, и я стал подражать им, чем мог. Летом вставал в 3 часа, умывался утреннею росой и шел на чердак, где долго молился на восток. Из окна виднелись

---

⁵¹⁶ Магазин — здесь: склад, помещение для хранения каких-либо запасов.

⁵¹⁷ Став — запруда.

зеленые озимовые поля, слышалось пение жаворонков, скворцов, чирикание воробьев. Мне дышалось легко, весело, дух мой уносился в синюю даль, в бесконечное пространство...

Убедившись, что я хорошо читаю и пишу, отец на мое ученье и чтение смотрел уже сквозь пальцы и не бранил меня больше за то, что поздно сижу с огнем. Он был доволен, что я отдал ему сполна полтину, заработанную мною у Зиновия Васильева.

В этом году (1844) с 1 июля были переименованы деньги и за 3 рубля 50 копеек ассигнациями стали давать 1 рубль серебром⁵¹⁸. Брат мой нанялся в работники на 6 недель за 28 рублей в село Иваново. Когда по окончании срока работы брат принес 8 рублей, отец стал упрекать его, что он проработал лето за 8 рублей. «Мне что за дело, что там печатают, — говорил он. — Ты порядился за 28 рублей, ну и давай их». Понял перемену денег он только тогда, когда за купленную им лошадь, стоящую 60 рублей ассигнациями, уплатил 15 рублей серебром. В это же лето извозчик Кондаков, возивший товар в Москву, привез в первый раз в нашу деревню фосфорные спички. Одну коробку он подарил бурмистру, другую попу. Продавал он коробку за 10 копеек, а на копейку давал 3 спички. Все крестьяне с любопытством осматривали, щупали, нюхали и, когда спичка от трения зажигалась, все отскакивали. Мне очень хотелось купить спичек, но у меня не было ни копейки. Как хорошо было бы, мечтал я, пойти в лес, развести огонь и печь картофель. Кстати картофель был теперь уже в общем употреблении⁵¹⁹. Между тем еще

---

⁵¹⁸ Имеется в виду денежная реформа 1838—1843 гг. по девальвации обесценения ассигнаций.

⁵¹⁹ Картофель начали распространять в России в первой половине XVIII в., но крестьяне принимали его тогда с недоверием. Широкое распространение получил после неурожайных 1839—1840 гг.

незадолго до этого раскольники восставали против него, называя его дьявольским зельем. Говорили, что в казенных погребах, где был сложен картофель, происходит таинственный шум, топот и пение. В Никитинской волости, несмотря на приказание начальства, крестьяне не шли сажать картофель. Ввиду их упорства и неповиновения было призвано войско, и тогда крестьяне, боясь, что в них будут стрелять, вышли в поле и сажали картофель со слезами. К чаю так же относились, как к заморскому зелью, и его не пили ни староверы, ни миряне. Пили только господа, священники и купцы. Самоваров в деревнях ни у кого не было. В большом употреблении был сбитень. Проезжий торговец выказывал невиданные у нас карманные часы.

Под влиянием ежедневного чтения матушкою жития святых отцов религиозное чувство у меня росло с каждым днем. Я ежедневно все больше и больше стал молиться в уединении и наконец задумал бежать к иноверам в лесные монастыри. Однажды я одел кафтан, взял лапти и палку и пошел. «Не бери с собой ни хлеба, ни сумы», — помнил я святые слова. «Однако что же я буду есть, — думалось мне, — коренья, ягоды, грибы?» — «Господь питает», — слышалось в ответ. Я отошел от деревни версты две. Вижу, на чьей-то полосе горох. «Запастись разве горошком, — думаю. — Но ведь это чужое. Воровать грешно. Впрочем, говорят, что все, что растет, — это Божье». Я нарвал гороху и наелся. Тогда на меня напало раздумье. Солнце клонилось уже к западу. Я знал, что скоро меня хватятся, станут искать, найдут и выпорют. Я возвратился домой...

В роли учителя. — Учреждение общества малолетних. — Самодельный пистолет. — Полевые работы. — Понятой. — Становой. — Ведьма. — Колдун.

У нас часто бывал ездивший с базара на базар торговец дегтем и лаптями. Однажды с ним приехал его внук 8 лет. Утром стали на молитву. Сначала дед сделал замечание внуку, что тот стал молиться непричесанный, а затем, указывая на меня, бойко читающего вслух молитву, сказал, что ему необходимо учиться. После молитвы торговец стал просить отца отпустить меня к нему учить грамоте и младших его детей, и старшего, которого он с целью избавления от воинской повинности сдал в объездчики и которому необходимо знать грамоту. Отец посмотрел на меня нерешительно. Я же ответил, что возьмусь за учение с удовольствием. Дядя Моисей сказал, что он мне заплатит за учение и что охотников учиться найдется много.

В начале поста (в 1845 году) я и уехал к дяде Моисею в Чернякино, глухую лесную деревню, где у крестьян и выговор был другой, и одежда была иная. Наша деревня была более цивилизованной, так как мы жили ближе к фабрике. Учить мне пришлось трех парней: 22, 12 и 9 лет. Плату за учение я получил в размере 3 рублей, которые и отдал отцу.

Когда я возвратился домой, мои ровесники, деревенские парни, стали расспрашивать о жизни в чужой деревне. Расхваливая царившую там тишину, я задумал образовать особую малолетнюю общину. Товарищи согласились и выбрали старостой сына богатых родителей, а меня назначили земским, т.е. мирским писарем. Сейчас же мною изданы были правила. Запрещалось произносить скверные бранные слова, принимать участие в играх с большими и по праздникам играть до обеда и требовалось безусловное повиновение старосте, перед которым должно снимать шапку и

по первому зову выходить на общую работу или общую игру. Виновные в ослушании по приговору схода подвергались или сечению розгами, или штрафу в одну или две копейки. На штрафные деньги предполагалась покупка пороха для стрельбы из пистолета или ружья.

Наш кружок действовал дружно. По случаю наступления весны мы разбрасывали груды снега, рыли канавы и т.п. За произнесение бранных слов были наказаны розгами два парня. Штрафных денег не было, и поэтому решили устроить обязательный налог в 3 копейки на каждого. Один мальчик не внес, и его высекли. Так как секли не за проступок, а за то, что не дал денег, высекли до крови. Высеченный пожаловался родителям, и наше общество было уничтожено. Ружья мы не успели приобрести, а порох был уже куплен. Оставалось только его расстрелять. Тогда смастерили пистолет из кости, приделав к нему ложе из дерева. Насыпали в него пороху и подожгли через дырочку сбоку. Произошел выстрел, но не громкий. Тогда я взял пистолет, положил побольше пороху и туго набил его. Не успел я поджечь порох, как произошел оглушительный выстрел. Заряд вылетел не вперед, а назад, разорвав кость и опалив мне порохом лицо. Осколками кости мне ранило лицо в пяти местах. Обожженный, весь в крови, я сначала замыл кровь, а затем спрятался в сарай, откуда вышел только вечером. На другой день я родителям соврал, что упал с дерева. Долго я ходил с черными пятнами на лице, из которых некоторые остались навсегда.

В эту весну я стал ходить на общественные работы: чистку прудов, починку дорог и на покос. Косьба сена, какая это чудная работа. Все работу эту любили, и во время покоса и мужчины и женщины наряжались в лучшие одежды, как в праздники. При восходе солнца, в 4 часа утра, когда трава белеет, как снег, 50 человек крестьян стройно, как по команде, взмахивая острыми косами, двигаются вперед, оставляя за собою, точно гигантскую

змею, длинную полосу сена. В 7 часов утра женщины и дети приносят завтрак, и все сбиваются в одну кучу. Завтрак вкусный. Едят блины со сметаной, молоко с налесничками⁵²⁰, или пирожками, и яйца. После завтрака луг докашивается, сено ворочается, и все затем возвращаются домой с песнями. Часа в 4 ходил по деревне десятник и приказывал запрягать лошадей ехать за сеном. Так как у нас владение было чересполосное, сено, во избежание споров и затаптывания нескошенного, тотчас же убиралось. К 5 часам, когда сено достаточно уже проветривалось, складывалось на возы и увозилось. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю эту работу. Сколько было веселья, песен, шуток! Сколько любви проглядывало в движениях, в словах, в немых взглядах и улыбках молодых девушек и парней...

осле 20 июня жали рожь. Насколько я полюбил косьбу, настолько жатва мне не нравилась. Косил я хорошо, а жать пробовал было и сразу же порезал руку. Роль моя в этой работе ограничилась вязаньем снопов и их установкой.

В это время в гор. Лухе была ярмарка и отца потребовали туда в качестве понятого. Вместо себя он послал меня. В первый же день меня с другим крестьянином поставили на дежурство при арестантской избе. В течение дня загнали туда много пьяных и буянов. Ночью один из них убежал, выскочив в окно. Нам, дежурным, объявили, что приедет скоро становой⁵²¹ Цвилнев и выпорет нас. Я очень испугался и вспомнил, какую штуку он сыграл с Зиновием Васильевичем 25 марта. В этот день, по случаю праздника Благовещения, вечером собралось к Зиновию Васильеву человек 40 староверов на молитву. Вдруг прискакал неожиданно становой с

---

⁵²⁰ Налеснички — пирожки с начинкой из овсяной каши, творога или гороховой муки.

⁵²¹ Становой — становой пристав, полицейское должностное лицо, заведовавшее станом, частью уезда.

понятыми и окружил дом Зиновия Васильева. Несмотря на то что все запрятались по разным углам на чердаке и дворе, становой всех нашел, переписал, забрал книги и хотел взять иконы. Тогда Зиновий Васильев дал становому 200 рублей и писарю 25 рублей. Становой возвратил книги, составлять протокола не стал и уехал. Я боялся, что меня высекут и сошлют в Сибирь. Однако, слава Богу, дело окончилось благополучно. Становой приехал с красавицей, которая пела и играла на гитаре, был поэтому в хорошем расположении духа и велел только переменить дежурных понятых.

С какую радостью я побежал домой, несмотря на то что был уже вечер. Когда стало уже темнеть, я подошел к лесу, вблизи которого стояла деревня Омелиха. Невольно я вспомнил, что год тому назад в этом лесу была найдена повесившейся красавица солдатка Фекла и там же похоронена. Сама ли она повесилась, или ее кто-нибудь из ее многочисленных любовников повесил, выяснено не было. Рассказывали, что по ночам она выходила из могилы и гонялась за прохожими. С целью прекращения ее походов крестьянами был забит в ее могилу осиновый кол⁵²². Я со страхом вошел в лес и, творя молитву, не оглядываясь, шел вперед. Меня колотило, как в лихорадке. Вдохнул я только свободно, когда вышел из лесу и стал подходить к деревне Омелихе. Проходя мимо бани, я вспомнил, что, по слухам, и в банях водится нечистая сила. Я поднял камень и швырнул в окно, но и из этого ничего не произошло. Домой я вернулся в 3 часа ночи.

Рассказы о разных происшествиях обыкновенно получались от нашего соседа Тимофея, торговца кадками и ведрами, всегда возвращавшегося домой в пятницу. Этого дня все однодеревенцы ждали с

---

⁵²² По народному поверью осиновый кол, забитый в могилу, препятствует выходу мертвеца из гроба.

нетерпением. Не успевал он въехать в деревню, как его уже окружала толпа, требовавшая немедленного сообщения новостей. Кто-нибудь распрягал лошадь, а он рассказывал обо всем, что видел и что слышал. Речь шла о новых указах, прочитанных в Юрьевце, о войне, о рекрутском наборе, о кражах и о разных случаях. До поздней ночи мужики толпились около избы Тимофея, слушая его рассказы.

Дядю Тимофея я считал очень умным. Человеком не только умным, но и прозорливым считал Зиновия Васильевича. Третьим замечательным человеком был Корнилий Иванов, колдун и лекарь. О нем рассказывали, что он знает с нечистой силой, портит людей, может напустить болезнь и исцелить, приворожить человека одного к другому и наоборот. Он собирал постоянно разные травы и корни. Ходили слухи, что у него есть и разрыв-трава⁵²³. Дядя Корнилий клал на пустую телегу стручок с 9 горошинками — и пара лошадей не могла сдвинуть воз с места. Переходил дорогу с заговоренною в руках травой — ни одна лошадь не хотела переехать этого места. Поэтому дядя Корнилий был необходимым человеком на всякой свадьбе, на которой он бывал полновластным распорядителем. По его указанию не только делались разные церемонии, но даже составлялась смета угощения. Однажды был я у дяди Корнилия в то время, когда к нему приезжал купец Морокин за лекарством от запоя.

- Ты мне составь, пожалуйста, покрепче, — говорит купец. — У меня дела, а между тем, как начну пить, недели три нахожусь в безумии. Вот тебе 10 рублей. Не жалея добра. Составь крепче!

- На наш век дураков хватит! — сказал Корнилий после отъезда гостя. — Я ему купил на 10 копеек солодкового корня, ревеню и сварил с

---

⁵²³ Разрыв-трава — в суеверных представлениях трава, с помощью которой можно извести кого-либо.

попынью. Это пойло облегчило его желудок, и он перестал пить. Теперь еще просит.

«Так вот почему, — думал я, — он ходит в красной рубахе и плисовых штанах! Хорошо быть знающим человеком! Буду учиться всему. Хочу все знать!»

IV

Деревенский рассказчик. — Мое первое письменное произведение. — Дневник. — Затмение солнца. — Землемер П.А. Зарубин. — Собираение трав. — Рекрут. — Писание писем. — Требование в Москву. — Прощание. — Поездка.

На святках в 1846 году приезжал к соседу Егору дворовый человек Телепнева. Это был веселый молодой человек. Он играл на гармонии, пел разные песни и рассказывал разные истории. Один раз давал представление «Суд царя Соломона»⁵²⁴. Нарядился он в какой-то пестрый халат, и на голове у него был высокий колпак. Ему помогал наш ододеревенец, Петр Китаев, который говорил много смешных прибауток. Слушатели говорили, что Китаев мастер сам прибаутки сочинять. Меня это очень удивило, так как я слышал от одного фабричного, что все, что пишется, и все сказки даже, сочиняют сенаторы в Петербурге и Москве, там печатают и рассылают по всей империи.

Я долго думал по этому поводу и решил наконец сочинить что-нибудь. Написал я следующее: «В Ветлужском уезде один мужик заметил,

---

⁵²⁴ «Суд царя Соломона» — народная драма, разыгрывавшаяся в балаганах и деревенскими самодеятельными артистами.

что к нему на пасеку за медом ходит медведь. Он его подкараулил и выстрелил в него из ружья. Медведь побежал. Мужик за ним и схватил его за хвост. Хвост оторвался. Он за заднюю часть. Она оторвалась. Он за спину. Спина отвалилась. Как хватил его за уши, так оба и упали. Об этом случае сотник донес становому, тот капитану-исправнику⁵²⁵, этот губернатору, а последний сенату, который велел напечатать и объявить по всей империи». Я прочитал это нескольким крестьянам, и все сразу поверили в истинность происшествия. Мне было совестно.

Между тем дядя Кирилл привез мне в подарок академический календарь⁵²⁶ 1824 года. Он купил его, думая, что в нем напечатаны хорошие сказки, так как календарь был в переплете. Я был очень доволен этою книгою, так как узнал названия всех губерний. С особенным удовольствием читал подробное описание Костромской губернии. На пустых страницах календаря кем-то сделаны были разные отметки и записаны разные события. Я тотчас же сшил себе тетрадку, завел дневник и стал делать в нем каждый день отметки. Записано мною было, как однажды Катя, моя родственница, соседка, встретившись со мною, сказала, что я, вероятно, научился от Корнилия колдовству и приворожил ее, потому что она целый день думает о мне. Другая отметка была о затмении солнца. Когда свет солнца начал меркнуть, все убежали в свои дома. У нас зажгли перед иконами восковые свечи и стали молиться. Все очень были встревожены. Когда стало опять светлеть, мне разрешили выйти на улицу. Около избы дяди Егора была большая толпа, среди которой стоял приехавший из Москвы Иван Куколкин и смотрел на солнце в закопченное стекло. Брали у него посмотреть и другие

---

⁵²⁵ Сотник — сотский, должностное лицо, исполняющее полицейские обязанности в сельском округе. Капитан-исправник — высшая полицейская власть в уезде.

⁵²⁶ Привилегия подготовки и издания календарей в России с 1721 по 1865 г. принадлежала Академии наук.

охотно, но когда он стал говорить, что еще месяц тому назад в Москве был известен день и час затмения солнца, на него набросились все и стали кричать, что он безбожник, так как воли Божией никому не дано знать. Он замолчал и не возражал.

Осенью началось межевание земель. Меня послали быть понятым. Днем я носил цепь, а вечером расписывался за всех остальных понятых. Бурмистр говорил, что землемер, Павел Алексеевич Зарубин, сын пучежского мещанина, научился межевать и стал барином⁵²⁷. Землемера я считал человеком сверхъестественным, умеющим читать чужие мысли. Вывел это заключение я из нескольких случаев. Один раз не успел один из мужиков сказать потихоньку, что ему и есть и спать хочется, как землемер посмотрел на него и закричал: «Эй! что ты осовел! Есть или спать хочешь». Вслед за тем он посмотрел в астролябию, велел поставить колышки и мерить цепью. Вдруг он крикнул: «Стой! копай здесь. В этом месте должна быть межевая яма и знаки, 3 камня и угли». Стали копать и действительно нашли и камни и угли. Увидев, как я пишу, он велел мне приходить к нему по воскресеньям писать повестки сотским и бурмистрам о явке к межеванию и о предоставлении документов. Павел Алексеевич научил меня многому. Я узнал не только четыре правила арифметики, но и получил понятие об астролябии и магнитной стрелке. Познакомился также и с грамматикой. Уходя от Павла Алексеевича с гостинцами и двугривенным в кармане, я всегда удивлялся его познаниям и уму. Не нравилось мне только, что он в постные дни ел молоко, ел зайцев и насмехался над староверами, даже над Зиновием Васильевым, скрывшимся в леса.

---

⁵²⁷ Зарубин П.А. (1816—1886) — публицист, прозаик, с 1871 г. до кончины редактор газеты «Петербургский листок».

— Удрал спасаться, напившись мирской кровью, — говорил о нем Павел Алексеевич. — Когда служил барину, тогда драл всякие поборы, и грибами, и холстиною, и маслом. Даже выкуп положил за девок, которые не желали выходить замуж и идти в другую вотчину.

Между тем последний выкуп устроил уже новый бурмистр Малкин. Когда уезжал Зиновий Васильев, прощание его было торжественное. Оставив свой богатый дом и свою власть, он с сыном Парфеном доехал до Волги, слез с телеги, погладил своего пегого и сказал сыну: «Прощай, Парфен! Береги пегого. Он был мне верным слугою. Живи благочестиво, трудись до изнеможения, как твой брат Иван, и тогда дурные мысли смущать тебя не будут. Не забывай бедных. Ты теперь остаешься в мире один, и мы будем молиться за тебя!» Сказав это, он сел в лодку и заплакал.

Осенью новый бурмистр неправильно сдал в солдаты мужика, лет 35, кривого, под тем предлогом, что он был плохой плательщик. В действительности же бурмистру нравилась его жена. Сдал также в рекруты и парня Никифора, которого мы очень жалели. Это был скромный парень, преданный расколу. Он постоянно читал Священное Писание и любил уединение. С этою целью он с наступлением весны нанимался пасти стада. Сидит он, бывало, под тенью кустика, плетет лапти или делает коробочку из бересты и тихо напевает или духовную, или заунывную песенку. Иногда играет на свирели. Он удивительно знал природу и был близок к ней. Он знал каждый цветочек, каждую травку, где какая растет, чем пахнет. Знал, где какие ягоды растут, где грибы. Он умел заглядываться на волнующуюся рожь, заслушиваться пения птичек. Птицы и животные любили его и летели и бежали к нему.

В начале зимы пронесся слух, что барин потребовал выбора и присылки к нему в услужение более красивых и ловких девушек и парней. Я

и Михаил считались не из плохих и побаивались очень, как бы выбор не пал на нас. Я не сидел сложа руки, а работал. Тканьем полотна зарабатывал я до 20 копеек в день. Видя мою прилежность, не раз говорили: «Вот будешь жених-молодец». При таких замечаниях я думал про себя, что я не хочу быть простым мужиком и валяться на полу, прикрывшись с бабой епанчою. Этим словом называли войлочную полость, которую обязательно должна была принести невеста. Я хотел быть приказчиком на фабрике и носить красную рубашку, такую, как у дяди Корнилия. С просьбою писать письма ко мне обращалось очень много баб. Однажды пришла жена старосты и попросила написать своему возлюбленному, что муж ее в известный день уезжает. Каким-то образом муж, староста, перехватил это письмо. Избив жену, он потребовал меня к себе.

- Это ты писал это письмо? — грозно спросил он меня. Я сознался.

- А знаешь ли ты, щенок, что где руки, там и голова. Если ты еще раз осмелишься написать подобное письмо, я тебя зашлю туда, куда и ворон костей не заносит. Ступай.

Я стал уходить. Он щелкнул меня пальцем по затылку и прибавил:

- Смотри, об этом ни гугу.

Летом я занимался полевыми работами, а осенью поступил в селе Порском к купцу Пономареву приказчиком на постоянный двор. На моей обязанности лежал отпуск сена и овса и составление счетов. Пробыл я там всего недели две, а затем Пономарев стал заниматься сам. Заработал я 2 рубля 80 копеек.

В декабре месяце в одну из суббот, едва семья стала на общую молитву, как раздался стук в окно. Послышался голос, что бурмистр немедленно требует к себе отца вместе со мною. Я испугался и подумал, что

меня хотят высечь за то, что я накануне целый вечер с его дочерьми гадал на оракуле⁵²⁸. Не успели мы прийти к бурмистру, как он объявил, что посланные им в Москву к господам мальчики забракованы и отправлены обратно и что поэтому в Москву посылаюсь я.

- Ты его завтра же к вечеру отправь в Шую и передай Кондакову, который и отвезет его в Москву, — приказал бурмистр. — А ты не горюй, — прибавил он, обращаясь ко мне. — Если бы ко двору не попал, в солдаты пошел бы. Дома тебе не усидеть.

Объяснив, что дорогой Кондаков будет кормить меня на мирской счет, он дал мне 3 рубля. Узнав, что я отправляюсь в Москву, матушка заплакала и невестки захныкали. Таким образом 19 декабря 1847 года решилась моя участь, и я должен был ехать в Москву. Баню топить было уже поздно. Поэтому я вымылся и выпарился в большой нашей печи и сел ужинать. Всем был подан кочан капусты, похлебка и картофель и, кроме того, лично мне мед и клюква. Когда я улегся спать, мать села рядом со мной и долго говорила мне, чтобы я постоянно молился и не забывал бы Бога. Утром в нашу избу набралась целая толпа народа. Пришел между прочим и Никита, живший лет 40 в кучерах и наконец прогнанный господами за пьянство.

- Не горюй и не плачь, — говорил он. — Москва слезам не верит. Надо быть проворным и ловким. Вислоухим там плохо — облапошат. Если напроказничал — хорони концы, не попадайся. Мы, бывало, целую ночь гуляем по кабакам, трактирам и у красных девушек, а утром дома, как ни в чем не бывало. Все шито и крыто. Одним словом, гуляй, да дело знай и не зевай.

---

⁵²⁸ Оракул — здесь: гадательная книга.

Мать заметила ему, что я еще мал для гулянья.

- Э, скоро научится, — ответил он. — Там нужно жить так, как живут товарищи. С волками жить — по-волчьи выть. Чужая сторона по головке не гладит. А ты первым делом, как явишься, — учил он меня, — кланяйся в ноги. Сиволапого к ручке не допустят. Стой прямо, руки по швам. Повернуться прикажут — живо налево кругом.

Слушая Никиту, я не знал, верить ему или не верить. Часов в 9 подали обед: лапшу с грибами, пшенную кашу и кисель гороховый с маслом. Затем я пошел прощаться по деревне. Заходил и к священнику, и к диакону. Они просили доложить господам о нуждах церкви. Когда я возвратился домой, меня ждала закуска: грибы соленые и баранки. Хоть и не хотелось есть, я взял грибов, проглотил несколько штук и сказал:

- Прощайте, грибы. Не придется мне больше вас собирать. Не ходить мне больше зеленым лугом по темным лесам.

У родителей показались на глазах слезы, и сам я заплакал. - Сладок был родительский родной хлеб. Каков-то будет хлеб на чужой стороне, в белокаменной Москве, — продолжал я.

- И откуда у него слова такие берутся, — сказала тетка.

- Вот тебе коробка с бельем, — сказала матушка. — Тут есть и три платочка. В Москве, говорят, нос платком вытирают.

Передав белье, она благословила меня и передала мне медный образок Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих. Простившись с родителями, я обошел всю избу и зашел во двор попрощаться с лошадьми и коровами. Отец с матушкой сели на мирскую подводку, а я пошел рядом, прощаясь со всеми встречными. Многие давали мне на гостинцы деньги. На краю деревни я перекрестился на церковь и простился со всеми. Моя

подруга Катя поцеловалась со мною и сунула мне в руку колечко с молитвою и поясок со словами:

- Не забывай меня.

Отвесив еще раз всем низкий поклон, я сел на подводу, и мы поехали. В 9 часов вечера мы приехали в деревню Филисово к Кондакову, который, имея шесть лошадей, занимался перевозкой товаров из села Вичуги в Москву и обратно. На следующий день, 21 декабря, я простился с родителями и, взгромоздившись на один из возов с мануфактурным товаром, тронулся в путь по направлению к Москве. Проехав несколько верст, ко мне подошел Кондаков и сказал:

- Нечего тебе плакать. Возьми вот рогожу. Прикройся и спи.

Мне надоело смотреть на бесконечные снежные поля. Я послушался доброго совета и заснул. Проснулся я только утром, когда мы стали подъезжать к селу Васильевскому, принадлежащему князю Трубецкому. В селе дворники, то есть хозяева постоянных дворов, выбегали на улицу и приглашали у них остановиться, но у Кондакова и его зятя Тараса был знакомый постоянный двор, куда мы и направились.

В чистой, просторной, теплой избе был приятный запах печеного хлеба и жареного лука. Дворничиха подала чай и потом обед, который состоял из ботвиньи⁵²⁹ с вареным соленым судаком, похлебки из картофеля со снитками, лапши с белыми грибами, жареной малосолевой севрюги с картофелем, горохового киселя с постным маслом и мягкого ситного хлеба с медом. Во время обеда приехал торговец дичью, крестьянин Варнавинского уезда, который сел обедать с нами. После обеда Тарас и торговец выпили по

---

⁵²⁹ Ботвинья — холодное кушанье из кваса, вареной зелени и рыбы.

стакану пенного⁵³⁰. За обед заплатили по 25 копеек с человека. После обеда отправились в путь и ехали не останавливаясь два дня. Был сильный мороз. Торговец дичью молил Бога, чтобы мороз продолжился. Он боялся, что попортится дичь, от которой уже шел запах. Тарас же просил оттепели, так как у него коченели руки при перепряжке 6 лошадей. День Рождества мы встретили на одном из постоянных дворов и поехали опять вперед.

V

Москва. — Первые впечатления. — Представление господам. — Состав господской семьи. — Первые обязанности. — Встреча Нового года. — Сдача лакея в солдаты.

Вот наконец и Москва. Начинало рассветать, и сквозь розоватый туман виднелись два столба с фонарями.

- Это Преображенская застава, — сказал Тарас.

Около шлагбаума стояло множество возов и саней, около которых толпился народ. Едущих опрашивали в конторе о том, кто такие и куда едут, и пропускали по одному возу. В стороне виднелась церковь... Я перекрестился большим крестом.

- Крестится, как раскольник, — заметил Тарас. — Вот приедешь в Москву, там тебя приучат и к щепотке, и к табаку.

Я смотрел на все изумленными глазами: и на громадные дома, и на снующий народ, и на извозчиков.

---

⁵³⁰ Пенное — крепкое хлебное вино.

- Это будочник с алебардой, — учил меня Тарас. — Они всякого могут задержать и отправить в кутузку для обучения уму-разуму.

Всюду сновали разносчики со сбитнем, калачами и сайками, громко крича:

- Горячих кому угодно!

- Видишь круглое здание, — сказал Кондаков. — Это строение для огненной машины, которая по железной дороге будет возить из Москвы в Петербург и людей и товары.

- А правду ли говорят, — спросил Тарас, — что дорога будет как стрела прямая и что, когда пригорки сровняют и леса прорубят, Петербург будет виден как на ладони?

- Разве можно глазу человеческому видеть за 700 верст, — ответил Кондаков.

Наконец мы приехали в Шуйское подворье и, поместив возы во дворе, сами вошли в постоянный двор Кормилицына. Это был подвал каменного дома, очень сырой, свет в который едва пробивался сквозь покрытые сплошь льдом окна. Кондаков сначала сходил в контору, а затем велел мне взять свой сундучок и повез меня на розвальнях к господам. Проезжая по улицам и рассматривая дома, я очень беспокоился о том, как примут меня господа. Мне было бы очень стыдно, если бы меня забраковали и признали негодным для Москвы. В то же время припоминал слова Никиты: «Не довернешься — бьют, и перевернешься — бьют». Когда мы въехали в Медвежий переулок, Кондаков снял шапку и слез с саней.

- Слезай и снимай шапку, — скомандовал он. — Видишь тот дом вдали. Это господский.

- Да ведь далеко. Мы бы во двор въехали.

- Молчи. Исстари ведется, что на господский двор мужики должны входить пешком и без шапки.

Мы вошли во двор и направились в один из флигелей, где помещалась людская. Там сидел дворецкий, распивая чай с лакеями и горничными.

- А, Федор Федорович приехал, — раздался голос. Кондаков подал руку дворецкому и другим и, указывая на меня, сказал, что привез нового слугу.

- Здравствуй, землецок, — сказал шутливо дворецкий, оглядывая меня.

Все рассматривали мою шубу и сапоги, шептались и хихикали. Я в свою очередь робко разглядывал их, удивлялся их синим сюртукам и платьям и - недоумевал, что они нашли во мне смешного. Дворецкий отнес переданное ему Кондаковым письмо, и скоро нас позвали в дом. В прихожей сидели два лакея, из которых один мотал бумагу, а другой вязал чулок. В зале стояли стеклянные цветные ширмы, висели большие зеркала и лампы, под которыми болтались стаканчики для стекавшего из ламп льняного масла. Из залы через коридор вошли в кабинет, где, разбитый параличом, лежал на кровати сам барин.

- Здорово, Кондаков, — сказал он. — Привез мальчика. Ты чей будешь?

- Дмитрия Евдокимова, крапивновского, — ответил я.

- А, знаю. Нравится Москва?

- Нравится, сударь, — опять ответил я и, вспомнив наставление Никиты, бухнулся в ноги. В это время вошла барыня. На ней было шелковое, с широкими рукавами и складками на плечах платье, на голове жемчужная гребенка, в ушах горели серьги, на груди блестела звезда, на шее

был жемчуг. Сама она была молода и красива, и мне показалась богиней. Она присела на кровать к мужу и спросила меня:

- Ты из какой деревни?

Я так смешался, что не мог ответить.

- Забыл уже, как зовут деревню, — насмешливо продолжала она. — А тебя как зовут?

- Федором Дмитриевичем.

- Вот как.

Она что-то сказала барину по-французски, и они вдвоем засмеялись. Тут я вспомнил опять наставления Никиты и бухнулся на пол перед нею, так что ее ноги очутились над моей головой.

- Ах, дурак, дурак, — сказала она и ушла.

На этом и кончилось представление господам. Меня отвели опять в людскую, где предложили мне ужинать, но я есть не мог. Я лег спать и долго не мог заснуть. Перед моими глазами все стояла барыня. Я удивлялся, почему у нее, 25—27-летней красавицы, муж старик, лет 60, и думал, что у нас в деревне лучше, так как таких неравных браков не бывает. Всю ночь мне грезилась разные сладкие сновидения. Проснувшись же, я почувствовал горькую действительность. В полутемной людской еще все спали, и только слышался храп кучеров и дворников. Я, боясь нарушить покой, не вставал и думал о том, как врут в деревне. Рассказывали, что дворовые не имеют покоя ни днем, ни ночью, а между тем, пока здесь храпят, в деревне самый плохой ткач успел уже наткать миткаля аршин 6, не меньше. Вот наконец встали, умылись и пошли каждый по своему делу. В людскую явился дворецкий и горничные и стали пить чай.

- Хочешь чаю? — спросил меня дворецкий. — Пил чай в деревне?

- Нет.

- На, выпей.

Мне дали чашку чаю и три баранки. Я старался пить так, как пьют остальные. Выпив две чашки, я поблагодарил и перекрестился большим крестом.

- Раскольников, — насмешливо заметил дворецкий.

Я присматривался ко всему окружающему. Семья господ состояла из барина, барыни, трех сыновей и дочери. Старший сын, Александр, учился в Дворянском институте, а дочь в Екатерининском⁵³¹. У старшего был репетитор-студент, который жил у господ, к младшим, Николаю и Сергею, ходили два учителя. Кроме того, была немка, которая давала уроки немецкого языка и в то же время была экономкой. Дворецкий сам-четверт, повар сам-четверт, Василий эконом сам-третей, кухарка в людской, кучер, форейтор, два дворника, три лакея, три горничных, меня еще прибавили, еще хотят выписать. Я недоумевал, к чему так много людей держать.

Пока меня заставили носить воду, щепать лучину, чистить ножи. Кликали меня Федькой. Мне это было очень неприятно. В деревне ко мне приходили из других деревень с просьбой прочитать и написать письма, угощали меня, ухаживали за мной, звали Федором Дмитриевичем, а здесь — деревенский чурбан, Федька. Я чувствовал, как давило мне в горле и подступали слезы к глазам. С меня сняли мерку и скоро нарядили. В казакине из толстого домашнего сукна, в манишке с галстуком и коротко остриженный, я, глядя на себя в зеркало, сам себя не узнавал. Меня назначили прислуживать за столом. Главная же моя обязанность была неотлучно находиться при барине и поправлять не слушавшиеся ему руки и ноги и вытирать нос. Мне это было не по душе.

---

⁵³¹ Дворянский институт — закрытое среднее учебное заведение для мальчиков дворянского происхождения; Екатерининский институт — то же для девочек.

Прошло однообразно несколько дней, и наступило 31 декабря. В этот день вечером осветили весь дом. Кроме ламп, в зале горели сальные свечи, а в гостиной 2 свечки белые и крепкие, как сахар. Лакеи были во фраках, белых жилетах и белых перчатках. Приехало очень много гостей. Были дядья барыни П.Л. Демидов, Л.Л. Демидов, А.Л. Демидов, генеральша Рогожина, Титова, Поливанова, Хазиковы и генерал Митусов. Я был в числе лакеев в передней и помогал снимать верхнее платье, только у меня дело плохо спорилось. Подхватывая шубу, я тащил и фрак; снимая теплые сапожки, я стаскивал башмаки. Среди лакеев особенно выдавался камердинер П.Л. Демидова, Сергей Миронов, которого Демидов купил у графа Панина за 3 тысячи рублей. Это был огромного роста, осанистый и всезнающий человек. Рассматривая шубы господ, он говорил, что одна из черно-бурой лисицы и стоит тысячу рублей, другая из соболей 2 тысячи и т.п. Я в это время думал, что деревенская изба стоит только 100 рублей, и вспоминал, как я с братом месил глину для кирпичей, чтобы уплатить оброк.

В зале в это время под музыку Титовой, игравшей на фортепьяно, танцевали. В 12-м часу зажгли елку, затем стали ужинать и ровно в 12 часов с бокалами шампанского в руках стали поздравлять друг друга. Меня это очень удивляло. В деревне у нас этот вечер просто считался кануном Васильева дня⁵³², и матушка уверяла, что новый год начинается первого марта, в тот день, когда сотворен мир.

Январь месяц 1848 года был суетливый, все гости ездили. Я был на посылках и между прочим покупал ежедневно «Московские ведомости» и

---

⁵³² Васильев день — 1 января.

«Полицейский листок»⁵³³, в котором читал рассказы. Когда стала наступать весна, я влезал на чердак и смотрел, как начинают краснеть березы и вить гнезда галки, глядел в синюю даль и на черневшую вдали Марьину рощу, и мысли мои уносились туда, далеко, в мою родную деревню. Как бы в ответ на мои думы, 1 апреля, во время обеда, барыня, разговаривая с гостями, сказала, что летом поедет в деревню. Наша обыденная жизнь в людской была нарушена происшествием. На Фоминой неделе людей стали кормить тухлою солониною. Мы ели неохотно, но молчали. Лакей же Иван при встрече с экономкой назвал ее чухонской мордой и сказал, что если она будет продолжать давать тухлятину, то бросит ей солонину в лицо. Немка стала его за это ругать, а он погрозил ей кулаком. Она сейчас же побежала жаловаться господам. Иван был немедленно вызван. Он не стал отказываться от своих угроз и добавил, что люди не собаки, а между тем даже собаки не едят той говядины, которую отпускает нам немка. За такую дерзость Иван немедленно был сдан в солдаты. Он иногда помогал мне ухаживать за барином, теперь же я остался один.

VI

Поездка в деревню. — Холера. — Петербургский губернатор Кавелин. — Смерть барина. — Чтение русских авторов. — Артист Самарин. — Герольды. — Посещение Москвы Императором Николаем I. — Интриги прислуги. — Посещение театра в первый раз.

---

⁵³³ «Московские ведомости» (Москва; 1756—1917) — одна из старейших российских газет; «Полицейский листок» — обиходное название газеты «Ведомости московской городской полиции» (1838-1917).

В июле месяце 1848 года барыня собралась в деревню и взяла с собою сына, студента, горничную и меня. Я был очень рад и счастлив. При въезде в деревню нас встретил бурмистр, старосты и крестьяне с хлебом-солью. Все были в праздничных платьях. Я отыскивал глазами родных и знакомых и радостно кивал им головою. Остановились мы в доме бурмистра, и барыня разрешила мне проведать родных. Встреча была радостная. Матушка прежде всего стала спрашивать, не перестал ли я креститься большим крестом, и долго твердила мне держаться завета дедовского. К моей матери очень часто заходила барыня и, сидя с нею под яблонью в саду, подолгу с ней разговаривала. Для развлечения барыни собрался как-то под окнами хоровод, который пел песни. Между бабами была и Катя, которая была уже замужем. У меня стояли на глазах слезы. Через две недели мы поехали обратно по Ярославскому шоссе. В это время кругом свирепствовала холера, и ямщики все были пьяны, так как им в видах предохранения от холеры отпускалась водка. В Москве была тоже сильная холера. Многие выехали, и Москва сильно опустела. Газеты переполнены были статьями о холере.

Переехавший в Зыково барин сказал, что дворецкий плохо за ним ухаживал, и его с семейством отпустил. Мне был подарен жилет и галстук, и меня стали звать Федором, а не Федыкой. Удалось достать «Современник»⁵³⁴, и я не спал ночей, пока не прочитал роман «Три страны света»⁵³⁵.

---

⁵³⁴ «Современник» — журнал, издаваемый в 1847—1866 гг. Н.А. Некрасовым.

⁵³⁵ «Три страны света» — роман Н.А. Некрасова и А.Я. Панаевой, печатавшийся в «Современнике» (1848-1849).

В этом году господа встречали новый год у Дуровых. Первого января у нас утром было много гостей, и обедали князь Вяземский и дядя барина, петербургский губернатор Кавелин⁵³⁶. Когда стало темнеть, он увидел из окна искры. Вслед затем послышался стук в стену. Это зажигали фонарь и вставляли его в стену дома.

— Как, у вас в Москве до сих пор вколачивают фонари в стены деревянных домов. Ну, это небезопасно, неправильно, — сказал он.

На другой же день у ворот был поставлен столб, и на нем укреплен фонарь.

В конце марта барин заболел. У него был страшный жар, он не спал и в бреду метался по постели. 2 апреля он скончался.

Похороны были великолепны. Отпевали в Рождественской церкви, что в Путинках, и похоронили в Симоновом монастыре. Было два архимандрита и много духовенства. Барыня нарядилась в черное платье и каждый день ходила в церковь и в Петровский монастырь. Мне барыня подарила кое-что из платья барина и серебряные часы. Я так был доволен, что даже по ночам, просыпаясь, поверял свои часы с другими. После смерти барина у меня было больше свободного времени, и я стал много читать. Прочитал Жуковского и многих других писателей. Самое большое впечатление на меня произвели сочинения Карамзина. Он повлиял на мое воображение и на мое сердце. Мне казалось, что я иначе стал думать и чувствовать.

---

⁵³⁶ Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь — поэт, в 1846—1848 гг. управлял Государственным заемным банком; Кавелин Александр Александрович (1799—1850) — губернатор Санкт-Петербурга.

«Московские» и «Полицейские ведомости»⁵³⁷ были переполнены сведениями о войне с Венгрией. Приезжавший часто к барыне Дмитрий Александрович Демидов обыкновенно спорил с Сергеевым и Дружининым и доказывал им, что мы совершенно напрасно помогаем австрийцам⁵³⁸.

Однажды утром, в ожидании пробуждения барыни, я сидел под акацией во дворе и читал «Полицейский листок». Вдруг ко мне подходит артист Иван Васильевич Самарин⁵³⁹ в черном сюртуке, пуховой шляпе и с камышового тростью в руках. Он взял у меня «Листок», просмотрел его и спросил, где я учился грамоте. Я ответил, что у брата в деревне...

— А ты приходи ко мне, — сказал он. — Я дам тебе книг для чтения.

Самарин жил у Глушкова во флигеле вместе с отцом своим, Василием Дорощеевичем, матерью, братьями и сестрами. Отец его был крепостным Волкова, имевшего большой дом в Леонтьевском переулке и плисовую фабрику в Горенках по Владимирской дороге. Иван Васильевич был красив и строен, осанка у него была благородная и манеры прекрасные. У него бывали писатели и было много поклонниц, между которыми выделялась красивая, молодая Голубева, которая часто к нему ездила.

На следующий же день я явился к Ивану Васильевичу за книгами. Он дал мне два тома Пушкина. Брат его, Сергей, узнав, что я имею плохое понятие о грамматике, дал мне грамматику Востокова⁵⁴⁰, сказав: «Дарю ее тебе, потому что она надоела мне хуже горькой редьки».

---

⁵³⁷ «Полицейские ведомости» — другое обиходное название газеты «Ведомости московской городской полиции».

⁵³⁸ Имеется в виду восстание в Венгрии против австрийского господства (март 1848 — август 1849). Успешно развивавшееся на первых порах, после обращения австрийского правительства к Николаю I было подавлено с помощью русских войск.

⁵³⁹ Самарин И. В. (1817—1885) — артист Малого театра.

⁵⁴⁰ Востоков Александр Христофорович (1781 — 1864) — филолог-славист поэт, автор двух — пространной и краткой — грамматик русского языка (1831).

Я стал вставать раньше всех и тотчас же начинал зубрить грамматику и читать географию. Долго я не мог понять системы Коперника, пока наконец не уяснил ее себе. Тогда я вспомнил, как однажды у нас хотели бить 15-летнего парня за то, что он стал рассказывать о том, как, по словам его грамотного отца, Земля вертится. Барыня дала мне письменные принадлежности и велела учить азбуке 6-летних детей.

В августе месяце разъезжали по улицам Москвы на серых лошадях, в касках и белых мундирах герольды с отбитыми у венгерцев значками. Их сопровождали трубачи. Народ крестился, прославляя Бога за победу. Некоторые же господа говорили, что мы за положенные головы русского солдата можем похвастаться только этими тряпками. Я читал манифест⁵⁴¹, что подымется оружие в отмщение врагу за веру, отечество и честь России, и теперь, слушая разные суждения, недоумевал и не знал, кого бы и как бы спросить, чтобы мне разъяснить все это. Так этот вопрос и остался для меня неразъясненным.

Осенью, когда окончилась постройка нового большого дворца в Кремле, приехал Государь Император Николай Павлович. В 10 часов вечера, при ярком свете луны, увидел я Царя в шинели и белой фуражке, ехавшего с каким-то генералом. Народ кричал «ура». Коляска четвериком быстро пронеслась по Тверской мимо меня. Я хоть и мельком видел Царя, но был очень счастлив. Во дворце был всенародный маскарад. Наша вторая экономка, молодая девица, ходила туда и говорила, что было там тысяч 20. Во второй раз я видел Государя ближе. Когда он проезжал по Театральной площади, народ окружил его и стал на себе везти экипаж. Я пробился вперед

---

⁵⁴¹ Имеется в виду манифест Николая I от 26 апреля 1849 г. В нем извещалось что в Венгрии и Трансильвании усилия австрийского правительства подавить венгерский мятеж не имеют успеха, и император австрийский обратился к русскому правительству за помощью. «Мы в ней не откажем» (Санкт-Петербургские ведомости. 1849. 29 апреля).

и ухватился тоже за крыло экипажа. Подъезжая к Тверской часовне, Государь оглянул народ и строго и громко сказал: «Довольно». Народ моментально рассыпался.

Вместе с доверием барыни ко мне росло во мне усердие к работе. Видя, что барыня мною довольна, остальные слуги, и старые и молодые, стали завидовать и старались чем-нибудь повредить. Скоро им удалось меня подловить. Не желая отставать от остальных, я, несмотря на строгий наказ моей матушки, стал курить трубку. Как-то в людской загорелись от неизвестной причины угли в корзине. Старая экономка донесла барыне, высказав предположение, что огонь заронили курильщики, в числе которых назвала и меня. Барыня, очень боявшаяся пожара, так как ни дом, ни имущество застрахованы не были, очень рассердилась, отобрала у всех трубки, сожгла их и приказала больше не курить. Между тем я курить уже привык. Поэтому я, пользуясь отсутствием барыни, взял ее трубку и докурил ее на балконе. Это подметила та же экономка и донесла барыне.

- Как ты смел курить из моей трубки? — спросила грозно меня барыня.

- Да я не подкладывал табаку.

- Нечего сказать, хорошее оправдание. Да разве можно курить из моей трубки?

- Мою-то вы ведь сожгли, — ответил я наивно.

- Вот тебе 30 копеек, возьми и купи.

Я с гордостью показал деньги экономке.

- Балует тебя. Скоро под юбку посадит, — зло заметила экономка.

Я был возмущен таким замечанием. На барыню я смотрел, как на высшее, недостижимое божество. Совсем другими глазами я смотрел на Аннушку, горничную соседей Мерлиных, уехавших на дачу и оставивших

ее одну в доме. Сначала мы посылали один другому издали поцелуи с балкона, а потом познакомились. Узнав, что она читает, я стал давать ей книги. Мы очень часто виделись.

Прочитав рассказы о Петре Великом и о Суворове, я резко изменил свою жизнь. Стал рано вставать и трудиться. Я и дрова пилил, и снег с крыши сбрасывал, стал вместо полотера пол натирать и по ночам выходил проверять караульщиков. Пыл мой к работе охладил немного один случай. Барыня дала мне рубль для покупки воска для полов и пуговиц. Рубль я завернул в платок, который положил в карман. Идя в лавки, я по дороге зашел помолиться к Иверской. Пока молился, у меня платок с рублем украли. Денег своих у меня в это время ни копейки не было, и поневоле я должен был возвратиться домой и доложить об этом случае. Она взглянула на меня, сказала что-то по-французски племяннице и затем объявила мне, что если я умею терять деньги, то должен суметь натирать полы без воска. Меня очень расстроило это недоверие, и я долго плакал. Однако через несколько времени барыня, узнав, что я купил воск на свои деньги, отдала мне рубль.

Иван Васильевич Самарин в свой бенефис дал мне контрамарку для входа в театр. Барыня меня отпустила. В театре я был в первый раз. Сидел я на самом верху. Было жарко. Ничего я не понял. Видел, что на сцене входили и уходили, говорили, пели и плясали. Публика хлопала, стучала и кричала. Я глядел не на сцену, а на ложи и кресла, удивляясь множеству народа и роскоши нарядов. То, что было на сцене, как-то проскользнуло мимо меня. Я не рад был, что и пошел. На вопрос барыни, хорошо ли было в театре, ответил, что хорошо, но жарко. Она засмеялась. Повар объяснил, что на балаганах гораздо интереснее.

VII

Чтение книг. — Посещение театра. — А.А. Демидова. — Открытие Николаевской железной дороги. — Приезд Государя Императора Николая I в Москву. — Цены местных припасов. — Привоз бурмистром оброка. — Смерть Гоголя. — Смерть Жуковского. — Поездка Глушковой в Петербург. — Жестокое обращение господ с крепостными.

Писал я чисто и складно, поэтому барыня заставляла меня писать приказы старостам и сама только подписывала. Читал я много. После Гоголя прочитал рукописную поэму Лермонтова «Демон». Начитавшись, я стал считать себя обиженным судьбою и ходил мрачный. Сочинение Карамзина и «Избранные места» Вербицкого⁵⁴², где так много высоких мыслей и успокоительных советов, меня ободряли. Я говорил себе, что счастье заключается не в роскоши и богатстве, а в доброй совести и исполнении долга. Ну и что же из этого, что я не барин, а слуга, думал я. В этой жизни светом и теплом солнца наслаждается и тот и другой одинаково, печали есть и у того и другого, а в будущей жизни все будут сравнены.

Весною был у меня отец. Я водил его по Москве и показывал ему ее, но он ко всему относился равнодушно. Закупив товар для продажи в деревне, он товар этот отправил на возах с Кондаковым, а сам домой пошел пешком.

---

⁵⁴² Имеется в виду книга «Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданные Андреем Вербицким» (В 2 ч. Харьков, 1822—1823). Вербицкий Андрей Андреевич (? — 1859) — филолог, впоследствии профессор Харьковского университета.

В течение всей зимы, благодаря Самарину, Н.И. Пельту⁵⁴³ и Якунину, дававшим мне контрамарки, я очень часто бывал в театре. Теперь я уже вполне сознательно относился к игре на сцене и очень полюбил театр. Я следил за каждым словом и запоминал... На другой день я на вопросы барыни подробно ей рассказывал о содержании пьесы и об игре. Помню, как хорошо играл Шумский Хлестакова и М.С. Щепкин городничего⁵⁴⁴. Видел Щепкина и в «Скупом рыцаре»⁵⁴⁵.

Узнав, что я пишу письма для барыни, ее сестра, Авдотья Александровна Демидова, также стала призывать меня к себе писать письма. Эта 50-летняя девица, имея хорошее состояние, была неимоверно скупа и расчетлива в мелочах. Держа лошадей, имея хорошие экипажи, она жалела дров для отопления дома и отказывала себе в еде. Жалея денег в уплату за пересылку, она послала 50 рублей в простом письме. Деньги пропали. Несмотря на это, она послала деньги опять в простом письме. Заказав карету, она, пока карета делалась, в течение двух лет ежедневно заезжала смотреть, как делают карету.

19 августа⁵⁴⁶ Государь Император с семейством приехал в Москву по железной дороге. Ехал от Петербурга до Москвы 20 часов. Рассказывают, что Государь был очень доволен, благодарил и поцеловал Клейнмихеля⁵⁴⁷. В народе ходят слухи, что наступают последние времена, так как в Священном Писании сказано, что перед концом мира будут ездить на огненных

---

⁵⁴³ Пельт Николай Иванович (1810—1872) — театральный деятель, с 1866 по 1872 г. управлявший московским театром.

⁵⁴⁴ Шумский Сергей Васильевич (наст. фамилия Чесноков; 1821 — 1878) — артист Малого театра; Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — артист Малого театра.

⁵⁴⁵ «Скупой рыцарь» — одна из маленьких трагедий А.С. Пушкина.

⁵⁴⁶ Речь идет о 1851 г.

⁵⁴⁷ Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869) — в 1842—1855 гг. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, руководил строительством железной дороги между Петербургом и Москвой.

колесницах. Поэтому, говорят, и митрополит Филарет⁵⁴⁸ отказался от освящения дороги, признавая ее выдумкою антихриста.

С осени барыня попку припасов возложила на меня. Цены были на все недорогие. Дрова — 1 сажень 16 рублей ассигнациями, 1 воз сена 44—50 копеек ассигнациями, 1 воз соломы 1 рубль серебром, 1 четверть овса 9 рублей ассигнациями, 1 пуд муки 36 копеек ассигнациями, 1 фунт сахара 24 копейки серебром, четверть ведра⁵⁴⁹ водки 1 рубль 13 копеек серебром, 1 пуд говядины 5 рублей 30 копеек ассигнациями, 100 штук яиц 1 рубль серебром, 1 пуд сальных свечей 13 рублей ассигнациями.

Зимой, несмотря на морозы, барыня посылала меня каждый день на базар. Чтобы согреться, я заходил в трактир пить чай с баранками. Так как барыня не давала на это денег, я, издерживая на себя 20 копеек, барыне показывал не настоящие цены, а немного выше. Закупая все припасы, я увидел, как дорого стоит барыне содержание дворни. Желая выслужиться и приобрести побольше доверия, я сообщил студенту Сергееву, что дворник, уезжая за водой, свез дрова знакомой прачке. Сергеев передал это барыне, и дворника сейчас же отдали в солдаты. Я чувствовал себя не совсем хорошо и успокаивал себя тем, что, может быть, ему повезет судьба, как и сданному в солдаты лакею Ивану. Этот был очень доволен и приходил к нам похвастаться своим гвардейским мундиром. Он был тамбурмажором⁵⁵⁰.

К детям, Сергею и Николаю, которых я научил читать, наняли гувернантку. Старшего, Александра, который готовился поступать в юнкерское училище, приходил учить строевой службе и фронту унтер-офицер.

---

⁵⁴⁸ Филарет (в миру — Василий Михайлович Дроздов; 1782—1867) — с 1821 г. был митрополитом Московским и Коломенским.

⁵⁴⁹ Четверть ведра — 3,2 литра.

⁵⁵⁰ Тамбурмажор — главный полковой барабанщик.

Приезжал из Юрьевской вотчины бурмистр Василий Ефимов. Главная цель его приезда была упросить барыню купить для себя часть земли на ее имя и другую землю променять. Барыня дала на это свое согласие. Меня он угощал чаем и дал 2 рубля. Вероятно, он ублажал меня потому только, чтобы я не рассказывал барыне о том, как он берет взятки с крестьян, нарушая очередь при сдаче в солдаты. Барыне бурмистр привез оброк с крестьян: 4 пуда сухих грибов, 5 пудов коровьего масла, 3 пуда меду и собранные с девок, не вышедших замуж, холсты и по 2 фунта сушеной малины с каждой.

Девушка княгини Шаховской рассказывала, что она была в Париже и что там нет ни крепостных, ни дворовых. Все грамотные и каждый учится чему хочет. Хорошо, думал я, там. У нас же учат тому, чему захочет учить барин.

21 февраля (1852) зашел в трактир и узнал, что скончался Николай Васильевич Гоголь. На Никитинском бульваре, в доме графа Толстого⁵⁵¹, где жил Гоголь, весь двор был полон карет. Был губернатор Закревский⁵⁵² и много генералов и господ. 23 февраля Гоголя отпевали в университетской церкви. Было очень много народу. Гроб несли студенты до Даниловского монастыря, где его и похоронили. Петр Иванович Крюков говорил, что Гоголь был настолько беден, что даже фрака порядочного не имел. Я видел Гоголя несколько раз, когда он приходил к Хомякову⁵⁵³. Я хорошо помню его острый нос и сторбленную фигуру с опущенной вниз головой. Вечером стал читать «Мертвые души». «Вечера на хуторе» интереснее.

---

⁵⁵¹ Толстой Александр Петрович (1801—1873), граф — камергер, тверской (1834—1837), затем одесский (1837—1840) губернатор; обер-прокурор Синода (1856—1862).

⁵⁵² Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), граф - в 1848-1859 гг. московский генерал-губернатор.

⁵⁵³ Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, философ, публицист.

29 марта по случаю праздника Пасхи барыня подарила мне 3 рубля и материю на жилет. Дворовые стали зло на меня смотреть. Я вспомнил рассказ Марлинского о том, как черт с целью перессорить деревенских баб бросил им лент⁵⁵⁴. Сейчас же я запрятал материю подальше.

В мае прочитал в газетах, что в Баден-Бадене скончался Жуковский⁵⁵⁵. Прочитал письмо Жуковского из Баден-Бадена к великой княгине Марии Николаевне⁵⁵⁶. Какое знание, сколько глубоких дум, сколько искренности и мягких чувств. А как хорошо описаны горы, воздух и небо. Какой громадный ум и какая великая душа!

17 июня барыня поехала в Троицкий монастырь и взяла с собой меня и горничную Машу. В гостинице было много знакомых господ. Барыня целые дни проводила с Жуковой и Блохиным, который за ней ухаживал. Вероятно, и он нравился барыне, потому что в его присутствии она была очень оживлена, смеялась и пела даже. Когда же оставалась одна, бывала очень задумчива и сидела молча. Я очень боялся, что барыня может выйти замуж. Неизвестно ведь, каков будет новый барин. Может и в солдаты сдать.

Блохин стал часто приезжать к нам и в Москве, когда мы возвратились. 29 июля барыня получила от сестры своей, Агр. Ал. Дурново, письмо, в котором сообщалось, что сын барыни Александр, служивший уже

---

⁵⁵⁴ Имеется в виду рассказ Александра Александровича Бестужева (псевд. Марлинский; 1797—1837) «Страшное гаданье» (1831), включавшийся в «Полное собрание сочинений А. Марлинского» (СПб., 1838—1839) и «Второе полное собрание сочинений А. Марлинского» (СПб., 1847).

⁵⁵⁵ В.В. Жуковский скончался 12 апреля 1852 г.

⁵⁵⁶ Имеется в виду отрывок из письма Жуковского к великой княгине Марии Николаевне (1819—1876), предварявший публикацию его стихотворения «Бородинская годовщина» в журнале «Современник» (1839. Т. XVI). В письме из Баден-Бадена от октября 1850 г. к П.А. Плетневу Жуковский выражал сожаление, что эта публикация забыта и не включалась в издание его сочинений. Бобков, по всей вероятности, читал оба названные письма в статье Плетнева «В.А. Жуковский», помещенной в «Живописном сборнике 1853 года» (Т. 111. С. 355—397). См. также: Плетнев П.А. Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988. С. 209—210.

во Владимирском полку, во время маневров около Петербурга заболел. Сейчас же барыня получила вид на жительство и свидетельство на право выезда из Москвы и уехала по железной дороге в Петербург. Домом стал распоряжаться студент Сергеев, который стал ухаживать за мастерицами. 26 августа получил письмо от Дурново, что барыня заболела воспалением легких. Возвратилась барыня домой только 15 октября, бледная и худая после болезни.

6 декабря по Москве распространился слух, что граф Закревский велел подать в отставку коменданту за то, что он наказывает людей своих ежедневно. Пичулин⁵⁵⁷ был выслан из Москвы за жестокое обращение с людьми. У него была привычка каждый раз, когда с него снимали сапоги, толкать носком сапога в лицо. Как-то он много проиграл в клубе и, приехавши домой, так ткнул сапогом в лицо лакею, что тот упал замертво и не приходил в сознание всю ночь. Жена его утром побежала к камердинеру графа Закревского и пожаловалась. Граф велел освидетельствовать человека и, узнав, что Пичулин вообще со всеми обращался жестоко, выслал его в деревню.

Да, плохо другим крепостным приходилось! Недавно Н.И. Сабуров выпорол в части трех мужиков за то, что они не сняли шапки перед проходившей через двор его любимой экономкой. На оправдание их, что они не узнали ее, так как она была закутана платком, им было сказано, что после порки они будут узнавать ее и в том случае, если на ней будет сотня платков. А экономка-то сама из крестьянских девушек. Хороша.

В «Полицейском листке» печатается, что продаются муж повар 40 лет, жена прачка и дочь, 16 лет, красивая, умеющая гладить и ходить за

---

⁵⁵⁷ Пичулин Пармен Петрович — в 1858 г. чиновник Главного управления военно-учебных заведений, заведовавший малолетним отделением в 1-м Московском кадетском корпусе.

барыней. Я догадался, что это девушка Аполлинария, знакомых господ. Барин раньше ни за что не соглашался ее продать, а теперь, вероятно, уже надоела, или он нашел новую и продает.

VIII

Увеличение штата прислуги. — Холера в деревне. — Поездка с преосвященным Филофеем в Кострому. — Посещение родной деревни.

Беру книги из барской библиотеки и много читаю. Прислуга все прибавляется. Теперь у нас два повара, два кучера, кроме меня, два лакея, четыре горничных, экономка, прачка и в ученье девушка Маша. Привезли еще мужика. Он стал плакать и проситься в деревню, говоря, что у него остался там без присмотра мальчик 5 лет. Чтобы успокоить, его свели в часть и дали записку квартальному. Его сильно высекли.

В сентябре (1853) получил печальную весть от отца. Умерла мать и две невестки от холеры. За одну неделю умерло семь человек из нашего семейства. Холера в деревне сильная. Я попросил у барыни разрешение съездить в деревню. Она согласилась и дала на дорогу 3 рубля. Вечером же мне сказали, что преосвященный Филофей⁵⁵⁸ едет в Кострому и что она, по его просьбе, назначает меня сопровождать его в поездке и смотреть за его вещами.

---

⁵⁵⁸ Филофей (в миру — Тимофей Григорьевич Успенский; 1808—1882) — епископ Костромской (1853—1857), потом Тверской, впоследствии митрополит Киевский (1876—1882).

1 октября я с преосвященным Филофеем выехал из Москвы и поехали в лавру, где ночевали. Пока владыка был у архимандрита Порфирия⁵⁵⁹, я с келейником⁵⁶⁰ Вуколом пили прекрасное вино, а затем уснули на мягких постелях. Я так чувствовал себя хорошо, что готов был идти в монахи.

Утром 2 октября поехали в Вифанию⁵⁶¹. Подъехали прямо к церкви, а оттуда в семинарию, в которой владыка воспитывался и потом был рекрутом. Была торжественная встреча. Откуда поехали в лавру. В это время приехал и возвратившийся из Костромы прокурор Священного] синода Лопухин⁵⁶². В Кострому он ездил по делу о раскольничьих иконах. Было выяснено, что отобранные у раскольников иконы чиновники консистории продавали тем же раскольникам и брали за это большие деньги. Лопухин был важный старик с умным лицом. Беседовал он с владыкою больше 2 часов.

Затем поехали вперед и в 9 часов вечера въехали в ворота Данилова монастыря около Переяславля. Владыка, выпив чаю с просфорою, сейчас же ушел спать. Казначей спросил у меня, будет ли владыка ужинать. Я только что хотел ответить, что владыка не ужинает, как келейник Вукол сказал, что не мешает на всякий случай приготовить кое-что. Казначей убежал, а Вукол мне объяснил, что за владыку мы поужинаем. И действительно, мы ели икру, семгу и уху из стерляди, запивая винами. В 7 часов утра выехали, проехали Переяславль и приехали в 2 часа дня в Ростов, в Яковлевский

---

⁵⁵⁹ Порфирий (в миру — Георгий Иванович Попов; 1825—1864) — историк церкви; в 1853 г. преподаватель Московской духовной академии и соборный иеромонах Александро-Невской лавры; архимандритом он стал только в 1856 г.

⁵⁶⁰ Келейник — прислужник при игумене, архиерее.

⁵⁶¹ Вифания или Спасо-Вифаниев мужской монастырь в Московской губернии Дмитровского уезда близ Троице-Сергиевой лавры.

⁵⁶² Лопухин Алексей Андреевич (1813—1872) — коллежский ассессор, исправляющий должность прокурора московской канторы Синода.

монастырь. С одной стороны монастырских стен озеро длиною верст 13 и шириною около 8⁵⁶³, с другой — маленькая речонка. По озеру сновали лодки. Вид со стен прекрасный. Взгляд уносился в неведомую даль, туда, где озеро сливается с горизонтом, с другой же стороны останавливался на раскинутом треугольном городе с полуразвалившимися стенами кремля. Из монастыря на другой день поехали в село Шапсы, где племянница владыки была замужем за местным священником. На краю деревни близ церкви стояла небольшая изба священника, состоявшая из комнаты с перегородкой. Вся комната была завалена кочнами капусты, и поэтому племянница провела владыку за перегородку, где стояла кровать и киот с образами. Выпив чаю, владыка вышел осматривать огород.

- У нас все бедно и не устроено, — извинялась попадья.

- Мы и сами жили так, — задумчиво ответил владыка.

6 октября мы въехали в Ярославль. По улицам вместо мостовой была гать. Карета с трудом двигалась, так как колеса тонули в грязи. Остановились мы в Спасском монастыре. Вечером владыка пошел к живущему на покое ослепшему преосвященному Евгению, с которым говорил до 12 часов ночи. Я просто заслушался их умных разговоров о миссионерстве в Китае и распространении христианства среди степных иноверцев. В 6 часов утра я отправился на колокольню. Хотя начиналась заря, но небо было еще темно и кое-где изредка блистали звезды. Становилось все светлее и светлее, и наконец выплыло солнце. Волга трепетала мелкими серебристыми блестками волн, которые в одном месте, при впадении реки Которосли, были светло-малинового цвета. Над рекою вились чайки, на стоявших на якоре и медленно покачивавшихся судах

---

⁵⁶³ Имеется в виду озеро Неро возле Ростова.

рабочие копошились, умывались, молились... Залитый весь солнцем город также стал просыпаться. Я долго любовался этой чудной картиной.

Утром поехали дальше. Был сильный ветер, Волга бушевала, и паром не действовал. Однако по просьбе владыки 24 человека рабочих взялись за канат. На середине Волги волны перебрасывали воду через весь паром. Владыка молчал и только, когда приехали, сказал: «Слава Богу, Бог перенес». Покатали затем в карете по костромской дороге. Грузная карета в 8 лошадей едва двигалась по грязи. Некоторые мосты были ненадежны, и приходилось объезжать, делая крюк верст по пяти. Было уже темно, когда наконец показалась Кострома и мы въехали в ворота Ипатьевского монастыря. Для владыки была приготовлена баня, но он сейчас же пошел служить всенощную, а баней воспользовались я с Вуколом. Мы же по обыкновению съели и приготовленный для него ужин.

Утром явился полицеймейстер с извинением, что не встретил вчера владыку, объяснив, что он ездил его встречать по другой дороге. В 9 часов утра переехали реку Кострому на лодке и направились прямо в собор, который был переполнен народом. Впереди стояли губернатор Войцех⁵⁶⁴, в военном мундире, адъютант, полицеймейстер, вице-губернатор Брянчанинов⁵⁶⁵, председатель казенной палаты Голоушев⁵⁶⁶ и многие другие. Слышался громкий шепот и замечания. Многие высказывали свое первое впечатление о владыке.

- Все манеры Филарета, но только одни манеры, а выражения в лице никакого нет.

---

⁵⁶⁴ Имеется в виду озеро Неро возле Ростова.

⁵⁶⁵ Брянчанинов Петр Андреевич — статский советник.

⁵⁶⁶ Голоушев Александр Федорович — действительный статский советник.

- Одно смирение и больше ничего. Знаем его мы весь род. Ни одного умного.

- Лицо, однако, у него замечательное, как бы дышит святостью.

- Брат тоже у него смиренный, а какой из него толк. Я его знаю. Учился вместе с ним...

Такие замечания слышались с разных сторон. Вышел владыка и сказал слово на ту тему, что благодать Господня будет только тогда, когда будет полное согласие и единение между пастырем и пасомыми. По возвращении в монастырь в покоях владыки застали много разного народа. На другой день, 10 октября, я пошел осматривать монастырь, который основан предком Годунова, татарским князем Четом в 1334 году. В церкви св. Михаила на правом клиросе стоит старый резной кипарисовый трон, на котором венчался на московское царство Михаил Федорович⁵⁶⁷. В ризнице было много редких книг. Отец ризничий показывал мне лицевую живописную Псалтирь, рукописное старинное Евангелие, ризы, вышитые жемчугом руками Ксении Годуновой⁵⁶⁸, митры и прочее. В ризнице, кладовых и даже в подвалах под колокольной валялись в беспорядке по полу много раскольничьих книг и икон без риз, отобранных у купца-раскольника Пупырина и других. Мне было грустно смотреть на эти иконы, перед которыми прежде так много возносилось Творцу горячих молитв. Эти книги и иконы консисторские чиновники вместе с монахами постепенно по секрету продают раскольникам, выручая большие деньги.

---

⁵⁶⁷ Михаил Федорович Романов (1596—1645) — царь Московский с 1613 г., основатель династии Романовых.

⁵⁶⁸ Ксения Годунова (? — 1622) — царевна, дочь Бориса Годунова. После смерти Бориса Дмитрий Самозванец отослал ее в Белозерский монастырь, где она была пострижена под именем Ольги. С воцарением Шуйского переведена в московский Троицкий монастырь.

Осматривал келью, где имел пребывание Михаил Федорович со своей матерью. Из кельи выход на крыльцо с каменными ступенями, на которых стоят старые пищали, некогда отражавшие врагов. Покои Михаила Федоровича состоят из продолговатой передней и двух маленьких комнат. Стены увешаны портретами, картинами и гравюрами. Мебель была времен Екатерины и поставлена была туда во время путешествия Императрицы по Волге⁵⁶⁹.

Когда все начальствующие и другие лица перебивали у владыки, в монастыре настала скука и тишина. Слоняясь без дела, я выходил на террасу, садился на скамейку и курил. Слышался шелест могучих вековых кедров, шумела река Кострома, издали доносился рокот Волги. Кругом тишина. Скучно. Я пошел к преосвященному и попросил отпустить меня, так как я желал побывать еще у отца. Владыка на прощанье мне сказал, что в том случае, если меня освободит барыня, он будет рад всегда иметь меня при себе. Дав мне 25 рублей, Псалтирь и разные книги, он благословил меня образом. Прощаясь дружески с Вуколом, я пожелал ему успеха в сборе денег.

- Слава Богу, я собрал уже здесь за эти дни сотни три, — ответил он весело.

На почтовой станции я нашел попутчика, офицера кинешемского гарнизона, с которым и поехал. Офицер, как сел, так сейчас же и уснул. Я же раздумывал о своей поездке и о своей судьбе. Дорога была ужасная. Это была не грязь, а просто река грязи. Невольно мне пришли на память стихи Вяземского:

---

⁵⁶⁹ Екатерина II путешествовала по Волге в 1767 г.

Дорога наша — сад для глаз,
Деревьев ряд, канавы;
Работы много, много славы;
Но жаль, — проезда нет подчас⁵⁷⁰.

В Кинешме офицер предложил переночевать у него на квартире, но я отказался и остановился в гостинице. Там я прочитал наконец «Московские ведомости», газету, которую давно не видел. На Дунае начались сражения, турки бесчеловечно режут наших пленных, а Англия и Франция шлют свой флот в Черное море⁵⁷¹. Из Кинешмы нанял мужика и отправился в родную деревню. Добрался только в два часа ночи. Все уже спали. Я постучал в окно и услышал взволнованный голос отца: «Это ты, батюшки, Федя». — «Я, я». Не могу до сих пор забыть этой радостной встречи. Объятия, поцелуи. Скоро вся изба наполнилась соседями. Начиная со следующего дня, меня наперерыв каждый звал к себе в гости, и бурмистр, и староста, и крестьяне. Ведь я был не кто-нибудь, я был тот, который сопровождал по губернии преосвященного по рекомендации своей помещицы. Следовательно, был на хорошем счету у нее. На другой день служил панихиду на могиле моей бедной матушки. Брат Савелий был женат. Он обвенчался тайком с молодой здоровой бабой, бежавшей от родителей. Брат Иван хотел жениться на девице лет 30, но та не давала своего согласия. Поэтому он обратился ко мне за помощью. Хотя я, читая «Современник» и другие журналы, был других воззрений и находил, что нельзя силою выдавать замуж, но захотел помочь брату и сказал о желании брата бурмистру и старосте. Те сказали, что свадьбу устроят. 28 октября съездил к невесте брата, и свадьба была решена.

---

⁵⁷⁰ Неточная цитата из стихотворения П.А. Вяземского «Станция» (1825).

⁵⁷¹ Перечислены события начала Крымской (Восточной) войны.

Причту было дано 4 рубля, 2 бутылки водки и 1 бутылка наливки. Невесту привезли силой и, несмотря на ее слезы, обвенчали. Грустная была свадьба, несмотря на пьянство и стрельбу...

Приходил священник с дьяконом расспрашивать о преосвященном. Удивлялись его строгой Жизни, воздержанности — и сами напились. Однако пора было ехать в Москву. Бурмистр дал 10 рублей на дорогу, и 30 октября я распрощался с родными и уехал. Через Шую дотащился до г. Владимира. Там остановился и сейчас же пошел в театр. Играли пьесу «Съехались, перепутались и разъехались»⁵⁷² и «Артисты между собой»⁵⁷³. Ложи были пусты, в креслах народу было много, и раек был полон. Хотя играли хорошо, но театр был маленький, в райке были все пьяны, и мне казалось, что я был не в театре, а балагане. 6 ноября приехал в Москву. Прежде чем идти домой, отправился в трактир и вызвал туда кучера Авдея. Узнал, что барыня в Петербурге.

IX

Война с турками. — Отправление сына барыни на войну и возвращение его раненым. — Жестокое обращение некоторых помещиков с людьми. — Смерть Императора Николая I. — Падение колокола. — Закревский и Колесов. — Вести из Севастополя. — Театр.

С возвращением барыни из Петербурга жизнь наша пошла обычным путем до 27 января 1854 года, когда мы провожали выступающий в Одессу

---

⁵⁷² Водевиль И.М. Никулина.

⁵⁷³ Водевиль Н.И. Хмельницкого и Н.В. Всеволожского (1821).

Владимирский полк, в котором служил сын барыни, Александр Петрович⁵⁷⁴. Последний еще не поправился от горячки и лежал в постели больной. К нам приехали полковник Ковалев и много офицеров. Прощались и пили шампанское. Часов в 11 утра мимо крыльца прошел весь полк и все уехали. 19 февраля выздоровевший Александр Петрович выехал догонять полк; я поехал его провожать. Через Тулу мы приехали в Орел 21 февраля, и в этот же день вступил туда и полк. Александр Петрович пошел с полком дальше, на войну, а я отправился назад в Москву.

В июне ездили с барыней в Троицкую лавру. Были в гостях у инспектора Вифанской семинарии Нафанаила⁵⁷⁵ и пили чай около пруда, на котором катались в лодке семинаристы и пели «Вниз по матушке по Волге».

В июле ездили с барыней в родную деревню Крапивново. Брат Иван был скучен. У него все шли нелады с женой. Возвращались через Кострому и заезжали в гости к владыке. По дороге к Москве перегоняли все время двигавшиеся к югу войска. В Москве только и говорили о войне. В октябре получилось официальное подтверждение слухов о сражении 8 сентября на Альме⁵⁷⁶. Четверть Владимирского полка уничтожена. Александр Петрович, Зейдлер и полковник Ковалев ранены.

Барыня ходит грустная. 25 декабря, в 7 часов утра, приехал раненый Александр Петрович. Барыня, истерически рыдая, бросилась к нему и долго держала его в своих объятиях. Сейчас же приехали знакомые: Крюковы, Мерлины, Сабуровы и Борисовы. Все интересовались послушать рассказ живого свидетеля сражения, Александр Петрович говорил, что много пало

---

⁵⁷⁴ Глушков Александр Петрович (1832—1865) — поручик.

⁵⁷⁵ Архимандрит Нафанаил (в миру Гавриил Натаров; ? — 1857) — инспектор, с 1853 г. ректор Вифанской духовной семинарии.

⁵⁷⁶ 2 сентября 1854 г. союзные англо-французские войска высадились под Евпаторией и нанесли на реке Альме поражение русской армии, которая отошла к Севастополю, а затем к Бахчисараю, что резко ухудшило положение Севастополя.

наших напрасно, вследствие необдуманности начальства. Александр Петрович на Альме был впереди с застрельщиками. Не успел он подойти к валу, как его ранили в голову и он скатился вниз.

Лечил его хирург Иван Матвеевич Соколов. О войне все в один голос твердят, что начата она необдуманно.

Теперь работы у меня было очень много. Пришлось ухаживать за раненым Александром Петровичем и заведовать хозяйственной частью, которая вся перешла ко мне, и вести всю переписку. Даже отчет в дворянскую опеку пришлось составлять мне.

Приезжал брат Савелий. Он привозил людей юрьевецкого помещика Михаила Матвеевича Поливанова⁵⁷⁷, который должен был переменить дворню. Поливанов принудил переночевать у себя жену своего камердинера. Желая отомстить барину, муж, зная привычку барина отдыхать после обеда, поставил горшок с порохом под его кровать и перед концом обеда зажег свечу и вставил ее в порох. Уходя из спальни, он прихлопнул дверь. От сотрясения свеча упала, порох воспламенился и произошел страшный взрыв. Вышибло окна и проломило потолок и часть крыши. Из людей пострадал один только сам камердинер. Его отбросило к стене, и он найден был лежащим на полу без чувств. Следствия и суда не было, так как Поливанов этого не хотел, а камердинер был сдан в солдаты.

Много говорили тоже о случае с генералом фон Менгденом. Он любил очень сечь людей. Поэтому каждый день искал случая, чтобы придрататься к кому-нибудь, разумеется, находил предлог и порол. Наконец все люди его остервенились. В один день, когда он пришел в конюшню смотреть, как будут сечь повара, человек 12 дворовых набросились на него,

---

⁵⁷⁷ Поливанов М.М. (1800—1883) — юрьеveckий уездный предводитель дворянства, автор статей по сельскому хозяйству.

связали и стали сечь. Он стал умолять освободить его от наказания. Его отпустили, когда он дал слово, а затем и подписку, что с этого дня он никого наказывать не будет. Об этом случае он никому не говорил и больше уже людей не сек.

19 февраля в «Полицейских ведомостях» был напечатан бюллетень о болезни Императора. Было напечатано, что он во время смотра простудился и заболел гриппом. 20 февраля 1855 года в Москве стали говорить, что Император скончался 18 числа. В 2 часа дня раздался печальный звон колоколов и все церкви стали наполняться народом слушать панихиду по скончавшемуся Императоре. Все были унылы и молчаливы. Я ходил в Рождественскую церковь. Во время чтения манифеста все плакали. Затем начался обряд присяги. Было слышно, что каждый присягал искренно, от всего сердца, выражая полную преданность и готовность положить жизнь за царя и отечество. Все искренно молились и возносили желание к Богу о благополучном царствовании вступившего на престол Императора. Во время обеда приехал Митусов и сообщил, что при начале благовеста упал большой колокол с колокольни Ивана Великого, продавил три пола и убил несколько человек. Стали ходить слухи, что этот случай не к добру. Другие же говорили, что это знамение того, что случится что-то необыкновенно важное. Ждут окончания войны.

23 февраля умерла Авдотья Назаровна Глушкова. Когда я пришел к ней на квартиру 25 числа, она еще не лежала на столе. В квартире был полный беспорядок, и вся дворня была пьяна. После ее смерти нашли денег только 4 рубля бумажками и 3 медью.

В городе говорили, что Государь, вступая на престол, заявил, что он будет заботиться об улучшении быта крестьян⁵⁷⁸.

В июле месяце через Москву идут все ратники, дружина за дружиной с барабанным боем и музыкой. Дворяне вооружают на свой счет целые дружины, купцы жертвуют деньги на пушки. Граф Закревский предложил городскому голове Колесову собрать с московских купцов на вооружение армии 300 тысяч. Подписка замедлилась. Граф потребовал Колесова и спросил о причине замедления. Тот замялся и не знал, что ответить. Граф потребовал показать ему подписную книгу и, увидев, что Колесов подписал только 1000 рублей, прибавил к цифре два нуля и велел доставить все 100 тысяч через три дня. Деньги полностью были доставлены⁵⁷⁹.

Александр Петрович получил орден св. Анны и темляк на шпагу. Его встретил великий князь Николай Николаевич⁵⁸⁰ и долго расспрашивал о сражении, в котором он был ранен. Теперь он зачислился в запас армии.

О войне только и говорят, но вести все неутешительные. 26 августа была такая телеграмма: «С каждым днем неприятельская армия усиливается прибывающими свежими войсками, нападения их становятся все сильнее и сильнее, и потери наши доходят до огромного размера. Нынешний урон

---

⁵⁷⁸ Слухи о намерении Александра II проникли в народ с самого его воцарения. Первое его официальное заявление об этом было сделано во время выступления перед представителями московского дворянства 30 марта 1856 г.: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепости право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важное я считаю нужным объявить вам всем, что не имею намерения сделать это сейчас. Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующий порядок владения живыми душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожение крепостного права сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само себя уничтожать снизу. Прошу вас, господа, обдумать, как бы привести все это в исполнение. Передайте слова мои дворянам для соображения» (Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1911. С. 278).

⁵⁷⁹ И.А. Колесов был московским городским головой в 1834—1837 гг., а в 1812 г этот пост занимал А.А. Куманин, пожертвовавший не 100, а 50 тыс. руб.

⁵⁸⁰ Николай Николаевич (1831 — 1891), великий князь — генерал-инспектор кавалерии.

людей с нашей стороны доходит до 1000 человек. Если придется оставить северную часть города в руках неприятеля, то он найдет в ней одни окровавленные камни и развалины». Все предполагали, что Севастополь уже в руках неприятеля и что телеграмма эта подготовительная⁵⁸¹. Вообще уныние и недовольство. Ругали французов и англичан за то, что приняли сторону нехристей-турок. Возвратившиеся с войны раненые рассказывали, что неприятель провел железную дорогу и пушки подвозили с моря прямо к крепости. Солдат они хорошо кормят и поят ромом. Нашим же трудно приходится, потому что около Крыма болота и трудно добраться до Севастополя и доставить провизию. Той же, которая наконец доставляется, солдаты не радуются — гнилая. В газетах описываются геройства Щеголева⁵⁸², черноморских моряков и солдат. Сердце радуется, но предчувствует недоброе.

Вечером пошел в театр. Шла нарочно написанная на тему текущих событий пьеса⁵⁸³. Семьи провожают идущих на войну рекрут и плачут, а помещик (Самарин) воодушевляет их и обещает разные льготы. Все кричат, что готовы умереть за Царя и Отечество. Многие из зрителей плакали.

Ходят все невеселы — у кого сын убит, у кого брат. Молодежь рвется все-таки на войну. Даже бывший семинарист Смирнов, который летом занимался по русскому языку с кадетами, и тот говорит: «Духовных людей ныне тоже призывают на войну. Пошел бы я, да кончил дело, вышел из семинарии. Хочу в дьячки. А что, кстати, Федя, не слышно ли от меня запаха водки». Он любил выпивать.

---

⁵⁸¹ Севастополь пал 27 августа 1855 г.

⁵⁸² Щеголев А.— прапорщик, командир 14-й батареи резервной бригады, отличившийся в сражении под Одессой 10 апреля 1854 г.

⁵⁸³ По-видимому, речь идет о пьесе патриотического содержания «За веру. Царя и Отечество» П.И. Григорьева.

Александр Петрович зимою стал часто ездить в клуб. Он там играет в карты и проигрывает. Барыня не знает и очень тревожится, недоумевая, куда тратит он деньги, которые постоянно у нее просит.

Я же продолжаю ходить в театр. 28 ноября, в бенефис Шуйского, шла в первый раз пьеса Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского». Играли: Муратова М.С. Щепкин, Кречинского С.В. Шумский, Расплюева Садовский⁵⁸⁴. Театр был полон. Хлопали, топали, кричали. Садовский был так смешон, что публика хохотала до слез. Публика много раз вызывала автора, но он не показывался, хотя и говорили, что он в театре. Передавали, что ему запрещено жить в столице. Когда я возвращался домой и шел по Сенной площади, дом Сухово-Кобылина был весь освещен. Во дворе стояло много карет. Артисты и знакомые у него ужинали⁵⁸⁵.

Х

Сватовство и свадьба Марии Петровны. — Танеев. — Встречи севастопольских героев. — Рязанские помещики. — Приезд Государя. — Слухи о воле. — Самарин и Дружинин. — Бал у французского посла. — Фейерверк у Лефортовского дворца. — Увеличение оброка.

У Марии Петровны два жениха сразу. Молодой человек Иван Яковлевич Оболенский и полковник лейб-гренадерского полка Алексеев. 5 января объявлен был женихом Оболенский, а 13 января я отнес ему письмо с отказом. Нашли, что он слаб здоровьем. Полковник Алексеев торжествует.

---

⁵⁸⁴ Садовский Пров Михайлович (наст. фамилия Ермилов; 1818—1872) — артист Малого театра.

⁵⁸⁵ О премьере см.: Дело Сухово-Кобылина. М., 2002. С. 266-268, 357-358, 361.

Вечером 19 января был у нас в гостях С.Н. Танеев, сумасшедший. Ему лет 50. Он румянится, и на лбу большой кок. Всегда во фраке, который лоснится, и в цилиндре, который для блеска смазан маслом. Желая посмеяться, ему представили Марью Петровну под именем княжны Бобринской. Он величественно поклонился ей и спросил, любит ли она музыку. Она ответила, что очень любит, и сейчас же заиграла песню «Ты коса ль моя». Танеев, закатывая глаза, стал петь. Потом ему предложили жениться на ней. Он спросил: «А в какой мере ее владения?» — «Тридцать тысяч душ». — «Это прекрасно, но род Бобринских, кажется, из новых, так сказать, только из дворянских». — «Дед ее завоевал татар под Казанью». — «Так-то так, но я не могу смешивать кровь князей Владимирских с другими родами. Тем более, что я в скором времени буду княжить во Владимирском княжестве...»

Танеев живет один в мезонине с двумя крепостными лакеями и кухаркой на 50 рублей в месяц, которые высылают ему брат. Лакеям он назначил дежурство, но дежурил всегда один Алексей, который занимался шитьем башмаков, другой же, Аполлон, торговал книгами от книжного магазина Миллера на вокзале. Каждый день барин спрашивал, почему нет следующего дежурного, и ему выдумывали какую-нибудь причину: то пошел на пожар, то медведя смотреть и т.п. Барин успокаивался. Это продолжалось ежедневно в течение лет шести. В день получения денег от брата Танеев шел обязательно в баню. Деньги клал на голову под шляпу. Раздевшись, он с шляпой на голове входил в баню и требовал надушить комнаты. Брызгали духами и пар поддавали мятной водой. Он снимал шляпу и приказывал взять денег, сколько следует. Брали у него и на пиво, и на водку, и поэтому баня ему всегда стоила не менее 10 рублей.

25 января была помолвка Марьи Петровны с полковником Алексеевым, а 12 февраля была свадьба, на которой был губернатор Синельников⁵⁸⁶ и много военных и штатских генералов. Была военная музыка, было много шампанского и великолепный ужин. Кондитер взял по 3 рубля с персоны.

24 февраля, на Масленой неделе, в субботу, Москва встречала севастопольских героев-моряков. В.А. Кокорев⁵⁸⁷ подносил хлеб-соль. Он стал на колени, сделал земной поклон и потом стал говорить о храбрости моряков и геройской защите Севастополя. Для солдат было дано угощение, офицеров же чествовали сначала завтраком в Эрмитаже, потом обедом в дворянском собрании. У графа Закревского для них был бал. После этого был дневной спектакль, после которого на 30 тройках моряки поехали в Стрельну, где их угощал обедом Кокорев.

В публике идут споры о войне. Одни говорят, что нас победили, Севастополь взяли и флот потопили, а другие, что мы сами корабли потопили и что с нами ничего не могли сделать. 20 марта в газетах помещена телеграмма о подписании мирного трактата в Париже⁵⁸⁸. Все радуются и ждут подробностей.

Ходил в баню и там от дворецкого гг. Ивинских слышал много рассказов о рязанских помещиках. Говорил, что помещик Еропкин, кроме оброка с крестьян, брал столько, сколько хотел. Как только узнавал, что у кого-нибудь заводились деньги, сейчас же придирался к какому-нибудь случаю и брал выкуп, то за освобождение от обучения башмачному

---

⁵⁸⁶ Синельников Николай Петрович (1806—1894) — генерал от инфантерии.

⁵⁸⁷ Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — крупный откупщик, публицист, общественный деятель.

⁵⁸⁸ Парижский мирный договор об окончании Крымской войны был подписан 18 (30) марта 1856 г.

мастерству, то за освобождение от житья при дворе. Один из его крестьян занимался извозом и имел до 30 лошадей. Он постоянно был в отлучке и редко приезжал домой к братьям, которые тоже были хорошие, исправные мужики. Приехал он как-то домой во время поста и узнал от старосты, что барин не только не даст ему больше паспорта, но даже хочет отобрать лошадей. Задумался мужик, посоветовался с братьями и решил уехать немедленно без паспорта. Братья поехали его провожать. Не успели они целым обозом отъехать верст пять, как их догнал барин с дворовыми. Барин начал было бить хлыстом мужика, а тот хватил его дубиною так, что тот упал без чувств. Начался было суд, который, однако, приостановлен по желанию предводителя дворянства.

Помещик же Волховской очень любил девушек и не пропускал ни одной. У него было правило, что выходящая замуж девица в первую ночь должна была идти на поклон к барину. Случилось, что вышла одна замуж за смелого парня, и он ее после венца не пустил к барину, несмотря на присылку за нею сначала старосты, а потом лакея. Барин, рассерженный неповиновением, сам прибежал за бабой. Муж отдул барина плетью и на другой же день был отправлен в город и сдан в солдаты.

Слушая рассказы эти, я вспомнил красивую Настю, которую сослал в Сибирь ее барин Дурнов за то, что она отказала ему в его требованиях и сошлась с дворовым Фомой, от которого забеременела. Я проводывал ее в пересыльной тюрьме. В сером зипуне она конфузилась и краснела, а у меня от жалости стояли слезы на глазах.

27 марта прибыл в Москву Государь Император. 29 марта был в манеже парад лейб-гренадерского полка и освящение нового знамени. 31 марта был парад на Театральной площади. Я ходил за провизиею, остановился и вместе с другими стал ждать проезда Государя. Вот раздалось

громкое «ура», и приехал Государь. Он сел на коня, и войска стали проходить мимо него. Я был так воодушевлен, что мне опять захотелось быть солдатом и я готов был тотчас же идти сражаться. Долго меня волновали разные думы о воле. Господа между собою тихо и осторожно, чтобы прислуга не слышала, говорят по этому поводу. Государь щедрою рукою сеет добро и милости... Заключил мир, хотя мы могли бы еще долго бороться с неприятелем. Освободил много заключенных и возвратил многих из ссылки⁵⁸⁹. Поэтому, может быть, освободит и нас. Тогда царствование его будет славное во веки веков...

В мае ходил к нашим кадетам в кадетский корпус. Проходя через сад, я остановился у беседки, на которой прочел надпись: «Сей памятник на месте отдохновения Петра I, сооруженный по повелению Александра I». Я долго стоял и смотрел на то место, на которое ступала нога Петра Великого, историю которого я прочитал недавно. Мое воображение унесло меня в давно прошедшее время, и мимо меня прошли Меншиков, Лефорт, Шереметев и другие.

5 июля, по случаю именин Сергея, мы, дворовые, сидели во дворе и пили чай и пиво. Мимо нас прошел Иван Васильевич Самарин, поклонился, крикнул: «Пируете!» — и дал Сергею 30 копеек. Хотя он и бывший дворовый, но какой он умный и знающий. Недавно меня посылал к нему П. А. Дружинин передать ему тетрадь для просмотра его комедии. На другой день Самарин возвратил тетрадь и прислал Дружинину записку следующего содержания: «С удовольствием прочитал и нашел много интересного, много мыслей, но жаль, что в сценическом отношении неудовлетворительна и требует много переделок».

---

⁵⁸⁹ Манифест Александра II о милостях, в том числе и об освобождении ссыльных декабристов, был обнародован в день коронации императора 26 августа 1855 г.

17 августа 1856 года был торжественный въезд Императора в Москву, 23-го герольды объявили о дне коронавания, и 27-го совершилась коронация. 4 сентября был обед от купечества в манеже, и 8 сентября был обед для народа на Ходынке. Приготовлены были целые бараны жареные, гуси и проч. и много водки. Так как был сильный дождь, я не пошел. От ходивших слышал, что давка и свалка была невообразимая. Еще до приезда Государя все растащили. Кому достались куски, рассказывали, что все было тухлое. Сейчас же пошли толки, что граф Закревский потому и допустил моментально все расхватать, что узнал о недоброкачественности угощения.

18 сентября Государь был на балу у французского посла, графа Морни. Так как в квартире его, в доме Римского-Корсакова, у Страстного монастыря, зал был не особенно велик, он был увеличен временной пристройкой во дворе. Стены были обтянуты шелковой материей и убраны цветами. Внутри было множество тропических растений. Снаружи весь дом был роскошно иллюминирован. Как я был доволен, что мне удалось попасть на иллюминацию и фейерверк у Лефортовского дворца. Со стороны поля был приготовлен фейерверк в виде Триумфальных ворот, Нарвских ворот, памятника Сусанина и прочее. Тут же стояли мельницы, деревня и разные фигуры. Вечером, когда уже было темно, издали слышалось громкое «ура» и заблестали бенгальские огни, сопровождавшие Государя. С крыши дворца из слухового окна полились на площадь лучи электрического солнца. Говорили, что артиллерийский генерал сжигал алмаз, стоящий 10 тысяч рублей. Вся площадь огласилась потрясающим «ура», и заиграла музыка. Государь с государынею вышли на балкон. Государыня сама поднесла огонь к проволоке, по ней полетела птичка к кусту, который весь вспыхнул. От куста по фосфорным ниткам побежал огонь в разные стороны, и в 5 минут вся огромная площадь была иллюминирована великолепно. Музыка была

необыкновенная. Играли 1000 музыкантов и пели 1000 певчих. От капельмейстера шли проводы к пушкам и колоколам, и время от времени палили пушки и звонили колокола. В это время стали разрываться с треском над головами ракеты и бураки и один за другим сгорать разные ворота, памятники и фигуры. Земля дрожала. Слышались крики и истерические взвизгивания барынь. Многие из них падали в обморок. Впечатление было громадное, но пришлось простоять 4 часа и потом идти пешком 7 верст, и потому устал невероятно...

Наступил октябрь, и барыня увеличила оброк. Велела написать в варнавинское имение о присылке 3 пудов меду и 100 пар рябчиков и в юрьевецкое о присылке 300 аршин холста и белых грибов и малины сушеной — пуд. Хочет также барыня продать дом, за который назначила цену 12 000 рублей. Приходил комиссионер, поговорил о продаже дома и стащил из буфета серебряные ложки. Наступает конец года. Мне приходит на мысль, что, пока я любовался и восхищался парадами и иллюминациями, люди сумели нажить деньги. Знакомый официант, который на своем веку не прочел ни одной книги, покупал, во время коронации, от придворных лакеев вино и перепродавал их по двойным ценам. Торговец Кочетков поставил ко двору матрацы и нажил 40 тысяч. Припомнился мне и санкт-петербургский портной Кочетов, который после смерти Императора Николая I скупил все траурные материи и нажил большие деньги. Я же сижу без денег. Барыня ходит расстроенная. Она не желает, чтобы Александр Петрович женился на бедной девушке Русановой, и не дала согласия на этот брак.

XI

Продажа дома. — Рассуждение о воле. — Смерть Демидова и раздел наследства. — Поездка в Зарайск. — Разговоры по поводу слухов об освобождении крестьян. — Стихи. — Рассуждение о дворовых людях. — По поводу смерти Грановского. — Смерть художника Иванова. — Ложный Извольский. — Обед литераторов.

Продали дом Кочеткову за дешевую цену, всего за 10 тысяч. Квартину наняли у Локошникова, на Тверской улице, за 570 рублей в год. Не успели переехать на новую квартиру, как стало бывать много гостей. Все постоянно твердят, что крестьян отпустят на волю.

Преосвященный Филофей переводится из Костромы в Тверь. Приезжал в Москву и был в гостях у барыни. Провожал его на вокзал. Возвращаясь домой, проходил мимо продавцов верб и птиц, купил жаворонка и выпустил на волю. Он взвился, закружился и запел. Может быть, и нас царь освободит и мы свободно взоведемся и полетим. Куда? Куда, например, я полечу? Родные все умерли. Остался лишь брат-пьяница да старая изба с пустым двором. Следовательно, все равно придется оставаться жить у господ. Разве преосвященный Филофей возьмет меня...

Барыня по-прежнему ездит часто по монастырям, а я все хожу в театр.

10 июля 1857 года были похороны дяди Марьи Александровны, Лавра Львовича Демидова. В то время, когда он брился, он упал со стула и умер. После него осталось большое состояние, тысяч в 200, большой дом и целые табуны лошадей. Он очень любил лошадей и верховую езду. Обыкновенно по Москве он ездил верхом. За ним всегда шел конюх, который не должен

был отставать, хотя бы барин ехал рысью. Если барин, оглянувшись, замечал, что конюх отстал, он наказывался розгами. Доехав до Кузнецкого моста, барин слезал с лошади, входил в какой-нибудь магазин, торговался и, ничего не купив, возвращался домой.

Из Нижегородской губернии приехал родной брат барыни Александр Васильевич Демидов. За обедом он рассказывал о своем покойном отце, умершем на девятом десятке. Он вел очень воздержанную и аккуратную жизнь, но был очень строг. Людей он наказывал постоянно. Любил он, например, телячью почку. Когда лакей обносил блюдо, один из гостей взял эту почку себе. На другой же день лакей был сдан в солдаты.

4 сентября хоронили архимандрита, ректора Вифанской семинарии⁵⁹⁰. О нем рассказывали, что он приучил мышей подбегать к столу во время его обеда. Он обыкновенно бросал им кусок сыра, который они тут же и съедали. Однажды приехавшая к нему барыня, увидев мышей, страшно перепугалась, бросила чашку с чаем на пол и сама вскочила на диван.

В конце сентября происходил раздел имущества между наследниками Демидова. Петр Львович отказался от причитающейся ему части наследства в пользу остальных сонаследников. В это время Аграфена Александровна не дала его управляющему сена для лошадей и в седле, которое выбрал себе Петр Львович, заменила серебряные стремяна простыми. Когда Петр Львович узнал об этом, он рассердился и потребовал свою часть, равняющуюся 30 000 рублей. Все заахали и накинулись на Аграфену Александровну; но было уже поздно. Петр Львович взял деньги и все распределил между дворнею покойного.

---

⁵⁹⁰ Архимандрит Нафанаил (в миру Гавриил Натаров; ? — 1857) — инспектор, с 1853 г. ректор Вифанской духовной семинарии.

В октябре месяце ездил в зарайское имение И.С. Дурново к Аграфене Александровне с письмом по делу о разделе между нею и М.П. Алексеевой наследственного имения Авд. А. Демидовой. Когда я приехал в город Подольск, все жители были на улице. Ждали проезда великого князя Михаила Николаевича⁵⁹¹. Скоро пролетел фельдъегерь, а затем приехал и великий князь. Он вылез из коляски, подошел к стоявшим в строю артиллеристам, поздоровался с ними, поговорил с офицерами и сейчас же уехал.

Проехав через утопающий в грязи Зарайск, добрался наконец до Истоминки. Пока Аграфена Александровна рассматривала бумаги, я сидел в девичьей. Аграфена Александровна объявила, что она обдумает и подпишет бумаги на следующий день, и оставила ночевать. В девичьей сидели экономки и две девушки, Аксюша и Катя. Там же лежал журнал «Русский вестник»⁵⁹², который читала Катя. Я стал просматривать журнал, а потом читать вслух повесть и читал до двух часов ночи. Кате 18-й год, и она очень красива. Скоро ее будут звать Екатериной Яковлевной, так как она замечена сыном Аграфены Александровны, молодым гвардейским офицером, и ее пошлют к нему в Петербург.

Возвратившись в Москву, прочитал стихотворения Кольцова и сам стал писать стихи. Теперь пишу стихи под заглавием: «Приезд мой в Москву».

В декабре (1857 г.) прислуживал на вечере у Н.А. Усова. Было много гостей, и очень много разговаривали по поводу дворянских губернских комитетов, занимающихся рассмотрением вопроса об устройстве крестьян. В трактире у

---

⁵⁹¹ Великие князья Николай Николаевич (1831 — 1891) и Михаил Николаевич (1832—1904) — младшие братья Александра II.

⁵⁹² «Русский вестник» (М., 1856—1906) — журнал, в то время либеральный и очень популярный.

Триумфальных ворот собравшиеся дворовые разных господ читали напечатанное в газетах предложение нижегородскому дворянству заняться рассмотрением вопроса об устройстве быта крестьян⁵⁹³. По этому поводу много разговаривали.

- Это доказательство, что будет скоро воля, — сказал один.

- Ну, этого нельзя сказать. Пока идут одни только рассуждения, — ответил другой.

- Какие рассуждения, — вмешался ивинский повар. — Воля непременно будет, потому что и француз при заключении мира советовал это сделать. А то, говорит, будете вы хуже турок.

- А что это значит, что помещикам будет предоставлена полицейская власть? — спросил кто-то. — Ведь полиция и теперь есть и порет розгами отлично.

- А ты поддержи лучше язык за зубами, — посоветовал кондитер.

- Говорят, что воля объявлена будет по всей России в три дня, будут разъезжать герольды и читать манифест. Говорят, что все уже готово и помещики знают, только молчат.

- Говорят, что, кроме воли, дворовым дадут землю и каждому по 100 рублей, — заметил повар. — Я земли не возьму, спрошу чистые деньги. Я первым делом куплю штоф водки, подойду к кабинету барина и при нем выпью стаканчик за здоровье Государя Императора. Барину же пожелаю всего хорошего.

- Как освободят, сам присмиреешь.

Такие шли разговоры.

---

⁵⁹³ Имеется в виду предложение Александра II нижегородскому дворянству заняться вопросом об устройстве быта крестьян от 20 ноября 1857 г. Рескрипт был опубликован 15 января в «С.-Петербургских ведомостях».

Однажды, когда у барыни были гости, она позвала меня и велела подать для прочтения мои стихи: «Как я приехал в Москву». Илья Васильевич Селиванов⁵⁹⁴ прочитал их, назвал меня поэтом и подарил мне свое сочинение «Провинциальные воспоминания». Барыне нравились мои стихи, так как в них я восхищался ее красотой. 31 декабря я, как и в предыдущие дни, летал в облаках. Встречая новый год, меня призвали и велели прочитать сочиненные мною стихи:

Что-то новый год готовит,
Что-то, что-то он пошлет,
Беда новая изловит,
Или счастье меня ждет и т.д.

Господа, слушая меня, хвалили и дали выпить бокал шампанского. Я был бесконечно счастлив и перестал думать о воле. Благодаря тому, что барыня разрешает мне часто отлучаться, я взялся устроить свадебный ужин у священника, выдававшего дочь замуж. За ужин на 60 человек взял 106 рублей и выручил 20 рублей.

По случаю Масленицы обедали у барыни гости, и разговор шел о крестьянах. Барыня доказывала, что рабство установлено Богом. Рабство заведено искони, и о нем упоминается и в Библии, и в Евангелии. Признаться по душе, мне лично хорошо живется. Поэтому будь что будет. Видел сон, что какой-то голос говорил: «Капитолий младший родился в податном состоянии и впоследствии сделался известным, важным лицом и сочинителем». Существовал ли когда-нибудь Капитолий, не знаю.

---

⁵⁹⁴ Селиванов И.В. (1810—1882) — прозаик, публицист. Его книга «Провинциальные воспоминания. Из записок чудака» вышла в Москве в 1857 г.

Служил панихиду по умершем Сергее, камердинере. Несмотря на то что ему было 30 лет, ему не было другого имени, как «Сережка». Кто заслужит другое имя, на того все дворовые злятся.

В «Отечественных записках» прочитал статью гр. Толстого. Он пишет: «Лакейство и все дворовые начали огрызаться. Это уже становится невыносимым. Хотя бы поскорее освободили нас от этих тунеядцев»⁵⁹⁵. Меня эта статья очень оскорбила, и я хотел было написать ответ. У меня роились мысли и возникали вопросы. Кто же другой, как не сами помещики, создали этот класс людей и приучили их к тунеядству. Кто заставлял их дармоедничать, ничего не делать и спать в широких передних господских хором. Разве кто-либо из дворовых мог жить так, как хотел. Живут так, как велят. Отрывают внезапно от земли и делают дворовым, обучая столярному, башмачному или музыкальному искусству, не спрашивая, чему он желает обучаться. Из повара делают кучера, из лакея — писаря или пастуха. Каждый, не любя свои занятия, жил изо дня в день, не заботясь о будущем. Да и думать о будущем нельзя, потому что во всякую минуту можно попасть в солдаты или быть сосланным в Сибирь. Таких господ, как моя барыня, мало. Меня чуть ли не каждый день и в театр отпускают и позволяют зарабатывать копейку службою в двух домах. Статьи все-таки не написал, несвоевременно.

Однако теперь каждое повышение тона барыни и ее сына меня вгоняет в краску. Мне думается, что и на меня смотрят как на тунеядца и на дармоеда.

---

⁵⁹⁵ Единственное произведение Л. Толстого, напечатанное в «Отечественных записках» в предреформенную эпоху, — повесть «Утро помещика» (1856. № 12). но там нет ни цитируемых слов, ни подобной мысли.

В «Русской беседе» читал статью Григорьева о Грановском⁵⁹⁶. Григорьев освещал характер и деятельность только что покинувшего мир человека мрачным факелом. Он бесцеремонно объясняет и причину своего на него неудовольствия. Грановский, уезжая за границу, не исполнил какого-то данного ему обещания. Порицая поведение Грановского, Григорьев указывает на его праздную жизнь и в Москве, и за границей и на страшную его леность.

«Учился он, говорит, не по-нашему, а урывками, без системы и умеет лишь щеголять пышными фразами». Я удивился такой бесцеремонной статье.

Поверял вотчинные бумаги. В юрьевецкой вотчине земли 1648 десятин, т.е. 6 десятин на душу. Все господа проверяют землю для соображения. Получен оброк из варнавинской вотчины 1286 рублей и юрьевецкой 1273 рубля. Барыня довольна. Приезжал бурмистр и говорил, что собираются сведения о количестве крестьянских угодий и оброка. По-видимому, надо ожидать освобождения крестьян.

Читал сочинения Ломоносова и его биографию. Вот это был человек с великим умом и твердой волей. Одолевал все препятствия и вышел в люди. Для отмеченного Богом нет преград, нет крепостного права. Он свободен. На душе нехорошо. Чувствую, что я дерзко ответил барыне. Она сделала замечание за недосмотр, за то, что собаке не дали приготовленных костей, и добавила, что если бы это случилось при ее покойном отце, то меня выпороли бы. Я ответил: «На вашем месте я не позволил бы себе относить такие воспоминания к отцу». Барыня сказала только, что я стал забываться...

---

⁵⁹⁶ Т.Н. Грановский умер 4 октября 1855 г. Некрологическая статья В.В. Григорьева «Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве» напечатана в № 3, 4 журнала «Русская беседа» за 1856 г.

На днях читал физику Щеглова⁵⁹⁷. Ум человеческий всему вывел законы. Эта наука отрезвила меня от поэзии и объяснила мне много непонятого.

В «Эрмитаже» показывали Юлию Пастрану, женщину-урода с бородой. Ездят смотреть ее множество господ. Выманивают лишние деньги.

Кончина художника Иванова⁵⁹⁸ меня огорчила. Я недавно смотрел его картину «Явление Христа народу». Казалось мне, что я вижу живых людей. Имя его будет незабвенно многие века.

Пишу все стихи и даже говорю рифмами. Заходил к А.М. Смирнову показать мои стихи. Он прочитал и сказал: «Одни рифмы, брат. Много грусти и мало мысли и чувства...»

С Китаем заключили договор о границах, и к нам перешла целая область. По-моему, нет в этом большого выигрыша. Новый край надо заселить, укрепить и защищать. Следовательно, надо много расходов и затрат. Другие же государства будут завидовать и точить зубы.

Появившаяся в августе 1858 года комета все увеличивается. Хвост длинный, большой. Народ говорит, что либо к войне, либо к повальным болезням.

Я очень смущен. Увидев, как я горячо благодарю Сущеву, барыня заметила, что доброта своих господ не-ценится и что у чужих господ готов ноги лизать. Мне обидно, потому что барыню люблю и ценю.

Встретился с земляком. Он говорил, что мужички боятся, что они, получив освобождение, останутся без земли. Боятся, что господа не отдадут той земли, которая куплена на их деньги, что на имя господ.

---

⁵⁹⁷ Щеглов Николай Тихонович (1800—1870) — автор учебников по арифметике и физике. Третье издание его книги «Начальные основания физики» вышло в Петербурге в 1845 г.

⁵⁹⁸ Александр Андреевич Иванов (р. 1806) умер 3 июля 1858 г.

Читал сочинения Жуковского⁵⁹⁹. Сколько кротости душевной, светлого ума и любви.

Как-то днем раздался неожиданно сильный звонок в передней. Выбегаю и встречаю какого-то развязного молодого человека. «Мария Александровна у себя?» — спрашивает. «Дома», — отвечаю. «Ну и слава Богу. Доложите, что по нужному делу чиновник гражданской палаты Извольский». Я доложил барыне. Она сказала, что никакого Извольского не знает, но велела пустить. Не успел он войти в комнату, как бросился перед барыней на колени и стал говорить, что он отставной чиновник, обремененный семейством, наслышан о ее доброте и прочее. Барыня дала ему 10 рублей. Не успел он уйти, как приехал П.И. Крюков и рассказал, что этот господин под разными именами уже у многих господ выманил деньги. Вот так пройдоха.

28 декабря (1858 г.) был в клубе обед литераторов, на котором были Катков, Погодин⁶⁰⁰, Кокорев и другие — всего человек сто. Открыто говорили в защиту освобождения крестьян, говорили, что комиссии работают, а дворяне тормозят дело. Кокорев говорил речь, которую сочинил М.П. Погодин и за которую, рассказывают, он заплатил 10 тысяч. Все, что говорилось в клубе, стало известным и обсуждалось в дворянском клубе. Воейков сердился и говорил, что собирались рассуждать о чужих делах голоштанников, которых надо разогнать метлой поганой.

---

⁵⁹⁹ Имеется в виду, по-видимому, 5-е издание Стихотворений В.А. Жуковского в 3 томах (СПб., 1849-1857).

⁶⁰⁰ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, журналист, переводчик, с 1863 г. — редактор газеты «Московские ведомости»; Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, публицист, журналист.

ХП

Взыскание оброка. — Описание купеческих свадеб. — Пожары. — Шамиль. — Встреча Нового года. — Столкновение с барыней. — Чтение книг.

В январе получен ярославский оброк 1600 рублей. Это в первый раз из доставшегося по наследству имения после смерти Петра Ивановича Демидова. Покойный не любил, чтобы оброк не вносили в срок. В противном случае староста вызывался в Москву, ему обривали голову и заставляли мести двор до тех пор, пока новый староста не привозил оброка. Иногда же бывали случаи, когда П.И. Демидов списывал со счета оброк за целый год, прощал.

В течение января месяца нанимался несколько раз кондитерами и прислуживал на купеческих свадьбах. Все купеческие свадьбы похожи одна на другую. Обыкновенно в 8 часов вечера приезжают сразу новобрачные и гости человек сто. Сначала подают шипучее донское, выпив которое, все садятся и молчат, сложив руки. Разносится чай, после которого ставятся на стол закуска, водка и вина. Как только отопьют чай, все встают и молча толпою двигаются к закуске. Долго едят и пьют, преимущественно водку смирновку. Начинает играть музыка, и разносится десерт: разрезанные яблоки и апельсины, виноград, леденцы в бумажках и орехи. Во время начавшихся танцев подают оршад, лимонад и мороженое. Танцуют довольно оригинально: двигаются как-то неуклюже, точно автоматы, и иногда выкидывают неожиданные коленца, какие-то скачки. Иногда приглашались танцевать и дирижировать из балета Шашкин, Ершов и

Ширяев, которым платили за вечер по 15 руб. Гости, в свою очередь, давали им деньги, так что собирали они рублей по 25.

В других комнатах играли в стуколку и трынку⁶⁰¹ на большие деньги. Почти всегда во время игры происходили недоразумения. Замечали чью-нибудь нечестную игру. Начинали тогда спрашивать, кто такой, чей гость — со стороны жениха или невесты. Когда оказывалось, никто не знает такого, что это явившийся без приглашения шулер, его торжественно выводили вон. Так как каждый купец старался, чтобы его свадьба была не хуже других, заботились прежде всего о том, чтобы было как можно больше гостей. Если на чьей-либо свадьбе были офицеры или гимназисты, то и на следующую непременно приглашались и офицеры и гимназисты. Свадебный пир считался очень торжественным, если на нем был генерал. За ним посылали особую карету, торжественно встречали и сажали на самое почетное место. Около двух часов ночи садились ужинать. По заранее составленной записке официантом провозглашались тосты. После множества блюд обязательно ставилось эффектное блюдо: желе с горящей стеариновой свечой посередине. Вина пили очень много. Под конец ужина многие забывали о вилках и ели руками, а также сморкались в салфетки. Свалившихся со стула убирали в другие комнаты. Начинался страшный шум, так как, кроме громких разговоров, многие начинали петь «Вниз по матушке по Волге». Музыка начинала играть «По улице мостовой», и старые и молодые, помахивая платочками, пускались в плясовую.

Часам к семи утра, когда более приличная публика уже уезжала, танцевали со стульями на голове, вскакивали на столы и били посуду. Нередко размякший молодой целовался с хорошенькой соседкой, а молодая

---

⁶⁰¹ Стуколка и трынка — азартные карточные игры.

плакала и тащила его домой. Разъезд гостей караулили официанты. Один подавал верхнее платье, а другой подставлял блюдо, прося на чай. После разъезда официанты шли гурьбой в соседний трактир и делили между собой выручку. Я любил ходить на эти пиры, потому что доставалось на чай всегда больше двух рублей на человека.

Прочитав в газетах рецепт, как делать варенцы, барыня велела мне приготовить их, и я сделал их очень удачно. Поэтому, в июне месяце уезжая в гости к Макаровой в Нерехту, барыня приказала мне для Александра Петровича приготовить что-нибудь, какую-нибудь котлетку или кашу. Не успела она уехать, как у нас начались обеды. Каждый день обедало человек 8. Подавались целые окорока телятины, пеклись кулебяки, делались пирожные.

В июне месяце Москва стала гореть. Каждый день бывало пожаров до семи. Все в большом страхе. На Именной улице все переселились из домов и ночуют на улице в повозках, так как получились подметные письма, что улица будет гореть. Несмотря на поставленную стражу, загорались дома в нескольких местах на улице. Против нашей квартиры сгорели дома Сабанеева и Обольянинова и много других. Пожарные сидели на крыше нашего дома, в котором от жары полопались стекла в окнах.

- Что это за злодеи поджигатели, — говорю я клубному буфетчику Максимычу.

- А это злодейство, — говорит, — имеет и хорошую сторону. Будет работа плотникам и другим рабочим. Домовладельцы получают страховую премию от богатых обществ, а квартиранты предупреждаются и тоже могут застраховать имущество.

Я не согласен с такими доводами.

24 сентября видел Шамиля, которого везут в Петербург⁶⁰² и который остановился в гостинице «Дрезден». Это плечистый высокого роста мужчина. Волоса у него почти красные, глаза пронизательные, лицо умное. По костюму и по лицу мне он казался не воином, а духовным лицом, тем более что глаза его напоминали мне митрополита Филарета.

Читаю и перечитываю «Обломова» Гончарова⁶⁰³. Нахожу, что Александр Петрович очень похож на Обломова. Интересный роман, будит к полезной жизни, стряхивает сон с души и тела и поднимает и несет в какую-то другую сферу. Вспоминая прочитанное, я повторял слова: «теперь или никогда», думал, что надо работать теперь, а то будет поздно, рвался куда-то и... упирался лбом в стену господского двора, где я был немного выше простого лакея и пользовался большою свободою только по доброте барыни. «Будет воля, и тогда выбивайся на дорогу», — говорил я себе. А на какую дорогу? Что я знаю и на что я способен? Могу быть только официантом и служить у тех же господ, с которыми я так сжился и которых считаю родными.

Встречал Новый год (1860) в купеческом клубе, где прислуживал. Господи, как много выпили господа вина. Один офицер, князь Мещерский, который угощал актрис, заплатил за 32 бутылки по 5 рублей. Конечно, бутылок пять ему приписали лишних.

Приезжал в конце января к барыне из доставшейся по наследству от Демидова вотчины крестьянин Карнин просить разрешения ему выдать дочь свою замуж за крестьянина чужой вотчины. Петр Львович Демидов в таких случаях, давая разрешение, ничего за это не брал, барыня же взяла 100

---

⁶⁰² Шамиль сдался в плен 26 августа 1859 г. на почетных условиях и был поселен с семьей в Калуге.

⁶⁰³ Роман И.А. Гончарова «Обломов» был опубликован в № 1—4 журнала «Отечественные записки» за 1859 г. и в том же году вышел в Петербурге отдельным изданием.

рублей. В феврале барыня передала ярославскую пустошь за 500 рублей купцу, который хочет устроить там паточный завод. Я не вытерпел и сказал барыне, что крестьянам эта пустошь нужна, они очень хотели купить ее и давали уже 400 рублей.

- Что же я должна была подарить им 100 рублей? Это слишком много, — ответила она.

- Но крестьяне ведь ваши, а купец чужой. Возможно было бы эти 100 рублей вернуть, наложив на них оброк по 1 рублю на душу.

- Охота мне еще возиться с ними. К тому же я у тебя об этом не спрашивала и в советах не нуждаюсь.

Я молча ушел. Вот тебе и доброты.

Читаю о жизни Байрона⁶⁰⁴. Характер и личность его мне не понравились. Во всех его действиях проявляется что-то демоническое. Навел на меня тоску. Читал статью Толстого о дворовых людях. Пишет, что господа с каждым поколением видоизменяются, а дворовые должны быть неизменного типа⁶⁰⁵. Хотел было написать ему по поводу этой статьи, думал целый вечер; но помешали — ничего не написал.

Читал Аксакова⁶⁰⁶ и затем Искандера «Полярную звезду»⁶⁰⁷, которая издается в Лондоне и которую можно достать у студентов.

Барыня купила дом у Спиридонова за 18 500 рублей. Очень много работы по перевозке вещей и устройству в новом доме.

---

⁶⁰⁴ В журнале «Современник» (1850. № 1, 3—7) была напечатана большая работа П. И. Редкина «Жорж Гордон Байрон».

⁶⁰⁵ Очевидно, имеется в виду рассказ Л.Н. Толстого «Три смерти», напечатанный впервые в № 1 «Библиотеки для чтения» за 1859 г.

⁶⁰⁶ Имеется в виду, очевидно, книга Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859) «Разные сочинения» (М., 1858).

⁶⁰⁷ Искандер — псевдоним А.И. Герцена. Литературный и общественно-политический сборник вольной русской типографии «Полярная звезда» он издавал вместе с Н. П. Огаревым в Лондоне и Женеве в 1855—1868 гг.

В новом доме нас обновили. В окно залез ночью вор и обокрал. Барыня ходит недовольная. И по устройству дома много трат и много разных вопросов по вотчинам. Являлись старосты с планами, с которыми ведут переговоры предводители дворянства. На меня напало религиозное настроение. Я сижу один в комнате и смотрю на картину, изображающую старца Серафима, выходящего из келии и дающего кусок хлеба медведю. Хотелось бы убежать в пустыню, молиться Богу и быть свободным от господ и от всех людей и от страстей.

ХІІІ

Татьянин день. — Речь Погодина. — Сбор в пользу недостаточных студентов. — Толки о реформах. — Объявление манифеста об освобождении крестьян. — Рассуждения по поводу освобождения. — Грубый разговор с барыней. — Погодин. — Приветственная речь Государю. — Уход от барыни. — Студенческие беспорядки.

12 января 1861 года, в день Татьяны и основания Московского университета, я в качестве официанта прислуживал на обеде в Благородном собрании. Когда стол был накрыт, распорядились положить на некоторые стулья длинные белые листы. Я посмотрел и увидел, что на них написаны имена М.П. Погодина, Дмитриева, Назарова, Кетчера⁶⁰⁸ и др. В три часа дня начался съезд. После закуски сели обедать. После первого блюда подали шампанское. М.П. Погодин взял бокал, встал и произнес речь. Я забыл свое

---

⁶⁰⁸ Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — критик, поэт, переводчик; Назаров Николай Степанович (1830—1871) — публицист; Кетчер Николай Христофорович (1806—1886) — литератор, переводчик.

дело и превратился весь в слух и внимание. Помню, Погодин начал свою речь так: «Почтенное общество, собравшееся ныне сюда, предложило мне сказать слово. Признаюсь, что я не помню, чтобы я когда-нибудь так затруднялся в выборе слов для выражения моей мысли». Затем он начал говорить о деятельности Государя Императора, о разных преобразованиях и о решении его освободить крестьян из крепостной зависимости. Окончил он так: «Вот у меня в руках стихи нашего вещего поэта Пушкина, стихи, которые сорок лет лежали под спудом и которые теперь мы имеем полное право вскрыть:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, павшее по манию царя.
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря⁶⁰⁹

Заря восходит, милостивые государи, несмотря на облака, порою пробегающие по горизонту, но это неизбежно во всякое переходное время. Заря восходит. Поднимем же дружно наши бокалы за здоровье того, который с такой энергией трудился на поприще благотворных реформ. За здоровье благочестивейшего нашего Государя Императора Александра Николаевича. Ура!»

Громкое «ура» огласило залу. Грянула музыка. Потом говорили Дмитриев и Назаров. Профессор Бабст⁶¹⁰ говорил о взаимной связи между всеми русскими университетами, прочитал телеграммы, присланные

---

⁶⁰⁹ Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Деревня» (1819).

⁶¹⁰ Бабст Иван Кондратьевич (1821 — 1881) — экономист, публицист, профессор Московского университета.

другими университетами, и поднял бокал за процветание науки во всех русских университетах. После обеда Кашевский сыграл на рояле русскую симфонию.

Под впечатлением чудной, чарующей музыки, под влиянием речей я чувствовал себя другим человеком. Мне казалось, что я расту, увеличиваюсь. Я дрожал, по жилам пробегал огонь. Я как-то поумнел, просветлел, перед моими глазами открывался какой-то широкий светлый горизонт. Мои мысли, моя душа сливались со всеми одними и теми же желаниями и надеждами... Вдруг неожиданный толчок в бок сбросил меня с неба на землю и заставил вспомнить, что я не студент, а официант. Меня толкнул Кузьмич и сказал: «Собирай серебро и проверь. Да смотри, чтобы кто не украл двух бутылок шампанского, которые я стащил и спрятал за бюст».

В это время кто-то предложил собрать лепту в пользу бедных студентов. Один из присутствующих стал обходить всех с подносом, и в пять минут собрано до трех тысяч рублей.

Погодин, хромая, подошел к столу, взобрался на него и громко сказал: «Почтенные жертвователи, благодарю вас от лица жаждущих просвещения бедняков. Благодарю добрых людей, так сочувственно откликающихся на всякую благую мысль». Толпа, окружавшая стол, кричала «ура».

2 февраля прислуживал на обеде у Н.А. Усова. Гостей было 45 человек. Много спорили и кричали по поводу новых реформ. Одни хвалили, другие хулили.

- Законы попираются, — говорил один старичок. — Нам Екатерина дала права. Павел и другие цари подтвердили...

- Не нужно забывать, что это требует время, история, — начал было возражать ему офицер в очках, но ему не дал говорить старичок, закричав:

- Это одни фразы. Говорить так, как вы говорите, могут только те, которым терять нечего.

Говорят только о крестьянах. Следовательно, 19 февраля, вероятно, принесет нам что-нибудь новое. 11 февраля барыня по совету служащего при губернаторе, П.А. Артемьева, дала вольную Васке-лакею, Ваньке-повару и предложила и мне. Я ответил, что как ей будет угодно. С одной стороны, я и так пользуюсь свободой, а с другой — боюсь, как бы не произошло перемен и не достался бы я кому другому. 14 февраля барыня позвала меня в кабинет и, подавая лежавшую на столе бумагу, сказала: «Вот я тебе даю вольную. Ее нужно засвидетельствовать. Сходи к князю Шаховскому и Ефремову, которые засвидетельствуют мою руку, а потом предъяви бумагу в гражданскую палату. Там утвердят, и ты будешь вольный. Если хочешь служить у меня, живи».

Я поблагодарил, взял бумагу и отправился хлопотать. Я очень смущен, точно потерял что-нибудь. Сегодня 19 февраля, но ничего особенного нет. На днях от имени губернатора было объявлено, что 19 февраля объявления об освобождении крестьян и дворовых не последует и что будет объявлено и когда именно, неизвестно. Сегодня же в «Московских ведомостях» напечатано, что вопрос об устройстве крестьян заканчивается и во время поста будет приведен в исполнение. Будь что будет. Я же получил уже из гражданской палаты вольную и сегодня sprysнул ее с знакомыми в Барсовой гостинице. 23 февраля был в трактире. Там слышал разговоры, что манифест об освобождении крестьян 19 февраля не объявлен до сих пор из боязни, что народ по случаю Масленицы разбежится, перепьется, станет

бунтовать и разграбит господ. Губернатор вытребовал казаков, и войскам велено быть готовыми к тревоге.

Итак, объявление манифеста приостановили. Меня это очень удивило и оскорбило. Я знаю и по самому себе и сужу по своим товарищам и убежден, что ни один человек из дворовых не уйдет без спроса даже за ворота и не станет грубить. Я долго читал и перечитывал книжку Славина о том, как должны встретить свободу крепостные дворовые люди⁶¹¹. Решил написать статью, в которой думаю высказаться от имени дворовых. Стал писать и в конце статьи поместил четверостишие:

Но, отрешившись от оков,
Предстанет в образе ином,
Не будет гостем кабаков
И распрощается с вином.

28 февраля отнес статью в редакцию «Московских ведомостей». Там только потребовали написать фамилию и адрес и взяли статью, не читая. М.В. Сущева рассказывала барыне за обедом, что дворовый Алексей не берет вольной, потому что ему некуда деваться с семьей.

5 марта, воскресенье. Конец Масленой. День знаменательный. Сегодня объявлен Высочайший манифест, подписанный Государем 19 февраля. Утром, когда я подавал самовар господам, разносчик принес «Московские ведомости». Из девичьей выглянула Клавдия и позвала меня. «Прочитайте скорее, — сказала она, указывая на газету. — Говорят, есть

---

⁶¹¹ Славин — псевдоним писателя и актера Алексея Павловича Протопопова (1814—1867). Имеется в виду его книга «Повествование о том, как крестьяне и крепостные люди должны подготовиться, чтобы достойно встретить предстоящую им свободу. Книжка для всех сословий» (М., 1861).

объявление о воле». Я развернул газету и увидел манифест. К газете был приложен и отдельно отпечатанный экземпляр манифеста. Я торопливо и тихонько прочитал девушкам манифест и затем, молча подав газету господам, вышел в девичью. Сейчас же вошел туда Александр Петрович и поздравил нас с волею. Когда я убирал со стола, Марья Александровна спросила меня, радуются ли люди. Я ответил, что они удивлены и поражены неожиданностью. Она же попросила меня растолковать хорошенько им, чтобы они не напились.

В 10 часов утра я пошел в квартал взять «Положение» о крестьянах, которое, как было объявлено в газете, продавалось по 1 рублю за экземпляр. Дорогою зашел в Вознесенскую церковь, которая была полна народа. В квартале была давка и говор. В толпе рассказывали, что манифест и «Положение» о крестьянах были привезены экстренным поездом. Газеты печатали всю ночь, чтобы успеть приложить экземпляры манифеста. Полиция должна была наклеить объявления на всех видных местах к 6 часам утра. Кабаки велело было не открывать до 1 часа дня. Войска были в сборе. Возвращаясь с купленной в зеленой обложке книгой домой, я встретил человек 12 солдат с ружьями. Это был один из патрулей, которые расхаживали по всем улицам. В это время раздался трезвон, и народ повалил в церкви слушать чтение манифеста. Я очень пожалел, что не мог пойти, потому что, по приказанию барыни, должен был поскорее принести домой «Положение». Барыни я дома не застал. Она ушла в церковь с девушкой. Остальные же все дворовые были дома. Я стал им читать манифест и объяснять. Читал я с чувством, и когда прочитал заключительные слова: «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного», все перекрестились. У многих были

на глазах слезы. Авдюшка шепотом спросил меня, можно ли ему теперь попроситься идти погулять. Ванька, 23-летний парень, заметил, что теперь, вероятно, ему позволят жениться. На мой вопрос, почему он думает о женитьбе, он ответил, что ему некому починить и выстирать рубахи. Вечером пришел в гости Митусов в сопровождении лакея. Барыня спросила у него, почему он пришел с конвоем. Он ответил, что для безопасности нанял двух лакеев, так как ждет бунта. Барыня стала смеяться.

— Не смейтесь, — сказал он. — Увидите, что это была не лишняя предосторожность. Я в деревню, куда собираюсь ехать завтра, отправил две пушки и мушкетера. Пушки велел поставить у крыльца, а мушкетер с ружьем будет стоять у ворот.

6 марта ходил в рынок и слышал много рассказов о том, как некоторые господа проводили вчерашний день. Старушки Дурновы велели закрыть все ставни и, запершись, сидели целый день дома, разговаривая со служанками и дворецким Осипычем о милостях и благодеяниях, которые были оказываемы ими и их родителями дворовым. Время от времени они посылали Осипыча послушать, что делается на улице. Исполняя приказание, Осипыч уходил, слушал и докладывал, что по улицам одни только пьяные ездят на извозчиках с гармониями и горланят. Многие господа приглашали к себе нарочно гостей для безопасности. В то же время говорили, что вчера в Подновинском было меньше обыкновенного народа и пьяных. Так оно и должно было быть, так как теперь каждый должен заботиться о себе. Заходили нарочно к Нивинским узнать о поваре, который когда-то похвалялся при освобождении нагрубить господам. Оказалось, что он был смиреннее остальных дворовых, молился и плакал.

11 марта в № 56 «Московских ведомостей» напечатали мою статью с указанием редактора на то, что это отклик грамотных крепостных людей.

Напечатали почти без изменений⁶¹². Читая, я весь горел, волновался и чувствовал полное удовлетворение самолюбия. Я убеждал себя, что я исполнил свой долг и долг своих собратьев, высказав печатно благодарность и давая обещание жить порядочно и прилично. В то же время я очень сомневался в том, чтобы другие ясно понимали значение освобождения и чтобы могли разумно воспользоваться им, так как не имели личной воли и не умели пользоваться свободой.

23 марта Василий и Ванюшка стали просить о прибавке жалованья. Барыня растревожилась, отказала в прибавке, велела уволить Ванюшку и спросила у меня, довольны ли мне получаемых 7 рублей. Я ответил, что вполне доволен, так как раньше думал и без жалованья остаться у ней служить.

30 марта читал статью Погодина, в которой он простым ясным языком горячо призывает народ в знак благодарности к Царю за его великие и благотворные реформы принести посильную лепту на построение храма...⁶¹³ Кто бы из нас отказался принести свою лепту? Но нести ее надо в комитет при Чудовом монастыре. Кто из простого люда решится идти в комитет, находящийся под предводительством митрополита, с такою лептою? Гривенник сейчас же бы дал. Меньше как с рублем идти неловко,

---

⁶¹² Статья, подписанная «Один из крепостных. Москва. 1861 г.», была опубликована в «Московских ведомостях» 11 марта и предварялась следующей редакционной заметкой: «С особенным удовольствием сообщаем полученный нами отзыв одного из бывших (так еще недавно) крепостных о книге г. Славина "Повествование о том, как должны крестьяне и крепостные люди встречать свободу". Правда, мы не разделяем мнения автора об этой книге, которая могла быть составлена гораздо лучше, дельнее; но дело совсем не в этой книжке, а в том, как откликаются грамотные крестьяне на благородное дело, так великодушно предпринятое Государем. Вот один из этих откликов с некоторыми незначительными поправками». Бобков приветствует книгу Славина и сам манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, восклицая с воодушевлением: «Что было вещь, то стало говорить!»

⁶¹³ Имеется в виду статья М.П. Погодина «По поводу крестьянского дела» (Северная пчела. 1861. 28 февраля).

прогонят, пожалуй. А собирают только там, в одном месте. По этому поводу я сегодня рассуждал с несколькими своими знакомыми. Все были одного и того же мнения, что нужно бы было установить 10-копеечный сбор при волостных правлениях и при ремесленных и мещанских управах. Если бы сбор этот установить обязательным, образовалась бы такая сумма, на которую возможно бы было устроить благотворительный дом Александра II и при нем храм во имя Александра Невского и больницу. Из запасного капитала возможно было бы выдавать ссуды, в размере 3 рублей, приходящим в Москву крестьянам на заработки впредь до приискания работы.

- Прежде всего, — сказал знакомый Артемий, — необходимо устроить ночлежный дом. Я помню, как я, явившись в первый раз в Москву, долго бродил по ней и не мог найти пристанища, где бы мог обогреться и переночевать. Я готов на это дело пожертвовать свои последние 30 копеек.

Мы засмеялись такому крупному пожертвованию.

- Не смейтесь, — сказал Иван Трофимов. — Иногда и 15 копеек могут устроить судьбу человека. Я был без места в течение трех месяцев. Сбережения прожил и стал уже закладывать платье. Случайно встречаюсь на бульваре с знакомым дворецким Безобразова и кланяюсь. Он поздоровался со мной и, извинившись, что не может угостить меня чаем, так как торопится домой, сунул мне 15 копеек. Я уже давно чаю не пил и поэтому сейчас же пошел в трактир «Венецию» и заказал себе порцию. Вдруг входит буфетчик Богданова. Я пригласил его и угостил чаем. Разговаривая, я между прочим сказал, что я без места. Он ответил, что его барин ищет выездного лакея, и предложил рекомендовать меня. На следующий же день я был уже на месте, на котором живу до сих пор и на котором я и деньгу нажил. Вот что значит 15 копеек.

В конце концов решили собрать 5 рублей и отослать в комитет.

24 апреля дворовый Павлыч, лежавший в злой чахотке, скончался. Перед смертью он указал мне, какие вещи кому отдать. Сюртук он просил отдать Костину с тем, чтобы он дал денег на похороны. После его похорон барыня приказала отдать сюртук покойного вольнонаемному лакею Ивану. Узнав об этом, я доложил, что Костин дает за сюртук 8 рублей и что, если она желает, можно отдать Ивану эти 8 рублей, так как и он давал деньги на похороны. Барыня вспылила и сказала: «Я хочу отдать сюртук, а не деньги». На мое замечание, что сюртук собственность покойного и что он распорядился отдать его Костину, барыня стала кричать: «Да, вы теперь вольные, имеете права. Смеее рассуждать... не слушаться, грубить», — и стала плакать. Через несколько времени ко мне в комнату вошли Артемьев и Демидов, стали говорить, что я не смел грубить барыне, и наступать на меня. Я указал на толстую палку и сказал: «Не заставьте меня взяться за это грубое орудие».

«Вы грубо оскорбили Марью Александровну», — сказал Демидов, уходя с Артемьевым из комнаты. «Вы не слышали моих слов и, следовательно, врете, г[осподин] Демидов», — ответил я и захлопнул за ними дверь. Может быть, я не прав, но я желал исполнить волю покойного.

1 мая была свадьба Александра Петровича Глушкова и Анны Петровны Племянниковой. Преподнес им стихи, за которые получил 5 рублей. Сознаюсь, что стихи были плохи и не стоили ни копейки.

В мае же был у редактора «Московских ведомостей» В.Ф. Корша⁶¹⁴, которому объяснил о желании бывших дворовых людей увековечить память об освобождении постройкой дома благотворительности.

- Если М.П. Погодин указывает на построение храма, — сказал редактор, — то, несомненно, он руководствуется общим понятием массы простого люда, всегда имеющего обыкновение созидать в память чего-либо монастыри, храмы, часовни. Я не могу не сочувствовать вашему желанию возвести вместо храма дом благотворительности. Вы напишите статью по этому поводу и выразите в ней, что это желание многих. Я с удовольствием дам ей место. Это будет своевременно и хорошо. Итак, напишите, а я сделаю комментарии, — добавил, прощаясь, Корш.

Я стал обдумывать статью, но в это время узнал, что ожидается в Москву приезд Государя. Я бросил статью и стал писать приветственную речь. Долго я писал ее, закончил стихами и на следующий день понес показать ее Погодину. Подойдя к крыльцу дома Погодина, я нерешительно и, как казалось мне, с благоговением позвонил. Отворившая двери горничная провела меня в кабинет. Разглядывая старинную мебель, картины, бюсты, громадные шкапы с множеством книг, которыми переполнены были и столы, я вспомнил, что в этом кабинете бывали Пушкин, Гоголь, Аксаков, Белинский и другие, и мне стало чудиться их таинственное присутствие. В это время послышалось движение в соседней комнате. Ко мне в халате и туфлях вышел Погодин и спросил, что мне нужно. Я объяснил, что я бывший дворовый человек и пришел просить совета, каким образом выразить Государю благодарность от класса дворовых людей за дарованное освобождение.

---

⁶¹⁴ Корш Василий Федорович (1828—1863) — историк литературы, публицист журналист, редактор газеты «Московские ведомости» в 1855—1866 гг.

- Это очень хорошо и будет кстати, — сказал Погодин, — потому что Государь огорчен печальными недоразумениями при исполнении Высочайшего манифеста. Народ в своем невежестве не понял царской милости, и поэтому во многих местах произошли печальные недоразумения. Образуйте артель дворовых и поднесите Государю хлеб-соль. Многие крестьянские общества готовятся это сделать. Сейчас у меня был фабрикант Алексеев. Его фабричные тоже хотят поднести хлеб-соль.

В ответ на это я подал ему составленную мною речь. Погодин пригласил меня сесть и, сам усевшись в кресло, просмотрел мое писанье и сказал:

- Конечно, теперь всякое сердечное, разумное слово приятно будет усрать Государю и всем. Вы вот, как грамотный, поняли благодеяние Царя, освободившего миллионы крепостных. Вы лично можете сделать много хорошего в кругу своих товарищей, растолковывая здравомысленно обязанности опущенных на волю. Соберите же товарищей и представьтесь министру двора.

Возвращаясь домой, я все обдумывал совет Погодина. Я понял хорошо, что он для меня неисполним. И сам я никогда не решусь пойти к министру двора, и никто из моих товарищей не осмелится выставить себя представителем от имени всех дворовых людей. Да и на покупку блюда нет.

Через два дня, 18 мая, был высочайший выход в Кремле. Едва Государь вышел на крыльцо Чудова монастыря, как площадь вся огласилась неумолкаемым «ура». Орала все неистово, как сумасшедшие. Я был как пьяный, кричал вместе с другими до хрипоты. Государь, окруженный генералитетом, сошел вниз и сел на серого коня. Я успел-таки подать свою речь в конверте одному из генералов. Очень опасаясь, что генерал просто бросит ее и не покажет Государю.

19 мая Александр Петрович Глушков предложил мне остаться у него в услужении с жалованьем по 8 рублей в месяц. Я согласился. Следовательно, моя барыня не пожелала больше иметь меня у себя за грубость. Долго плакал...

25 мая получил от М.П. Алексеевой славный выговор за то, что помогал советами дворовому Костину, как освободиться ему от генерала Алексеева и выручить свое платье, которое тот не хотел отдавать.

- Я не думала, — говорила она, — что ты такой способный и в тебе совмещаются так много дарований. Подумайте только, что это за человек. Он в одно и то же время и поэт, и сутяга, и лакей.

В июне месяце был занят хлопотами по поводу постройки дома Александром Петровичем, весь ушел в это дело и поэтому так и не написал статьи, задуманной мною, о необходимости начать сбор на постройку благотворительного дома. К тому же боюсь, что надо мной станут глумиться.

В июне же барыня Марья Петровна переехала на новую квартиру. Прощаясь, она велела заходить к ней, сказала, что не берет меня с собой потому, что я необходим Александру Петровичу при постройке дома, и дала 25 рублей. Поблагодарив ее со слезами на глазах, я поцеловал у нее руку и После ее ухода написал стихи, в которых вылилось мое настроение.

Я вижу грустно, что теперь
Мне отворилася уж дверь
Из дома, сердцу дорогого,
Куда из края я родного
И от родных был привезен
И там в лакеи возведен,

Где прожил столько лучших лет,
Где погубил свой жизни цвет.
Душой и телом я изношен,
Как кость обглоданная брошен.

Вспомнив, что преосвященный Филофей хотел когда-то взять меня к себе, я написал ему. В августе барин как-то сказал мне, что владыка велел передать, что теперь для меня у него места нет. Вероятно, ему доложили, что я изменился. В сентябре все газеты были переполнены известиями о происходивших в разных местах беспорядках между крестьянами по поводу наделов. Крестьяне убеждены, и злонамеренные люди поддерживают это убеждение, что царь велел всю помещичью землю отдать им.

3 октября в Московском университете вследствие волнения среди студентов закрыты 2 курса. Студенты ходят по улицам большими группами, спорят и громко жалуются, что им не позволяют обсуждать свои дела.

12 октября студенты громадною толпою двинулись к дому губернатора и заперудили всю площадь. Несмотря на множество полицейских и жандармов, они кричали и безобразничали, ругали полицейских и раскидывали лотки у разносчиков. Вышедший по приказанию губернатора адъютант объявил, что губернатор просит выбрать депутатов, но из толпы никто не вышел. Кричали все сразу. Некоторые требовали разрешения открыть ссудную кассу, другие добивались перемены ректора. Стали слышаться крики: «Конституцию»... Когда на просьбу губернатора разойтись толпа не обратила внимания и, стоя на одном месте, продолжала кричать, жандармы стали надвигаться на нее и теснить. Со стороны студентов в жандармов полетели палки. Тотчас же произошла

свалка, и студенты стали разбегаться. Бегущих стал ловить народ и колотить. Арестованных было так много, что части Тверская, Пречистенская и Арбатская были переполнены бунтовщиками. В числе других был арестован и брат Анны Петровны, студент Всеволод Петрович Племянников, смиреннейший раб Божий. Когда еще студенческие волнения только начались, барыня спросила у него, чего студенты хотят.

— А почему я знаю, чего они хотят, — ответил он. — Я ничего не хочу. Они только всем нам объявляют, что поколотят всех, кто от них отстанет.

15 октября явился студент Племянников и рассказал, как его арестовали. Он пошел в университет на лекции и застал там уже шумевших студентов. Выйдя на улицу, он хотел было уйти домой, но толпа увлекла его с собой. Порывался несколько раз выбраться из толпы, но тут уже его не пропускали жандармы и его загнали с другими под арест. Народу арестовано было так много, что большинству пришлось провести ночь во дворе части и спать на голой земле. Он проспал в телеге, продрог и говорил спасибо за то, что дали чаю с хлебом. Утром переписали фамилии и отпустили по домам.

Читал «Беседы о Сократе» Платона, перевод Клеванова⁶¹⁵. Александр Петрович втянулся в игру в лото. При проигрышах бывает угрюм. Если выигрывает, приезжает домой часа в 3—4 утра сияющий, привозит на особом извозчике блюд десять кушаний и начинает пировать, лежа в постели. Хотя обыкновенно в таком случае и получает деньги, но после того порядка, который был заведен у его матери, мне эта жизнь не нравится.

---

⁶¹⁵ Клеванов Александр Семенович (1826—1889) — переводчик древних классиков. Здесь, очевидно, имеется в виду переведенная и изданная им книга «Философские беседы Платона» (М., 1861).

XIV

Рассуждение об освобожденных. — Поездка в Венев. — Мировые посредники. — Вифания. — Ольридж. — Отмена откупа. — Пьянство. — Польская смута. — Колюбакин.

Сегодня, 19 февраля 1862 года, ровно год, как нам предоставлена свобода устраивать жизнь по собственному желанию. Нас не продают уже больше наравне с коровами и овцами, не бреют голов, не режут у девок кос, даже не бьют по щекам. Я пользуюсь свободой и, однако, остаюсь тем же самым лакеем. Все мои товарищи и знакомые тоже продолжают жить на прежних местах. Только те, которым было отказано от места, или вследствие сокращения штата прислуги, или за дурное поведение, изменили свой образ жизни, но далеко не к лучшему. На каждом шагу только и слышишь, что ищут места. Поэтому я стал обдумывать, что не мешало бы устроить контору для нуждающихся в приискании места.

В мае ездил с барыней в Венев⁶¹⁶. Это маленький, незначительный городок. От скуки пошел на кладбище. Там прочел на памятниках много курьезных надписей. Некоторые записал. На одном памятнике было написано:

Веневской бараночнице

1. Ударил час. Друзья простите.

Куда. Все знать хотите.

---

⁶¹⁶ Венев — уездный город Тульской губернии.

2. Кости зрак

Смерти знак.

Зри ее всяк, —

Будешь так.

3. О, вы, друзья, мои любезны,

Не ставьте камня надо мной.

Все ваши бронзы бесполезны, —

Они не скрасят души злой.

Не славьте вы меня стихами, —

Стихи от ада не избавят,

В раю блаженства не прибавят.

Пока я занимался чтением надписей на памятниках, ко мне подошел сторож. а мой вопрос, давно ли он здесь служит, ответил, что его сюда послал сам Бог.

- Каким образом? — спросил я.

- Служил я раньше при военном складе. Однажды ночью, когда я крепко спал, меня подхватило вихрем и унесло на кладбище, где я опомнился и проснулся только утром. Сейчас же я пошел к священнику, рассказал ему о случившемся, и он назначил меня сторожем. С тех пор тут и сижу.

По возвращении в Москву, в июне, мне по делу Костина пришлось побывать у мировых посредников Лопухина и Трубецкого. Вот настоящие благородные люди. Я удивлялся их терпению и внимательности, с которыми они обращаются со всеми, приходящими к ним за разъяснением недоразумений. После чиновников гражданской палаты и управы

благочиния и разных чинов полиции они мне показались ангелами умиротворителями и утешителями.

В сентябре заходил в гости к знакомому Куликову, у которого квартирует много студентов.

- Платят ли они? — спросил я.

- Бедны, но честны, — ответил Куликов. — Если денег нет, часы отдают. Одно нехорошо, что они все большие забияки и спорщики. Иногда целую ночь до самого утра галдят.

Ездил в Вифанию и осматривал там покои митрополита Платона⁶¹⁷. Проводник, не умолкая, тянул заученную речь: вот постель, на которой владыка почивал... вот комната, в которой принимал просителей... вот зеркальный потолок, в котором отражались фигуры просителей, и там их владыка, подымая очи горе, рассматривал. Он не мог смотреть прямо в лицо, потому что от пронизательного, проникающего насквозь взгляда его просители падали в обморок... вот ковер, подаренный шахом персидским... вот... и т.д.

Был в театре и смотрел игру приезжего англичанина Ольриджа. Он играл Отелло, а Медведева — Дездемону⁶¹⁸. Игра и дикция замечательные. Он говорил шепотом, но так звучно, что даже в райке этот шепот раздражает ухо. Несмотря на то что он говорил по-английски и что, следовательно, я не понимал ни одного слова, остальные все актеры, понятно, говорившие по-русски, рядом с ним казались мне мелкими, ничтожными и смешными.

Купил и прочитал механику и физику Щеглова. Хотя очень многого не понял, но добросовестно дочитал до конца.

---

⁶¹⁷ Платон (в миру — Левшин; 1737—1812) — митрополит.

⁶¹⁸ Олдридж Айра Фредерик (1805—1867) — американский актер; Медведева Надежда Михайловна (по мужу Гайдукова; 1822—1899) — актриса Малого театра.

1 января 1863 года вечером я отправился на прогулку. Подойдя к Никольским воротам, я увидел около кабаков целую толпу. Это праздновалась отмена откупа⁶¹⁹. По случаю удешевления водки, набросились на кабаки и переполнили их. На Трубной площади опять толпа около кабаков. Из любопытства зашел в один. Оказалось, что все заготовленное заранее вино уже выпили и толпа ждет нового подвоза. Вот она, народная трезвость.

5 января у барыни родилась дочь Мария. Было несколько докторов. Большая суета. Невольно я вспомнил о деревне. Там роженицы уходят из общей комнаты в холодный, темный чулан, откуда после родов тащат их по 25-градусному морозу в угарную баню, где лежат они дня три и затем являются в избу и принимаются, как ни в чем не бывало, за работу. С кормилицами происходит возня невероятная. Одна больна, другая без молока, от третьей несет как из винной бочки. Вообще теперь весь народ, после отмены откупа, с утра каждый день пьянствует, и все улицы переполнены пьяными...

19 февраля ходил на публичную лекцию профессора Богданова⁶²⁰, который читал о значении зоологических садов и зверинцев. Слушая лекцию, я думал, что в день освобождения крестьян из неволи говорят о том, чтобы сажать зверей в клетки и держать их в неволе.

Приписался к ремесленному цеху.

В марте слушал лекцию профессора Соколова⁶²¹ о дыхательных и голосовых органах. После этой лекции стал читать популярную медицину.

---

⁶¹⁹ Откуп как система сбора налогов с населения, существовавшая в России с конца XV в. и приносившая откупщикам, особенно винным, огромные прибыли, была отменена в 1863 г. и заменена акцизом.

⁶²⁰ Богданов Анатолий Петрович (1834—1896) — антрополог, зоолог, историк зоологии, профессор Московского университета.

⁶²¹ Соколов Нил Иванович (1844—1899) — профессор частной патологии и терапии.

Все и везде толкуют о поляках и польской смуте. В Польшу назначается Муравьев⁶²². Говорят, что там творятся большие безобразия. Ну, да и здесь делается много не совсем хорошего. Появилось много просветителей всякого рода. Открываются школы, воскресные классы, читальни, лекции. Однако учат не так, как следует, и не тому, чему следовало бы. После азбуки сразу география и чуть не философия. Нравственно-религиозная сторона забыта, и над религией насмеваются. По моему мнению, в школах должны обучаться не одной только грамоте, но и ремеслам и земледелию. Дети очень скоро поняли бы все, что им необходимо знать, и приохотились бы к работе. Обратимся к жизни. В деревне ведь ребяташки, как завидят мельницу, сейчас начинают мастерить свою мельницу из щепок на ручье; делают лодку из коры и т.п. О взрослых я уже и не говорю. Не успеют открыть в какой местности ткацкую, как они начинают расти и после первой через пять лет их в той местности уже 10. Нет, все идет не так, как следовало бы.

Напечатанная 5 мая статья М.П. Погодина о польском вопросе и европейской политике⁶²³ привела в восторг простой народ. «Ведомости», в которых печатаются адреса от разных городов и обществ, высказываются против каких бы то ни было уступок полякам и требуют немедленного подавления мятежа⁶²⁴. Хотя бы это даже грозило войной с Наполеоном.

---

⁶²² Польское национально-освободительное восстание 1863—1864 гг., подавляемое генералом М.Н. Муравьевым, вызывало широкий отклик в российской прессе.

⁶²³ Возможно, имеется в виду статья М.П. Погодина «По поводу некоторых слухов» (Московские ведомости. 1863. 26 апреля).

⁶²⁴ В одной из своих передовых статей М.Н. Катков писал: «Нас упрекают в жестокости. Мы скорее должны упрекать себя в том, что мы слишком уступчивы, слишком расположены к угодливости, слишком мало склонны ценить свое по достоинству. Имея за себя несомненное право, мы как бы конфузимся своего права и, будучи чисты совестью, нередко действуем так, как действуют люди, у которых нечиста совесть. Вместо того, чтобы открыто и твердо исполнить то, что велит долг, мы стараемся в ущерб делу, на нас

Каждый день устраиваются проводы солдатам, идущим в Польшу. Муравьев с поляками не церемонится и постоянно высылает их в Смоленск. Все радуются.

В июле заключил контракт о найме квартиры в нашем доме с генерал-лейтенантом Колюбакиным, бывшим кутаисским губернатором⁶²⁵. Генерал страшно вспыльчив и, как рассказывают, в Кутаиси всех колотил. Извозчик мне вчера рассказывал, что генерал сел и велел ему ехать. Проехав немного, он крикнул: «К сенатору Толмачеву»⁶²⁶. — «А где он живет?» — «Как, ты не знаешь, где он живет?» Бац его по уху. Затем стал колотить по спине, приговаривая: «На Пресне, на Пресне...»

Библиотека у генерала громадная.

XV

Смерть губернатора Тучкова. — Служба бывших дворовых. — Катков и Леонтьев. — А.В. Повало-Швейковский. — Поступление на службу на железную дорогу и служба на ней. — Киев и его обычаи.

24 января (1864) происходили похороны умершего генерал-губернатора Москвы Тучкова⁶²⁷. Немало пришлось ему пережить волнений и во время объявления манифеста об освобождении крестьян, и во время студенческих беспорядков.

возложенному, показаться любезными и гуманными, и когда возвращаемся к исполнению своего долга, то, естественно, подпадаем упреку в доверчивости и иезуитизме» (Московские ведомости. 1863. 13 июля).

⁶²⁵ Колюбакин Николай Петрович (1812—1868) — генерал-лейтенант.

⁶²⁶ Толмачев Афанасий Емельянович (1791 — 1871) — сенатор.

⁶²⁷ Тучков Павел Алексеевич (1803—1864) — московский генерал-губернатор.

19 февраля раздался торжественный звон. Я пошел в церковь к Спиридонию. В церкви молящимися нашел только нескольких старушек. Народа не было. Стало очень грустно мне. В такой день и не поставить свечки за здоровье Освободителя их. Для кабака вот так всегда находятя и время и деньги...

В конце года я стал раздумывать о своей жизни, о своем положении и о положении вообще всех бывших дворовых и крестьян. Прошло уже четыре года, как освободили нас от крепостной зависимости. Нас сделали гражданами земли русской. Каждый из нас имеет право теперь заняться тем, к чему он чувствует призвание, имеет право заняться каким угодно ремеслом. Как же воспользовался этою свободою я и все мои знакомые, бывшие дворовые люди. И я и все, кого только я знаю, по-прежнему живут лакеями у своих господ. Почему? Я думаю, что по привычке. Как господа привыкли к нашим услугам, без которых не могут обойтись, так и мы привыкли быть рабами и сидеть на их шее, не заботясь о будущем. Когда мы собираемся вместе, о чем мы рассуждаем? Только о том, как бы устроить общество или контору опять- таки исключительно только для найма прислуги. Только прислуживать, быть лакеями, только, по-видимому, к этому мы и способны. Другими словами, мы хотя и наемными и по собственному желанию, но остаемся все-таки рабами. Возьмем вот хоть меня. Я и грамотный, и постоянно много читающий и рассуждающий, вот, несмотря на мои 30 лет, не могу отстать от этой беспечной жизни, не могу решиться поступить куда-нибудь письмоводителем или конторщиком. На словах мы способны на все, а на деле. Нет у нас ни предприимчивости, ни энергии.

19 февраля (1865) у меня собрались гости, и мы весело отпраздновали этот великий день. Рассуждали только об учреждении общества домашней

прислуги. Я написал уже проект. Набралось уже 60 человек. Когда будет 300, тогда предполагаем открыть контору.

В марте меня призвал к себе Хр. Хр. Мейн и предложил мне поступить конторщиком на Рязанско-Козловскую железную дорогу. Я отказался под тем предлогом, что барин, Александр Петрович, болен и я не могу его оставить, У него действительно, несмотря на его богатырское сложение, подкашиваются по временам ноги, и он тогда падает. Я привык к господам, и мне жалко их оставить. Проект свой послал Каткову и в апреле пошел к нему. Катков меня принял, выслушал, пригласил Леонтьева⁶²⁸ и, сказав ему заняться со мною, кивнул головою и ушел. Леонтьев сказал мне, что проект мой он прочитал и нашел его дельным и желательным. «Мы советовали бы, — говорил он, — прибавить еще параграф о том, что членами общества могут быть также и требователи прислуги, то есть хозяева. Так как проект этот не окончательный, а еще, так сказать, созидающийся, я его теперь оглашу в печати с тою целью, чтобы публика могла сделать свои замечания и вы могли бы воспользоваться замечаниями публики при окончательном составлении проекта».

Одобрив основную мысль проекта, Леонтьев перешел к наборщикам их типографии.

- Это ужасный народ. Неаккуратность, неопрятность, беспечность. О завтрашнем дне не думает никто. Сбережения на ум не приходят. Вот наборщики из Прибалтийского края, так те ведут себя иначе. В их квартирах есть даже и обстановка. У них во всем и чистота и опрятность. Итак, мы за вашу мысль, — закончил он.

---

⁶²⁸ Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874) — филолог и педагог, публицист. соиздатель «Московских ведомостей», близкий друг М.Н. Каткова.

Читал Бокля⁶²⁹. Какой глубокий ум!

Через неделю отправился в редакцию «Московских ведомостей». Васильев⁶³⁰ показал мне корректуру статьи и заявил, что напечатание ее откладывается и что когда она будет напечатана, неизвестно, так как теперь газета будет переполнена другим.

Проходя по улице, я встретился с Мейном, который мне сказал, что если я теперь же не решусь поступить на железную дорогу, впоследствии я не буду уже иметь возможность получить место, и велел зайти к нему за получением рекомендательного письма к Повало-Швейковскому, которому нужен приказчик. В тот же день, в 6 часов вечера, я явился в гостиницу «Англия» к Александру Владимировичу Повало-Швейковскому с письмом от Мейна.

- Вы от Мейна, понимаете ли вы что-нибудь в постройках, кто вы такой? — быстро задавал он вопросы, не ожидая ответов. — Я даю вам 25 рублей в месяц. 27 апреля вы уезжаете на место. Перед отъездом зайдите и принесите паспорт, — закончил он.

Такая решительная и полная энергии речь на меня сильно подействовала, и я согласился. Мне очень тяжело было расставаться с господами, тем более что Александр Петрович чувствовал себя все хуже и хуже. Марья Александровна и Марья Петровна дали мне на дорогу каждая по 10 рублей, и я уехал из Москвы на новое дело. Через Рязань и Ряжск сначала приехал на станцию Яклевец, а потом на станцию Раненбург, где и занялся присмотром за возкою камня и за постройками. Скоро мне увеличили жалованье, и я стал получать вместо 25 уже 50 рублей.

---

⁶²⁹ Бокль Генри Томас (1821 — 1862) — английский историк и социолог-позитивист. Его двухтомная «История цивилизации в Англии» (1858) была издана в России в 1862-1864 гг.

⁶³⁰ Васильев Сергей Васильевич (наст. фам. Флеров; 1841—1901) — журналист, театральный критик.

5 сентября (1866) открылось движение по Рязанско-Козловской железной дороге, и я при этом получил должность помощника начальника станции Раненбург.

Повало-Швейковский предложил переехать на работы в Киев. В Раненбурге я просто умирал от скуки. Поэтому я очень обрадовался предложению и, несмотря на то что мне обещали прибавку, немедленно сдал должность и укатил в Москву. Здесь я женился на портнихе Авдотье Платоновне. Через несколько времени вместе с женой уехал в Киев и оттуда на ст. Бобрик, где скоро стал получать жалованья тысячу рублей в год.

По делам мне часто приходилось ездить в Киев. Мне очень нравился Днепр, и я написал следующие стихи:

Я любовался из окна
Доселе яростным Днепром.
Теперь покрыт он тонким льдом
И не шумит его волна.
Он представляет чудный вид,
Блестя чистым серебром.
Он так понятно говорит
О той могучей силе сил,
Перед которой буйный Днепр
В оковах ледяных окреп
И свой порыв остановил.

Морозы славные и преждевременные. Хохлы говорят, что такие жестокие морозы нарочно устроили кацапы с тою целью, чтобы удобнее было перевозить материалы для постройки.

В декабре 1867 года узнали о смерти митрополита Филарета⁶³¹. Он был умен до прозорливости, религиозен до святости.

Наступают праздники Рождества Христова, а мы сидим в глуши близ строящейся станции Бобрик. В утешение хохлы стали приносить подарки. Один принес куропаток, другой два кувшина молока и домашних колбас. За это я предложил им денег. Не взяли, водку же выпили с удовольствием. 6 января 1868 года был в Киеве и присутствовал при освящении воды. Когда при колокольном звоне показалась с Крещатика процессия с хоругвями, толпа тысяч в 50 бросилась к Днепру. Во время толкотни и давки несколько человек любопытных евреев были сброшены в воду. Толпа смеялась и шутила, что это новообращенные. В процессе принимали участие киевские цеховые верхом на лошадях, со значками в виде флагов.

В Киеве вообще много особенных обычаев. Обыкновенно в 12 часов дня пускается из крепости ракета. Однажды киевляне были поражены, не услышав выстрела ракеты. Весь город взволновался. Стали разузнавать и наводить справки, почему ракета пущена не была. Когда узнали, что губернатор не утвердил расхода на содержание прислуги, пускавшей ракеты, немедленно принялись хлопотать, пока не добились-таки опять хлопанья ракет.

Похороны там бывают особенно торжественны. Раздается звон колоколов во всех церквях. Народ собирается толпами. Идут певчие и масса духовенства, несут хоругви и иконы. Когда певчие перестают петь, музыка играет похоронный марш.

- Кого это так пышно хоронят? — спросил я.

- А богатую купчиху. У нас всегда так хоронят.

---

⁶³¹ Митрополит Филарет (Дроздов) умер 19 ноября 1867 г.

В декабре движение по новому железнодорожному пути было открыто. Службе моей пришел конец, и я с женой уехал в Москву.

XVI

Рост Москвы. — Козлов. — Журнал «Идея». — Смерть Повало-Швейковского. — Поездка в Смоленск и Витебск. — Стихи. — Подряды. — Процесс игуменьи Митрофании.

Москва с каждым годом украшается. Одно меня очень поразило: это обилие красных вывесок. Все кабаки и кабаки. Также появилось много банкирских контор. Посоветовавшись с знакомыми, я выкопал свой старый проект об учреждении артели домашней прислуги и снес его к Гилярову-Платонову⁶³². Он по поводу этого проекта напечатал передовую статью. Сейчас же и другие газеты стали разбирать этот вопрос, высказываясь и за и против.

Затем я понес проект Погдину. Внимательно выслушав меня, Погдин обещал возбудить по этому поводу вопрос в первом же заседании городской думы. Получил сразу два предложения. Гиляров-Платонов заявил о желании взять меня на службу к себе в контору редакции, а Повало-Швейковский предложил съездить в Козлов для наведения справок о ценах на строительный материал. Я избрал последнее и поехал в Козлов. Там я сошелся с молодежью. По вечерам много говорили, спорили и под конец

---

⁶³² Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887) — публицист, философ, издатель. В 1867—1887 гг. издавал газету «Современные известия».

решили издавать еженедельный журнал «Идея». Издание, однако, не состоялось, хотя я и написал для первого номера следующие стихи:

Я из крестьян попал в лакеи,
Скинув лапти и кафтан,
Ездил в шляпе и ливрее
За каретой, как болван.
В белом галстуке, жилете,
Куда я не попадал?!
Много шлялся я на свете
И чего я не видал!
На балах был, на банкетах,
На семейных вечерах,
У ученых в кабинетах,
На больших похоронах.
Много чудного там слова
Приходилось слышать мне,
Слова вольного, живого,
О родной все стороне.
Много думал я в свой век,
Всякой всячины слышал;
Но что я — тож человек
Только ныне я узнал,
Прочитавши чудный, славный,
Знаменитый манифест,
Коим царь наш православный
С нас свалил тяжелый крест.

В апреле месяце неожиданно получил депешу о смерти Повало-Швейковского, умершего от апоплексического удара. Меня страшно поразила смерть этого молодого (35 лет), деятельного и энергичного человека. Работами стал заведовать Михайловский, у которого я и остался на службе.

Ездил в Смоленск. Обратил внимание на стены, которые разваливаются. Говорили, что всякий, кому только нужен кирпич, — берет себе без спроса. Впрочем, теперь, по-видимому, обратили внимание на этот памятник старины, — начали реставрировать башню Веселуху.

Ездил в Витебск. Город живописный. Там я не встретил ни одного русского — все либо евреи, либо поляки.

Стихи по поводу манифеста 19 февраля и по поводу процесса Нечаева⁶³³. Манифест о всеобщей воинской повинности (1871 г.) вызвал много неудовольствия среди купечества и дворянства. Мне захотелось высказать царю благодарность за все его реформы, и я написал стихи, которые отпечатал в типографии Мамонтова 3 марта в Москве и послал их министру двора. Вот они:

Девятнадцатого февраля (Воспоминание бывшего крепостного)

Я помню детство: так светло

---

⁶³³ Процесс Нечаева — дело об убийстве слушателя Петровской земледельческой академии И.И. Иванова, члена тайного общества «Народная расправа». Убийство было совершено 21 ноября 1869 г. организатором «Народной расправы» Сергеем Геннадиевичем Нечаевым (1847—1882) при участии ее членов: П.Г. Успенского, А.К. Кузнецова, И.Г. Прыжова, Н.Н. Николаева. Следствие и суд длились около полутора лет. Московские и петербургские газеты писали об организации Нечаева в январе—феврале 1870 г. и особенно подробно в июле—августе 1871 г., когда дело рассматривалось в Петербургской судебной палате.

Оно стоит передо мной;
Тогда привольно и тепло
Мне было жить в семье родной.
Я помню вечер роковой,
Когда из милых мне полей
Перенесен я был судьбой
В Москву — в толпу чужих людей;
Когда, расставшись с кафтаном,
Я принял кличку: «человек»
И глупым сделался болваном,
Моделью нравственных калек.
Каким тяжелым привиденьем
Стоят лет десять предо мной,
В каком бездейственном томленье
Те дни убиты были мной.
Я помню незабвенный год...
Каким он светом осветил
Царем раскованный народ
От уз, которые носил.
О, как тогда мы ликовали,
Толпою окружив амвон,
Когда нам волю объявили
Под праздничный, веселый звон.
Как я в тот миг помолодел,
Забыв печальны тридцать лет,
И как я пламенно хотел
Тогда бежать в университет;

Но поздно было брать уроки,
Себя наукам посвящать,
Искоренять свои пороки
И дни молодые возвращать.
С тех пор я часто вспоминаю
То детство, то тяжелы годы,
И тем лишь душу улаждаю,
Что я дождался дней свободы,
Что я свободным кончу век,
Благодаря царя-отца,
Познавши, что я человек,
Созданье мудрого Творца,
Творца, Которого дерзаю
Я ныне пламенно молить
Благословить царя-державу
И дни его для нас продлить,
И в души подданных вселить,
Чтоб этот день благословенный
Умели в памяти хранить
И чтить всегда благоговейно.

От министра двора мною получено было объявление, что Государю Императору было богоугодно за мои стихи благодарить.

Живу пока в Москве. В окружном суде разбирается политическое дело о Нечаеве, Успенском и прочих злодеях. Напрасно эти господа все валят на народ. Эти не народные герои.

В течение 1872 и 1873 года все время провел на работах по линиям железных дорог и по окончании работ, в январе 1874 года, переехал в Москву. Иван Самойлович Зиберт выдал мне обещанные проценты с чистого барыша в размере 3750 рублей. Теперь уж я богатый человек. Всего у меня 6000 рублей. По поручению Зиберта строю для него дачу в Сокольниках. Занялся также подрядами. Вместе с Урвачевым взял с торгов подряд на поставку 4230 штук стекол для строящегося храма Христа Спасителя. При заказе зеркальных стекол в Бельгии Урвачев, переводя вершки на сантиметры, ошибся на 1/8. Очень возможно, что он сделал это с умыслом, имея в виду, с одной стороны, избежать обрезков толстого стекла и, с другой — уменьшить вес груза, так как пошлину приходилось платить с пуда. Так или иначе, но стекла оказались маломерными и неподходящими, и поэтому комиссия отказала в приемке их. Здесь мне пришлось убедиться, какие большие взяточники и смотрители и десятники. Стекла все были приняты.

Последовал указ о всеобщей воинской повинности. Купцы ропщут. Рекрутские квитанции поднялись до двенадцати тысяч рублей. Изменение правил о кабаках уменьшило их количество. Не думаю, однако, чтобы это способствовало к уменьшению пьянства в народе, который с каждым днем все больше и больше пьянствует и развратничает и все меньше и меньше работает. Лениность неимоверная.

В окружном суде (1874) идет скандальный процесс об игуменье Митрофании⁶³⁴, бравшей деньги с разных лиц, которые добивались

---

⁶³⁴ Игуменья Митрофания (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен, фрейлина императорского двора; 1825—1898) — настоятельница Владычье-Покровского монастыря в Серпухове, занималась подлогами денежных документов (подделка векселей, завещаний и т.п.) в пользу своего монастыря. Была арестована в 1873 г. Дело разбиралось в Московском окружном суде 5—18 октября 1874 г.

получения орденов или доступа к высокопоставленным лицам для проведения дел. Открылось много из того, что так тщательно оберегали, чтобы не вышло из стен монастыря; но разве за этими стенами живут одни только святые?!

XVII

Памятник жене Брюса. — Художник Яковлев. — Поездка в деревню. — Расчет за поставку стекол в храм Спасителя. — Похороны Погодина. — Ахтырка. — Консервный завод. — Объявление войны Турции. — Наводнение. — Поставка консервов. — Явление креста на льду.

Ездил с женою к знакомым на свадьбу в село Глинково. Там в церкви стоит памятник жене знаменитого Брюса⁶³⁵. В глубокой нише из черного мрамора, того же мрамора гробница и над ней конусообразная доска, на которой стоят из белого мрамора бюст женщины и склонившийся воин в кирасе.

В Борисоглебске, куда ездил к знакомому, встретился с художником Яковлевым. Его картины «Дележ добычи» и «Грабеж на большой дороге» были на венской выставке. Теперь он возвратился из киргизских степей, куда ездил писать типы туземцев для заказанных ему Солдатенковым картин «Братья-разбойники» и «Цыгане»⁶³⁶. Он знаменит, но я смотрел на

---

⁶³⁵ Брюс Яков Вилимович (1670—1735) — государственный деятель и ученый, сподвижник Петра I. Жена его — Марья (Маргарита) Андреевна (урожд. Мантейфель).

⁶³⁶ Яковлев Иван Еремеевич (1797—1843) — художник-портретист; Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901) — московский купец, меценат и издатель.

него как на человека ненормального, потому что он носит китайскую косу. Удивительное время. Женщины-курсистки обрезают себе косу, а мужчины отпускают.

Летом побывал в своей родной деревне. В Вичуге появились и фабрики, и большие каменные дома, которые выстроили бывшие мои однодеревенцы. Да, много перемен. Некоторые господа, вследствие своей лени и праздной жизни, обеднели, а мужички, благодаря своей энергии, наслаждаются теперь жизнью. На могилах родителей поставил чугунный памятник. После панихиды пошел к священнику. Грустная картина. И священник и жена его постоянно пьют. После этого каким же он может быть наставителем народной нравственности? Осматривал лес и не узнал. Вырублен почти весь. Крестьяне хотели его купить, но Глушкова запросила очень дорого. Теперь крестьяне отчаянно его рубят, не справляясь, чья это собственность.

По возвращении в Москву обратился в комиссию за получением денег на поставку стекол в храм Спасителя. Мне не хотели выдать деньги, находя, что в стеклах есть пузырьки. Я отправился с жалобой к генерал-губернатору князю Долгорукову⁶³⁷, который приказал выдать деньги, три тысячи рублей. Когда я явился за получением денег, меня окружил, как саранча, целый штат чиновников и других лиц, начиная с бухгалтера и кончая десятскими. На своем веку много мне приходилось видеть разного народа, но таких вымогателей я еще ни разу не встречал.

В октябре (1875) лопнул Коммерческий банк, в котором лежало на мое имя 1700 рублей, принадлежащих Урвачеву, 300 рублей Шушуевой и

---

⁶³⁷ Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь — московский генерал-губернатор.

собственных 300 рублей. У Ивана Самойловича Зиберта на текущем счету было тысяч 40.

8 декабря (1875) были похороны М.П. Погодина. Гроб, за которым шла громадная толпа народа, несли студенты. Его знал и любил народ, потому что он понимал нужды его и писал простым, ясным слогом.

В декабре же был на похоронах моего благодетеля, определившего меня на службу, строителя железных дорог Хр. Хр. Мейна. Из произнесенной над гробом речи узнал, что его предок, голландец, открыл остров Гуфеланд-Мейн. Покойный пришел в Москву из Архангельска пешком и сначала поступил в межевую канцелярию, потом был управляющим имением и наконец строителем дорог. Это был неутомимый труженик с громадной энергией.

По поручению Ивана Самойловича Зиберта поехал вдоль проектированной линии Сумы и Конотоп. Проезжая Ахтырку (Харьков[ской] губ[ернии]), слышал следующий рассказ. Один из помещиков был сослан Анной Иоанновной⁶³⁸ в Сибирь, имения же его были отобраны в казну. Жена его только и думала о печальной участи своих дочерей и непрестанно молилась. Однажды она увидела во сне Богородицу, которая велела ей не печалиться больше о своих детях и все оставшиеся у нее деньги отдать на поддержание ахтырской церкви. Помещица сейчас же призвала священника, отдала ему деньги и в тот же день вечером умерла. В это время вступила на престол Екатерина II, которая велела многих возвратить из ссылки и в том числе и мужа покойной. Когда Императрица узнала, что и муж и жена умерли, она велела доставить в Петербург двух

---

⁶³⁸ Анна Иоанновна (1693—1740) — российская императрица с 1730 г.

сирот, обласкала их, воспитала и потом выдала замуж одну за графа Панина⁶³⁹, а другую за графа Чернышева.

Впоследствии одна из них построила в Ахтырке новый храм, а другая пожертвовала в него много драгоценной утвари.

В сентябре купил за пять тысяч рублей около Рязани дубовую рошу и отправился туда. Первые же дубы, которые свалили, оказались в середине гнилыми. Едва ли выручу свои деньги.

В это время получил письмо от И.С. Зиберта, в котором он сообщал, что вместе с Данилевским, Сеченом, Китгарой и другими взял подряд на поставку консервов, бульона и сухого мяса для армии, и приглашал на службу на устраиваемый завод. Сейчас же рошу по описи передал знакомому и уехал в Москву.

Компанией приобретена была в Самаре мельница, которую необходимо было переделать в консервный завод. По контракту нужно было доставить к 1 апреля 1877 года 135 тысяч пудов консервов.

В октябре я был уже в Самаре, а 18-го начались переделки на мельнице Цветова. Торопились, спешили, а дело шло не совсем удачно. Больше 30—40 пудов в сутки не могли высушить. Устраивали всякого рода приспособления и добились того, что 19 декабря наш завод сгорел. Причиной пожара была деревянная труба в аршин шириною, в которую была проведена железная труба из печи. От вылетевшей ли искры или от накалившегося железа высохшая труба вспыхнула, как порох. Висевшая на трубе керосиновая лампа лопнула, и горящий керосин разлился по полу. Хотя у нас была пожарная машина и в баке около 150 ведер воды, но воспользоваться машиной не пришлось, так как обезумевшая; от испуга

---

⁶³⁹ Панин Никита Иванович (1718—1783), граф — воспитатель великого князя Павла Петровича, дипломат.

толпа рабочих, разбегаясь, порвала пожарный рукав. Спасти завод не было никакой возможности. Я это быстро сообразил и вместе с генералом Глушковым занялся спасением кладовой, в которой было 40 тысяч пудов свежего мороженого мяса. Бабы носили кирпич, а мужчины быстро закладывали им двери кладовой, — окна были заложены листовым железом. Из завода успели выкатить лишь несколько десятков бочек с салом, и удалось спасти локомобиль. Подвоз мяса был остановлен. Алабин, ставивший мясо, потребовал отступного 28 тысяч рублей, но потом согласился на 16 тысяч, так как придрались к неисполнению им контракта, по которому он должен был доставлять мясо в тушах, а не разрубленное, как он доставлял. Сечен тотчас же поехал в Петербург хлопотать об отсрочке.

15 января 1877 года по возвращении Сечена из Петербурга было приступлено к устройству нового завода. 11 марта завод уже действовал. Работа шла быстро. С одной только устроенной мною и поэтому названной Бобковской сушильни получалось сухого мяса 200 пудов в сутки. 23 марта готова была вся партия мяса. Стали варить бульон. Заказ вскоре был окончен. За работу с наградой я получил 1500 рублей.

26 марта двинулся лед и по Самарке, и по Волге. Вода залила весь берег, затопила завод, и волны стали подходить к самому дому, в котором я жил с женой. 14 апреля узнал, что объявлена война Турции. Идут целые обозы с новобранцами и провожающими их семьями. Господи, как много пьяных! 12 мая. Волга разливается все больше и больше. Дом наш затопило на 1 1/2 аршина. Нижний этаж и кухня залиты водой. Лодка пристает прямо ко второму этажу. Вечером и ночью, когда волны с шумом разбивались о стены и дом весь шатался, было очень жутко. 17 мая сдал завод Плешакову, сел с

женою в подъехавшую к дому лодку и пересел на пароход, на котором доехал до Нижнего Новгорода и оттуда отправился по железной дороге в Москву.

Та же компания, состоящая из Сечена, Зиберта, Данилевского и Киттары, получила подряд на поставку для Военного министерства консервов бульона, щей и гороховой и картофельной похлебки. Меня взяли и назначили мне жалованья 150 рублей в месяц. 15 июня завод начал действовать, и к 20 августа мною сдано было уже много консервов. Только железные цилиндры, вмещавшие в себе пять пудов, были очень плохи и поэтому даже при самом осторожном обращении с ними прорывались. К октябрю Военное министерство изменило укупорку. Порции стали раскладывать в мешочки, которые клались в цилиндры. Через несколько времени опять последовала перемена, и консервы стали класть в жестяные коробки 10, 5 и 1 фунт. Коробки эти ставились в деревянные ящики.

С 15 ноября наша улица запружена ежедневно и едущим и идущим народом, направляющимся во двор Бахрушинской богадельни. Все желали взглянуть на пруд, на котором на льду образовался крест более темного, чем остальной лед, цвета. Служат молебны и берут воду из пруда. Рассказывают об исцелениях. Ходил смотреть и я. Форма креста ясно очерчена. По моему мнению, очень возможно, что маляр, вымывая кисть, сделал знак креста на льду.

Долго все шли у нас невеселые вести с театра военных действий, и наконец 29 ноября было получено известие о взятии Плевны. Была иллюминация. Москва ликовала. У знакомых встретился с одним стариком. «Чему радуются, — говорил он. — Я помню 12-й год. Как тогда радовались, изгнав из России неприятеля. А сколько после этого было еще войн. Всегда потом радовались. А что толку от этих радостей. У нас все бедность кругом...»

XVIII

Либава. — Латыши. — В. К. Мекк. — Крушение поезда. — Вильна. — Жизнь в Либаве. — Поездка в Шлиссельбург и Новую Ладозу. — Либавский порт.

Получил от Зиберта наградные по прежнему заводу 1000 рублей и по московскому 1500 рублей. Согласился на предложение ехать в Либаву на дополнительные работы по Либаво-Роменской железной дороге. 18 января приехал в Либаву. На вокзале все немцы, в гостинице — латыши. Утром я был уже на берегу моря. В первый раз я видел такое бесконечное водное пространство и почувствовал себя ничтожнейшим созданием. По берегу ходили гуляющие и выбирали из выброшенной морем травы куски янтаря. Либава город очень чистый. На окнах везде цветы и чистенькие занавеси. Почти из каждого дома несутся звуки рояля. Мне передали, что название города Либава произошло от латышского слова «либа», что значит «липа». Издавна здесь существует обычай, по которому новобрачные должны посадить два дерева рядом. По преимуществу сажают липы. У кого имеется собственная земля, сажают на своей, у кого нет — за каналом. Теперь там целая роща из парных деревьев. Да, куда не занесет человека судьба. В прошлом году я был среди киргизов, а теперь среди латышей. Это здоровый, работающий народ. Одежда у них собственного изделия, пиджак, брюки и фуражка серые, из домашнего сукна. Сбруя на лошадях тоже самодельная. Едят много рыбы, молока и масла и пьют решительно все, но пьяных не видел ни разу. Мой участок работ простирается до города Шавель на

протяжении 150 верст. Обращаться с рабочими мне очень трудно, потому что они состоят из поляков, жмудинов и латышей, не понимающих по-русски.

Скоро я в Либаве со многими перезнакомился. Разговоры шли преимущественно о Сан-Стефанском договоре, о Бисмарке⁶⁴⁰ и о возможности войны с Англией. Шли пожертвования на устройство добровольного флота (1878).

В мае хоронили моряка, капитана Пинк, который взялся поднять из воды затонувший пароход при помощи нитроглицерина. Произошел преждевременный взрыв. Пинк был выброшен из воды обезображенным трупом.

Зимой приезжал архиепископ Филарет⁶⁴¹. Прихожане единственной маленькой церкви устроили ему обед, на который приглашен был городской голова Чиврих и еще несколько немцев. Преосвященный в своей речи между прочим сказал, что если не религиозное, то гражданское чувство должно сближать русских с немцами, ввиду общности интересов торговых и по охранению границ, и что поэтому благоденствие России должно быть одинаково дорого для всех подданных, как православных, так и протестантов. Немцам преосвященный очень понравился, они подошли после обеда под его благословение и пригласили на обед, который в честь его устроили в ратуше. Я очень жалел, что не мог быть на этом обеде, потому что был вызван на линию на работы.

В январе (1879) ездил с евреем смотреть заготовленный лес. Проезжая озером, мы провалились. Мы едва успели выскочить из саней.

---

⁶⁴⁰ Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815—1898) — германский гос. деятель, князь. С 1862 г. — президент и министр иностранных дел Пруссии.

⁶⁴¹ Филарет (в миру Филаретов Михаил Прокопьевич; 1824—1882) — архиепископ Рижский.

Провалившиеся до самой шеи лошади стояли в воде до тех пор, пока не подъехали на подводах латыши, которые и вытащили их. Обсушиваться и отогреться я отправился к латышу, арендатору лесных лугов. Большая его изба разделялась на две части. Устройство кухни необыкновенное. Она состоит из четырех каменных стен, постепенно суживающихся и кончающихся отверстием шириною обыкновенной трубы. В этой трубе несколько железных палок для копчения ветчины, гусей и рыбы. Пол тоже каменный. Такая кухня у всех латышей. Бедные делают стены, из прутьев плетенные, и обмазывают их глиною. Тяга в кухнях очень большая, и поэтому там всегда холодно.

В феврале приезжал осматривать работы по линии В.К. Мекк. На 234-й версте в одном из вагонов лопнул бандаж. Поезд едва успел остановиться всего за три сажени до моста. Если бы не удалось остановить, поезд свалился бы с моста. Приехав в Либаву, Мекк заказал обед и послал за оркестром Нордмана. Когда ему сказали, что оркестр Нордмана не может явиться, так как играет в городском театре, Мекк велел объявить Нордману, что он предлагает ему 300 рублей и ужин с шампанским и что если он не явится немедленно, больше никогда приглашать его не будет. Через полчаса Нордман явился со всем оркестром, а театр, в котором шла оперетка, остался без музыки.

В марте И.С. Зиберт вызвал меня телеграммой в Москву. Я немедленно явился и узнал, что мне предлагается быть доверенным по постройке таможенных зданий в Либаве с жалованьем по 200 рублей в месяц и с добавлением 15% с чистого барыша. Я, разумеется, согласился и хотел уехать обратно в Либаву 28 марта, но потом решил еще раз зайти к Зиберту утром в четверг. Когда я 29-го приехал на Смоленский вокзал, узнал, что пассажирский поезд, на котором я хотел было ехать, потерпел

крушение. Разбито было 9 вагонов и убито около 70 пассажиров. Не хотел Господь моей гибели. Утром, около 5 часов, поезд подошел к месту катастрофы близ станции Петушково. Полотно дороги на этом месте было высотой не больше сажени и путь был прямой. В потерпевшем крушение поезде отбиты были буфера, и вагоны лежали на откосе. От одного из вагонов 3-го класса остался лишь один пол, который был весь в крови. Путь был изломан, 4 рельса согнуты, шпалы расщеплены. Пассажиры нашего поезда сошли посмотреть на место крушения. Многие взяли с собою щепы от шпал, находя, что шпалы гнилые. На первой станции кто-то из пассажиров написал в жалобной книге заявление о гнилости шпал, и многие подписались. Я не подписался, потому что, по моему мнению, на прямом пути костыли продолжали бы держаться в шпалах, если бы даже они и были гнилые. Я верил объяснению, что в одном из вагонов лопнул бандаж, он сошел с рельсов и стал поперек пути.

В Либаве мы и работали и развлекались. Ольга Христофоровна Ададунова устроила любительский спектакль в пользу бедных учеников и выручила чистых рублей 200.

В августе ездил по делам в Вильну. Проезжая чрез Остробрамские ворота, над которыми помещается часовня с чудотворною иконою Божией Матери, я невольно вспомнил Москву и Иверские ворота. В Вильне мне рассказали о случае, как один помещик сделал пожертвование для иконы — дорогой французский ковер, ожерелье и проч. Через несколько времени помещик приехал опять и около иконы не нашел ни ковра, ни ожерелья. Для разъяснений он поехал к ксендзу. Каково же было его удивление, когда он свое ожерелье увидел на шее хорошенькой племянницы ксендза и ковер на полу в его квартире.

21 ноября было получено известие о взрыве вагона императорского поезда⁶⁴². Все были возмущены, и не только русские, но и немцы. По поводу избежания государем опасности служили молебны и устраивали иллюминации.

В декабре за работы по железной дороге получил от Зиберта 5 тысяч рублей. На праздниках заезжал с визитом к отставному майору Михайловскому. Он ставил горшок со щами в печь. Получая 33 рубля в месяц пенсии, он вынужден был сам и стряпать, и стирать, и шить себе белье...

В Либаве мы веселились по-своему. Как-то на пирушке у Кузьмина был в числе гостей автор пьес «Иван Ключник» и «Блуждающие огни» Л.Н. Антропов⁶⁴³ с женою. Он пел много куплетов собственного сочинения под аккомпанемент жены на рояле. Между прочим он пел:

Посещение министра
Совершилось очень быстро;
И на станции Либаве
Много сильно захворали.
Всех ругал он понемногу;
А за что, известно Богу.
А строителей по порту
Отослал всех прямо к черту.

---

⁶⁴² 8 ноября 1880 г. при проезде императорского поезда через Александровск под Одессой три заговорщика пытались взорвать железнодорожное полотно. 19 ноября 1880 г. в 10 часов 25 минут был произведен взрыв под вагоном со свитой императора.

⁶⁴³ Антропов Лука Николаевич (1841 или 1843 - 1881) — драматург, критик

Затем мы пропели вирши на начальство, припевая после каждой строчки: «Ходи браво, ходи смело, лучше будет дело». Вот часть этих стихов:

Председатель наш фон Мекк
Превосходный человек.
Наш начальник Балкашин
Не любитель кислых мин.
А начальник наш Панов
Вечно занят, вечно нов.
Участковый же Евграф
У него крут очень нрав.
Ададуров Михаил
Отродясь вина не пил.
А начальник мастерских
Своим нравом очень тих.
Училища смотритель
Настоящий сочинитель и т.д.

6 февраля (1880) получено было известие о взрыве в Зимнем дворце⁶⁴⁴. Слава Богу, все обошлось благополучно. Неужели же не могут открыть этих злодеев...

В мае месяце, по случаю открытия памятника Пушкину в Москве⁶⁴⁵, я задумал тоже устроить праздник. Сделав из картона щит, я окрасил его в

---

⁶⁴⁴ Взрыв в Зимнем дворце был произведен 5 февраля 1880 г. народовольцем С.Н. Халтуриным.

⁶⁴⁵ Памятник А.С. Пушкину в Москве (скульптор — А.М. Опекушин) был крыт 6 июня 1880 г.

голубой цвет и нарисовал на нем лавровый венок, внутри которого поместил портрет Пушкина. Кругом щита изображены были корешки переплета книг с надписями на них важнейших его произведений. Щит приставлен был к стене, обитой красным кумачом и украшенной зеленью. Открытие памятника назначено было на 28 мая, а я пригласил гостей на 25 мая. Мною произнесена была речь о значении Пушкина и о том, как он любил Россию и все русское, причем мною прочитано было несколько его произведений.

В декабре записался в купцы первой гильдии. 31 декабря у Черенцовых весело встречали Новый год. При первом ударе двенадцати часов одна из девиц оторвала заглавный листок на стенном календаре, я стал бить молотком в медный поднос, и затем с бокалами шампанского в руках все хором пропели «Боже царя храни». Пели русские песни и плясали камаринскую.

6 января (1881) утром было торжественное освящение воды⁶⁴⁶ с музыкой при 15° мороза. Вечером был в концерте, откуда поехал с женой к Коржевым. Я подсел было к играющим в карты, как вдруг Н.В. заиграла на рояле и запела русскую песню. Я сейчас же пошел в гостиную слушать, подошел к окну и залюбовался ландшафтом. Тянется длинная лента железнодорожного пути, пропадая вдаль, мелькают огни, чернеют вагоны; кругом все снег и снег, на котором, как черные пятна, кое-где разбросаны курляндские хаты; за ними деревья с белыми от нависшего на них снега ветвями. Вся долина залита ярким светом луны. Вот набежали облака и все покрылось матовым светом. Понемногу он стал светлеть, зарябили волны разных теней, и вся местность как бы задвигалась,

---

⁶⁴⁶ Церковный обряд накануне Крещения.

зашевелилась. Опять выплыла луна, и на темно-голубом небе заблестали звезды. Н.В. в это время пела:

Ночь темна. На небе тучи.
Белый снег кругом и т.д.⁶⁴⁷

И от созерцания природы и от пения я пришел в какое-то блаженное состояние. Думаю, что самый жестокий прозаик и тот пришел бы в восторг. Меня приковывала к себе чудная картина природы и тянуло к роялю. Мне хотелось любоваться молодым лицом певицы, стройным ее станом, всей ее фигурой, полной молодости жизни, желаний... Я как бы помолодел. Мне хотелось жить, жить без конца, с любовью ко всему прекрасному, захотелось подняться в небесную высь, «сорвать венец с звезды восточной» и увенчать ее, воодушевившую меня своим пением, броситься в объятия природы и той, которая живет и дышит жизнью молодой.

Вот какие впечатленья
Производят зимни ночи,
И какие вдохновенья
Навевают ясны очи...

Январь месяц был тяжелым месяцем для русской литературы. Умер писатель Алексей Феофилактович Писемский⁶⁴⁸. Я встречался с ним у

---

⁶⁴⁷ Цитируется романс А.А. Алябьева (1851) на стихи Н.П. Огарева (1840)

⁶⁴⁸ А.Ф. Писемский умер 21 января 1881 г.

Кублицкого и Андреева⁶⁴⁹, у которого он читал иногда свои произведения. В последний раз я видел Писемского в 1876 году в театре на первом представлении его пьесы «Просвещенное время»⁶⁵⁰. Пьеса принята была довольно сочувственно, и Писемский был в хорошем расположении духа. Его поздравляли. Он кланялся и говорил: «Нехорошо, но правдиво».

28 января умер Федор Богданович Миллер, издатель и редактор журнала «Развлечение»⁶⁵¹. Умер и Ф.М. Достоевский, правдивый писатель, мученик идеи.

Посылал статьи и в «Новое время», и в немецкую газету. Понять не могу, почему это газеты никогда не помещают таких простых статей, как мои.

2 марта во втором часу ночи не успел я затворить дверей за ушедшими гостями, как послышался звонок. Явился бледный Чернцов и сообщил о смерти Государя Императора Александра II. Заплакали оба. На другой день узнали о мученической его кончине⁶⁵². О, Господи, что это за темная сила! Какое название дать этим извергам... Без слез мы не могли читать о последних минутах жизни Государя. И последнее его деяние было сострадание и человеколюбие, — он шел оказать помощь раненому... Город погрузился в траур, лавки закрыты, на улицах тихо. Общее уныние. Принимали присягу. Молились. Собирали на венок Царю-Освободителю. Москва приглашает Государя переселиться из Петербурга в Москву. О, как было бы это хорошо. Я всегда желал этого. Кто знает, может быть, Россия

---

⁶⁴⁹ Кублицкий Михаил Егорович (1821 — 1875) — историк театра, театральный критик; Андреев Василий Николаевич (сценич. фамилия Бурлак; 1843—1888) - актер.

⁶⁵⁰ Премьера комедии Писемского «Просвещенное время» состоялась в Малом театре 30 января 1875г.

⁶⁵¹ Миллер Ф.Б. (1818—1881) — поэт, переводчик, журналист.

⁶⁵² Убийство Александра II по приговору «Народной воли» было совершено взрывом бомбы под императорской каретой на Екатерининском канале в Петербурге 1 марта 1881 г. в 2 часа 15 минут пополудни (организатор — С.Л. Перовская).

зажила бы новой жизнью. На смерть Государя написал стихи и послал в «Новое время»⁶⁵³. Знаю наперед, что не напечатают, но я удовлетворил свою душу, исполнил свой долг. Если и не напечатают, все-таки хоть редакция да будет знать, что чувствуют бывшие крепостные и как чтут память Царя-Освободителя. Что такое я? Маленькая спица. А между тем мне Царь сделал все. Он переродил меня. Я был раб, а теперь свободный гражданин. Какое счастье для человека свобода. А Свободой мы обязаны ему, доброму Государю, так бесчеловечно убитому. Все эти дни мы рассуждали только о том, какие следует принять меры против этих злодеев. Собираем деньги на памятник.

25 мая, по случаю окончания работ, приезжала комиссия, осмотрела здание таможни, осталась довольна постройкой и выразила благодарность И.С. Зиберту. В октябре по вызову Зиберта приехал в Петербург, рассказал ему о покупке мною дома и попросил дать взаймы 3 тысячи рублей. Он дал и послал меня в Новолодожский уезд для осмотра местности и собрания сведений о ценах на материал, необходимый при ремонте Новолодожского канала. Через два дня я уже ехал в Шлиссельбург на пароходе. Я так долго жил среди немцев, латышей и евреев, что мне доставляло большое удовольствие слушать русскую речь, которая ни разу не перебивалась неродным звуком. В Шлиссельбурге нанял лошадей и поехал дальше по плохой санной дороге (снег с песком). На постоянных дворах везде встречал пьяных, шумевших и игравших на гармониях. 23 октября приехал в Новую Ладугу. Город плохой, грязный и неопрятный. Осматривая город, подошел к реке Волхову и зашел в трактир. В одной комнате пьяные и оборванные рабочие пьют водку и ругаются с проститутками, в другой еще хуже, —

---

⁶⁵³ «Новое время» (СПб., 1868—1917) — ежедневная газета.

пьяные и мужчины и женщины валяются по полу. Разузнав о ценах, возвратился в Шлиссельбург и сел на пароход, отходящий в Петербург. Кругом фабрики. Отдельно стоит дом. Я поинтересовался, что это за здание, и мне рассказали, что это дворец времен Павла I. Здесь, говорили мне, было семь дворцов. Однажды, по неизвестной местным жителям причине, Павел I приказал 6 дворцов снести и места, на которых они стояли, заровнять и запахать. Когда ему было доложено об исполнении приказа и добавлено, что седьмой стоит в целости, он изумился и сказал: «А я думал, что там всего шесть. Если седьмой остался, пусть стоит. Приставить к нему часового и вещи беречь». С тех пор дворец стоит неприкосновенно, и в нем, по уверению крестьян, водятся черти.

Возвратившись в Петербург, пошел в театр, в балет. Публика молчаливая, в получерном, лица бледные, серьезные, таинственные. Так и смахивают все на социалистов...

26 октября поехал поклониться праху Царя-мученика в Петропавловскую крепость. Я долго плакал на его могиле. Царь и в крепости. Нет, это невозможно. Мы должны перенести его в будущий храм. Его могила должна быть выделена от гробниц других государей. Петр и Екатерина были велики своими делами, а он был велик своею кротостью и милостью. Это был посланник Божий, вдохнувший новую жизнь в миллионы людей. Нет. Он не должен лежать на острове тихом, за крепкой оградой, Омытый волнами Невы. Он должен покоиться в храме, созданном в его память благодарным и любящим народом.

И тут вокруг святой могилы
Шумят не волны невских вод,

А движутся народны силы,
И русский молится народ...

Грустный возвратился в Либаву. Попал на собрание русских жителей в немецком клубе. Обсуждался вопрос об учреждении русского клуба. Нашли, что необходимо для этой цели собрать семь тысяч. В подписке принял участие и я. Все начальство порта вызвано в Петербург. Вследствие жалоб купцов министерство недовольно тем, что канал (бар) плохо очищается. Либавский порт заносится песком так сильно, что если сегодня какое место будет углублено на два фута, завтра оно опять сровняется. Работам, кроме того, постоянно мешает ветер, дующий вдоль канала. Поэтому в месяц приходится работать не более 8 дней. Об устройстве мола только говорят. Правление Либаво-Роменской железной дороги, на обязанности которого лежит улучшение порта, относится к этому делу халатно, не ставит настоящего агента и в лице главного инженера имеет в то же время и исполнителя работ. Понятно поэтому, как идет дело.

12 февраля директор Либаво-Роменской железной дороги вместе с французскими инженерами осматривал гавань. Кажется, пришли к заключению порт не увеличивать. Следовательно, все работы пропали даром. Машины передаются купцам с тем условием, чтобы они производили очистку порта на свои средства и под своим руководством и наблюдением. Поговаривают, что общество Либаво-Роменской железной дороги берет их себе, на свои надобности и что новое здание таможни будет строиться по ту сторону канала. Именно там и следовало строить здание таможни, потому что теперь подача вагонов к зданию неудобна и для города, и для дороги. У нас все так. Конечно, все это происходит потому, что во всем имеется в виду

лишь одна личная выгода, а не общественная польза, не интересы государства. Все делается и потом переделывается, не достигая цели, ни общегосударственного блага.

В № 58 «Современных известий» напечатали наконец мою корреспонденцию из Либавы о том, что прах государя должен покоиться в новом храме. Напечатали и стихи⁶⁵⁴.

По поручению И.С. Зиберта поселяюсь на работы в Оренбург.

М.Е. Николаев.

Мои воспоминания.

Посвящается моим детям

Бог труды любит

Русская пословица

Есть пословица «От трудов праведных не наживешь палат каменных», т.е. другими словами: честным трудом не разбогатеешь. Эту мысль часто высказывают люди, которые собственно даже не знают, что такое настоящий труд — упорный, настойчивый, разумный, и отвергают успех честного труда, чтобы тем самым оправдать собственный неуспех. За свою долгую жизнь я убедился в другом: праведным честным трудом, при хорошей жизни (аккуратности, бережливости, трезвости) и для себя можно нажить обеспечение, чтобы не только не нуждаться в чужой помощи, но и

---

⁶⁵⁴ См.: Б***. Из Либавы. 23 февраля. Панихида бывших крепостных по Царе-Освободителе. Патриотическое желание // Современные известия. 1882. 28 февраля.

самому быть опорой родных и ближних; и потомство свое, которому ты дал жизнь, наградить и тем избавить от чужой заботы и тяжелой нужды, в которой часто понапрасну теряется много сил; и на доброе дело что-нибудь уделить. Я начинал свою жизнь с твердой верой в святость труда, я верил в то, что Бог труды любит, благословляет трудящихся и помогает им. Как бы труд ни был для меня тяжел, но если я видел, что он кому-нибудь нужен, я никогда его не избегал. Вера в Божью помощь поддерживала меня в те минуты, когда мне приходилось особенно трудно. Честным упорным трудом старался я прожить всю свою жизнь, и Господь благословил меня и наградил больше, чем я стою. На память своим детям я хочу рассказать простую незамысловатую историю своей жизни.

Родился я во Владимирской губернии, в Гороховецком уезде. Есть здесь село Фоминка, которое некогда принадлежало помещице Жеребцовой. Имение это было очень большое, состояло еще из нескольких сел и деревень, крестьян было до пяти тысяч. Еще во второй половине прошлого столетия жил при барском дворе выборный одной из деревень, Моисеевки, некто Лукоян Петров — это был мой прадедушка. В нашей семье о прадедушке сохранилось воспоминание как об очень горячем охотнике. Рассказ о том, как он ходил на медведя, повторялся у нас много раз и был чрезвычайно интересен для меня в детстве.

Вокруг Фоминки лежали вплоть до Мурома огромные леса, куда так и тянуло нашего прадедушку поохотиться. Однажды полесовщик сообщил прадедушке Лукояну, когда он объезжал лес, что в лесу он усмотрел медведя, который, зарывшись в куче травы и хворосту, проживал здесь всю зиму. Охотничье сердце прадедушки разгорелось. Он велел полесовщику следить за медведем. В скором времени, пригласив себе в товарищи одного из моисеевских крестьян и своих двух взрослых сыновей, Павла и Архипа, и

запасшись ружьями, железными рогатинами, лыжами, прадедушка отправился на охоту. Разместились на значительном расстоянии друг от друга. Добрая охотничья собака прадедушки скоро учуяла медведя, полезла прямо в нору и выгнала оттуда разозлившегося зверя. Медведь прямо направился на прадедушку; для настоящего охотника великая радость, если зверь, даже такой, как медведь, идет прямо на него. Прадедушка Лукоян живым манером приготовился к достойной встрече, поспешно снял с ног лыжи, обмял вокруг себя снег, схватил в руки ружье, быстро прицелился и выстрелил. Пуля попала в грудь медведя. Разъяренный зверь встал на задние лапы, взревел и двинулся прямо на охотника, кровь из него лила ручьями, зарядить ружье в другой раз было уже некогда. Тогда прадедушка Лукоян схватил рогатину — стальную, насаженную на трехаршинный шест, — и в то время, когда медведь, рявкая, широко разинул пасть, быстро и ловко всунул ему в горло рогатину, но повалить медведя назад не удалось. Медведь с рогатиной в горле, сам на нее налезая, двинулся вперед, затем так сильно ударил лапой по рогатине, что вышиб ее из рук, и прадедушка, потеряв равновесие, упал вниз лицом прямо под медведя. Медведь, трясаясь и задыхаясь от ран, тем не менее бросился на прадедушку и начал царапать ему когтями спину, но через несколько мгновений околел, упавши на охотника. Другие охотники, услышав выстрел, бросились к тому месту, где стоял прадедушка, но подоспели уже в то время, когда медведь испустил дух. Сыновья прадедушки страшно перепугались, стали кричать, думая, что отец уже мертв. Старший, Павел, прицелился в медведя, полагая, что тот жив, и попал пулей ему в лоб. Но пуля отлетела от Кости, не пробив черепа, и попала в ель, толщиной больше вершка, которую и перешибла пополам. Решившись подойти поближе, сыновья прадедушки увидели, что медведь уже околел, а когда свалили его с прадедушки то оказалось, что прадедушка

только находится в глубоком обмороке. Долго после этого прохворал прадедушка, но все же раны, которые, по обычаю смазывали жиром того же медведя, совершенно зажили, и он прожил ещё немало годов.

Два сына прадедушки, Павел и Архип, поженившись, скоро обзавелись немалым числом детей. А в ту пору с больших семейств брали рекрутскую повинность. Тогда прадедушка, чтобы этого избежать, задумал разделить семью. В село Расстригино, принадлежавшее тем же господам, была у него выдана дочь, у которой детей не было, прадедушка и выделил сына Павла в семью зятя. Дело это было в конце прошлого столетия (1798), имущества Павлу Лукоянычу дано было по крестьянству не очень много, но и не мало. Дали ему две лошади, три коровы, пять овец; затем — ветряную мельницу, сарай и амбар, замечательные тем, что пол, потолок и сусеки в них были сделаны из досок, шириною не менее 16—18 вершков, колотых и тесаных, а не распиленных. Кроме того, дано было ржи 10 четвертей, овса 12 четвертей, пшеницы 5 четвертей, льняного семени 3 четверти.

Переехавши к зятю, Павел Лукояныч лет пять жил очень хорошо. Два мужика работника — он и зять, две женщины работницы, жены их, держали хозяйство в исправности. Но хорошая достаточная жизнь оказалась во вред зятю. Чем далее, тем беззаботнее и нерадивее стал он относиться к своему делу, а затем стал настолько пьянствовать, что в кабаке начал тащить что попало. Началось настоящее разорение. К тому же случился неурожайный год, и хлеб сильно вздорожал. Горюя о своей семье, положение которой становилось все печальнее, Павел Лукояныч собрал сход и попросил дать ему место для постройки отдельного дома. Сход уважил просьбу, и Павел Лукояныч, забрав своих уцелевших еще коров, лошадей, овец и свои постройки, перешел на новое место. Так как год был неурожайный, то хлеба

ему совсем не дали.

Как раз к этому времени подросток у него и второй сын — Николай (старшего звали Егором). По правилам того времени ему приходилось отбывать воинскую повинность или вместо того уплатить 500 рублей. Солдатская служба в то время была, как известно, делом очень трудным, и чтобы избавить сына от нее, решили, несмотря на трудные обстоятельства после раздела и неурожайных годов, продать что только возможно и откупиться от повинности.

Такие обстоятельства привели семью Павла Лукояныча в большую бедность. Заработки на стороне тогда были очень плохие. Избавившись от воинской повинности, сын Николай стал ходить в бурлаках от Самары до Нижнего. Нанимать бурлаков в наше село хозяева судов приезжали сами. Плата за труд была очень дешева. За путину⁶⁵⁵ давали 18 рублей ассигнациями, из них десять рублей задаточные тотчас же отдавались управляющему в оброк, а остальные 8 рублей почти все уходили на харчи бурлаку, путину же из Самары приходилось, если Бог не давал попутного ветра, тащить лямкой недель десять. Таковы-то были тогда заработки. Старший сын Павла Лукояныча Егор с женой жил всегда при отце и занимался земледелием. Первая жена его скоро померла. Тогда новый управляющий, некто Комаров, приказал Егору взять невесту в соседней деревне — Ивачеве. В то время не было обыкновения спрашивать о желании жениха и невесты повенчаться. Указанная Егору невеста Татьяна Федоровна была еще очень молода — пятнадцати лет — и замуж идти ни за что не хотела. Когда приехали за нею в Ивачево, ее так спрятали, что долго не

---

⁶⁵⁵ Путина — ход бурлаков в один конец.

могли найти. Наконец она была найдена на дворе под корзиной, насильно ее увезли в Расстригино и там обвенчали.

Детей у них родилось много, но все вскоре умирали. Это страшно огорчало обоих супругов, и они все молили Бога, чтобы Бог послал им детище и помог его вырастить. Построили даже на свои скудные средства часовню посреди села. И вот явился у них на свет Божий сын Матвей — это был я.

О первых годах моего детства остались у меня самые приятные, самые дорогие воспоминания. Отец и мать горячо любили меня, хотя баловства не допускали. Отец охотно брал меня всюду с собой и любил со мной разговаривать. Совсем еще маленькому он показывал и рассказывал мне, как все делается у нас в крестьянстве. Ему самому нравилось со мной потолковать, а для меня это было лучшее удовольствие. Мать учила меня молиться Богу, приучала ходить в церковь, соблюдать посты. В праздничные дни есть рано не давала, «подожди, когда солнце взойдет на эту дощечку, — говорила она, показывая на половицу в избе, — тогда и можно будет поесть».

Я терпеливо дожидался этого времени, с интересом следя за показанной половицей; так время незаметно проходило, и я не надоедал матери беспрестанными приставаниями. За большие проступки мать строго наказывала. Один такой случай особенно врезался мне в память.

Гуляя часто на улице, я не раз слышал, как взрослые ребята бранятся всевозможными дурными словами. Однажды мать и от меня услышала такие бранные слова. Она сильно рассердилась, схватила меня на улице, растворила дверь в избе, положила мою голову на порог, взяла в руки

косарь⁶⁵⁶ и, замахнувшись им на меня, грозным голосом сказала: «Если ты только еще раз посмеешь ругаться, я на этом самом месте отрублю тебе голову».

Я сильно перепугался и стал молить ее, чтобы она только пустила меня живого, что с этим пор я никогда, никогда не стану больше браниться. С этих пор и по сие время Господь сохранил меня от позорных слов.

Сама мать моя была образцом доброй нравственности, и я не припомню ни одного ее поступка, который бы я мог осудить. Жила она сама в страхе Божиим и тому же старалась научить и меня.

Так счастливо, среди любящих людей, текло мое раннее детство. Но затем многое изменилось.

Помню, было мне лет шесть-семь, пошли у нас неурожай. Не уродились ни рожь, ни лен — ровно ничего. Крестьяне накопили недоимки⁶⁵⁷, а в том числе и мой отец. В это время главным управляющим всего имения был некто Потанин, а старостой в нашем селе Расстригине его двоюродный брат. Человек это был крайне несправедливый, своею властью он часто пользовался во вред другим и при всем том сильно любил выпить. Как-то раз он обратился к моему отцу:

- Не грех бы тебе, говорит, угостить меня — за тобою ведь недоимки много.

На это отец отвечал:

- Рад бы я тебя угостить, Степан Петрович, да денег у меня на это нет.

Были бы деньги, неужели я не отдал бы их в оброк?

---

⁶⁵⁶ Косарь — большой тяжелый нож для щепления лучины, рубки костей, который обычно делался из обрубка косы.

⁶⁵⁷ Недоимки — недобранные, невзысканные повинности крепостного крестьянина помещику в деньгах или припасах.

- Ну ладно, ладно, — сердито ответил ему староста. — Будешь ты меня помнить!

Один раз староста пришел из Фоминки выпивши и призвал к себе в дом отца, а дом был новый, только что отстраивался: в сенях пола не было, а положены были одни переклады, в избу ходили по одной дощечке. Как только отец вошел в избу, староста начал его бранить и укорять за то, что он и недоимки не платит, и его угостить не хочет. Отец, видя, что добра ждать нечего, пошел из дому, а староста кинулся за ним и толкнул его в сенях изо всей силы. Отец так ударился грудью о переклад⁶⁵⁸, что едва мог подняться.

С этой поры он стал сильно кашлять и задыхаться.

Во время болезни отца все наши недостатки все больше и больше исчезали, между тем раздраженье старосты все не проходило. Он нажаловался на отца управляющему, а тот велел высечь отца розгами. Этот позор так сильно подействовал на отца, что он совсем слег в постель и лежал три месяца. Болезненное состояние его стало заметно ухудшаться. Скоро нам стало очевидно, что он не жилец на белом свете. За неделю до смерти он приготовил себя по христианскому обычаю: причастился, пособоровался. Затем перед самой смертью позвал своего младшего брата Николая и стал его просить:

- Братец! не оставь ты моего сына сироту. Воспитай его до совершенного возраста. Вся надежда на Бога да на тебя. Я надеюсь, что ты его не бросишь, и Господь Бог тебе за это поможет.

А потом обратился к нам и сказал:

- Собирайте скорее обедать, а то я вас замну.

---

⁶⁵⁸ То есть о дверную перекладину.

Только что мы пообедали, подошли к нему, как он стал страдать. Собрались соседи, мы все, стоя кругом, плакали, как вдруг отец поднялся, обвел нас всех глазами и сказал, обращаясь к соседям:

- Братцы, милые соседи! Пожалейте вы моих сирот! Жена и сын остаются без всяких средств! Не подуйте на них холодным ветром! Простите меня все Христа ради, и вас Бог простит!

Затем он перекрестился три раза и, сказавши: «Господи благослови!», упал навзничь, стал дышать реже и реже, и чрез минуту его не стало. Упавши с матерью ему на грудь, мы долго без памяти плакали. Остались мы беспомощными сиротами и свое тяжелое горе облегчали только постоянными слезами и горячею молитвою к Богу.

Спустя шесть недель по смерти отца, мать, взявши с собою меня, поехала в Фоминку к управляющему. Войдя в контору, мы оба стали на колени и так дожидались прихода управляющего. Когда явился управляющий, мать упала ему в ноги и начала умолять его, чтобы он не брал за тягло⁶⁵⁹ после отца оброку. Управляющий сжалился над нами и, обратясь ко мне, сказал:

- Слушай, мальчик! за твоим отцом восемьдесят два рубля недоимки. Смотри, как вырастешь, чтобы ты заплатил за него; а покуда пользуйся льготой и оброку за тягло не плати. Поезжайте с Богом домой!

Но недолго мы пользовались дарованной милостью. Тот же староста, который доставил столько огорчений моему отцу и довел его до могилы, и нас не оставил в покое. Он донес управляющему, что будто бы мой дядя может уплатить оброк, и его заставили выплачивать недоимку. Между тем

---

⁶⁵⁹ Тягло — группа трудоспособных людей семьи как единица обложения оброком и барщиной.

при большой бедности дядя, кроме меня с матерью, должен был кормить жену, четырех дочерей, малолетнего сына — всех девять душ.

И в это время опять пошли сильные неурожай. Помню, какую страшную нужду мы терпели.

Раз, вставши утром, мы, дети, по обыкновению сели за стол, чтобы поесть. Сидим и ждем, а ничего не дают. Глядим, а наши матери, стоя у печки, обе горько плачут. А я и говорю им:

- Что же вы нам есть не даете?

- Милые, дать-то нечего — мука вся вышла.

- Неправда, — сказал я, — как вышла? Я пойду погляжу в сусеке.

Прихожу к сусеку, а он совсем пуст, стал я сметать рукою пыль, что осталась на дне, набрал ее две горсти, принес и говорю:

- Вот, испеките нам из этого лепешку.

Собрали остатки толченого семени, смешали с принесенными остатками муки и испекли нам лепешку. Разделили ее на шесть частей детям, и этим мы были сыты весь день.

А так как на следующий день снова приходилось голодать, то дядя решил обратиться к старосте. Но как к нему подойти? Тогда дядя одолжил у соседей косушку водки и с нею отправился к старосте, староста с удовольствием выпил и велел дяде прийти в магазин, где выдал ему две меры ржи⁶⁶⁰ Покуда кое-как перебивались ею. Из Моршанска по реке пригнал крепостной нашей же госпожи Воронов мокшан⁶⁶¹ с хлебом. Воронов был очень добрый человек, и весь свой хлеб раздал нашим

---

⁶⁶⁰ Мера — единица веса в хлебной торговле, равная 24 пудам.

⁶⁶¹ Мокшан — речное судно, вмещающее до 5000 четвертей зерна.

крестьянам в долг. Дядя тоже выпросил у него куль муки, и этою мукою кое-как впроголодь пробивались до новой муки.

На следующий год опять был неурожай — весь хлеб съел червь. Помню, в этот год зимою мы ездили с дядей в лес за дровами. Одежка у меня была так плоха, что, не проехавши и полпути, я стал совсем замерзать. Испуганный дядя Николай начал меня тереть, потом водить, а потом стал бегать со мной, и таким образом едва-едва я согрелся. Обратной дорогой мы все толковали о нашей нужде.

- Вот, Матвей, приходит у нас престольный праздник, — говорил мне дядя, — приедут, наверное, к нам гости, а как нам справить праздник, коли у нас нет ни гроша. Нужно бы купить немного рыбы, четверть меры пшена, десять фунтов гороховой муки, льняного масла два фунта и вина бы надо восьмушечку⁶⁶². Не знаю, как нам Господь поможет.

Только что приехали домой, как входят какие-то проезжие и спрашивают, нельзя ли переночевать. Переночевали, взяли у нас немного овса и сена и за все заплатили 1 рубль 20 копеек на ассигнации. Для всех нас это была большая радость.

- Эх, кабы еще столько, — сказал дядя, — мы бы и отбыли весь праздник.

Дядя опять уехал в лес, а без него пришли к нам еще проезжие и попросили продать овса. Я решился продать без дяди пять мер по двадцать пять копеек. Я все-таки боялся, как бы дядя не рассердился на это, так как и для самих овса было мало, но все очень обрадовались, когда узнали о моей продаже, потому что всем было бы очень грустно совсем оставаться без праздника.

---

⁶⁶² Восьмушка — восьмая доля штофа, стакан (четверть литра).

- Слава тебе, Господи, — сказал дядя. — И мы теперь будем с праздником. Денег теперь нам на все хватит.

К празднику к нам обыкновенно приходил, бывало, дедушка Архип. Придет заранее и наплетет нам новых лаптей, и мы в праздник с гордостью щеголяли в них и больше ими дорожили, чем теперь дорожат сапогами. В роду у нас в это время были только одни сапоги. Их купил еще прадедушка Лукоян, когда жил при барском дворе, и подарил их моему отцу перед женитьбой. Они все время лежали заперты в коробе и были торжественно вручены мне матерью, когда я женился. Впрочем, тогда и везде вообще у нас царствовала простота. Крестьяне все в церковь ходили в лаптях. Даже священники сами себе плели лапти. Однажды бабы, отправившись в лес по грибы, увидели на дороге сапожный след. Этот след всех их страшно перепугал, и они бегом пустились домой. Тогда сапожного следа боялись!

Сидя у нас долгие зимние вечера за плетением лаптей, дедушка Архип все время что-нибудь нам рассказывал, и так как он по наследственности от прадедушки был ретивый охотник, то его рассказы всего больше касались его охотничьих приключений. Особенно помнится мне один его рассказ.

Однажды, идя лесом, он увидел на тропе медвежьи следы. Мысль, как бы изловчиться и полегче овладеть медведем, с этих пор не давала ему покоя. Наконец он придумал. Принес он из дому веревку, потом срубил большую березу, положил ее поперек на толстые сучья большой сосны, привязал к одному концу березы веревку и так натянул ее, что конец березы опустился книзу, как оцеп⁶⁶³ в колодцах. Затем в другой соседней сосне он

---

⁶⁶³ Оцеп — журавль, жердь над колодцем, используемая как рычаг для подъема воды.

провернул дыру, продел сквозь нее веревку, сделал на конец петлю, расположил ее как раз над медвежьей тропой и укрепил ее на кустике так, что если только медведь пройдет по тропе, то непременно должен будет попасть в петлю, причем петля соскочит с кустика, а затем уже береза, как оцеп, потянет ее и притянет медведя к сосне, так что он очутится как бы повешенным.

Спустя несколько времени прибегает в деревню Моисеевку, где жил дедушка Архип, деревенский пастух, который в это время пас в лесу моисеевский скот, и с волнением говорит:

- Архип Лукояныч! Поспешай скорее в лес, в твою петлю попал медведь!

Дедушка торопливо с сыновьями запряг лошадь и покатыл в лес. Лошадь ставили у лесу, а сами побежали по тропе, чтобы скорее полюбоваться на Добычу. Увидавши издали висящую огромную тушу, все радостно закричали:

- Вон он! вон он! Ага! попался-таки!

И что же! Подбегают ближе, а вместо медведя висит в петле их собственная лучшая бурая телка.

- Батюшка, — сказал старший сын, который первый разглядел телку, - кажись, это наша телка.

- А вы, ради Бога, помолчите, — сказал сильно сконфуженный и огорченный дедушка Архип. — Теперь уж нечего делать.

Чтобы никто ничего не узнал, поскорее содрали с телки кожу и увезли ее домой. Но скрыть этого происшествия не удалось; от пастуха скоро узнали всю правду, и долго все в деревне трунили над дедушкой:

- Архип, Архип! Поезжай скорей в лес: не попал ли опять в твою петлю медведь?

Мало того. Эта история разнеслась и далеко кругом, так что мужики соседних деревень стали дразнить уже всех моисеевских мужиков:

-Эй, вы, моисеевские, — говаривали они дедушкиным односельчанам, когда хотели им за что-нибудь досадить, — поезжайте-ка в лес, у вас там медведь попался в петлю.

Любовь к охоте от моих предков перешла и ко мне. Сначала я просто сопровождал в лес дядю Николая, а затем так пристрастился к этому занятию, что в свободные праздничные дни встанешь чуть свет и с наслаждением, перекинувши ружье через плечо, бродишь по лесу. Дичи тогда было много, и домой всегда вернешься с добычей. Мать часто сердилась на меня зато, что я брожу по лесу, вместо того чтобы идти в церковь; но природная склонность одолевала все препятствия. Помню случай, благодаря которому я совсем избавился было от своей страсти. Как-то в один из праздников я ушел в лес с товарищем с двух часов ночи. В это утро мой дядя Николай пошел кормить лошадей и, взглянув на церковь, в которой недавно отошла заутреня, он увидел там огонь. И раньше было два раза, что в запертой церкви ему виделся огонь; и когда он сказал об этом старосте, тот не поверил и даже разворчался.

- Бог знает, что ты выдумываешь! Уж который раз ты видишь огонь. А все ничего не оказывается.

Но не прошло и четверти часа, как огонь выбился из-под крыши. Ударил в набат, дошедший и до нас в лес. Мы живо взобрались на сосну и с ужасом увидели, что горит в нашем селе. Оставивши в лесу ружья, мы, себя не помня, бросились бежать домой. Оказалось, что церковь так быстро охватило огнем, что ее не успели даже отпереть. Немногие иконы, бывшие у двери, успели выхватить, да и то едва не задохлись от дыма. Даже колокола погибли — все расплавились.

Мы все с горечью глядели, как пламя все сильнее и сильнее охватывало нашу родную, существующую почти двести лет, святыню, как прогорела кровля, как повалились в пламя кресты. Вдруг все увидели, как из пламени вылетела точно белая птица и полетела вверх...

— Это благодать Божия улетела на небеса, — сказала стоявшая вся в слезах моя тетка.

Село Бог сохранил. Только во многих домах, даже довольно далеко от церкви стоявших, перелопались стекла в окнах. Этот пожар произвел на меня сильное впечатление. Мне казалось, что будто именно меня Бог наказал им за то, что в праздники я не посещал храма Божьего. Шесть лет после того я вел с собой борьбу и всеми силами старался избегать леса. Но не стерпишь — пойдешь. Когда набродишься до сильной усталости, наголодаешься и назябнешься, то опять заречешься ходить; но как только отдохнешь, забудешь все зарюки и опять неудержимо потянет на охоту. Так дожил я до семнадцати лет. Учиться мне нигде не пришлось. Школ у нас тогда не было. Некоторым из деревенских детей нанимали одного старичка, некоего Димитрия Салынского, которому платили по три рубля в зиму за мальчика. У нас же нечем было заплатить за меня, и я так и остался неграмотным. «Ученому свет, — говорят, — неученому тьма». Часто мне приходилось очень сожалеть о своем недостатке. Часто от этого мне приходилось терпеть большие затруднения, и только вера в то, что Господь и темного не оставляет своей помощью, служила мне поддержкою. «Веруй в Бога, вера твоя спасет тебя». Вера в Бога и надежда на него всегда помогали мне переносить все жизненные невзгоды, выходить из всевозможных затруднений.

Салынский сам был человек малоученый и мог обучить только начальной грамоте. Впрочем, он знал и священную историю и охотно беседовал и с

детьми о Боге, Страшном суде. Рассказывал, как грешники будут мучиться в аду, убеждал не грешить, чаще ходить в церковь. Я любил слушать его Рассказы и наставления и от него немало научился страху Божьему.

Никакому мастерству у нас тоже негде было научиться. Помню, лет десяти я впервые начал зарабатывать деньги. Впрочем, первые деньги, которые стали моею собственностью, были мне подарены. Раз как-то я с целой ватагой наших деревенских мальчигов стоял в базарный день у магазина. Сюда в эти дни мы собирались, чтобы у прохожих и у проезжих с базара выпросить что-нибудь себе. Видим, идет старый дряхлый нищий. От такого ничего не выпросишь. Поэтому ребята начали озорничать и дразнить старика: «Эй ты, Сергей-мощи! Давно тебе пора во щи». Старик ничего не сказал шаловливым детям. Я стоял молча в стороне. Он подошел ко мне, погладил по голове и сказал:

— На, вот тебе, полушку⁶⁶⁴. Береги ее. У Бога нет сирот. Он тебе поможет и ты будешь жить хорошо.

Эта полушка были первые мои собственные деньги. Я с радостью побежал домой, рассказал дяде, как мне досталась полушка, и попросил его спрятать ее, чтобы денежки стали водиться. После этого я вскоре стал зарабатывать деньги своим трудом. Подрядился я у одного крестьянина рубить дрова — по грошу⁶⁶⁵ в день. А было это в апреле месяце, и день был очень долог. Затем в мае месяце я ходил драть корье и за месяц заработал двадцать копеек на ассигнации. Так дешево ценился мой, во всяком случае, нелегкий труд!

С семнадцати лет я стал заниматься тем промыслом, который был почти единственным в наших местах. Жили мы поблизости многих рек —

---

⁶⁶⁴ Полушка — медная монета в четверть копейки.

⁶⁶⁵ Грош — медная монета в полкопейки.

Волги. Оки, Клязьмы, Мокши, Цны, которые то долгое, то короткое время в году судоходны, и потому взрослый народ наших деревень уходил в бурлаки, тянуть суда лямкой или тащить их лошадьми. Наиболее трудная работа была бурлацкая. Я был очень мал ростом и слаб силами, и тянуть лямку меня не брали, а потому я сделался коноводом, т.е. погонщиком лошадей, которые тащили барку. Большею частью мне приходилось быть шишководом, т.е. погонщиком передней лошади. Хотя это дело и легче, чем тянуть лямку, но и оно было далеко не из легких. Вставать нужно было с четырех часов утра и без отдыха, часто без обеда, работать до десяти часов вечера. Нестерпимо захочется поесть, — сбросят тебе с барки кусок хлеба, обмакнешь его в воду, наскоро проглотишь, и то еще слава Богу. Пища рабочему люду полагалась самая простая: сварят жидкую кашу, сольют с нее воду на искрошенный хлеб и получают два кушанья — тюря и каша, из которых и состоит весь обед. Бурлакам, впрочем, выдавалась пред обедом порция водки. Вести шишку хотя и было сравнительно полегче, но приходилось часто терпеть немало неприятностей. Закричат с барки: «Стоять!» Не расслышишь за ветром, и сильно отругают, а то и за волосы оттакают и избьют. А заработок в неделю был два рубля на ассигнации!

Но, несмотря на трудность работы и на незначительность заработка, мы все благодарили Бога, что он посылает нам хоть такую работу, так как, благодаря этому заработку, который я весь, за исключением траты на еду, на обратном с промысла пути отдавал дяде, при нашей крайне аккуратной жизни, мы понемножку и старые недоимки заплатили, и даже накопили семьдесят рублей. Тогда старушка мать моя стала просить дядю, чтобы меня женили. В нашем селе было много невест, но, когда стали сватать, ни одна не соглашалась идти. У всех был один ответ:

- Он беден, собою мал и тощ, и жену ему не прокормить.

Затем объехали еще двадцать деревень, и так как, как говорится, слухом земля полнится, там тоже знали, что я слабосилен, и ни одна из невест и там не пошла за меня. Тогда пришел мой крестный и говорит дяде:

- Николай Павлович! Крестника надо бы женить.

Дядя мой, уже отчаявшийся найти мне невесту, отвечал:

- Да многих уж сватали, а до суженой все не доехали.

Крестный предложил поехать в село Реброво к его родственникам и уверил нас, что его послушают и отдадут невесту за меня. Так и вышло. Невесте на стол мы дали семнадцать рублей на ассигнации. По обычаю того времени мы не видали друг друга до тех пор, пока нас не привезли в церковь. Церкви в нашем селе в то время еще не было, и наше Расстригино даже было уже переименовано в деревню⁶⁶⁶, а потому венчали нас в кладбищенской церкви. К слову скажу, что все-таки с течением времени наш новый владелец, князь Орлов, выстроил в Расстригине новую каменную двухэтажную церковь, наложивши для этой цели на каждое тягло по три рубля.

Женившись, я продолжал заниматься тем же промыслом. Помню, как грустно мне было один раз вскоре после женитьбы (мне уже было лет двадцать), когда меня не взяли вести мокшан по Клязьме, потому что я был мал ростом, и я должен был вернуться домой ни с чем!

На следующем году я был счастливее: мой двоюродный брат, который был лоцманом на одном из мокшанов, взял меня к себе в бурлаки. Шло разом пять мокшанов, и все торопились раньше друг перед другом попасть на Холуйскую пристань. Хозяин нашего мокшана был молодой и задорный. Чтобы подзадорить нас работать усерднее, он выставит ведро

---

⁶⁶⁶ Селом называли крестьянское селение с церковью.

водки — пей каждый, сколько хочешь! Помня частые наставления матери, которая неоднократно предостерегала меня от употребления этого пагубного напитка, я не хотел даже пробовать ее. Но все кругом стали меня поддразнивать:

- Что ты как плохо работаешь! А все оттого, что не хочешь выпить. Выпей — и силы прибавится, и веселее станешь.

Я взял стакан и решительно хлебнул. Весь рот у меня обожгло, как огнем, и в горле запершило; я выплюнул поскорее водку и с той поры никогда ее больше не пробовал.

Вскоре после этого я надумал решиться взяться самому вести барку. А лошадь у меня была только одна. Тогда я, пригласивши себе в компанию товарища, нанял работников с лошадьми и взялся провести барку от Нижнего до Владимира. Барку мы провели благополучно. Таким образом я стал теперь уже подрядчиком и с первого же раза убедился, что мне это по силам. Тогда я стал прикупать и своих лошадей и принимать и работников с лошадьми. А тем временем в помощь мне вырос сын дяди, мой двоюродный брат который стал ходить у меня в коноводах и водить шишку. Дела наши тогда наладились прекрасно. При хорошем заработке на стороне и земледелие у дяди пошло лучше. Кроме своей земли, дядя еще обрабатывал нанятую, хорошо ее удобрял, и у него прекрасно родился и хлеб, и лен, и все прочее. Все пошло — слава Богу.

Но за радостью и счастьем часто следует и горе. Мать моя, которой было около шестидесяти лет, стала с этого времени прихварывать все больше и больше и наконец вовсе слегла. Видя свою близкую кончину, она благословила меня иконой и сказала: «Молись Богу, поминай родителей, а паче всего — живи честно. Не пей чаю и кофею, не ешь картофелю, не кури

табаку, пуще же всего — не пей водки⁶⁶⁷. А если не сохранишь эту мою заповедь, не будет на тебе моего благословения».

Чрез два года после смерти матери нас отпустили на волю. И у нас, как и во многих местах, это дело обошлось не без волнений. Надо сказать, что все господа, которые владели нами, были очень хорошие люди: крестьян не отягощали ни оброками, ни барщиною; а потому крестьянам жилось хорошо. Еще несколько ранее господа предложили нам купить у них лесу по очень дешевой цене, чтобы построить себе хорошие дома. За десятину леса взяли с нас семьдесят рублей, и из десятины выстроили по четыре дома. Обстроились прекрасно, и вышло почти задаром. Когда пошли слухи о предстоящей воле, управляющий, зная наши хорошие отношения к владельцу, посоветовал нам относительно надела войти в соглашение с ним. — Князь наградит вас, и вы век будете счастливы, — уговаривал он нас.

Вотчину нашу разделили на пять волостей. Наша волость и желала бы войти в соглашение с князем, но старосты остальных волостей отговаривали, уверяя, что и без всяких обстоятельств все будет принадлежать крестьянам. Волнения и несогласия наши продолжались три года. Три года мы не делали никаких взносов, и тогда из Владимира пригнали команду солдат. Главным возмутителем был староста села Реброва, — в этой деревне солдаты и остановились. Со всей вотчины собраны были все домохозяева, и в их присутствии по одному были наказаны розгами пять главных смутьянов. На всех прочих это так сильно подействовало, что немедленно водворилось согласие и спокойствие.

---

⁶⁶⁷ Перечислены запреты, соблюдаемые старообрядцами.

Около этого времени пошли слухи, что вскоре будет строиться дорога от Москвы через Владимир и до Нижнего. В самом деле скоро на барках стали возить рельсы и всякий материал, нужный для постройки дороги. Я принялся нанимать работников с лошадьми и, пользуясь тем, что работы можно было достать вдоволь, работал изо всех сил.

Тут случилось было мне между прочим взять одно очень подходящее дело. Для железнодорожного моста, который строили через Клязьму, нужно было из Коврова возить на барках камень к Боголюбову, чтобы засыпать в воде котловины. Я охотно взял этот подряд и начал водить барки с камнем. Когда пришли барки к месту выгрузки, то камень был выгружен без выкладки. Инженер, который в Коврове отпускал камень, узнав, что его выгружают без меры, приписал на другую барку лишних пять кубов, а на третью уже десять, и с меня за это стал требовать на чай по пяти рублей с барки. Пять рублей я отдал, но, видя, что тут дело несправедливое, я не мог продолжать здесь работать, так как меня все мучила совесть, и я отказался от подряда. Вместо меня подрядились мои два бывшие работника. Проработавши лето, они осенью по приезде домой разделили заработок, и оказалось, что каждому пришлось по полторы тысячи рублей. Все село им завидовало, и все говорили:

— Вот умные люди! Из ничего сделались богачами!

А я на это говорил: «Неправильно у них это нажито, — как пришло, так и уйдет».

Так и вышло. С небольшим в год прожили они свои денежки, и ничего у них и в помине не осталось. А для меня дело нашлось. Бог послал мне и честную, и выгодную работу.

Известная фабрика бр[атьев] Морозовых⁶⁶⁸ нуждалась для провоза своих товаров в большом количестве барок. Подрядчиком по этому делу состоял у Морозовых некто Шерстнев, который перевозил фабричный товар и на своих барках, и на фабричных (конторских), ему сдававшихся для этой цели. Вот на этого подрядчика Шерстнева я и стал работать. Сначала я у него надзирал за лошадьми, водил его барки и проч. Но, прослуживши некоторое время, я увидел, что я не хуже его понимаю дело и что я так же, как и он, мог бы работать от самих Морозовых. Фабричные служащие, все благоприятели Шерстнева, узнавши от меня о моем желании, стали уверять меня, что добиться мне работы от Морозовых очень трудно, так как конторские барки все сданы Шерстневу, а своих у меня нет. Тогда я решился купить две свои барки. Денег у меня было еще очень мало, так что я мог купить только подержанные две барки за триста рублей.

Сделавшись владельцем барок, я явился к управляющему и стал просить для себя работы от фабрики; но управляющий мне решительно ответил, что работы мне не будет, так как вся она сдана Шерстневу. Опечалился я несказанно. «Купил, — думаю я, — барки, истратил деньги, а работы не дают, да и Шерстнев теперь не даст, потому что наверное рассердился на меня, что я сам хотел работать от Морозовых». Стою я у ворот повеся голову и не знаю, что делать. Вдруг, гляжу, идет хозяин, Давид Абрамович Морозов⁶⁶⁹, с управляющим.

— Это что за человек? — спросил Давид Абрамович.

---

⁶⁶⁸ Морозовы — русские текстильные фабриканты. Родоначальник династии — Савва Васильевич (1770—1860) — организовал в селе Зуево Московской губернии шелкоткацкую фабрику; во второй половине XIX в. им были основаны еще четыре хлопчатобумажные фабрики.

⁶⁶⁹ Морозов Д.А. (1843—1893).

— Да это новый барочник, — ответил управляющий. — Работал он у ерстнева, а теперь просит работы от конторы.

— А как он, исправный и трезвый человек?

Управляющий не мог меня похулить, и тогда хозяин приказал дать мне работу.

Тут я осмелился вставить свое слово: «У лесоторговца Арзамасова, — говорю, — на пристани есть много дров, ему охота их продать; поэтому выгодно можно купить их».

Хозяин тотчас приказал купить дрова, а мне поручил их перевозку. С этой поры я стал работать от самих Морозовых. Через год мне уже доверили вести барку товара в ярмарку; в следующем году сдали мне треть всей работы, а затем половину, и конторские барки разделили нам с Шерстневым пополам.

Между тем Шерстнев, уверенный в том, что все за него, стал относиться к делу (что мною давно уже было замечено) все небрежнее; благодаря же недостатку присмотра с его стороны, у него стал пропадать товар. Он и его сын оба пили и, разумеется, не могли исполнять аккуратно и добросовестно своих обязанностей. В 1874 году я не решился работать у Морозовых вместе с Шерстневым. Я опасался и, как оказалось не без основания, что, работая в компании с ним, при его невнимательности, я могу попасть в какую-нибудь неприятную историю. К тому же человек он был мстительный и все еще косился на меня за то, что я стал работать от Морозовых, и мог, чтобы оконфузить меня перед хозяевами, «сбить» меня, т.е. сделать мне какую-нибудь каверзу, неприятность. Один раз это уж и случилось. На барки с товаром от Морозовых присылались артельщики. Все они были приятели Шерстнева, так или иначе им задобренные, — и как-то раз по моей барке в дождь оказался раскрытым товар. В этом деле я мог подозревать только артельщиков, которые по просьбе Шерстнева хотели

подвести меня под ответственность. Чтобы избежать вперед таких неприятных случайностей, которые могли бы запятнать мою репутацию, я отказался от перевозки товара и взял только дрова. На остальных же барках возил глину купцов Кузнецова и Костина.

Но отказ от работы у Морозовых меня очень огорчал. Я видел, что Шерстнев работает все хуже и хуже (у него опять случались пропажи). Тогда в следующем году я снова поехал в морозовскую контору. В это время Морозовы разделились: Давид Абрамович стал управлять Тверской мануфактурой, а Тимофей Саввич — Ореховской. Придя в контору, я спросил у управляющего, будет ли мне дело? Он ответил: «А вот я узнаю, как вы работали в последнее время, и вечером вам скажу».

Вечером он предложил мне взять работу пополам с Шерстневым и тут же спросил, как моя фамилия. Фамилии у меня до сих пор не было, и я так сказал: Николаев, и с той поры стал прозываться Николаевым. В конторе же меня научили писать свое имя и фамилию. Приказчики, привыкшие держать руку Шерстнева, стали говорить управляющему, что работу непременно следует отдать Шерстневу, потому что он уже давно работает.

— Эх, — сказал я с огорчением, — за Шерстнева все стоят, а у меня нет защитников, потому что сухая ложка рот дерет.

Затем объявил управляющему, что не могу брать работу пополам, потому что меня как-нибудь подведут и выйдет только один грех. Пускай уж берет один Шерстнев. Управляющий мне ответил, что Шерстневу всей работы отдать не может, потому что он человек нетрезвый и чем дальше, тем все хуже следит за делом. Когда управляющий ушел в кабинет, я решился войти за ним и говорю:

— Михаил Иванович, отдайте мне всю работу.

— Да справишься ли ты?

— Господь поможет мне. Я всегда в трезвом виде и сам нахожусь при деле.

— Ну ладно, приходи завтра утром. Там увидим.

Утром я пришел очень рано и дожидался у ворот. Пришел управляющий и велел бухгалтеру писать условие — работа вся отдавалась мне. Когда у нас уже все дело было кончено, пришел и Шерстнев. Приказчики, видя его неуспех, стали над ним подшучивать:

— Ты, знать, Шерстнев, проспал, а работу тем временем отдали Николаеву.

Тогда дела у меня закипели. Я прикупал все более и более барок, нанял сто лошадей да купил своих десять. Морозовы были мною довольны и доверяли мне весь товар, который отправляли на ярмарку. В этом году чистого барыша у меня осталось шесть тысяч рублей.

Таким образом семейство наше из бедного постепенно стало богатым. Все свои заработки я по-прежнему отдавал дяде. Между прочим, он придумал было еще новое занятие — открыть винную лавку. Но это дело нам не понравилось. Пьяные крики, гам, брань, всякое безобразие так стали нам противны, что с общего согласия лавка была закрыта.

Около этого времени случилось важное в крестьянской семье событие - мы разделились с братом. Случилось это так. У брата неожиданно умерла жена, оставивши ему двоих детей. Брат вскоре снова надумал жениться и, ничего никому не сказавши, стал сватать понравившуюся ему девушку. Но она решительно ему ответила, что ни за что не пойдет за него, если он не разделится со мной, так как у меня очень велика семья, — у меня к тому времени было три сына и три дочери. Брат стал говорить об этом отцу, а дядя Николай мне.

— Матвей, пока я жив, разделитесь вы с братом.

— Дядюшка, — сказал я, — если тебе со мною жить неуютно, то дели нас, как хочешь.

— Нет, Матвей, — сказал дядя, — ты лучше знаешь. Разложи все пополам и кинь жребий.

Всю ночь после этого разговора мне не спалось, и я все думал, как лучше и справедливее нам разделиться, и надумал так: дом, двор, амбар, три сарая, овин, мельницу и пять тысяч рублей положить в одну часть, а в другую — бывшие у нас девятнадцать барок, один мокшан и те деньги, которые еще останутся. Хлеб, лошадей, коров и овец пополам. Наутро я предложил дяде взять любую часть. Они с братом ушли в горницу посоветоваться и выбрали первую часть.

— Тебе барки больше к рукам, — сказал дядя, — ты и дело это знаешь, и хозяев знаешь — бери их себе.

Я на все был согласен и только просил позволения пожить в доме, покуда не выстроюсь.

Односельчане мои очень осуждали меня за то, что я так разделился. Как это ты остался и без денег, и без дому, и без строений? Напрасно ты так согласился. Но я отвечал, что надеюсь на Господа, как он устроит.

Понемногу я принялся заготавливать материал для дома. А денег у меня теперь было всего восемьсот рублей. Для постройки и для оборота в моих делах это была очень ничтожная сумма. Тогда надумал я весной съездить в Моршу и нагрузить там на свой мокшан хлеба для продажи, чтобы этим хоть что-нибудь покуда заработать. Но опять-таки моих денег было слишком мало, чтобы за это взяться. Пока я думал-раздумывал, как мне обернуться, является ко мне, еще задолго до начала весны, один мой знакомый.

— Я слышал, — говорит, — что ты хочешь ехать в Моршу (Моршанск).

— Хотеть-то хочу, — отвечаю, — да денег нет — нечем взяться.

— Полно, не нуждайся, — сказал он мне, — на пятьсот рублей. За тобой не пропадет.

А потом я заехал к Морозовым, и они дали мне две тысячи рублей под работу, да управляющий одолжил две с половиной тысячи. Я съездил в Моршу, купил очень удачно хлеба, нагрузил им половину мокшана, а другую половину — чужою поставкою. Хлеб продал с пользой. Благодаря этому обороту и дом выстроил, и с долгами расплатился.

На Морозовых я продолжал по-прежнему работать, и чрез два года после раздела у меня был уже свой приличный капитал. Не забывай Бога, трудись, и Бог не оставит тебя своею милостью!

Немало пришлось мне в жизни своей вынести и испытаний, которые Господь посылает нам наравне со своими милостями.

Так, в 1881 году зима началась 3-го октября. Я нагрузил из Нижнего двадцать барок, и все они замерзли в дороге. Товар пришлось доставлять лошадьми на свой счет. И хотя это было большое и очень хлопотливое дело, но пользы не было. В следующем году меня постигло новое огорчение — выбрали меня в волостные старшины⁶⁷⁰. Подавал я прошение, прося освободить меня от этой должности, так как я много лет работаю у Морозовых; но получил ответ, что можно освободиться только в том случае, если имеешь казенный подряд. И должен я был прослужить три года.

---

⁶⁷⁰ Волостной старшина — главный начальник из крестьян в пределах волости; согласно высочайше утвержденному в 1866 г. положению о волостном управлении это управление составляли: сход, волостной старшина и волостной крестьянский суд.

Поставленный мною над всеми моими делами сын мой не мог, по молодости своей, справиться с ними. По своей неграмотности учесть дела я не мог, а отпускали меня самого только на короткий срок в Нижегородскую ярмарку. В этом же году случился неурожай; овес и харчи были очень дороги. Коноводы все просили денег вперед и забрали до шести тысяч рублей. К тому же реки опять замерзли очень рано, и в пути осталось двадцать две барки. И раньше, и позже немало несчастий и огорчений пришлось мне претерпеть. Несколько раз случаются крупные пожары, а больше того было несчастий с судами. Стою я в одно Лето в Церкви в Орехове, — вдруг подают телеграмму, что мой мокшан сел на мель. Перегрузить и стащить его стоило очень дорого. В другой раз затонул пароход: река пробила новое русло, а лоцман был неопытный и налетел на подводный огромный пень. Убытки опять были большие. Но всегда я старался не падать духом. Все нужно переносить без ропота и благодарить Бога нашего ничего нет — все Божье; Бог дает, Бог и отнять может. Писано бо есть: «Сегодня богат, заутро убог». Старался я жить с покорностью воле Божией, не унывать, а молитвою и трудом снискивать себе Божию помощь.

Проработавши Морозову около пятнадцати лет, я, как-то раз явившись в контору для расчета, узнал, что хозяин Тимофей Саввич приехал на фабрику и дает всем служащим награду.

Я решился войти в кабинет хозяина.

— Тебе чего? — спросил он меня.

— Тимофей Саввич, — сказал я ему, — вы всем даете награду.

— А разве и тебе хочется награды? Тебе награды не полагается — ты подрядчик.

— Как же это, Тимофей Саввич? Всем вы дали награду — и служащим, и десятникам; а мне вы вверяете товару слишком на миллион, и я его сохраняю, поэтому и желаю получить от вас награду, — хоть бы пять копеек, чтобы я знал, что получил награду.

Тимофей Саввич усмехнулся и говорит:

— Разве дать сот пяток?

— Не пятьсот — хоть пятачок, да только бы была награда.

— Ну, хорошо, шестьсот будет с тебя.

Взял лоскуток бумаги и написал синим карандашом: «Выдать шестьсот рублей» — и отдал мне.

Служащие очень удивлялись, что мне, не служащему, была выдана такая награда. Когда я вернулся в кабинет благодарить Тимофея Саввича, он сказал мне:

— За то тебе награда, что ты человек трезвый и верный. Наживай деньги, покуда я жив, а помру, может все перемениться.

Так и вышло. Пока он был жив, много у них было мне работы. После его смерти товар стали отправлять по железной дороге.

Умер Тимофей Саввич в Ливадии, а хоронить его привезли в Москву. Я ездил отдать ему последний долг и видел его пышные похороны. На гробе лежало более ста венков.

С проведением железных дорог на барках дел становилось все меньше и меньше. Тогда мне пришлось купить по случаю три старых парохода за восемнадцать тысяч рублей, а вслед за тем я решился выстроить свой новый пароход. Мои пароходы стали ходить по Клязьме, а так как до сих пор на Клязьме пароходов не было, то дело наше наладилось было очень хорошо. И пассажиров, и товара для перевозки было очень много. Но как-то

на нашем пароходе проезжал нижегородский купец Щербаков. Наш пароходный капитан рассказал ему, что наше дело золотое дно и что стоит только выстроить большие мелководные пароходы, и деньги можно будет загребать лопатой.

Щербаков вскоре же построил три парохода и переманил к себе нашего капитана. Началась между нами конкуренция. Товар стали возить за полцены, а пассажиров чуть не даром — только иди да садись.

Вся команда новых пароходов стала насмехаться над нами.

— Эй, Николаев, причаливай свои пароходы к берегу. Будет им работать — наработались.

Их пароходы были действительно сильнее и удобнее наших. Перегоняя наши пароходы, они всегда кричали нам:

— Где вам за нами гнаться? Разве вы не видите, что мы куда сильнее вас!

Один раз я сказал капитану:

— Напрасно вы хвалитесь. Наполеон, например, тоже хвалился своей силой и думал, что сильнее его только Бог на небеси, а как попал в Москву, и пришлось идти назад по дороге, которую он же опустошил, то сам едва живым остался. Так и вы, думаете взять верх, а можете ошибиться. Все дело Божье. Кто надеется на Бога, тот да не погибнет. Может, Господь нам поможет.

Три года продолжалась между нами конкуренция, и оба мы потерпели убытку тысяч по тридцати. Наконец мне удалось объяснить Щербакову, что дела его идут гораздо хуже, чем он думает, и что служащие ведут его к разорению. Тогда только Щербаков согласился упорядочить наше дело. Мы установили расписание, по которому наши пароходы

должны были ходить поочередно. Наконец у нас установился должный порядок.

На своих пароходах я поручил надзор своим трем сыновьям: старшего сделал управляющим, второго — кассиром, а третьего поставил вести книги.

Все, казалось, теперь обстояло отлично. Но враг-диавол, который постоянно строит людям свои козни, посеял вражду в моем семействе.

Как-то раз во время разгара пароходного дела — я был дома — приезжает вдруг домой мой старший сын. Я удивился и спросил его, для чего он приехал. Он три дня молчал, а потом и говорит:

— Отделите меня, батюшка.

Услыхавши это, я и мать заплакали. А он сказал:

— Если не хотите ничем наградить, то только благословите, я и так уйду а если не благословите, то жизнь свою решу.

- Чем жизнь свою тебе решать, — сказали мы с матерью, — то лучше мы тебя наградим и отпустим с Богом.

Мы наградили его, давши ему из нашего имущества то, что он указал, и кроме того три барки, лавку с товаром и уступили ему самую выгодную поставку.

Потом, как ни горько было отпускать его от себя, благословили его на новую жизнь, причем я сказал ему:

— Живи по правде. Будь трезв. Служащих не обижай. Если же будешь заниматься дурными делами и пьянствовать, не послушаешься родительского приказа — промотаешься, тогда на меня не рассчитывай, я тебе не помощник. Если же будешь вести себя хорошо и заботиться о деле, то я тебя не оставлю, и Бог тебя благословит. Иди, живи с миром.

Дела мои и после этого раздела, благодарение Богу, шли по-прежнему. Из достатков своих я мог уделить кое-что и на доброе дело. Раз как-то, еще очень давно, наш батюшка сказал мне, когда я ехал в Нижний:

— Надо бы, Матвей Егорыч, поусердствовать что-нибудь для церкви Божией.

Я купил сначала Евангелие, а затем у меня вошло в обычай уделять постоянно что-либо на нужды храма Божьего. Бог помог мне построить придел в нашей церкви, купить колокола и вообще своей посильной лептой постоянно поддерживать благолепие его.

Не могу умолчать в своих воспоминаниях о происшествии, которое случилось однажды со мною и которое укрепило меня, впавшего было в разные сомнения, в православной вере христианской. Мать моя, происходя из раскольничьей деревни, под старость стала придерживаться раскола. Большое влияние еще оказал на нее бывший у нас во время крепостного права управляющий Комаров, который усердно соврашал всех в вотчине в раскол и покровительствовал тем, которые отказывались от православной церкви. Меня мать моя не отвлекала от православия, а, напротив, всегда настаивала, чтобы я посещал храм Божий. Помню в детстве несколько случаев, которые даже восстановили меня против раскола.

Священник у нас был тогда добрый и простой, но имел тот недостаток, что любил выпить. Он очень старательно убеждал старообрядцев посещать церковь, но они отказывались, говоря, что в православной церкви нет благодати, и не внимали его увещаниям.

Один раз в соседней деревне раскольник-пчеловод, у которого было до ста ульев, стал весной кормить пчел. Наложил он из кадки меду в

корытца — не едят пчелы. Пошел поглядеть в кадушку — что такое? А в кадке мышь. Как он ни бился с пчелами — не едят меду. Тогда позвали раскольничьего наставника читать над медом молитвы — пчелы все не едят меду. Как раз случился в деревне наш батюшка. Он пришел к раскольнику и говорит: «Пойдем-ка, Тимофей, на пчельник. Я прочту над медом молитву и окроплю все святою водою. А потом и сами меду отведаем, и пчелы будут есть». Раскольник согласился. Прочитавши молитву и покротивши водою пчельник, священник сам поел меду и уехал домой. Пчелы вскоре же стали есть мед. Этот случай подействовал на пчеловода, и он с этих пор всегда с уважением принимал нашего батюшку.

Из этого случая я понял, что благодать Божия от священника не отнята, хотя бы он и имел человеческие недостатки.

В другой раз напало на наше и соседние поля несметное количество червей. Народ очень опечалился. Обратились тотчас же к священнику, прося помолиться. Помню в молитве батюшка читал: «Господи, пошли птиц собрать насекомых». Не прошло и двух часов после молебна, как на наши поля налетело множество птиц, точно облако, и к вечеру все черви были ими уничтожены.

Эти наглядные случаи были для меня в молодости убедительнее всех раскольничьих рассуждений, и я неизменно оставался верным православной Церкви.

Но когда я стал работать на фабрике у Морозовых, тут все чаще и чаще приходилось мне сталкиваться с раскольниками и часто против желания вступать с ними в споры. Они стали убеждать меня не посещать церкви, так как там молятся тремя перстами, священники сребролюбцы, бреют усы, курят табак, пьют водку, следовательно, на них не может быть благодати Божией и от них нельзя принимать св. Тайн.

Тогда я поехал в Москву и накупил разных книг: книгу о вере, Златоуст⁶⁷¹, книгу Ефрема Сирина⁶⁷², большой и малый катехизис⁶⁷³ и еще несколько древних книг Иосифовской печати⁶⁷⁴. Все эти книги я давал читать моим сыновьям и знакомым. Из этих книг я понял, что все нападки раскольников ложны. Как-то раз я разговорился об этом с нашим батюшкой. Он сказал мне между прочим:

— Если ты хочешь убедиться окончательно, насколько несправедливы толки раскольников о мощах, о трехперстном сложении, то съезди в Киев и попроси открыть тебе мощи, — там есть святые с трехперстным сложением

Спустя некоторое время я отправился в Киев вместе с женой. Остановился в гостинице Киево-Печерской лавры. Обошли все святые места, побывали и в пещерах. Я стал просить монахов открыть для меня мощи. Некоторые старцы начали меня уговаривать:

— Вас здесь каждый год бывает несколько тысяч. Возможно ли для всякого тревожить святые мощи?

Но я сказал, что нарочно затем ехал издалека, что в нашей губернии много раскольников, которые вводят в большое сомнение, говоря, что мощей нет, что все они поддельные, и что я только затем и приехал, чтобы

---

⁶⁷¹ Златоуст — наиболее распространенный в Древней Руси сборник текстов нравоучительного содержания, названный так, поскольку основу его составляли проповеди византийского церковного деятеля Иоанна Златоуста (между 344 и 354 — 407).

⁶⁷² Ефрем Сирий (IV в.) — один из учителей церкви.

⁶⁷³ Катехизис — учебное руководство, популярно излагающее учение христианской церкви.

⁶⁷⁴ Иосиф — пятый патриарх Московский и всея Руси (с 1642 по 1652). В истории православной церкви известен изданием «поучений» к русской иерархии и духовенству и печатанием церковно-богослужебных и церковно-учительных книг (38 названий). В нескольких из них отражены раскольнические мнения о двуперстии крестного знамения, о «сугубой» аллилуйи и т.д.

удовлетвориться.

Иеромонах сказал мне:

— Веруй, не сомневайся.

Но я отвечал, что живу шестой день и без того не уеду, пока не увижу открытых мощей. Доложили игумену. Мощи приказано было открыть. Меня предупредили, что на другой день после ранней обедни мое желание будет исполнено. Ночью во сне моей жене явился старец с белыми волосами и бородою и сказал ей:

— Зачем вы сюда приехали? Испытываете, точно евреи неверные!

Господь накажет за неверие!

И скрылся.

Утром в церкви ко мне подошел монах:

— Ты, что ли, владимирский?

— Я.

— Ты один?

— Нет, с женой.

— Ну, идите за мной оба.

Повел он нас под собор. Лампады там ярко горели. Отперев раку⁶⁷⁵ одного из угодников, монах помолился и стал поднимать одну за другою пелены, и, когда он поднял последнюю, я вдруг окаменел, — стал недвижим, глаза закрылись, и дыхание замерло. Тогда жена моя и монах пали на колени и со слезами стали молиться Богу.

Монах сказал жене:

— Вот за неверие ваше вас постигла кара Божия.

---

⁶⁷⁵ Рака — в христианской церкви гробница, в которой хранят мощи святых.

Состояние окаменения продолжалось со мною немало времени. Наконец заметили, что я пошевелился. Монах подошел ко мне. Тут я открыл глаза. Он велел мне перекреститься, и я наконец очнулся совсем. Потом я приложился к святому. Я видел, что руки у него сложены на груди крестообразно, пальцы показались мне мягкими, как у спящего человека. Лица же я не видел — не мог поворотить глаз. Жена, видевшая лицо святого, говорит, что в нем узнала именно того старца, который являлся ей в ночи.

— Должно быть, по чьим-нибудь молитвам Бог тебя помиловал, — сказал мне монах. — Иди с Богом, веруй, и вера твоя спасет тебя.

Чрез двенадцать лет я снова приехал в Киево-Печерскую лавру. По пещерам с нами ходило много народу. Выйдя из пещер, сели на лавочку и стали рассказывать, кто откуда приехал. Были здесь и из Оренбурга, и из Перми, и из Сибири. Один из богомольцев стал рассказывать, что ему передавали старцы, как здесь двенадцать лет назад случилось чудо: один владимирец настоятельно требовал, чтобы ему открыли мощи, и когда сделали по его желанию, то он пришел в состояние окаменения и долго так оставался, пока наконец после молитвы иеромонаха и жены своей пришел в чувство.

— Все это верно, друзья мои, — сказал я. — Все это было двенадцать лет назад со мною.

Все слушавшие были поражены рассказом, и многие прослезились. Всякие раскольничьи увещания и разговоры я слушать перестал, и никакие религиозные сомнения меня уже больше не смущают. Я кончил. Жизнь моя, можно сказать, прожита. На склоне лет своих я ежечасно благодарю Господа Бога за то, что он вложил в меня любовь к труду и дал мне возможность еще в детстве научиться бояться Бога, верить в него и надеяться на него.

Н.И. Заборский.

Летопись села Зачачье

От редакции:

Печатается впервые по рукописи: ИМЛИ. Древлехранилище им. В.И. Малышева. Северо-Двинское собрание. № 907.

Рукопись составлена Николаем Ивановичем Заборским (1887—1953), крестьянином села Зачачье, Холмогорского уезду Архангельской губернии (ныне Емецкий Район Архангельской обл.). См. о нем: Гунн Г. Две реки — два рассказа. М., 1976. С. 71—72. Повествование Г.П. Гунькина (Г. Гунн — один из его литературных псевдонимов) о посещении Н.И. Заборского относится к 1951 г.; он же четверть века спустя получил от сына Н.И. Заборского «конторскую книгу», случайно оставшуюся в доме после распродажи всей библиотеки (Там же. С. 77—78). Впоследствии Г.П. Гунькин передал эту, никак не озаглавленную автором, рукопись в Древлехранилище им. В.И. Малышева Пушкинского Дома РАН. Рукопись представляет собой частично сшитую тетрадь. В начале это четыре отдельных листа оберточной бумаги размером приблизительно 35 x 20 см, исписанных карандашом и не закрепленных в блоке. Потом следует тетрадь из 24 листов более плотной оберточной бумаги в среднем размером 25 x 20 см, тетрадь из 14-ти листов приблизительно того же формата, еще 14 сшитых в тетрадь листов 28 x 24 см (но есть среди них и 23 см по высоте), тетрадь в 30 листов подобного же формата нарезки, после чего формат увеличивается до 37 см по высоте и укрупняется до шести тетрадей, 194-й

лист которых — последний в этом варианте «писчего материала». Конец рукописи пишется карандашом (иногда красным) уже на сшитых в тетрадь листах линованной (по преимуществу) бумаги, канцелярских бланках. Последняя запись была сделана на л. 216 (по архивной пагинации) и датирована 4 апреля 1953 г., еще четыре листа остались незаполненными. Возможно, Н.И. Заборский чувствовал уже, что не вернется к этим записям, и в конце последней поставил свою подпись. Все тетради сшиты в единый блок и вложены в картонный переплет, оклеенный зеленой «мраморной» бумагой, с матерчатым корешком и наугольниками. Публикуемая «летописная» часть текста занимает малую толику всего повествования (24 листа из 216): с 1946 г. «летопись» превращается в «дневник», т.е. меняет свою жанровую отнесенность — и постепенно ставшие почти ежедневными эти записи заполнили остальное бумажно-обёрточное пространство импровизированной книги. При публикации сохраняются некоторые, не всегда грамматически правильные, написания автора; не прочитывающиеся по внешним краям листов слова заменены многоточиями; слова, написанные автором сокращенно, раскрываются в скобках; оставшиеся непрочтенными фрагменты текста отмечаются пометой [нрзб].

[...] стегали розгами и обливали нагого холодной водой. Который подвергался такому наказанию, считалось заплачено, всё равно как деньгами, и никогда не требовали.

Колдуны

В древния времена да и по сие время существуют нечестивые люди, колдуны, которые обольщают народ своей ехидней хитростью, выманивают деньги, в разных случаях шепчут наговоры и заклинания, как то: на

привораживание, на отсушку, на остуду, от лихорадки и против многих других болезней. На свадьбах присутствие колдуна необходимо: без него, пожалуй, спорят молодых, и их оберегают от прикосов и хищных людей. Привораживание делается наговором на воду, на пиво, на вино и хлеб, и на блины и дается это для употребления в себя. Так делается во всех случаях: пускают по ветру и грязью бросают во след. Случается, и по злости людей и скота портят и закрывают, а другие колдуны лечат и открывают. Первые считаются злыми, а вторые — добрыми. Впрочем, неизвестно, какой силой они действуют, это чародейство не всякому понятно да и разгадать очень трудно. Н. Забор[ский].

1801 год

Река Емца⁶⁷⁶ встала 24 ноября. Весна была тёплая и полезная для всех растений, отчасти холодная, сеять было хорошо. Лето сырое и протяжное, но хлеба хорошие и поспели рано, страду кончили рано. Осень теплая и ясная до середины, потом холодная. Зима сначала сухая, потом ясная и холодная с большими морозами, снега были очень большие.

1802 год

Емца вскрылась 20 апреля, стала 21 ноября. Весна холодная и сырая, сев начали поздно и протяжно. Лето холодное, с ветрами, дождями; страду кончили рано, та была хороша, хлеба родилось довольно. Осень дож[д]ливая и холодная, а в ноябре тепло. Зима протяжная.

1803 год

---

⁶⁷⁶ Река Емца — левый приток Северной Двины в нижнем ее течении.

Емца вскрылась 12 апреля, замерзла 29 ноября. Весна сначала мокрая, озими были хороши, сев был сухой. Лето сначала непогодное, потом ясное, тихое, днями жаркое, а ночами холодно; страда была протяжная, хлеба местами повредило на низких местах. Осень сухая, не студеная, пожда снег выпал рано. Зима не холодная, а началась большими морозами, в середине тепло — и кончилась морозами: по настам ездили на лошадях куда надо было, даже и в лесу. В Емецке⁶⁷⁷ начата строить каменная церковь [в] 1789 году. Строителем был Василий Перевозников. А сейчас, в 1803 году 15 августа, была светина в нижней сперва церкви во имя Богоявления Господня. Свешал преосвященный] Евлампий Архан[гелогородский]⁶⁷⁸ с клиром [нрзб.] и осветися. Народу было очень много [нрзб.], пекли хлеб и рыбники [нрзб.] множество разных яств, всех угостили изрядно.

1804 год

Емца вскрылась 24 апр[еля], стала 2 декабря. Весна сухая и холодная, а сеять было хорошо; всходы были тяжелые. Лето было сырое и противное земледельцу, страда сырая и протяжная. Осень сырая и холодная. Зима тихая и студеная, снегу было довольно, и оттепели были. Урожай был худой, и народ в хлебе нуждался.

1805 год

Емца вскрылас[ь] 26 апр[еля], стала 13 декабря. Весна была сырая и непостоянная, часто дожди; сев был неудобным, потому что сыро. Лето

---

⁶⁷⁷ Село Емецкое (сейчас город Емецк) принадлежит к числу древнейших поселений на севере, расположено к югу от Холмогор по дороге на Москву на левом берегу реки Емцы, левого притока Северной Двины.

⁶⁷⁸ Евлампий Введенский — епископ Архангелогородский и Холмогорский с 1801 по 1809 г.

приятное и теплое, с дождями; страду кончили успено [?]. Осень была снежная и студеная. Зима не холодная, вихри и ветры, частые вьюги; снегу было много местами, мало ясных дней. Урожай хороший.

1806 год

Емца вскрылась 21 марта, стала 20 октября. Весна тихая и приятная; сев был ранний, всходы хлебов были хорошие. Лето сначала студеное и мокрое, Ютом жаркое, сухое; страда была хорошая, сено и хлеб были очень хорошие. Осень ранняя, холодная и ненастная. Зима студеная, снегу и метелей было довольно.

1807 год

Емца вышла полоньей 13 апреля, стала 27 ноября. Весна была протяжная - сев был ранний, всходы были тяжелые, хлеб дорогой. Лето все дождливое; страда была долгая и мокрая, убирали сырое всё. Осень вся дождливая, ненастная. Зима — метель и ненастная, морозов больших не было.

1807 год

31 сентября от неизвестной причины утром загорелось Емецкое⁶⁷⁹. Был сильный очень ветер, и все дома сгорели дотла: церковь деревянная рядом с каменной, лавки округ были, причтовы дома; ставни у каменной загоривали даже. Ничего от Емецка в живности не осталось, даже и на угори⁶⁸⁰, к северу, народ ничего не мог пособить. Мало чего успели спасти из умущества, погорело и мелкого скота. Это бедствие сильно поразило

---

⁶⁷⁹ По другим данным село выгорело в 1808 г.

⁶⁸⁰ Угор — возвышенное место, высокий берег.

бедных жителей, они переселились жить в ближние деревни. Кощеиха осталась невредимая. Три года было крестьянам разрешено рубить лес бесплатно у государства - домов было порядочно двухэтажных, больших. Изборной избы⁶⁸¹ документов никаких спа[с]ти не могли, где были дела земельный по общины.

1808 год

Емца вышла полоньей 1 мая, стала 10 ноябр[я]. Весна была хорошая; сев был поздний. Лето прекрасное, прохладное; страда сухая и непостоянная, хлеба уродились хорошие, и убрали рано: рожь начали жать с Ильина дня⁶⁸². Осень была сырая и ветреная. Зима мягкая, снегу было очень много; дороги всю зиму были хорошие, только с большими уторами-наносами.

1809 год

Емца вышла 9 апреля, стала 16 ноября. Весна сначала студеная, потом теплая, непостоянная; сев был протяжной. Лето студеное и нежаркое; страда была протяжная и мокрая. Осень была протяжная, благополучная. Зима холодная, снежная; резкие переходы с ясных дней на пасмурные.

1810 год

Емца вскрылась 28 марта, встала 19 ноября. Весна сначала дождливая, в середине ветреная, потом холодная; сев начали с Николеы⁶⁸³, кончили к концу мая. Лето жаркое, с громовыми тучами; страду начали с

---

⁶⁸¹ Сборная изба нанималась сельским обществом для проведения сходов и для приезжих сельских старшин.

⁶⁸² Ильин день празднуется 20 июля (2 августа по новому стилю).

⁶⁸³ Имеется в виду праздник Николая Угодника (Никола вешний) — 9 (22) мая.

Ильина дня и кончили к 1 сентября; хлеба родились очень хорошие, сена зеленые. Осень сырая, но теплая. Зима морозная, протяжная.

1811 год

Емца вышла полоньей 23 апреля, стала 23 ноября. Весна не тёплая, но сев был ранний: до 1 мая и скорый; вода небольшая. Лето с дождями и грома-МИ; страда приятная. Осень теплая, рыжиков не было. Зима студеная, с глубокими снегами.

1812 год, високосный

Емца вышла из-подо льда 30 апреля, замерзла 28 нояб[ря]. Весна тихая, приятная; сев ранний, всходы хорошие. Появилась странная комета, звезда с хвостом, и каждую ночь ярко горела. Все с ужасом глядели, и дивились, и ждали чего-то необыкновенного. Урожай был хороший. Этот год нам памятный в русском народе: случились великие события. Жатва изобильна, давно такой не помнили — как бы только жить да радоваться; изобилие и ягод. А между тем не весел был православный народ, у всякаго тяжело было на сердце, потому что грянула туча, вторглись несметные полчища Наполеоновы, взяли у нас Москву белокаменную. Что-то будет? Народ призывают в ополчение, у нас многие охотно [о]тправились поколотить французов, через наше место проходили войска из Архангельска на Москву и разстанавливались по крестьянам в деревнях и обучали молодых [солдатиков. Война началась с 12 июня, новость объявил[и] — поголовное ополчение для спасения [нрзб] берет города. После Бородинской

битвы⁶⁸⁴ зашли в Москву, но наши ее зажгли. Но после многих битв Наполе[о]н проиграл войну, и разились бегством из Москвы, голодные и холодные. Время осенью была морозная, до вначала зимы 25—30 градусов. Малороссия была запружена пленными, взяли много орудий, знамен и несметное количество разных запасов. И в день Рождества уже мы праздновали и торжествовали свое избавление от нашествия галлов с 12 языками. Некоторые ратники наши к весны вернулись с победой, а многие ушли во Францию. Осенью была большая вода, топило на лугу много сена; у нас в Зачачье [нрзб] долгуши, пожни, бол[ь]шие дожди.

1813 год

Емца вышла 17 апреля, стала 25 октября. Весна хорошая, влажная; сев обыкновенный. Лето влажно и жаркое в середине; страда хорошая, ранняя. Осень прекрасная, много ягод, рыжиков нету. Зима снежная и холодная. Наши войска освободили Германию от Наполеона.

1814 год

Емца вскрылась 14 апреля, встала 30 октября. Весна скорая, сев ранний. Лето хотя жаркое, но и с дождиками; но хлеба были плохие, рыжиков много. Осень дождливая, зима морозная. Сейчас наши ополченцы пишут из Парижа, что столицу взяли врага и ей всю разбили; многие вернулись домой.

1815 год

---

⁶⁸⁴ Бородинская битва состоялась 26 августа 1812г.

Емца вышла из-подо льда 15 апр[еля], стала 22 ноября. Весна сухая и нехорошая для посевов, всходы поздние. Лето сперва хорошее, потом дожди до 1 сентября; страда была дож[д]ливая, урожай плохой. Осень сырая, ветреная. Зима не холодная, хлеба дорогие.

1816 год

Емца вскрылась 27 апр[еля], стала осенью 6 ноября. [Вес]на сырая, ветреная, но сев хороший. Лето жаркое [с Громовыми тучами, всходы хорошие и хлеба уродилось [по]рядочно; страда вначале приятная, потом дож[д]ли|-ва]я и сырая. Осень холодная, рыжиков, ягод много о [...]ату. Зима студеная, снегу мало.

1817 год

[Емц]а пошла 18 апреля, осенью встала 14 ноября. [Вес]на теплая и дождливая, сев обыкновенный. Летом большия жары и громовые, грозовые тучи [с до]ждями; страда хорошая, жатва весьма изобильная. [...] осень приятная. Зима — жестокие морозы.

1818 год

[Ем]ца вскрылась ото льда 1 апр[еля], стала 29 октяб[ря]. Ве]сна хорошая; сев околы Николы. Лето жаркое, грозы с [до]ждями. Осень сырая, протяжная; хлеба порядочно, [до]ждило в августе. Морозом зима холодная, протяжная.

1819 год

Емца вышла полоньей 25 мар[та], в Благовещенье, ст[ала] 27 окт[ября] Ве]сна ранн[я]я; сев хороший, ранний. Лето хорошее для [гри]бов. Осень

сырая, ветреная; хлебов уродилось очень [мн]ого. Зима холодная; одним словом , урожай был [...] му. 28 июля император Александр Павлович [со с]витой проезжал из Петер[бурга] в Арханг[ельск], был встречен [наш]им населением и везен нашими лошадьми ста[...] от Ваймуги до Сии. В Ваймуге народ наш встретили его с восторгом. Народу было много, со всех селений. Крестьяне поднесли хлеб-соль государю; у перевозу, на угоре, приветствовали с благополучным путешествием. Он, приняв хлеб-соль, милостиво уде[...] просили императора о замене натурального отбывания воинской повинности, которое по малочисленности населения бывает тягостью для жителей, просили его заменить денежной квитанцией. Его величество изволил спросить, много ли мы можем платить за лекрутов⁶⁸⁵. Крестьяне осмелились сказать тысячу руб[лей] ассигнациями, серебром 100 руб[лей] за 25 лет службы. Император одобрил наше предложение, высочайше повелел министру военному утверд[ить] постановление для крестьян Архангельской гу[бернии] в случае желанья заменить рекрута деньга[ми]. Народ был в восторге от сей царской милости. Верно, у кого ден[ь]ги были, откупались, но бед[ным] приходилось служить, и сопровождали его [...].

Ура! 28 июля, 9 часов вечера, был он в Сийской обители⁶⁸⁶, отстоял молебен Антонию, обозрел монастырь, разговаривал с настоятелем и братией и отправился далее в сопровождении народа. 1 августа опять вечером государь Александр проехал [из] Архангельска обратно в Петербург мимо Сийской обители, но в монастырь ехать не соизволил.

---

⁶⁸⁵ Имеются в виду «рекруты».

⁶⁸⁶ Антониево-Сийский монастырь был основан преподобным Антонием на р. Сия в 1520 г.; с 1599 по 1605 г. в монастыре был заточен боярин Федор Никитич Романов (впоследствии патриарх Филарет).

Наши лошади и ямщики возили [от] Ваймуги до Сельца. И так мы, северные жители, соизволили смотреть нашего государя, кроткого и простого, и разбившаго Наполеона, взявшего Парижь. Ура, ура, ура!

1820 год

Емца вскрылась 7 мая, стала 18 ноября. Весна холодная, сев поздний. Лето прекрасное, жатва [...], страда сытая, ягод много. Зима студеная [...]

1821 год

Емца вскрылась 9 апреля, 25 ноября встала. Весна холодная, вода небольшая. Лето хорошее, страда прекрасная. Осень сухая, урожай хороший. Зима холодная.

1822 год

Емца вскрылась от льда 22 апр[еля], стала 12 декаб[ря]. Весна холодная, Сев поздний. Лето неприятное, дождливое; страда очень мокрая. Морозом хлеб побило, семян от этого году нету, брали в магазинах своих. Сено гнилое тяжело и скоту, пало его очень много от худую корму. В магазине, которая была у Никольской церкви, с урожайных лет крестьяне ссыпали запасные семена с хороших лет. Зима холодная.

1823 год

Емцы ледоход 29 марта, стала 15 ноября. Весна приятная, тихая; вода порядочная, рыба ловится хорошо, лещи в Задворском озере. Сев ранний, лето жаркое с дождями; страда хорошая, хлеб родился очень белый и хороший. Большое изобилие всего, старики не помнят такого хорошего году. Осень прекрасная, зима морозная, ясная.

1824 год, год выс[окос]ный

Река Емца вскрылась 17 апр[еля], стала 1 ноября. Весна хорошая, сев обыкновенный. Лето хорошее, страда холодная. Осень студеная, урожай средний. Зима с жестокими мороза[ми]. В Емецк[е] начали строить колокольню: копали рвы и заваливали камнем основание. Прихожане работали с усердием. Она была начата отдельно от церкви, потом соединена папертью, где вверх лестницы идут в церковь.

1825 год

Емца вышла 4 апр[еля], стала осенью 7 ноября. Весна сухая, студеная; засев был хороший и урожай тоже всему. Лето приятное, нуды⁶⁸⁷ много, страда сыра и нетеплая. Осень дождливая, ветроносная. Зима обыкновенная.

Сей год для Емецкой церкви Василий Перевозников вылил для церкви колокол весу 150 пудов из старых медных пятков. Его за уничтожение царской монеты предали суду. Емецко после пожара пр[и]обстроилось. На Кощеихе, на угорышке, книзу налево, поставлен крест Господень и амбарчик срублен и обшит тёсом пиленным усердием Ивана Бийкалова, перенесен из улицы, и поставлена икона Тихвинской Божьей матери, и установлен крестный ход 25 июня.

1826 год

---

⁶⁸⁷ Нуда — комары, мошка, слепни.

Емца вышла полоньей 25 апр[еля], стала 26 октября. Весна студеная, сев поздний. Лето хорошее, хлеба родились хорошие. Осень приятная, зима нехолодная.

1827 год

Емца вскрылась 14 апреля, стала 9 ноября. Весна сухая, сев поздний, но урожай хороший.

1828 год, високосный

Река Емца вышла 31 марта, стала 3 ноября. Весна ранняя, вода большая. Лето хорошее, урожай очень хороший. Осень благоприятная, зима многоснежная.

1829 год

Река Емца вышла 2 апреля, стала 20 октября. Урожай сей год хороший и осень тоже.

1830 год

Емца вскрылась ото льда 4 мая, стала 14 ноября. Весна холодная, сев поздний. Лето благоприятное, осень холодная; урожай средний. Зима с жестокими, 40 гр[адусов], морозами.

Польское вос[с]тание против России. Свирепствует холера по всей России, и Архангельская губерния много пострадала от этой эпидемии.

Много унесла жертв эта болезнь повсеместно, но к нам она не дошла, по молитвам Антония Сийского⁶⁸⁸, что ли? Зимой она кончилась.

1831 год

Емца вскрылась 16 апр[еля], 4 ноя[бря] стала. Весна обыкновенная, вода средняя. Лето ясно и тихое, страда хорошая, хлеб порядочный.

1832 год, высокосный

Емца вышла 5 апр[еля], стала 8 октября. Сев поздний, до конца мая. Весна сухая, холодная. Лето было нехорошее, страда дождливая. Пожни убирали до Покрова⁶⁸⁹, так же и хлеб; родилось одно жито, а рожь истекла и вымокла.

1833 год

Емца вышла 19 апр[еля], стала 24 нояб[ря]. Весна была холодная, сев продолжался весь май. Лето ненастное, первый мороз на хлеб 9 июня. К Ильину дню⁶⁹⁰ пошли ночами морозы, хлеб повредило; страда плохая, холодная 14 сен[тября] выпало снегу в колено, суслоны занесло; неделю потом стаяло, и хлеб убирали очень мокрый; хлеб худой, дорогой. Зима сухая и студеная. Сена мало, скот падал.

1834 год

---

⁶⁸⁸ Антоний Сийский (? — 1756 или 1757) — преподобный, основатель Сийского монастыря.

⁶⁸⁹ Праздник Покрова Богородицы празднуется 1 (14) октября.

⁶⁹⁰ Празднуется 20 июля.

Емца вышла 30 мая, встала 27 ноября. Весна протяжная. Лето сначала холодное, потом теплое; страда прекрасная, урожай хороший и сена все зеленые. Зима студеная и многоснежная.

1835 год

Емца вскрылась ото льда 6 апр[еля], стала осенью 13 ноября. Вода большая, сев начался с 10 мая, разлив большой. Заходила на низу на деревню, крайние дома, топило Сабельниковых. Страда хорошая, зима теплая.

1836 год, високосный

Емца вскрылась 18 апр[еля], стала 20 ноября. Весна хорошая; сев ранний, с 25 апреля до 10 мая. Лето тёплое, урожай хороший, страда приятная. Осень сырая и ветреная. Зима снежная, нехолодная.

1837 год

Емца вскрылась 21 апр[еля], стала 27 ноября. Весна сначала студеная, потом теплая. Сев начался с 1 мая, страда хорошая, урожай тоже.

1838 год

Емца вскрылась 31 марта, встала 18 нояб[ря]. Весна поздняя, сев начался 1 мая. Лето жаркое, с тучами дождя; страда хорошая. Осень холодная, зима снежная и морозная; урожай хороший.

12 мая, в 5 часов вечера, в четверток, народ с рынку разошелся и разъехался по своим домам в Емецке. Внезапно случился пожар, загорело

Емецко. Забили тревогу, и в карбасах⁶⁹¹ народ стал приезжать, но было уже поздно: спасти деревни уже не могли. Загорело сперва у Михаила Качегарова, был юго-западный ветер, который погнал пламя по всем домам, которые стояли очень густо. Большие, недавно выстроенные, почти новые после большого пожара 1807 года — и в продолжение трех часов все сгорело опять, с рынком и погоревшими лавками. Ни одной жилой фатеры не осталось, потому что оно стояло в четыре ряда. Церковь каменная уцелела, только главки несколько пострадали. Еще остался кабак один, на угори, Вольневский. И опять жителям пришлось поселят[ь]ся в ближних деревнях. Пристав был Латышов — поселился на Кощеиху, к Резвым. Ближние деревни и рот⁶⁹² бедный дали погорельцам. И опять правительство пострадавшим разрешило порубку леса 3 года бесплатно, кому скольк[о] надо и какого. Также згорела зборная изба, то ест[ь] стан, и все бумаги по Емецкому стану.

1839 год

Емца вскрылась 17 апр[еля], стала 1 декабря. Весна ранняя, протяжная, студеная; сев около Николы. Лето — страда хорошая, урожай был средний, вода большая. Осень очень долгая, теплая, так что в колобовницу, 14 ноября, пахали пары. Весной было очень много кротов на лугу и в деревне.

1840 год

---

⁶⁹¹ Карбасы — большие лодки на 4—10 весел, с двумя парусами.

⁶⁹² То есть обеспечили пищей.

Емца вскрылась 13 апреля, стала 26 ноября. Сев начался с 20 апреля, рано. Лето хорошее, также и страда; урожай хлебов изобильный. Зима теплая.

1841 год

Емца вскрылась 15 апр[еля], стала осенью 10 ноября. Сев начался с 1-го мая и продолжался до половины лета. Вода была порядочная и до[л]го стояла; заледная ушла, а потом Вычегда⁶⁹³ долго стояла. Урожай хлеба плохой, также и сено черное. Осень теплая. Зимой глубокие снега и морозы большие.

1842 год

Емца вскрылась 21 апр[еля], стала 30 окт[ября]. Сев начали с 15 мая до конца месяца. Лето с дождями и жарами; хлеб уродился хороший, также и страда. Осень хорошая. Зима ранняя с большими морозами. Сей год открыто Емецкое волостное правление, где бывают со всей волости собрания; и старшина, и писарь недалеко от каменной церкви колокольни, к северу, вблизи от вальневскаго первого старого дому.

1843 год

Емца вскрылась 23 апр[еля], встала 21 ноября. Сей год весна была теплая, дружная, и самая большая вода в эти века по нашей Северной Двине. Вычегда шла вместе с заледной, в Орлецах⁶⁹⁴ зделался запор 8—9 мая, и она потопила пол-Зачачья, по большой дороги доходила до Великаго Двора, у

---

⁶⁹³ Вычегда — правый приток верхнего течения Северной Двины.

⁶⁹⁴ Орлецы — населенный пункт на правом берегу Северной Двины, по течению ниже Емецка.

Никольской церкви⁶⁹⁵ стояли карбаса, приезжали к обедни в них, и в паперти внизу была вода, вся площадь была стоплена у церкви. У нас, в старом заборковском доме, у Федора Андревича, моего дедушки, как и он говорил, была внизу вода по боку от Спехина Костенкина; на лето была подызбица и были положены поленье дров и на них доски. И по ним утром в Николу⁶⁹⁶ ходили, а в заулки было по колено, к концу обедни в 12 час[ов] стала убы. вать. С Шидозера скот вывезен был на поле Есаульское, в Зачачье, а в Емецке топило нижнюю церковь даже вровень с рундуком крыльца у колокольни. Погода была хорошая и тихая; сев был с 20 мая до 10 июня. Хлеб вырос только на высоких местах, на низких все замокло. Страда была дождливая неприятная. Лето холодное, зима теплая. В Емецке, вверху, освящали церковь 1 октября во имя Покрова Богородицы, иконостас устроен на средства Ивана Мих. Байкалова. И открыто в Емецке сельское училище, первое в районе; до этого было в доме причтовом церковно-приходская школа, учили поп или дьякон.

1844 год

Емца вышла 19 апреля, стала 25 ноября. Сев начался с 3 мая по 18 мая. Лето хорошее; хлеб был плохой — на низких замокло. Хлеб дорогой, вот уж второй год, как урожай худой. Зима холодная. 29 мая сей год посетил нашу губерню великий князь Константин Николаевич проездом из Петербурга в Архангельск]. Посетил Сийскую обитель в 10 час. утра, отстоял молебен преподобному Антонию, обозрел обитель и о[т]правился в путь свой; на лошадях через Ваймуги и Сельцо ехал.

---

⁶⁹⁵ Деревянная церковь XVII—XVIII вв. сохранилась в с. Зачачье до наших дней.

⁶⁹⁶ Имеется в виду Никола вешний, 9 (22) мая.

1845 год

Емца вскрылась 20 апр[еля], стала 16 ноября. Сев с Николаы. Лето, страда хорошие; хлеба неважные. Осень холодная. Зима морозна, малоснежная. Летом Задворье всё згорело, к вечеру ни осталось ничего.

1846 год

Емца вскрылась 25 апреля, стала 12 октября. Сев с 15 мая, поздний; страда дождливая. Хлеба были плохие. Зима ровная. Сей год построена емецкая колокольня, высоты 17 сажен печатных⁶⁹⁷, и кроме того, в земли выкладено было боле 1 сажени. Осенью подняли на колокольню шпиль высотой 8 сажен и крест подняли величиною 1 сажень. Всего высоты колокольна 26 сажен, вид её очень красивый и её видать очень издалека.

1847 год

Емца вышла полоньей 27 марта, стала 19 ноября. Сев ранний: с Егорья⁶⁹⁸ начался и к 5 мая кончили. Вода была средняя. Лето и страда хорошие, так-же и урожай хлеба хороший. Зима выюжна, морозная. Сей год, осенью, в четверёжный торговый день, в Емецке зговорились несколько человек под пьяную руку пьяных люди разгромить кабак Вальневский на берегу, старый. Много людей переколотили друг дружку, вино все растащили. Виновников тяжело наказали, некоторых сослали на поселение.

1848 год

---

⁶⁹⁷ Сажень — мера длины, равная 2,134 м; печатная сажень — казенная и клейменная, своего рода эталон.

⁶⁹⁸ Имеется в виду день святого Георгия Победоносца (Егорьевский праздник): 23 апреля (6 мая).

Емца вскрылась 9 апреля, стала 23 ноября. Сев начался ранний, с 15 апреля. Страда и лето хорошее. Урожай хлебов хороший, также и всего в лесу, и хороший лов рыбы.

1849 год

Емца вышла 18 апреля, стала 20 окт[ября]. Весна холодная, сев с 1 мая. Лето жаркое, с дождями. Страда дождливая, урожай хлебов порядочный. Зима нехолодная.

1850 год

Емца вышла полоньей 24 апр[еля], стала 17 ноября. Сев был с 5 мая. Лето теплое, с дождями. Страда была сырая, урожай хлебов был порядочный, также и сена. Зима ясная, морозная и малоснежная.

1851 год

Емца вскрылась 11 апреля, стала 3 ноября. Сев начался с 1 мая. Лето и страда были благоприятные. Урожай хлебов был хороший. Зима ровная.

1852 год

Емца вскрылась 16 апреля, стала 10 октября. Сев начался с Николы, всходы хорошие. Лето сырое, страда ветреная. Урожай хлеба, сена хороший. Осень — снег ранний, зима морозная.

1853 год

Емца вышла 18 апреля, стала 15 ноября. Весна была ранняя и хорошая, сев начался с 30 апр[еля]. Лето жаркое и дождливое, страда переменная. Урожай всего, хлеба, сена хороший. Осень сухая, зима стоит

умеренная. Сей год против России объявили войну Турция, Англия, Франция; идет оборона Севастополя.

1854 год

Емца ото льда вскрылась 26 апреля, встала 10 ноября. Весна студеная, сев поздний, с 14 мая. Лето и страда превосходные. Урожай ржи плохой, но ячмень был хороший повсеместно. Осень и зима нехолодн[ые]. По случаю войны рыбы никакой в продаже нету. Кровопролитная война продолжается на море и на суше. Наши войска геройско защищают свои города на Черном море. Потом осаждали на Белом море англичане Соловецкий монастырь - два трёхмачтовых фрегата⁶⁹⁹ и 120 орудий — и обители 6—7 июля бомбардировали, но зделать и взять её не могли и ушли обратно.

1855 год

Река Емца вскрылась ото льда 6 апр[еля], стала 28 окт[ября]. Весна ранняя и холодная, вода средняя, сев начали с 3 мая. Лето и страда хорошие. Хлеба и сена убрали много и хорошего. Осень теплая, зима вьюжная. Государь Николай Павлович 18 февраля скончался, на престол вступил Александр Николаевич II. Война на Чорном море продолжается. У нас англичане разорили Мезень и Колу, подходили и к Архангельску], но брать не пытались, а только разорили жителей на островах⁷⁰⁰.

1856 год

---

⁶⁹⁹ Парусно-винтовые фрегаты «Миранда» и «Бриск» так и не смогли высадить десант; фрегат «Миранда» был поврежден ответным пушечным огнем.

⁷⁰⁰ В состав английской эскадры входило два парусных фрегата, два винтовых корвета, два парусных брига и один пароход.

Емца вскрылась ото льда 1 мая, стала 23 октяб[ря]. Весна холодная, вода большая, сев поздний, с 15 мая. Лето сырое, страда дождливая и продолжалась до Покрова. Хлеб повредило сильно морозом, урожай был плохой. Семен к будущему году из урожая не будет, народу придется брать в магази из збору прошлых хороших лет. Зима холодная. Война продолжается, Севастополь окружен. Мы заключили унижительный мир 19 марта. В Москве было коронование императора 26 августа. Сей год была ревизия, произвели раздел земли по душам. Пока еще наделялись в хозяйстве одне мужщины, на женщин еще земли не дают.

1857 год

Река Емца вскрылась 26 апреля, стала 17 октября. Весна сырая и холодная, сев начат 21 мая. Лето холодное, неплодородное; страда неприятная. Хлеб опять и сей год повредило морозом. Сено черное, затхлое, жали в рукавицах. 7—8 сентября нанесло снегу, суслоны возили — вырывали из снегу. Хлеб морозобитный пекут на противнях и мешают белый мох. В народе голод, также и скоту, котораго много пало и убили. Год тяжелый, картошка плохая — убило в цвету.

1858 год

Емца вышла полоньей 22 апр[еля], стала 28 октября. Весна холодная, сев с 5 мая, всходы хорошие. Лето жаркое, прекрасное; страда превосходная. Урожай хлебо очень хороший, такого давно не бывало, что и хорошо с таких голодных двух лет — народу хлеб нужон. Сено поставлено хорошее. Осень ясная и холодная, также и зима. 22 июня император Александр Николаевич] II посетил наш северный край. Сначала он ехал по Московскому тракту, мимо нашего Зачачья, по которому

была справлена и посыпана песком дорога, возле домов поставлены свежие березки. И народу у нас и в Емецке было очень много изо всех селений. Все ожидали прибытия государя: мужики, жонки, старые старухи, девки, малые ребята — все были налицо и всем хотелось видет[ь] императора-монарха. Он прибыл в сопровождении принца Винтенбургсаго и многочисленной свитой. По деревням проехали тихо, и народ видел весь хорошо монарха: снимали шапки, кидали, женжины махали платками, но многие плакали от радости, что видели монарха. Под свитой было 120 лошадей, 10 лошадей наших, зачачьевских; верховым гусем — лошади были под коляской монарха нашей деревни, управлял передом наш крестьянин Семен Иванович Тарасов, который мне, маленькому, про всё это и рассказывал, а я тепер[ь] записал. Да и старые записи тоже это подтверждают.

От нас народ пошел провожать до Емецка. Там его экипажи перевезли на паромах; императора перевезли в карбасу, который был приготовлен для его с гребцами. Народ встретил его также с громким криком «ура», которое долго носилось и не смолкало в воздухе. Монарх с народом поздоровался, был весел, любовался и смотрел на хороший вид с угора: на луг и деревни, Двину Северную. И народ пондравился ему, спрашивал: какая численность населения здесь, каков урожай и какова дорога будет до пристани. Сии голова встретил его с хлебом-солью, но государь не принял; но поблагодарил, никуда не заходил, отправился со свитой далее. Вечером он был в Сийском монастыре: отстоял молебен, обозрел редкости монастыря. Потом поехали до Двины. За Сией 11 верст выходит дорога на берег Двины: тут была устроена пристань и подан паракход. И долгое время эта пристань называлась «царскою», где был поставлен и крест. На паракходи уехал в Арх[ангельск], был в Соловках. Обратнo, осенью, они проехали по Петербургскому тракту, через Ваймугу и

Сельцо. Одна коляска осталась на память в Сийском монастыре За лошадей платили за каждую станцию крестьянам по 20 рублей.

Погода была жаркая, но многих лошадей и уходили — ехали быстро.

1859 год

Емца вскрылась 14 апр[еля], стала 25 окт[ября]. Весна холодная, ненастная, сев с 12 мая. Лето и страда сносное. Урожай хлебов был хороший и сена тоже. Осень холодная, дождливая; зима морозная.

1860 год

Река Емца вскрылась 15 апреля, стала 9 ноября. Весна ранняя и теплая, сев с 1 мая. Страда и лето хорошее; урожай хлеба, сена хороший. Зима морозная, снегу много. Открыто у нас, в Зачачье, волостное правление; ранее были в Емецком правлении.

1861 год

Река Емца вскрылась 26 апр[еля], встала 23 октября. Весна очень холодная, сев начали с 10 мая. Лето теплое; ячмень был хорош, но ржи, когда пошли сильные дожди, вылегли и проросли были худые. Страда была ненастная: хлеб жали мокрый, сырой в кладнях хлеб испортился. Сена на острову выставлено — все черное, едва его убрали. И лишились сей год многи скота, на который был падеж от худого корма. Зима теплая, тихая.

Сей год было 19 фев[раля] освобождение крестьян от крепостной зависимости: 25 миллионов человек отняты от помещиков, народ вступил на свободный труд. У нас, в Архангельской губ[ернии], помещиков не было и мы этого не знали, только было в Шенгурском уезде; уделы, земля, как пахотная и сенокосная, была за государством. Во внутренних губерниях

идет торжество народа — да, конечно, и надо, а то наша Россия отстала от других стран, это было пятном России, что народ живет в рабстве.

1862 год

Емца вскрылась 17 апр[еля], встала 3 октяб[ря]. Весна неважная, сев начался с 9 мая. Весной сена не было, а у кого и было, то 3 руб[ля] за пуд — едва додержали до подножного корму. Скота сильно подморили и скормили всякую солому — прошлый год было все сгнило. Лето было хорошее; рожь поспела в конце июля, но сразу же пошли морозы — и все-таки его повредило. Страда дождливая опять, так что на низких полосах хлеб худой; сена - того успели поубирать. 12-го сентября нанесло снегу — и жниво так было некончено, потом снег стаял после 2 недель. Осень сухая, но в конце холодная. Опять хлеб дорогой стал, многие всего не убрали, картошки плохие.

Сей год последовала пересмотру судебная часть закона: крестьянам предоставлено право для устройства внутреннего, свое управление общественные дела решать на сельском сходе и управлять своим судом, который состоит из избранных нашей среды: судьи и заседателей⁷⁰¹. Хлеб дорогой, доходил до полуторых рублей пуд, положение печальное, но с сеном прошлого года теперь полутше.

1863 год

Река Емца вышла весной 13 апр[еля], стала 15 ноябр[я]. Весна холодная, сев начали 4 мая. Лето и страда с переменами хорошего и худой

---

⁷⁰¹ Волостной суд представлял собой коллегия из 4—12 судей, выбираемых ежегодно волостным сходом для рассмотрения споров и тяжб между крестьянами и мелких уголовных дел.

погоды, но вобщий урожай и сняли его — неплохо все. Зима теплая. С 10-го на 11 января в Польше вспыхнуло восстание против власти нашего правительства, и в ночи много наших солдат сложило головы. Поляки вооружались и нападали на русских шайками. Вскори восстание было подавлено. Построено пер-во[е] броненосное судно⁷⁰².

1864 год

Река Емца вскрылась 27 апр[еля], стала 3 октября. Весна холодная, сев начат с 15 мая; вода небольшая, но всходы были хорошие. Лето и страда благоприятные. Зима нехолодная, снеженная. Сей год произошли внутренние переобразования: у нас положение новое о народных училищах-трехлеток, о проведении в жизнь, о земских учреждениях⁷⁰³ — и многие пришли переобразования в волости, также в армии. Урожай брусники. Запрещено производить расчистки до 1870 г.

1865 год

Емца вскрылась 28 апр[еля], стала 25 окт[ября]. Весна протяжная, холодная; сев с 19 мая, вода большая. Лето холодно, нехорошее. С 8 августа пали морозы, хлеб убило повсеместно — и пекли на железных сковородах, но многие ели белой мох, сушили и мололи из земли корни. Страда дождливая, холодная; урожай сильно плохой. Народ зело печален находился, в большом бедствии. Осень холодная и ненастная. Зима бурная, но нехолодная. Моя Мать была маленькой и помнит этот год всю свою жизнь: родители их кормили (их 7 девок, 1 брата) кое-чем, сушили разное

---

⁷⁰² Первые броненосцы появились во французском флоте в период Крымской войны; с 1860-х гг. морское ведомство России приступило к постройке паровых и броненосных судов.

⁷⁰³ Имеется в виду преобразование приходских школ в начальные народные училища. К 1864 г. относится учреждение земского самоуправления.

листья, коренья. Картошку убило, сняли очень мало. Сена того все-таки поставили — хотя черное но не гнилое. Скота из-за голоду пришлось поеть.

1866 год

Емца вскрылась 29 апр[еля], стала 20 окт[ября]. Весна неважная, сев с 9 мая. Лето, страда — с переменами; урожай выше среднего. Сено выставили хорошее и зелёное, жита превосходные были, ржи редкие. Осень хорошая но зима морозная, но с резкими переменами погоды: то дождь в январе, то опять мороз. 4 апреля в Питери было покушение на царя мужчиной⁷⁰⁴ у Летняго саду. Выстрелом из леворвера, но не попало: его сбил во время наводки на царя мужичок Костромской губ[ернии] Осип Комиссаров. Виновного казнили.

1867 год

Емца вскрылась 15 мая, стала 27 окт[ября]. Год поздний, сев с 29 мая до 12 июня; и вода стояла долго на низких местах — так и не сеяли. Хлеб поспевал тихо. 15 августа ударил мороз — и хлеба повредило сильно. Хлеб дорог. Народ живёт опять в большой нужде. Нищих везде: партиями ходят с котомками, но подавать некому — везде народ голодает. Пекут опять в формах и кое с чем — так уже из этой муки ничего не спекчи. Больных много, дети мрут, и старые люди также не переносят голодовки. Мать, девчонкой 6 лет, и опять этот год вспоминает, как трудно было их родителям (7 девок и 1 парень) кормить. Она уже жила, работала кое-что у Ефанско-го на Ефанити.

---

⁷⁰⁴ Имеется в виду покушение на Александра II члена московского подпольного кружка ишутинцев Д.В. Каракозова.

1868 год, високосный

Емца вышла 11 апреля, стала 18 октября. Сев начали с 1 мая. Лето и страда были хорошие и скоро все убрали. Хлеб и сено сей год уродились хорошие. Народ, наконец, вздохнул свободне, веселее — за труды земля отплатила. Ягод было порядочно. Осень в конце холодная, снег ранний. Сей год в столицах свирепствовала холера: множество народа примерло. В начале зимы, при холодах, прекратилось.

1869 год

Емца вскрылась 13 апр[еля], стала 23 нояб[ря]. Сев с 9 мая. Лето и страда хорошие. Урожай был удовлетворительный: как хлеба и сена, рыжиков и ягод было много. Сей год народ начал опять справлят[ь]ся.

1870 год

Емиа вскрылась 14 апр[еля], стала 6 октяб[ря]. Весна холодная, сев с 5 мая. Лето хорошее; страда — в конце дожди, и сено было черное. Хлеб родился хороший. Осень холодная. Зима ранняя, снегу порядочно.

1871 год

Емца вышла полоньей 22 апр[еля], стала 25 окт[ября]. Весна холодна, сев с 12 мая. Лето дождливое; жниво и косить начали с 1 августа, кончили к 15 сентября]. Урожай хлеба неважный и мокрый, сено все черное. Осень плохая: ранняя дорога и снег. Разрешено производить из-под леса расчистки кр[естьянам].

1872 год

Емца вышла 15 апреля, встала 18 октября. Весна хорошая, всходы тоже. Лето, осень хорошие для уборки. Хлеб уродился тоже хороший.

1873 год

Река Емца вскрылась 27 апреля, стала 30 окт[ября]. Весна стоит влажная, вода разлилась большая: стопило весь луг и низкие деревни. Сев с 10 мая, но урожай был ничего, хороший. Осень сухая.

1874 год

Емца вышла полоньей 16 апр[еля], стала 4 ноябр[я]. Сев с 9 мая; весна хорошая. Лето и страда тоже. Урожай хлеба и сена хороший. Морозы поздно пошли, зима нехолодная. Сей год был обнародован указ к отбыванию воинской повинности всех сословий в России: кроме попов, с 21 года вынужденные жребий по семейному положению, если идет, то приходится служить⁷⁰⁵. В Емецке открыто воинское присутствие со всего Холмогорского уезда: стекались осенью 14 ок[тября] все там к училищу, низкое здание — одиноких сынков не брали, зачисляли в ополчение. В случае войны, то должны будут явиться и служить.

1875 год

Река Емца вышла 28 апр[еля], стала 16 окт[ября]. Весна поздняя, сев с мая, но лето и осень были хорошие. Урожай всему тоже хороший. Народ живёт хорошо, посправился после голодных лет.

С 1876 по 1900 год

---

⁷⁰⁵ Реформа армии сократила сроки службы до 6 лет с увеличением пребывания в запасе до девяти лет; контингент лиц, призываемых ежегодно в армию, был значительно расширен.

у меня по урожайности записей нет у предков более. Делаю уже теперь со своих пометок и выписок по урожаю и разных событий.

1891 и 1892 годы

был у нас неурожай хлеба, ели кору и мох. Народ мер, особенно дети. Хлеб можно было пекчи на противнях. Скота тоже поели и пало от худого затхлаго сена. Погода холодная и мокрая.

1900 год

Урожай хлеба и сена был хороший. Мальчишки 12 лет наблюдали за небом и ждали чего-то особенного. Были изданы книжечки, в которых было написано, что в этом году будет столкновение Земли с другой планетой, но ничего не случилось.

1901 год

Весна средняя, сев ранний; урожай хороший, также и сена.

1902 год

Урожай был средний хлеба и сена.

1903 год

Урожай хороший как сена и хлеба.

1904 год

Урожай всему удовлетворительный. Зимой на нашу страну напала какая-то страна Япония. Где она и большиа ли, сначала мы не знали. Ну,

говорили все у нас, Японию рус[с]кие шапками закидают. У меня отец выписал сей год журнал «Дружеские речи», в котором описано про Японию и начинающие[ся] бои в Манжурии. Также я увидел и карту как самой Японии и Манжурии. Но нашим войскам приходилось все время отступать от японской армии, что старики и мы были очень удивлены, почему так: Россия, наша страна, ранее всех врагов била, а тут какая-то Япония и колотит русских?

1905 год

Урожай был также всего хороший и заключен позорный для нас мир с Япони[ей].

1906 [год]

Урожай хлеба неважный, сена — хороший.

1907 год

Весна ранняя, всходы хорошия; урожай хорош. В наше место были высланы политические, которые жили на квартирах у крестьян и с каковыми я познакомился у Дмитрия Заборского: со студентом-грузином из Тифлиса — Герасим Карапетов, Дмитрий Путилов и с тремя другими. У них брал читать книги политического содержания, потом и выписывал сам, и брал кое у кого таковых. И тут я узнал, почему мы проиграли войну с Японией и какое управление стоит сейчас в нашей стране под руководством Николая Романова. Нас научили новых песен: Марсельезу, «Смело, товарищи, в ногу...», Варшавянку, Интернационал и кое других — похорон[н]ый марш. Я, как способный и любитель таковых, скоро все усвоил и был среди ребят

запевалом. Вечерами пели ка[к] на подгорах, а когда и на деревни. Милиция слышала, но исполнителей было много и было свободно.

1908 год и 1909-1910 год

Урожай были средние сена и хлеба.

1911-1912 год

Урожай всего неважный. Последний морозобитный сев был с 16 мая. Хлеб покупаем.

1913 год

Урожай хороший. 29 мешков всего с 2 1/2 душ.

1914 год

Рожь была очень плохая. Весной вода, Вычегда вытопила niskия полосы. Ячмень прихватило морозом, сев поздний. Всего 15 мешков ржи и жита.

1915 год

Весна ранняя. Хлеба и сена хорошие. Осень сухая. Ржи 8 мешков, ячм[-еня] 16 м[ешков] — всего 24 мешка урожай с 3 1/2 душ.

1916 год

Год урожайный. Уборка осенью хорошая хлеба. Ржи 8 меш[ков], ячменя 18 Меш[ков] - всего 26 меш[ков] с 3 1/2 душ.

1917 год

Урожай сей год очень хороший хлеба и сена. Весна, осень хорошие. Хлеба сняли 31 мешок.

1918 год

Весна ранняя. Вода разлилась, потом стали морозы — и во время разливу вода замерзла, так что почту и ходили в Емецк прямо по льду. Сев поздний. Рожь вытопило, а летом на 29 июня был мороз: мерзла вода на улице, и был лед на колосу хлеба много ночей. И хлеб был морозобитный, очень горький и черный, пекли в формах. Но осенью приехали интервенты-англичане, американцы⁷⁰⁶, которые и дали нам белого хлеба и на семена ячменя. Но ячмень был двухгранный, к нашей земле не пригож — сняли 13 мешков всего.

1919 год

Урожай неважной, хлеба и сена мало — 18 мешков.

1920 и 1921 год

Весна в апреле ранняя[я] против всех годов. Сев был на месяц ранне[е]: на Егорья, 23 апреля, уже досевали. За два года уродилось 58 мешков. И начали только хлеб менять на мыло и хлеб — денег нет, да их никто и не берет.

1922 год

Весна ранняя[я], урожаем всего хороший — 34 мешка.

---

⁷⁰⁶ Войска Антанты высадились в Архангельске 2 августа и в течение девятнадцати месяцев удерживали значительную территорию Архангельской губернии.

1923 год

Весна холодная, урожай плохой хлебу — 11 мешков. Сено-то уродилось, деньги не идут, все купить надо на хлеб.

1924 год

Весна теплая, урожай хлеба и сена хороший — всего 23 мешка. Хлеба хватает.

1925 год

Урожай хлеба и сена хороший — всего 27 мешков.

1926 год

Весна холодная, год был морозобитный. Урожай всего неважной — хлеба 20 мешков.

1927 год

Весна теплая, ранняя[я], и вода была большая: доходила до чичиринского дома. А на низу крайние дома Сабельникова Василья топило в помещении. У Ендюги унесло ветренную мельницу и Редевкина Алексея. Также и у нас, на низу, Ирина повредило. Но год был урожайный как сена — и хлеба 22 мешка. Хлеба нам хватает, держим 2 коровы, телят и овец 3—4 штуки.

1928 год

Урожай хороший — 30 мешков, но осень была очень мокрая. Кончали уборку поздно и в холода убирали сена в рукавицах.

1929 год

Урожай средний: хлеба 18 мешков. Сена хорошия.

1930 год

Урожай всего хороший: хлеба 30 мешков на 3 души. Сена хватает. Осень хорошия.

1931 год

Весна ранняя, урожай хлеба хороший — 20 мешков; также и сена.

1932 год

Первый год в колхозе по товариществу совместной работе. Урожай сей год плохой. Ржи совсем не было, живем старым хлебом. Уродилось всего 14 пудов ячменя и ржи. Хорошо, что есть картошка и старый хлеб.

1933 год

Весна хорошия, ранняя[я]; всходы хорошие. Урожай всему был, как хлебу и сену, хороший. С колхоза хлеба получили 42 пуда и прикупили на борана ржаной муки 2 пуда, да с усадьбы жита сняли 3 1/2 пуда.

1934 год

Весна благоприятная. Засев был хороший и урожай всего тоже, но осень замочливая. Ячмень колхозы затхлый выдавали. Всего хлеба получили этот год всех более - 126 пудов.

1935 год

Урожай в колхозе хороший и хватило хлеба своего.

1936 год, 1937-1938 год

Урожаи были хорошие как хлеба и сена.

1939 год

Урожай средний. Хлеба хватило, получили 1200 кило.

1940 год

Емца вышла и стала чистая 3 мая, Двина пошла 4—5 мая. Нижноконский мост тонул, но Короблики нет. Вода была небольшая, погода сухая. Весной сев начался с 10 мая. С 24 мая ветер пошел с севера и стоял всю весну, до 29 мая. Всходы плохие, рожь хорошая и урожаем ей был, но ячмень плох. Летом сильные жары, осень мокрая. Картошка хорошая, рыжиков очень много и ягод тоже. Хлеба по 1 к[г] 500 гр. на трудодень. Осень теплая, протяжная; во второй половины вьюги и заносы небывалые весь март. Зима суровая, холодная. Рабочими были татары из Мурманска, эвакуированные.

1941 год

Весна холодная, но урожай средний: по 1 к[г] 500 гр. на трудодень. Сена сей год уродилось очень мало, засохла трава, и было дороже: 30—35 р[уб.] пуд. На хлеба пуд давали 3 пуда сена, солома — вязанца ржаной — стоила 13-15 рублей. Я покупать ездил в Пукшеньгу: на 500 т[р]удодней было получено сена 45 пудов, соломы 15 пудов — и год на скота очень голодный. Корова от истощения по двору ползала, не могла [в]ставать. Весной рвали на межах, в навинах, ветошь. Сей год ячменных семян не уродилось. Начали в [19]41 году пахать Кротиху 23 мая под пшеницу, 20—

21 мая сеяли на рожь в Чеботихи клевер. Местами был снег, ночами морозит мороз. Сей год на Егорья и Богослова, 8 мая, в логах еще снегу много. Кротику пашет трактор Начали сев 24 мая, кончили зерновые 7 июня, картошку — 14 июня. Тепло стало с 13 июня, 16 июня садили свою картошку. Зима холодная, до 38 градусов]. Весна протяжная, первый дожд[ь] — 1 мая. 7—8—9 мая снежная вьюга, нанесло большие сугробы, снегу выкинуло до 2 четвертей. 11 мая западный теплый ветер. 13 мая Емца вскрылась, 16 мая пошла Двина в 2 часа дня. Мы работали 22 июня на лугу, на копке канав для осушки пожен, в Клинкови, за Жабозером. Когда пришел в деревню свою, услышал, что Германия напала на наш Советский Союз и жгет многи города авиацией.

1942 год

Тепло стало с 10 апреля, и 28 мая вышла Двина и начали пахать Есаульское поле под овес; отзимок был до 11 мая. Озимовые сей год вытопило порядочно водой, которая была не много меньше, чем в 1927 году. Топило молотильное гумно, которое даже плавало. Мы были на Рёлке и засеяли все овсом. Уродился он и хороший, но горький был, да и ржаного не было — так что год был голодный для нашего колхоза. А где в колхозах был посеян ячмень, то он уродился хороший, но у нас семян ячменных не было. Хлеба было по 800 гр. всего. Сев зерновых кончили 21 мая, 23 садили картошку, а уже с 29 мая садили свою картошку, которая стала 200 руб. пуд. А хлеба не [бы]ло в продаже в начале года. Зима холодная, сильные вьюги. Осенью, как замерзло, и оттепелей не было до весны. Год тяжелый, народ взят на войну.

1943 год

Сев начали с половины мая. Разлив воды небольшой, полей не топило. Урожай ржи и ячменя был хороший, который выменивали в Хаврогорах на семена. Сено уродилось тоже хорошее. Картошка дорогая — 250 р[уб]. пуд; на ней меняем у городских, которые приезжают в деревню. В городе голод — и променивают они кое-что: мыло, 400 гр. кусок, мы платили 8 килограмм] картошки, керосину давали две литры на пуд картошки. Мы достали мужского и женского белья, потому что мужчин в народе много убитых — и семейные, голодные, в городе променивали все, что можно. Народу эту зиму там мерло очень много, так что клали на кладбище кострами⁷⁰⁷ тела, от истощения.

1944 год

Зима вьюжная, теплая. Рамы внутренние не замерзали, которые с 41 года до 45 года зимами изнутри квартиры зимой закрывали — делали светомаскировки по случаю войны, чтобы свету на улицы не было. Но на деревни налетов немцев не было. Сев ранний, но с месяц был холод, ничего не всходило. И лето было всё холодное: ветер — север, за все лето 5 дней было, что ходили в рубашках, а то все в фуфайках. Но хлеб уродился очень хороший, ветер холодный у нас спас урожай от засухи. Страда сухая; картошку убрали всю сухую, насчет уборки погода хорошая все была. Рабочими были цыгане.

1945 год

Зима вьюжная, заносы тоже, нехолодная — ветер все западный. Сев погний, но лето было жаркое, хорошее. Урожай всему очень хороший, но

---

⁷⁰⁷ То есть трупы складывали поленицами (как дрова).

пошли потом всю осень дожди — и хлеба много упустили. Сена замоченного убрали до дождей — жали мокрое все. Снег, слякоть ранно; суслон⁷⁰⁸ возили по снегу и молотили после даже Нового года. Хлеба было по 1 к[г] 280 грам на трудодень. Я работал один, дочь Анна заболела, и хлеба получил мало на 240 трудодней. Два раза Анна ездила в Арханг[ельск] на рентгены: болеет от лёгких, и сошла во рту кожа. Она работала все на телятнике. Хорошо, что есть у нас еще старый хлеба, да и жена стала получать паёк, 200 гр[амм] на день, из кооператива, да не каждый день. 9 мая весной, утром, праздновали День победы над Германией, весьма народ был рад услышать такая вести по радио. Собирались на митинг у конторы колхоза, дома бывшего Марка Спехина, а теперь Пантелеева, на середки деревни. Этот год мне памятен тем, что осенью, в начале сентября, к вечеру, когда я болел головной болью, был завязавший с тряпкой холодной воды на головы, да и Анна лежала все, приехал после долгой из-за войны отлучки сын Александр Ник[олаевич], что нас так обрадовало, что остался он жив и здоров.

---

⁷⁰⁸ Суслон — сооружение, составленное для просушки из снопов.